Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии

Выпуск XVIII

Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria

Volume XVIII

Симферополь - Керчь

2013

Simferopol - Kerch

УДК 94(477.75)(082)
ББК 63.3(4Укр-6Крм)я43
М 34

Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е.Крымского Национальной академии наук Украины

Центр археологических исследований Благотворительного фонда “Деметра”

Рекомендовано к изданию Ученым советом Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины (Протокол № 2 от 30.01.2013 г.)

Редакционная коллегия:
А.И. Айбабин, д.и.н. (гл. редактор)
О.Б. Бубенок, д.и.н.
А.Г. Герцен, к.и.н.
Ф. Дайм, д.и.н. (Германия)
В.Н. Зинько, д.и.н.
Г.Ю. Ивакин, чл.-кор. НАНУ, д.и.н.
В.А. Сидоренко, к.и.н.
И.Н. Храпунов, д.и.н.
К. Цукерман, д.и.н. (Франция)

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Института востоковедения НАН Украины (Протокол № 7 от 27.11.2012 г.)

Ответственный секретарь С.И. Власова

М34 **Материалы** по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVIII. – Сб. / Отв. ред. А.И. Айбабин, В.Н. Зинько. – Симферополь-Керчь, 2013. – 608 с.
ISBN 978-966-1538-43-5

В очередной выпуск вошли статьи по археологии, истории и этнографии Таврии, подготовленные украинскими и российскими исследователями.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, а также для всех, кто интересуется историей и культурой Юга Украины.

УДК 94(477.75)(082)
ББК 63.3(4Укр-6Крм)я43

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

Свидетельство о гос. регистрации – серия КВ, № 8049, 23.10.2003 г.

© Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е.Крымского НАН Украины, 2013.
© Центр археологических исследований БФ “Деметра”, 2013

ISBN 978-966-1538-43-5

А Р Х Е О Л О Г И Я

В. Г. САМОЙЛЕНКО

КОНСЕРВАЦИОННО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ 1900 г. НА СКЛЕПАХ №№ 1013 и 1014 В ЮГО-ВОСТОЧНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА

Пристенные склепы №№ 1013-1014 располагаются в Юго-Восточном районе Херсонеса Таврического (рис. 1). Склепы открыты раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1899 г. [1, с. 7]. Погребальные сооружения вплотную пристроены к напольной стороне 16 куртины оборонительных сооружений Херсонеса и представляют собой прямоугольные комнаты, в которых вдоль стен располагались ниши для погребений (рис. 2). В верхней их части устроены площадки, в виде трех уступов, из хорошо обработанных камней. В нижней части склепов стены были сложены из бутового камня насухо [2, с. 107]. Двускатное перекрытие обоих сооружений состояло из плит. Прямоугольные отверстия для входа расположены с юго-восточной стороны. По мнению К. К. Косцюшко-Валюжинича, склепы были подземными, а на верхних площадках располагались ограда и погребальные памятники. По многочисленным находкам они датировались I-III вв. [1, с. 7].

Вскоре после открытия склеп № 1013 обрушился, а в 1900 г. был переложен (рис. 3). Как показали последние исследования, тогда же подвергся реставрационным работам и склеп № 1014. Это были первые консервационно-реставрационными работы, проведенные в ходе раскопок Херсонеса. Уникальность склепов состоит в том, что это единственные такого типа сооружения, сохранившиеся в Херсонесе in situ. После проведенных работ 1900 г. объекты заняли важное место в экспозиции городища. Однако для того, чтобы это произошло, памятники подверглись значительным конструктивным изменениям.

К вопросу о конструктивных особенностях склепов и их датировке обращались К. К. Косцюшко-Валюжинич, К. Э. Гриневич, Г. Д. Белов, И. А. Антонова, В. М. Зубарь, А. В. Буйских.

Внимание к этим объектам было вызвано не только многочисленными ценными находками I-III вв., происходящими из погребений, детальный анализ которых был сделан Г. Д. Беловым, но и возможностью выделить уровень поверхности римского времени в археологических наслоениях перибола [36, с. 115]

(рис. 4). К сожалению, на данный момент стратиграфия перибола изучена недостаточно.

В процессе консервационно-реставрационных работ на склепе № 1013 в 1970 г. И. А. Антонова предположила, что данные погребальные сооружения были наземными, и уровень входа в них определяет уровень дневной поверхности римского времени. В пользу своих предположений автор привела ряд аргументов, связанных с конструктивными особенностями склепов: «Плиты, сохранившиеся на уровне входа, представляют крупные отесанные плиты и не согласуются с указанием на то, что наружная кладка была бутовой, сложенной насухо. Скорее всего, судя по снимку, ко времени раскопок плиты внешней облицовки упали или были удалены. Само устройство склепа предполагало лицевую чистую кладку…» [4, с. 29] (рис. 5). «Шатровое перекрытие, недостаточно высокое, чтобы опираться на верх боковых стенок, сильно работало на распор и должно было иметь мощную опору» [4, с. 30]. «Во время раскопок Государственного исторического музея Н. В. Пятышевой установлено, что фундамент склепа стоит на скале… Естественно утверждать, что сооружению, находящемуся под землей, мощный фундамент, покоящийся на скале, не нужен… Тем более не было в этом необходимости для склепа, если бы его камера была в земле» [4, с. 32]. Подводя итоги своим исследованиям, автор делает вывод: «Нам кажется реалистичным предположение, что дневная поверхность времени сооружения склепов II в. н.э. находилась на уровне входных проемов в склепы, т.е. на 1,3 м ниже, а не на уровне их верхних площадок, мнение о чем прочно утвердилось в литературе» [4, с. 30]. В дальнейшем эта версия была поддержана другими исследователями [5, с. 109; 6, с. 25; 7, с. 228].

Не вдаваясь в сложный анализ стратиграфии слоев перибола, требующих дополнительных исследований, рассмотрим конструктивное устройство склепов №№ 1013 и 1014. Обращаясь к этому вопросу, мы провели предварительные исследования материалов архива Национального заповедника «Херсонес Таврический» (далее – НЗХТ). К сожалению, письменных отчетов или источников по консервационно-реставрационным работам 1900 г. мы не обнаружили. В кратком сообщении в Археологическую Комиссию К. К. Косцюшко-Валюжинич называет причину разрушения склепа № 1013 и пишет, что «гробница была им вполне восстановлена по имеющимся детальным планам, причем прежняя насухо сложенная бутовая наружная стена, вызвавшая разрушение склепа после удаления земли, его окружавшей, заменена прочной стеной из штучного камня на извести» [2, с. 108]. О проведенных работах на склепе № 1014 ничего не сообщается. Большей информативностью обладают сохранившиеся в архиве негативы. Исследование негативов позволило, по возможности, восстановить ход консервационно-реставрационных работ 1900 г. на склепах №№ 1013 и 1014 (рис. 5).

В результате выяснилось, что в ходе работ склеп № 1013 был переложен

полностью (рис. 6). Бутовая кладка стен обоих склепов частично заменена кладкой из штучного камня на известковом растворе. Под стены обоих склепов подведен фундамент до 1,7 м глубиной. Обмеры указаны с учетом современного состояния стен, глубина заложения которых составляет 3,5 м. В отчете о раскопках четко указано заложение бутовой кладки на глубину 1,95 м от нижних камней ступенчатой кладки. Две плиты, хорошо видимые на негативе № 10646 из архива НЗХТ, могли представлять собой часть площадки перед склепом № 1013 или закрывать входные отверстия в склепы [1, с. 7]. Предположение о том, что стены были облицованы плитами и имели лицевую чистую кладку, прямо противоречит описанию конструкции склепов в отчете и негативам. Верхняя часть склепов №№ 1013 и 1014 выполнена из хорошо обработанных и тщательно подогнанных плит, чем существенно отличается от ее нижней бутовой части. «Эта бутовая кладка сложена в земле, в выкопанной для гробницы яме, служила как бы ящиком для чистой плитной кладки обширного семейного склепа…» [1, с. 8]. На негативе № 14 из архива НЗХТ хорошо видны нависающие за основание нижние ряды ступенчатой кладки (рис. 7). Неравномерно выступающие камни лицевой кладки восточной стены на негативе 10645 (вход склепа № 1014) убедительно доказывают ее расположение ниже дневной поверхности времени использования склепов (рис. 8). По сути, кладка нижней части склепа является лицевой для его внутренней стороны, а снаружи служит фундаментом для перекрывающих его хорошо обработанных верхних плит. В процессе консервационно-реставрационных работ 1900 г. внешний вид входа в склеп № 1014 был полностью изменен (рис. 9). С внешней стороны он был обложен дополнительной лицевой кладкой, значительно расширяющей основание под ступенчатую кладку верхней части склепа (рис. 10).

Говоря о конструкции и расположении склепов (подземное или наземное положение), для сравнения можно обратиться к склепу некрополя Мцхеты (Грузия) аналогичного времени (рис. 11). Конструкция склепа была подземной, кроме входа, отделка которого предполагает его наземное расположение с фронтальной стороны. Фасад гробницы сложен из симметрично расположенных крупных хорошо обработанных блоков песчаника. Стена покоится на невысоком, в одну ступеньку цоколе. Верхняя часть стены увенчана профилированным карнизом, а дверной проем также окружен профилированным обрамлением. Дверной проем был перекрыт крупной архитравной плитой. Вход в склеп плотно заложен плитой [8, с. 117]. Наши склепы не имеют архитектурно оформленный вход, что также является дополнительным подтверждением их подземной конструкции.

В результате проведенных исследований можно сделать вывод о существенном изменении в конструкции и внешнем виде склепов №№ 1013 и 1014 Херсонеса Таврического после проведенных консервационно-реставрационных работ

1900 г. На основании измененных представлений о внешнем виде памятников был сделан ряд ошибочных заключений. Таким образом, проведение консервационно-реставрационных работ требует самого тщательного подхода к сохранению аутентичности объекта. Исследования новых архивных материалов позволяют вернуться и дополнительно подтвердить высказанное автором раскопок мнение о подземной конструкции склепов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет за 1899 г. // НА НЗХТ. Д. № 8.
2. *Белов Г.Д.* Римские приставные склепы №№ 1013 и 1014 // ХСб. 1927. Вып. 2.
3. *Антонова И.А.* Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. 1996. Вып.VII.
4. *Антонова И.А.* Отчет о раскопках античной протейхизмы в Юго-Восточном районе Херсонеса 1970-1971 гг. // НА НЗХТ. Д. № 2629.
5. *Кадеев В.И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981.
6. *Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. Киев, 1982.
7. *Буйских А.В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. 2008. Suppl. 5.
8. *Гриневич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч. 2 // ХСб. 1927. Вып. 2.
9. *Цицишвили И.Н.* Гробница у станции Мцхета // КСИИМК. 1954. №54.

Самойленко В. Г.

Консервационно-реставрационные работы 1900 г. на склепах №№ 1013 и 1014 в Юго-Восточном районе Херсонеса

Резюме

Пристенные склепы №№ 1013 и 1014 были открыты К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1899 г. Погребальные сооружения представляют собой комнаты с двускатным перекрытием, пристроенные к напольной стороне 16 куртины оборонительных сооружений Юго-Восточного района Херсонеса.

Склепы №№ 1013 и 1014 датировались I-III вв. и долгое время считались подземными сооружениями. В результате реставрационных работ 1970 г. И. А. Антонова предположила их наземную конструкцию. В последнее время эта версия получила широкое распространение.

Исследование материалов реставрационных работ 1900 г. из архива Национального заповедника «Херсонес Таврический» позволили определить состояние памятников сразу после раскопок. На основании проведенных исследований можно сделать вывод о существенных изменениях в конструкции и внешнем виде склепов №№ 1013 и 1014 в процессе реставрационных работ 1900 г. Исследования архивных материалов позволяют вернуться и дополнительно подтвердить высказанное автором раскопок мнение о подземной конструкции склепов.

Самойленко В. Г.

Реставраційно-консерваційні роботи 1900 р. на склепах №№ 1013 та 1014 в Південно-Східному районі Херсонеса

Резюме

Пристінні склепи №№ 1013 та 1014 були відкриті К. К. Косцюшко-Валюжинічем у 1899 р. Поховальні споруди є кімнатами з двосхилим перекриттям, прибудованими до 16 куртини оборонних споруджень Південно-Східного району Херсонеса.

Склепи №№ 1013 та 1014 датувалися I-III ст. і довгий час вважалися підземними спорудами. В результаті реставраційних робіт 1970 р. І. А. Антонова припустила їх наземну конструкцію. Останнім часом ця версія набула широкого поширення.

Дослідження матеріалів реставраційних робіт 1900 р. з архіву Національного заповідника «Херсонес Таврійський» дозволили визначити стан пам'яток відразу після розкопок. На підставі проведених досліджень можна зробити висновок про істотні зміни в конструкції і зовнішньому вигляді склепів №№ 1013 та 1014 в процесі реставраційних робіт 1900 р. Дослідження архівних матеріалів дозволяють повернутися і додатково підтвердити висловлену автором розкопок думку про підземну конструкцію склепів.

Samoilenko V. G.

Conservation and Restoration Works in 1900 in Vaults №1013 and №1014 in the South-Eastern District of Chersonesos

Summary

Wall vaults №№1013 and 1014 were opened by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich in 1899. Burial constructions are represented by rooms with an overhead cover with two sloping surfaces attached to the floor-level side of curtain 16 of the defense construction of the South-Eastern district of Chersonesos.

Vaults №№ 1013 and 1014 were dated back to the 1st-3rd centuries and were considered to be underground constructions. As a result of restoration works in 1970, I. A. Antonova assumed their ground construction. This version has become widespread.

The research of the materials of restoration works in 1900 from the archives of National preserve "Tauric Chersonesos" enabled to determine the condition of monuments just after the excavations. Basing on the undertaken research we can come to the conclusion of substantial changes in the construction and outward appearance of vaults №№ 1013 and 1014 in the process of restoration works in 1900. The research of archive materials enable to come back and reaffirm the author's opinion on underground construction of vaults.

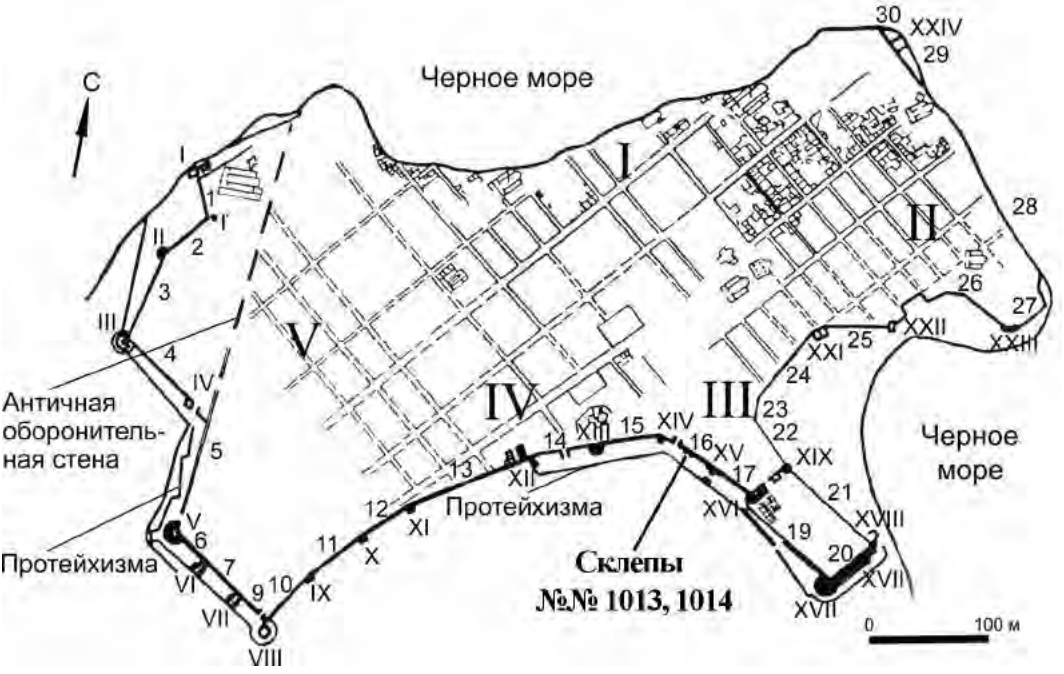


Рис. 1. План Херсонеса с указанием расположения склепов №№ 1013-1014.
I – Северный район, II – Северо-Восточный район, III – Юго-Восточный район, IV – Южный район, V – Западный район.

Рис. 2. Склепы №№ 1013-1014 в периболе (вид сверху).

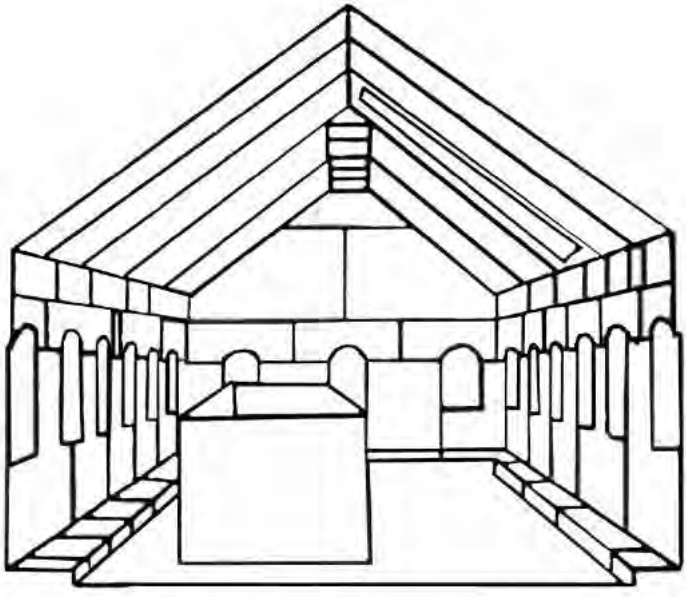


Рис. 3. Склеп № 1013 (по Г. Д. Белову).

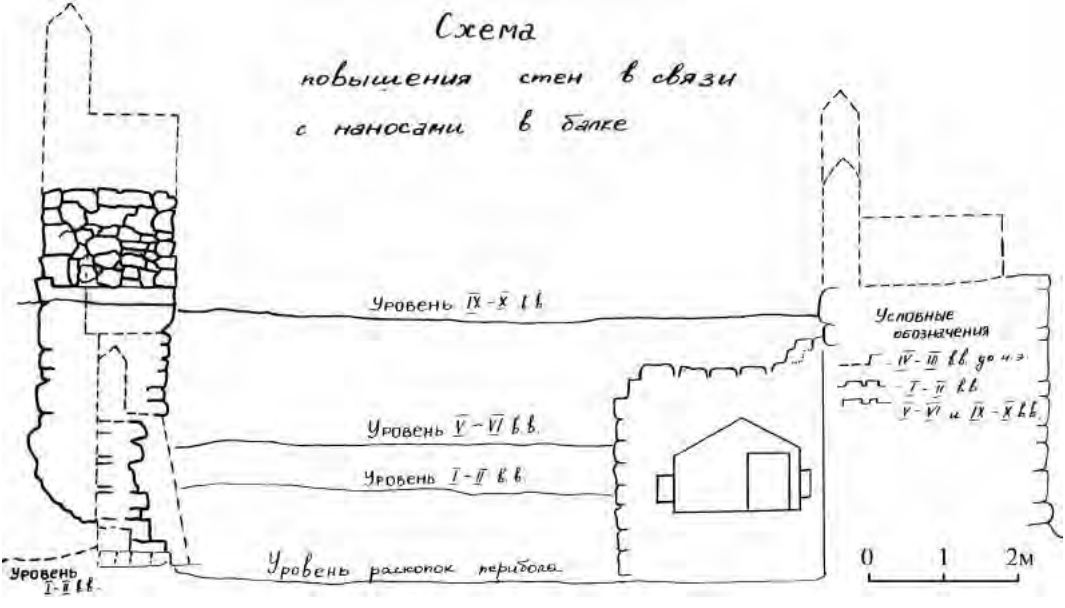


Рис. 4. Стратиграфия слоев перибола (по И. А. Антоновой).

Рис. 5. Склеп № 1013 после раскопок.

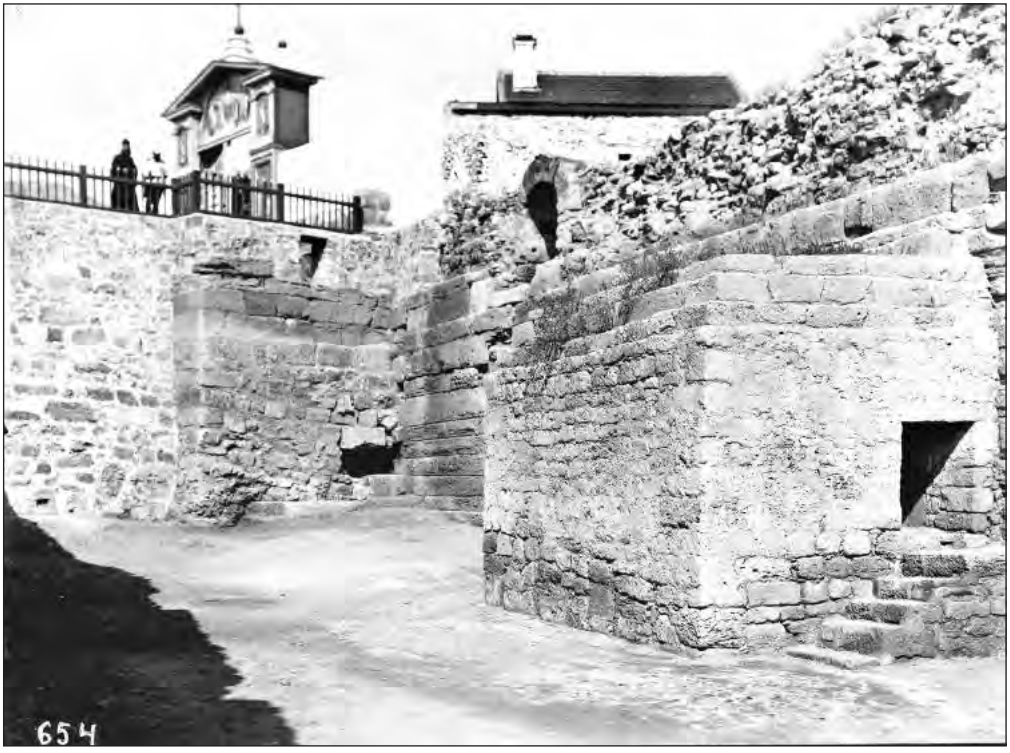


Рис. 6. Склеп № 1013 после реконструкции 1900 г.

Рис. 7. Склеп № 1014 в процессе раскопок 1900 г.

Рис. 8. Вход в склеп № 1014 в процессе раскопок 1900 г.

Рис. 9. Склепы №№ 1013-1014 после реконструкции 1900 г.

Рис. 10. Склеп № 1014 в процессе реставрационных работ.

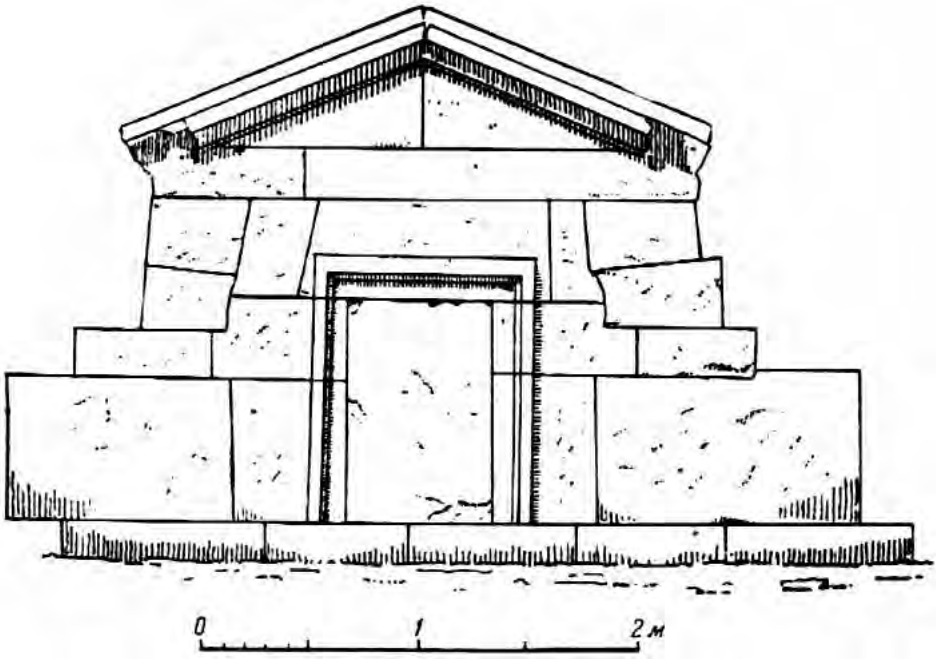


Рис. 11. Вход в склеп I-III вв. некрополя Мцхета (по И.Н. Цицишвили).

H. BUCHWALD, I. ZAVADSKAYA

EARLY CHRISTIAN BASILICAS IN CRIMEA AND THEIR NUMERIC PROPORTIONS

1. *Introduction.*

This study is a modified and expanded excerpt of a larger study which examines proportions of Christian basilicas in most regions of the Mediterranean and Black Sea basins and the Caucasus region from the 4th century to the 7th [1]. It focuses upon *numeric* rather than *geometric* proportions[1], which may also have been employed in some examples but were not investigated. The focus of this study is to determine the extent to which numeric proportions were employed in Christian basilicas of Crimea and the specific proportions which were applied; it also attempts to explain why certain proportions may have been chosen by the builders.

Early churches of Crimea, as of many other regions were frequently constructed of roughly cut ashlar masonry and large amounts of rather coarse mortar, at times with occasional bricks or brick courses; wall surfaces are thus often irregular and at times difficult to define precisely. Moreover, often only the foundations and lower masonry courses were preserved. Probably because of construction inaccuracies or preexisting site conditions walls and colonnades were not always truly straight and at times stood askew. Indeed, accuracy appears not to have been an important criteria when many early churches were erected. Thus measurements between "parallel" walls and colonnades at different locations within the basilica may yield somewhat different results. The known dimensions of the basilicas are therefore usually only approximate. Moreover, probably minor errors occurred not only in the layout of walls and colonnades but also in the application of the proportions.

Also, most of the proportions identified in the churches of Crimea (and elsewhere) were measured in published floor plans which usually simplify conditions in the field:

---

[1] In this study *numeric* proportions consist of ratios of whole numbers while *geometric* proportions are constructed of geometric configurations such as squares or circles and their derivates. Other definitions of these terms were used in Antiquity and are at times used in recent investigations.

walls are usually represented as straight lines which meet at right angles even when they are not truly straight or stand askew. At times in published floor plans components of the basilica which are unknown or not fully known are restored by conjecture and some floor plans fail to differentiate between architectural components constructed during different building phases. Moreover, distortions may occur in floor plans when they are transferred from the drawing board (or more recently from the computer) to the printed page. These limitations to the accuracy of the identified proportions must be considered in any study of proportions of early Christian basilicas. Thus the proportions provided in this study are approximate and some could be fortuitous or erroneous.[2] Nevertheless, numeric proportions were identified not only in a rather large number of basilicas but also, when possible, in different published floor plans of the same basilica, making it probable that most of the identified proportions were actually intended and employed by the builders.

In the proportions provided below the number reflecting the *width* of an architectural component comes before that reflecting the *length*. The width is always the shorter dimension and the length the longer dimension: for instance, when the proportion of the nave is 1:3, one reflects the width of the nave and three the length. Widths and lengths of building components may be measured to different points of walls and columns: the builders could measure the proportioned dimensions to the interior or exterior faces of the walls or columns or to their centers. Therefore the following abbreviations are usually provided in parentheses after numeric proportions: (cl.) for measurements of *clear* dimensions, to the inner faces of the walls or columns; (ext.) for measurements to *exterior* faces of walls; (o.c.) for measurements *on centers,* to the centerlines of walls or columns.

Since builders need not always have been consistent a proportion may be composed of dimensions measured to different measuring points; for instance, some naves are proportioned 1:3 (o.c./cl.), indicating that the width is measured to the centerlines of the colonnades and the length to the inner faces of the eastern and western nave walls. These inconsistencies could have been caused by measurements made during different construction stages, since not all dimensions need have been laid out before construction commenced. Moreover, the coordination of several proportions in the same basilica may at times have been difficult and measurement to different points of the walls or columns could have given the builders more leeway, making it easier for them to lay out the building.

2. *The Christian Basilicas.*

Although the numerous Christian basilicas excavated in Crimea seldom appear

[2] Dimensions of the local measuring system are erroneously thought by some scholars to be required before proportions can be determined; the determination of original measuring systems is not a goal of this study.

in accounts of early Byzantine architecture, they are of special interest because so many are known within a relatively limited geographic area (Fig. 1). The remains of eleven basilicas were investigated in Chersonesos in southwest Crimea (known only as Cherson since the 6th century [2, p. 43-48]), one of the largest ancient and medieval cities of the northern Black Sea coast (Fig. 2). Two basilicas were excavated in the mountains of southwest Crimea, on the plateaus of Mangup-Kale and Eski-Kermen. The early phase of a basilica in Partenit on the south coast is similar to other basilicas of Crimea. Only foundation fragments of a basilica were excavated underneath the medieval church of St. John the Baptist in Kerch, the former city of Bosporus in eastern Crimea [3, p. 388, 390]. However, remains of a basilica are known in Tyritake, a town of the former Kingdom of Bosporus. These basilicas provide an excellent "thumbnail sketch" of the evidence of numeric proportions of early Christian basilicas within a single limited well defined region.

Medieval Basilicas of Crimea differed from the early basilicas and are only occasionally referred to in this study. For instance, remains of churches with a nave, two aisles and three apses were excavated at settlements of the 8th-9th centuries near the villages Povorotnoe, Goncharnoe, Golubinka (Pampuk-Kaj hill) in southwest Crimea and in a settlement of the 8th – 11th centuries on Tepsen' hill near Koktebel' in southeast Crimea.

The basilicas are known only from excavations and their remains are limited to the lowest portions of the buildings, occasional mosaic floors and carved members. Thus only the proportions of their floor plans, not of their elevations can be determined. Many of the excavations were carried out in the 19th and beginning of the 20th century, before sophisticated archaeological methods became current and the excavations were often poorly recorded. Thus for many basilicas not only firm documentary but also archaeological evidence is scarce or absent; at times questions of chronology and specific function can be answered only generally or by conjecture. The floor plans of the excavated Christian basilicas of Crimea are very similar: most were erected with a nave, two aisles, a single projecting apse, narthex, occasionally an exonarthex and once, with an atrium. Additional apses, chapels and various ancillary facilities as well as other changes and transformations are attributed to later construction periods. Therefore usually differences in the forms of the basilicas cannot serve as chronological indicators.

Portions of some basilicas were excavated during different periods stretching over more than a century and some basilicas were re-excavated many decades after their initial, early excavation. Several floor plans of these basilicas therefore exist, at times published over a period of more than a century. Floor plans of the same basilica therefore often diverge, at times slightly but at other times considerably. The proportions were evaluated in each of the known floor plans including some which are unpublished in archives. Most proportions were identified in as many as four different floor plans and differed only minimally: for instance, in one floor plan a proportion

may have been dimensioned to wall centers while in another it was dimensioned to the clear faces of the walls, implying that the differences in the drawings represent about half the wall thickness or perhaps 0.30-0.50 m.

The largest known Christian basilica of Chersonesos and one of the most prominent, located on a bluff above the northern coastline to be seen from the open sea is **Church No. 23**[3], commonly called the **"Uvarov Basilica"** (Fig. 3). It was first excavated by Count A. Uvarov in 1853 and excavation continued intermittently until 1910; additional investigations took place in the 1970s and 1980s [4, p. 73-96; 5, p. 152; 6, p. 304-311; 7, p. 225-226; 8, p. 71]. The basilica was probably constructed after 570 as the Cathedral and may well have been dedicated to St. Peter or to Sts. Peter and Paul [9, p. 53-56; 7, p. 72-73; 10, p. 785-786]. The chronology depends upon a coin of Emperor Justin II (565-578) or Maurice (582-602) found in 1901 in a well under the west wall of the narthex [4, p. 80; 6, p. 304-306; 10, p. 768-769; 11, p. 71-73; 12, p. 273; 7, p. 225]. Other scholars have dated the basilica to the 7th century [13, c. 40, 96] and alternatively to the middle or second half of the 5th century, based primarily upon Ionic impost capitals found during the excavations [14, p. 121-125, pl. VII; 5, fig. 51, p. 160; 15, p. 47-49; 8, p. 74; 16, p. 156; 17, p. 189-190]; but the capitals can also be dated to the 6th century and need not date the church [18, p. 75, 78, № 98, 100, 127-132]. The 4th century date proposed by some scholars [19, p. 17-18] for the Uvarov as well as other Chersonesos basilicas is obsolete and not based upon adequate evidence.

The dimensions of the basilica are: exterior length with apse and both narthexes, ca. 52.50 m.; exterior width, ca. 22.40 m.; nave length ca. 30.35 m. [20, p. 149-151, fig. 44]. Its nave, aisles and inner narthex together are proportioned 1:2 (o.c./ext.); nave and aisles together, 2:3 (o.c.); nave and apse together, 1:3 (o.c./cl.); width of one aisle and that of the nave, 1:3 (cl.); width of the nave and that of the basilica, 1:2 (cl./ext.); narthex, 1:2 (ext.); width of the narthex and that of the nave, 1:1 (ext./cl.); width of the exonarthex and that of the narthex, 1:2 (o.c.). Thus all major dimensions of the basilica are coordinated by proportions composed of the first three numbers: 1:1, 1:2, 1:3 and 2:3.

Similar proportions were employed in the construction of **Church No. 13**, the **"West Basilica"** (Fig. 4), erected at the northwest edge of Chersonesos between the Ancient and Early Byzantine city walls; it could have been part of a monastic complex. The basilica was excavated in 1891, 1892 and 1901 by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich and additional investigations were carried out in 1963 by E. G. Surov [4, p. 51-73; 21, p. 29-42; 22, p. 160-181; 5, p. 160; 23, p. 327; 24, p. 39-43]. It was probably erected no earlier than the mid 6th century: a terminus post quem is provided by a coin of Justinian I and a bowl fragment Form10A LRC dated after A.D. 550 [25, p. 15] found in Cistern No. 33, used for salting fish, which was filled when the basilica was

[3] The Church numbering system is from the Imperial Archaeological Commission [21, fig. 1, a site plan of Chersonesos].

constructed [23, p. 327-329, 340-341; 26, p. 127; 27, p. 112; 28, p. 89, 92; 29, p. 114]. Some scholars dated the basilica to the end of the 5th century or the first half of the 6th century [5, p. 160-164, fig. 67; 30, fig. 1a (erroneously titled "East Basilica"); 15, p. 56-58, fig. 8]; still others dated it to the end of the 6th – beginning of the 7th century [12, p. 278; 11, p. 79, 81-83, 85, fig. 23-1 (erroneously titled Basilica 36); 24, p. 41; 10, p. 828] or to the end of the 7th – beginning of the 8th century [31, p. 537; 13, c. 60, 96]. The basilica was probably dedicated to St. Leontius since the House or Church of Saint Leontius was mentioned in the *Word about transference of the relics of St. Clement and in the Vita cum Translatione Sancti Clementis (Legenda Italica)*: according to the reasonable interpretation of A. Romanchuk, after finding the relics on the small island in Kazachia Bay a procession arrived at Cherson from the west; the first church encountered was the church of St. Sozon ("in templo S. Sozontis") close to the city wall, probably the Cruciform Church of the western suburbs; the second church, "The House or Church of Saint Leontius" ("ad ecclesiam S. Leontii"), probably the West Basilica; the third church, the Cathedral ("ad majorem basilicam"), now the Uvarov Basilica [12, p. 279-280; 7, p. 73; 10, p. 827, 847-849, 1454].

The exterior of the apse of the West Basilica is five-sided and according to the reconstruction proposed by M. Skubetov, based upon a column base found in situ in the excavations of 1901 there was an exonarthex or porch with a colonnade [21, fig. 27][4]. The length of the basilica including the apse and narthex is ca. 39.00 m.; width, ca. 20.80 m.; nave length, 28.00 m. [4, p. 56, 59; 22, p. 160-181; 24, p. 39-41; 23, p. 332, fig. 3, for the excavation plan of 1963 used to determine most proportions; 32, p. 101-103, fig. 29][5]. The basilica including the exonarthex or porch is proportioned 1:2 (o.c./ext.); nave, aisles and narthex together, 2:3 (ext./cl.) nave, aisles and apse together, 2:3 (ext./cl.) nave and apse together, 1:3 (ext.); width of the nave and that of the basilica, 1:2 (cl.); width of the north aisle and that of the nave, 1:2 (o.c.)[6]; narthex, 1:4 (o.c./cl.).

Church No. 36, the **"East Basilica"** (Fig. 5) is located at the end of a major street at the northeast edge of Chersonesos, on the brink of a bluff 12 meters above the sea; it replaced an Antique temenos, probably the sanctuary of Parthenos [33, p. 171-174]. The basilica was first excavated on the initiative of the Odessa Society of History and Antiquities in 1876; additional investigations were carried out in 1908 by R. Leper, in 1974 by S. G. Ryzhov and in 1975-1976 by M. I. Zolotarev [5, p. 165; 34, p. 162-63]. No archaeological evidence which would date the building was found but coins of Maurice (582-602) probably date one of the earliest repairs; also, fragments of amphorae and red slip ware of the end of the 6th - first quarter of the 7th century, together with mosaic tesserae were found in a well in front of the basilica [35, p. 12-19;

[4] The exonarthex does not appear in most other floor plans of the church.

[5] The plan of the basilica in the latter publication is shorter and does not conform to the measurements in the text [32, p. 101-103, fig. 29].

[6] The south aisle is narrower at the east end.

34, p. 162-63; 11, p. 75-76, fig. 18-1, 23; 36, p. 78-79; 10, p. 878]. Thus the basilica was erected before the late 6th century. Some scholars attributed it to end of the 5th or first half of the 6th century [5, c. 164, fig. 72; 30, p. 385, fig. 1-d (titled "Basilica in Uvarov Street 22"); 15, p. 68-69].

The East Basilica is poorly preserved and parts of the apse were washed into the sea. The church is somewhat smaller than the West Basilica: length including the reconstructed apse and two narthexes was ca. 36.00 m.; width, ca. 18.20 m.; nave length 20.50 m. [21, p. 44; 5, fig. 72, for the excavation plan of 1908 used to determine most proportions; 37, p. 161-162, fig. 50, is not exact and does not conform with the dimensions of the text]. The stylobates are not straight and the nave dimensions differ depending upon where they are measured; nevertheless each proportion fits the published excavation plan rather well except that of the nave. The basilica including the exonarthex is proportioned 1:2 (o.c.); nave, aisles and apse together, 2:3 (o.c.); nave, aisles and narthex together, 2:3 (o.c./cl.); nave, 1:2 (ext./cl.); width of the nave and that of the basilica, 1:2 (cl./ext.); width of one aisle and that of the nave, ca. 1:3 (cl.); narthex, 1:3 (o.c./cl.); width of the narthex and that of the nave, 1:2 (cl.); inner and outer narthexes together, 1:2 (o.c.); width of the exonarthex and that of the narthex, 1:2 (cl.). In contrast to the two previous examples the nave has the short, broad proportion 1:2. All major dimensions of the floor plan are coordinated by proportions composed of the ratios 1:2, 1:3 and 2:3.

Medium sized **"Basilica 1935"** (Fig. 6), prominently located on the northern coastline was first excavated by G. Belov in 1935. Excavation continued in 1949-1954 and 1957 by G. Belov, in 1950 by S. Strzheletskiy and in 1956-1957 by E. Zherebtsov [38; 39, p. 205-13, fig. 1, for an excavation plan in several phases used to determine the proportions; 40, p. 94-104, fig. 2; 41, p. 61-66]. It was erected no earlier than the middle or second half of the 6th century: a terminus post quem is provided by coins of Justinian I, amphorae and red slip ware fragments in archaeological strata underneath the basilica, in well B and by cisterns for salting fish which were filled up when the basilica was constructed [36, p. 80-81; 27, p. 111-13; 41, p. 65]. Other scholars have proposed dates in the first half or middle of the 6th century (or the period of Justinian I) primarily based upon the style of the marble capitals [38, p. 113; 5, p. 178, fig. 86; 30, p. 385, fig. 1-b, (incorrectly titled West Basilica); 15, p. 52-55, fig. 4-6]. A date no earlier than the mid-7th century has also been proposed based upon a coin probably of Constans II (641-668) from a cistern which, however, is located at a considerable distance from Basilica 1935 [11, p. 73, 77, fig. 18-8; 42, p. 125].

Basilica 1935 has similar dimensions to those of the East Basilica and also has an exonarthex. The length including the exonarthex is ca. 37.00-38.00 m.; width, ca. 18.50 m.; nave length, 20.80 m. The proportions are also similar. The basilica including the exonarthex is proportioned 1:2 (ext.); basilica without the apse and exonarthex, 2:3 (cl.); basilica without the narthex and exonarthex, 2:3 (ext.); nave, 1:2 (ext./o.c.); width of the nave and that of the basilica, 1:2 (cl./ext.); width of one aisle and that of the nave, 1:3 (cl.);

narthex, 1:4 (cl.); width of the narthex and that of the nave, 1:2 (o.c./cl.); central narthex unit, 1:2 (o.c./cl.); narthex and exonarthex together, 1:2 (cl./o.c.). All major dimensions of the floor plan are thus coordinated by the proportions 1:2, 1:3, 1:4 and 2:3.

Basilica 1935 was constructed over the remains of a somewhat earlier building of the end of the 4th – third quarter of the 5th centuries; it was probably a synagogue [26, p. 84] with a floor plan somewhat similar to that of Christian basilicas, but without colonnades. This building, including the apse (which stands askew) but without the reconstructed narthex is proportioned 2:3 (cl.), the same proportion employed in the later Christian basilica. Probably in the 11th-12th century period a much smaller basilica was erected in the western part of the nave of Basilica 1935; its nave was proportioned 1:2 (cl.). Similar, if not equally comprehensive numeric proportions therefore coordinated the dimensions of three buildings on the site during a period of as much as seven or eight centuries.

Church No. 14, known as the **"Basilica on the Hill"** was one of the largest basilicas of Crimea (Fig. 7); it is situated in the northwestern part of Chersonesos at the highest point of the city. Basilica 14-A, probably of the 11th century was excavated in 1890 by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich; Early Byzantine Basilica 14-B was excavated in 1973-1977 under the direction of S. A. Belyaev and excavation continued until 1983, but unfortunately the results were inadequately documented. Basilica B was built no earlier than the second quarter of the 6th century: a terminus post quem is based upon amphora fragments, red slip ware and coins of Justinian I from a well which was filled before the construction of the basilica [23, p. 336-337; 36, p. 82; 7, p. 223-224; 11, p. 85-86, fig. 18-4; 28, p. 106-116]. Some scholars have dated Basilica B to the 4th century without evidence [43, p. 125-126], or considerably later than the 4th c. because of its architectural and decorative features [15, p. 58-60, fig. 9].

The dimensions of Church No. 14 (B) are surpassed only by those of the Uvarov Basilica and (slightly) by the West Basilica: length, ca. 38.00 m.; width, ca. 22.50 m.; nave length, ca. 25.50 m. Unfortunately, Basilica B is very poorly preserved and the schematic plan published by S. A. Belyaev is inadequate for the identification of proportions [43, fig. 1]. A recent reconstructed floor plan [44, p. 111-114, fig. 33] based upon the scant excavated remains is partly hypothetical but nevertheless implies that the early phase of the Basilica on the Hill was erected employing, for the most part, numeric proportions comparable with those of other basilicas of Chersonesos. If the reconstructed floor plan is correct the basilica without the apse is proportioned 2:3 (o.c.); the basilica without the narthex, 2:3 (cl.); nave, 1:2 (ext./cl.); width of the nave and that of the basilica, 1:2 (cl./o.c.); width of one aisle and that of the nave, 1:3 (cl.); narthex, 1:4 (o.c.); width of the narthex and that of the nave, 1:2 (ext.).

Smaller but not necessarily unimportant Christian basilicas were also constructed in Chersonesos employing similar numeric proportions. One of them, located less prominently in a residential quarter is **Church No. 15**, called the **"Basilica in a Basilica"** (Fig. 8). It was excavated down to the level of its mosaic floors in 1889 and 1890

by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich; excavation under the floors was carried out in 1972-1975 by S. G. Ryzhov [45, p. 14-15; 46, p. 32; 47, p. 290-99, fig. 1-2, for a floor plan which was probably distorted during publication; 48, fig. 1, for the excavation plan of 1973 used to identify most proportions; 5, p. 172, 175, fig. 82, with plans which are not as reliable]. Basilica No. 15 was erected in the 6th century probably during the reigns of Justinian I (527-565) or Justin II (565-578): a coin with a monogram of Justinian I or Justin II was found under the north aisle mosaic floor [48, p. 3, 26; 36, p. 82]. Some scholars have dated the basilica to the 6th century [5, p. 172-175; 47, p. 294; 49, p. 55-56; 13, p. 49; 12, p. 282; 11, p. 73-76, fig. 22; 50, p. 123] or to the late 5th or early 6th century based primarily upon carved ornamentation [15, p. 60-65, fig. 10-13].

Although the area west of the narthex was not excavated it is unlikely that Basilica No. 15 had an exonarthex. The basilica length is ca. 27.00 m; width, ca. 18.50 m.; nave length, ca. 17.50 m. The walls stand slightly askew and the basilica is somewhat wider at its east end. The basilica is proportioned 2:3 (cl.); nave and aisles together, 1:1 (o.c./cl.); nave, 1:2 (cl.); width of the nave and that of the basilica, 1:2 (cl./o.c.); width of one aisle and that of the nave, 1:3 (cl.); narthex, 1:4 (o.c.); width of the narthex and that of the nave, 1:2 (ext./cl.); corner bays of the narthex, 1:1 (cl.). Thus all major dimensions of the floor plan were coordinated by the proportions 1:1, 1:2, 1:3 and 2:3.

The floor plan of the much smaller medieval aisled basilica built into the ruins of the Basilica in a Basilica probably in the 11th century was also numerically proportioned, if somewhat less comprehensively. Nave, aisles and narthex together are proportioned 2:3 (ext.); nave, aisles and apse together, 2:3 (ext.); nave and aisles together, 1:1 (ext./cl.); nave, 1:2 (ext.); nave and apse together, 1:3 (cl./o.c.); narthex, 1:3 (cl.). These proportions appear to have been inspired by those of the earlier basilica: perhaps the builders of the medieval basilica were familiar with the application of numeric proportions and studied the floor plan of the earlier building.

Church No. 22, known as the **"North Basilica"** is among the smaller basilicas of Chersonesos; it is located on the northern coastline between the Uvarov Basilica and Basilica 1935 (Fig. 9). First excavated in 1893 by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich, additional investigations were carried out in 1981 by S. G. Ryzhov [51, p. 53-56; 21, p. 27-29, fig. 22; 5, p. 168, fig. 75; 30, fig. 1-c (erroneously titled Basilica 1935); 52; 53, p. 67; 15, p. 51, fig. 3; 11, p. 73, 76, fig. 23-3; 54, p. 145-147, fig. 43]. In the absence of archaeological evidence scholars have dated the basilica to the 6th century by analogy with other Chersonesos basilicas. Northern portions of the basilica were washed into the sea but the floor plan has been reconstructed based upon symmetry and the dimensions of the earlier excavation plans, for instance the excavation plan of 1893 by M. I. Skubetov [published in: 21, fig. 22] and the plan of 1893 with the addition of a narthex [published in: 5, fig. 75, used to determine the proportions]. No plan of the excavation of 1981 was published [52, fig. 2].

The length of Church No. 22 was ca. 25.00 m.; width, ca. 19.00 m.; nave length, ca. 16.00 m. An evaluation of the available floor plans implies that the nave, aisles

and apse together are probably proportioned 2:3 (ext./cl.); nave, aisles and narthex together, 2:3 (ext./cl.); nave and aisles together, 1:1 (cl./ext.); nave, 1:2 (cl./ext.); width of the nave and that of the basilica, 1:2 (cl.); width of one aisle and that of the nave, 1:2 (ext.); narthex, 1:4 (ext./o.c.); width of the narthex and that of the nave, 1:3 (cl.). All major dimensions of the basilica were thus apparently coordinated by the proportions 1:1, 1:2, 1:3, 1:4 and 2:3.

Some basilicas of Chersonesos were very poorly preserved but are presented here because an evaluation of the remains and the available evidence implies that they were erected employing numeric proportions similar to those of the better preserved basilicas reviewed above. **Church No. 28**, for instance, one of the smaller basilicas of Chersonesos stood on the main square (Antique agora) in the center of the city together with five other churches with different floor plans (Fig. 10). Basilica No. 28 and some of the other churches were first excavated in 1861; additional investigations were carried out in 1890-1892 and 1896 [55, p. 14-15; 56, p. 172-173; 21, p. 61-63, fig. 43, 44]. When a new Cathedral was erected on the square in the 1870s-1890s the aisles and narthex of Basilica No. 28, as well as other nearby churches were completely destroyed [21, p. 61; 5, p. 169, n. 2]. Basilica No. 28 was partially reconstructed on the site after ca. 2000[7]. In the absence of firm archaeological evidence the basilica is dated by some scholars to the 6th century by analogy with other Chersonesos basilicas [5, p. 168-72, fig. 79; 11, p. 77-78, fig. 20; 57, p. 83-84] or, based upon the style of the capitals, to the first half of the 6th century [15, p. 65-67, fig. 14-15].

The length of the basilica was ca. 26.00-27.00 m.; width, ca. 16.00-17.00 m.; nave length, ca. 16.00 m. D. Ainalov published excavation plans of 1861 (fig. 44) and 1890-1891 (fig. 43), but as he noted the plan of 1890-1891 has an inexact scale [21, p. 61, n. 1]; the plan of some of the churches on the main square published by A. Jacobson based upon the plan of 1861 also has an inexact scale [5, fig. 79]. A recent reconstruction plan attempts to reconcile the previous plans [58, p. 172, fig. 55]. According to the first excavation plan of 1861, which appears to be the most accurate, the basilica was proportioned 2:3 (ext./cl.); nave and aisles together, 1:1 (ext./o.c.); nave, which was preserved better than the exterior walls, 1:2 (cl.); width of the nave and that of the basilica, 1:2 (cl.); width of one aisle and that of the nave, 1:3 (cl./o.c.); narthex, 1:4 (o.c.); width of the narthex and that of the nave, 1:2 (ext.). As reconstructed the proportions of Church No. 28 are similar to those of the Basilica in a Basilica with the exception of the narthex; the proportions 1:1, 1:2, 1:3, 1:4 and 2:3 coordinate all major dimensions of the church.

Basilica 1932, located on the north coast near Basilica 1935 is also poorly preserved (Fig. 11). Its dimensions and proportions are very similar to those of Church No. 28. It

[7] As in some of the other basilicas of Crimea (Basilica Nos. 7, 22, 23, 36 and Partenit) the wall over the stylobate, here reconstructed on the site and shown in some floor plans, is a medieval addition.

was first excavated down to floor level in 1932 by G. D. Belov; additional excavation was carried out in 1967 under the floors in the apse and nave, in 1978 under the mosaic floor of the south aisle and in 1979 in the north aisle [59, p. 202-267; 60, p. 8-9, 14-19; 61, p. 3-4; 62, p. 6-13]. Basilica 1932 was probably built no earlier than the middle or second half of the 6th century: a terminus post quem is provided by archaeological evidence from well B and a cistern which was filled when the basilica was constructed [63, p. 316-322; 36, p. 81-82; 64, p. 57-60]. The basilica has been attributed to the 6th century or the beginning of the 7th by analogy with other Chersonesos basilicas [59, p. 232; 5, p. 176-177; 7, p. 227] and to the beginning of the 6th century based upon architectural ornamentation and misunderstood stratigraphic data [15, p. 55-56].

The length of Basilica 1932 is ca. 26.00 m.; width, ca. 16.50 m.; nave length, ca. 16.00 m. measured on the major axis, since the apse and east wall stand askew [5, p. 175-176, fig. 84]. It is apparently proportioned 2:3 (ext.); nave and aisles together, 1:1 (ext.); nave, 1:2 (cl./ext.); width of the nave and that of the basilica, 1:2 (cl./ext.); width of one aisle and that of the nave, ca. 1:3 (cl.); narthex, 1:4 (o.c.); width of the narthex and that of the nave, 1:2 (ext./cl.); central unit of the narthex, 1:2 (ext./cl.). Its major dimensions were thus apparently coordinated by the proportions 1:1, 1:2, 1:3, 1:4 and 2:3.

Church No. 7, usually known as the **"Kruze Basilica"**[8] is the smallest known Early Christian basilica of Chersonesos; it is located at the crossing of two streets near the southeast edge of the city (Fig. 12). The first official, documented excavation was carried out in 1891 by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich [65, p. 10-11; 21, p. 67-70; 5, p. 188-190, fig. 91; 11, p. 74, 78, 82, fig. 21-2]. The Austrian-Ukrainian expedition of 1998 continued excavation [66, p. 229-247] and in 2005 archaeological investigations were renewed [67, p. 198-212]. The basilica was probably built during the reign of Justinian I. The date is based upon archaeological finds including coins of Justinian I from a cistern in front of the basilica entrance which was filled when the basilica was built [67, p. 208-209]. Some scholars have attributed the church to ca. 500 [15, p. 69-70, fig. 17-18], and to the 5th century based upon its triconch sanctuary [5, p. 188-190] but basilicas with comparable triconch sanctuaries were also constructed in the 6th century [68, p. 266-268].

The Kruze Basilica is unusual because of its triconch sanctuary with unequally sized, somewhat smaller flanking exedras[9]. The outer walls of the church are extremely thick, ranging between ca. 1.20 and 1.30 m., much greater than wall thicknesses of much larger basilicas, which often range between ca. 0.70 and 1.00 m. The great wall thickness could be explained by assuming that the church was partially vaulted (aisles,

[8] The basilica is named after Naval Officer Karl Kruze because it is assumed, without adequate substantiation, that he initially excavated it in 1827 [21, p. 51, 69; 66, p. 230-232].

[9] A small church with a triconch sanctuary which has been lost once stood next to the Uvarov Basilica [70, p. 59-61, fig. 86].

apse and narthex) but also by the fact that the church was built on fill above a slope [66, p. 237; 67, p. 202]; similar wall thicknesses of 1.20-1.30 m. were employed in the construction of the Basilica on the Hill, which also stands on a slope [43, p. 116-117]. Graves which may be roughly contemporary with the church were found in the narthex [69, p. 290-306].

The length of the Kruze Basilica is 24.40 m.; width, 17.70 m.; nave length, ca. 10.70 m. [67, p. 204]. The basilica is apparently proportioned 2:3 (cl./o.c.); nave, aisles and narthex together, ca. 1:1 (o.c./ext.); nave, aisles and apse together, ca. 1:1 (ext./cl.); nave and apse together, ca. 1:2 (o.c./cl.); width of the nave and that of the basilica, 1:2 (cl.); width of one aisle and that of the nave, 1:3 (cl.); narthex, 1:4 (ext./o.c.); radius of the south exedra and that of the central exedra, 1:2 (cl.). Thus the proportions, 1:1, 1:2, 1:3, 1:4 and 2:3 coordinate all major dimensions of the building.

Our understanding of the proportions of early basilicas in Crimea can be expanded by considering churches beyond Chersonesos. The remains of three basilicas were studied in Southwest Crimea. In Early Byzantine times the Dory region, inhabited by Alans and Goths was located in the mountains and on the south coast between the mouth of the Chernaya River on the outskirts of Sevastopol and Aluston (now Alushta), a fortress built during the reign of Justinian I. Dory was under the political and cultural influence of Cherson and its local Christian communities were subordinate to the Bishop of Cherson until the formation of a Diocese of Gothia [71, p. 615-626]. The fortress of Doros, located on Mangup Kale, a vast mesa-like plateau about 24 km. east of Cherson was the political centre of this region.

The largest known basilica of the Dory region, probably the Church St. Constantine and Helena was located near the center of **Mangup Kale** (Fig. 13). It was excavated in 1890 by F. A. Braun, in 1912-1914 by R. Leper and in 1938 by M. Tikhanova; intermittent excavations which were not adequately published continued from the end of the 1960s until the present [72, p. 18-19; 73, p. 76-77, 146-149; 74, p. 334-389; 75, p. 304-307; 76, p. 30-40; 77, p. 307-318]. Based upon similarities to the Chersonesos basilicas and upon the style of its marble carving most scholars dated the building to the period of Justinian I [78, p. 73; 74, p. 387; 79, p. 205-216, fig. 1; 5, p. 195, fig. 99, 1]. However, it was probably erected no earlier than the second half of the 6th century, the period when the Byzantine fortress on the plateau was constructed [26, p. 114; 29, p. 104; 80, p. 387]. Other proposed dates and sequences remain unsubstantiated and lack evidence [81, p. 3-4; 77, p. 315-316]. The basilica was probably in use until the end of the 15th or 16th century and was rebuilt repeatedly but its original floor plan was similar to that of the basilicas of Chersonesos [79, p. 212-214; 74, p. 336]: it had a nave, two aisles, a projecting single apse, narthex, as well as two outer side aisles which flank the basilica on both sides [79, p. 205-216, fig. 1; 30, p. 386-393, fig. 3a; 82, fig. 1]. The Uvarov Basilica, Basilica on the Hill and West Basilica had single outer side aisles which flanked the south aisle, and these outer side aisles could, but need not necessarily have been contemporary with the basilicas. The apse differed from most in

Chersonesos only because it was three-sided on the outside. A small apse was added to the east end of the south aisle no earlier the 10th century [83, p. 296].

The length of the basilica at Mangup Kale is ca. 31.50 m.; width without the outer side aisles, ca. 19.00 m.; nave length, 20.00 m. [79, p. 207, fig. 1; 82, fig. 1, for the floor plan in which the proportions were determined]. The basilica including the outer side aisles, without the apse, is proportioned 1:1 (cl.); the basilica without the outer aisles, 2:3 (ext./cl.); nave, aisles and narthex together, 2:3 (cl./o.c.); nave, aisles and apse together, 2:3 (cl./ext.), nave, 1:2 (ext./cl.); width of the nave and that of the basilica, 1:2 (o.c.); nave and apse together, 1:3 (cl./o.c.); width of one aisle and that of the nave, 1:2 (o.c.); narthex, 1:3 (ext./o.c.); width of the narthex and that of the nave, ca. 1:2 (cl.). Thus all major dimensions were coordinated by the proportions 1:1, 1:2, 1:3 and 2:3.

A small basilica was located in the center of **Eski Kermen**, a mesa-like plateau in forested hills about 20 km. east of Chersonesos (Fig. 14). A Byzantine fortress was built there at the end of the 6th century which was transformed into a medieval city, inhabited until the end of the 13th century [84, p. 43-49; 29, p. 104; 85, p. 129-150]. The remains of the basilica were known as early as the 16th century but the first excavations were carried out in 1930 [86, p. 25-29; 87, p. 213-253; 79, p. 217-219]. Additional investigations and excavations behind the north wall took place in 1979-1980 under E. Parshina [88, p. 36-59; 89, p. 99-113]. Probably the basilica was built at the same time as the fortress at the end of the 6th century [84, p. 45; 85, p. 136-137] but some scholars have attributed it to the 5th or 6th century because of similarities with the basilicas of Chersonesos [79, p. 219; 5, p. 195-196; 30, p. 393, fig. 3-b], or to the 8th century based upon erroneous attributions of the Chersonesos basilicas to the 8th-10th c. period [88, p. 50].

Originally the floor plan of the basilica at Eski Kermen was probably similar to those of the basilicas of Chersonesos but in the 11th-12th century period the east end was rebuilt with three somewhat elongated apses [88, p. 50, fig. 1; 89, p. 108]. Its floor plan has been restored with column locations adjusted to a hypothetical grid [88, p. 50, fig. 10-13; 89, pl. I] but some of the proportions identified in the excavation plan [88, fig. 1] do not fit the restorated floor plan. The length of the basilica is ca. 24.00 m.; width, 13.00 m.; nave length, ca. 12.50-13.00 m. [89, p. 104]. In its later state the nave, aisles and major apse together are proportioned 2:3 (cl.); nave and aisles together, 1:1 (o.c./cl.); nave (up to the major apse), 1:3 (cl.); width of the nave and that of the basilica, 1:2 (ext./cl.); length (e.-w.) of the sanctuary bay and length of the nave, 1:3 (cl.); narthex, 1:3 (o.c.). The continuity in the application of numeric proportions over several centuries which was observed, for instance, in Basilica 1935 and the Basilica in a Basilica is underlined when evaluating the proportions of the basilica at Eski Kermen since the proportions include architectural components added during the medieval period. Nevertheless, most of these proportions could have been present already in the original basilica.

A small basilica is located at the foot of Ayu Dag mountain on the outskirts of **Partenit**, on the coast about 140 km (measured along the coastline) east of Chersonesos (Fig. 15). The basilica was first excavated in 1871 by an artist, D. M. Strukov. New excavations took place in 1907 under the archaeologist N. I. Repnikov [90, p. 37-39; 91, p. 91-140] and additional investigations of some parts of the basilica and adjacent monastic structures in 1998-2001 [92, p. 21-24; 93, p. 35-41; 94, p. 6-8]. Partenit basilica was apparently part of the Monastery of the Apostles, connected with St. John, Bishop of Gothia in the second half of the 8th century.

The report published by N. Repnikov [91, p. 91-140] contains the most detailed description of the monument, much of which is now under the earth. His fig. 8 provides a detailed excavation plan in which the original basilica, later reconstructions, additions and the proportions were identified. The original basilica probably had a nave, two aisles, a single projecting apse and narthex. The aisles were separated from the nave either by marble columns, or more probably by piers, since the piers were constructed of the same material as the walls, Inkerman ashlar [91, p. 99, fig. 8]. A number of columns and capitals appear to have been brought to the site from Chersonesos; however, they may not actually have been used in the original basilica, perhaps because of a change in plans during construction [95, p. 304-307]. Probably builders from Chersonesos took part in the construction of the basilica at Partenit because the Inkerman ashlar blocks were brought from the vicinity of Chersonesos and the basilica is similar to those of Chersonesos. Usually the original basilica is dated to the second half of the 8th century [91, p. 97; 96 , p. 49-50; 30, p. 402, fig. 8; 26, p. 208-209; 29, p. 196] but it could have been built in the 7th or beginning of the 8th century when Partenit probably appeared as a Market Town [95, p. 299-313]. Alternatively, based upon excavations of 1998-2001 which are not completely published it may have been constructed no earlier than the end of the 9th – beginning of the 10th centuries [93, p. 41; 94, p. 6-7].

Among the numerous later changes to the original basilica are: the addition of apses to the side aisles; separation of the side aisles from the nave by walls between piers; cross walls in the side aisles; the almost complete reconstruction of the exterior walls. One of the rearrangements of the basilica, probably dated to the 9th-10th centuries based upon archaeological evidence, resulted in the isolation of the eastern parts of the aisles, which were furnished with apses. According to an epigraphic source of 1427 the church was restored by Damian, Metropolitan of Gothia in that year. Probably in the 16th century a small church was built into the eastern part of the nave [95, p. 299-315, with bibliography].

According to the plan published by N. Repnikov the length of the basilica is ca. 17.20 m.; width, 11.80 m.; nave length, almost 9.90 m. The basilica is proportioned 2:3 (ext.); nave and aisles together, 1:1 (cl.); nave, 1:2 (o.c./cl.); width of the nave and that of the basilica, 1:2 (ext.); nave and apse together, 1:3 (cl./ext.); width of one aisle and that of the nave, 1:2 (cl.); narthex, 1:3 (o.c.); width of the narthex and that of the nave,

1:2 (cl./o.c.). Thus all major dimensions are coordinated as comprehensively as those of the basilicas of Chersonesos by the proportions 1:1, 1:2, 1:3 and 2:3.

Only portions of a small basilica were excavated at **Tyritake** (Fig. 16) south of modern Kerch at the east end of Crimea, but the remains are of interest because they provide an insight into proportions applied in the former Kingdom of Bosporus, which was incorporated into the Byzantine Empire under Justinian I [97, p. 202; 26, p. 97]. Tyritake basilica was excavated in 1936-1937 by V. Gaidukevich [97, p. 190-204; 98, p. 67-72]. Some scholars have dated the basilica to the period of Justinian I based upon the historical context [97, p. 199-203; 5, p. 197; 26, p. 97; 29, p. 89] or to the end of the 5th or beginning of the 6th century based upon the style of its marble details [98, c. 95-96]. Parts of the exterior walls, foundation walls, foundations of the stylobates and one column base, but neither the apse nor narthex were found. Most walls stand somewhat askew and the proportions are therefore approximate. The interior width of the basilica is ca. 9.00 m.; nave length, ca. 11.00 m. [97, p. 191, fig. 1]. Nave and aisles together are proportioned ca. 1:1 (ext./cl.); nave, ca. 1:2 (o.c./cl.); width of the nave and that of the basilica, ca. 1:2 (o.c./ext.); width of one aisle and that of the nave, ca. 1:3 (cl.). Thus even though the evidence is scanty, each of the known, approximate proportions of the basilica at Tyritake is comparable with proportions common in basilicas of Chersonesos and the surrounding regions.

3. *Conclusions.*

Currently the remains of 16 early Christian basilicas are known in Crimea, but in this study only 14 basilicas were reviewed.[10] They include the largest, most prominent and best known, as well as small and probably less significant examples. A majority of them are sufficiently well preserved and recorded to evaluate their major floor plan dimensions. The major dimensions of each of these basilicas were coordinated employing numeric proportions and thus the application of numeric proportions must have been well known to architects and builders of early Christian basilicas in Crimea.

The almost complete lack of firm documentary evidence prevents a precise and reliable evaluation of the Christian basilicas of Crimea in terms of chronology, specific church function and patronage. Chronologies have been proposed by some scholars based upon excavated carved architectural ornamentation which was not found in situ. Such dates are not reliable because architectural carving of the 5th-6th century period can only seldom be dated with precision and because in provincial regions such as Crimea carving styles may have persisted long after they originated elsewhere. Moreover, carved members were at times installed or reused during undetermined

[10] The exceptions are Chersonesos Basilica No. 17 and the Bosporus basilica in Kerch. The excavation of Church No. 17 in 1889 remained incomplete; only a schematic plan [45, p. 14; 100, p. 36, pl. III,17; 21, p. 97] but not a detailed floor plan were published. As outlined above the Bosporus basilica under the medieval church of St. John in Kerch was almost completely lost.

periods after their initial production. Multiple use of architectural marble carving was widespread[11].

Nevertheless, many reviewed basilicas have been reasonably attributed to the 6th and early 7th centuries based partly upon archaeological evidence. In Chersonesos one basilica is reasonably interpreted as a cathedral, others as parish and monastic churches and some perhaps had memorial functions. The sizes of the basilicas vary considerably between Church No. 23, the Uvarov Basilica with a nave length of ca. 30.35 m. to quite small basilicas such as Church No. 7, with a nave length of no more than ca. 10.70 m. Some basilicas were located in prominent sites such as the main city square, the end of a major street or high seaside bluffs as landmarks to be seen within the city or from the sea, while others were located in residential quarters where they were seen only locally. Basilicas with numeric proportions were erected in Chersonesos, the major city of the region and at sites which are remote, such as Mangup Kale, Eski Kermen, Partenit and Tyritake. Thus as far as may be judged based upon the existing evidence numeric proportions were employed in the Christian basilicas of Crimea regardless of chronology, specific function, size, importance and location.

Numeric proportions were employed in many variations in Christian basilicas located from the Iberian peninsula to the Caucasus region and from Egypt to France [1, Chapter1]. The reasons for the use of numeric proportions in the examples of Crimea can therefore not be clarified fully by an evaluation of the evidence in Crimea alone: rather, the question, why these proportions were used in Christian basilicas must be explored within a broad scope beyond the goals of the present study [1, Chapters 2-9; 103, p. 1-22].

Nevertheless, a number of observations concerning the numeric proportions employed in the Christian basilicas of Crimea provide important insights. For instance, the reviewed evidence indicates that the numeric proportions employed were composed only of the first three or four numbers. The application of these proportions on site was therefore feasible even if the builders had only a rudimentary education and little understanding of mathematics. In practice the application of the proportions would have required only basic measuring equipment such as cords or rods and simple rules of thumb using numbers which could be counted on the fingers of one hand. We may only speculate whether the architects and builders of Crimea thought of these rules of thumb as "proportions" or of the relationships between the numbers they employed as numeric ratios: perhaps some did.

The floor plan proportions of seven of the 14 reviewed basilicas are composed only of the first three numbers. Other numbers could have been employed in the vertical proportions of the basilicas, and the limitation to the first three numbers could have

[11] For the unreliability of church dates based upon marble details: [101]; for a corpus of the Early Byzantine architectural carving of Chersonesos: [102].

been fortuitous or unintended. But it is also possible that the first three numbers were given priority because of their importance in Christian symbolism.

Early Christian Crimea had strong links with Constantinople, the Balkan east coast and Asia Minor through trade across the Black Sea and these links could have been reflected in the building forms of its Christian basilicas; indeed, several scholars referenced above have emphasized links between the early church architecture of Crimea and that of Constantinople [68, p. 261-279]. A comparison of the proportions of basilicas in Crimea with those of the capital and other Black Sea regions is therefore of interest.

As one example, the floor plan proportions of Church No. 15, the Basilica in a Basilica are almost the same as those of the Church of St. John of the Studius Monastery in Constantinople [104, figs. 12-19, for the most comprehensive published plans; 105, fig. 6, for a partially dimensioned floor plan of 1975; 106, p. 19-27, figs. 5-10, pls. 3-16, for more current illustrations; 107, p. 143-58, for additional bibliography and further illustrations; 108, p. 115, for the date of the church, ca. 453]. The floor plan of St. John's, including the apse and narthex is proportioned 2:3 (ext.); nave and aisles together, 1:1 (o.c./cl.); nave, 1:2 (cl.); width of one aisle and that of the nave, 1:2 (ext./o.c.); narthex, 1:4 (ext./cl.); narthex central unit, 1:2 (o.c.). Many of these proportions also occur in other Christian basilicas of Constantinople and they may therefore be thought of as characteristic of the known basilicas of the capital. For instance, Basilica C at Beyazit (without the apse) is proportioned 2:3; nave and aisles together are proportioned (almost) 1:1 and the nave is proportioned 1:2 in Basilicas A and C at Beyazit. The width of one aisle and that of the nave are proportioned 1:2 in St. John's, but 1:3 in Basilica C at Beyazit [106, p. 68-73, fig. 37; 107, p. 28-33; 109, p. 96-98, fig. 2, for the floor plan in which the proportions were identified; 110, p. 163-167, fig. 1] and in the partially preserved Church of the Virgin Chalkoprateia [111, p. 149-157[12]; 112, p. 587-594, pls. 298, 299, 304], implying that the proportion 1:3 was also common in basilicas of the city. Most major floor plan proportions of the rather well preserved Metropolitan Church at Nessebar (Mesembria) on the Black Sea coast of Bulgaria are similar [113, p. 2-13, figs. 3-10, pls. 1-2, with dimensions; 114, p. 321-346, figs. 1, 2, 13][13]: the basilica including apse and narthex is proportioned 2:3; nave and aisles together, 1:1; nave, 1:2, width of one aisle and that of the nave, 1:2.

These rather short, broad Constantinopolitan proportions are echoed in Crimea not only in Church No. 15 but also in Churches No. 7 (the nave and apse together are proportioned 1:2, even shorter and broader than naves proportioned 1:2), No. 22,

[12] W. Kleiss reconstructs the south aisle with a clear width of 5.80 m. and of the nave with a clear width of 17.20 m., providing the proportion ca. 1:3; however, other parts of his restored floor plan are largely hypothetical because the church remains are insufficiently known.

[13] S. Boyadchiev assumes that the preserved basilica with piers is a reconstruction of an earlier basilica with column supports and dates Phase I to the 5th century.

No. 28, Basilica 1932, the basilica at Tyritake and the medieval basilica inside Church No. 15; in each (except Tyritake) the proportion of the church, at times without the apse or without the narthex is 2:3; in most the proportion of the nave is 1:2; in five the proportion of the nave and aisles together is 1:1. The nave is proportioned 1:2 in five other basilicas of Crimea: Churches No. 14, No. 36, Basilica 1935 and the basilicas at Mangup Kale and Partenit.

In other basilicas of Crimea elongated proportions were employed which are similar not to those common in Constantinople but rather, to those of some of the basilicas of Asia Minor. Church EA at Sardis [103, p. 20-24, Table 3; 115, p. 300-302, fig. 10; 116] and a number of other basilicas of Asia Minor [103, p. 6-7] were erected with the basilica, including apse and narthex proportioned 1:2, nave and aisles together, 2:3 and the nave, 1:3. In Crimea Churches No. 13, 36 and Basilica 1935 are proportioned 1:2 as is Church No. 23 without the apse and outer narthex; nave and aisles together are proportioned 2:3 in Church No. 23. The nave is proportioned 1:3 in the basilica at Eski Kermen and nave and apse together 1:3 in Churches No. 13 and No. 23, Mangup Kale and Partenit.

Thus some architects and builders of Christian basilicas in Crimea could have been influenced by construction practices of Constantinople, the east coast of Bulgaria and Asia Minor in their use of numeric proportions. Certainly the proportions common in Constantinople are more prevalent. Of course a strong impact of these practices is probable only in those churches which follow the examples of the capital, Mesembria or Asia Minor rather closely such as Church No. 15 and, to a lesser degree Church No. 23.

But the numeric proportions of basilicas in Crimea cannot simply be divided into two groups or categories each of which reflects, more or less extensively, the one or the other distant "model". For instance, the entire floor plan of Church No. 36 is proportioned 1:2 as is common in Asia Minor, but its nave is proportioned 1:2 as is common in Constantinople. Similarly the entire basilica at Partenit is proportioned 2:3 and the nave 1:2, proportions common in the capital, but nave and aisles together are proportioned 2:3 as in many basilicas of Asia Minor. At Eski Kermen nave, aisles and major apse together are proportioned 2:3 and nave and aisles together, 1:1, reminiscent of Constantinopolitan practice, but the nave is proportioned 1:3 as is more common in Asia Minor.

Moreover, the nave proportion 1:2 could at times have been chosen for functional or aesthetic reasons: in a nave proportioned 1:2 more worshippers are closer to the chancel or to a solea than in a nave with the same capacity proportioned 1:3, and in very small basilicas a nave proportioned 1:3 may be too narrow in appearance or too narrow to function properly. A nave proportioned 1:2 appears to be more harmonious but less dynamic than one proportioned 1:3. Be that as it may, the prevalent proportion of the nave in basilicas of Crimea was clearly 1:2 (10 of 14 examples). While the nave and apse together are proportioned 1:3 in four basilicas, only the nave of the basilica at Eski Kermen is proportioned 1:3, and that proportion could have been determined

when the three apses were constructed in the medieval period. The prevalence of naves proportioned 1:2 in Christian basilicas of Crimea is unusual since in many regions, for instance Asia Minor, Armenia, Syria and Jordan naves proportioned 1:2 are rare or even unknown.

Functional reasons could have been responsible for dimensioning the width of the side aisle and that of the nave. When the width of one aisle and that of the nave is proportioned 1:3 rather than 1:2 relatively more worshippers are located in the nave than in the side aisles and can therefore observe the ceremonies without the hindrance of the colonnades. Without considering the interior furnishings and disregarding the question, who occupied the side aisles (men, women or cathechumen?) if the width of the side aisle and that of the nave is proportioned 1:2 half the worshippers will be located in the nave, while if the proportion is 1:3 two thirds of them will be located in the nave. The width of the side aisle and that of the nave was proportioned 1:3 in nine of the 14 reviewed basilicas of Crimea, again an unusual prevalence since the proportion 1:3 was employed only seldom if at all in many other regions. The width of one aisle and that of the nave was proportioned 1:3 in Churches No. 15 and No. 23, the first with the relatively short, broad proportions of Constantinople and the latter with the elongated proportions prevalent in Asia Minor, clearly confirming that the basilicas of Crimea cannot be neatly categorized by supposed influences.

Similarly the prevalent proportion of the narthex in the basilicas of Crimea is 1:4 (7 of 14 examples), a proportion employed in the narthex of St. John's in Constantinople and in that of Church EA at Sardis. Indeed, narthex proportions in Crimea were apparently chosen not (or not only) because of distant models or workshop rules of thumb, but also because of functional demands. Since the length of the narthex was usually determined by the width of the basilica, a narthex proportioned 1:4 (for instance, Church No. 13) provided relatively less space than a narthex proportioned 1:3 (for instance, Partenit), and a narthex proportioned 1:2 (Church No. 23) provided more space than a narthex with the same length proportioned 1:3 or 1:4. Indeed, Church No. 23 is a case in point: since it is the largest known basilica of Crimea if its narthex had been proportioned 1:4 it would have been the largest narthex of the region; but with the decision to employ the proportion 1:2 the capacity of the narthex was doubled, implying that it was important to the builders (and patrons) to contain as many worshippers as possible in the narthex. Thus the proportion of the narthex was apparently at times adjusted to the anticipated number of worshippers who would congregate there; that number, in turn, apparently differed if the basilica functioned as a cathedral or as a memorial, parish or monastic church.

Whether the proposed functional reasons for the proportions of the nave, narthex and width of the aisles were requested by the clergy, perhaps in response to specific local or changing needs is of great interest, but that question can be answered only by further investigation beyond the goals of the present study.

Some quite common proportions of the Christian basilicas of Crimea appear to

have been based not upon any of the proposed reasons outlined above but simply upon rules of thumb. For instance the width of the nave and that of the basilica is 1:2 in each of the reviewed basilicas and the width of the narthex and that of the nave is 1:2 in 8 of the 14 reviewed examples.

The dimensions and proportions of the East Basilica and Basilica 1935 are quite similar to each other as are those of Church No. 28 and Basilica 1932. Even though three of these buildings are poorly preserved and some dimensions are approximate, in each pair probably the same work crews were responsible for the construction of both basilicas during roughly the same periods. The similarities may probably be explained by continuity in workshop practices as well as by similar spacial and financial requirements.

Still, even though the floor plans of the Christian basilicas of Crimea are very similar and many of the proportions are also quite similar, the proportions of most basilicas differ at least somewhat: for the most part the proportions were not applied as templates, or normative formulas as they appear to have been in some basilicas, for instance, of Asia Minor and Jordan. Rather, in Crimea within somewhat limited parameters numeric proportions appear usually to have been tailored specifically to each basilica. In each basilica the choice of numeric proportions was probably based upon reasons which are quite complex. In most basilicas the application of proportions probably did not depend directly upon an impetus from outside the region, but rather upon preexisting site conditions, the size, importance and special function of the basilica, symbolic references, traditional rules of thumb, well known local ongoing construction procedures and perhaps at times personal preferences of the architect, the builders, the clergy or the patrons.

BIBLIOGRAPHY

1. *Buchwald H.* On Tetractric Proportions in Christian Basilicas (work in progress).
2. *Храпунов Н.И.* О средневековом названии города Херсона // Восток-Запад: Межконфессиональный диалог. Сборник научных трудов. Севастополь, 2003.
3. *Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1997. Вып. VI.
4. *Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК. 1902. Вып. 4.
5. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. Вып. 63.
6. *Завадская И.А.* Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I.
7. *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
8. *Кленина Е.Ю.* Уваровская базилика (№ 23) // Wszesnobizantyjskie budowle sakralne Chersonezu Taurydzkiego. Poznan, 2004.
9. *Латышев В.В.* Жития свв. епископов херсонских // ЗАН. 1906. № 3.

10. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 2.
11. *Romanchuk A.I.* Studien zur Geschichte und Archaeologie des byzantinischen Cherson // Colloquia Pontica. Leyden; Boston, 2005. 11.
12. *Romancuk A.* Zur Geschichte des im Kultbaus im früh- und mittelbyzantinischen Cherson // АДСВ. Свердловск, 1998.
13. *Домбровский О.И.* Византийские мозаики Херсонеса Таврического / Под ред. А.Б. Бернацки, В.А. Кутайсова. Poznan, 2004.
14. *Измайлова Н.В.* Византийская капитель в Херсонесском музее // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1927. I.
15. *Pülz A.* Die frühchristliche Kirchen des taurischen Chersonesos/Krim // Mitteilungen zur Christlichen Archäologie. 1998. 4.
16. *Khroushkova L.* Chersonesos in the Crimea: the Firsty Christian Buildings (4th -5th Centuries) // Antiquité Tardive. 2008. N. 16.
17. *Хрушкова Л.Г.* Проконесский мрамор в Херсонесе Таврическом: капители с тонким зубчатым аканфом // ВВ. 2011. Т. 70(95).
18. *Vemi V.* Les chapteaux ioniques à imposte de Grèce à l'époque paléochrétienne. Ecole Française d'Athènes, 1989.
19. *Беляев С.А.* Христианская топография Херсонеса. Постановка вопроса, история изучения и современное положение // Церковные древности. VII Рождественские чтения. Сборник докладов. М., 1999.
20. *Medeksza S.* Bazylika Uwarowska (nr 23) // Wszesnobizantyjskie budowle sakralne Chersonezu Taurydzkiego. Poznan, 2004.
21. *Айналов Д.В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. 1.
22. *Суров Е.Г.* Отчет о раскопках в северо-западной части Херсонесского городища в 1963 г. // НА НЗХТ. Д. 1138.
23. *Завадская И.А.* Раннесредневековые храмы западной части Херсонеса // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
24. *Кленина Е.Ю.* Западная базилика (№ 13) // Wszesnobizantyjskie budowle sakralne Chersonezu Taurydzkiego. Poznan, 2004.
25. *Hayes J.W.* Introduction. The Study of Roman Pottery in the Mediterranean: 23 years after Late Roman Pottery // Ceramica in Italia: VI-VII secolo. Cura Sagui L. Firenze, 1998.
26. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
27. *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
28. *Голофаст Л.А.* Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
29. *Ajbabin A.I.* Archäologie und Geschichte der Krim in bzyantinischer Zeit // Monographien der Römische Germanischen Zentralmuzeums. Band 98. Mainz, 2011.
30. *Jacobson A.L.* Krim // Reallexikon byzantinischer Kunst. Stuttgart, 1995. 5.
31. *Домбровский О.И.* Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3.
32. *Medeksza S.* Bazylika Zachodnia (nr 13) // Wszesnobizantyjskie budowle sakralne Chersonezu Taurydzkiego. Poznan, 2004.

33. *Буйских А.В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. 2008. Suppl. 5.
34. *Романчук А.И.* Херсонес XII-XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986.
35. *Золотарев М.И.* Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1976 г. // НА НЗХТ. Д. 1836.
36. *Завадская И.А.* Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
37. *Medeksza S.* Bazylika Wschodnia (nr 36) // Wszesnobizantyjskie budowle sakralne Chersonezu Taurydzkiego. Poznan, 2004.
38. *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-1936 гг. Крымиздат, 1938.
39. *Жеребцов Е.Н.* К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // ВВ. 1963. XXIII.
40. *Завадская И.А.* Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса «Базилика 1935 г.» в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
41. *Седикова Л.В.* Базилика 1935 года // Wszesnobizantyjskie budowle sakralne Chersonezu Taurydzkiego. Poznan, 2004.
42. *Романчук А.И.* Раннесредневековые комплексы Херсонеса // From Late Antiquity to Early Byzantium. Praha, 1985.
43. *Беляев С.А.* Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса (по материалам раскопок 1973-1977 гг.) // ВВ. 1979. Т. 40.
44. *Medeksza S.* Bazylika na wzgorzu // Wszesnobizantyjskie budowle sakralne Chersonezu Taurydzkiego. Poznan, 2004.
45. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1889 г. СПб., 1892.
46. Раскопки Херсонеса // ОАК за 1890 г. СПб., 1893.
47. *Рыжов С.Г.* Новые данные о “базилике в базилике” // Античный мир. Византия. Харьков, 1997.
48. *Рыжов С.Г.* Отчет о раскопках “Базилики 1889 г.” в 1972-1974 гг. // НА НЗХТ. Д. 1640, 1641.
49. *Рыжов С.Г.* Базилика в базилике // Wszesnobizantyjskie budowle sakralne Chersonezu Taurydzkiego. Poznan, 2004.
50. *Medeksza S.* Bazylika w bazylice (nr 15) // Wszesnobizantyjskie budowle sakralne Chersonezu Taurydzkiego. Poznan, 2004.
51. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1893 г. СПб., 1895.
52. *Рыжов С.Г.* Отчет о раскопках «Северной базилики» в 1981 г. // НА НЗХТ. Д. 2226.
53. *Рыжов С.Г.* Северная базилика // Wszesnobizantyjskie budowle sakralne Chersonezu Taurydzkiego. Poznan, 2004.
54. *Medeksza S., Rozpedowski J.* Bazylika Polnocna // Wszesnobizantyjskie budowle sakralne Chersonezu Taurydzkiego. Poznan, 2004.
55. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1892 г. СПб., 1894.
56. Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 г. // ОАК за 1896 г. СПб., 1899.
57. *Седикова Л.В.* Базилика на площади у нового собора // Wszesnobizantyjskie budowle sakralne Chersonezu Taurydzkiego. Poznan, 2004.
58. *Medeksza S.* Bazylika na placu przy Soborze // Wszesnobizantyjskie budowle sakralne Chersonezu Taurydzkiego. Poznan, 2004.

59. *Белов Г.Д.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. 1941. № 4.
60. *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1967 г. // НА НЗХТ. Д. 1243.
61. *Белов Г.Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1978 г. // НА НЗХТ. Д. 2021.
62. *Калашник Ю.П.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1979 г. // НА НЗХТ. Д. 2169.
63. *Голофаст Л.А.* К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
64. *Седикова Л.В.* Базилика 1932 года // Wszesnobizantyjskie budowle sakralne Chersonezu Taurydzkiego. Poznan, 2004.
65. Раскопки Херсонеса // ОАК за 1891 г. СПб., 1893.
66. *Золотарев М.И, Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Пиллингер Р., Пюльц А.* Раскопки т.н. «Базилики Крузе» в Херсонесе (украинско-австрийский проект) // ХСб. 2003. Вып. XII.
67. *Ушаков С.В.* «Базилика Крузе» в Херсонесе: основные итоги исследований // Причерноморье в средние века. СПб., 2011. VIII.
68. *Завадская И.А.* О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
69. *Ушаков С.В.* Когда были сооружены могилы в нартексе Базилики «Крузе» в Херсонесе? // Сугдейский сборник. Судак, 2010. Вып. IV.
70. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1904 г. СПб., 1907.
71. *Айбабин А.И.* Некоторые аспекты истории Готской епархии в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
72. Раскопки на Мангупе // ОАК за 1890 г. СПб., 1893.
73. *Лепер Р.* Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. Вып. 47.
74. *Тиханова М.А.* Базилика // МИА. 1953. № 34.
75. *Бармина Н.И.* Мангупская базилика // АДСВ. 1973. Вып. 10.
76. *Бармина Н.И.* К изучению Мангупской базилики (история исследования) // АДСВ. 1975. Вып. 11.
77. *Бармина Н.И.* Хронология Мангупской базилики (опыт изучения) // АДСВ. 2005. Вып. 36.
78. Раскопки на Мангупе // ОАК за 1913-1915 гг. Петроград, 1918.
79. *Якобсон А.Л.* Из истории средневековой архитектуры в Крыму. Мангупская базилика // СА. 1940. VI.
80. *Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ. Т. 51: Византия в контексте мировой культуры: материалы конференции, посвященной памяти А.В. Банк. СПб., 2010.
81. *Бармина Н.И.* Место и значение Мангупской базилики в истории Дороса-Мангупа-Феодоро // Научные чтения, посвященные столетию со дня рождения проф. М.Я. Сюзюмова, 21-23 сентября 1993 г. Тез. докл. Екатеринбург, 1993.
82. *Бармина Н.И.* Раскопки Мангупской базилики в 2005 г. // АДСВ. 2008. Вып. 38.
83. *Бармина Н.И., Шилюк Н.А.* Раскопки в районе Мангупской базилики // Археологические открытия 1977 г. М., 1978.
84. *Айбабин А.И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
85. *Айбабин А.И.* Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.

86. *Шмит Ф.И.* Отчет Эски-керменской экспедиции // Сообщения ГАИМК. 1931. № 7.
87. *Шмит Ф.И.* Эски-Керменская базилика // ИГАИМК. Готский сборник. 1932. Т. XII.
88. *Паршина Е.А.* Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. К., 1988.
89. *Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А.* Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. К., 2002.
90. *Струков Д.* Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876.
91. *Репников Н.И.* Партенитская базилика // ИАК. 1909. Вып. 32.
92. *Адаксина С.В., Кирилко В.П., Мыц В.Л.* Археологические исследования храма монастыря Святых апостолов Петра и Павла в Партените на Южном Берегу Крыма // Отчетная археологическая сессия за 1998 г. СПб., 1999.
93. *Адаксина С.В., Кирилко В.П., Мыц В.Л.* Археологические исследования в Партените в 2001 г. // Отчетная археологическая сессия за 2001 год. СПб., 2002.
94. *Адаксина С.В.* Аю-Даг – Крымский Афон // Византия в контексте мировой истории. Материалы научной конференции, посвященной памяти А.В.Банк. СПб., 2004.
95. *Завадская И.А.* О строительных периодах храма св. Апостолов Петра и Павла в Партените // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
96. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964.
97. *Гайдукевич В.Ф.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940. VI.
98. *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
99. *Зинько В.Н., Зинько А.В.* Тиритака в V-VI вв. // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
100. *Бертье-Делагард А.Л.* Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12.
101. *Репников Н.И.* О датах базилик Крыма // Архив ИИМК. Ф. 10. Д. 3.
102. *Biernacki A.B.* Wczesnobizantyjski element i detale architektoniczne Chersonezu Taurydskiego // Architektura wszesnobizantyjskich budowli sakralnych Chersonezu Taurydzkiego. Poznan, 2009.
103. *Buchwald H.* Christian Basilicas, Proportions, Pythagoras and Vitruvius // ΣΥΜΜΕΙΚΤΑ. Collection of Papers Dedicated to 40th Anniversary of the Institute of Art History, Faculty of Philosophy, University of Belgrade / Ed. by Ivan Stevović. Beograd, 2012.
104. *Millingen A.V.* Byzantine Churches of Constantinople. London, 1912.
105. *Thieme Th.* Metrology and Planning in the Basilica of Johannes Stoudios // Le dessin d'architecture dans les societes antiques. Actes du Colloque de Strasbourg 26-28 Janvier 1984. Universite des Sciences Humaines de Strasbourg. Travaux de Centre de Recherche sur le Proche Orient et la Grece Antiques. 8.
106. *Mathews T.F.* The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. University Park and London, 1971.
107. *Mathews T.F.* The Byzantine Churches of Istanbul. University Park and London, 1976.
108. *Mango C.* The Date of the Studius Basilica in Istanbul // Byzantine and Modern Greek Studies. 1978. 4.
109. *Eyice S.* Les basiliques byzantines d'Istanbul // CorsiRav. 1979. 26.
110. *Firatli N.* Découverte de trois églises byzantines a Istanbul // CahArch. 1951. 5.
111. *Kleiss W.* Neue Befunde zur Chalkopratenkirche in Istanbul // Istanbuler Mitteilungen. 1965. 15.
112. *Kleiss W.* Neue Befunde zur Chalkopratenkirche in Istanbul // Akten des 7. Kongresses für Christliche Archäologie, 1965. Studi di Antichita Cristiana. 1969. 27.

113. *Rashenov A.* Eglises de Mesémbria. Sophia, 1932.
114. *Boyadchiev S.* L'ancienne église métropole de Nesebar // Byzantino-Bulgarica. 1962. 1.
115. *Buchwald H.* The Geometry of Middle Byzantine Churches and Some Possible Implications // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1992. 42.
116. *Buchwald H.* The Churches of Sardis. Churches E and EA (Cambridge MA, expected 2013).
117. *Гриневич К.Э.* Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р.Х. Лепера // ХСб. 1930. Вып. III.

Бухвальд Г., Завадская И.

Ранние христианские базилики в Крыму и их числовые пропорции

Резюме

Данная статья является измененной и расширенной выдержкой из более масштабного исследования, посвященного изучению пропорций христианских базилик большинства регионов Средиземноморского и Черноморского бассейнов и Кавказа с IV по VII столетия [1]. Оно сосредоточено на числовых, а не геометрических пропорциях, которые, возможно, также использовались в некоторых объектах, но до сих пор не исследовались. Числовые пропорции состоят из отношений целых чисел, в то время как геометрические пропорции построены на геометрических конфигурациях, таких как квадраты или круги и их производных. Цель этой статьи состоит в том, чтобы определить, в каких пределах использовались числовые пропорции в христианских базиликах Крыма, какие специфические пропорции здесь применялись; а также попытаться объяснить, почему те или иные пропорции могли быть выбраны строителями.

В статье определены числовые пропорции 14 базилик Крыма: из них 10 базилик Херсонеса, по одной базилике на плато Мангуп-Кале и Эски-Кермен в Юго-Западном Крыму, в Партените, на южном побережье и в Тиритаке, на восточной оконечности Крыма. Большинство изученных базилик датируются VI – началом VII вв., главным образом, на основании археологических свидетельств.

Большинство размеров каждой из этих базилик и некоторых более поздних базилик, построенных на руинах ранних (например, Базилики в базилике), были скоординированы с использованием числовых пропорций, которые, следовательно, были хорошо известны архитекторам и строителям ранних христианских базилик Крыма. Исходя из имеющихся данных, числовые пропорции применялись в крымских базиликах независимо от хронологии, специфических функций, размера, важности и местоположения. Они были составлены, как правило, из первых трех или четырех чисел. Поэтому использование этих пропорций на месте было вполне реальным, даже если строители имели лишь начальное образование.

Пропорции базилик Крыма сходны с пропорциями базилик Константинополя, Малой Азии и восточной части Балкан. Таким образом, некоторые архитекторы и строители христианских церквей в Крыму использовали числовые пропорции, возможно, под влиянием строительных методов этих регионов.

Тем не менее, числовые пропорции крымских базилик не могут быть просто раз-

делены на группы или категории, каждая из которых отражает ту или иную отдаленную «модель». Многие церкви объединяли «столичные» и «малоазийские» пропорции. Кроме того, иногда на выбор пропорций могли влиять функциональные или эстетические факторы.

Хотя планы христианских базилик Крыма очень похожи и многие из пропорций также сходны, пропорции большинства базилик, по крайней мере, в какой-то степени отличаются. Из этого следует вывод, что по большей части пропорции не применялись как нормативные формулы, шаблоны. При строительстве каждой базилики выбор числовых пропорций определялся комплексом причин. В большинстве базилик применение пропорций, вероятно, не зависело напрямую от внешнего импульса, а скорее, от существующих местных условий, размера, важности и специальных функций базилики, символических связей, традиционных практических правил, хорошо известных местных многовековых строительных методов и, возможно, иногда от личного предпочтения архитектора, строителей, духовенства или патронов.

Бухвальд Г., Завадська І.

Ранні християнські базиліки у Криму та їх числові пропорції

Резюме

Ціль даної статті полягає у визначенні ступеню поширення використання числових (на відміну від геометричних) пропорцій у християнських базиліках Криму, а також у тому, щоб виявити специфічні числові пропорції, які тут застосовувалися; крім того, спробувати пояснити, чому ті чи інші пропорції могли бути обрані будівниками. Були визначені числові пропорції 14 базилік Криму: серед них 10 у Херсонесі, по одній на плато Мангуп-Кале и Ескі-Кермен у Південно-Західному Криму, у Партеніті, на Південному березі та у Тиритаці, на сході Криму. Більшість досліджених базилік датуються VI – початком VII ст. головним чином на підставі археологічних свідчень.

Більшість розмірів кожної з цих базилік (а також деяких пізніх базилік, побудованих на руїнах ранніх) були скоординовані з використанням числових пропорцій, які, таким чином, були добре відомі архітекторам та будівельникам кримських базилік. Базуючись на існуючих даних, числові пропорції використовувалися незалежно від хронології, специфічних функцій, розміру, важливості та місцезнаходження. Незважаючи на те, що пропорції базилік Криму подібні пропорціям базилік Константинополя, Малої Азії та східної частини Балкан, пропорції кримських базилік не можуть бути розділені на групи чи категорії, кожна з яких відображає ту чи іншу віддалену «модель». Багато базилік Криму об’єднували у собі «столичні» та «малоазійські» пропорції.

Плани, а також багато пропорцій базилік Криму дуже схожі, тим не менш пропорції більшості базилік у деякій мірі все ж відрізняються: зазвичай вони не використовувалися як нормативні формули, шаблони. При будівництві кожної базиліки вибір числових пропорцій залежав від комплексу причин. Використання пропорцій вірогідно напряму не залежало від зовнішнього імпульсу, а скоріше, від існуючих місцевих умов, розміру, важливості та спеціальних функцій базиліки, символічних зв’язків, традиційних практичних правил, добре відомих місцевих багатовікових будівельних методів та, можливо, іноді від особистої переваги архітектора, духівництва чи патронів.

Buchwald H., Zavadskaya I.

Early Christian Basilicas in Crimea and their Numeric Proportions

Summary

The focus of this study is to determine the extent to which numeric (as opposed to geometric) proportions were employed in Christian basilicas of Crimea and which specific numeric proportions were applied; it also attempts to explain why certain proportions may have been chosen by the builders. Numeric proportions were identified in 14 basilicas of Crimea: 10 in Chersonesos, two on the plateaus of Mangup-Kale and Eski-Kermen in southwest Crimea, one in Partenit on the south coast and one in Tyritake, south of modern Kerch at the east end of Crimea. Most reviewed basilicas have reasonably been attributed to the 6th and early 7th centuries based largely upon archaeological evidence.

The major dimensions of each basilica (and of some later basilicas constructed over the ruins of the earlier ones) were coordinated employing numeric proportions. Based upon the existing evidence they were employed in basilicas regardless of chronology, specific function, size, importance and location. While some of the proportions are similar to those of Constantinople, the Balkan east coast and Asia Minor, the basilica proportions of Crimea cannot be divided into categories which reflect the one or the other distant "model": many basilicas of Crimea combine proportions common in the capital with different proportions common in Asia Minor.

The floor plans of the Christian basilicas of Crimea are very similar and many of the proportions are also quite similar, but the proportions of most basilicas differ at least somewhat: they were not usually applied as normative formulas. The reasons for the choice of numeric proportions in each basilica were probably complex: the proportions probably did not usually depend directly upon an impetus from outside the region, but rather upon well known local ongoing construction procedures, traditional rules of thumb, practical advantages, preexisting site conditions, the size and importance of the basilica, special functional or liturgical demands, symbolic or magical references, and perhaps at times personal preferences of the architect, the builders, the clergy or the patrons.

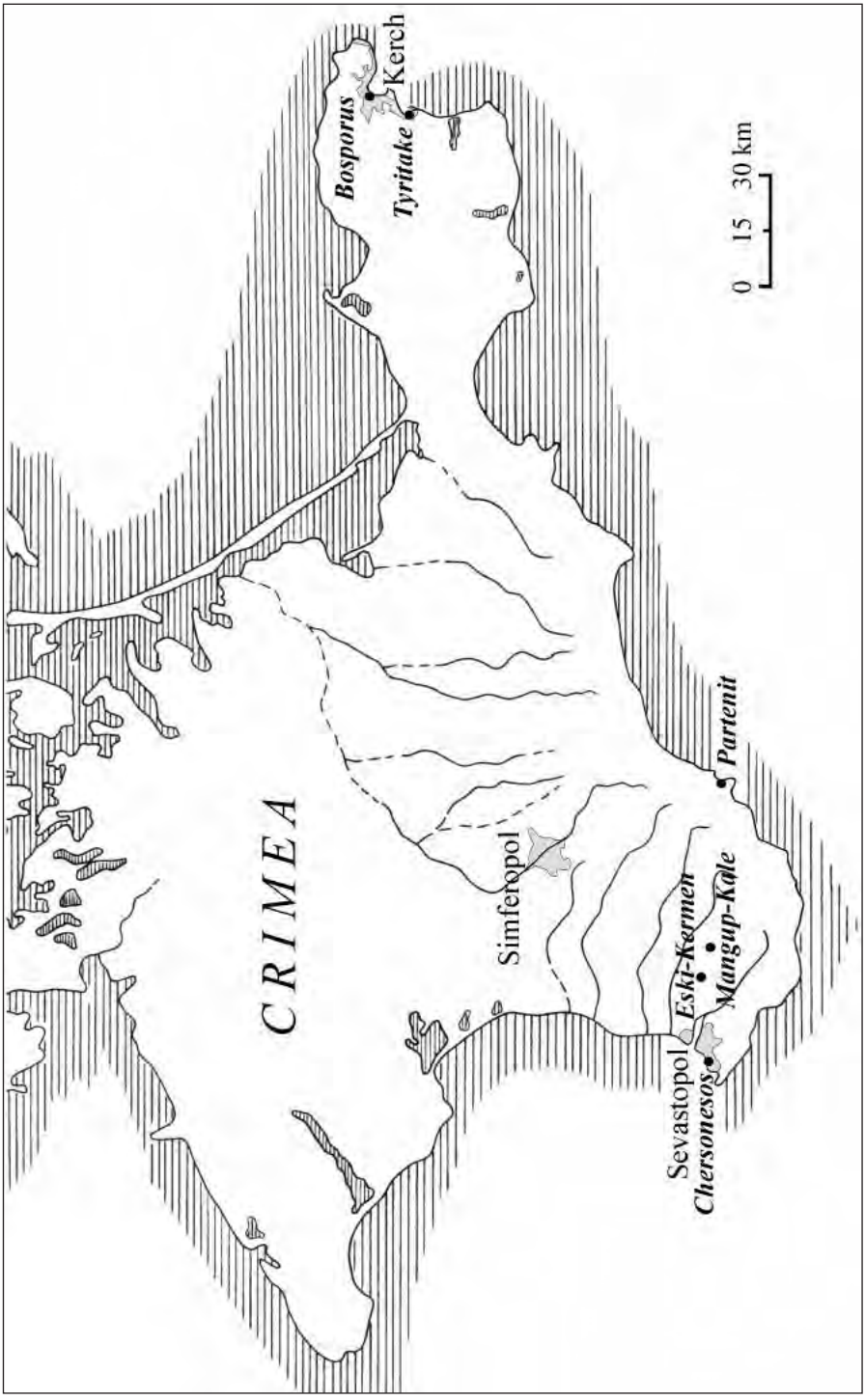


Fig. 1. Map of Crimea.

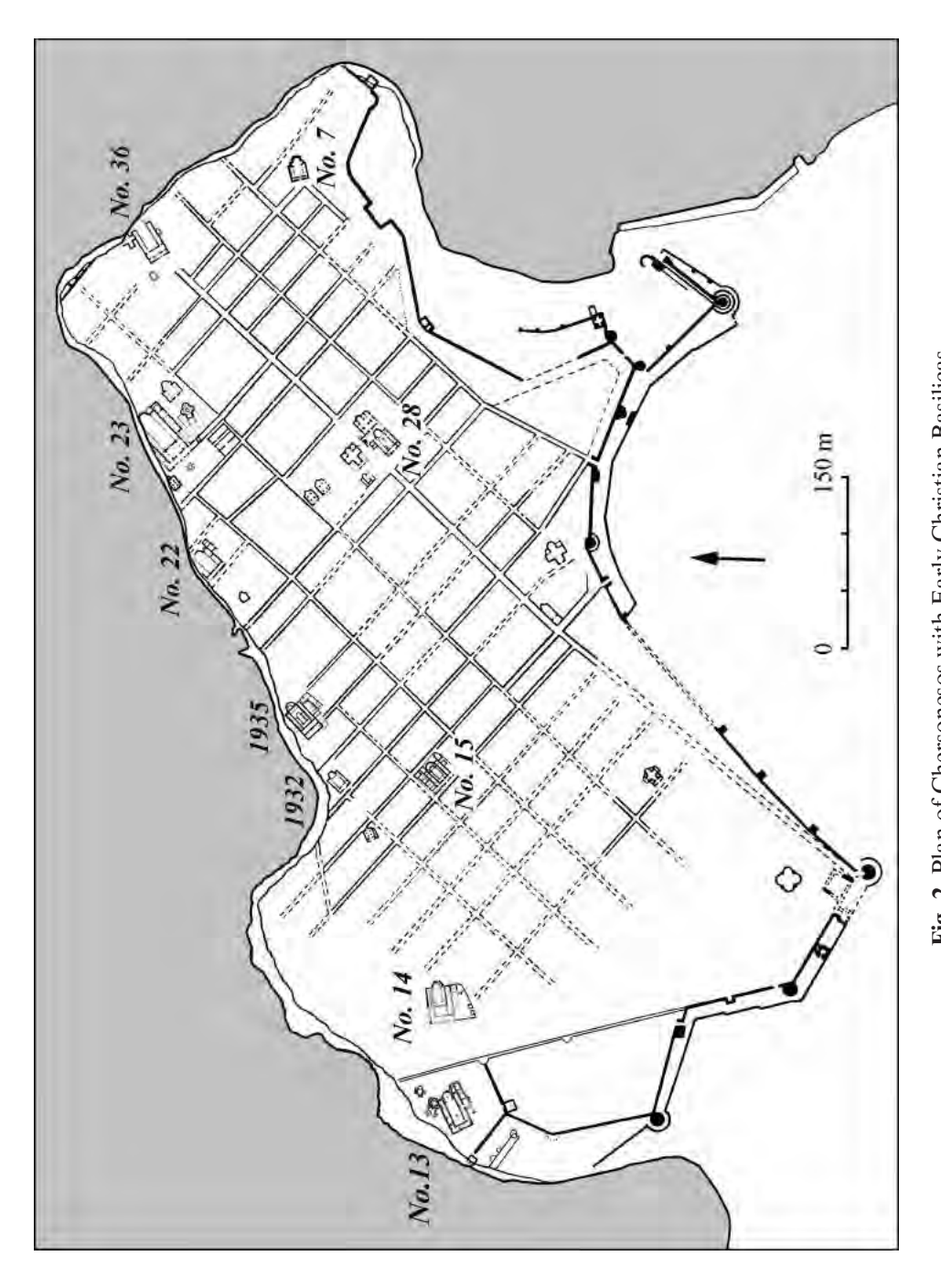


Fig. 2. Plan of Chersonesos with Early Christian Basilicas.

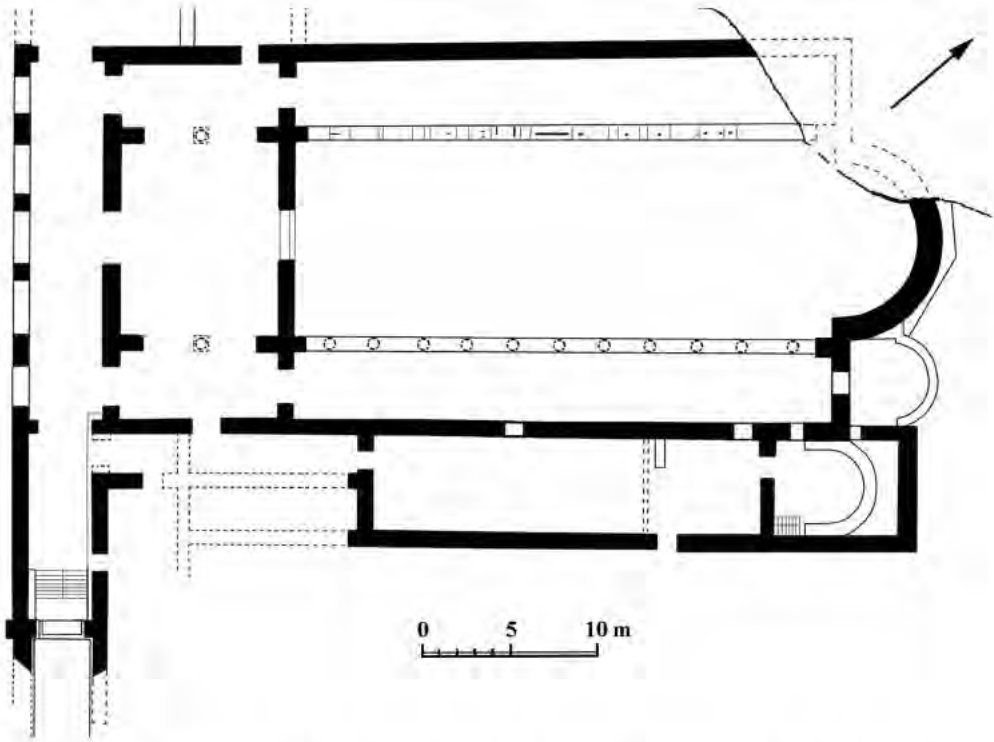


Fig. 3. Church No. 23, "Uvarov Basilica" (after S. Medeksza [20, fig. 44]).

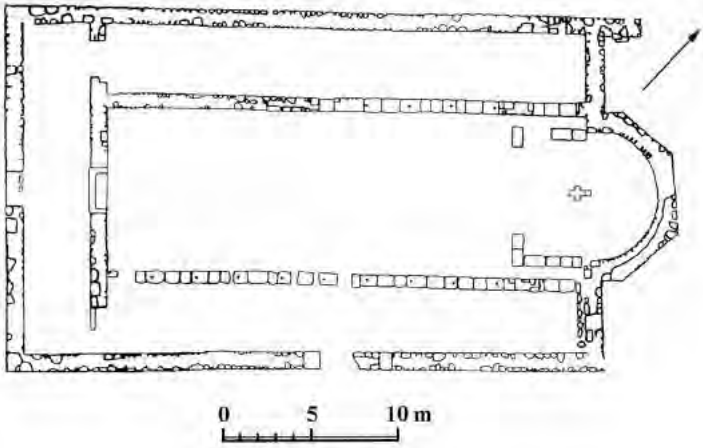


Fig. 4. Church No. 13, "West Basilica". Excavation Plan (after E. Surov [22]).

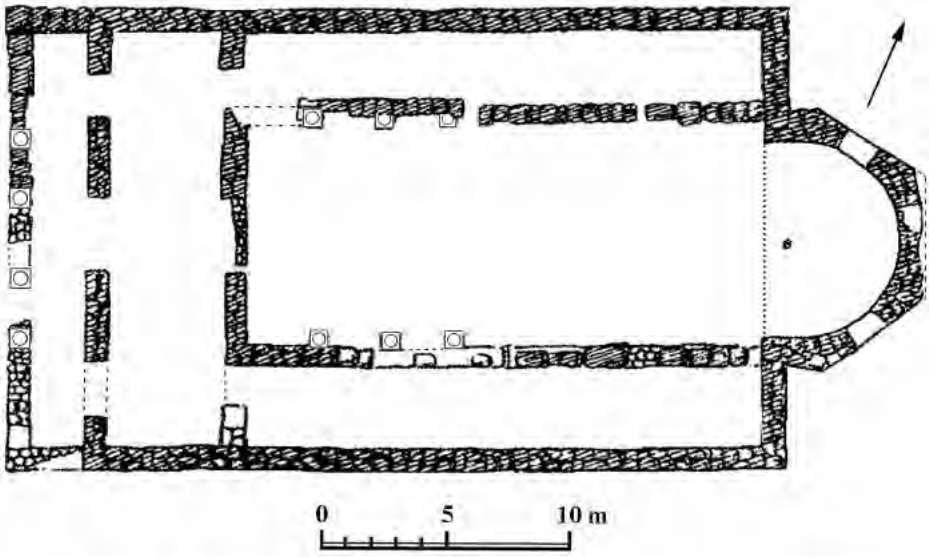


Fig. 5. Church No. 36, "East Basilica". Excavation Plan (after K. Grinevich [117, pl. I]). The walls on the stylobates of the colonnades are later additions.

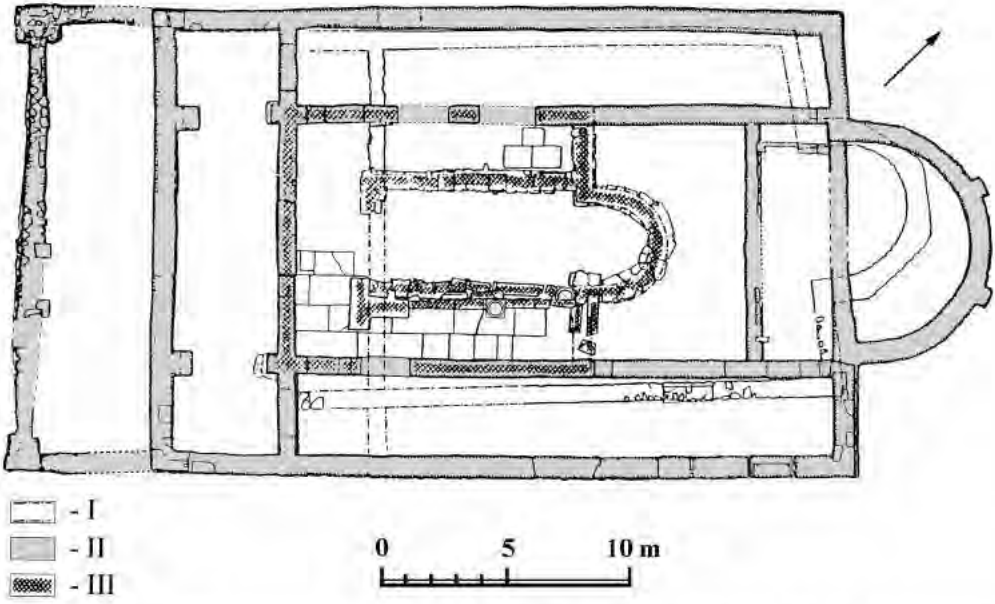


Fig. 6. Basilica 1935. Excavation Plan (after E. Zherebtsov [39, fig. 1]). I – Synagogue; II – Early Basilica; III – Late Basilica.

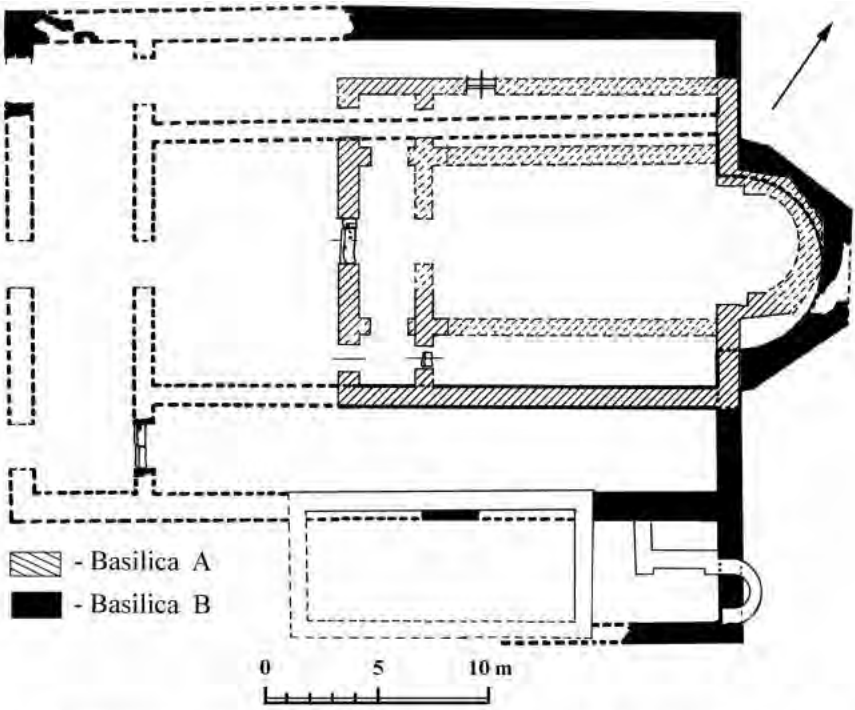


Fig. 7. Church No. 14, "Basilica on the Hill" (after S. Medeksza [44, fig. 33]). The reconstruction is partly hypothetical.

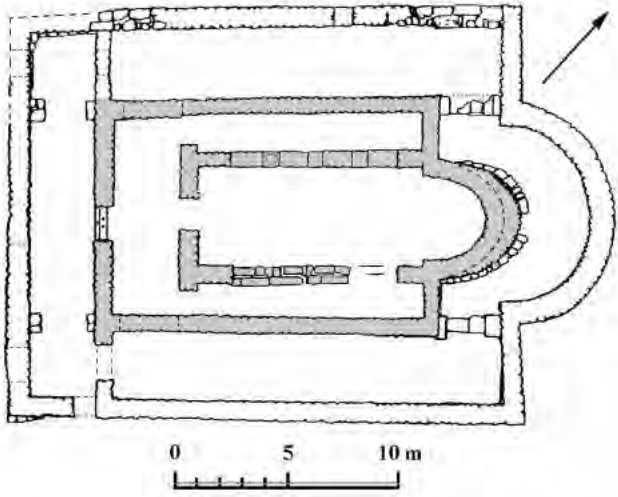


Fig. 8. Church No. 15, "Basilica in a Basilica". Excavation Plan (after S. Ryzhov [48, fig. 1]). A small medieval basilica is located in the nave.

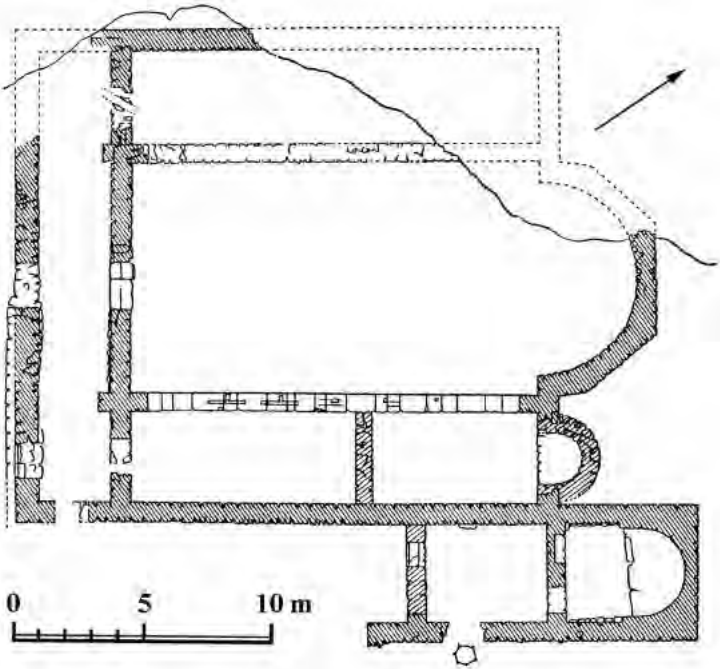


Fig. 9. Church No. 22, "North Basilica". Excavation Plan (after A. Jacobson [5, fig. 75]). The apse and cross wall of the south aisle are later additions.

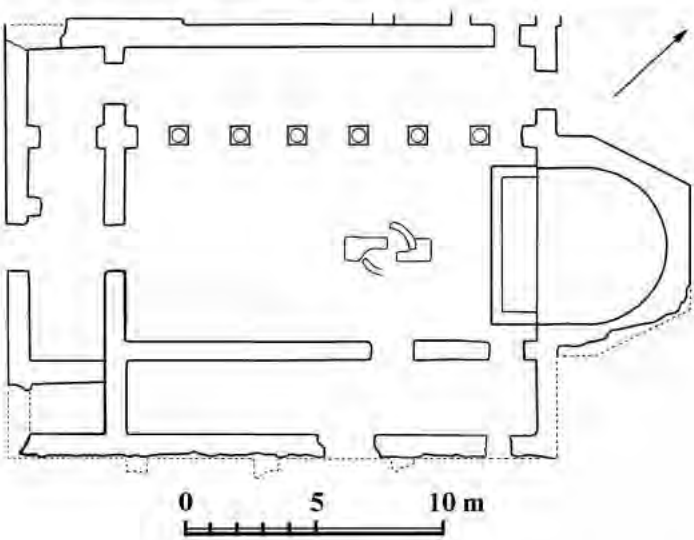


Fig. 10. Church No. 28, from a Site Plan of 1861. The wall over the south stylobate is a later addition (after D. Ainalov [21, fig. 44]).

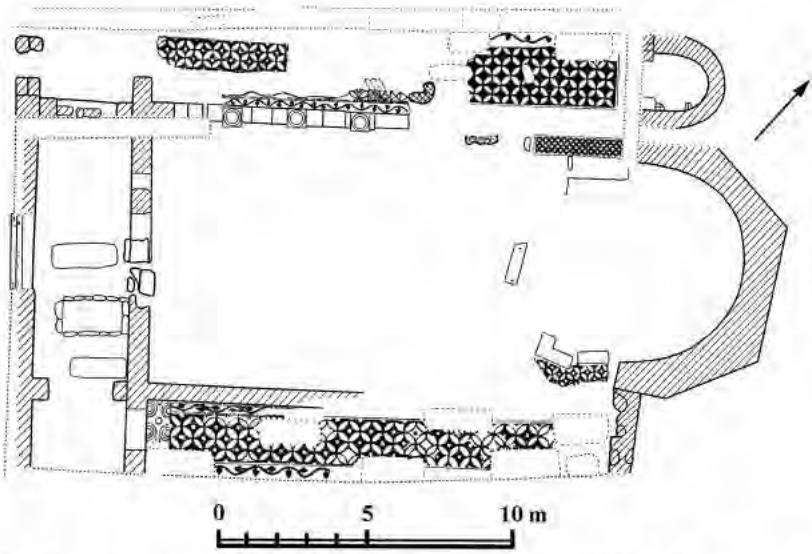


Fig. 11. Basilica 1932. Excavation Plan (after G. Belov [59, pl. II]). The apse of the north aisle is a later addition.

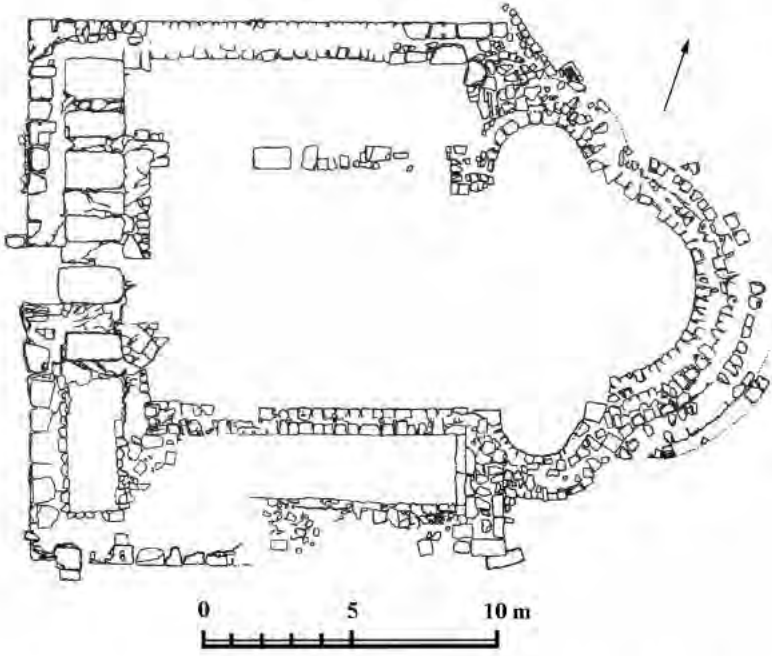


Fig. 12. Church No. 7, "Kruze Basilica". Excavation Plan (after S. Ushakov [69, fig. 1]). The walls over the stylobates are later additions. Graves are located in the narthex.

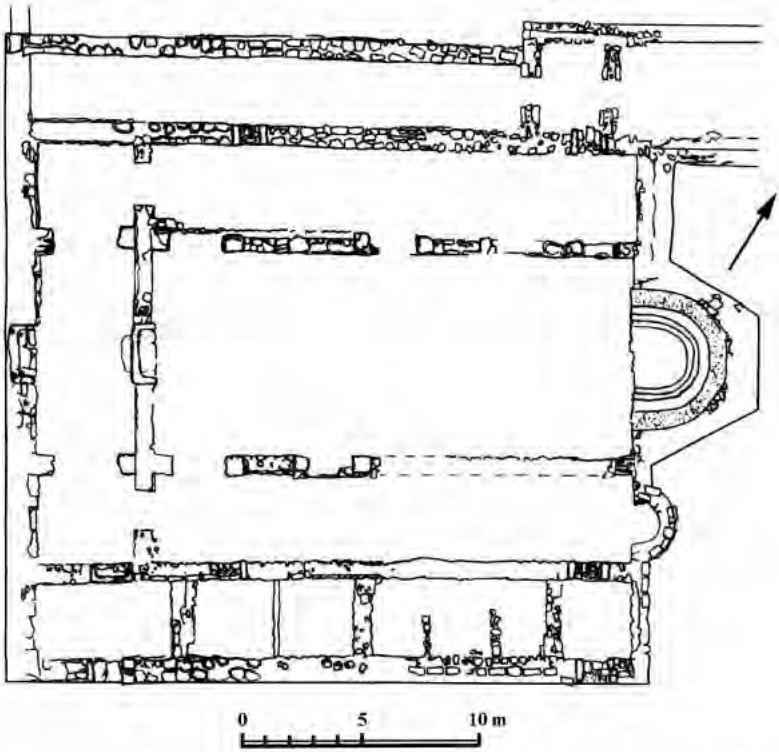


Fig. 13. Christian Basilica on the plateau Mangup Kale. Excavation Plan (after N. Barmina [82, fig. 1]). The apse of the south aisle is a later addition.

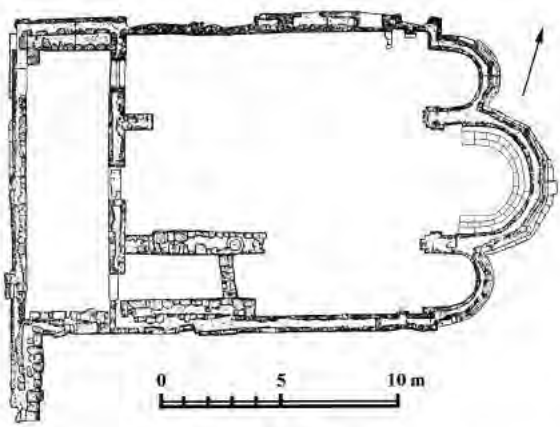


Fig. 14. Christian Basilica on the plateau Eski Kermen. Excavation Plan (after F. Shmit [87, fig. 56]). The three apses and walls inside the south aisle are later additions.

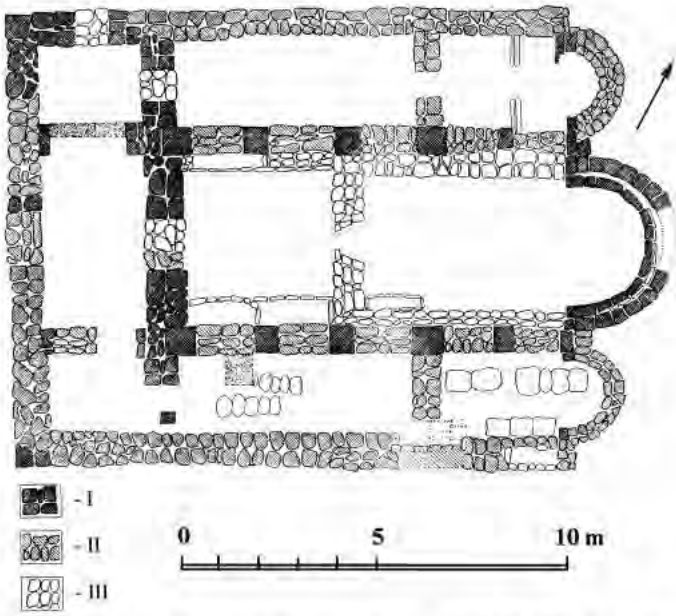


Fig. 15. Christian Basilica in Partenit. Excavation Plan (after N. Repnikov [91, fig. 6]). The flanking apses, walls between the piers, blocked doorways and other repairs are later changes and additions.

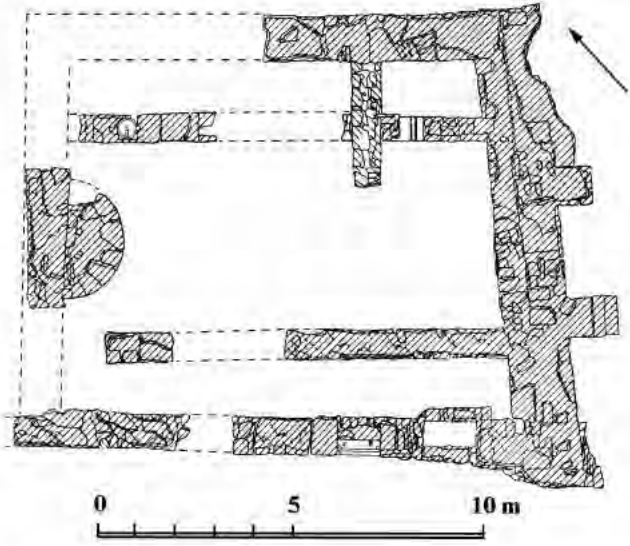


Fig. 16. Christian Basilica in Tyritake. Excavation Plan (after V. Gaidukevitch [97, fig. 1]). Most walls are foundations. Neither apse nor narthex were found.

Л. А. ГОЛОФАСТ, С. Г. РЫЖОВ

СЕВЕРНЫЙ РАЙОН ХЕРСОНЕСА В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ (КВАРТАЛЫ X, X-А и X-Б)

Предлагаемая статья является продолжением публикации материалов ранневизантийского времени из раскопок Северного района Херсонеса [1]. Рассматриваются три квартала – X, X-А и X-Б, расположенные к западу от комплекса кафедрального собора Херсонеса (рис. 1). С юга к кварталам примыкает главная площадь города, с севера – II продольная улица. Южная часть кварталов недоступна для изучения, т.к. находится под монастырскими постройками XIX в.

КВАРТАЛ X

Квартал расположен между VII и VIII поперечными улицами, ограничивающими его соответственно с восточной и западной стороны (рис. 2). Кроме недоступной для исследования южной части квартала, утрачена часть снесенных в ходе строительства монастырской ограды средневековых помещений, расположенных за пределами монастыря. Раскопки квартала, проводившиеся в 1986 и 1992 годах, показали, что участок был застроен в IV в. до н.э. От этого времени, так же как и от последующего римского, сохранились выходившие на улицы фундаменты эллинистических домов и единичные фрагменты кладок усадеб первых веков нашей эры. Ранний материал, как правило, выявлен либо в углублениях скалы, либо в качестве примеси в более поздних напластованиях.

Что же касается построек ранневизантийского времени, то они были полностью снесены при строительстве кварталов, погибших в XIII в., а камень от разобранных домов использован при возведении новых усадеб. Поэтому от ранневизантийского периода сохранилось только заполнение двух рыбозасолочных цистерн, открытых в позднем помещении 4, примыкающем с восточной стороны к VII поперечной улице.

Рыбозасолочные цистерны были вырублены в скале и имели в верхней части каменную обкладку, часть которой сохранилась на восточной стене цистерны 2 и на западной стене цистерны 1. Обе цистерны были засыпаны землей и камнем из облицовки. **В цистерне 1** на глубине 1,2 м от дневной поверхности толстым

слоем, достигавшим 0,3 м, лежали обломки амфор, кухонных горшков, светильников, краснолаковой посуды, а также немногочисленные костяные и бронзовые изделия. В связи с тем, что практически ничего из материала раскопок цистерн не сохранилось, определение амфор и краснолаковой посуды сделано, в основном, по рисункам в Полевой описи находок.

Амфоры:

– фрагмент узкогорлой светлоглиняной амфоры типа F (Д79[1]; рис. 3,*1*). D венчика 6,0 см. По мнению А. Опайта, амфоры данного типа бытуют приблизительно с первой четверти IV по первую четверть V вв. [2, p. 111]. Несколько более широкую дату их бытования дает А. В. Сазанов – конец III – V вв. [44].

Несколько фрагментов принадлежали синопским амфорам типа C Snp I-III по Кассаб Тезгёр [3] (Opait E-I [4, p. 29-30], Зеест 100 [5, с. 120, табл. XXXIX,100]). По комплексам Демирджи, где были открыты печи по производству данного типа амфор, Кассаб Тезгёр датировала их IV – V / началом VI вв. [3, p. 128-129], к этому же времени относит их и А. Опайт, который выделил 4 фазы бытования таких амфор [4, p. 29-30]:

– фрагмент со слегка раздутым горлом с двухчастным венчиком диаметром 8,0 см и плоско срезанной верхней поверхностью (Д83; без рис.) из темно-красной глины с многочисленными включениями пироксена. Принадлежал подтипу Opait-E-1d, который исследователь относит к V в., когда, по его наблюдениям, значительно возрастает количество пироксена в тесте, а диаметр горла уменьшается [4, p. 30]. Судя по форме, конические донья из желтовато-розовой глины с большим количеством пироксена принадлежали к типу C Snp III по Кассаб Тезгёр (Д61; рис. 3,*3*). Кроме того, в цистерне найдено два фрагмента массивных овальных в сечении ручек со слабо выраженным валиком на внешней поверхности;

– фрагмент амфоры с высоким цилиндрическим, слегка расширяющимся книзу горлом со слабо выраженным рифлением на внешней поверхности и подтреугольным в сечении венчиком с плоско срезанной верхней поверхностью (Д78; рис. 3,2). Глина желтая с зеленоватым оттенком, с большим количеством крупных частиц пироксена. D венчика 9,0 см. Судя по глине, амфора южнопонтийского происхождения, дать более точное определение трудно, хотя, исходя из диаметра венчика, могла принадлежать к подтипу Opait-E-1d V в. [4, p. 30];

– фрагмент амфоры с высоким цилиндрическим горлом с рифлением как на внутренней, так и на внешней стороне, с небольшим почти невыделенным округлым венчиком с плоско срезанной верхней поверхностью и небольшим выступом вдоль внутреннего края (Д77; рис. 3,*4*). Глина оранжевая с серым закалом, с частицами слюды, крупными бурыми и кварцевыми включениями. D венчика

[1] Номера и описание глины для не взятых в коллекцию фрагментов даны по Полевой описи.

11,0 см. Возможно, относится к типу C Snp I variant 1 по Кассаб Тезгёр IV – начала VI вв. [3, p. 132, 153, pl. 37,31];

– фрагмент верхней части тулова с коротким узким горлом, отогнутым наружу небольшим венчиком, покатыми плечиками и овальными в сечении ручками с валиком на внешней поверхности (Д88; рис. 3,*5*). Глина оранжевая с включением карбонатов и пироксена. D венчика 5,4 см. Судя по глине, южопонтийского происхождения, возможно, тип D Snp II по Кассаб Тезгёр VI–VII вв. [3, p.136-137, pl. 20,2], хотя у херсонесского экземпляра несколько короткое для этого типа амфор горло.

Самую многочисленную группу в рассматриваемом комплексе составляют амфоры типа Opait B-Id [4, p. 28-29] (тип 5 по херсонесской классификации [6, с. 85]). Все они имеют яйцевидное желобчатое тулово, округлое дно, часто с небольшим полусферическим выступом:

– амфора с яйцевидным желобчатым туловом, слегка расширяющимся кверху горлом с округлым венчиком и овальными в сечении ручками с легкой профилировкой на внешней поверхности (инв. № 13/37240; рис. 4,*1*). На внешней поверхности – светлый, довольно плотный ангоб. Глина светло-красная (10R 6/8), плотная, хорошо отмученная, с мелкими карбонатами и железистыми минералами, а также частицами шамота (?) разных размеров;

– фрагмент верхней части тулова с цилиндрическим горлом, слабо выраженным округлым венчиком и овальными в сечении ручками с валиком на внешней поверхности (Д89; рис. 4,*2*). На внешней поверхности – светлый ангоб. Глина оранжевая, с крупными бурыми и мелкими светлыми включениями. D венчика 7,0 см. Всего в Полевой описи отмечены находки 12 фрагментов аналогичных горл;

– нижняя часть деформированного желобчатого тулова с округлым дном с небольшим выступом на нижней поверхности (инв. № 15/37240; рис. 4,*3*). Брак (?). Глина неравномерно обожженная: у внешней поверхности – пепельно-серая, у внутренней – светло-красная (10R 6/8), очень плотная, хорошо отмученная, с единичными белыми включениями. Местами на внешней поверхности – плотный светлый ангоб (?);

– желобчатое тулово круглодонной амфоры (инв. № 14/37240; рис. 5,*1*). Внешняя поверхность – темно-коричневая (ангоб?). Глина светло-красная (10R 5/8), у поверхности – светло-красная (10R 6/6), плотная, хорошо отмученная, с красновато-коричневыми, темными и единичными светлыми включениями, а также мелкими частицами слюды;

– фрагмент яйцевидного тулова (верхняя часть сбита) с округлым дном с небольшим полусферическим выступом на нижней поверхности (Д90; рис. 5,*2*). На внешней поверхности – бурый ангоб. Глина красная с крупными черными и светлыми включениями;

– фрагмент суживающегося книзу тулова с желобчатой придонной частью

и коническим в сечении дном с небольшим выступом на нижней поверхности (Д101; рис. 5,*3*). На внешней поверхности – зеленовато-серый ангоб. Глина красная, плотная, с многочисленными мелкими светлыми и крупными темными включениями;

– фрагмент слегка суживающегося книзу тулова со слабой желобчатостью и округлым дном с небольшим выступом на нижней поверхности (Д105; рис. 5,*4*). Глина пережжена до буро-серого цвета, с многочисленными белыми включениями;

– фрагмент слегка суживающегося книзу тулова с желобчатой придонной частью и округлым дном с небольшим выступом на нижней поверхности (Д103; рис. 5,*5*). На внешней поверхности – светлый ангоб. Глина кирпично-красная, плотная, с темными включениями и мелкими карбонатами;

– фрагмент слегка суживающегося книзу тулова с желобчатой придонной частью и округлым дном с небольшим выступом на нижней поверхности (Д102; рис. 5,*6*). На внешней поверхности – зеленовато-серый ангоб. Глина красная, плотная, с многочисленными мелкими светлыми и крупными темными включениями.

Всего в Полевой описи отмечены находки 12 фрагментов аналогичных тулов и 63 фрагментов ручек.

А. Опайт считает рассматриваемые амфоры поздним вариантом постепенно меняющегося морфологического типа (тип B-I), который бытовал с III по VII вв. Сменяющие друг друга варианты могли какое-то время сосуществовать, но затем новый окончательной вытеснял «старый» [4, p. 27], поэтому точно определить время появления того или иного варианта чрезвычайно трудно. А. Опайт отмечает, что в Западном Причерноморье поздний вариант (тип Opait B-1d) был особенно распространен во второй половине VI в., хотя появляется значительно раньше [4, p. 29]. А. В. Сазанов датирует его появление второй четвертью VI в. [7, p. 124], хотя вопрос о времени их появления пока следует считать открытым.

Амфоры типа LRA1 Райли-1979 [8, p. 212-216] (Hayes-5 [9, p. 63-64]) относятся к числу наиболее распространенных в Восточном Средиземноморье и Причерноморье. Время бытования – с начала V до конца VII вв., но не исключено, что они исчезают только в VIII в. [10, p. 197], а происходящие от них небольшие амфоры с перехватом производились до IX в. включительно [11, p. 294]. Производились в многочисленных центрах, расположенных в Киликии, Селевкии, Карии, на западе Кипра, на Родосе, Хиосе и т.д. [12, p. 53]:

– фрагмент цилиндрического горла с небольшим валикообразным венчиком и ребром на уровне верхнего прилепа ручек (Д85; рис. 6,*1*). D венчика 10,0 см. Глина красновато-коричневая с серым закалом, с частицами пироксена и карбонатов;

– фрагмент цилиндрического горла с отогнутым наружу венчиком с заостренным краем и ребром на уровне верхнего прилепа ручек (Д84; рис. 6,*2*).

D венчика 8,0 см. Глина светло-розовая с желтовато-зеленоватым закалом, с мелкими черными и светлыми включениями;

– фрагмент слегка раздутого в средней части горла с отогнутым наружу непрофилированным венчиком и ребром на уровне верхнего прилепа ручек (Д86; рис. 6,*3*). D венчика 11,0 см. Глина темно-розовая, плотная, с мелкими светлыми и темными включениями.

Пик бытования амфор с ребром на уровне верхнего прилепа ручек (тип Пьери 1B1 [13, p. 69-85]) приходится на вторую половину VI – VII вв. [11, p. 296; 14, с. 98], хотя появляются они в начале VI в. [13, p. 76]:

– фрагмент с воронкообразно расширяющимся горлом, отогнутым наружу венчиком и овальными в сечении ручками типа 1B2 по Пьери VI-VII вв. [13, p. 76] (Д87; рис. 6,*4*). D венчика 8,0 см. Глина темно-розовая, с большим количеством карбонатов, а также бурыми включениями и частицами слюды. Амфора с аналогичным горлом была выявлена в комплексе первой четверти VII в. в Херсонесе [15, рис. 3,1].

Кроме того, выявлены многочисленные фрагменты ручек амфор типа LRA1, в том числе 16 – с тремя сдвинутыми в сторону ребрами и 8 – с глубоким желобком на внешней поверхности.

44 фрагмента стенок с глубоким и частым рифлением принадлежали амфорам типа LRA2 [8, p. 217-218] (Hayes-type 9 [9, p. 66]). Дж. Хейс отмечает широкое распространение амфор этого типа в районе Эгейского и Черного морей, начиная с третьей четверти V в. [*Ibid.*]. Их производство, которое, по-видимому, закончилось к середине VII в., зафиксировано на Хиосе, Книде и в Арголиде [4, p. 11]. Перевозили в них вино или масло, хотя в последнее время исследователи более склоняются в сторону масла как основного содержимого амфор данного типа [16, p. 255; 17, p. 148-149].

Производство амфор типа LRA4 по Райли-1979 [8, p. 223] предполагалось в районе Газы. Однако, технологические вариации, огромный объем производства и широкое распространение этого типа амфор предполагает более широкий район их производства, который охватывал, по всей видимости, южную Палестину или даже более широкую территорию, простирающуюся от Пелузия на крайнем востоке дельты Нила до пустыни Негев [18, p. 165]. Судя по форме выявленной придонной части амфоры (Д59; рис. 7,*1*) из красной глины с мелкими белыми включениями и частицами слюды, она принадлежала форме 4 по классификации G. Majcherek, согласно которой тулово этого типа амфор со временем становилось все более узким и стройным (торпедовидным), а дно постепенно менялось от округлого и широкого на ранних экземплярах к коническому, покрытому частым рифлением на поздних [18, p. 166]. Датируется форма концом VI – VII вв. [18, p. 169], хотя не исключено, что производилась до середины VIII в. [19, p. 116-117]. Амфоре этого же типа принадлежал фрагмент ручки (Д114).

Тип LRA3 [20] (Зеест-95 [5, табл. XXXVIII,95]; тип 3 по Хейсу [9, p. 63]) представлен фрагментом цилиндрического горла (венчик сбит) с частью подпрямоугольной в сечении ручки (Д97; без рис.) и фрагментом цилиндрического рифленого горла с подпрямоугольным в сечении венчиком и уплощенными ручками с вогнутыми внешней и внутренней поверхностями (Д99; рис. 7,*2*). D венчика 3,4 см. Амфоры данного типа были распространены на обширной территории и производились с конца IV – по VI / начало VII вв. включительно [21, p. 204] в различных городах западного берега Малой Азии (район Эфеса, Сарды, Милет, Пергам, Кушадасы). Их содержимое точно не определено, но, возможно, это были какие-то мази или благовония, хотя не исключают вино и garum.

Судя по идентичности глины, амфорам типа LRA3 близки по происхождению амфоры типа Ephesus 56 [22, p. 355, fig. 1, no. 7] (тип 17 по Хейсу [9, p. 69]; Samos Cistern Type [23, p. 83, fig. 4]), к которым мы склонны отнести несколько выявленных в цистерне фрагментов:

– фрагмент амфоры с цилиндрическим, широким горлом, подтреугольным в сечении венчиком, грушевидным сильно расширенным туловом со слабо выраженным рифлением в верхней и нижней частях и уплощенными ручками со слегка вогнутой внешней поверхностью (рис. 7,*3*). Глина мягкая, слоистая, оранжевого тона, с большим количеством частиц слюды;

– фрагмент нижней части широкого округлого тулова с небольшой ножкой в форме усеченного конуса с округлой подошвой (Д98; рис. 7,*4*). Глина аналогична глине предыдущей амфоры;

– фрагмент нижней части тулова с конусовидным дном (Д96). Глина аналогична глине двух предыдущих амфор;

– 5 конических, сплошных, слегка перекрученных ножек с уплощенной подошвой (Д56-58; рис. 7,*5-7*). Глина ножек очень бледно-коричневая (10YR 8/4), плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими темными включениями и частицами слюды.

Визуальная схожесть глины амфор описываемого типа с глиной амфор типа LRA3 указывает, по мнению ряда исследователей, на долину нижнего течения Меандра как на возможный район их изготовления. Если говорить о более широком регионе, то обычно называют острова и прибрежную часть Восточного Средиземноморья [24, p. 166]. Судя по остаткам смолы на стенках амфор из Марселя, основным их содержимым было вино [25, p. 94-120]. Наряду с LRA3 они относятся к числу наиболее часто встречающихся в слоях конца IV – VI / начала VII вв. в Эфесе. Значительное количество находок происходит также с острова Самос [26]. Отдельные экземпляры выявлены на Аргосе, в Драндском храме (около Сухуми в Грузии), Карфагене, Риме, Бодруме, районе Неаполя и др. [24, p. 167; 22, p. 355, fig. 1, no. 7; 21, p. 204; 27, c. 194-195; 28, p. 440-441]. Общепринятой датой считается VI-VII вв.

Выделяется группа фрагментов, принадлежащих амфорам с разными мор-

фологическими характеристиками, но выполненных из хорошо отмученной бежевой, разных оттенков глины с немногочисленными включениями, по-видимому, критского производства. Среди них несколько фрагментов принадлежали амфорам типа Зеест-99 [5, табл. XXXIX,99], датирующихся последней четвертью VI – первой половиной VII вв. [4, p. 24, pl. 15,4-7; 29, с. 35-36, табл. 11,68; 17, класс 16]:

– фрагмент слегка расширяющегося кверху горла с вытянутым по вертикали венчиком (Д81; рис. 8,*2*). D венчика 7,0 см. Глина розоватая, с мельчайшими частицами слюды и карбонатов;

– амфора с вытянутыми желобчатым туловом, коротким горлом с подпрямоугольным в сечении венчиком и широко расставленными ручками (инв. № 12/37240; рис. 8,*5*). Глина бежевая, хорошо отмученная, практически без включений;

– фрагмент округлого дна с небольшой круглой выемкой (Д109; рис. 8,*7*). Глина розовая, плотная, хорошо отмученная, с немногочисленными частицами слюды и темных включений. Донья с небольшим углублением на нижней поверхности были характерны для амфор типа Зеест-99. Несколько было найдено, например, в комплексе второй половины VI в. в Керчи [30, с. 107-108, рис. 5].

– фрагмент цилиндрического тулова с округлым дном с небольшим выступом в центре (Д100; рис. 8,*6*). Глина желтовато-розовая, с немногочисленными включениями светлых частиц.

Несколько фрагментов принадлежат амфорам типа LRA14 (тип Hayes-22 [9, p. 69]) также критского производства. Дж. Хейс и А. Опайт, который считает данные амфоры поздним вариантом критских амфор типа 1а, датируют их VII в. [*Ibid*.; 4, p. 24, pl. 15,1-3].

– фрагмент слегка раздутого горла со слабым рифлением на внешней поверхности и массивным валикообразным венчиком (Д80; рис. 8,*3*). D венчика 6,0 см. Глина розоватая, с мельчайшими частицами слюды и карбонатов;

– фрагмент слегка раздутого горла с небольшим округлым венчиком и широко расставленными овальными в сечении ручками (Д108; рис. 8,*4*). Глина розовая, плотная, хорошо отмученная, с немногочисленными частицами слюды и темных включений;

– 2 фрагмента нижней части конических тулов с легкой желобчатостью с небольшим коническим выступом на нижней поверхности (Д110-111; рис. 9,*1,2*). Глина обоих фрагментов светло-розовая, плотная. В полевой описи отмечены находки еще двух фрагментов аналогичных доньев.

Амфора со слегка суживающимся кверху горлом, массивным округлым венчиком и округлым туловом с покатыми плечиками из розовой, плотной глины, с немногочисленными частицами слюды и темными включениями (Д107; рис. 8,*1*), возможно, также относится к продукции Крита. D венчика 5,0 см.

На нескольких стенках имеются дипинти красной краской (рис. 6,*5-11*; 9,*3,4*).

Краснолаковая керамика:

Несколько фрагментов принадлежали посуде группы «Фокейской краснолаковой», в том числе 2 фрагмента, скорее всего, форме 3F (Д21-22; рис. 10,*1,2*) с диаметром венчиков соответственно 24,0 и 20,0 см и 2 фрагмента доньев (Д20). Трудно определить форму двух венчиков, изображенных на рис. 10,3 и 4 (Д23 и Д24), с диаметром венчиков соответственно 22,0 и 32,0 см. Возможно, первый рисунок представляет весьма схематичное изображение сосуда формы 10А или формы, переходной от поздних вариантов формы 3 к форме 10 (ср. с рисунком венчика на рис. 27,3). Очень похожий венчик, происходящий из херсонесского комплекса конца VI – конца VII вв., А. В. Сазанов причисляет к форме 6 группы «Фокейской краснолаковой» [7, fig. 5,35], датирующейся началом VI в. [31, p. 341].

Два фрагмента принадлежали кубкам типа I по А. Опайту. Глина подобных кубков светло-кремового оттенка, плотная, очень хорошо отмученная. Как правило, они покрыты крайне неаккуратно наложенным жидким тусклым коричневатым или коричневато-красным «лаком». А. Опайт предполагает, что они производились на Книде, хотя не исключает понтийское происхождение, и датирует второй половиной IV – VI вв. [4, p. 65-66], впрочем, не исключено, что они бытовали до первой четверти VII в. включительно [32, с. 418]:

– 2 фрагмента верхней части тулова с вертикально поставленным бортиком, украшенным врезной волнистой линией (Д18; рис. 10,*5*). D бортика 10,0 см;

– фрагмент нижней части тулова (Д17; рис. 10,*6*). Глина желтовато-розовая, с мелкими включениями карбонатов. D дна 2,6 см.

Светлоглиняные блюда на высоком кольцевом поддоне:

Происхождение этих блюд неясно. Похожие сосуды с горизонтальным бортиком, часто декорированным желобками, известны по раскопкам на Хиосе (Emporio). Они также сделаны из темно-желтой и розовато-темно-желтой глины с большим содержанием слюды, однако, в отличие от херсонесских сосудов с лощением на внутренней поверхности, имеют коричневатое лакообразное покрытие на венчике. М. Балланс и другие датируют появление этой формы концом V – началом VI вв. [33, p. 99, fig. 31,166-169]. В Херсонесе фрагменты таких блюд происходят из комплексов второй половины VI – VII вв. [34, с. 10, рис. 5,в; 35, с. 111, 112, 115-116, 117-119, рис. 38,8; 39,2,3; 42,3-5; 56,14-16; 66,15-16; 68,5-9; 72,5-6; 77,17-21; 36, с. 164, рис. 8,6]:

– фрагмент блюда с широким горизонтально отогнутым бортиком, профилированным двумя желобками, идущими вдоль внешнего и внутреннего края (Д27; рис. 10,*8*). D блюда 33,0 см;

– 3 фрагмента блюд с округлым туловом и слегка загнутым вовнутрь венчиком с желобком на верхней поверхности (Д25-26; рис. 10,*9,10*). D блюд соответственно 33,0 и 30,0 (2 фр-та) см.

Простая гончарная посуда:

– фрагмент горла кувшина со слегка раздутым горлом, горизонтально отогнутым венчиком с плоско срезанной верхней поверхностью и широкой уплощенной ручкой со слабо выраженной профилировкой на внешней поверхности (Д83; рис. 11,*2*). D венчика 6,0 см. Глина желтовато-розовая, плотная с мелкими частицами пироксена и карбонатов;

– фрагмент горла двуручного кувшина с расширяющимся кверху горлом и косо срезанным краем (Д8; рис. 11,*1*). Ручки овальные в сечении с небольшим валиком на внешней поверхности. Глина красная, слоистая;

– фрагмент горшка (?) с расширяющимся кверху туловом и плоским дном со слегка вогнутой нижней поверхностью (инв. № 5/37240; рис. 12,*5*). К нижней части тулова прикреплены горизонтальные ручки с круглым отверстием у стенки. Отверстие проделано по сырой глине острым инструментом, вертикальный след от которого имеется и на стенке сосуда. Глина бежевая, плотная, с мельчайшими коричневатыми, сероватыми и редкими светлыми включениями разных размеров, единичные мелкие частицы слюды;

– крышка круглая в плане со слегка приподнятыми краями и ручкой-защипом, которой соответствует углубление на нижней стороне (инв. № 6/37240; рис. 11,*5*). Глина светло-красная (10R 6/6), плотная, хорошо отмученная, с крупными и мелкими светлыми и коричневатыми включениями. Подобные крышки, судя по глине, делались специально для амфор типа LRA2. Одна из них была найдена в горле такой амфоры [37, рис. 9,3].

– фрагмент сосуда с сигарообразным корпусом с легким рифлением, довольно массивным округлым венчиком и подпрямоугольными в сечении ручками (инв. № 4/37240; рис. 12,*8*). Глина светлая красновато-коричневая (2.5YR 6/4), в сердцевине – сероватая, с мелкими светлыми и коричневатыми включениями.

Кухонная посуда:

– фрагмент кастрюли (?) с округлым туловом и небольшим вертикально поставленным округлым венчиком (Д28; рис. 11,*3*). Глина розовая, с крупными бурыми и черными включениями. На обеих поверхностях – светлый ангоб. D венчика 27,0 см;

– фрагмент кастрюли (?) с округлыми стенками и небольшим венчиком с неглубоким желобком под ним на внешней поверхности (Д29; рис. 11,*4*). На обеих поверхностях – светлый ангоб. D венчика 26,0 см.

Похожие глубокие кастрюли найдены в Лимире (Ликия), где датируются VI и, возможно, VII вв., а также в Риме (крипта Бальби), Сарачанах (Константинополь), Сирии (Déhès) [38, p. 26, fig. 4B-D];

– фрагмент верхней части горшка с шаровидным туловом и отогнутым наружу утолщенным венчиком (Д2; рис. 12,*6*). Глина темно-розовая, с включением карбонатов. D венчика 13,0 см;

– фрагмент горшка с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком

с вогнутой внутренней поверхностью и плоско срезанной верхней (Д49; рис. 12,*2*). Глина с мелкими белыми включениями. D венчика 13,0 см.

Кухонные горшки относятся к чрезвычайно консервативным сосудам, и одни и те же формы бытовали на протяжении очень длительного времени. В частности, горшки, аналогичные описываемому, встречаются и в засыпи водохранилища, засыпанного в пределах VIII в. [39, с. 172, рис. 6,9-13].

– фрагмент горшка с отогнутым наружу подтреугольным в сечении венчиком (Д48; рис. 12,*1*). Глина с белыми включениями. D венчика 11,0 см;

– фрагмент тонкостенного горшка с округлым туловом и отогнутым непрофилированным венчиком (Д47; рис. 12,*4*). D венчика 8,0 см;

– фрагмент горшка с шаровидным туловом и отогнутым наружу простым непрофилированным венчиком (Д10; рис. 12,*3*). Уплощенная ручка со слабо выраженной вогнутостью на внешней поверхности прикреплена к краю венчика и средней части тулова. D венчика 12,0 см;

– фрагмент кастрюли с округлым туловом и отогнутым наружу сложнопрофилированным венчиком (Д50; рис. 12,*9*). Глина с большим количеством карбонатов. D венчика 26,0 см.

Стекло:

– 4 фрагмента верхней части сосудов с утолщенным венчиком и выпуклым обработанным краем (рис. 13,*1-3*). Все сосуды, судя по сохранившейся верхней части стенок, имели колоколовидное тулово. Все сделаны из полупрозрачного серовато-зеленоватого стекла с мелкими светлыми круглыми и эллиптическими пузырьками. Поверхность сосудов, более гладкая и блестящая внутри, покрыта радужным слоем продуктов иризации;

– фрагмент сосуда с выпуклым обработанным краем, утолщенным слегка наклонным вовнутрь венчиком и сферическим туловом (рис. 13,*4*). Стекло полупрозрачное, серовато-зеленоватое, с мелкими светлыми круглыми и эллиптическими пузырьками. Поверхность покрыта слоем продуктов иризации и местами коррозии.

Перечисленные фрагменты с выпуклым обработанным краем могли принадлежать целому ряду сосудов: лампадам разных типов, рюмкам, кубкам и т.д.

– фрагмент цилиндрического горла кувшина, украшенного накладной полоской стекла того же цвета, что и весь сосуд, с грубо выполненными защипами (рис. 13,*5*). D горла 2,3 см. Стекло полупрозрачное, серовато-зеленоватое, с мелкими светлыми круглыми и эллиптическими пузырьками. Поверхность покрыта радужным слоем продуктов иризации.

Всего в Херсонесе выявлено 4 фрагмента таких сосудов в комплексах третьей четверти VI в., второй половины VI в. и в мусорной засыпи начала XI в. помещения 8 в VIII квартале [35, рис. 34,8; 36,3; 88,8]. К сосудам этого типа относятся, по-видимому, кувшины, горло которых декорировано гладкой полосой стекла, переходящей в округлую вертикальную ручку с защипами. Один

фрагмент такого сосуда найден в Херсонесе в комплексе третьей четверти VI в. [*Ibid*., рис. 34,7]. Все перечисленные фрагменты сделаны из серо-голубого стекла плохого качества. Диаметр горла варьирует от 2,3 до 2,5 см. Нам известны лишь несколько аналогий сосудам этого типа. Из склепа 52/1909 VII в. керченского некрополя происходит кувшин с цилиндрическим горлом и ручкой с защипами [40, с. 18-21, рис. 11]. Аналогичная ручка с защипами была найдена на Ильичевском городище в слое третьей четверти VI в. [41, рис. 84,14]. Таким образом, время бытования типа ограничивается третьей четвертью VI – VII вв.;

– слегка вогнутое сферическое в сечении донце из оливкового стекла хорошего качества с единичными мелкими светлыми сферическими пузырьками (рис. 13,*12*), несомненно, принадлежавшее кубку в форме усеченного конуса с каплями синего стекла (тип II по Сорокиной [42, рис. 4,1]; тип II подтип I по Засецкой [43, рис. 5]). Поверхность сосуда блестящая, без следов выветривания. Следов понтии нет. D дна 2,3 см. И. П. Засецкая датирует их бытование второй половиной IV – серединой V вв. н. э., «наиболее узкая дата – первая половина V в. н. э.» [*Ibid*., с. 23].

– 4 подставки рюмок с двойными стенками, получивших широкое распространение с конца V – начала VI вв. [35, с. 155] (рис. 13,*8-11*). D подножек 3,5; 3,7; 4,0 и 4,8 см. Все сделаны из полупрозрачного зеленоватого стекла с мелкими светлыми круглыми и эллиптическими пузырьками. На нижней поверхности всех подножек имеются следы от понтии. Поверхность всех фрагментов покрыта слоем продуктов иризации и местами коррозии;

– узкая полая ножка лампады с широким цилиндрическим туловом (рис. 13,*6*). На нижней поверхности ножки – след от понтии в виде круглого скола. Поверхность сосуда, более блестящая внутри, покрыта слоем продуктов выветривания. Стекло полупрозрачное зеленоватое, с мелкими светлыми круглыми и эллиптическими пузырьками. Лампады данного типа появляются в конце V в. [35, с. 138-139];

– округлая вертикальная ручка, сделанная из одинарного гладкого круглого в сечении жгута диаметром 0,3 см (рис. 13,*7*). Стекло полупрозрачное зеленоватое, с мелкими светлыми круглыми и эллиптическими пузырьками. Поверхность покрыта слоем продуктов иризации и местами коррозии. Ручки подобного рода принадлежали лампадам с тремя ручками, за которые они подвешивались к кронштейну или кресту. По публикациям целых экземпляров известно несколько подтипов лампад этого типа, отличающихся друг от друга рядом морфологических признаков. В Херсонесе они выявлены в комплексах конца V – VII вв. Одним из предполагаемых центров их изготовления был Константинополь [35, с. 139-141].

– фрагмент оконного стекла с прямым оплавленным краем (рис. 19,*30*). Стекло с зеленоватым оттенком с многочисленными светлыми круглыми и эллиптическими вытянутыми вдоль края пузырьками. Радужно-серебристый слой продуктов выветривания. Подобные стекла делали т.н. «халявным» способом (Cylinder Blown or Muff Glass), получившим распространение приблизительно

с 300 года и заключавшимся в выдувании цилиндра, у которого отбивали донца, а затем расправляли на плоской поверхности;

– литик плосковыпуклый, подтреугольный в плане (инв. № 19/37240). Стекло коричневатое с легким оливковым оттенком, с редкими светлыми круглыми пузырьками. Поверхность изъедена выветриванием, на поверхности сохранилась радужная пленка продуктов выветривания.

Изделия из кости (подробно рассмотрены в статье О. А. Андреевой [117]):

– кубок с округлым туловом, плоским дном и слабо выраженным поддоном (инв. № 16/37240; рис. 13,*13*). Поверхность хорошо заглажена и отшлифована. Кость с серовато-желтоватым оттенком;

– фишка плосковыпуклая в сечении, неправильной круглой формы в плане (инв. № 18/37240; рис. 13,*14*). На верхней поверхности – гравировка. Поверхность хорошо заглажена и отполирована. Кость с серовато-желтоватым оттенком;

– пешка цилиндрическая, сделанная из трубчатой кости (инв. № 17/37240; рис. 13,*15*). Полая часть заполнена костяной же вставкой с углублением в центре на верхней поверхности. На верхней и нижней поверхностях – гравировка (три врезные линии) с тонировкой розовой краской. На верхней поверхности – концентрические окружности, нанесенные когда центральная вставка была уже на месте. Поверхность хорошо заглажена и отполирована. Кость с серовато-желтоватым оттенком.

Самые поздние монеты комплекса относятся к чекану Юстиниана I (527-565). Однако, ряд вещей, входящих в его состав, и особенно наличие в нем фрагмента сосуда формы 10А группы «Поздний римский С», позволяют датировать образование комплекса временем не ранее конца VI – начала VII вв.

Рядом с цистерной 1 находилась **цистерна 2**, вырубленная в скале и оштукатуренная цемянковым раствором розового цвета. К моменту раскопок она до глубины 0,8-1,0 м была засыпана землей, а ниже, до самого дна – отесами скалы, возможно, отходами камнерезного ремесла. Как и в земляной насыпи, так и в отесах скалы почти отсутствует археологический материал. Найдено лишь несколько обломков раннесредневековых амфор и 4 фрагмента краснолаковой тарелки. Хронологически материал идентичен керамике из цистерны 1 и, скорее всего, цистерна 2 была засыпана одновременно с цистерной 1. Вероятно, они находились во дворе раннесредневекового дома, остатки которого были уничтожены во время строительства XI-XII вв.

В римское время еще один двор располагался, по-видимому, на месте помещения 14, которое служило двором поздней усадьбы 2. В его западном углу размещался подвал, от которого на глубине 0,7 м от дневной поверхности частично сохранилась южная стена из бутового камня на глине, перегораживавшая двор поздней усадьбы с запада на восток. Размеры подвала установить не удалось из-за перекрывавших его стен средневековых построек. В засыпи подвала найдены обломки посуды и амфор, главным образом, III-IV вв. Однако присутствие в за-

сыпи фрагментов узкогорлых светлоглиняных амфор типов E и F, бытовавших до V в. включительно [44], не исключает и несколько более поздней даты.

Приблизительно на этом же месте, по всей видимости, располагался и двор ранневизантийской усадьбы, хотя его размеры были значительно больше размеров дворов как римской, так и поздней усадеб. Об этом говорит обнаруженный при удалении засыпи римского подвала слой из остатков рыбы толщиной 8-10 см (площадью около 1,5 кв. м), который уходит под фундамент восточной стены позднего помещения 19 и продолжается на 1,2 м внутри него.

Каких-либо других следов жизни ранневизантийского времени на участке не сохранилось, за исключением нескольких фрагментов керамики, обнаруженных в аморфной земляной насыпи, которая перекрывала всю площадь квартала и находилась непосредственно под полами поздних усадеб. Здесь мы отметим только наиболее интересные.

Из засыпи под помещением 4 усадьбы 4 происходят:

– амфора типа LRA1 с дипинто красной краской на верхней части тулова (инв. № 102/37240; рис. 14,*1*). Горло цилиндрическое, со слегка отогнутым наружу венчиком и ребром на уровне верхнего прилепа ручек. Глина светло-красная (2.5YR 7/6), с мельчайшими коричневато-сероватыми и единичными светлыми включениями, единичными мелкими частицами слюды. Пик бытования амфор с ребром на уровне верхнего прилепа ручек (тип Пьери 1B1 [13, p. 69-85]) приходится на вторую половину VI – VII вв. [11, p. 296; 14, c. 98], хотя появляются они в начале VI в. [13, p. 76];

– фрагмент нижней части амфориска веретенообразной формы с гладким корпусом и срезанным дном. Черепок очень плотный, пережженный до серовато-черного цвета с единичными включениями частиц слюды и карбонатов. Амфориски использовались в церковном обиходе в качестве паломнических сосудов для святой воды и масла. Ареал их чрезвычайно широк и охватывает огромную территорию от Западного Средиземноморья (Испания, Франция) до Восточного Причерноморья (кавказское побережье). Дж. Хейс выдвинул предположение об их производстве в Палестине [45, p. 243-248, pl. 36-37]. Однако, судя по разнообразному составу глины, их производили в нескольких центрах, расположенных в регионах с различной геологией [11, p. 304]. Один из центров располагался в Кесарии Кибире в Юго-Западной Турции, где были обнаружены скопления брака и остатки производственного шлака [46, s. 239]. Предполагают их производство в Мире (Ликия) [47, p. 186, note 64]. На основе изучения материалов из раскопок Афинской Агоры и Константинополя Дж. Хейс сделал вывод об их бытовании на средиземноморском рынке с конца V до VIII вв. включительно, причем пик их бытования приходится на VII в. [9, p. 8];

– фрагмент плоского дна краснолакового блюда больших размеров (инв. № 103/37240; рис. 14,*3*). В центре дна широкой врезной линией прочерчена большая четырехлепестковая розетка. Внутренняя поверхность покрыта довольно

густым тусклым темно-красным лаком. На нижней поверхности – четкие следы снятия нитью с гончарного круга, смещенные в одну сторону, и подтеки красного лака. Нижняя поверхность очень хорошо заглажена. Глина светло-красная (2.5YR 7/6), плотная, хорошо отмученная, с единичными частицами слюды;

– фрагмент светильника с рельефным изображением креста с раздвоенными концами на вогнутом, круглом в плане щитке (инв. № 104/37240; рис. 14,*2*). Щиток обрамлен тройным рельефным ободком, подчеркнутым по внутреннему периметру врезной линией. Покатые плечики украшены рельефным изображением виноградной лозы с гроздьями. Под боковыми ветвями имелись круглые отверстия (сохранилась часть левого отверстия). Ручка в виде защипа, профилированного на верхней поверхности двумя продольными врезными линиями. На нижней поверхности круглого, вогнутого, сферического в сечении дна, обрамленного рельефным ободком, штамп в форме ступни. Дно с рожком соединено сходящимися к рожку двойными рельефными линиями. Глина пережжена до бледно-коричневого (10YR 6/3), плотная, хорошо отмученная, с редкими сероватыми включениями. На поверхности – единичные частицы слюды. Светильник очень аккуратной работы, поверхность гладкая. Возможно, светильник был покрыт красным лаком: на верхней поверхности видно нечто похожее на перегоревший красный лак. Похожие светильники из Эфеса датируются 500-600 гг. [48, p. 383, pl. 105,3112, fig. 36];

– фрагмент светильника с круглым вогнутым щитком, обрамленным тройным рельефным ободком, и недекорированными плечиками (инв. № 41/37240; рис. 14,*4*). Ручка петлевидная с защипом, который соединяет ручку с туловом светильника снизу. Сквозное отверстие, похоже, получили, проткнув сплошную ручку чем-то круглым. На щитке около отверстия для масла – следы копоти. Глина светло-красная (2.5YR 6/6), мелкозернистая, с многочисленными мелкими частицами слюды и единичными крупными белыми включениями;

– фрагмент светильника т.н. «балканского» типа, очень хорошей аккуратной работы, с округлым вогнутым щитком, обрамленным двойной врезной линией (инв. № 42/37240; рис. 14,*5*). Щиток, возможно, был украшен рельефным изображением креста с расширяющимися концами (видна часть нижней его ветви). На почти горизонтальных плечиках – рельефные «бегущие спирали». На поверхности – красное матовое покрытие. Глина светло-красная (10R 6/8), с редкими мелкими желтоватыми включениями. На поверхности видны редкие мелкие частицы слюды. Светильник с аналогичным орнаментом на плечиках найден в Амориуме [49, p. 219, fig. 6,5].

Таким образом, исследования квартала X установили, что первоначально он был застроен в IV в. до н.э. От этого времени, так же как и от последующего римского, сохранились выходившие на улицы фундаменты эллинистических домов и единичные фрагменты кладок усадеб первых вв. н.э., в частности, сохранилась часть южной стены подвала, который был засыпан, судя

по материалу, в IV в. или несколько позже. Слой остатков рыбы, выявленный над засыпью подвала в помещениях 14 и 19 поздней усадьбы 2, позволил предположить, что на этом месте располагался двор одной из ранневизантийских усадеб. Двор другой ранневизантийской усадьбы, скорее всего, располагался на месте позднего помещения 4, где были открыты две цистерны, засыпанные не ранее конца VI – начала VII вв.

КВАРТАЛ X-A

Раскопки квартала X-A, расположенного между VIII и VIIIa поперечными улицами и построенного на месте двух античных кварталов, проводились в 1987-1989 гг. (рис. 15). Практически по всей территории квартала под полами усадеб, погибших в XIII в., располагалась аморфная засыпь толщиной 0,7-1,2 м, содержавшая большое количество костей, мелкого камня и мелких фрагментов керамики от IV-III вв. до н.э. до IX-XI вв., в том числе фрагменты ранневизантийской керамики и стекла. Так, в усадьбе 3 фрагменты краснолаковой посуды и стеклянных рюмок были найдены между стенами помещения 1, в помещении 2 обнаружена амфора типа LRA3, фрагменты краснолаковой посуды ранневизантийского времени выявлены в засыпи под помещениями 3 и 4. К числу наиболее интересных находок относится найденный в помещении 2 усадьбы 3 фрагмент донной части миски группы «Фокейской краснолаковой» с плохо оттиснутым клеймом в виде креста на дне (инв. № 14/37221; рис. 17,*6*). Глина светло-красная (2.5YR 6/8), плотная, хорошо отмученная, с мелкими сероватыми и светлыми включениями, а также мелкими точечными пустотами. Лак жидкий, тусклый.

Под засыпью IX-XI вв. выявлен прискальный глинистый слой толщиной 5-7 см с керамикой и другим археологическим материалом, относящимся к IV-III вв. до н.э., а во дворе усадьбы 1 открыта узкая полоса глинистого слоя шириной около 0,7 м и толщиной 0,3-0,5 м с материалом второй половины IV в. до н.э. и доньями пифосов, стоящими в ряд параллельно западной стене двора. Что же касается ранних строительных остатков, то на отдельных участках сохранились вырубы в скале или фундаменты, оставшиеся от построек IV-III вв. до н.э. Так, на VIII поперечную улицу выходили фундаменты, сложенные из мелкого бута на глине, на которых лежали тесаные рустованные блоки, сохранившиеся в помещениях 4-5; под помещениями 3, 4-5а выявлены остатки стены из бутового камня на глине, идущей параллельно поперечной улице, в помещении 4 она стыкуется с другой стеной того же времени. Таким образом, здесь можно проследить очертания одного из помещений дома IV в. до н.э.

Строительных остатков римского и ранневизантийского времени в квартале не обнаружено, за исключением рыбозасолочной цистерны, выявленной под помещением 1 усадьбы 3. Размеры цистерны 2,75x4,5x5,2 м, дно и стены оштукатурены цемянкой. До глубины 3,2 м цистерна использовалась как подвал поздней усадьбы. Под полом подвала располагалась засыпь, состоявшая из

земли, камня, огромного количества раковин моллюсков и фрагментов керамики и стекла.

Амфоры в засыпи представлены лишь фрагментом округлого дна с круглым углублением на нижней поверхности и светлой обмазкой на поверхности (рис. 18,*1*). Глина желтовато-розовая, плотная, с редкими мелкими черными и белыми включениями и редкими частицами слюды. Возможно, относится к кругу амфор критского производства.

Краснолаковая керамика представлена 14 фрагментами мисок группы «Фокейской краснолаковой» формы 3, а также фрагментом миски группы «Фокейской краснолаковой» формы 10А, бытовавшей с конца VI в. [31, p. 346], с клеймом в виде деградированного креста с орнаментальными подвесками, принадлежащим к третьей хронологической группе по Дж. Хейсу (инв. № 99/37168; рис. 16,*1*). Лак красный, тусклый, наложен только на внутреннюю поверхность сосуда и наружную сторону венчика, причем на внешней стороне венчика обесцвечен; на внешней стороне тулова – подтеки лака. Глина красная (10R 5/8), плотная, хорошо отмученная, с многочисленными мельчайшими желтоватыми включениями.

Кроме того, в засыпи обнаружено около 30 фрагментов **светлоглиняных блюд на высоком кольцевом поддоне** с горизонтально отогнутым венчиком, в том числе фрагмент блюда с широким, горизонтально отогнутым бортиком и на высоком кольцевом поддоне с двумя врезными концентрическими окружностями на дне (инв. № 98/37168; рис. 16,*2*) и фрагмент еще одного блюда с широким, горизонтально отогнутым бортиком (инв. № 98/37168; рис. 16,*3*). Глина первого – розовая (5YR 7/6), плотная, хорошо отмученная, без видимых включений, второго – светло-красная (10R 6/8), у поверхности – бежевая, плотная, хорошо отмученная, без видимых включений. Вторая половина VI – VII вв.

Светильники:

– фрагмент светильника с изображением двух колонн с опирающейся на них полукруглой аркой (инв. № 95/37168; рис. 17,*1*). Глина пережжена до темно-красновато-серого цвета, плотная, очень хорошо отмученная, с редкими мелкими светлыми и темными включениями. На поверхности – пережженный до коричневого тусклый жидкий лак. По мнению В. Н. Залесской, на светильниках данного типа представлено изображение купола усыпальницы святого мученика в сочетании с крещальней [50, с. 234]. Д. С. Коробков высказал мнение о том, что на светильниках помещено символическое изображение синагоги [51, с. 149-157]. Значительное количество подобных светильников происходит из района Сарачаны в Константинополе. Опубликовавший их Дж. Хейс, который интерпретировал изображение как «*diadem head*» с орнаментом в виде колонн по сторонам (тип 8), датировал их второй половиной VI в. и предположил их египетское происхождение [9, p. 82]. Д. В. Журавлев, учитывая значительное количество подобных светильников в Причерноморье, а также характеристики глины и ла-

кового покрытия, пришел к выводу об их производстве в одном из причерноморских городов [52, с. 346, рис. 6,7];

– петлевидная уплощенная ручка светильника с широким желобком на внешней поверхности (инв. № 5/37168). Аналогична ручке вышеописанного светильника. Глина светло-красная (2.5YR 7/6), плотная, хорошо отмученная, практически без включений;

– фрагмент светильника со слегка вогнутым, сферическим в сечении дном, выделенным двумя врезными концентрическими окружностями (инв. № 96/37168; рис. 17,*2*). От внешней окружности к основанию рожка идут двойные врезные линии. Глина красновато-желтая (5YR 7/6), плотная, хорошо отмученная, без видимых включений;

– фрагмент светильника с округлым рожком (инв. № 3/37168; рис. 17,*3*). Глина пережженная до светлой красновато-коричневой (2.5YR 6/4), плотная, очень хорошо отмученная, без видимых включений;

– фрагмент светильника с петлевидной ручкой с продольным желобком на внешней поверхности, покатыми плечиками и заглубленным щитком (инв. № 4/37168). Глина пережженная до светлой красновато-коричневой (5YR 6/4), плотная, очень хорошо отмученная, без видимых включений.

Простая гончарная керамика:

– фрагмент сосуда с треугольным в сечении венчиком, с желобком на верхней поверхности (рис. 18,*3*). К наружной стороне венчика прикреплена овальная в сечении ручка, к верхней части которой прилеплена еще одна – полукруглая (?) в сечении. На бежевой поверхности следы копоти. Глина красновато-желтая (5YR 7/8), у поверхности бежевая, плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими светлыми и красноватыми включениями. Скорее всего, это фрагмент кувшина с двойной ручкой, которая предназначалась для крепления закрывавшей его крышки. Подобные кувшины были распространены в VII в. Они выявлены в Киликии (Анемуриум) [53, fig. 1,6; 54, p. 87, no. 527, fig. 52], Ликии (Ксантос, Лимира) [11, p. 297, fig. 5], на Самосе, Кипре (Саламис) [55, p. 53, no. 182, pl. 17] и в Константинополе [9, fig. 33,14.21]. Абсолютная аналогия рассматриваемому фрагменту, но с небольшой каплей желтой поливы, была найдена в рыбозасолочной цистерне, открытой в позднем помещении 3 (см. ниже; рис. 29,*6*). Не исключено, что рассматриваемый фрагмент тоже принадлежал поливному кувшину.

– конический в сечении кубок со следами ротации на внешней поверхности (инв. № 94/37168; рис. 17,*5*). Дно плоское, очень хорошо заглажено (можно даже сказать, залощено). На верхней части тулова два горизонтальных желобка. Глина красновато-желтая (5YR 6/6), плотная, очень хорошо отмученная, с единичными светлыми и сероватыми мелкими включениями. Аналогий ему найти не удалось, но не исключено, что он имеет то же происхождение, что и т.н. конические кубки с подтеками красновато-коричневого лака (см. рис. 10,*5,6*);

– нижняя часть тулова красноглиняного плоскодонного кувшина (рис. 18,*5*). На верхней части тулова сохранилась часть горизонтальной линии, нанесенной белым ангобом. Глина ярко-красная, с темными и светлыми включениями. D дна 4,0 см. В Херсонесе наиболее ранние экземпляры кувшинов с линейной росписью ангобом происходят из комплексов конца VI – первой четверти VII вв. (VII квартал Северо-Восточного района городища, цистерна 2а, слой 6, раскопки А. В. Сазанова; I квартал Северо-Восточного района, колодец, раскопки М. И. Золотарева), в Ильичевке они встречены в комплексах третьей четверти VI в. Что же касается верхней даты, то немало таких сосудов обнаружено в слое 2 цистерны 2 в квартале VII Херсонесского городища, датирующемся последней третью X – первой половиной XI вв. Таким образом, в целом этот тип сосудов следует датировать третьей четвертью VI – первой половиной XI вв. [56, с. 44-45]. По всей видимости, кувшины с росписью ангобом производились, помимо других крымских гончарных центров, и в Херсонесе: в заполнении водохранилища, засыпанного в первой половине IX в., найдены бракованные кувшины данного типа [39, с. 173].

– носик красноглиняного кумана (рис. 18,*4*).

Кухонная посуда представлена тонкостенным широкогорлым горшком с простым непрофилированным, слегка отогнутым наружу венчиком, ребристым туловом и уплощенной ручкой (рис. 18,*2*). Глина ярко-красная, с включением карбонатов и пироксена. D горла 9,0 см.

Стекло:

– одну из самых больших групп комплекса составляют фрагменты сосудов с выпуклым оплавленным краем, утолщенным венчиком, слегка наклонным наружу или, изредка, вовнутрь (6 экз.; рис. 19,*1-6*). Тулово сосудов, судя по сохранившейся в ряде случаев верхней части, имеет форму колокола. D венчиков 6,5; 7,0; 8,0 (2 экз.) и 9,0 см. Стекло полупрозрачное, зеленоватое, со светлыми сферическими и эллиптическими пузырьками. Поверхность сосудов, более блестящая и гладкая внутри, покрыта слоем продуктов иризации и местами выветривания. Одинаково могли принадлежать разным типам сосудов: рюмкам, лампадам, кубкам и проч.;

– фрагмент верхней части сосуда с выпуклым обработанным краем, утолщенным валикообразным, слегка наклонным наружу венчиком и округлым цилиндрическим туловом (рис. 19,*8*). D венчика 5,0 см. Стекло качественное, с легким оливковым оттенком, с редкими светлыми эллиптическими наклонными пузырьками. Поверхность более блестящая внутри, без следов выветривания;

– фрагмент стенки сосуда с округлым туловом с вертикальным рифлением (рис. 19,*10*). Стекло полупрозрачное, серовато-зеленоватое, со светлыми сферическими и эллиптическими пузырьками. Вся поверхность покрыта слоем продуктов выветривания;

– фрагмент стенки сосуда с округлым туловом с винтообразным рифлением. Стекло полупрозрачное, серовато-зеленоватое, со светлыми сферическими и эллиптическими пузырьками (эллиптические пузырьки наклонены вдоль рифления). Вся поверхность стекла покрыта слоем продуктов выветривания;

Сосуды с рифлением в Херсонесе встречаются чрезвычайно редко [35, с. 135]. Они характерны для Восточного Причерноморья, где в V – начале VII вв. были распространены сосуды с косым рифлением на полом кольцевом поддоне [57, с. 77, рис. 2,14].

– фрагмент лампады (?) с широким цилиндрическим туловом и узкой полой ножкой (рис. 19,*9*). Сохранились фрагмент тулова с выпукло-вогнутым дном и верхняя часть ножки. Стекло зеленоватое с редкими светлыми сферическими и эллиптическими вертикальными пузырьками;

– ножка лампады с широким цилиндрическим туловом и узкой полой ножкой (рис. 19,*12*). Ножка округлая цилиндрическая. Описываемый экземпляр, по-видимому, брак, т.к. ножка смята. На наружной стороне дна ножки – след от понтии в виде круглого скола. Стекло зеленоватое со светлыми сферическими и эллиптическими пузырьками. Радужный слой выветривания. Лампады данного типа получают распространение с конца V в. [35, с. 138-139];

– фрагмент, возможно, оконного стекла (рис. 19,*11*). Стекло синее, с редкими мелкими сферическими светлыми пузырьками, очень хорошего качества. Поверхность одной стороны фрагмента гладкая, другой – бугристая, со следами литья на каменной (?) поверхности. Блестящая поверхность покрыта тончайшим едва заметным радужным слоем;

– фрагмент верхней части сосуда, край оплавлен, венчик валикообразный, слегка наклонный вовнутрь, горло сужается книзу (рис. 19,*7*). Стекло полупрозрачное, серовато-зеленоватое, со светлыми сферическими и эллиптическими пузырьками. Вся поверхность стекла покрыта слоем продуктов иризации и выветривания;

– подставки рюмок – самая большая группа комплекса (рис. 19,*15-29*). В Полевой описи отмечены находки 33 подставок рюмок с двойными стенками. В коллекцию включено 24 экз. 22 из них сделаны из полупрозрачного, зеленоватого стекла со светлыми сферическими и эллиптическими пузырьками, 2 – из качественного стекла с легким оливковым оттенком, с редкими светлыми эллиптическими наклонными пузырьками. На нижней части большинства подножек имеется след от понтии. В количественном отношении преобладают подножки диаметром 4,2 см – 5 экз. и 3,7 см – 4 экз. Бытовали с конца V – VI вв. [35, с. 155];

– донце лампады (?), сделанной из синего стекла сильного оттенка, с редкими светлыми сферическими пузырьками (рис. 19,14). Дно выпуклое, сферическое. Ножка округлая, коническая, расходящаяся. На дне – налеп полукруглой формы;

– вогнутое коническое в сечении и круглое в плане дно без поддона (рис. 19,*13*). Стекло полупрозрачное, зеленоватое, со светлыми сферическими и эллиптическими пузырьками. Радужная пленка выветривания;

– фрагмент оконного стекла с косо обрезанным краем (рис. 19,*30*). Стекло зеленоватое с многочисленными, одинаково ориентированными эллиптическими пузырьками.

Кроме того, в засыпи цистерны найдены:

– овальная в плане и прямоугольная в сечении деталь наборной мозаики (инв. № 97/37168; рис. 20,*1*). Поверхность хорошо отшлифована. D – 5,9-6,2 см, толщ. – 1,7 см;

– 4 свинцовые кольцевидные, прямоугольные в сечении грузила: 1) D – 3,0-3,2 см, толщ. – 0,8-0,9 см; 2) D – 2,8-3,2 см, толщ. – 0,55-0,8 см; 3) D – 2,9-3,2 см, толщ. – 0,85 см; 4) D – 2,90-2,95 см, толщ. – 0,85 см. В центре грузил – круглое отверстие диаметром соответственно у 1 и 2 – 1,2 см, у 3 – 1,1-1,5 см и у 4 – 1,2-1,4 см (рис. 17,*4*; 20,*2*);

– 2 керамических грузила пирамидальной (рис. 18,*6*) и цилиндрической (рис. 18,*7*) формы, длиной соответственно 2,5 и 4,5 см.

Самые поздние монеты из засыпи цистерны относятся ко времени правления Юстиниана I (527-565). Однако, судя по присутствию фрагмента миски формы 10А группы «Фокейской краснолаковой», бытовавшей с конца VI в., а также фрагмента кувшина с двойной ручкой, характерного для комплексов VII в., засыпь цистерны следует датировать временем не ранее конца VI – начала VII вв.

Каких-либо других остатков застройки ранневизантийского времени в квартале обнаружено не было. Можно только предположить, что усадьбы, построенные в ранневизантийское время, существовали вплоть до пожара конца X – начала XI вв., т.к. на некоторых участках при удалении остатков домов, сгоревших в XIII в., удавалось проследить остатки горелого слоя. Так, в помещении 3 и во дворе усадьбы 1, расположенной на северном углу квартала X-А, был выявлен земляной пол, на котором в слое горения лежал материал IX-X вв., перекрытый черепицей от рухнувшей кровли.

Таким образом, строительных остатков римского и ранневизантийского времени в квартале не обнаружено, за исключением рыбозасолочной цистерны, выявленной под помещением 1 усадьбы 3 и засыпанной не ранее конца VI – начала VII вв.

КВАРТАЛ X-Б

Квартал X-Б расположен между VIIIA и IX поперечными улицами (рис. 21). К сожалению, кроме закрытой для исследования застроенной монастырем южной части квартала, фактически оказался недоступным для исследования участок с помещениями 15, 16 и 17, где слои были сильно нарушены и перемешаны при строительстве в XIX в. монастырских часовни и стены. Под их фундамент была вырыта широкая (до 3-4 м) траншея, разрушившая археологические слои на всем прилегающем к ним участке. Кроме того, во время строительства были разобраны почти все строительные остатки на этой территории, а полученный

камень использован в качестве строительного материала. Таким образом, говорить об археологической стратиграфии на участке нельзя, и весь полученный в ходе раскопок материал лишь определяет хронологические рамки его использования.

На остальной территории квартала Х-Б под полами усадеб, сгоревших в XIII в., выявлена засыпь, состоявшая из земли с небольшим количеством мелких фрагментов керамики IX-XI вв., причем в помещении 9 усадьбы 2 ее толщина колеблется от 2,0 м в западной части до 0,6 м в восточной, что объясняется падением скалы в западном направлении. Под засыпью, как и в других кварталах района, обнаружены многочисленные строительные остатки эллинистического времени. Так, у южной стены помещения 1 усадьбы 1 выявлен подруб скалы, оставшийся от эллинистического помещения. В помещении 8 той же усадьбы открыта эллинистическая стена, параллельная стене, разделявшей поздние помещения 7 и 8. Остатки стены этого же времени, идущей с северо-запада на юго-восток и сложенной из полуобработанного бута на глиняном растворе, обнаружены и в помещении 6. В западной части помещения 9 усадьбы 2 сохранился подруб глубиной 0,3-0,4 м от эллинистического подвала. К этому же времени относятся и открытые в помещении небольшие фрагменты стен. Так, восточная стена помещения 15, примыкающего к поперечной улице VIIIа, перекрывает стену эллинистического времени, сложенную из тесаных блоков на глиняном растворе. В ней имеется канал выходящего на улицу водостока (0,6х0,7 м). Остатки стен эллинистического времени, сохранившиеся на высоту 2-3 рядов кладки, т.е. на 0,5-0,7 м, открыты также в помещении 16. Возле одной из стен найдены следы бытовой печи в виде сильного пережженного глиняного пода площадью около 0,8 кв. м. Строительные остатки сопровождались эллинистическим материалом, содержавшимся в наскальном слое и в скальных углублениях.

Остатки античной застройки выявлены и при раскопках помещения 5/10, где в античное время находился двор с двумя грушевидными цистернами и подвалом. Цистерна 1 полностью вырублена в скале и частично (верхняя часть на глубину 1,6 м) облицована тесаным камнем. В восточной стене цистерны имеется небольшая ниша, а на дне – углубление, куда стекали остатки воды, что было особенно удобно при ее чистке и ремонте. Вся цистерна была оштукатурена цемянкой, остатки которой были видны на отдельных участках стен. Без горловины глубина цистерны – 3,7 м, диаметр – 1,6 м. Засыпь цистерны состояла из земли от рухнувших стен и содержала довольно однородный материал, включавший черепицу, поливную посуду, представленную фрагментами белоглиняных блюд и мисок, покрытых светло-зеленой или светло-оливковой поливой с марганцевыми полосами и штампами группы Glazed White Ware II по Дж. Хейсу середины IX – XII вв. [9, p. 18], а также тарную керамику, в основном кувшины с плоскими ручками, появление которых исследователи датируют серединой – второй половиной / концом IX в., расцвет относят к X – первой половине XI вв., а конец бытования – к концу XI – началу и первым десятилетиям XII вв. [58, с. 175;

56, с. 47; 59, с. 320; 60, с. 54, 57]. Т.е. цистерна была засыпана в X-XI вв., и логично предположить, что она использовалась и в ранневизантийский период, и двор в это время также находился приблизительно на этом же месте.

Вторая цистерна, открытая в помещении 5, относится, скорее, к эллинистическому времени. Она вырублена в скале, но, по-видимому, не была достроена, т.к. никаких следов облицовки не выявлено. Каких-либо находок в ее засыпи не было. Рядом с ней располагался эллинистический подвал, который перекрыли две стены, одна из которых принадлежала помещению усадьбы XII-XIII вв. Верхний слой засыпи подвала толщиной 0,2-0,3 м состоял из земли и керамики X-XI вв., в основном кувшинов с плоскими ручками и поливной белоглиняной посуды со штампами (группа GWW II). Нижний слой содержал фрагменты керамики III-II вв. до н.э., наряду с которой найдены краснолаковые миски I-II вв., которые, по-видимому, попали в засыпь во время строительства впущенной в засыпь подвала стены 1, возле которой они лежали. Не исключено, что усадьба, которой принадлежала эта стена, существовала и в ранневизантийский период.

К ранневизантийскому времени, по-видимому, относится также слой отесов скалы толщиной 5-10 см, обнаруженный у восточной стены помещения 1 усадьбы 1.

В позднем помещении 3 была открыта рыбозасолочная цистерна размерами 4,0x3,2x5,1 м. Время ее строительства определить невозможно, однако она, несомненно, использовалась в ранневизантийское время. Засыпь ее включала следующий материал.

Амфоры:

Доминируют в комплексе амфоры типа LRA1 (с рифлением типа набегающей волны), представленные 22 фрагментами, в том числе 6 фрагментами овальных в сечении ручек с тремя сдвинутыми в сторону ребрами и 16 фрагментами горл. Практически все принадлежали типу 1B1 по Пьери начала VI – VII вв. [13, p. 76]:

– 4 фрагмента цилиндрических горл с отогнутым наружу простым венчиком, ребром на уровне верхнего прилепа овальных в сечении ручек с тремя сдвинутыми в сторону ребрами (Б92; рис. 22,*1*). D горла представленного на рисунке фрагмента 9,5 см;

– фрагмент расширяющегося кверху горла с небольшим валикообразным венчиком и овальными в сечении ручками с тремя сдвинутыми в сторону ребрами (Б93; рис. 22,*3*). На ручке – остатки красной краски. Глина светлая, с многочисленными и разнообразными включениями. D венчика 9,5 м. По рисунку трудно определить тип амфоры, которому принадлежал фрагмент. Однако диаметр горла и сечение ручки, более характерные для поздних вариантов, говорят, скорее, в пользу типа 1B1 по Пьери;

– 11 фрагментов горл (Б107-108; рис. 22,*2,4*). D венчика 9,5 (1), 11,5 (10) см. Горла, представленные на рисунке, скорее всего, относятся к типу 1B1 по Пьери;

– несколько фрагментов стенок с дипинти красной краской (Б66; рис. 22,*6*).

Амфоры типа Opait B-Id [4, p. 28-29] представлены 7 фрагментами. А. Опайт отмечает, что в Западном Причерноморье поздний вариант (тип Opait B-1d) был особенно распространен во второй половине VI в. [*Ibid.*, p. 29], хотя появляется значительно раньше. А. В. Сазанов датирует его появление второй четвертью V в. [7, p. 124]:

– фрагмент амфоры с высоким узким горлом, небольшим валикообразным венчиком, покатыми плечиками и желобчатым туловом (Б37; рис. 23,*1*). Ручки небольшие, овальные в сечении, со сдвинутым в сторону валиком на внешней поверхности. На поверхности – светлый ангоб. Глина кирпично-красная, плотная, с примесью крупных бурых частиц и редких мелких включений известняка. D венчика 6,0 см;

– фрагмент цилиндрического горла с небольшим валикообразным венчиком и овальными в сечении ручками со сдвинутым в сторону валиком на внешней поверхности (Б44; рис. 23,*4*). Глина ярко-оранжевая, плотная, с редкими включениями железистых минералов;

– фрагмент цилиндрического горла с небольшим валикообразным венчиком и овальными в сечении ручками со слабой профилировкой на внешней поверхности (Б83; рис. 23,*3*). На поверхности – светлый ангоб. Глина коричневато-оранжевая, плотная, с примесью карбонатов и бурых частиц. D венчика 5,0 см;

– 2 фрагмента цилиндрических горл с небольшим округлым венчиком и овальной в сечении ручкой с небольшим валиком на внешней поверхности (Б95; рис. 23,*5*). D венчика 6,5 см;

– 2 фрагмента горл с небольшим валикообразным венчиком и 2 фрагмента овальных в сечении ручек с валиком на внешней поверхности (Б106; рис. 23,*2*). D венчика 8,0 см;

– 2 фрагмента округлых доньев со следами белого ангоба (Б98; рис. 23,*6*). Глина красная с оранжевым оттенком, плотная, с примесью бурых частиц и карбонатов.

Амфоры с перехватом (Зеест-103 [5, табл. XL, 103]), широко распространенные в Северном и Восточном Причерноморье, производились в IV-VI вв. в нескольких центрах Колхиды [61; 62], хотя не исключается возможность их производства в Гераклее [4, p. 32]:

– фрагмент узкого горла с подтреугольным в сечении нависающим венчиком, почти горизонтальными плечиками, с легким рифлением на уровне нижнего прилепа ручек (Б40; рис. 22,*7*). Ручки овальные в сечении со слабой профилировкой на внешней поверхности. На поверхности – следы жидкого ангоба. Глина розовато-коричневая, с легким сиреневым закалом, плотная, с немногочисленными частицами пироксена и многочисленными крупными включениями карбонатов. D венчика 6,0 см. Возможно, тип Kx ID1 по С. Ю. Внукову, первой половины IV в. [63, с. 13];

– фрагмент горла с уплощенными ручками с легкой вогнутостью на внешней и внутренней поверхностях (Б77; рис. 22,*8*). На внутренней поверхности горла – следы черного вещества, возможно, нефти, которую, по предположению некоторых исследователей, перевозили в таких амфорах [64, p. 86-93]. Глина желтая, грубая, с примесью пироксена, мелкой гальки и песка;

– фрагмент горла с перехватом в нижней части и подпрямоугольным в сечении венчиком (Б113; рис. 22,*9*). D венчика 6,0 см. Возможно, тип Кх ID2 по Внукову, второй половины IV – VI вв. [63, с. 13];

– конусовидная ножка с округлой подошвой (Б102). Внутри – следы смоления. Глина светло-коричневая, грубая, с примесью песка, карбонатов, пироксена, оранжевых частиц.

Скорее всего, амфорам т.н. сиро-палестинского типа (Palestinian bag-shaped amphorae, LRA5/6) принадлежало несколько ручек. Этот характерный палестинский тип производился в нескольких центрах региона с IV по VIII вв. включительно [10, p. 198; 65, p. 239]. Судя по цвету и обжигу черепка, выявленные ручки принадлежали амфорам южно-палестинского производства [66, p. 216; 67, p. 80; 10, p. 198; 65, p. 239]:

– 3 фрагмента стенок с густым глубоким рифлением на стенке и овальной в сечении ручкой с двумя слабо выраженными желобками с невысоким валиком между ними на внешней поверхности (Б6; рис. 24,*1*). Глина светло-розовая с желтоватым оттенком, с включением карбонатов;

– фрагмент стенки с густым глубоким рифлением на стенке и овальной в сечении ручкой с двумя слабо выраженными желобками с невысоким валиком между ними на внешней поверхности (Б35; рис. 24,*2*). Глина желтовато-розовая, с включением карбонатов;

– фрагмент амфоры сиро-палестинского типа (?) с глубоким и частым рифлением на стенке и петлевидной ручкой (Б97; рис. 24,*5*);

– 4 фрагмента ручек амфор: две овальные в сечении с валиком на внешней поверхности, две – с глубоким желобком (Б125-126; рис. 24,*3,4*).

Амфоре типа Газа (LRA 4) принадлежал фрагмент рифленого корпуса с округлым дном (Б103; рис. 24,*6*). Судя по форме тулова и дна, она принадлежала форме 4 по классификации G. Majcherek, датирующейся концом VI – VII вв. [18, p. 169], хотя, возможно, производившейся до середины VIII в. [19, p. 116-117].

Амфоры критского производства типа Зеест-99 [5, табл. XXXIX,99], датирующиеся последней четвертью VI – первой половиной VII вв. [4, p. 24, pl. 15,4-7; 29, с. 35-36, табл. 11,68; 17, класс 16], представлены двумя фрагментами:

– фрагмент верхней части тулова с сильно расширяющимся книзу горлом, вертикальным непрофилированным венчиком со слабо выраженной бороздкой под ним и дуговидными, широко расставленными ручками, профилированными несколько сдвинутым в сторону валиком на внешней поверхности

(Б36; рис. 25,*1*). На поверхности – светлый ангоб. Глина желтовато-розовая, хорошо отмученная, без видимых включений;

– фрагмент цилиндрического горла с косо срезанным краем (Б42; рис. 25,*2*). Глина розоватая, хорошо отмученная, без видимых включений.

К амфорам критского производства, по-видимому, принадлежала и верхняя часть тулова с коротким, слегка раздутым горлом, валикообразным венчиком и овальными в сечении широко расставленными ручками (Б124; рис. 25,*3*). Глина желтая. D венчика 8,0 см.

Тремя фрагментами представлены амфоры типа LRA2 [8, p. 217-218] (Hayes-type 9) третьей четверти V – третьей четверти VII вв. [9, p. 20, 66]:

– 2 фрагмента воронковидных горл (Б114; рис. 25,*4*). D венчика 12,5 см;

– фрагмент воронковидного горла (Б94; рис. 25,*5*). Глина светло-коричневая, с оранжевым оттенком, плотная, с примесью карбонатов и железистых минералов. D венчика 13,0 см.

Амфоры, одна из которых изображена на рис. 25,*4*, относятся к типу LRA2B по Пьери [13, p. 88] и, скорее всего, могут быть отнесены ко времени до середины VI в. или до последней трети столетия, когда амфоры с коническим горлом, заканчивающимся воронкой, сменяют амфоры с более или менее цилиндрическим горлом со слабо выраженным воронковидным завершением или простым валикообразным венчиком (тип LRA 2C по Пьери) [*Ibid.*]. Именно к этому типу, датирующемуся последней третью VI – первой половиной VII вв., относится амфора, изображенная на рис. 25,*5*. Амфоры данного типа составляли значительную часть (около 80 экз.) груза корабля, потерпевшего крушение у Yassi Ada около 626 года [71, p. 157-160, fig. 8-4-6].

Фрагмент высокого, слегка раздутого горла с треугольным в сечении венчиком (Б110; рис. 26,*1*) из почти белой с желтоватым оттенком глины с примесью крупных частиц пироксена принадлежал синопской амфоре типа C Snp III по Кассаб Тезгёр, IV – начала VI вв. [3, p. 130-133].

Синопского происхождения была, по-видимому, амфора с суживающимся книзу горлом из светлой розовато-сиреневой глины с пироксеном (Б111; рис. 26,*3*), однако найти аналогии и определить ее дату не удалось.

Крышки:

– крышка с округлыми стенками и выступом в форме несимметричного усеченного конуса в верхней части (инв. № 14/37286; рис. 25,*7*). Глина бежевая, на поверхности – редкие белые частицы (целая форма изделия не позволила подробно описать глину). На обеих поверхностях – следы ротации;

– крышка с загнутым вверх краем и конической верхней частью с неаккуратно срезанной верхушкой (инв. № 14/37286; рис. 25,*6*). Глина неравномерно обожженная: в сердцевине – светлая красновато-коричневая (5YR 6/4), у поверхности – бежевая, плотная, хорошо отмученная, с единичными частицами слюды и редкими светлыми включениями. На поверхности – светлый

ангоб (?). Считается, что крышки подобной формы делались специально для амфор типа LRA2, что подтверждает идентичность глины, из которой выполнена описываемая крышка, с глиной амфор типа LRA2.

– 2 конические крышки с неаккуратно срезанной верхней поверхностью (рис. 25,*8*). Глина светлая, красновато-коричневая, плотная, хорошо отмученная, с многочисленными мелкими желтоватыми включениями. На поверхности – редкие белые частицы. На обеих поверхностях – следы ротации.

Краснолаковая посуда:

Наибольшим количеством фрагментов представлена посуда группы «Фокейской краснолаковой»: 1 фрагмент с двумя рядами насечек на внешней поверхности венчика принадлежит форме 3F (рис. 27,*1*) и 8 – либо относятся к форме 10A, либо представляют собой переходную форму от поздних вариантов мисок формы 3 к сосудам формы 10 (рис. 27,*3-10*). Все миски сделаны из плотной хорошо отмученной светло-красной (2.5YR 6/6; 6/8; 7/6; 6/6; 10R 6/6; 6/8) глины с разным количеством мелких светлых включений, иногда с немногочисленными частицами слюды. На поверхности часто видны следы ротации. Лак жидкий, тусклый, в некоторых случаях на внешней поверхности венчика лак во время обжига приобрел темно-красновато-коричневый цвет.

Один фрагмент, по-видимому, следует отнести к форме 10C (рис. 27,*12*). Глина фрагмента бледно-красная (10YR 6/4), плотная, хорошо отмученная, с многочисленными мельчайшими желтоватыми включениями. Лак жидкий, тусклый, практически полностью сливается с глиной и создается впечатление, что его совсем нет. Обе поверхности сосуда хорошо заглажены.

Скорее всего, к этой же форме можно отнести фрагмент миски с округлым туловом и подпрямоугольным в сечении, почти горизонтально отогнутым венчиком (рис. 27,*11*). Глина фрагмента светло-красная (10R 7/8), плотная, хорошо отмученная, с многочисленными мельчайшими желтоватыми включениями. Лак тусклый, жидкий на внутренней поверхности и несколько более плотный – на наружной.

Сосудам этой же группы «Фокейской краснолаковой» принадлежали 7 фрагментов доньев на низком кольцевом поддоне (рис. 28,*1-6*), в том числе фрагмент дна с клеймом в виде четырехлепестковой розетки больших размеров в центре (инв. № 10/37286; рис. 28,*6*). Внутренняя поверхность последнего хорошо заглажена и покрыта жидким тусклым лаком. На нижней – следы ротации. Глина светло-красная (10R 6/6), плотная, хорошо отмученная, с многочисленными мелкими желтоватыми включениями.

Несколько фрагментов принадлежали мискам формы 99 группы «Африканской краснолаковой». Один, скорее всего, относится к типу B (рис. 28,*7*). Лак покрывает только внутреннюю поверхность тулова и наружную поверхность венчика. Внешняя поверхность либо очень хорошо заглажена и даже слегка залощена, либо покрыта значительно более жидким лаком, чем внутренняя. Глина красная (10R 5/8), плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими красно-

вато-коричневатыми и светлыми включениями. Два фрагмента, судя по небольшому размеру венчика и низкому небольшому поддону со слабо выраженным ребром в месте перехода от дна к стенкам тулова на внутренней поверхности, следует отнести к типу С (рис. 28,*8,9*). Лак последнего фрагмента красный, густой, плотный, с блеском, покрывает только внутреннюю поверхность фрагмента. Глина красная (10R 5/8), мелкозернистая, с единичными мельчайшими светлыми включениями, частицами слюды и серовато-коричневатыми включениями. Дж. Хейс датировал появление формы приблизительно 510 годом, тип В – 530-580 гг., а тип С – 560/580-620 гг. [31, p. 155]. Однако по поводу бытования формы в целом и каждого из ее типов ведется дискуссия. Так, по мнению М. Макензена, отсутствие формы 99С в Карфагене в комплексах начала VII в. свидетельствует о завершении ее производства около 580 года [72, s. 417]. М. Бонифе датирует форму 99 (Sigillée Type 55A-C по Бонифе) концом V – концом VII вв. [73, p. 180-81, fig. 96].

Один фрагмент принадлежал форме 91 группы «Африканской краснолаковой» (рис. 28,*10*). Лак красный, плотный, густой, с блеском; покрывает только внутреннюю поверхность и верхнюю поверхность венчика. Внешняя поверхность очень хорошо заглажена и даже слегка залощена. Глина неравномерно обожжена: сердцевина – темная серовато-коричневая, а тонкий слой у поверхности – красный (10R 5/8), плотная, хорошо отмученная, с редкими мельчайшими светлыми включениями и редкими мелкими частицами слюды. Судя по форме и расположению бортика, качеству обработки внешней поверхности и фактуре глины, фрагмент относится к типу В или В/С по Дж. Хейсу, датирующимся соответственно 450-530 гг. и началом VI в. [31, p. 144]. Однако М. Бонифе расширил рамки бытования формы 91 (Sigillée Types 49-50, 52 и 54 по Бонифе) на 60-70 лет и датировал ее V-VII вв. [73, p. 177-79, 181, fig. 95].

Бежевоглиняные блюда на высоком кольцевом поддоне:

– фрагмент блюда с горизонтально отогнутым бортиком на высоком кольцевом поддоне (инв. № 16/37286; рис. 29,*1*). На внутренней поверхности тулова и на верхней поверхности бортика – беспорядочное лощение. Наружная сторона хорошо заглажена. Глина неравномерно обожженная, светло-красная (2.5 YR 6/6) со светло-коричневым закалом, плотная, хорошо отмученная, с мелкими частицами слюды;

– 2 фрагмента блюд с горизонтально отогнутым бортиком (инв. № 16/37286; рис. 29,*2*). Глина бежевая, плотная, хорошо отмученная, с мелкими частицами слюды. Внутренняя поверхность тулова и верхняя поверхность бортика очень хорошо заглажены, видны горизонтальные залощенные полосы. На внутренней поверхности сосуда видно значительно большее количество частиц слюды, чем в самом тесте и на наружной незалощенной поверхности. Наружная сторона хорошо заглажена;

– фрагмент дна на высоком кольцевом поддоне. На дне – две врезные слегка сглаженные концентрические окружности (рис. 29,*3*). Глина бежевая, неравномерно обожженная (в сердцевине – несколько другого оттенка), плотная,

хорошо отмученная, с мелкими частицами слюды. Внутренняя поверхность тулова слегка залощена (без блеска). На внутренней поверхности сосуда видно значительно большее количество частиц слюды, чем в самом тесте и на наружной незалощенной поверхности. Наружная сторона хорошо заглажена;

– 2 фрагмента блюд на высоком кольцевом поддоне (Б81; рис. 29,*4*). На дне – две врезные слегка сглаженные концентрические окружности. Глина неравномерно обожженная: в сердцевине – светло-красная (2.5 YR 6/6), у поверхности – бежевая, плотная, хорошо отмученная, с мелкими частицами слюды. Внутренняя поверхность тулова слегка залощена (без блеска). Наружная сторона хорошо заглажена.

Особый интерес представляют выявленные в засыпи цистерны три фрагмента **поливной посуды**:

– фрагмент поливного горшка с округлым расширяющимся книзу туловом, коротким носиком и отогнутым наружу подтреугольным в сечении венчиком с небольшой вогнутостью на внутренней поверхности (закраина для крышки?) (Б132; рис. 29,*5*). Под носиком – регулярное рифление. Снаружи сосуд сильно обгорел. На внутренней поверхности сосуда и венчике – ровный слой темно-оливковой поливы, наложенной непосредственно на глину. Глина желтая, местами пережжена до серого, с примесью мелкого песка. D венчика 15,0 см. Найден в 5-м метре засыпи. Точные аналогии (совпадают форма венчика, тулова, тонкостенность сосудов, характеристики глины, обжига и поливы) происходят из Deposit 30, датирующегося 650-670 гг., из Сарачан в Константинополе. Дж. Хейс определяет их как «spouted jugs» [74, p. 205, fig. C,4,5]. Похожие «широкогорлые кувшины с ручками» (wide-mouthed jugs with handles) с аналогичными характеристиками глины и поливы найдены в слое с монетами Фоки (602-610) и Константина IV (668-685) при раскопках Большого дворца в Константинополе, где, в частности, был найден и носик, аналогичный описываемому [75, p. 34, pl. 15,6,7].

– фрагмент кувшинчика со слегка раздутым горлом и довольно широким бортиком под венчиком (рис. 29,*6*). К боковой поверхности венчика прикреплена плосковыпуклая в сечении ручка, профилированная тремя слабо выраженными продольными выступами, к верхней поверхности основной ручки прикреплена еще одна, круглая в сечении. На ручке – капля желтой поливы. Глина белая, плотная, хорошо отмученная, с мельчайшими коричневатыми включениями. Надо отметить, что венчик сосуда повторяет форму венчика поливных белоглиняных мисок с плоским дном, выполненных из белой плотной глины и покрытых густой желтой поливой, найденных в засыпи херсонесского водохранилища [39, с. 176, рис. 9,6,14; 76, с. 646, рис. 1,1-7] и из раскопок Большого дворца в Константинополе, где они были найдены в слое с монетой Льва V (813-820) (стадия II) [75, p. 38, pl. 15,31]. В том же слое в Большом дворце найден фрагмент кувшина с похожей двойной ручкой с пятном поливы. Р. Стивенсон отмечает находки фрагментов аналогичных ручек, также с маленькими пятнышками по-

ливы, но выполненных из красной глины, в слое Стадии I [Ibid., p. 38, pl. 15,43]. Однако точные аналогии (совпадают характеристики глины, немногочисленные капли поливы, форма венчика, горла и ручки) происходят из комплекса 30 650-670 гг. в Сарачанах (Константинополь) [74, p. 206, fig. D,27-29].

Дж. Хейс объединяет подобные сосуды в группу Glazed White Ware I и относит их к продукции мастерских Константинополя, где их найдено огромное количество и откуда происходят неполивные сосуды аналогичной формы [9, p. 12]. Это предположение подтверждено химическим анализом глины рассматриваемой посуды, показавшим на местечко Anavatköy на Босфоре как на возможный источник белой глины, из которой ее делали [77, p. 258]. Считается, что эта группа поливной керамики появляется в Константинополе уже к началу VII в. (ca. 600) [9, p. 12, 13; 78, p. 177]. Не исключено, что она продолжает линию развития открытых поливных сосудов с бортиком под венчиком, бытовавших в Северной Италии в V–VI вв. и встречающихся там и в первой половине VII в. [79, p. 7, 10, pl. 3,2-8; 8,7-8]. Посуда этой группы была широко распространена по всему византийскому миру: ее находки зафиксированы на Кипре, в Карфагене, в бассейне Эгейского моря (Афины, Эгина, Крит), Малой Азии (Илион, Магнезия-на-Меандре, Милет, Kamman-Kalehöyük и др.) [80, p. 164].

В течение VII в. поливная посуда, покрытая зеленоватой, коричневатой или желтой поливой, начала постепенно вытеснять краснолаковую, и, возможно, выявленные в цистерне фрагменты закрытых сосудов фиксируют начальный этап этого процесса, когда полива использовалась не в декоративных целях, а как покрытие внутренней поверхности кухонных сосудов (sealant).

Светильники:

– светильник с отбитым носиком (инв. № 15/37286; рис. 29,*7*). Плечики украшены слабо оттиснутым орнаментом в виде побега плюща (?). На круглом заглубленным щитке, отделенном от плечиков рельефным ободком, – слабо оттиснутое изображение двух колонн с опирающейся на них полукруглой аркой. Отверстие для наливания масла разбито. Дно слегка вогнутое, сферическое в сечении. Ручка петлевидная с широким желобком на внешней поверхности. На носике – следы копоти. Глина светлая красновато-коричневая (2.5YR 6/4), плотная, хорошо отмученная, с многочисленными частицами слюды. Сформован довольно небрежно. Вторая половина VI в. [9, p. 82];

– фрагмент светильника со слегка вогнутым щитком с рельефным изображением двух колонн с опирающейся на них полукруглой аркой базилики и слегка выпуклым, сферическим в сечении дном (рис. 29,*8*). На поверхности – следы перегоревшего красного лака. Глина перегорела до черного, очень плотная, хорошо отмученная, без видимых включений;

– светильник с изображением креста с расширяющимися концами на овальном заглубленном щитке, отделенном от плечиков двойным рельефным ободком, который открывается в сторону носика и окаймляет отверстие для фитиля

(инв. № 11/37286; рис. 29,*9*). На плечиках – рельефные овалы. Ручка в виде защипа. Переход от дна к носику и ручке оформлен на нижней поверхности врезными линиями. Слегка вогнутое сферическое в сечении дно обрамлено рельефным ободком, подчеркнутым с обеих сторон врезными линиями. На верхней поверхности – следы бурого лака, на нижней – его подтеки. Глина розовая (7.5YR 7/3), хорошо отмученная, без видимых включений. Похожие светильники из Эфеса датируются 550-650 гг. [48, p. 390, pl. 112,3189, fig. 36].

Простая гончарная посуда:

– 2 фрагмента кувшинов с узким расширяющимся книзу горлом (Б41; рис. 30,*6*). Верхняя часть горла – воронкообразная с подтреугольным в сечении венчиком. Овально-уплощенные в сечении ручки верхним прилепом крепятся под воронкой. Глина кирпично-красная, с темно-серым закалом, плотная, с включением карбонатов. D венчика 6,0 см;

– фрагмент кувшина с широким цилиндрическим горлом с отогнутым наружу венчиком со слегка утолщенным краем (Б58; рис. 30,*1*). Ручка уплощенная, со слабо выраженным валиком на внешней поверхности. Глина оранжево-красная, плотная, с примесью мелкодробленого песка, карбонатов и пироксена. D венчика 13,0 см;

– фрагмент широкогорлого сосуда с утолщающимся к краю отогнутым наружу венчиком с продольным желобком на верхней поверхности и валиком под венчиком (Б67; рис. 30,*2*). Глина кирпично-красная, плотная, с примесью мелкозернистого песка, карбонатов и оранжевых частиц. D венчика 24,0 см;

– фрагмент ойнохои с округлым туловом, широким горлом с легким рифлением и отогнутым наружу венчиком с загнутым вверх краем (Б85; рис. 30,*3*). Ручка уплощенная, с легкой профилировкой на внешней поверхности. Глина красная, плотная, хорошо отмученная, с примесью карбонатов и песка. D венчика 10,0 см;

– фрагмент ойнохои с округлым туловом, широким горлом, с легким рифлением и отогнутым наружу венчиком (край отбит) (Б86; рис. 30,*4*). Ручка уплощенная с легкой профилировкой на внешней поверхности. Глина красная, плотная, хорошо отмученная, с примесью карбонатов и песка. D горла 7,0 см.

Ойнохои с т.н. «гофрированным» горлом обычно украшены росписью ангобом [39, с. 172], которая отсутствует на сосудах из описываемой цистерны. Возможно, параллельно бытовали как расписанные, так и недекорированные ойнохои.

Кроме того, в цистерне обнаружено несколько фрагментов сосудов с росписью ангобом:

– фрагмент кувшина с округлым туловом и суживающимся кверху горлом (верхняя часть горла отбита) (Б84; рис. 30,*5*). На горле и плечиках – горизонтальные полосы, нанесенные белым ангобом. Глина коричневато-оранжевая, плотная, с примесью мелких карбонатов. D горла 4,0 см. Третья четверть VI – первая половина XI вв. [56, с. 44-45];

– фрагмент миски с коническим туловом, высоким, слегка наклонным вовнутрь бортиком с подтреугольным в сечении ребром на месте перехода от бортика к тулову на внешней поверхности (инв. № 8/37286; рис. 30,*7*). На внешней поверхности бортика – роспись светлым ангобом: волнистая линия, под которой располагается арочный орнамент. Глина красная (2.5YR 5/8), плотная, со светлыми, коричневатыми и мельчайшими сероватыми включениями. Сосудов похожей формы, которые можно было бы привести в качестве аналогии описываемой миске, найти не удалось.

Кухонная посуда:

– фрагмент кастрюли с округлым суживающимся книзу туловом и отогнутым наружу широким бортиком с закраиной для крышки (Б72; рис. 31,*6*). Под бортиком – след от уплощенной горизонтальной ручки. Глина серовато-коричневая, с примесью песка и карбонатов. На поверхности – следы копоти. D венчика 35,0 см;

– 4 фрагмента горшков с биконическим туловом с легким рифлением под отогнутым наружу бортиком с закраиной для крышки (Б73; рис. 31,*2*). К наружной стороне венчика прикреплена уплощенная ручка с легкой профилировкой на внешней поверхности. Глина ярко-оранжевая, мелкозернистая, со значительной примесью песка. D венчика 16,0 см;

– 15 фрагментов горшков с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком с закраиной для крышки. На некоторых фрагментах сохранились остатки ручек округлого сечения (Б76; рис. 31,1,*7*). Глина серая или серовато-коричневая, грубая, с примесью песка. D венчиков 13,0-14,0 см;

– фрагменты сосудов с аналогичной формой венчика и тулова и выполненных из такой же глины, но с носиком (Б75; рис. 31,*3*). Сосуд аналогичной формы происходит из груза корабля, потерпевшего крушение в Yassi Ada в 625/626 г. или позже [71, p. 173, 175, fig. 8-13,P35,37];

– 2 фрагмента горшков с округлым туловом и подтреугольным в сечении венчиком с плоско срезанной верхней поверхностью (Б74; рис. 31,*5*). К внешней стороне венчика прикреплена уплощенная ручка. Глина коричневая с серым закалом, грубая, с большим количеством крупных частиц слюды. D венчика 6,0 см;

– фрагмент горшка со сферическим туловом и отогнутым наружу небольшим подтреугольным в сечении венчиком (Б68; рис. 31,*4*). Поверхность хорошо заглажена. Глина красная, плотная, хорошо отмученная, с примесью карбонатов и незначительного количества частиц пироксена. D венчика 13,0 см;

– 5 фрагментов плоских доньев горшков (Б71). Глина серая, грубая.

Стекло:

– округлая вертикальная ручка, сделанная из одинарного гладкого, круглого в сечении жгута (рис. 32,*1*). Стекло с зеленовато-голубоватым оттенком, с эллиптическими вытянутыми по направлению вытягивания дрота пузырьками.

Серебристо-радужный слой продуктов выветривания. Принадлежала, скорее всего, трехручной лампаде. Конец V – VII вв. [35, с. 139-141];

– фрагмент дна на лепешкообразном сплошном поддоне с полусферическим выступом на дне. Стекло с голубоватым оттенком, с мелкими светлыми пузырьками. На поверхности – радужно-белесый слой продуктов выветривания. Сосуды с подобного рода доньями (главным образом, бокалы и редкие экземпляры кувшинов) характерны для второй половины I – начала II вв. н. э. [81, с. 157]. Бокалы, как правило, имели суживающееся книзу тулово, часто украшенное тонкими горизонтальными гравированными полосками, нанесенными на сосуд в холодном состоянии, и, судя по отсутствию следов от понтии на нижней поверхности описываемых доньев, с обрезанным и зашлифованным краем;

– 26 подставок рюмок диаметром от 5,6 (1 ножка), 5,2 (3), 4,5 (1), 4,3 (5), 4,2 (15) до 3,6 см (рис. 32,*4-7,10,11*).

Кроме того, в засыпи цистерны найдены круглый в плане и трапециевидный в сечении терочник (?) из белого крупнозернистого мрамора (рис. 32,*22*), 2 пряслица из сиреневого шифера диаметром 2,2 см (рис. 32,*19-20*), бронзовая обкладка с железными заклепками (рис. 32,*14*), деталь замка (?) (рис. 32,*13*), бронзовая обкладка ножа (?), состоящая из двух половинок (рис. 32,*12*), бронзовая деталь (рис. 32,*17*), фрагмент бронзовой обкладки с глазковым орнаментом и обломанной петлей (рис. 32,*15*), бронзовый ключ и геральдическая бляшка первой половины VII в.[2] (рис. 32,*16*).

В целом, цистерна содержала значительный объем довольно чистого в хронологическом отношении ранневизантийского материала с незначительной примесью фрагментов более ранней керамики, в том числе пяти фрагментов амфор III-II вв. до н. э., соответственно в 1-2-ом метрах (1 фр-т), 4-ом метре (1 фр-т) и 5-ом метре (3 фр-та; рис. 26,*2*) и семи фрагментов амфор II-IV вв. н.э., соответственно в 4-ом (1 ф-т) и 5-ом (6 фр-тов; Б105; рис. 26,*4*) метрах засыпи. Однако до 3-4-х метров включительно в засыпи встречались фрагменты керамики и стеклянных изделий IX-XI вв.:

– навершие ручки красноглиняного сосуда в форме головы человека или животного (2-ой метр);

– более десятка стеклянных браслетов, появление которых в Херсонесе датируется временем не ранее середины IX в. [82, с. 221] (2-ой метр);

– 24 фрагмента белоглиняных сосудов, покрытых зеленой и желтой пятнистой поливой, группы GWWII по Дж. Хейсу, середины IX – XII вв. [9, p. 18] (3-й и 4-й метры);

– горло высокогорлого кувшина с плоскими ручками, середины / второй половины IX – конца XI / начала XII вв. (1-2-ой метры);

– фрагмент верхней части тулова с уплощенными ручками, соединенными с

[2] Авторы признательны А.И. Айбабину за предоставленную консультацию.

горлом на уровне его верхнего края, 2 фрагмента горл и фрагмент ручки амфор типа Gűnsenin 1 [83, p. 21-24, fig. 4] (Saraçhane amphora 54 [9, p. 73, 75]), датирующихся X–XI вв. [12, p. 95] (3-й метр);

– 2 фрагмента амфор с коротким расширяющимся книзу горлом, массивным отогнутым наружу венчиком и широкими уплощенными массивными ручками типа Gűnsenin 2 [83, p. 26-27, fig. 13-14] X – начала XII вв. [12, p. 97] (3-й метр);

– суживающееся книзу тулово круглодонной амфоры с рифлением на плечиках и в придонной части (Б78; рис. 26,*6*). Глина желтовато-розовая, плотная, с примесью мелких частиц песка, слюды, карбонатов и пироксена (4-й метр). Судя по наличию в тесте пироксена, амфора, возможно, южнопонтийского происхождения. Что же касается формы тулова, то она, скорее, характерна для амфор IX–X вв., в частности амфор типа Gűnsenin 1. Сопоставима рассматриваемая амфора и сосуду, также выполненному из глины с примесью пироксена и найденному во время раскопок «дома хазарского времени» в Фанагории, погибшего во второй половине IX в. [84, с. 412, рис. 29,2];

– фрагмент амфоры с расширяющимся книзу желобчатым туловом, покатыми плечиками, коротким, расширяющимся книзу горлом с отогнутым непрофилированным венчиком и высоко поднятыми широкими уплощенными массивными ручками с валиком на внешней поверхности (рис. 26,*5*). На поверхности – ангоб. Глина красная, плотная, с небольшим содержанием карбонатов и частиц слюды. D венчика 8,0 см (5-й метр). Амфоры данного типа (Gűnsenin amphora 15 [83, p. 41]; Otranto amphora 1-2 [12, p.102-103]) до сих пор не были известны по раскопкам в Херсонесе, поэтому мы нашли нужным опубликовать ее в статье, посвященной ранневизантийскому материалу. Их ареал включает юг Франции, Италию [23, p. 88, fig. 10; 85, p. 463, no. 49], побережье Адриатического моря, Сербию, Албанию, Грецию, Константинополь и территорию Турции [12, p. 103]. Амфоры данного типа, предназначенные для перевозки вина или масла, скорее всего, производились в Южной Италии (юг Апулии, вероятно, в районе Бриндизи / Бари) и, возможно, в Коринфе [*Ibid.*] и датируются X–XI вв. [23, p. 89].

Поздний материал, возможно, попал в засыпь цистерны в момент рытья траншеи под фундамент стены, разделившей подвал на две части (этой точки зрения придерживается автор раскопок, С. Г. Рыжов). Если это действительно так, то стена была возведена уже после пожара конца X – начала XI вв., в ходе строительства усадеб XII–XIII вв. Однако она никак не связана с планом поздних помещений, и ее функциональное назначение остается абсолютно непонятным. Не исключено, что стена, разделявшая подвал на две части, появилась до того, как она была засыпана, а перечисленные фрагменты «поздней» керамики попали в засыпь цистерны, например, при добывании строительного материала в ходе строительства усадеб XII–XIII вв. Глубокие и широкие ямы, появившиеся в результате выборки камня и заполненные мусором IX–X вв. и иногда доходившие до эллинистического слоя и скалы, были выявлены в Северном районе города [86, с. 277].

Если это действительно так, то с учетом всего выявленного материала можно сделать вывод о том, что цистерна была засыпана в рамках VII в.

В 1997 году в юго-восточном углу двора усадьбы 2, возле западной стены помещения 14 в скале была обнаружена небольшая яма глубиной 0,4-0,6 м. На дне ямы в глинистом слое на скале найдено 22 фрагмента чернолаковой посуды. В верхнем слое засыпи толщиной 0,2 м, состоявшем из глины и мелкого бута, были найдены:

– 2 фрагмента мисок группы «Понтийской краснолаковой» формы 1 по Домжальскому (форма IVA по Опайту), которые А. Опайт датирует первой половиной V в. [4, p. 75], Т. Арсеньева и К. Домжальский – серединой IV – серединой V вв. (возможно, и позже) [87, p. 426];

– два фрагмента мисок группы «Понтийской краснолаковой» с небольшим отогнутым наружу венчиком с желобками на верхней поверхности. А. Опайт относит подобные миски к форме IV и, соответственно, датирует их первой половиной V в. [4, p. 248, pl. 55, 3]. Т. Арсеньева и К. Домжальский выделяют их в особую форму 7, которая появляется в середине V в. или чуть раньше, являясь продолжением формы 1, с которой новая форма какое-то время сосуществовала. Изготовление мисок этой формы продолжалось, по их мнению, до начала VI в. [87, p. 427];

– 8 фрагментов мисок группы «Фокейской краснолаковой», в том числе 4 – формы 3, 3 – формы 10A (рис. 33,*2,3*) и 1 фрагмент, по-видимому, правильнее отнести к переходной форме от 10B к 10C (рис. 33,*1*). Если формы 10A и 10B бытовали с конца VI в., то форма 10C – с начала VII в. [31, p. 346];

– фрагменты доньев мисок группы «Фокейской краснолаковой», в том числе с небольшой частью штампа в форме креста с двойной линией контура (рис. 33,*8*) (мотив 71 третьей хронологической группы по Дж. Хейсу, датирующейся VI – третьей четвертью VII вв. [31, p. 366, ig. 79, 71]), с небольшой частью штампа в виде креста, возможно, удлиненного (рис. 33,*5*) и с частью клейма неясного содержания (рис. 33,*7*), а также фрагмент дна, украшенного по периметру поясом чередующихся клейм в виде двойных концентрических окружностей (мотив 2 по Хейсу), расположенных между верхушками пальмовых листьев (мотив 1) [*Ibid*., p. 350, fig. 72,1,2] (рис. 33,*6*). Глина последнего фрагмента светло-красная (2.5YR 6/8), плотная, хорошо отмученная, без видимых включений. Лак жидкий, тусклый, цвета глины. Штампы в виде концентрических окружностей, по мнению Дж. Хейса, бытовали до середины V в. [*Ibid*, p. 351]. Однако на Ильичевском городище аналогичное клеймо найдено в слое пожара третьей четверти VI в. [32, с. 414], на Фазосе – в слое первой половины VI в. [88, p. 25, fig. 8,CF119]. По мнению Дж. Хейса, подобные композиции, составляющие I хронологическую группу 360-450 гг., украшали сосуды формы 2 по его классификации [31, p. 346];

– фрагмент блюда формы 109 группы «Африканской краснолаковой» (рис. 33,4) 580/600 гг. – середины VII в. [*Ibid*., p. 172, fig. 33].

Помимо керамики в яме найдены фрагменты стеклянных сосудов:

– фрагменты сосудов с колоколовидным или цилиндрическим туловом и выпуклым оплавленным краем (рис. 34,*1-3*), которые одинаково могли принадлежать целому ряду сосудов разных типов;

– фрагмент плоской шириной 3,5 см ручки из светло-зеленого стекла. Данный тип ручек характерен для кувшинов с квадратным туловом и плоским дном, датирующихся IV в.;

– фрагмент каплевидной полой, но почти закрытой сверху ножки лампады из зеленоватого стекла. Похожая ножка найдена в Изнике [89, p. 731, table 1,5];

– подставки рюмок с двойными стенками (рис. 34,*5,6,8*);

– фрагмент сосуда на конической подставке, выполненной из сложенного вдвое стекла с полым бортиком по краю (рис. 34,*7*). Самые ранние экземпляры этого типа подставок появляются в IV в. [90, p. 202], пик их бытования приходится на конец V – начало VI вв. [*Ibid.*, p. 102, pl. 11,110-119]. В Херсонесе они выявлены в комплексах последней четверти V в. и второй / третьей четверти VI в. (рис. 20,*13*) [35, с. 152-153, рис. 15,11; 20,13].

Особый интерес представляет 3 фрагмента тонкостенной тарелки на невысоком кольцевом поддоне из белого мелкозернистого мрамора без прожилок (рис. 34,*9*). Не исключено, что это культовый сосуд IV–V вв., известный по находкам на территории Малой Азии [91]. В Херсонесе в 1902 году было найдено два фрагмента с рельефным изображением головы юноши на одном и голов двух животных на другом. По идущим по краю изображениям подобные блюда делятся на два типа: 1) с изображением охоты и звериного гона, часто в сочетании со сценами античной мифологии; 2) со сценами из Священного писания. К сожалению, у наших фрагментов отсутствует именно эта часть, но, по нашему мнению, они принадлежат именно этому типу храмовой посуды.

Присутствие в засыпи фрагмента тарелки группы «Фокейской краснолаковой» формы 10С позволяет датировать окончательное отложение материала в яме временем не ранее первой четверти VII в.

Еще один комплекс ранневизантийского времени выявлен в **цистерне 4**, открытой во дворе поздней усадьбы 2. Цистерна, размерами 6,0х2,5х3,1 м, представляет часть большой цистерны, разделенной на две и перекрытой часовней. Засыпь ее состояла из земли, бутовых камней и глиняных линз. На глубине 1,8-2,3 м открыты отесы скалы, под ними – слой штукатурки толщиной 5-7 см, а на самом дне – слой рыбы толщиной 0,7 м. Последний лежал неравномерно, достигая максимальной толщины у западной стены и постепенно сходя на нет в центре цистерны.

Цистерна была засыпана единовременно, о чем свидетельствует однородность материала, извлеченного с разных уровней засыпи. Заполнение цистерны включало фрагменты амфор, краснолаковой, простой гончарной и стеклянной посуды.

Амфоры:

Всего в цистерне обнаружен 471 фрагмент профильных частей амфор, среди которых преобладают амфоры типа LRA1 (с рифлением типа набегающей волны), составляющие 28,2%. Следует отметить, что амфоры этого типа доминировали по всему средиземноморско-причерноморскому региону вплоть до конца VII в. Так, в комплексах VI-VII вв. из Константинополя они составляли 15-20% всех амфорных находок [9, p. 64].

– два фрагмента принадлежали типу LRA1A по Пьери (рис. 35,*1-2*) второй половины IV – V вв. [13, p. 71-72];

– горла, изображенные на рис. 35,*12* и 36,*1,2*, скорее всего, можно отнести к переходному типу от 1A к 1B по Пьери [ср.: 13, pl. 13]. Второе сделано из красно-коричневой рыхлой глины, с многочисленными включениями частиц слюды и железистых минералов, третье – из красновато-желтой (5YR 6/6) глины с мелкими коричневатыми и сероватыми включениями, а также единичными мелкими частицами слюды;

– большая часть выявленных в комплексе фрагментов амфор этого типа имеет слегка отогнутый наружу венчик с ребром на уровне верхнего прилепа ручек типа Пьери-1B1 (рис. 35,*3-10*), пик бытования которого приходится на вторую половину VI – VII вв. [11, p. 296; 14, с. 98], хотя появляются они в начале VI в. [13, p. 76];

– короткое воронкообразное горло со слегка утолщенным невыделенным венчиком типа Пьери-1B2, датируемого VI – началом VII вв. [*Ibid.*, p. 76] (рис. 35,*11*).

Подавляющее количество выявленных ручек, принадлежавших данному типу амфор, имеют три несколько сдвинутых в сторону ребра на внешней поверхности. На трех фрагментах амфор имеются *dipinti*, выполненные красной краской (рис. 36,*2-4*):

– стенка из розовой (5YR 7/4), мелкозернистой глины с многочисленными мелкими коричневатыми и сероватыми включениями, а также единичными мелкими частицами слюды и светлыми включениями (рис. 36,*3*);

– стенка из розовой (5YR 7/4), мелкозернистой глины с многочисленными мелкими коричневатыми и сероватыми включениями, а также единичными мелкими частицами слюды (рис. 36,*4*).

На втором месте по числу фрагментов находятся красноглиняные круглодонные амфоры типа Opait B-Id [4, p. 28-29] (тип 5 по херсонесской классификации [6, с. 85]), составляющие 18% от общего числа профильных частей амфор. Они выполнены из оранжевой глины с большим количеством включений (карбонатов, железистых минералов и песка) (рис. 37). Значительная часть выявленных в комплексе фрагментов амфор этого типа находит аналогии в колодце в I квартале Северо-Восточного района Херсонесского городища [92, рис. 1,2; 2,1,2]. Вторая четверть VI – VII вв. [7, p. 124], хотя вопрос о времени их появления пока следует считать открытым.

На третьем месте по числу выявленных фрагментов идут красноглиняные амфоры типа C Snp I (рис. 38,1-4) и светлоглиняные типа C Snp III по Кассаб Тезгёр (рис. 38,5-6) [3, p. 128-133] (тип Opaiţ E-1 [4, p. 29-30], Зеест 100 [5, с. 120, табл. XXXIX,100])), которые составляют в амфорном комплексе 7,64%. В заполнении цистерны амфоры этого типа представлены фрагментами доньев, ручек и горл, диаметр которых варьирует от 10 до 12 см, что позволяет, наряду с некоторыми морфологическими характеристиками, отнести их к подтипу Opaiţ E-1a IV–V вв. [4, p. 29-30].

Значительную группу составляют фрагменты амфор, предположительно критского производства, типа Зеест 99 [5, с. 120, табл. XXXIX,99а,б] и типа LRA14 (3,82% от общего числа профильных частей амфор) (рис. 39), выполненные из бежевой, очень хорошо отмученной глины. А. Опайт считает данные амфоры поздним вариантом критских амфор типа «amphore crétoise 1a и b» и датирует последней четвертью VI – VII вв. [4, p. 24, pl. 15,1-3].

Амфоры типа LRA2 [8, p. 217-218] (Hayes-type 9 [9, p. 66]), составляющие в рассматриваемом амфорном комплексе 3,4% (рис. 38,*9-14*), представлены горлами двух вариантов: с коническим горлом, заканчивающимся воронкой (рис. 38,*9-11*) и с более или менее цилиндрическим горлом со слабо выраженным воронковидным завершением или простым валикообразным венчиком (рис. 39,*12-14*). Второй вариант сменяет первый в середине / последней трети VI в. [13, p. 88]. Описания глины даны по Полевой описи: красная плотная, хорошо отмученная, с включением частиц слюды и железистых минералов (рис. 38,*9*); красная, хорошо отмученная, практически без включений (рис. 38,*10*); бежевая с красноватым оттенком, хорошо отмученная, с включением слюды, карбонатов и вертикальными пустотами (рис. 38,*11*); светло-коричневая с розоватым оттенком, с включением железистых минералов, карбонатов и частиц слюды, на поверхности – светлый ангоб (рис. 38,*12*); красновато-коричневая, с включением железистых минералов и карбонатов (рис. 38,*13*); бежевая с розоватым оттенком с железистыми минералами (рис. 38,*14*).

Фрагменты амфор типа LRA4 (т.н. типа «Газа») составляют в комплексе 2,55% (рис. 40,*6-8*). Верхняя часть тулова (рис. 40,*6*), судя по форме венчика и верхней части тулова, а также отсутствию под венчиком рифления, несомненно, принадлежала амфоре формы 4 по G. Majcherek [18, p. 166], которой принадлежали и выявленные в цистерне конические донья (рис. 40,*7,8*). Форма датируется концом VI – VII вв. [Ibid., p. 169], хотя, возможно, производилась до середины VIII в. [19, p. 116-117]. Описания глины даны по Полевой описи: красновато-коричневая, слоистая, с редкими включениями частиц слюды, железистыми минералами и единичными карбонатами (рис. 40,*6*); красновато-коричневая, слоистая, с редкими сероватыми включениями (рис. 40,*7*); неравномерно обожженная, на внутренней стороне – светло-коричневая, на внешней – красновато-коричневая, слоистая, с редкими

сероватыми включениями, на внутренней поверхности – черное смоление (рис. 40,*8*).

Коричневоглиняные амфоры с перехватом типа Kx ID по С. Ю. Внукову [63, с. 11] составляют 2,34% (рис. 40,*9-13*). Один из венчиков с выгибом стенки верхней части горла (рис. 40,*11*), скорее всего, принадлежал амфоре переходного от Kx 1C2 к Kx 1D1 типа по Внукову. Три фрагмента с венчиком в форме вытянутого вверх треугольника и невысоким ребром или уступом, образованными в результате проведения подушечкой пальца под венчиком (рис. 40,*9,10,13*), относятся к типу Kx 1D1 по Внукову, один фрагмент с наклоненным вовнутрь простым венчиком (рис. 40,*12*) – к самому позднему типу Kx 1D2. Изучение колхидской тары из Себастополиса позволило С. Ю. Внукову сделать вывод о том, что изменения, которые привели к смене типа Kx 1D1 типом Kx 1D2, происходили в первой половине IV в., и со второй половины IV в. колхидская тара представлена только типом Kx 1D2 [Ibid., с. 13]. Описания глины даны по Полевой описи: красновато-коричневая с пироксеном и железистыми минералами (рис. 40,*9*); коричневая с железистыми минералами, пироксеном и редкими светлыми включениями, на поверхности – коричневый ангоб (?) (рис. 40,*10*); коричневая, рыхлая, с частицами слюды, пироксеном, железистыми минералами и песком (рис. 40,*11*); красновато-коричневая с частицами слюды, железистыми минералами и шамотом (?) (рис. 40,*12*); красно-коричневая, рыхлая, с частицами слюды, пироксеном и железистыми минералам (рис. 40,*13*).

Кроме того, в засыпи найдены 3 конические ножки из коричневой глины с железистыми минералами, частицами слюды, пироксеном и белыми включениями.

Тонкостенные коричневоглиняные амфоры типа LRA3 (тип Зеест-95) составляют в заполнении цистерны 2,34% (рис. 38,*7-8*). Ранний вариант с одной ручкой и полой открытой снизу ножкой появляется в самом конце I в. В конце IV в. у них появляются вторая ручка и сплошная коническая ножка [8, p. 229-230].

Амфоры т.н. сиро-палестинского типа (Palestinian bag-shaped amphorae, LRA5/6) составляют 2,12% амфорного комплекса. Все выявленные фрагменты относятся к амфорам типа 3 по Пьери (рис. 40,*1-5*), датирующимся VI-VII вв. [13, p. 110-121]. Описания глины даны по Полевой описи: светлая с зеленовато-желтым оттенком с включением железистых минералов и частиц слюды (рис. 40,*1*); красная с желтоватым оттенком, с карбонатами и железистыми минералами (рис. 40,*2*); коричневая с белыми включениями, железистыми минералами частицами слюды (рис. 40,*3*); неравномерно обожженная, местами бежевая, местами красноватая, с частицами слюды и редкими коричневатыми включениями (рис. 40,*4*); ярко-красная, рыхлая, с частицами слюды, белыми и коричневатыми включениями (рис. 40,*5*).

Амфоры типа Зеест 96/97 [5, с. 119, 120, табл. XXXIX,96,97], составляющие 0,64% амфорного комплекса заполнения цистерны, датируются концом IV / началом V – третьей четвертью VI вв. [93, с. 49].

Кроме того, в заполнении цистерны найдено 7 круглых в плане крышек амфор с приподнятыми краями и выщипнутой ручкой из хорошо отмученной плотной глины бежевого цвета с редкими белыми и коричневатыми включениями и частицами слюды (рис. 44,*9-14*).

Примесь более раннего эллинистического и римского материала составила 17,6% амфорного комплекса цистерны, неопределенные – 11,46%.

Краснолаковая посуда:

Самую большую группу в рассматриваемом комплексе составляют фрагменты посуды группы «Фокейской краснолаковой», в которой доминируют миски формы 3 (29,5% от общего числа фрагментов краснолаковой посуды из заполнения цистерны), в том числе 1 фрагмент (рис. 41,*1*) типа B второй четверти V в. [31, p. 337], 1 фрагмент (рис. 41,*12*), скорее, следует отнести к типу D конца V в. [*Ibid*., p. 337], остальные 60 фрагментов (рис. 41,*2-11,13-24,26-30*) – к типам E/F при доминировании типа F, соответственно, последней четверти V – начала VI вв. и второй четверти VI – первой половины VII вв. [*Ibid*.]. Один фрагмент (рис. 41,*25*), возможно, относится к типу H, бытовавшему с середины VI в. [*Ibid*., p. 338]. Два фрагмента (рис. 41,*31,32*) принадлежат к редкой форме 6 начала VI в. [*Ibid*., p. 341].

Один фрагмент принадлежал небольшой тонкостенной чашке со срезанным вовнутрь краем (рис. 41,*37*). Аналогичный сосуд обнаружен в Херсонесе в засыпи колодца в I квартале Северо-Восточного района, датирующейся первой четвертью VII в. [94, с. 32, рис. 10,138].

Форма 10 представлена пятью фрагментами (рис. 41,*33-36*) мисок типа A, бытовавших с конца VI в. [31, p. 346].

Кроме того, в заполнении цистерны было найдено 57 доньев посуды группы «Поздний римский C», в том числе 7 со штампами III хронологической группы 470-580 гг. [*Ibid*., p. 416]:

– фрагмент миски на низком кольцевом поддоне, декорированном штампами в виде попарно расположенных волют в сочетании со штампом в виде павлина (рис. 42,*1*). Лак жидкий, тусклый, цвета глины. Глина сосуда красная, с желтоватым оттенком, мелкопористая, с редкими включениями карбонатов и частиц слюды. Оба штампа близки к мотивам 33 и 48 по Дж. Хейсу;

– фрагмент миски с клеймом в виде оленя вправо (рис. 42,*2*). Мотив 41 по Дж. Хейсу [*Ibid*., p. 349, 361, fig. 76,41b]. Лак цвета глины, жидкий, тусклый. Глина красная, с желтоватым оттенком, без видимых включений;

– два фрагмента доньев мисок с абсолютно одинаковыми клеймами в виде монограмматического креста (рис. 42,*4*). Глина обоих фрагментов красная, с желтоватым оттенком, плотная, с редкими включениями карбонатов и железистых минералов. Лак цвета глины, тусклый, жидкий. Абсолютных аналогий рассматриваемым клеймам у Дж. Хейса нет (ср. мотив 66 [*Ibid*., p. 363, fig. 78,66]). Аналогичные известны по раскопкам в Томах [95, fig. 19,5,6];

– фрагмент дна на низком кольцевом поддоне с плохо оттиснутым клеймом

в виде креста с двумя орнаментальными подвесками (рис. 42,*5*). Мотив 67 по Дж. Хейсу [31, p. 363, fig. 78,67]. Лак сосуда красный, тусклый, жидкий. Глина розоватая, плотная, с очень мелкими светлыми включениями;

– фрагмент дна с частью клейма в виде креста с удлиненной нижней ветвью и орнаментальными подвесками (рис. 42,*3*). Возможно, мотив 68 по Дж. Хейсу [*Ibid*., p. 363, fig. 78,68].

Не удалось определить миску, сделанную из коричневой плотной глины и покрытую тусклым матовым лаком цвета глины (рис. 41,*38*), с черным лакообразным покрытием по венчику.

Значительно меньшее количество фрагментов принадлежит посуде группы «Африканской краснолаковой»:

– фрагмент миски формы 91С (рис. 42,*15*), которую Дж. Хейс датировал 530-600 гг. [*Ibid*., p. 144], однако М. Бонифе расширил рамки бытования формы 91 (Sigillée Types 49-50, 52 и 54 по Бонифе) на 60-70 лет и датировал ее V–VII вв. [73, p. 177-79, 181, fig. 95];

– фрагмент сосуда формы 97 (рис. 42,*14*) 490-550 гг. [31, p. 151];

– несколько фрагментов блюд типа 104В (рис. 42,*16-18*) и типа С (рис. 42,*19*), которые Дж. Хейс датировал соответственно 570-600 и 550-625 гг. [*Ibid*., p. 166], однако, по мнению М. Бонифе, форма (Sigillée Type 56A-C по Бонифе) бытовала до 675 г. [73, p. 181-183, fig. 97]. Скорее всего, этой же форме принадлежал фрагмент открытого сосуда на низком кольцевом поддоне с тремя врезными концентрическими окружностями на дне (рис. 42,*20*).

Кроме того, в комплексе выявлено 14 фрагментов мисок формы 1 по Домжальскому (форма IVA по Опайту) группы «Понтийской краснолаковой» (рис. 42,*6-10*), которые А. Опайт датирует первой половиной V в. [4, p. 75], Т. Арсеньева и К. Домжальский – серединой IV – серединой V вв. (возможно, и позже) [87, p. 426], и три фрагмента формы 7 по Домжальскому (рис. 42,*11-13*), которые А. Опайт датирует первой половиной V в. [4, p. 248, pl. 55,3], а К. Домжальский – серединой V – началом VI вв. [87, p. 427].

Светлоглиняные блюда на высоком кольцевом поддоне второй половины VI – VII вв. представлены 27 фрагментами блюд с широким горизонтальным венчиком (рис. 43,*1-16,18*) и фрагментом миски с округлым туловом и желобком на верхней поверхности невыделенного венчика (рис. 43,*17*). Глина всех сосудов бежевая, хорошо отмученная, с включением частиц слюды, иногда железистых минералов.

Конические кубки (тип I по Опайту), представленные в комплексе четырьмя фрагментами (рис. 42,*21-23*), датируются второй половиной IV – VI вв. [4, p. 65-66]. Описания глины даны по Полевой описи: светлая с зеленоватым оттенком, хорошо отмученная, тусклое темно-коричневое покрытие (рис. 42,*21*); бежевая, хорошо отмученная, с редкими включениями частиц слюды (рис. 21,*22*); бежевая, хорошо отмученная, с редкими включениями частиц слюды (рис. 21,*23*).

Амфориски представлены двумя фрагментами сосудов веретенообразной

формы с небольшим острым ребром на горле и гладким корпусом с лакообразным покрытием. Один (рис. 44,*2*) сделан из плотной, хорошо отмученной красной глины, глина второго (рис. 44,*3*) пережжена до серовато-черного цвета, хорошо отмучена и содержит единичные белые включения. Конец V – VIII вв. [9, p. 8].

Из глины, визуально схожей с глиной амфорисков, сделаны еще два изделия (рис. 44,*4,5*), назначение которых неясно. Возможно, это воронки для наливания жидкости в те же амфориски.

Светильники:

– светильник с недекорированными плечиками, заглубленным недекорированным щитком и петлевидной ручкой (рис. 45,*1*). Тип 9 по Дж. Хейсу, датирующемуся концом VI – началом VII вв. [9, p. 82-83];

– фрагмент открытого светильника грушевидной формы с плоским дном, рожком округлой формы и глубокой емкостью для масла (рис. 45,*2*). Глина светло-красная (2.5YR 6/8), хорошо отмученная, плотная, с редкими мелкими светлыми и единичными темными (пироксен) включениями;

– 4 фрагмента т.н. «рубчатых» светильников грушевидной формы с покатыми плечиками, украшенными рельефными «рубчиками» и заглубленным щитком, отделенным от плечиков слаборельефными валиками (рис. 45,*3*). Глина светло-красная (2.5YR 7/6), хорошо отмученная, без видимых включений. Рубчатые светильники появляются во второй четверти III в. и продолжают пользоваться популярностью до конца IV в. [52, с. 341];

– 2 фрагмента светильников с уплощенной ручкой в виде вертикального округлого выступа и тройными врезными линиями, идущими к основанию ручки на дне (рис. 45,*4*). Глина светлая, красновато-коричневая (2.5YR 6/4), плотная, хорошо отмученная без видимых включений;

– фрагмент светильника с петлевидной ручкой и изображением двух колонн с опирающейся на них полукруглой аркой на щитке (рис. 45,*5*). Глина светло-красная (2.5YR 7/6), хорошо отмученная, с мелкими светлыми и серовато-коричневатыми включениями. На поверхности – тусклый жидкий красновато-коричневатый лак. Тип 8 по Дж. Хейсу, второй половины VI в. [9, p. 82];

– фрагмент светильника с покатыми, украшенными полусферическими выступами плечиками и ручкой в виде округлого плоского защипа с тремя продольными желобками на верхней поверхности (рис. 45,6). Глина красновато-желтая (5YR 6/8), плотная, хорошо отмученная, без видимых включений. На поверхности – тусклый жидкий красновато-коричневатый лак;

– фрагмент светильника с покатыми, украшенными полусферическими выступами плечиками и заглубленным щитком, отделенным от плечиков двойным слабо выраженным валиком (рис. 45,*7*). Глина розовая (5YR 7/4), плотная, хорошо отмученная, с единичными мелкими светлыми включениями.

Светильники подобной формы и с аналогичным оформлением плечиков датируют 500-600 гг. [48, p. 387, pl. 109]. Однако Дж. Хейс, который выделил

такие светильники в тип 1, отмечает, что особую популярность они приобретают в начале VI в., а позже встречаются гораздо реже [9, p. 82, pl. 18,1-7].

– вертикальная треугольная в сечении ручка-выступ (рис. 45,*8*). Глина светло-красная (2.5YR 7,6/6), хорошо отмученная, с мельчайшими темными включениями.

Простая гончарная посуда:

В заполнении цистерны найдено несколько фрагментов горл (рис. 46,*1-5*) ойнохой так называемого баклинского типа [96, рис. 7,3,4,5,8] третьей четверти VI – первой половины XI вв. [56, с. 44-45]. Им принадлежали также 5 фрагментов стенок с росписью ангобом (рис. 46,*7-9*).

Следует отметить, что глина сосудов, которым принадлежали описываемые фрагменты, разная как по качеству теста, так и по составу примесей, что говорит об их изготовлении в разных мастерских и, возможно, в разных районах Северного Причерноморья. Так, в глине одного из фрагментов содержится пироксен, что, возможно, говорит о его южнопонтийском происхождении, хотя до сих пор сосуды с росписью ангобом из этого региона известны не были. Описания глины даны по Полевой описи: пережженная до серого, редкие мелкие светлые включения (рис. 46,*1*); красная с желтоватым оттенком, плотная, с редкими светлыми включениями и частицами слюды (рис. 46,*2*); бежевая, слоистая, с редкими коричневатыми включениями (рис. 46,*3*); красная с серым закалом, со слюдой и редкими, мелкими белыми включениями (рис. 46,*4*); красная с желтоватым оттенком, хорошо отмученная, с редкими частицами слюды и железистыми минералами (рис. 46,*5*); красная плотная, с редкими светлыми и черными включениями, а также редкими частицами слюды, декорирована широкими полосами красного ангоба (рис. 46,*6*); оранжевая слоистая, со слюдой и белыми включениями, с линейно-арочным орнаментом, выполненный белым ангобом (рис. 46,*7*); коричневая, с включением частиц слюды, пироксеном, светлых и коричневатых частиц, с линейным орнаментом, нанесенным белым ангобом (рис. 46,*8*); темно-бежевая плотная, с примесью редких частиц слюды и светлых включений, с линейным орнаментом белым ангобом (рис. 46,*9*); оранжевая, с частицами слюды и светлыми включениями, внешняя поверхность покрыта коричневатым ангобом, по которому белым ангобом нанесены горизонтальные полосы (рис. 46,*10*).

К группе кувшинов с линейно-арочной росписью ангобом примыкает горшочек с таким же типом орнамента (рис. 46,*11*). Глина сосуда красная, с редкими частицами слюды и мелкими сероватыми и светлыми включениями. По форме и способу орнаментации горшочек близок сосудам, происходящим из водохранилища с засыпью первой половины IX в. [97, с. 135, рис. 3,1,3,5; 39, с. 171, рис. 8]. Возможно, рассматриваемый экземпляр дает нижнюю дату бытования типа.

Восстановить целые формы обнаруженных в цистерне кувшинов не представляется возможным из-за фрагментарности материала, поэтому мы вынуждены ограничиться выделением типов только горл и доньев:

– наибольшим количеством фрагментов представлены кувшины с расширяющимся книзу, как правило, ребристым горлом и венчиком-раструбом (рис. 47,*1-5*). Уплощенная ручка, профилированная тремя продольными желобками и часто украшенная налепом (в комплексе найдено 6 ручек подобного типа), крепится сразу под венчиком. Глина кувшинов бежевая, хорошо отмученная с железистыми минералами и белыми включениями;

– два фрагмента принадлежали кувшинам с уплощенными ручками, слегка раздутым ребристым горлом и подтреугольным венчиком (рис. 47,*9,10*);

– остальные типы кувшинов представлены единичными экземплярами (рис. 47,*6-8,11-13*).

Судя по выявленным в засыпи цистерны фрагментам, кувшины имели яйцевидное или шаровидное, часто ребристое тулово на кольцевом (рис. 47,*14,17*), низком сплошном цилиндрическом (рис. 47,*16*) или коническом (рис. 47,*15*) поддоне.

Кухонная посуда:

Кухонная посуда представлена в засыпи цистерны горшками и кастрюлями. Черепок сосудов этой группы, как правило, пережжен и отличается сероваточерным цветом, в изломе хорошо видна примесь песка.

Найденные в цистерне горшки имели, судя по профилю сохранившейся верхней части стенок, шаровидное или яйцевидное тулово. По форме венчика их можно разделить на несколько типов:

– горшки с отогнутым треугольным или подтреугольным в сечении венчиком с уплощенной верхней поверхностью (рис. 48,*1,6,7,15,17*);

– морфологически близкие к западнопонтийским горшкам типа Опайт-X-2 V-VI вв. [4, p. 48-49] сосуды с отогнутым венчиком с небольшой вогнутостью на внутренней поверхности для крышки (рис. 48,*2,3,10,11*).

– с отогнутым венчиком с закраиной для крышки (рис. 48,*8,12,13,15,19-21,23-26*). Тулово округлое, иногда с легким рифлением. Массивные, круглые в сечении, крученые или уплощенные с профилировкой на внешней поверхности ручки прикреплены к внешней стороне венчика. Морфологически близки к горшкам западнопонтийского производства типа VIIIa по Опайту, датирующимся концом V – началом VII вв. [4, p. 47]. Фрагменты аналогичных горшков выявлены также в комплексе второй половины VI в. из раскопок в Керчи [30, с. 115, рис. 12,2,3].

Все перечисленные типы имеют выступ-закраину для крышки и либо уплощенные профилированные несколькими продольными желобками, либо крученые ручки (всего в комплексе найдено 32 крученых ручки). Диаметр венчика колеблется в пределах от 14 до 45 см. Аналогичные горшки хорошо известны по раскопкам Херсонесского городища. Так, подобные экземпляры были найдены в слое разрушения первой четверти VII в. в Портовом квартале 2 [15, рис. 3,6], в комплексе третьей четверти VII в. в Портовом квартале 1 (слой разрушения в районе куртины XVII, раскопки А. И. Романчук в 1970-1971 гг.), известны они

и по раскопкам комплексов VII-VIII вв. Скалистинского могильника [34, с. 8, рис. 4б]. Горшки этого типа, по мнению А. И. Романчук, бытуют в Херсонесе с начала VII в. и, вероятно, до VIII в. [98, с. 24, рис. 2,2-3]. Горшки с массивным треугольным венчиком с желобком были широко распространены по нижнему течению Дуная. В Нижней Мезии и Фракии датировка этого типа установлена благодаря находкам в закрытых комплексах второй половины IV – начала VII вв. [99, с. 29-30, обр. 4,г,д; 100, с. 103, табл. 30,Г33-41]. Аналогичные зарегистрированы также в районе р. Струма и Места, где датируются VI в. [100, с. 103, табл. 29,Г18-32)] и в Никополисе [101, с. 40, обр. 7д].

Горшок с характерным широким, расширяющимся книзу горлом (рис. 50,6), возможно, относится к варианту а типа Opaiţ-IX-2 второй половины VI в., также западнопонтийского происхождения [4, p. 47-48].

Горшки без выступа-закраины на внутренней поверхности имели уплощенные профилированные несколькими продольными желобками ручки и выступающие венчики разного сечения (рис. 49). Аналогичные сосуды диаметром, как правило, 15-16 см найдены в комплексе третьей четверти VII в. (слой разрушения в Портовом квартале 1 в районе куртины XVII, раскопки А. И. Романчук в 1970-1971 гг.) [34, с. 8, рис. 4в].

Точные аналогии выявленной в цистерне крышке с коническим туловом и треугольным в сечении венчиком из красновато-коричневой, хорошо отмученной глины (рис. 50,*14*) известны по раскопкам в Западном Причерноморье, где они, по мнению А. Опайта, и производились [4, p. 80, pl. 61,1].

Значительный интерес представляют сосуды (рис. 51), которые А. Л. Якобсон определяет как лутерии [102, с. 24], А. И. Романчук – как кастрюли [103, с. 248], Л. В. Седикова – как тарные горшкообразные сосуды или сосуды-горшки [39, с. 171, рис. 6,1-8,14]. Несомненно, форма заимствована с Ближнего Востока, где такие сосуды, т.н. «basins» или «kraters» (кратеры), использовавшиеся в хозяйстве в самых разнообразных целях, были чрезвычайно широко распространены в позднеримский и византийский периоды и стали еще более популярны после арабского завоевания региона. Часто их украшали мелким зональным рифлением и поясами пальцевых вдавлений [104, p. 156; 105, p. 35].

– фрагмент сосуда с цилиндрическим туловом, слегка отогнутым наружу непрофилированным венчиком и двумя вертикальными овальными в сечении ручками с валиком на внешней поверхности (рис. 51,*1*). Под венчиком – пояс как бы вдавленных широких линий. Глина бежевая с красным закалом, с редкими включениями железистых минералов и пироксена, что свидетельствует в пользу южнопонтийского происхождения сосуда. Близкая аналогия происходит из цистерны 92 с засыпью конца VI – начала VII вв. и из слоя разрушения третьей четверти VII в. в Портовом квартале I в районе куртины XVII [103, рис. 8];

– фрагмент сосуда с округлыми стенками, наклонно срезанным венчиком и двумя вертикальными овальными в сечении ручками с валиком на внешней

поверхности и пальцевым вдавлением у нижнего основания ручки (рис. 51,*2*). Верхняя часть тулова украшена широкой горизонтальной полосой белого ангоба. Глина светло-красная (2.5YR 6/8), плотная, хорошо отмученная, с многочисленными мелкими светлыми, более редкими и мелкими сероватыми включениями и мелкими частицами слюды. Точные аналогии нашему сосуду происходят из засыпи гончарной печи второй половины IX в. в западной части города [106, рис. 2,1,2] и из засыпи водохранилища первой половины IX в. [39, с. 171, рис. 6,1-8,14];

– фрагмент сосуда с суживающимся книзу туловом, клювовидным венчиком и треугольным в сечении ребром на уровне верхнего прилепа ручек, от которых сохранились сколы (рис. 51,*3*). Под ребром – пояс мелкого рифления. Глина красная, очень плотная, хорошо обожженная, с редкими включениями железистых минералов и карбонатов. Полная аналогия происходит из комплекса 30 около 655-670 гг., открытого в районе Сарачаны в Константинополе [9, p. 104, fig. 48,182]. Абсолютно такой же венчик имели «тарные сосуды», найденные в засыпи цистерны Е и водохранилища первой половины IX в. [107, с. 65, рис. 17,1; 64,4,5]. Мелкий гребенчатый орнамент украшает и некоторые сосуды рассматриваемой группы, найденные в засыпи херсонесского водохранилища [39, с. 171, рис. 6,1-8,14];

– фрагмент сосуда с суживающимся книзу туловом и отогнутым наружу непрофилированным венчиком (рис. 51,*4*). Глина бежевая, с редкими железистыми минералами. Сосуд, по-видимому, аналогичен, изображенному на рис. 51,*1*.

Обращает внимание практически полное отсутствие в заполнении цистерны лепной посуды. Удалось выявить лишь один фрагмент горшка с яйцевидным туловом и слегка отогнутым венчиком с горизонтальным краем (рис. 50,*9*).

Несомненный интерес представляет высокий ребристый подсвечник цилиндрической формы с чашеобразным расширением в верхней части и расширением к основанию (отбито) в нижней. Сквозное продольное отверстие, ручка утрачена (рис. 44,*8*). Глина грубая, коричневатая, неочищенная, с примесью огромного количества песка, мелкой гальки и прочего. Возможно, расширяющийся к одному из концов ребристый стержень со сквозным продольным отверстием (рис. 44,*7*) тоже принадлежал подсвечнику. Глина фрагмента коричневая, слоистая, с многочисленными частицами слюды, сероватыми и белыми включениями.

Стекло:

Среди фрагментов стеклянных изделий доминируют подставки рюмок с двойными стенками (33 экз.), составляющие в комплексе стекла 27,2% (рис. 52,*14-22*). На подошве всех подножек имеется след от понтии в виде налепа или скола диаметром 0,7-1,2 см. Диаметр большинства подножек колеблется в пределах 3,7-4,7 см. Все выполнены из зеленоватого стекла различных оттенков с множеством светлых сферических пузырьков разных размеров. Одна подставка рюмки с двойными стенками диаметром 3,8 см выполнена из синего стекла с редкими мелкими пузырьками (рис. 52,*11*). Бытовали с конца V – VI вв. [35, с. 155].

Одна подставка имеет ножку, сформованную отдельно от тулова сосуда из стеклянного слегка перекрученного сплошного стержня и затем припаянную к дну тулова (рис. 52,*13*). Место крепления ножки и дна хорошо читается. Круглая в плане уплощенная подножка, выполненная из одинарного слоя стекла, отбита. Выполнена подставка из зеленоватого стекла красивого оттенка. Подставки этого типа относятся к числу редких находок и появляются несколько позже рюмок первого типа [90, p. 209]. В Северном Причерноморье частые находки рюмок рассматриваемого типа отмечены в слоях второй половины VI в. на Ильичевском городище [108, с. 53], на Таманском городище [109, с. 151, рис. 5,9,10; 7,14-16]. Несколько фрагментов аналогичных подставок найдено в могильниках Скалистого, Эски-Кермена и Чуфут-Кале в погребениях с инвентарем VII в. [110, с. 27, рис. 1,2-5]. Судя по находкам бракованных деталей рюмок этого типа на Эски-Керменском городище, можно предположить их производство и в Юго-Западном Крыму, где они бытуют до IX в. включительно [111, с. 194, рис. 22,24].

Большая часть содержащихся в комплексе утолщенных венчиков с оплавленным краем, несомненно, принадлежала рюмкам, значительно меньшая – лампадам различных типов. Всего выявлено 22 фрагмента таких венчиков диаметром от 5,7 до 9,0 см (рис. 52,*3-6*). Профиль верхней сохранившейся части тулова сосудов свидетельствует о колоколовидной форме большинства из них. Один венчик диаметром 12,2 см принадлежал сосуду со сферическим туловом (рис. 52,*7*). Все венчики сделаны из голубоватого стекла с многочисленными пузырьками.

В засыпи цистерны было найдено 4 ножки лампад типа «с узкой полой ножкой (рис. 52,*23-25*), получивших распространение с конца V в. [35, с. 138-139].

Разновидности лампад этого типа принадлежала узкая ножка с толстыми стенками и сплошным дисковидным завершением с круглым налепом от понтии диаметром 0,9 см (рис. 52,*26*). Чистое, темно-зеленое стекло покрыто радужно-серебристым слоем выветривания. Аналогичные ножки найдены при раскопках церкви св. Иоанна Крестителя в Самарии в слое «VI в. и позже» [112, fig. 2d] и в Никее, где найден фрагмент подобной ножки, выполненной из зеленого стекла [113, p. 155, fig. 12]. V. H. Elbern относит появление лампад с подобными ножками к раннеисламскому времени [114, s. 146, abb. 4], I. U. Celik датирует их V-XII вв. [115, p. 155].

Кроме того, найдены два вогнутых конических в сечении донца диаметром 4,0 и 5,0 см со следами от понтии диаметром 1,1 см, выполненные из серо-голубого стекла с множеством пузырьков (рис. 52,*9*) и вогнутое коническое в сечении донце на зонном полом кольцевом поддоне диаметром 3,2 см с овальным углублением от понтии (рис. 52,*10*).

Два фрагмента с обрезанным зашлифованным краем принадлежали сосудам, характерным IV-V вв.: один – сосуду со сферическим туловом и слегка наклонным вовнутрь широким венчиком диаметром 10,0 см (рис. 52,*1*), второй – чаше с отогнутым наружу венчиком с загнутым вверх краем диаметром 13,2 см.

Оба выполнены из голубоватого стекла с множеством пузырьков. В Западном Средиземноморье подобные сосуды, появившись в начале V в., продолжают оставаться весьма частой находкой в слоях вплоть до конца столетия [90, p. 201, pl. 11,98-100; 116, p. 291, fig. 1,13-21].

В цистерне также были найдены кубик смальты голубоватого цвета, 67 фрагментов плоского оконного стекла (рис. 53), сделанных из стекла с зеленоватым оттенком и многочисленными светлыми эллиптическими пузырьками либо вытянутыми вдоль края (рис. 53,*1-6,9*), либо перпендикулярно краю (рис. 53,*7*), либо под небольшим углом к краю (рис. 53,*8*). Все фрагменты покрыты легко отслаивающимся радужно-серебристым слоем продуктов выветривания.

Изделия из кости подробно рассмотрены О. А. Андреевой [117, с. 412-421]. Среди них: хорошо отполированный шарик (инв. № 13/37304; рис. 54,*4*), шпилька с круглой головкой (рис. 54,*3*), булавка с профилированной головкой и шариком на конце (инв. № 18/37304; рис. 54,*5*), застежка (рис. 54,*6*) и лощило (рис. 54,*2*).

Специальная статья посвящена выявленной в цистерне сланцевой плитке с граффито Γλυκε/ρίο[υ] или Γλυκέ/ριο[ς] (инв. № 19/37304; рис. 54,*1*) [118, с. 80-85].

Бронзовая ложечка (рис. 54,*8*) могла одинаково использоваться как в медицинских, так и косметических целях [119, p. 137, fig. 5,36]. Датировать ее затруднительно, т.к. ложечки одной и той же формы и с похожей орнаментацией бытовали на протяжении довольного длительного времени, начиная с эллинистического периода. Около 20 аналогичных херсонесской ложечек найдено, в частности, в Сардах [120, p. 105-107, pl. 41].

Ключи в виде кольца (рис. 54,7) бытовали не только в римское время, но продолжали использоваться, по крайней мере, до IX в. включительно [121, p. 505-506, fig. 7].

Кроме того, в засыпи цистерны найдены фрагмент терракоты в виде головы барана, створки ракушек (*Ensis ensis* – обитает в Атлантике и Средиземном море), два грузила (известняковое и глиняное) пирамидальной формы, фрагменты мраморных плит с надписью и рельефом размером 4,3х4,9 см, кусок смолы, а также фрагмент мраморной скульптуры с изображением парнокопытного животного (сохранилась задняя часть).

Наличие в комплексе фрагментов ойнохой и мисок группы «Поздний римский С» формы 10А и В, начало бытования которых датируется последней четвертью VI в., а также монеты Юстина II (565-578 гг.) свидетельствуют о том, что цистерна была засыпана не ранее последних десятилетий VI в. Следует отметить, что рассмотренный комплекс содержит переотложенный материал – для засыпи цистерны использовали, по-видимому, либо мусорную свалку, либо грунт нивелировочной засыпи близлежащих кварталов. Этим объясняется наличие в нем довольно значительной (около 30%) «примеси снизу».

Непосредственно под земляным полом позднего помещения 12 находился слой известкового отеса толщиной 0,4-0,6 м, лежавший на наскальном слое глины,

под которым начинался скальный материк. Скальные отесы образовались при вырубке двух рыбозасолочных цистерн (3 и 5), расположенных с западной стороны помещений 11 и 12. В слое известкового отеса никаких археологических материалов не было, зато в суглинистом слое, лежавшем на скальном материке, были найдены:

– стенка амфоры типа LRA1 с *dipinti* (инв. № 5/37315; рис. 55,1). Глина светло-красная (2.5YR7/6), у поверхности – бежевая, с мелкими светлыми и темными включениями и мелкими частицами шамота;

– 23 фрагмента краснолаковой посуды группы «Фокейской краснолаковой», представленной 3 фрагментами мисок формы 9 520-600 гг. [31, p. 342], 2 фрагментами мисок, скорее всего, относящихся к форме 3D/E (рис. 55,*2,4*) последней четверти V в. [*Ibid*., p. 337], 4 фрагментами мисок формы 3F и фрагментом сосуда формы 3H (рис. 55,3) середины VI в. [*Ibid*., p. 338]. Глина сосудов светло-красная (2.5YR 6/8; 6/6), плотная, с единичными мелкими светлыми и сероватыми включениями. Лак красный, жидкий, тусклый;

– фрагмент донца миски с клеймом в виде креста с двойной линией контура (рис. 55,5). Мотив 71 третьей хронологической группы по Дж. Хейсу, датирующейся VI – третьей четвертью VII вв. [*Ibid*., p. 366, fig. 79,71]. Глина светло-красная (10R 6/6), плотная, с многочисленными мельчайшими желтоватыми включениями. Лак жидкий, тусклый, цвета глины;

– фрагмент миски с редким клеймом в виде украшенного драгоценными камнями креста с четырьмя орнаментальными подвесками в междукрестии (инв. № 6/37315; рис. 55,*6*). Мотив 77 по Дж. Хейсу, который датирует его концом V – началом VI вв. [*Ibid*., p. 367, fig. 79,77]. Глина светло-красная (10R 6/6), плотная, с многочисленными мельчайшими желтоватыми включениями и редкими мелкими частицами слюды. На внутренней поверхности – красный лак с незначительным блеском. На внешней поверхности лак не заметен, следы ротации;

– две подставки рюмок с двойными стенками со следом от понтии на нижней поверхности (рис. 55,*8*). Стекло зеленоватое, с мелкими светлыми пузырьками;

– фрагмент стеклянного сосуда с оплавленным краем, украшенного спиралевидно напаянной нитью белого стекла (рис. 55,*7*). Стекло зеленоватое, с мелкими светлыми горизонтальными эллиптическими пузырьками. Орнаментация сосудов напаянными тонкими нитями стекла была очень популярна в ранневизантийское время. Так, в Цебельде среди материалов VI в. встречаются рюмки, украшенные нитями синего и бесцветного стекла [122, с. 61, рис. 1,10-15; 123, с. 87-88]. Использование цветных (в основном бирюзово-синих и белых) нитей для украшения сосудов отмечено в сиро-палестинском регионе и на севере Африки [124, p. 167-169, pl. XVI,490; 125, p. 81]. Д. Харден говорит о нескольких центрах, где производились сосуды, декорированные цветными нитями. Один, по его мнению, располагался в Кельне. На Востоке таким центром была, по всей видимости, Александрия [124, p. 169]. Фрагменты стенок, украшенных накладными нитями преимущественно белого непрозрачного стекла – частая находка в За-

падном Средиземноморье [126, p. 205, fig. 154-156; 90, p. 204; 127, p. 155]. Рюмки, украшенные линейно-арочным орнаментом из тонких нитей преимущественно белого стекла, делали в Италии [112, p. 85-86, fig. 4; 128, p. 21, fig. 1,e; 129, p. 140].

Комплекс дает широкую дату образования слоя – вторая четверть VI – первая половина VII вв. Однако расположение трех рассмотренных комплексов в непосредственной близости друг от друга позволяет говорить об их хронологической близости и отодвинуть границу образования последнего, по крайней мере, к концу VI в.

Комплекс был перекрыт слоем скального отеса толщиной 0,2 м и площадью около 10 кв. м, образовавшимся в результате строительства рыбозасолочных цистерн 3 и 5. Таким образом, описанный комплекс является первым археологически зафиксированным свидетельством, позволяющим датировать строительство самых поздних рыбозасолочных цистерн Херсонеса не ранее конца VI – VII вв.

Кроме перечисленных материалов и строительных остатков, к ранневизантийскому периоду принадлежат выявленные в ходе раскопок разрозненные находки, среди которых наибольший интерес представляет найденная в помещении 9 амфора типа Пьери 1В1 (инв. № 59/37286; рис. 56), пик бытования которых приходится на вторую половину VI – VII вв. [11, p. 296; 14, с. 98], хотя появляются они в начале VI в. [13, p. 76]. На нижней части горла – дипинто красной краской. На наружной поверхности плотный светлый ангоб, на придонной части – подтеки ангоба. Глина светло-красная (2.5YR 6/8), плотная хорошо отмученная, с мелкими светлыми и более редкими красновато-коричневыми включениями, а также редкими мелкими частицами слюды.

Итак, раскопки квартала Х-Б показали, что самая ранняя застройка участка относится к IV в. до н. э. Границы ранневизантийского квартала совпадали с очертаниями квартала IV в. до н. э., а двор одной из ранневизантийских усадеб располагался приблизительно на месте позднего помещения 5/10, где в античное время находился двор с подвалом и двумя грушевидными цистернами, одна из которых была засыпана только в Х-XI вв.

Открытые в квартале Х-Б комплексы свидетельствуют о кардинальной перестройке квартала не ранее конца VI – начала VII вв.: в это время засыпаются две рыбозасолочные цистерны (1 и 4), выравнивается поверхность перед новым строительством, вырубаются две новые рыбозасолочные цистерны (3 и 5), которые функционировали до конца Х – XI вв. Таким образом, исследования в квартале Х-Б позволяют утверждать, что в VII-Х вв. в городе продолжали функционировать отдельные хозяйства, ориентированные на производство и продажу рыбы.

***

Раскопки показали, что участок кварталов Х, Х-А и Х-Б был застроен в IV в. до н. э. От этого времени, так же как и от последующего римского, сохранились выходившие на улицы фундаменты эллинистических домов и единичные фрагменты кладок усадеб первых вв. н. э. Слой с материалом IV-III вв. до н. э. по всей

территории участка был перекрыт нивелировочной засыпью, на которой стояли поздние усадьбы. Строительные остатки ранневизантийского времени не сохранились: они были полностью снесены при строительстве кварталов, погибших в XIII в., а камень от разобранных домов использован при возведении новых усадеб. Только по косвенным данным удалось предположительно установить, где располагались дворы отдельных византийских усадеб: на месте поздних помещений 14, 19 и 4 в квартале X и на месте позднего помещения 5/10 в квартале X-Б.

Во всех трех кварталах обнаружены рыбозасолочные цистерны, засыпанные не ранее конца VI – начала VII вв.: две цистерны в позднем помещении 4 в квартале X, цистерна, выявленная под помещением 1 усадьбы 3 в квартале X-А и две цистерны, открытые под поздним помещением 3 и во дворе усадьбы 2 в квартале X-Б. Почти одновременно с засыпкой старых цистерн в квартале X-Б вырубаются две новые, которые функционировали до конца X – XI вв., свидетельствуя о наличии в городе и в «темные века» ориентированных на продажу рыбозасолочных хозяйств.

Несмотря на то, что для засыпки цистерн использовали либо мусорные свалки, либо грунт нивелировочной засыпи близлежащих кварталов, материал из их заполнения позволяет реконструировать общую картину направления основных торговых связей города в рассматриваемый период.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голофаст Л.А., Рыжов С.Г.* Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
2. *Opaiţ A.* Pontic Wine in the Athenian Market // Proceedings of the Symposium: Late Antique Ceramics from Greece (3rd-7th c.c.) / Eds. D. Papanikola-Bakirtzi and K. Kousoulakou. Thessaloniki, November 12th-16th 2006, vols. 1-2. Thessaloniki, 2010.
3. *Kassab Tezgör D.* Typologie des amphores sinipéennes entre les IIe-IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. // Les fouilles et le materiel de ’atelier amphorique de Demirci près de Sinope / Ed. D. Kassab Tezgör. Paris, 2010.
4. *Opaiţ A.* Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th – 6th centuries AD). BAR International Series, 2004.
5. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
6. *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1971. Вып. 7.
7. *Sazanov A.* Les ensembles clos de Chersonese de la fin du VIe – troisieme quart du VIIe siecles: la chronologie de la ceramique // Les sites archéologiques en Crimeé et au Caucase Durant l’antiquité tardive et le haut moyen-age / Ed. M. Kazanski, V. Soupault. Leiden; Boston; Köln, 2000.
8. *Riley J.A.* Coarse Pottery // Excavations at Sidi Khrebish. Benghazi (Berenice). Vol. II. Suppl. to Libya Antiqua - V, vol. II. Tripoli, 1979.
9. *Hayes J.W.* Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992.
10. *Sodini J.-P., Villeneuve E.* Le passage de la ceramique Byzantine a la ceramique Omeyyade en

Syrie du Nord, en Palestine et en Transjordanie // La Syrie de Byzance a l'Islam (VIIe – VIIIe siecles). Actes du colloque international. Damas, 1992.
11. *Vroom J.* Late Antique Pottery, Settlement and Trade in the East Mediterranean: a Preliminary Comparison of Ceramics from Limyra (Lycia) and Boeotia // Recent Research on the Late Antique Countryside / Ed. W. Bowden, L. Lavan, C. Machado. Leiden; Boston, 2004.
12. *Vroom J.* Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An Introduction and Field Guide. Utrecht, 2005
13. *Pieri D.* Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, 2005.
14. *Голофаст Л.А.* Западный район Херсонеса в ранневизантийское время // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
15. *Романчук А.И., Белова О.Р.* К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1987. Вып. 23.
16. *Swan V.* Dichin (Bulgaria): Interpreting the Ceramic Evidence in its Wider Context // Proceedings of the British Academy. 2007. 141.
17. *Karagiorgou O.* LR2: A Container for the Military annona on the Danubian Border? // S. Kingsley / M. Decker (eds.), Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity. Proceedings of a conference at Sommerville College, Oxford 29th May, 1999. Oxford, 2001.
18. *Majcherek G.* Gazan Amphorae: Typology Reconsidered // II Neiborow Pottery Workshop. Warsaw, 1995.
19. *Egloff M.* Kellia. La poterie copte. Quatre siècles d'artisanat et d'échanges en Basse-Égypte [Recherches Suisses d'Archéologie Copte III], 2 vol. Geneva, 1977.
20. *Riley J.A.* The Pottery from the Cisterns 1977.1, 1977.2, and 1977.3 // Excavations at Carthage 1977 Conducted by the University of Michigan. Vol. VI. J.H. Humphrey (ed.). Ann Arbor, 1981.
21. *Bezeczky T.* Late Roman Amphorae from the Tetragonos-Agora in Ephesus // Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesus. F. Krinzinger (ed.). AForsch. 13. 2005.
22. *Bezeczky T.* Trade Connections between Ephesus and Adriatic Regions // Histria Antiqua. 2010. 19.
23. *Arthur P.* Aspects of Byzantine Economy: an Evaluation of Amphora Evidence from Italy // Recherches sur la céramique byzantine. V. Déroche et J.-M. Spieser (ed.). Paris, 1989.
24. *Arthur P.* Eastern Mediterranean amphorae between 500 and 700: a view from Italy // Ceramica in Italia: VI-VII secolo. Atti del convegno in onore di John W. Hayes. Roma, maggio 1995. Roma, 1998.
25. *Bonifay M., Pieri D.* Amphores du Ve au VIIe s. à Marseille: nouvelles données sur la typologie et le contenu. JRA. 1995. 8.
26. *Isler H.P.* Heraion von Samos: eine fruhbyzantinische Zisterne // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Athenische. 1969. 84.
27. *Хотелашвили М.К., Якобсон А.Л.* Византийский храм в селе Дранда (Абхазия) // ВВ. 1984. Вып. 45.
28. Objets de la vie quotidienne à Argos en 585 ap. J.-C. // Etudes Argiennes. BCH. Suppl. 6. Paris, 1980.
29. *Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
30. *Смокотина А.В.* Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.

31. *Hayes J.W.* Late Roman Pottery. London, 1972.
32. *Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
33. *Ballance M., Boardman G., Corbett S., Hoad S.* Excavations in Chios (1952-1955): Byzantine Emporio // BSA. Suppl. 20. London, 1989.
34. *Романчук А.И.* Слои VI-VII вв. в Портовом районе Херсонеса // АДСВ. 1975. Вып. 11.
35. *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып.VIII.
36. *Кутайсов В.А.* Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. №1.
37. *Голофаст Л.А., Рыжов С.Г.* Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
38. *Vroom J.* Limyra in lycia: byzantine/umayyad pottery finds from excavations in the eastern part of the city // Céramiques antiques en Lycie (VIIe S. a.C. – VIIe S. p.C). Les produits et les marchés (Études 16). S. Lemaître (ed.) Bordeaux, 2007.
39. *Седикова Л.В.* Керамический комплекс первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. № 2.
40. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи и окрестностях в 1909 году // ИАК. СПб., 1913. Вып. 47.
41. *Николаева Э.Я.* Боспор после гуннского нашествия: Дисс. … канд. ист. наук // НА ИА РАН. Д. Р-2 2333.
42. *Сорокина Н.П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. №4.
43. *Засецкая И.П.* Стеклянная посуда некрополя Боспора второй половины IV – рубежа VI–VII вв. н. э. (Из собрания Государственного Эрмитажа) // БИ. 2008. Вып. XX.
44. *Сазанов А.В.* Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
45. *Hayes J.W.* A New Type of Early Christian Ampulla // Annual of the British School at Athens. 1971. 66.
46. *Japp S.* Die lokale Keramikproduction von Kibyra // Rei Cretariae Romanae Favtorvm Acta. 2005. T. 39.
47. *Sodini J.-P.* Production et échanges dans le mond protobyzantin (IVe-VIIe s.): Le cas de la Céramique // Byzans als Raum. Zu Methoden und Inhalten der historischen Geographie des östlichen Mittelmeerraumes / Ed. K. Belke, F. Hild, F. Koder and P. Soustal. Vienna, 2000.
48. *Baily D.M.* A Catalogue of the Lamps in the British Museum. Vol. III. Roman Provincial Lamps. London, 1988.
49. *Harrison R.M.* Amorium Excavations 1991 The Fourth Preliminary Report // Anatolian Studies. 1992. Vol. 42.
50. *Залесская В.Н.* Два средневековых глиняных светильника из Северного Причерноморья // СА. 1988. № 4.
51. *Коробков Д.С.* Вновь об иудейских сюжетах античных светильников // Проблемы религий стран Черноморско-Средиземноморского региона. Севастополь-Cracow, 2001.
52. *Журавлев Д.В.* Сиро-палестинские светильники и их имитации римского и византийского периода из Херсонеса // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2007. Вып. XVII.
53. *Williams C.* A Byzantine Well Deposit from Anemurium (Rough Cilicia) // Anatolian Studies. 1977. 27.
54. *Williams C.* Anemurium. The Roman and Early Byzantine Pottery. Toronto, 1989.

55. *Diederichs C.* Salamine de Chypre IX: Céramique hellénistique, romaines et byzantines. Paris, 1990.
56. *Сазанов А.В.* К хронологии первой оборонительной линии Баклинского городища // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
57. *Воронов Ю.Н.* К истории экономических связей Апсилии в IV-VII вв. (привозная стеклянная посуда из Цебельды) // КСИА. 1974. Вып. 138.
58. *Плетнева С.А.* Города Таманского полуострова в конце VIII – XII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003.
59. *Рыжов С.Г., Седикова Л.В.* Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса // ХСб. 1999. Вып. X.
60. *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I // БИ. 2009. Suppl. 5.
61. *Цецхладзе Г.Р.* Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры. Саратов, 1992.
62. *Внуков С.Ю.* К вопросу о центре производства коричневоглиняных амфор Северного Причерноморья // Греческие амфоры. Саратов, 1992.
63. *Внуков С.Ю.* Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. 2012. № 4.
64. *Виноградов Ю.Г., Онайко Н.А.* Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время // СА. 1975. № 1.
65. *Watson P.* Change in Foreign and Regional Economic Links with Pella in the 7th Century AD: the Ceramic Evidence // La Syrie de Byzance à l'Islam (VIIe-VIIIe siècle). Actes du colloque international. Damas, 1992.
66. *Peacock O.P.S., Williams D.F.* Amphorae and the Roman Economy: An Introductory Guide. New York, 1986.
67. *Landgraf J.* Byzantine Pottery // Tell Keisan (1971-1976). Une cite phénicienne en Galilée. Paris, 1980.
68. *Boardman J.* The Finds // Excavations in Chios 1952-1955: Byzantine Emporio / Edd. M. Balance et al. Oxford, 1989.
69. *Swan V.* Dichin (Bulgaria): Interpreting the Ceramic Evidence in its Wider Context // Proceedings of the British Academy. 2007. 141.
70. *Karagiorgou O.* LR2: a Container for the Military annona on the Danubian Border? // S. Kingsley / M. Decker (eds.), Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity. Proceedings of a conference at Sommerville College, Oxford 29th May, 1999. Oxford, 2001.
71. *Bass G.F., Doorninck van F.H.* Yassi Ada. A Seventh-Century Byzantine Shipwreck. Vol. I. Texas, 1982.
72. *Mackensen M.* Die spätantiken Sigillata- und Lampentöpfereien von El Mahrine (Nordtunesien). Studien zur nordafrikanischen Feinkeramik des 4. Bis 7, Jahrhuderts // Münchner beiträge zur Vor- und Frühdeschichte Herausgegeben von J. Werner. Band 50. Erste Teilband. München, 1993.
73. *Bonifay M.* Etudes sur la céramique romaine tardive d'Afrique. British Archaeological Reports, International Series 1301. Oxford, 2004.
74. *Hayes J.W.* A Seventh-century Pottery Group // DOP. 1968. 22.
75. *Stevenson R.B.K.* The Great Palace of the Byzantine Emperors. London, 1947.
76. *Седикова Л.В.* К вопросу о появлении византийской поливной посуды в Херсонесе // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.

77. *Megaw A.H.S., Jones R.E.* Byzantine and Allied Pottery: A Contribution be Chemical Analysis to Problems of Origin and Distribution // ABSA. 1983. 78.
78. *Arthur P.* Form, Function and Technology in Pottery Production from Late Antiquity to the Early Middle Ages // Technology in Transition. A.D. 300-650. Leiden; Boston, 2007.
79. *Grandi E.* Late Antique and Early Medieval (5th-7th cent. AD) Fine Pottery from Archaeological Contexts in Lagoon of Venice // Canak. Late Antique and Medievak Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts. Canakkale, 2005.
80. *Vroom J.* Some Byzantine Pottery Finds from Kamman-Kalehöyük: a First Observation // AAS. 2006. XV.
81. *Кунина Н.З.* К вопросу о западном импорте стекла на Боспор (по материалам некрополя Пантикапея из собрания отдела Античного мира Эрмитажа) // ТГЭ. 1984. Т. XXIV.
82. *Голофаст Л.А., Рыжов С.Г.* Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
83. *Gűnsenin N.* Les amphores byzantines (Xe-XIIIe siècles): typologie, production, circulation d'après les collection turques. Paris, 1990.
84. *Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А.* Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. 2010. Вып. 1.
85. *Carter J.C.* Preliminary Report on the Excavation at Pizzica Pantanella (1974-76) // NotScav. 1983. XXXI. Suppl.
86. *Белов Г.Д.* Итоги раскопок в Херсонесе за 1949-1953 гг. // СА. 1955. XXIV.
87. *Arsen'eva T., Domżalski K.* Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. 2002. Band 8.
88. *Abadie-Reynal C., Sodini J.-P.* La ceramique paleochretienne de Thasos (Aliki, Delkos, fouilles anciennes). Paris, 1992.
89. *Özgümüş Ü.* Byzantine Glass Finds in the Roman Theater at Iznik (Nicaea) // Byzantinische Zeitschrift. Bd. 101/2. 2008: I. Abteilung.
90. *Foy D.* Le verre de la fin du IVe au VIIIe siecle en France Mediterranienne (premier essai de typo-chronologie) // Le verre de l'antiquite tardive et du haut moyen age. Val d'Oise, 1995.
91. *Залесская В.Н.* Ранневизантийские мраморные блюда в собрании Эрмитажа// ВВ. 1976. Т. 37.
92. *Сазанов А.В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
93. *Сазанов А.В.* К хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.
94. *Романчук А.И., Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 1991.
95. *Papuc Gh.* Ceramica Romana tirzie cu decor stampilat descoperita la edificul roman cu mozaic din Tomis // Pontica. Constanta, 1973. VI.
96. *Талис Д.Л.* Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV-IX вв.// Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982.
97. *Седикова Л.В.* Столовая посуда первой половины IX в. из засыпи водохранилища в Херсонесе // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
98. *Романчук А.И.* Херсонес VI – первой половины IX вв. Свердловск, 1976.
99. *Бьотгер Б.* Домашна керамика от IV-VI вв. от Ятрус (Долна Мизия) // Археология. 1978. Кн. 2.

100. *Кузманов Г.* Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV – началото на VII вв.) София, 1985.
101. *Кузманов Г.* Ранновизантийска керамика от Никополис ад Иструм // Археология. 1993. Кн. 4.
102. *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
103. *Романчук А.И.* Комплекс VII в. из Портового района Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 10.
104. *Magness J.* Jerusalem Ceramic Chronology circa 200-800 CE. Sheffield, 1993.
105. *Feig N.* Pottery, Glass, and Coins from Magen // BASOR. 1985. 258.
106. *Седикова Л.В.* Керамические печи IX в. Херсонесе // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
107. *Седикова Л.В.* Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Дисс. … канд. ист. наук // Архив ИА РАН. Д. 2632.
108. *Николаева Э.Я.* Стеклоделие на Боспоре // КСИА. 1991. Вып. 204.
109. *Сорокина Н.П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
110. *Айбабин А.И.* Стеклянные рюмки из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма // СГЭ. 1976. Вып. XVI.
111. *Веймарн Е.В., Айбабин А.И.* Скалистинский могильник. Киев, 1993.
112. *Harden D.B.* Ancient Glass: Post-Roman // The Archaeological Journal. L., 1971.
113. *Celik I.U.* Glass from the 2006 Excavation Season in the Theatre at Nicaea // Late Antique – Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean. E. Lafli (ed.). Izmir, 2009.
114. *Elbern V.Y.* Neuerworbene Gläser in der frühchristlich-byzantinischen Sammlung der Berliner Museen // Annales du 4e internationales du verre. Ravenne; Venise, 1967.
115. *Celik I.U.* Glass from the 2006 Excavation Season in the Theatre at Nicaea // Late Antique – Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean. E. Lafli (ed.). Izmir, 2009.
116. *Foy D., Bonifay M.* Elements d'évolution des verréries de l'antiquite tardive a Marseille d'après les fouilles de la Bourse // Revue archéologique de Narbonnaise. Tome XVII. Paris, 1985.
117. *Андреева О.А.* Костяные изделия из цистерн Херсонеса (раскопки 1992 и 1997 гг.) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
118. *Павличенко Н.А.* Сланцевая плитка с граффито из Херсонеса // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
119. *Russel J.* Byzantine Instrumenta Domestica from Anemurium: the Significance of Context // City, Town and Countryside in the Early Byzantine Era. New York, 1982.
120. *Waldbaum J.C.* Metalwork from Sardis: the Finds through 1974. London, 1983.
121. *Vikan G.* Security in Byzantium: Keys // JÖB. 1982. № 32/3.
122. *Сорокина Н.П.* Стеклянные сосуды IV-V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА. 1979. Вып. 158.
123. *Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х.* Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси, 1985.
124. *Harden D.B.* Roman Glass from Karanis Found by the University Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924-29. Ann Arbor University of Michigan Press., 1936.
125. *Hayes J.W.* Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum. Toronto, 1975.
126. *Foy D.* Le verre // L'oppidum de Saint-Blaise du Ve au VIIe s. (Bouches-du-Rhone). Documents d'archeologie Francaise. Paris, 1994.
127. *Foy D., Hochuli-Gysel A.* Le verre en Aquitaine du IVe au IXe siecle (un etat de la question) // Le verre de l'antiquite tardive et du haut moyen age. Val d'Oise, 1995.

128. *Harden D.B.* Some Lombard Glasses of the 6th and 7th Centuries // Средновековно стакло на Балкану (5-15 вв.). Београд, 1975.
129. *Isings C.* Roman Glass from Dated Finds. Groningen, 1957.

Голофаст Л.А., Рыжов С.Г.

Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-А и X-Б)

Резюме

Раскопки показали, что участок кварталов X, X-А и X-Б был застроен в IV в. до н.э. От этого времени, так же как и от последующего римского, сохранились выходившие на улицы фундаменты эллинистических домов и единичные фрагменты кладок усадеб первых вв. н.э. Слой с материалом IV-III вв. до н. э. по всей территории участка был перекрыт нивелировочной засыпью, на которой стояли поздние усадьбы. Строительные остатки ранневизантийского времени не сохранились: они были полностью снесены при строительстве кварталов, погибших в XIII в., а камень от разобранных домов использован при возведении новых усадеб. Только по косвенным данным удалось предположительно установить, где располагались дворы отдельных византийских усадеб: на месте поздних помещений 14, 19 и 4 в квартале X и на месте позднего помещения 5/10 в квартале X-Б.

Во всех трех кварталах обнаружены рыбозасолочные цистерны, засыпанные не ранее конца VI – начала VII вв.: две цистерны в позднем помещении 4 в квартале X, цистерна, выявленная под помещением 1 усадьбы 3 в квартале X-А, и две цистерны, открытые под поздним помещением 3 и во дворе усадьбы 2 в квартале X-Б. Почти одновременно с засыпкой старых цистерн в квартале X-Б вырубаются две новые, которые функционировали до конца X – XI вв., свидетельствуя о наличии в городе и в «темные века» хозяйств, ориентированных на производство и продажу соленой рыбы.

Несмотря на то, что для засыпки цистерн использовали либо мусорные свалки, либо грунт нивелировочной засыпи близлежащих кварталов, материал из их заполнения позволяет реконструировать общую картину направления основных торговых связей города в рассматриваемый период.

Голофаст Л.О., Рижов С.Г.

Північний район Херсонеса в ранньовізантійський час (квартали X, X-А і X-Б)

Резюме

Розкопки показали, що ділянку кварталів X, X-А і X-Б було забудовано в IV ст. до н. е. Від цього часу, так само як і від подальшого римського, збереглися фундаменти будинків еллінізму, що виходили на вулиці, і одиничні фрагменти кладок садиб перших ст. н. е. Шар з матеріалом IV-III ст. до н. е. по всій території ділянки був перекритий нівелювальною засиппю, на якій стояли пізні садиби. Будівельні залишки ранньовізантійського часу не збереглися: вони були повністю знесені при будівництві кварталів, загиблих в XIII ст., а камінь від розібраних будинків використаний при зведенні нових садиб. Лише за непрямими даними удалося імовірно встановити, де розташовувалися двори окремих візантійських садиб: на місці пізніх приміщень 14, 19 і 4 в кварталі X і на місці пізнього приміщення 5/10 в кварталі X-Б.

У всіх трьох кварталах виявлені рибозасолювальні цистерни, засипані не раніше кінця VI – початку VII ст.: дві цистерни в пізньому приміщенні 4 в кварталі X, цистерна, виявлена під приміщенням 1 садиби 3 в кварталі X-A, і дві цистерни, відкриті під пізнім приміщенням 3 і у дворі садиби 2 в кварталі X-Б. Майже одночасно із засипкою старих цистерн в кварталі X-Б вирубуються дві нові, які функціонували до кінця X – XI ст., що свідчить про наявність в місті і в «темні століття» господарств, орієнтованих на виробництво і продаж солоної риби.

Не дивлячись на те, що для засипки цистерн використовували або сміттєві звалища, або ґрунт нівелювальної засипі довколишніх кварталів, матеріал з їх заповнення дозволяє реконструювати загальну картину напряму основних торгівельних зв'язків міста в даний період.

Golofast L. A., Ryzhov S. G

Northern District of Chersonesos in Early Byzantine Period (Blocks X, X-A and X-Б)

Summary

The excavation showed that the part with blocks X, X-A and X-Б was built up in the 4th century BC. Since that time and following Roman period foundations of Hellenistic houses facing streets and isolated fragments of layers of masonries of estates dating to the first centuries AD remained. The layer with material dating back to the 4th – 3rd centuries BC was congested with leveling filling up where there were estates of later period. Building remnants of early Byzantine period did not survive; they were completely demolished during building blocks that perished in the 13th century; and stones from houses were used during building new mansions. Only due to indirect evidence it became possible to fix approximately the place where the yards of several Byzantine mansions: on the place of later premises 14, 19 and 4 in block X and on the place of a later premise 5/10 in block X-Б.

In all three blocks, fish-salting cisterns were discovered; they were filled up not earlier than at the end of the 6th – the beginning of the 7th century: two cisterns in later premise 4 in block X, a cistern found under premise 1 of estate 3 in block X-A and two cisterns open under later premise 3 and in the yard of estate 2 in block X-Б. Almost at the same time with filling up of old cisterns in block X-Б, two new ones were cut out and they functioned till the end of the 10th – 11th centuries testifying to the fact that even in "dark" centuries there were sectors oriented to production and sale of salted fish.

In spite of the fact that either landfill or soil of leveling filling up of the nearest blocks was used to fill in cisterns, the material from their filling enables to reconstruct a general picture of the direction of trade relations of the city in the period under consideration.

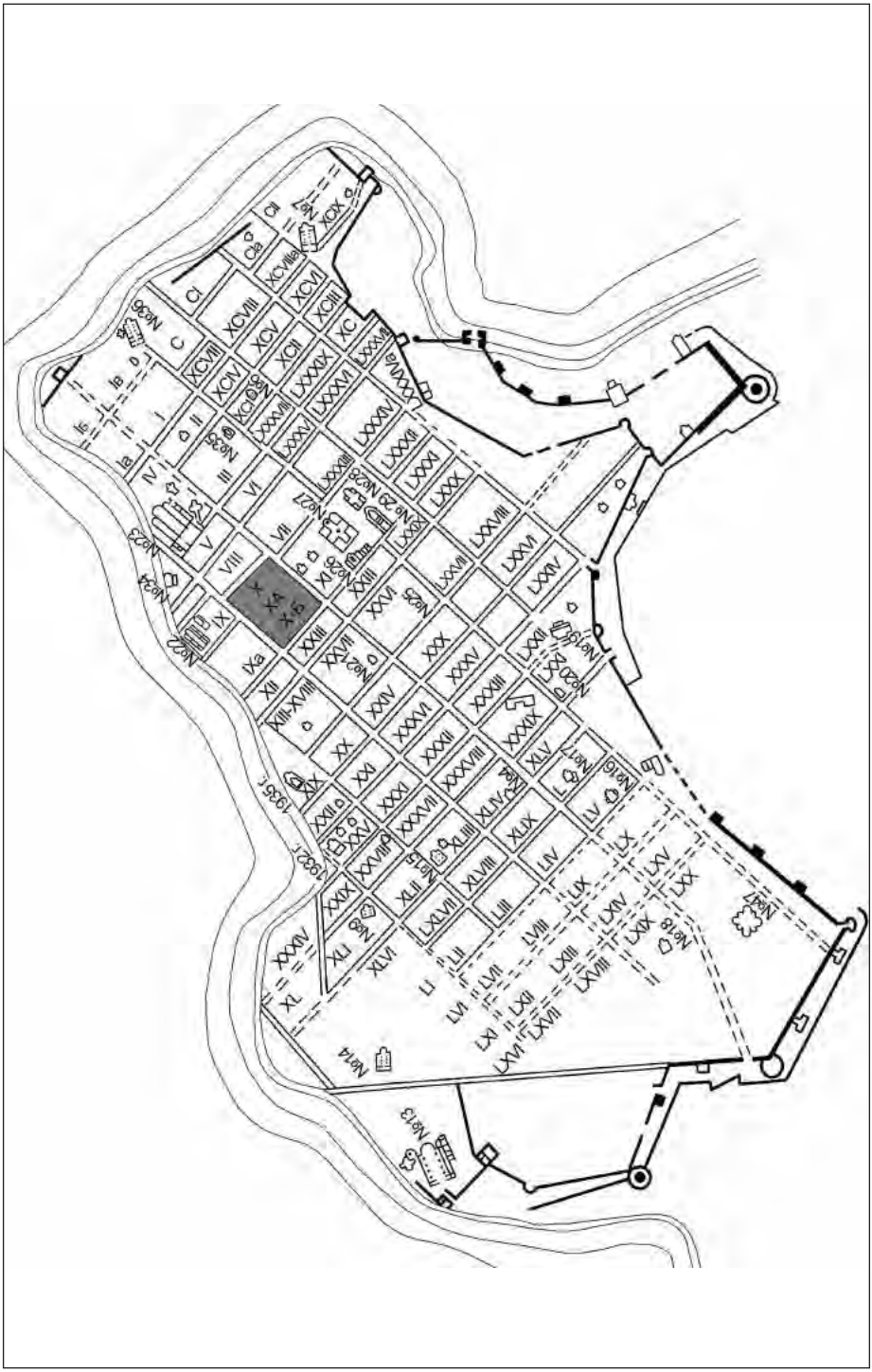


Рис. 1. План Херсонеса с указанием расположения кварталов X, X-А, X-Б.

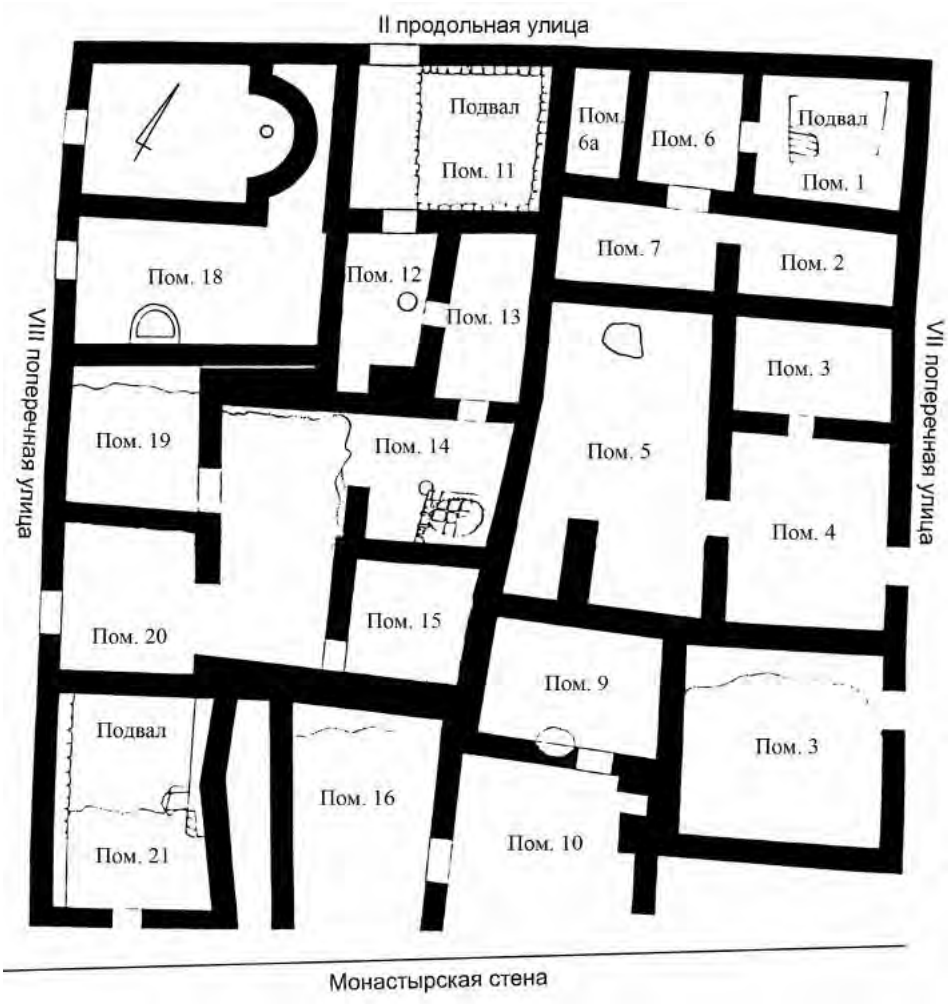


Рис. 2. План квартала X.

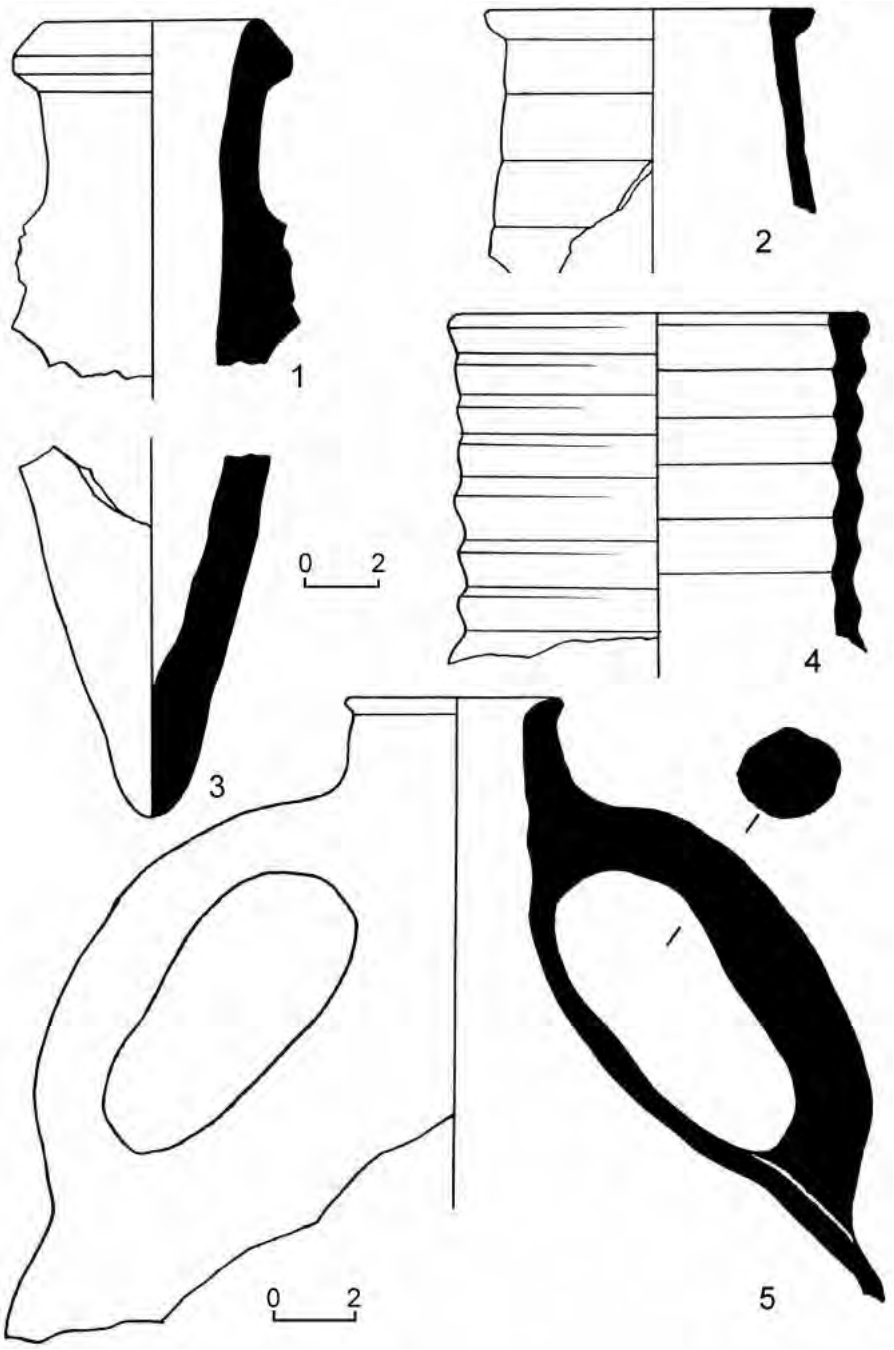


Рис. 3. Амфоры из засыпи цистерны 1 в помещении 4 квартала X (таблица составлена по Полевой описи находок).

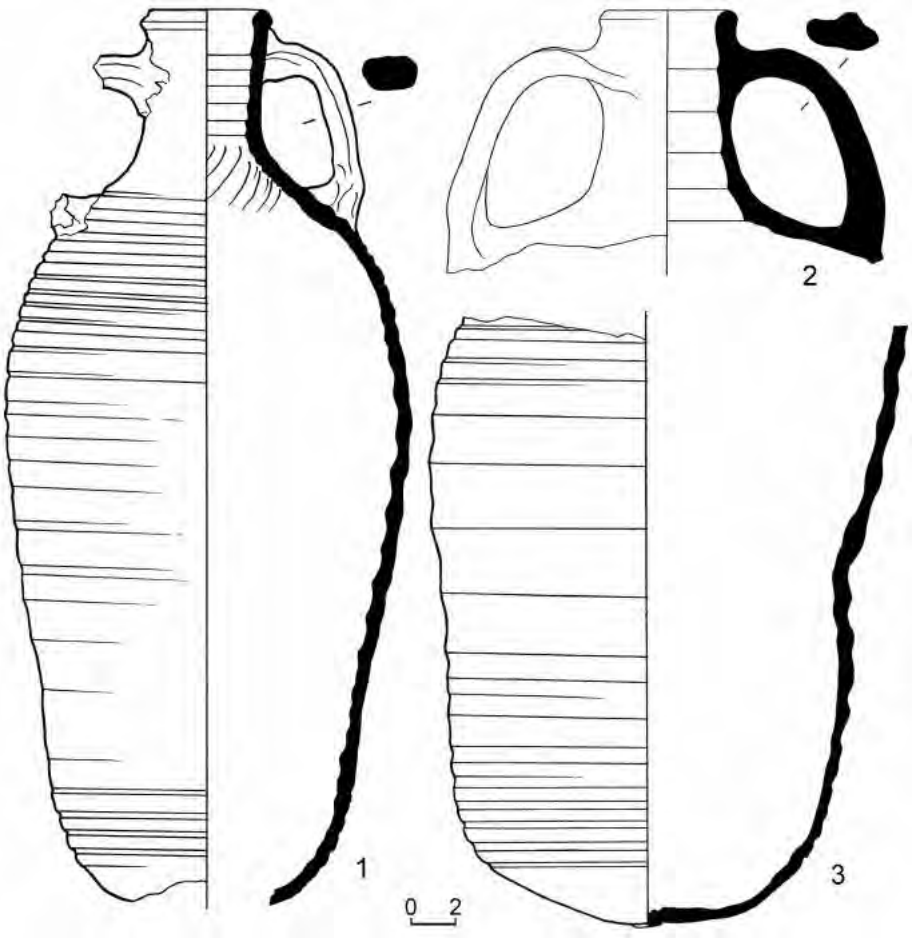


Рис. 4. Амфоры из засыпи цистерны 1 в помещении 4 квартала X (1, 3 – рисунки О.И. Малиновской, 2 – по Полевой описи находок).

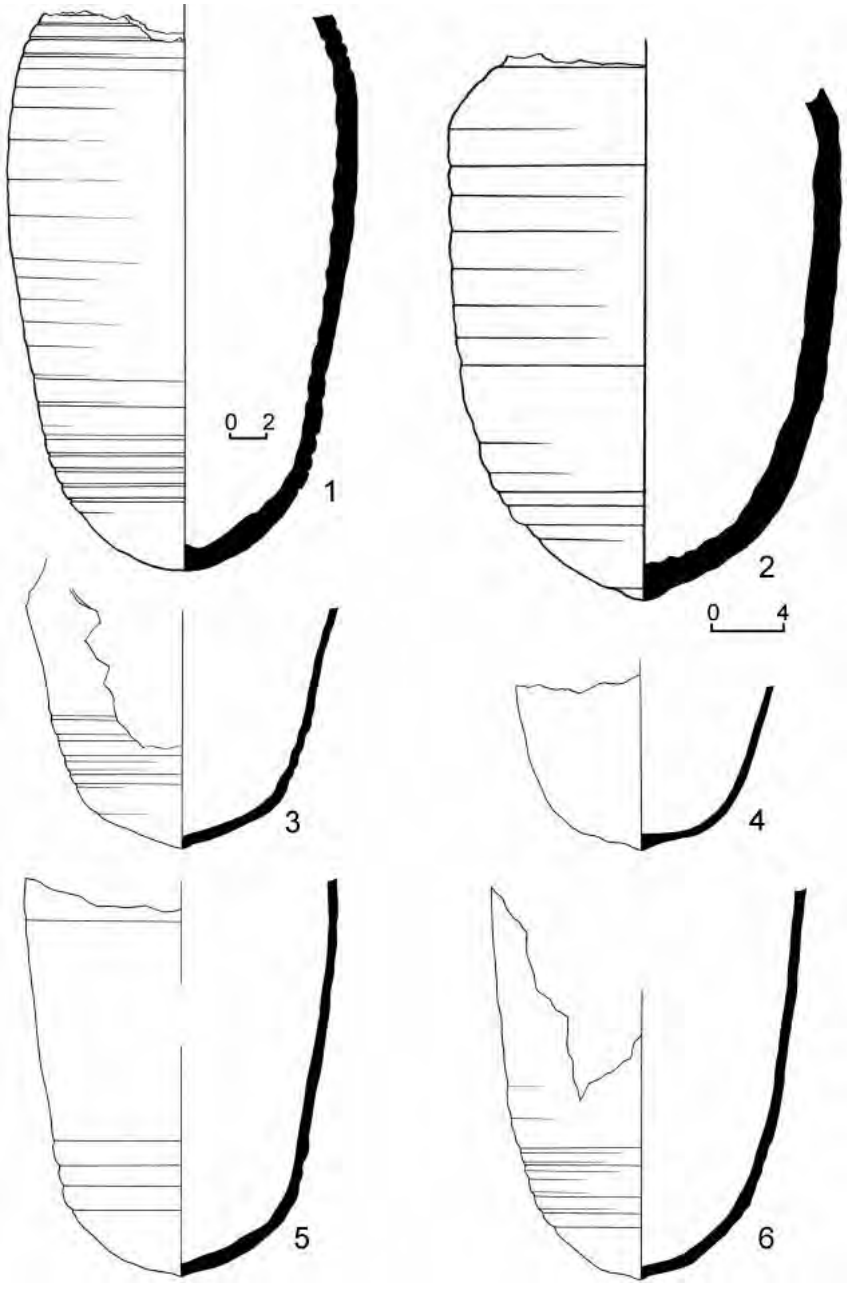


Рис. 5. Амфоры из засыпи цистерны 1 в помещении 4 квартала X (таблица составлена по Полевой описи находок).

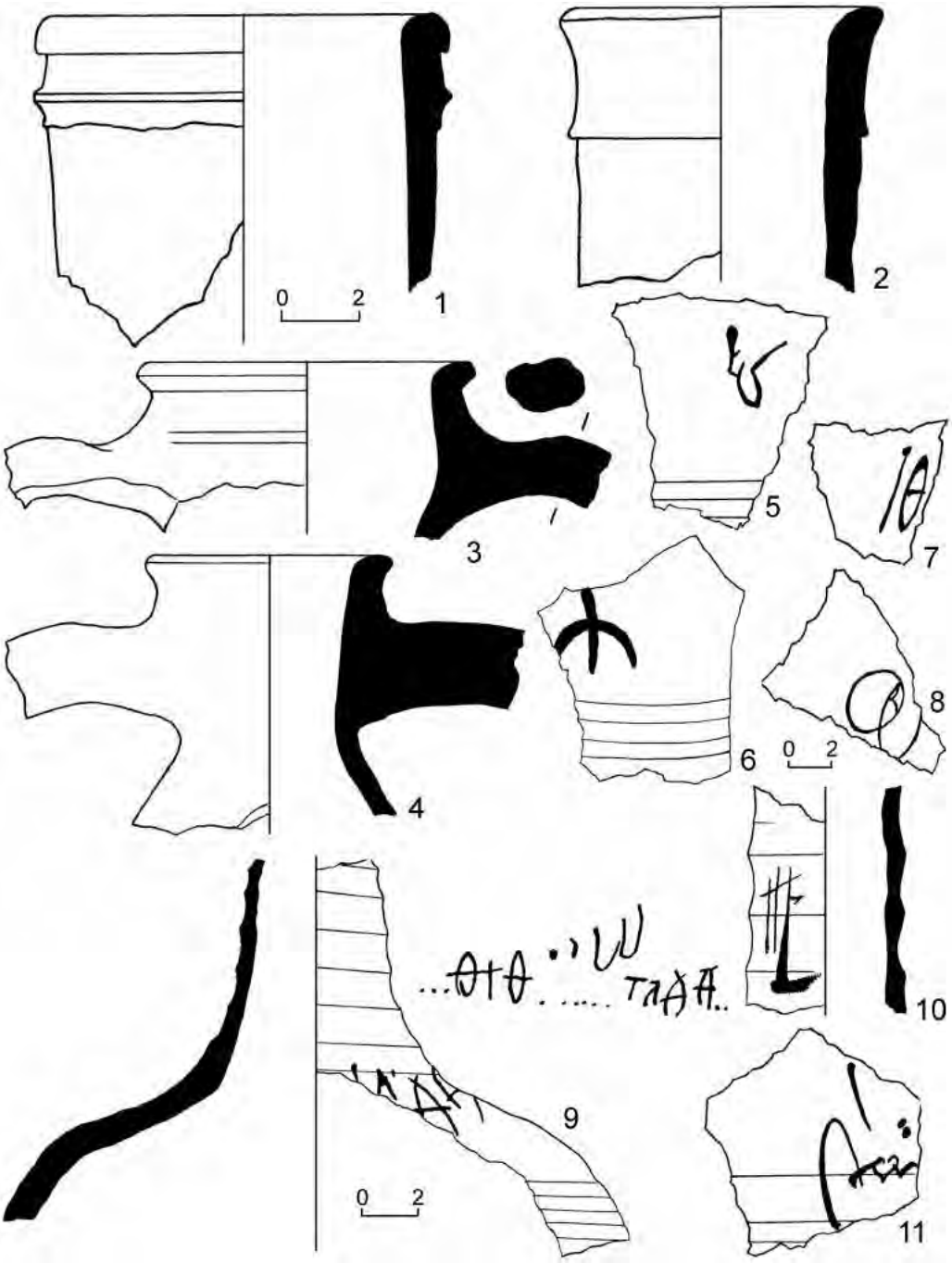


Рис. 6. Амфоры из засыпи цистерны 1 в помещении 4 квартала X (таблица составлена по Полевой описи находок).

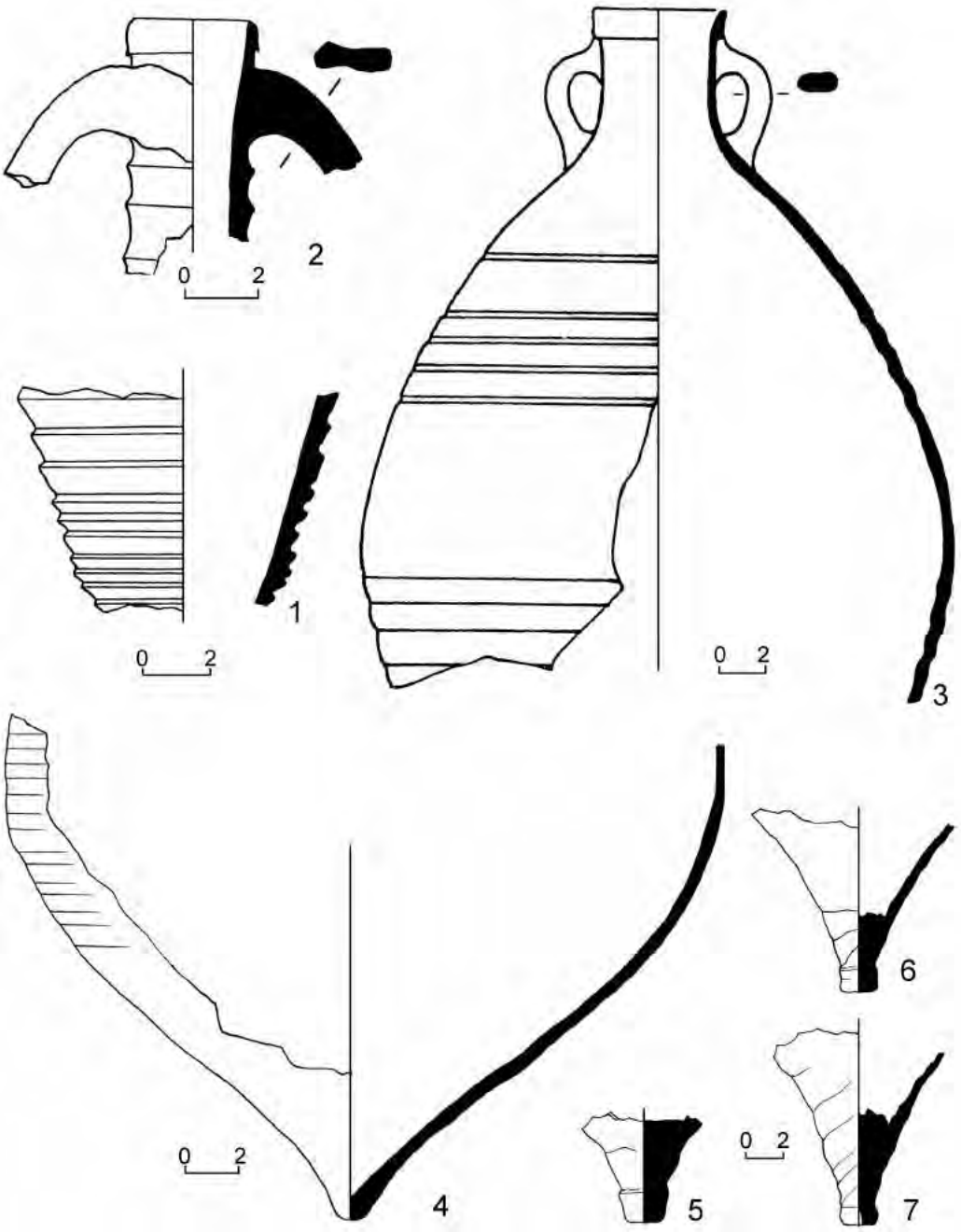


Рис. 7. Амфоры из засыпи цистерны 1 в помещении 4 квартала X
(1, 2, 5-6 – по Полевой описи находок; 3, 4 – рисунки И.Б. Гусаковой).

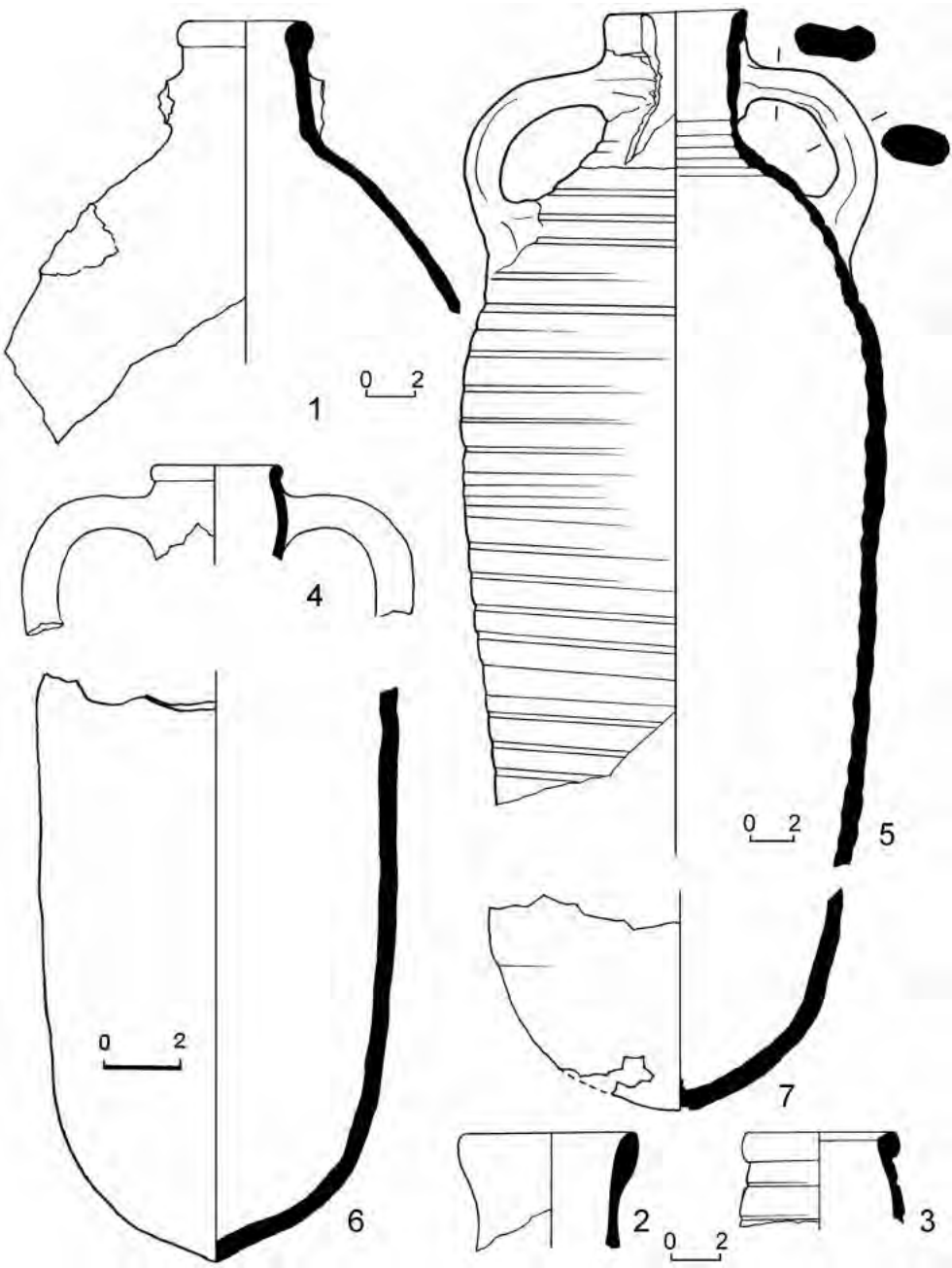


Рис. 8. Амфоры из засыпи колодца в помещении 3 квартала VIII (таблица составлена по Полевой описи находок; 5 – рисунок О.И. Малиновской).

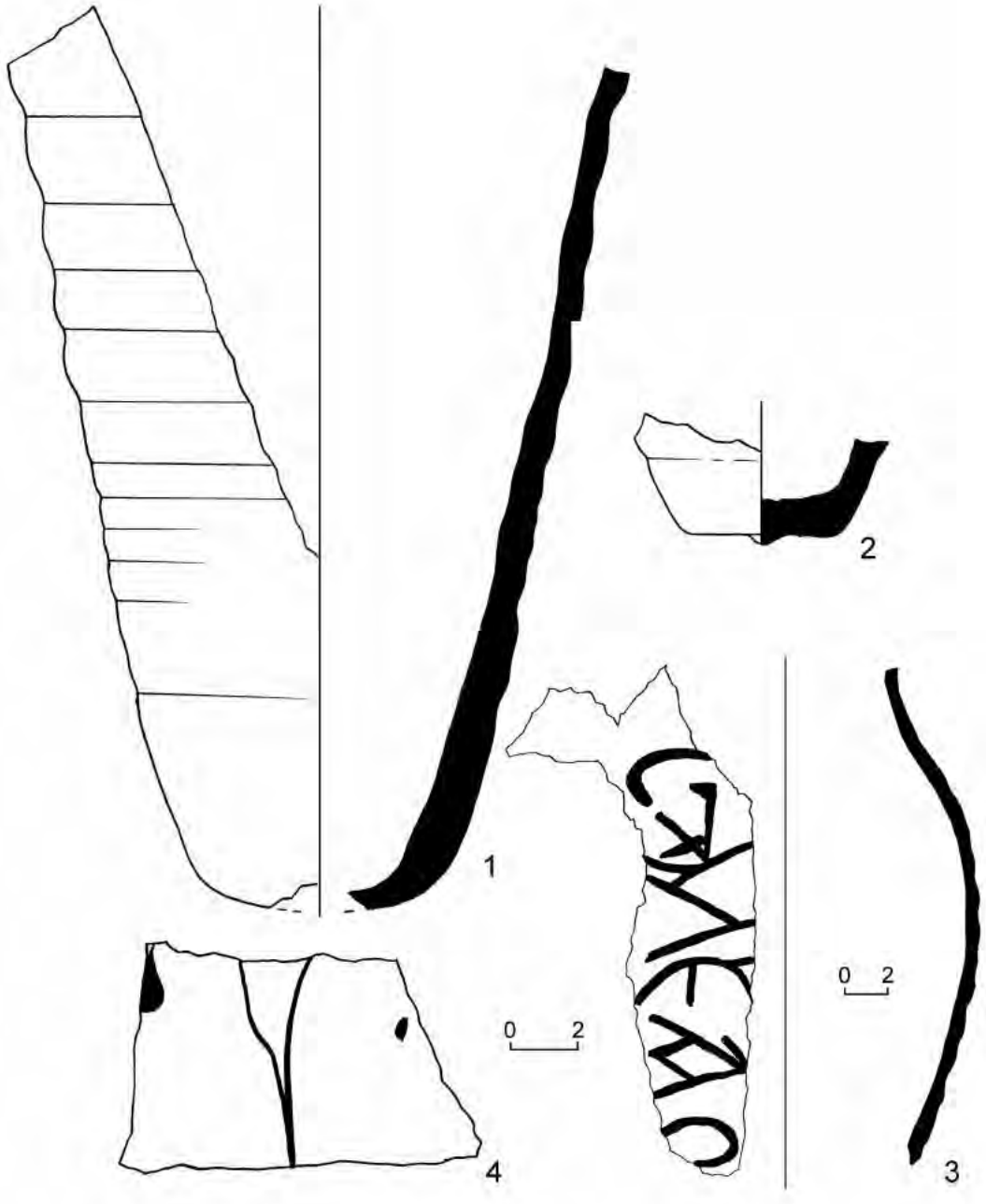


Рис. 9. Амфоры из засыпи цистерны 1 в помещении 4 квартала X (таблица составлена по Полевой описи находок).

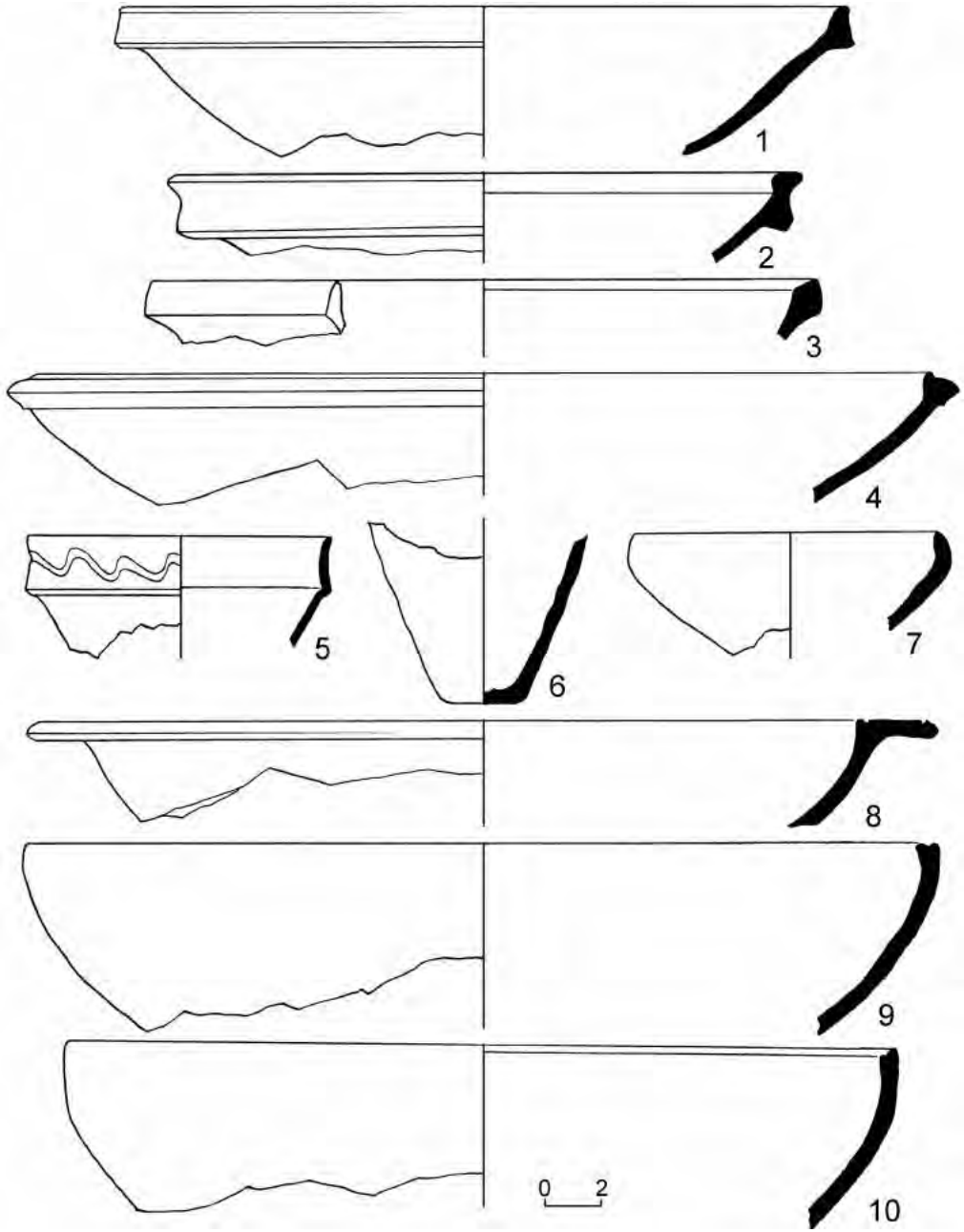


Рис. 10. Керамика из засыпи цистерны 1 в помещении 4 квартала X:
1-4, 7 – фрагменты краснолаковой посуды; *5, 6* – фрагменты конических кубков;
8-10 – фрагменты светлоглиняных блюд на высоком кольцевом поддоне
(таблица составлена по Полевой описи находок).

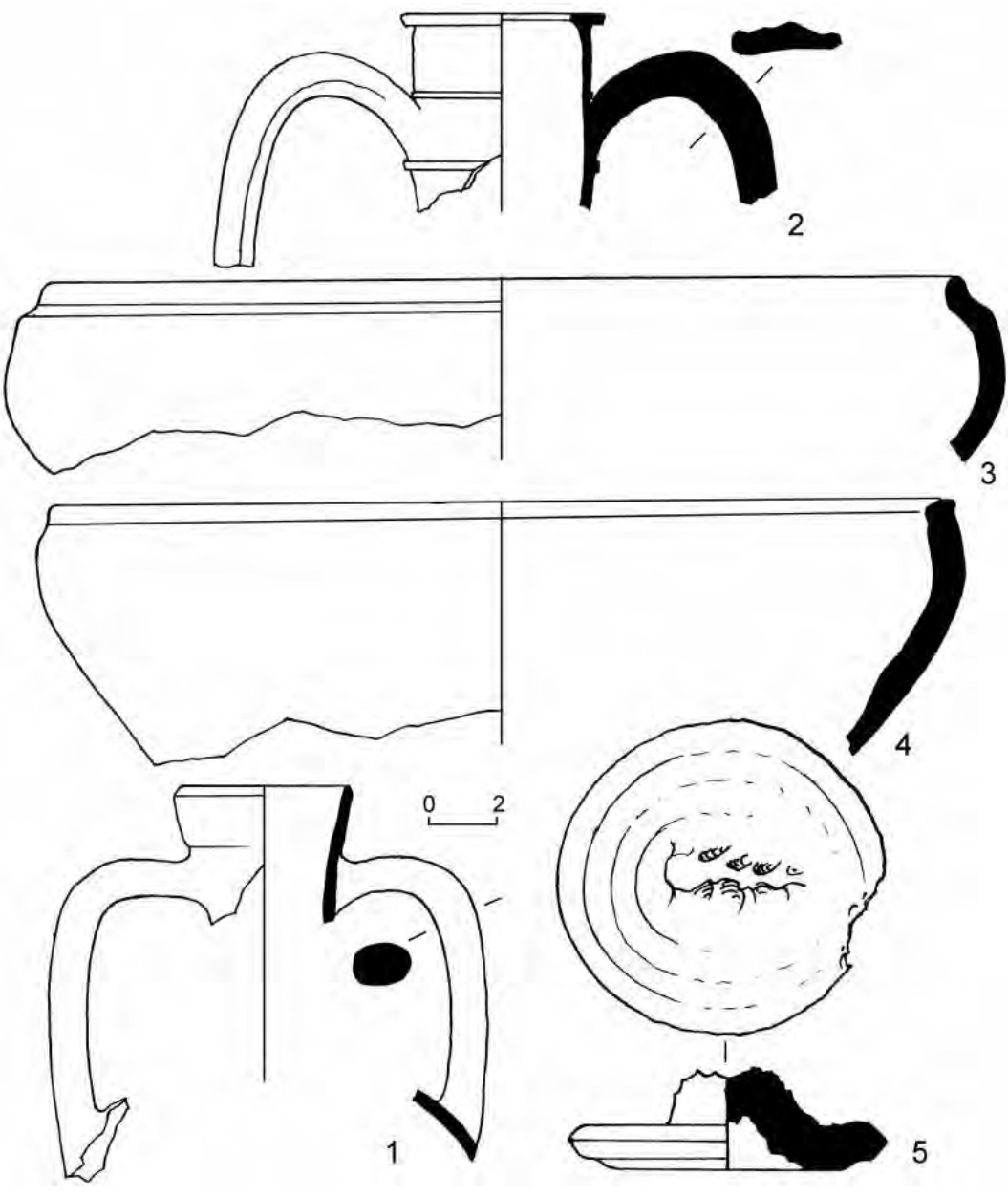


Рис. 11. Простая гончарная керамика из засыпи цистерны 1 в помещении 4 квартала X (таблица составлена по Полевой описи находок).

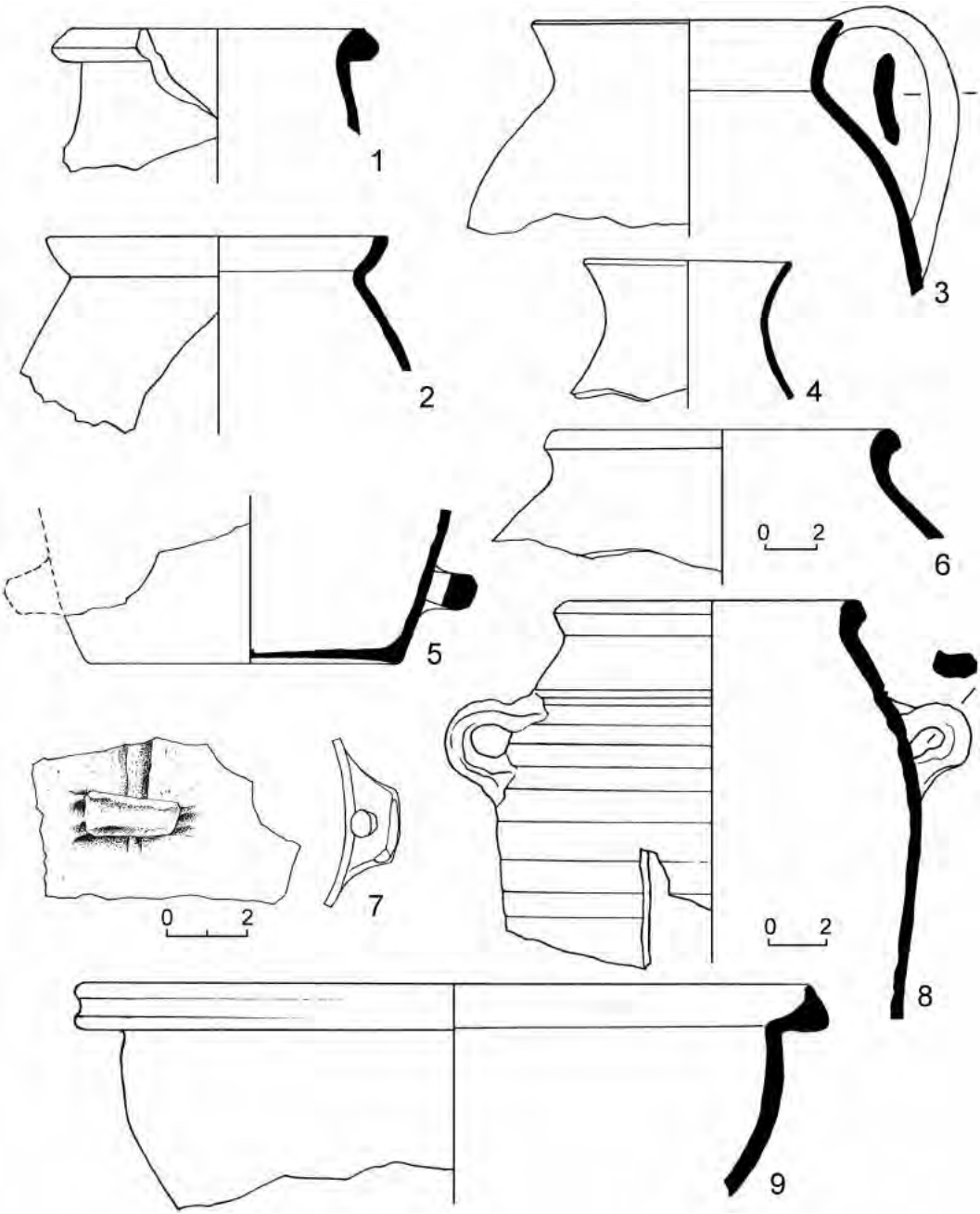


Рис. 12. Керамика из засыпи цистерны 1 в помещении 4 квартала X (таблица составлена по Полевой описи находок).

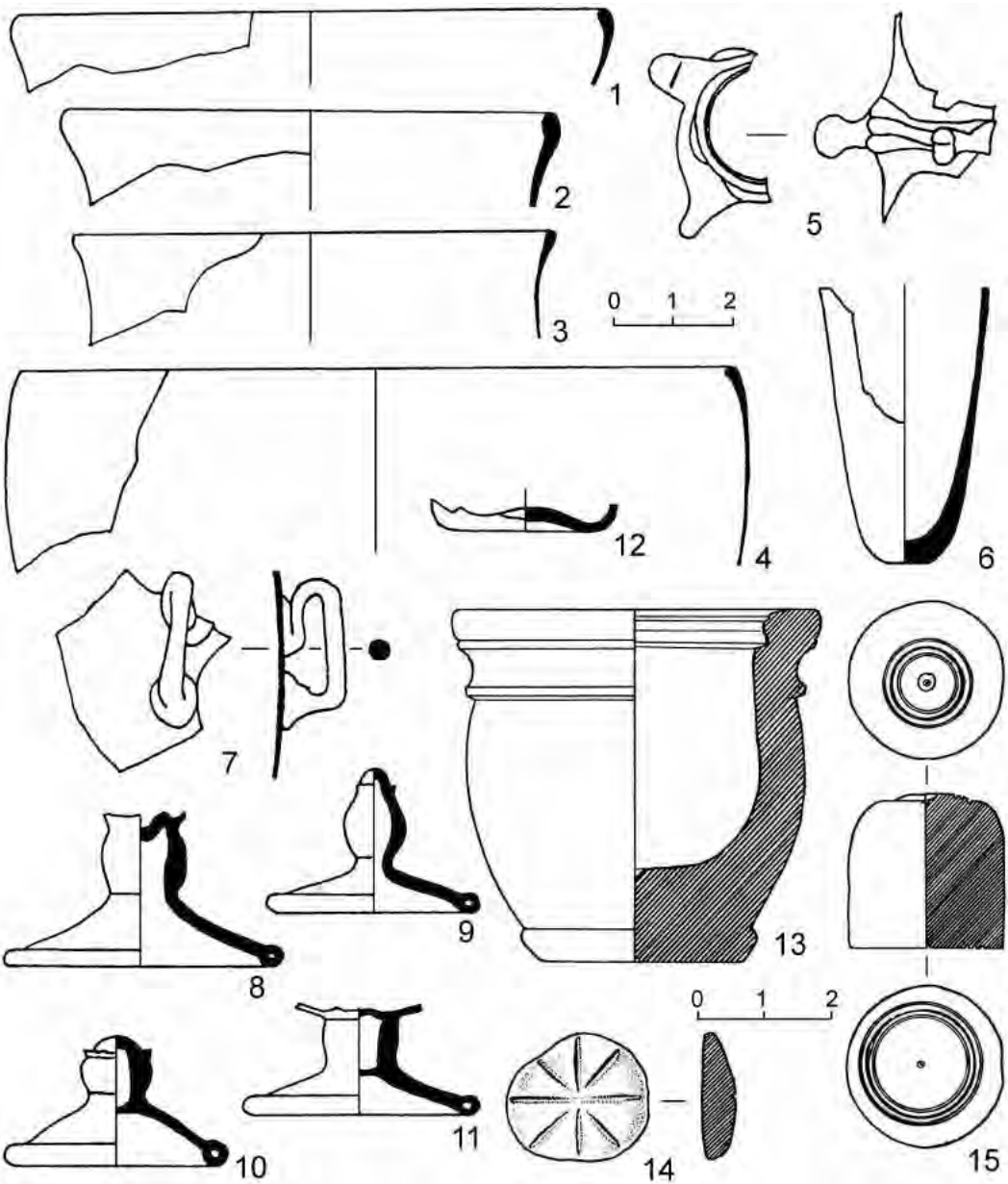


Рис. 13. Находки из засыпи цистерны 1 в помещении 4 квартала X:
1-12 – фрагменты стеклянных изделий; *13-15* – фрагменты костяных изделий
(1-12 – рисунки И.Б. Гусаковой; 13-15 – рисунки О.И. Малиновской).

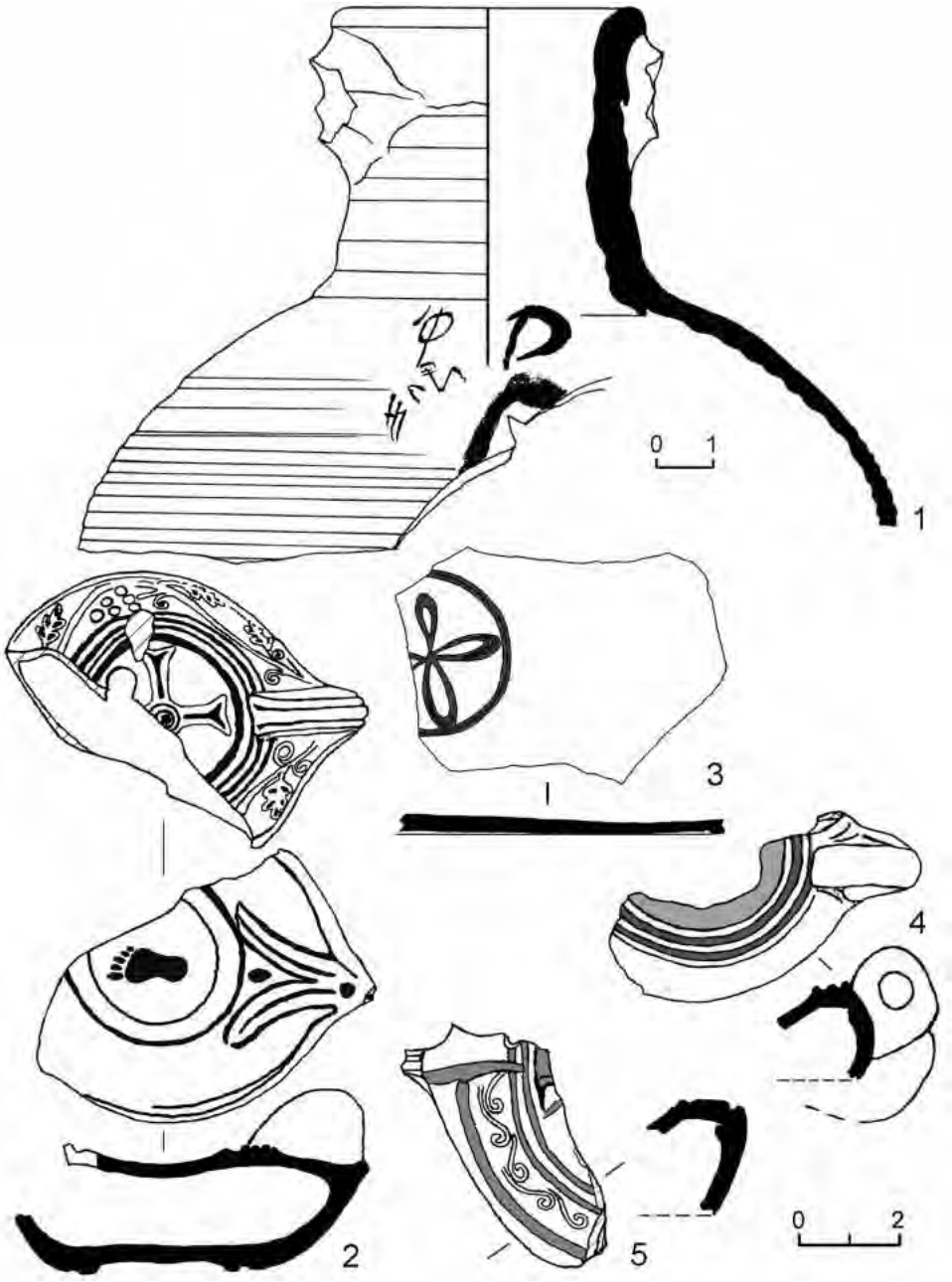


Рис. 14. Находки из засыпи под помещением 4 усадьбы 4 квартала X:
1 – амфора типа LRA1; *2, 4-6* – светильники; *3* – фрагмент краснолакового блюда (рисунки О.И. Малиновской).

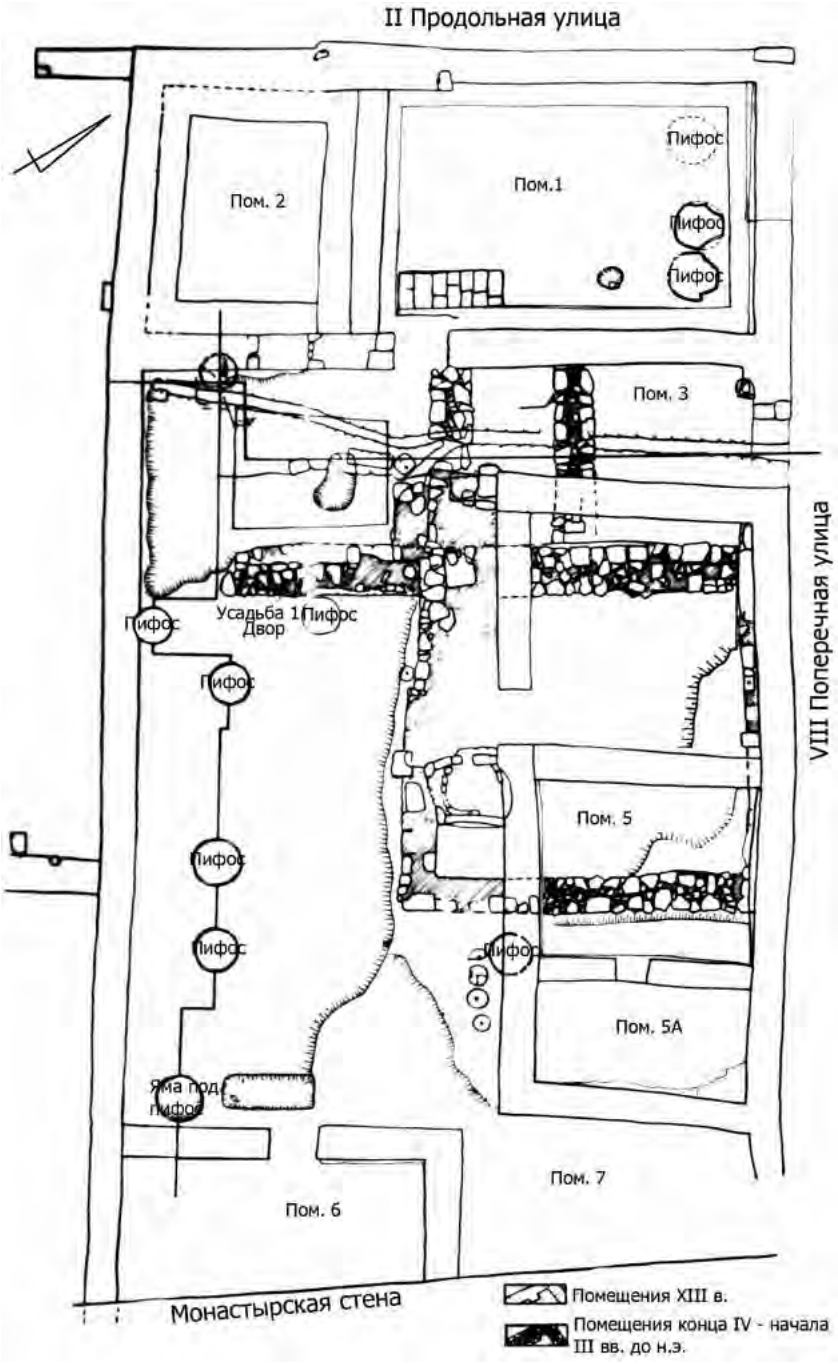


Рис. 15. План квартала Х-А.

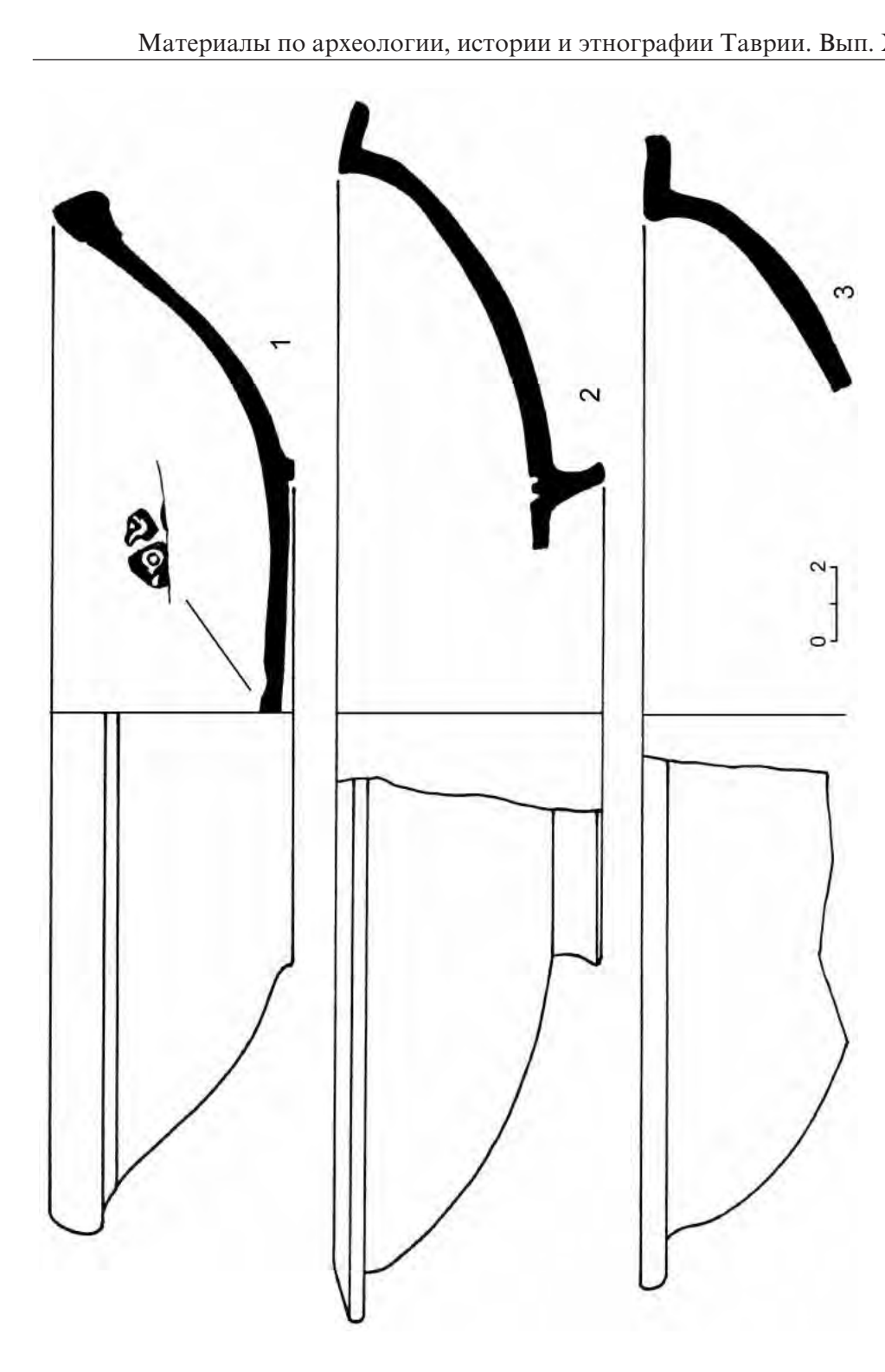


Рис. 16. Находки из засыпи рыбозасолочной цистерны под помещением 1 в квартале Х-А: *1* – фрагмент краснолаковой миски; *2-3* – фрагменты светлоглиняных блюд на высоком кольцевом поддоне (рисунки И.Б. Гусаковой).

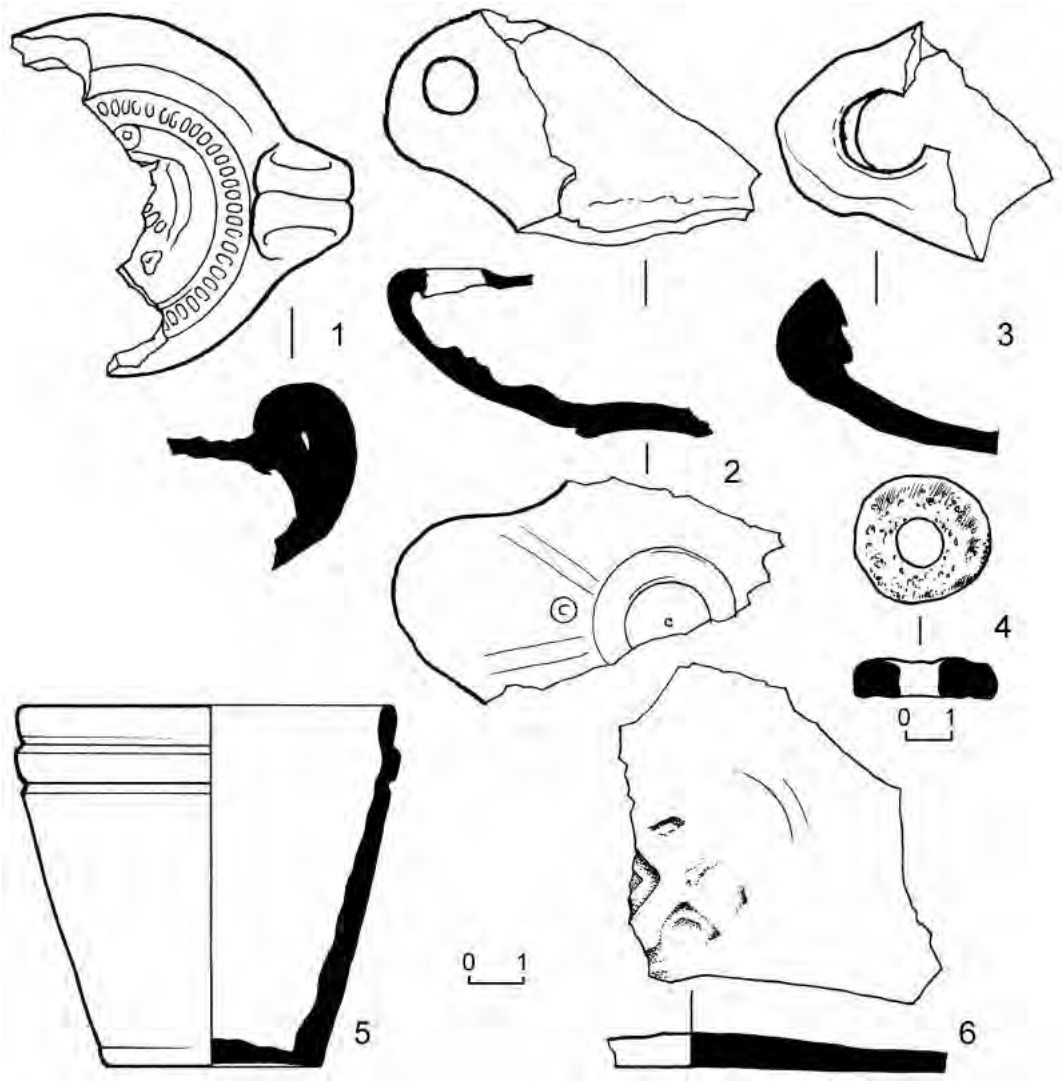


Рис. 17. Находки из засыпи рыбозасолочной цистерны под помещением 1 в квартале Х-А: *1-3* – фрагменты светильников; *4* – свинцовое грузило; *5* – фрагмент глиняного кубка; *6* – фрагмент краснолаковой миски из засыпи под помещением 2 усадьбы 3 квартала Х-А (рисунки О.И. Малиновской).

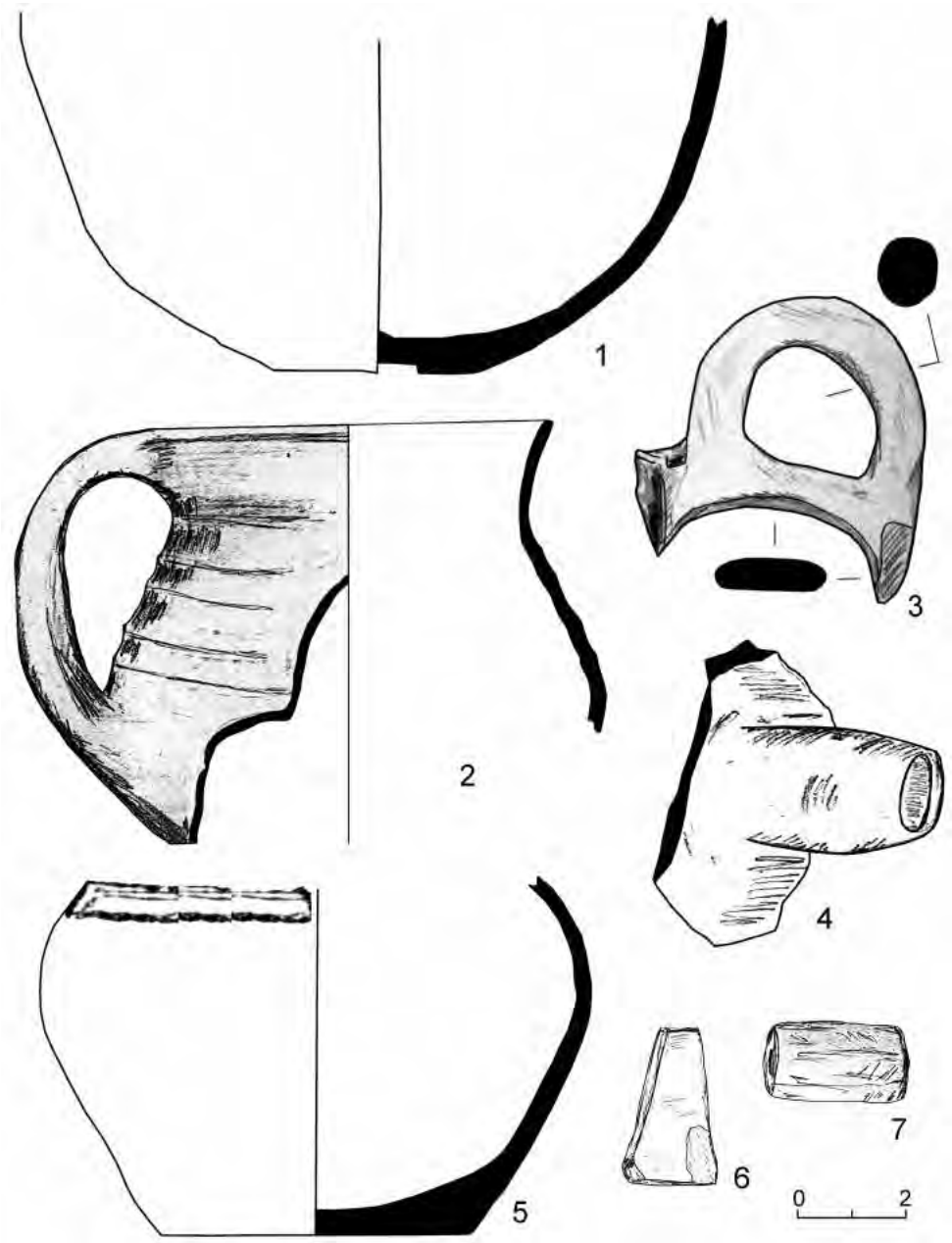


Рис. 18. Находки из засыпи рыбозасолочной цистерны под помещением 1 в квартале Х-А: *1* – фрагмент амфоры; *2* – фрагмент кухонного горшка; *3* – фрагмент кувшина с двойной ручкой; *4* – носик кумана; *5* – фрагмент кувшина с росписью ангобом; *6, 7* – глиняные грузила (таблица составлена по Полевой описи находок).

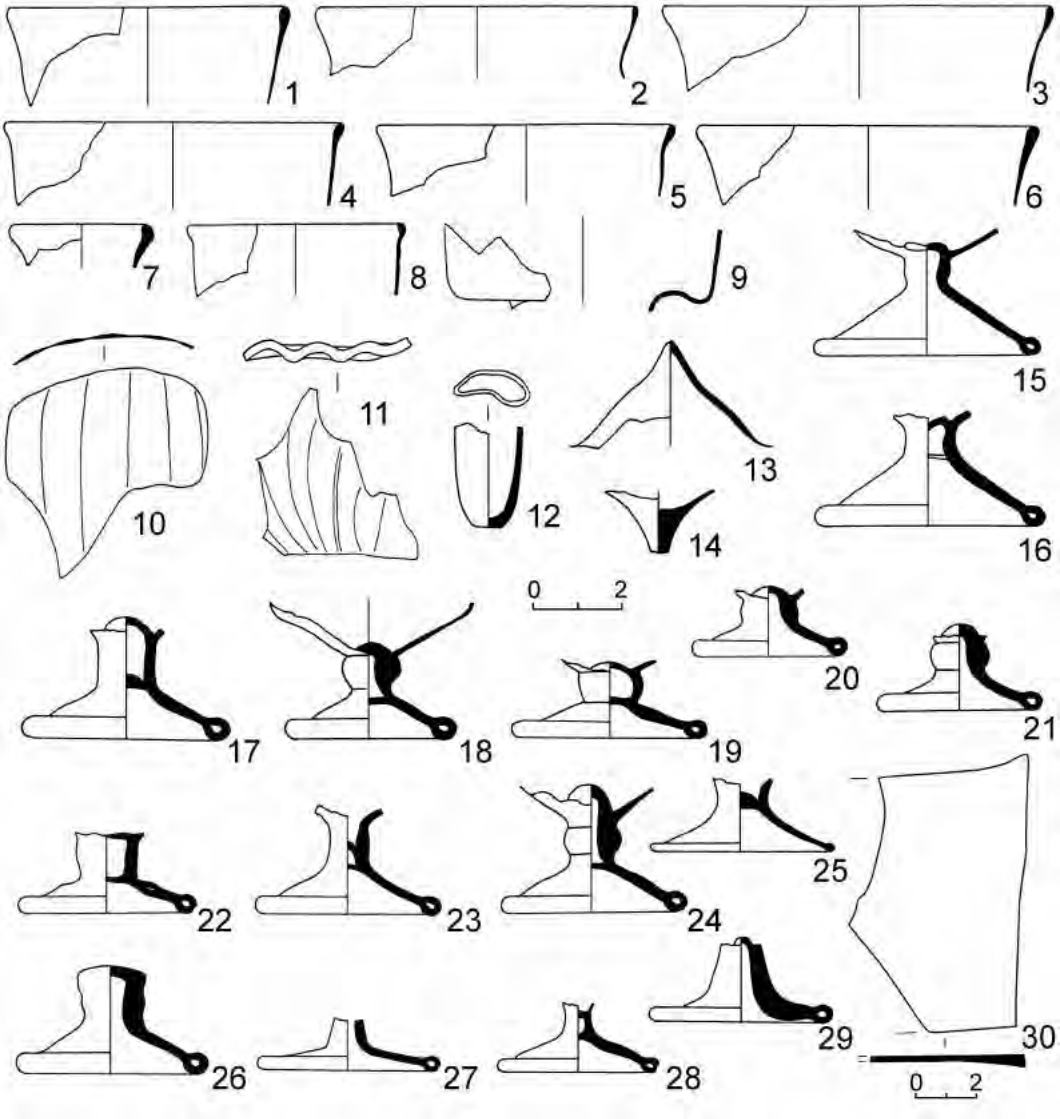


Рис. 19. Фрагменты стеклянных изделий из засыпи рыбозасолочной цистерны под помещением 1 в квартале Х-А (рисунки И.Б. Гусаковой).

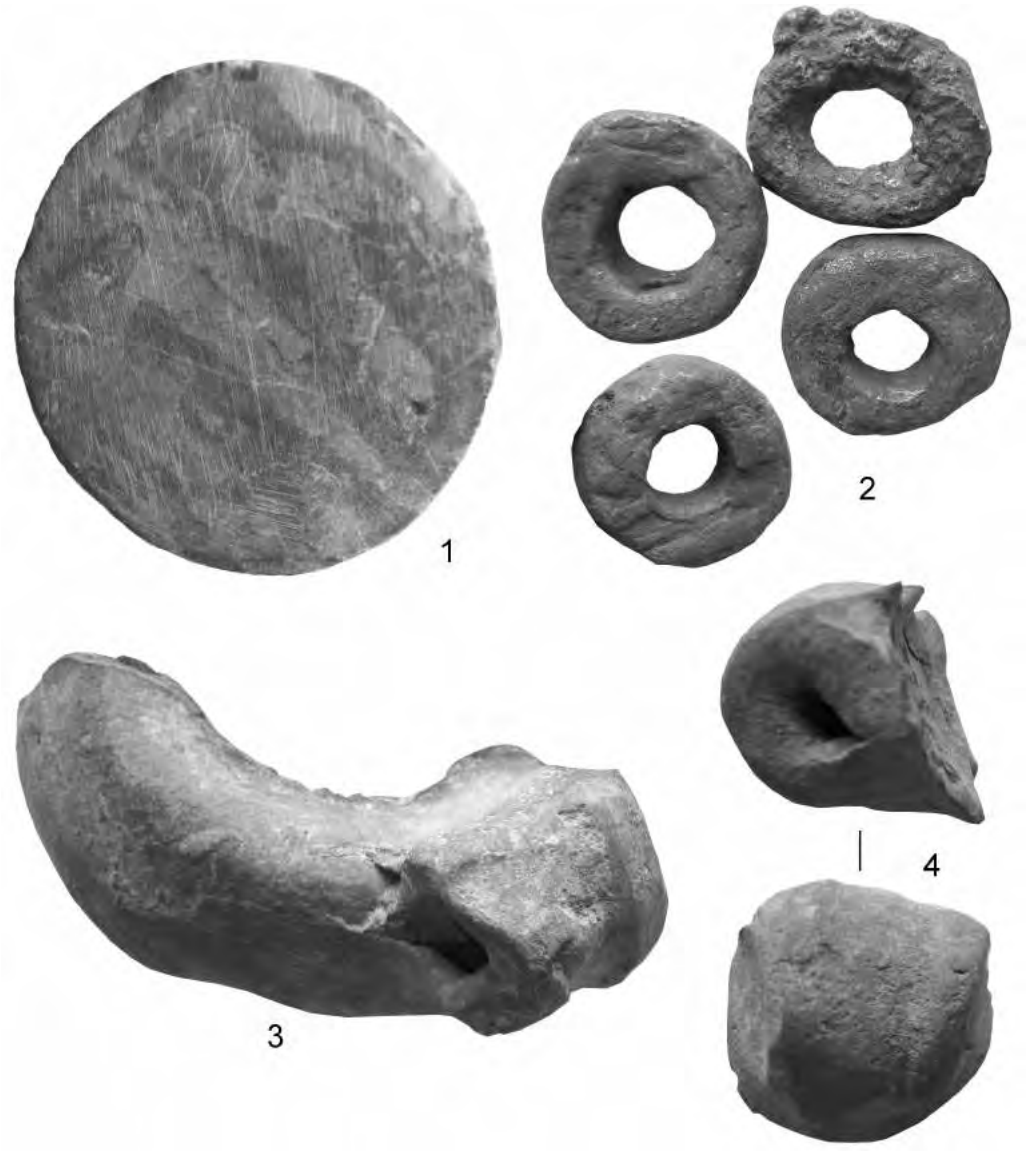


Рис. 20. Находки из засыпи рыбозасолочной цистерны под помещением 1 в квартале Х-А: *1* – деталь наборной мозаики; *2* – свинцовые грузила; *3-4* – фрагменты светильников.

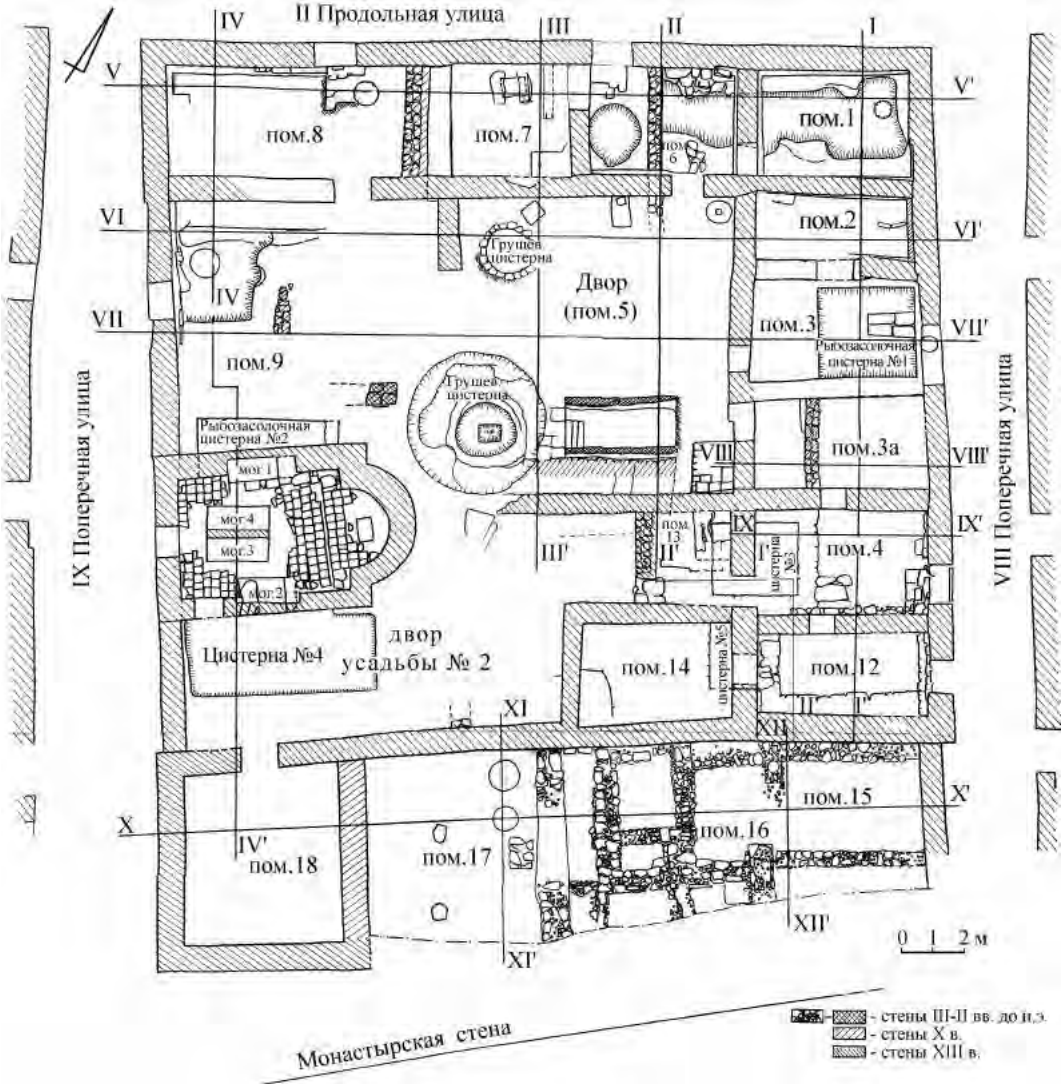


Рис. 21. План квартала Х-Б.

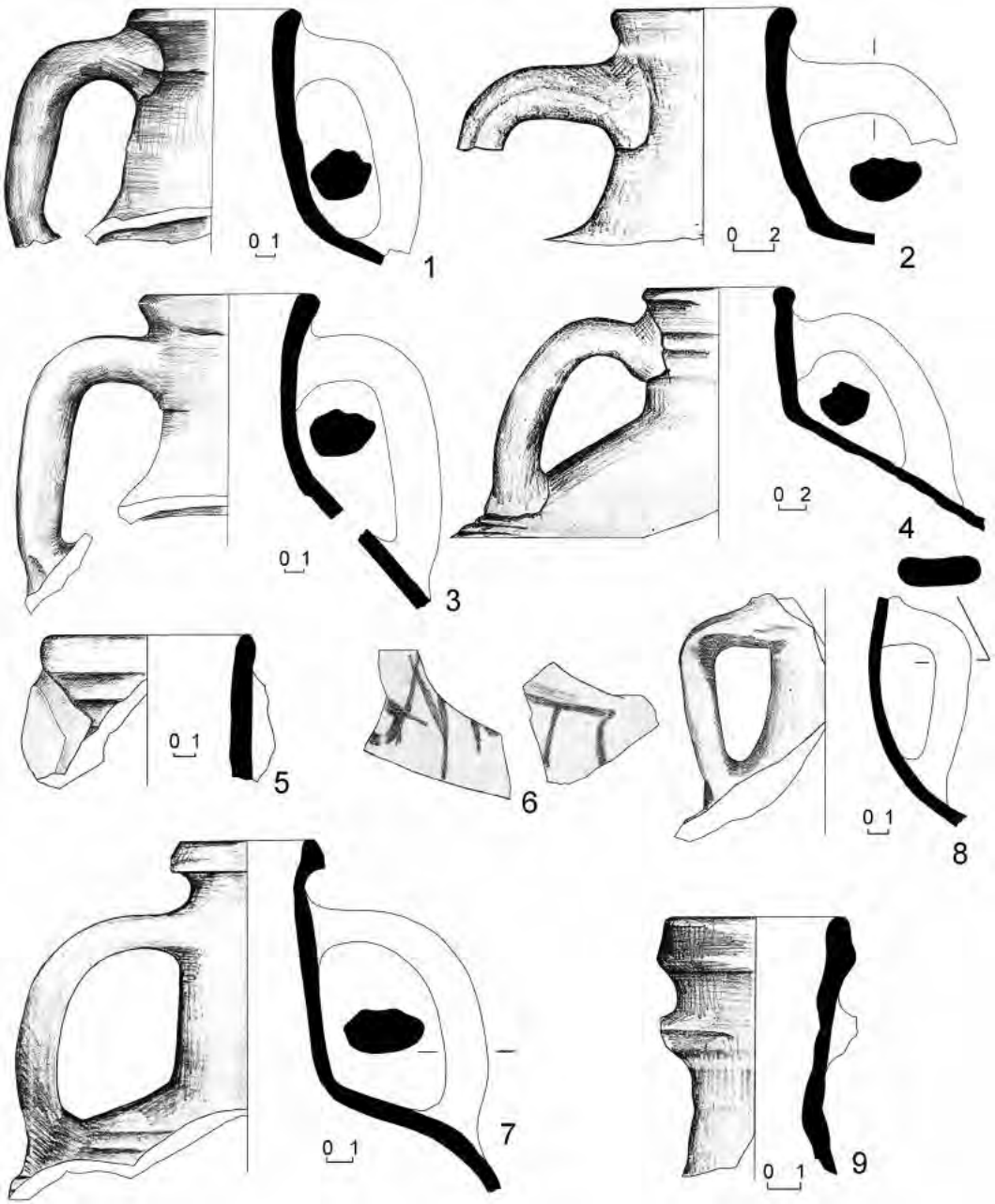


Рис. 22. Амфоры из засыпи цистерны 1 под помещением 3 в квартале Х-Б (таблица составлена по Полевой описи находок).

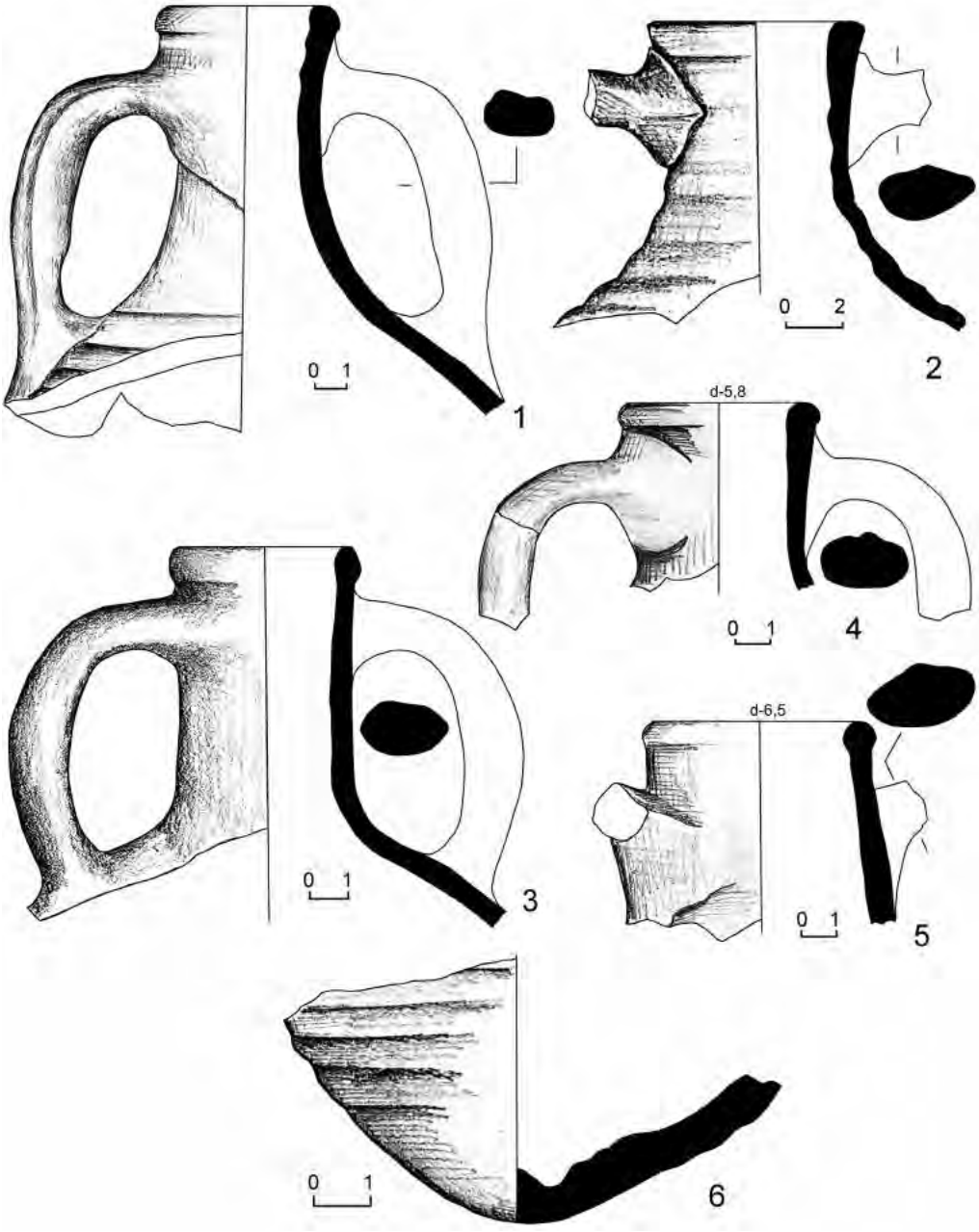


Рис. 23. Амфоры из засыпи цистерны 1 под помещением 3 в квартале Х-Б (таблица составлена по Полевой описи находок).

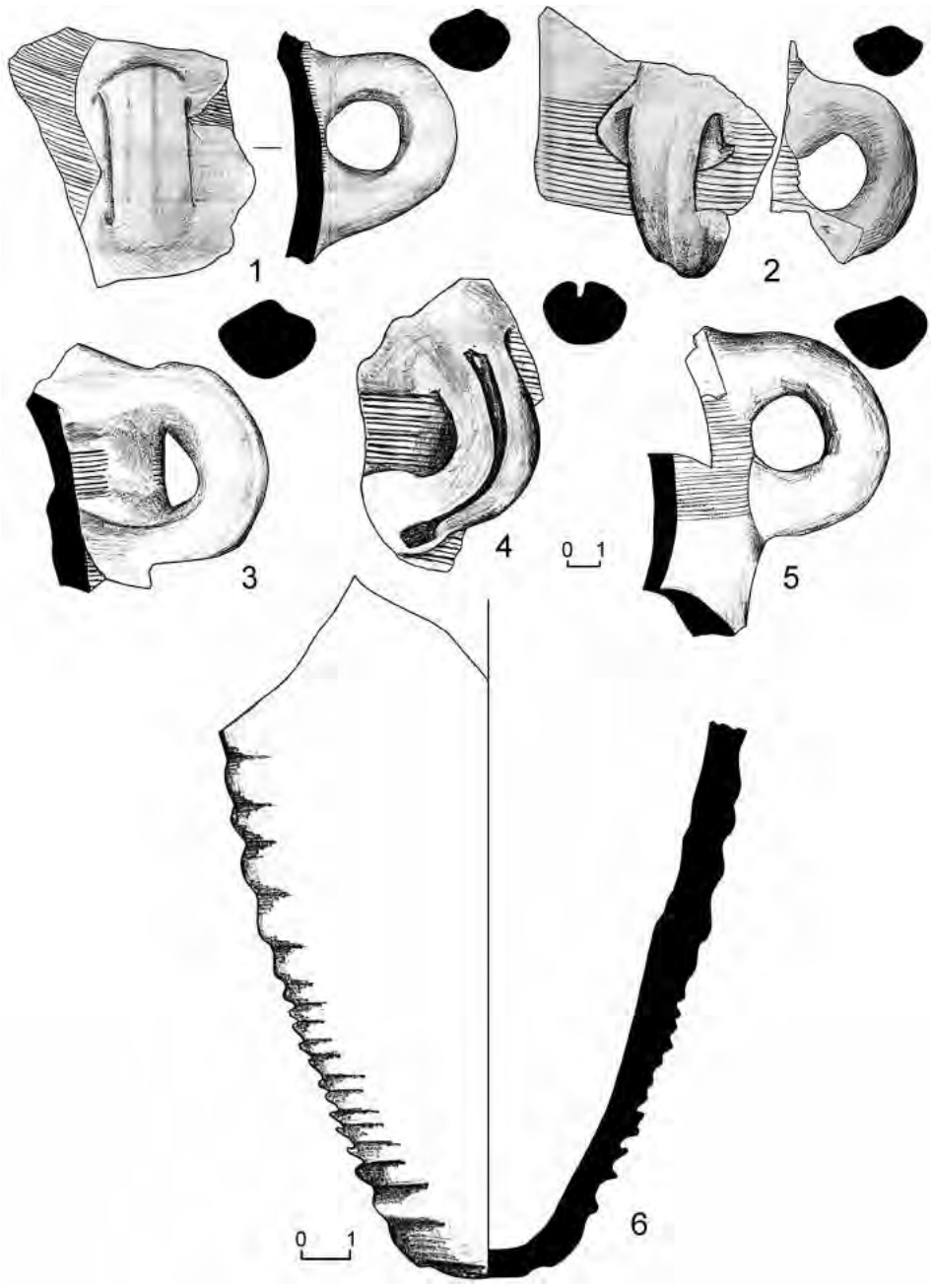


Рис. 24. Амфоры из засыпи цистерны 1 под помещением 3 в квартале Х-Б (таблица составлена по Полевой описи находок).

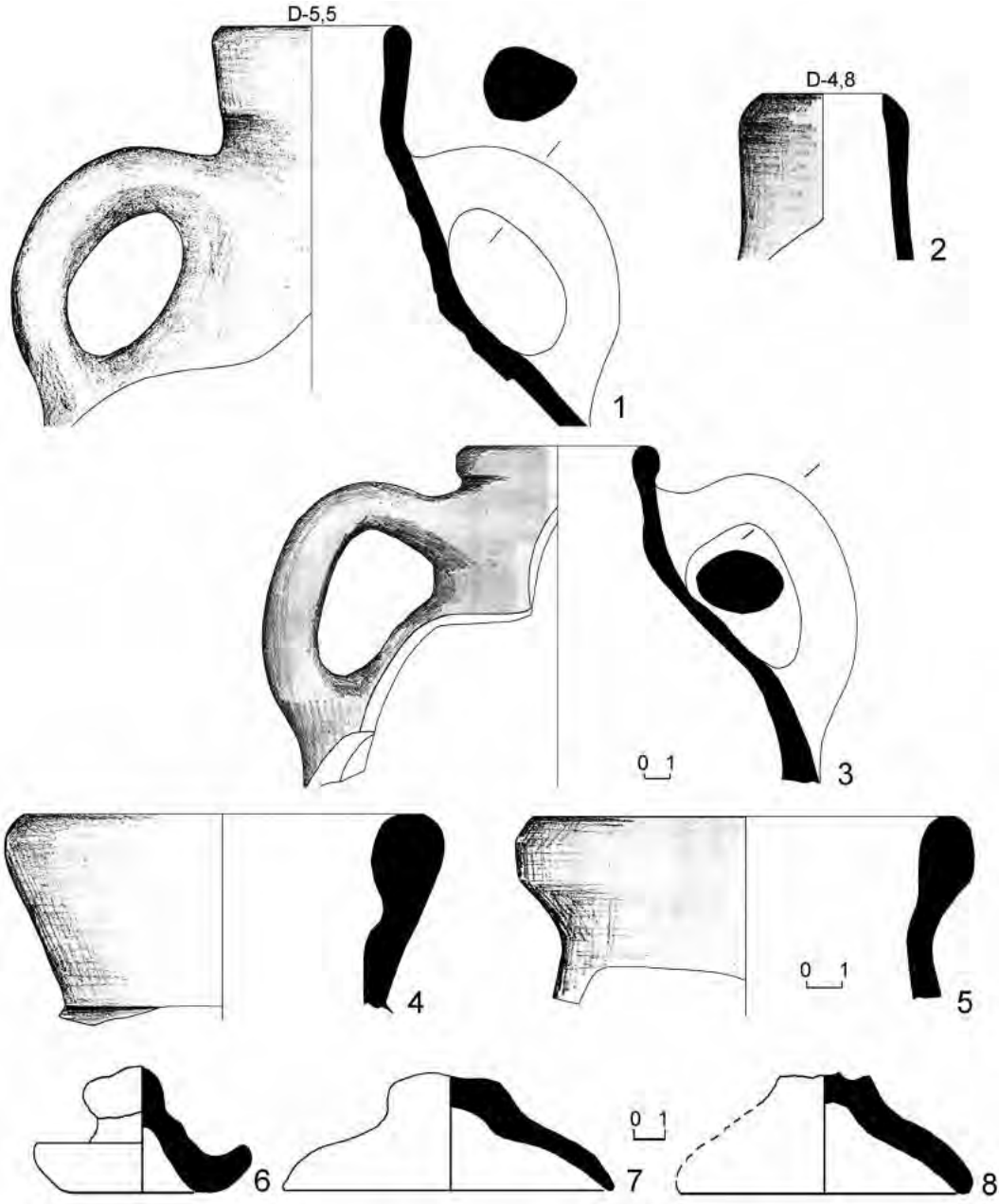


Рис. 25. Амфоры (*1-5*) и крышки (*6-8*) из засыпи цистерны 1 под помещением 3 в квартале Х-Б (1-5 – по Полевой описи находок; 6-8 – рисунки И. Сытиной).

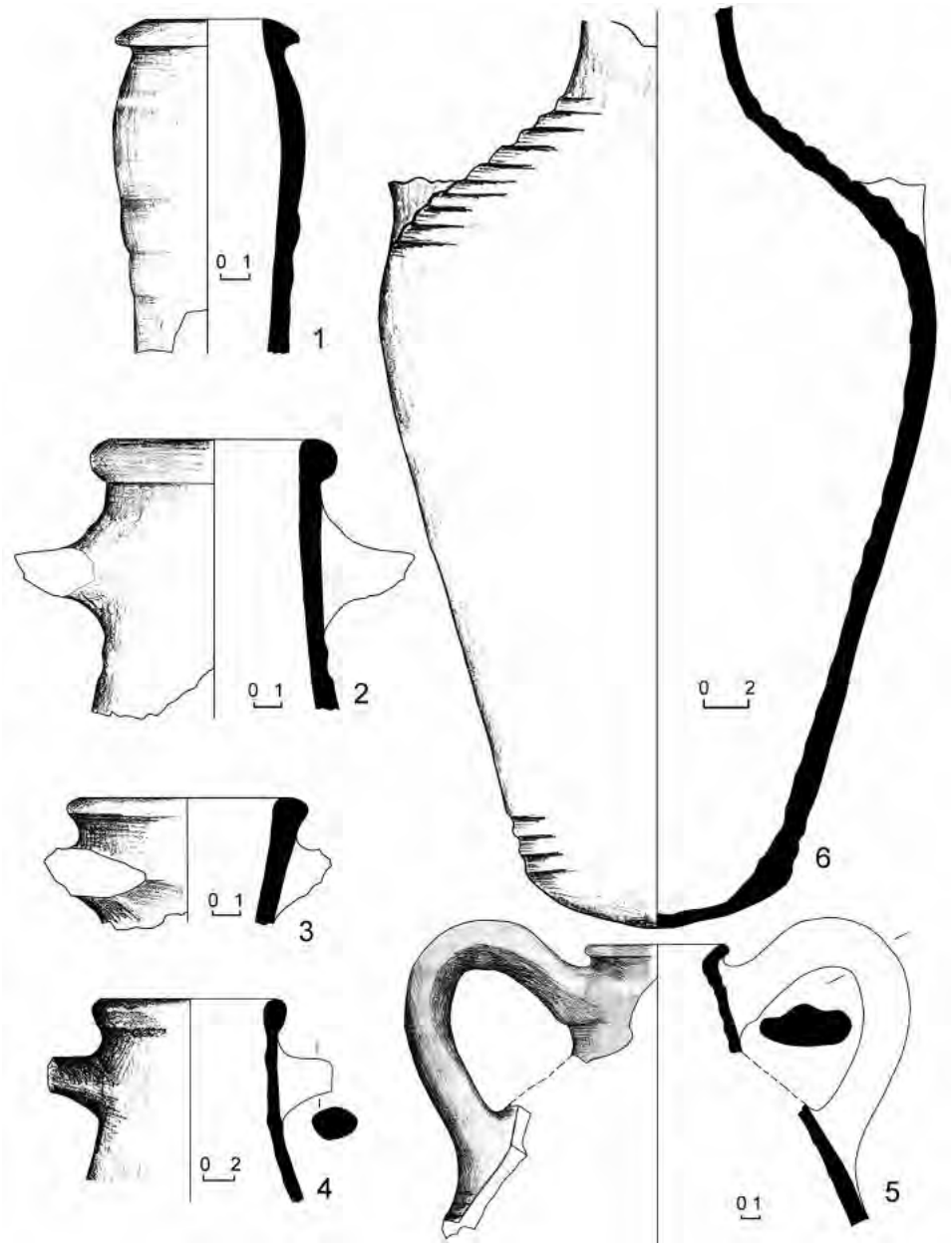


Рис. 26. Амфоры из засыпи цистерны 1 под помещением 3 в квартале Х-Б (таблица составлена по Полевой описи находок).

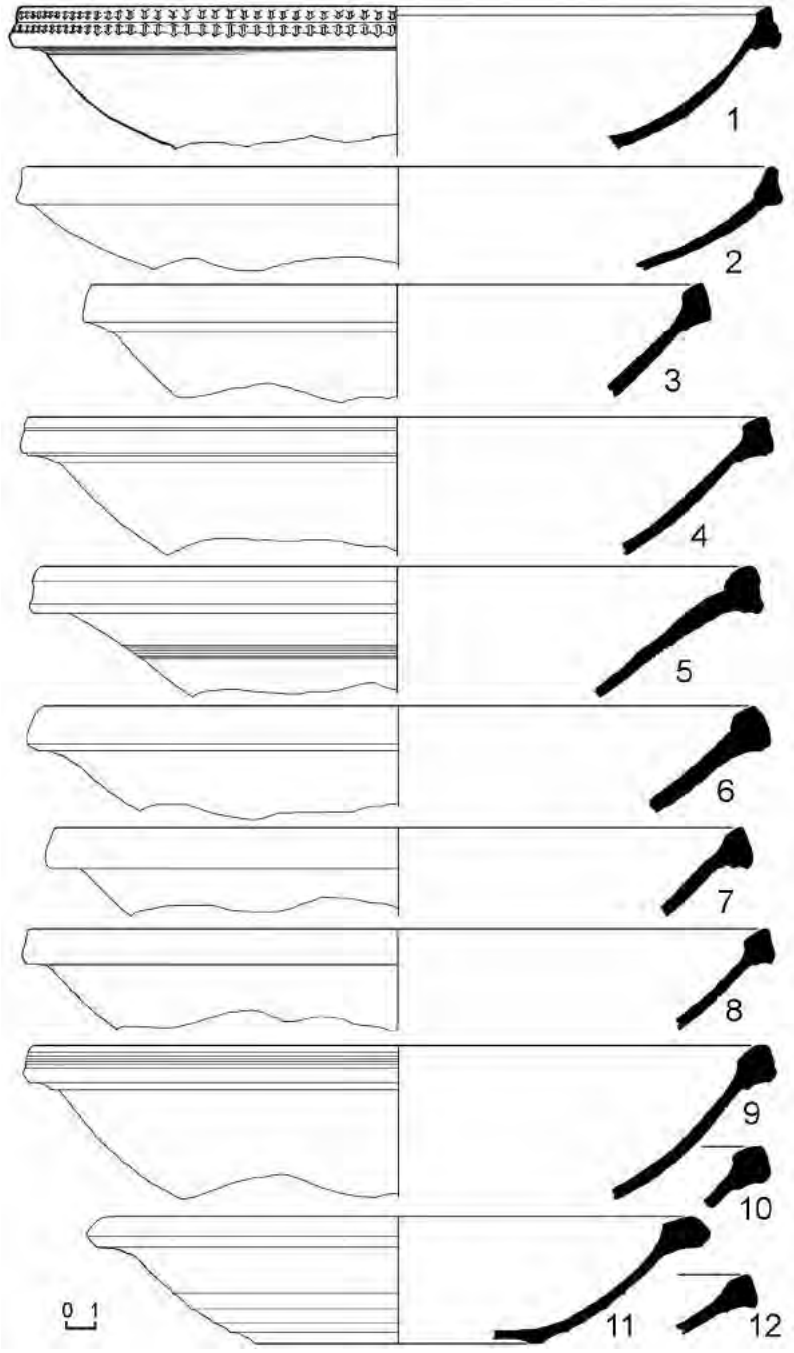


Рис. 27. Краснолаковая посуда из засыпи цистерны 1 под помещением 3 в квартале Х-Б (рисунки И. Сытиной).

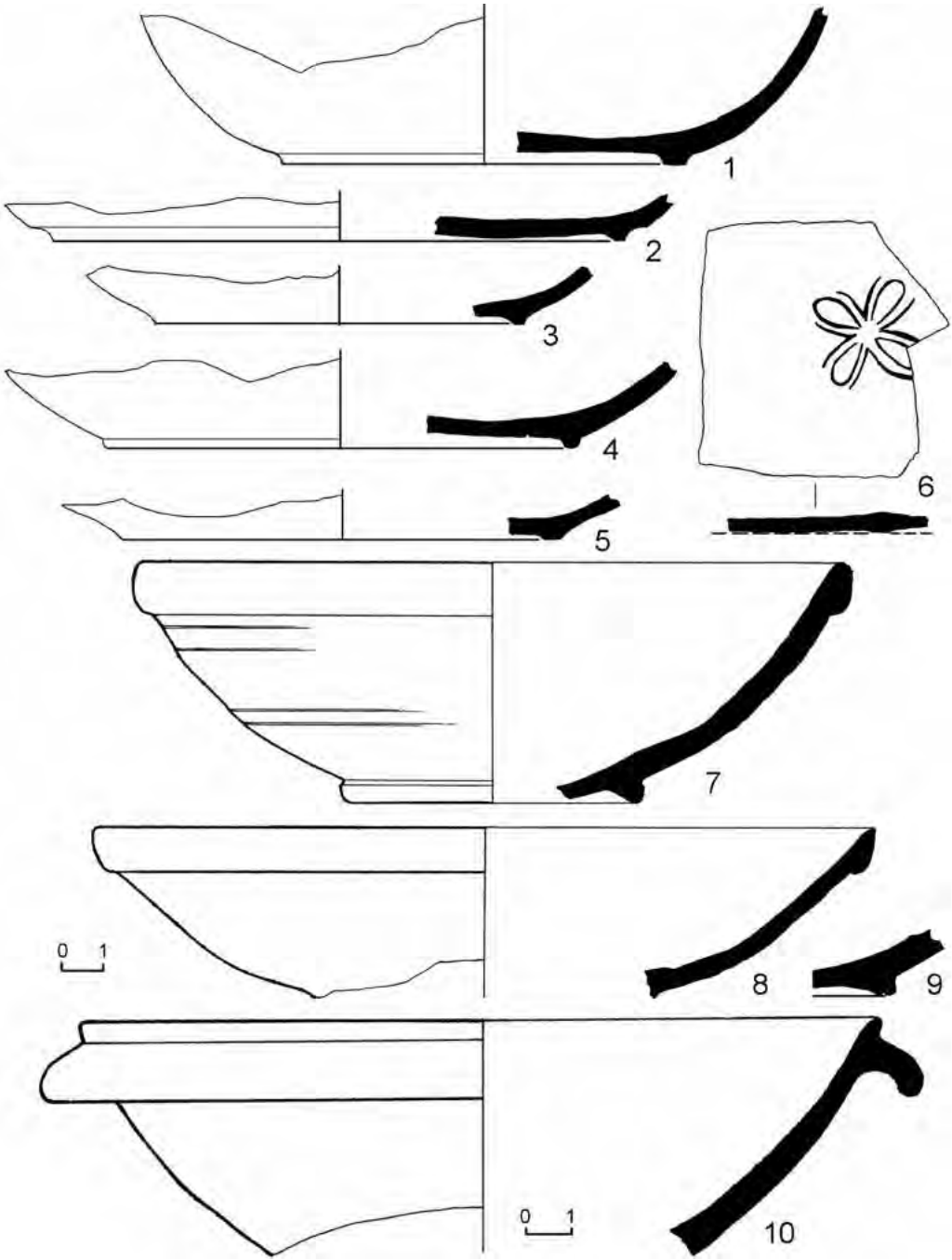


Рис. 28. Краснолаковая посуда из засыпи цистерны 1 под помещением 3 в квартале Х-Б (рисунки И. Сытиной).

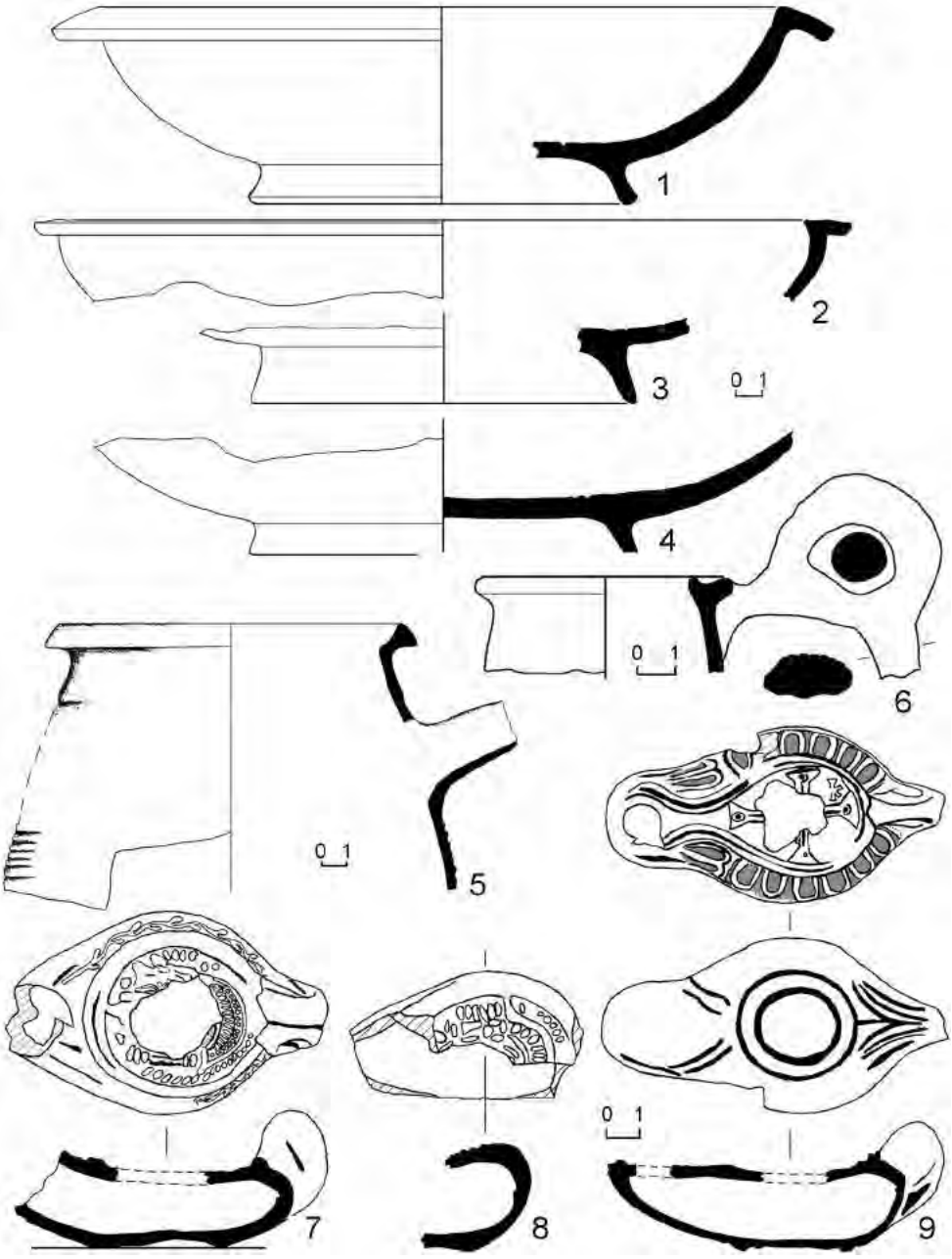


Рис. 29. Керамика из засыпи цистерны 1 под помещением 3 в квартале Х-Б:
1-4 – светлоглиняные блюда на высоком кольцевом поддоне; *5-6* – поливная посуда; *7-9* – светильники (рисунки И. Сытиной).

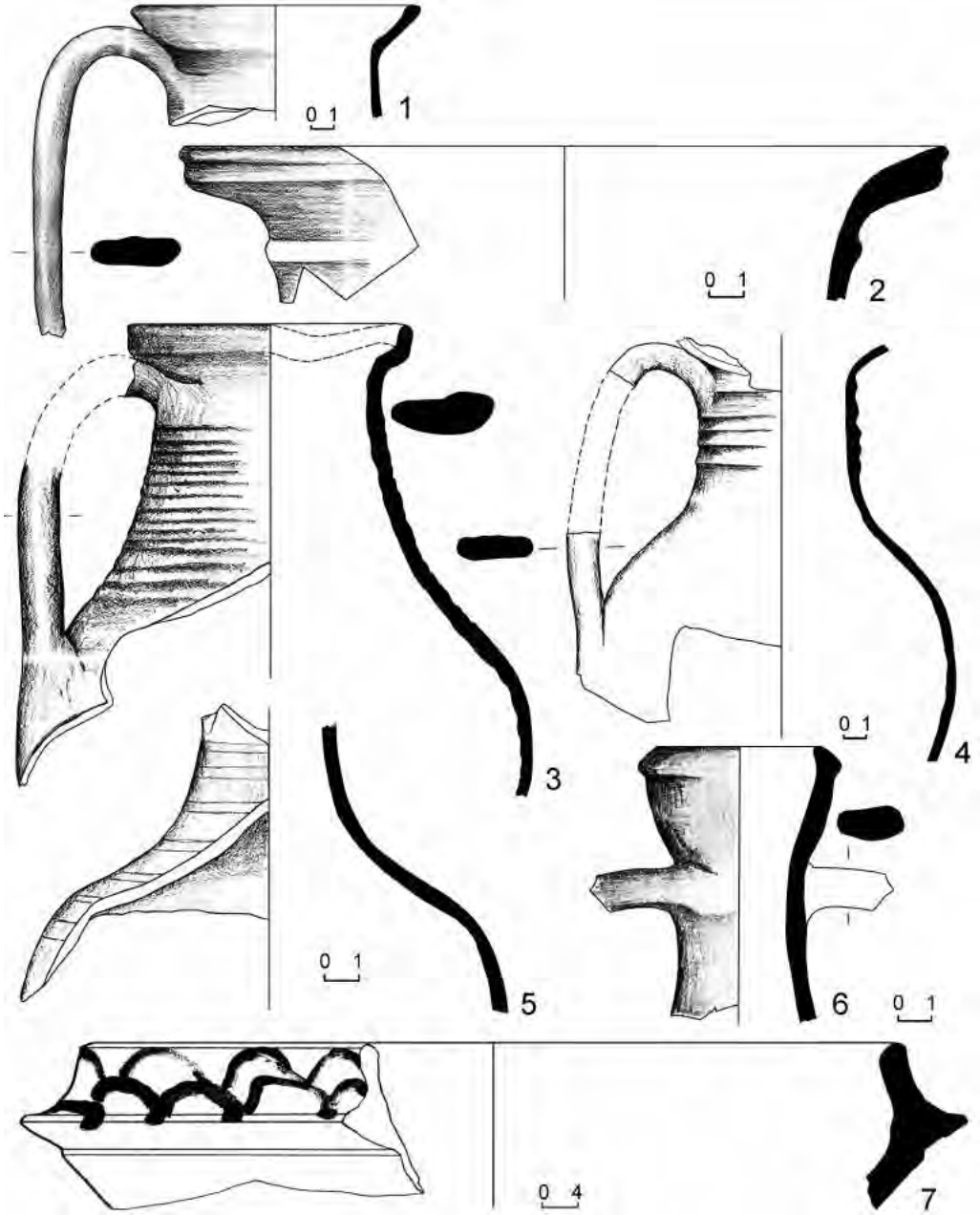


Рис. 30. Простая гончарная посуда из засыпи цистерны 1 под помещением 3 в квартале Х-Б (таблица составлена по Полевой описи находок).

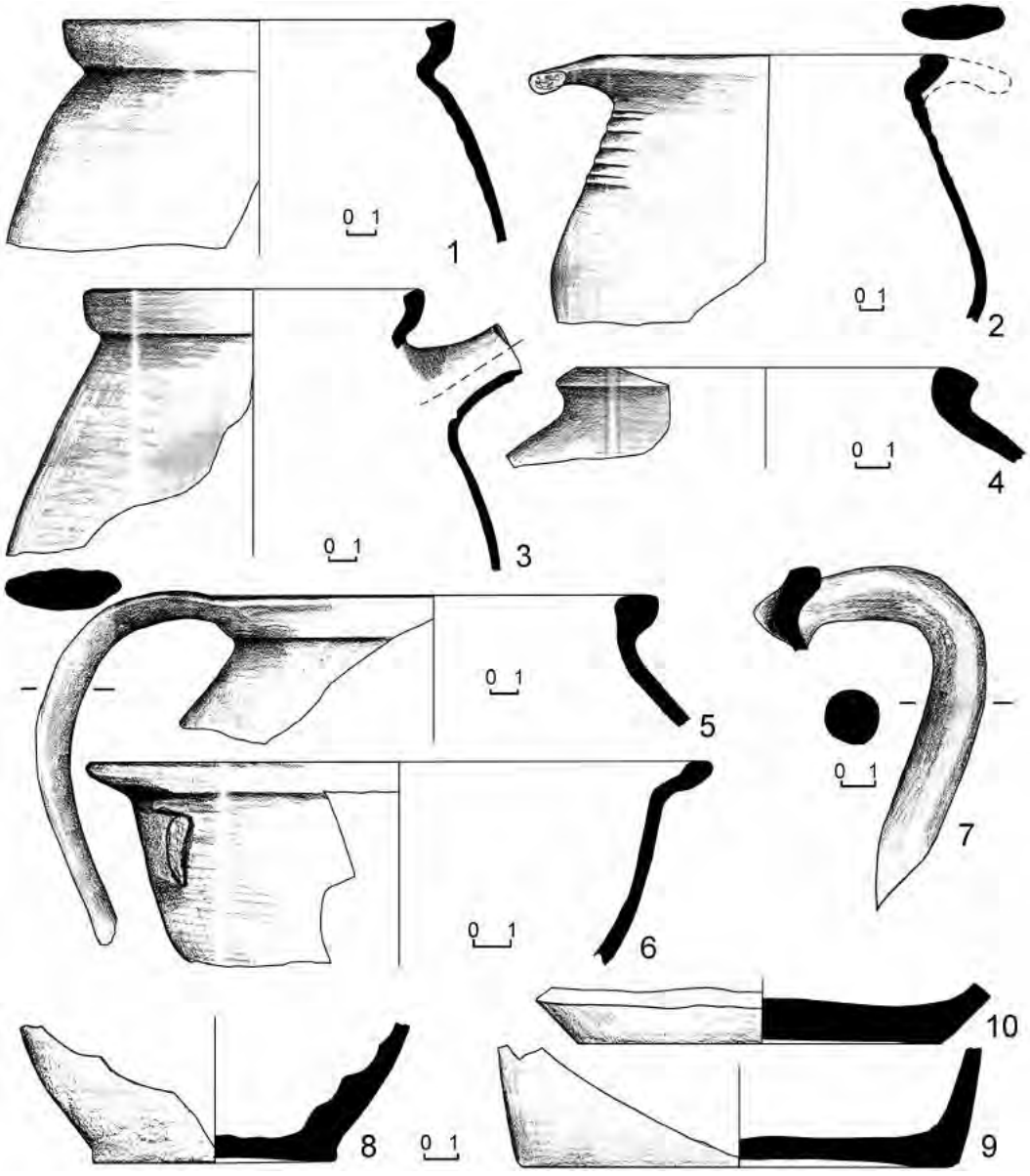


Рис. 31. Простая гончарная посуда из засыпи цистерны 1 под помещением 3 в квартале Х-Б (таблица составлена по Полевой описи находок).

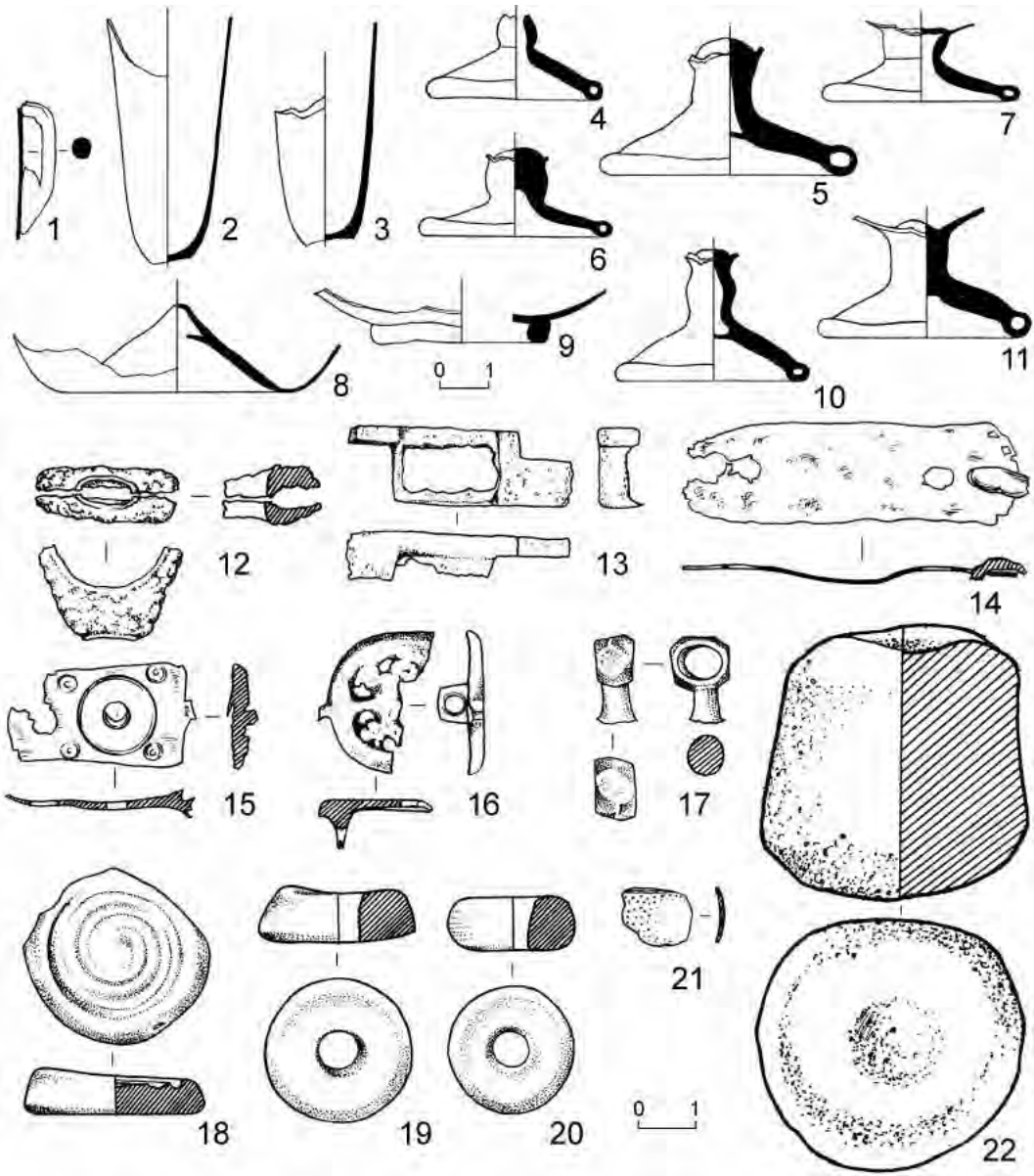


Рис. 32. Находки из засыпи цистерны 1 под помещением 3 в квартале Х-Б: *1-11* – фрагменты стеклянных изделий; *12-17* – металлические изделия; *18* – керамическая фишка (?); *19-20* – шиферные пряслица; *21* – фрагмент костяного изделия; *22* – мраморный терочник (?) (рисунки О.И. Малиновской).

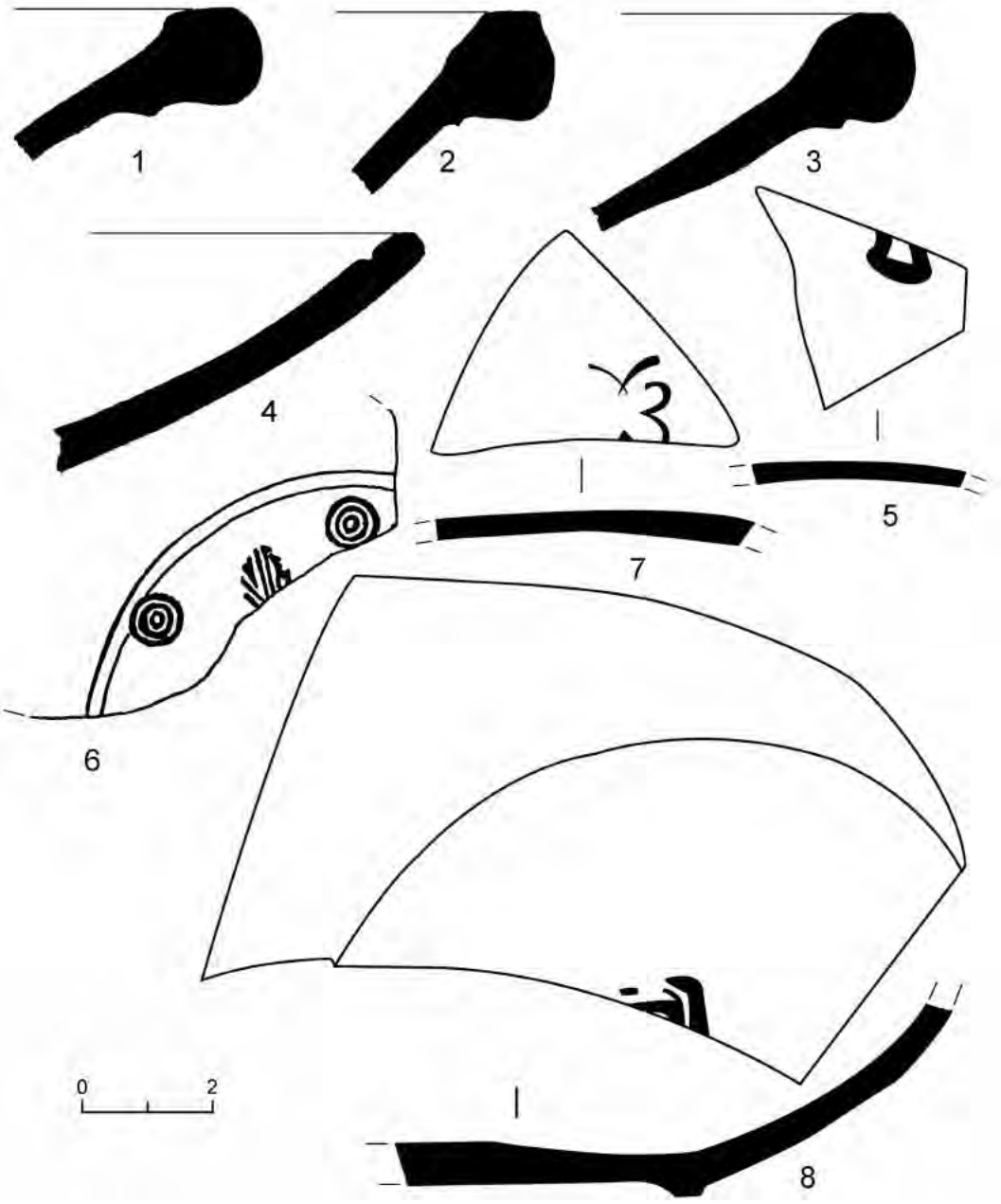


Рис. 33. Краснолаковая посуда из ямы во дворе усадьбы 2 (рисунки И.Б. Гусаковой).

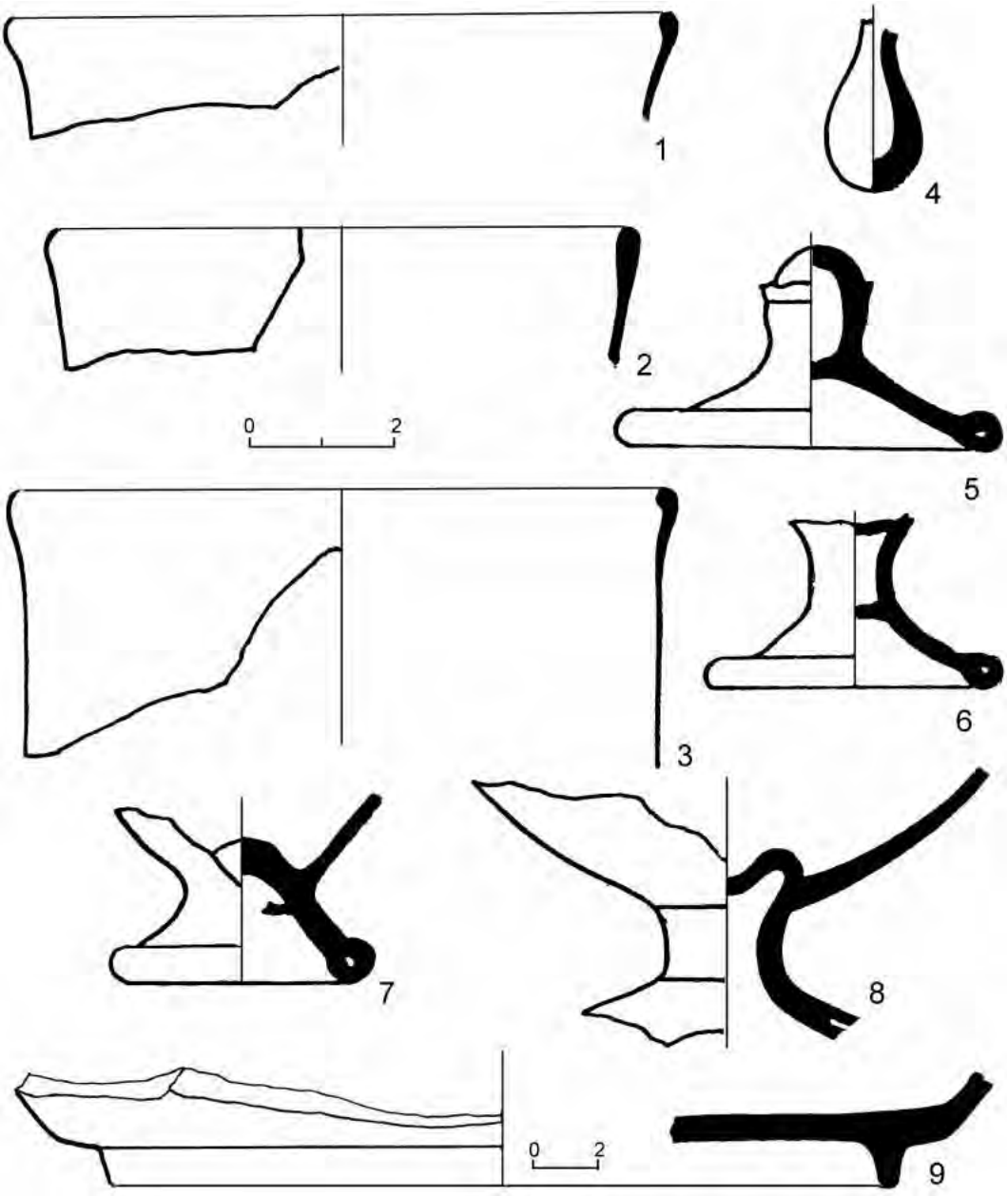


Рис. 34. Находки из ямы во дворе усадьбы 2:
1-8 – фрагменты стеклянных изделий; *9* – мраморное блюдо
(рисунки И.Б. Гусаковой).

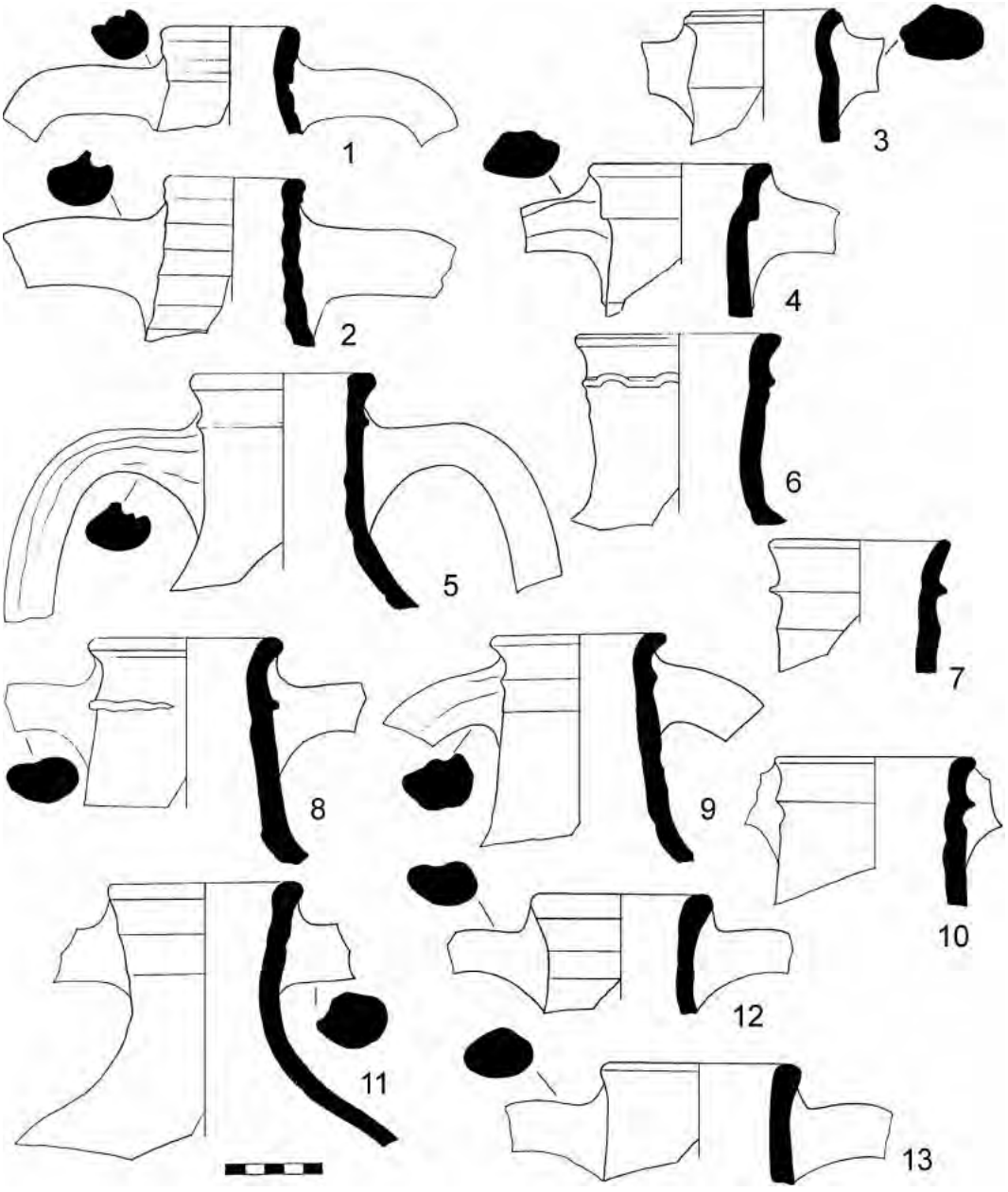


Рис. 35. Амфоры из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой).

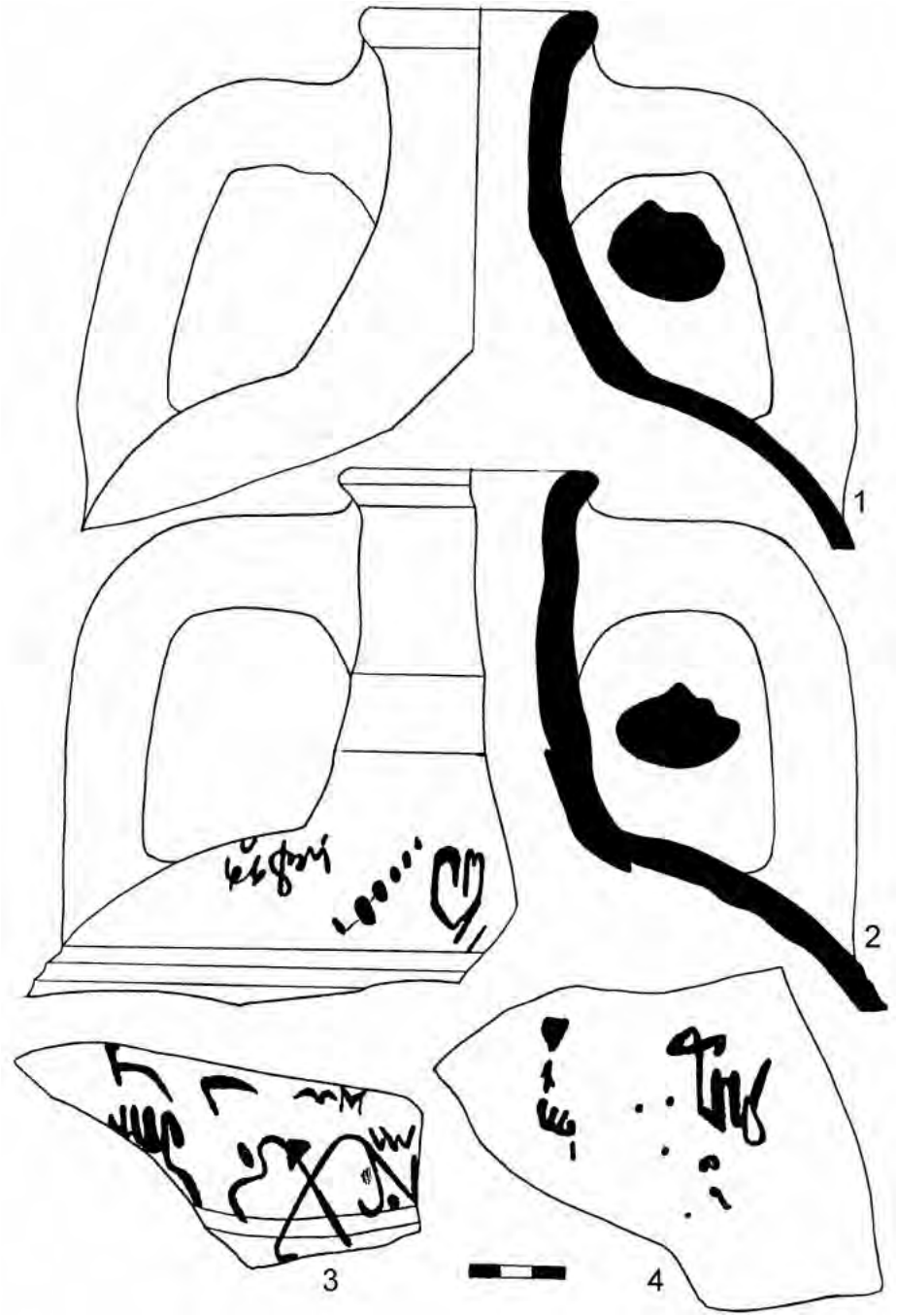


Рис. 36. Амфоры из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой).

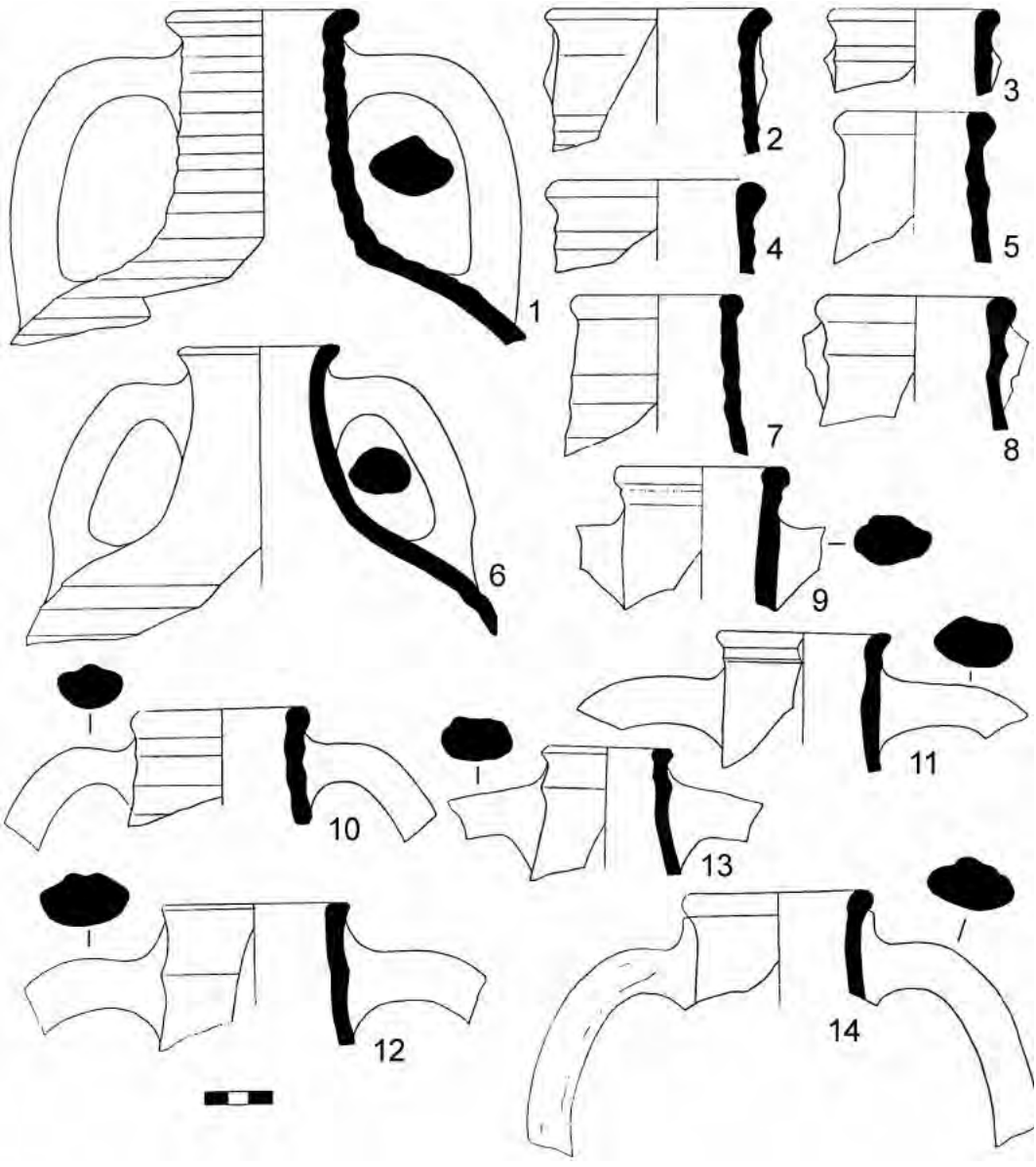


Рис. 37. Амфоры из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой).

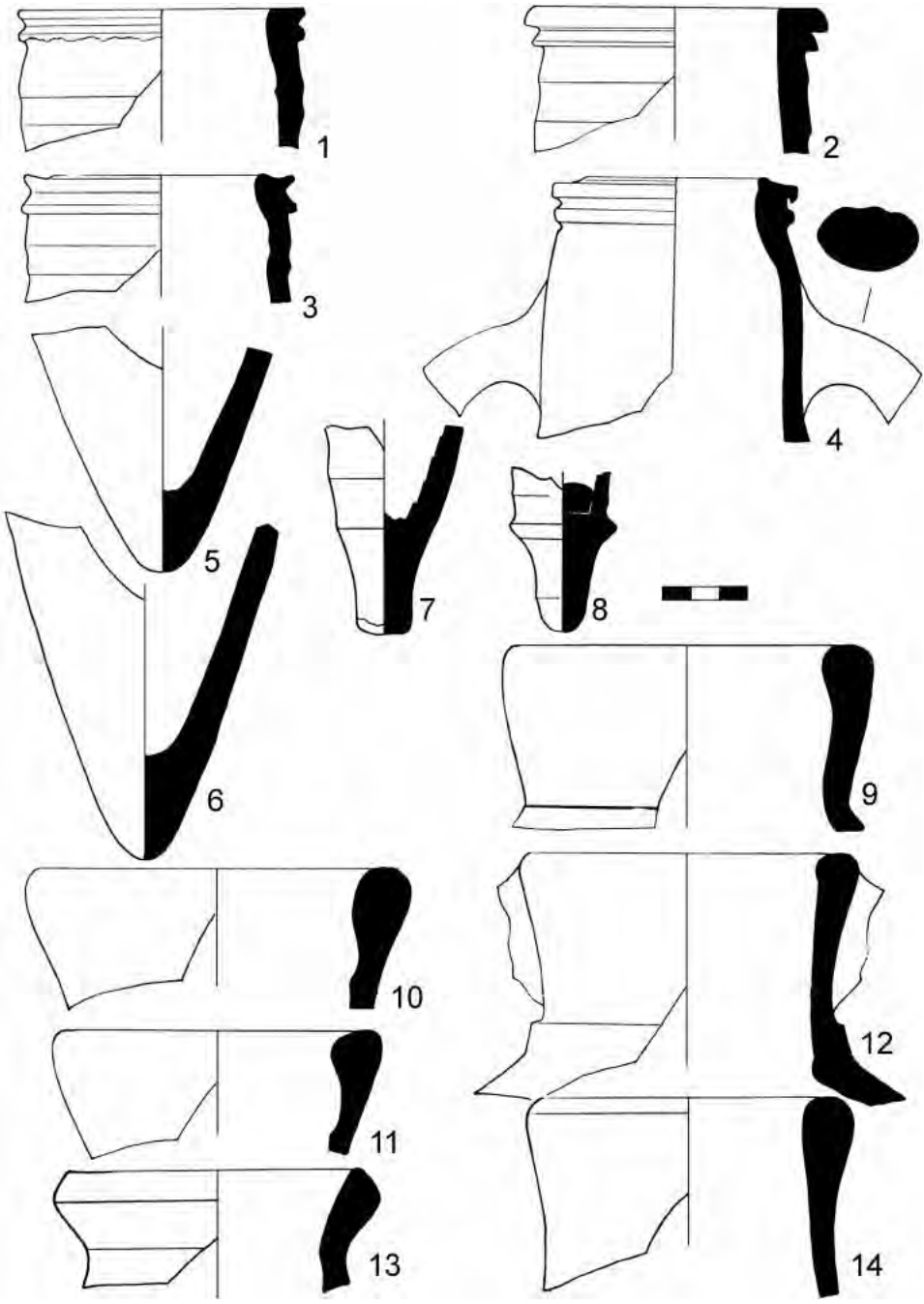


Рис. 38. Амфоры из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой).

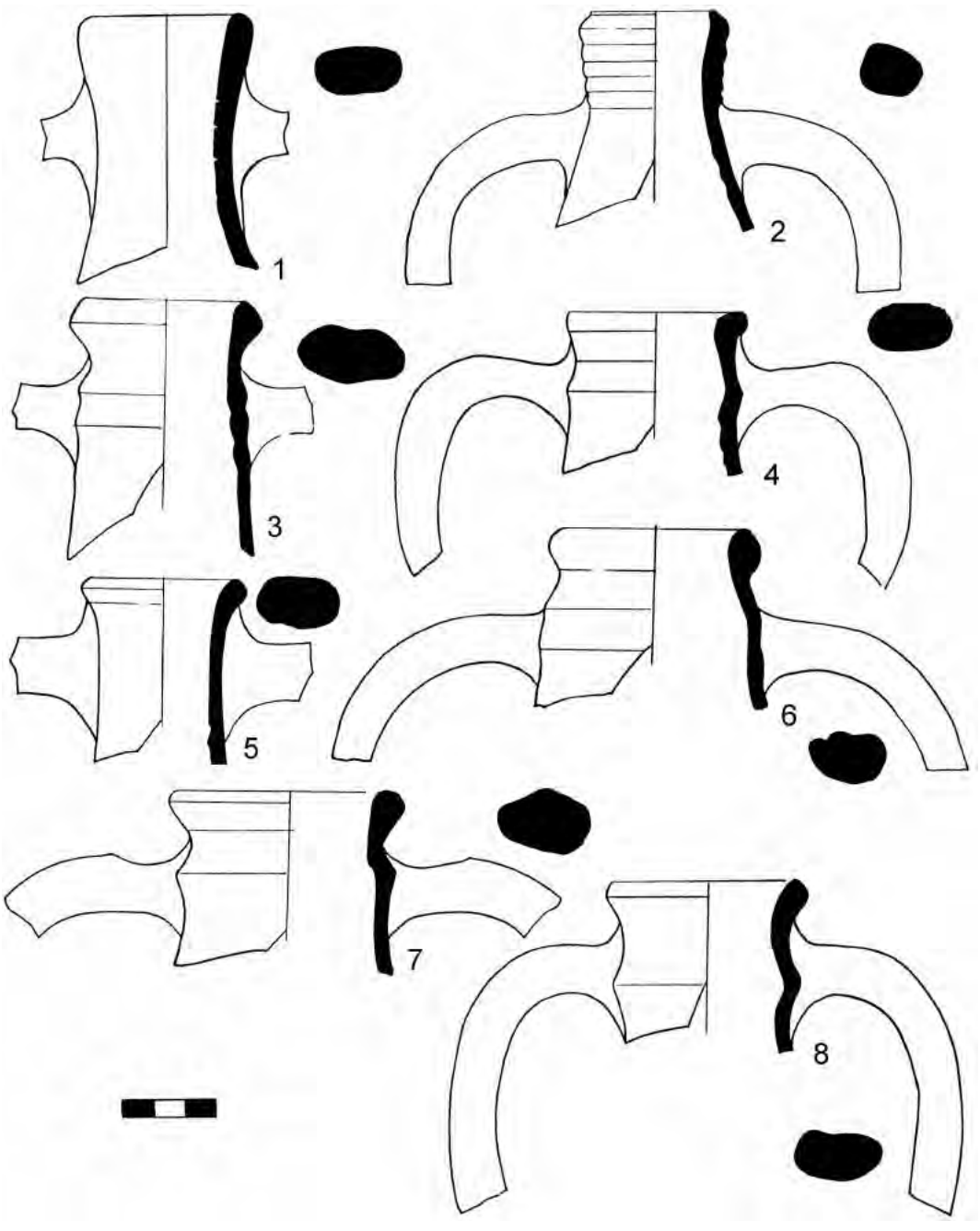


Рис. 39. Амфоры из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой).

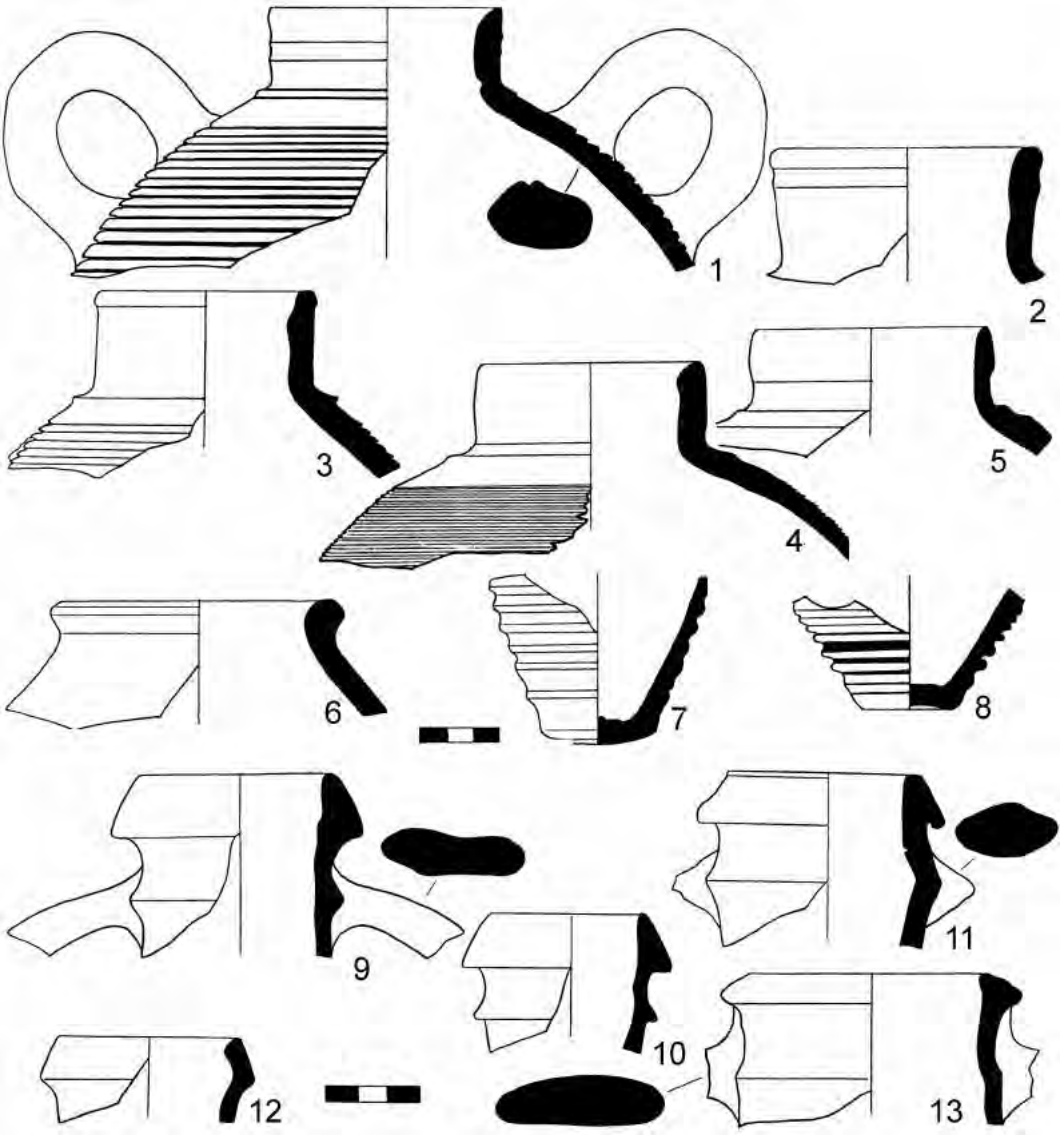


Рис. 40. Амфоры из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой).

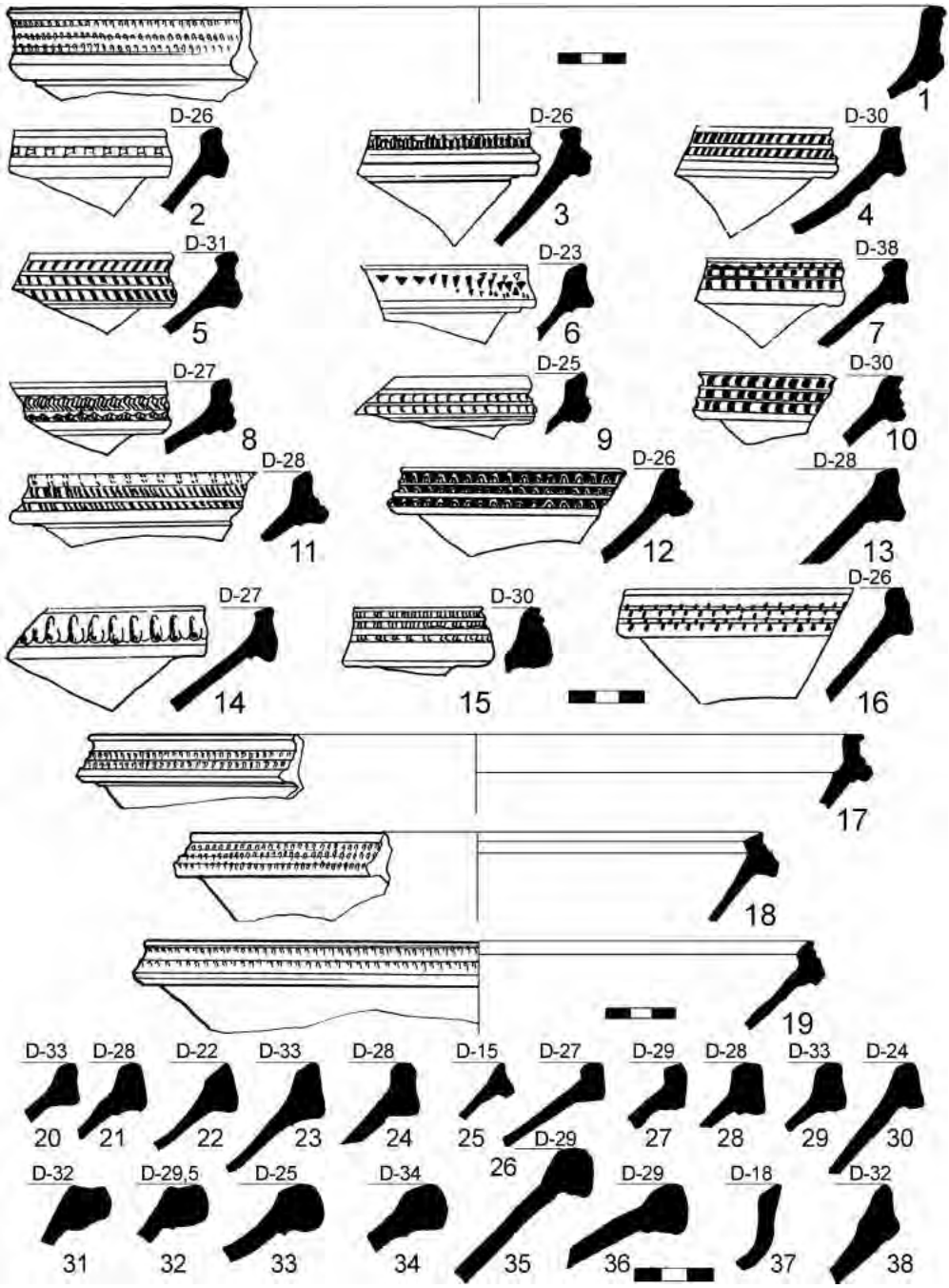


Рис. 41. Краснолаковая посуда из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой).

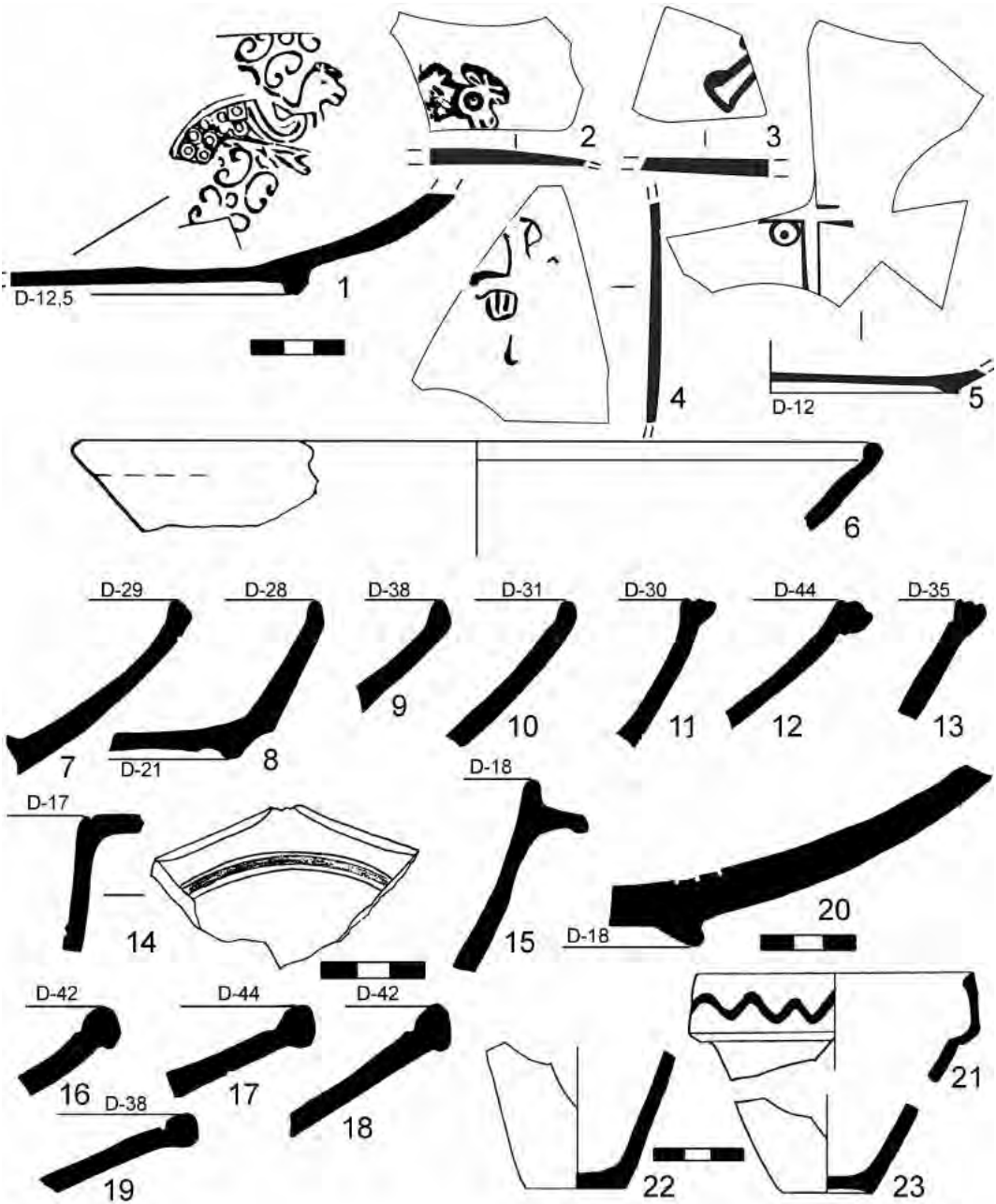


Рис. 42. Краснолаковая посуда из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой).

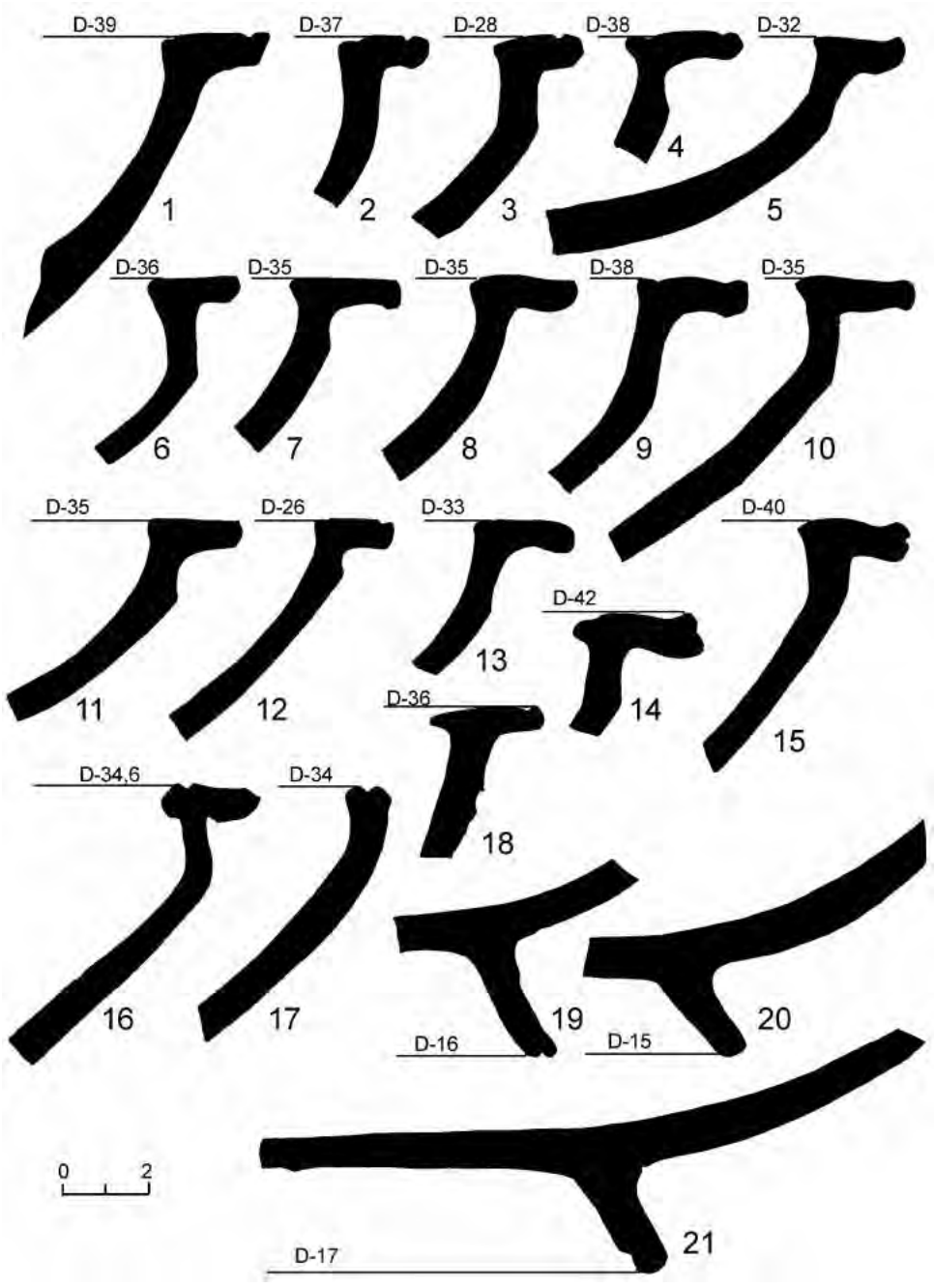


Рис. 43. Светлоглиняные блюда на высоком кольцевом поддоне из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой)

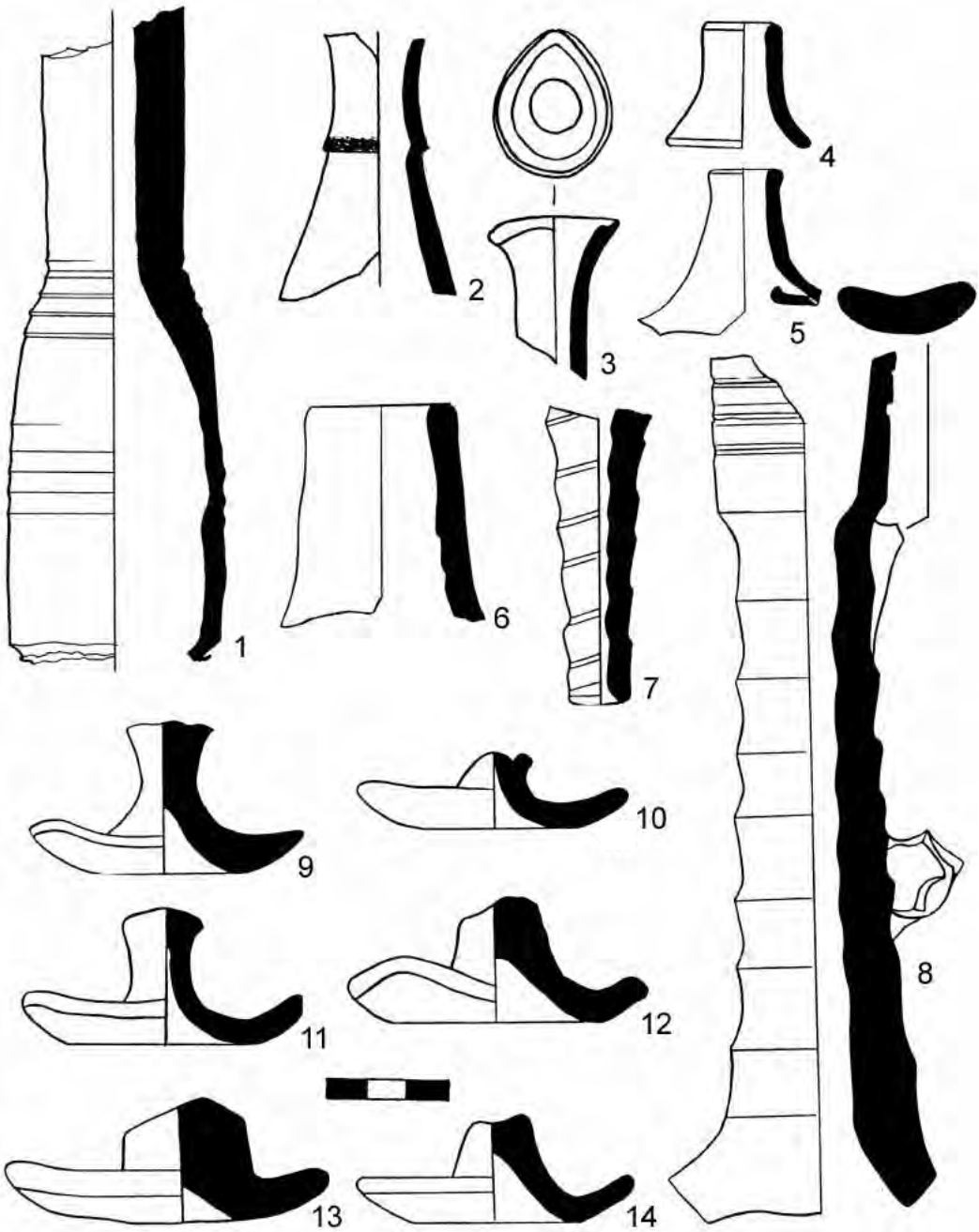


Рис. 44. Находки из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б:
1-5 – амфориски; *7-8* – фрагменты подсвечников; *9-14* – крышки
(рисунки В. Олейниковой).

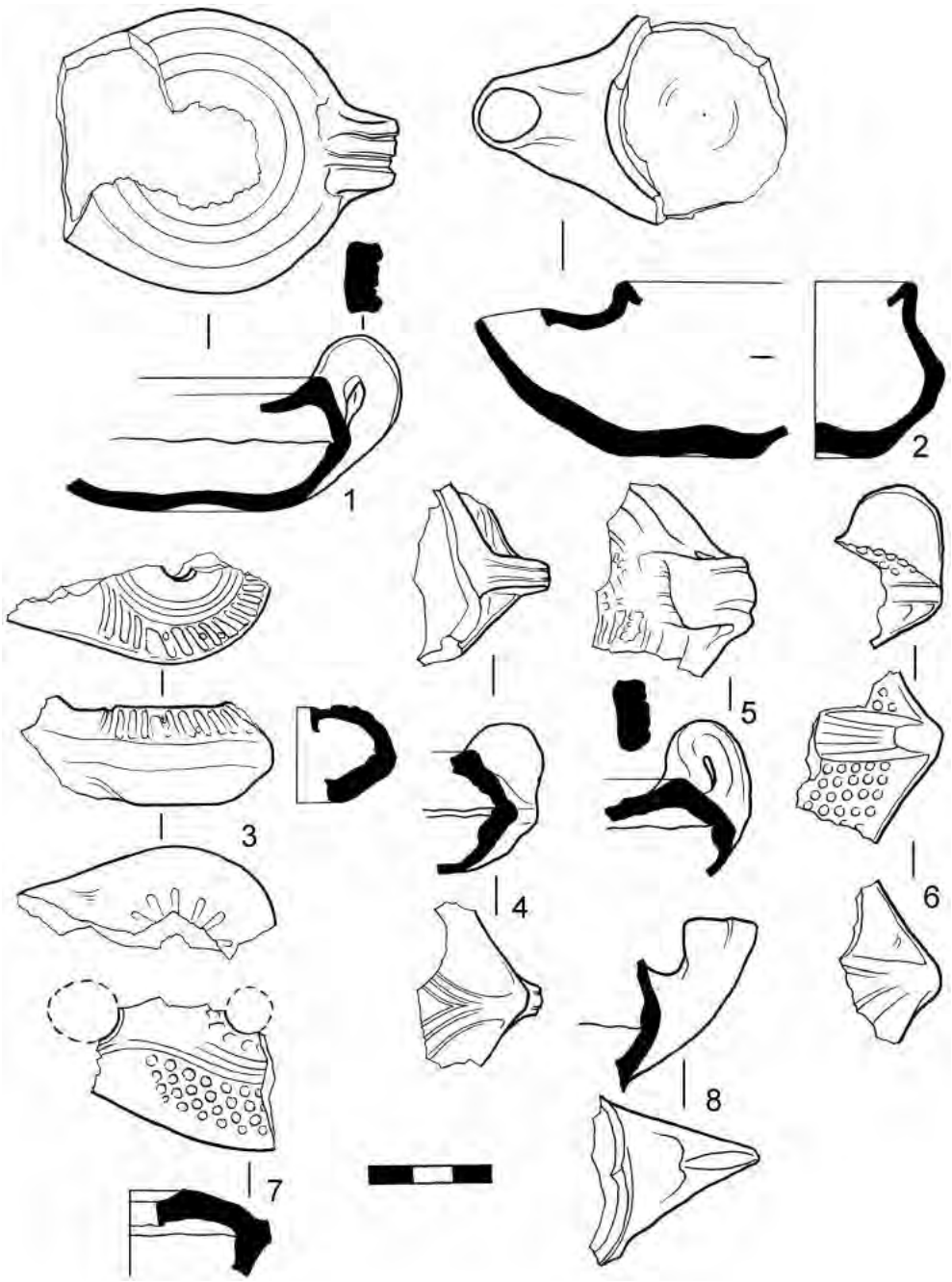


Рис. 45. Светильники из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки О.И. Малиновской).

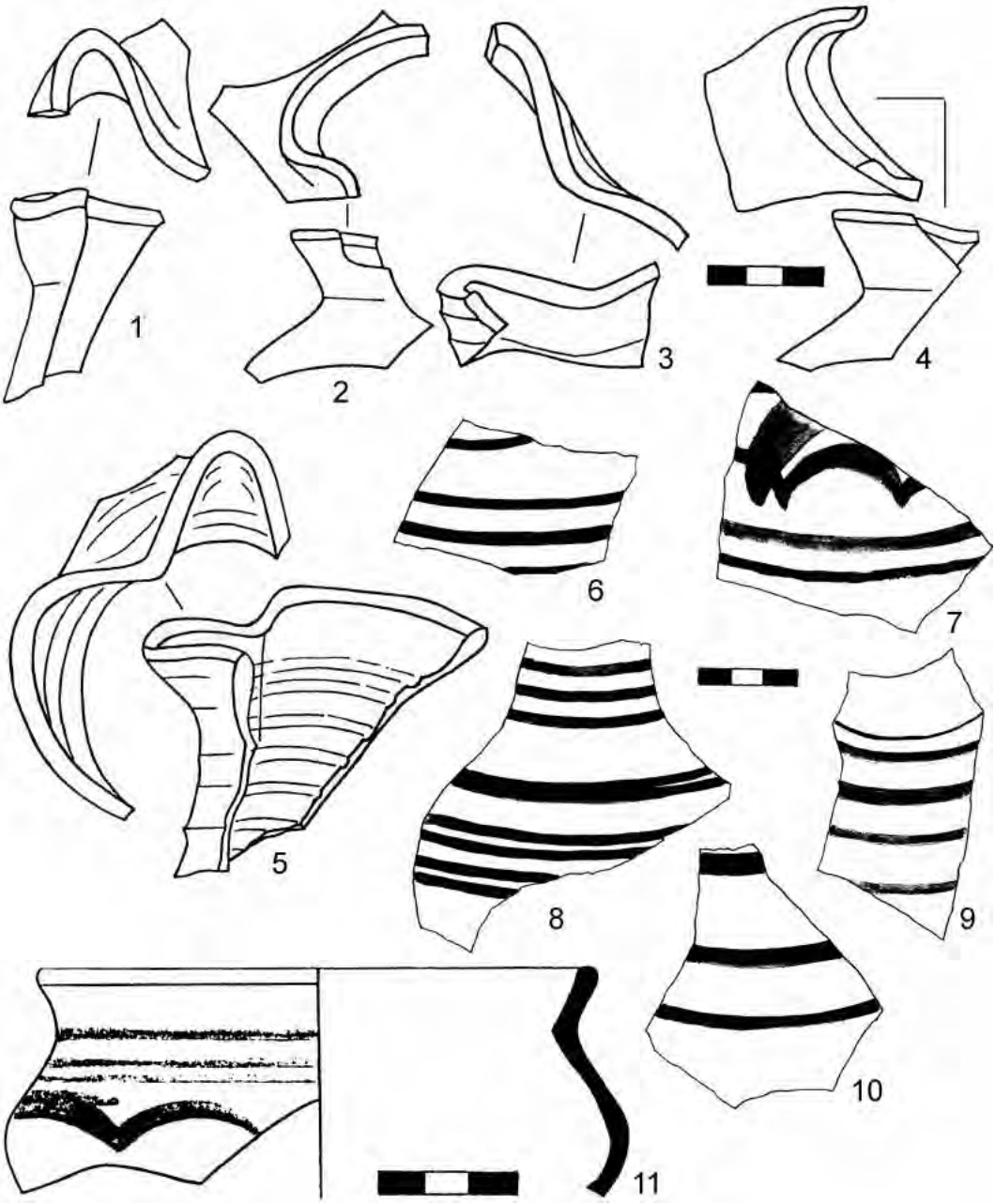


Рис. 46. Керамика с росписью ангобом из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой).

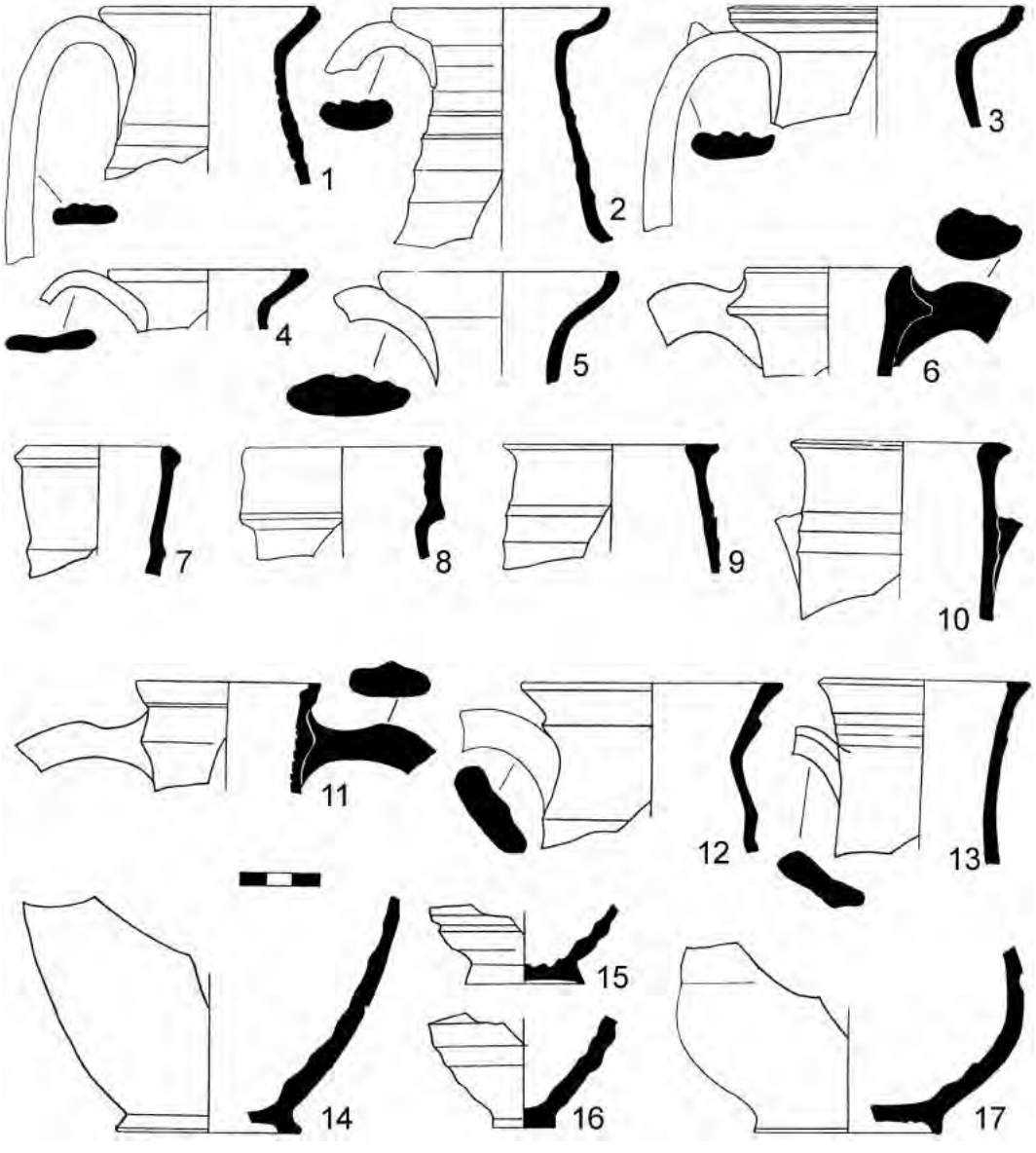


Рис. 47. Кувшины из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой).

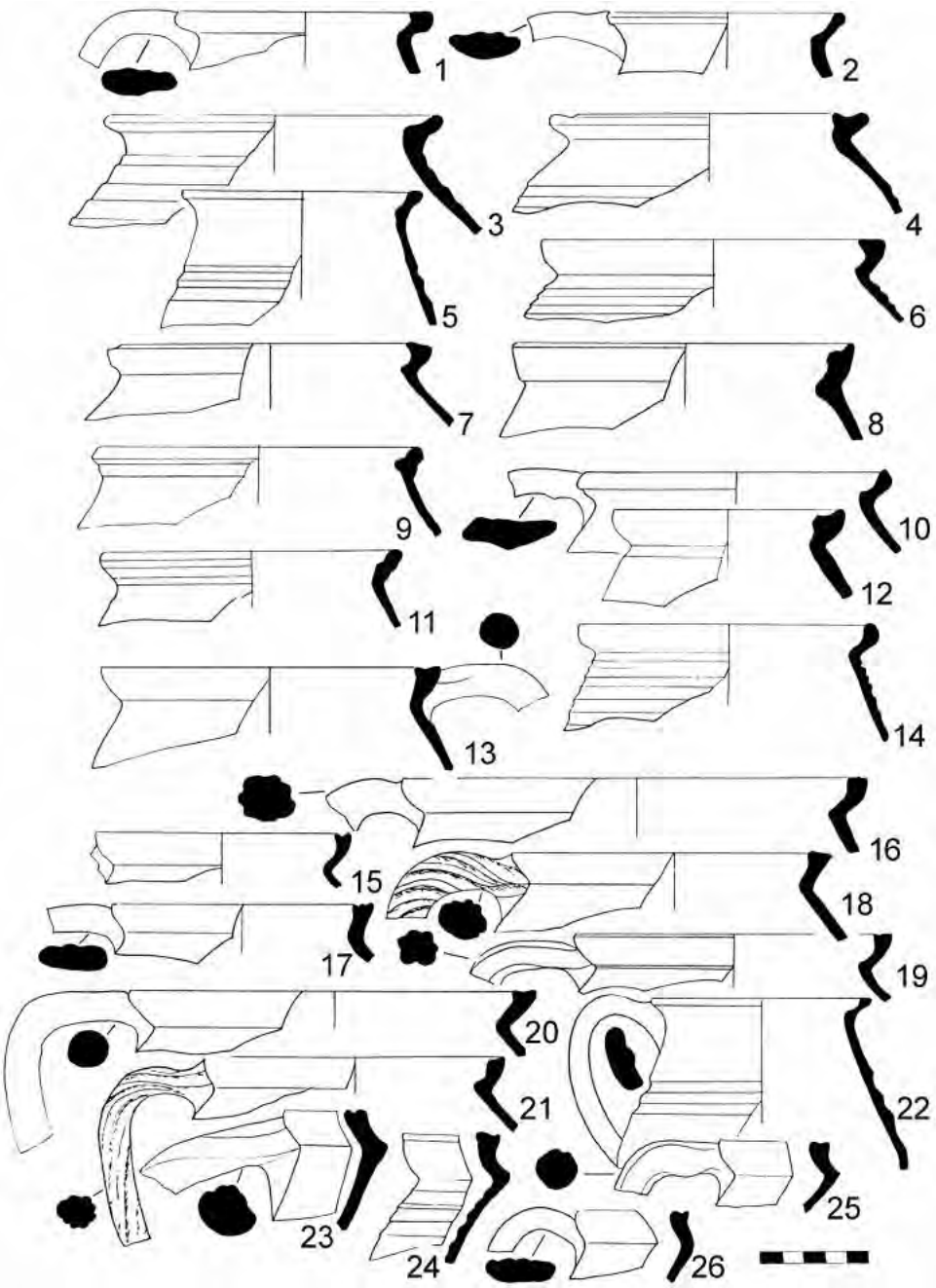


Рис. 48. Кухонная посуда из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой).

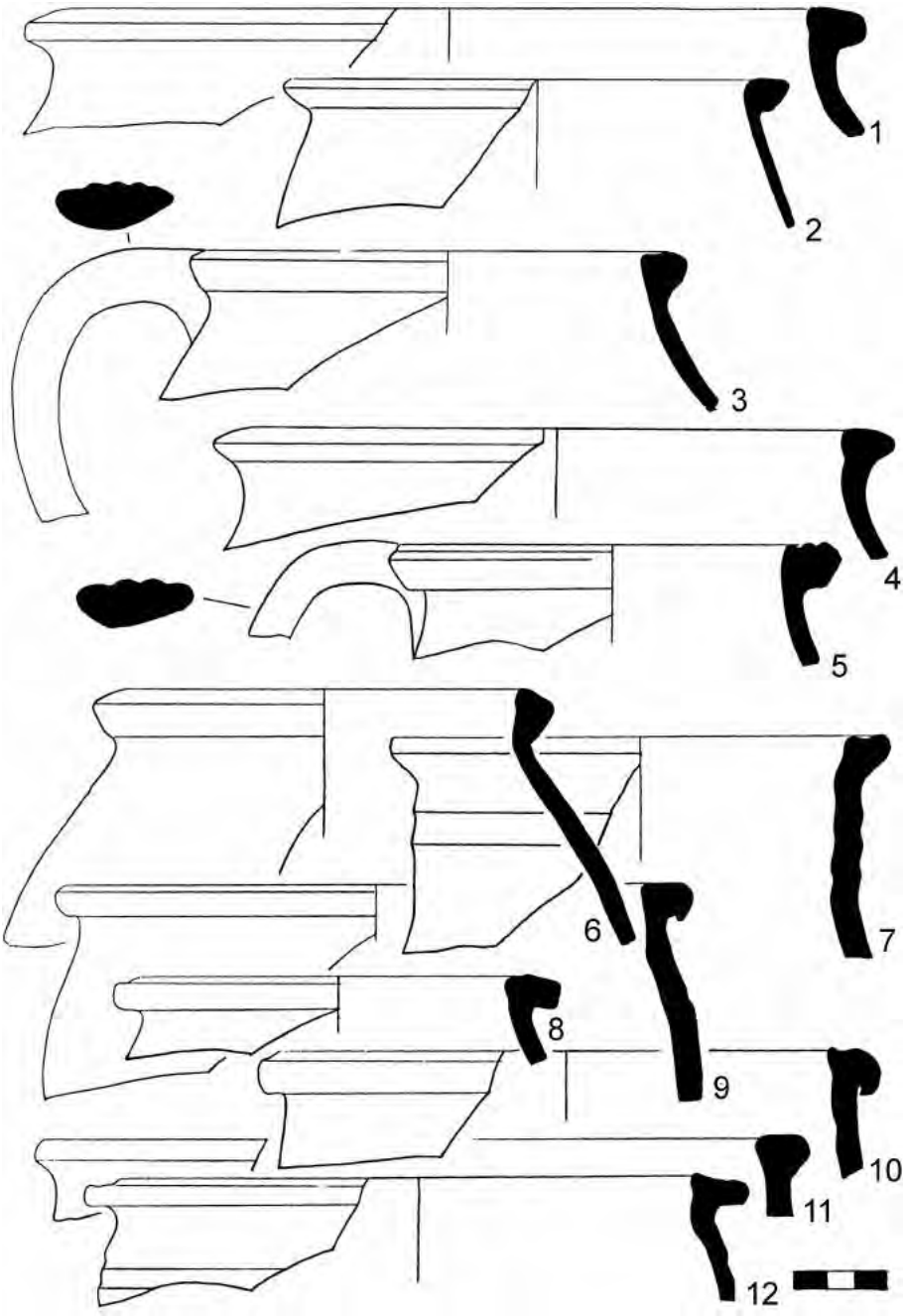


Рис. 49. Кухонная посуда из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой).

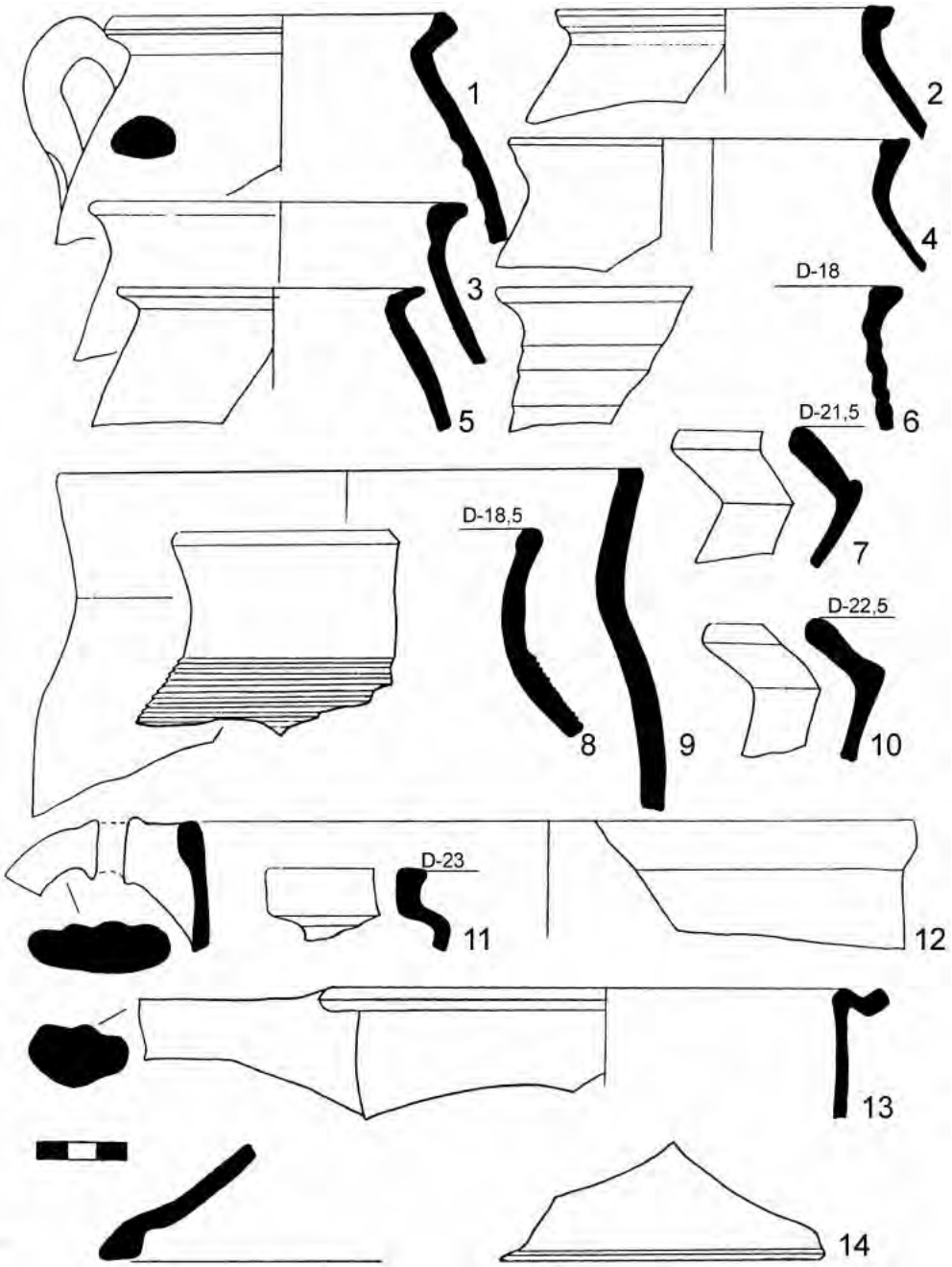


Рис. 50. Кухонная посуда из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой).

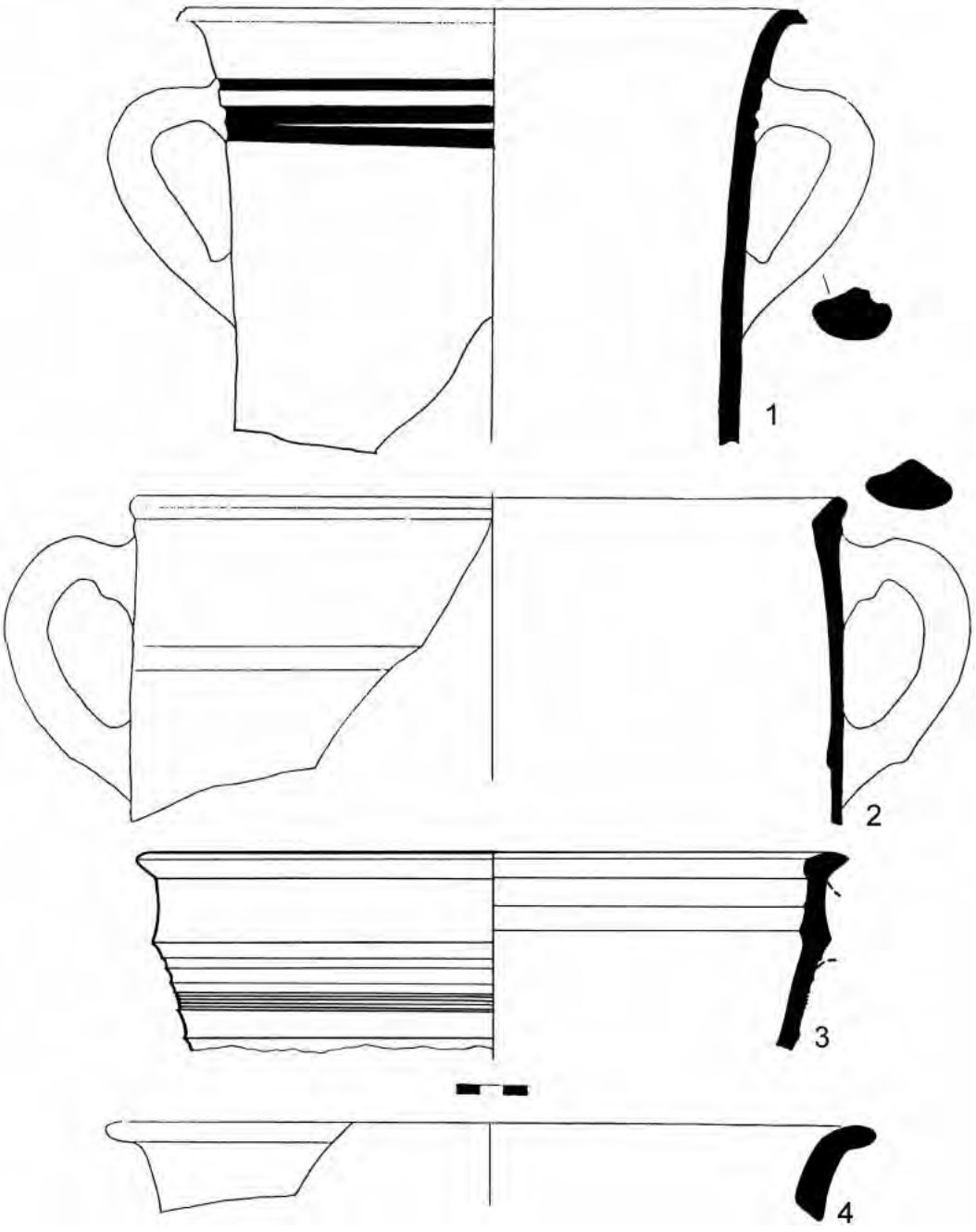


Рис. 51. Тарные сосуды из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой и О.И. Малиновской).

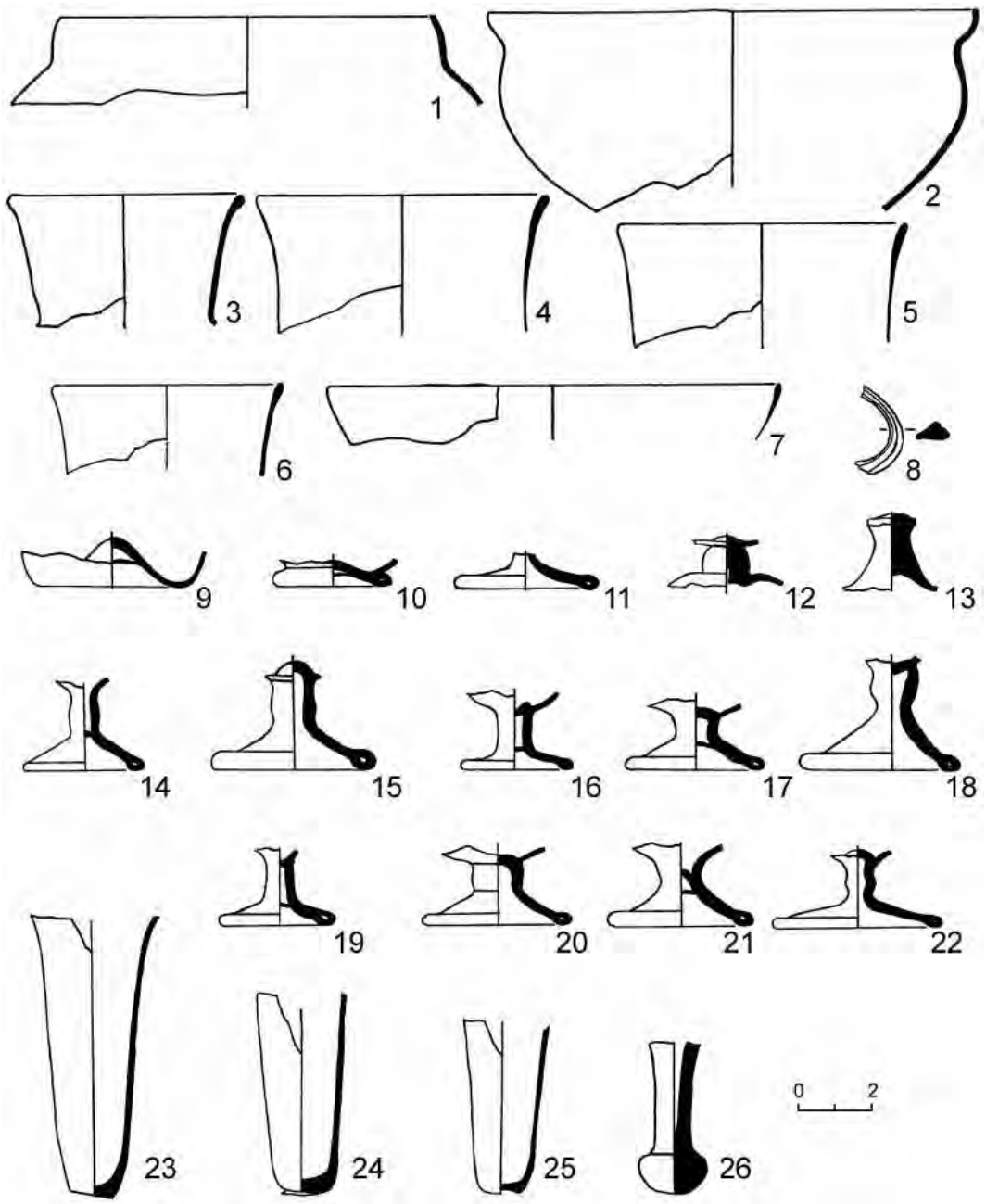


Рис. 52. Стеклянные изделия из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой).

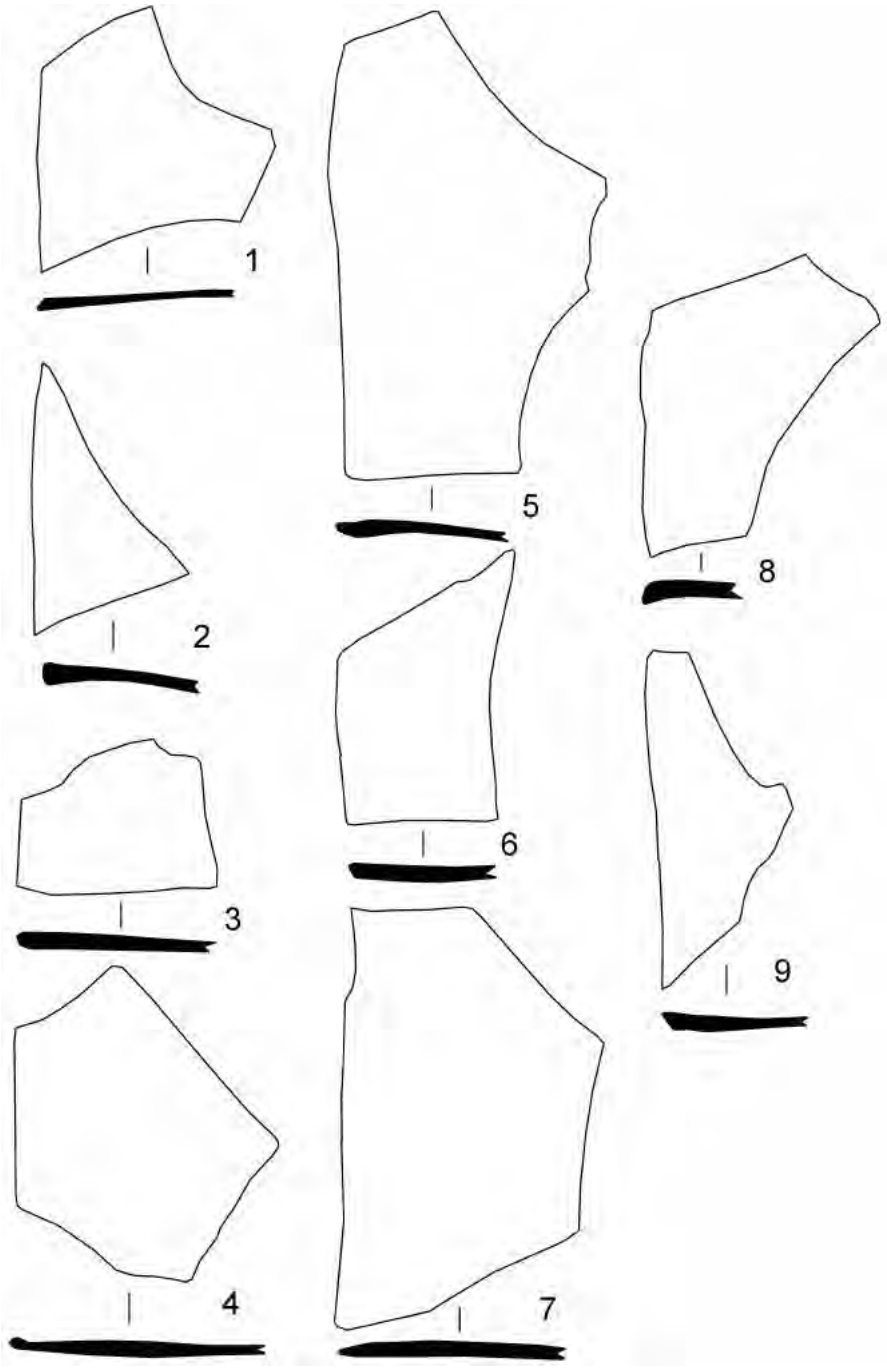


Рис. 53. Оконное стекло из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б (рисунки В. Олейниковой).

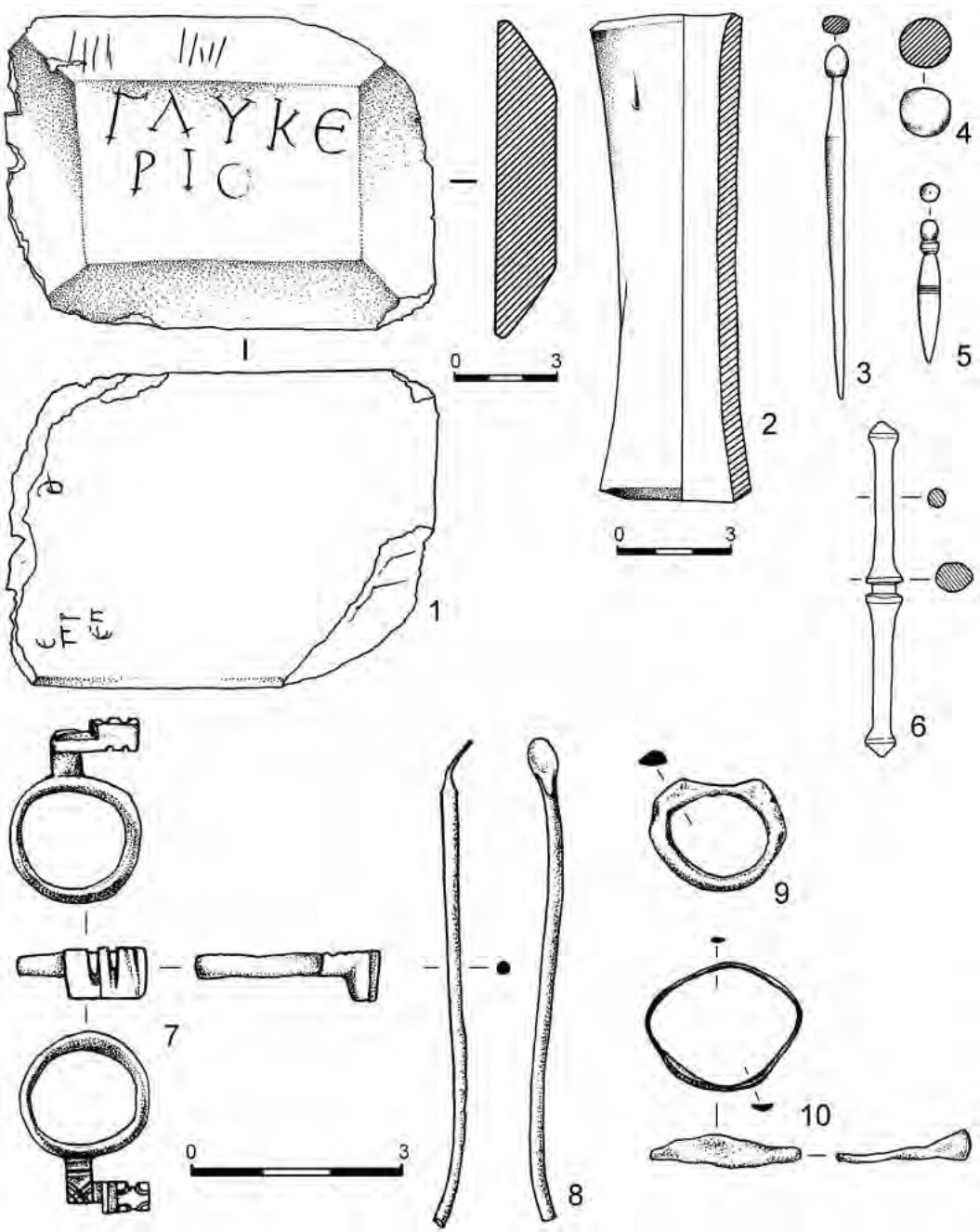


Рис. 54. Находки из засыпи цистерны 4 в квартале Х-Б:
1 – сланцевая плитка с граффито; *2-6* – изделия из кости; *7-10* – металлические изделия (рисунки О.И. Малиновской).

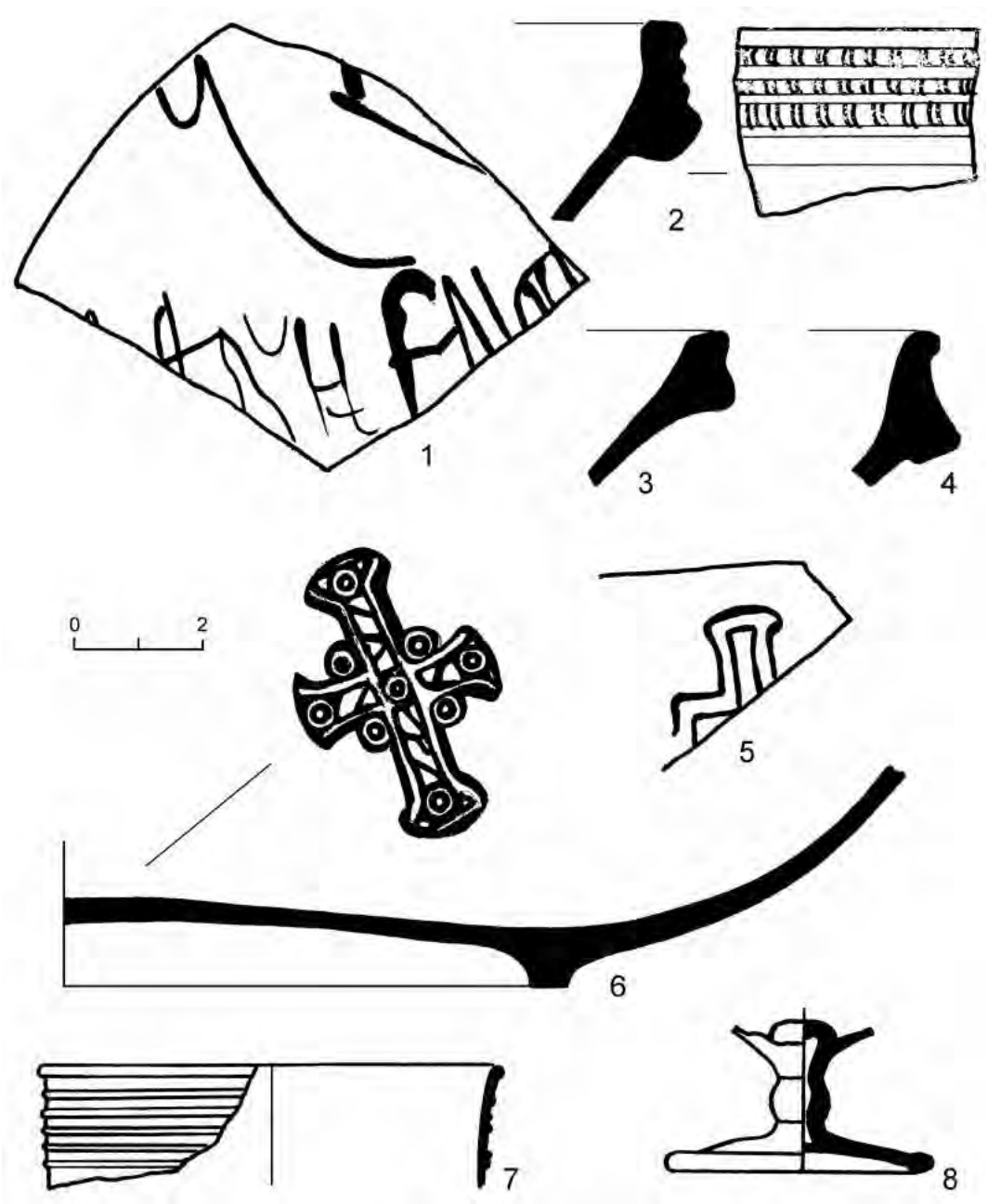


Рис. 55. Находки из слоя под слоем известкового отеса в помещении 12 в квартале Х-Б: *1* – фрагменты стенки амфоры с dipinto; *2-6* – фрагменты краснолаковой посуды; *7, 8* – фрагменты стеклянных изделий (рисунки И.Б. Гусаковой).

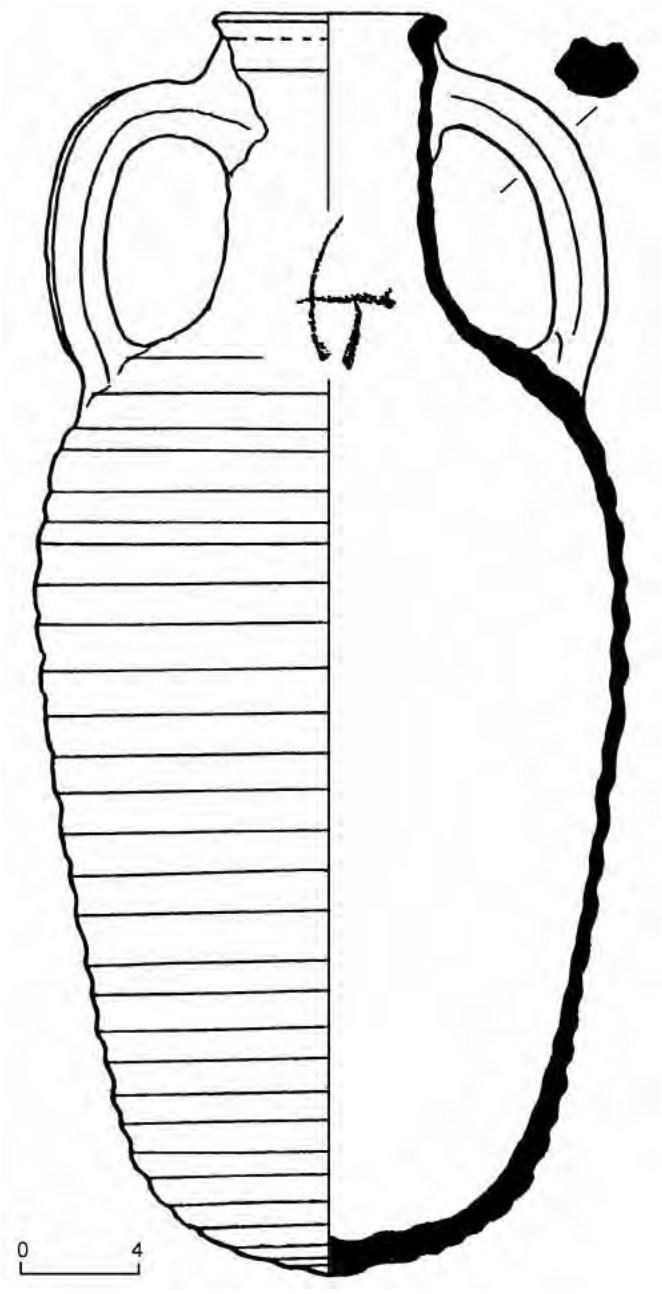


Рис. 56. Амфора из помещения 9 в квартале Х-Б (рисунок О.И. Малиновской).

Д. А. МОИСЕЕВ

РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ЧЕРЕПИЦА ИЗ РАСКОПОК ЦИСТЕРНЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ НЕФЕ БАЗИЛИКИ «КРУЗЕ» В ХЕРСОНЕСЕ

Строительная керамика на памятниках средневековой Таврики является массовым археологическим материалом, зачастую преобладая в комплексах среди других групп находок. Тем не менее, степень ее изученности, по сравнению с амфорами и отдельными группами бытовой керамики, остается явно недостаточной для превращения черепицы в полноценный исторический источник при датировке и характеристике тех или иных сторон социально-экономической истории региона.

В свое время, благодаря работам А. Л. Якобсона и А. И. Романчук, в которых была представлена лишь широкая, фактически относительная, хронология материала на уровне его членения на большие группы ранневизантийского, средневизантийского и поздневизантийского времени[1], а также выработаны только первичные принципы анализа технологии и морфологических особенностей черепицы [1, с. 25-28, 64-70, 93-108, 147-157; 2], данный факт несоответствия массовости и изученности средневековой строительной керамики стал довольно заметным. Современная обработка археологического материала, особенно на стадии проведения раскопок, настоятельно требует более точной датировки, детальных знаний технологического процесса изготовления строительной керамики, мест расположения специализированных центров, сложившихся производственных связей между ними и непосредственными заказчиками продукции, а также понятных, не только узкому кругу исследователей, критериев классифицирования черепицы по морфологическим и технологическим признакам. Решение этих задач – тема большого и глубокого исследова-

[1] Хронологические рамки этих временных отрезков в работах А.Л. Якобсона и А.И. Романчук (в пределах V-VII, VIII-X и XI-XIII вв.) ориентированы на сложившуюся периодизацию византийского Херсона и несколько отличаются от общепринятых в византиноведении, где средневизантийский и поздневизантийский периоды традиционно датируются, соответственно, второй половиной VII – XII вв. и 1204-1453 гг.

ния. Однако очевидно, что исходным этапом такой работы должна стать ревизия опубликованных, описанных в архивных материалах либо сохранившихся в фондовых собраниях презентабельных и хорошо датированных археологических комплексов с черепицей на предмет отбора тех из них, которые могут стать основой для будущей классификации строительной керамики, вначале в пределах отдельных памятников, а затем более широкого региона.

В последние годы такого рода исследований, применительно к археологической ситуации на Мангупе, Эски-Кермене и Херсонесском городище, становится все больше [3, с. 291-306; 4, с. 254-267; 5, с. 172-187; 6, с. 105-110]. Настоящая статья содержит публикацию еще одного показательного комплекса строительной керамики ранневизантийского времени с территории Херсонеса. Он происходит из недавних раскопок цистерны позднеримского времени на месте так называемой базилики «Крузе» (№7), расположенной в юго-восточном районе Херсонесского городища, на перекрестке трех городских кварталов – XCVI A, XCIX и XCIX A (рис. 1-2).

Цистерна была открыта в 2010 г. в процессе археологических исследований центрального нефа базилики «Крузе»[2]. Она представляет собой вырубленное в скале прямоугольное в плане сооружение со слегка наклоненными вовнутрь стенами, выложенными бутовым, слегка подтесаным камнем и тщательно оштукатуренными известковым раствором розового цвета, из-за большого содержания керамической крошки.

Стратиграфически цистерна явно предшествует возведению храмового комплекса. При его строительстве она была единовременно засыпана рыхлым грунтом, содержащим большое количество фрагментов разновременного археологического материала (от эллинистического до ранневизантийского времени), в том числе интересующей нас группы строительной керамики, снивелирована, после чего перекрыта в северо-восточной части фундаментом северного стилобата базилики. Таким образом, находки из заполнения цистерны дают представление не только об истории данного района городища в эллинистическое и римское время, но и позволяют определить наиболее вероятное время сооружения храма.

Нужно сказать, что базилика «Крузе» является одним из наиболее интересных и одновременно одним из самых загадочных храмов византийского Херсона. Датировка комплекса и определение его места в контексте происхождения и эволюции христианской архитектуры Херсона остаются предметом постоянной научной дискуссии [7, с. 511-514; 8, с. 230-231; 9, с. 10]. Долгое время в истори-

---

[2] Выражаю благодарность руководителю экспедиции С. В. Ушакову за разрешение публикации данного комплекса и возможность ознакомиться с полевыми материалами исследований базилики «Крузе». Отдельная признательность Е. С. Лесной, выполнившей фиксацию находок. В 2010-2012 гг. открыта бóльшая часть цистерны, доследование оставшейся части засыпи, видимо, сильно не повлияет на сделанные в данной статье выводы.

ографии преобладала гипотеза А. Л. Якобсона, основанная, главным образом, на форме триконхиальной апсиды храма, о сирийском происхождении базилики «Крузе» и ее датировке в пределах V в. [10, с. 188-190]. Этой точки зрения придерживается и ряд современных исследователей, относящих комплекс к числу наиболее ранних христианских храмов Херсонеса [11, с. 206, 549-551; 12, с. 96; 13, с. 79; 14, с. 359-360]. Новый этап изучения базилики начинается в конце 90-х гг. XX в., когда И. А. Завадская, пожалуй, впервые отметила неоднозначность версии А.Л. Якобсона – отсутствие археологических оснований для датировки памятника и наличие более широкого, в территориальном и хронологическом (в пределах V-VI вв.) смысле, круга аналогий в византийской архитектуре, из чего следует закономерное заключение о возможности его более поздней датировки [15, с. 78-79; 16, с. 266-268]. Временем не ранее последней трети VI в. базилику датируют С. Б. Сорочан и М. В. Фомин [17, с. 720-724; 18, с. 167-169]. Наконец, практически одновременно с работами И. А. Завадской, возобновились археологические доследования базилики «Крузе». В 1998 г. небольшие расчистки, завершившиеся снятием уточненного плана объекта, были сделаны группой украинских и австрийских специалистов во главе с М. И. Золотаревым и Р. Пиллингер [8, с. 235-236]. С 2005 г. систематические раскопки внутри и снаружи памятника ведутся С. В. Ушаковым[3]. В нашу задачу не входит подробная характеристика результатов раскопок базилики «Крузе» 2005-2012 гг., которые только начинают вводиться в научный оборот [20, с. 290-306; 21, с. 198-212; 22, с. 44-47]. Подчеркнем лишь моменты, важные, на наш взгляд, в контексте изучения хронологии памятника, которые уже были озвучены в печати.

Прежде всего, отметим, что проведенные раскопки 2005-2012 гг. позволили впервые получить археологические данные для установления объективной датировки базилики «Крузе». Судя по публикациям, таковыми являются материалы исследований трех объектов – так называемого «слоя строительства» гробниц VII и VIII в южной части нартекса храма, засыпи цистерн перед входом и в центральном нефе базилики. Датирующие находки, среди которых наиболее важен набор амфор и краснолаковой керамики, а также поздние монеты императоров Анастасия I (491-518) и Юстиниана I (527-565), свидетельствуют о синхронном времени образования всех перечисленных археологических комплексов. Таким образом, наиболее вероятной датой строительства базилики «Крузе», по мнению С. В. Ушакова, является середина – начало второй половины VI в., то есть время правления Юстиниана I [21, с. 208-209]. Со своей стороны заметим, что, каким бы образом в дальнейшем, по мере подготовки полного издания результатов раскопок, ни была скорректирована хронология возведения базилики, в любом случае группа строительной керамики, о которой речь пойдет ниже, уверенно может быть датирована ранневизантийским временем, скорее всего, в пределах V-VI вв.

[3] Об этом этапе археологических исследований базилики подробно см. [19, с. 395-396].

В заключение нашего историографического обзора кратко остановимся на перечне известных, на сегодняшний день, археологических комплексов с черепицей, близких по структуре и датировке комплексу строительной керамики из засыпи цистерны в центральном нефе базилики «Крузе». После проведенной ревизии архивных и фондовых материалов из раскопок средневековых памятников на территории Юго-Западного Крыма к таковым могут быть отнесены лишь пять.

Первым из них, по времени открытия, очевидно, является комплекс керамид из раскопок печи №1 на территории производственного центра у с. Трудолюбовка (Бахчисарайский район). Памятник частично изучен А. Л. Якобсоном и М. Я. Чорефом в 1971 г., однако, так и не был опубликован [1, с. 53-56]. Информация о нем сохранилась среди архивных материалов, где исследователи, опираясь на необычную форму печи (одноканальность топочной камеры), особенности технологии и морфологии черепицы (почти полное отсутствие либо очень слабое сужение нижней части керамид, особая форма бортика, желобчатая поверхность изделия, наличие водосливных желобков под основанием бокового бортика, мелкозернистая структура керамического теста) предположили более раннюю, чем остальные, датировку – не позднее VIII в. [23, с. 3][4]. Из раскопок Херсонесского городища сейчас известно только два закрытых археологических комплекса с черепицей ранневизантийского времени. Один введен в научный оборот А. И. Романчук и происходит из заполнения хозяйственного помещения неподалеку от 17-й куртины, датированного VI – началом VII вв. [24, с. 156-157]. Второй обнаружен при выборке засыпи цистерны в квартале XCVII, сформировавшейся, по мнению издателей, в хронологических рамках V – рубежа V-VI вв. [25, с. 196, рис. 2,21]. Наконец, еще два археологических комплекса с идентичной черепицей выявлены в процессе исследований Мангупского городища – из нижнего стратифицированного культурного горизонта с материалами VI-VII вв. на участке строительных «сбросов» на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун и из «черепичного завала», образовавшегося не позднее середины VI в., на месте дозорного пункта в расселине Демир-Капу (укрепление А-XIX) [26, с. 421-422, 426; 27, с. 322-325, 328-330].

Теперь перейдем к непосредственному анализу археологического материала.

Общая характеристика. Комплекс строительной керамики из засыпи цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» представлен материалами эллинистического, римского (внутри этого периода выделяется две группы материала: собственно «римского» и «позднеримского» времени) и ранневизантийского времени[5]. Для его изучения необходимо вначале отделить находки ранневи-

---

[4] Керамический центр у с. Трудолюбовка А. Л. Якобсон датирует в пределах VIII-X вв. [1, с. 56].

[5] За основу периодизации взята историческая хронология, где эллинистический период датируется последней четвертью IV – первой половиной I вв. до н.э.; римский период – се-

зантийского времени от более ранних хронологических групп (табл. 1). После обработки комплекса стало ясно, что подавляющее большинство фрагментов, по технологическим признакам, относится к «позднеримскому» времени – 1630 фрагментов (72,5%)[6]. 370 фрагментов (16,5%) представлено артефактами эллинистического периода, 80 фрагментов (3,6%) – предположительно, «римского» времени[7]. Часть в комплексе интересующей нас ранневизантийской строительной керамики невелика – всего 160 фрагментов (7,1%). Лучше всего она представлена керамидами (145 фрагментов или 9,5% от общего числа керамид) и заметно хуже – плинфой (9 фрагментов или 6,9% от общего числа плинфы) и калиптерами (6 фрагментов или 1,1% от общего числа калиптеров) (табл. 1). К сожалению, сохранность материала оказалась плохой – не было обнаружено ни одной археологически целой формы черепицы ранневизантийского времени. Сохранность раннего материала лучше – позднеримским временем датируются 2 археологически целых керамиды и 11 археологически целых плинф.

При объяснении одновременного пребывания в комплексе фрагментов античной и ранневизантийской черепицы нужно иметь в виду, что последние попали в заполнение цистерны как отработанный (битый) материал в результате строительства новых зданий, повреждения при транспортировке или других случайных факторов. Наличие такой поздней группы строительной керамики в цистерне говорит также о том, что во время строительства базилики «Крузе» на

рединой I в до н.э. – IV в. н.э.; ранневизантийский период – концом IV – началом VII вв. В римском периоде выделяется два этапа. Первый датируется серединой I в. до н.э. – третьей четвертью III в. н.э. (в статье данный этап будет называться «римским»). Второй – концом III – IV вв. (этот период в статье будет называться «позднеримским»). «Позднеримский» период выделен условно, строительная керамика этого времени могла бытовать и позже. За его начало принята дата вывода римских военных частей из Херсонеса. Конечной датой принят раздел Римской империи на Западную и Восточную части в 395 г. Отметим, что это относительная и условная периодизация. На сегодняшний момент для построения более точной хронологии строительной керамики слишком мало данных. Разумеется, что с накоплением и введением в научный оборот новых комплексов датировка будет уточняться.

[6] Преобладание в комплексе строительной керамики «позднеримского» времени свидетельствует, вероятно, о характере формирования засыпи цистерны. Ее нивелировка проходила во время большой строительной активности на городище, когда прежние здания разбирались, ремонтировались, а образовавшийся строительный мусор был использован при заполнении цистерны. Также отметим, что большинство плинфы этого времени несет на своей поверхности следы известкового раствора, а значит она извлекалась из разбираемых кладок строений. В гораздо меньшей степени раствор присутствует на керамидах и калиптерах.

[7] Часть комплекса «римского» времени требует, конечно, специального изучения, что не является целью настоящей работы. Отметим лишь ее небольшое процентное содержание. Возможно, это объясняется тем, что какая-то часть группы атрибутированных «позднеримских» изделий на самом деле появляется в более раннее время и свидетель-

городище уже имелись ранневизантийские постройки. Таким образом, в дальнейшем, после полного издания материалов раскопок, в нашем распоряжении будет возможность более точно определить начальную хронологию тех морфологических и технологических изменений в производстве черепицы на рубеже римской и ранневизантийской эпох, о которых пойдет речь ниже.

Методика исследований. Основные принципы методики обработки строительной керамики представлены в довольно большом списке работ [1, с. 27, 66; 2, с. 40-42; 3, с. 295-304; 28, с. 79-80; 29, с. 107-108]. Одной из главных не решенных задач остается вопрос, насколько долго может бытовать та или иная группа черепицы, каково содержание вторично использованного кровельного материала на памятниках. Есть, несомненно, проблема в выборе ключевых принципов классифицирования находок, исходя из их морфологических либо технологических особенностей.

Интересующий нас комплекс строительной керамики был описан, в первую очередь, на основе технологических признаков изделий. Учитывались цвет скола черепка, его плотность, промешанность керамического теста, состав визуально определимых примесей, наличие или отсутствие ангобного покрытия, его качество и цвет. В результате был выделен ряд групп черепицы, отличающихся по структуре глиняного теста и бытовавших в эллинистическое, «римское», «позднеримское» и ранневизантийское время. Ранневизантийская черепица отделялась от остальной античной, исходя из ряда морфологических (толщина поля керамид, форма бокового бортика керамид, наличие тыльной подработки) и технологических отличий.

Ранневизантийская строительная керамика была классифицирована, исходя из критериев, уже отработанных в процессе анализа комплекса черепицы из раскопок поселения в верховьях Лагерной балки в центральной части Мангупского плато [5, с. 177]. В данной типологии отсутствует деление материала по морфологическим признакам, нет характеристики рельефных меток. Во-первых, из-за того, что в комплексе нет археологических целых форм, во-вторых, потому что для этого периода времени клеймение черепицы не характерно [5, с. 183].

При статистическом анализе строительной керамики из засыпи цистерны был использован «max и min реконструируемых целых форм». Эта реконструкция является условной. Определяющее значение в ней имеет количество угловых частей черепиц (верхних левых и правых углов, нижних левых и правых углов). Под «max реконструируемых целых форм» понимается общее количество угловых частей. При расчете этого максимума предполагается, что все углы принадлежали разным черепицам и плинфам[8]. Под «min реконструируемых целых

ствует о преемственности способа производства строительной керамики на протяжении «римского» и «позднеримского» периодов.

[8] К примеру, если в комплексе есть 5 верхних левых углов, 6 верхних правых углов, 4 нижних левых угла, 2 нижних правых угла, то max реконструируемых целых форм будет равен 17.

форм» понимается наибольшее количество одной из угловых частей. При расчете минимума предполагается, что черепицы и плинфы попадали в засыпь сравнительно целыми[9].

Классификация строительной керамики. По технологическим признакам комплекс строительной керамики ранневизантийского времени разделен на четыре группы.

Группа I (рис. 3). Строительная керамика со светлоглиняным черепком, сформованным из плотного, хорошо промешанного теста с примесью извести, большого количества песка и частиц пироксена[10]. Из-за обилия песка тыльная поверхность изделия часто носит зернистый характер. Группа представлена, в основном, фрагментами керамид. Коллекция калиптеров незначительна, обломков плинфы не обнаружено (табл. 2-3). В засыпи цистерны данная группа черепицы имеет небольшое содержание – 31 фрагмент (2,0% от общего числа находок)[11] или 2,2-4,0% реконструируемых целых форм (1-4 штук)[12] (см. табл. 1, рис. 3,*II*). Между тем, как для черепицы ранневизантийского времени в комплексе она составляет значительную часть – в пределах 12,5-28,6% (табл. 3).

Прямоугольные по форме керамиды I группы изготавливались лицевым способом в матрице-ящике без дна с подсыпкой в виде крупнозернистого песка (рис. 6,*2*). По окончанию формовки могли дорабатываться с тыльной стороны дополнительными подрезками. Размеры керамид неизвестны, но они вряд ли были больше синхронных керамид III группы (47,0-48,0х31,0-32,0 см). Верхний бортик отсутствовал. Боковой бортик треугольный в сечении, высокий (5,60-6,60 см), узкий, сложно профилированный, иногда слегка наклоненный к центру керамиды. Следы его формовки фиксируются как на внутренней, так и на внешней сторонах (рис. 3,*II,3*). Поле (толщиной 1,85-2,4 см), как правило, имеет желобчатую поверхность, иногда выраженную плохо. Нижние углы оформлены неполным коленчатым изгибом, без изгиба на внутренней части бокового бортика керамиды.

О хронологии черепицы группы I пока можно судить только предположительно и в достаточно широких временных пределах. В Херсонесе строительная керамика такого морфологического облика обнаружена при раскопках цистер-

---

[9] К примеру, если в комплексе есть 5 верхних левых углов, 6 верхних правых углов, 4 нижних левых угла, 2 нижних правых угла, то min реконструируемых целых форм будет равен 6. При этом две реконструируемые целые формы будут полными (с четырьмя углами), 2 – с тремя углами, без нижнего правого угла, 1 – с двумя углами, без нижнего правого и левого углов, 1 – с одним верхним правым углом.

[10] Примесь песка и пироксена, видимо, использовалась в качестве подсыпки при формовке изделия.

[11] Здесь и далее указывается общее число фрагментов керамид.

[12] Здесь и далее указываются проценты min и max реконструируемых форм керамид.

ны в квартале XCVII [25, с. 191-216][13]. Засыпь цистерны датируется последней третью V – рубежом V-VI вв., а интересующая нас группа находок составляет незначительное процентное содержание, в сравнении с доминирующими материалами позднеантичного времени. Таким образом, нижним хронологическим пределом бытования черепицы I группы является период, приближенный ко времени формирования данного комплекса – V в. или, скорее всего, вторая половина этого столетия. Относительно верхней границы использования рассматриваемой группы керамики некоторую информацию дают материалы раскопок Мангупского городища, где она известна по исследованию «слоя черепичного завала» на месте дозорного пункта в Демир-Капу (рис. 3,*III*), окончательно сформировавшегося после строительства здесь оборонительной стены укрепления А-XIX Главной линии обороны крепости около середины VI в. [5, с. 177, 183; 26, с. 322-325, 328-330; 27, с. 421-422, 426; 30, с. 26-31; 31, с. 41-46]. Ранневизантийская черепица явно преобладает в комплексе (более 95%). Представлена двумя вариациями – красноглиняной и светлоглиняной, идентичной, по морфологии и технологии изготовления, черепице I группы из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе».

Место производства строительной керамики I группы не обнаружено. Такая черепица не имеет аналогий в местном материале как более раннего, так и более позднего времени. Ее отличают от другой черепицы примесь пироксена в керамическом тесте, форма бокового борта. Это позволяет поставить вопрос о поиске места ее производства, возможно, вне территории Крыма.

Группа II (рис. 4). Строительная керамика с красноглиняным черепком, сформованным из плохо промешанного теста с примесью извести (ее содержание невелико), шамота, большого количества железистых частиц и конкреций черного цвета. Группа хорошо представлена всеми видами строительной керамики, более всего – керамидами (табл. 2-3). В засыпи цистерны ее содержание составляет 56 фрагментов (3,6% от общего числа находок) или 2,0-2,2% реконструируемых целых форм (1-2 штук) (табл. 2, рис. 4,*II*), для ранневизантийской части комплекса – 12,5-38,6% (табл. 3).

Прямоугольные по форме керамиды изготавливались лицевым способом, в матрице-ящике без дна, с мелкодисперсной подсыпкой (рис. 6,*2*). Общие размеры 47,0-48,0х31,0-32,0 см[14]. Верхний бортик отсутствовал. На верхнем краю боковые борта подрезаны для крепления керамиды на кровле (длина среза 7,2-9,3 см). Боковой бортик трапециевидный, простой или сложно профилиро-

[13] К сожалению, публикация материала не содержит достаточно полного описания керамического теста и не позволяет сравнивать его с I группой.

[14] Реконструкция археологически целой формы и общих размеров изделий произведена на основании черепицы из фондов КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» (инвентарный номер МПГ-4239; место находки неизвестно) (рис. 4,*I*).

ванный, широкий (4,0-4,5 см, исключения до 6,0 см). Под основанием бокового бортика могут быть водосливные желобки. В дополнение к ним иногда сделаны двойные водосливные желобки, расположенные так же, как и водосливные валики на поздневизантийской черепице (от верхнего борта керамиды по дуге к ее нижнему краю). Поле керамиды (толщина 2,0-2,5 см) может иметь слабо выраженную желобчатую поверхность. Коленчатого изгиба нет, вместо него на тыльной стороне сделаны срезы для крепления керамиды на кровле.

Пожалуй, единственной аналогией черепице II группы является подобная строительная керамика из раскопок керамического центра близ с. Трудолюбовка Бахчисарайского района, где, вероятно, она и производилась (рис. 4,*III,1-5*). А. Л. Якобсон и М. Я. Чореф в процессе раскопок в начале 70-х гг. XX в. зафиксировали здесь 12 печей по изготовлению так называемых «причерноморских» амфор, пять из них раскопали, датировав VIII-X вв. [23, с. 1-8]. При работе с архивными материалами выяснилось, что стратиграфическая ситуация на памятнике значительно сложнее, что не нашло отражения в итоговой публикации [1, с. 53-56]. Печь № 1 отличается от остальных не только конструктивно (одноканальная топочная камера вместо традиционных двух топочных каналов), но и по производимому материалу (строительная керамика ранневизантийского облика вместо амфор). Справедливости ради, нужно отметить, что авторы раскопок в отчете обратили внимание на этот факт, датировав печь № 1 временем не позднее VIII в. [23, с. 2-3]. Однако на сегодняшний день эту хронологию вряд ли возможно принять. Скорее всего, с учетом нашего комплекса, она не выходит за пределы V-VI вв. В то же время необходимость доследования производственного центра близ с. Трудолюбовка становится теперь совершенно понятной.

Группа III (рис. 5). Строительная керамика с темно-красным черепком, сформованным из плотного, хорошо промешанного теста с примесью извести (в виде шаровидных дутиков размерами 0,1-0,3 см), мелко дробленого шамота (практически неразличимого), песка (крупнозернистого, кварцевидного, с мелкой галькой и слюдой на тыльной стороне изделия), покрытая плотным светлым ангобом. Группа представлена керамидами и калиптерами, коллекция плинфы незначительна (табл. 2-3). В засыпи цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» группа представляет незначительную примесь: 49 фрагментов (3,2% от общего числа находок) или 6,0-11,2% реконструируемых целых форм (5-6 штук) (табл. 2), в раннесредневековой части комплекса является преобладающей (33,8-65,5%) (табл. 3). Отметим, что калиптеры группы преобладают в ранневизантийской части комплекса: 54 фрагмента (96,4%) и 2 min и max реконструируемых форм (100,0%) (табл. 3).

Целых форм изделий в засыпи цистерны не обнаружено. Целые керамиды III группы происходят из комплекса, открытого в 1971 г. А. И. Романчук при раскопках хозяйственного помещения у 17-й куртины Херсонесского городища

[24, с. 156-157][15]. Черепицы имеют прямоугольную в плане форму, без сужения книзу. Производились лицевым способом в ящике-матрице без дна, на песчаной подсыпке. Размеры 55,0-60,0х38,0-39,5 см. Верхнего борта нет. На верхнем краю керамиды боковые борта подрезаны для крепления керамиды на кровле. Боковой бортик прямоугольный, простой, узкий (ширина верхней грани 2,4 см), высокий (6,3 см). Под основанием бокового бортика могут быть сделаны водосливные желобки. Поле керамиды (толщина 2,1-2,3 см) может иметь слабо выраженную желобчатую поверхность. Коленчатого изгиба нет, вместо него на тыльной стороне сделаны срезы для крепления керамиды на кровле.

Черепица III группы известна по раскопкам Херсонесского и Мангупского городищ. На Мангупе лучше всего она представлена среди находок из укрепления А-XIX [26, с. 322-325]. В Херсонесе, помимо материалов засыпи цистерны на месте базилики «Крузе», такая строительная керамика найдена в упомянутом закрытом комплексе начала VII в. из раскопок хозяйственной постройки близ 17-й куртины [24, с. 156-157]. Необходимо отметить, что, по морфологии, она чрезвычайно близка херсонесской черепице, производившейся здесь в «римское» и «позднеримское» время [32, с. 110-111, 114; 33, с. 19-52, 58, 99-149]. Этот факт, вероятно, может указывать на местное производство черепицы.

Группа IV (рис. 6,*1*). Строительная керамика с оранжевым либо светлым черепком, сформованным из рыхлого, плохо промешанного теста с примесью известняка и шамота. Представлена исключительно керамидами (табл. 2-3). В засыпи цистерны базилики «Крузе» составляет незначительное число от общего числа находок – 9 фрагментов (0,6% от общего числа находок) или 2,0-2,2% реконструируемых целых форм (1-2 штук) (табл. 2). В ранневизантийской части комплекса также незначительна по содержанию (6,2-14,3%, см. табл. 3).

Керамида имеет форму вытянутого прямоугольника. Размеры 33,0х39,0 см. Верхний бортик трапециевидный, низкий, высотой 3,0-3,1 см и шириной 2,3-2,5 см. Боковой бортик также трапециевидный, низкий, высотой 4,2-4,6 см и шириной 2,8-3,0 см. В месте соединения верхнего и боковых бортиков различий в высоте нет. Поле керамиды ровное, гладкое. На нем имеются следы формовки от деревянной матрицы. Коленчатый изгиб черепицы не выражен. На его месте, с внутренней стороны, имеются технические подпилы в виде тупого угла.

Черепица IV группы была обнаружена только в верхних горизонтах засыпи цистерны, что указывает на ее позднее, относительно остального комплекса материала, происхождение. Вероятно, она попала в засыпь цистерны уже в момент строительства базилики, что дает возможность определить «нижнюю» дату этой группы черепицы в пределах начала – середины VI в. «Верхней» же датой являются широкие рамки VII-VIII вв. [2, с. 21-20], когда окончательно формировался «тыльный» способ изготовления строительной керамики в Крыму и все

[15] На основании данной находки реконструирована форма керамид группы III.

архаичные черты «лицевого» способа окончательно ушли в прошлое[16]. Данная группа черепицы известна только по раскопкам Херсонесского городища, что предполагает ее местное производство.

Анализ ранневизантийской строительной керамики из раскопок цистерны на месте базилики «Крузе» позволяет специально остановиться на особенностях ее производства в Херсонесе либо на памятниках округи. Первоначально попробуем детально реконструировать сам процесс изготовления черепицы.

Несомненно, ***«лицевой» способ изготовления*** был основным[17]. Матрица представляла собой деревянный ящик без дна, в которую трамбовалось глиняное тесто (рис. 6,*2-3*)[18]. После его укладки в матрицу, с помощью специального фигурного стека, вырезались боковые бортики и оформлялись верхние и нижние углы. Такой способ производства керамид был унаследован от античной эпохи, хотя продолжал использоваться в Средиземноморье и в более позднее время [35, p. 97-110]. Керамиды могли иметь оттиснутый в матрице коленчатый изгиб, как в случае с изделиями группы I (рис. 6,*2*). Для его изготовления нижние края внутренней части бортов ящика-матрицы оснащались специальными выступами, которые формировали собственно *коленчатый изгиб* керамиды. Из-за такой особенности изготовления он фиксируется только с внешней стороны бокового бортика керамиды, с внутренней же стороны его нет, в отличие от более позднего времени. Также коленчатые изгибы могли не изготавливаться. В таком случае функцию крепления черепицы на кровле выполняли подрезки стеком на тыльной стороне керамиды в ее нижних углах. На изготовление черепицы таким способом мастер тратил времени больше, нежели в первом случае, продукция получается менее стандартизированной.

Еще одной важной и необходимой операцией было оформление *верхних углов керамиды*. Отметим, что создание верхнего бортика при «лицевом» способе изготовления черепицы было сложной задачей, требующей некоторых дополнительных технических решений. Именно поэтому изготовленный «лицевым» способом верхний бортик не встречается в нашем комплексе. Верхние углы либо вообще никак не оформлялись (группа I) (рис. 6,*2*), либо подрезались стеком таким образом, чтобы в этом месте устанавливались также подрезанные тыльные части нижних углов других керамид (группы II и III) (рис. 6,*3*).

Наиболее трудоемкой и технологичной операцией «лицевого» способа изготовления черепицы было формирование ее *бокового бортика* (группы I, II и III) (рис. 6,*2,3*). Он мог быть как простым (трапециевидным, высотой 4,0-6,0 см

---

[16] Подробнее об этом ниже.

[17] Здесь и далее анализируется процесс производства керамид. Для реконструкции процесса изготовления калиптеров мы имеем пока недостаточное количество информации.

[18] Графическую реконструкцию способа см. [34, p. 299, fig. 16,3].

над поверхностью поля керамиды – группа II), так и сложным (группа I и III). Опишем подробнее последний вариант.

Сложный боковой бортик представлял собой высокий выступ (от 6,0 до 7,5 см), прямоугольной (группа III) или треугольной (группа I) формы в сечении. Общей трудностью, которая возникала при изготовлении таких высоких бортов, было срезание большого количества керамического теста, что увеличивало физические затраты мастера, по сравнению с изготовлением низкого бортика. Наиболее сложной при создании являлась треугольная форма бортика. Причина была в том, что бортик был сложно профилированным. Часто его формовали с наклоном к центру керамиды. Вопрос назначения высокого борта пока остается открытым. Возможно, он был связан с какими-то неустановленными особенностями помещения керамид на кровле.

Большое количество времени должно было быть затрачено на изготовление *лицевой стороны* керамиды. Здесь главное внимание уделялось проблеме отвода дождевой воды. Мы знаем несколько вариантов ее решения. Во-первых, поле керамиды могло делаться желобчатым (группы I, II и III) (рис. 3,*I*; 4,*I*; 5,*I*). Для этого использовался сложно профилированный стек, которым резали поверхность черепицы. Во-вторых, мастера могли делать водосливные желобки, которые были расположены так же, как и в позднее время водосливные валики (группа II) (рис. 4,*III,1,2,4,5*). В-третьих, мастер мог ограничиться нанесением водосливного желобка у основания бокового борта (группы I, II и III) (рис. 3,*I*; 4,*I*; 5,*I*). Во втором и в третьем случаях мастер не использовал специальных инструментов и проводил валики пальцем по сырой глине. Отметим, что на керамидах встречается сочетание желобчатой поверхности и водосливного желобка под основанием бокового бортика[19].

Перед окончанием формовки изделия выполнялась еще одна операция – *подрезание тыльной стороны* керамиды (группа I). Эта операция в ранневизантийское время еще не является обязательной и на большей части изделий не встречается[20].

Очевидно, что при изготовлении ранневизантийской строительной керамики Юго-Западного Крыма использовались античные технические приемы. Некоторые из них совершенствовались. К примеру, к типично античным технологическим чертам следует отнести «лицевой» способ изготовления черепицы как таковой, использование матрицы-ящика без дна, чаще всего, на песчани-

[19] В более позднее время желобчатая поверхность не встречается, в то время как исполнение пальцем водосливного желобка отмечено на черепице из производственного центра в балке урочища Суаткан и на некоторых керамидах из завала черепичной кровли из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) [5, с. 178-179].

[20] Она становится обязательной лишь позднее, по нашим наблюдениям, не ранее VIII–IX вв.

стой подсыпке, крепление керамид на крыше друг к другу, осуществляемое подрезками и коленчатыми изгибами [34, с. 299, рис. 16,3; 32, с. 110-111, 114; 33, с. 19-52, 58, 99-149]. Технологическими новациями, несомненно, являются форма бокового бортика, принцип водоотведения, тыльные подработки поверхности керамид. Также необходимо отметить, что крепление керамид между собой с помощью коленчатого изгиба существует, по крайней мере, до конца XV в. (в средние века в Крыму использовалось только оно). Поэтому этот признак тоже можно включить в комплекс усовершенствований ранневизантийского времени.

Рассмотрим подробно результаты указанных нововведений при изготовлении строительной керамики на материалах из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе». Все они могут быть разделены на три группы. Во-первых, ремесленники пытаются уменьшить суммарный вес кровли. Перед ними становится задача снизить вес каждой отдельной керамиды, для чего их поле и боковые борта делают более тонкими, нежели в античное время (поле примерно на 1,0 см, становясь равными 2,0-2,5 см). Результат достигается введением в процесс производства нового приема – дополнительной подрезки тыльной стороны керамиды, что присутствует на черепице I и IV групп. Также мастера стараются облегчить боковой бортик, который на черепице античного времени является достаточно широким и тяжелым. Для облегчения его сужают, увеличивая высоту. Форма становится подпрямоугольной (группа III), валикообразной (группа IV) или треугольной (группа I) в сечении[21]. Треугольные бортики формуются не только с внутренней стороны, но и дополнительно с внешней. Часто валикообразные и треугольные бортики оказываются загнутыми к центру керамиды.

Во-вторых, перед мастером становится проблема улучшения водоотвода с крыши. Для этого керамиды начинают снабжаться водосливными желобками. Они могут быть исполнены в виде желобков под основанием бокового бортика (с внутренней стороны), в виде пальцевой промазки от верхнего угла до нижнего (группы I, II, III), а также в виде желобчатой поверхности поля керамиды (группы I, II, III). Отметим, что первый и второй способы водоотведения, чаще всего, используются вместе, в комплексе. Также водоотведение может быть исполнено в виде водосливных желобков (группа II), которые по своему расположению дублируют водосливные валики на более поздней средневековой черепице.

До сих пор мы ничего не говорили о еще одном усовершенствовании, которое впервые появляется на памятниках Юго-Западного Крыма, вероятно, в середине – третьей четверти VI в. – использовании матрицы-ящика с дном, в котором вырезаются все рельефные лицевые части будущей керамиды. Это так называемый ***«тыльный» способ*** изготовления (рис. 6,*4*). Из всех ранневизантийских

[21] Данное нововведение не коснулось черепицы II группы – борт остается трапециевидным, широким и низким.

материалов в засыпи цистерны он встречен на черепицах IV группы. Напомним, что она пока известна только из раскопок Херсонесского городища. Использование такого способа изготовления строительной керамики позволило получить достаточно легкую черепицу с прогрессивными морфологическими чертами. Масса такого изделия до 3 кг, поле тонкое (до 2 см), узкий бортик, сложное сочетание верхнего борта с усечением бокового борта в районе верхних углов керамид улучшило крепление керамид между собой на кровле. При этом время на ее производство заметно сократилось, повышая производительность труда. Вместо большого количества операций по сложным подрезкам глины для создания бортиков, поля керамиды, усеченных бортов в районе верхних углов мастеру было необходимо лишь заложить тесто в матрицу, а потом подрезать плоскую тыльную сторону. К тому же, прогрессивность способа характеризуется большей унификацией керамид, по сравнению с «лицевым» способом изготовления, где сохранялись лишь общие размеры. Появившись, скорее всего, в середине – третьей четверти VI в., как один из способов изготовления черепицы (к тому же в этот момент не преобладающий), «тыльный» способ уже к IX в. превалирует в процессе производства строительной керамики Юго-Западного Крыма [5, с. 183].

О возможных центрах производства строительной керамики ранневизантийского времени уже говорилось. Всего для черепицы этого периода в Херсонесе насчитывается четыре технологические группы изделий, что, возможно, указывает на такое же количество производственных центров. Место производства группы I неизвестно (она может быть импортной). Другие три группы черепицы, несомненно, изготавливались на полуострове.

Место изготовления группы II, вероятно, обнаружено близ с. Трудолюбовка. Производственный центр продолжил свою работу и в последующее время (в VIII-X вв.), когда одновременно с черепицей там стали изготавливать «причерноморские» амфоры [23, с. 1-9]. В морфологическом плане продукция этого центра в ранневизантийский период является наименее технологичной, в сравнении с I, III и IV группами.

Группы III и IV, скорее всего, были произведены в Херсонесе, хотя специализированных керамических печей здесь пока не обнаружено. Отметим, что они сильно отличаются друг от друга не только технологически, но и морфологически. Группа IV является более технологичной в производственном смысле, ее глиняное тесто по качеству не имеет близких аналогов как среди более ранней, так и более поздней черепичной продукции. Группа III, видимо, использовала херсонесские позднеантичные традиции при формовке глиняного теста для изготовления строительной керамики.

На территории Юго-Западного Крыма, на сегодняшний день, известен еще один ранневизантийский производственный центр строительной керамики, открытый недавно на северо-восточном склоне горы Илька, расположенной

в 5 км к югу от Мангупского городища[22]. Прямых аналогий глиняному тесту черепицы, изготовлявшейся здесь, среди материалов засыпи цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» не обнаружено. Зато они известны среди находок из «черепичного завала» середины VI в., выявленного при раскопках укрепления А-XIX на Мангупе [26, с. 344]. По морфологии, из строительной керамики, обнаруженной в ходе исследований одной из печей (печь № 3) на склонах горы Илька, выделяется небольшая группа керамид, имеющих целый комплекс признаков, характерных для ранневизантийского времени – сложно профилированные высокие боковые бортики, желобчатая поверхность, коленчатый изгиб, «лицевой» способ изготовления. Среди перечисленных выше групп строительной керамики базилики «Крузе» морфологически ей наиболее близка черепица группы I, которая, как уже отмечалось, имеет в Херсонесе, скорее всего, импортное происхождение.

Илькинский производственный центр, появившись в VI в., функционировал на протяжении значительного времени. Анализ раннего материала из его раскопок вновь, как и в случае с Трудолюбовкой и Херсонесом, показывает, что характерная для периода V-VI вв. так называемая «лицевая» техника изготовления черепицы со сложно профилированным бортиком и желобчатой поверхностью к IX в. окончательно сменилась новым, более прогрессивным, «тыльным» способом производства строительной керамики (керамид) с коленчатым изгибом и более тонким бортиком и полем.

Подведем некоторые итоги. В комплексе ранневизантийской строительной керамики из засыпи цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» выявлено четыре группы изделий, отличающихся по технологическим и морфологическим признакам. Исходя из имеющегося круга аналогий, ранневизантийские группы I-III, изготовленные при помощи так называемого «лицевого» способа, использовались на протяжении V-VI вв. При производстве также ранневизантийской группы IV уже применены технологические приемы, характерные для более нового «тыльного» способа, в основу которого положен принцип матрицы-ящика с дном, в котором вырезаются все рельефные лицевые части будущей черепицы (керамиды). «Тыльная» техника изготовления черепицы, появившись, как показывает наш комплекс, в VI в., окончательно становится общепризнанной не позднее IX в.

Большая часть представленной в засыпи цистерны строительной керамики V-VI вв. (группы II-IV) производилась в Херсонесе или в гончарном центре близ с. Трудолюбовка. К византийскому импорту мы предварительно отнесли керамиды и плинфу I группы, хотя следует обратить внимание на продукцию недавно открытого Илькинского производственного центра в Юго-Западном Крыму, которая по ряду морфологических параметров чрезвычайно к ней близка.

---

[22] Выражаем признательность руководителю экспедиции В. Е. Науменко за возможность использования результатов раскопок в данной публикации. Кратко о них см. [36, с. 241-243; 37, с. 91-92; 38, с. 52-54].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
2. *Романчук А.И.* Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.
3. *Завадская И.А.* Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2005 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
4. *Завадская И.А.* Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров юго-западного Крыма // ТГЭ. СПб., 2010. Т. 53: Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков.
5. *Моисеев Д.А.* Археологический комплекс строительной керамики IX-X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) // Древности. Харьков, 2011. Вып. 10.
6. *Моисеев Д.А.* Средневековая строительная керамика Херсонесского городища: технологическая типология // Причерноморье. История, политика, культура. Серия А. Античность и средневековье. Севастополь, 2012. Вып. VIII (III).
7. *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб., 2002.
8. *Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Пиленгер Р., Пюльц А.* Раскопки т.н. «базилики Крузе» в Херсонесе (украинско-австрийский проект) // ХСб. 2003. Вып. XII.
9. *Гриневич К.Э.* Сто лет херсонесских раскопок (1827-1927 гг.). Севастополь, 1927.
10. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63.
11. *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
12. *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI вв.). Киев, 2000.
13. *Яшаева Т.Ю.* Базилика Крузе (№7) // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. Poznan, 2004.
14. *Айбабин А.И.* Ранневизантийский Херсонес – Херсон // ТГЭ. СПб., 2010. Т. LI: Византия в контексте мировой культуры.
15. *Завадская И.А.* Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
16. *Завадская И.А.* О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
17. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005.
18. *Фомин М.В.* Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV-X вв.). Харьков, 2011.
19. *Зубарь В.М.* Летопись археологических исследований Херсонеса – Херсона и его округи (1914-2005 гг.). Т. 1-2 // МАИЭТ. 2009. Suppl. 6.
20. *Ушаков С.В.* Когда были сооружены могилы в нартексте базилики «Крузе» в Херсонесе // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2010. Вып. IV.
21. *Ушаков С.В.* «Базилика Крузе» в Херсонесе: основные итоги исследований // Причерноморье в средние века. СПб., 2011. Вып. VIII.

22. *Ушаков С.В.* Эллинистический комплекс из раскопок южного нефа базилики «Крузе» в Херсонесе (амфоры и керамика с покрытием) // Причерноморье. История, политика, культура. Серия А. Античность и средневековье. Севастополь, 2012. Вып. VIII (III).
23. *Якобсон А. Л., Чореф М.Я.* Отчет о раскопках 1971 г. гончарных печей VIII-IX вв. у с. Трудолюбовка Бахчисарайского района Крымской области // Научный архив КРУ БИКЗ. Д. №33.
24. *Романчук А.И.* Ранневизантийская строительная керамика Херсонеса // ВВ. 1976. Т. 37.
25. *Ушаков С.В., Дорошко В.В., Кропотов С.И., Макаев И.И., Струкова Е.В.* Керамический комплекс засыпи цистерны V-VI вв. в XCVII квартале Херсонеса (предварительная информация) // ХСб. 2006. Вып. XV.
26. *Герцен А.Г., Манаев А.Ю.* Демир-Капу (укрепление А.XIX) в системе оборонительных сооружений Мангупа // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
27. *Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В.* Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (к вопросу периодизации Мангупской цитадели) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 2.
28. *Паршина Е.А.* Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
29. *Симонова Т.И.* Метки на черепице кровли дома XIII-XIV вв. // АДСВ. Свердловск, 1980. Вып. 17. Античные традиции и византийские реалии.
30. *Герцен А.Г.* Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 2002 г. // Архив археологического музея ТНУ им. В.И. Вернадского.
31. *Герцен А.Г.* Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 2003 г. // Архив археологического музея ТНУ им. В.И. Вернадского.
32. *Филиппенко А.А.* Строительные керамические материалы с пунктов дислокации римских войск в Кадыковке и на высоте Казацкой // ХСб. 1998. Вып. IX.
33. *Цветаева Г.А.* Строительные керамические материалы // САИ. М., 1966. Вып. Г1-20.
34. *McWhirr A.* Roman brick and tile. Studies in manufacture, distribution, and use in the Western Empire // British archaelogical Reports. Oxford, 1979 (BAR, International series 68).
35. *Bass G.F., van Doorninck F.H.* Yassi Ada. Washington, 1982. Vol. I. A Seventh-Century Byzantine Shipwreck.
36. *Моисеев Д.А., Науменко В.Е., Смекалова Т.Н., Чудин А.В.* Разведки на северо-восточном склоне г. Илька и в урочище Суаткан // АДУ 2010 р. Київ; Полтава, 2011.
37. *Моисеев Д.А., Науменко В.Е., Смекалова Т.Н., Чудин А.В.* Комплексные археологические и геофизические исследования на склонах г. Илька // АДУ 2011 р. Київ, 2012.
38. *Моисеев Д.А., Науменко В.Е., Смекалова Т.Н., Чудин А.В.* Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища: предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований // К 185-летию начала раскопок в Херсонесе. Международная научная конференция «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2012.

Таблица 1. Ассортимент строительной керамики из засыпи цистерны в центральном нефе базилики «Крузе»

	Строительная керамика (*общее количество фрагментов*)	**Керамиды** (шт.; %)			**Калиптеры** (шт.; %)			**Лаконийская черепица** (шт.; %)			**Плинфа** (шт.; %)		
		общее количество фрагментов	*min реконструируемых целых форм*	*max реконструируемых целых форм*	*общее количество фрагментов*	*min реконструируемых целых форм*	*max реконструируемых целых форм*	*общее количество фрагментов*	*min реконструируемых целых форм*	*max реконструируемых целых форм*	*общее количество фрагментов*	*min реконструируемых целых форм*	*max реконструируемых целых форм*
Эллинистический период (конец IV – сер. I вв. до н.э.)	370; 16,5%	269; 17,6	8; 17,4	15; 15,2	100; 19,1	5; 26,3	8; 25,8	0	0	0	1; 0,8	1; 4,6	1; 2,0
«Римский» период (сер. I в. до н.э. – третья четв. III в. н.э.)	80; 3,6%	70; 4,6	0	0	10; 1,9	1; 5,2	1; 3,2	0	0	0	0	0	0
«Позднеримский» период (третья четв. III – V вв.)	1630; 72,5%	1047; 68,3	29; 63,0	70; 70,7	408; 77,9	13; 68,4	22; 71,0	62; 100	6; 100	8; 100	113; 86,9	15; 69,0	33; 66,0
Ранневизантийский период (кон. V – VII вв.)	160; 7,1%	145; 9,5	9; 19,6	14; 14,1	6; 1,1	0	0	0	0	0	9; 6,9	3; 11,5	12; 24,0
Не определены	7; 0,3%	0	0	0	0	0	0	0	0	0	7; 5,4	4; 14,9	4; 8,0

Таблица 2. Процентное соотношение ранневизантийской и античной строительной керамики из засыпи цистерны в центральном нефе базилики «Крузе»

	Керамиды (шт.; %)			**Калиптеры** (шт.; %)			**Плинфа** (шт.; %)		
	общее количество фрагментов	*min реконструируемых целых форм*	*max реконструируемых целых форм*	*общее количество фрагментов*	*min реконструируемых целых форм*	*max реконструируемых целых форм*	*общее количество фрагментов*	*min реконструируемых целых форм*	*max реконструируемых целых фор*
Группа I	31; 2,0	1; 2,2	4; 4,0	1; 0,2	0	0	0	0	0
Группа II	56; 3,6	1; 2,2	2; 2,0	1; 0,2	0	0	6; 4,3	1; 4,0	4; 6,4
Группа III	49; 3,2	5; 11,2	6; 6,0	54; 9,4	2; 5,7	2; 4,0	3; 2,2	2; 8,0	8; 12,9
Группа IV	9; 0,6	1; 2,2	2; 2,0	0	0	0	0	0	0
Античная строительная керамика	1389; 90,6	37; 82,2	86; 86,0	521; 90,2	33; 94,3	48; 96,0	130; 93,5	22; 88,0	50; 80,7

Таблица 3. Процентное соотношение между различными группами ранневизантийской строительной керамики из засыпи цистерны в центральном нефе базилики «Крузе»

	Керамиды (шт.; %)			**Калиптеры** (шт.; %)			**Плинфа** (шт.; %)		
	общее количество фрагментов	*min реконструируемых целых форм*	*max реконструируемых целых форм*	*общее количество фрагментов*	*min реконструируемых целых форм*	*max реконструируемых целых форм*	*общее количество фрагментов*	*min реконструируемых целых форм*	*max реконструируемых целых фор*
Группа I	31; 21,4	1; 12,5	4; 28,6	1; 1,8	0	0	0	0	0
Группа II	56; 38,6	1; 12,5	2; 14,3	1; 1,8	0	0	6; 66,7	1; 33,3	4; 33,3
Группа III	49; 33,8	5; 65,5	6; 42,8	54; 96,4	2; 100,0	2; 100,0	3; 33,3	2; 66,7	8; 66,7
Группа IV	9; 6,2	1; 12,5	2; 14,3	0	0	0	0	0	0

Моисеев Д. А.

Ранневизантийская черепица из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе

Резюме

Статья посвящена ранневизантийской черепице из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» Херсонесского городища. Предлагается технологическая типология, состоящая из четырех групп, дата которых не выходит за пределы V-VI вв. Группа IV попала в комплекс несколько позже первых трех (возможно, при строительстве базилики «Крузе»). Среди групп выделяются те, что производились в Херсонесе, в предгорьях Юго-Западного Крыма и те, что были импортированы.

Рассмотрена история ремесла производства черепицы. Изучается прогресс в способе изготовления строительной керамики Крыма в V-VI вв. Эти изменения, повлиявшие на производительность труда в ремесле, заключались в появлении «тыльной» техники формовки черепицы. Этот способ изготовления строительной керамики оказался продуктивнее старой «лицевой» техники и не позже IX в. стал общепризнанным в Юго-Западном Крыму.

Моісєєв Д. А.

Ранньовізантійська черепиця з розкопок цистерни в центральному нефі базиліки «Крузе» в Херсонесі

Резюме

Статтю присвячено ранньовізантійській черепиці з розкопок цистерни в центральному нефі базиліки «Крузе» Херсонеського городища. Пропонується технологічна типологія, яка складається з чотирьох груп, дата яких не виходить за межі V-VI ст. Група IV потрапила в комплекс пізніше перших трьох, ймовірно, вже під час будівництва базиліки «Крузе». Серед груп виділяють ті, що виготовлялися в Херсонесі, в передгір'ях Південно-Західного Криму та ті, що було імпортовано.

Розглянута історія ремесла виготовлення черепиці. Вивчається прогрес у способі виробництва будівельної кераміки Криму в V-VI ст. Ці зміни, які вплинули на продуктивність праці в ремеслі, було представлено появою «тильної» техніки формування черепиці. Цей спосіб виготовлення будівельної кераміки виявився більш продуктивним, ніж стара «лицьова» техніка, та не пізніше IX ст. став загальновизнаним у Південно-Західному Криму.

Moiseev D. A.

Early Byzantine Roof Tile from Excavations of Cistern in Central Nave of the "Kruse's" Basilica in Chersonesos

Summary

This article is devoted to early Byzantine roof tile from the excavations of cistern in the central nave of the "Kruse's" basilica in Chersonesos. The author develops technological classification, which consists of four groups. They are dated back to the period within the 5th – 6th centuries. Group IV entered the complex later than other groups; perhaps, when the "Kruse's" basilica was being built. Tiles of some groups were produced in Chersonesos, at the foothills of the South-Western Crimea and those of some groups that were imported.

The author pays special attention to the question of the history of tile production craft. In the article the progress is investigated in the mode of tile production in the 5th – 6th centuries. These changes affected on the labor productivity in tile production craft. The labor productivity increased. This progress was represented in invention of the "rear" technology of tile production. It appeared to be more productive than old "facial" technology. It became common in the South-Western Crimea not later than in the 9th century.

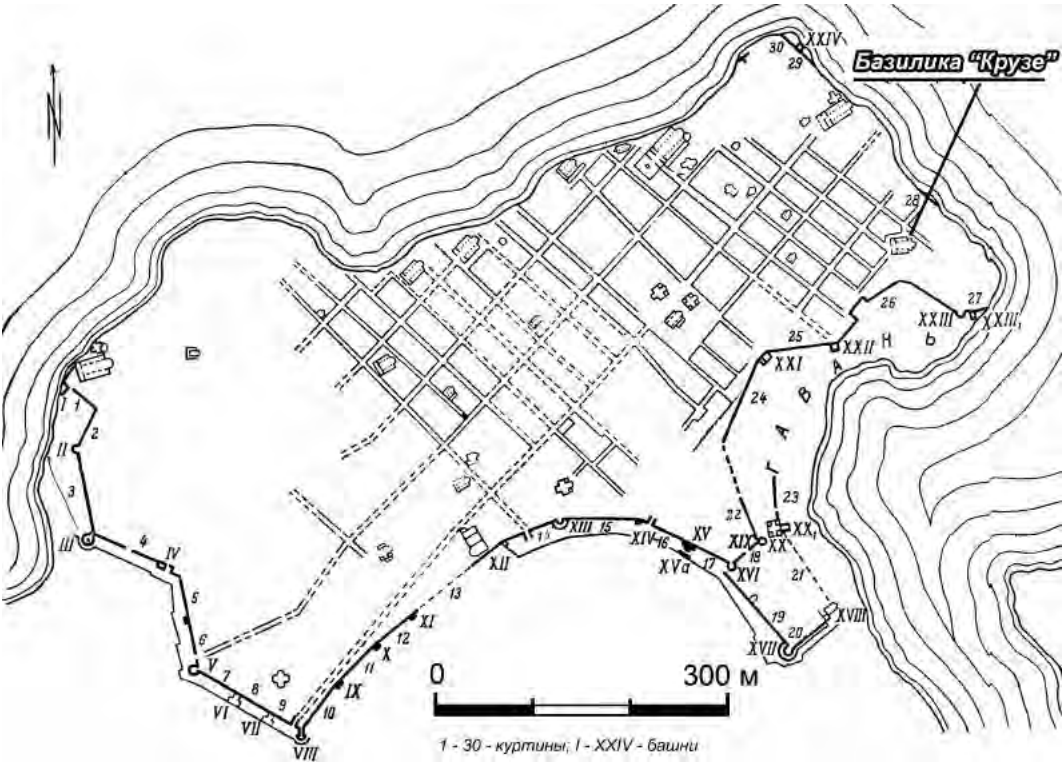


Рис. 1. План Херсонесского городища (по С. В. Ушакову).

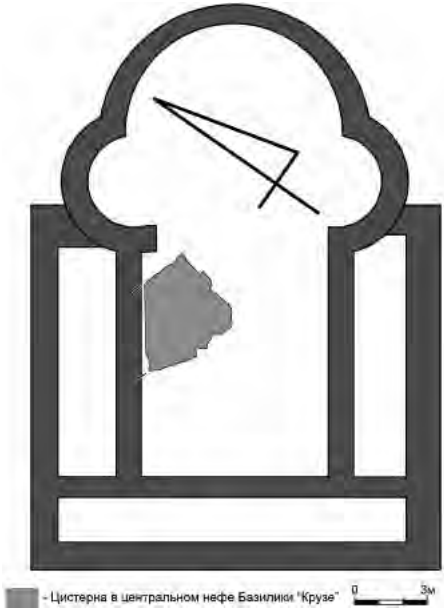


Рис. 2. План базилики «Крузе» (по материалам С. В. Ушакова).

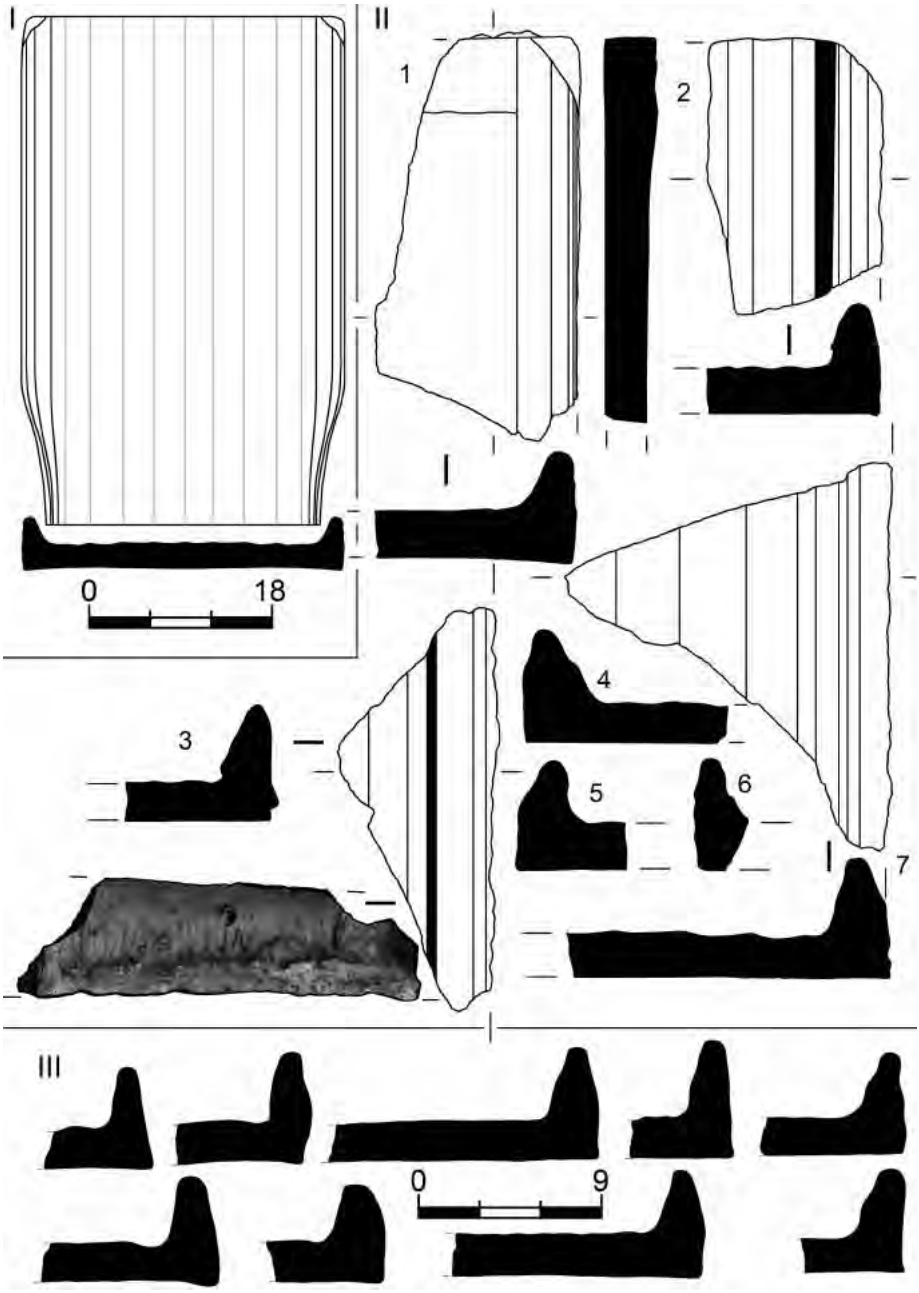


Рис. 3. Черепица I группы.

I – Реконструкция археологически целой формы керамиды. *II* – Фрагменты керамид. *III* – Фрагменты керамид из раскопок укрепления А-XIX (Мангуп).

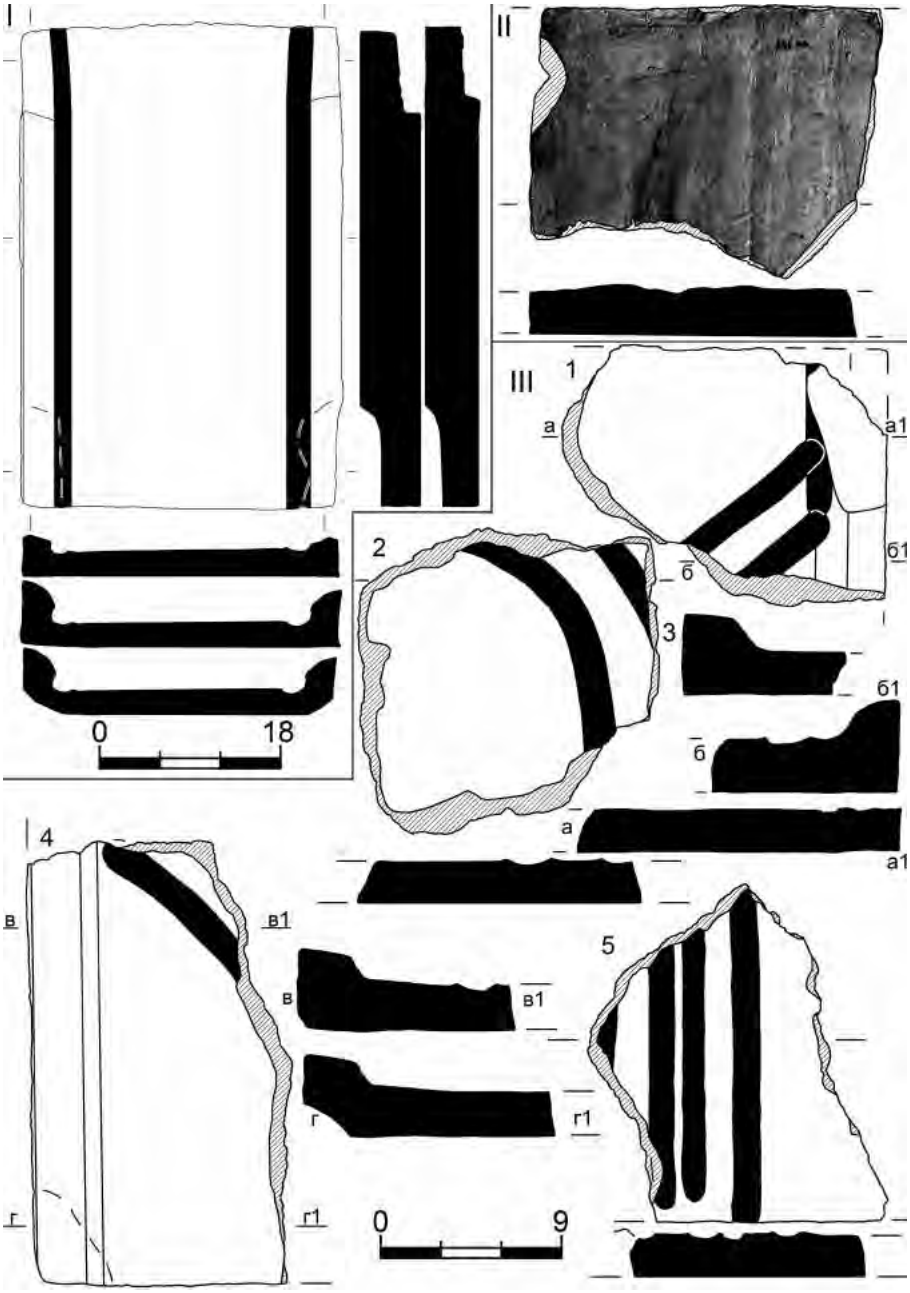


Рис. 4. Черепица II группы.

I – Реконструкция археологически целой формы керамиды. *II* – Фрагмент керамиды. *III* – Фрагменты керамид из раскопок гончарного центра у с. Трудолюбовка.

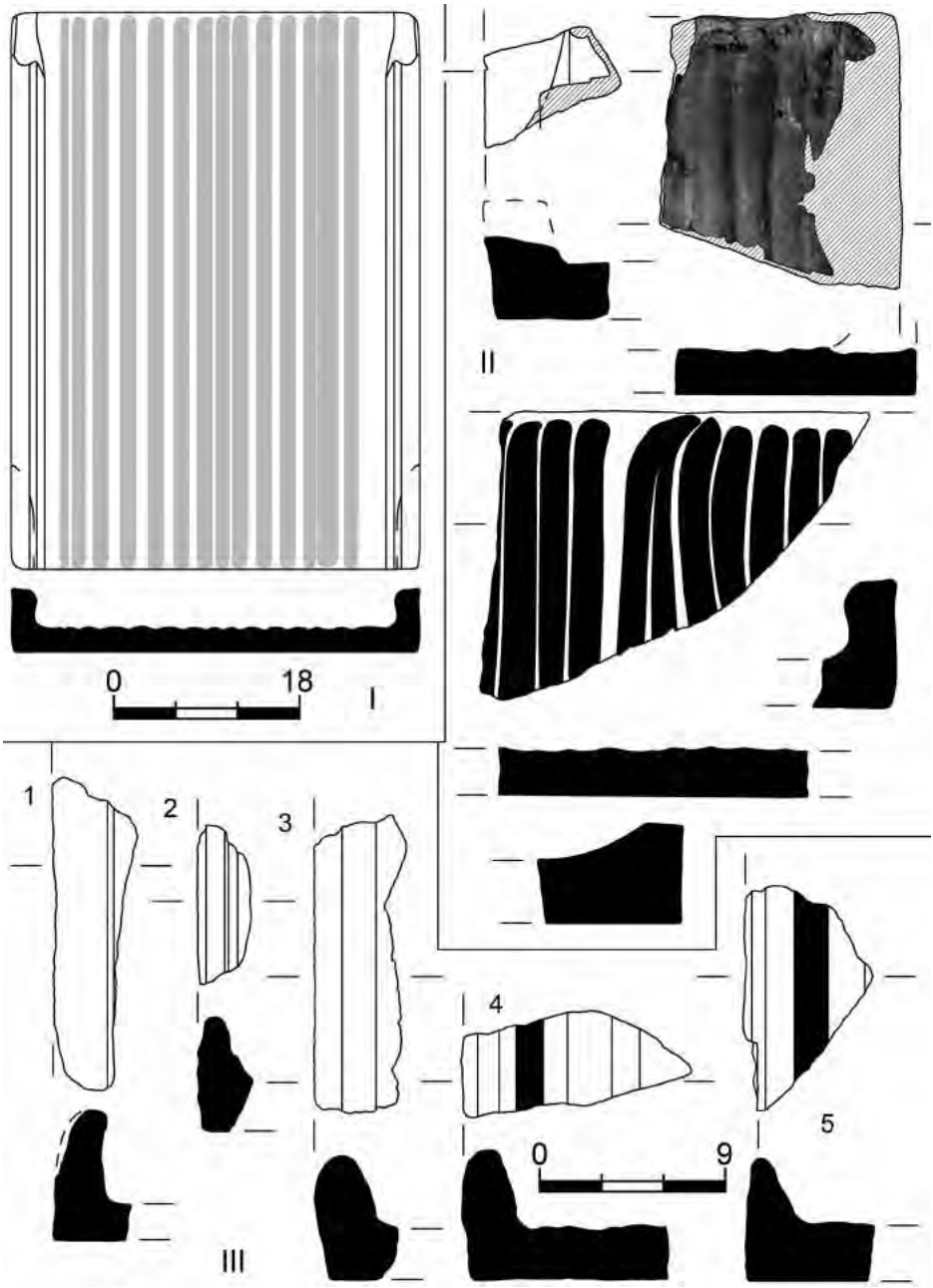


Рис. 5. Строительная керамика из комплекса цистерны в центральном нефе базилики «Крузе».

I – Реконструкция археологически целой формы группы III. *II* – Фрагменты керамид III группы. *III* – Фрагменты керамид позднеримского времени с «прогрессивными» морфологическими признаками.

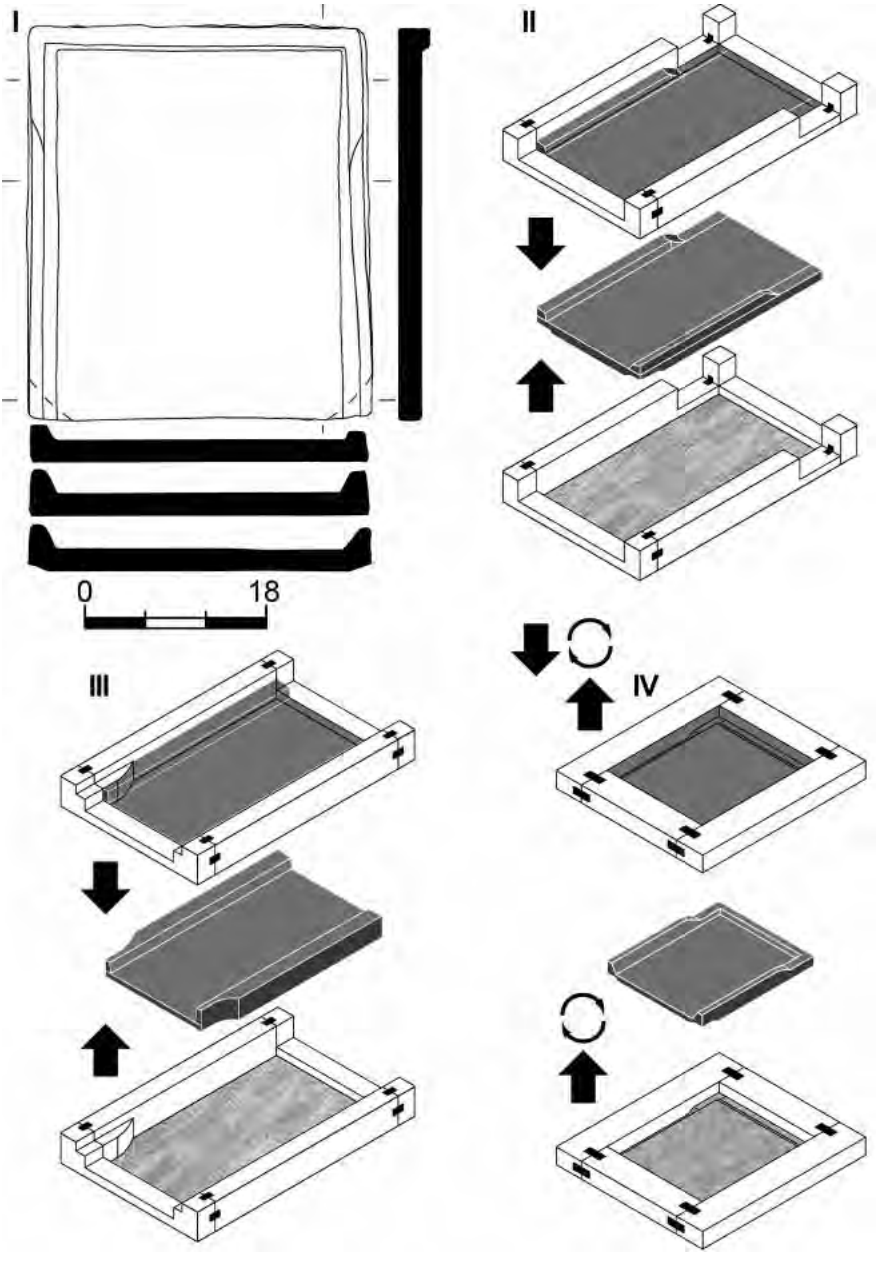


Рис. 6. Строительная керамика из комплекса цистерны в центральном нефе базилики «Крузе».

I – Реконструкция археологически целой формы группы IV. *II* – Реконструкция матрицы для изготовления черепицы II и III групп («тыльный» способ изготовления). *III* – Реконструкция матрицы для изготовления черепицы I группы («тыльный» способ изготовления). *IV* – Реконструкция матрицы для изготовления черпицы IV группы («лицевой» способ изготовления).

Э. А. ХАЙРЕДИНОВА

БРОНЗОВЫЕ СЕРЬГИ С ПОЛЫМ МНОГОГРАННИКОМ ИЗ МОГИЛЬНИКА У с. ЛУЧИСТОЕ

В V-VII вв. большой популярностью у жительниц Юго-Западного Крыма пользовались серьги с многогранником. Появившись на рубеже IV-V вв. у населения римских провинций на Среднем Дунае [1, S. 63; 2, с. 34, 41; 3, с. 325; 4, S. 163-164], этот тип украшения в V-VI вв. массово встречается от Испании до Дагестана [4, S. 162-167, Abb. 14; 5, S. 241-241, Abb. 1; 3, с. 325; 6, с. 54; 7, с. 83-100, рис. 5,26; 6,3,29,50; 8,6; 9,1,2; 10,9; 11,3,32; 12,1,2]. Серьги с многогранником известны также на памятниках VI-VII вв. из Северной Сирии и Малой Азии [8, p. 90, kat. 3b.1-2]. Их носили жительницы Византийской империи и варвары, жившие на сопредельных территориях. У остготов, везиготов и готов страны Дори серьги с многогранником были одним из самых распространенных украшений, входивших в состав парадного женского костюма с большой пряжкой и парой фибул [9, p. 3-6; 4, S. 162-167; 10, S. 79; 11, с. 102].

В настоящее время известно более сотни серег с многогранником, происходящих из могильников Юго-Западного Крыма. Они различаются способами изготовления многогранника и его крепления к проволочному кольцу, а также декором. Некоторые типы серег – с литым многогранником, с ажурным пластинчатым многогранником, а также с многогранником из тонкой золотой пластины, заполненным пастой – рассмотрены нами в специальных работах, посвященных женскому раннесредневековому костюму [11, с. 99-102, 130-132, рис. 16,8,9,12; 17; 18; 12, с. 61-62, 98, рис. 4]. Бронзовые серьги с надетым на кольцо полым пластинчатым многогранником (рис. 1-4) долго оставались вне поля зрения. Во многом это связано с их плохой сохранностью. Зачастую в погребениях от серег остаются мелкие фрагменты пластин, стеклянные вставки и проволочное кольцо (рис. 2,*5-8;* 3*,4,5,9*). Реконструировать их форму удалось только после того, как были найдены целые экземпляры.

В предлагаемой статье публикуются бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое, рассматриваются особенности их конструкции и декора, обосновывается датировка, исследуются происхождение, роль

и место в уборе разных возрастных групп представительниц общины, хоронившей на некрополе. Почти все серьги найдены в составе закрытых комплексов. Хронология серег основана на анализе сопутствующих находок и стратиграфии захоронений в склепах. Датировка большинства сопутствующих вещей дана по А. И. Айбабину [13; 14], с учетом уточнений в свете последних находок из могильника у с. Лучистого [15].

Классификация и хронология серег. На сегодняшний день найдено 27 бронзовых серег с полым многогранником. Все они сделаны одинаково. Многогранник спаян из двух пластинчатых деталей (рис. 2,А1). В центральной части многих многогранников до сих пор виден вертикальный шов – место соединения двух половинок. Длина многогранника 1,2-1,4 см; высота, без учета напаянных гнезд – 1,2-1,5 см. У некоторых серег многогранник сделан в виде куба со скошенными вершинами (рис. 2,*2*; 3,*1,6*), у большинства – в форме прямоугольного параллелепипеда. На ромбические грани, над местом стыка деталей напаивали цилиндрические гнезда из узких бронзовых пластинок. Диаметр гнезд 0,5-0,7 см; высота 0,5-0,7 см. В них укрепляли полусферические вставки из оливкового прозрачного стекла (рис. 2,А2). Чтобы вставка не выпала, края гнезд обжимали.

Готовый многогранник надевали на уплощенный конец проволочного кольца (рис. 2,А3). Размеры кольца – от 1,4х2,0 до 3,7х4,0 см. Выступающий из многогранника конец кольца загибали петелькой (рис. 2,А4). Петелька фиксировала многогранник на кольце, не позволяя ему соскальзывать, и одновременно была элементом замка – застежки. Именно в петельку вставляли свободный, заостренный или загнутый крючком конец кольца (рис. 2,*1,2,7;* 3,*2*). Отметим, что у некоторых серег замок отсутствует, а кольцо сделано из простой проволоки с сомкнутыми или с заходящими друг за друга заостренными концами (рис. 3,*7,9,10)*.

Кольца серег из склепов 104 и 227 выполнены из круглого в сечении стержня (рис. 2,*8;* 3,*15*). Для колец серег из склепа 83 и из могилы 128 использовали обломки браслетов, сделанных из овального в сечении стержня с концами, расплющенными штампом с рельефным орнаментом (рис. 3,*5,6*). При этом многогранник укрепили по-разному: у серьги из склепа 83 – прямо на декорированный конец браслета (рис. 3,*5*), а у серьги из могилы 128 – на обломанный (рис. 3,*6*). У пары серег из склепа 225 многогранник насажен на браслет из овального в сечении стержня с заходящими друг за друга, уплощенными концами (рис. 3,*3,4*). Остается неясным, изначально делали кольца серег из браслета, или же им заменяли поломанное проволочное кольцо.

Внутри многогранников двух серег сохранились остатки органических материалов (рис. 4,*1,2*). В многограннике серьги из склепа 131 – это высохшие фрагменты стебельков какого-то растения (рис. 4,*1c*), а в многограннике серьги из склепа 202 – два шарика из скрученного волокна (рис. 4,*2a-c*), растительного или животного происхождения (лен, конопля или шерсть?). Стебли положили уже сухими – многогранник набит ими очень плотно (рис. 4,*1b*). Неизвестно,

был ли многогранник из склепа 202 заполнен полностью шариками из волокна, поскольку он сохранился во фрагментах. Наверняка и шерсть, и стебельки растения были помещены в многогранник мастером в процессе изготовления серег. После спаивания всех деталей многогранник становился плотно закрытой коробочкой, в которую невозможно было поместить что-либо.

По декору торцовых ромбических граней многогранника серьги представлены тремя вариантами.

Вариант 1. Серьги с многогранником, торцовые грани которого декорированы врезным орнаментом в виде ромба, расположенного по краям грани (рис. 1,*1;* 3*,8,8а;* 5*,3,4*). Они найдены в склепе 186, в нижнем слое, в погребении 12 вместе с большой пряжкой с прямоугольным щитком с изображением льва 6-го варианта второй половины VI – первой половины VII вв. (рис. 5,*1*) и парой больших двупластинчатых фибул без накладок варианта IIв-2, бытовавших в этот же период (рис. 5,*2*) [13, с. 31-32; 15, с. 26, 27, 42, рис. 16; 22,19]. В слое, рядом с погребением 12 зачищено мужское захоронение 10 с цельнолитой пряжкой с трапециевидной рамкой варианта I-1 (типа «Суцидава») (рис. 5,*5*), которые в Крыму использовали также во второй половине VI – первой половине VII вв. [13, с. 48, рис. 2,95; 14, табл. XXX,1,9]. Время захоронений в нижнем слое склепа 186 мы ограничили второй половиной VI – началом VII вв., поскольку их перекрывали погребения с инвентарем первой половины VII в. [15, с. 42, рис. 22,19].

Вариант 2. Серьги с многогранником, торцовые ромбические грани которого декорированы врезным орнаментом в виде «решетки» из косых пересекающихся линий, выявлены в двух погребениях из склепов 64 и 225 (рис. 1,*2-4;* 3*,1-3;* 6*,1,2,8,9*).

В склепе 64, в погребении 1 в области пояса лежала подножка рюмки первого типа по Голофаст из оливкового стекла конусовидной формы с полым валиком по краю (рис. 6,*5*). Подобные рюмки были доминирующим типом стеклянных изделий практически во всех центрах византийского мира в VI-VII вв. [16, с. 155-156]. Судя по находкам из могильника Скалистое, в Юго-Западном Крыму рюмки этого типа использовали в VII-VIII вв. [17, с. 194-195, тип II, рис. 14,27; 80,15; 85,3; 88,4; 98,16]. В основном их делали из стекла серо-голубого цвета. Рюмки из оливкового стекла, аналогичные найденной в Лучистом, редки. В Херсоне их фрагменты зафиксированы только в трех комплексах конца VI – начала VII вв., первой четверти VII в. и третьей четверти VII в. [16, с. 111, 116, 117-118, 157, рис. 41; 63,15-17; 70,13,15]. В склепе 64, рядом с погребением 1 на полу камеры зачищены захоронения с пряжками с прямоугольным щитком с вытисненным геометрическим орнаментом варианта 1-3 второй половины VI в. и типа «Суцидава» [18, p. 134-135, fig. II.52; II.54; 14, с. 314, табл. XXVIII,9,13; 15, с. 24, рис. 14,5,6]. Учитывая перечисленные находки, интересующее нас погребение 1 можно отнести к концу VI – первой четверти VII вв.

В склепе 225 в погребении 1, помимо серег с многогранником, выявлена бронзовая цельнолитая пряжка с прорезным орнаментом на щитке в виде «личины» (рис. 6,*3*) [19, с. 177, рис. 2,1]. Пряжки этого типа бытовали в Крыму во второй половине VI – первой половине VII вв. [19, с. 176, рис. 1,1-3]. Пряжка из склепа 225 ремонтировалась. Литой язычок, характерный для застежек этого типа, заменили обломком бронзового браслета из овального в сечении стержня с концом, расплющенным штампом с рельефным орнаментом в виде «елочки» (рис. 6,*3а*). Такие браслеты носили в Юго-Западном Крыму на протяжении всего VII в. [11, с. 104, 133, рис. 19,2]. В склепе 225 женское захоронение 1 с ремонтированной пряжкой перекрывало детские погребения с деталями поясных или обувных наборов второй половины VI – первой половины VII вв. [20, с. 142, рис. 2,5,23,30]. Учитывая сказанное, погребение 1 из склепа 225 следует отнести к первой половине VII в.

Серьги варианта 2, видимо, бытовали в конце VI – первой половине VII вв.

Вариант 3. Серьги с гладкими не декорированными торцовыми гранями (рис. 1,*5-10*; 2,*1-4,8*; 3,*6,7,10-15*; 4,*1,2*; 5,*6,10,15*; 7,*1,2,6,7,10*; 8,*1,2;* 9,*3*) выявлены в 13 комплексах.

1. В склепе 83, в погребении 1 (рис. 3,*5*; 9,*3*) – с цельнолитой пряжкой с трапециевидной рамкой и геральдическим щитком с выемками на боковых сторонах варианта I-7 конца VI – первой половины VII вв. (рис. 9,*6*) [13, с. 49, 225, рис. 46,26] и с железной пряжкой с трапециевидной рамкой (рис. 9,*7*). Последние появились в Крыму в VII в. В Лучистом, в могиле 106 железная трапециевидная пряжка найдена вместе с солидом Константа II, чеканенным в 648 г. (определение В. А. Сидоренко). В склепе 89 также зачищено захоронение с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта конца VI – первой четверти VII вв. [13, с. 33, рис. 2,90; 15, рис. 12,II].

2. В склепе 100, в слое 2, в погребении 11 (рис. 2,*5,6*) – с подвеской, сделанной из геральдической бляшки с изображением «личины» (рис. 9,*1*). Подобные бляшки характерны для поясных наборов типа I (типа «Суцидава») второй половины VI – первой половины VII вв. [13, с. 52, рис. 52,29,35]. В слое зачищено еще и захоронение с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта второй половины VI в. [14, с. 315, табл. XXIX,3; 15, с. 21, рис. 12,1].

3. В склепе 100, в слое 1 (который перекрывал слой 2 с названным выше погребением 11), в погребении 1 (рис. 3,*13*; 5,*15*) – с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта конца VI – первой четверти VII вв. (рис. 5,*14*) [13, с. 33, рис. 2,90; 14, с. 273, табл. XXIX,4,6], с парой пальчатых фибул с концентрическими ромбами на ножке варианта 2-2 конца VI – первой половины VII вв. (рис. 5,*18*) [11, с. 115, рис. 1; 15, с. 21, 28, 56, рис. 12,II,17] и цельнолитыми серьгами с пирамидальной подвеской (рис. 5,*15,16*), появившимися в Юго-Западном Крыму в первой половине VII в. [11, с. 98, 130, рис. 16,9,10].

4. В склепе 104, в погребении 4 (рис. 2,*7,8*; 5,*6*) – с большой пряжкой с

прямоугольным щитком с вытисненным изображением льва 6-го варианта второй половины VI – первой половины VII вв. (рис. 5,*7*) [15, с. 26, 54, рис. 16] и с двумя византийскими широкопластинчатыми прогнутыми, так называемыми «дунайско-иллирийскими» [21, с. 229], фибулами – бронзовой литой (рис. 5,*8*) и железной подвязной. Бронзовые литые фибулы найдены в Лучистом еще в склепе 189 в погребении с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта второй половины VI в. [15, рис. 12,3,4], а также в Херсоне, в XXV квартале, в заполнении цистерны П/1967 вместе с керамикой второй половины VI – первой половины VII вв. [22, рис. 1,3; 23, с. 141-142]. Фибулы этого типа делали в византийских провинциях Нижнего Подунавья. В этом регионе они массово встречаются на памятниках в комплексах 550-610 гг. [24, табл. XIII,33-35; XIV,36-38; 25, с. 13-16, табл. IV; 26, с. 36-40, табл. IV-VI; 27, p. 75-76, fig. 5-6; 28, S. 154-159, Taf. 3,7-17; 4,1-4; 29, Tab. XXXII,9-11; XXXIV]. Кроме того, на территории современной Румынии – в Оршове и Дробете-Турну-Северин, а также в Сербии – в Прахово (Аквис) выявлены специализировавшиеся на производстве названных фибул мастерские, в которых найдены необработанные после отливки в единой форме экземпляры [30, с. 172; 31, fig. 1, pl. 1-2; 27, p. 75, fig. 4; 32, Taf. 35,3]. Железные фибулы копируют пластинчатые прогнутые подвязные фибулы. По наблюдению Д. Г. Теодора, в карпато-дунайско-понтийском регионе железные фибулы сосуществовали с пластинчатыми подвязными и литыми и были продукцией местных ремесленников, имитировавших в более дешевом материале изделия из византийских центров [27, p. 77]. Железные византийские фибулы в Лучистом зачищены: в склепах 79, 124, 176, 240 – в погребениях второй половины VI – начала VII вв.; в склепах 38, 157, 208 и 232 – в погребениях с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта конца VI – первой четверти VII вв., либо в слое с ней [15, табл. 153,1,2; 154,1; 157,1,2]; в склепах 77, 131, 202 – в погребениях первой половины VII в. [33, рис. 7,1]. Для уточнения датировки захоронения 4 в склепе 104 отметим тот факт, что оно было совершено около стенки камеры. Рядом, одновременно или чуть позже, похоронили мужчину с поясным набором из круглых бляшек и наконечников ремней, выполненных в виде коробочки с прямыми боковыми и верхней сторонами и с закругленной нижней частью (рис. 5,*9*). Подобные поясные наборы в Лучистом найдены в погребениях первой четверти VII в. (склеп 157), первой половины VII в. (склеп 95) и второй четверти VII в. (склеп 10) [15, с. 34, рис. 17.1,20, табл. 49,1-6; 34, S. 91, Abb. 84; 35, p. 32, fig. 5,I]. Видимо, интересующее нас захоронение 4 в склепе 104 было совершено в первой четверти VII в.

5. В склепе 122а, в погребении 17 (рис. 2,*4*; 5,*10*) – вместе с большой пряжкой с прямоугольным щитком с изображением льва 6-го варианта второй половины VI – первой половины VII вв. (рис. 5,*11*) и парой византийских пластинчатых прогнутых подвязных фибул (рис. 5,*12*). Пластинчатые фибулы, скорее всего, привезены из византийских провинций Подунавья, на памятниках которых они представлены различными вариантами и найдены в большом количестве

в слоях VI – начала VII вв. [25, с. 17-19, табл. IV; 26, с. 31-35, табл. II-III; 30, с. 173-175, табл. XVI,1-3,8-11; 27, p. 74-75, fig. 3; 28, S. 146-154] и в погребениях VI в. [36, Pl. 10,100/1,2; 11,112/4,5; 20,132/2,3,7,8; 21,133/4,4; 26,143/6,7]. Аналогичные фибулы из могильника Суук-Су А. К. Амброз включил в серию 16-4/III [37, с. 69, табл. 12,12]. Идентичная фибула выявлена в Дюрсо, в могиле 475 с геральдическим поясным набором второй половины VI – VII вв. [7, рис. 3,21; 12,28-31; 38, табл. 83,72]. В Лучистом они зачищены в склепе 175 с геральдическим поясным набором второй половины VI в. [39, с. 70, рис. 4,1-11], в склепах 74 и 131 – с большой пряжкой с изображением льва 6-го варианта [15, рис. 16,14,15; 39, рис. 4,15-17] и в склепе 268 – с большой пряжкой с вытисненным изображением креста варианта 5-2. Две однотипные фибулы обнаружены в построенной в конце VI в. крепости Эски-Кермен: в засыпи около оборонительной стены и на некрополе, в склепе 337 [39, рис. 1,1,2]. Для уточнения даты погребения 17 в склепе 122а необходимо учитывать стратиграфию захоронений. Первой в этом склепе похоронили женщину с орлиноголовой пряжкой 1-го варианта; потом это погребение сдвинули к стенке, а на освободившее место уложили мужчину с геральдическим поясным набором второй половины VI в. и женщину с пряжкой с прямоугольным щитком с изображением льва 6-го варианта и парой двупластинчатых фибул [35, p. 36, fig. 9,II,4-7]. Позже, около противоположной стены захоронили женщину (погребение 17), а рядом с ней – одновременно или чуть позже – женщину с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта (рис. 5,*13*). Таким образом, погребение 17 можно уверенно датировать первой четвертью VII в.

6. В могиле 128 (рис. 3,*6,7*) – с бронзовой византийской пластинчатой прогнутой подвязной фибулой, украшенной резными линиями, с кольцом на головке (рис. 7,*9*) и с железной пластинчатой В-образной пряжкой (рис. 7,*8*). Как было показано выше, фибулы этого типа бытовали в Юго-Западном Крыму во второй половине VI – первой четверти VII вв. Фибула из могилы 128 долго была в употреблении, и в погребение ее положили уже поломанной. Одну из серег ремонтировали, заменив поломанное кольцо обломком браслета (рис. 3,*6*). Скорее всего, захоронение в могиле было совершено в первой четверти VII в.

7. В склепе 131, в погребении 3 (рис. 3,*10*; 4,*1*; 8,*1,2*) – с железной овальной пряжкой (рис. 8,*3*) и двумя фибулами – серебряной пальчатой с концентрическими ромбами на ножке варианта 2-1 первой половины VII в. [15, с. 25, рис. 15,22] и византийской железной прогнутой подвязной (рис. 8,I). Погребение 3 – самое позднее в склепе 131. Оно зачищено на полу прямо у входа в камеру. До этого в склепе похоронили еще трех человек: мужчину с железными пряжками и двух женщин: одну – с цельнолитой пряжкой с прорезным орнаментом на щитке в виде «личины» [19, с. 177, рис. 1,1], вторую – с пряжкой с прямоугольным щитком с изображением льва 6-го варианта и двумя византийскими фибулами – прогнутой подвязной и литой в виде птицы [15, рис. 16,14,15]. Учитывая сказанное, захоронение 3 в склепе 131 можно датировать первой половиной VII в.

8. В склепе 137, в погребении 8 (рис. 2,*2*; 7,*10*), в котором также найдены сегменторамчатая пряжка 1-го варианта второй половины VI – VII вв. (рис. 7,*14*) [13, с. 40-41, рис. 2,82; 38,2,3], цельнолитая пряжка с В-образной рамкой варианта II/4-2 первой половины VII в. (рис. 7,*12*) [13, с. 39, рис. 2,99; 39,14; 14, табл. XXX,11] и восьмерковидная бляшка 1-го варианта (рис. 7,*13*), характерная для поясных наборов второй половины VI – VII вв. [13, с. 54, рис. 2,86; 49,30; 51,3; 14, с. 318, табл. XXXI,82; 39, рис. 4,3-5]. В погребении также обнаружены бронзовые браслеты с утолщенными концами, украшенными косыми, пересекающимися насечками (рис. 7,*15-17*), характерные для погребений второй половины VI – VII вв. [15, с. 35, 38, 43, 182, рис. 18,6; 20,13; 23,10, табл. 182,2,3]. Захоронение, видимо, было совершено в первой половине VII в.

9. В склепе 137 среди перемещенных костей скелета 7 лежала одна серьга (рис. 3,*11*). Костяк сдвинули к стенке камеры склепа во время совершения захоронения 8 в первой половине VII в.

10. В склепе 202, в погребении 8 (рис. 4,*2*) – с фибулами днепровского круга: пальчатой 1-го типа и двупластинчатой многоглавой антропоморфно-зооморфной варианта I-2 (рис. 9,*2*), бытовавшими в Юго-Западном Крыму на протяжении всего VII в. [15, с. 21, 30-31, 57, рис. 12,12]. Погребение 8 совершили не позже середины VII в., потому что его частично перекрывало захоронение мужчины с поясным набором, в состав которого входили трехщитковые бляшки 2-го варианта второй половины VII в. [13, с. 55, рис. 2,147; 51,48].

11. В склепе 227 (рис. 3,*14,15*) серьги обнаружены в одном слое с двумя захоронениями, сопровождавшимися орлиноголовой пряжкой 2-го варианта.

12. В склепе 232, в погребении 11 (рис. 2,*1*) – также в одном слое с двумя захоронениями, сопровождавшимися орлиноголовой пряжкой 2-го варианта [15, с. 43, рис. 23].

13. В склепе 268, в погребении 7 (рис. 2,*3*), в слое 2, под погребением с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта (слой 1) и над захоронением с однотипной пряжкой 1-го варианта (слой 3). Учитывая тот факт, что в слое 2 также найдены днепровские пальчатые фибулы, появившиеся на полуострове в VII в., погребение 7 может быть отнесено к началу VII в.

По перечисленным находкам серьги варианта 3 можно датировать второй половиной VI – первой половиной VII вв. Одна из серег варианта 3 найдена вне комплекса – в грабительском отвале у склепа 176 (рис. 3,*12*). Судя по сохранившимся захоронениям, в склепе хоронили во второй половине VI – VII вв. [15, с. 26, рис. 16,7,8; 40, p. 434, fig. 10,III].

Серьги с полым многогранником найдены в комплексах 7-й и 8-й хронологических групп, датированных второй половиной VI и первой половиной VII вв. [14, с. 270-275; 15, с. 52-57]. При этом только три комплекса можно уверенно датировать второй половиной VI в. – из склепов 100 (слой 2, погребение 11), 137 (перемещенное погребение 7) и 186 (погребение 12) (рис. 1,*1,5,6*).

Большинство комплексов относятся к концу VI – началу VII вв. (из склепов 64 и 268) или к первой четверти VII в. (из склепов 83, 100, 104, 122а, 227, 232 и из могилы 128). Для хронологии серег показательны их находки в склепах, в погребениях или в слоях вместе с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками. Почти треть погребений с серьгами (в склепах 83, 122а, 232, 100 и 227) зачищена в склепах в слое с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта (рис. 5,*13,14*). В склепе 100 серьги найдены в двух слоях – во 2-м и перекрывавшем его 1-м. При этом серьги из более раннего слоя 2 были парными (рис. 2,*5,6*). Напомним, что в этом же слое выявлена орлиноголовая пряжка 1-го варианта. В верхнем, позднем слое, в погребении с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта лежала только одна серьга с многогранником – поломанная и переделанная (рис. 3,*13*; 5,*14,15*). Серьги с поломанным многогранником выявлены и в склепе 227 (рис. 3,*14,15*), в слое с погребениями с орлиноговыми пряжками 2-го варианта. Интересно, что серьги ни разу не найдены в комплексах с орлиноголовыми пряжками 3-го варианта второй четверти VII в. или в слое с ними. Видимо, время наибольшей популярности этого вида украшений пришлось на первую четверть VII в. Бронзовые серьги с полым многогранником продолжали носить и позже – вплоть до середины VII в. В четырех склепах (131, 137, 202 и 225) они зафиксированы в погребениях первой половины VII в. Самые поздние находки – отдельные многогранники, такие же, как и на серьгах 3-го варианта. Они выявлены в четырех погребениях из склепов 77, 129, 131 и 170 среди бус, украшавших фибулы (рис. 4,*3,4*; 8,*7*). Многогранник из склепа 131, из погребения 3 первой половины VII в. был сделан специально для ожерелья. Вместе с парой серег они составляли единый гарнитур, изготовленный, скорее всего, одним мастером (рис. 8,I,*1,2,7*). Происходящие из трех детских погребений из склепов 77, 129, 170 многогранники явно использованы вторично – у них отсутствует одно гнездо со вставкой и очень крупные отверстия на торцевых гранях (рис. 4,*3,4*). Видимо, их сняли с поломанных, вышедших из употребления серег. В склепе 129 хоронили в первой половине VII в. В склепе 170 детское погребение второй четверти VII в. зачищено в слое, перекрывавшем захоронение с орлиноголовой пряжкой 2-го варианта. В склепе 77 в захоронении 2 выявлен инвентарь первой половины – третьей четверти VII в. [33, с. 90-91, 501, рис. 6,6].

Около середины VII в. бронзовые серьги с полым многогранником вышли из моды, хотя серьги с многогранником других типов продолжали носить вплоть до конца VII в. [11, с. 101-102; 15, с. 23, 40, 42, рис. 13,14; 21,10; 22,4].

Происхождение и производство серег. Публикуемые серьги относятся к многочисленной группе серег с напускным многогранником, появившихся, как и подобные им литые украшения, в V в. в римских провинциях Подунавья [4, S. 162-167, Abb. 14; 5, S. 241-241, Abb. 1]. Серьги с напускным многогранником, по декору последнего, представлены тремя вариантами: 1 – с ажурным многогранником, во всех гранях которого прорезаны треугольные или ромбические от-

верстия для плоских вставок; 2 – с многогранником, у которого плоские вставки укреплены не только в отверстиях в треугольных гранях, но и в гнездах, напаянных на ромбические грани; 3 – с многогранником, в котором отсутствуют прорези, а плоские или выпуклые вставки укреплены в напаянных на ромбических гранях гнездах. В основном все эти серьги делали из золота. Серьги 1-го и 2-го варианта в V-VI вв. входили в состав женского парадного убора варварской аристократии. Они найдены на памятниках остготов [4, S. 164, 165, 244-248, Tav. XLVIII,3; LVII,2,3; LXXVIII,6,7; LXXXVI,2,4; 41, S. 27, Kat. 10; 42, S. 282, 283, Abb. 5,1,2, Taf. 4,1,2; 43, Taf. LXIX,1,2], везиготов [10, S. 79, Taf. 8,15; 14,30; 16,33], франков [44, p. 138-139, fig. 3-5; 45, p. 359, Cat. No. IV.24; 46, с. 238, рис. 79] и аламанов [47, S. 252, Abb. 264; 48, S. 187, Abb. 194]. В Крыму золотые серьги 1-го варианта известны только в Херсоне и Керчи [14, с. 100, 103, рис. 38,2; 49, с. 94-95, кат. 121, 125; 50, с. 453, кат. 54; 51, S. 123, kat. 31, Abb. 69; 52, p. 35, Kat. 6, Pl. 3]. В Юго-Западном Крыму обнаружено несколько местных вариаций этих серег, выполненных из серебра или бронзы (рис. 7,11) [53, с. 177-179, табл. V,1,2; 12, с. 62, 98, рис. 4,10]. Серьги 2-го варианта в Крыму не найдены. Однако следует упомянуть пару таких серег из коллекции Диргардта, считающихся «северо-причерноморскими», хотя точное место их находки неизвестно [51, S. 125, kat. 34, Abb. 72].

Серьги 3-го варианта с многогранником со вставками в напаянных гнездах не были широко распространены в Подунавье. Нам известна их единственная находка – в остготском погребении второй половины V в. из Лаа (Австрия) [54, S. 327, 345, Taf. 53,VII,37.d]. Зато подобные серьги встречаются на памятниках VI-VII вв. из Северной Сирии и Малой Азии [8, p. 90, kat. 3b.1-2]. Две пары таких же серег хранятся в коллекции Диргардта [51, S. 124-125, kat. 32-33, Abb. 70-71]. Место находки одних – неизвестно, вторые происходят, якобы, из Керчи. Именно такие серьги взяли за образцы ювелиры Юго-Западного Крыма. При этом они переняли не только форму украшений, но и усвоили технологию их изготовления. Из тонкой золотой пластины сначала делали полый многогранник, укрепляли его на проволочном кольце, а затем заполняли светло-желтой пастой, которая создавала каркас для полого изделия. Серьга становилась более прочной, но вес ее при этом сильно не увеличивался. Кроме того, при небольшом количестве затраченного золота получалось весьма массивное на вид украшение. По наблюдению С. Ля Ньес и М. Коуэлла, исследовавших материал и технологию изготовления предметов из коллекции А. Л. Бертье-Делагарда, хранящейся в Британском Музее, многогранник золотых серег был заполнен литой серой [55, p. 152]. Такой способ изготовления полых золотых украшений известен с эпохи эллинизма; литой серой заполняли полые золотые украшения римские ювелиры, а позже – и византийские [56, p. 40].

В Юго-Западном Крыму золотые серьги с многогранником, украшенным вставками в напаянных гнездах, бытовали с середины VI до конца VII вв.

Местные мастера, заимствовав форму и технологию изготовления, сумели придать украшению местное своеобразие. Крымские серьги отличаются формой гнезд – их делали не только ромбическими, но еще и круглыми, а также с использованием зерни и скани в декоре. По размерам и форме многогранника золотые серьги этого типа нами разделены на три варианта. Серьги 1-го варианта из погребений второй половины VI – первой половины VII вв. сделаны с небольшим многогранником в виде куба; серьги 2-го варианта, бытовавшие на протяжении всего VII в. – с многогранником в форме прямоугольного параллелепипеда; серьги 3-го варианта второй четверти – второй половины VII в. – с еще более длинным и массивным многогранником в форме прямоугольного параллелепипеда. С увеличением размеров и изменением пропорций многогранника усложнялся его декор. Самые поздние серьги богато декорированы разнообразными фигурами из скани или зерни [11, с. 100-102, 131-132, рис. 17-18].

Публикуемые бронзовые серьги по форме и размерам аналогичны одновременным золотым серьгам с многогранником 1-го варианта. Золотые серьги, бесспорно, были ювелирными изделиями, тогда как бронзовые только имитировали в дешевом материале драгоценные прототипы. Многогранники золотых серег заполняли светло-серой пастой (серой), бронзовых – оставляли полыми или наполняли различными органическими материалами. Огрубленные предметы массового спроса подражали декору ювелирных изделий: вставки из камня заменяли стеклянными, узор из зерни и скани «изображали» простой гравировкой. Из разных материалов делали и вставки в гнездах. В золотых украшениях использовали красный камень либо стекло насыщенного темно-синего или темно-красного цвета, в бронзовых – только прозрачное стекло оливкового цвета.

Бронзовые серьги были продукцией местного производства. Известно, что в раннесредневековое время в ювелирных мастерских Юго-Западного Крыма в изобилии изготовляли различные аксессуары одежды и украшения [57, p. 165-167; 14, с. 122]. Судя по этим изделиям, местные ювелиры в совершенстве владели сложной технологией отливки крупных серебряных и бронзовых предметов, делали проволоку и тонкую золотую фольгу, применяли пайку, чеканку, тиснение, покрытие поверхности слоем позолоты, декорировали резцом, пуансоном, сканью, зернью, украшали изделия вставками из красного камня или цветного стекла [14, с. 122]. Бесспорно, для мастеров, владеющих такими навыками, изготовить бронзовые серьги с полым многогранником не составляло большого труда. Одновременно с серьгами в Юго-Западном Крыму бытовало несколько типов изделий, сделанных из тех же материалов (бронзовая пластина, стекло – в основном оливкового цвета), в той же технике (пайка полых изделий) и также декорированных (стеклянные вставки в напаянных цилиндрических гнездах). Прежде всего, это полые линзовидные подвески и кресты типов 3-1б и 3-2 (рис. 6,*7а*; 8,*6,8*; 9,*8,9*) [58, с. 157-163, рис. 5,1-7; 6,1-8], которые, как и бронзовые серьги с многогранником, копировали в дешевом материале золотые украшения.

Довольно часто бронзовые серьги с многогранником, линзовидные подвески и кресты входили в состав одного убора (рис. 6,*7-9*; 8,*1,2,7,8*; 9,*1,8,9*; 10). Гарнитуры из этих украшений делали в одной мастерской. Женщины могли заказать полностью весь гарнитур одному мастеру, либо скомпоновать его по своему вкусу из приобретенных на рынке отдельных элементов. В пользу местного производства серег свидетельствуют и вложения в многогранниках из органического материала, которые, безусловно, делали по желанию заказчика.

В Юго-Западном Крыму бронзовые изделия делали из привозного сырья [59, с. 39-43; 60, с. 142]. Скорее всего, из Херсона или Боспора привозили заготовки для вставок, сделанные из оливкового полупрозрачного стекла. В обоих городах существовали стеклоделательные мастерские, производившие достаточно широкий ассортимент изделий [61, с. 40-44; 16, с. 166-167]. Известно, что в Херсоне в конце VI – VII вв. в обиходе были рюмки из оливкового стекла [16, с. 157].

Бронзовые серьги с полым многогранником не были уникальным украшением, придуманным местными мастерами. Подобные по способу изготовления бронзовые серьги найдены в Испании, в везиготском могильнике Мадрона, в могиле 174 (490-520 гг.) [10, Taf. 9,16]. Их многогранник также спаян из двух деталей и насажен на проволочное кольцо. Единственное отличие – отсутствие гнезд со вставками. Неизвестно, насколько популярны были такие серьги у везиготов. Однако эта, хотя и единственная, находка позволяет заключить, что и в других регионах бытования серег с многогранником существовали их разные варианты, в том числе и с полым бронзовым многогранником.

Место и роль в костюме. В пятнадцати погребениях описываемые серьги с многогранником выявлены *in situ*. Десять из них принадлежали взрослым женщинам (склепы 64, 100, 104, 122а, 128, 131, 137, 186, 225 и 232). Возраст установлен в трех погребениях. Это были женщины 30-35 лет (склеп 186, захоронение 12), 40-45 лет (склеп 137, захоронение 8) и 45-50 лет (склеп 225, погребение 1) [62, с. 124-125]. В основном, серьги с полым многогранником были парными, их носили по одной в каждом ухе. Исключением можно считать два погребения из склепов 122а и 137. В одном из них зачищены две разнотипные серьги (рис. 7,*10,11*), во втором – только одна серьга, лежавшая в области правого уха (рис. 5,*10*).

Бронзовые серьги зафиксированы в женских костюмах двух типов: с большой пряжкой и с маленькой пряжкой. В четырех склепах (100, 104, 122а и 186) погребенные были облачены в парадный костюм с большой пряжкой и парой фибул (рис. 5; 10). В трех из названных случаев широкие пояса погребенных были застегнуты большой пряжкой с прямоугольным щитком с вытисненным изображением льва 6-го варианта (склепы 104, 122а и 186), в одном – орлиноголовой пряжкой 2-го варианта (склеп 100). Парадный костюм с большой пряжкой в Юго-Западном Крыму носили женщины, достигшие определенного возраста или получившие определенный социальный статус (к примеру, ставшие замужними) [11, с. 109; 35, p. 26]. По деталям костюма можно судить об имущественном

положении владелицы. Так, женщины из состоятельных семей заказывали у ювелира полный гарнитур – пряжку и пару двупластинчатых фибул, изготовленные из серебра и декорированные в едином стиле, а также набор украшений, включавший пару серебряных браслетов, золотые серьги с многогранником и бляшки-«городки», нашивавшиеся вместе с черным бисером на горловину платья [63, с. 337, рис. 3]. Менее состоятельные женщины заказывали у ювелиров большую серебряную пряжку и только некоторые украшения – серьги или одни браслеты, а в качестве наплечных застежек приобретали более дешевые привозные бронзовые или железные фибулы – боспорские пальчатые или дунайские широкопластинчатые прогнутые подвязные. Именно к этой группе относятся женщины, погребенные в названных четырех склепах.

В шести погребениях (из склепов 64, 131, 137, 225, 232 и из могилы 128) серьги с многогранником зафиксированы в составе женского костюма с небольшой железной или бронзовой пряжкой, предназначавшейся для узкого поясного ремня (рис. 6,*3*; 7,*3,8,14*; 8,*3*). В сравнении с гарнитурами с большой пряжкой, эти уборы бедны и менее престижны (рис. 6-8). Так, в четырех из шести погребений отсутствовали фибулы. В захоронении из склепа 131 фибулы были непарными (рис. 8,I), а в могиле 128 – только одна фибула (рис. 7,*9*). В гарнитурах есть поломанные или фрагментированные вещи: половина фибулы (могила 128; рис. 7,*9*); пальчатая фибула с отломанным выступом-пальцем на головке (склеп 131; рис. 8,I); ремонтированные поясная бронзовая пряжка с изображением личины на щитке (склеп 225, рис. 6,*3*); бронзовая поясная пряжка с железным язычком (рис. 7,*14*). Все браслеты из названных захоронений сделаны из бронзы (рис. 6,*4,6*; 7,*4,5,15,16*; 8,*4,5*). Некоторые из этих носительниц непрестижного убора захоронены в склепах рядом с женщинами в парадном богатом костюме с большой пряжкой (склепы 64, 131 и 232). В двух склепах (137 и 225) вместе с женщинами были захоронены маленькие дети. Возможно, эти женщины – бедные представительницы рода, которые не имели возможности носить костюм, соответствующий их статусу замужних женщин и матерей, либо незамужние, еще не достигшие того социального положения, при котором имели право носить большую пряжку и соответствующие ей аксессуары. Таким образом, бронзовые серьги с полым многогранником можно считать показателем не только имущественного, но и социального положения владелицы, ее места в семье или иерархии рода.

В отличие от золотых серег с многогранником, бывших исключительной принадлежностью костюма с большой пряжкой взрослых женщин, их дешевые бронзовые аналоги могли носить и девочки. В пяти склепах серьги выявлены в детских погребениях (склепы 83, 100, 137, 202 и 268). Возраст установлен в трех погребениях. Это были дети 1,5-2 лет (склеп 268, погребение 7), 5-6 лет (склеп 137, погребение 7) и 6-7 лет (склеп 202, погребение 8) [62, с. 124-125]. В двух детских погребениях из склепов 100 и 268 серьги были парными (рис. 2,*3,5,6*; 9,*1*). В захоронениях из склепов 83 и 202 в пару к серьге с многогранником

добавили серьгу из согнутого стержня (рис. 9,*2,4*). В погребении из склепа 137 лежала только одна серьга (рис. 3,*11*).

Некоторые серьги с многогранником носили очень долго. Так, серьги из склепа 227 (рис. 3,*14,15*) продолжали носить и после того, как гнезда со вставками рассыпались. От многогранника одной серьги сохранилась только половинка (рис. 3,*14*), а ее поломанное кольцо уменьшили. Поломанной серьге из склепа 100 «продлили жизнь», подвесив к кольцу рядом с половинкой от многогранника подвеску (рис. 3,*13*). Как нами было отмечено выше, многогранники от поломанных серег использовали в качестве пронизей в ожерельях или в низках бус из нагрудных украшений (рис. 4,*3,4*; 8,I,*7*).

Вместе с бронзовыми серьгами с многогранником женщины и девочки носили одинаковые украшения. Так, в наборах с серьгами присутствуют однотипные бронзовые браслеты. В склепах 137 и 232 – это браслеты с утолщенными концами, украшенными пересекающимися косыми линиями (рис. 7,*5,15,16*). В склепах 64, 100 и 131 на руках погребенных лежали браслеты с концами, расплющенными штампом с рельефным орнаментом (рис. 6,*6*; 5,*17*; 8,*5*). Из обломков точно таких же браслетов сделали кольца серег, происходящих из склепа 83 (рис. 3,*5*) и из могилы 128 (рис. 3,*6*).

Все ожерелья образованы чередующимися янтарными и стеклянными бусинами (рис. 6,*7*; 8,I; 9,*1,2,9*; 10). Янтарные бусины небольшие, имеют бочковидную форму, некоторые слегка уплощены. Среди стеклянных бусин доминирует сферический бисер, сделанный несколькими витками стеклянной нити черного цвета. Часто в этих ожерельях присутствуют подвески из просверленных зубов животных или из раковин каури с обрезанной лицевой стороной. В двух ожерельях из склепов 100 и 186 и те, и другие подвески использованы одновременно (рис. 9,*1*; 10). Следует отметить, что в Юго-Западном Крыму во второй половине VI – первой половине VII вв. в ожерельях часто присутствуют по 1-4 подвески из раковин каури и по несколько просверленных зубов животных. В Северном Причерноморье раковины каури и зубы животных использовали в ожерельях с эпохи античности [64, с. 27-28, 30-31, 32, тип 7а, 38]. У многих народов подвески из этих предметов считались амулетами-оберегами [65, с. 96, тип 7; 66, с. 21; 67, с. 33]. По этнографическим данным, раковины каури предохраняли носящего их от болезней и дурного глаза [66, с. 21, 22].

В состав трех ожерелий из склепов 100, 122а и 268 входили кресты типов 3-2. Причем в ожерельях из детских погребений эти кресты были парными (рис. 9,*1,9*). Во многих ожерельях второй половины VI – первой половины VII вв. присутствуют золотые или бронзовые подвески линзовидной формы (рис. 6,*7а*; 8,I,*8*; 10). Их носили по одной, по две (рис. 9,*8*) или набором из десяти экземпляров. В погребениях с бронзовыми серьгами с полым многогранником найдены только бронзовые линзовидные подвески. В склепе 122а, в погребении 22 второй половины VI в. вместе с золотыми серьгами с многогранником зачищены

шесть золотых линзовидных подвесок, украшенных красными камнями в цилиндрических гнездах, напаянных на лицевой стороне [35, p. 36, fig. 9,4,II; 15, с. 26, рис. 16,12]. Аналогичные золотые подвески найдены в Северной Италии, в составе клада первой половины VI в. из Реджио Эмилии, принадлежавшего семье остготского вельможи [68, p. 204, Fig. III.87, Cat. III.28.n-o], а также в Северо-Восточной Болгарии, в одном из погребений готской женщины второй половины V – начала VI вв. из базилики в с. Хан Крум [69, с. 72, обр. 21,2]. Судя по находкам из Реджио Эмилии, в Северной Италии богатые остготские женщины носили в одном наборе золотые украшения – серьги с многогранником, инкрустированным красным камнем, крест и линзовидные подвески [68, p. 203-204, Fig. III.86, Cat. III.28.d]. В Крыму у готов страны Дори существовали точно такие же по составу наборы, но сделанные из дешевых материалов – бронзы и стекла.

Серьги с многогранником не были только украшением. Находки внутри некоторых многогранников органических остатков позволяют говорить о том, что серьги служили своеобразными коробочками-амулетницами, в которые помещали волокна или сухие травы. О целебных свойствах многих растений было известно издревле. Волокна льна или конопли использовали в народной медицине [70, с. 321]. У славян благовонные травы клали в защиту от нечистой силы под подушку и использовали в обрядах, которыми сопровождается рождение нового человека [70, с. 321]. В алано-адыгском могильнике VIII-IX вв. Мощевая Балка на Северо-Западном Кавказе в женских и девичьих погребениях сохранились подвешивавшиеся к одежде матерчатые мешочки, в которых носили амулеты. Среди них были и мотки лубяных волокон (получаемых из стеблей и листьев растений, чаще всего – изо льна и конопли) [71, Abb. 22; 27,e; 72, с. 95]. В «Геопониках» – византийской сельскохозяйственной энциклопедии X в. – рассказывается о лечебных свойствах некоторых растений и приводятся рецепты лекарств на их основе. Так, например, в главе о руте для избавления от головной боли рекомендуется «заткнуть уши нежной сердцевиной» стеблей растения [73, с. 270]. Возможно, многогранники наполняли сухими стебельками растений или волокнами в расчете на то, что серьги будут ограждать хозяйку от болезней или избавлять от них.

Подводя итоги, можно отметить следующее. Бронзовые серьги с полым многогранником являются местной вариацией популярного у многих народов в эпоху раннего средневековья типа украшения. Серьги этого типа бытовали во второй половине VI – первой половине VII вв. Однако время их наибольшей популярности приходится на первую четверть VII в. Серьги не отличались большим разнообразием. По декору торцовых граней многогранника выделено три варианта: 1 – с прорезанным ромбом; 2 – с резным орнаментом в виде решетки; 3 – с гладкими торцовыми гранями. Преобладали серьги 3-го варианта. Публикуемые серьги представляют собой дешевые, выполненные из бронзы и стекла копии изделий из драгоценных металлов и камней. Серьги с многогранником

можно считать показателем имущественного и социального положения владелицы. Так, золотые серьги были исключительной принадлежностью богатого костюма замужней женщины. Их бронзовые копии носили девочки, незамужние женщины и небогатые замужние женщины. В основном, серьги делали и носили парами. Девочки часто одевали по одной серьге или объединяли ее в пару с серьгой другого типа. Некоторые бронзовые серьги с многогранником, вероятно, делали на заказ. Полый многогранник таких серег, по просьбе заказчицы, мастер наполнял волокнами или стебельками растений, либо комочками шерсти, что, по представлению древних, должно было оградить или избавить хозяйку от различных болезней.

Бронзовые серьги с полым многогранником пока обнаружены только в могильнике у с. Лучистое. Однако неверно было бы считать их уникальным украшением, присущим исключительно представительницам общины, оставившей могильник. Некрополи с однотипными погребальными сооружениями и аналогичными погребальным обрядом и инвентарем выявлены во всем Юго-Западном Крыму – от низовьев реки Черная до Алушты, в регионе, где исследователи локализуют описанную Прокопием страну Дори, населенную готами [74, VI.III.VII.13; 14, с. 111]. Анализ погребальных сооружений и обряда, антропологического материала и находок из них позволяет заключить, что все эти некрополи оставлены одним и тем же смешанным гото-аланским населением [14, с. 107, 111]. Безусловно, по находкам из Лучистого можно судить о материальной культуре населения всего региона. Наверняка бронзовые серьги с полым многогранником носили во всей стране Дори. Отсутствие серег в других могильниках можно объяснить степенью изученности памятников, а также тем, что большинство исследованных погребений оказались разграбленными еще в древности. Многие вещи сохранились в мелких, не поддающихся определению фрагментах. Публикуемый нами материал важен для характеристики материальной культуры раннесредневекового населения Юго-Западного Крыма. Надеемся, что он будет полезен исследователям при идентификации и интерпретации находок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Salamon A., Barkóczi L.* Bestattungen von Csákvár aus dem Ende des 4. und dem Anfang des 5. Jahrhunderts // Alba Regia. Székesfehérvár, 1971. XI/1970.
2. *Шаламон А., Баркоци Л.* Археологические данные к периодизации позднеримской Паннонии (376-476 гг.) // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.
3. *Амброз А.К.* Рец. на кн.: Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975 // СА. 1980. № 1.
4. *Bierbrauer V.* Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975.

5. *Horedt K.* Die Polyederohrringe des 5.-6. Jh. u. Z. aus der SR Rumänien // Zeitschrift für Archäologie. 1979. №13.
6. *Амброз А.К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. 1994/1995. Вып. IV.
7. *Дмитриев А.В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. М., 1982.
8. *Baldini-Lippolis I.* L'oreficeria nell' Imperio di Constantinopoli tra IV e VII secolo. Bari, 1999.
9. *Baye J.* De l'influence de l'art des Goths en Occident. Communication faite au Congrès historique et archéologique de Liège (août 1890). Paris, 1891.
10. *Ebel-Zepezauer W.* Studien zur Archäologie der Westgoten vom 5.-7. Jh. n. Chr. Mainz am Rhein, 2000.
11. *Хайрединова Э.А.* Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
12. *Хайрединова Э.А.* Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половине VI вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
13. *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
14. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
15. *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Могильник у села Лучистое. Т. 1 (Раскопки 1977, 1982-1984 гг.) // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2008. Suppl. 4.
16. *Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 2001. Вып. VIII.
17. *Веймарн Е.В., Айбабин А.И.* Скалистинский могильник. Киев, 1993.
18. *Ajbabin A.I.* I Goti in Crimea (secoli V-VII) // I Goti. Milano, 1994.
19. *Хайрединова Э.А.* Византийские пряжки VII в. в женском костюме крымских готов // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
20. *Хайрединова Э.А.* Обувные наборы V-VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
21. *Гавритухин И.О.* Фибулы византийского круга в Восточной Европе (литые дунайско-иллирийские) // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
22. *Гавритухин И.О.* Фибулы и ременные гарнитуры из цистерны П-1967 г. в Херсонесе // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
23. *Голофаст Л.А.* Штампы V–VII вв. на посуде группы «Фокейской краснолаковой» из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
24. *Кондић В., Поповић В.* Царичн Град. Београд, 1977.
25. *Хараламбиева А., Иванов Д.* Късноантични фибули от Музея в Русе // Годишник на музеите от Северна България. 1986. Кн. XII.
26. *Хараламбиева А.* Два типа късноантични фибули във Варненския музей // Известия на народния музей Варна. 1989. № 25(40).
27. *Teodor D.Gh.* Fibules byzantines des Ve-VIIe siècles dans l'espace Carpato-Danubiano-Pontique // Etudes byzantines et post-byzantines. Bucureşti, 1997. №III.
28. *Uense S.* Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien) // Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. München, 1992. Bd. 43.

29. *Vinski Z.* Kasnoantički starosjedioci u Salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavštini predslavenskog supstrata // Vjesnik za arheologiju I historiju dalmatinsku. 1974. LXIX/1967.
30. *Јанковић Б.* Подунавски део области Аквиса у VI и почетком VII века. Београд, 1981.
31. *Bejan A.* Un atelier metalurgic din sec. VI. e.n. de la Drobeta – Turnu Severin // Acta musei Napocensis. Cluj, 1976. XIII.
32. *Uense S.* Gegossene Fibeln mit Scheinumwicklung des Bügels in den Östlichen Balkanprovinzen // Studien zur Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Festschrift für Joachim Werner zum 65. München, 1974. II.
33. *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с. Лучистое // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
34. *Chajredinowa E.* Die Tracht der Krimgoten im 6. und 7. Jahrhundert // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999.
35. *Khaïrédinova E.* Le costume des barbares aux cinfins septentrionaux de Byzance (VI-VII siècles) // Kiev – Cherson – Constantinople. Kiev; Simferopol; Paris, 2007.
36. *Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A.* Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations. Paris, 2006.
37. *Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР II-IV вв. н.э. // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30.
38. *Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V-IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века. М., 2003.
39. *Айбабин А.И.* Ранневизантийские воинские фибулы с подвязной ножкой из Юго-Западного Крыма // АДСВ. Екатеринбург, 2009. Вып. 39.
40. *Khairedinova E.A.* Early Medieval Crosses from the South-Western Crimea // Byzas 15. Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts. Veroffentlichungen des Deutschen Archaologischen Instituts Istanbul. Istanbul, 2012.
41. *Garam È., Kiss. A.* Gold finds of the Migration Period in the Hungarian National Museum. Budapest, Milano, 1992.
42. *Kiss A.* Das germanische Gräbfeld von Hács-Béndekpuszta (Westungarn) aus dem 5.-6. Jarhundert // Acta Antiqua Hungarica. Budapest, 1995. 36.
43. *Harhoiu R.* Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest, 1998.
44. *Legoux R.* La cadre chronologique de Picardie: son application aux autres région en vue d'une chronologie unifiée et son extension vers le romain tardif // La datation des structures et des objets du haut Moyen Age: méthode et résultats. Paris, 1998.
45. *Vrielynck O.* The «Lady» of Grez-Doiceau (Belgium) // Rome and the Barbarians. The Birth of a new World. Milano, 2008.
46. *Мончиньська М.* Велике переселення народів. Історія неспокійної епохи IV та V століть. К., 2009.
47. *Babucke V.* Nach Osten bis an den Lech. Zur alamannischen Besiedlung der westlichen Raetia Secunda // Die Alamannen. Stuttgart, 1997.
48. *Quast D.* Vom Einzelgrab zum Friedhof. Beginn der Reihnengräbersitte im 5. Jahrhundert // Die Alamannen. Stuttgart, 1997.
49. *Залесская В.Н.* Памятники византийского прикладного искусства IV-VII вв.: каталог коллекции. СПб., 2006.

50. Наследие византийского Херсона. Севастополь; Остин, 2011.
51. *Damm I.G.* Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1988. Band 21.
52. *Andrási J., Aibabin A.* The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material. London, 2008.
53. *Борисова В.В.* Могильник у высоты «Сахарная головка» // ХСб. Симферополь, 1959. Вып. V.
54. *Stadler P.* Ostgermanische Gräber / P. Stadler // Germanen, Hunnen und Avaren. Schätze der Völkerwanderungszeit. Nürnberg, 1987.
55. *La Niece S., Cowell M.* Crimean Metalwork: Analysis and Technical Examination // The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material. London, 2008.
56. *Ogden J.* Jewellery of the Ancient World. London, 1982.
57. *Aibabine A.I.* La fabrication des garnitures de ceintures et des fibules à Chersonèse, au Bosphore Cimmèrien et dans la Gothie de Crimée aux VIe – VIIIe s. // Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens. Saint-Germain-en-Laye, 1993.
58. *Хайрединова Э.А.* Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
59. *Кадеев В.И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I-IV вв. Харьков, 1970.
60. *Рудаков В.Е., Цибульникова В.А.* К характерстике металлических изделий из раскопок Баклинского городища // Византия и ее првинции. Свердловск, 1982.
61. *Щапова Ю.Л.* Византийское стекло. М., 1998.
62. *Радочин В.Ю.* Новые антропологические материалы из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
63. *Хайрединова Э.А.* Женский костюм с большими пряжками с христианской символикой из Юго-Западного Крыма // ХСб. Севастополь, 1999. Вып. X.
64. *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. М., 1982.
65. *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
66. *Гущина И.И., Засецкая И.П.* «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
67. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея / Автор-сост. А.Б. Островский. СПб., 2007.
68. *Bierbrauer V.* Archeologia degli Ostrogoti in Italia // I Goti. Milano, 1994.
69. *Балабанов Т.* Готски епископски център от IV-VI в. до с. Хан Крум, Шуменско // Готите. София, 2006.
70. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
71. *Ierusalimskaja A.A.* Die Gräber der Moščevaja Balka. Frühmittelalterliche Funde an der Nordkaukasischen Seidenstrasse. München, 1996.
72. *Иерусалимская А.А.* Некоторые вопросы изучения раннесредневекового костюма (по материалам анализа одежды адыго-аланских племен VIII-IX вв.) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма): материалы междунар. науч. конф. Самара, 2001. Т. I.

73. Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. // Византийская историческая библиотека. Рязань, 2006.
74. *Procopius. De Aedificiis.* Opera Omnia. Libri VI // Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum Teubneriana. Vol. IV. Lipsiae, 1964.

Хайрединова Э.А.

Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое

Резюме

В V-VII вв. большой популярностью у жительниц Юго-Западного Крыма пользовались серьги с многогранником. Одной из разновидностей этих украшений были бронзовые серьги с полым многогранником, бытовавшие во второй половине VI – первой половине VII вв. По декору торцовых граней многогранника выделено три варианта серег: 1 – с прорезанным ромбом; 2 – с резным орнаментом в виде решетки; 3 – с гладкими торцовыми гранями. Преобладали серьги 3-го варианта.

Бронзовые серьги с полым многогранником были дешевым копиями одновременных золотых серег. Золотые серьги носили только замужние женщины в наборе с большой пряжкой. Бронзовые серьги зафиксированы и в менее престижном женском костюме (с малыми византийскими пряжками), а также в костюме девочек. Женщины носили их парами, тогда как девочки – по одной или в паре с серьгой другого типа.

Внутри многогранника некоторых серег найдены остатки органических материалов – комочки шерсти или сухие веточки растений. Видимо, серьги с полым многогранником были не только украшением, но и своеобразными коробочками – амулетницами.

Хайредінова Е.А.

Бронзові сережки з порожнистим многогранником з могильника біля с. Лучисте

Резюме

У V-VII ст. великою популярністю у мешканок Південно-Західного Криму користувалися сережки з многогранником. Одним з різновидів цих прикрас були бронзові сережки з порожнистим многогранником, що існували в другій половині VI – першій половині VII ст. По декору торцевих граней многогранника виділено три варіанти сережок: 1 – з ромбом, що прорізається; 2 – з різьбленим орнаментом у вигляді решітки; 3 – з гладкими торцевими гранями. Переважали сережки 3-го варіанту.

Бронзові сережки з порожнистим многогранником були дешевими копіями одночасних золотих сережок. Золоті сережки носили лише заміжні жінки в наборі з великою пряжкою. Бронзові сережки зафіксовані і в менш престижному жіночому костюмі (з малими візантійськими пряжками), а також в костюмі дівчаток. Жінки носили їх парами, тоді як дівчатка – по одній або в парі з сережкою іншого типа.

Усередині многогранника деяких сережок знайдені залишки органічних матеріалів – грудочки шерсті або сухі гілочки рослин. Мабуть, сережки з порож-

нистим многогранником були не лише прикрасою, але і своєрідними коробочками – амулетницями.

Khairedinova E. A.

Bronze Earrings with a Hollow Polyhedron from the Cemetery of Luchistoye Village

Summary

In the 5th – 7th centuries, earrings with a polyhedron enjoyed wide popularity among female population of the South-Western Crimea. Bronze earrings with a hollow polyhedron were one of the varieties of these decorations, which existed in the second half of the 6th – the first half of the 7th century. According to the décor of buff-ends of a polyhedron three variants of earrings were determined: 1 – with a cut rhombus; 2 – with a carved ornament in the form of a grid; 3 – with smooth buff-ends. Earrings of the third variant prevailed.

Bronze earrings with a hollow polyhedron were cheap copies of gold earrings of the same period. Gold earrings were worn by married women with a large buckle. Bronze earrings are fixed in a less prestigious female costume (with small Byzantine buckles) and in girls' costumes as well. Women wore them in pairs but girls – either one or in pair with an earring of another type.

Inside a polyhedron of some earrings there were remnants of organic materials – small balls of wool or dry branches of some plants. Apparently, earrings with a hollow polyhedron were used not only as decorations but a peculiar box for amulets.

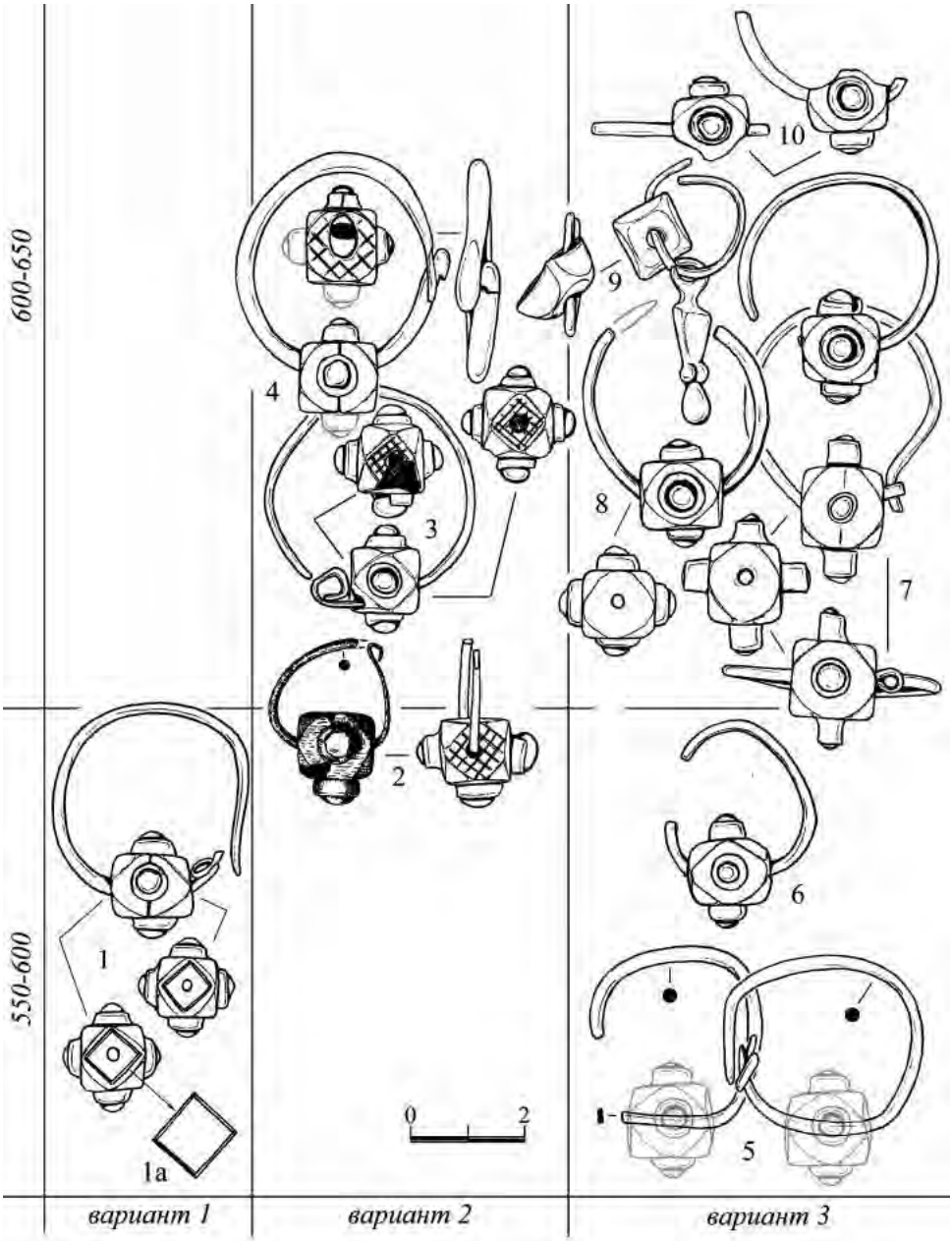


Рис. 1. Хронология и типология бронзовых серег с полым многогранником из могильника у с. Лучистое.

1 – склеп 186, погребение 12; *2, 3* – склеп 64, погребение 1; *4* – склеп 225, погребение 1; *5* – склеп 100, погребение 11; *6* – склеп 137, погребение 7; *7* – склеп 137, погребение 8; *8* – склеп 131, погребение 3; *9* – склеп 100, погребение 1; *10* – склеп 202, погребение 8.

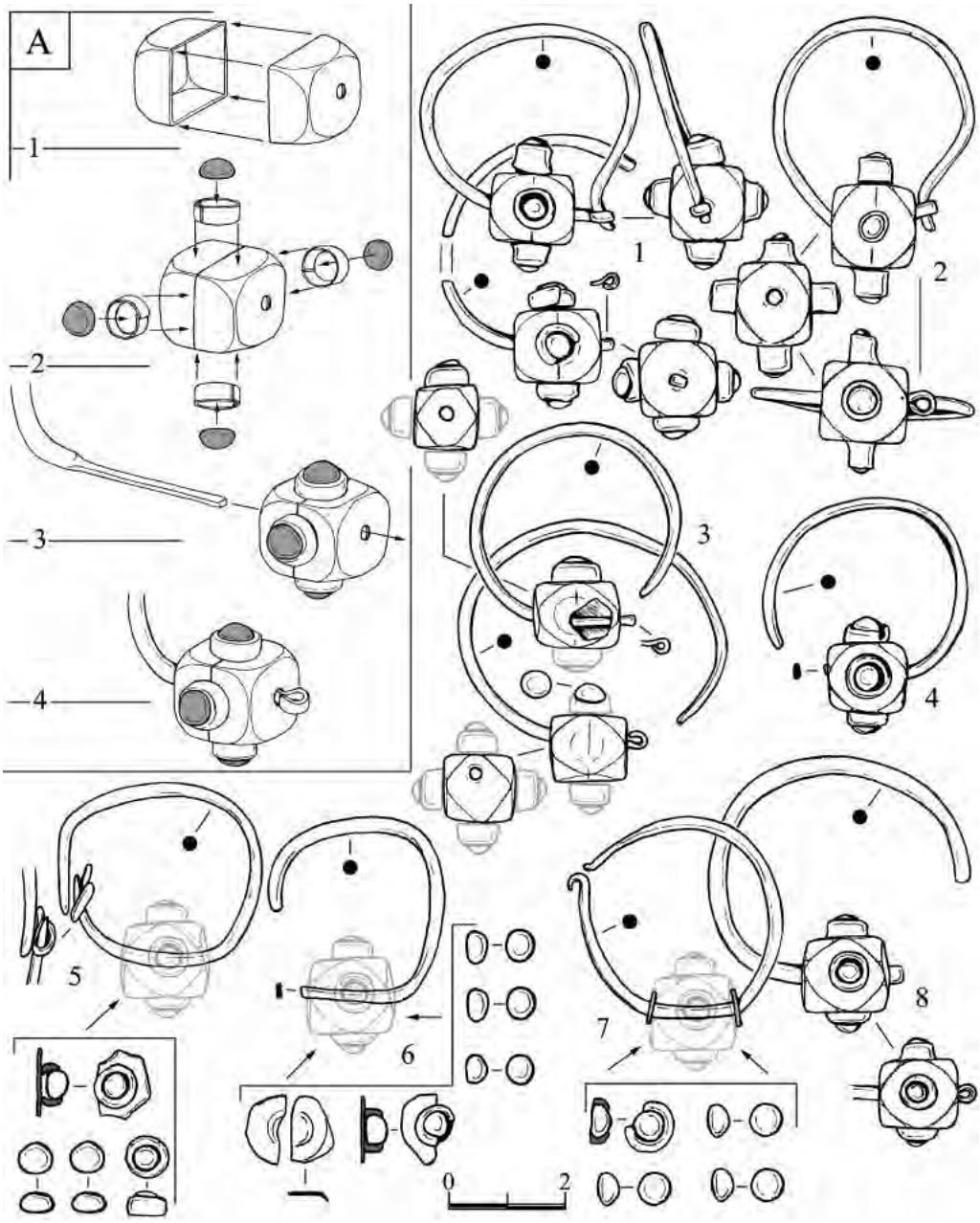


Рис. 2. Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое (*1-8*) и схема их изготовления (*А*).

1 – склеп 232, погребение 11; *2* – склеп 137, погребение 8; *3* – склеп 268, погребение 7; *4* – склеп 122а, погребение 17; *5, 6* – склеп 100, погребение 11; *7, 8* – склеп 104, погребение 4.

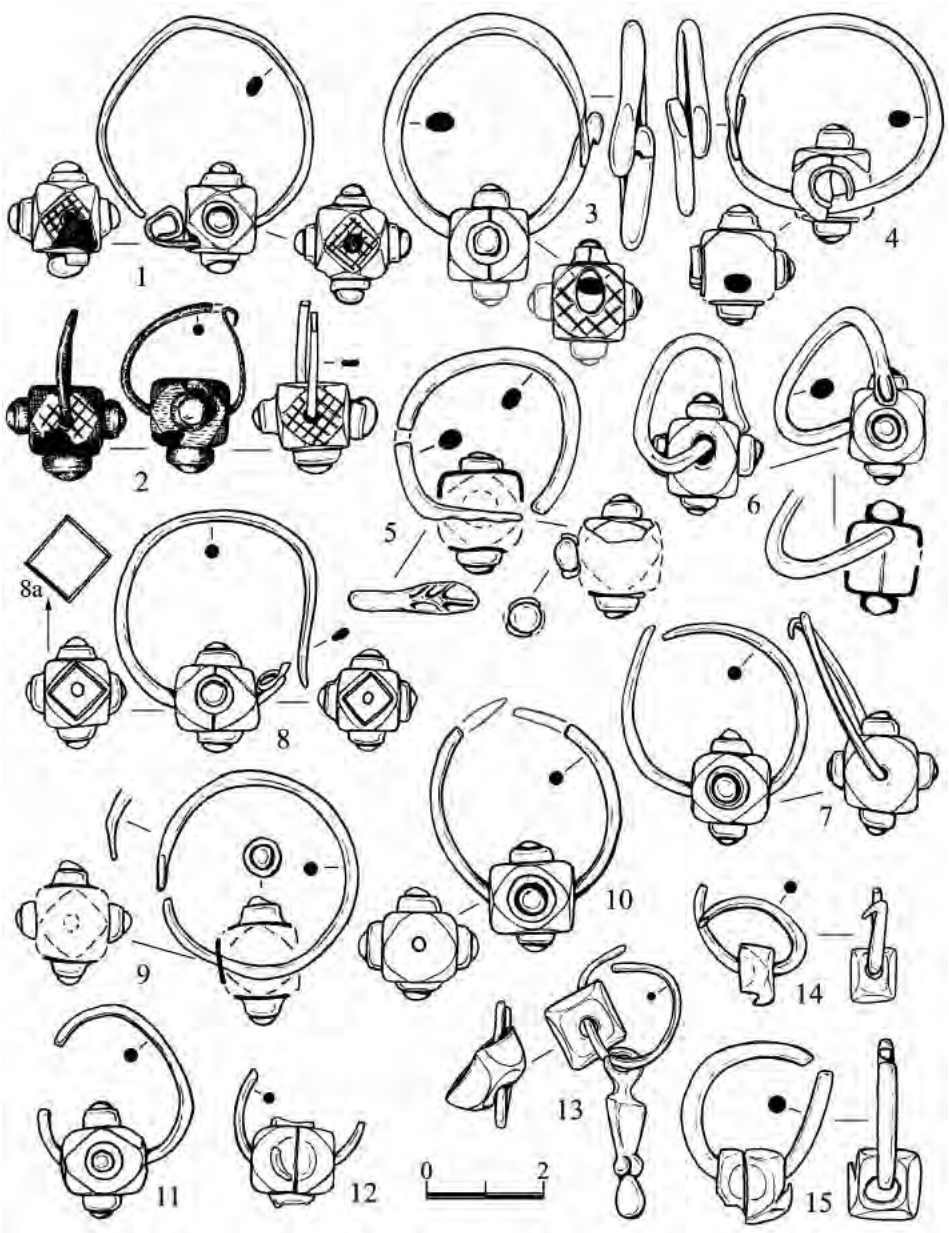


Рис. 3. Бронзовые серьги с надетым на кольцо полым многогранником из могильника у с. Лучистое.

1, 2 – склеп 64, погребение 1; *3, 4* – склеп 225, погребение 1; *5* – склеп 83, погребение 1; *6, 7* – могила 128; *8, 9* – склеп 186, погребение 12; *10* – склеп 131, погребение 3; *11* – склеп 137, погребение 7; *12* – склеп 176, из грабительских отвалов; *13* – склеп 100, погребение 1; *14, 15* – склеп 227, слой 2, из трещины.

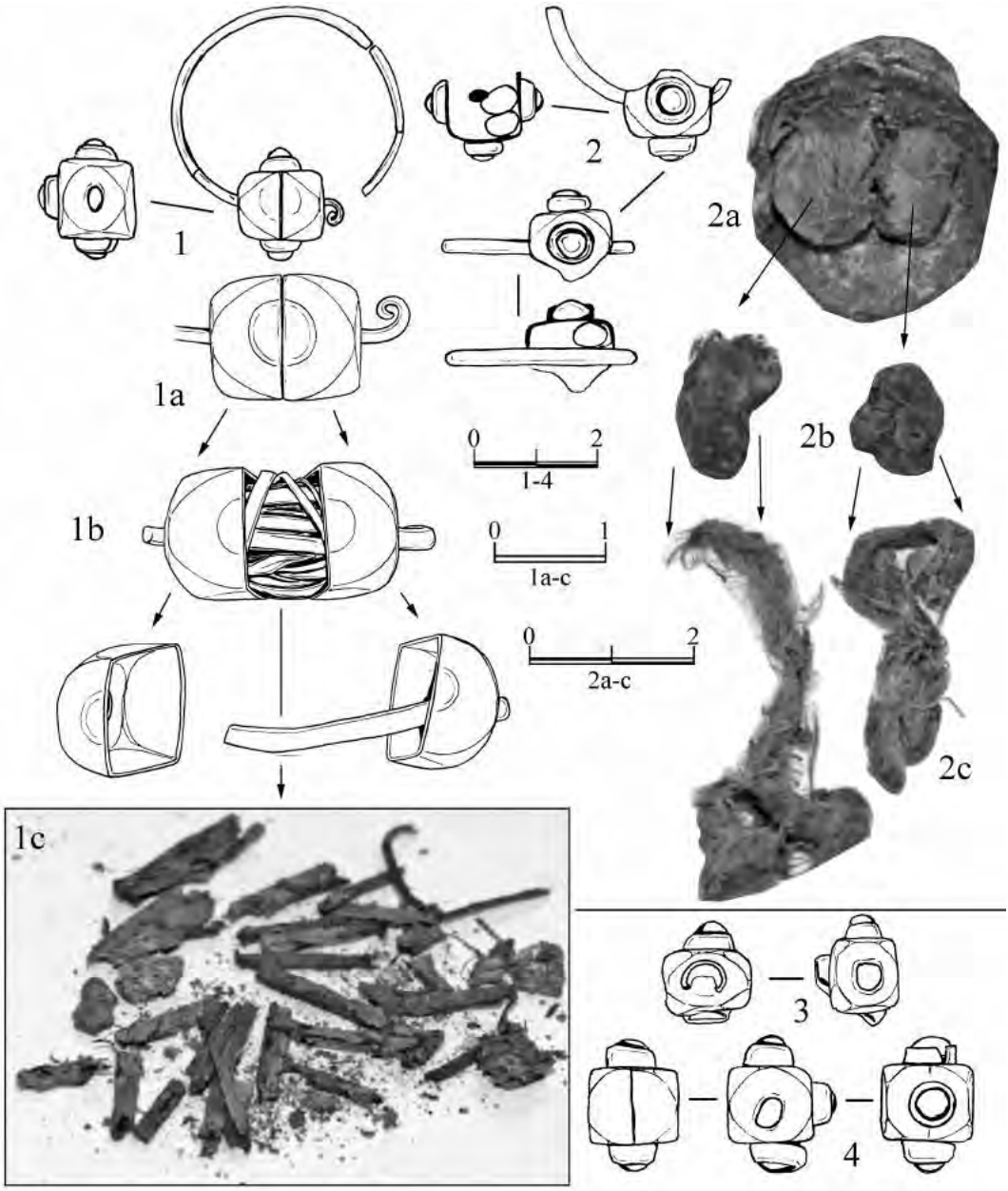


Рис. 4. Бронзовые серьги с органическими остатками внутри полых многогранников (*1-2*) и многогранники из ожерелий (*3-4*).

1 – склеп 131, погребение 3; *2* – склеп 202, погребение 8; *3* – склеп 77, погребение 2; *4* – склеп 170, погребение 2.

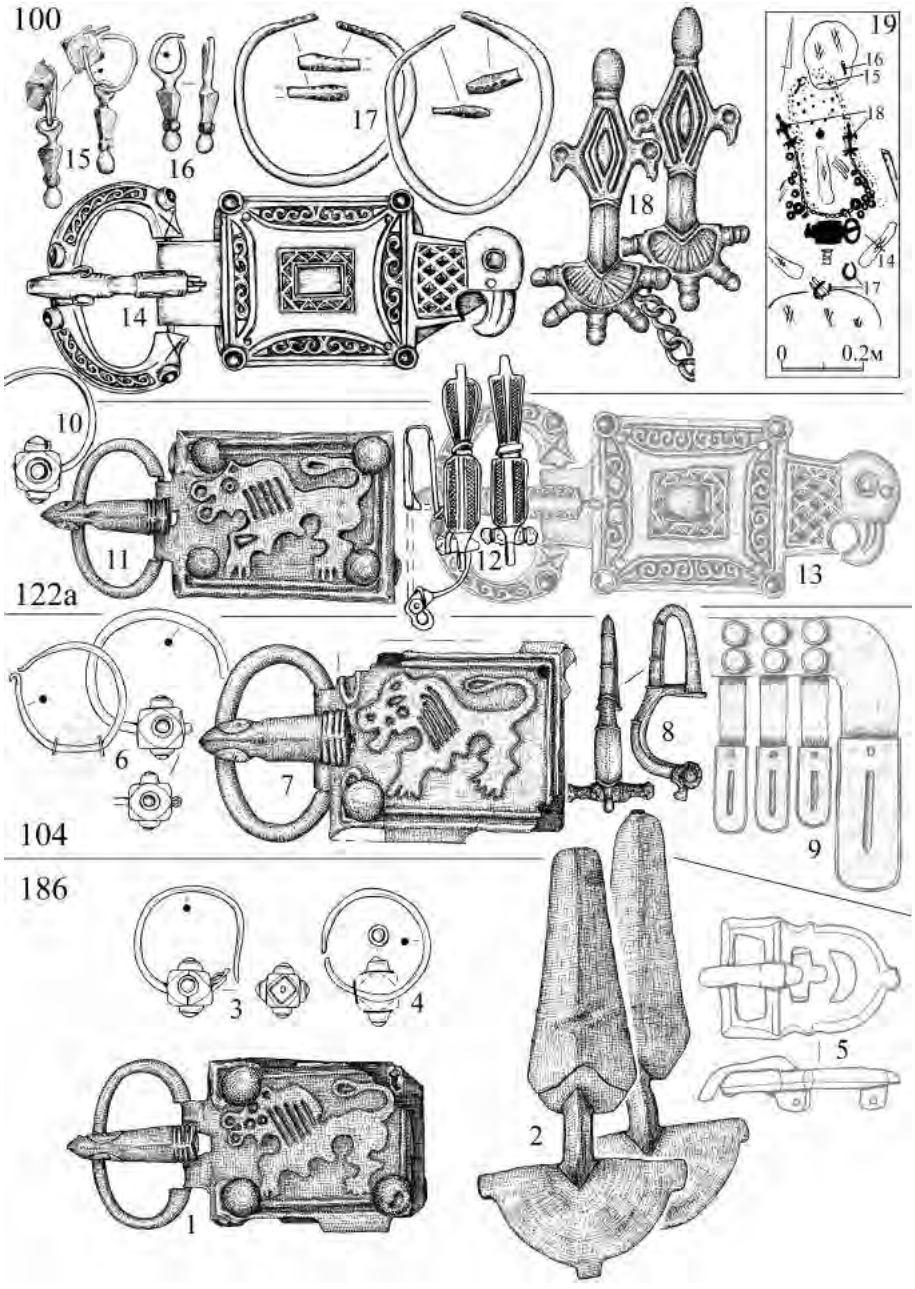


Рис. 5. Бронзовые серьги с полым многогранником в женском костюме с большой пряжкой и сопутствующие им находки в склепах (*5, 9, 13*).

1-5 – склеп 186 (*1-4* – погребение 11; *5* – погребение); *6-9* – склеп 104, погребение 4; *10-13* – склеп 122а (*10-12* – погребение 17; *13* – погребение 18); *14-19* – склеп 100, погребение 1.

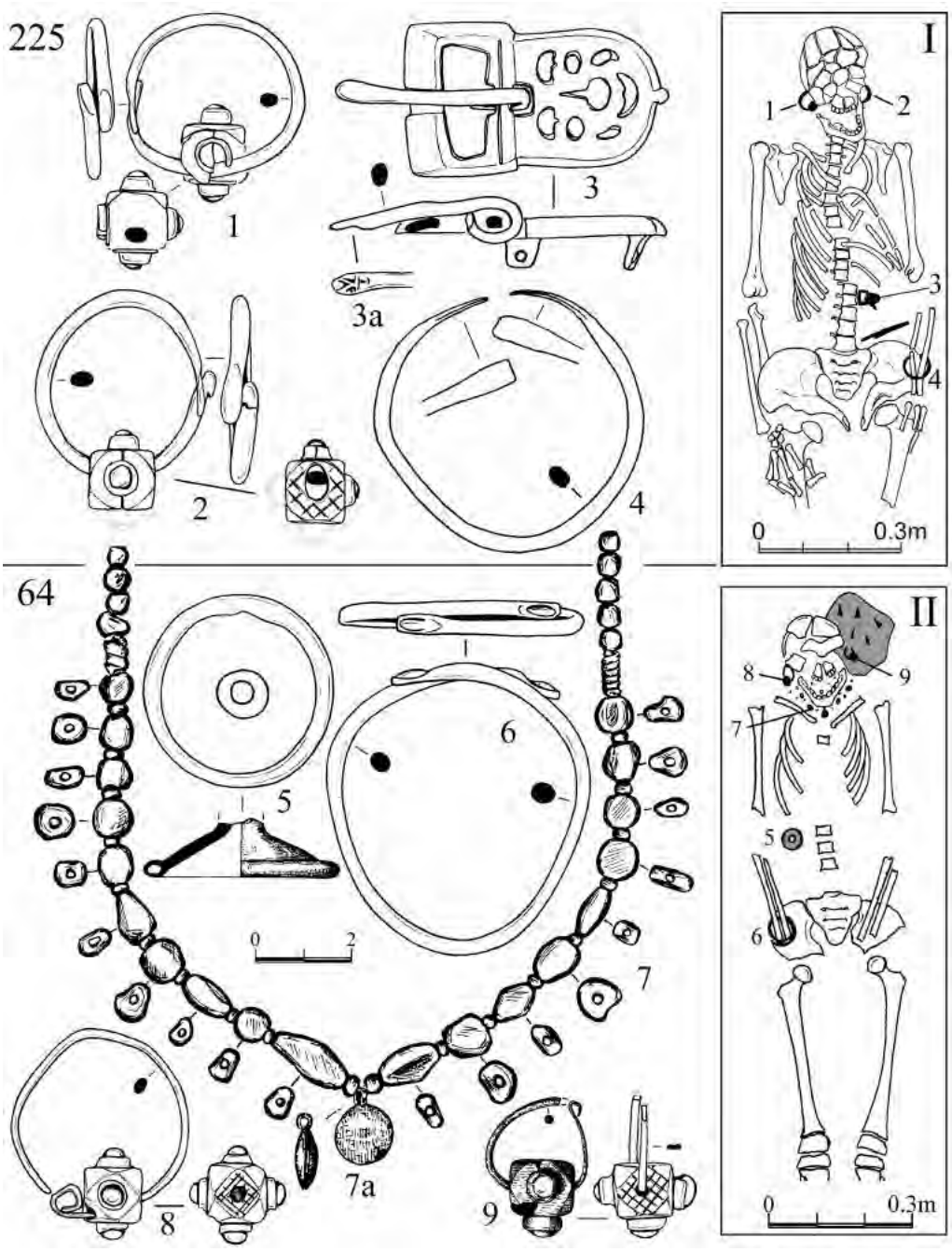


Рис. 6. Бронзовые серьги с полым многогранником в комплексах из склепов 225 (*1-4*) и 64 (*5-9*). I, II – планы погребений.

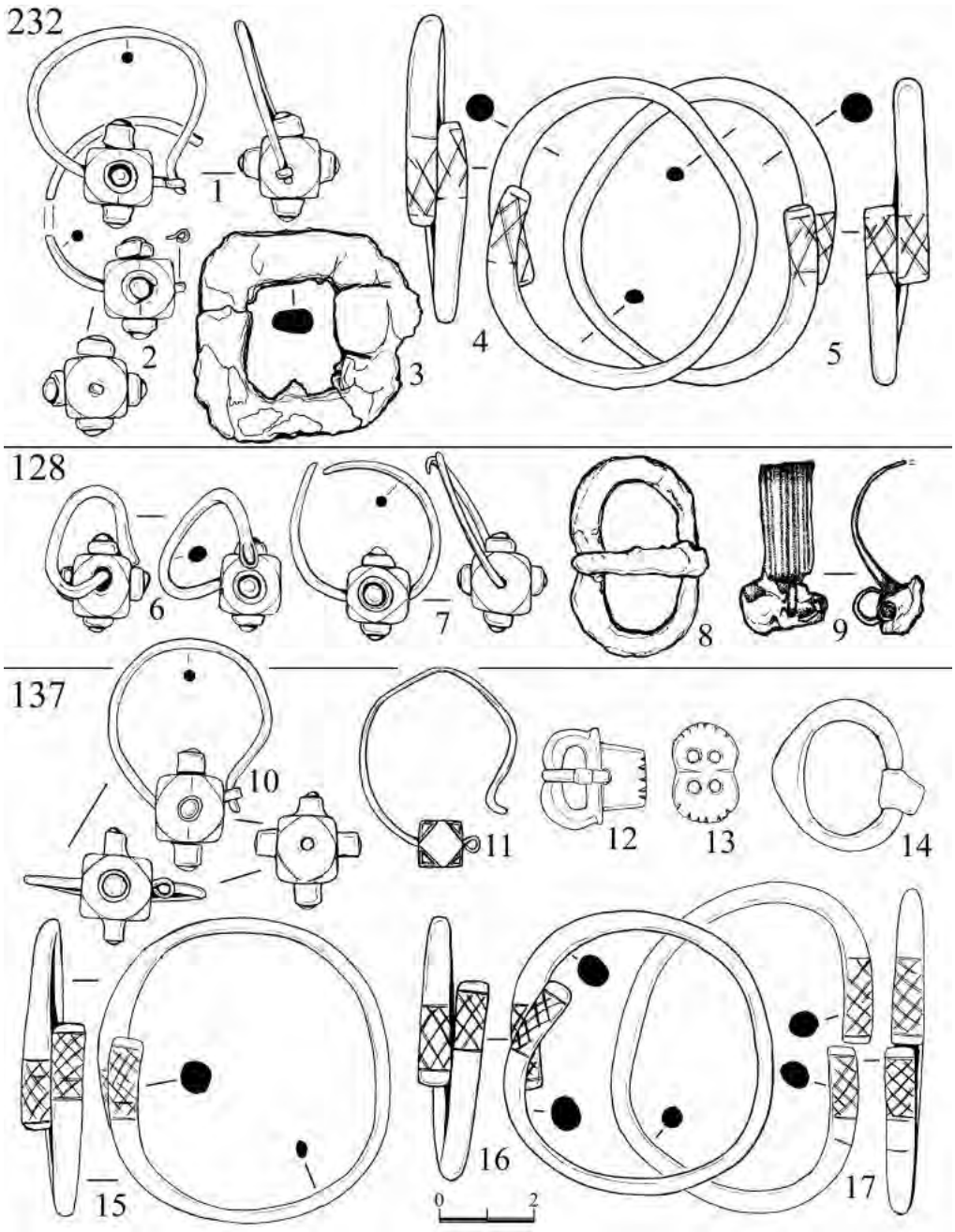


Рис. 7. Бронзовые серьги с полым многогранником в женском костюме с железной пряжкой (*1-9*) или без пряжки (*10-17*).

1-5 – склеп 232, погребение 11; *6-9* – могила 128; *10-17* – склеп 137, погребение 8.

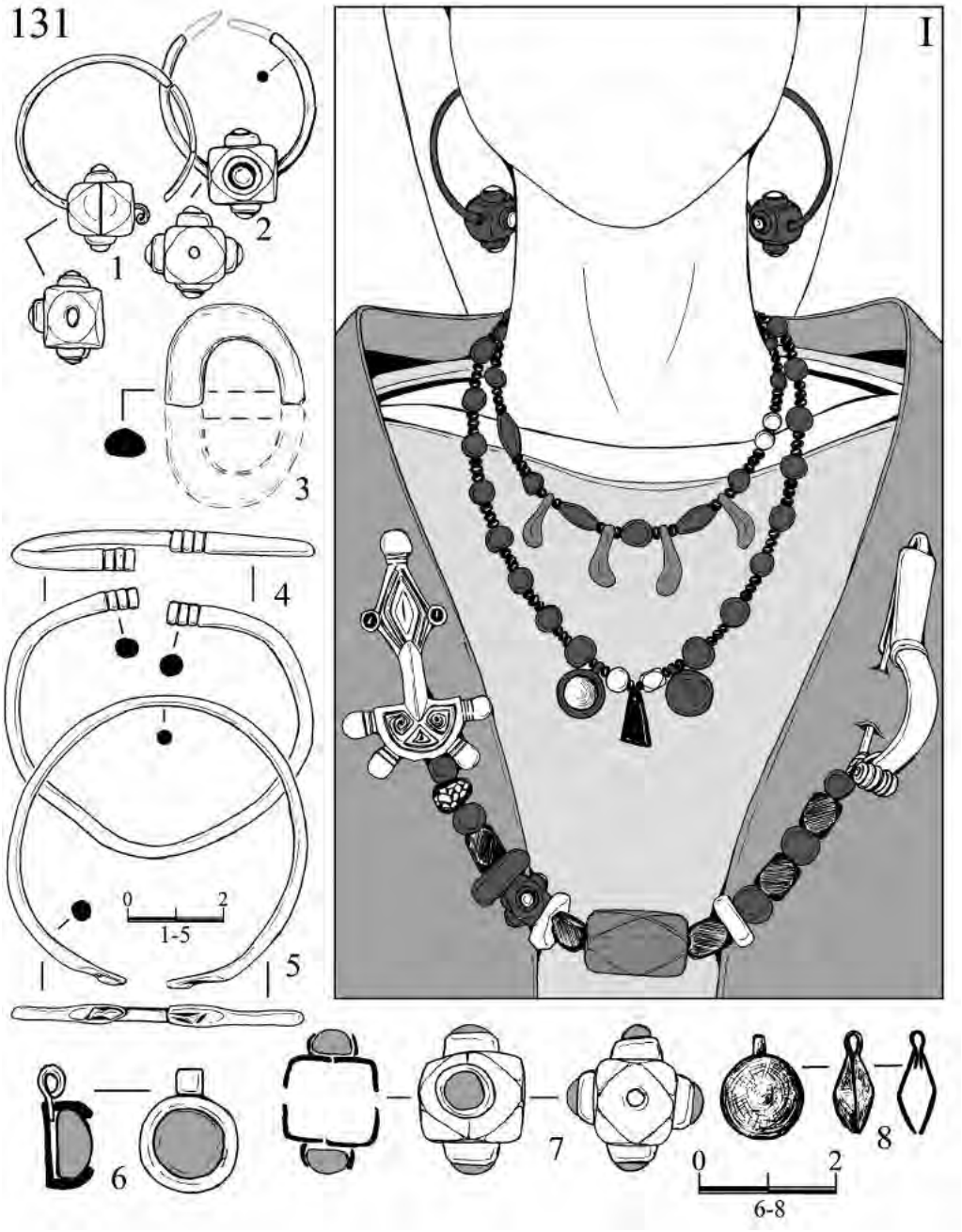


Рис. 8. Бронзовые серьги с полым многогранником в женском костюме с железной пряжкой, по материалам находок из склепа 131, из погребения 3.
1-8 – находки из погребения; I – реконструкция убора погребенной.

Рис. 9. Бронзовые серьги с полым многогранником в детском костюме.

1 – реконструкция убора по находкам из склепа 100, из погребения 11; *2* – реконструкция убора по находкам из склепа 202, из погребения 8; *3-7* – находки из склепа 83, из погребения 1; *8, 9* – ожерелья с бронзовыми полыми крестами и линзовидными подвесками (*8* – склеп 102, погребение 3; *9* – склеп 268, погребение 7).

Рис. 10. Реконструкция женского костюма с большой пряжкой, парой двупластинчатых фибул и серьгами с полым многогранником (по находкам из склепа 186, из захоронения 12).

В. Ю. РАДОЧИН

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРЧИ

Процессы становления, развития и жизни городских центров в любые хронологические промежутки – вопрос многогранный и требующий комплексного исследования. В этой связи изучение антропологического материала является одним из важнейших факторов при реконструкции этногенетических и этнокультурных процессов. Несмотря на многочисленные археологические раскопки на территории Керчи и Керченского полуострова, в целом, наблюдается дефицит опубликованных антропологических материалов из раннесредневекового и средневекового периодов региона. Целью настоящей работы является ввод в научный оборот новых антропологических материалов из раскопок раннесредневековой Керчи.

Материал для исследования был получен экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины под руководством А. И. Айбабина в ходе охранных археологических раскопок в Босфорском переулке на склоне нижней террасы горы Митридат в городе Керчь в 2007-2009 годах. Работы проводились по просьбе Керченского государственного историко-культурного заповедника на участке, выделенном под новое здание музея. Был исследован участок площадью 1000 кв. м [1, с. 5]. Автор раскопок датировал зачищенные погребения VII–VIII вв. В настоящую работу включен материал из 63 погребальных сооружений, полученный в ходе археологических раскопок в 2007 году[1].

Краниометрические изменения и описания проводились по методике антропологических исследований, разработанной В. П. Алексеевым и Г. Ф. Дебецом [2]. Остеометрические описания и измерения проводились по методике антропологических исследований В. П. Алексеева [3]. Определение возраста и половой принадлежности проводилось по общепринятым методикам, с привлечением материалов Standards for data collection from human skeletal remains [15], программ

[1] Автор выражает благодарность А. И. Айбабину за предоставленный для изучения материал.

и методик по судебной медицине В. И. Пашковской [7]. В работе использована методика комплексного изучения патологических состояний, разработанная А. П. Бужиловой [4]. Оценка степени развития рельефа длинных костей проводилась по методике В. Н. Федосовой [12]. Рост погребенных рассчитывался по длине длинных костей скелета (формулы Л. Мануврие, К. Пирсона и А. Ли, М. Троттера и Г. Глезера). Эпигенетические признаки черепов описывались по атласу «Epigenetic variants of the human skull» Hauser [13]. При описании зубного аппарата использована международная двухцифровая система «Виола» (принятая FDI в 1971 г.). В целом сохранность материала была удовлетворительной. В ряде случаев была проведена подготовительная реставрационная работа. Данные индивидуальных краниологических измерений представлены в таблице № 1, остеметрические измерения – в таблицах №№ 2-10, палеопатологические изменения и эпигенетические варианты – в таблице № 11.

Могила 1 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Руки погребенного были согнуты в локтевых суставах, кости кистей рук покоились на крестцовых костях.

Череп массивный, по форме пентагоноид, мезокранный. Надбровье 2 балла. Орбиты средней величины. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами. Наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор выражены очень хорошо. Затылочное отверстие овальное. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы, с хорошо выраженным подбородком. Швы на черепе практически полностью облитерированы. Посткраниальный скелет очень массивный. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Рельеф длинных костей рук выражен хорошо. Основание крестца среднее. Рельеф бедренных костей и линия аспера выражены очень хорошо. Подколенная линия в виде гребня. Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 39-40 годами. Рост погребенного 167 см. Погребение мужское.

Патологии. Зубы 16, 25 разрушены. Зубы 23, 26, 37, 38 утеряны при жизни. Отмечен зубной камень. Поясничные позвонки со следами деформирующего спондилоза.

Могила 2 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Руки погребенного согнуты в локтевых суставах, кисти обеих рук находились в области живота.

Череп разрушен, грацильный. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 1 балл. Альвеолярная часть параболическая. Передненосовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Крестец с заниженным основанием. Форма лопаточной ости, верхний край лопатки и лопаточная вырезка 3 варианта, суставная впадина лопатки 2 варианта. Развитие зубной системы и посткраниального скелета соотносится с 4-5 годами.

Патологии. Проявления отита.

Могила 3 (грунтовая). Погребение совершено, предположительно, в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Положение рук, предположительно, вытянутое по продольной оси.

Череп разрушен, грацильный. Сосцевидные отростки 1,5 балла Состояние зубной системы соотносится с 20-23 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф длинных костей рук развит умеренно. Форма лопаточной ости 1 варианта. Пол погребенного не определен.

Эпигенетические варианты. Адентия третьих моляров. Добавочные косточки на черепе (os lambda).

Могила 4 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Предположительно, руки погребенного были согнуты под прямым углом, и кисти рук находились в области живота.

Череп разрушен. Получен 1 фрагмент теменной кости и 1 фрагмент затылочной кости. Оба фрагмента умеренно массивные. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Основание крестца завышенное. Подколенная линия в виде гребня. Возраст погребенного соотносится с 45-50 годами. Рост погребенного 157 см. Погребение мужское.

Патологии. На лопатках отмечен артроз суставных впадин. Артроз нижних эпифизов лучевых костей. Артроз коленных суставов и деформирующий артроз голеностопных суставов обеих ног. Артроз надколенника. Позвонки грудного отдела деформированы по типу «рыбьих». Реберно-позвоночный артроз. На позвонках поясничного отдела отмечены узлы Шморля и деформирующий спондилоз.

Могила 5 (грунтовая). Погребение совершено на спине, головой, предположительно, на восток.

Получены только кости посткраниального скелета (тазовые кости и кости нижних конечностей). Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Основание крестца завышенное. Рельеф бедренных костей выражен слабо. Линия аспера выражена хорошо. Подколенная линия в виде гребня. Рост погребенного 157 см. Погребение мужское.

Могила 6 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Обе руки погребенного вытянуты по продольной оси.

Череп грацильный, разрушен. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Затылочное отверстие ромбическое. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть грацильная. Состояние зубной системы соотносится с 21 годом. Кости посткраниального скелета грацильные. Крестец с нормальным основанием. Мышечный рельеф длинных костей рук развит слабо. Форма лопаточной ости 1 варианта. Рельеф и линия аспера на бедренных костях выражены слабо. Подколенная линия «невидимая». Возраст по костям

посткраниального скелета соотносится с 22 годами. Рост погребенного 158 см. Погребение женское.

Патологии. Проявления отита. Отмечен зубной камень.

Могила 7 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении, на спине, головой на запад. Положение рук погребенного вытянутое по продольной оси.

Череп разрушен, умеренно массивный. Надбровье 1 балл. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Возраст по данным краниологии соотносится с 23-25 годами. Посткраниальный скелет грацильный. Костная ткань тонкая. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Кости рук грацильные, со слабо выраженным рельефом. Бедренные кости грацильные, со слабым рельефом и слабо выраженной линией аспера. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (os incaic, os lambda). На левой плечевой кости отмечено межмыщелковое отверстие. На тазовых костях образования остеофитов.

Могила 8 (грунтовая). ***Погребение 1*** совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Положение рук вытянутое по продольной оси. Правая нога слегка согнута в тазобедренном и коленном суставах и видна внутренней поверхностью.

Череп разрушен, умеренно массивный. Сосцевидные отростки 2,5 балла. Нижняя челюсть умеренно массивная, округлой формы. Состояние зубной системы соотносится с 35-40 годами. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Рельеф костей рук выражен слабо. Суставная впадина лопатки 1 варианта. Рельеф и линия аспера бедренных костей выражены средне. Подколенная линия невидимая. Рост погребенного 160 см. Погребение женское.

Патологии. Зубы 36, 37, 38, 41, 43 утеряны при жизни. Отмечена эмалевая гипоплазия (2 линии). Проявления артроза на большеберцовых и малоберцовых костях.

Погребение (а) совершено на правом боку, головой на юго-запад. Руки были согнуты в плечевых и локтевых суставах. Обе кисти находились перед фронтальной частью головы. Левая рука частично перекрывала правую. Обе ноги согнуты в тазобедренных и коленных суставах и видны боковыми поверхностями. Правая нога частично перекрывала левую.

Череп грацильный, долихокранный, по форме пентагоноид. Сосцевидные отростки 2 балла. Передненосовая ость 2,5 балла. Верхний глазничный край округлый. Надпереносье 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Альвеолярная часть параболическая. Затылочное отверстие овальное. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Состояние зубной системы соотносится

с 40-45 годами. Облитерация черепных швов соотносится с 25-35 годами. Кости посткраниального скелета массивные. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Лопаточная вырезка 3 варианта. Рельеф костей рук выражен слабо. Рельеф бедренных костей и линия аспера выражены хорошо. Подколенная линия каплевидная. Основание крестца нормальное. По костям посткраниального скелета возраст соотносится с 35-39 годами. Рост погребенного 166 см. Погребение мужское.

Патологии. Зубы 14, 16, 24, 25, 26, 35, 36, 37, 38, 45, 46, 47, 48 утеряны при жизни. Проявления артроза в локтевых суставах. Реберно-позвоночный артроз. На надколеннике отмечены проявления артроза. На позвонках поясничного и грудного отделов проявления деформирующего спондилоза.

Могила 9 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Положение рук погребенного вытянутое по продольной оси.

Череп разрушен, массивный, мезокранный, по форме пентагоноид. Сосцевидные отростки 2 балла. Надбровье 0,5 балла. Верхний глазничный край округлый. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Затылочное отверстие овальное. Облитерация черепных швов соответствует 35-45 годам. Нижняя челюсть треугольная. Посткраниальный скелет грацильный. Форма лопаточной ости 1 варианта. Плечевые кости грацильные, с хорошо выраженным рельефом. Рельеф бедренных костей и линия аспера выражены слабо. Подколенная линия в виде гребня. Возраст погребенного по посткраниальному соотносится с 45 годами. Рост погребенного 155 см. Погребение женское.

Патологии. Нижняя челюсть деформирована в результате утраты зубов. На челюсти сохранились зубы 31, 32, 33, 41, 42, 43, остальные утрачены при жизни. Отмечен зубной камень. Артроз суставных площадок основания первого позвонка. Артроз левого плечевого сустава. Травма крестца. Отмечены проявления артроза в области вертлужных впадин на тазовых костях. Артроз коленных суставов. На левой подвздошной кости отмечено сквозное отверстие 5х3 мм. Последний поясничный (L5) позвонок со следами деформирующего спондилоза.

Могила 10 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Положение рук вытянутое по продольной оси.

Череп разрушен, грацильный. Нижняя челюсть треугольная. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Лопаточная вырезка 1 варианта, Верхний край лопатки 2 варианта. Возраст погребенного соотносится с 6-7 годами по состоянию зубной системы и с 5-6 годами по состоянию посткраниального скелета.

Эпигенетические варианты. Добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles).

Могила 11 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток.

Череп разрушен, грацильный, брахикранный, по форме пентагоноид. Сосцевидные отростки 0,2 балла. Верхний глазничный край острый. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости не выражен. Нижняя челюсть треугольная. Посткраниальный скелет грацильный. Лопаточная вырезка 2 варианта. Подколенная линия «невидимая». Возраст погребенного по состоянию зубной системы и посткраниального скелета соотносится с 5-6 годами.

Эпигенетические варианты. Cribra orbitalia.

Могила 12 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Положение рук вытянутое по продольной оси.

Получено три фрагмента верхней и нижней челюстей. Нижняя челюсть округлая, умеренно массивная. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 25-27 годами. Кости посткраниального скелета массивные. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Рельеф плечевых костей выражен умеренно. На бедренных костях рельеф выражен умеренно, линия аспера – хорошо. Подколенная линия в виде гребня. Основание крестца нормальное. Рост погребенного 163 см. Погребение мужское.

Патологии. Отмечен зубной камень. На левой большеберцовой кости отмечен остеохондроз коленного сустава.

Могила 13. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Положение рук вытянутое по продольной оси.

Череп массивный, разрушен. Сосцевидные отростки 2 балла. Верхний глазничный край округлый. Передненосовая ость 1,5 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Состояние зубной системы соотносится с 35-45 годами. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Нижняя челюсть массивная, округлая, с хорошо выраженным подбородком. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Рельеф плечевых костей выражен умеренно. Основание крестца завышенное. Рельеф и линия аспера, бедренной кости выражены хорошо. Подколенная линия – гребень. Рост погребенного 159 см. Погребение мужское.

Патологии. В области зубов 11, 13, 21 абсцесс. Отмечен зубной камень.

Могила 14 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Правая рука была согнута в локтевом суставе, и правая кисть находилась в области головы. Кости ног не сохранили анатомического порядка.

Череп разрушен, грацильный. Сосцевидные отростки 1 балл. Нижняя челюсть умеренно массивная. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Посткраниальный скелет грацильный. Форма лопаточной ости 3 варианта. Возраст погребенного по данным краниологии и посткраниальному скелету соотносится с 5-6 годами.

Могила 15 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на

спине, головой на юго-восток. Правая рука согнута в локтевом суставе, и правая кисть находилась в области правого плечевого сустава. Положение левой руки, предположительно, вытянутое по продольной оси.

Череп разрушен, умеренно массивный. Сосцевидные отростки 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Затылочное отверстие круглое. Нижняя челюсть треугольная. Возраст по данным краниологии соотносится с 25-27 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф костей рук выражен хорошо. Форма лопаточной ости и лопаточная вырезка 1 варианта. Суставная впадина 2 варианта. Основание крестца нормальное. Рельеф бедренных костей выражен средне, линия аспера – хорошо. Подколенная линия каплевидная. По костям посткраниального скелета возраст погребенного соотносится с 35-39 годами. Рост погребенного 159 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Зубной камень. Отмечены межмыщелковые отверстия на плечевых костях.

Могила 16 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Кисть правой руки перекрывает правый тазобедренный сустав. Положение левой руки вытянутое по продольной оси.

Череп разрушен, умеренно массивный. Состояние зубной системы соотносится с 20-21 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф костей рук выражен слабо. Рельеф бедренных костей выражен средне. Подколенная линия каплевидная. Возраст по посткраниальному скелету 21 год. Рост погребенного 146 см. Пол погребенного не определен.

Патологии и эпигенетические варианты. Отмечен зубной камень. На левой плечевой кости межмыщелковое отверстие.

Могила 17 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Обе руки погребенного согнуты в локтевых суставах. Кисти обеих рук покоились в области нижней части живота.

Череп разрушен, умеренно массивный. Сосцевидные отростки 3 балла. Передненосовая ость 3 балла. Надбровье 0 баллов. Орбиты средние. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Затылочное отверстие ромбическое. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы с хорошо выраженным подбородком. Состояние зубной системы соотносится с 23-25 годами. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Плечевые кости грацильные со слабо выраженным рельефом. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина и верхний край лопатки 2 варианта. Рельеф и линия аспера на бедренных костях выражены средне. Подколенная линия каплевидная. Рост погребенного 157 см. Погребение женское.

Могила 18 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад.

Череп разрушен, грацильный. Сосцевидные отростки 0 баллов. Верхний глазничный край острый. Наружный рельеф затылочной кости не выражен. Нижняя

челюсть грацильная, округлой формы. Возраст погребенного соотносится с 18 месяцами.

Могила 19 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Правая рука была согнута в локтевом суставе, и кости правой кисти перекрывают левую подвздошную кость. Положение левой руки вытянутое по продольной оси.

Череп разрушен, очень массивный. Сосцевидные отростки 4 балла. Надбровье 3 балла. Верхний глазничный край округлый. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передненосовая ость 3 балла. Альвеолярная часть параллельная. По состоянию зубной системы возраст соотносится с 35-45 годами. Хорошо выражены наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор. Затылочное отверстие овальное. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Кости посткраниального скелета очень массивные. Основание крестца нормальное. Кости рук и ног с хорошо выраженным рельефом. Хорошо выражена линия аспера. Подколенная линия каплевидная. Возраст по посткраниальному скелету соотносится с 35-39 годами. Рост погребенного 170 см. Погребение мужское.

Патологии. Зубы 13, 26 кариес. Зубы 17, 38 утеряны при жизни. В области зуба 26 абсцесс. Отмечен зубной камень. На позвонках поясничного отдела следы деформирующего спондилоза.

Могила 20 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Правая рука была согнута в локтевом суставе, кости правого запястья перекрывают позвонки поясничного отдела. Левая рука была вытянута по продольной оси. Кости левой кисти перекрывают левый тазобедренный сустав.

Череп разрушен, массивный. Сосцевидные отростки 2,5 балла. Затылочное отверстие круглое. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы, с хорошо выраженным подбородком. Возраст по данным краниологии соотносится с 25-35 годами. Кости посткраниального скелета массивные. Кости рук с хорошо развитым рельефом. Кости лопаток с хорошо выраженным рельефом. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина и верхний край лопатки 2 варианта. Лопаточная вырезка 3 варианта. Основание крестца нормальное. Рельеф бедренных костей выражен средне. Хорошо выражена линия аспера. Подколенная линия в виде гребня. По костям посткраниального скелета возраст соотносится с 30-35 годами. Рост погребенного 165 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Зубной камень. Зубы 32, 37, 38, 47, 48 утеряны при жизни. В области 34 зуба абсцесс. Отмечены незначительные проявления артроза на локтевых суставах. Артроз левого плечевого сустава. Межмыщелковые отверстия на плечевых костях.

Могила 21 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на

спине, головой на юго-запад. Правая рука была согнута под углом в 95° в локтевом суставе, кости правой руки перекрывают позвонки нижнего грудного отдела. Левая рука была согнута в локтевом суставе под углом в 45°, и кости запястья перекрывают кости грудины.

Череп умеренно массивный, мезокранный, по форме сфеноид. Надбровье 1 балл. Орбиты низкие. Верхний глазничный край округлый. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Передненосовая ость 3 балла. Сосцевидные отростки 2 балла. Затылочное отверстие ромбическое. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Альвеолярная часть параболическая. Облитерация черепных швов соотносится с 20-25 годами. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами. Нижняя челюсть умеренно массивная, треугольной формы, с хорошо выраженным подбородком. Кости посткраниального скелета массивные. Форма лопаточной ости и верхний край лопатки 1 варианта. Суставная впадина 2 варианта. Лопаточная вырезка 3 варианта. Рельеф костей рук выражен умеренно. Основание крестца нормальное. Рельеф костей ног выражен умеренно. Подколенная линия «невидимая». По данным посткраниального скелета возраст погребенного 35-39 лет. Рост погребенного 159 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Зуб 46 разрушен. Поясничные позвонки с незначительными деформациями тел. Добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles). Адентия третьих моляров. На левой плечевой кости отмечено межмыщелковое отверстие.

Могила 22 (плитовая). Череп разрушен, очень массивный, по форме сфеноид. Сосцевидные отростки 3,5 балла. Надбровье 0,5 балла. Верхний глазничный край округлый. Передненосовая ость 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Орбиты высокие. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Нижняя челюсть округлая, с хорошо выраженным подбородком. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Форма лопаточной ости 3 варианта. Суставная впадина, верхний край, лопаточная вырезка 2 варианта. Крестец с завышенным основанием. Возраст погребенного 23-25 лет. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Отмечен зубной камень. Зуб 48 кариес. Добавочные косточки на черепе (os lambdae, lambdoid ossicles).

Могила 23 (плитовая). ***Погребение 1*** совершено головой на юго-запад. Верхняя часть туловища была уложена на левый бок. Тазовые кости видны передними поверхностями. Ноги погребенного были слегка согнуты в тазобедренном и коленном суставах.

Череп грацильный, разрушен. Суставная впадина лопатки и верхний край 2 варианта. Лопаточная вырезка и форма лопаточной ости 1 варианта. Затылочное отверстие овальное. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Основание крестца заниженное. Возраст погребенного 6 лет.

Погребение 2 совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Положение рук вытянутое по продольной оси.

Череп разрушен, грацильный. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть треугольная. Посткраниальный скелет грацильный. Форма лопаточной ости и лопаточная вырезка 1 варианта. Суставная впадина и верхний край лопатки 2 варианта. По краниологическим данным возраст соотносится с 3 годами. По данным посткраниального скелета возраст погребенного 4-5 лет.

Могила 24 (плитовая). Погребение совершено, предположительно, в вытянутом положении, головой на юго-запад.

Получены фрагменты левой лопатки. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Фрагмент плечевой кости грацильный. Несколько фрагментов ребер. Пол погребенного не определен.

Могила 25 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Положение рук вытянутое по продольной оси. Кисть правой руки перекрывает область правого тазобедренного сустава.

Череп разрушен, грацильный, по форме пентагоноид. Сосцевидные отростки 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Передненосовая ость 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Затылочное отверстие овальное. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Нижняя челюсть умеренно массивная, округлая. Форма лопаточной ости и лопаточная вырезка 1 варианта. Суставная впадина 2 варианта. Верхний край лопатки 3 варианта. Рельеф бедренных костей и линия аспера выражены хорошо. Подколенная линия в виде гребня. Возраст погребенного 9-10 лет. Рост погребенного 142 см. Пол, предположительно, мужской.

Патологии. Отмечен зубной камень. Травма черепа (тонким рубящим оружием была разрушена часть лобной кости), несомненно, смертельная. Отмечена эмалевая гипоплазия (1 линия).

Могила 26 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Положение обеих рук вытянутое по продольной оси.

Череп разрушен, массивный. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 1 балл. Сосцевидные отростки 3 балла. Передненосовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Затылочное отверстие круглое. Нижняя челюсть массивная, округлой формы. Возраст по краниологическим данным соотносится с 21-25 годами. Посткраниальный скелет умеренно массивный. Рельеф плечевых костей развит умеренно. Ключицы массивные, короткие. Суставная впадина лопатки 2 варианта, с хорошо выраженным рельефом. Основание крестца нормальное. Подколенная линия в виде гребня. По посткраниальному скелету возраст погребенного соотносится с 20-21 годами. Рост погребенного 159 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Искривление малоберцовых костей. Дополнительные косточки на черепе (os lamda, lambdoid ossicles).

Могила 27 (грунтовая). Погребение совершено на правом боку, головой на восток. Правая рука была согнута в локтевом суставе, и кости правой кисти находятся в области черепа. Левая рука была согнута в локтевом суставе под углом 110-120º, кости левой кисти находятся в области левого коленного сустава. Кости обеих ног были согнуты в тазобедренных и коленных суставах. Кости правой ноги видны внутренними поверхностями. Кости левой ноги частично перекрывают кости правой и видны внешними боковыми поверхностями.

Кости посткраниального скелета очень массивные. Рельеф костей рук выражен очень хорошо. Лопатка с хорошо выраженным рельефом. Форма лопаточной ости 3 варианта. Суставная впадина и верхний край лопатки 2 варианта. Лопаточная вырезка 1 варианта. Основание крестца нормальное. Бедренные кости с хорошо выраженным рельефом и линей аспера. Погребение мужское.

Патологии. Отмечен незначительный артроз в правом плечевом суставе. Последний поясничный позвонок (L4) со следами деформирующего спондилоза. Синостоз двух фаланг на правой ступне.

Могила 28 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Положение рук слегка согнутое в локтевых суставах. Кисти обеих рук покоятся в области таза.

Череп разрушен, грацильный. Сосцевидные отростки 1 балл. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть округлая. Возраст по состоянию зубной системы соотносится с 25 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф костей рук выражен слабо. Лопаточная вырезка 2 варианта. Рельеф бедренных костей выражен средне, линия аспера выражена хорошо. Подколенная линия в виде гребня. Рост погребенного 157 см. Погребение женское.

Патологии. Зубы 15, 16 кариес.

Могила 29 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Положение обеих рук вытянутое вдоль туловища. Кости обеих кистей находятся под тазобедренными суставами.

Череп умеренно массивный, разрушен. Надпереносье 0 баллов. Верхний глазничный край острый. Развитие сосцевидных отростков 1,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 21-22 годами. Наружный рельеф затылочной кости не выражен. Нижняя челюсть умеренно массивная, треугольной формы, с хорошо выраженным подбородком. Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Плечевые кости с хорошо развитым рельефом. Рельеф и линия аспера на бедренных костях выражены хорошо. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Возраст погребенного 22-26 лет. Рост погребенного 161 см. Погребение женское.

Могила 30 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Положение правой руки вытянутое по продольной оси. Левая рука была согнута в локтевом суставе, ее кости видны боковой поверхностью. Кости левой кисти перекрывают кости крестца.

Череп разрушен, умеренно массивный, мезокранный, по форме пентагоноид. Надбровье 0 баллов. Сосцевидные отростки 1 балл. Верхний глазничный край округлый. Передненосовая ость 2 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Состояние зубной системы и облитерация черепных швов соотносятся с 20 годами. Альвеолярная часть параболическая. Затылочное отверстие овальное. Нижняя челюсть умеренно массивная, квадратная, с хорошо выраженным подбородком. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Рельеф плечевой кости умеренный. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина 2 варианта. Лопаточная вырезка 3 варианта. Основание крестца завышенное. Рельеф и линия аспера на бедренных костях выражены хорошо. Подколенная линия в виде гребня. Рост погребенного 161 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Отмечен зубной камень. Зубы 46, 47 утеряны при жизни. Зубы 35, 36, 37 разрушены до корней. Зубы 17, 27 кариес. Артроз суставной впадины на правой лопатке. Реберно-позвоночный артроз. На бедренных костях в коленных суставах и надколенниках отмечены проявления остеохондроза. На малоберцовой кости в области нижнего эпифиза отмечен экзостоз длиной до 13 мм. Адентия третьих моляров. Отмечены добавочные косточки на черепе (os lambda, lambdoid ossicles, incisurae parietalis).

Могила 32 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Правая рука была согнута под углом в 110-120º в локтевом суставе, кости правой кисти находятся в области левой подвздошной кости. Левая рука была согнута под углом в 45º в локтевом суставе и частично перекрывает грудную область, кости левой кисти находятся в области правых ребер.

Череп массивный, мезокранный, по форме пентагоноид. Надбровье 3 балла. Орбиты низкие. Передненосовая ость 4 балла. Сосцевидные отростки 3 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Затылочное отверстие ромбическое. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Нижняя челюсть квадратная, массивная, с хорошо выраженным подбородком. Состояние зубной системы и облитерация черепных швов соотносятся с 25-32 годами. Посткраниальный скелет массивный. Основание крестца нормальное. Рельеф костей рук выражен средне. Форма лопаточной ости и суставная впадина 1 варианта. Рельеф бедренных костей и линия аспера выражены хорошо. Подколенная линия в виде гребня. Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 27-30 годами. Рост погребенного 166 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Зубной камень. На фронтальной части черепа отмечен маркер холодового стресса. Адентия третьих моляров на нижней челюсти.

Могила 33 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Правая рука была согнута в локтевом суставе. Кости правой кисти находятся на правой подвздошной кости. Положение левой руки было вытянутое по продольной оси.

Череп мезокранный, по форме сфеноид. Надбровье 2 балла. Сосцевидные отростки 2 балла. Верхний глазничный край округлый. Передненосовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Альвеолярная часть параболическая. Затылочное отверстие овальное. Нижняя челюсть массивная, треугольная, с хорошо выраженным подбородком. По состоянию зубной системы и облитерации черепных швов возраст погребенного соотносится с 20-25 годами. Посткраниальный скелет грацильный. Форма лопаточной ости и верхний край лопатки 1 варианта. Суставная впадина и лопаточная вырезка 2 варианта. Хорошо выражен рельеф костей лопатки. Плечевые кости грацильные, рельеф выражен слабо. Основание крестца нормальное. Рельеф и линия аспера бедренных костей выражены средне. Подколенная линия в виде гребня. Рост погребенного 165 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Зубной камень. На левой височной кости остеома 18х34 мм. Зуб 32 растет со смещением. На позвонках грудного отдела отмечены узлы Шморля и проявления деформирующего спондилоза. Добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles).

Могила 34 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад.

Нижняя челюсть грацильная, треугольной формы. Возраст по состоянию зубной системы соотносится с 1-1,5 годами. По костям посткраниального скелета 2 года.

Могила 35 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Положение правой руки вытянутое по продольной оси. Кости левой кисти перекрывают левый тазобедренный сустав.

Череп грацильный, мезокранный, по форме овоид. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 0,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Состояние зубной системы соотносится с 11-12 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Кости рук грацильны, рельеф не выражен. Форма лопаточной ости, суставная впадина, верхний край лопатки, лопаточная вырезка 2 варианта. Основание крестца заниженное. Рельеф и линия аспера на бедренных костях не выражены. Подколенная линия «невидимая». Погребение девочки.

Патологии. Проявления отита.

Могила 36 (грунтовая). Череп массивный, брахикранный. Форма черепа

сфеноид. Сосцевидные отростки 3 балла. Надбровье 3 балла. Передненосовая ость 3 балла. Нижний край грушевидного отверстия асимметричный с предносовыми ямками. Верхний глазничный край округлый. Орбиты низкие. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 35-40 годами. Облитерация черепных швов соотносится с 20-30 годами. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Затылочное отверстие круглое. Хорошо выражен затылочный бугор. Нижняя челюсть массивная, треугольная, с хорошо выраженным подбородком. Кости посткраниального скелета массивные. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина 2 варианта. Плечевые кости массивные, со слабо выраженным рельефом. По костям посткраниального скелета возраст погребенного около 30 лет. Рост погребенного 171 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Грушевидное отверстие деформировано (травма). Зубы 45, 46 утеряны при жизни. Эмалевая гипоплазия (1 линия). Поясничные позвонки со следами деформирующего спондилоза. Добавочные косточки на черепе (os lambda, lambdoid ossicles).

Могила 37 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Обе руки были слегка согнуты в плечевых суставах. Кисти обеих рук перекрывают подвздошные кости.

Череп грацильный, брахикранный, по форме сфеноид. Надбровье 0,5 балла. Орбиты высокие. Передненосовая ость 2,5 балла. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Верхний глазничный край округлый. Альвеолярная часть параболическая. Затылочное отверстие ромбическое. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Нижняя челюсть округлая. Состояние зубной системы соотносится с 35 годами. Облитерация черепных швов соотносится с 20 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Форма лопаточной ости, суставная впадина лопатки и лопаточная вырезка 1 варианта. Верхний край лопатки 2 варианта. Хорошо выражен рельеф костей лопаток. Рельеф бедренных костей выражен слабо. Линия аспера выражена хорошо. Основание крестца нормальное. Подколенная линия в виде гребня. Возраст по посткраниальному скелету соотносится с 35-39 годами. Рост погребенного 161 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Проявления пародонтоза на верхней и нижней челюстях. Зубной камень. Зубы 14, 17, 18, 27, 28, 37, 38, 41, 42, 43, 47, 48 утеряны при жизни. В области 15 зуба абсцесс. Артроз суставных впадин лопаток. На надколенниках проявления артроза и энтезопатия на передних поверхностях до 9 мм. Периостит на плечевых костях. Перелом седьмого правого ребра. Артроз коленных суставов. Отмечено образование остеофитов на малоберцовых костях. Проявления периостита на большеберцовых костях. Отмечено окостенение мечевидного отростка. Изменение и деформация тел позвонков по всей длине позвоночного столба. Артроз в крестцово-подвздошной связке.

Остеофитоз тазовых костей. Добавочные косточки на черепе (ossa lambdoid ossicles).

Могила 38 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Положение обеих рук вытянутое. Кости обеих кистей рук перекрывают тазобедренные суставы.

Череп разрушен. Получены верхняя и нижняя челюсти. Передненосовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть умеренно массивная, треугольной формы. Стертость зубной системы соотносится с 30-35 годами. Кости посткраниального скелета грацильны. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина 2 варианта. Рельеф плечевых костей выражен незначительно. Бедренные кости умеренно массивные, с хорошо выраженным рельефом и хорошо выраженной линией аспера. Основание крестца завышенное. Подколенная линия в виде гребня. Рост погребенного 157 см. Погребение женское.

Патологии. Зубы 15, 16, 25 утеряны при жизни. Зубной камень. В области 25 зуба абсцесс. На проксимальной фаланге правой руки отмечен остистый отросток. Артроз костей рук в плечевых и локтевых суставах. На правой локтевой кости, ниже середины диафиза, зафиксирован перелом, вследствие чего произошли образование ложного сустава, дегенеративные изменения в области нижнего эпифиза и изменения в локтевом суставе. Отмечен артроз коленных суставов. На последнем грудном позвонке (T12) отмечены узлы Шморля и следы деформирующего спондилоза.

Могила 39 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Правая рука была согнута в локтевом суставе, и кости правой кисти находятся в области черепа. Левая рука была вытянута по продольной оси, и кости левой кисти перекрывают левый тазобедренный сустав. Правые берцовые кости перекрывают левые в середине диафиза.

Череп и кости посткраниального скелета разрушены. Нижняя челюсть квадратная. Развитие зубной системы соотносится с 10 годами. Рельеф длинных костей не выражен. Предположительно, погребение девочки.

Могила 40 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Обе руки погребенного были согнуты в локтевых суставах и покоились в области нижнего грудного отдела.

Череп разрушен, грацильный. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Нижняя челюсть треугольная. Состояние зубной системы соотносится с 21 годом. Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф плечевых костей выражен слабо. Верхние эпифизы плечевых костей не срослись. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Рельеф и линия аспера бедренных костей выражены слабо. Подколенная линия «невидимая». Возраст по костям посткраниального скелета 20 лет. Погребение женское.

Могила 41 (плитовая). Погребение совершено на спине, головой на запад. Череп виден правой боковой поверхностью. Ноги были согнуты в тазобедренных и коленных суставах и видны левами боковыми поверхностями. Колени погребенного были обращены к северу.

Череп разрушен. Сосцевидные отростки 0,2 балла. Альвеолярная часть параллельная. Нижняя челюсть округлая. Форма лопаточной ости и лопаточная вырезка 1 варианта. Верхний край лопатки и суставная впадина 2 варианта. Возраст погребенного соотносится с 1-1,5 годами.

Могила 42 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Кости обеих кистей рук покоятся на тазобедренных суставах. Череп виден правой боковой поверхностью.

Череп разрушен. Форма черепа – сфеноид. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 1 балл. Орбиты высокие. Передненосовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Альвеолярная часть параболическая. Стертость зубов соотносится с 30 годами. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Нижняя челюсть треугольная, с хорошо выраженным подбородком. Посткраниальный скелет умеренно массивный. Хорошо выражен рельеф плечевых и локтевых костей. Форма лопаточной ости и верхний край лопатки 1 варианта. Суставная впадина 2 варианта. Лопаточная вырезка 3 варианта. Хорошо выражен рельеф костей лопатки. Основание крестца нормальное. Хорошо выражен рельеф и линия аспера бедренных костей. Подколенная линия каплевидная. Возраст по посткраниальному скелету соотносится с 35-39 годами. Рост погребенного 159 см. Пол погребенного мужской.

Патологии и эпигенетические варианты. Эмалевая гипоплазия. 36 зуб утерян при жизни. Зуб 37 разрушен до пульпы. Отмечен маркер холодового стресса. На позвонках поясничного отдела следы деформирующего спондилоза. На малоберцовых костях отмечены проявления периостита. Добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles). Адентия третьих моляров.

Могила 43 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Кости правой кисти перекрывают правый тазобедренный сустав, левой – левый.

Череп разрушен, массивный. Сосцевидные отростки 3 балла. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 23 годами. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Кости посткраниального скелета массивные. Плечевые кости массивные, со слабо выраженным рельефом. Рельеф бедренных костей выражен слабо, линия аспера – умеренно. Подколенная линия в виде гребня. Рост погребенного 163 см. Погребение мужское.

Патологии. Эмалевая гипоплазия (1 линия).

Могила 44 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Положение обеих рук вытянутое по продольной оси. Левая подвздошная кость несколько перекрывает кости запястья левой

руки. Правая нога была слегка согнута в коленном суставе, кости правой ноги видны внутренними поверхностями.

Череп разрушен, грацильный. Надбровье 1 балл. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Хорошо выражен затылочный бугор. Нижняя челюсть умеренно массивная, треугольной формы. Состояние зубной системы соотносится с 25-30 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Форма лопаточной ости 4 варианта. Суставная впадина лопатки и лопаточная вырезка 2 варианта. Верхний край лопатки 3 варианта. Плечевые кости грацильные, с хорошо выраженным рельефом. Рельеф бедренных костей выражен умеренно, линия аспера – хорошо. Подколенная линия каплевидная. Основание крестца нормальное. Возраст по посткраниальному скелету 27-35 лет. Погребение мужское.

Патологии. На позвонках поясничного отдела отмечен деформирующий спондилоз.

Могила 45 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Положение правой руки вытянутое по продольной оси. Левая рука была согнута в локтевом суставе, и кости левой кисти перекрывают правую подвздошную кость.

Череп разрушен. Верхний глазничный край острый. Надбровье 0 баллов. Сосцевидные отростки 0,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия «лунка». Подколенная линия каплевидная. Развитие посткраниального скелета и зубной системы соотносится с 6 годами.

Могила 46 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Правая рука была слегка смещена по продольной оси и, находясь в плотном сочленении с костями лопатки, несколько отодвинута в сторону. Левая рука была вытянута по продольной оси. Левая нога была слегка согнута в тазобедренном и коленном суставах, и ее кости видны внутренними поверхностями.

Череп разрушен, грацильный, по форме асимметричный сфеноид. Надпереносье 0 баллов. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Верхний глазничный край острый. Нижний край грушевидного отверстия инфантильный. Передненосовая ость 2,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Состояние зубной системы соотносится с 21-22 годами. Облитерация черепных швов соотносится с 20 годами. Затылочное отверстие в виде неправильного ромба. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть массивная, округлой формы, с хорошо выраженным подбородком. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Форма лопаточной ости 1 варианта. Рельеф костей рук выражен умеренно. Рельеф бедренных костей и линия аспера выражены слабо. Подколенная линия в виде гребня. Основание крестца нормальное. Рост погребенного 158 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Эмалевая гипоплазия (2 линии).

Добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles). Межмыщелковые отверстия на обеих плечевых костях.

Могила 47 (плитовая). Погребение совершено на спине, головой на юго-запад. Правая рука погребенного была согнута в локтевом суставе под углом в 90º. Кости правой кисти находятся в области нижних грудных позвонков. Левая рука была частично смещена и не сохранила анатомического положения. Обе ноги были слегка согнуты в тазобедренном и коленном суставах.

Череп разрушен, массивный. Надбровье 2 балла. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 2 балла. Стертость зубов соотносится с 30-35 годами. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Плечевые кости с умеренно выраженным рельефом. Основание крестца завышенное. Рельеф бедренных костей и линия аспера выражены хорошо. Подколенная линия «невидимая». Рост погребенного 157 см. Погребение женское.

Патологии. Зубы 37, 38, 47 утеряны при жизни. Реберно-позвоночный артроз. Артроз в плечевых суставах. На позвонках поясничного отдела следы деформирующего спондилоза.

Могила 48 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Кости правой руки покоятся на крестцовых костях. Кости левой руки не находятся в плотном сочленении с костями лопатки. Плечевая кость видна внутренней поверхностью, лучевая и локтевая кости – боковыми поверхностями, кости кисти – передними поверхностями.

Череп разрушен, массивный. Верхний глазничный край острый. Надпереносье 2 балла. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Стертость зубов соотносится с 25-35 годами. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно. Затылочное отверстие овальное. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы, с хорошо выраженным подбородком. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. На плечевых костях рельеф выражен слабо. Форма лопаточной ости, верхний край лопатки и лопаточная вырезка 1 варианта. Суставная впадина 2 варианта. Основание крестца нормальное. На бедренных костях хорошо выражены рельеф и линия аспера. Подколенная линия каплевидная. Рост погребенного 161 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Зуб 27 кариес. Отмечен зубной камень. Зубы 47, 48 утеряны при жизни. Остеоартрит коленных суставов. Остеохондроз левого коленного сустава. Реберно-позвоночный артроз. Первый грудной позвонок (Т1) деформирован по типу «рыбьего». На втором грудном позвонке (Т2) отмечены узлы Шморля и деформирующий спондилоз. На черепе отмечены добавочные косточки (lambdoid ossicles).

Могила 49 (грунтовая). Погребение совершено на спине, головой на северо-восток. Череп виден правой боковой поверхностью. Нижняя часть туловища была уложена на левую сторону. Обе ноги были согнуты в тазобедренных

и коленных суставах. Правые кости ног перекрывают левые и видны боковыми поверхностями.

Череп разрушен, фрагменты умеренно массивные. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 0 баллов. Альвеолярная часть параболическая. Надбровье 0,5 балла. Состояние зубной системы соотносится с 30-40 годами. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Нижняя челюсть грацильная, округлая. Кости посткраниального скелета грацильные. Рельеф костей рук выражен слабо. Форма лопаточной ости 2 варианта. Рельеф и линия аспера на бедренных костях выражены умеренно. Подколенная линия «невидимая». Рост погребенного 157 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Зубы 36, 37, 38, 46, 47, 48 утеряны при жизни. Артроз плечевых и локтевых костей. Артроз правого коленного сустава. Отмечен периостит на правой большеберцовой кости. Реберно-позвоночный артроз. На позвонках узлы Шморля. Добавочные косточки на черепе (os incisurae parientalis).

Могила 50 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Правая рука была вытянута по продольной оси. Кости левой кисти перекрывают левый тазобедренный сустав.

Череп разрушен, очень массивный. Надпереносье 1 балл. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы, с хорошо выраженным подбородком. По краниологическим данным возраст погребенного соотносится с 27-30 годами. Посткраниальный скелет массивный. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Рельеф костей рук умеренный. Рельеф бедренных костей и линия аспера выражены хорошо. Подколенная линия в виде гребня. Основание крестца нормальное. Возраст по данным посткраниального скелета 35-39 лет. Рост погребенного 165 см. Погребение женское.

Патологии и эпигенетические варианты. Зуб 27 утерян при жизни. Зубной камень. Эмалевая гипоплазия (3 линии). Отмечено «О-образное» искривление бедренных костей. Добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles) по правой стороне.

Могила 51 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Кости правой кисти находятся на правой подвздошной кости. Кости левой руки находятся в неплотном сочленении с костями лопатки и несколько смещены по продольной оси.

Череп разрушен, грацильный. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть квадратная, с хорошо выраженным подбородком. Подколенная линия «невидимая». Возраст погребенного 2 года.

Патологии. На теменной кости проявления поротического гиперостоза. Кости головы со следами непреднамеренной искусственной деформации, вероятно, использование колыбели типа «бешик».

Могила 52 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Положение рук вытянутое по продольной оси.

Череп грацильный, мезокранный, по форме пентагоноид. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 1,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Нижняя челюсть умеренно массивная, округлой формы. Возраст по данным краниологии соотносится с 25 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Форма лопаточной ости 1 варианта. Суставная впадина 2 варианта. Рельеф костей рук выражен умеренно. Основание крестца завышенное. Рельеф и линия аспера на бедренных костях выражены слабо. Подколенная линия каплевидная. Возраст по костям посткраниального скелета 19-21 год. Рост погребенного 156 см. Погребение женское.

Патологии. Зубы 37, 48 кариес. Эмалевая гипоплазия (3 линии). В области зубов 37 и 48 абсцесс.

Могила 53 (грунтовая). Погребение совершено на левом боку, головой на северо-восток. Обе ноги были согнуты в тазобедренных и коленных суставах.

Кости посткраниального скелета грацильные. Плечевые кости с умеренно развитым рельефом. На бедренных костях рельеф и линия аспера выражены слабо. Подколенная линия большеберцовых костей «невидимая». Основание крестца завышенное. Возраст погребенного около 30 лет. Рост погребенного 157 см. Погребение женское.

Могила 54 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Кости правой кисти покоятся на тазу, левая рука была вытянута вдоль продольной оси.

Череп частично разрушен, грацильный. Форма черепа – пентагоноид. Верхний глазничный край округлый. Орбиты средние. Альвеолярная часть параболическая. Сосцевидные отростки 1 балл. Передненосовая ость 1,5 балла. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Наружный рельеф затылочной кости выражен слабо. Затылочное отверстие круглое. Нижняя челюсть квадратная, грацильная, с хорошо выраженным подбородком. Возраст по состоянию зубной системы соотносится с 12-15 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина и верхний край лопатки 2 варианта. Лопаточная вырезка 1 варианта. Рельеф плечевых костей не выражен. Основание крестца завышенное. Рельеф бедренных костей не выражен. Подколенная линия «невидимая». Погребение девочки.

Патологии и эпигенетические варианты. Отмечено нарушение прикуса. Добавочные косточки на черепе (os mastoidea, os icisurae parietalis). Метопизм.

Могила 55 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Кости правой кисти находятся на правой подвздошной кости. Левая рука согнута в локтевом суставе под прямым углом, и кости левой руки перекрывают поясничные позвонки.

Череп разрушен, грацильный. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 1 балл. Альвеолярная часть параболическая. Нижняя челюсть округлая. Кости посткраниального скелета грацильные. Форма лопаточной ости и лопаточная вырезка 1 варианта. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Рельеф длинных костей рук слабо. Основание крестца заниженное. Подколенная линия в виде гребня. Возраст погребенного 11 лет.

Патологии. Cribra orbitalia. Проявления отита.

Могила 56 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Правая рука была согнута в локтевом суставе. Правые локтевая и лучевая кости перекрывают верхние поясничные позвонки. Левая рука была слегка согнута в локтевом суставе. Кости левой кисти, предположительно, перекрывали левый тазобедренный сустав.

Череп разрушен, грацильный. Верхний глазничный край острый. Нижняя челюсть округло-треугольная. Состояние зубной системы соотносится с 9-10 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Форма лопаточной ости 3 варианта. Суставная впадина 2 варианта. Лопаточная вырезка 1 варианта. Возраст погребенного по костям посткраниального скелета соотносится с 7-8 годами.

Эпигенетические варианты. Межмыщелковые отверстия на плечевых костях.

Могила 57 (грунтовая). Погребение совершено на левом боку. Левая рука была вытянута по продольной оси. Правая рука была согнута в локтевом суставе под углом в 90º. Кисть правой руки перекрывает левый локтевой сустав. Обе ноги были согнуты в тазобедренных и коленных суставах.

Череп разрушен, массивный. Сосцевидные отростки 2 балла. Верхний глазничный край округлый. Альвеолярная часть параболическая. Передненосовая ость 3 балла. Надбровье 2,5 балла. Наружный рельеф затылочной кости выражен средне. Нижняя челюсть грацильная Состояние зубной системы соотносится с 25-35 годами. Облитерация черепных швов соотносится с 20-30 годами. Кости посткраниального скелета массивные. Рельеф плечевых костей выражен хорошо. Рельеф и линия аспера на бедренных костях выражены хорошо. Подколенная линия в виде гребня. Рост погребенного 171 см. Погребение мужское.

Патологии. Маркер холодового стресса. Зубной камень. Зубы 36, 37, 38 утеряны при жизни. Артроз локтевых суставов. Перелом левой локтевой кости. Перелом сросся с незначительным смещением и образованием костной мозоли. На правой бедренной кости незначительная костная мозоль 12х40 мм. Периостит на большеберцовой кости.

Могила 58 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Кости правой кисти находятся на крестцовых костях. Левая рука была согнута в локтевом суставе. Кисть левой руки находилась в области правого грудного отдела.

Череп разрушен, грацильный. Развитие сосцевидных отростков 1 балл. Нижняя челюсть разрушена, грацильная, треугольной формы. Хорошо выражен подбородочный край. Состояние зубной системы соотносится с 30 годами. Кости посткраниального скелета грацильные. Суставная впадина лопатки и лопаточная вырезка 2 варианта. Верхний край лопатки 1 варианта. Мышечный рельеф плечевых костей не выражен. Рельеф и линия аспера на бедренных костях не выражены. Подколенная линия на большеберцовых костях «невидимая». Основание крестца заниженное. Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 20-21 годами. Рост погребенного 160 см. Погребение женское.

Патологии. Зубной камень.

Могила 59 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Положение рук погребенного вытянутое по продольной оси. Кости правой кисти находятся под правым тазобедренным суставом.

Череп умеренно массивный, разрушен. Надбровье 2,5 балла. Верхний глазничный край округлый. Сосцевидные отростки 2,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Передненосовая ость 2,5 балла. Нижняя челюсть массивная, треугольной формы, с хорошо выраженным подбородком. Стертость зубов и облитерация черепных швов соотносятся с 25-35 годами. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Форма лопаточной ости и суставная впадина лопатки 2 варианта. Основание крестца заниженное. Рельеф бедренных костей выражен умеренно, линия аспера выражена хорошо. Подколенная линия «невидимая». По костям посткраниального скелета возраст соотносится с 35 годами. Рост погребенного 161 см. Погребение мужское.

Патологии. Раковый остеофитоз на лобной кости. Маркер холодового стресса. Зубной камень. Артроз локтевого сустава левой руки. Артроз плечевых суставов. На втором поясничном позвонке (L2) отмечены узлы Шморля. На трех поясничных позвонках проявления деформирующего спондилоза.

Могила 60 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Кисть правой руки была прижата к правому плечевому суставу. Левая рука слегка смещена

Череп разрушен, грацильный. Сосцевидные отростки 0,5 балла. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия «лунка». Возраст погребенного 6-7 лет. Предположительно, погребенный ребенок женского пола.

Патологии. Cribra orbitalia.

Могила 61 (плитовая). Погребение совершено на спине, головой на юго-запад. Левая рука была вытянута по продольной оси. Правая рука была согнута в локтевом суставе и частично перекрывает грудной отдел. Ноги погребенного согнуты в тазобедренных и коленных суставах. Анатомическое положение частично нарушено.

Череп разрушен. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 0,1 балла. Нижняя челюсть округлая. Возраст погребенного определяется как новорожденный.

Могила 62 (плитовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад. Кости обеих кистей рук находятся на тазовых костях.

Череп разрушен, умеренно массивный, долихокранный. Отмечена посмертная деформация костей черепа. Форма черепа – овоид. Развитие сосцевидных отростков 3 балла. Верхний глазничный край округлый. Надбровье 2,5 балла. Альвеолярная часть параллельная. Передненосовая ость 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Стертость зубов соотносится с 35-45 годами. Наружный рельеф затылочной кости и затылочный бугор выражены хорошо. Нижняя челюсть массивная, квадратной формы, хорошо выражен подбородок. Облитерация черепных швов соотносится с 35-45 годами. Кости посткраниального скелета очень массивные. На плечевых костях отмечен хорошо выраженный рельеф. Основание крестца заниженное. Суставная впадина лопатки 2 варианта. Форма лопаточной ости 3 варианта. Бедренные кости с хорошо выраженным рельефом и линией аспера. Подколенная линия на большеберцовой кости в виде гребня. Рост погребенного 167 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Зуб 17 утерян при жизни. Зубной камень. Эмалевая гипоплазия (1 линия). Энтезопатия надколенников и пяточных костей до 6 мм. На позвонках грудного и поясничного отделов отмечен деформирующий спондилоз. Артроз локтевых суставов. На правой плечевой кости, ниже середины диафиза, отмечен сросшийся с незначительным смещением перелом. В месте перелома образовалась костная мозоль. Добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles).

Могила 63 (грунтовая). Погребение совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Правые локтевая и лучевая кости перекрывают правую подвздошную кость. Кости правой кисти перекрывают правый тазобедренный сустав. Положение левой руки было вытянутое по продольной оси.

Череп разрушен, массивный, брахикранный, по форме сфеноид. Сосцевидные отростки 3 балла. Надпереносье 3 балла. Верхний глазничный край округлый. Орбиты средние. Нижний край грушевидного отверстия инфантильный. Передненосовая ость 2 балла. Альвеолярная часть параболическая. Наружный рельеф затылочной кости выражен хорошо. Затылочное отверстие ромбическое. Нижняя челюсть массивная, квадратной формы. Состояние зубной системы и облитерация черепных швов соотносятся с 25-35 годами. Кости посткраниального скелета массивные. Форма лопаточной ости 1 варианта. Лопаточная вырезка 2 варианта. Рельеф плечевых костей выражен хорошо. Основание крестца нормальное. Рельеф и линия аспера на бедренных костях выражены хорошо. Подколенная линия в виде гребня. Рост погребенного 170 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Череп асимметричен по левой теменной и затылочной костям (деформация искусственная, непреднамеренная). На грудных и поясничных позвонках узлы Шморля и деформация тел поясничных позвонков. Добавочные косточки на черепе (lambdoid ossicles). Гиперодонтия.

Могила 64 (плитовая). Погребение совершено на правом боку, головой на северо-восток. Обе руки были согнуты в плечевых и локтевых суставах, кисти обращены к фронтальной части головы. Левая плечевая кость перекрывает правую плечевую кость в середине диафиза. Левые локтевая и лучевая кости перекрывают кости правой кисти.

Череп умеренно массивный, долихокранный, по форме пентагоноид. Надбровье 1 балл. Верхний глазничный край округлый. Орбиты высокие. Сосцевидные отростки 2 балла. Нижний край грушевидного отверстия с предносовыми ямками. Передненосовая ость 3 балла. Альвеолярная часть параболическая. Облитерация черепных швов и состояние зубной системы соотносятся с 25-30 годами. Хорошо выражен наружный рельеф затылочной кости. Затылочное отверстие ромбическое. Нижняя челюсть квадратная, умеренно массивная. Кости посткраниального скелета умеренно массивные. Кости лопатки с хорошим рельефом. Форма лопаточной ости и лопаточная вырезка 1 варианта. Суставная впадина 2 варианта. Верхний край лопатки 3 варианта. Рельеф костей рук выражен слабо. Основание крестца нормальное. Рельеф и линия аспера на бедренных костях выражены средне. Подколенная линия в виде гребня. Возраст по костям посткраниального скелета соотносится с 39-40 годами. Рост погребенного 167 см. Погребение мужское.

Патологии и эпигенетические варианты. Зуб 18 утерян при жизни. Зубы 38, 47, 48 кариес. Зубной камень. Деформация тела шейного позвонка (С7). Отмечено О-образное искривление правой малоберцовой кости. Добавочные косточки на черепе (os lambda).

* * *

Всего получен материал из 63 погребальных сооружений, из них 29 грунтовых и 33 плитовых могилы, конструкция одного не установлена. Преимущественно погребения совершены в вытянутом положении на спине (несколько погребений совершено на боку). Большинство погребенных было ориентировано головой на юго-запад (35), а также на северо-восток (12), запад (8), северо-запад (6) и восток (1).

Обработанная серия включает 65 костяков разной степени сохранности. Из них достоверно мужчин – 24, женщин – 20, детей – 17, половая принадлежность не определена у 4 погребенных. Средний возраст погребенных составил для мужчин – 31,2 года, женщин – 28,8 года, детей – 5,6 лет. У костяков с неопределенной половой принадлежностью средний возраст – 21 год.

Из черепных форм преобладали пентагоноидные – 9, сфеноидных отмечено 7, овоидных – 2. По черепному указателю достоверно зафиксировано мезокран-

ных черепов – 7 (мужчины – 3, женщины – 2, дети – 2), долихокранных – 4 (мужчины – 3, дети – 1), брахикранных – 5 (мужчины – 3, женщины – 1, дети – 1). Из представленных материалов видно, что серия черепов достаточно разнородна, при преимуществе мезокранных, составляющих практически половину от полученного материала.

Учитывая факт, что погребальный обряд является наиболее устойчивой формой этнической самоидентификации населения, интересно проследить ориентацию погребенных и положение костяка в могиле в соотнесении с данными краниологии. Мы получили следующую картину. Погребенные с мезокранными черепами все были уложены в могилы в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад и запад (кроме могилы 54, в которой погребенный был уложен головой на северо-восток), с брахикранными черепами имели ориентацию юго-запад, запад и северо-восток. Одно из погребений с брахикранным черепом было совершено на правом боку. Погребенные с долихокранными черепами были ориентированы головами на юго-запад, запад и северо-восток. Один индивидуум с долихокранными черепом был похоронен на правом боку и три – на спине. С мезокранными черепами в плитовых могилах было захоронено 5 человек, в грунтовых – 2. С долихокранными черепами в плитовых могилах захоронено 4 человека. С брахикранными черепами в плитовых могилах было захоронено 2 человека, в грунтовых – 3.

Мужские черепа, в целом, были массивными и умеренно массивными (89%), с хорошей вертикальной и горизонтальной профилировками. Пентагоноидные формы отмечены на 6 черепах (в плитовых могилах – 5, грунтовых – 1), овоидные – на 1 (в плитовой), сфеноидные – на 5 (в плитовых – 3, грунтовых – 2). Угол наклона лобных костей выражен хорошо. В большинстве случаев лица мезогнатные.

Некоторые средние краниоскопические значения для мужской серии черепов выглядят следующим образом: надпереносье 1,8 балла, сосцевидные отростки 2,5 балла, передненосовая ость 2,6 балла. В мужской серии, в основном, отмечены высокие и низкие орбиты. Верхний край орбит на всех мужских черепах округлый. По носовому указателю мужская серия, в основном, лепторинная и мезоринная. Хамериния отмечена только в двух случаях. Нижний край грушевидного отверстия в 6 случаях был с предносовыми ямками и в 5 случаях форма была инфантильная. За исключением 2 случаев альвеолярные части были параболическими. Среди форм затылочного отверстия отмечены: овальные – 3, ромбические – 3, круглые – 2. Часто отмечался хорошо выраженный рельеф наружной поверхности затылочной кости, нередко сочетание с хорошо выраженным затылочным бугром. Нижние челюсти в основном треугольные – 10. Округлые и квадратные формы были представлены практически поровну. За редким исключением, мужские нижние челюсти более массивные, с хорошо выраженным подбородочным краем. В одном случае отмечена асимметрия черепа. Добавочные косточки на черепе наблюдались на 6 черепах.

Женские черепа в большинстве случаев были массивными (61%). Вертикальная и горизонтальная профилировки в женской серии хорошие. Серия мезогнатная. Наклон лобной кости характеризовался средними и крутыми величинами угла. Средние значения краниоскопических признаков на женских черепах выглядят следующим образом: надпереносье 0,6 балла, сосцевидные отростки 1,6 балла, передненосовая ость 2,4 балла. Орбиты в женской серии в равной степени средние и высокие. Чаще верхний край орбит на женских черепах был острый. По носовому указателю женская серия, в основном, мезоринная. Форма строения нижнего края грушевидного отверстия и инфантильная, и с предносовыми лунками в равной степени. Все альвеолярные части были параболические. Наружный рельеф затылочной кости выражен умеренно либо слабо. Среди форм затылочного отверстия преобладали ромбические – 4, овальные отмечены в 2 случаях, круглое – в 1. Нижние челюсти были, в основном, треугольной формы – 10, округлые формы фиксировались в 5 случаях, квадратная отмечена в 1. В целом, за редким исключением, женские нижние челюсти более грацильны. В одном случае отмечена асимметрия черепа. Добавочные косточки наблюдались на 10 черепах.

Всего исследовано 23 мужских посткраниальных скелета. В 91,3% посткраниальные скелеты были разной степени массивности. Они характеризовались средними размерами длинных костей рук и ног. Хорошо выраженный мышечный рельеф костей рук, как правило, совпадал с хорошо выраженным рельефом костей ног (за редким исключением, когда преобладал хорошо выраженный рельеф костей ног). Суставные впадины лопаток первого варианта не отмечены, второго варианта фиксировались на 15 костяках. Форма лопаточной ости первого варианта отмечена на 9 костяках, второго варианта – на 1, третьего варианта – на 2, четвертого варианта – на 1. Верхний край лопатки первого варианта отмечен на 2, второго варианта – на 3, третьего варианта – на 3 костяках. Лопаточная вырезка первого варианта была на 2, второго варианта – на 2, третьего варианта – на 3 костяках. Рельеф костей рук в 82,6% выражен хорошо и умеренно, в половине случаев хороший рельеф плечевой кости сочетался с хорошо выраженным межкостным краем на локтевой и лучевой костях. Дельтовидная бугристость хорошо выражена почти в трети случаев. Среди форм оснований крестцов преобладали крестцы со средним основанием – 8, завышенное основание отмечено в 4 случаях и заниженное – в 1. Линия аспера на бедренных костях более чем в двух третях случаев была выражена хорошо и средне. Хорошо выраженный рельеф костей ног отмечен в 47%. Подколенная линия на большеберцовых костях в виде гребня отмечена на 11, «невидимая» – на 2, каплевидная – на 2 костяках. Средний рост индивидуумов вычислялся по длине длинных костей верхних и нижних конечностей и составил у мужчин 164,1 см.

Женские посткраниальные скелеты (всего 20), в основном, грацильные (65%) и характеризовались средними величинами. Суставные впадины лопаток

первого варианта отмечены на 2, второго варианта – на 11 костяках. Форма лопаточной ости первого варианта была у 13 погребенных женщин. Верхний край лопатки первого варианта отмечен в 2 случаях, второго варианта – в 1. Лопаточная вырезка первого варианта фиксировалась на 3 костяках, второго варианта – на 1, третьего варианта – на 1. Как правило, костный рельеф длинных костей рук был развит слабо (55%). Хороший рельеф отмечен лишь в 2 случаях. Среди форм оснований крестцов преобладали формы с нормальным основанием – 6, завышенное основание отмечено на 4, заниженное – на 1 костяках. Линия аспера на бедренных костях в 50% выражена слабо, в остальных случаях хорошо или средне. Рельеф длинных костей ног выражен хорошо и умеренно в половине случаев, слабо – почти в половине. Подколенная линия на большеберцовых костях в виде гребня отмечена в 7 случаях, столько же случаев, когда подколенная линия была «невидимая», каплевидная отмечена на 3 костяках. Для женской серии средний рост составил 158,7 см.

По результатам изучения костей посткраниальных скелетов также можно отметить хорошо выраженный диморфизм. Длинные кости из женских погребений отличались большей грацильностью в сочетании со слабо или умеренно выраженным рельефом. Отмечены случаи, когда мышечный рельеф костей рук из женских погребений был более выразителен, относительно костей скелета нижнего отдела.

В результате изучения мы получили соотношение одна женщина – один ребенок. Эти данные могут быть связаны с недостаточной степенью изученности всей площади некрополя и впоследствии могут быть скорректированы, в противном случае данный вопрос нуждается в более детальном рассмотрении. Ряд авторов считает, что данное обстоятельство связано с неудовлетворительной сохранностью детских костей в неблагоприятных грунтах (в нашем случае данный пункт исключается) и неглубоких погребальных сооружениях, с захоронениями детей за пределами основного могильника и т.д. [8, с. 73-74; 10, с. 237]. В настоящее время данный вопрос остается открытым, так как, прежде всего, мы имеем дело с не полностью исследованным памятником.

Из приведенной таблицы 9 видно, что наиболее частыми были патологии зубочелюстного аппарата, среди которых преобладали прижизненная утрата зубов и отложение зубного камня. Данные патологии в равной степени отмечены на костяках обоих полов. Как следствие проникновения инфекции в виду кариесного поражения зафиксированы 6 случаев абсцесса на челюстях. Частота встречаемости абсцессов почти всегда совпадает с проявлениями кариеса, что свидетельствует о запущенности формы болезни. Зубной камень отмечен на трети материала. Процент отложения зубного камня у мужчин и женщин практически одинаков. Количество отмеченных данной патологией и процент кариесных проявлений позволяют говорить о том, что основной рацион пищи исследуемого населения состоял из вязкой, термически обработанной пищи, богатой углеводами.

Достаточно высок процент прижизненной утраты зубов. Представляется возможным предположить вариант их преднамеренного удаления.

К другой группе частых патологий относятся заболевания опорно-двигательного аппарата – 89 случаев, половина из которых приходится на заболевания позвоночника – 46 случаев. При этом у мужчин преобладали патологические изменения, характерные для деформации тел позвонков и спондилоза, они составили 45,4 %, у женщин они отмечены в 27%. Спондилоз – это дегенеративно-дистрофическое заболевание позвоночника, характеризующееся изменениями в суставных поверхностях тел позвонков и разрастанием остеофитов по краям, ограничивающих подвижность позвоночного столба [11, с. 54-55]. Чаще эта патология встречается в старческом возрасте. Выделяют основные причины спондилоза: травмы позвоночника различного генеза; длительная сидячая работа (длительная статическая нагрузка), осложненная нарушением осанки; остеохондроз. Часто провоцирующим фактором оказывается переохлаждение или чрезмерная физическая нагрузка. Для нас данная патология прежде всего интересна тем, что отмечается на костяках достаточно молодого возраста. Довольно часто отмечалось появление остеофитов (компенсаторный механизм организма как защитная реакция позвоночника на перегрузку) без комплексных изменений, характерных для спондилоза. У обоих полов остеофитоз позвонков чаще отмечен в поясничном отделе, несколько реже в грудном.

Другим частым заболеванием позвоночника в данной выборке являются узлы Шморля, отмеченные почти поровну на мужских и женских костяках. Причины возникновения данной патологии различны. Они могут быть обусловлены наследственностью. Возможно, их возникновение провоцируется быстрым ростом ребенка, когда мягкие ткани успевают вытянуться, а костные ткани отстают, таким образом, в губчатом теле позвонка образуются пустоты, в которые со временем продавливаются замыкательные пластины позвонков. Также считается, что узлы Шморля возникают в результате старения организма, вследствие первичных заболеваний, либо являются реакцией на травматическое поражение. Остается устойчивой теория, что, обнаруживая подобное заболевание в молодом возрасте, следует рассматривать его как реакцию организма на чрезмерные физические нагрузки [6, с. 179-180].

Вторая половина заболеваний опорно-двигательного аппарата, в основном, приходится на заболевания в крупных суставах рук и ног (артроз, остеохондроз, остеоартрит). Следует обратить внимание, что проблемы в крупных суставах рук и ног более часты у женщин, в то время как проблемы с позвоночником вдвое чаще встречаются у мужчин.

Травматические поражения отмечены на 10,7% исследованного материала. В двух случаях травмы отмечены на черепах, в трех случаях это были травмы верхних конечностей и по одному случаю – травма крестца и перелом ребра. Травма черепа из могилы 36 привела к деформированию нижнего края груше-

видного отверстия. Травма на черепе из могилы 25 была нанесена острым рубящим предметом, вследствие чего лобная часть черепа была отделена, что привело к неотвратимой гибели. Отделенные фрагменты лобной кости при зачистке погребения не обнаружены. Переломы верхних конечностей отмечены на двух мужских и одном женском костяках. В случае с перелом локтевой кости из могилы 38 произошло образование ложного сустава. Переломы костей рук из могил 57 и 62 срослись с небольшим смещением и образованием костной мозоли.

Два случая искусственной деформации черепов из могил 51 и 63 можно отнести к типу непреднамеренных деформаций. В случае с черепом из могилы 51 можно говорить о непреднамеренной искусственной деформации по типу «бешик» или «колыбельной деформации» [9, с. 3]. Данный тип деформации обусловлен специфическим строением детской колыбели с твердым дном, ограничивающей подвижность головы ребенка, из-за чего при длительном нахождении ребенка в колыбели затылочная кость черепа непреднамеренно уплощается.

Маркеры пищевого эпизодического стресса отмечены в 17 случаях. К наиболее частым следует отнести эмалевую гипоплазию – 9 случаев. Cribra orbitalia отмечалась 3 раза и только на детских черепах. Поротический гиперостоз зафиксирован в одном случае на детском черепе. Наиболее вероятными причинами возникновения поротического гиперостоза считают хронические инфекции и анемические состояния [5, с. 63, 210-211], однако, его этиология на сегодняшний день окончательно не расшифрована. Такой маркер эпизодического стресса, как холодовый стресс, отмечен в 4 случаях и только на мужских черепах. Холодовый стресс проявляется в виде своеобразной реакции костной ткани на низкие температуры или длительное переохлаждение. Небольшое количество маркеров стресса дает возможность говорить об относительно благоприятных условиях жизни исследуемой выборки.

Генетически детерминированные признаки (добавочные косточки на черепе, метопический шов, межмыщелковые отверстия, зубные варианты и др.) отмечены в 35 случаях. Наиболее часто выявлялись добавочные косточки на черепе (в 37,5% у мужчин, в 35% у женщин). В ряде случаев генетические стигмы сочетались между собой. Эпигенетические варианты, отмеченные на костях, представлены в таблице 9.

Настоящая работа является лишь частью комплексного исследования одного из раннесредневековых керченских некрополей. Дальнейшие работы на этом памятнике помогут нам существенно дополнить уже имеющиеся данные.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айбабин А.И., Смокотина А.В., Хайрединова Э.А.* Некоторые итоги раскопок раннесредневековой Керчи в 2007 г. // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь, 2008.
2. *Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
3. *Алексеев В.П.* Остеометрия. М., 1979.
4. *Бужилова А.П.* Древнее население (палеопатологические аспекты исследования населения). М., 1995.
5. *Бужилова А.П.* Homo sapiens: история болезни. М., 2005.
6. *Добровольская М.В.* Человек и его пища. М., 2005.
7. *Пашковская В.И.* Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.
8. *Пежемский Д.В.* Информативность скелетных останков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая бухта) // РА. 2000. №4.
9. *Перерва Е.В.* Палеопатология населения хазарского времени Северного Кавказа (по материалам могильников Горькая балка 1 и 2) // Материалы по археологии Северного Кавказа. 2004. №4.
10. *Рабиновиц А., Седикова Л.В., Хеннеберг Р.* Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
11. *Рохлин Д.Г.* Болезни древних людей. М.; Л., 1965.
12. *Федосова В.Н.* Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (остеологическая методика) // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 76.
13. *Hauser G., De Stefano G.F.* Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart, 1989.
14. *Ubelaker D.H.* Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. Chicago, 1987.
15. Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas archeological survey research series. 1994. № 44.

Радочин В. Ю.

Антропологические материалы из раскопок раннесредневековой Керчи

Резюме

Настоящая работа вводит в научный оборот новые антропологические материалы из раскопок раннесредневековой Керчи, которые проводились в Босфорском переулке на склоне нижней террасы горы Митридат в 2007-2009 годах. Для обработки был получен материал из 63 погребальных сооружений, раскопанных в 2007 году. Серия включает 65 костяков разной степени сохранности, из них достоверно мужских – 24, женских – 20, детских – 17, половая принадлежность не определена у 4 погребенных. Средний возраст погребенных составил для мужчин – 31,2 года, женщин – 28,8 года, детей – 5,6 лет.

Краниологическая серия достаточно разнородна, при преимуществе мезокранных, составляющих практически половину от полученного материала. Из черепных форм преобладали пентагоноидные. Мужские и женские черепа были массивными и умерен-

но массивными, с хорошей вертикальной и горизонтальной профилировками. Серия, в основном, мезогнатная. Всего исследовано 23 мужских и 20 женских посткраниальных скелетов. Средний рост составил у мужчин – 164,1 см, у женщин – 158,7 см. В результате изучения получили соотношение: одна женщина – один ребенок.

Наиболее частыми были патологии зубочелюстного аппарата, среди которых преобладали прижизненная утрата зубов и отложение зубного камня. К другой группе частых патологий относятся заболевания опорно-двигательного аппарата – 89 случаев, половина из которых приходится на заболевания позвоночника. Травматические поражения отмечены на 10,7% исследованного материала. Два случая искусственной деформации черепа можно отнести к типу непреднамеренных деформаций. В случае с черепом из могилы 51 можно говорить о непреднамеренной искусственной деформации по типу «бешик». Маркеры пищевого эпизодического стресса отмечены в 17 случаях. Генетически детерминированные признаки (добавочные косточки на черепе, метопический шов, межмыщелковые отверстия, зубные варианты и др.) отмечены в 35 случаях.

Радочин В. Ю.

Антропологічні матеріали з розкопок ранньосередньовічної Керчі

Резюме

Дана робота вводить в науковий обіг нові антропологічні матеріали з розкопок ранньосередньовічної Керчі, які проводилися в Босфорському провулку на схилі нижньої тераси гори Мітридат в 2007-2009 роках. Для обробки був отриманий матеріал з 63 поховальних споруд, розкопаних в 2007 році. Серія включає 65 кістяків різної міри збереження, з них достовірно чоловічих – 24, жіночих – 20, дитячих – 17, статева приналежність не визначена в 4 похованих. Середній вік похованих склав для чоловіків – 31,2 років, жінок – 28,8 років, дітей – 5,6 років.

Краніологична серія досить різнорідна, при перевазі мезокранних, що складають практично половину від отриманого матеріалу. З черепних форм переважали пентагоноїдні. Чоловічі і жіночі черепи були масивними і помірно масивними, з хорошим вертикальним і горизонтальним профілюванням. Серія, в основному, мезогнатна. Всього досліджено 23 чоловічі і 20 жіночих посткраніальних скелетів. Середній зріст склав у чоловіків – 164,1 см, у жінок – 158,7 см. В результаті вивчення отримали співвідношення: одна жінка – одне дитя.

Найбільш частими були патології зубощелепного апарату, серед яких переважали прижиттєва втрата зубів і відкладення зубного каменя. До іншої групи частих патологій відносяться захворювання опорно-рухового апарату – 89 випадків, половина з яких приходиться на захворювання хребта. Травматичні поразки відмічені на 10,7% дослідженого матеріалу. Два випадки штучної деформації черепа можна віднести до типа неумисних деформацій. У випадку з черепом з могили 51 можна говорити про неумисну штучну деформацію за типом «бешик». Маркери харчового епізодичного стресу відмічені в 17 випадках. Генетично детерміновані ознаки (додаткові кісточки на черепі, метопічний шов, міжвиросткові отвори, зубні варіанти і ін.) відмічені в 35 випадках.

Radochin V. Yu.

Anthropological Materials from the Excavations of Early Medieval Kerch

Summary

The presented work introduces into scientific circulation new anthropological materials from the excavations of early medieval Kerch which were undertaken in Bosporus Lane on the slope of lower terrace of Mithradates Mountain in 2007-2009. The material from 63 burial constructions excavated in 2007 was obtained to process. The series includes 65 skeletons of different degree of preservation; 24 of them definitely belong to males, 20 – to women, 17 – to children; 4 buried were not sex assigned. Average age of the buried was 31.2 years for males, 28.8 – for women, 5.6 for children.

Craniological series is rather heterogeneous, mainly mesocranial ones; they compile practically one half of the obtained material. Pentagonoid one prevails in cranial forms. Male and female craniums were massive and moderately massive, with vertical and horizontal profiles of a good quality. The series was mainly mesognation one. All in all, 23 male and 20 female postcranial skeletons were studied. Medium height of males was 164.1 cm, of women – 158.7 cm. As a result of study, the ratio of one woman / one child was obtained.

The most frequent were pathologies of tooth-maxillary apparatus; lifetime loss of teeth and deposition of dental calculus. Another group of frequent pathologies were musculoskeletal apparatus – 89 cases, half of them – diseases of backbone. Traumatic lesions are fixed on 10.7% of the analyzed material. Two cases of artificial deformation of cranium can be attributed to the type of undeliberate deformations. As in case with the cranium from grave 51 we can speak about unintended artificial deformation of “beshik”. Marks of episodic alimentary stress are fixed in 17 cases. Genetically determined characteristics (additional bones, metopic suture, intercondylaris holes, teeth variants, etc.) were discovered in 35 cases.

Таблица № 1. Индивидуальные краниометрические измерения

Измерения на черепе (по Мартину)	№ погр.							
	1	**2**	**6**	**7**	**8-1**	**8а**	**9**	**11**
1 продольный диаметр	188	-	-	-	-	185	166	150
8 поперечный диаметр	145	-	-	-	-	122	127	122
9 наименьшая ширина лба	101	-	-	-	-	93	90	81
10 наибольшая ширина лба	123	-	-	-	-	106	-	101
11 ширина основания черепа	125	-	-	-	-	107	114	-
5 длина основания черепа	106	-	-	-	-	31	-	-
16 ширина затылочного отверстия	31	-	-	-	-	37	26	-
7 длина затылочного отверстия	35	-	-	-	-	105	33	-
12 ширина затылка	111	-	-	-	-	133	103	-
17 высотный диаметр	143	-	-	-	-	118	-	-
20 ушная высота расстояние po-br	120	-	-	-	-	108	-	-
29 лобная хорда	112	-	-	107	-	113	101	92
30 теменная хорда	119	132	-	-	-	97	111	94
31 затылочная хорда	105	-	94	102	-	124	94	93
26 лобная дуга	124	-	-	125	-	130	115	108
27 теменная дуга	131	155	-	-	-	116	115	110
28 затылочная дуга	129	-	111	117	-	-	107	108
45 скуловой диаметр	126	-	-	-	-	-	-	-
40 длина основания лица	91	-	-	-	-	-	-	-
48 верхняя высота лица	70	-	-	-	-	-	-	-
47 полная высота лица	116	-	-	-	-	-	-	-
46 средняя ширина лица	95	-	-	-	-	-	-	-
60 длина альвеолярной дуги	60	-	-	-	-	-	-	-
61 ширина альвеолярной дуги	65	-	-	-	-	-	-	-
63 ширина нёба	36	-	-	-	-	-	-	-
55 высота носа	53	-	-	-	-	-	-	-
54 ширина носа	27	21	-	-	-	-	-	-
51 ширина орбиты	37	-	-	-	-	-	-	-
52 высота орбиты	31	-	-	-	-	-	30	-
50 максилофронтальная ширина	27	-	-	-	-	24	-	18
62 длина нёба	47	-	-	-	-	-	-	29
68 длина нижней челюсти от углов	112	95	-	-	-	-	66	50
70(а) высота ветви нижней челюсти	67	36	45	-	-	46	53	37

69(c) медиальная высота	32	-	-	-	23	31	29	20
66 угловая ширина	-	-	-	-	97	-	92	80
65 мыщелковая ширина	-	-	-	-	-	-	116	-
71 ширина ветви	32	30	32	32	30	28	28	26
69-1 высота тела P2-M1	27	19	24	24	-	-	-	-
69-2 высота тела M1-M2	27	19	22	23	-	-	-	-
79 угол ветви нижней челюсти	121	123	120	125	121	130	121	127
8:1 черепной указатель	77,1	-	-	-	-	81,3	76,5	81,3
17:1 высотно-продольный	76,0	-				63,7	-	-
17:8 высотно-поперечный	98,6	-	-	-	-	96,7	-	-
48:45 верхне-лицевой	55,5	-	-	-	-	-	-	-
40:5 выступания лица	85,6	-		-	-	-	-	-
54:55 носовой	50,9	-	-	-	-	-	-	-
52:51орбитный mf	83,7	-	-	-	-	-	-	-

Измерения на черепе	***№ погр.***													
	12	**13**	**14**	**15**	**17**	**18**	**19**	**20**	**21**	**22**	**23-1**	**25**	**26**	**28**
1	-	-	-	-	-	-	-	-	178	184	-	-	-	-
8	-	-	-	-	-	-	-	-	136	-	-	137	-	-
9	-	-	-	-	-	-	-	-	99	99	-	-	-	-
10	-	-	-	-	-	-	-	-	113	-	-	116	-	-
11	-	-	-	123	-	-	-	132	122	-	-	114	-	-
5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
16	-	-	-	27	25	-	-	-	32	-	-	30	32	-
7	-	-	-	28	32	-	-	-	36	-	-	33	32	-
12	-	-	-	98	-	-	-	113	114	-	-	110	-	-
17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	136	-	-
20	-	-	-	-	-	-	-	-	127	137	-	130	-	-
29	-	-	-	-	-	-	-	-	113	-	-	-	113	-
30	-	109	-	-	-	-	-	-	103	121	-	126	-	111
31	-	-	-	92	94	-	113	104	97	-	-	94	-	-
26	-	-	-	-	-	-	-	-	132	-	-	-	136	-
27	-	117	-	-	-	-	-	-	110	137	-	-	-	137
28	-	-	-	102	105	-	138	27	120	-	-	116	-	-
45	-	-	-	-	-	-	-	-	124	-	-	-	-	-
40	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

48	-	-	-	-	-	-	-	-	62	68	-	-	-	-
47	-	-	-	-	-	-	-	-	104	112	-	-	-	-
46	-	-	-	-	101	-	-	-	97	91	-	87	-	-
60	-	-	-	-	52	-	59	-	55	51	-	46	56	-
61	-	-	-	-	57	-	59	-	61	61	-	60	63	-
63	-	-	-	-	-	-	32	-	37	34	-	35	38	-
55	-	-	-	-	-	-	-	-	50	49	-	-	-	-
54	-	-	-	-	24	-	26	-	28	23	-	24	27	-
51	-	-	-	-	37	-	-	-	41	38	-	-	-	-
52	-	-	-	-	31	-	-	-	29	34	-	-	-	-
50	-	-	-	-	-	-	-	-	28	24	-	-	-	-
62	-	-	-	-	-	-	-	-	51	48	-	45	54	-
68	-	-	-	74	78	60	-	77	77	73	57	68	71	-
70(a)	-	-	42	61	57	24	54	58	56	65	40	49	56	45
69(c)	37	-	-	27	28	15	-	35	27	23	22	25	28	29
66	-	-	-	97	87	57	-	106	91	95	73	92	100	-
65	-	-	-	-	112	78	-	137	119	-	-	106	-	-
71	-	-	29	33	37	20	34	32	35	31	28	31	32	30
69-1	30	28	23	24	31	-	31	-	26	28	20	19	25	25
69-2	27	25	22	24	27	-	28	-	25	27	20	21	24	24
79	-	-	120	117	114	136	122	121	138	117	112	126	127	125
8:1	-	-	-	-	-	-	-	-	76,4	-	-	-	-	-
17:1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
17:8	-	-												-
48:45	-	-	-	-	-	-	-	-	50	-	-	-	-	-
40:5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
54:55	-	-	-	-	-	-	-	-	56	46,9	-	-	-	-
52:51	-	-	-	-	83,7	-	-	-	70,7	89,4	-	-	-	-

Измерения на черепе	***№ погр.***													
	29	**30**	**32**	**33**	**35**	**36**	**37**	**38**	**40**	**42**	**43**	**43з**	**45**	**46**
1	-	184	187	177	179	175	163	-	-	-	-	-	-	163
8	-	143	139	135	137	155	147	-	-	-	-	-	-	143
9	95	-	100	98	98	102	94	-	-	102	-	-	-	93
10	130	126	118	-	122	132	113	-	-	-	-	-	-	116
11	-	136	123	119	-	122	121	-	-	-	-	-	-	127
5	-	-	104	105	-	106	92	-	-	-	-	-	-	96

16	-	33	32	32	-	32	31	-	-	-	-	-	-	27
7	-	37	36	35	-	35	32	-	-	-	-	-	-	31
12	-	107	107	106	-	114	113	-	-	-	-	-	-	109
17	-	-	142	-	-	133	131	-	-	-	-	-	-	131
20	-	142	127	-	-	130	125	-	-	-	-	-	-	140
29	-	-	113	-	103	110	113	-	-	-	-	-	102	113
30	-	127	120	-	110	98	97	-	-	-	-	-	110	103
31	-	102	97	97	-	103	101	-	-	-	-	-	-	87
26	-	-	129	-	125	122	125		-	-	-	-	115	131
27	-	144	130	-	123	106	107	-	-	-	-	-	125	115
28	-	120	120	110	-	125	130	-	-	-	-	-	-	102
45	-	-	138	127	-	138	123	-	-	-	-	-	-	-
40	-	-	98	90	-	96	84	-	-	-	-	-	-	-
48	-	-	63	67	-	69	67	-	-	70	-	-	-	-
47	-	-	115	116	-	114	102	-	-	118	-	-	-	-
46	-	-	99	96	-	103	-	-	-	91	-	-	-	-
60	54	60	54	54	46	59	-	52	-	55	52	54	-	53
61	-	60	63	64	60	64	60	-	-	61	-	61	-	61
63	-	35	40	39	30	41	35	-	-	40	-	36	-	37
55	-	-	53	52	-	56	50	-	-	51	-	-	-	-
54	-	-	24	26	-	30	22	22	-	22	25	26	18	26
51	-	-	41	40	-	41	-	-	-	37	-	-	-	-
52	-	-	27	31	-	31	35	-	-	33	-	-	-	-
50	26	-	25	22	25	27	22	-	-	25	-	-	23	20
62	-	-	49	47	-	54	45	44	-	51	-	42	-	-
68	-	73	77	79	57	73	73	72	-	80	-	58	-	72
70(a)	-	54	64	61	39	67	63	-	-	53	-	56	-	61
69(c)	32	32	34	32	26	31	27	33	30	33	33	32	-	30
66	-	93	106	95	82	103	94	-	-	-	-	94	-	92
65	-	127	126	122	103	123	123	-	-	-	-	124	-	-
71	72	29	36	35	26	33	36	26	32	33	-	29	-	33
69-1	31	-	33	31	21	26	-	26	30	26	28	27	-	28
69-2	28	-	31	30	20	24	-	25	27	23	26	25	-	27
79	137	137	136	124	137	120	122	118	-	121	-	131		119
8:1	-	77,7	74,3	76,2	76,5	88,5	90,1	-	-		-		-	67,7
17:1	-	-	75,9	-	-	76,0	80,3	-	-	-	-	-	-	80,3
17:8	-	-	102,1	-	-	85,8	89,1	-	-	-	-	-	-	91,6

48:45	-	-	45,6	52,7	-	50	54,4	-	-	-	-	-	-	-
40:5	-	-	94,2	85,7	-	90,5	91,3	-	-	-	-	-	-	-
54:55	-	-	45,2	50	-	53,5	44	-	-	43,1	-	-	-	-
52:51	-	-	65,8	75,6	-	75,6	-	-	-	89,1	-	-	-	-

Измерения на черепе	***№ погр.***													
	47	**49**	**50**	**51**	**52**	**54**	**55**	**57**	**59**	**60**	**61**	**62**	**63**	**64**
1	-	-	-	-	-	169	-	-	-	-	-	197	176	180
8	-	-	-	-	-	133	-	-	-	-	-	128	156	126
9	-	95	104	-	-	-	91	-	100	-	56	94	103	92
10	-	-	122	-	-	115	107	-	128	-	68	113	136	115
11	-	-	-	-	-	117	-	-	-	-	-	-	136	117
5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	101	102
16	-	-	-	-	-	28	-	-	-	-	-	-	-	-
7	-	-	-	-	-	32	-	-	-	-	-	-	37	37
12	-	-	-	-	-	112	-	-	-	-	-	-	109	105
17	-	-	-	-	-	123	-	-	-	-	-	-	143	142
20	-	-	-	-	-	115	-	-	-	-	-	-	149	133
29	-	112	112	-	-	97	-	-	112	112	56	-	117	120
30	-	-	118	-	102	105	-	115	124	-	-	-	104	117
31	-	92	-	-	-	92	-	-	-	-	-	-	102	111
26	-	127	128	-	-	110	-	-	-	130	62	-	134	133
27	-	-	130	-	116	123	-	132	-	-	-	-	118	134
28	-	113	-	-	-	112	-	-	-	-	-	-	123	130
45	-	-	-	-	-	117	-	-	-	-	-	-	-	-
40	-	-	-	-	-	85	-	-	-	-	-	-	95	-
48	-	-	-	-	-	36	-	-	-	-	-	-	72	72
47	-	-	-	-	-	97	-	-	-	-	-	-	-	123
46	-	-	-	-	-	87	-	-	-	-	-	-	97	95
60	-	53	52	37	51	51	46	-	54	44	-	61	52	57
61	-	-	-	55	-	57	62	-	61	52	-	-	63	62
63	-	-	-	30	-	32	-	-	33	32	-	-	41	33
55	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	53	57
54	-	-	-	-	-	24	-	-	28	17	-	26	25	22
51	-	-	-	-	-	38	-	-	-	-	-	-	42	38
52	-	-	-	-	-	32	-	-	-	-	-	-	32	35
50	-	-	27	-	-	-	21	-	28	19	12	-	28	24

62	-	-	43	32	37	42	-	-	-	-	-	53	55	48
68	-	73	78	-	68	67	-	-	80	-	47	86	-	70
70(a)	-	56	63	28	58	44	40	45	61	-	13	68	63	53
69(c)	32	24	33	-	31	25	26	-	28	-	-	35	-	37
66	-	93	97	-	97	84	-	-	87	-	50	-	-	97
65	-	127	123	-	-	113	-	-	116	-	57	-	-	123
71	30	32	37	25	28	28	30	-	30	29	12	38	34	27
69-1	-	-	30	-	24	22	23	-	27	-	-	32	32	27
69-2	-	-	26	-	22	20	22	-	26	-	-	29	31	25
79	-	120	126	133	128	120	121	-	122	-	-	110	112	133
8:1	-	-	-	-	-	78,6	-	-	-	-	-	64,9	88,6	70
17:1	-	-	-	-	-	72,7	-	-	-	-	-	-	81,2	80,6
17:8	-	-	-	-	-	92,4	-	-	-	-	-	-	91,6	91,0
48:45	-	-	-	-	-	30,7	-	-	-	-	-	-	-	-
40:5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	94,0	-
54:55	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	47,1	38,5
52:51	-	-	-	-	-	84,2	-	-	-	-	-	-	76,1	92,1

Таблица № 2. Индивидуальные измерения ключиц

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	1/п	**1/л**	**3/п**	**3/л**	**4/п**	**4/л**	**6/п**	**6/л**	**7/п**	**7/л**	**8а/п**	**8а/л**	**8-1/п**
1	147	140	-	-	-	-	-	-	-	-	136	-	-
6	36	37	33	-	33	-	30	-	33	34	37	37	40
6:1	24,4	26,4	-	-	-	-	-	-	-	-	27,2	-	-

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	8-1/л	**9/п**	**9/л**	**10/п**	**10/л**	**11/п**	**11/л**	**12/п**	**12/л**	**13/п**	**13/л**	**15/п**	**15/л**
1	136	145	144	75	75	77	77	-	127	-	-	136	137
6	40	37	31	23	23	19	19	40	41	35	35	34	30
6:1	29,4	25,5	21,5	30,6	30,6	24,6	24,6	-	32,2	-	-	25,0	21,8

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	17/п	**17/л**	**18/п**	**18/л**	**19/п**	**19/л**	**20/п**	**20/л**	**21/п**	**21/л**	**22/п**	**22/л**	**23-1/п**
1	124	127	59	59	105	-	145	140	129	132	145	143	85
6	35	31	14	14	42	42	37	36	37	35	35	31	16
6:1	28,2	24,4	23,7	23,7	40,0	-	25,5	25,7	28,6	26,5	24,1	21,6	18,8

	№ погр. / п - правая, л - левая											
	23-1/л	**23-2/п**	**23-2/л**	**25/п**	**25/л**	**26/п**	**26/л**	**28/п**	**29/п**	**29/л**	**30/п**	**30/л**
1	86	71	69	103	103	-	124	134	131	131	136	130
6	16	17	17	34	34	35	36	31	30	30	34	34
6:1	18,6	23,9	24,6	33,0	33,0	-	29,0	23,1	22,9	22,9	25,0	26,1

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	32/п	**32/л**	**33/п**	**33/л**	**34/п**	**34/л**	**35/п**	**35/л**	**37/п**	**37/л**	**38/п**	**38/л**	**40/п**
1	147	141	149	147	62	61	-	-	140	139	131	-	112
6	44	43	34	34	28	28	22	22	31	33	32	33	36
6:1	29,9	30,4	22,8	23,1	45,1	45,9	-	-	22,1	23,7	24,4	-	32,1

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	40/л	**41/п**	**41/л**	**42/п**	**42/л**	**45/п**	**46/п**	**46/л**	**47/п**	**47/л**	**48/п**	**48/л**	**49/п**
1	116	60	60	140	138	85	-	138	131	132	125	-	-
6	34	14	14	42	41	21	37	33	35	35	34	34	30
6:1	29,3	23,3	23,3	30,0	29,7	24,7	-	23,9	26,7	26,5	27,2	-	-

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	49/л	**51/п**	**51/л**	**52/п**	**52/л**	**53/п**	**53/л**	**54/п**	**54л**	**55/п**	**55/л**	**56/п**	**56/л**
1	128	72	72	-	126	-	-	108	108	96	96	88	88
6	30	27	27	33	33	41	-	22	23	25	25	23	22
6:1	23,4	37,5	37,5	-	26,1	-	-	20,3	21,2	26,0	26,0	26,1	25,0

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	57/п	**57/л**	**58/п**	**59/п**	**59/л**	**61/п**	**61/л**	**62/п**	**62/л**	**63/п**	**63/л**	**64/п**	**64/л**
1	145	145	122	127	128	42	42	149	-	156	-	134	-
6	42	42	33	38	38	11	11	47	43	44	36	37	37
6:1	28,9	28,9	27,0	29,9	29,6	26,1	26,1	31,5	-	28,2	-	27,6	-

Таблица № 3. Индивидуальные измерения плечевых костей

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	1/п	**1/л**	**2/п**	**2/л**	**3/п**	**3/л**	**6/п**	**6/л**	**7/п**	**7/л**	**8-1/п**	**8-1/л**	**8а/п**
1	314	313	-	-	-	-	-	-	-	-	301	-	311
5	24	22	12	12	22	21	19	-	-	-	19	20	17
6	22	20	11	11	16	17	15	-	-	-	17	17	15
7	67	67	41	41	53	-	-	50	60	-	52	53	54

4	62	65	37	37	56	-	-	56	54	56	58	57	55
10	45	43	-	-	37	39	43	44	39	37	38	-	43
7:1	21,3	21,4	-	-	-	-	-	-	-	-	17,2	-	17,3
6:5	91,6	90,9	91,6	91,6	72.7	80,9	78,9	-	-	-	89,4	85	88,2

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	8а/л	**9/п**	**9/л**	**10/п**	**10/л**	**11/п**	**11/л**	**12/п**	**12/л**	**13/п**	**13/л**	**14/п**	**15/п**
1	306	280	279	-	-	-	-	307	-	-	-	-	279
5	20	22	23	13	13	11	11	23	23	23	23	15	22
6	14	17	17	12	12	9	9	21	21	21	20	12	20
7	54	56	67	38	38	32	32	67	67	66	63	40	58
4	58	52	54	32	32	29	29	61	61	61	60	33	56
10	43	39	41	-	-	-	-	45	-	-	-	-	40
7:1	17,6	20,0	24,0	-	-	-	-	21,8	-	-	-	-	20,7
6:5	70,0	77,2	73,9	92,3	92,3	81,8	81,8	91,3	91,3	91,3	86,9	80,0	90,9

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	16/п	**16/л**	**17/п**	**17/л**	**18/п**	**18/л**	**19/п**	**19/л**	**20/п**	**20/л**	**21/п**	**21/л**	**22/п**
1	-	-	293	291	92	92	-	324	317	314	290	286	304
5	20	20	21	22	8	8	31	28	24	24	24	24	22
6	17	17	16	18	7	7	24	24	16	18	19	18	19
7	49	49	57	58	26	26	71	67	55	58	58	58	59
4	45	45	51	52	25	25	70	69	59	59	57	56	56
10	-	-	38	38	-	-	-	45	44	44	41	39	43
7:1	-	-	19,4	19,9	28,2	28,2	-	20,6	17,3	18,4	20	20,6	19,4
6:5	85,0	85,0	76,1	81,8	87,5	87,5	77,4	85,7	66,6	75,0	75,0	75,0	86,3

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	22/л	**23-1/п**	**23-1/л**	**23-2/п**	**23-2/л**	**25/п**	**25/л**	**26/п**	**26/л**	**28/п**	**28/л**	**29/п**	**29/л**
1	298	150	151	-	-	235	235	284	281	-	-	290	284
5	20	11	11	11	11	21	21	22	21	21	-	23	22
6	18	10	11	9	9	17	18	18	18	18	-	16	16
7	58	35	35	32	32	58	58	62	63	57	-	58	58
4	54	23	23	-	-	40	50	57	57	54	55	53	53
10	43	-	-	-	-	34	34	40	42	41	41	39	-
7:1	19,4	23,3	23,1	-	-	24,6	24,6	21,8	22,4	-	-	20,0	20,4
6:5	90,0	90,9	100,0	81,8	81,8	80,9	85,7	81,8	85,7	85,7	-	72,7	72,7

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	30/п	**30/л**	**32/п**	**32/л**	**33/п**	**33/л**	**34/п**	**34/л**	**35/п**	**35/л**	**36/л**	**37/п**	**37/л**
1	297	296	323	321	311	299	-	-	-	-	334	297	290
5	24	22	23	23	21	21	15	15	13	13	20	23	23
6	19	19	19	19	17	17	13	13	12	12	18	18	19
7	62	62	67	67	62	62	32	32	38	38	63	60	58
4	60	61	65	65	58	58	27	27	36	36	63	61	57
10	44	44	47	47	42	42	-	-	-	-	46	41	38
7:1	20,8	20,9	20,7	20,8	19,9	20,7	-	-	-	-	18,8	20,2	20,0
6:5	79,1	86,3	82,6	82,6	80,9	80,9	86,6	86,6	92,3	92,3	90,0	78,2	82,6

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	38/п	**38/л**	**40/п**	**40/л**	**41/п**	**41/л**	**42/п**	**42/л**	**43/п**	**43/л**	**45/п**	**45/л**	**46/п**
1	287	288	-	-	-	-	290	290	295	290	-	-	294
5	20	19	17	17	12	12	23	21	22	22	16	16	19
6	17	17	17	17	10	10	19	18	20	19	12	12	16
7	54	56	46	46	31	31	63	59	61	61	43	43	55
4	57	58	53	53	25	25	62	61	60	58	34	34	54
10	39	38	36	36	-	-	46	43	42	43	-	-	42
7:1	18,8	19,4	-	-	-	-	21,7	20,3	20,6	21,0	-	-	18,7
6:5	89,4	89,4	100,0	100,0	83,3	83,3	82,6	85,7	90,9	86,3	75,0	75,0	84,2

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	46/л	**47/п**	**47/л**	**48/п**	**48/л**	**49/п**	**49/л**	**50/п**	**50/л**	**51/п**	**51/л**	**52/п**	**52/л**
1	287	281	281	289	291	286	286	-	-	-	-	272	272
5	20	26	26	22	22	20	21	22	-	14	14	19	19
6	16	22	22	17	15	17	17	19	-	10	10	15	16
7	56	56	56	56	54	55	57	-	-	37	37	52	50
4	52	55	55	43	43	58	59	-	60	29	29	56	56
10	41	37	37	59	57	42	43	44	-	-	-	40	41
7:1	19,5	19,9	19,9	19,3	18,5	19,2	19,9	-	-	-	-	19,1	18,3
6:5	80,0	84,6	84,6	77,2	68,1	85	80,9	86,3	-	71,4	71,4	78,9	84,2

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	53/п	**54/п**	**54/л**	**55/п**	**55/л**	**56/п**	**56/л**	**57/п**	**57/л**	**58/п**	**58/л**	**59/п**	**59/л**
1	-	231	230	-	-	-	-	-	-	-	289	-	297
5	22	14	15	16	16	13	13	25	25	21	19	-	25

6	17	11	12	13	13	11	11	21	21	16	16	-	20
7	-	42	41	43	43	38	38	68	68	56	55	64	64
4	59	40	39	42	42	37	37	-	-	59	57	59	58
10	-	33	-	-	-	-	-	-	-	42	43	43	41
7:1	-	18,1	17,8	-	-	-	-	-	-	-	19,0	-	21,5
6:5	77,2	78,5	80,0	81,2	81,2	84,6	84,6	84	84	76,1	84,2	-	80,0

	№ погр. / п - правая, л - левая									
	60/п	**60/л**	**61/п**	**61/п**	**62/п**	**62/л**	**63/п**	**63/л**	**64/п**	**64/л**
1	-	-	61	61	320	315	-		323	321
5	14	14	5	5	26	27	25	23	23	22
6	12	12	5	5	23	22	18	20	19	17
7	37	37	17	17	73	69	65	65	61	59
4	30	30	15	15	69	69	66	67	57	58
10	-	-	-	-	51	47	-	48	43	40
7:1	-	-					-	-	18,8	18,3
6:5	85,7	85,7	100,0	100,0	88,4	81,4	72,0	86,9	82,6	77,2

Таблица № 4. Индивидуальные измерения локтевых костей

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	1/п	**1/л**	**2/п**	**2/л**	**3/л**	**4/п**	**4/л**	**6/л**	**7/п**	**7/л**	**8а/п**	**8а/л**	**8-1/п**
1	-	265	142	142	-	-	237	229	-	-	257	255	247
2	-	232	313	128	-	-	210	203	-	-	232	230	221
3	-	38	21	21	-	-	32	31	-	-	30	33	29
11	14	15	7	7	11	-	12	11	15	-	11	11	12
12	18	18	19	8	12	-	16	14	14	-	14	16	13
13	26	25	16	16	21	21	21	22	23	-	23	22	24
14	34	34	22	19	30	34	31	30	31	30	32	33	-
3:2	-	16,3	16,3	16,4	-	-	15,2	15,2	-	-	12,9	14,3	13,1
11:12	77,7	83,3	58,3	87,5	91,6	-	75	78,5	107,1	-	78,5	68,7	92,3
13:14	76,4	73,5	72,7	84,2	70	61,7	67,7	73,3	74,1	-	71,8	66,6	-

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	8-1/л	**9/п**	**9/л**	**10/п**	**10/л**	**11/п**	**11/л**	**12/п**	**13/п**	**13/л**	**14/п**	**15/п**	**15/л**
1	244	-	-	135	135	122	122	-	251	-	-	253	-
2	216	-	-	121	121	111	111	234	221	219	-	205	202
3	31	35	-	22	22	28	28	37	36	37	22	30	32

11	12	12	11	7	7	5	5	13	14	14	7	12	10
12	14	16	16	8	8	7	7	16	16	16	8	14	14
13	23	21	18	14	14	12	12	26	25	23	14	22	23
14	32	29	31	-	-	-	-	34	33	35	18	29	-
3:2	14,3	-	-	18,1	18,1	25,2	25,2	15,8	16,2	16,8	-	14,6	15,8
11:12	85,7	75,0	68,7	87,5	87,5	71,4	71,4	81,2	87,5	87,5	87,5	85,7	71,4
13:14	71,8	72,4	52,9	-	-	-	-	76,4	75,7	65,7	77,7	75,8	-

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	16/п	**16/л**	**17/п**	**17/л**	**18/п**	**18/л**	**19/п**	**19/л**	**20/п**	**20/л**	**21/п**	**21/л**	**22/п**
1	197	197	-	229	80	80	-	278	251	-	244	240	257
2	179	179	-	197	71	71	-	245	227	-	215	212	229
3	28	28	33	33	14	14	-	43	32	-	36	33	32
11	10	10	12	13	5	5	15	18	12	12	14	13	13
12	12	12	13	14	5	5	19	18	15	16	15	18	14
13	18	18	18	28	10	10	28	25	28	27	22	23	25
14	25	25	32	31	-	-	34	37	32	32	31	32	30
3:2	15,6	15,6	-	16,7	19,7	19,7	-	18,9	14,0	-	16,7	15,5	13,9
11:12	83,3	83,3	92,3	92,8	100,0	100,0	78,9	100,0	80,0	75,0	93,3	72,2	92,8
13:14	72,0	72,0	56,2	56,2	-	-	82,3	67,5	87,5	84,3	70,9	71,8	83,3

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	22/л	**23-1/п**	**23-1/л**	**23-2/п**	**23-2/л**	**25/п**	**25/л**	**26/п**	**26/л**	**28/п**	**28/л**	**29/п**	**29/л**
1	-	118	118	99	99	182	-	241	236	-	-	240	-
2	-	105	105	90	90	166	-	211	204	-	-	121-	-
3	-	22	21	17	17	34	34	38	37	33	-	-	-
11	12	9	9	7	7	11	12	13	11	-	11	12	12
12	14	9	9	7	7	12	12	17	17	-	15	14	13
13	24	13	13	11	11	21	21	25	23	19	21	21	20
14	31	18	18	14	14	28	27	31	33	31	30	30	31
3:2	-	20,9	20	18,8	18,8	20,4	-	18,0	18,1	-	-	-	-
11:12	85,7	100,0	100,0	100,0	100,0	91,6	100,0	76,4	64,7	-	73,3	85,7	92,3
13:14	77,4	72,2	72,2	78,5	78,5	75,0	77,7	80,6	69,6	61,2	70,0	70,0	64,5

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	30/п	**30/л**	**32/п**	**32/л**	**33/п**	**33/л**	**34/п**	**34/л**	**35/п**	**35/л**	**37/п**	**37/л**	**38/п**
1	245	245	-	264	256	251	87	87	-	-	244	240	-

2	212	212	-	234	231	226	-	-	146	-	216	213	-
3	34	34	38	38	32	32	17	17	23	23	33	32	26
11	12	12	12	13	12	13	5	5	8	8	13	12	11
12	15	15	19	19	16	15	8	8	9	9	17	17	14
13	22	22	28	27	22	22	-	-	14	14	23	22	23
14	34	34	37	37	33	32	-	-	-	-	33	29	30
3:2	16,0	16,0	-	16,2	13,8	14,1	-	-	15,7	-	15,2	15,0	-
11:12	80,0	80,0	63,1	68,4	75,0	86,6	62,5	62,5	88,8	88,8	76,4	70,5	78,5
13:14	64,7	64,7	75,6	72,9	66,6	68,7	-	-	-	-	69,6	75,8	76,6

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	38/л	**41/п**	**41/л**	**42/п**	**42/л**	**43/п**	**43/л**	**45/п**	**45/л**	**46/п**	**46/л**	**47/п**	**48/п**
1	224	84	84	253	253	-	-	141	141	237	236	239	240
2	192	77	77	222	118	-	-	127	126	213	211	210	211
3	35	17	17	35	34	37	37	24	24	32	31	35	35
11	10	6	6	14	13	13	-	8	8	11	11	13	12
12	15	7	7	17	17	16	-	9	9	14	15	14	15
13	22	11	11	24	24	22	23	13	12	22	21	25	24
14	29	-	-	32	34	30	32	20	20	31	30	32	30
3:2	18,2	22,0	22,0	15,7	28,8	-	-	18,8	19,0	15,0	14,6	16,6	16,5
11:12	66,6	63,6	63,6	82,3	76,4	81,2	-	88,8	88,8	78,5	73,3	92,8	80,0
13:14	75,8	-	-	75,0	70,5	73,3	71,8	65,0	60,0	70,9	70,0	78,1	80,0

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	48/л	**49/п**	**49/л**	**50/п**	**50/л**	**51/п**	**51/л**	**52/п**	**52/л**	**53/п**	**53/л**	**54/п**	**54/л**
1	244	-	-	-	-	-	-	230	230	-	-	190	183
2	215	-	209	-	-	-	-	204	203	-	-	171	167
3	34	33	31	40	35	20	20	30	28	-	-	24	23
11	11	12	-	-	-	7	7	11	11	-	13	9	9
12	16	14	-	-	-	8	8	15	14	-	16	11	12
13	22	25	24	26	-	14	14	23	21	21	-	20	18
14	32	31	-	35	-	-	-	32	29	28	31	23	23
3:2	15,8	-	14,8	-	-	-	-	14,7	13,7	-	-	14,0	13,7
11:12	68,7	85,7	-	-	-	87,5	87,5	73,3	78,5	-	81,2	81,8	75,0
13:14	68,7	80,6	-	74,2	-	-	-	71,8	72,4	75,0	-	86,9	78,2

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	55/л	**56/п**	**56/л**	**57/п**	**58/п**	**58/л**	**59/п**	**59/л**	**60/п**	**60/л**	**61/п**	**61/л**	**62/п**
1	-	155	155	261	240	-	236	237	133	133	54	54	-
2	-	-	-	235	121	-	212	211	-	-	47	47	-
3	-	22	22	39	33	-	36	36	22	22	14	14	-
11	9	9	9	13	13	-	13	12	7	7	3	3	16
12	12	9	9	14	14	-	17	14	9	9	3	3	19
13	17	17	16	-	22	21	26	24	12	12	-	-	32
14	23	-	-	-	28	30	33	35	-	-	-	-	39
3:2	-	-	-	16,5	27,2	-	16,9	17,0	-	-	29,7	29,7	-
11:12	75,0	100,0	100,0	92,8	92,8	-	76,4	85,7	77,7	77,7	100,0	100,0	84,2
13:14	73,9	-	-	-	78,5	70,0	76,4	68,5	-	-	-	-	82,0

	№ погр. / п - правая, л - левая				
	62/л	**63/п**	**63/л**	**64/п**	**64/л**
1	268	-	267	-	258
2	135	-	237	-	235
3	44	-	36	33	33
11	15	15	14	13	12
12	17	16	16	14	15
13	28	23	24	24	24
14	37	34	34	31	33
3:2	32,5	-	15,1	-	14,0
11:12	88,2	93,7	87,5	92,8	80,0
13:14	75,6	67,6	70,5	77,4	72,7

Таблица № 5. Индивидуальные измерения лучевых костей

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	1/п	**1/л**	**2/п**	**2/л**	**4/п**	**4/л**	**6/л**	**7/п**	**8-1/п**	**8-1/л**	**8а/п**	**8а/л**	**9/п**
1	244	241	128	-	214	-	212	-	-	-	237	233	210
2	233	230	-	-	202	-	207	-	-	-	227	228	202
3	43	43	27	25	38	-	37	42	-	-	38	37	35
4	17	17	9	-	15	14	12	-	13	13	14	13	15
5	12	12	7	-	11	9	10	-	10	10	11	10	11
3:2	18,4	18,4	-	-	18,8	-	17,8	-	-	-	16,7	16,2	17,3
5:4	70,5	70,5	77,7	-	73,3	64,2	83,3	-	76,9	76,9	78,5	76,9	73,3

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	9/л	**11/п**	**11/л**	**12/п**	**12/л**	**13/п**	**13/л**	**14/п**	**15/п**	**15/л**	**16/п**	**16/л**	**17/п**
1	209	110	110	-	-	227	228	-	214	211	179	179	205
2	199	-	-	-	-	216	215	-	202	199	-	-	196
3	36	22	22	44	44	43	44	27	35	35	-	-	44
4	14	7	7	-	-	15	17	9	14	14	12	12	17
5	11	6	6	-	-	11	11	7	11	11	9	9	11
3:2	18,0	-	-	-	-	19,9	20,4	-	17,3	17,5	-	-	22,4
5:4	78,5	85,7	85,7	-	-	73,3	64,7	77,7	78,5	78,5	75	75	64,7

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	17/л	**18/п**	**18/л**	**19/п**	**19/л**	**20/п**	**20/л**	**21/п**	**21/л**	**22/п**	**22/л**	**23-1/п**	**23-1/л**
1	-	72	72	-	-	235	-	222	-	232	-	100	100
2	-	-	-	-	-	225	-	210	-	220	-	-	-
3	44	7	7	46	46	40	40	43	41	39	39	24	24
4	-	5	5	17	17	16	16	16	17	16	16	8	8
5	-	4	4	12	12	10	10	12	11	11	11	6	6
3:2	-	-	-	-	-	17,7	-	20,4	-	17,7	-	-	-
5:4	-	80,0	80,0	70,5	70,5	62,5	62,5	75,0	64,7	68,7	68,7	75,0	75,0

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	23-2/п	**23-2/л**	**25/п**	**25/л**	**26/п**	**26/л**	**28/п**	**28/л**	**29/п**	**29/л**	**30/п**	**30/л**	**32/п**
1	107	107	163	164	217	213	207	-	212	212	223	224	244
2	-	-	-	-	205	202	197	-	205	205	212	212	-
3	24	24	43	43	44	42	38	38	37	37	40	40	43
4	7	7	16	16	17	16	15	13	15	15	15	15	17
5	6	6	11	11	11	11	11	-	11	11	12	12	12
3:2	-	-	-	-	21,4	20,7	19,2	-	18,0	18,0	18,8	18,8	-
5:4	85,7	85,7	68,7	68,7	64,7	68,7	73,3	-	73,3	73,3	80,0	80,0	70,5

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	32/л	**33/п**	**33/л**	**34/п**	**34/л**	**35/п**	**35/л**	**37/п**	**37/л**	**38/п**	**38/л**	**40/п**	**40/л**
1	-	238	235	80	80	-	-	223	220	205	210	-	-
2	-	231	225	-	-	-	-	211	209	196	196	-	-
3	41	38	38	20	20	28	28	41	41	35	38	-	-
4	16	14	14	7	7	8	8	16	16	13	14	13	13
5	13	11	11	6	6	7	7	11	11	11	11	9	9

3:2	-	16,4	16,8			-	-	19,4	19,6	17,8	19,3	-	-
5:4	81,2	78,5	78,5	85,7	85,7	87,5	87,5	68,7	68,7	84,6	78,5	69,2	69,2

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	41/п	**41/л**	**42/п**	**42/л**	**45/п**	**45/л**	**46/п**	**46/л**	**47/п**	**47/л**	**48/п**	**48/л**	**49/п**
1	75	75	232	231	128	128	225	-	-	-	220	-	-
2	-	-	221	219	-	-	214	-	-	-	208	-	-
3	20	20	43	36	25	25	37	37	40	40	40	-	-
4	7	7	15	14	8	8	15	14	17	17	16	14	16
5	5	5	12	11	7	7	9	11	11	11	11	11	10
3:2	-	-	19,4	16,4	-	-	17,2	-	-	-	19,2	-	-
5:4	71,4	71,4	80,0	78,5	87,5	87,5	60,0	78,5	64,7	64,7	68,7	78,5	62,5

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	49/л	**50/п**	**50/л**	**51/п**	**51/л**	**52/п**	**52/л**	**53/п**	**56/п**	**56/л**	**57/п**	**57/л**	**58/п**
1	-	232	-	102	102	210	210	-	137	137	-	-	213
2	-	222	-	-	-	199	200	-	-	-	-	-	-
3	-	44	-	25	25	34	32	-	26	26	38	38	37
4	15	18	16	8	8	14	13	15	9	9	17	17	14
5	10	12	12	5	5	10	9	11	7	7	11	11	11
3:2	-	19,8	-	-	-	17,0	16,0	-	-	-	-	-	-
5:4	66,6	66,6	75,0	62,5	62,5	71,4	69,2	73,3	77,7	77,7	64,7	64,7	78,5

	№ погр. / п - правая, л - левая											
	58/л	**59/п**	**60/п**	**60/л**	**61/п**	**61/л**	**62/п**	**62/л**	**63/п**	**63/л**	**64/п**	**64/л**
1	-	215	-	-	47	47	245	-	245	244	241	241
2	-	203	-	-	-	-	236	-	233	233	231	231
3	-	43	26	26	12	13	47	-	43	43	42	42
4	13	17	9	9	3	3	19	19	19	18	16	16
5	11	12	7	7	3	3	14	13	12	12	12	12
3:2	-	21,1	-	-	-	-	19,9	-	18,4	18,4	18,1	18,1
5:4	84,6	70,5	77,7	77,7	100,0	100,0	73,6	68,4	63,1	66,6	75,0	75,0

Таблица № 6. Индивидуальные измерения тазовых костей

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	1/п	**1/л**	**2/п**	**4/п**	**4/л**	**5/п**	**6/п**	**6/л**	**8-1/п**	**8-1/л**	**8а/п**	**8а/л**	**9/п**
1	218	219	-	-	201	-	-	-	-	-	210	-	-

2	281	281	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
12	164	164	96	-	151	-	-	-	-	137	165	-	138
23	93	93	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
24	135	135	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
26	63	65	37	-	57	-	55	28	-	-	55	-	45
(V)	40	40	-	-	37	33	27	28	54	56	37	36	-
(W)	44	44	-	38	38	-	-	-	-	-	42	-	38
(X)	52	53	-	-	48	53	47	47	-	-	52	51	-

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	9/л	**10/п**	**10/л**	**11/п**	**11/л**	**13/п**	**13/л**	**14/п**	**15/п**	**15/л**	**16/п**	**16/л**	**17/п**
1	-	-	-	-	-	-	-	-	193	194	-	-	-
2	-	-	-	-	-	-	-	-	244	244	-	-	-
12	140	90	91	-	-	-	-	92	-	154	112	112	145
23	-	-	-	-	-	-	-	-	106	106	-	-	-
24	-	-	-	-	-	-	-	-	124	124	-	-	-
26	56	37	36	-	-	61	-	-	56	56	-	-	-
(V)	-	-	-	38	38	33	34	-	35	32	-	-	30
(W)	38	-	-	-	-	-	-	-	38	40	-	-	40
(X)	-	-	-	58	58	55	51	-	50	46	-	-	-

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	17/л	**18/п**	**18/л**	**19/п**	**19/л**	**20/п**	**20/л**	**21/п**	**21/л**	**22/п**	**22/л**	**23/п**	**23/л**
1	-	-	-	-	-	201	204	194	199	189	190	-	-
2	-	-	-	-	-	260	260	262	262	237	237	-	-
12	145	51	51	166	166	154	152	155	157	145	144	60	59
23	-	-	-	-	-	94	94	95	95	-	-	-	-
24	-	-	-	-	-	131	131	130	130	118	118	-	-
26	-	24	24	-	-	62	62	61	62	-	54	-	24
(V)	30	-	-	44	44	41	41	37	38	34	33	-	-
(W)	40	-	-	41	41	37	37	37	33	36	36	-	-
(X)	-	-	-	63	63	48	48	46	45	-	48	-	-

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	23-1/п	**23-1/л**	**25/п**	**25/л**	**26/п**	**26/л**	**28/п**	**28/л**	**29/п**	**29/л**	**30/п**	**30/л**	**32/п**
1	-	-	-	-	200	-	-	-	-	-	210	211	216
2	-	-	-	-	277	277	-	-	-	-	262	262	-
12	77	77	121	116	153	153	-	-	-	-	166	165	-

23	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
24	-	-	-	-	125	125	-	-	-	-	122	122	-
26	36	36	47	51	60	62	-	-	-	55	62	62	67
(V)	-	-	-	-	34	-	-	35	-	32	37	36	37
(W)	-	-	-	-	41	40	-	37	41	45	46	-	46
(X)	-	-			49	-	47	48	50	49	53	51	52

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	32/л	**33/п**	**33/л**	**34/п**	**34/л**	**35/п**	**35/л**	**36/п**	**36/л**	**37/п**	**37/л**	**38/п**	**38/л**
1	210	-	-	-	-	-	-	-	-	205	206	194	-
2	-	267	267	-	-	-	-	-	-	255	255	-	-
12	157	152	156	57	56	101	102	75	75	160	159	-	-
23	-	-	-	-	-	-	-	-	-	117	117	-	-
24	-	-	-	-	-	-	-	-	-	120	120	-	-
26	65	-	69	27	27	46	46	27	27	57	59	54	-
(V)	39	-	-	-	-	-	-	-	-	37	37	34	35
(W)	49	-	-	-	-	-	-	-	-	30	30	-	-
(X)	53	-	-	-	-	-	-	-	-	46	47	45	48

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	40/п	**40/л**	**41/п**	**41/л**	**42/п**	**42/л**	**45/п**	**45/л**	**46/п**	**46/л**	**47/п**	**47/л**	**48/п**
1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	186	-	193	-
2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	262
12	-	-	56	57	-	149	91	92	-	149	-	157	150
23	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
24	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	133
26	-	-	21	23	-	-	37	37	54	54	-	59	60
(V)	31	31	-	-	38	39	-	-	32	31	33	32	38
(W)	-	-	-	-	-	36	-	-	-	-	-	-	-
(X)	40	40	-	-	52	52	-	-	45	46	45	45	47

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	48/л	**50/п**	**50/л**	**51/п**	**51/л**	**52/п**	**52/л**	**53/л**	**54/п**	**54/л**	**58/п**	**58/л**	**59/п**
1	190	-	-	-	-	187	-	-	-	-	-	-	197
2	262	246	246	-	-	229	229	-	108	107	-	-	249
12	-	160	165	75	75	142	147	-	-	-	142	142	149
23	-	-	-	-	-	103	103	-	-	-	-	-	-
24	133	113	113	-	-	110	110	-	-	-	-	-	114

26	56	60	-	32	32	54	58	-	48	48	57	57	58
(V)	36	-	34	-	-	31	-	27	-	-	-	-	34
(W)	-	45	41	-	-	37	37	40	31	31	-	-	-
(X)	47	-	52	-	-	51	-	53	-	-	-	-	50

	№ погр. / п - правая, л - левая										
	59/л	**60/п**	**60/л**	**61/п**	**61/л**	**62/п**	**62/л**	**63/п**	**63/л**	**64/п**	**64/л**
1	-	-	-	-	-	221-	-	-	-	204	208
2	249	-	-	-	-	260	260	-	-	265	265
12	149	82	82	32	32	158	-	-	164	153	151
23	-	-	-	-	-	-	-	-	-	94	94
24	114	-	-	-	-	120	120	116	116	121	121
26	-	36	36	12	12	67	67	-	59	57	62
(V)	-	-	-	-	-	35	38	-	43	37	40
(W)	-	-	-	-	-	51	-	-	-	42	39
(X)	-	-	-	-	-	55	54	-	53	52	53

Таблица № 7. Индивидуальные измерения бедренных костей

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	1/п	**1/л**	**2/п**	**4/п**	**4/л**	**5/п**	**5/л**	**6/п**	**6/л**	**7/п**	**7/л**	**8а/п**	**8а/л**
2	440	443	-	-	380	403	-	-	405	-	-	430	432
21	81	82	-	71	73	77	77	71	71	71	71	70	75
6	31	32	14	22	22	27	27	-	21	23	23	27	27
7	31	32	15	26	27	29	29	-	20	28	28	29	30
8	95	97	47	77	77	85	85	-	64	81	81	90	89
9	39	39	18	30	30	34	34	24	25	33	33	34	34
10	26	27	14	22	22	24	24	20	19	21	21	25	23
13	97	98	-	-	86	94	94	84	82	84	86	94	95
15	36	36	21	-	29	32	32	30	28	30	33	32	31
18	46	46	27	-	43	45	45	40	40	38	38	45	45
29	125	125	135	-	130	135	135	135	134	136	136	130	130
8:2	21,5	21,8	-	-	26,3	21,0	-		15,8	-	-	20,9	20,6
6:7	100	100	93,3	84,6	81,4	93,1	93,1	-	105	82,1	82,1	93,1	90
10:9	66,6	69,2	77,7	73,3	73,3	70,5	70,5	83,3	76	63,6	63,6	73,5	67,6

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	8-1/п	**8-1/л**	**9/п**	**9/л**	**10/п**	**10/л**	**11/п**	**11/л**	**12/п**	**12/л**	**13/п**	**13/л**	**14/п**
2	400	-	381	381	242	242	215	216	431	-	440	-	-

21	75	75	68	69	47	46	40	40	77	30	78	-	-
6	23	24	24	26	14	14	11	11	31	37	-	27	16
7	26	27	22	25	16	16	13	13	27	27	-	26	16
8	76	81	74	78	48	48	39	39	91	90	-	84	53
9	30	31	27	29	19	19	15	15	31	32	30	31	18
10	23	23	24	25	16	16	12	12	26	26	25	25	17
13	83	-	80	84	-	-	-	-	87	-	-	95	-
15	29	-	29	28	19	19	15	15	36	-	31	32	-
18	43	44	39	41	-	-	-	-	45	-	46	46	-
29	136	-	137	137	139	139	134	134	135	-	137	137	-
8:2	19	-	19,4	20,4	19,8	19,8	18,1	18,0	21.1	-	-	-	-
6:7	88,4	88,8	109,0	104	87,5	87,5	84,6	84,6	114,8	137,0	-	103,8	100,0
10:9	76,6	74,1	88,8	86,2	84,2	84,2	80,0	80,0	83,8	81,2	83,3	80,6	94,4

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	14/л	**15/п**	**15/л**	**16/п**	**16/л**	**17/п**	**17/л**	**18/п**	**18/л**	**19/п**	**19/л**	**20/п**	**20/л**
2	-	388	386	353	332	-	388	117	117	447	454	431	430
21	-	72	71	74	72	67	67	28	28	89	88	74	76
6	16	23	22	23	24	26	26	7	7	31	27	26	24
7	16	25	27	20	21	24	25	9	9	32	31	25	25
8	53	78	76	70	71	75	80	27	27	97	93	80	77
9	18	29	30	26	26	31	29	11	11	36	36	31	31
10	17	20	20	22	22	23	22	9	9	26	26	23	25
13	-	86	86	-	-	-	-	-	-	99	97	95	94
15	-	29	29	-	-	30	31	-	-	36	37	33	32
18	-	42	42	38	-	-	39	-	-	52	-	44	43
29	-	129	129	135	135	-	136	-	-	132	132	141	141
8:2	-	20,1	19,6	19,8	21,3	-	20,6	23,0	23,0	21,7	20,4	18,5	17,0
6:7	100,0	92,0	81,4	115,0	114,2	108,3	104,0	77,7	77,7	96,8	87,0	104,0	96,0
10:9	94,4	68,9	66,6	84,6	84,6	74,1	75,8	81,8	81,8	72,2	72,2	74,1	80,6

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	21/п	**21/л**	**23-1/п**	**23-1/л**	**23-2/п**	**23-2/л**	**25/п**	**25/л**	**26/п**	**26/л**	**28/п**	**28/л**	**29/п**
2	389	383	205	206	-	-	335	335	400	399	-	-	419
21	73	71	46	46	40	40	71	69	77	77	72	72	73
6	28	27	14	14	11	11	21	21	26	26	25	26	27
7	27	25	14	14	13	13	21	21	27	28	25	24	28
8	85	81	45	45	40	40	68	68	85	85	80	80	86

9	31	31	16	16	15	15	26	26	31	32	28	28	31
10	23	24	14	14	11	11	22	22	23	23	22	22	24
13	83	86	-	-	-	-	-	-	90	93	-	-	89
15	33	29	20	20	14	14	30	30	28	30	30	30	30
18	42	41	-	-	-	-	39	39	44	45	-	-	44
29	129	131	135	135	-	-	132	132	131	131	-	-	128
8:2	21,8	21,1	21,9	21,8	-	-	20,2	20,2	21,2	21,3	-	-	20,5
6:7	103,7	108,0	100,0	100,0	84,6	84,6	100,9	100,0	96,2	92,8	100,0	198,3	96,4
10:9	74,1	99,7	87,5	87,5	73,3	73,3	84,6	84,6	74,1	71,8	78,5	78,5	77,4

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	29/л	**30/п**	**30/л**	**32/п**	**32/л**	**33/п**	**33/л**	**34/п**	**34/л**	**35/п**	**35/л**	**37/п**	**37/л**
2	-	415	419	447	441	420	422	-	-	-	-	403	401
21	72	81	79	78	80	73	72	-	-	58	59	73	72
6	27	25	26	30	31	27	27	9	9	16	16	28	27
7	27	25	26	26	26	29	30	11	11	17	17	26	27
8	85	76	80	88	87	87	88	33	33	53	53	85	85
9	29	29	30	30	29	33	34	14	14	21	22	29	30
10	23	22	23	25	25	24	24	12	12	16	16	27	24
13	89	89	88	92	94	96	-	-	-	-	-	90	87
15	33	29	31	33	32	30	32	-	-	21	21	33	33
18	44	44	44	47	47	44	-	-	-	-	-	41	42
29	128	129	129	131	131	125	125	-	-	134	134	122	122
8:2	-	18,3	19,0	19,6	19,7	20,7	20,8	-	-	-	-	21,0	21,1
6:7	100,0	100,0	100,0	115,3	119,2	93,1	90	81,8	81,8	94,1	94,1	107,6	100,0
10:9	79,3	75,8	76,6	83,3	86,2	72,7	70,5	85,7	85,7	76,1	72,7	93,1	80,0

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	38/п	**38/л**	**40/п**	**40/л**	**41/п**	**41/л**	**42/п**	**42/л**	**43/п**	**43/л**	**45/п**	**45/л**	**46/п**
2	402	396	-	-	-	-	-	-	397	-	-	-	383
21	73	72	18	18	-	-	80	81	80	80	53	52	73
6	25	25	21	21	10	10	-	-	29	-	16	16	24
7	26	26	22	22	11	11	-	-	28	30	16	16	24
8	76	76	68	68	34	34	-	-	-	-	47	47	76
9	32	33	27	27	12	12	32	31	38	37	17	17	29
10	22	24	20	20	11	11	25	26	25	25	15	15	22
13	86	84	-	-	-	-	-	98	97	96	-	-	86
15	28	28	29	29	-	-	34	35	32	31	-	-	27

18	41	41	-	-	-	-	-	46	45	46	-	-	41
29	137	137	-	-	-	-	132	132	124	124	141	141	131
8:2	18,9	19,1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	19,8
6:7	96,1	96,1	95,4	95,4	90,9	90,9	-	-	103,5	-	100,0	100,0	92,3
10:9	68,7	72,7	74,0	74,0	91,6	91,6	78,1	83,8	65,7	67,5	88,2	88,2	75,8

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	46/л	**47/п**	**47/л**	**48/п**	**48/л**	**49/п**	**49/л**	**50/п**	**50/л**	**51/п**	**51/л**	**52/п**	**52/л**
2	386	385	386	408	411	-	-	410	-	-	-	385	381
21	71	68	68	71	71	-	-	75	76	-	-	72	73
6	24	26	26	25	26	23	23	29	29	12	12	20	19
7	24	24	25	27	27	25	25	27	27	12	12	23	24
8	76	76	77	85	82	75	75	86	86	37	37	66	67
9	28	29	29	32	31	29	35	28	28	16	16	27	28
10	22	22	24	24	24	23	24	27	27	14	14	20	20
13	87	81	82	86	86	-	93	89	89	-	-	86	88
15	31	27	30	29	29	29	31	30	30	21	21	27	28
18	41	38	38	44	44	-	44	44	44	-	-	44	42
29	131	141	140	137	137	-	130	130	130	-	-	135	135
8:2	19,6	19,7	19,9	20,8	19,9	-	-	20,9	-	-	-	17,1	17,5
6:7	92,3	108,3	104,0	92,5	96,2	92,0	92,0	107,4	107,4	100,0	100,0	86,9	79,1
10:9	78,5	75,8	82,7	75,0	77,4	79,3	68,5	96,4	96,4	87,5	87,5	74,0	71,4

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	53/п	**53/л**	**54/п**	**54/л**	**55/п**	**55/л**	**56/п**	**56/л**	**57/п**	**57/л**	**58/п**	**58/л**	**59/п**
2	-	-	355	355	325	325	-	-	-	-	410	410	395
21	72	71	63	64	65	65	56	55	-	-	75	72	77
6	27	26	18	18	17	17	17	17	27	28	26	26	24
7	23	24	18	18	19	19	18	18	31	31	26	26	25
8	75	82	59	59	60	60	53	53	92	92	80	80	83
9	-	-	23	23	22	22	22	22	-	36	28	28	27
10	-	-	18	18	19	19	16	16	-	26	22	22	24
13	82	-	79	79	-	-	-	-	-	-	82	82	87
15	30	-	26	26	24	24	-	-	-	-	32	32	28
18	42	-	34	34	33	33	-	-	49	49	43	43	43
29	-	-	133	133	132	132	-	-	-	-	135	135	135
8:2	-	-	16,6	16,6	18,4	18,4	-	-	-	-	19,5	19,5	21,0
6:7	117,3	108,3	100,0	100,0	89,4	89,4	89,4	89,4	87,0	90,3	100,0	100,0	96,0

10:9	-	-	78,2	78,2	86,3	86,3	72,7	72,7	-	72,2	78,5	78,5	88,8

	№ погр. / п - правая, л - левая											
	59/л	**60/п**	**60/л**	**61/п**	**61/л**	**62/п**	**62/л**	**63/п**	**63/л**	**64/п**	**64/л**	**бн/л**
2	-	-	-	71	71	426	424	-	-	438	-	-
21	76	47	47	16	16	86	86	84	83	73	78	-
6	28	13	13	6	6	29	31	-	-	27	27	-
7	26	14	14	6	6	28	28	28	28	27	27	-
8	86	44	44	20	20	90	94	90	90	85	85	-
9	-	16	16	8	8	35	32	32	32	34	34	30
10	-	15	15	6	6	25	28	25	25	26	25	29
13	97	-	-	-	-	99	98	-	92	93	95	103
15	29	17	17	-	-	35	35	-	36	30	33	39
18	44	-	-	-	-	49	49	46	47	44	44	48
29	135	-	-	-	-	130	130	-	136	126	126	136
8:2	-	-	-	28,1	28,1	21,1	22,1	-	-	19,4	-	-
6:7	107,6	92,8	92,8	100,0	100,0	103,5	110,7	-	-	100,0	100,0	-
10:9	-	93,7	93,7	75,0	75,0	71,4	87,5	78,1	78,1	76,4	73,5	96,6

Таблица № 8. Индивидуальные измерения надколенников

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	1/п	**1/л**	**4/п**	**4/л**	**5/п**	**5/л**	**6/п**	**6/л**	**7/п**	**7/л**	**8-1/п**	**8-1/л**	**8а/п**
1	41	41	38	38	39	39	39	39	35	35	36	36	39
2	43	43	39	39	39	39	40	39	36	36	-	37	40
1:2	95,3	95,3	97,4	97,4	100,0	100,0	97,5	100	97,2	97,2	-	97,2	97,5

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	8а/л	**9/п**	**9/л**	**12/п**	**12/л**	**13/п**	**13/л**	**16/п**	**16/л**	**17/п**	**17/л**	**19/п**	**19/л**
1	39	33	34	39	39	43	43	37	36	37	36	45	46
2	40	37	36	41	41	47	-	37	36	34	34	53	53
1:2	97,5	89,1	94,4	95,1	95,1	91,4	-	100,0	100,0	108,8	105,8	84,9	84,9

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	20/п	**21/п**	**26/п**	**26/л**	**28/п**	**28/л**	**29/п**	**29/л**	**30/п**	**30/л**	**32/л**	**33/п**	**33/л**
1	40	37	42	42	37	38	39	39	48	47	41	37	41
2	43	40	45	45	37	39	41	41	47	47	46	43	42
1:2	93,0	92,5	93,3	93,3	100,0	97,4	95,1	95,1	102,1	100,0	89,1	86,0	97,6

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	37/п	**37/л**	**40/п**	**40/л**	**42/п**	**42/л**	**43/п**	**43/л**	**46/п**	**46/л**	**47/п**	**47/л**	**48/п**
1	36	40	37	37	42	42	44	44	40	39	35	35	38
2	42	42	36	36	44	44	41	42	42	41	38	38	41
1:2	85,7	95,2	102,7	102,7	95,4	95,4	107,3	104,7	95,2	95,1	92,1	92,1	92,6

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	48/л	**49/п**	**49/л**	**50/п**	**52/п**	**52/л**	**53/п**	**53/л**	**54/п**	**54/л**	**58/п**	**58/л**	**59/п**
1	38	-	42	38	39	38	37	39	33	35	39	38	38
2	41	40	-	41	37	38	41	-	31	32	40	38	42
1:2	92,6	-	-	92,6	105,4	100,0	90,2	-	106,4	109,3	97,5	100	90,4

	№ погр. / п - правая, л - левая						
	59/л	**62/п**	**62/л**	**63/п**	**63/л**	**64/п**	**64/л**
1	38	45	45	40	40	39	39
2	42	48	49	39	39	39	39
1:2	90,4	93,7	91,8	102,5	102,5	100,0	100,0

Таблица № 9. Индивидуальные измерения большеберцовых костей

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	1/п	**1/л**	**4/п**	**4/л**	**5/п**	**5/л**	**6/п**	**6/л**	**7/п**	**7/л**	**8-1/п**	**8-1/л**	**8а/п**
1	351	354	-	313	319	320	-	-	-	-	322	321	360
3	77	77	69	70	73	73	65	65	65	65	67	68	71
9(a)	26	26	20	20	23	23	17	17	23	23	20	21	21
10(b)	75	75	57	63	72	73	58	57	65	65	66	68	72
10(b):1	21,3	21,1	-	20,1	22,5	22,8	-	-	-	-	20,4	21,1	20,0

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	8а/л	**9/п**	**9/л**	**10/п**	**10/л**	**11/п**	**11/л**	**12/п**	**12/л**	**13/п**	**13/л**	**15/п**	**15/л**
1	357	312	313	-	-	-	-	-	-	337	341	320	-
3	70	64	62	38	38	-	-	72	73	73	74	-	68
9(a)	21	21	18	14	14	12	12	26	26	24	23	21	-
10(b)	72	66	66	45	45	36	36	83	84	73	73	68	68
10(b):1	20,1	21,1	21,0	-	-	-	-	-	-	21,6	21,4	21,2	-

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	16/п	**16/л**	**17/п**	**17/л**	**18/п**	**18/л**	**19/п**	**19/л**	**20/п**	**20/л**	**21/п**	**21/л**	**23-1/п**
1	-	-	322	323	93	93	371	371	351	347	325	323	160
3	65	66	66	64	-	-	84	85	74	73	72	69	44
9(a)	20	21	21	19	8	8	28	27	22	20	24	23	13
10(b)	66	66	65	63	25	25	79	79	68	67	72	79	42
10(b):1	-	-	20,1	19,5	26,8	26,8	21,	21,2	19,3	19,3	22,1	24,4	26,2

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	23-1/л	**23-2/п**	**23-2/л**	**25/п**	**25/л**	**26/п**	**26/л**	**28/п**	**28/л**	**29/п**	**29/л**	**30/п**	**30/л**
1	160	-	-	-	-	333	332	317	312	341	347	331	331
3	43	-	-	64	64	75	75	66	66	69	69	75	75
9(a)	13	11	11	21	21	21	21	22	22	23	22	22	22
10(b)	42	35	35	68	68	73	73	69	69	73	68	75	75
10(b):1	26,2	-	-	-	-	21,9	21,9	21,7	22,1	21,4	19,5	22,6	22,6

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	32/п	**32/л**	**33/п**	**33/л**	**35/п**	**35/л**	**37/п**	**37/л**	**38/п**	**38/л**	**40/п**	**40/л**	**41/п**
1	353	352	352	352	-	-	337	336	315	319	-	-	-
3	75	75	70	70	48	49	68	69	68	71	-	-	28
9(a)	23	23	21	21	15	15	23	23	18	18	20	20	11
10(b)	78	78	72	72	56	56	73	73	63	63	68	68	31
10(b):1	22,0	20,4	20,4	20,4	-	-	21,6	21,7	20,0	19,7	-	-	-

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	41/л	**42/п**	**42/л**	**43/п**	**43/л**	**45/п**	**45/л**	**46/п**	**46/л**	**47/п**	**47/л**	**48/п**	**48/л**
1	-	-	-	-	-	-	-	320	323	313	-	337	336
3	28	78	79	72	74	42	42	66	66	66	63	68	68
9(a)	11	24	25	21	22	16	15	21	21	23	23	21	21
10(b)	31	-	-	72	-	54	53	68	68	67	-	66	66
10(b):1	-	-	-	-	-	-	-	21,2	21,0	21,4	-	19,5	19,6

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	49/п	**49/л**	**50/п**	**50/л**	**51/п**	**51/л**	**52/п**	**52/л**	**53/п**	**53/л**	**54/п**	**54/л**	**55/п**
1	-	315	-	350	-	-	317	315	314	314	280	280	-
3	-	66	73	71	34	34	69	69	-	72	56	56	56

9(a)	18	19	23	22	12	13	20	18	21	20	18	18	17
10(b)	63	61	-	69	35	35	60	62	66	65	53	53	57
10(b):1	-	19,3	-	19,7	-	-	18,9	19,8	21,0	20,7	18,9	18,9	-

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	55/л	**56/п**	**56/л**	**57/п**	**57/л**	**58/п**	**58/л**	**59/п**	**59/л**	**60/п**	**60/л**	**61/п**	**61/л**
1	-	-	-	-	-	334	334	320	320	-	-	-	-
3	56	46	47	-	-	70	71	69	69	45	45	12	12
9(a)	17	18	18	23	23	23	22	21	21	16	16	6	6
10(b)	57	48	48	77	76	73	72	76	78	50	50	23	23
10(b):1	-	-	-	-	-	21,8	21,5	23,7	24,3	-	-	-	-

	№ погр. / п - правая, л - левая					
	62/п	**62/л**	**63/п**	**63/л**	**64/п**	**64/л**
1	360	361	352	349	360	361
3	79	78	77	77	73	73
9(a)	28	28	24	24	23	23
10(b)	77	77	70	70	72	72
10(b):1	21,3	21,3	19,8	20,0	20,0	19,9

Таблица № 10. Индивидуальные измерения малоберцовых костей

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	1/п	**1/л**	**2/п**	**4/п**	**4/л**	**5/п**	**5/л**	**6/п**	**6/л**	**7/п**	**7/л**	**8а/п**	**8а/л**
1	347	347	-	-	-	319	-	-	-	-	-	-	-
2	16	16	8	12	12	15	15	14	14	14	14	15	15
3	13	13	6	11	11	11	11	8	8	14	12	12	12
4(a)	42	42	20	38	38	38	38	26	26	35	35	35	35
3:2	81,2	81,2	75,0	91,6	91,6	73,3	73,3	57,1	57,1	100,0	85,7	80,0	80,0

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	9/п	**9/л**	**11/п**	**11/л**	**12/п**	**12/л**	**13/п**	**13/л**	**15/п**	**16/п**	**16/л**	**17/п**	**17/л**
1	-	312	130	130	-	-	-	-	-	-	-	316	314
2	13	14	6	6	14	14	14	14	13	13	13	13	13
3	12	12	5	5	13	13	11	11	10	11	11	11	11
4(a)	-	36	16	16	37	37	33	33	35	-	-	32	32
3:2	92,3	85,7	83,3	83,3	92,8	92,8	78,5	78,5	76,9	84,6	84,6	84,6	84,6

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	18/п	**18/л**	**18-1/п**	**18-1/л**	**19/п**	**19/л**	**20/п**	**20/л**	**21/п**	**21/л**	**23-1/п**	**23-1/л**	**25/п**
1	89	89	313	315	371	371	341	-	318	321	157	157	240
2	4	4	13	13	14	14	12	13	16	16	7	7	14
3	3	3	11	11	14	14	11	11	11	9	6	6	11
4(a)	13	13	40	40	43	43	35	35	38	33	22	22	36
3:2	75,0	75,0	84,6	84,6	100,0	100,0	91,6	84,6	68,7	56,2	85,7	85,7	78,5

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	25/л	**26/п**	**26/л**	**29/п**	**29/л**	**30/п**	**30/л**	**32/п**	**32/л**	**33/п**	**33/л**	**35/п**	**35/л**
1	240	338	-	333	-	326	326	348	347	350	-	207	207
2	14	17	16	13	13	16	16	15	17	14	15	11	11
3	11	11	13	11	11	12	12	13	12	11	11	6	6
4(a)	36	45	44	33	-	36	36	47	47	26	26	26	26
3:2	78,5	64,7	81,2	84,6	84,6	75,0	75,0	86,6	70,5	78,5	73,3	54,5	54,5

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	37/п	**37/л**	**38/п**	**38/л**	**40/п**	**40/л**	**41/п**	**41/л**	**42/п**	**42/л**	**43/п**	**43/л**	**45/п**
1	-	331	309	310	-	-	96	96	335	341	-	340	185
2	17	15	12	12	13	13	6	6	16	16	16	16	9
3	14	12	10	10	11	11	4	4	11	9	11	11	7
4(a)	37	37	30	30	31	31	15	15	33	36	41	38	26
3:2	82,3	80,0	83,3	83,3	84,3	84,3	66,6	66,6	68,7	56,2	68,7	68,7	77,7

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	45/л	**46/п**	**46/л**	**47/п**	**47/л**	**48/п**	**48/л**	**49/п**	**49/л**	**50/п**	**50/л**	**51/п**	**51/л**
1	184	-	-	-	-	338	337	306	303	-	-	-	-
2	9	14	14	13	14	13	12	13	12	16	15	6	6
3	7	10	10	10	11	10	9	12	9	11	12	4	4
4(a)	26	36	36	34	34	35	-	33	32	39	37	17	17
3:2	77,7	71,4	71,4	76,9	78,5	76,9	75,0	92,3	75,0	68,7	80,0	66,6	66,6

	№ погр. / п - правая, л - левая												
	52/п	**52/л**	**53/п**	**53/л**	**54/п**	**54/л**	**56/п**	**56/л**	**57/п**	**57/л**	**58/п**	**58/л**	**59/п**
1	311	-	312	312	-	-	204	204	-	-	-	-	316
2	12	12	13	14	11	11	9	9	15	15	15	15	14

3	8	10	10	10	7	7	8	8	12	12	13	13	12
4(а)	32	-	37	38	-	-	24	23	36	36	-	-	42
3:2	66,6	83,3	76,9	54,9	63,6	63,6	88,8	88,8	80,0	80,0	86,6	86,6	85,7

	№ погр. / п - правая, л - левая										
	59/л	**60/п**	**60/л**	**61/п**	**61/л**	**62/п**	**62/л**	**63/п**	**63/л**	**64/п**	**64/л**
1	312	163	163	55	55	-	-	-	-	347	349
2	16	19	19	3	3	18	18	16	17	15	15
3	12	16	16	2	2	11	11	13	12	9	8
4(а)	37	23	23	10	10	47	46	30	33	36	39
3:2	75,0	84,2	84,2	66,6	66,6	61,1	61,1	81,2	70,5	60,0	53,3

Таблица № 11. Патологии и эпигенетические признаки

	Мужчины	***Женщины***	***Дети***	***Неопреде-ленные***
Патологии				
Кариес	3	3		
Разрушение зуба	3	1		
Утрата зубов	9	8		
Зубной камень	10	8	1	
Эмалевая гипоплазия	4	4	1	
Абсцесс	3	3		
Нарушение зубного ряда	1			
Пародонтоз		1		
Поротический гиперостоз			1	
Нарушение прикуса			1	
Искусственная деформация	1		1	
Холодовый стресс	4			
Cribra orbitalia			3	
Остеома	1			
Артроз верхних конечностей	6	8		
Артроз нижних конечностей	1	5		
Реберно-позвоночный артроз	2	3		
Узлы Шморля	4	3		
Спондилоз	24	10		

Травмы	3	3	1	
Остеохондрит	1	1		
Экзостоз		1		
Остеофитоз		4		
Периостит	2	2		
Синостоз	1			
Энтезопатия	1	1		
Остеоартрит		1		
Остеохондроз	1	3		
Искривление костей ног	2	1		
Рак	1			
Эпигенетические варианты				
Гиперодентия	1			
Адентия	3	1		1
Межмыщелковые отверстия	2	3	1	1
Метопизм		1	1	
Добавочные кости на черепе	9	7	2	1

А. И. АЙБАБИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХАЗАР ВРЕМЕНИ СОЗДАНИЯ КАГАНАТА

Вполне очевидно, что полноценное воссоздание истории Хазарии невозможно без изучения созданной в Хазарском каганате материальной культуры. Археологические материалы позволяют не только проследить этноформационные процессы на завоеванных хазарами территориях, но и распознать этнические группы по присущим им особенностям погребального обряда, традиционного костюма, оружия, бытовой утвари, а также типологии жилищ, планировки поселений, хозяйственной деятельности.

Полемика об археологическом наследии Хазарского каганата началась сразу после открытия в бассейне Дона Салтовского могильника и названной его именем культуры. Исследователи этого и однотипных некрополей, а также связанных с ними городищ приписывали салтовскую культуру хазарам [1, с. 232-234; 2, с. 435]. А. А. Спицын и Ю. В. Готье считали упомянутые памятники аланскими [3, с. 67-79; 4, с. 84]. Хазары занимали одно из главных мест в необычайно обширной тематике научных исследований Михаила Илларионовича Артамонова. Свои первые самостоятельные археологические разведки в 1929 г. он проводил на Нижнем Дону, обследуя Левобережное Цимлянское городище. В результате этих разведок и производившихся в 1934-35 гг. раскопок М. И. Артамонов убедительно локализовал на городище хазарскую крепость Саркел [5, с. 6-25, 79-90; 6, с. 130-167]. В своей первой книге о Хазарии «Очерках древнейшей истории хазар» М. И. Артамонов предложил новаторский для того времени исследовательский метод – комплексное использование письменных и археологических источников. По его словам, «недостаточность и отрывочность письменных известий о хазарах, казалось, давно бы должны вызвать потребность в иного рода источников исторического исследования в этой области, а именно в вещественных памятниках. … Вещественные (археологические) памятники имеют весьма важное значение для истории Хазарского царства. Только посредством их можно учесть те отношения, какие существовали между оседлыми и кочевыми племенами юго-востока, а также те процессы, которые происходили

внутри кочевых племен и явились основою возникновения государственной организации» [7, с. VI-VII].

Именно М. И. Артамонов в тяжелейший послевоенный период в 1949-51 гг. организовал крупнейшую и по нынешним временам спасательную археологическую экспедицию на землях, отведенных под строительство Волго-Донского речного канала. Он, его коллеги – талантливые археологи И. И. Ляпушкин, А.Л. Якобсон, М.П. Грязнов, А.А. Иессен, А.Д. Столяр, О.А. Артамонова, С.А. Плетнева и многие сотрудники Эрмитажа совершили самый настоящий научный подвиг, проведя раскопки и обследование не только хазарской крепости Саркел, Цимлянского Правобережного городища и многих памятников салтовской и других культур [подробнее см: 8-10; 11, с. 21-28; 12, с. 58-70]. Добытые экспедицией огромнейшие материалы легли в основу многих хазароведческих штудий.

М. И. Артамонов не согласился с отождествлением салтовской культуры с аланами и высказал предположение о принадлежности названной культуры хазаро-болгарским племенам [6, с. 161-162]. В фундаментальной монографии «История хазар» он разделил некрополи салтовской культуры по конструкции погребальных сооружений на две группы: 1 – захоронения в так называемых катакомбах, характерных для северокавказских алан; 2 – погребения в простых грунтовых ямах (типа Зливки), близкие распространенным в Дунайской Болгарии и Среднем Поволжье. М. И. Артамонов отмечал сходство памятников салтовской культуры, выявленных между Донцом и Средним Доном, на Нижнем Дону, с археологической культурой, оставленной болгарами и хазарами в Восточном Крыму и на Таманском полуострове, а также археологической культурой хазарского времени в Северном Дагестане, «где находился древний центр хазар» [13, с. 307-309, 313-315].

И. И. Ляпушкин, основываясь на скрупулезной систематизации материалов Волго-Донской экспедиции, предложил разделить памятники салтово-маяцкой культуры на две группы: 1 – верхнесалтовского типа, 2 – зливкинского типа. Поскольку памятники 1 группы тождественны известным в предгорьях Северного Кавказа, то они могли принадлежать поселившимся в бассейне Дона аланам. И. И. Ляпушкин отметил наличие у населения, оставившего зливкинские памятники, кочевнических традиций в типе жилищ. По этому признаку, керамике и типу погребений он отнес их к болгарам [14, с. 144-148].

В 1930-х гг. началась многолетняя оживленная дискуссия об этнической атрибуции средневековых городищ, раскопанных на Тамани и в Восточном Крыму, в Коктебеле на холме Тепсень. Н. С. Барсамов, А. В. Арциховский, А.П. Смирнов и другие приписывали названные памятники славянам [15, с. 8-9; 16, с. 62-63; 17, с. 44]. В опубликованной в 1941 г. статье И. И. Ляпушкин обосновал сходство керамического комплекса названных городищ с салтовским [18, с. 226-231]. По его мнению, поселения VIII-X вв. на Тепсене, на Керченском полуострове, на Тамани и в Прикубанье принадлежали перешедшим к оседлости

болгарам, оказавшимся под властью хазар [14, с. 148]. А. Л. Якобсон писал об общности материалов поселений VIII-X вв., обнаруженных в Восточном Крыму и Приазовье, с салтово-маяцкой культурой [19, с. 485-487]. По предположению М. И. Артамонова, носителями салтовской культуры в Восточном Крыму и Приазовье могли быть как болгары, так и мало отличавшиеся от них «в этнографическом отношении» хазары [13, с. 237-238]. А. В. Гадло присоединился к выводу И. И. Ляпушкина [20, с. 63-64].

В 1951 г. в разгар развернутой в СССР антисемитской компании яростным нападкам подверглись как принявшие иудаизм хазары, так и М. И. Артамонов. По его словам, «…имело место некоторое замешательство в разработке вопросов истории хазар» [13, с. 37]. Лишь спустя несколько лет после смерти И. В. Сталина, во второй половине 1950-х гг. возобновилось изучение хазарского наследия. Материалы, полученные на многочисленных раскопанных в XX столетии на территории Хазарии памятниках, всесторонне проанализированы в трудах ученицы М. И. Артамонова С. А. Плетневой. Она привела неоспоримые доводы в пользу существования на территории Хазарского государства во второй половине VIII – X вв. единой салтовской культуры, которую в процессе оседания создали болгары и аланы. С. А. Плетнева аргументированно осветила происходивший в хазарскую эпоху в Причерноморских и Прикаспийских степях переход кочевников к полуоседлому или оседлому образу жизни. Она выявила в салтовской культуре археологические маркеры, позволившие выделить варианты культуры, распространившиеся в Подонье, Приазовье, Крыму, на Нижней Волге, в Дагестане, на территории Предкавказской Алании и в Подунавье [21; 22, с. 62-75]. В публикации 1990 года С. А. Плетнева дала объективный историографический анализ пятидесятилетних исследований в хазарской археологии в СССР. Она согласилась с замечаниями коллег о неправомерности причисления к салтовской культуре аланских памятников VIII – начала X вв., обнаруженных в Предкавказской Алании и болгарских памятников из Подунавья [23, с. 77-91]. В изданных в 1999 г. «Очерках хазарской археологии» С. А. Плетнева наиболее емко и четко представила свое видение материальной культуры Хазарии. Она, на основе разбора археологических материалов, обнаруженных советскими, российскими и украинскими археологами на памятниках хазарского времени, дала всестороннюю характеристику, как салтово-маяцкой культуры, так и вариантов культуры, распространившихся на подконтрольных хазарам землях. В каждой главе показаны свойственные определеному варианту особенности, в том числе присутствие в Крымском варианте значительного византийского пласта. Очерки насыщены типологическими описаниями памятников и различных категорий находок, а также иллюстрированы картами и рисунками. По словам С. А. Плетневой, салтово-маяцкая культура принадлежала «разным этническим группировкам и народам, входившим в Хазарское государство (в основном нескольким древнеболгарским этносам, аланам, собственно хазарам)»,

а «единство ее … было обусловлено вхождением этих народов в крепкое государственное объединение» [24, с. 207].

Отметив уже во введении, что ее «работа не собственно о хазарах и не о культуре, ими созданной», С. А. Плетнева констатировала: «Памятники, которые можно было бы связать с хазарским этносом … единичны. Предположения об их хазарском происхождении все еще подвергаются в археологической науке сомнениям и дискутируются». Одну из глав она посвятила рассмотрению археологических памятников, найденных в принадлежавших самим хазарам Северокавказских и Волго-Каспийских степях.

Г.А. Афанасьев подверг нигилистической критике методику отбора С.А. Плетневой признаков, определяющих для салтовской культуры. В полемическом задоре он заявил, что полуземлянки и жилища на каменных цоколях и другие 18 признаков встречаются по всей Евразии от Испании до Китая и не маркируют салтовскую культуру. Вопреки собственной критике, Г. А. Афанасьев, пользуясь признаками, выделенными С. А. Плетневой, связывает с этническими хазарами открытые в Волго-Донском междуречье, в Ставропольском и Краснодарском краях, в Ростовской, Волгоградской, Астраханской областях и Калмыкии курганы с квадратными ровиками, а также погребения, раскопанные А.Г. Атавиным в Восточном Приазовье [25, с. 43-55; 26, с. 208-264].

Следует отметить, что для идентификации принадлежавших этническим хазарам ранних археологических памятников необходимо попытаться по письменным источникам прояснить дату их появления в Каспийско-Причерноморском междуморье и этногенез, а также определить регионы, в которых они расселились. Суждения многих исследователей по названным проблемам зачастую основаны на некритическом чтении источников или на анахронических сюжетах в сочинениях более позднего времени.

Дата миграции хазар в регион между Каспием и Черным морем.

Самым ранним сообщением о хазарах считали содержащийся в труде Мовсеса Хоренаци рассказ об их вторжении в Закавказье при царе Валарше [27, II, с. 65] между 197 и 217 гг. н.э. [28, p. 8-9]. Д. М. Данлоп, не вдаваясь в полемику о годах жизни Хоренаци, обоснованно полагает, что эпизоды с участием хазар могли добавить в IX или VIII вв. [28, p. 8-9], а А. П. Новосельцев датирует эти рассказы о хазарах не ранее VI в. [29, с. 29-30]. По мнению М. И. Артамонова, упоминания хазар и каганов во II-III вв. в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци и в IV в. в «Истории страны алван» Мовсеса Каланкатваци являются анахронизмами, привнесенными авторами, жившими «…тогда, когда хазары и каганы действительно существовали» [13, с. 115-116]. По утверждению А. П. Новосельцева, Т. М. Калининой и др., присутствие хазар на Кавказе [29, с. 32] или в Восточной Европе [30, с. 26-27] впервые засвидетельствовано в завершенной в 569 г. хронике Захария Ритора из Митилены [31, p. 6]. В датированном 555 г. географическом описании мира среди 13 народов, живущих в шатрах «за Ка-

спийскими воротами» (за Дербентским горным проходом), названы оногуры, кутригуры, булгары, хазары, авары, сабиры, саругуры [31, p. 328; 32, с. 228]. По словам К. Цукермана, поскольку автор хроники, так же, как и Птолемей, перечислял племена, населявшие все пространство Азиатской Сарматии, от Кавказского хребта до истоков Камы, то нет оснований локализовать хазар именно близ Византии. По предположению К. Цукермана, в 555 г. хазары обитали западнее южных отрогов Уральских гор, на северо-западной окраине тюркского каганата [33, с. 313-314, 329]. С. Г. Кляшторный считает, что Захарий Ритор впервые достоверно зафиксировал этноним хазары, поместив их на седьмом месте в списке тринадцати народов, обитавших в степях Северного Кавказа и в Средней Азии. Однако он справедливо указал на невозможность по такому перечню определить место обитания хазар [34, с. 65]. Многие историки не сомневаются в аутентичности сообщения арабских авторов IX в. и более позднего периода об участии хазар в событиях в Закавказье в VI – начале VII вв. М. И. Артамонов критически относился к сообщениям арабов о походах хазар в VI в. в Дагестан и Закавказье, отмечая отсутствие подтверждений этих сведений у византийских авторов [13, с. 116-117]. Как показал А. П. Новосельцев, эти ранние упоминания хазар противоречивы, недостоверны и зачастую заимствованы из переводов на арабский язык среднеперсидских сочинений [29, с. 23-27, 84-85].

Византийские, армянские, грузинские и арабские источники рассказывают о союзе тюрков или хазар с императором Ираклием в 626-628 гг. во время его войны с персами в Закавказье [35, S. 43]. В приписываемой епископу Себеосу «Истории Армении» идет речь о союзных византийцам всадниках кагана – царя народа севера [36, с. 58-60]. В созданном в 780-х гг. «Бревиарии» патриарха Никифора [37, p. 12, 54-57, 66-67] и во входящем в состав свода грузинских летописей «Картлис цховреба» труде автора XI в. Джуаншера Джуаншериани «Жизнь Вахтанга Горгасала» [38, с. 100] союзники Ираклия названы тюрками. В составленной к 813 г. «Хронографии» Феофана Исповедника говорится о союзе Ираклия с «восточными тюрками, которые называются хазарами» [39, p. 446]. Хазарами именовали союзников Ираклия и другие поздние авторы, например, арабский энциклопедист ал-Мас`уди (ум. в 956 г.) [29, с. 86, прим. 183] и сирийский хронист XII в. Михаил Сириец [40, p. 409].

В содержащемся во второй главе «Истории Албании» подробном описании кавказского похода Ираклия его союзники названы хазирами [41, кн. II, гл. 9,11], «воинами севера», или тюрками [41, кн. II, гл. 12; 33, с. 320]. Это сочинение приписывают автору, которого звали Мовсес Каланкатуаци [42, III; 43, с. 14-19] или Мовсес Дасхуранци [44, XIX], и относят к VII и X векам. Д. М. Данлоп, М. И. Артамонов, В. В. Бартольд, А. П. Новосельцев и другие, основываясь в значительной степени на текстах Феофана и Мовсеса Дасхуранци, считали, что союзное Ираклию тюркское войско, в основном, состояло из хазар [28, p. 28-32; 13, с. 155-156, 175-176; 45, с. 510; 29, с. 86-87].

По мнению П. Голдена, в данном контексте армянские и византийские источники, возможно, анахронично использовали этноним хазары [46, p. 50; 47, с. 58]. По предположению К. Цукермана, главы «Истории Албании» о походе Ираклия составили в X в. из двух разновременных текстов. Написанный вскоре после персидской войны Ираклия ранний источник отождествлял его союзников с тюрками, тогда как автор созданного уже в 670 году позднего источника назвал тюрков-союзников Ираклия – хазирами [33, с. 315-321].

Арабские историки рассказывали о первых нападениях арабов на, вероятно, находившийся в приморском Дагестане [29, с. 123-124] город Баланджар [13, с. 179; 48, с. 76-77; 49, с. 67-74]. Д. М. Данлоп назвал эти рейды «Первой арабо-хазарской войной» [28, p. 41, 46-57]. По словам А. П. Новосельцева, арабские историки вполне определенно говорят о господстве хазар в Закавказье лишь в 80-90-х гг. VII в. [29, с. 176]. Ссылаясь на сочинение аТ-Табари, П. Голден писал о начале арабо-хазарского противостояния на Северном Кавказе в 642 г. [46, p. 50]. аТ-Табари (838-923 гг.) повествует о гибели Салмана и его брата Абдаррахмана в 22/642-43 гг. под Баланджаром, но здесь же упоминает о гибели Абдаррахмана при халифе Усмане (644-656) гг. [50, p. 2663-2671]. Повествуя о событиях 32/653-54 гг., аТ-Табари вновь говорит о походе Салмана на Дербент [50, p. 2889, 2893]. Халифа (ум. 855/856 гг.) отнес поход Салмана и его гибель под Баланджаром к 29/649-50 гг. [51, с. 36, 44], а ал-Балазури (820-892 гг.) – к времени правления халифа Усмана [52, p. 198]. Повествовавшие об этих событиях спустя 150-200 лет авторы путали имена атаковавших Баланджар полководцев, родных братьев Абдаррахмана и Салмана [13, с. 179; 29, с. 174]. Й. Маркварт считал, что описанное ат-Табари нападение на Баланджар необходимо датировать 652 г. [35, S. 491]. М. И. Артамонов оправданно сомневался в достоверности упомянутого сообщения о походе арабов на хазарский Баланджар в 22/642-43 гг. [13, с. 179-180; 53, с. 256]. По мнению О. Г. Большакова, все эти авторы писали об одном походе на Баланджар. Он, сопоставив тексты арабских сочинений и Себеоса, отнес поход к 653 г. [54, с. 170-175, 252, прим. 65, 254]. Вероятно, в перечисленных произведениях идет речь не о хазарах, а о тюрках. аТ-Табари именовал защитников Баланджара тюрками [13, с. 179], Себеос – гуннами или народом севера [36, с. 125], а в тексте Халифы и вовсе отсутствует информация о противнике Салмана [51, с. 36].

Достоверное описание первого вторжения хазар в регион между Каспием и Черным морем дано в «Армянской географии» современника этого события Анания Ширакаци. Известны составленная около 665 г. пространная редакция текста и, вероятно, спустя несколько лет сокращенная и измененная редакция [55; 56; 33, с. 225]. В пространной редакции сообщается о бегстве от хазар болгар Аспаруха, сына Кубрата, которые с Гиппийских или Булгарских гор перебрались в дельту Дуная [55, с. 28; 56, p. 48, 55, 93, 94, 110].

Никифор и Феофан изложили это событие в иной последовательности. По-

сле кончины правителя Великой Булгарии Кубрата болгары разделились и рассеялись. Четверо из пяти его сыновей со своими племенами перекочевали из Приазовья на новые земли. Племя одного из сыновей Аспаруха поселилось в низовьях Дуная. Потом «...великий народ хазар вышел из глубин Берзилии, из Первой Сарматии и завоевал всею страну…» вплоть до моря Понтийского и подчинили себе племя старшего сына Кубрата, Батбаяна [37, p. 86-89; 39, p. 497-498]. По Феофану [39, p. 498] и Никифору [37, p. 88-89], Кубрат скончался «во времена Константина, который жил на западе» (Констант II), то есть между 641 и 668 гг. [57, с. 209-211; 58, p. 42]. Д. Д. Оболенский полагал, что Кубрат умер в 642 г. [59, с. 72], а О.Й. Прицак [60, S. 36, 76] и болгарские историки [61, с. 7-61] – в 665 г.

В армянских источниках имеются более точные хронологические реперы начала хазарской экспансии в Причерноморье и Закавказье. Согласно Ананию Ширакаци, до 665 г. Аспарух уже бежал от хазар [56, p. 55]. По рассказу Мовсеса Дасхуранци, хазары вторглись на территорию Албании через два года после того, как Констант II на девятнадцатом году своего царствования (659/660 г.) совершил поход в Персию [41, кн. II, гл. 22-24].

По словам М. И. Артамонова, хазары изгнали орду Аспаруха в дельту Дуная около 660 г. [13, с. 172]. Опираясь на текст Дасхуранци, П. Голден датировал хазарские рейды в Албанию не ранее 661-662 гг. По его утверждению, к 670-м гг. хазары полностью разгромили булгар, а тех из них, кто не бежал к Дунаю, включили в возглавляемый хазарами союз племен [46, p. 50].

К. Цукерман, основываясь на текстах Ширакаци и Дасхуранци, утверждал, что хазары разбили Аспаруха незадолго до составления в 665 г. длинной версии «Армянской Географии», а в Закавказье впервые вторглись в 685 г. [33, с. 330-332].

О достоверности рассказа Никифора о «безнаказанном захвате» хазарами всех селений у Понта [37, p. 88-89] свидетельствуют результаты раскопок боспорских городов [62, с. 137, 190; 63, S. 124, 177]. В Тиритаке экспедиция В.Ф. Гайдукевича на участке XIII раскопала руины базилики VI-VII вв., в северо-восточном нефе которой построили типичное для салтовской культуры жилище VIII-IX вв. [64, с. 203-204, рис. 1; 65, с. 67-72]. Как установил А.В. Гадло, изучавший полевые материалы экспедиции В. Ф. Гайдукевича в архиве ИИМК, жилище возвели на остатках кладки стен и на полу базилики вскоре после ее разрушения [66, с. 144-145]. В Тиритаке (рис. 1,*3*) [65, с. 49-55, 126-131, рис. 160, 161, 163, 164; 67] еще в нескольких раскопах, а также в Илурате (рис. 1,*8*) [68, с. 134-136] руины с вещами и керамикой VI-VII вв. перекрывали жилища VIII-IX вв. [62, с. 137, 190; 63, S. 124, 177]. Подобная стратиграфия зафиксирована в Фанагории (рис. 1,*33*), Кепах, Гермонассе (рис. 1,*34*) и Патрее (рис. 1,*32*), где поверх слоев с руинами построек V-VII вв. соорудили жилища VIII-IX вв. [69, с. 317-320, 344, рис. 1; 70, с. 63, табл. 39; 71, с. 148, рис. 8; 24, с. 132-150; 72, с. 74-77; 73, с. 56-58, рис. 3; 74, с. 393-428]. В городе Боспоре (рис. 1,*2*) на примыкавшей к церкви Иоанна Предтечи бывшей Рыночной площади в 1960-80-е гг.

Т. И. Макарова в раскопе площадью около 400 кв. м выявила развалины городских кварталов и базилики с крещальней VI-VII вв., перекрытые слоем пожара. Она связала пожар с вторжением хазар в VII в. [75, с. 76; 76, с. 98, 99, рис. 5; 77, с. 345, 356-358, 390, рис. 2]. М. И. Артамонов, основываясь на описании плачевного состояния экономики Херсона, данном в письмах сосланного в 655 г. в город папы Мартина, относил захват хазарами Крыма к середине VII в. [13, с. 195-196]. Однако в письмах старого, больного, не по своей воле оказавшегося в Херсоне папы идет речь не о хазарах, а о реальных сезонных затруднениях в городе с продовольствием и его дороговизне [78, с. 179; 62, с. 170; 63, S. 156]. По словам А. Л. Якобсона, хазары захватили Приазовье и Боспор к 70-м гг. VII в. [19, с. 468].

Terminus post quem для даты вторжения хазар в Северное Причерноморье и Приазовье дает мощный слой пожара, который экспедиция под моим руководством выявила в 1990-1992 гг. в приморской части г. Боспора (в Керчи, в Кооперативном переулке) в раскопе площадью около 1500 кв. м [79, с. 169; 80, p. 33, 35, fig. 2; 63, S. 170-171, Abb. 54-56]. На всей площади раскопа прослежены слой серо-коричневого суглинка Г, который перекрывал слой пожара В, уничтожившего дома VI-VII вв., сооруженные в слое Д [80, fig. 2; 63, Abb. 54]. Поскольку благодаря новым публикациям появилась возможность уточнить определения найденной в этих слоях краснолаковой керамики, привожу исправленный список датированных фрагментов керамики, извлеченной из упомянутых слоев. Пользуясь случаем, благодарю А. В. Смокотину за помощь в определении краснолаковой керамики.

В слое серо-коричневого суглинка Г обнаружены остатки сооружений двух строительных периодов: VIII – первой половины IX вв. и конца IX – X вв. У основания жилища раннего строительного периода [63, S. 174] нашли определенный В. А. Сидоренко фоллис первого периода правления Юстиниана II (686/687 гг.) [81, p. 584, pl. XXXVII,18a].

В слое пожара В находились фрагменты горшков (рис. 2,*28*), краснолаковых мисок формы LRC-10C первой половины VII в. (рис. 2,*32*) [82, p. 345, 346, fig. 71,15], фрагменты амфор типов Якобсон 7 (рис. 2,*29,33*) [83, рис. 2,3; 3,1], Зеест 95 с веретенообразным туловом или LR-10 (рис. 2,*30*) [84, табл. XXXVIII,20; 85, fig. 48] и стенки амфор с зональным рифлением (рис. 2,*31*). Найденные в том же слое фрагменты желобчатых стенок амфор из желтой и желтовато-розовой глины близки стенкам амфор типа LR-1 из комплексов конца VI – VII вв. из Херсона [86, с. 24, 25, 31, 34, рис. 33, 34, 56, 65; 85, p. 212-216, fig. 91,337,346,347].

Из слоя Д, наряду с фрагментами амфор типа Sarachane 10 (рис. 2,*18*), найденных в слоях VII-VIII вв. [87, p. 66, fig. 23,7] и типов Зеест 99 (рис. 2,*24*) [84, табл. XXIX,99а,б], 103 или Якобсон 7 (рис. 2,*6,13,20*) [84, табл. XL,103; 83, с. 12, рис. 3,1], фрагментами понтийских краснолаковых блюд второй половины IV – первой половины V вв. PRS 1 (рис. 2,*3*) [88, p. 77], конца IV – первой половины

V вв. форм PRS (рис. 2,*22*), PRS 1A/B (рис. 2,*25,26*) [88, p. 77] и PRS 4 (рис. 2,*11*) [89, p. 427, cat. no 568-574], извлекли полуфоллис Константа II, чеканенный, по определению В. А. Сидоренко, между 654-659-м гг. [81, p. 38-39, 510], фрагменты краснолаковых блюд формы LRC со штампами вариантов 35/2 (рис. 2,*4*) [82, p. 357] и 71/III (рис. 2,*5*) [82, p. 367], фрагменты краснолаковых мисок формы ARS 82B (рис. 2,*2*), известной в Средиземноморье с конца V – VI вв. [82, p. 128-131, fig. 23,7], формы 3 LRC (рис. 2,*1*), обычной в Византии со второй половины V в. [82, p. 333, 337, fig. 68,10], блюда формы PRS 7 (рис. 2,*23*), встреченной в Танаисе в слоях второй половины V – первой четверти VI вв. [89, p. 427, fig. 13,575-577], блюд формы LRC 3F (рис. 2,*21*) [82, p. 333-338, fig. 69,17], формы LRC-10A (рис. 2,*7-10,12,15,16,17,19*) [82, p. 343, 346, fig. 71,1,2,6] и LRC-10C (рис. 2,*14*) [82, p. 343-346, fig. 71,11-15]. Дж. Хейс допустил возможность бытования отнесенных ко второй половине VI – первой половине VII вв. форм LRC 3F и LRC-10 на протяжении VII в. [90, p. 13-15].

По сочетанию циклов бытования рассмотренной керамики и монете 654-659 гг. период существования слоя Д следует ограничить последней четвертью VI – 60-ми гг. VII вв. Перекрывающий его слой пожара В образовался не ранее 660 г. Судя по зафиксированной в раскопах в Кооперативном переулке и на бывшей Рыночной площади стратиграфии, большая часть византийского Боспора была уничтожена пожаром. Дата пожара согласуется с рассказом «Армянской Географии» о захвате хазарами до 665 г. Северного Причерноморья [56, p. 55; 33, с. 331-332]. Очевидно, миграция хазар к Понту началась после дезинтеграции разгромленного китайцами в 659 г. Западного тюркского каганата [46, p. 50; 34, с. 98].

Дискуссия о происхождении хазар.

Проблеме этногенеза хазар посвящено огромное количество публикаций. Наиболее обсуждаемые гипотезы происхождения хазар представлены в историографическом обзоре П. Голдена [47, с. 57].

Авторы одной из гипотез (среди них и А. В. Гадло), цитируя «Космографию» Равеннского анонима конца VII в. («Иордан называет акацирами тот народ, который мы называем хазарами» [91, p. 168]), отождествляли хазар с акацирами Иордана [92, с. 59-60]. Однако П. Голден, так же, как Й. Маркварт, Д. М. Данлоп и М. И. Артамонов, аргументировали недопустимость отождествления этих этнонимов [35, S. 41, n. 2; 28, p. 7; 13, с. 56].

М. И. Артамонов, а вслед за ним А. П. Новосельцев и другие, доказывали формирование хазарского этноса в результате ассимиляции выходцев из Западной Сибири савиров тюрками-хазарами. М. И. Артамонов считал, что после отделения в 651 г. хазар от Западнотюркского каганата в европейских степях существовали Хазарское и Болгарское политические образования [13, с. 114, 127, 171, 172]. По утверждению же А. П. Новосельцева, хазарское и другие политические объединения, подчиненные Тюркскому каганату, существовали на

Северном Кавказе уже во второй половине VI в. В первой же четверти VII в. в названном регионе возникли хазарское и болгарское государства, правители которых признавали верховную власть хакана тюрок [29, с. 82-83, 86-89]. Однако столь ранняя датировка появления хазар на Северном Кавказе не подтверждается рассмотренными выше письменными источниками.

Д. М. Данлоп допускал уйгурское происхождение этнонима хазар [28, p. 34-40]. В содержащихся в танском своде источников перечнях уйгурских племен VII-VIII вв. упомянуто племя коса, с которым связывают этноним касар/казар [93, p. 58; 34, с. 66].

По предположению П. Голдена, хазары представляли собой образованный огурами, савирами и тюрками племенной союз, возглавляемый выходцами из Западнотюркского государства [93, p. 53; 47, с. 57]. По его заключению, имя Qazar стали употреблять между 630-650 гг. во время отделения конфедерации хазар и оногуров/оногундуров-булгар от Западного тюркского каганата, еще до разгрома последнего китайцами в 659 г. Вначале это имя могло быть описательным или социальным термином, а позже приобрело значение этнонима [46, p. 50; 47, с. 58].

Проблема идентификации материальной культуры хазар в период завоевания степей между Каспием и Черным морем.

Как отмечалось выше, согласно Феофану, Никифору и Ананию Ширакаци, миграция хазар в понтийские степи началась между 660 и 665 гг. после ухода болгар Аспаруха или их изгнания в устье Дуная. Об изгнании хазарами болгарских племен из степей Северного Причерноморья сообщается и в более позднем источнике – письме хазарского царя Иосифа сановнику халифа Омейадской Кордовы Хасдаю ибн Шафруту (905-975 гг.) [94, с. 92]. По Феофану и Никифору, хазары вторглись из глубин Барсилии из Первой Сарматии, а по Ананию Ширакаци – из-за Гиппийских или Булгарских гор. Ананий Ширакаци помещал в Первой Сарматии у реки Итиль (Волга) и Гиппийские горы, и страну Барсилов. По его рассказу, барсилы обитали на острове Черном, находившемся среди реки Итиль, рукава которой за островом снова соединяются и впадают в Каспийское море, отделяя Сарматию от Скифии. Сюда, на расположенные на востоке от реки зимние пастбища приходили хазары [55, с. 28; 56, p. 55]. Исходя из текста Анания Ширакаци, М. И. Артамонов локализовал болгар Кубрата в Гиппийских горах (там, где Волга поворачивает к востоку и образует дельту), которые он отождествлял с Ергенями вместе со Ставропольской возвышенностью [13, с. 170-172]. По словам А. В. Гадло, в VII в. река Волга значительно западнее, чем в наши дни, впадала в Каспий вместе с реками Восточный Маныч и Кума, образуя единую систему протоков. Богатейшие пастбища, занимающие междуречье Волги и Кумы или Восточного Маныча, калмыки издавна называли Черными землями (рис. 1). По утверждению А. В. Гадло, здесь и следует локализовать населенный барсилами остров Черный [92, с. 65-66]. Черные земли находятся в

юго-восточной части Калмыкии и на южном правобережье Астраханской области. Их граница на юго-востоке-востоке омывается Каспийским морем, на юге проходит вдоль Кумо-Манычской впадины, на западе – вдоль восточных отрогов Ергенинской возвышенности к северу до средней части Ергеней, поворачивает на северо-восток и на стыке с Сарпинской низменностью протягивается до правобережья Волги, спускаясь на северо-востоке к волжской дельте и Каспию. С выводом А. В. Гадло о местонахождении Барсилии согласился и С. Г. Кляшторный [34, с. 65-66]. По мнению К. Цукермана, в тексте Ширакаци описаны не протоки дельты Волги, а притоки ее верховьев. Поэтому он предложил отождествить Гиппийские горы с Донецким кряжем и высотами Белогорья, Барсилию – с Самарской Лукой. В таком случае хазары вторглись из региона, расположенного на 1000 км севернее традиционной локализации (рис. 1). По предположению К. Цукермана, хазары разбили болгар Аспаруха после того, как последние совершили экспансию далеко на север [33, с. 325-330]. Как мне представляется, именно предложенная А. В. Гадло локализация Барсилии опирается на содержащееся в тексте Анания Ширакаци описание низовьев Волги: «рукава реки Атль за островом снова соединяются и впадают в Каспийское море» [55, с. 30, 31; 56, p. 48, 55]. Миграционный маршрут племени Аспаруха детально описан Никиформ: из Прикубанья, где кочевали болгары до кончины Кубрата, народ Аспаруха пересек Днепр и Днестр и поселился в низовьях Истра (Дуная) [37, p. 88-89].

На путях миграции хазар из Прикаспия в степи Северного Причерноморья, а именно в Приазовье, в низовьях Днепра и Буга, в степях Крыма (рис. 1) выявлены выкопанные в уже существовавших курганах одиночные могилы номадов с конями, а также погребальные сооружения кочевнической знати. В могилах кочевников скелеты ориентированы черепом на северо-восток или восток. В мужских захоронениях находились скелет, чучело или череп коня и оружие.

В Степном Крыму близ села Портовое (рис. 1,*4*) в обнаруженной в насыпи кургана 12 подбойной могиле на дне подбоя зачищен скелет мужчины, у северо-восточного борта ямы – череп овцы, рядом со ступенькой – кости овцы, а на ступеньке – скелет лошади, ориентированный черепом на северо-восток (рис. 3,I). В могиле нашли железный меч, наконечники стрел, пряжку (рис. 3,*5*) детали поясного набора (рис. 3,*1-4,6-11*) и конской сбруи [95, с. 199, рис. 9; 80, p. 49, fig. 10]. Подобный обряд зафиксирован в Побужье в Костогрызово (рис. 1,*19*) и в Прикубанье в Калининской (рис. 1,*14*) в кургане 10 (с чучелом коня). В Белозерке (рис. 1,*18*), Старонижнестеблиевской (рис. 1,*15*), Чапаевском (рис. 1,*12*), Калининской в кургане 30 и, вероятно, в Новых Сенжарах (рис. 1,*22*) чучело или скелет коня и скелет человека лежали рядом на дне широкой ямы (в Белозерке – под звериной шкурой). В некоторых названных могилах обнаружены также кости барана или коровы. Сейчас уже трудно установить тип захоронений с конем, разрушенных

в Келегеях (рис. 1,*17*) и Ясиново (рис. 1,*20*) [95, с. 191-202, рис. 9; 80, p. 49, fig. 1; 26, с. 208-209, рис. 4,8,12,23].

В погребениях женщин конские кости отсутствовали. В Восточном Крыму в Новопокровке (рис. 1,*5*) могилу выкопали на территории заброшенного античного поселения. Скелет женщины ориентирован черепом на северо-восток. Под костяком прослежен древесный тлен от носилок или настила (рис. 4,I). Справа и слева от шейных позвонков лежали золотые височные подвески, украшенные зернью и вставками из красного, синего и зеленого стекла (рис. 4,*5,6*), в верхней части грудной клетки – золотая круглая бляха со вставками из альмандина (рис. 4,*4*) и три янтарные бусины (рис. 4,*3*), у кисти левой руки – сломанное в древности бронзовое зеркало (рис. 4,*2*) и пинцет (рис. 4,*1*), у кисти правой руки – череп, кости ног и ребра овцы или козы, на тазовых костях – железные нож (рис. 4,*8*) и шило (рис. 4,*7*) [80, p. 49, fig. 11]. Подобное погребение раскопано и в Восточном Приазовье у хутора Малаи (рис. 1,*11*) [26, с. 209, табл. 20].

Дата совершения захоронений определяется по их инвентарю.

Биметаллические наконечники ремня и бляшки из Портового (рис. 3,*1-4,6-11*) [95, с. 198, рис. 8,23,27,29,30-32] и Белозерки (рис. 1,*18*) [95, с. 198, рис. 8,1,2] состоят из литой серебряной основы с отверстиями, в которые припаяны золотые гнезда со вставками из коричневого стекла, окаймленные золотыми зернинками. Гнездами со стеклянными вставками, окаймленными напаянной зернью, декорированы накладки на поясные или сбруйные ремни из Келегей (рис. 1,*17*) [96, рис. 2,11,12], Перещепины (рис. 1,*23*) [97, кат. №№ 44, 45, 48-53], из Крыма, хранящиеся в Британском музее в коллекции А. Л. Бертье-Делагарда, из Керчи и Херсонеса [95, с. 198, рис. 8,38-40], из Венгрии (Тепе, Боча), Албании (Врап), Ирана [98, Taf. 14; 15; 19,1,3; 20,1], из аланских катакомб Северного Кавказа (Верхняя Рутха, Кудентово) [13, с. 129]. На серебряный наконечник ремня из кургана 30 из станицы Калининской напаяна тонкая золотая пластинка с зернью [26, табл. 13,5]. Вещи с полихромными стеклянными вставками и зернью распространились во второй половине VII в. из Византии.

В том же стиле украшены золотые височные подвески из Новопокровки (рис. 4,*5,6*) [80, p. 49, fig. 11,7,8]. Подобные подвески извлечены из могил конца VII в., разрушенных в деревне Джигинское (Михаэльсфелд) на черноморском побережье Прикубанья (рис. 1,*10*) [99, с. 200-202, рис. 115-116] и в Уфе.

В рассматриваемых захоронениях самыми поздними вещами являются: в Келегеях – золотые детали ножен меча, крест, полушаровидные гладкие и орнаментированные пальметой бляшки и серьга с выступом на кольце, серебряная и бронзовые пряжки с трапециевидной рамкой вариантов I-6 и II-6; в Новых Сенжарах – аналогичная серьга, трапециевидная пряжка варианта II-6; в Портовом и Чапаевском – пряжки с трапециевидной рамкой варианта I-8 (рис. 3,*5*), типичные для крымских комплексов последней четверти VII – начала VIII вв. [100, с. 49, 50, 55, рис. 2,162,169,170,174; 46,7,27; 51,50; 26, табл. 6,4]. Имитации

псевдопряжек из могилы у хутора Малаи близки штампованным бляшкам, найденным в Лучистом в верхнем слое в склепе 36 в последнем захоронении второй половины VII в. [101, с. 32, рис. 18,5]. В кургане 10 в Калининской найдены обломок железного стремени, узкие килевидные наконечники ремней и прорезная прямоугольная бляшка, характерные для конца VII – первой половины VIII вв. [102, рис. 4а,41; 100, рис. 53,12-14; 63, Taf. 32,8; 26, рис. 9,1,2; 10,8; 11,7]. Меч из Ясиново по форме узкого прямого двулезвийного клинка и выкованного вместе с ним асимметричного черенка рукояти (рис. 5,*8*) [95, рис. 1,5] аналогичен обнаруженным в аварских могилах конца VII в., в помещении начала VIII в. в Пенджикенте и на свалке VIII в. в Афрасиабе [103, с. 78, рис. 49,2,3], в катакомбе IX в. в Дмитриевском [21, с. 157, 158, рис. 43,2]. Комплекс из Ясиново по золотым серьгам с выступом на кольце (рис. 5,*6,7*), украшению в виде колесика (рис. 5,*3*), перстню (рис. 5,*5*), деталям поясного набора (рис. 6,I,1-7) и железным стременам (рис. 5,*4*) и удилам (рис. 5,*1*) датируется первой половиной VIII в. [95, с. 196, рис. 1,2; 2,1-6,8,11,12; 80, p. 51, fig. 12,2-8].

Рассмотренные ориентированные на северо-восток и восток трупоположения с конем появились в степях Северного Причерноморья не ранее последней трети VII в. По конструкции и погребальному обряду они близки раскопанным на Алтае, в Туве, в Восточном Казахстане и в других соседних регионах. Многие специалисты приписывают их тюркам-тугю [104, с. 33, рис. 1,3; 105, с. 58-60, 104-106, табл. XXXI; 106, с. 334; 107, с. 121; 108, с. 121, 138; 109, с. 195, 201; 110, с. 90, 91; 111, с. 31-33].

Сооружения с многочисленными деталями конской сбруи найдены в бассейнах рек Днепра – Малая Перещепина (рис. 1,*23*), Вознесенка (рис. 1,*30*) и Северного Буга – Гладоссы (рис. 1,*21*).

В Малой Перещепине (в 20 километрах от Полтавы) (рис. 1,*23*) в песчаной дюне на глубине от 18 см до 1 м от поверхности песка в 1912 г. обнаружили вещи, лежавшие в пространстве около 1,5 м в поперечнике. Между предметами найдены сгнившие куски дубовых «дощатых брусьев» и остатки коричневой шелковой ткани [112, с. 207-208]. Полная публикация всех находок вышла в 1997 г. [97]. В Эрмитаж поступили византийские серебряные и золотые блюдо с латинской надписью о его возобновлении епископом Патерном, занимавшим кафедру в первой четверти VI в. в г. Томи, патера и рукомойник, использовавшиеся для омовения рук архиерея, с клеймами 582-602 гг., блюдо с крестом, амфора [97, кат. 1-5], бокалы, 70 золотых монет (одна из них, солид Ираклия, хранится в Полтавском музее) [113, с. 146], золотые перстни с греческими монограммами Кубрата [97, с. 42, 283, кат. 13-15; 114, S. 429-431, Abb. 1-2], пряжка и обоймица для обуви (рис. 7,*10,11*), пуговицы, 4 поясных набора (от широкого ремня с большими пряжкой и наконечником, с псевдопряжками, с напаянной зернью, с геометрическими гнездами с инкрустацией) и серебряный поясной набор, золотые ножны меча аварского типа, серебряные ножны меча, более

200 бронзовых, плакированных золотой фольгой и декорированных зернью и инкрустацией цветным стеклом сбруйных блях, стеклянная рюмка, сасанидские серебряные блюдо со сценой охоты Шапура II и ваза, золотые блюдо, ваза и кувшин, согдийские золотые чаша, бокалы, обкладка кружки, детали седла и колчана, ножен меча и кинжалов, пряжка, аварские золотой ритон и серебряные стремена, сделанные тюрками на Алтае, два серебряных и золотой кувшины, золотые ложка, серьга с одетой на стержень бусиной из сапфира (рис. 7,*8*), три перстня со вставками из сапфира и тигрового глаза, гарнитур из гривны и двух браслетов со вставками из изумрудов, браслеты с утолщением, прямоугольные пластины, посох, пряжка и наконечник, меч с перекрестием с инкрустацией золотом (рис. 7,*1*), две серебряные подпружные пряжки, а также другие мелкие украшения одежды и сбруи. Общий вес золотых предметов более 21 кг.

В результате произведенного в Эрмитаже технологического и стилистического анализа вещей из Перещепины, они разделены на шесть групп, каждую из которых в определенное время включили в состав комплекса [97, с. 84]. И. Вернер по самым поздним монетам 641-646 гг. из состава комплекса отнес его к 650 г. [115, S. 17-18, 39, 40]. Однако А. К. Амброз считал перещепинский комплекс типичным для конца VII – начала VIII вв. [102, с. 20-21]. По мнению З.А. Львовой и Б.И. Маршака, перещепинский комплекс нельзя датировать по позднейшим монетам (640-е гг.), хотя бы потому, что монеты попали к владельцу сокровища не в последний период. По их словам, поскольку византийские монеты перестали поступать на Днепр с середины века, допустимо, вслед за А. К. Амброзом, отнести комплекс к последней четверти VII в. Кроме того, в недавней полной публикации погребения с однотипным инвентарем из Кунбабонь и Боча датируются временем после 670 года [116, p. 215, 218, 219]. Дата Перещепины никак не ранее даты этих комплексов [97, с. 99].

В дополнение к вышесказанному напомню, что владелец сокровищ использовал золотые монеты в качестве сырья для изготовления украшений. Двадцать шесть легких солидов 637/638 и 642-646 гг. были соединены в ожерелье, а на их лицевую сторону напаяли цилиндрические гнезда для вставок. Из тридцати легких и трех полновесных солидов (602-610 и 629-632 гг.) сделали нашивки на одежду, пробив по два дырки [97, кат. 39, 63-65]. Некоторые византийские вещи из состава комплекса сделаны уже после поступления монет к его владельцу – не ранее второй половины VII в. Например, большая золотая византийская пряжка с щитком с дисковидной тыльной частью датируется второй половиной VII в. по аналогиям из Византии, Юго-Западного Крыма [100, с. 47, рис. 44,8,10] и из визиготской Испании [117, p. 56, 58, 59, fig. 4,B,E; 27,111-114; 28,2]. К тому же периоду относятся византийские золотые литые обувные пряжка и обоймица (рис. 7,*10,11*) [100, с. 42, рис. 2,149; 49,1], золотая пряжка с U-образным щитком (рис. 7,*5*) [97, кат. 101], подобная происходящим из Юго-Западного Крыма из захоронения второй половины VII в., зачищенного в склепе 257 на склоне кре-

пости Эски-Кермен (рис. 7,*6*) [101, с. 59, 61, рис. 29,3,4], а также с территории Самарской Луки (рис. 7,*7*) [118, с. 88, 92, 161, 162, рис. 14,6; 44,12; 80, p. 54, fig. 13,5-7]. Во второй половине VII в. изготовлена и серебряная пряжка с прямоугольными рамкой и щитком (рис. 7,*9*) [100, с. 49, рис. 2,177; 46,23; 97, кат. 123]. Золотая серьга с бусиной из сапфира (рис. 7,*8*) однотипна найденным в погребениях конца VII – VIII вв. в Юго-Западном Крыму [119, с. 178, рис. 5,10,16; 80, p. 54, fig. 13,8].

В составе комплекса имеются вещи, типичные для тюрков Южной Сибири, Алтая и Тувы. Как справедливо заметили Б. И. Маршак и З. А. Львова, золотые кувшин (рис. 8,*1*) [97, кат. 69] и облицовка деревянного кувшина (рис. 8,*8*) [97, кат. 70], а также два серебряных кувшина (рис. 8,*2,3*) [97, кат. 71] по форме, технологии изготовления и декору близки тюркским и согдийским [97, с. 81], но отличаются от византийских и аварских [116, Abb. 69]. Их ручки из шариков тождественны тюркским, танским и согдийским, известным, в основном, в VIII в. [120, табл. 25,26; 121, Fig. 49, 50, 53, 80, 88; 97, с. 98, 199-200, кат. 71]. Данные кувшины однотипны деревянным и серебряным кувшинам из захоронений тюрков (рис. 8,*6,7*) конца VII – X вв., открытых в Южной Сибири и в Туве [106, с. 334; табл. I,1; V,1; 122, с. 159, 160, рис. 8], а изображения похожих сосудов имеются на одновременных тюркских каменных изваяниях из тех же регионов (рис. 8,*4,5*) [123, с. 66-67, табл. II,1,2,6,13,19,37; 108, рис. 90; 111, рис. 22,9,12; 23,9,10,17,19,25]. Тюркским мастером сделан железный меч со съемным перекрестием с инкрустацией золотом (рис. 7,*1*) [97, с. 172-174, кат. 55]. Техника инкрустации золотом по железу применялась на Алтае с середины I тысячелетия [124, с. 519-525]. В Поднепровье так декорированы только стремена первой половины VIII в. из Вознесенки [125, с. 57, табл. VI,9]. По форме ромбической крестовины меч подобен мечам из Вознесенки (рис. 7,*2,3*) [126, рис. 5,34; 127, рис. 20,2-4] и мечу из Гладосс (рис. 7,*4*) [128, табл. VI,2; 126, рис. 4,3,10]. Мечи с похожей крестовиной изображены в росписях третьей четверти VII в. в Афрасиабе и в Пенджиконте [129, рис. 20; 97, с. 174]. Золотые пластины обкладки колчана и лук седла украшены такими же, как на бляшках из Ясинова (рис. 6,I,*1-7*) и Келегей, сложными пальметами с изогнутыми лепестками. Этот декор появился в Согде в VII в. [97, с. 98, 209-211, кат. 87, 88]. Аналогии золотому украшенному зернью колесику [97, кат. 43] известны только в комплексах, подобных по набору вещей перещепинскому: Макуховка и погребение первой половины VIII в. из Ясиново (рис. 5,*3*) [95, с. 195, рис. 2,6,7]. Перечисленные тюркские вещи являются самыми поздними в составе перещепинского комплекса.

В. Зайбт прочитал на золотых перстнях монограмму Кубрата. Только на одном перстне монограмма исполнена византийцем, а буквы на двух других золотых перстнях неумело скопированы [114, S. 429-431, Abb. 1-2]. По мнению И. Вернера, перстни говорят о том, что в Перещепине был погребен хан Великой Болгарии Кубрат [115, S. 31, 32, 35, 36, 38-44, Taf. 32,1,2; 114, S. 430-431, Abb. 1-2].

З. А. Львова считает прямоугольные пластины из шестой группы облицовкой деревянного погребального сооружения, подобного найденным в Венгрии, в Кунбабони и в Szeged Fehertow в могиле 82 с монетой 674-681 гг. [116, S. 23, 72-85, Abb. 23-29; 97, с. 221-224, кат. 99]. Однако в отчете, представленном в Императорскую археологическую комиссию, Н. Е. Макаренко писал об отсутствии на месте находки вещей каких-либо костей. Через 51 год один из находчиков вдруг вспомнил о лежавших в 0,5 м от вещей в золе кусках черепа человека и чашечках голени [97, с. 108]. Вряд ли его новый рассказ достоверен. Ведь через несколько дней после находки клада и находчики, и их односельчане говорили о том, что они не обнаружили на месте находки вещей человеческих костей. Быть может, комплекс находился в тайнике поминального памятника.

Хронология вещей позволяет предположить, что перещепинские сокровища собирали, по крайней мере, трое: вначале Куврат, после его смерти – наследник (возможно, Аспарух), а последним владельцем был какой-то знатный хазарин, умерший в начале VIII в. [95, с. 202; 62, с. 182; 63, S. 169]. А. В. Комар привел интересные аргументы в пользу своего утверждения о том, что сокровища из Перещепины принадлежали одному из первых хазарских каганов [127, с. 136, 238-239].

В Гладоссах (рис. 1,*21*) на склоне берега реки Сухой Ташлык на участке между двумя оврагами, огражденном рвом, нашли яму диаметром 1 м и глубиной 0,7 м (рис. 9,*2*). В ней, по словам находчиков, лежали две кучки пережженных костей. Над одной были сложены детали сбруи двух коней (двое удил, три стремени, золотые сбруйные бляхи), а рядом с другой – золотые серьги, три ожерелья с византийскими медальонами, браслеты, перстни, меч и кинжал с золотыми ножнами, копье, обломки четырех серебряных сасанидских сосудов. Среди костей определены кости черепа и ребра мужчины зрелого возраста со следами рубящих ударов и овечьи. По стременам, деталям ножен и сбруйным бляхам погребальное сооружение датировано рубежом VII-VIII вв. [128; 130, с. 88, 90; 102, с. 22, рис. 4а; 5; 7; 8; 126, с. 61]. Оно по конструкции и обряду захоронения аналогично описанным в китайских хрониках погребально-культовым комплексам тюрков-тугю [131, с. 217-218]. Они с древности сжигали умерших вместе с принадлежавшими им при жизни вещами и верховыми конями. Остатки кострища собирали и зарывали в могилу, вокруг которой сооружали культовую ограду. В результате контактов с соседями рядовые тюрки перестали кремировать покойников. Однако знать погребали по старому обряду и в первой половине VII в. В 634 г. кремировали кагана Тюркского каганата Хели, а в 639 г. – его племянника Хэлоху [132, с. 230, 277; 133, S. 9, 42; 111, с. 31].

В конце днепровских порогов близ села Вознесенка (рис. 1,*30*) на левом высоком берегу, на плато, окруженном с трех сторон балками и обрывистым берегом реки, раскопан участок размером 62х31 м, окруженный валом, насыпанным из земли, перемешанной с камнями (рис. 9,*1*). На огражденной территории в восточной части зачищено каменное кольцо площадью 29 кв. м. На его север-

ной границе выявлена яма размером 0,55х0,40 м, глубиной до 1 м. В ней найдены четыре слоя побывавших в огне вещей: в первом сверху – 58 железных стремян и обрывки кольчуги, во втором – железные 40 удил и 139 пряжек, гвозди, ножи, 7 наконечников стрел, в третьем – золотые и серебряные обломки ножен 3 палашей, портупейные бляшки и застежки, более 1400 бронзовых позолоченных украшений сбруйных ремней, обломки византийских серебряных сосудов, в том числе блюда с изображением собаки, две отлитые из серебра фигурки льва и навершие византийского военного штандарта в виде орла с лапами, обвитыми змеей. Сверху в вещи воткнули три палаша. Западнее расчищена другая яма (1,25х1,0 м, глубиной до 1,63 м), заполненная десятью слоями взятых из кольца камней, перемешанных с обгорелыми костями лошадей, стрелами, керамикой и кусками обожженной глины. На земле вокруг ямы лежали зубы и обломки костей более 800 коней, фрагменты амфор и кувшинов [125, с. 37-63; 134, рис. 1; 102, с. 19, 20; 131, с. 204-208, рис. 1,1]. Контрольные клейма на навершии штандарта в виде орла типичны для времени Константа II (641-668) или Константина IV (668-685) [135, p. 260, № 95]. На груди птицы вырезана крестовидная монограмма имени Петр в генетиве, то есть Петра – командира византийского военного подразделения [136, с. 202, 203, рис. 1-3]. По стременам, сбруйным бляхам и пряжкам описанное сооружение отнесено к первой половине VIII в. А.К. Амброз аргументированно атрибутировал его как кочевнический поминальный храм [131, с. 206-213, рис. 1]. Подобный огражденный рвом и глинобитной стеной поминальный комплекс в 732 г. построили в Монголии в честь второго лица в Тюркском каганате Кюль-Тегина (рис. 9,*3*). Его площадь 1922 кв. м – всего на 12 кв. м меньше Вознесенского. В каркасном павильоне находились три обмазанные глиной ямы для жертвоприношений, а к западу от павильона – стоящий на остатках кострища большой каменный жертвенник с отверстием. Круглое каркасное сооружение прослежено и на поминальном памятнике в Сарыг-Булуне в Туве (рис. 9,*4*) [102, с. 20; 137, p. 92, 94-96, 105-113, obr. 42].

В Днепровской степи на склонах глубоких оврагов в Тарановом Яру (рис. 1,*29*) и Канцирке (рис. 1,*31*) открыты крупные гончарные мастерские. В первой мастерской раскопана одна обжигательная печь [138, с. 116-118], а во второй исследованы 20 обжигательных печей, 6 жилых и производственных помещений и 5 хозяйственных построек. В обеих мастерских из серой глины делали одноручные и трехручные кувшины с вытянутым сливом и двуручные сосуды с коротким горлом с поверхностью, покрытой лощением и резными линиями и рельефными валиками и шишечками (рис. 10,*1-7*) [139, Taf. 1-2]. По форме и декору данные сосуды аналогичны аланским северокавказским конца VII – IX вв. (рис. 10,*8-12*) [140, рис. 1,7; 5,8; 7,1; 11,7; 21,1,9; 27,18; 28,1; 52]. Вполне очевидно, что обе мастерские создали гончары, переселившиеся с Северного Кавказа [141, с. 17, 18; 142, с. 154, 155, рис. 56,1,3,6; 62, с. 183; 63, S. 170]. Другой вид продукции канцирских гончаров – темно-серые лощеные кувшины с отогнутым венчиком, округлым туловом

с процарапанными вертикальными полосами, овальной ручкой и плоским дном (рис. 10,*9,10*) – не типичен для аланской керамики [139, Taf. 4,10-11]. По форме они близки серебряному кувшину из погребения, раскопанного в горах Алтая [122, с. 159, 160, рис. 8], сосудам, изображенным на тюркских изваяниях конца VII – VIII вв. из Сибири [111, рис. 22,9; 23,9] и золотой обкладке деревянного сосуда из состава перещепинского комплекса [95, с. 196, рис. 6,2; 97, кат. 70]. Произведенная в Канцирке и Тарановом Яру аланская и тюркская керамика найдена в погребениях кочевников в Келегеях, Ясиново и на территории поминального комплекса в Вознесенке [142, с. 155; 95, с. 202, рис. 1,3; 62, с. 183; 63, S. 170]. В более поздний период в Канцирке изготовляли и обычные для салтовской культуры горшки с резным волнистым и линейным орнаментом [142, рис. 56,11].

По мнению А. А. Спицына, погребения из Келегей, Ясинова, Перещепины, Макуховки, Лимаровки принадлежали болгарам [143, л. 27-33]. Болгарам приписывали комплексы из Келегей, Ясинова и Перещепины А. Мароши, Н. Феттих [144, p. 59-60] и Н. Мавродинов [145, с. 203]. По предположению Г. Ф. Корзухиной, степные комплексы типа Перещепино зарыли в землю во время разгрома болгар хазарами [146, с. 68-74, 78-79]. М. И. Артамонов объединил известные ему погребальные комплексы кочевнической знати второй половины VII в. из Поднепровья в перещепинскую культуру, которая, по его мнению, возникла в регионе в результате вторжения хазар [147, S. 127]. С ним согласились Б. И. Маршак и К. М. Скалон [148, с. 12]. А. К. Амброз впервые интерпретировал богатые комплексы, выявленные в нижнем Поднепровье близ Малой Перещепины (рис. 1,*23*), Гладосс (рис. 1,*21*) и Вознесенки (рис. 1,*30*), как поминальные комплексы знатных тюрков, обитавших в Северном Причерноморье со второй половины VII в. [102, с. 20-22].

Автор данной статьи в публикации 1985 г. предложил выделить раннехазарскую перещепинскую археологическую культуру, в которую включил упомянутые выше погребения рядовых кочевников и поминальные комплексы в честь тюркской знати. Изучение взаимовстречаемости инвентаря этих погребений с однотипными вещами из раскопанных в Крыму захоронений позволило датировать степные памятники последней третью VII – первой половиной VIII вв. [95, с. 202]. И. О. Гавритухин разделил памятники перещепинской культуры на две сменившие друг друга кочевнические культуры. Раннюю культуру типа Перещепино он отнес ко второй трети VII в., а позднюю культуру типа Вознесенка – к последней трети того же столетия. В обосновании периодизации И. О. Гавритухин проигнорировал поздние тюркские вещи из комплексов перещепинской культуры [149, с. 89-92, 274, рис. 90]. Поэтому его дату перещепинской культуры следует признать некорректной. С конца 1980-х гг. по настоящее время вышли десятки публикаций, авторы которых связывают памятники перещепинской культуры либо с хазарами, либо с болгарами. Их детальный историографический обзор представлен в публикациях Р. Рашева [150, с. 91-139], Е. В. Круглова [151, с. 427-451], А. В. Комара, А. И. Кубышева и Р. С. Орлова [127, с. 9, 15; 152, с. 349-355].

***

Рассмотренные выше погребения с конями и поминальные комплексы являются компонентами одной археологической культуры. Ее нельзя приписывать праболгарам Кубрата, поскольку ранние захоронения этой культуры появились в степях Северного Причерноморья и Приазовья не ранее последней трети VII в. вскоре после изгнания около 665 г. из региона хазарами одного из сыновей Кубрата и подчинения другого. Судя по конструкции погребальных сооружений и тюркским вещам, эту культуру создали номады, этнически однородные тюркам, кочевавшим на территории Южной Сибири, Тувы и Монголии. Вновь открытые С. Г. Кляшторным уйгурские источники помещали хазар и барсилов на западе огуро-огузских племен. После распада тюрко-огузского дуумвирата в Центральной Азии хазары и барсилы создали собственное политическое объединение [34, с. 66-68]. В начале второй половины VII в. хазары уже пригоняли свои стада к заселенному барсилами Черному острову. Очевидно, хазары подчинили барсилов. По словам Ширакаци, женой хазарского кагана была женщина из барсилов [55, с. 28; 56, p. 55]. Вероятно, барсилам принадлежали захоронения всадников в курганах с ровиками, открытые на путях их миграций в Среднем [118, с. 81-82,171-172] и Нижнем Поволжье (в междуречье Волги и Кумы или Восточного Маныча) [151, с. 427-453]. Вторгнувшимся в Причерноморье из глубин Барсилии (рис. 1) около 665 г. хазарам принадлежала перещепинская культура, созданная в начальный период становления Хазарского каганата. Инвентарь могил красноречиво характеризует социальное положение погребенных. В могилах похоронены как рядовые воины, так и тюркская знать. Только хазарский каган мог переселить в конце VII в. с Северного Кавказа в степи Поднепровья артели аланских гончаров, снабжавших своей продукцией кочевавших в степях Северного Причерноморья хазар. Вероятно, в последней трети VII – первых десятилетиях VIII вв. хазары хоронили в степях Поднепровья своих каганов. В этот период именно там они создали погребально-культовые комплексы кремированных правителей каганата [62, с. 183, 185; 63, S. 170, 171].

Рассказ Феофана и Никифора о событиях, связанных с высылкой в Херсон в 695 г. Юстиниана II, дает основание говорить о захвате хазарами почти всего Крыма. В 704 г. ссыльный император из Херсона бежал в крепость готов Дорос (Мангуп), где оказался не только вне досягаемости византийской администрации, но и получил возможность связаться с каганом Хазарии, который разрешил Юстиниану II поселиться в Фанагории и дал ему в жены свою сестру. Согласно Феофану и Никифору, в начале VIII в. хазары уже полностью контролировали Боспорский пролив – важнейший участок пути из Византии в Приазовье и далее в Азию. В рассказе о попытке убить Юстиниана II упомянуты наместники кагана, управлявшие крупнейшими городами на берегах пролива – Боспором и Фанагорией. Феофан писал о наместнике в Фанагории Папаце и архонте Боспора Балгице (Βαλγίτζιν, τὸν ἄρχοντα Βοσφόρου) [153, с. 39/62,63]. Никифор

именовал наместника Фанагории «архонтом из единоплеменников» (кагана) [153, с. 155/163; 37, § 42,20]. По словам компилировавшего в XI в. «Хронографию» Феофана Георгия Кедрина, каган поручил убить Юстиниана II своим людям [154, p. 779,7]. Слово «Βαλγίτζιη» тюркское. Его этимологию возводят к тюркскому Bulgi (Bolgi)tsi, Balgichi – «управитель» [155, p. 99; 28, p. 172; 156, S. 130-137; 157, p. 137, 138; 158, p. 256]. В документе, хранящемся в Кембридже, упомянут управлявший Боспором наместник кагана «ха-пакид». В древнееврейском языке это слово означает «начальник отряда, гарнизона» [157, p. 116-117]. В приморской части города раскопаны стены цитадели, возведенной хазарами [77, с. 345, 356-358, 390]. Они даже на короткий срок овладели Херсоном. В 711 г. посланная в город Юстинианом II карательная экспедиция захватила там хазарского тудуна. В составленном в X в. греческом словаре тудун назван «наместником у тюрков» [159, 763,24]. Титул тудун известен в древнетюркских и китайских источниках (tu-tun – на китайском) [160, с. 263; 161, S. 318, 319]. По свидетельству китайского историка, тудун занимал пятое по рангу место в тюркской иерархии [133, S. 8-9; 153, с. 101, 129, 130].

В Боспоре хазары селятся рядом с хазарской цитаделью в приморских кварталах. Здесь поверх развалин византийского периода без регулярной планировки сооружаются безфундаментная фактически наземная постройка и дома-пятистенки с огороженными дворами. Стены домов сложены на каменном цоколе так называемой кладкой в елку. В качестве раствора использовалась глина. Во дворах имелись хозяйственные постройки и очаги. Строители, сложившие стены без фундамента и без перевязи, явно не знали технологию каменного домостроительства. Такими же жилищами застраивается и захваченные хазарами Фанагория и другие города на Таманском полуострове [62, с. 185, 187, 189, рис. 79; 63, S. 172-176, Abb. 80]. Прием кладки в елку, видимо, привнесен хазарами из Приморского Дагестана [162, с. 150, рис. 58; 21, с. 63; 79, с. 173-174; 74, с. 393-428; 63, S. 176]. Очевидно, новый тип жилища возник на захваченной хазарами территории бывшего Боспорского царства. Из местной боспоро-византийской домостроительной традиции заимствованы лишь отдельные элементы описанных домов – каменные цоколи и глинобитные стены. Археологическая культура населявших город Боспор хазар по керамике и жилищам не отличается от созданного болгарами Батбаяна в Крыму и Приазовье крымского варианта салтово-маяцкой культуры [72, с. 72-115; 163, с. 217-248; 63, S. 176-181].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Самоквасов Д.Я.* Могилы русской земли. М. 1908.
2. *Бабенко В.А.* Памятники хазарской культуры на юге России // Труды XV археологического съезда. М., 1914. Т. 1.
3. *Спицын А.А.* Историко-археологические разыскания I. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. Новая серия. СПб., 1909. Январь, XIX.
4. *Готье Ю.В.* Железный век Восточной Европы. М.; Л., 1930.

5. *Артамонов М.И.* Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. Л., 1935. Вып. 131.
6. *Артамонов М.И.* Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-Западной Хазарии // СА. 1940. VI.
7. *Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.
8. Труды Волго-Донской экспедиции. Т. I // МИА. 1958. № 62.
9. Труды Волго-Донской экспедиции. Т. II // МИА. 1959. № 75.
10. Труды Волго-Донской экспедиции. Т. III // МИА. 1963. № 109.
11. *Плетнева С.А.* Вспоминая М.И. Артамонова // МАИЭТ. 1997. Вып. VI.
12. *Медведенко Н.А.* История и археология Хазарского каганата в исследовании М.И. Артамонова. Воронеж, 2006.
13. *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
14. *Ляпушкин И.И.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. № 62.
15. *Барсамов Н.С.* Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле в 1929-1931 гг. Феодосия, 1932.
16. *Арциховский А.В.* Лекции по археологии. Ч. II. М., 1938.
17. *Смирнов А.П.* К вопросу о славянах в Крыму // ВДИ. 1953. № 3.
18. *Ляпушкин И.И.* Славяно-русские поселения IX-X ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. 1941. № 6.
19. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958 № 85.
20. *Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье. VIII-X вв. // Вестник Ленинградского государственного университета. 1968. № 14, вып. 3.
21. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.
22. *Плетнева С.А.* Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
23. *Плетнева С.А.* Хазарские проблемы в археологии // СА. 1990. № 2.
24. *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. М., Иерусалим, 1999.
25. *Афанасьев Г.Е.* Где же археологические свидетельства существования хазарского государства? // РА. 2001. № 2.
26. *Атавин А.Г.* Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культура Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996.
27. *Мовсес Хоренаци.* История Армении / Пер. с древнеарм. языка, примеч. Г. Саркисяна. Ереван, 1990.
28. *Dunlop D.M.* The history of the jewish Khazars. Prinston, 1954.
29. *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
30. *Калинина Т.М.* Три стадии существования и падение Хазарского каганата // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010.
31. The Syriac chronicle known as that of Zachariah of Mitylene / Ed. and tr. F.J. Hamilton, E.W. Brooks. London, 1899.
32. *Пигулевская Н.В.* Заметка об отношениях между Византией и гуннами в VI в. // Пигулевская Н.В. Ближний Восток, Византия, славяне. Л., 1976.
33. *Цукерман К.* Хазары и Византия: первые контакты // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.

34. *Кляшторный С.Г.* Степные империи: рождение, триумф, гибель // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
35. *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
36. *Себеос.* История. Ереван, 1939.
37. Nikephoros patriarch of Constantinopole. Short history / Text, tr. and com. by C. Mango. Washington, 1990.
38. *Джуаншер Джуаншериани.* Жизнь Вахтанга Горгасала / Пер. и ком. Г. Цулая // Памятники грузинской исторической литературы. VI. Тбилиси, 1986.
39. The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284-813 / Text, tr. and com. by C. Mango, R. Scott. Oxford, 1997.
40. *Michel le Syrien.* Chronique. Tom 2 / Éd. J.-B. Chabot. Paris, 1901.
41. *Мовсес Каганкатваци.* История страны Алуанк / Перевод с древнеарм. Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984.
42. История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века / Пер. с арм. К. Патканяна, СПб., 1861.
43. *Тревер К.В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959.
44. The History of the Caucasian albanians by Movses-Dasxuranci / Transl. by C.J.F. Dowsett. Oxford, 1961. (London Oriental Series 8).
45. *Бартольд В.В.* Болгары // Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002.
46. *Golden P.* The Turkic peoples and Caucasia // Nomads and their Neighbour in the Steppe. Variorum collected studies series CS752. 2002.
47. *Голден П.* Достижения и перспективы хазарских исследований // Хазары. М.; Иерусалим, 2005.
48. *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых арабского халифата. М., 1988.
49. *Семенов И.Г.* К реконструкции военно-политической и этнической структуры раннего Хазарского каганата // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010.
50. Annales quos scripsit Abu Dja`far Mohammed ibn Djarir aṭ-Ṭabari. Lugduni Batavorum, 1879-1890. Ser. I. T. 1-6; Ser. II. T. 1-3; Ser. III. T. 1-4.
51. *Бейлис В.М.* Сообщения Халифы ибн Хаййата ал-`Усфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000.
52. Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beladsori, quem edidit M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866.
53. *Калинина Т.М.* Ал-хазар и ат-турк в произведениях арабо-персидских ученых // Хазары. М.; Иерусалим, 2005.
54. *Большаков О.Г.* История Халифата. Т. II. Эпоха великих завоеваний. 633-656. М., 2000.
55. *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. СПб., 1883. № 3.
56. *Hewsen R.H.* The Geography of Ananias of Širak. The Long and the Short Recensions. Wiesbaden, 1992.
57. *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. III. 602-717 годы. СПб., 1996.
58. *Jenkins R.* Byzantium. The imperial centuries ad 610-1071. Toronto; London, 1987.
59. *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1988.
60. *Pritsak O.* Dei bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1995.

61. *Божилов И., Димитров Х.* Протобулгарика (заметки по истории протоболгар до середины IX в) // Byzantinbulgarica. 1995. № 9.
62. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
63. *Ajbabin A.I.* Archäologie und Geschichte der Krim in bzyantinischer Zeit // Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeums. Mainz, 2011. Band 98.
64. *Гайдукевич В.Ф.* Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940. VI.
65. *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
66. *Гадло А.В.* К истории Восточной Таврики VIII-IX вв. // АДСВ. Свердловск, 1980.
67. *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Т. 1. Археологические комплексы VIII-X вв. // БИ. Симферополь; Керчь, 2009. Suppl. 5.
68. *Гайдукевич В.Ф.* Илурат // МИА. 1958. № 85.
69. *Башкиров А.С.* Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949-1951 гг. // Ученые записки Ярославского пединститута. Ярославль, 1957. Вып. XXII(XXXII).
70. *Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
71. *Паромов Я.А.* Археолого-топографический план Патрея // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 3.
72. *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.
73. *Долгоруков В.С.* Исследования береговой части Фанагории в 1971-1972 гг. // КСИА. 1975. № 143.
74. *Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А.* Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. 2010. № 1.
75. *Макарова Т.И.* Средневековый Корчев (по раскопкам 1963 г. в Керчи) // КСИА. 1965. № 104.
76. *Макарова Т.И.* Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4.
77. *Макарова Т.И.* Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
78. *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991.
79. *Айбабин А.И.* Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
80. *Aibabin A.* Early khazar archaeological monuments in Crimea and to the North of the Black Sea // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Ed. par C. Zuckerman. Paris, 2006.
81. *Grierson Ph.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection. Vol. II,1. Washington, 1968.
82. *Hayes J.W.* Late Roman Pottery. London, 1972.
83. *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
84. *Зеест И.Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.
85. *Riley J.A.* The coarse pottery from Berenice. Excavations at Sidi Khrebish Bengazi (Berenice). Vol. II. Tripoli, 1979.
86. *Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов Византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
87. *Hayes J.W.* The pottery. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. Princeton, 1992.
88. *Domżalski K.* La céramique sigillée romaine tardive en Abkhazie // Kazanski M., Mastykova A. Tsibilium. La nécropole apsile de Tsibilium. L'étude du site. BAR. IS 1721-II. Vol. 2. Oxford, 2007.

89. *Arsen'eva T.M., Domžalski K.* Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqa. Band 8. Berlin, 2002.
90. *Hayes J.W.* Introduction. The study of Roman pottery in the Mediterranean: 23 years after Late Roman Pottery // Ceramica in Italia VI-VII secolo: atti del convegno in onore di John W. Hayes, Roma, 11-13 maggio 1995. Firenze, 1998.
91. Ravennatis anonymi cosmographia et Gvidonis geographika / Ed. M. Pinder, G. Parthey. Berolini, 1860.
92. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979.
93. Golden P.B. Khazar Studies: An Historio-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. 1. Budapest, 1980.
94. *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
95. *Айбабин А.И.* Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3.
96. *Айбабин А.* Келегейское погребение военного вождя // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1991. 2.
97. *Залесская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонякова Н.А.* Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997.
98. *Werner J.* Der Shcatzfund von Vrap in Albanien. Wien, 1989.
99. *Кондаков Н.П.* Русские клады. Т. I. СПб., 1896.
100. *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
101. *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Могильник у с. Лучистое. Т.1. Раскопки 1977, 1982-1984 годов // БИ. Симферополь; Керчь, 2008. Suppl. 4.
102. *Амброз А.К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
103. *Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.
104. *Спришевский В.И.* Погребение с конём середины I тысячелетия н.э., обнаруженное около обсерватории Улугбека // Труды музея истории народов Узбекистана. Ташкент, 1951. Вып. 1.
105. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
106. *Вайнштейн С.И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л., 1966. Т. II.
107. *Деревянко Е.И.* Тюркские элементы в погребальном обряде амурских племен I тыс. н.э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.
108. *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува. М., 1979.
109. *Худяков Ю.С.* Типология погребений VI-XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск. Новосибирск, 1980.
110. *Кубарев В.Д.* Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы западносибирской археологии: эпоха железа. Новосибирск, 1981.
111. *Могильников В.А.* Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
112. *Макаренко Н.Е.* Перещепинский клад // ИАК. СПб., 1912. Вып. 46, прибавление.
113. *Соколова И.В.* Монеты Перещепинского клада // ВВ. 1993. Т. 54.
114. *Werner J.* Neues zu Kuvrat und Malaia Pereščepina // Germania. 1992. 70. H.2.
115. *Werner J.* Der Grabfund von Malaia Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren. München, 1984.

116. *Tóth E.H., Horváth A.* Kunbábony. Das Grab eines Awarenkhagans. Kecskemèt, 1992.
117. *Ripoll-Lopez G.* Toréutica de la Bética (siglos VI y VII d.c.). Barcelona, 1998.
118. *Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
119. *Айбабин А.И.* Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов (V-VIII вв.). М., 1982.
120. *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971.
121. *Marshak B.* Silberschatze des Orients. Leipzig, 1986.
122. *Кубарев В.Д.* Новые сведения о древнетюркских оградах Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979.
123. *Грач А.Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.
124. *Киселев С.В.* Древняя история южной Сибири. М., 1951.
125. *Грінченко В.А.* Пам'ятка VIII ст. коло Вознесенки на Запоріжжі // Археологія. Київ, 1950. III.
126. *Амброз А.К.* Кинжалы VI-VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. № 4.
127. *Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Т. 5.
128. *Сміленко А.Т.* Гладоські скарби. Київ, 1965.
129. *Беленицкий А.М.* Монументальное искусство Пенджикента: живопись, скульптура. М., 1973.
130. *Амброз А.К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель // СА. 1973. № 4.
131. *Амброз А.К.* О вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов (V-VIII вв.). М., 1982.
132. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. М., 1950.
133. *Liu-Mau-Tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Bd. I-II. Wiesbaden, 1958.
134. *Мацулевич Л.А.* Византийский антик в Прикамье // МИА. 1940. № 1.
135. *Cruikschank-Dodd E.* Byzantine silver stamps. Washington, 1961 260, № 95.
136. *Мацулевич Л.А.* Войсковой знак V в. // ВВ. 1959. Т. XVI.
137. *Jisl L.* Vyzkum Külteginova památniku v Mongolske Lidove Republice // Archeologicke rozhledy. Praha, 1960. XII.1.
138. *Макаренко Н.Е.* Археологические исследования 1907-1909 гг. // ИАК. СПб., 1911. Вып. 43.
139. *Smilenko A.T.* Die Keramik der Töpferwerkstätten von Balka Kancerka im Dneprgebiet // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und und ihrer Varianten. Budapest, 1990.
140. *Малашев В.Ю.* Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М., 2001.
141. *Артамонов М.И.* Болгарские культуры Северного Причерноморья // Доклады Географического общества. Этнография. Л., 1970. Вып. 15.
142. *Сміленко А.Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.). Київ, 1975.
143. *Спицын А.А.* Аварские древности. Рукопись // НА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. 31а.
144. *Marosi A., Fettich N.* Trouvailles avares de Dunapentele // Archaeologia Hungarica. Budapest, 1936. XVIII.
145. *Мавродинов Н.* Прабългарската художественна индустрия // Мадара. София, 1936. Кн. II.
146. *Корзухина Г.Ф.* К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н.э. // СА. 1955. XXII.

147. *Артамонов М.И.* Славяне и болгары в Поднепровье // Berichte über den II. Internationalen Kongress für slawische Archäologie. Band I. Berlin, 1970.
148. *Маршак Б.И., Скалон К.М.* Перещепинский клад. Л., 1972.
149. *Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и культурно-исторический контекст. М., 1996.
150. *Рашев Р.* Прабългарите през V-VII век. София, 2004.
151. *Круглов Е.В.* Хазары – поиск истины // Хазары. М.; Иерусалим, 2005.
152. *Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С.* Погребения кочевников VI-VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Т. 5.
153. *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
154. *Georgius Cedrinus, Ioannis Scylitzae.* Compendium Historiarum / Ed. I. Bekkeri, B. G. Niebuhrii // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae, 1838.
155. *Pritsak O.* Review. Studies on the Khazar Problem, published by the Polish Academy // Der Islam. Cracow, 1949. Band 29.
156. *Minorsky V.* Balgitzi – "Lord of the Fishes" // Wiener Zeitscrift für die Kunde des Morgenlandes. Vienna, 1960. Band 56.
157. *Golb N., Pritsak O.* Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; London, 1982.
158. *Zuckerman C.* On the date of the Khazars' conversion to judaizm and the chronology of the Rus Oleg and Igor // Revue des études Byzantines. Paris, 1995. Tom 53.
159. Etymologicon Magnum / Ed. Th. Gaisford. Oxonii 1848. Reprint. Amsterdam, 1967.
160. *Chavannes E.* Documents sur les T'ou-Kiue occidentaux // Сборник трудовъ Орхонской экспедиции. VI. СПб., 1903.
161. *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. II. Berlin, 1958.
162. *Магомедов М.Г.* Образование хазарского каганата. М., 1983.
163. *Зинько В.Н.* Восточный Крым в эпоху хазарского каганата // Хазары: миф и история. М.; Иерусалим, 2010.

Айбабин А. И.

Археологическое наследие хазар времени создания каганата

Резюме

Полноценное воссоздание истории Хазарии невозможно без изучения созданной в Хазарском каганате материальной культуры. В степях Северного Причерноморья и Приазовья выявлены погребения с конями и поминальные комплексы, объединенные в одну археологическую культуру. Ее нельзя приписывать праболгарам Кубрата, поскольку ранние захоронения этой культуры появились не ранее последней трети VII в., вскоре после изгнания около 665 г. из региона хазарами одного из сыновей Кубрата и подчинения другого. Судя по конструкции погребальных сооружений и тюркским вещам, эту культуру создали номады, этнически однородные тюркам, кочевавшим на территории Южной Сибири, Тувы и Монголии. Уйгурские источники помещали хазар и барсилов на западе огуро-огузских племен. После распада тюрко-огузского каганата в Центральной Азии хазары и барсилы создали собственное политическое объединение. Очевидно, хазары подчинили барсилов. По словам Ширакаци, женой хазарского кагана была женщина из барсилов.

Вторгнувшимся в Причерноморье из глубин Барсилии (рис. 1) около 665 г. хазарам принадлежала перещепинская культура, созданная в начальный период становления Хазарского каганата. Инвентарь могил красноречиво характеризует социальное положение погребенных. В могилах похоронены как рядовые воины, так и тюркская знать. Только хазарский каган мог переселить в конце VII в. с Северного Кавказа в степи Поднепровья артели аланских гончаров, снабжавших своей продукцией кочевавших в степях Северного Причерноморья хазар. Вероятно, в последней трети VII – первых десятилетиях VIII вв. хазары хоронили в степях Поднепровья своих каганов. В этот период именно там они создали погребально-культовые комплексы кремированных правителей каганата.

Согласно Феофану и Никифору, в начале VIII в. хазары уже полностью контролировали Боспорский пролив – важнейший участок пути из Византии в Приазовье и далее в Азию. В Боспоре хазары построили цитадель, расквартировали гарнизон. Они поселились рядом с цитаделью в приморских кварталах. Археологическая культура населявших город Боспор хазар по керамике и жилищам не отличается от оставленного болгарами Батбаяна в Крыму и Приазовье крымского варианта салтово-маяцкой культуры.

Айбабін О. І.

Археологічна спадщина хазар часу створення каганату

Резюме

Повноцінне відтворення історії Хазарії неможливе без вивчення створеної в Хазарському каганаті матеріальної культури. У степах Північного Причорномор'я та Приазов'я виявлені поховання з кіньми і поминальні комплекси, об'єднані в одну археологічну культуру. Її не можна приписувати праболгарам Кубрата, оскільки ранні поховання цієї культури з'явилися не раніше останньої третини VII ст., незабаром після вигнання близько 665 р. з регіону хазарами одного з синів Кубрата і підпорядкування іншого. Судячи з конструкції поховальних споруд і тюркським речам, цю культуру створили номади, етнічно однорідні тюркам, що кочували на території Південного Сибіру, Туви і Монголії. Уйгурські джерела поміщали хазар і барсилів на заході огуро-огузьких племен. Після розпаду тюрко-огузького каганату в Центральній Азії хазари і барсили створили власне політичне об'єднання. Вочевидь, хазари підпорядкували барсилів. За словами Ширакаци, дружиною хазарського кагана була жінка з барсилів.

Хазарам, що близько 665 р. вторглися до Причорномор'я з глибин Барсилії (рис. 1), належала перещепинська культура, створена в початковий період становлення Хазарського каганату. Інвентар могил красномовно характеризує соціальне положення похованих. У могилах захоронені як рядові воїни, так і тюркська знать. Лише хазарський каган міг переселити в кінці VII ст. з Північного Кавказу в степи Подніпров'я артілі аланських гончарів, що забезпечували своєю продукцією хазар, що кочували в степах Північного Причорномор'я. Ймовірно, в останній третині VII – перших десятиліттях VIII ст. хазари ховали в степах Подніпров'я своїх каганів. У цей період саме там вони створили поховально-культові комплекси правителів каганату, яких кремували.

Згідно Феофану і Никифору, на початку VIII ст. хазари вже повністю контролювали Боспорський пролив – найважливішу ділянку шляху з Візантії в Приазов'я і далі до Азії.

В Боспорі хазари побудували цитадель, розквартирували гарнізон. Вони оселилися поряд з цитаделлю в приморських кварталах. Археологічна культура хазар, що населяли місто Боспор, по кераміці і житлам не відрізняється від залишеного болгарами Батбаяна в Криму і Приазов'ї кримського варіанту салтово-маяцької культури.

Aibabin A. I.

Archaeological Heritage of the Khazars of the Period of Creation of Khaganate

Summary

Full-fledged reconstruction of the history of Khazaria is impossible without studying material culture created in Khazarian Khaganate. In the steppes of the Northern Black Sea Coast and Azov Sea Coast burial with horses and funeral rites complexes united into one archaeological culture were discovered. It cannot be attributed to the fore-Bulgarians of Kubrat, as earlier burials of this culture appeared not earlier than in the third quarter of the 7th century soon after expatriation from the region of one of Kubrat's sons by the Khazars and subjection of another one in ca 665. Judging by the construction of burials and Turkic things, this culture was created by the nomads, ethnically close to the Turks who migrated on the territory of Southern Siberia, Tuva and Mongolia. Uigurian sources placed the Khazars and Barcils on the west of the Oguro-Oguz tribes. After the disintegration of Turks-Oguz Khaganate in Central Asia, the Khazars and Barcils created their own political union. Obviously, the Khazars subdued the Barcils. According to Shirakatzi the wife of the Khazars khagan was a woman from the Barcils.

Pereščepina culture created in the first period of the formation of the Khazarian Khaganate belonged to the Khazars who intruded into the Black Sea Coast from Barcilia (Fig. 1) ca 665. Funeral equipment vividly characterizes social status of the buried. Common soldiers and the Turk nobility were buried in graves. Only the Khazars khagan could move artels of the Alanic potters, who supplied the Khazars roaming in the steppes of the Black Sea Coast, from the Northern Caucasus to the steppes of the Dnieper region at the end of the 7th century. Probably, in the last third of the 7th – the first decades of the 8th century the Khazars buried their khagans in the steppes of the Dnieper region. During this period just there they created funeral-cult complexes of cremated rulers of Khaganate.

According to Theophanes and Nicephorus, at the beginning of the 8th century the Khazars took the Bosporus strait – the most important part of the way from Byzantium to the Azov region and further to Asia under their complete control. In Bosporus the Khazars built a citadel and accommodated their garrison. They settled near the citadel in the quarters near the Sea. Archaeological culture of the Khazars who inhabited the city of Bosporus does not differ in ceramics and dwellings from Batbayan abandoned by the Bulgarians in Crimea and the Azov region of the Crimean variant of Saltovo-Mayak culture.

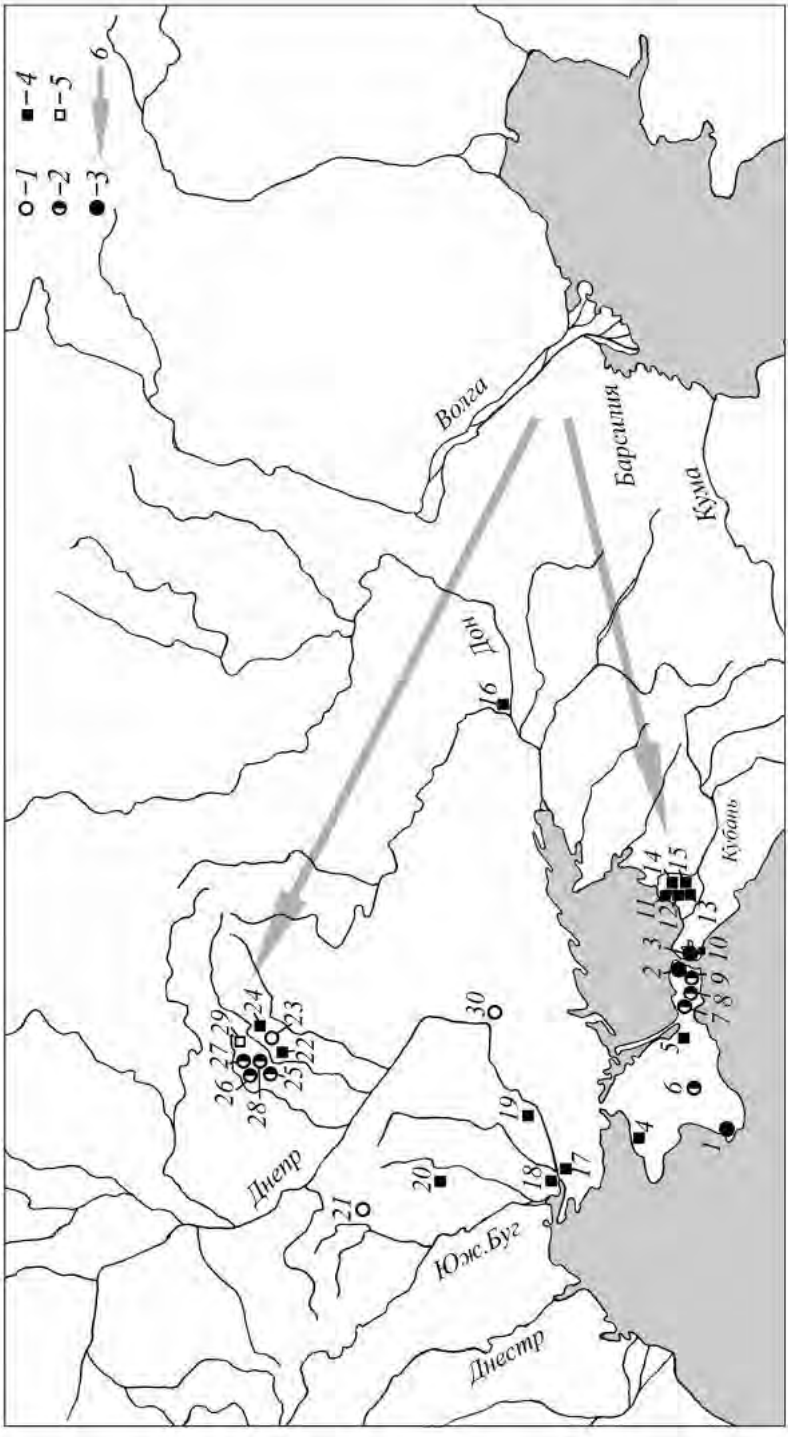


Рис. 1. Карта ранних хазарских памятников Северного Причерноморья.

Условные обозначения: *1* – поминальные комплексы каганов; *2* – поселения и стойбища; *3* – города; *4* – погребения хазар; *5* – гончарные центры; *6, 7* – направления вторжения хазар в Северное Причерноморье и Приазовье.

1 – Херсон, *2* – Боспор, *3* – Тиритака, *4* – Портовое, *5* – Новопокровка, *6* – Тау-Кипчак, *7* – Пташкино, *8* – Илурат, *9* – Героевка, *10* – Михаэльсфелд, *11* – Малаи 1, курган 13, погребение 6, *12* – Чапаевский, *13* – Крупская, *14* – Калининская, *15* – Старонижнестеблиевская 1, курган 8, погребение 1, *16* – Лимаровка, *17* – Келегеи, *18* – Белозерка, *19* – Костогрызово, *20* – Ясиново, *21* – Гладоссы, *22* – Новые Сенжары, *23* – Малая Перещепина, *24* – Макуховка, *25* – Полузорье II, *26* – Белокони, *27* – Лаврики, *28* – Чередники, *29* – Таранов Яр, *30* – Вознесенка, *31* – Канцирка, *32* – Патрей, *33* – Фанагория, *34* – Германасса-Таматарха.

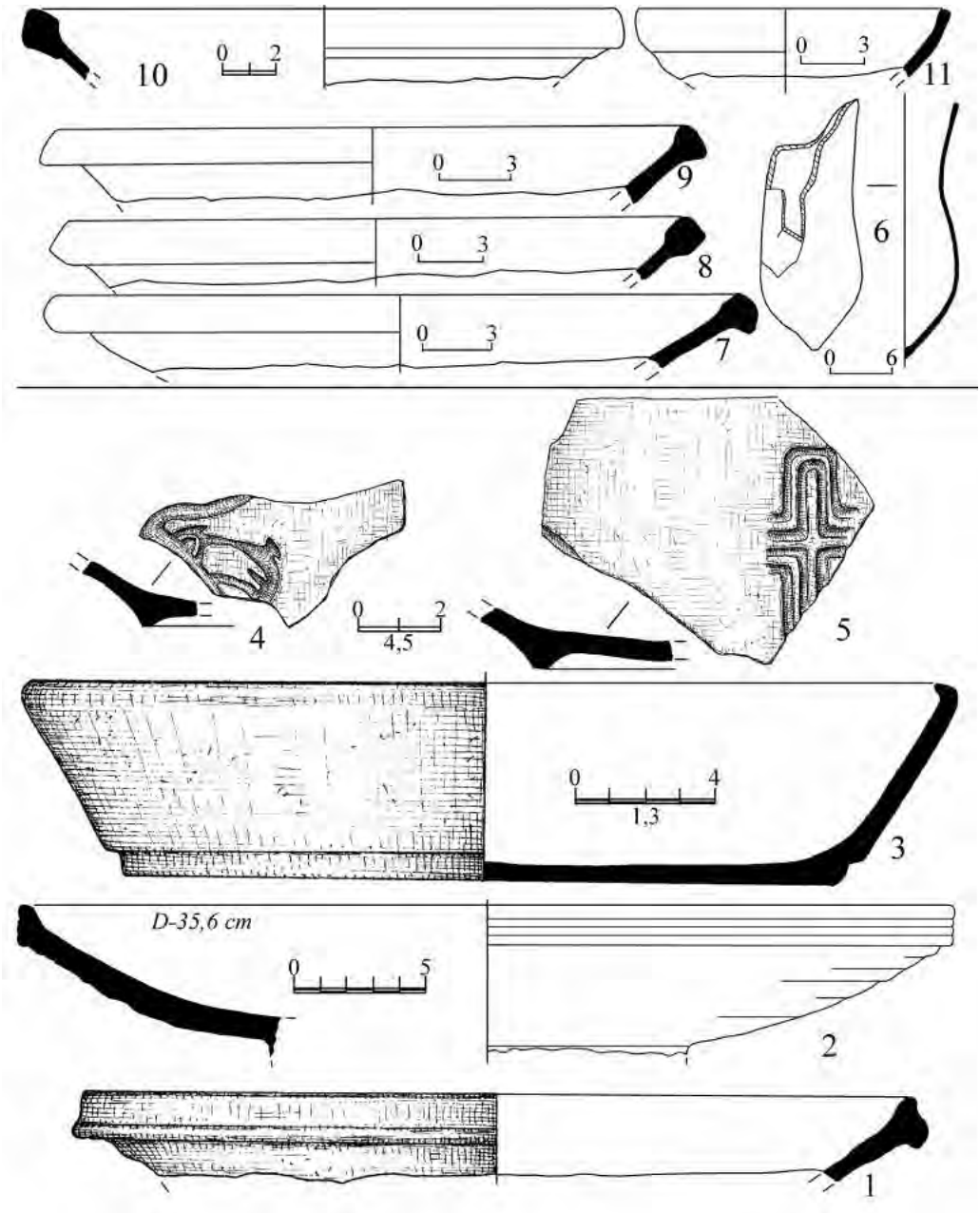


Рис. 2. Керчь. Керамика из раскопа 1991-1992 гг. в Кооперативном переулке.

1 – формы 3 LRC по Hayes 1972; *2* – форма ARS 82B по Hayes 1972; *3* – форма PRS 1; *4* – мотив 35 группы II по Hayes 1972; *5* – мотив 71 группы III по Hayes 1972; *6, 13, 20* – тип Зеест 103 или Якобсон 7; *7-10, 12, 15-17, 19* – формы LRC-10A по Hayes 1972; *11* – форма PRS 4; *14* – форма LRC 10C

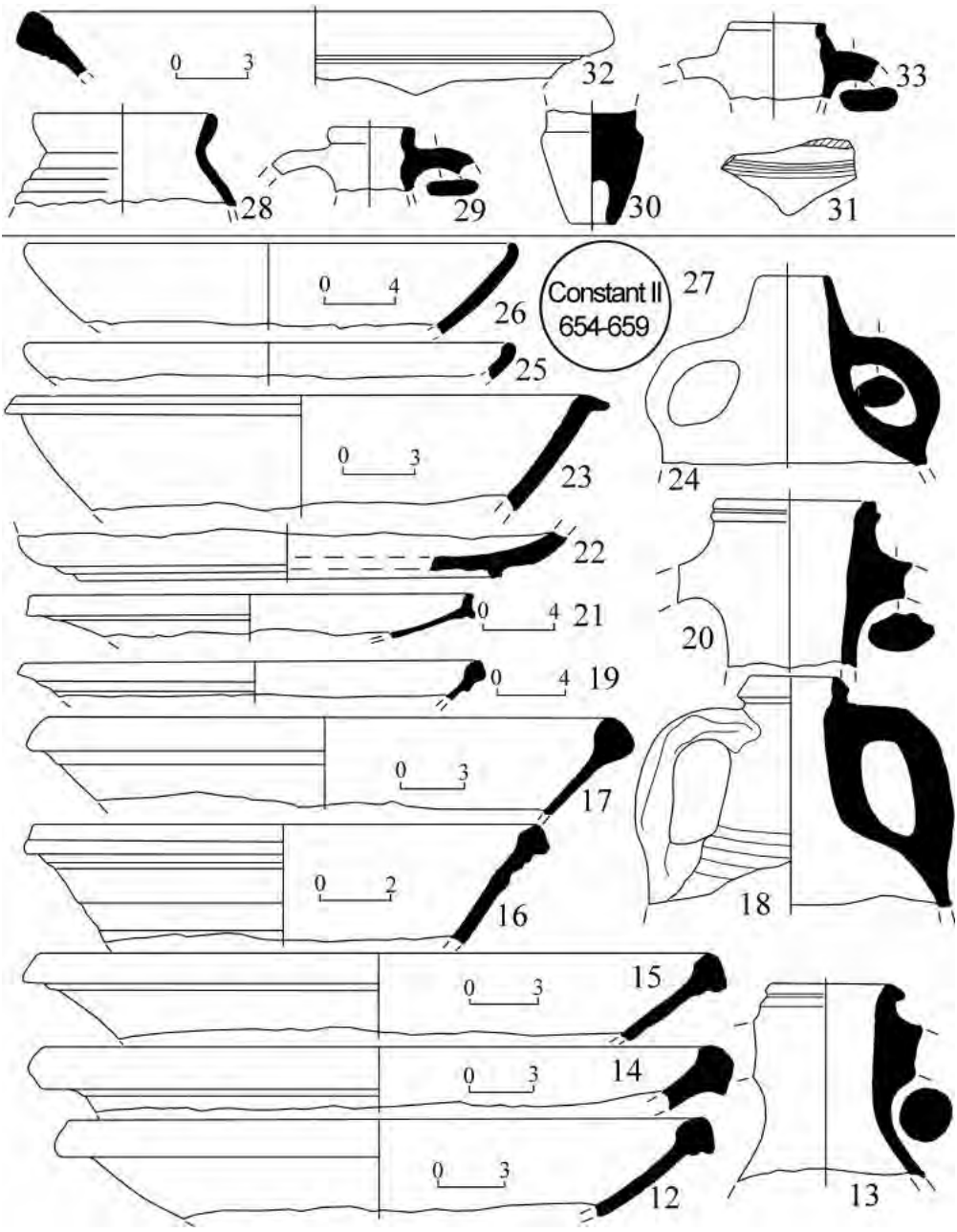


Рис. 2 (продолжение).

по Hayes 1972; *18* – тип Sarachane 10; *21* – формы LRC 3F по Hayes 1972; *22* – форма PRS; *23* – форма PRS 7; *24* – тип Зеест 99; *25-26* – форма PRS 1A/B; *28* – горшок; 29, *33* – тип Якобсон 74; *30* – тип Зеест 95 или LR-10; *31* – амфора с зональным рифлением; *32* – форма LRC 10C по Hayes 1972.

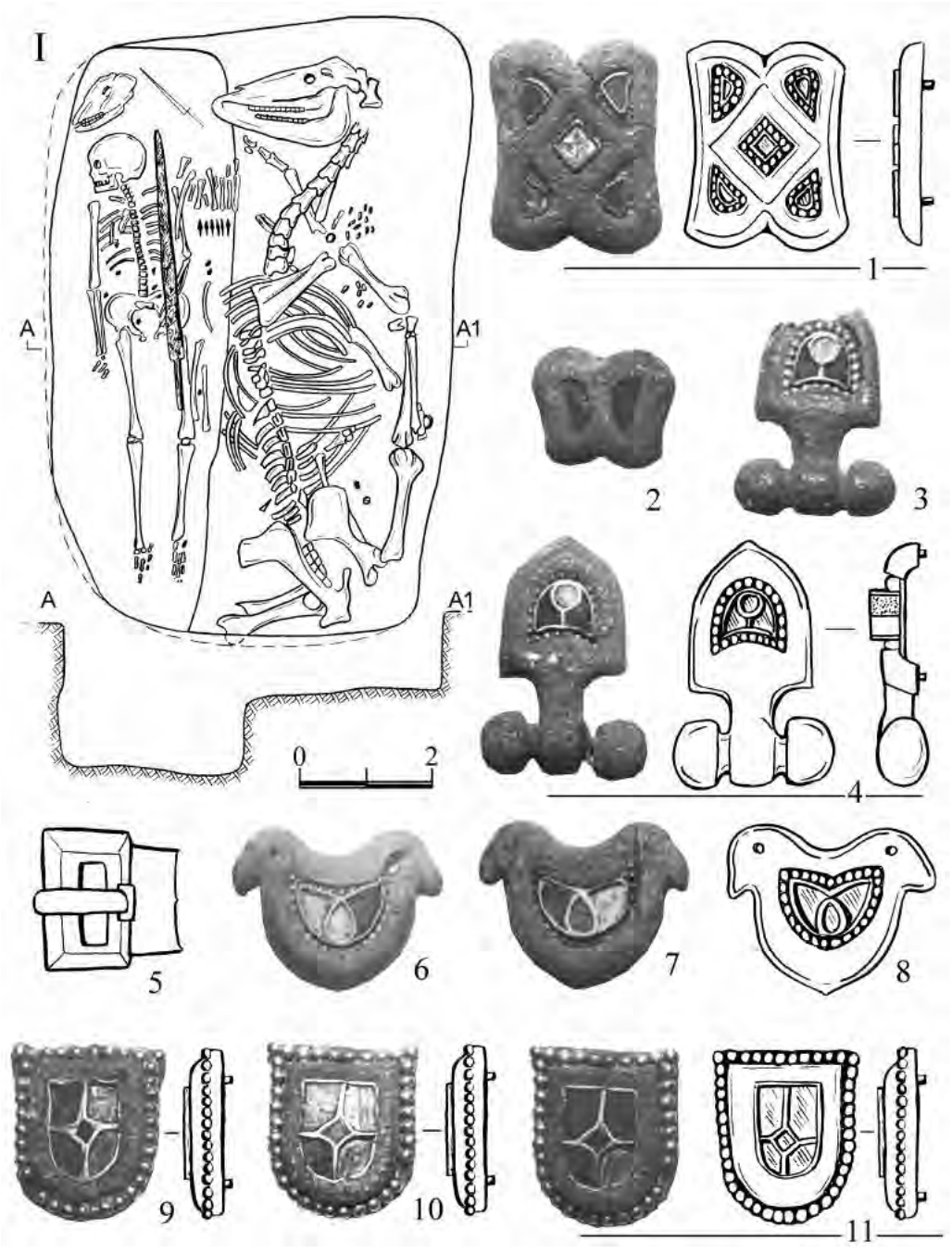


Рис. 3. Портовое. Погребение с конем.

I – план погребения, *1-4, 6-11* – биметалические детали поясного набора, *5* – обувная пряжка.

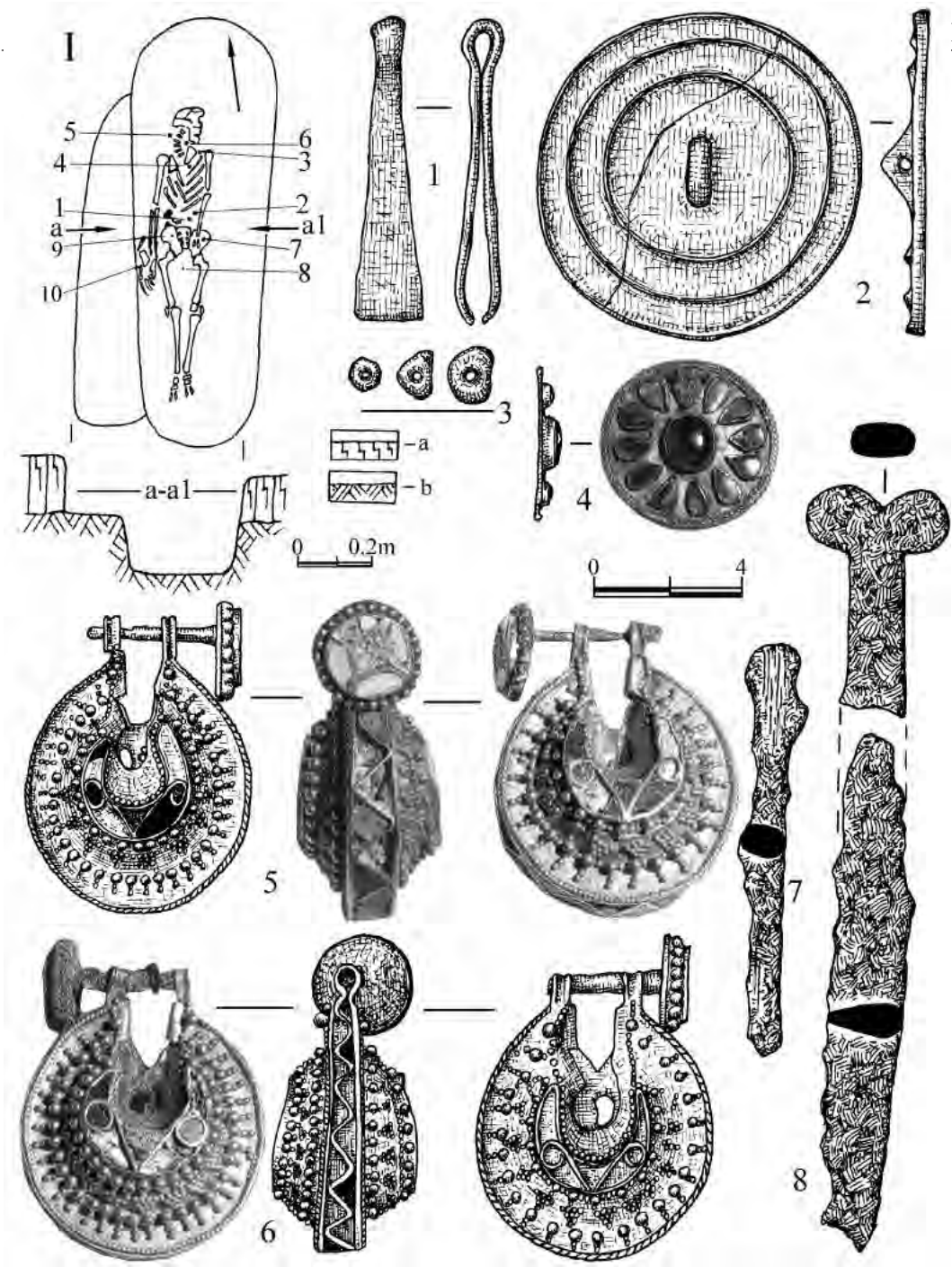


Рис. 4. Новопокровка. Женское захоронение.

I – план погребения, *1* – пинцет, *2* – зеркало, *3* – янтарные бусы, *4* – золотая бляха со вставками из альмандина, *5, 6* – золотые височные подвески, *7* – железное шило, *8* – железный нож.

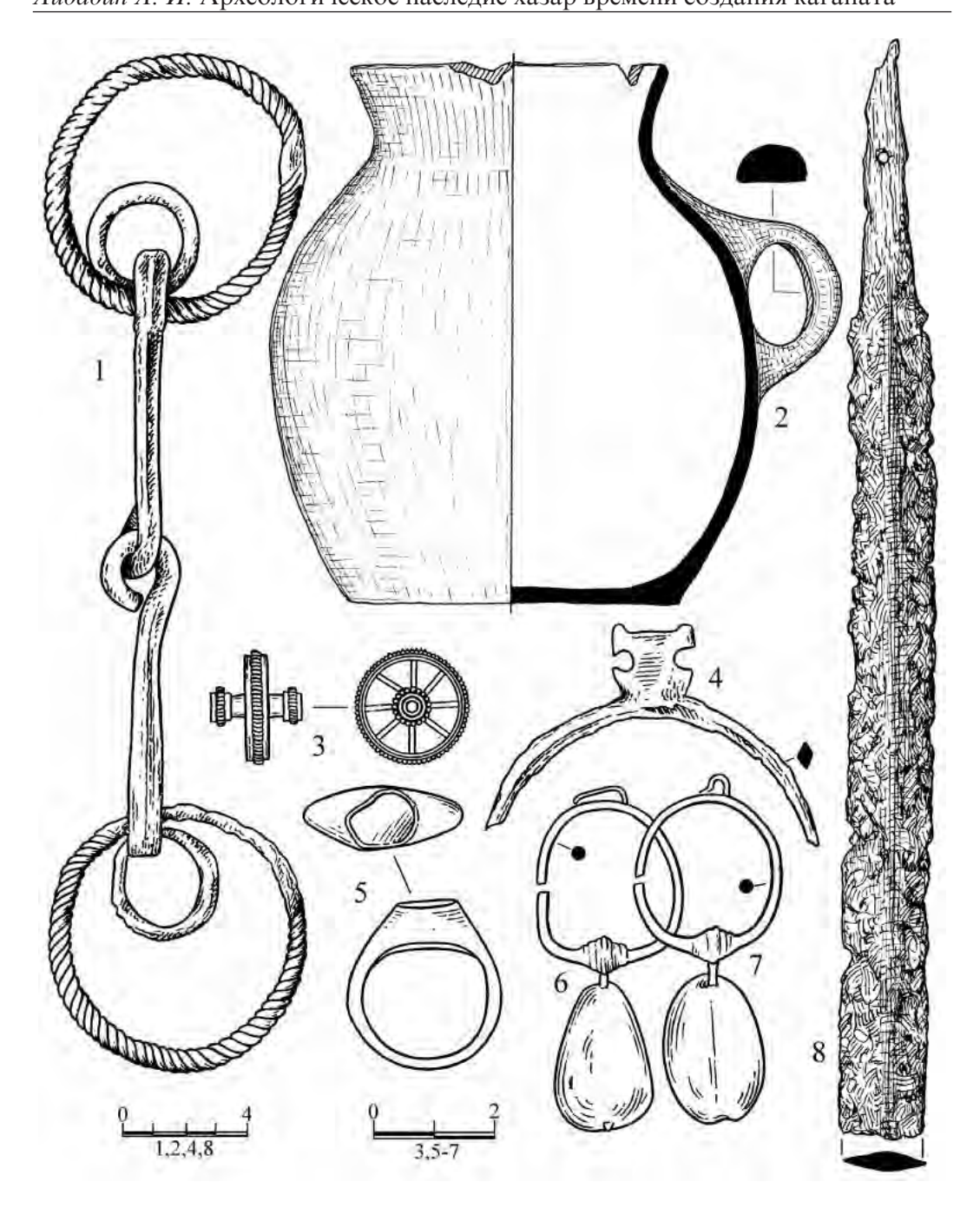


Рис. 5. Ясиново. Вещи из разрушенного погребения всадника.

1 – железные удила, *2* – лощеный кувшин, *3* – золотая пронизь, *4* – железные стремена, *5* – золотой перстень, *6, 7* – золотые серьги с аметистами, *8* – железный меч.

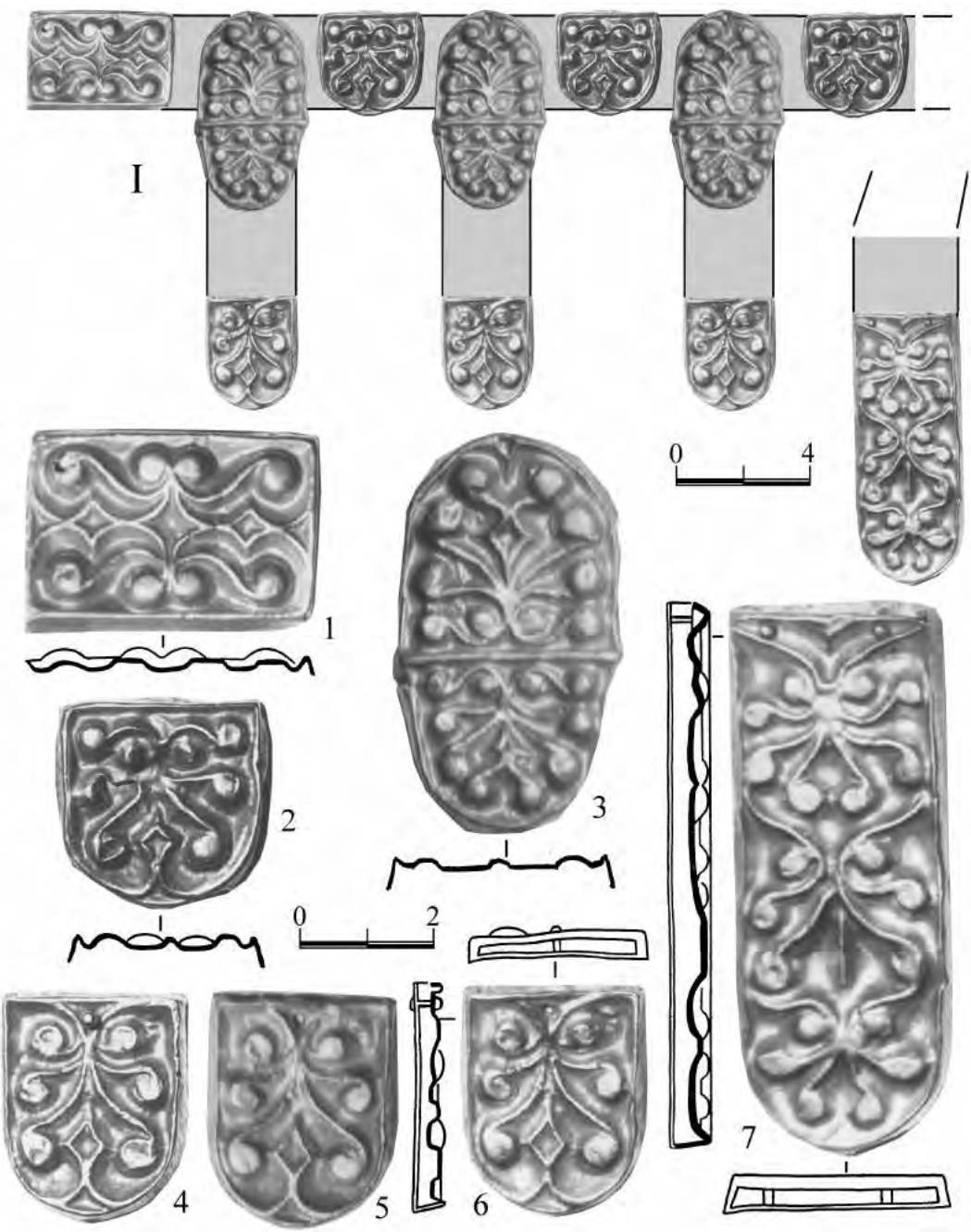


Рис. 6. Ясиново. Золотые детали поясного набора.

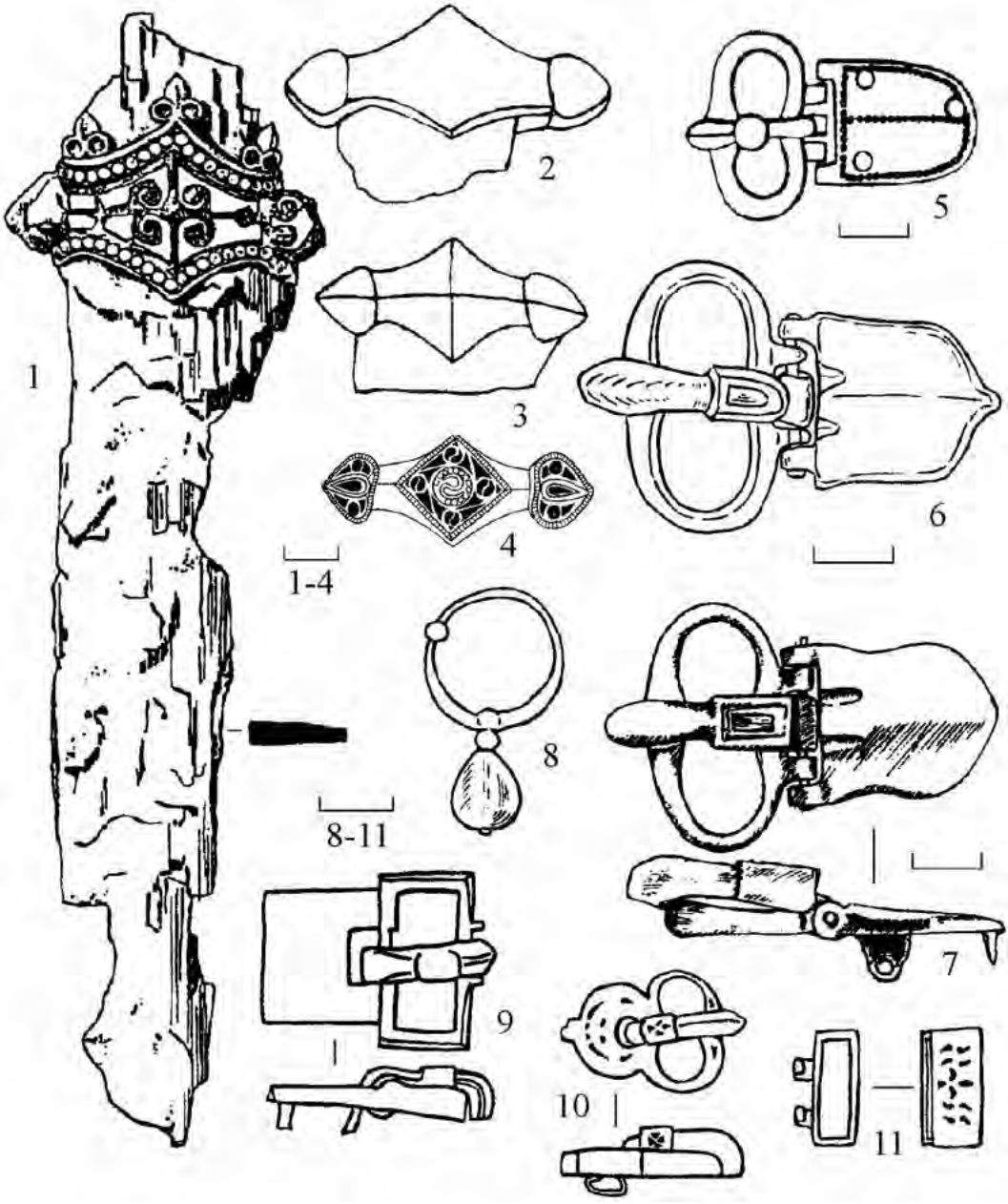


Рис. 7. Поздние вещи из кочевнических комплексов и их аналогии.

1, 5, 8-11 – Малая Перещепина, *2, 3* – Вознесенка, *4* – Гладоссы, *6* – Эски-Кермен, склеп 257, *7* – Шиловка, курган 1.

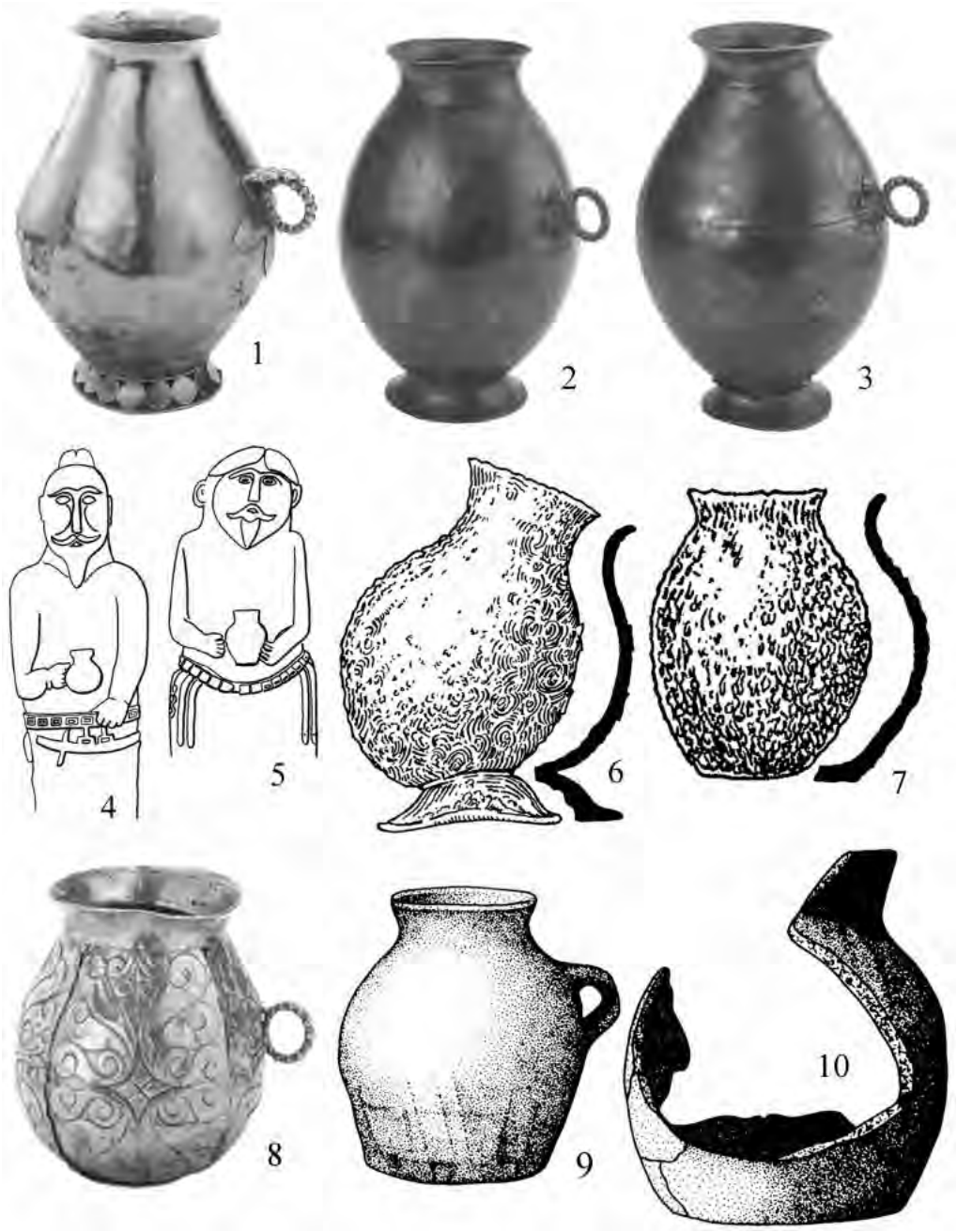


Рис. 8. Тюркские кувшины.

1-3, 8 – Малая Перещепина; *4, 5* – каменные изваяния древних тюрок с изображением кувшинов (*4* – Алтай, *5* – Тува); *6, 7* – Кокэль, Тува; *9, 10* – Канцирка.

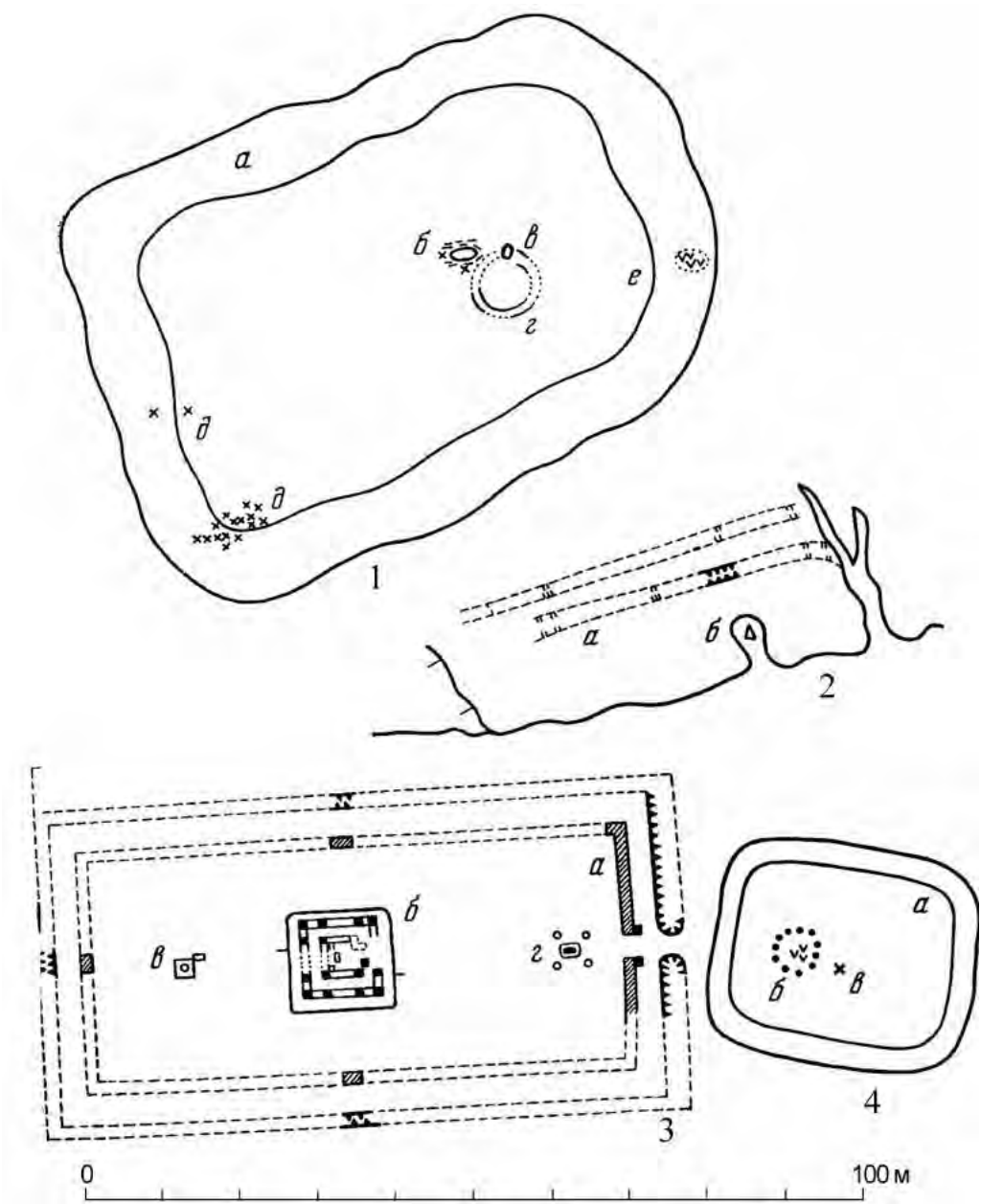


Рис. 9. Погребально-культовые комплексы знатных тюрков.

1 – Вознесенка, *2* – Гладоссы, *3* – поминальный комплекс Кюль-Тегина в Монголии, *4* – поминальный памятник в Сарыг-Булуне в Туве.

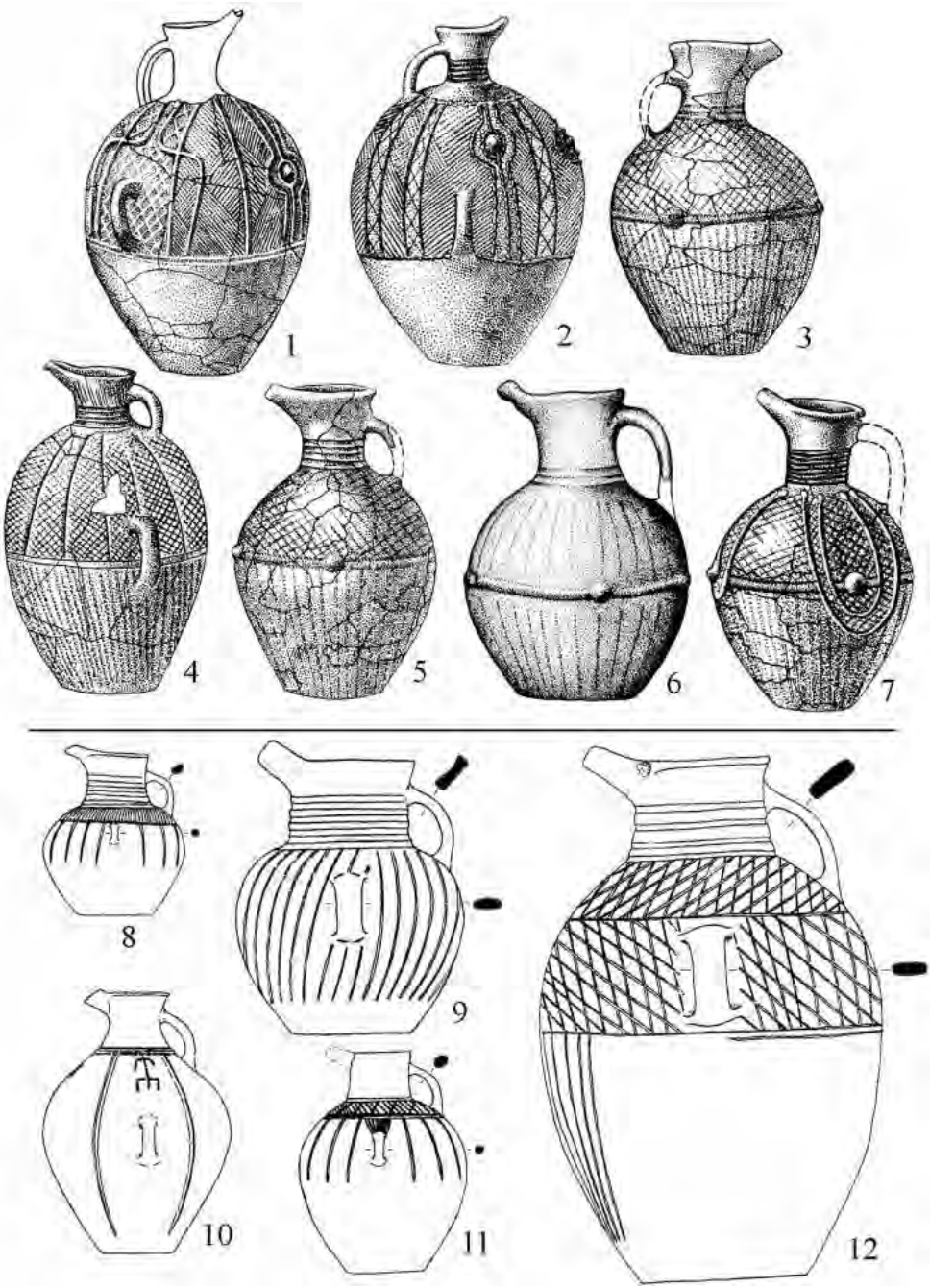


Рис. 10. Аланская керамика.
1-7 – Канцирка, *8-12* – Мокрая Балка.

В. В. МАЙКО

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КОСТИ И РОГА ВИЗАНТИЙСКОЙ СУГДЕИ X-XII вв.

Изделия из кости и рога византийских городов Таврики неоднократно становились предметом различных публикаций. К настоящему времени накоплена достаточная источниковедческая база, подкрепленная исследованиями синхронных памятников сопредельных территорий, позволяющая надежно атрибутировать разнообразные находки и делать выводы об уровне развития косторезного дела средневекового населения полуострова. К сожалению, на сегодняшний день в научный оборот введены в основном материалы раскопок Херсонеса [1, с. 84-105; 2, с. 49-66; 3, с. 412-421], частично Мангупа [4, с. 432-456]. Изделия из Восточного Крыма, в частности, Сугдеи опубликованы только частично [5, с. 234, рис. 13; 6, с. 134-135]. Предлагаемая максимально полная подборка материалов, полученных в ходе многолетних исследований этого памятника, позволит сравнить не только ассортимент предметов из кости и рога восточной и западной частей Таврики, но и уровень специализации этого вида ремесла. Хронологические рамки работы обусловлены т.н. средневизантийским периодом, который для восточной части Крыма наступил только после окончательного прекращения существования крымского варианта салтово-маяцкой культуры.

Публикуемые изделия традиционно разделены на предметы вооружения, конского снаряжения, бытовые вещи, украшения и изделия византийской художественной пластики.

Предметы вооружения представлены костяным кистенем (рис. 1,*1*). Происходит он из раскопок М. А. Фронджуло в портовой части Сугдеи и связан с горизонтами второй половины X – XI вв. Изделие уплощенно-сферической формы, с цилиндрическим отверстием в центре. Наиболее известная аналогия происходит из раскопок В. Н. Даниленко 1966 г. в квартале 1 в цистерне 91 в портовом районе Херсонеса. Это так же яйцевидной формы изделие, с отверстием по продольной оси, в которое вставлен железный стержень с заклепкой на одном конце и остатками петли на другом [7, с. 147, рис. 1,1; 8, с. 293, № 335, с. 589]. Первый публикатор находки Л. Г. Колесникова относила его к древнерус-

ским изделиям только на основании наличия на аналогичном кистене из Саркела древнерусской тамги [7, с. 129]. Крымские аналогии можно продолжить и за счет типологически близкого кистеня, обнаруженного при раскопках квартала у церкви Св. Константина на Мангупе [4, с. 452, рис. 1,1]. По справедливому мнению А. А. Душенко, основанному на многочисленных приведенных аналогиях, изделие может датироваться в рамках IX – первой половины XI вв. [4, с. 434-435]. В отличие от судакского и херсонесского изделий, мангупский экземпляр имеет не удлиненную, а скорее шарообразную форму, что может свидетельствовать о его более ранней дате [9, с. 59; 4, с. 434].

Согласно наиболее полной типологии А. В. Крыганова, наш экземпляр мог принадлежать варианту 1 типа I со сквозным долевым каналом для пропуска жгута, имеющим аналогии в памятниках Подонья [10, с. 64, рис. 1,3]. Однако, судя по остаткам накипи железа, он, вероятнее, относится к варианту 3 этого типа изделий, где в долевой канал вставлен железный стержень с петлей. При этом следует отметить, что кистени варианта 3 чрезвычайно редки для салтово-маяцкой культуры. Значительно чаще они, имеющие удлиненные пропорции, а иногда и железную цепь для подвешивания, встречаются со второй половины X в. Яркий пример этому – комплекс их находок в древнерусских материалах X-XIII вв. [11, с. 59; 12, с. 343, табл. 131,1-5; 13, с. 140, рис. 15,1-4], где они считаются заимствованными у кочевников юга Восточной Европы. Добавим, что хорошо датированные костяные кистени, аналогичные описываемому из Сугдеи, происходят из материалов заполнения полуземлянок крепости Скала возле с. Кладенци в болгарской Добрудже и других балканских и дунайских памятников [14, с. 91, обр. 71]. Авторы справедливо датируют их второй половиной X – первой половиной XI вв.

Традиционно кистени считаются легким ударным оружием ближнего боя. По мнению А. В. Крыганова, нуждающемуся, безусловно, в дополнительной аргументации, кистень был одним из наиболее «демократичных» видов оружия, применявшимся не только воинами, но и невоенным населением, даже женщинами [10, с. 68]. Исходя из этого, вполне закономерна их находка в культурных слоях городищ и поселений. Согласно современным данным, в Подонье 21 кистень был обнаружен в культурных слоях городищ и селищ и 30 – среди погребального инвентаря могильников. Из числа последних лишь 8 сопровождались оружием [10, с. 67-68]. Тем не менее, кистень, вероятно, все же элемент снаряжения, прежде всего, всадника.

К элементам конского снаряжения относятся тщательно обработанные восьмеркообразные изделия, нижний полукруг которых зачастую украшен гранями (рис. 1,*2,3*). В основном подобные костяные подпружные пряжки, обнаруженные как в кочевнических погребениях Крымской степи [15, с. 19, рис. 6,13,14], так и в материалах поселенческих комплексов [4, с. 435-436], датируются эпохой раннего средневековья, однако, в отличие от судакских экземпляров, они

имеют четко выраженную нижнюю трапециевидную часть с прямоугольным отверстием. Для экземпляров же рассматриваемого хронологического периода характерна, в основном, восьмерковидная морфология с двумя округлыми отверстиями [16, с. 47, 115, рис. 3,11]. Типологически и хронологически близкий предмет известен в материалах древнерусского городища Воинь [13, с. 141, рис. 16,9]. Автором публикации, вслед за С. Боневым [17, с. 42, рис. 1,14], он трактуется как пряжка от седла.

Кроме упомянутых изделий, довольно часто встречаются заглаженные рога животных, предназначенные для стреноживания коней (рис. 2,*5*). Подобные остроконечники из отростка рога оленя получили распространение на древнерусских памятниках, однако, не являются там частой находкой [18, с. 195, рис. 6,1]. Среди них выделяются тщательно обработанные экземпляры, происходящие из зольника Сугдеи, с двумя отверстиями у основания спила. Внутри рога – полые. Уникальное подобное тщательно отполированное и граненое изделие обнаружено в портовой части Сугдеи в слое X-XI вв. (рис. 2,*6*). Рог украшен девятью орнаментальными поясами, состоящими из прямоугольников, разделенных диагоналями на четыре треугольника. В центре каждого из треугольников поставлена точка. Верхние три пояса разделены между собой тонкой полоской, четвертый и пятый пояски – смежные, отделенные от смежных шестого-девятого поясков такой же тонкой полоской. Описанному изделию близка находка из Киева. Это тщательно обработанный рог с двумя отверстиями и резным слабопрофилированным орнаментом с гравировкой. Острие украшено изображением стилизованного зверя. Датируется изделие, как и судакское, X в. и атрибутируется как ручка нагайки [19, с. 92; 20, с. 41, рис. 20], что, исходя из размеров изделия, проблематично.

К бытовым предметам, конечно с известными оговорками, можно отнести ручки от нагаек или ножей. Одна из них граненая, происходящая из зольника Сугдеи (рис. 1,*5*), орнаментирована концентрическими кружками, характерными для кочевнических костяных изделий. Типологически близкая орнаментированная ручка известна и из материалов раскопок Херсонеса [1, с. 88, рис. 2,41]. Несомненно, подобные изделия изготавливались на месте, о чем свидетельствуют и обнаруженные в портовой части Сугдеи их заготовки (рис. 1,*6*). К импортным подобным бытовым предметам относится заготовка ручки ножа с пазом для вставки или крепления лезвия, изготовленная из слоновой кости (рис. 1,*4*), обнаруженная в заполнении постройки на участке квартала I Судакской крепости.

Разнообразную категорию находок составляют предметы, определить точное функциональное назначение которых сложно. Это костяные пластины, на одной из которых, происходящей из зольника Сугдеи (рис. 2,*8*), помимо двух отверстий, прочерчен крест и нанесен точечный орнамент по периметру нижней части изделия. Такие пластины, встреченные в Сугдее и в виде заготовок (рис. 2,*9*), как и вышеописанные ручки, типичны для тюркских древно-

стей северопричерноморских степей X-XI вв. Не исключено, что они являлись элементом сложного составного лука. К бытовым изделиям, происходящим из зольника Сугдеи, относятся находки щипцов, изготовленных из расщепленной кости (рис. 2,*7*) и отполированная полая кость, служившая, возможно, в качестве дудочки или свистульки (рис. 2,*1*). В археологических комплексах портовой части Сугдеи встречены костяные проколки (рис. 2,*10*). О применении токарного станка свидетельствуют находки двух сложнопрофилированных наверший (рис. 2,*3,4*). К костяным накладкам относится прямоугольная пластина с орнаментом в виде трех рядов концентрических окружностей, пространство между которыми заполнено прочерченным геометрическим орнаментом (рис. 2,*2*). Бытовое назначение имел предмет в виде сточенной с двух сторон полированной кости (рис. 2,*11*).

Отдельную условную категорию находок составляют элементы костюма. При этом все категории этих вещей, наверняка, были многофункциональными. Во-первых, это застежка из парного погребения 219 некрополя Судак-II (рис. 3,*10*). Помимо Херсонеса, подобное изделие, но более совершенное по технике исполнения, обнаружено при исследовании Десятинной церкви в Киеве и ныне хранится в Государственном Эрмитаже [21, с. 200, 50]. В целом древнерусские аналоги подобным пуговицам-застежкам достаточно многочисленны. Представительная коллекция, в частности, происходит из раскопок городища Воинь [13, с. 137, рис. 11,9-12,15-19]. Датируются эти костяные пуговицы-застежки как ранним, так и поздним средневековьем. В частности, типологически близкая костяная застежка обнаружена на территории цитадели средневекового Херсонеса, где датируется раннесредневековым временем [3, с. 421, рис. 1,8]. Подобная костяная пуговица «костылькового» типа встречена в комплексе первой трети XIII в. древнерусского селища Мякинино I на территории Подмосковья [22, с. 24, рис. 3,2]. В случае некрополя Сугдеи, исходя из того, что погребальный комплекс один из наиболее ранних, изделие следует датировать временем середины X в.

Наиболее изученной категорией многофункциональных изделий являются костяные застежки, часть из которых раскрашивалась в красный, розовый или зеленый цвет (рис. 3,*1-9*). Наряду со стеклянными браслетами и бубенчиками с крестообразной щелью, это один из важных хронологических реперов и, вместе с тем, один из ярких маркеров восточноевропейской моды в рассматриваемый хронологический период. Одну из первых попыток их систематизации предпринял Г. А. Федоров-Давыдов. Основываясь на морфологии сечения изделия, он выделил несколько типов, подчеркивая при этом сочетание на всех костяных пуговицах циркульного орнамента и орнамента в виде насечек и зигзагов [16, с. 70-71]. Эта однотипность прямолинейных и циркульных орнаментальных композиций на рассматриваемых изделиях подчеркивается и современными исследователями [23, с. 146].

В Сугдее подобных костяных застежек обнаружено девять. Кроме одной, все они происходят из христианских погребений и обнаружены без предметов вооружения и конского снаряжения. Три изделия разной морфологии, но украшенных схожим орнаментом в виде насечек, найдены в могиле 57 некрополя Судак-I (рис. 3,*1-3*), два, орнаментированные концентрическими окружностями, в захоронении 245 (рис. 3,*7,9*) и одно, украшенное окружностями, разделенными треугольными насечками, в могиле 275 (рис. 3,*6*) некрополя Судак-II. Кроме того, две костяные пуговицы-застежки обнаружены в верхнем горизонте погребений в склепе 3 на участке куртины XV Судакской крепости (рис. 3,*5,8*). Одно изделие обнаружено в культурном слое на участке т.н. квартала I Судакской крепости (рис. 3,*4*).

За пределами Таврики аналогичные предметы получили распространение в Волжской Болгарии [24, с. 232], где в Болгаре открыты мастерские по производству застежек, прежде всего, с орнаментом в виде прочерченных треугольников [24, с. 231, рис. 102,10,11,24]. Тем не менее, в находках некрополя городища Мошаик известны и экземпляры с орнаментом в виде концентрических окружностей, в том числе соединенных полукруглой линией [25, с. 54, рис. 4,8,9]. Широко они представлены в материалах Танкеевского могильника, где обнаружены экземпляры, в основном, также с орнаментом в виде концентрических окружностей [26, с. 181, рис. 65,40,41]. На территории некрополя Татарская Лака II все обнаруженные костяные пуговицы с разнообразным как циркульным, так и орнаментом в виде насечек располагались в ногах погребенного в единственном экземпляре и лишь в одном случае попарно [27, с. 159]. В половецком погребении XI-XII вв. костяная пуговица с круговым циркульным орнаментом обнаружена возле левого локтя захороненного [28, с. 107].

По мнению Е. П. Казакова, они на ремешках вплетались в косы [26, с. 184]. На территории Нижнего Поволжья они считаются не главным, но одним из отличительных признаков погребального обряда огузов [29, с. 59-60] и датируются периодом X-XI вв. [29, с. 59-60; 30, с. 57-58; 31, с. 41, рис. 23,13]. Данные изделия известны и в материалах печенежско-торческих погребений Поросья, где часто являются элементом конской упряжи [32, с. 65, табл. 17,4,9], но встречены в захоронениях и без коня [32, с. 59, табл. 11,13]. Представлены они и в кочевнических погребениях второй половины XI в. Северного Подунавья [33, p. 471, fig. 33,2], а также в материалах крепости средневизантийского времени Хыршова в румынской Добрудже [34, p. 363, fig. 12].

В материалах некрополей Нижнего Поволжья, Биляра и Болгара подобные изделия датируются периодом X-XII вв. [29, с. 59-60; 30, с. 57-58; 24, с. 232]. Дополнительным аргументом в пользу этого является находка подобного изделия, украшенного, правда, концентрическими окружностями, в погребении 72 Танкеевского могильника вместе с монетами X в. [26, с. 277, рис. 91,20]. В материалах древнерусских памятников их датировка несколько шире, в рамках XI-XIII вв.

[35, с. 101-102], а балканских (Добруджа), наоборот, уже – XI – начало XII вв. [36, с. 78]. В данной монографии подробно рассмотрен список аналогий, в том числе датированных второй половиной XI в. [36, с. 87]. Его можно продолжить и за счет находки подобного изделия в Шуменской крепости [37, с. 108, рис. 15].

Очень широкое распространение, прежде всего в городах, получили костяные застежки и на территории Древней Руси. Косторезные мастерские по их производству обнаружены в районе Десятинной церкви древнего Киева [35, с. 101; 38, с. 83-85] и на околицах средневекового города [39, с. 28]. В качестве древнерусского импорта они известны и в материалах других древнерусских поселений [40, с. 121-122], роменских памятников Курской области [41, с. 234, рис. 6,12]. Отмечены и подражания им, выполненные, безусловно, на месте в домашних условиях [40, с. 121, рис. 4,1]. На территории центральных провинций Византийской империи, за исключением Коринфа, они известны в единичных экземплярах. В погребальном инвентаре некрополя Одырци (Добруджа, Болгария) их известно всего 4 [36, с. 78]. Автор исследований считает эти предметы элементом ожерелья.

Таким образом, встречаясь на территории всей Восточной Европы у кочевого и оседлого населения, очевидно, что они не несли этнической нагрузки, являясь одним из маркеров моды второй половины X – XI вв. Кроме того, совершенно очевидно, что некоторая часть изделий, в том числе и из Херсонеса, не являлась продуктом ремесленного производства, а изготавливалась в домашних условиях с использованием подручного сырья и самых простых инструментов [2, с. 55].

Время появления подобных изделий устанавливается достаточно четко. Среди материалов салтово-маяцких памятников Восточного Крыма они не известны и появляются в этой части полуострова только после окончательного прекращения существования указанной культуры. Установить верхнюю хронологическую границу существования пуговиц-застежек довольно трудно. Совершенно очевидно, что они существуют длительное время. Хронологически наиболее поздние крымские костяные орнаментированные застежки обнаружены в составе погребального инвентаря захоронения 2, исследованного в верхнем пахотном слое городища Булганак [42, с. 218, рис. 36,10] и погребения в Тавельском кургане № 5 у с. Краснолесье [43, с. 388, рис. 4,5]. В последнем случае, на основании месторасположения изделия у ног погребенного вместе с железными удилами, Э. И. Сейдалиев считает, что они могли использоваться как ворварки [43, с. 380]. К сожалению, узко датированные вещи в составе погребального инвентаря отсутствуют, предварительно оба захоронения связываются с половцами, хотя и отмечается присутствие подобных костяных изделий с орнаментацией в виде насечек в захоронениях, связываемых с черными клобуками и огузами.

Аналогичные костяные орнаментированные застежки обнаружены и в половецком погребении рубежа XII-XIII вв. курганного некрополя Хавалы-IV

близ г. Ростов-на-Дону, где также атрибутируются как ворварки [44, с. 140, рис. 1,14-16]. В материалах грунтового полиэтничного некрополя «Мартышкина балка», расположенного на левом берегу р. Дон поблизости г. Ростов-на-Дону, костяные орнаментированные застежки присутствуют в погребальном инвентаре вместе с фаянсовыми и кашинными цилиндрическими бусами с рельефным орнаментом [45, с. 222, 240, 264, рис. 28,2; 50,11; 81,5]. Хронологические рамки существования некрополя аргументировано обозначены как середина XII – XIII вв. [45, с. 272].

Еще более поздние экземпляры костяных пуговиц-застежек обнаружены среди кочевнических древностей Прикубанья и Дона. В частности, они присутствуют среди богатого погребального инвентаря захоронения золотоордынского вельможи, датированного 30-ми гг. XIII в. [46, с. 154, рис. 5А,22,29,30]. Костяная пуговица полусферической формы, орнаментированная насечками, обнаружена на правой бедренной кости захороненного в могиле 4 кургана 1 станицы Новотитаровской [47, с. 139, рис. 3,5]. Полусферическая пуговица, орнаментированная на сей раз чередующимися концентрическими окружностями и двойными прочерченными линиями, обнаружена слева от черепа лошади в погребении 1 кургана 3 станицы Новокорсунской [47, с. 142, рис. 6,2]. Оба погребения датируются авторами второй половиной XIII в. Костяная полусферическая неорнаментированная пуговица обнаружена у запястья правой руки погребенного в могиле 14 кургана 9 некрополя Тузлуки в Подонье [48, с. 320, рис. 2,7]. По мнению автора, она могла относиться к колчану. В этом же регионе костяная уплощенная пуговица с чередующимися концентрическими окружностями и насечками с частично сохранившимися вставками из серебра зачищена на шейных позвонках захороненного в погребении 1 кургана 3 некрополя Маяк-II [48, с. 323, рис. 5,1]. Оба погребения датируются в хронологических рамках второй половины XII – первой половины XIII вв.

Таким образом, как показывают археологические раскопки, данные предметы были многофункциональными и использовались как застежки вообще [23, с. 145]. Служили они и как элементы костюма, и как украшения, и как составная часть конской упряжи и воинского пояса кочевников.

Отдельного рассмотрения заслуживает костяное изделие, обнаруженное на т.н. участке квартала I Судакской крепости в 1998 г. Это конический цилиндр со сквозным горизонтальным отверстием, заполненным вставкой из той же кости до начала обработки изделия. Поверхность его украшена концентрическими окружностями, расположенными между двумя горизонтальными линиями. Поверхность тщательно заглажена и носит следы окраски в фиолетовый цвет.

Подобные составные изделия наиболее известны в Таврике по материалам раскопок Херсонеса [1, с. 90, рис. 4,80-82], где датируются в широких хронологических рамках X – первой половины XIII вв. По замечанию исследователей, их размеры колеблются в размерах 1,8-2,3 см высоты и 2-3 см диаметра [1, с. 91;

2, с. 54]. В литературе тщательно проанализирована достаточно сложная технология их изготовления, свидетельствующая о безусловно ремесленном характере их производства [49, с. 135-142]. Атрибутируются они либо как пуговицы [1, с. 91], либо как пряслица [50, p. 98, fig. 104; 2, с. 54-55; 49, с. 135]. Чаще всего данные изделия были окрашены в фиолетовый цвет, что, по мнению М. Станчевой, также является определенным хронологическим показателем обработки кости в средневизантийский период [51, с. 107-110]. Подобные экземпляры, происходящие из Коринфа, датируются не позднее середины XII в. [52, nos. 2584-2588]. Экземпляры из Дядово датируются XI-XII вв. [50, p. 383]. Совершенно аналогичный судакскому экземпляр происходит из раскопок средневековых горизонтов второй половины X – XI вв. на участке римских терм в Варне [49, с. 135, обр. 1] (рис. 3,*12*). Согласно мнению большинства специалистов, вероятнее всего, все известные в настоящее время экземпляры средневековой Таврики, как, впрочем, и Балкан, являются импортными, производившимися в центральных провинциях Византии.

В этой связи интересна находка конического, тщательно заглаженного костяного изделия на участке куртины XIV Судакской крепости (рис. 3,*11*). Верхняя часть конуса украшена двумя врезными горизонтальными линиями с намеченным по центру отверстием. Одна из боковых граней срезана. В соответствии с технологической схемой производства проанализированных составных пуговиц-прясел [49, с. 136, обр. 2], их изготовление предполагало именно такие операции. Не исключено, что отверстие просверливалось уже на последнем этапе. В таком случае, есть некоторые основания рассматривать данную находку как заготовку для составной пуговицы-прясла и ставить вопрос о возможном их производстве в средневековых городах Таврики. С другой стороны, не исключено использование данного изделия в качестве шахматной пешки.

Традиционно, как и в предшествующий период, достаточно широко, прежде всего в игровых целях, использовались астрагалы (рис. 1,*7*). Совершенно аналогичную игровую практику у населения не только Крыма, но и Древней Руси давно подметили специалисты. Действительно, для изготовления игрового астрагала требовался в большинстве случаев только кухонный нож [53, с. 201]. Существование двух основных разновидностей игровых астрагалов, сточенных и залитых свинцом, связывается исследователями с двумя разновидностями игры [53, с. 202; 54, с. 34-49], что нуждается в дополнительной аргументации. Существует точка зрения, связывающая использование астрагалов с одним центральным отверстием в качестве шумящих или даже ремесленных приспособлений [53, с. 202]. Нет сомнений в том, что, в отличие от славянского периода, в эпоху Киевской Руси астрагалы, даже со знаками-граффити, использовались, прежде всего, в игровой практике. Их сакральная функция, по справедливому мнению специалистов, вспоминалась лишь во время обрядовых действий. Немаловажную роль при этом играло и принятие христианства. Такая же ситуация

была характерна и для населения восточной Таврики второй половины X – XI вв. В этой связи уместно заметить, что астрагалы со знаками для этого периода фиксируются в комплексах реже, чем в предшествующий салтовский.

Среди костяных находок отдельную яркую группу составляют костяные предметы, относящиеся к изделиям мелкой византийской пластики. Это накладки из слоновой кости на деревянные шкатулки. Как известно, такие окантовочные пластины накладывались на деревянную основу по краям изделий и также служили для разделения помещенных сюжетов [55, с. 106-108; 56, рис. 212]. Одна из них, с антикизирующимися изображениями, была обнаружена в Сугдее в 1929 г. [57, с. 21-25; 58, с. 27; 56, с. 276, илл. 393; 59, с. 83; 60, с. 409, табл. 169,6[1]] (рис. 1,9). Изделие является трапециевидной накладкой и относится к усеченно-пирамидальной крышке ларца [56, с. 275]. По мнению исследователя, помещенный на ней рельефный сюжет в виде танцующих фигурок шаловливых младенцев (putti) относится к одному из распространенных орнаментальных мотивов рассматриваемых шкатулок [56, с. 275]. Аналогию автор справедливо видел в украшении пластины ларца XII в. из Британского музея [61, taf. XXXVII,58].

Другая накладка происходит из заполнения постройки на участке квартала I Судакской крепости. Изделие украшено рельефными розетками, выполненными в технике барельефа, заключенными в круглые медальоны (рис. 1,*10*). Данный орнаментальный мотив является ведущим в оформлении византийских ларцов, получивших широкое распространение и большую популярность в средневековом мире [59, с. 83]. Исходя из данных орнаментальных мотивов, шкатулки этого типа характеризуются как розеточные [62, с. 47]. Основываясь на усилении графического элемента и отсутствии классических форм, шкатулки с подобной розеточной орнаментацией из Херсонеса считаются продукцией провинциальных мастеров и могут свидетельствовать о местном производстве [62, с. 47]. В. П. Даркевич считал, что в XI-XII вв. в Херсонесе существовала мастерская косторезов, которые, первоначально подражая византийским образцам, затем наладили и собственное производство [56, с. 279-280]. Характерным отличием херсонесских пластин, по мысли исследователя, могут считаться материал изготовления, большее разнообразие форм и сюжетов.

Наиболее близки нашей пластины из слоновой кости на ларцах, сюжеты которых выполнены в т.н. византийском «зверином стиле». Примером этого и является ларец из Херсонеса [55, с. 108, 605]. Эти «звериные» мотивы получили наибольшее распространение на рубеже XI-XII вв. не только в искусстве Византии, но и в странах Западной Европы. Подтверждением данной хронологии

[1] В этом капитальном издании в подписи к таблице 169 № 6 не расшифрован, а это и есть интересующий нас фрагмент пластины. Под № 5 приведен фрагмент розеточной окантовки, обозначенный как происходящий из Судака, но не являющийся им. Откуда происходит данная типологически близкая судакской пластина – не указано.

является совершенно аналогичная орнаментация обкладок из слоновой кости шкатулки, происходящей из собора Св. Марка в Венеции. Изделия четко датируются серединой 90-х гг. XI в. [63, p. 71].

Третья костяная пластина была обнаружена в заполнении ремесленного помещения на участке куртины XIV Судакской крепости [64, с. 546, рис. 17,3], Однако, оно вряд ли синхронно его основному заполнению, датирующемуся более поздним временем. Это небольшое прямоугольное изделие, украшенное по краям геометрическим орнаментом (рис. 1,*8a*). В отличие от предыдущей пластины, данная, вероятно, окаймляла прямоугольную плоскую крышку ларца. Типологически близкий орнамент присутствует на окантовке плоской крышки шкатулки XII в. из Северной Адриатики, хранящейся в Metropoliten Museum of Art в Нью-Йорке [65, p. 504, № 342]. Именно на ней окантовка одной из коротких стенок крышки украшена не трапециевидной, а прямоугольной накладкой (рис. 1,*8b*). В качестве аналогий использования дополнительных окантовочных пластин можно привести и хорошо известную сложносоставную накладку XII в. из кости животного из раскопок 1964 г. В. Н. Даниленко в квартале 1 XV Поперечной улицы Портового района Херсонеса [56, с. 277, рис. 395,б], последний раз качественно опубликованную с реставрацией совсем недавно [8, с. 229, № 355].

Таким образом, весь ассортимент изделий из кости и рога средневековой Сугдеи находит полные аналогии среди косторезной продукции Херсонеса и других византийских городов полуострова. И это не удивительно. С середины X в. материальная культура Восточного, Южного и Западного Крыма приобретает единые провинциально-византийские черты, что касалось и организации косторезного производства и его продукции.

К сожалению, все приводимые в данной работе вещи из средневековой Сугдеи не связаны с какой-либо ремесленной косторезной мастерской. Тем не менее, за исключением несомненного импорта, присутствуют не только вещи домашнего изготовления, но и ремесленные изделия, производившиеся на месте. И. А. Баранов предполагал, что раскопанное на участке т.н. квартала I сооружение, перекрытое помещением генуэзской Лоджии, является косторезной мастерской [66, с. 4-6]. Однако кроме находок изделий из слоновой кости, на полах постройки других аргументов в пользу этого предположения нет. К сожалению, конструктивные особенности сооружения и его функциональную принадлежность определить сложно. Судя по археологическому материалу, обнаруженному на его полах, датируется оно в рамках второй половины X – XII вв. Единственная упомянутая выше ремесленная постройка в Сугдее, в которой, вероятно, работал ремесленник-косторез, обнаружена на участке куртины XIV Судакской крепости [64, с. 524-559], но датируется она не ранее второй половины XIII – первой половины XIV вв. и связана с другим периодом в истории Сугдеи. Открытие же косторезной мастерской средневизантийского времени станет возможным в будущем при расширении археологических исследований средневекового города.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Романчук А.И.* Изделия из кости в средневековом Херсоне // АДСВ. Свердловск, 1981. Вып. 18. Античный и средневековый город.
2. *Шаманаев А.В.* Технология обработки кости и рога в средневековом Херсонесе: по материалам раскопок портового квартала 2 // АДСВ. Свердловск, 1997. Вып. 28.
3. *Андреева О.А.* Костяные изделия из цитадели Херсонеса (раскопки 1992 и 1997 гг.) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
4. *Душенко А.А.* Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
5. *Майко В.В.* Сугдея во второй половине X – начале XI вв. // Сугдейский сборник. К.; Судак, 2004. Вып. I.
6. *Майко В.В.* Средневековые некрополи Судакской Долины. К., 2007.
7. *Колесникова Л.Г.* Связи Херсона-Корсуня с племенами Восточной Европы в домонгольский период // ХСб. Севастополь, 2006. Вып. 15.
8. Наследие Византийского Херсона. Севастополь; Остин, 2011.
9. *Флёрова В.Е.* Резная кость юго-востока Европы IX-XII вв.: искусство и ремесло (по материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). СПб., 2001.
10. *Крыганов А.В.* Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // СА. 1987. № 2.
11. *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. // САИ. М.; Л., 1966. Вып. Е1-36.
12. *Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф.* Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.
13. *Сергєєва М.С.* Вироби з кістки та рогу з Воїнської Греблі // Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Джерела та дослідження. Археологія і давня історія України. Випуск 8. К., 2012.
14. *Йотов В., Атанасов Г.* Скала. Крепост от X-XI век до с. Кладенци, Тервелско. София, 1998.
15. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990.
16. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
17. *Бонев С.* Костени детайли на конска амуниция от средновековна България // Музеи и паметници на култура. 1981. Год. XXI. Кн. 4.
18. *Сергєєва М.С.* Техніка обробки рогу у Воїнській Греблі // Древности. Харьков, 2011. Вып. 10.
19. *Ивакин Г.Ю., Степаненко Л.Я.* Раскопки в северо-западной части Подола в 1980–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. К., 1985.
20. *Сагайдак М.А.* Давньокиївський Поділ. Проблеми топографії, стратиграфії, хронології. К., 1991.
21. Церква Богородиці Десятинна в Києві. К., 1996.
22. *Бадеев Д.Ю.* Изделия из кости и рога с селища Мякинино I // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2008. Вып. 4.
23. *Сергєєва М.С.* Деякі особливості орнаментики давньоруських виробів з кістки в

Лісостеповому Придніпров'ї // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. Чернігів, 1997.
24. *Закирова И.А.* Косторезное дело Болгара // Город Болгар. М., 1988.
25. *Васильев Д.В.* Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001.
26. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. Этапы этнокультурной истории. М., 1992.
27. *Винничек В.А., Киреева К.М.* Косторезное дело на территории Верхнего Посурья и Примокшанья в средние века (по материалам памятников XI-XIV вв.) // Археология восточно-европейской лесостепи. Пенза, 2008. Вып. 2. Т. 2.
28. *Шалобудов В.Н.* Еще раз о находках распрямленных гривен в половецких погребениях // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990.
29. *Круглов Е.В.* О некоторых особенностях погребального обряда огузов // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001.
30. *Руденко К.А.* К вопросу об огузских древностях в Поволжье // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001.
31. *Фехнер М.В.* Изделия косторезного производства // Ярославское Поволжье X-XI вв. М., 1963.
32. *Плетнева С.А.* Древности Черных Клобуков // САИ. М., 1973. Вып. Е1-19.
33. *Spiney V.* The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century. East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450-1450. Vol. 6. Danvers, 2009.
34. *Aricescu A.* Noi date despre cetatea de la Hîrşova // Pontica. 1971. № 4.
35. *Сергєєва М.* Кістяні та дерев'яні вироби з колекції «Десятинна церква» у збірці НМІУ // Церква Богородиці Десятинна в Києві. К., 1996.
36. *Дончева-Петкова Л.* Одърци. Некрополи от XI век. Т. 2. София, 2005.
37. *Антонова В.* Шумен и Шуменската крепост. Шумен, 1995.
38. *Сергеева М.С.* Древнерусские костяные полусферические пуговицы из Киева // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников шестнадцатого коллоквиума (15-20 октября 2007). СПб., 2007.
39. *Шовкопляс А.М.* Некоторые данные о косторезном ремесле в древнем Киеве // КСИА. 1954. Вып. 3.
40. *Сергєєва М.С.* Косторізна справа у давньому Колодяжині // Археологія. 2012. № 3.
41. *Шпилев А.Г.* Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII – конец X вв.) // Stratum plus. Ремесло археолога. 2010. № 5.
42. *Храпунов И.Н.* Булганакское позднескифское городище // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
43. *Сейдалиев Э.И.* Средневековое погребение из Тавельского кургана № 5 у с. Краснолесье // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
44. *Прокофьев Р.В., Трубников В.В.* Позднекочевническое погребение у Ростова-на-Дону // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. М., 2008.
45. *Гудименко И.В., Прокофьев Р.В.* «Мартышкина балка» (материалы средневекового грунтового могильника) // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2011. Вып. 7.
46. *Горелик М.В.* Золотоордынские латники Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2008. Вып. 9.

47. *Бочкарев В.С., Чхаидзе В.Н.* Погребения средневековых кочевников в степном Прикубанье // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2009. Вып. 10.
48. *Парусимов И.Н.* Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона // Средневековые древности Дона. М.; Иерусалим, 2007.
49. *Станчева М.* За някои технологични традиции в обработката на кост през средните векове // Българските земи през средновековието (VII-XVIII в.). Acta Musei Varnaensis. III-2. Варна, 2005.
50. *Borisov B.* Djadovo. Mediaeval Settlement and Necropolis (11-12th century). Vol. I. Tokai, 1989.
51. *Станчева М.* За един вид декорация върху обработената кост // Юбилеен сборник в чест на проф. Д. Овчаров. Велико Търново, 2002.
52. *Davidson G.R.* The minor objects // Corinth. Princeton; New-Jersey, 1952. Vol. XII.
53. *Сергєєва М.С.* Про деякі давньоруські приладдя з кістки та рогу для ігор і розваг (за матеріалами з Середнього Подніпров'я) // Древности. Харьков, 2010. Вып. 9.
54. *Стрельник М.О., Хомчик М.А., Сорокіна С.А.* Гральні кості (II тис. до н.е. – XIV ст. н.е.) з колекції Національного музею історії України // Археологія. 2009. № 2.
55. Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Т. 2. М., 1977.
56. *Даркевич В.П.* Светское искусство Византии. М., 1975.
57. *Тиханова-Клименко М.А.* Резная костяная пластинка из Судака // СГАИМК. Л., 1931. №3, март.
58. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. 1970. № 168.
59. *Банк А.В.* Прикладное искусство Византии IX-XII вв. М., 1978
60. *Даркевич В.П.* Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР. М., 1985.
61. *Goldschmidt A., Weitzmann K.* Die Byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X-XIII. Jahrhunderts. Bd. I. Kästen; Berlin, 1930.
62. *Пуцко В.Г.* Візантійське пластичне мистецтво середньовічного Криму // Археологія. 2011. № 4.
63. *Ross M.C.* Fragments of a Byzantine Ivory Box // The Art Bulletin. Vol. 23. № 1 (Mar. 1941).
64. *Баранов И.А.* Комплекс третьей четверти XIV века в Судакской крепости // Сугдейский сборник. К.; Судак, 2004. Вып. I.
65. The Glory of Byzantium: Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843-1261. Exhibition catalogue. Helen C. Evans and William D. Wixom, eds. New York, 1997.
66. *Баранов И.А.* Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости и на мысу Димитраки в 1982 г. // НА КФ ИА НАНУ. Инв. Кн. 2, инв. № 222, папка № 479.

Майко В. В.

Изделия из кости и рога византийской Сугдеи X-XII вв.

Резюме

В статье впервые рассмотрены изделия из кости, происходящие из раскопок средневековой Сугдеи в Юго-Восточном Крыму. Датируются они в рамках второй половины X – XII вв. и связаны с византийским периодом в истории города. На основании многочисленных аналогий, происходящих с территории Крымского полуострова и за его пределами, выделены предметы вооружения, конского снаряжения, бытовые изделия, украшения, элементы костюма и высокохудожественные вещи константинопольского производства. Сделан вывод о том, что ассортимент костяных изделий Сугдеи и уровень развития косторезного производства полностью соответствуют Херсонесу и другим памятникам византийского Крыма. Связано это с общими тенденциями развития материальной культуры Таврики X-XII вв.

Майко В. В.

Вироби з кістки та рогу візантійської Сугдеї X-XII ст.

Резюме

В статті вперше розглянуто вироби з кістки та рогу, що походять з розкопок середньовічної Сугдеї у Південно-Східному Криму. Датуються вони в рамках другої половини X – XII ст. та пов'язані з візантійським періодом в історії міста. На основі численних аналогій, що походять з території Кримського півострову та за його межами, відокремлено предмети озброєння, кінського спорядження, побутові вироби, прикраси, елементи одягу та високохудожні речі константинопольського виробництва. Зроблено висновок про те, що асортимент кістяних виробів Сугдеї та рівень розвитку кісткорізного виробництва повністю відповідають Херсонесу та іншим містам візантійського Криму. Пов'язано це з загальними тенденціями розвитку матеріальної культури Таврики X-XII ст.

Maiko V. V.

Wares from Bone and Horn Wares from Byzantine Sogdaia in the 10th – 12th centuries

Summary

Wares from bone coming from the excavations of medieval Sogdaia in the South-Eastern Crimea, are considered in this article for the first time. They are dated back within the framework of the second half of the 10th – 12th centuries and related to the Byzantine period in the history of the city. On the basis of numerous analogies originating from territory of the Crimean peninsula and beyond its boundaries; the articles of armament, horse equipment, domestic wares, decorations, elements of costumes and highly artistic things of Constantinople production are marked out. The conclusion is that the line of products of Sogdaia and the level of development of bone production fully correspond to Chersonesos and other monuments of Byzantine Crimea. It is related to the general progress trends of material culture of Taurica in the 10th -12th centuries.

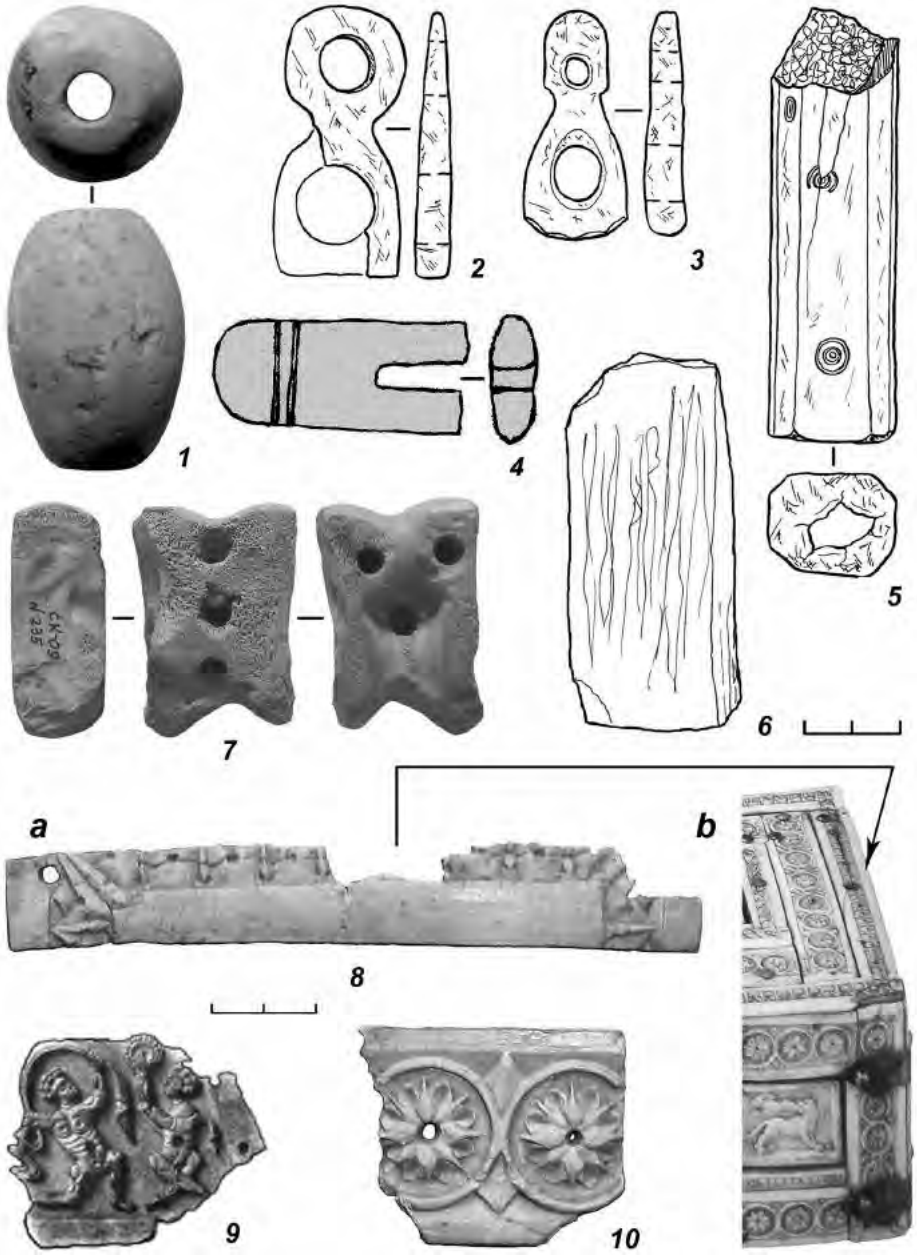


Рис. 1. Предметы вооружения, конского снаряжения, бытовые и художественные изделия из кости византийской Сугдеи.

1 – портовая часть, раскоп III; *2* – портовая часть, раскоп I; *3* – портовая часть, раскоп V; *4* – квартал I; *5* – зольник куртина XV; *6* – портовая часть, раскоп V; *7* – портовая часть, раскоп VI; *8* – куртина XIV; *9* – раскопки 1929 г.; *10* – квартал I.

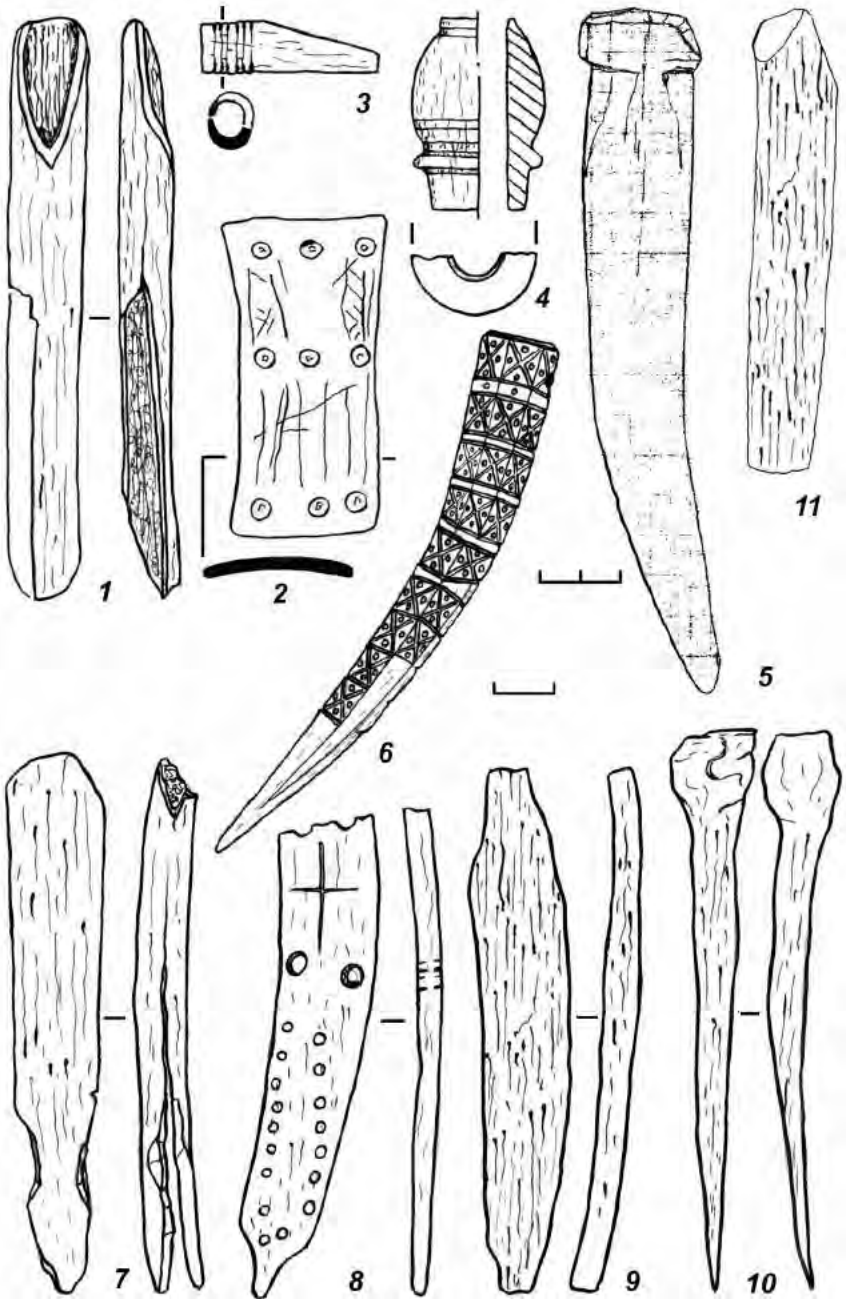


Рис. 2. Бытовые изделия из кости византийской Сугдеи.

1-4, 7-9 – зольник, куртина XV; *5* – портовая часть, раскоп I; *6* – портовая часть, раскоп III; *10, 11* – портовая часть, раскоп V.

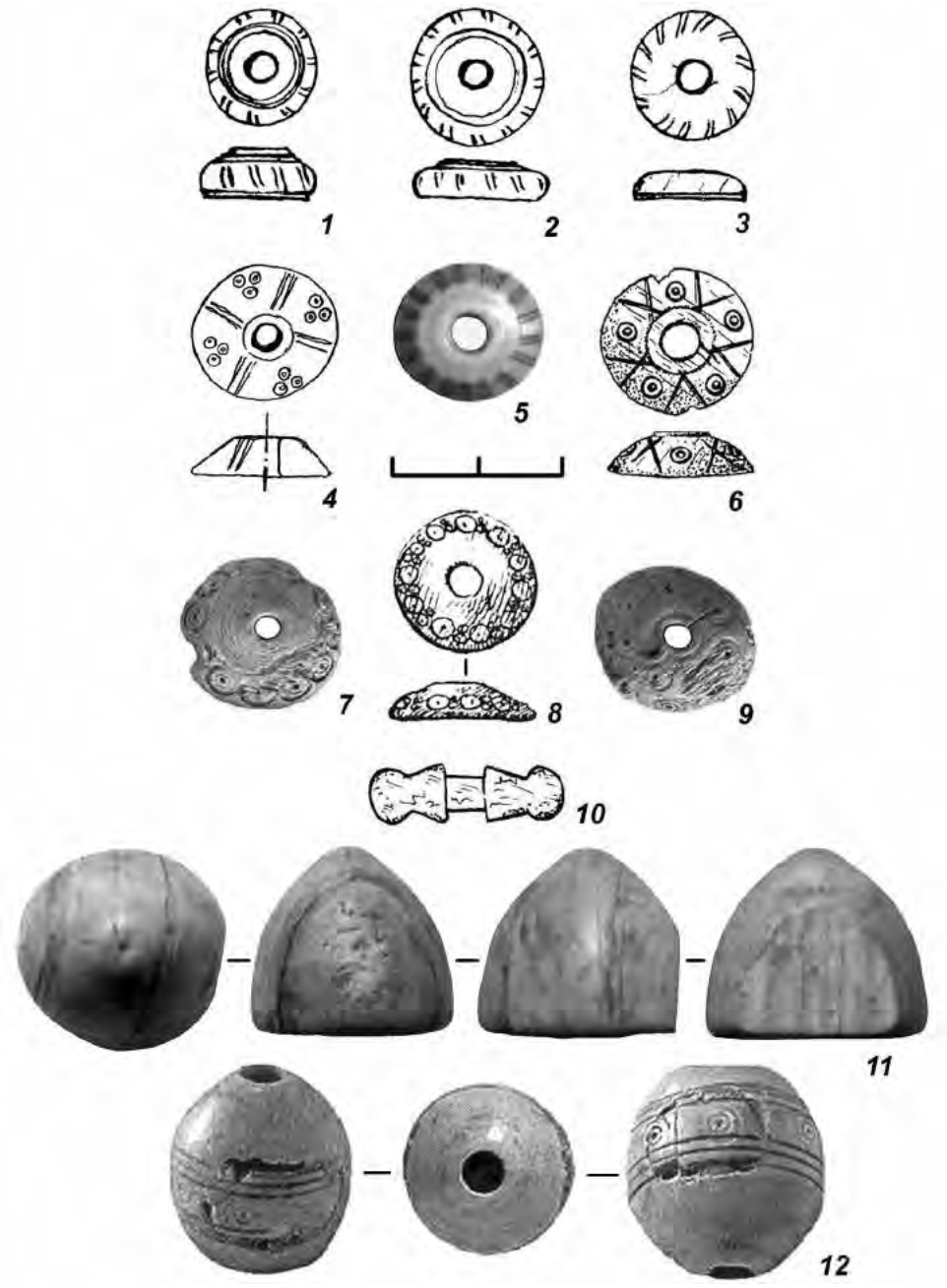


Рис. 3. Элементы костюма и бытовые изделия из кости византийской Сугдеи.

1-3 – некрополь Судак-I, м. 57; *4* – квартал I; 5, *8* – куртина XV, склеп 3; *6* – некрополь Судак-II, м. 275; *7, 9* – некрополь Судак-II, м. 245; *10* – некрополь Судак-II, м. 219; *11* – куртина XIV; *12* – Варна (Болгария).

А. А. ДУШЕНКО

КОСТЯНЫЕ ДИСКОВИДНЫЕ ПУГОВИЦЫ С КОНЦЕНТРИЧЕСКИМ ОРНАМЕНТОМ ИЗ РАСКОПОК МАНГУПА

Говоря о занятиях ремеслом населения Крымского полуострова в античную и средневековую эпохи, исследователи, как правило, ограничиваются изучением металлообработки и производства керамических и стеклянных изделий. Обработка кости и рога упоминается вскользь, либо вообще остается за пределами их внимания. Среди немногочисленных работ, посвященных этой тематике, в первую очередь, следует выделить монографию Б. Г. Петерса, подробно рассматривающую косторезное дело античных государств Северного Причерноморья [1]. Единственной, на сегодняшний день, публикацией изделий из кости и рога из раскопок памятников Боспорского царства является работа И. Т. Кругликовой, посвященная находкам из Пантикапея [2, с. 174-181]. Немногим лучше освещено косторезное дело Херсонеса. Комплекс артефактов из кости и рога из Портового квартала средневекового Херсона опубликован А. И. Романчук [3, с. 84-105]. Отдельным изделиям, происходящим из рыбозасолочных цистерн в Северном районе Херсонеса, посвящена недавняя работа О. А. Андреевой [4, с. 412-421]. Предметы из кости и рога, найденные в ходе археологических исследований квартала LX в 2004-2007 гг., опубликованы Е. Ю. Клениной [5, p. 441-455]. Технологические аспекты производства данной категории археологических материалов рассмотрены в работах В. И. Кадеева [6, с. 236-240] и А. В. Шаманаева [7, с. 49-63; 8, p. 203-208]. Отдельные изделия из кости и рога, входящие в состав археологических комплексов XIV–XV вв. из раскопок Сугдеи и Алустона, приведены в публикациях И. В. Баранова [9, с. 555] и В. Л. Мыца [10, с. 153]. В последние годы в научный оборот постепенно вводится коллекция изделий из кости и рога из раскопок Мангупского городища [11, с. 432-456; 12, с. 128-130; 13, p. 35-37].

Кроме недостаточного количества публикаций, определенные трудности для изучения косторезного дела создает характерное для этой группы археологического материала свойство – неизменность форм некоторых категорий изделий (рукоятей, игральных принадлежностей и т.д.) в течение длительного

хронологического периода, что, очевидно, объясняется тем, что при создании готового изделия ремесленник был ограничен формой и характером сырья. Все это значительно осложняет всевозможные типологические построения и, соответственно, датировку артефактов. Фактически, на данный момент, из всей массы предметов из кости и рога, происходящих из раскопок памятников эпохи средневековья на территории Восточной Европы, наиболее изученной категорией являются костяные гребни, классификации и хронологии которых посвящено значительное количество исследований [14, с. 95-108; 15; 16; 17 и др.].

Среди довольно обширной и разнообразной коллекции изделий из кости и рога, найденных во время многолетних археологических раскопок Мангупского городища, особое внимание привлекает к себе группа артефактов, обладающих высоким уровнем стандартизации своей формы и относительно узким хронологическим периодом бытования. Речь идет о дисковидных пуговицах с отверстием для крепления в центре (рис. 1-3). Предметы этой категории находок, плоские или сегментовидные в сечении, имеют округлую форму. Одна их сторона отшлифована и украшена орнаментом в виде двух врезных концентрических окружностей, другая, как правило, обработана слабо или вообще не имеет следов обработки.

В литературе существуют различные варианты функциональной интерпретации подобного рода изделий. Кроме наиболее общеупотребительного – пуговицы [18, с. 232, рис. 102,8-11; 3, с. 91, рис. 4,66,68; 19, p. 300-302, pl. 123], их обозначают как донья и крышки пиксид [20, с. 419, рис. 1,2] или даже ворворки [21, с. 380]. В данном исследовании мы придерживаемся первого варианта атрибуции изделий, пока, как кажется, наиболее вероятного. Разное качество обработки сторон артефактов предполагает, что одна из них являлась лицевой, а другая была обращена вовнутрь, в сторону ткани, и поэтому была не видна, что допускает определение находок как пуговиц дисковидной формы. Крепление предметов к ткани, видимо, осуществлялось с помощью нитяного узла, продетого сквозь отверстие в центре. Тем не менее, отметим, что вопрос об окончательной атрибуции этой категории археологического материала, очевидно, можно будет считать закрытым лишь после введения в научный оборот комплексов, позволяющих однозначно определить их функциональное назначение, чего пока не наблюдается.

Среди археологических материалов Мангупского городища всего известно 37 предметов из кости (36) и рога оленя (1), отнесенных к категории дисковидных пуговиц с концентрическим орнаментом[1]. Выделяются три варианта предметов, отличающиеся своими морфологическими признаками.

---

[1] Благодарю руководителя Мангупской археологической экспедиции Таврического национального университета им. В.И. Вернадского А. Г. Герцена за любезно предоставленную возможность обработки и публикации археологических материалов.

Пуговицы *варианта I* (№№ 1-26)[2] имеют дисковидную форму (диаметр 37-42 мм), плоские в сечении, в центре расположено отверстие для крепления (диаметр 4-7 мм) (рис. 1-2). Лицевая сторона изделий зашлифована, украшена орнаментом в виде двух врезных концентрических линий. Внутренняя сторона большинства пуговиц варианта I грубо зашлифована, на некоторых предметах сохранились остатки костной губчатой структуры. *Вариант II* (№№ 27-36) отличается от первого варианта размером изделий (диаметр 19-22 мм) и более тщательной обработкой внутренней стороны – у всех предметов полностью удалена губчатая структура, а поверхность зашлифована (рис. 3,*27-36*). К *варианту III* отнесен единственный экземпляр пуговицы (№ 37), изготовленный из рога оленя, сегментовидный в сечении, отполированный. Диаметр изделия 26 мм (рис. 3,*37*).

Большая часть предметов происходит из раскопок участка жилой и хозяйственной застройки внутри цитадели городища, где сохранились, в основном, культурные слои и комплексы XV – начала XVII вв. [22, с. 390]. Работа, подводящая итоги систематических археологических исследований цитадели Мангупа, готовится к печати. На данный момент в научный оборот введены результаты раскопок ее наиболее выразительных комплексов (октагональная церковь, культовый и дозорный комплексы в оконечности мыса Тешкли-бурун и стратиграфический раскоп на его юго-восточном склоне) и изучения некоторых важных для датировки объекта групп находок (глазурованная керамика) [23, с. 257-287; 24, с. 221-253; 25, с. 371-494; 22, с. 383-390; 26, с. 423-266; 27, с. 227-253].

Три изделия (№№ 22, 34, 35), уже введенные в научный оборот [11, с. 438, рис. 1,11-13], найдены в комплексах I и II горизонтов городской застройки вблизи церкви Св. Константина, которые датируются, соответственно, второй половиной XVI – началом XVIII вв. [28, с. 255] и началом – серединой XV в. (около 1400-1460 гг.) [29, с. 403]. Одна пуговица обнаружена во 2-м слое стратиграфического раскопа на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун, сформировавшегося в результате сброса с поверхности плато в конце XVI – начале XVII вв. накопившихся здесь к этому времени культурных напластований [25, с. 392]. Несколько изделий варианта I происходят из раскопок дворца периода княжества Феодоро в центральной части Мангупского плато, который функционировал, в том числе и по данным новейших археологических исследований, в пределах 1425-1475 гг. [26, с. 396-397]. Часть предметов найдена в слоях, имеющих современное происхождение – дерновых или т.н. «слоях отвалов», образовавшихся в результате раскопок предыдущих лет.

Хронологически дисковидные пуговицы распределены в культурных горизонтах Мангупского городища следующим образом:

[2] Здесь и далее приведены номера предметов согласно каталогу (см. Приложение 1).

	Археологические комплексы периода княжества Феодоро (ок. 1400-1475 гг.)	Археологические комплексы турецкого периода (XVI–XVII вв.)	Слои современные по своему происхождению (слои «дерна», «слои отвалов» из раскопок предыдущих лет)
Вариант I	16	5	5
Вариант II	4	3	3
Вариант III	1	-	-

Данная таблица во многом определяет хронологические рамки бытования дисковидных пуговиц с концентрическим орнаментом на археологических памятниках Мангупского городища, однако, она требует некоторых комментариев.

Как видно, за вычетом явно «переотложенных» находок, большая часть представленных материалов (21 из 29, т.е. около 70%) происходит из комплексов цитадели, дворца и церкви Св. Константина, которые датируются временем формирования и существования столицы княжества Феодоро (около 1400-1475 гг.). Это касается всех трех вариантов дисковидных пуговиц. Следующее из этого заключение о том, что именно данным периодом времени, никак не позднее, и следует, очевидно, датировать рассматриваемую группу костяных изделий, подтверждается при более внимательном рассмотрении стратиграфического контекста находок из комплексов т.н. «турецкого» периода в истории городища. Три из них (№№ 1, 2, 27) были извлечены из стен здания № 5 (1993 г.), которое вместе с еще почти десятком других построек составляет ныне известный ярус сооружений XVI–XVII вв. на площади Мангупской цитадели. Две пуговицы (№№ 20, 33) обнаружены в процессе изучения нижнего культурного слоя в пределах раскопа 2005 г. (квадраты Е и З), где в процессе турецкого строительства были полностью сброшены на склоны мыса Тешкли-бурун культурные напластования более раннего времени, в том числе и периода Феодоро[3]. Раскопки этого горизонта строительного «сброса» (слой № 2 1998 и 2003 гг.) показали, что, несмотря на его позднюю дату (конец XVI – начало XVII вв.), основную массу находок (около 60%) составляют артефакты XIV–XV вв. [25, с. 378-392]. К их числу принадлежит, несомненно, и находка дисковидной пуговицы с концентрическим орнаментом (№ 21). Наконец, пуго-

[3] Эти археологические материалы, к сожалению, пока не опубликованы [см.: Отчет о раскопках средневековой крепости Мангуп в 1993 г. Симферополь, 1994, с. 5-6; Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища в 2005 г. Симферополь, 2006, с. 7-9, 18-18, рис. 4].

вицы, обнаруженные при исследовании городского квартала вблизи церкви Св. Константина (№№ 22, 34), входят в состав комплекса археологических находок 2-го слоя на площади раскопа, который, хотя и датируется в целом концом XVI – началом XVIII вв., состоит также и из более раннего «переотложенного» материала [28, с. 244, 254-255]. Итак, общее заключение о хронологии дисковидных пуговиц из раскопок Мангупского городища состоит в том, что эта категория археологического материала может быть уверенно датирована временем княжества Феодоро (вторая половина XIV – третья четверть XV вв.).

Перейдем к поиску аналогий рассматриваемой группе материала. Аналогичные пуговицам варианта I предметы известны среди комплексов третьей четверти XIV в. в Судакской крепости [9, с. 555, рис. 28,15,16], а также среди материалов XV в. из Алустона [10, с. 153, рис. 13,7,10,11], Чембало [30, с. 83-86, 93, рис. 96,168,171,172,176,188,234,235; 31, с. 103, рис. 45] и Фуны [32, рис. 349,21]. Фрагменты аналогичных пуговиц опубликованы среди материалов из Белгорода-Днестровского, однако их археологический контекст в публикации не указан [33, табл. LXVII,I]. Близкое по форме и декору, но имеющее иные размеры изделие опубликовано в каталоге индивидуальных находок из раскопок византийского Коринфа, где датировано временем не позже начала XI в. [19, p. 300, pl. 123,2535]. Точная датировка этого предмета затруднена тем, что он, как и остальные дисковидные пуговицы из Коринфа, найден в археологически открытых комплексах [19, p. 297] и, соответственно, не может служить хронологическим индикатором для этой группы артефактов.

Единственная полная аналогия изделиям варианта II найдена при раскопках Чембало [31, с. 108, рис. 45]. Судя по распределению находок этого варианта в слоях Мангупского городища, пуговицы варианта II следует датировать первой – третьей четвертью XV в.

Пуговица, аналогичная предмету варианта III, происходит из слоя XIII–XIV вв. Херсонеса [3, с. 91, рис. 4,67]. Близкие по форме, но иначе орнаментированные изделия известны в различных регионах Евразии и бытуют в течение всего позднесредневекового периода [18, с. 232, рис. 102,8-11; 3, с. 91, рис. 4,66,68; 34, с. 70-71; 19, p. 300-302, pl. 123]. Очевидно, пуговицу варианта III следует датировать исходя из контекста ее находки, т.е. третьей четвертью XV в.

Реконструкция процесса изготовления пуговиц вариантов I и II предложена нами в предварительном сообщении [12, с. 129-130]. Производственный процесс состоял из следующих этапов:

1. **Выбор сырья.** Первоочередным критерием для ремесленника при выборе сырья для производства являлся, очевидно, размер кости или отростка рога, достаточный для создания того или иного варианта изделий. Для изготовления пуговиц варианта I в качестве сырья, видимо, использовались лопатки, тазовые кости и нижние челюсти крупных животных, таких как бык, лошадь, олень. Для создания пуговиц варианта II, помимо перечисленных выше частей скелета,

могли также использоваться широкие части ребер. Материалом для изделия варианта III послужил фрагмент рога оленя.

2. **Создание заготовки.** Данная стадия производственного процесса включала разметку сырья и нанесение концентрических окружностей, отмечающих контур будущего изделия и декорирующих его внешнюю поверхность. Для этой цели мог использоваться инструмент с центральным упором и одним или двумя боковыми резцами, по принципу действия напоминающий циркуль.

3. **Придание заготовке формы готового изделия.** Для выпиливания окружностей из пластин-заготовок могли использоваться инструменты, напоминающие современные пилы-коронки или пилы для трепанации (рис. 3,II). Находки подобных инструментов среди материалов Мангупского городища на данный момент неизвестны. Возможность использования пил-коронок римскими косторезами отмечает А. Мак-Грегор [35, p. 60, fig. 37]. Следует отметить, что подобные инструменты могли использоваться также на предыдущем этапе производства для нанесения концентрических окружностей. Правильность формы изделия варианта III, видимо, предполагает его производство на токарном станке.

4. **Создание готового изделия.** Последний этап изготовления дисковидных пуговиц включал просверливание отверстия для крепления, шлифовку и полировку изделия. Для первой операции использовались сверла с диаметром рабочей части 4-6 мм, о чем свидетельствуют размеры отверстий на готовых изделиях. Для шлифовки в качестве абразива мог использоваться песок.

Свидетельством производства дисковидных пуговиц с концентрическим орнаментом ремесленниками столицы Феодоро является находка в цитадели Мангупского городища в слое второй – третьей четверти XV в. костяной пластины с нанесенными концентрическими кругами, которая, видимо, представляет собой заготовку для изготовления изделий варианта II (№ 38). Находки производственных отходов, связанных с изготовлением пуговиц варианта I, известны в Тире [20, с. 419, рис. 1,1].

Подводя итоги, следует отметить, что вопрос определения функционального назначения предметов, которым посвящена настоящая работа, остается открытым. На данный момент интерпретация их как пуговиц представляется наиболее аргументированной. Все предметы происходят из раскопок участков Мангупского городища, где представлены строительные остатки и культурные горизонты XIV–XV вв. Анализ археологического контекста находок, а также набор аналогий позволяют достаточно уверенно определить время бытования пуговиц вариантов I и II в пределах второй половины XIV – XV вв., что дает возможность использования этой группы археологического материала как хронологических индикаторов для этого периода средневековой эпохи.

Значительное количество находок костяных дисковидных пуговиц с концентрическим орнаментом вариантов I и II, а также пластины заготовки позволяет предположить, что одним из центров производства этой группы изделий был

Мангуп. Однако на настоящем этапе исследования памятника постройки или хозяйственные комплексы, которые можно было бы уверенно связать с косторезным делом, на территории городища неизвестны. Датировка дисковидных пуговиц с концентрическим орнаментом в хронологических рамках существования Феодоро, а также ареал аналогий, ограниченный памятниками, входившими в состав княжества или связанными с ним культурными и экономическими контактами, возможно, свидетельствуют о существовании некой единой моды на этот тип пуговиц в данный период в этой части Причерноморского региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Петерс Б.Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
2. *Кругликова И.Т.* Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикапея в 1945-49 гг. // МИА. М., 1957. №56.
3. *Романчук А.И.* Изделия из кости в средневековом Херсонесе // АДСВ. Античный и средневековый город. Свердловск, 1981.
4. *Андреева О.А.* Костяные изделия из цистерн Херсонеса (раскопки 1992 и 1997 гг.) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
5. *Klenina E.* Byzantine Bone Wares from Chersonesos in Taurica: Interpretation and Chronology // B. Böhlendorf-Arslan, A. Ricci (eds.). Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts. BYZAS 15. Istanbul, 2012.
6. *Кадєєв В.І.* Косторізне виробництво у пізньоантичному Херсонесі I-IV ст. н.е. // Археологія. Київ, 1969. Т.22.
7. *Шаманаев А.В.* Технология обработки кости и рога в средневековом Херсоне: по материалам раскопок Портового квартала 2 // АДСВ. Екатеринбург, 1997.
8. *Shamanaev A.* Use-wear Analysis of Bone and Antler Artefacts of Medieval Cherson // АДСВ. Екатеринбург, 1999. Вып.30.
9. *Баранов И.А.* Комплекс третьей четверти XIV в. Судакской крепости // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.
10. *Мыц В.Л.* Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50-70-е гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион. Киев, 2002.
11. *Душенко А.А.* Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып.XV.
12. *Душенко А.А.* Технология изготовления костяных дисковидных пуговиц с концентрическим орнаментом (по материалам Мангупского городища) // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010.
13. *Dushenko A.* The Finds of Composite Single-Sided Combs of Scandinavian Look in the Territory of Mangup // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Kristiansand; Simferopol, 2011.
14. *Давидан О.И.* Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Ленинград, 1962. Вып. 4.
15. *Chmielowska A.* Grzebitnit Starozytne i Sredniowieczne z Ziem Polskich // Acta Archaeologica Lodziensia. Lodz, 1971. 20.

16. *Ambrosiani K.* Viking Age Combs, Comb Making and Comb Makers in the Light of Finds from Birka and Ribe // Stockholm studies in Archaeology. Stockholm, 1981. Vol.2.
17. *Smirnova L.* Comb-Making in Medieval Novgorod (950-1450). An Industry in Transition // BAR International Series 1369. Oxford, 2005.
18. *Закирова И.А.* Косторезное дело Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
19. *Davidson G.* The Minor Objects // Corinth. Princeton, New Jersey, 1952. Vol. XII.
20. *Сон Н.А.* Костяные изделия из Тиры // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010.
21. *Сейдалиев Э.И.* Средневековое погребение из Тавельского кургана № 5 у с. Краснолесье // МАИЭТ. 2009. Вып.XV.
22. Г*ерцен А.Г., Науменко В.Е.* К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун) // АДСВ. Екатеринбург, 2006. Вып.37.
23. *Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
24. *Герцен А.Г., Карлов С.В.* Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // Готы и Рим. Киев, 2006.
25. *Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В.* Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (к вопросу о периодизации Мангупской цитадели) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 2.
26. *Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
27. *Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. T.LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX-XIII вв. СПб., 2010.
28. *Герцен А.Г., Иванова О.С., Науменко В.Е., Смокотина А.В.* Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI–XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
29. *Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997-1999 гг.: планировка, стратиграфия, хронология // АДСВ. 2009. Вып. 39.
30. *Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 г. СПб.; Симферополь, 2004.
31. *Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.Б.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. СПб.; Симферополь, 2012.
32. *Мыц В.Л.* Кафа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.
33. *Самойлова Т.Л., Кожокару В., Богуславский Г.С.* Античная Тира – средневековый Белгород (отчет о раскопках за 1996-1999 гг.) // Tyras Cetatea Alba / Belgorod-Dnistros'kyi. Bucuresti, 2002.
34. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М., 1966.
35. *MacGregor A.* Bone, Antler, Ivory and Horn. The Technology of Skeletal Materials since the Roman Period. London, 1985.

Приложение 1

Каталог костяных дисковидных пуговиц с концентрическим орнаментом из раскопок Мангупского городища

I. Вариант I.

1. Пуговица.

Археологический контекст: Мангуп-1993. Цитадель. Раскоп IX. Квадрат М. 1-й слой. Материал из стен здания 5. К.о. 44.

Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.

Диаметр пуговицы 39 мм. Диаметр отверстия 5 мм.

Датировка контекста: XVI – начало XVII вв.

2. Пуговица.

Археологический контекст: Мангуп-1993. Цитадель. Раскоп IX. Квадрат М. 1-й слой. Строительные остатки. К.о. 16.

Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.

Диаметр пуговицы 38 мм. Диаметр отверстия 5 мм.

Датировка контекста: XVI – начало XVII вв.

3. Пуговица.

Археологический контекст: Мангуп-1993. Цитадель. Раскоп IX. Квадрат Р. Проулок. 2-й слой. К.о. 312.

Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.

Диаметр пуговицы 38 мм. Диаметр отверстия 5 мм.

Датировка контекста: третья четверть XV в. (около 1475 г.).

4. Пуговица.

Археологический контекст: Мангуп-1998. Цитадель. Раскоп XI. Квадрат И. 4-й слой. К.о. 88.

Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.

Диаметр пуговицы 41 мм. Диаметр отверстия 5 мм.

Датировка контекста: третья четверть XV в. (около 1475 г.).

5. Пуговица.

Археологический контекст: Мангуп-1999. Цитадель. Раскоп XI. Квадрат А. Здание 14. Помещение 2. 4-й слой. К.о. 120.

Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.

Диаметр пуговицы 39 мм. Диаметр отверстия 4 мм.

Датировка контекста: третья четверть XV в. (около 1475 г.).

6. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2001. Цитадель. Раскоп XII. Бровка между квадратами А и Г. Здание 14. Помещение 3. 4-й слой. К.о. 44.
Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 40 мм. Диаметр отверстия 5 мм.
Датировка контекста: третья четверть XV в. (около 1475 г.).

7. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2001. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат З. Дерн. К.о. 150.
Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской в сечении. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 39 мм.
Датировка контекста: современный по происхождению горизонт.

8. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2001. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат Ж. 3-й слой снаружи здания 16, вдоль кладки 156. К.о. 351а.
Пуговица дисковидной формы, плоской в сечении. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 40 мм. Диаметр отверстия 5 мм.
Датировка контекста: вторая – третья четверть XV в. (около 1427-1475 гг.).

9. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2001. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат Ж. 3-й слой снаружи здания 16, вдоль кладки 156. К.о. 351б.
Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Датировка контекста: вторая – третья четверть XV в. (около 1427-1475 гг.).

10. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2002. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат Н. Дерн. К.о. 51.
Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 39 мм. Диаметр отверстия 6 мм.
Датировка контекста: современный по происхождению горизонт.

11. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2002. Цитадель. Раскоп XII. Бровка между квадратами Л и М. 2-й слой. К.о. 87.
Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.

Диаметр пуговицы 39 мм. Диаметр отверстия 6 мм.
Датировка контекста: вторая – третья четверть XV в. (около 1427-1475 гг.).

12. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2002. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат О. 2-й слой. Северо-западная часть. К.о. 271.
Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 39 мм.
Датировка контекста: третья четверть XV в. (около 1475 г.).

13. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2003. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат С. 2-й слой. К.о. 60.
Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской в сечении. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 39 мм. Диаметр отверстия 4 мм.
Датировка контекста: третья четверть XV в. (около 1475 г.).

14. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2003. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат С. 2-й слой. К.о. 61.
Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской в сечении. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Датировка контекста: третья четверть XV в. (около 1475 г.).

15. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2003. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат Р. 2-й слой. К.о. 112.
Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 40 мм. Диаметр отверстия 6 мм.
Датировка контекста: третья четверть XV в. (около 1475 г.).

16. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2003. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат Т. 2-й слой. К.о. 138.
Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Датировка контекста: третья четверть XV в. (около 1475 г.).

17. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2004. Цитадель. Раскоп XIII. Квадрат Г. Хозяйственная яма №1. Заполнение. П.о. 4227.

Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями и короткими насечками по краю. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 38 мм.
Датировка контекста: вторая – третья четверть XV в. (около 1427-1475 гг.).

18. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2004. Цитадель. Раскоп XIII. Квадрат В. Здание 22. 6-й слой («пол» под известковым отесом). П.о. 4480.
Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Датировка контекста: первая четверть XV в. (около 1427 г.).

19. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2004. Цитадель. Раскоп XIII. Квадрат Г. 3-й слой. П.о. 4765.
Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 39 мм.
Датировка контекста: вторая – третья четверть XV в. (около 1427-1475 гг.).

20. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2005. Цитадель. Раскоп XIII. Квадрат З. 2-й слой. П.о. 1602.
Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 42 мм. Диаметр отверстия 6 мм.
Датировка контекста: середина XVII – начало XVIII вв.

21. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2003. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун. Квадрат Б. 2-й слой. К.о. 372.
Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 37 мм. Диаметр отверстия 7 мм.
Датировка контекста: конец XVI – начало XVII вв.

22. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2003. Церковь Св. Константина. Квадрат И. 2-й слой. К.о. 539.
Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 39 мм. Диаметр отверстия 6 мм.
Датировка контекста: вторая половина XVI – начало XVIII вв.

23. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2006. Дворец. Центральный участок. Помещение В. Слой отвалов в центральной части. К.о. 583.
Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 40 мм. Диаметр отверстия 4.5 мм.
Датировка контекста: современный по происхождению горизонт.

24. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2008. Дворец. Южный участок. Квадрат 13. Дерн. К.о. 419.
Пуговица дисковидной формы, плоская в сечении. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 40 мм. Диаметр отверстия 4 мм.
Датировка контекста: современный по происхождению горизонт.

25. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2009. Дворец. Центральный участок. Квадрат 10-14. 5-й слой. К.о. 736.
Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 39 мм. Диаметр отверстия 4 мм.
Датировка контекста: 1462–1475 гг.

26. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2009. Дворец. Южный участок Квадрат 2. Дерн. К.о. 293.
Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 37 мм. Диаметр отверстия 5 мм.
Датировка контекста: современный по происхождению горизонт.

II. Вариант II.

27. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-1993. Цитадель. Раскоп IX. Квадрат М. 1-й слой. Строительные остатки. К.о. 17.
Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 20 мм. Диаметр отверстия 3 мм.
Датировка контекста: XVI – начало XVII вв.

28. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-1993. Цитадель. Раскоп IX. Квадрат М. 2-й слой. К.о. 73.
Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.

Диаметр пуговицы 21 мм. Диаметр отверстия 4 мм.
Датировка контекста: третья четверть XV в. (около 1475 г.).

29. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-1993. Цитадель. Раскоп IX. Квадрат Р. Проулок. 2-й слой. К.о. 311.
Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 20 мм.
Датировка контекста: третья четверть XV в. (около 1475 г.).

30. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-1994. Цитадель. Бровка между раскопами IX и X. Дерн. К.о. 256.
Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 19 мм. Диаметр отверстия 4 мм.
Датировка контекста: современный по происхождению горизонт.

31. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2001. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат Ж. Дерн. К.о. 119.
Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 20 мм. Диаметр отверстия 4 мм.
Датировка контекста: современный по происхождению горизонт.

32. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2002. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат О. 2-й слой. К.о. 270.
Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 20 мм. Диаметр отверстия 4 мм.
Датировка контекста: третья четверть XV в. (около 1475 г.).

33. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2005. Цитадель. Раскоп XIII. Квадрат Е. 2-й слой. П.о. 1424.
Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 22 мм. Диаметр отверстия 5 мм.
Датировка контекста: середина XVII – начало XVIII вв.

34. Пуговица.
Археологический контекст: Мангуп-2003. Церковь Св. Константина. Квадрат И. Каменный завал. К.о. 697.
Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.
Диаметр пуговицы 21 мм. Диаметр отверстия 5 мм.

Датировка контекста: конец XVI – начало XVIII вв.

35. Пуговица.

Археологический контекст: Мангуп-2004. Церковь Св. Константина. Квадрат Л. Зачистка 4-го слоя снаружи здания 4. К.о. 145.

Пуговица дисковидной формы, плоская. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.

Диаметр пуговицы 20 мм. Диаметр отверстия 5 мм.

Датировка контекста: первая – вторая треть XV в. (около 1400-1460 гг.).

36. Пуговица.

Археологический контекст: Мангуп-1998. Стратиграфический раскоп на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун. Дерн. К.о. 442.

Фрагмент пуговицы дисковидной формы, плоской. Внешняя поверхность зашлифована, украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления.

Диаметр 22 мм. Диаметр отверстия 4 мм.

Датировка контекста: современный по происхождению горизонт.

III. Вариант III.

37. Пуговица.

Археологический контекст: Мангуп-1993. Цитадель. Раскоп IX. Проулок. 2-й слой. К.о. 310.

Пуговица дисковидной формы, сегментовидная в сечении. Изделие отполировано. Внешняя поверхность украшена двумя врезными концентрическими линиями. В центре имеется отверстие для крепления. Материал: рог.

Диаметр пуговицы 26 мм. Диаметр отверстия 5 мм.

Датировка контекста: третья четверть XV в. (около 1475 г.).

IV. Заготовка.

38. Заготовка.

Археологический контекст: Мангуп-2003. Цитадель. Раскоп XII. Квадрат С. Заполнение лакуны снаружи здания 21. 2-й слой. К.о. 208.

Пластина из кости подпрямоугольной формы с прочерченными концентрическими кругами. Поверхность зашлифована.

Толщина 3 мм. Диаметр окружностей 19, 14 и 9 мм.

Датировка контекста: вторая – третья четверть XV в. (около 1427-1475 гг.).

Душенко А. А.

Костяные дисковидные пуговицы с концентрическим орнаментом из раскопок Мангупа

Резюме

Статья продолжает серию публикаций, посвященную введению в научный оборот коллекции предметов из кости и рога Мангупского городища. Недостаточное количество специальных исследований, а также неизменность форм некоторых категорий

изделий в течение долгого хронологического периода затрудняют типологические построения и датировку предметов этой группы археологического материала. Настоящая работа посвящена группе артефактов из кости и рога, обладающей высоким уровнем стандартизации формы – дисковидным пуговицам с концентрическим орнаментом. Вопрос определения функционального назначения этих артефактов является дискуссионным, однако определение их как пуговиц представляется наиболее аргументированным.

Среди материалов Мангупского городища насчитывается 37 предметов из кости (36) и рога оленя (1), отнесенных к категории дисковидных пуговиц с концентрическим орнаментом. Выделяются три варианта изделий, отличающиеся морфологическими признаками. Пуговицы варианта I имеют дисковидную форму (диаметр 37-42 мм), плоские в сечении, снабжены отверстием для крепления в центре. Пуговицы варианта II отличаются размерами, их диаметр – 19-22 мм. К варианту III относится единственный предмет, изготовленный из рога оленя. Анализ археологических контекстов и набор аналогий позволяют датировать пуговицы варианта I второй половиной XIV – третьей четвертью XV вв., изделия варианта II – первой – третьей четвертью XV в. Пуговица варианта III датируется, исходя из контекста, третьей четвертью XV в.

Процесс производства дисковидных пуговиц включал несколько этапов: выбор сырья, создание заготовки, придание заготовке формы готового изделия, создание готового изделия. Для изготовления этой группы изделий могли использоваться инструменты, напоминающие современные пилы-коронки, а также токарный станок.

Свидетельством производства дисковидных пуговиц ремесленниками Мангупа является находка в слое второй – третьей четверти XV в. костяной пластины с нанесенными концентрическими кругами, которая представляет собой заготовку для изделий варианта II.

Датировка дисковидных пуговиц с концентрическим орнаментом в хронологических рамках существования Феодоро (вторая половина XIV – третья четверть XV вв.), а также ареал аналогий, ограниченный памятниками, входившими в состав княжества или связанными с ним культурными и экономическими контактами, возможно, свидетельствуют о существовании некой единой моды на этот тип пуговиц в данный период в этой части Причерноморского региона.

Душенко А. А.

Кістяні дисковидні ґудзики з концентричним орнаментом з розкопок Мангупа

Резюме

Стаття продовжує серію публікацій, присвячену введенню в науковий обіг колекції предметів з кістки і рогу Мангупського городища. Недостатня кількість спеціальних досліджень, а також незмінність форм деяких категорій виробів протягом довгого хронологічного періоду ускладнюють типологічні побудови і датування предметів цієї групи археологічного матеріалу. Дана робота присвячена групі артефактів з кістки і рогу, що мають високий рівень стандартизації форми – дисковидним ґудзикам з концентричним орнаментом. Питання визначення функціонального призначення цих артефактів є дискусійним, однак визначення їх як ґудзиків представляється найбільш аргументованим.

Серед матеріалів Мангупського городища налічується 37 предметів з кістки (36) і рогу оленя (1), віднесених до категорії дисковидних ґудзиків з концентричним орнаментом.

Виділяються три варіанти виробів, що відрізняються морфологічними ознаками. Ґудзики варіанта I мають дисковидну форму (діаметр 37-42 мм), плоскі в перетині, мають отвір для кріплення в центрі. Ґудзики варіанта II відрізняються розмірами, їх діаметр – 19-22 мм. До варіанту III відноситься єдиний предмет, виготовлений з рогу оленя. Аналіз археологічних контекстів і набір аналогій дозволяють датувати ґудзики варіанта I другою половиною XIV – третьою чвертю XV ст., вироби варіанта II – першою – третьою чвертю XV ст. Ґудзик варіанта III датується, виходячи з контексту, третьою чвертю XV в.

Процес виробництва дисковидних ґудзиків включав кілька етапів: вибір сировини, створення заготовки, надання заготівці форми готового виробу, створення готового виробу. Для виготовлення цієї групи виробів могли використовуватися інструменти, що нагадують сучасні пилки-коронки, а також токарний верстат.

Свідченням виробництва дисковидних ґудзиків ремісниками Мангупа є знахідка в шарі другої – третьої чверті XV в. кістяної пластини з нанесеними концентричними колами, яка являє собою заготовку для виробів варіанта II.

Датування дисковидних ґудзиків з концентричним орнаментом у хронологічних рамках існування Феодоро (друга половина XIV – третя чверть XV ст.), а також ареал аналогій, обмежений пам'ятками, що входили до складу князівства або пов'язаними з ним культурними та економічними контактами, можливо, свідчать про існування якоїсь єдиної моди на цей тип ґудзиків в даний період в цій частині Причорноморського регіону.

Dushenko A. A.

Discoid Bone Buttons from the Excavation of Mangup

Resume

The article continues the series of publications, aimed to introduce into scientific the collection of bone and antler wares from Mangup. The lack of special studies, as well as invariability of forms of some categories of wares during long chronological period, complicate any typological constructions and dating of this group of archeological material. The present paper deals with a group of artifacts of bone and horn, which has a high level of standardization of the form-discoid buttons with a concentric pattern. The question of determining the functional purpose of these artifacts is debatable, but the definition of them as buttons seems to be the most justified.

There are 37 pieces of bone (36) and antler (1) classified as discoid buttons with a concentric pattern among the materials of Mangup settlement. There are three variants of items, which differ in morphological features. Buttons of variant I are of discoid shape (diameter 37-42 mm), flat in cross section, have holes for the attachment in the center. Buttons of variant II differ in size, their diameter-19-22 mm. The only item made of antler refers to variant III. Analysis of the archaeological context and set of analogies allows dating the buttons of variant I by the second half of the 14th – the third quarter of the 15th century, items of variant II date back to the first-third quarters of the 15th century. The button of variant III is dated by the third quarter of the 15th century according to its context.

The manufacturing process of discoid buttons included several phases: selection of raw materials, the creation of the work piece, making the blank form of the finished product, the creation of the finished product. The tools, similar to modern crown-saws, and lathe were probably used for producing this group of wares.

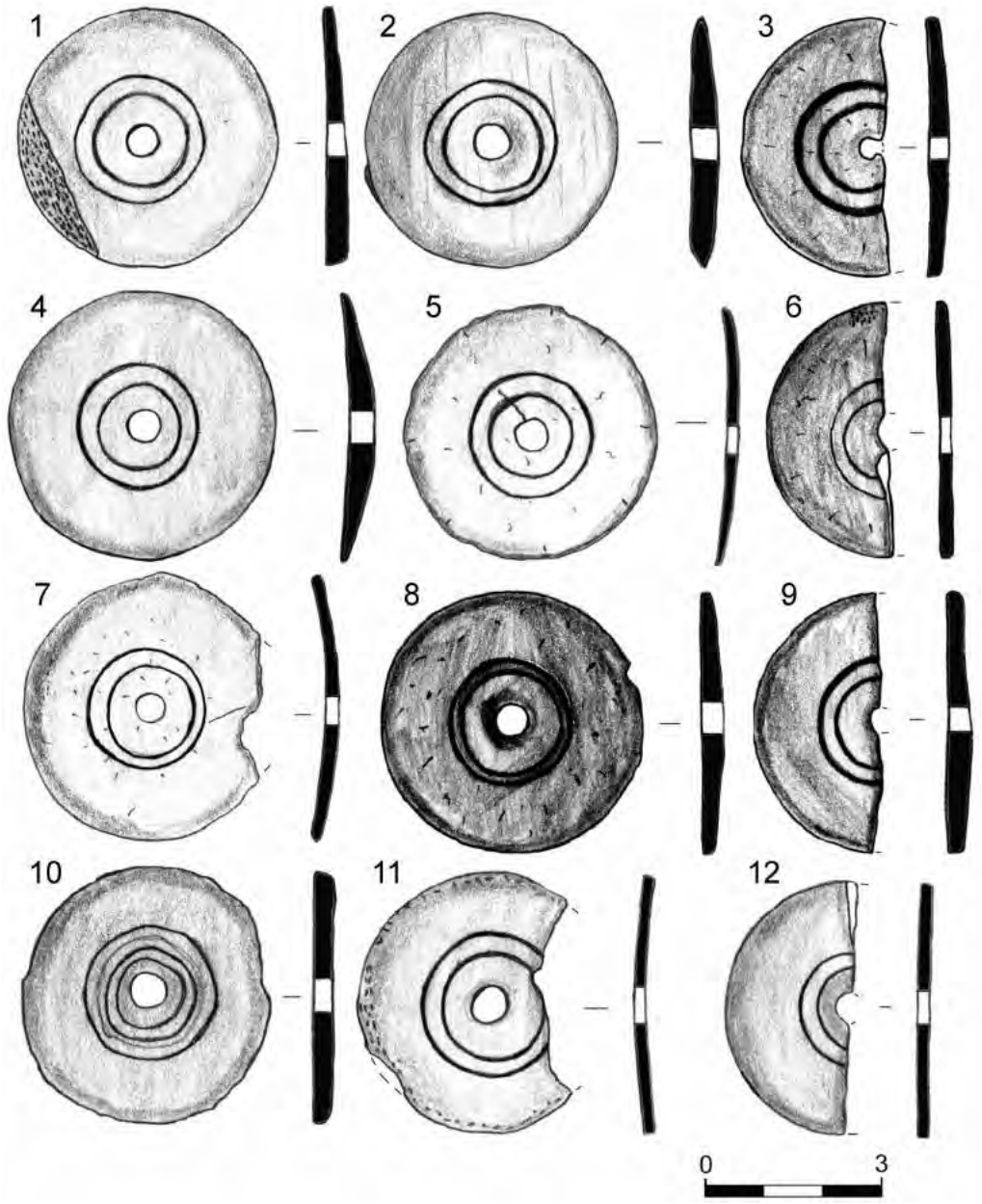


Рис. 1. Пуговицы варианта I.

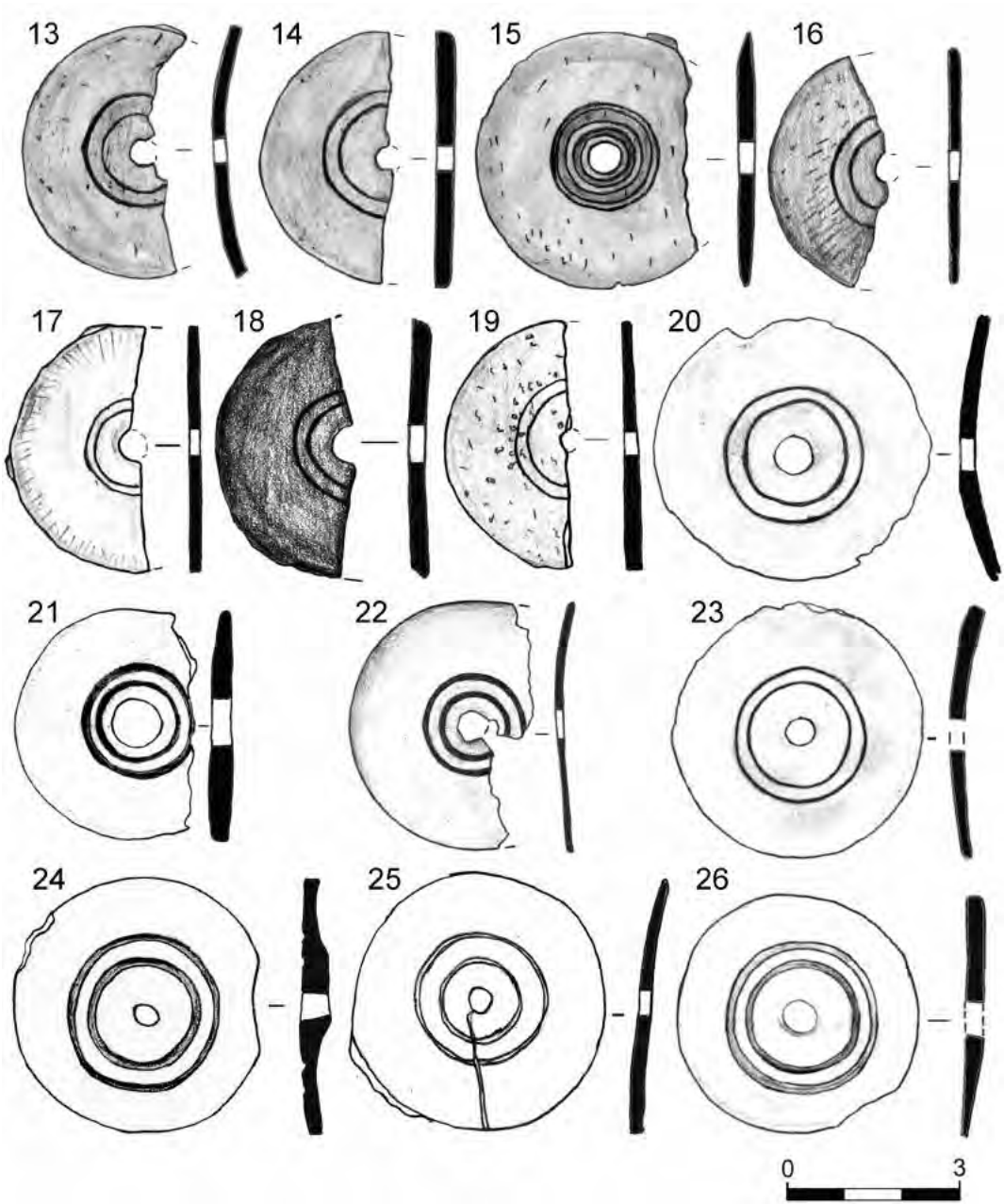


Рис. 2. Пуговицы варианта I.

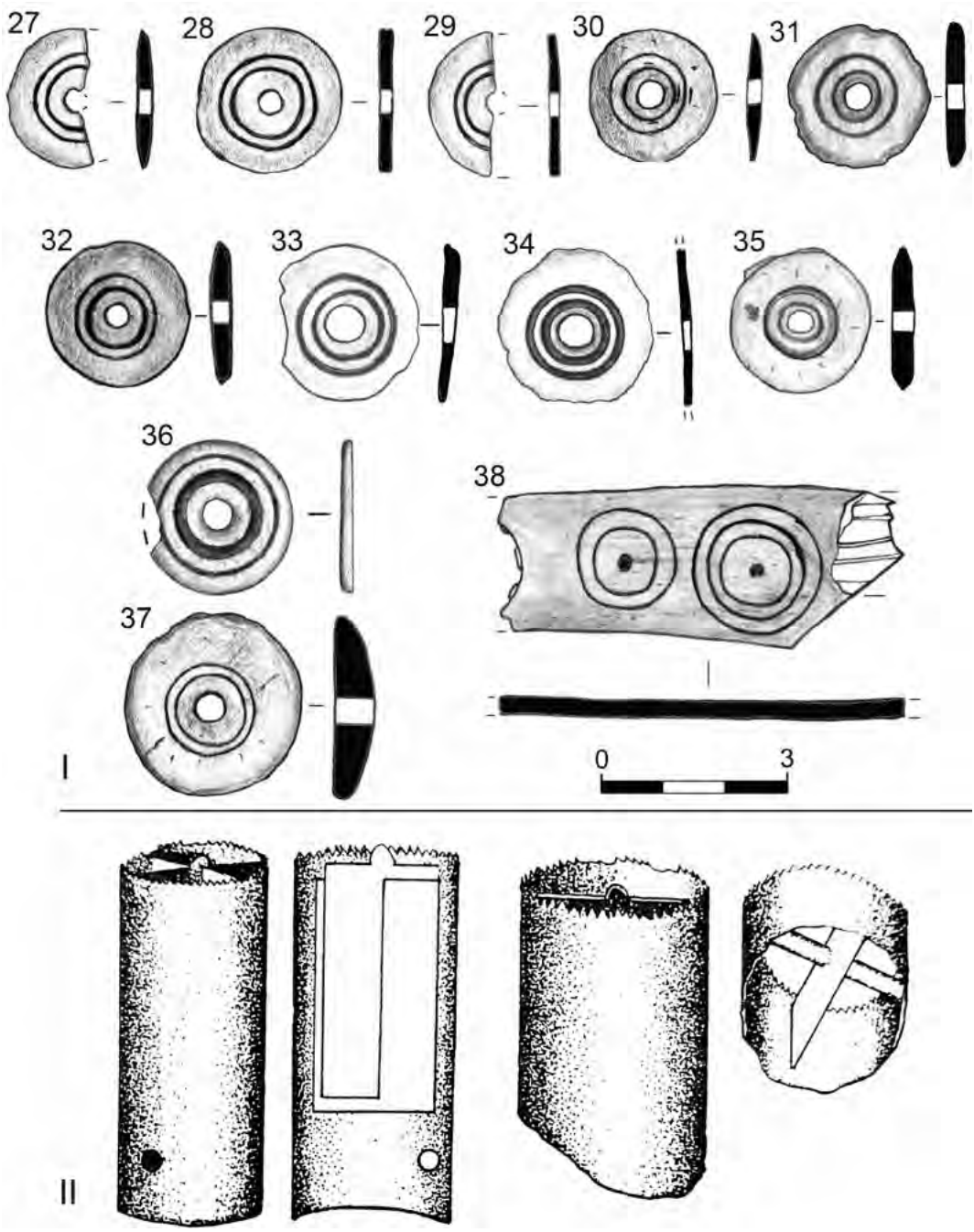


Рис. 3. I – Пуговицы вариантов II (*27-36*) и III (*37*) и пластина-заготовка (*38*).
II – Римские пилы-коронки из Бингена [по: 35, fig. 37].

НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА

В.А.СИДОРЕНКО

ТЕТРАССАРИИ ХЕРСОНЕСА ВРЕМЕНИ «СВЯЩЕННОГО МИРА»

Херсонесский золотой статер с датой ΔΡ (104) был известен еще в конце XVIIIв. Д.Сестини [1, p. 89], который, как затем и И.Экель [2, II, part I, p. 1], не определял цифрового значения помещенных на нем букв. Н.Мурзакевич при публикации татрассария с надписью ETOY[Σ]PK – «года 120» отмечал: «Если заключение мое о буквах PK справедливо, то, кажется, это первая из херсонесских монет, на которой означен год, но какой эры, неизвестно» [3, с. 315]. Подобные монеты с той же датой публиковали П.О.Бурачков [4, с. 120, № 104, табл. XVI, 107], Х.Х.Гиль [5, табл. XIX, 37] и А.В.Орешников [6, с. 26, табл. II, 20]. Последний не сомневался в принадлежности ее эре Херсонеса. Существование ее было установлено А.Бёком при переиздании надписи времени императора Зенона с двойным обозначением дат посредством индикта и 512 года херсонесской эры [7, p. 89-90] и подкреплялось наличием датированных херсонесских монет [8; 9; 10; 11, S. 143; 4, табл. XVI, 99-100; 6, с. 25-26, табл. II, 18-19]. Но А.Бёк неточно воспроизводил цифру единиц индикта, принимая IA (11) за IΔ(14), а четырнадцатый индикт выпадал на две даты. Согласно его расчетам, при произвольном выборе одной из дат в правлении Зенона, на которую приходился 14 индикт, эра Херсонеса должна была начинаться в 36 г. до н.э. А.В.Орешников исходил из этих ошибочных представлений о начале эры, определенном двумя годами позднее А.Л.Бертье-Делагардом, в работе которого приводился список известных к тому времени датированных монет Херсонеса [12, с. 66, пр. 1].

А.В.Орешников внес уточнения в чтение легенды лицевых сторон тетрассариев EIPHNHC CEBACTHC, направив понимание ее значения по пути аналогии с латинским лозунгом PASIS AVGVSTI, встречающимся на римских монетах и особенно распространенным, начиная с Веспасиана [6, с. 26]. Невнимательное отношение А.В.Орешникова к родовым окончаниям греческого языка повторилось в его интерпретации эпитета Девы – Херсонасы, ошибочность придания которому (невзирая на окончание женского рода) перевода как имени некого мужского божества [13, с. 7] отмечалась Е.Миннзом [14, p. 544]. Приняв

замечание Е.Миннза, А.В.Орешников пытался найти иные доводы в подтверждение существования в Херсонесе культа самостоятельного божества Херсонасы, атрибутом которой считал изображение лиры [15, С. 145; 16, С. 159-164.]. В профильном изображении головы в повязке, располагающимся между ветвью и лирой на лицевой стороне тетрассариев, А.В.Орешников усматривал не бюст Аполлона, как считал ранее [6, с. 25-26], а олицетворение городской общины Херсонеса. А.Н.Зограф, вслед за А.В.Орешниковым, рассматривал легенду лицевых сторон тетрассариев как «перевод» латинского лозунга Pax Augusta, причисляя его к «терминам» и ссылаясь на учащение встречаемости его на римских монетах со времени Веспасиана [17, с. 157]. Сам он, избегая перевода легенды тетрассариев, все же отмечал ее значение как символа «усиления римского влияния» [17, с. 155].

Очевидно, что латинская аналогия, предложенная для монетной легенды А.В.Орешниковым, сослужила плохую службу пониманию относительно простой греческой фразы εἰρηνῆς σεβαστῆς – «священного мира», перевод которой не нуждается в особом комментарии. Как известно, в греческом языке слово со значением «мир» женского рода; в соответствии с тем находится и прилагательное трех окончаний III, склоняемое как прилагательное женского рода по I-му склонению. То же имя богини Εἰρήνη, дорийское Εἰράνα, не может сочетаться с эпитетом «священная» по определению. Занявший на монете главное место, какое после получения Херсонесом элевтерии занимало ἐλευθέρας, лозунг «священного мира» должен был выражать политический статус города и, как отмечалось А.Н.Зографом, отражал усиление римского влияния. В этой связи обретает важность уточнение датировок тетрассариев, а таким образом – времени пребывания Херсонеса в подобном статусе по отношению к Риму.

На опубликованном П.О.Бурачковым тетрассарии собрания Исторического музея (ныне ГИМ) [4, с. 120, № 103, табл. XVI, 100] А.В. Орешников усматривал дату 103 г. херс. э.*, не распознав на нем и цифру десятков «девяносто» (Ϙ – ксампи), принятую им за «сто» (Ρ), и цифру единиц «стигму» (|Λ̅ – 6), в которой видел «гамму» [6, с. 25-26, табл. II, 18; 13, с. 17]. Ознакомившись с этой монетой в собрании ГИМ (Инв. № 1755), В.А.Анохин уточнил чтение цифры единиц, рассмотрев в ней «стигму», но «ксампи» в дате не придал значения, возможно, доверяя чтению А.Н.Зографа [17, с. 157], и датировал тетрассарий 106 г. херс. э. [18; 19, с. 71, сн. 24]. Также не обратив внимания на ошибочность определения даты 94 г. херс. э., он разделил убеждение А.В.Орешникова об употреблении штемпеля лицевой стороны херсонесских тетрассариев в течение 16 лет

*Здесь и далее принятые сокращения: босп. э. – боспорской эры; херс. э. – херсонесской эры; колл. ВК – бывш. собрание великого князя Алексея Михайловича; ч.к. – частная коллекция; лиц. ст. – лицевая сторона; об. ст. – оборотная сторона; с.о. – сопряжение осей сторон монет (в цифрах часового циферблата).

[13, с. 17], поскольку были известны битые тем же штемпелем лицевой стороны монеты с датой РК (120) [20, табл. XIX, 37; 21, с. 62, №№ 61-64, табл. IV, 7-9; 22, № 236; 23, № 867]. Случай продолжительного использования штемпелей В.А.Анохин считал свидетельством слабой интенсивности чеканки [21, с. 69]. Принимая по аналогии с первой монетой «ксампи» как зеркальное положение Р по небрежности резчиков на тетрассариях с другими датами, он рассматривал весь выпуск как монетную серию 104-120 гг. херс. э. (79/80-95/6 гг.) [21, с. 71], в правомерности датировки которой все же высказывал сомнения П.О.Карышковский [24, с. 108].

Ранее А.Н.Зограф датировал всю серию тетрассариев теми же 79-96 гг., относя к начальному году особый тип с изображениями бородатой головы в повязке вправо и знаком «дельта» под ней на лицевой стороне и бюста Девы вправо на оборотной с колчаном за спиной и монограммой ПАР [17, табл. XXXVII, 11]. В бородатом персонаже лицевой стороны он предполагал боспорского царя Рискупорида I (68-92 гг.), не принимая во внимание, что появляющийся только в 377 г. босп. э. (80/1 г.) в золотой монетной чеканке Боспора портрет Рискупорида всегда безбород. Подобную атрибуцию справедливо отвергал В.А.Анохин [21, с. 26]. Изображение головы в сопровождении ветви и лиры на втором выпуске тетрассариев А.Н.Зограф относил к божеству Херсонас [17, с. 157]. Можно заметить, что он называл имя божества в мужском роде, ссылаясь на первую статью А.В.Орешникова. Создается впечатление, что с работами последнего, где Херсонас меняет род на женский, он не ознакомился, хотя в том же сборнике была опубликована и его статья [16; 25]. Как бы то ни было, в определениях А.Н.Зографа наблюдается небрежность, возможно, редакционные недоработки. Досадным недоразумением можно считать поддержку мнения А.В.Орешникова о распространении в Херсонесе некого особого культа Херсонаса-Херсонасы. Как уже отмечалось [26, с. 444], единственное упоминание в декрете в честь Диофанта этого эпитета относится к самой Деве, алтарь которой – τὸν τᾶς Παρθένου βωμόν (единственное число!), она же и Херсонаса – καὶ τὸν τᾶς Χερσονάσου – был установлен на центральной площади города [IOSPE I2, 352, стт. 50-52].

В.А.Анохин опубликовал новый тип тетрассария, объединивший два ранее известных – общностью штемпеля стороны с изображением головы Девы [22, № 230; 23, № 859]. В тетрассариях первого типа сторону с изображением бородатой головы А.Н.Зограф считал лицевой, а с бюстом Девы – оборотной. В.А.Анохин, ориентируясь на видимые благодаря смещению штемпеля узкие границы поля с изображением головы Зевса на экземпляре НЗХТ [21, с.60, № 46/3; 22, № 226; 23, № 855], причислял это изображение реверсу монет, а определяемое им как аверс рельефное изображение бюста Девы рассматривал в случае с публикуемым им новым типом [22, № 230; 27, № 71] как переделку штемпеля под оборотную сторону для гибридной чеканки. Это наблюдение над переориентацией типа штемпеля лицевой стороны на оборотный достаточно обосновано, но, как

представляется, к тетрассариям переходного «гибридного» типа принадлежит и экземпляр ГЭ, № 278 [21, с.61, № 48/1, табл. III, 8 (об. ст.)]. Гибридный характер чеканки выражается в повторении легенды ЄІРНNНССЄВАСТНС на обеих сторонах монеты (рис. 1, 3-4).

Имея дело с тетрассариями, на которых не прочеканивалась или не попадала в поле легенда, исследователи ошибочно принимали первый и гибридный переходной типы за недатированные, в то время как на некоторых экземплярах этих тетрассариев в продолжении легенды ЄІРНNНССЄВАСТНС читается ἐτοῦς… – «года…» (рис. 1, 1, 3-4). По наблюдаемым на монетах из частных коллекций следам близко расположенных нижних частей двух вертикальных гаст (рис. 1, 1, 3) и уверенно читаемой одной из цифр как «ксампи» (рис. 1, 4) можно предположить, что годовое число передавалось цифрами qГ (93 г. херс. э.).

В настоящее время известны новые находки херсонесских тетрассариев, сохранность которых позволяет уверенно читать их даты, в том числе и битые общим штемпелем лицевой стороны экземпляры с цифровыми обозначениями 94 (ϥΔ), 96 (ϥ|Λ̅), и 120 (РК) годов. (рис. 1, 5-8, 11). Кроме них существуют битые двумя разными штемпелями лицевых сторон, отличающимися от штемпеля 94, 96 гг. херс. э. и 120, тетрассарии с датой 119 (РІΘ) г. херс. э. (рис. 1, 9-10), и битые не менее пяти штемпелями лицевых сторон – датированные тем же 120 г. Расхождение в датах объединяемых общим штемпелем лицевых сторон тетрассариев составляет не 16 лет, как считали А.В.Орешников, А.Н.Зограф, В.А.Анохин, а четверть века. Все исследователи, начиная с А.В.Орешникова, рассматривали чеканку тетрассариев как относительно непрерывный процесс, возобновлявшийся эпизодически между 104 и 120 гг. херс. э. В таком случае эксплуатация одного штемпеля в течение длительного времени рассматривалась как беспрецедентно продолжительная. Уточнение начальных дат чеканки, увеличившее рассчитываемую продолжительность ее на десятилетие, породило сомнения в возможности использования одного штемпеля лицевой стороны на протяжении четверти века и послужило побуждающей причиной предположению о несоответствии времени чеканки даты 120 на монетах, объединяемых общим штемпелем с выпусками 94 и 96 гг. херс. э. [28, с. 32].

Ознакомление с тетрассариями, определяемые издателями даты которых находились между 96 и 119 гг. херс. э., обнаружило ошибочность их определений. Кроме них поправки в дате требуют тетрассарии, на которых читались ϥЄ [Анохин 21, с. 62, № 55/1-3, табл. IV, 1; 22, № 231] или РЕ [23, № 860]. Они датируются 96 г. херс. э., как это выясняется по общему с ними штемпелю оборотных сторон экземпляра из частной коллекции (рис. 1, 7-8).

В числе издававшихся тетрассариев фигурирует экземпляр собрания ГИМ (№ 1759), на котором издателями читалась дата 111 [4, с. 120, № 102, табл. XVI, 99; 6, с. 26, табл. II, 19; 21, с. 62, № 59/1, табл. IV, 5; 22, № 235; 23, № 865], отчетливо определяемая по экземпляру с оттиском того же штемпеля как 96 г. (рис. 1, 5-6).

Рис. 1. Тетрассарии Херсонеса: 1-2 – 93 г. херс. э. (68/9 г.); 3-4 – 93/4 г. херс. э. (69 г.). Штемпели оборотных сторон тетрассариев с ошибочно читавшимися датами и подобные им, уточняющие даты : 5-6 – штемпель, на котором усматривался 111 г. херс. э. [4, табл. XVI, 99; 6, табл. II, 19; 21, № 59, табл. IV, 5; 22, № 235; 23, № 865], и аналогичный ему с датой 96; 7-8 – штемпель, относимый к чеканке 105 г. херс. э. [21, № 55, табл. IV, 1; 22, № 231; 23, № 860] и идентифицируемый с ним штемпель с датой 96; 9-10 – штемпель с утраченной цифрой десятков в дате, относимый к 109 г. херс. э. [21, № 58, табл. IV, 4; 22, № 234; 23, № 863], и аналогичный штемпель с датой 119 г. херс. э.

Это наблюдение важно тем, что на основании читавшихся вместо одной, двух цифр – единиц и десятков – делалось заключение о невозможности чтения при них цифры Ϥ «девяносто», искусственно преобразуемой в Р «сто» [22, с. 66]. По аналогии, та же цифра десятков переводилась в разряд сотен на тетрассариях с другими датами. Не связанный с предыдущими штемпелем лицевой стороны тетрассарий из фондов НЗХТ (№ 3721), на котором отчетливо видны только две годовые цифры РΘ(рис. 1, 9) [21, с. 62, № 58/1, табл. IV, 4; 22, № 234; 23, № 863], мог бы оставаться относимым к 109 г. херс. э., если б не находка битого тем же штемпелем оборотной стороны тетрассария на святилище у перевала Гурзуфское Седло, на котором отчетливо читается дата 119 (рис. 1, 10). Отсутствие следов «йоты» на тетрассарии НЗХТ могло являться результатом тщательной работы реставраторов (монета происходит из раскопок 1928 г.), и само по себе прежде не оставляло сомнений в чтении даты. Отсюда – находка из святилища, воистину, счастливая случайность, каких оказалось на удивление много в исследовании тетрассариев. А.Н.Зограф упоминал тетрассарий 115 г. [17, с. 157], в цифре единиц даты которого, очевидно, за «эпсилон» принимал «тету». Местонахождение этого тетрассария 119 г. неизвестно, но ясно, что это не экземпляр НХЗТ, на котором стертую цифру десятков прочесть невозможно.

Еще одну дату – 125 (или 123) на тетрассарии приводил П.О.Карышковский [24, с. 107-108]. В литературе высказывались сомнения в существовании такового [21, с. 28]. Можно предполагать, что П.О.Карышковский имел дело с экземпляром из НХЗТ (№ 4744/1) или подобным, на котором после цифр РК слабым профилем, возможно, прорисована развернутая вертикально монограмма ПАР, принятая им за угловатую цифру единиц. Предполагая различные чтения цифры единиц, П.О.Карышковский не предавал значения тому, что в нумизматике Херсонеса цифровая функция «эпсилона» всегда выделяется его лунарной формой. Исключение представляет случай исправления штемпеля с преобразованием в «эпсилон» – «гаммы» на золотом статере 125 г. херс. э. [23, № 870]. Естественное стремление исследователей обнаружить тетрассарии с новыми, ранее неизвестными датами, ограничивавшееся единичностью известных экземпляров, несомненно, порождало ошибочные чтения недостаточно отчетливо прописанных дат. В настоящее время можно констатировать существование тетрассариев только с датами 93, 94, 96, 119 и 120.

Обратимся к штемпельной типологии тетрассариев.

93 г. херс. э. (68/9 г.)

1. **А-а.** Лиц. ст. **А**: ЄIРНN-НССЄВАСТНС[ЄТОУСϤГ] (Εἰρηνῆς σεβαστῆς [ἐτοῦς ϥγ'] – «*священного мира года 93*»), бюст Девы вправо, за плечом колчан, слева монограмма ПАР (Παρ[θένου] – «Девы»).

Об. ст. **а**: ХЕРСОNАСЕITWN, (Χερσονασείτων – «*херсонесцев*»), голова Зевса в повязке вправо, под ней Δ (δ' – «4», или Δ(ιός) – «Зевса»).

1-*1*

1-*4*

1-*5*

1-*6*

1) неизв. – 27 мм; 19,17 г [29, табл. I, *2*; 21 с.61, № 49/1, табл. III, 9 (об. ст.)];

2) неизв., ранее: НЗХТ, № 2224 – 29 мм; 13,14 г; с.о. 6 [21, с.61, № 49/2];

3) БИКЗ, № 5821 (76/4) – 29 мм; 13,01 г; с.о. 6 [21, с.61, № 49/3];

4) ч.к. – 29-30 мм; 8,39 г; с.о. 6;

5) ч.к. – 27 мм; с.о. 6; на лиц. ст. надчеканка «Дева в рост с луком и дротиком в круглом поле в точечном кольцевом ободке»;

6) ч.к. – 27 мм; с.о. 6; на лиц. ст. надчеканка «Дева в рост…».

2. **Б-а**. Лиц. ст. **Б**: :ЄІРНN-НССЄВАСТНСЄТОУС[ϥГ] (Εἰρηνῆς σεβαστῆς ἐτοῦς [ϥγ] – «*священного мира года 93*»), бюст Девы вправо, за плечом колчан, монограмма ПАР слева.

2-*1*

2-*2*

2-*3*

1) ГЭ, № 279 – 26 мм; 13,10 г; с.о. 7 [21, с.61, № 50/1, табл. III, *10*; 22, № 227; 23, № 856];

2) ч.к. – 28 мм;

3) ч.к. – 26 мм; 10,92 г; с. о. 6; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…».

3. **В-а**. Лиц. ст. **В**: [ЄІРН]N-НССЄВАСТН[СЄ]ТОУС[qГ] ([Εἰρην]ῆς σεβαστῆ[ς ἐ]τοῦς [qγ'] – «*священного мира года 93*»), бюст Девы вправо, за плечом колчан, монограмма ГАР справа.

3-*1* 3-*2*

1) НЗХТ, № 3948 – 26 мм; 10,49 г; с.о. 6 [21, с.61, № 47/2];

2) ч.к. – 30 мм.

4. **В-б**. Об. ст. **б**: ХЕРСОNА-СЄІТWN, (Χερσονασείτων – «*херсонесцев*»), голова Зевса в повязке вправо, под ней Δ (δ' – «4», или Δ(ιός) – «Зевса»).

4-*1* 4-*3*

4-*6* 4-*7*

4-*8*

1) колл. ВК – 26 мм; 12,20 г [30, табл. II, *34*; 17, табл. XXXVII, *11*; 21, с.60, № 46/1, табл. III, *7*];
2) ГИМ, № 1752 – 27 мм; 11,96 г; с.о. 6 [21, с.60, № 46/2];
3) НЗХТ, б/н – 23 мм; 10,79 г; с.о. 5 [21, с.60, № 46/3; 22, № 226; 23, № 855];
4) ГИМ, № 1753 – 25 мм; 10,65 г; с.о. 6 [21, с.60, № 46/4];
5) (НЗХТ, № 4745) – 23 мм; 6,79 г; с.о. 6 [21, с.61, № 46/5];
6) ч.к. – 27 мм; с.о. 5;
7) ч.к. – 26 мм; с. о. 6; на лиц. ст. надчеканка «Дева в рост…»;
8) ч.к. – 27 мм; с.о. 6.

5. **В-в**. Об. ст. **в**: ХЕР[СОНАСЄІТ]WN (Χερ[ονασεί τ]ων – «*херсонесцев*»), голова Зевса в повязке вправо, под ней Δ (δ' – «4», или Δ(ιός) – «Зевса»).

5-*2* 5-*3*

1) колл. ВК – 27 мм; 13,49 г [30, табл. II, 35; 21, с.61, № 47/1];
2) ч.к. – 26 мм; с.о. 6.
3) ч.к. – 26 мм; с. о. 5; на лиц. ст. надчеканка «Дева в рост…».

6. **Г-г.** Лиц. ст. Г: ЕІР-НNНССЄВАСТНС (Εἰρηνῆς σεβαστῆς – «*священного мира*»), голова Аполлона в повязке вправо, справа лира, слева ветвь.

6-*1* 6-*2*

6-*3* 6-*4* 6-*5*

6-*6*

Об. ст. **г**: ЄIPHN-HCCЄBACTHCЄTOYC[ϥГ] (Εἰρήνης σεβαστῆς ετοῦς [ϥγ] – «*священного мира года 93*»), бюст Девы вправо, за плечом колчан, монограмма ГАР справа.

1) НЗХТ, № 17753 – 28 мм; 12,50 г; с.о. 5 [22, № 230; 23, № 859; 27, № 71];

2) ч.к. – 28 мм; 11,40 г; с.о. 6; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…»;

3) ч.к. – 25 мм; 12,72 г; с.о. 6; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…»;

4) ГЭ, № 278 – 29 мм; 19,64 г; с.о. 6; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…» [21, с.61, № 48/1, табл. III, 8 (об. ст.)];

5) ч.к. – 28 мм; с.о. 5.

6) ч.к. – 29 мм.

94 г. херс. э. (69/70 г.)

7. **Г-д.** Об. ст. **д**: ·XEPΣONNHΣEITWN·ETOYΣ·ϥΔ (Χερσοννησείτων ἐτοῦς ϥδ – «*херсоннесцев, года 94*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в поднятой над плечом правой – копье.

7-*1* 7-*2* 7-*3* 7-*4* 7-*5*

1) ГИМ, № 1754 – 29 мм; 15,72 г; с.о. 5 [25, табл. XXXI, *11*; 21, с. 61, № 53/1, табл. III, *13*; 22, № 229; 23, № 858];

2) ч.к. – 30 мм; с.о. 6;

3) ч.к. – 26 мм;

4) ч.к. – 26 мм; с.о. 6; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…»;

5) ч.к. – 27 мм.

8. **Г-е**. Об. ст. **е**: ·ХЕРΣОN[NHΣEI]TWN·[ETOYΣ]·ϥΔ (Χερσον[νησεί]των [ἐτοῦς] qδ' – «*херсоннесцев, года 94*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в поднятой над плечом правой – копье.

8-*1*

1) БИКЗ, № 5821 (76/1) – 31 мм; 10,29 г; с.о. 5 [21, с. 61, № 54/1, табл. III, *14* (об. ст.)].

96 г. херс. э. (71/2 г.)

9. **Г-ж**. Об. ст. **з**: ·ХЕРΣОNNHΣEITWN·ETOYΣ·ϥ|Λ̅ (Χερσοννησείτων ἐτοῦς qh̅' – «*херсонесцев, года 96*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье.

9-*1*

9-*3*

9-*4*

9-*5*

9-*6*

9-*7*

9-*8*

1) ГИМ, № 1755 – 26 мм; 10,18 г; с.о. 5 [4, табл. XVI, *100*; 6, табл. II, 18; 21, с. 62, № 56/2, табл. IV, 2 (об. ст.); 22, № 232 (об. ст.); 23, № 861 (об. ст.)];

2) БИКЗ, № 5821 (76/6) – 25 мм; 19,00 г; с.о. 5 [21, с. 62, № 56/1].

3) НЗХТ, № 2/1 – 26 мм; 8,76 г; с.о. 5 [21, с. 62, № 55/2, табл. IV, 1 (об. ст.); 22, № 231 (об. ст.); 23, № 860 (об. ст.)];

4) НЗХТ, № 4744/3 – 25-26 мм; 9,21 г; с.о. 6 [21, с. 62, № 55/1];

5) НХЗТ, № 4744/4 – 26 мм; 8,62 г; с.о. 6;

6) НЗХТ, № 4491 – 26 мм; 8,39 г; с.о. 12; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…» [21, с. 62, № 55/3];

7) Ялтинский исторический музей – 26 мм; с.о. 6;

8) ч.к. – 25 мм; с.о. 6.

10.**Г-з.** Об. ст. **з**: ·ΧΕΡΣ[ΟΝΝΗΣΕΙΤΩΝ·ΕΤ]ΟΥΣ·ϥ|Λ̅ (Χερσοννησείτων ἐτοῦς qh̅ – «*херсонесцев, года 96*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье.

10-*1*

1) ч.к. – 26 мм;

11.**Г-и**. Об. ст. **и**: ·ΧΕΡS[ΟΝΝΗΣΕ]ΙΤΩΝ·ΕΤΟΥΣ·ϥ|Λ̅ (Χερσοννησε]ίτων ἐτοῦς qh̅ – «*херсонесцев, года 96*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье.

11-*1*

11-*2*

1) ГИМ, № 1759 – 25 мм; 12,00 г; с.о. 6 [4, табл. XVI, *99*; 6, табл. II, *19*; 21, с. 62, № 59/1, табл. IV, 5; 22, № 235; 23, № 865];
2) ч.к. – 27 мм.

12. **Г-к.** Об. ст. **к**: ·ΧΕΡΣ[ΟΝΝΗΕΣΕΙΤ]WN·ΕΤΟΥΣ·ϥ|Λ̅ (Χερσ[ονν̅ησεί]των ἐτοῦς qh̅ – «*херсонесцев, года 96*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье.

12-*1* 12-*2*

1) ч.к. – 26 мм; с.о. 6;
2) ч.к. – 25 мм; 10,35 г; с.о. 5; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…».

13. **Г-л.** Об. ст. **л**: ·ΧΕΡC[ΟΝΝΗ]CEITWN·ΕΤΟΥΣ·ϥ|Λ̅ (Χερσ[ονν̅η]σείτων ἐτοῦς qh̅ – «*херсонесцев, года 96*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье.

13-*1* 13-*2* 13-*3*

13-*4*

1) НЗХТ, № 2/2 – 27 мм; 14,48 г; с.о. 6 [21, с. 62, № 60/1, табл. IV, *6*];
2) ч.к. – 25 мм;
3) ч.к. – 29 мм; 13,79 г; с.о. 5;
4) ч.к. – 30 мм.

120 г. (эры ?) = 97/8 гг. херс. э.

14. **Г-м.** Об. ст. **м**: ЕТОУСРК - [ХЕ]Р ([Χέρ(σονησείτων) ἐτοῦς ρκ'] – «*хер(сонесцев), года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье, справа голова лани.

14-*1*

14-*3*

1) ГИМ, № 1766 – 27 мм; 11,54 г; с.о. 5; на об. ст. надчеканка [3, табл. VII, 2; 21, с.63, № 73/1, табл. V, 6; 22, № 244 (об. ст.)];

2) НЗХТ, № 3720 – 25 мм; 9,28 г; с.о. 7; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…» [21, с.63, № 73/2];

3) ч.к. – 26 мм; 12,55 г; с.о. 6; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…».

15. **Г-н**. Об. ст. **н**: ЕТОУСРК - ХЕР (Χερ(σονησείτων) ἐτοῦς ρκ' – «*хер(сонесцев), года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье.

15-*1*

1) неизв. – [20, табл. XIX, 37; 17, табл. XXXVII, 8; 21, с. 62, № 61/1, табл. IV, 7; 22, № 236; 23, № 867].

16. **Г-о**. Об. ст. **о**: ЕТОУСРК – [ХЕР] ([Χερ(σονησείτων)] ἐτοῦς ρκ' – «*хер(сонесцев), года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье.

16-*1*

1) НЗХТ, № 5826 – 26 мм; 11,38 г; с.о. 6 [21, с. 62, № 62/1, табл. IV, *8*].

17. **Г-п**. Об. ст. **п**: ЕТОУСРК – [Х]ЕР ([Χ]ερ(σονησείτων) ἐτοῦς ρκ' – «*хер(сонесцев), года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье.

17-*1*

1) ч.к. – 27 мм.

18. **Г-р**. Об. ст. **р**: ХЕР – ЕТОУСРК (Χερ(σονησείτων) ἐτοῦς ρκ' – «*хер(сонесцев), года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье, справа голова лани.

18-*1*

1) ч.к. – 26 мм.

19. **Г-с**. Об. ст. **с**: ХЕР-ЕТОУСРК (Χερ(σονησείτων) ετοῦς ρκ′ – «*хер(сонесцев), года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье.

19-*1* 19-*2*

19-*3*

1) ч.к. – 25 мм; с.о. 6;
2) ч.к. – 25 мм; с.о. 6;
3) ч.к. – 25 мм; с.о. 6.

20. **Г-т**. Об. ст. **т**: [ХЕР-ЕТОУСРК] ([Χερ(σονησείτων)] ἐτο[ῦς ρκ] – «*хер(сонесцев), года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье.

20-*1*

1) ч.к. – 24 мм; 8,28 г; с.о. 6.

21. **Г-у**. Об. ст. **у**: [ХЕР-Е]ТОУСР[К] ([Χερ(σονησείτων) ἐ]τοῦς ρ[κ] – «*хер(сонесцев), года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье, справа голова лани.

21-*1*

1) НЗХТ, № 17755 – 25 мм; 6,60 г; с.о. 6 [27, № 72].

22. **Д-ф**. Лиц. ст. **Д**: тот же штемпель Г, на котором отмечаются подгравировка, изменившая форму лиры, и появление дефекта слева от головы Аполлона.

Об. ст. у: ХЕР-ЕТ[О]УΣР[К] (Χερ(σονησείτων) ἐ[το]ῦς ρ[κ] – «*хер(сонесцев), года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье, справа голова лани.

22-*1* 22-*2* 22-*3*

22-*4*

22-*5*

1) НЗХТ, № 17756 – 27-29 мм; 8,50 г; с.о. 6; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…» [27, № 73];

2) БИКЗ, № 5821 (76/2) – 28 мм; 10,53 г; с.о. 6 [21, с. 62, № 63/1, табл. IV, *9* (об. ст.)];

3) ч.к. – 27 мм; с.о. 6; на лиц. ст. надчеканка «Дева в рост…»;

4) ч.к. – 27 мм; 9,43 г; с.о. 6

5) ч.к. – 27 мм; 7,24 г; с.о. 6; на лиц. ст. надчеканка «Дева в рост…».

23. **Д-х**. Об. ст. **х**: ХЕР-ЕТОУСРК (Χερ(σονησείτων) ἐτοῦς ρκ' – «*хер (сонесцев), года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье, справа голова лани.

23-*1*

23-*3*

23-*4*

1) ГИМ, № 1761 – 25 мм; 11,67 г; с.о. 6 [21, с. 62, № 65/2, табл. IV, 11 (об. ст.); 22, № 238 (об. ст.); 23, № 868 (об. ст.)];

2) ГИМ, № 1760 – 28 мм; 11,92 г; с.о. 6 [21, с. 62, № 65/1];

3) ч.к. – 26 мм; с.о. 6;

4) ч.к. – 26 мм; с.о. 6.

24. Д-ц. Об. ст. ц: ХЕР-ЕТОУСРК (Χερ(σονησείτων) ἐτοῦς ρκ' – «*хер (сонесцев), года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье, справа голова лани.

24-*1*

24-*2*

1) ч.к. – 26 мм; с.о. 6; на лиц. ст. надчеканка «Дева в рост…»;

2) НЗХТ, № 3126 – 26 мм; 11,25 г; с.о. 6; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…» [21, с. 62, № 68/1, табл. V, *1* (об. ст.)].

25. **Д-ч**. Об. ст. **ч**: ХЕР-ЕТОУСРК (Χερ(σονησείτων) ἐτοῦς ρκ' – «*хер(сонесцев), года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье, справа голова лани.

25-*1*

25-*3*

25-*4*

1) НЗХТ, № 4626 – 27 мм; 11,81 г; с.о. 6 [21, с. 62, № 64/1, табл. IV, *10*; 22, № 237 (об. ст.)];

2) БИКЗ, № 5821 (76/7) – 27 мм; 10,43 г; с.о. 6 [21, с. 62, № 64/2];

3) ч.к. – 27 мм; с.о. 6; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…»;

4) ч.к. – 28 мм; 11,41 г; с.о. 5.

119 г. херс. э. (94/5 г.)

26. **Е-ш**. Лиц. ст. **Е**: [ЕІРНNНССЄВА]СТНС ([Εἰρηνῆς σεβα]στῆς – «*священного мира*»), голова Аполлона в повязке вправо, справа лира, слева ветвь.

Об. ст. ш: Е[Т]ОУС - Р ІΘ – ἐ[τ]οῦς ριθ' – «*года 119*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье, справа голова лани.

1) Ялтинский исторический музей – 26 мм.

26-*1*

27. **Ж-ш**. Лиц. ст. **Ж**: [ЕІРНN]НССЄВАС[ТНС] ([Εἰρην]ῆς σεβασ[τῆς] – «*священного мира*»), голова Аполлона в повязке вправо, справа лира, слева ветвь.

27-*1*

1) НЗХТ, № 3721 – 26 мм; 8,45 г; с.о. 6; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…» [21, с. 62, № 58/1, табл. IV, *4*; 22, № 234; 23, № 863].

28. **Ж-щ**. Об. ст. **щ**: стерта.

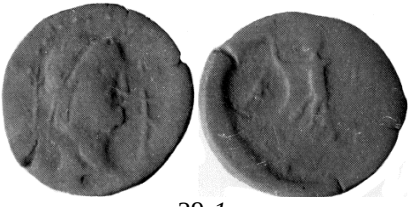
28-*1*

1) ч.к. – 27 мм; 9,84 г; с.о. 6; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…».

120 г. херс. э. (95/6 г.)

29. **З-ы**. Лиц. ст. З: : ЕІР[НNНССЄВАСТ]НС (Εἰρ[ηνῆς σβαστ]ῆς – «*священного мира*»), голова Аполлона в повязке вправо, справа лира, слева ветвь.

Об. ст. **ы**: РК - ЕТОУС (ἐτοῦς ρκ' – «*года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье, справа голова лани.



29-*1*

1) ГЭ, № 277 – 28 мм; 11,58 г; с.о. 7; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…» [21 с. 63, № 74/1, табл. V, *7*; 22, № 245].

30. **З-э**. Об. ст. **э**: РК - ЕТОУС (ἐτοῦς ρκ' – «*года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье, справа голова лани.

1) ч.к. – 25 мм; с.о. 3.

30-*1*

31. **З-ю**. Об. ст. **ю**: PK - ETOYC (ἐτοῦς ρκ' – «*года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье, справа голова лани.

31-*1*

1) ГИМ, № 1767 – 26 мм; 9,49 г; с.о. 6 [4, № 104, табл. XVI, 107; 6, табл. II, *20*; 21, с. 63, № 75/1, табл. V, *8* (об. ст.); 22, № 246 (об. ст.)].

32. **И-ю**. Лиц. ст. **И**: EI[P-HNHCCЄBACTHC] (Εἰ[ρηνῆς σεβαστῆς] – «священного мира»), голова Аполлона в повязке вправо, справа лира, слева ветвь.

32-*1*

1) ч.к. – 26 мм.

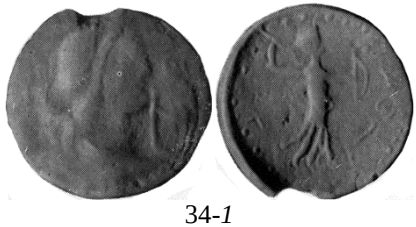
33. **И-я**. Об. ст. **я**: PK - ETOYC (ἐτοῦς ρκ' – «*года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье.

33-*1*

1) ГИМ, № 1764 – 25 мм; 11,58 г; с.о. 6 [21, с. 62, № 67/1, табл. IV, *13* (об. ст.)].

34. **И-аа**. Об. ст. **аа**: PK - ETOYC (ἐτοῦς ρκ′ – «*года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье.

1) ГИМ, № 1763 – 27 мм; 11,78 г; с.о. 6 [21, с. 62, № 66/2, табл. IV, *12*; 22, № 239 (об. ст.)];



34-*1*

2) ГИМ, № 1762 – 25 мм; 13,17 г; с.о. 6 [21, с. 62, № 66/1].

35. **К-аа**. Лиц. ст. **К**: : ЕІРНNНССЄВА[СТНС] (Εἰρηνῆς σεβα[στῆς] – «*священного мира*»), голова Аполлона в повязке вправо, справа лира, слева ветвь.

35-*1*

1) ч.к. – 26 мм; 11,32 г; с.о. 6; на об. ст. надчеканка «Дева в рост…»

36. **К-аб**. Об. ст. **аб**: РК - [ЕТОУ]С ([ἐτοῦ]ς ρκ' – «*года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье.

36-*1*

36-*2*

1) НЗХТ, № 4744/2 – 27 мм; 14,31 г; с.о. 6 [21, с. 62, № 69/1];
2) ч.к. – 25 мм; с.о. 6.

37. **К-ав**. Об. ст. **ав**: РК - ЕТОУС ([ἐτοῦ]ς ρκ' – «*года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье.

37-*1*

1) БИКЗ, № 5821 (76/5) – 27 мм; 9,79 г; с.о. 6 [21, с. 62, № 69/2, табл. V, 2; 22, № 240].

38. **К-аг**. Об. ст. **аг**: РК - [ЕТОУС] ([ἐτοῦς] ρκ' – «*года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье, справа голова лани.

38-*1*

38-*2*

1) НЗХТ, № 4744/1 – 26 мм; 11,91 г; с.о. 6 [21, с. 62, № 70/1, табл. V, 3 (об. ст.); 22, № 241 (об. ст.)];

2) ч.к. – 26 мм; с.о 6.

39. **Л-ад**. Лиц. ст. **Л**: Е[ІРНNНССЄВАСТН]С (Е[ἰρηνῆς σεβαστῆ]ς – «*священного мира*»), голова Аполлона в повязке вправо, справа лира, слева ветвь.

Об. ст. **ад**: РК - ЕТОУС (ἐτοῦς ρκ' – «*года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье, справа голова лани.

39-*1*

1) БИКЗ, № 5821 (76/3) – 27 мм; 10,37 г; с.о. 6 [21, с. 63, № 71/1, табл. V, *4*; 22, № 242].

40. **М-ае**. Лиц. ст. **М**: : [ЕІРНNНССЄВАСТНС] ([Εἰρηνῆς σεβαστῆς] – «*священного мира*»), голова Аполлона в повязке вправо, справа лира, слева ветвь.

Об. ст. **ае**: РК – ЕТОУС (ἐτοῦς ρκ' – «*года 120*»). Дева в рост, вправо, в левой руке лук и стрела, в правой – копье, справа голова лани.

40-*1*

1) ГИМ, № 1765 – 26 мм; 12,20 г; с.о. 6 [21, с. 63, № 72/1, табл. V, 5; 22, № 243].

Сопряжение штемпелей в чеканке тетрассариев может быть представлено в следующей схеме (в скобках количество учтенных экземпляров монет):

Табл. I.

№ пп	Штем-пели	Годы выпуска	Легенда об. ст.
1.	**А-а (6)** ↰	**93 г. херс. э. (68/9 г.)**	ХЕРСОNА-СЄITWN
2.	**Б-а (3)** ↓|	-«»-	-«»-
3.	↱ **В-а (2)** ↵	-«»-	-«»-
4.	|↓ **В-б (7)**	-«»-	-«»-
5.	↳ **В-в (3)**	-«»-	-«»-
6.	↱ **Г-г (7)**	-«»-	ЄIРHN-НССЄВАСТНСЄТОУС[ϥГ]
7.	|↓ **Г-д (5)**	**94 г. херс. э. (69/70 г.)**	·ХЕРΣОNNНΣЕITWN·ЕТОУΣ·ϥΔ
8.	|↓ **Г-е (1)**	-«»-	
9.	|↓ **Г-ж (8)**	**96 г. херс. э. (71/2 г.)**	·ХЕРΣОNNНΣЕITWN·ЕТОУS·ϥ|Λ̄
10.	|↓ **Г-з (1)**	-«»-	-«»-
11.	|↓ **Г-и (2)**	-«»-	-«»-
12.	|↓ **Г-к (2)**	-«»-	-«»-
13.	|↓ **Г-л (4)**	-«»-	-«»-
14.	|↓ **Г-м (3)**	**120 г. (?) =97/8 г. херс. э. (72-74 гг.)**	ЕТОУСРК – ХЕР
15.	|↓ **Г-н (1)**	-«»-	-«»-
16.	|↓ **Г-о (1)**	-«»-	-«»-
17.	|↓ **Г-п (1)**	-«»-	-«»-
18.	|↓ **Г-р (1)**	-«»-	ХЕР – ЕТОУСРК
19.	|↓ **Г-с (3)**	-«»-	-«»-
20.	|↓ **Г-т (1)**	-«»-	-«»-
21.	|↓ **Г-у (1)**	-«»-	-«»-
22.	|↓ **Д-ф (5)**	-«»-	-«»-
23.	|↓ **Д-х (4)**	-«»-	-«»-
24.	|↓ **Д-ц (2)**	-«»-	-«»-
25.	↳ **Д-ч (4)**	-«»-	-«»-
26.	**Е-ш (1)** ↰	**119 г. херс. э. (94/5 г.)**	ЕТОУС – РIΘ
27.	↱ **Ж-ш (1)** ↵	-«»-	-«»-
28.	↳ **Ж-щ (1)**	-«»-	[ЕТОУС – РIΘ]
29.	↱ **З-ы (1)**	**120 г. херс. э. (95/6 г.)**	РК – ЕТОУС
30.	|↓ **З-э (1)**	-«»-	-«»-
31.	↳ **З-ю (1)** ↰	-«»-	-«»-
32.	↱ **И-ю(1)** ↵	-«»-	-«»-
33.	|↓ **И-я (1)**	-«»-	-«»-
34.	↳ **И-аа (2)** ↰	-«»-	-«»-
35.	↱ **К-аа (1)** ↵	-«»-	-«»-
36.	|↓ **К-аб (2)**	-«»-	-«»-
37.	|↓ **К-ав (1)**	-«»-	-«»-
38.	↳ **К-аг (2)**	-«»-	-«»-
39.	**Л-ад (1)**	-«»-	-«»-
40.	**М-ае (1)**	-«»-	-«»-

Как можно заметить, эксплуатация штемпеля лиц. ст. **Г-Д**, сочетающегося с 19 штемпелями оборотных сторон, охватывает три года с перерывом в один год между 94 и 96 гг. херс. э. и с перерывом, или без него, перед годом 120 неизвестной эры, который, судя по построению цепочки штемпелей, предшествует 119-му г. херс. э. Использование единственного штемпеля лицевых сторон свидетельствует о его механической прочности. В 120 г. херс. э. наблюдается расширение объемов чеканки тетрассариев, число штемпелей лицевых сторон увеличивается до пяти и более.

Возможности того, что дата 120 г. на монетах №№ 14-24 выражалась в годах херсонесской эры, противоречит ряд факторов. В первую очередь – это нереальность двадцатидвухлетнего перерыва в использовании штемпеля и необъяснимое в подобном случае неиспользование его в 119 г. херс. э. Другим фактором являются изменения по годам типов оборотной стороны, заключающиеся в смене размещения легенды и ее самой, теряющей в 119 г. херс. э. такой важный компонент, как демотикон. Таким образом, мы имеем дело с совпадением результатов «штемпельного» и типологического методов исследования, в которых первичным должен выступать метод сопоставлений оттисков штемпелей, названный А.Н.Зографом «объктивно научным» и имеющим исключительное значение в исследовании наряду с метрологическим и «историко-филологическим» [17, с. 22, 107-108]. Построение схемы соотношения штемпелей показывает, что битые единым штемпелем с тетрассариями 94 и 96 гг. херс. э. выпуски с датой 120 могли выпускаться сразу за 96 г. херс. э. или вскоре после. Для выяснения времени чеканки монет с датой 120, битых штемпелем Г, необходим экскурс в монетное производство второй половины I – первой трети II вв. Уточнение датировок тетрассариев и выявление ошибочно причислявшихся к их выпуску дат влекут за собой пересмотр некоторых датировок монет, атрибутировавшихся в привязке к представлениям о датах чеканки тетрассариев.

Очевидно, на монетном дворе Херсонеса после 96 г. херс. э. отсутствовал резчик штемпелей тетрассариев раннего выпуска, достаточно профессионально владевший своим мастерством. Из поздних штемпелей оборотных сторон только два отличаются художественностью и проработкой деталей фигуры Девы в том же стиле, что наблюдается на штемпелях 94 и 96 гг. херс. э. Возможно, здесь использовались старые штемпели оборотных сторон с исправленными легендой и датой на них, что также свидетельствует о небольшом промежутке времени, отделявшим выпуск монет с датой 120, битых штемпелем Г, от 96 г. херс. э. Для тетрассариев 119-120 гг. херс. э. характерно грубое исполнение воспроизводившихся изображений, упрощение легенды и утрата демотикона. Относить эти тетрассарии к продукции неофициального производства нет оснований. В пользу легальности их обращения свидетельствует снабжение части исполненных в «варварском» стиле монет той же надчеканкой, что встречается на тетрассариях 93-96 гг. херс. э. Надчеканка «Дева в рост в короткой тунике с луком и

занесенным над плечом дротиком в руках, в круговом точечном ободке» встречается как на тетрассариях, так и на совершенно истертых в обращении и неопределяемых монетных кружках близких им размеров, а также и на римских сестерциях. Наиболее поздними известными из определяемых монет с этой надчеканкой являются сестерции Траяна (98-117 гг.). Это подтверждает заключение В.А.Анохина о том, что надчеканивание тетрассариев и близких по размерам неопределяемых монетных кружков приходится на начало правления Адриана (117-138 гг.), обоснованное наблюдением над прекращением чеканки меди на Боспоре после 118 г. [22, с. 68].

Преобладание монетных штемпелей 120 г. херс. э., несомненно, отражает возрастание интенсивности чеканки. В.А.Анохин рассматривал резкое увеличение штемпелей как исключительное явление в херсонесской нумизматике и предполагал, что это результат длительности выпуска монет, часть которых связана с нелегальной деятельностью монетного двора Херсонеса после запрета чеканки Нервой (96-98 гг.) и помечалась последним годом правления Домициана [19, с. 75; 21, с. 28-29; 22, с. 67]. Следует принимать во внимание, что ко времени формулирования такого предположения не был известен датированный херсонесский золотой статер 122 г. херс. э. (97/8 г.), следы исправления цифры единиц даты которого свидетельствуют о чеканке предшествующего года [26, № 9; 23, № 869]. С учетом осуществления в 121-122 гг. херс. э. выпусков в Херсонесе датированных статеров, о полном запрете чеканки при Нерве говорить не приходится. Если бы существовали причины скрывать даты выпуска монет при Нерве и помечать медную продукцию монетного двора последним годом правления Домициана, то они в равной мере отразились бы и на золотых статерах.

Несомненно, что двадцатилетний перерыв в выпуске тетрассариев не определялся какими-либо запретами или ограничениями в монетной политике Херсонеса со стороны Рима. В этот период Херсонес эпизодически осуществлял выпуск не только статеров, но и мелких номиналов медных монет, некоторые типы последних также снабжались датами. К датированной медной эмиссии 104 г. херс.э. (79/80 г.) может быть отнесена монета, определявшаяся как ассарий [31, p. 29, pl. I, 6; 21, с. 63, № 76/1-20, табл. V, 9; 22, № 206; 23, № 837], (рис. 3, 1-3). На лицевой стороне ее находится изображение головы Зевса вправо, перед ней – звезда и демотикон ХЕР. На оборотной – Дева в рост с луком и занесенным над плечом дротиком в руках, слева – монограмма ПАР и «дельта» или, по мнению В.А.Анохина, монограмма с «дельтой» в своей основе [22, № 206; 23, № 837]. Обращает внимание стилистическое сходство до совпадения в деталях изображений оборотных сторон этой монеты и статера 104 г. херс. э. (рис. 3, 4), отмечавшееся В.А. Анохиным [21, с.29]. Кроме этого, саму дату 104 г. херс. э. можно наблюдать в отображении ее под монограммой, тем более что видеть в «дельте» знак номинала не позволяет обычное обозначение подобным знаком более крупного тетрассария. Временем около 80 г. н.э. определял эту монету

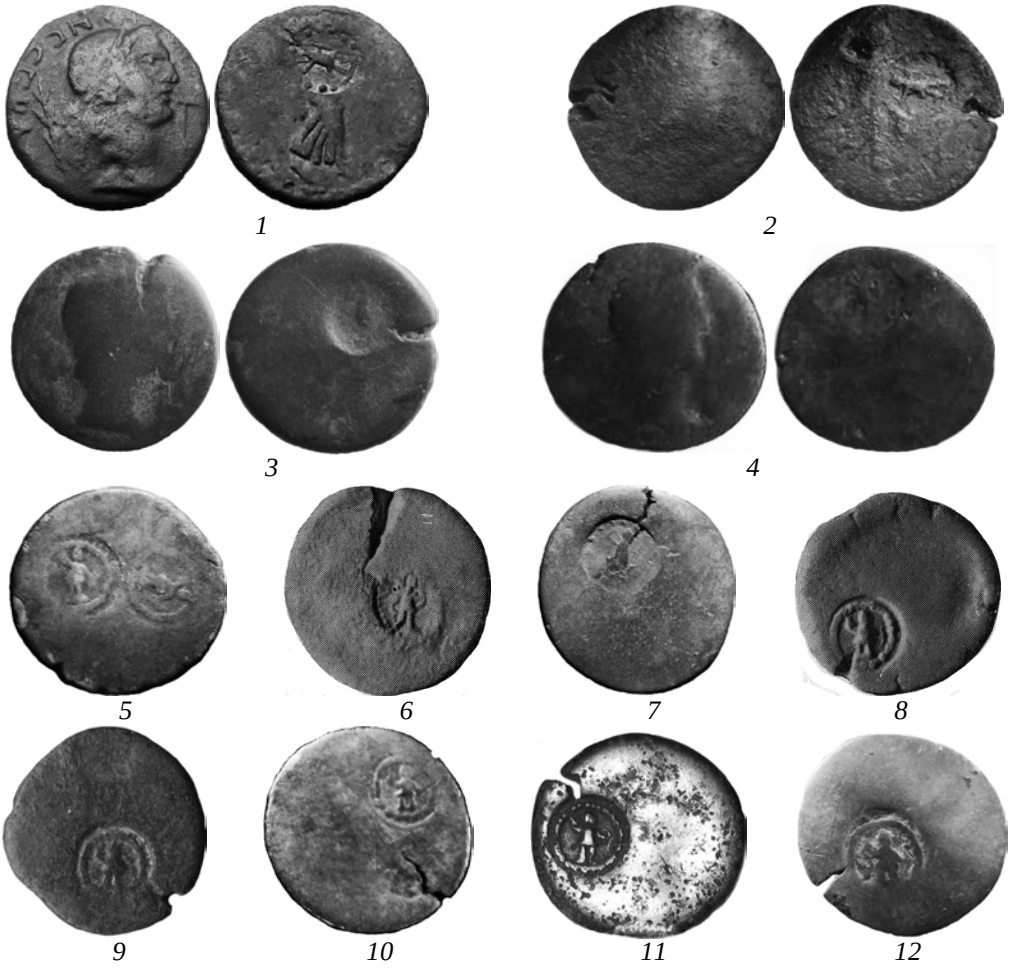


Рис. 2. Надчеканки на тетрассариях и истертых в обращении неопределяемых монетных кружках.

В.А. Анохин [21, с. 29, 63], хотя позже, относя к этому году тетрассарии 94 г. херс. э. из-за ошибки на десять лет в датах с цифрой 90, присвоил ей новые номинал и датировку – тетрахалк конца I в. до н.э. [22, с. 62, № 206], или (без номинала) – ок. 17-1 гг. до н.э. [23, № 837]. Очевидно, что такая датировка ошибочна, в то время как первая, предлагавшаяся В.А.Анохиным, находит еще одно подтверждение, позволяющее отнести цифру «дельту» на ее оборотной стороне к написанию даты – 104 г. херс. э. (79/80 г.). На хорошо сохранившихся экземплярах монет рядом с «дельтой» усматривается слабо прорезанная и изображенная с наклоном вправо «ро» (рис. 3, 1-3), что не оставляет сомнений в принадлежности ее датированной эмиссии.

Интерпретация этой «дельты» как знака стоимости тетрахалка подкрепля-

лась мнением о существовании подобного знака на другой херсонесской монете, также явно не претендующей по размерам и весу на стоимость тетрассария. Это монета из коллекции Государственного Эрмитажа (№ 266); на изъеденной окислом оборотной стороне ее еще Б.В.Кене усматривал «альфу» или «гамму» с «омикроном» внизу и «дельту» перед скачущей вправо ланью, над спиной которой находится монограмма ПАР [32, табл. IV, 4; 4, табл. XVI, 92; 21, № 22, табл. II, 3; 22, № 217; 23, № 846]. Вероятно, эту же монету имел в виду А.Л.Бертье-Делагард при упоминании ассария 71 г. херс. э. [12, с. 66] и ее же отмечал как единственную в группе II своей классификации со знаком стоимости [33, с. 6]. Уникальность ее определяется только тем, что окислом оказались уничтожены правый угол наклоненной влево цифры единиц – «дельты» даты семиса 74 г. херс. э. [9, Taf. I, 7; 34, S. 7, Abb.] и правая сторона обозначающего семис (6 унций) [17, с. 156] знака «стигмы», также размещенного с сильным наклоном, но вправо (рис. 4, 1-2). К сожалению, аналогичной по штемпелям монеты лучшей сохранности пока неизвестно, но подобное написание даты находится на оборотной стороне монеты, битой другим штемпелем (рис. 4, 3-4). Тем не менее, можно заключить, что подлинных медных монет с датами 70, 71 [12, с. 66] и 73 гг. херс. э. [21, № 22, табл. II, 3; 22, № 217; 23, № 846] не существует, а чеканка датированных семисов представлена 74 (тип «скачущая лань») и 75-78 (тип «Нике без монограммы») гг. херс. э. Соответственно, знак стоимости «дельта» находится только на первом выпуске тетрассариев Херсонеса. Мелкая «дельта» под изображением головы Зевса, не встречающаяся в следующих типах этого крупного номинала, могла являться определением при портрете во избежание его ошибочной трактовки (например, как бородатого Геракла) и расшифровываться как Diovx – «Зевса». В подобном случае нет оснований исключать двойственную функцию «дельты»: сознательно помещенный под изображением знак одновременно служил и знаком стоимости, и подписью под ним.

Выявление ошибочно читавшейся и определяемой как тетрахалк 73 г. херс. э. монеты опровергает концепцию фиксируемого ею перехода городской чеканки на римскую систему счета, якобы отражавшегося в смене знаков «тетрахалк» – «ассарий» [22, с. 70]. Появление на монетах цифрового знака стоимости, а следовательно – адаптация монетной системы к римской системе счета, является следствием определенных политических изменений, часто – связанных с римским воинским присутствием.

Наблюдение над херсонесской чеканкой времени Тита (79-81 гг.) и Домициана (81-96 гг.) обнаруживает непременное присутствие на монетах монограммы ПАР. В первую очередь это золотые статеры 104 и 105 гг. херс.э. Статер 104 г. херс.э. (79/80 г.) из собрания Государственного Эрмитажа (№ 624) известен давно (рис. 3, 4) [35, с. 107; 9, Taf. I, 6; 4 , табл. XV, 45; 17, табл. XXXVII, 13; 36, рис. 30, 2; 37, рис. I, 3; 21, № 51; 22, № 228; 23, № 857; 26, № 4]. Статеры 105 г. херс.э. (80/1 г.) из частных коллекций насчитывают два экземпляра, битых идентичны-

ми штемпелями (рис. 3, 5-7). Они чеканены лицевым штемпелем статеров 104 и 109 гг. херс. э. (84/5 г.) [38; 10, S. 273, Abb.; 37, рис. I, 4; 21, с. 61, № 52, табл. III, 12; 22, № 233; 23, № 862; 26, № 5] и оборотным, выправленным из оборотного штемпеля 104 г. херс. э. перебивкой цифр даты. На статере 105 г. херс. э. сохранились следы неполно удаленной «дельты» и дефект забоя «ро», превративший новую «эпсилон» в подобие «теты» (рис. 3, 7). Читать же цифру единиц даты как «тету» нет оснований, поскольку существующий парижский экземпляр статера 109 г. херс.э. представлен совершенно новым штемпелем оборотной стороны (рис. 3, 8). В следующем году происходит смена штемпеля лицевых сторон херсонесских статеров [26, № 6; 23, № 864]. Эпизодическая эксплуатация впервые применявшегося в 110 г. херс. э. (85/6 г.) штемпеля лицевых сторон (рис. 3, 9-10) продолжалась до 122 г. херс. э. (97/8 г.) [39; 26, № 9; 23, № 869], а после незначительной доработки – в 123 (98/9 г.) и 125 гг. херс. э. (100/1 г.) [23, № 870]. Это редкий пример длительного шестнадцатилетнего использования одного штемпеля, но подобное возможно лишь в чеканке золотых монет, когда малая плотность металла и ограниченные тиражи незначительно влияют на износ рабочего инструмента. Всю золотую чеканку Херсонеса сопровождает изображение монограммы ПАР, чтение которой как имени Девы безусловно доказано А.Л.Бертье-Делагардом находкой монеты с написанием полного имени на обычном месте монограммы [33, с. 10-11, табл., № 5].

Обнаружение статеров 105 г. херс. э. (80/1 г.) позволяет обратиться к наблюдению о тесной связи золотых чеканок Херсонеса и Боспора, сделанному некогда А.Н.Зографом [17, с. 155] и использовашемуся П.О.Карышковским для уточнения начального года эры Херсонеса. Аргументом в пользу параллельности выпусков являлось убеждение, что при Тите (79-81 гг.) на Херсонес распространялся запрет чеканки, а известный ранее статер 104 г. херс. э. (79/80 г.) относился к концу правления Веспасиана, в то время как и на Боспоре золото при Тите не чеканилось [24, с. 110]. Действительно, в чеканке Боспора не известен статер 376 г. босп. э. (79/80 г.), но для двух последующих годов статеры существуют [40, табл. IV, 87; 41, №№ 360-361; 23, №№ 1463, 1464]. В Херсонесе при Тите чеканка производилась, причем выпуск статеров в двух годах его правления не оставляет возможностей для манипуляций датой херсонесской эры в пределах начала или конца года. Очевидно, что сравнение относительно регулярной чеканки золота на Боспоре и эпизодической – в Херсонесе никак не может служить объективным критерием в уточнениях датировок эр. В этом отношении убедительны и контраргументы, приводившиеся В.А.Анохиным в доказательство уточнения начальной даты херсонесской эры [19, с. 66-75], с той оговоркой, что в построенные им сравнительные таблицы вкралась досадная ошибка, сдвинувшая нумерацию годов н. э. на год вперед, и из-за которой следует исправить во всех таблицах [19, рис. 1-4] «года херс. эры»: (24 г. до н.э.) на (25 г. до н. э.) и. Таким образом, последняя строка таблиц (<25> г. до н.э.)

Рис. 3. Медные денарии (ассарии) Херсонеса: 1-3 – 104 г. херс. э. (79/80 г.), 11 – недатированный ок. 81-84 гг. с оттиском штемпеля оборотных сторон, предположительно использовавшегося после правки в чеканке статера 104 г. херс. э. Золотые статеры: 4 – 104 г. херс. э. (79/80 г.), 5-7 – 105 г. херс. э. (80/1 г.), 8 – 109 г. херс. э. (84/5 г.), 9 – 110 г. херс. э. (85/6 г.), 10 – 119 г. херс. э. (94/5 г.).

становится излишней, а приводимая аргументация убедительно доказывает, что начало херсонесской эры приходилось на 25 г. до н.э., окончательно принятый А.Л.Бертье-Делагардом [42, с. 108-113, №№ 106, 137, 142, 164, 194] и подтвердившийся П.О.Карышковским [24]. Представим графическую схему соответствия годов херсонесской эры годам н.э., принимая во внимание, что начало счисления херсонесского календаря приходилось, по расчетам А.Л. Бертье-Делагарда, на месяц апрель [12, с. 60-61].

Обращаясь к схеме, можно заметить, что прекращение чеканки тетрассари-

ев действительно совпадет с последним годом правления Домициана, по мнению В.А. Анохина, «последним годом, когда чеканка была разрешена» [22, с. 67]. Как видно, если запрет существовал, он не распространялся на выпуск статеров. Наиболее заметным и продолжительным является перерыв в монетной чеканке между 110 и 119 гг. (85/6-94/5 гг.), обусловленный для золота определенно не запретами со стороны Рима, а иными причинами. О существовании такого перерыва можно заключить по отсутствию следов каких-либо промежуточных исправлений на штемпеле оборотной стороны статеров 119 г. херс. э., переправленном из штемпеля статеров 110 г. херс. э. [26, №№ 6-7]. Впервые используемый в 110 г. херс. э. новый штемпель оборотной стороны статера имеет крупные механические повреждения в виде значительного скола края в верхней части и глубокой лакуны с округлыми краями – в нижней. Все эти дефекты с незначительным расширением лакуны повторяются в штемпеле 119 г. херс. э. Беспрецедентные следы сколов нового штемпеля при чеканке такого мягкого и не способствующего его износу металла, как золото, объяснимы лишь вторичным использованием его, ранее получившего повреждения при чеканке на более

Табл. I.

гг. н. э Август (13.01.27 г. до н.э.-19.08.14 г.). | Тиберий (19.08.14-16.03.37 гг.)
1↓ 2 ↓ 3 ↓ 4 ↓ 5 ↓ 6 ↓ 7 ↓ 8 ↓ 9 ↓10↓11↓12↓13↓14↓15↓16↓17↓18↓19↓20↓21↓22↓23↓24↓25↓26
↑26↑27↑28↑29↑30↑31↑32↑33↑34↑35↑36↑37↑38↑39↑40↑41↑42↑43↑44↑45↑46↑47↑48↑49↑50↑
гг. херс. э.

гг. н. э. | Калигула | Клавдий (25.01.41-13.10.54 гг.)
↓27↓28↓29↓30↓31↓32↓33↓34↓35↓36↓37↓38↓39↓40↓41↓42↓43↓44↓45↓46↓47↓48↓49↓50↓51↓
51↑52↑53↑54↑55↑56↑57↑58↑59↑60↑61↑62↑63↑64↑65↑66↑67↑68↑69↑70↑71↑72↑73↑74↑75↑76
гг. херс. э.

гг. н. э. | Нерон (13.10.54-9.06.68 гг.) | * | Веспасиан (1.07.69-23.06.79 гг.)
52↓53↓54↓55↓56↓57↓58↓59↓60↓61↓62↓63↓64↓65↓66↓67↓68↓69↓70↓71↓72↓73↓74↓75↓76↓77
↑77↑78↑79↑80↑81↑82↑83↑84↑85↑86↑87↑88↑89↑90↑91↑92↑93↑94↑95↑96↑97↑98↑99↑100↑101↑
гг. херс. э.

гг. н. э. | Тит | Домициан (14.09.81-18.09.96 гг.) | Нерва
↓ 78 ↓ 79 ↓ 80 ↓ 81 ↓ 82 ↓ 83 ↓ 84 ↓ 85 ↓ 86 ↓ 87 ↓ 88 ↓ 89 ↓ 90 ↓ 91 ↓ 92 ↓ 93 ↓ 94 ↓ 95 ↓ 96 ↓ 97
102↑103↑104↑105↑106↑107↑108↑109↑110↑111↑112↑113↑114↑115↑116↑117↑118↑119↑120↑121↑
гг. херс. э.

гг. н.э.| Траян (28.01.98-8.08.117 гг.) |
↓ 98 ↓ 99 ↓100↓101↓102↓103↓104↓105↓106↓107↓108↓109↓110↓111↓112↓113↓114↓115↓116↓117
122↑123↑124↑125↑126↑127↑128↑129↑130↑131↑132↑133↑134↑135↑136↑137↑138↑139↑140↑141↑
гг. херс. э.

гг. н.э. Адриан (11.08.117-10.07.138 гг.)
↓118 ↓119↓120↓121↓122↓123↓124↓125↓126↓127↓128↓129↓130↓131↓132↓133↓134↓135↓136↓137
142↑143↑144↑145↑146↑147↑148↑149↑150↑151↑152↑153↑154↑155↑156↑157↑158↑159↑160↑161↑
гг. херс. э. | боспорская зависимость |

* Гальба (6.06.68-15.01.69 гг.), Оттон (15.01-25.04.69 г.), Вителлиус (2.01-20.12.69 г.).

Тонированием выделены годы чеканки херсонесских монет: 00 – золота, 00 – датированной меди (бронзы), 00 – недатированных медных монет.

твердом материале – меди или бронзе. Поиски такового по оттискам на медных монетах останавливаются на штемпеле оборотной стороны недатированного выпуска первых лет правления Домициана (14.09.81-18.09.96 гг.). Весь выпуск представляют монеты, битые двумя штемпелями лицевых сторон [20, табл. XIX, 36; 17, табл. XXXVII, 4; 21, с. 64, №№ 80-84, табл. VI, 4-8; 22, №№ 208-210; 23, № 839; 43, no. 952]. К их номиналу и датировке мы обратимся позже. Представляемый штемпель оборотной стороны (рис. 3, 11) не опубликован. Отличия в изображениях между ним и оттисками штемпелей статеров существенны, но объяснимы производившейся правкой перед вторичным использованием; в нижней части фигуры Девы сохранились следы не устраняемого крупного дефекта в виде скола по краю поля рабочего инструмента. Подобное применение сработанного штемпеля медных монет для статеров свидетельствует о поспешности в подготовке золотой чеканки, стихийности ее организации, не регламентированной санкциями со стороны Рима. Ранее предполагалась связь выпусков херсонесских золотых статеров с неотлагательными вынужденными расходами города, возможно, выплатами скифским царям, как это обстояло в Ольвии по эпиграфическим свидетельствам [26, с. 446-447; 44]. В том же русле находятся спешность и небрежность, проявлявшиеся в подготовке штемпелей, отсутствие связи сроков золотой чеканки Херсонеса с выпусками золота Боспором или сменой императоров Рима.

В монетном деле Херсонеса победа Рима в Боспорской войне, по мнению В.А. Анохина, отразилась на выпуске первых датированных херсонесских золотых статеров в 71 (46/7 г.) [37, рис. I, 7; 21, № 20, табл. II, *1*; 22, № 215; 23, № 844; 26, № 2] и 73 (48/9 г.) гг. херс. э. [45, pl. M, 4; 46, Taf. I, *7*; 4, табл. XV, *44*; 34, Taf. I, *10*; 17, табл. XXXVII, 12; 37, рис. I, *2*; 21, № 21, табл. II, 2; 22, № 216; 23, № 845; 26, № 3]. Соображения о привилегиях не могут подтверждаться самой чеканкой золота в Херсонесе, которая едва ли приурочивалась ко временам его благополучия. Напротив, отсутствие выпусков золота и чеканка медных монет сопутствуют временам относительного спокойствия и пребывания в Херсонесе римских подразделений. Именно так обстояло с датированными медными монетами со знаком стоимости семиса в 74 (49/50 г.) [9, Taf. I,7; 34, S. 7, Abb.; 21, №№ 23-24, табл. II, *4-5*; 22, № 218; 23, №№ 846-847; 27, № 61] и 75-78 (50/1-53/4 гг.) гг. херс. э. [47, pl. IX, *7*; 32, табл. IV, 2; 4, табл. XVI, *89*; 30, табл. II, *37*; 17, табл. XXXVII, 5-6; 36, рис. 30, *1*; 21, №№ 25-39, табл. II, *6-19*; 22, №№ 219-222; 23, №№ 848-851; 27, № 66]. Можно полагать, что изображение Нике на них и, вместе с тем, исчезновение из нового монетного типа монограммы ПАР означали, что инициатива чеканки исходила не от города, а предназначение ее было связано с пребыванием в городе подразделений римской армии, на что, возможно, и указывал монетный тип с изображением венчающей Нике.

Отмечавшееся В.А.Анохиным увеличение штемпелей лицевой стороны семисов последнего из обозначаемых на них года чеканки (78 г. херс. э.), объяснимо

Рис. 4. Семисы (1-16) и денарии (ассарии) Херсонеса (17-18): 1-5 – семисы 74 г. херс. э. (49/50 г.), 6-7 – 75 г. херс. э. (50/1 г.), 8 – 76 г. херс. э. (51/2 г.), 9 – 78 г. херс. э. (53/4 г.) без знака стоимости, 10-14 – семисы-денарии 78 г. херс. э. (53/4 г.) с головой Клавдия и знаком стоимости х на лицевой стороне, чеканившиеся вначале правления Нерона, 15-16 – недатированные семисы-динарии ок. 57-59 гг.

продолжением выпуска части их в начале правления Нерона (54–68 гг.). В связи с этим, вероятно, находятся вносимые в монетный тип изменения: перед портретом Клавдия появляется знак номинала – х (рис. 4, 10-14). Также в правление Нерона в Херсонесе продолжается использовавший один штемпель лицевой стороны несанкционированный выпуск недатированных монет [21, №№ 40-44, табл. III, 1-5; 22, № 223; 23, № 852; 27, № 69] с портретом Клавдия, повторяющих

тип прежних, но первый знак номинала ϰ на них крупнее, а второй – «стигма» приобретает по мере смены штемпелей оборотных сторон условную конфигурацию, а на заключающих чеканку штемпелях – исчезает [21, № 45, табл. III, 6; 22, № 225; 23, № 854]. В той же чеканке на оборотной стороне появляется сокращенный до двух букв демотикон, дублирующий таковой на лицевой, очевидно, в связи с искажением изображений последнего в процессе эксплуатации штемпеля [22, № 224; 23, № 854] (рис. 4, 16). Таким образом, для Херсонеса отмечается период действия запрета в чеканке для времени Нерона, которым А.Л.Бертье-Делагард объяснял перерыв в чеканке после 54 г. [12, с. 67], но это ограничение обходилось городом путем выпуска недатированных монет с монетным типом времени предшественника Нерона – Клавдия.

Монограмма ПАР находится на оборотной стороне медных монет, однотипных с упомянутым выпуском 104 г. херс. э., но отличающихся отсутствием бороды у персонажа аверса и исчезновением даты на реверсе (рис. 5, 1-5) [20, табл. IX, 36; 17, табл. XXXVII, 4; 21, №№ 80-84, табл. VI, 4-8; 22, №№ 208-210; 23, № 839]. Датирование их В.А.Анохиным непосредственно «предъэлевтерийным» временем ок. 132-138 гг. [21, с.31] по сходству изображения фигуры Девы на одном из штемпелей с аналогичным – на статере 158 г. херс. э. (133/4 г.) [14, pl. IV, 25; 17, табл. XXXVII, *15*; 48, с. 246, рис. I, 5; 37, рис. I, *6*; 21, № 79, табл. VI, *3*; 22, № 249; 23, № 875] (рис. 5, *7*), возможно, могло бы подкрепить наблюдение, что другой штемпель (рис. 5, *3*) имеет сходство с подобным изображением оборотной стороны статера 157 г. херс. э. (132/3 г.), лицевая сторона которого (рис. 5, *6*) бита общим штемпелем со статером 158 г. херс. э. и позволяет обнаружить наличие демотикона ХЕР, стертого на экземпляре Одесского музея. Но проработка монограммы ПАР и деталей фигуры Девы на статерах не идут ни в какое сравнение с небрежностью рисунка оборотных сторон медных монет. Сам В.А.Анохин, очевидно, счел свою аргументацию малоубедительной и от пред-

Рис. 5. 1-5 – недатированные денарии (ок. 81-84 гг.); 6-7 – золотые статеры Херсонеса 157 (132/3 г.) и 158 (133/4 г.) гг. херс. э., битые общим штемпелем лицевой стороны.

лагавшейся датировки серии впоследствии отказался, признав их тетрахалками, рассматриваемыми как продолжение чеканки ассария с «дельтой» под монограммой, и отнеся к концу I в. до н. э. – началу I в. н. э. [22, №№ 208-210] или около 1-15 гг. [23, № 839]. К.В.Голенко отмечал «хронологическое единство» этих монет с выпуском 80 г. (104 г. херс. э.) и необходимость «отделить» их от серии Зевс – Дева [49, с. 73]. Следуя логике предшествования им однотипной с ними датированной 104 г. херс. э. медной монеты, мы можем отнести эти недатированные выпуски к начальным годам правления Домициана (81-96 гг.), голова которого, очевидно, и изображается на лицевой стороне этих монет. Как отмечалось ранее, один из штемпелей их оборотных сторон предположительно использовался для изготовления штемпеля статера 110 г. херс. э. (85/6 г.), что позволяет ограничить датировку этих медных монет 81-84 гг.

В довершение обзора монетной чеканки Херсонеса 46-134 гг. коснемся вопроса номиналов медных монет, которые принято считать ассариями. Несомненно, не лишены логики рассуждения, что если выпускались тетрассарии и первый выпуск их имел знак соответствующей стоимости, то монеты, вес которых в четыре раза меньше тетрассария, должны приниматься за ассарии. Но эта логика справедлива в случае, когда заведомо известно, что монеты соответствуют одной системе счета. На примере выпуска большей части медных монет с датой 78 (ОН) и последующей чеканки однотипных с ними, но лишенных даты и относящихся, очевидно, как и первые, ко времени обходимого Херсонесом запрета чеканки со стороны Нерона (54-68 гг.), мы видим, что наряду с продолжавшимися помещаться на них знаками стоимости семиса, выраженного в унциях, появляется общепринятый знак денария (x). Несколько иные по начертанию, но также знаки денария (✶), какие наблюдаются на медных денариях Боспорского царства, находятся на медных херсонесских монетах 104 г. херс. э. (рис. 3, *1-3*) и недатированном выпуске ок. 81-84 гг. (рис. 5, *1-5*), а также неопределяемого точно по времени – без монограммы [4, табл. XVI, *96*; 25, табл. XXXI, *8*; 17, табл. XXXVII, *3*; 21, №№ 16-17, табл. I, *16-17*; 22, №№ 211-212; 23, №№ 840-841] (рис. 4, *17-18*), то есть всех медных – рассматриваемого периода, кроме отмечавшихся цифровыми знаками стоимости семисов и тетрассариев. Можно предполагать, что в стоимостном отношении медный денарий соответствовал ассарию.

Началу чеканки тетрассариев в 69 г. предшествовало важное в истории Херсонеса событие – снявшая с него осаду скифов экспедиция римских воинских подразделений, находившихся под командованием легата Мезии Тиберия Плавтия Сильвана Элиана. В.В.Латышев относил надпись в честь Плавтия Сильвана к 60-м годам [50, с. 11-12]. Уточнение даты экспедиции по освобождению Херсонеса от осады скифов предпринималось исследователями, датировавшими ее 63-66 гг. А.В.Орешников, датируя начало чеканки тетрассариев примерно точно (благодаря суммированию ошибок в чтении дат +10 лет и в представлении о начале эры Херсонеса – 11 лет), связывал их с компанией Плавтия Сильвана.

Как отмечал А.Н.Зограф, след усиления римского влияния в нумизматике Херсонеса наблюдается только в выпуске тетрассариев, конкретно – в их лозунге [17, с. 155]. Следует заметить, что характер экспедиции Плавтия Сильвана не предполагал какого-то длительного базирования войск в Херсонесе. Решающее значение для вхождения Херсонеса в новый исторический период «священного мира» имело, несомненно, изменение политики Рима по отношению к Херсонесу со вступлением на престол Римской империи Веспасиана. Естественно, что тесные взаимоотношения Херсонеса с Римом влекли за собой и освобождение от боспорской зависимости.

По замечанию А.Н.Зографа, изображение фигуры Девы на тетрассариях с легендой ЕІРНNНС СЕВАСТНС отклонятся от более распространенной позы ее изображений на других херсонесских монетах [25, с. 355]. По существу, поза ее на тетрассариях отличается разворотом фигуры в профиль, отчего она предстает как бы бегущей. Как можно заметить, на голове ее нет такого атрибута, как башенная (изображаемая в виде трех лучей) корона. На штемпелях тетрассариев 94 и 96 гг. херс. э. с тщательной проработкой деталей заметен узел прически, подобный узлу с развивающимися прядками в изображении ее бюста на тетрассариях выпуска 93 г. херс. э. А.Н.Зограф отмечал, что именно такое изображение головы Девы с узлом в прическе соответствует полнофигурному статуарному. Эта новая ракурсная трактовка статуарного изображения обнаруживает несомненное сходство с Нике, изображавшейся с развивающимися полами длинного хитона под короткой верхней одеждой. Впервые в нумизматике Боспора стилистически сходная с Девой фигура Нике отмечается на золотых статерах Митридата III (39-45 гг.). На боспорских дупондиях при Нероне, затем – сестерциях появляется Нике в той же «бегущей» позе, что и Дева-Херсонаса, но на боспорских монетах она всегда обращена влево. Возможно, в иконографии херсонесской Девы на тетрассариях она сознательно противопоставляется боспорской Нике стилистическим сходством и противоположным разворотом фигуры, олицетворяя освобождение города от боспорской зависимости.

В чеканке семисов с обозначениями в римской системе номиналов и выпуске тетрассариев наблюдается некое сходство: первая приходятся на период размещения в Херсонесе римских воинских подразделений – базирования римского флота в 50-54 гг., легенда тетрассариев сообщает о пребывания Херсонеса в «священном мире» с Римом начиная с 69 г. Оба периода отличаются выпуском монет без монограммы имени городской богини, кроме первых годов, когда монограмма сопутствует знаку стоимости. В оба периода после первого года чеканки происходит смена монетного типа, в первом случае сопровождающаяся заменой типа оборотной стороны «бегущего оленя» изображением Нике, во втором – появлением головы Аполлона. Все остальное время в рассматриваемом промежутке чеканятся монеты городских типов с монограммой ПАР: золотые – без обозначений номинала и медные – со знаком денария (табл. II). Необычным

явлением представляется выпуск в 119 и 120 гг. херс. э. лишенных демотикона тетрассариев с легендой «священного мира». Подобная анонимность выпуска наряду с использованием монетного типа четвертьвековой давности указывают на вероятность его неофициального характера, очевидно, продиктованного ограничениями, распространявшимися на медь крупных номиналов. Вместе с тем можно отметить, что необходимым условием подобной чеканки подражательного характера являлось участие в монетном обращении ее прототипов, и оно подтверждается находками небольших кладиков с потертыми и надчеканенными тетрассариями всех типов, обращение которых в качестве единственного крупного номинала продолжалось до начала второй элевтерии и далее до естественного износа и выбывания монетного кружка из обращения.

Клад, найденный в 2011 г. под западными склонами горы Чатыр-Даг, заключал в себе монеты двух номиналов: снабженные надчеканкой и истертые в обращении тетрассарии 93-120 гг. херс. э. (7 экз.) и блистающие сохранностью медные монеты младшего номинала типа «Дева, поражающая лань, влево – ХЕР, бодающий бык влево» [21, табл. X, *11-13*, XI, *1-9*; 22, №№ 271-272] (8 экз.). Состав клада неполон, по имеющимся данным в нем находилось еще три монеты с изображениями Девы с ланью и быка. Возможно, часть клада осталась не обнаруженной, поскольку он был рассредоточен на участке земли. Можно отметить типичность находок подобных ему по составу кладиков в отдаленной сельской округе Херсонеса, причем создается впечатление, что степень потертости тетрассариев возрастает по мере отдаления места сокрытия от Херсонеса. Клад, найденный возле Чатыр-Дага, отмечает крайнюю восточную границу подобных ему находок. Возможно, расширение границ хозяйственной округи Херсонеса происходило в то время, когда тетрассарии продолжали активно участвовать в обращении, а сокрытия или потери монет в основном случались вблизи этих границ. Судя по крайней истертости тетрассариев, их участие в монетной сфере было продолжительным. В кладе представлены следующие типы тетрассариев (буквенное обозначение штемпелей в соответствии с приводившимся описанием):

1. 93 г. херс. э. (68/9 г.) – штемпели **Б-а** (№ 2-*3*). Рис. 5, *1*.
2. То же – штемпели **В-в** (№ 5-*3*). Рис. 6, *2*.
3. То же – штемпели **Г-г** (№ 6-*2*). Рис. 6, *3*.
4. 120 г. (эры ?) = 97/8 гг. херс. э. (72-74 гг.) – штемпели **Д-ф** (№ 22-5). Рис.6,*4*.
5. 119 г. херс. э. (94/5 г.) – штемпели **Ж-щ** (№ 28-*1*). Рис. 6, *5*.
6. 120 г. херс. э. (95/6 г.) – штемпели **К-аа** (№ 35-*1*). Рис. 6, *6*.
7. Неопределенный 94-120 гг. херс. э. Рис. 6, *7*.

Отсутствие современных или близких по времени тетрассариям других монет представляет типичный случай для кладов, состоящих из монет разных номиналов. К.В.Голенко отмечал на примерах херсонесских находок и состава Патрейского клада 1950 г., что «монеты крупного номинала, как мы знаем, долго задерживаются в обращении» [49, с. 72]. Входившие в состав клада монеты

мелкого номинала «Дева с ланью – бык» чеканены двумя штемпелями лицевой стороны; оттиск первого – представлен одним экземпляром (рис. 6, *8*), а второго – находится на остальных (рис. 6, *9-14*). Для последних – использовалось три штемпеля оборотных сторон. Несомненно, что они, не несущие на себе следов потертости, являются наиболее поздними в кладе.

Судя по изглаженности надчеканки на выступающей части одного из тетрассариев, значительную часть периода обращения он прошел, уже будучи

Рис. 6. Клад 2012 г. из-под Чатыр-Дага: *1-3* – тетрассарии 93 г. херс. э., *4* – тетрассарий 120 г. (эры?) = 97/8 г. херс. э., *5* – тетрассарий 119 г. херс. э., *6* – тетрассарий 120 г. херс. э., *7* – неопределенный тетрассарий 119-120 гг. херс. э., *8-15* ссарии типа «Дева, поражающая лань – бодающий бык».

снабженным ею. Этому соответствует предполагавшаяся В.А.Анохиным датировка надчеканок на тетрассариях (и других затертых крупных монетах) началом правления Адриана (117-138 гг.). А.Н.Зограф считал, что разделяемые им на две группы тетрассарии уже к моменту наложения на них надчеканок имели «необычайно стертый вид», который свидетельствует об обращении их «в течение десятков лет вплоть до получения городом элевтерии» [17, с. 158]. Очевидно, что ему не были известны экземпляры раннего выпуска тетрассариев без следов значительной потертости с надчеканками. На основании наблюдений над продолжительностью обращения тетрассариев он полагал, что вплоть до начала второй элевтерии кроме них медных монет в Херсонесе не чеканилось. На подобном основании он отнес чеканку мелких монет типа «Дева с ланью – бык» ко времени второй элевтерии и, ориентируясь на номиналы выделяемых им серий, первым закрепил за ними определение стоимости «дупондий, а не ассарий» [17, с.159]. Ту же датировку принял для них В.А.Анохин, причисляющий эти монеты к дупондиям на том основании, что «знак ценности никогда не ставился на дупондии, типы которого – Дева с ланью и бык – были искони присущи номиналу в 2 единицы» [21, с. 39]. Это созвучно с суждением А.Н.Зографа, что «монеты с подобными рассматриваемым монетам типами Девы, разящей оленя, и бодающегося быка всегда и неизменно представляют в них один из младших номиналов и именно номинал в две единицы, т.е. дупондий – два ассария» [17, с. 153]. Можно отметить, что монетный тип «Дева с ланью – бодающий бык», проходящий через всю античную нумизматику Херсонеса, далеко не последовательно соответствовал определенному номиналу. После выпуска предположительно дихалков в начале III в. до н.э. [17, табл. XXXV, *24-25*; 22, №№ 77-81] монетные изображения сторон врозь активно эксплуатируются как в типах медной чеканки, также и серебряной, и только через два с лишним столетия объединяются в выпуске меди, определяемом как обол с весом более 15 г [17, табл. XXXVII, *1*; 22, № 200], или в оболе с именем Аполлонида [17, табл. XXXVII, *2*; 22, № 201]. Убедительный пример в опровержение привязки монетных типов к определенным номиналам в херсонесской монетной чеканке приводился К.В.Голенко [49, с. 72]. Датировка этих монет представляет несомненный интерес в связи с выяснением времени сокрытия клада. Отсутствие в нем (и ему подобных) каких-либо монет второй элевтерии определенно свидетельствует о чеканке типа «Дева с ланью – бодающий бык» в доэлевтерийное время. Участвуя в монетном обращении вместе с тетрассариями, эти монеты могли представлять ассарий. Их выпуск мог начинаться после 120 г. херс. э. и эпизодически возобновляясь (о чем свидетельствует отсутствие связи 13 лицевых штемпелей) продолжаться до получения городом элевтерии, возможно, с перерывом в чеканке, приходившимся на время нового подчинения города Боспору при императоре Адриане в 145-153 гг. херс. э. (120-129 гг.). Датировка видов в рамках одного типа этих монет требует специального исследования с привлечением совместных с ними

монетных находок в археологических комплексах и слоях городища. В самых общих чертах время сокрытия клада тетрасариев и ассариев типа «Дева с ланью – бодающий бык» может определяться 30-ми годами II в.

Страбон сообщал, что в Херсонесе все подчиняется боспорским царям «с тех пор и поныне» [*Straboni* Geogr., lib. VII, *3, 5, 7*], как это, очевидно, обстояло в 20-х годах I в. н.э. Плиний (ок. 77 г. н.э.) говорит, что римлянами была дана свобода городу [*Plin*., Historia Naturalis, IV, 85]. А.Л.Бертье-Делагард обращал внимание на разноречия в свидетельствах Страбона и Плиния о политическом статусе Херсонеса, но трактовал это как различия в осведомленности авторов [12, с. 68]. Мнение, что под свободой у Плиния подразумевается освобождение Херсонеса от боспорской зависимости после победной войны Рима с Митридатом III, как и получение им каких-то привилегий за участие в войне, едва ли правомерно. Про зависимость Херсонеса от Боспора по воле императора именно при Котие I сообщает Фрегонт Траллийский [*SC*, с. 512]. Город, несомненно, получает свободу на время затяжной войны Рима с Митридатом III, но также успевает оценить ее недостатки, заключавшиеся в необходимости самостоятельно противостоять воинственному скифскому и варварскому таврскому окружению. На время Боспорской войны приходится активизация пиратства тавров. Показателен эпизод захвата ими нескольких кораблей, возвращавшихся с Боспора после победы над Митридатом и его пленения (48/9 г.). «Несколько кораблей (ибо войско возвращалось морем) выбросило к берегу Тавров, и их окружили варвары, убившие префекта когорты и множество воинов из вспомогательного отряда» [*Tac*., Ann., XII, 17]. Хронологию этапов этой войны уточняет ставший недавно известным золотой статер Митридата III, отчеканенный в 341 г. босп. э. (44/5 г.) [23, № 1431]. В год окончания второго этапа войны в Херсонесе чеканились статеры 73 г. херс. э. (48/9 г.), представлявшие второй выпуск после предшествующей чеканки статеров в 71 г. херс. э. (46/7 г.). Таким предстает короткий эпизод свободы Херсонеса, закончившийся новым периодом зависимости от Боспора при Котие I. А.Н.Зограф замечал, что «на золотую же чеканку Херсонеса ни в коем случае нельзя смотреть как на симптом освобождения города от Рима или от Боспора» [17, с. 155], с чем трудно согласиться, хотя и нечем возразить, поскольку свобода от Рима или от Боспора имела различия. М.И.Ростовцев объяснял неудержимое стремление Херсонеса к свободе тем, что таковая libertas, получаемая от Рима и сопровождавшаяся охраной города, была, несомненно, выгоднее симмахии с Боспором, не способной обеспечить подобную эффективную защиту [51, с. 12]. Под симмахией М.И.Ростовцев понимал ту формальную зависимость от Боспора, в которой Херсонес сам был заинтересован, хотя и в меньшей степени, чем в римской свободе. Можно согласиться с тем, что выпуск в Херсонесе статеров «обусловливается скорее политическими, чем экономическими принципами» [17, с. 155], но все зависит от того, рассматривать ли предназначавшуюся, допустим, для выплаты варварам чеканку как акт политический

или экономический? Заметим, что А.Н. Зографу из ранних статеров Херсонеса был известен только статер 73 г. херс. э. (48/9 г.). Наиболее показательно, что первый херсонесский статер, которым мы можем считать статер 71 г. херс. э. (46/7 г.), несет на себе впервые отраженное в нумизматике Херсонеса обозначение даты в годах эры Херсонеса. В эпиграфике датирование надписей известно только со II в. Не принципиально – статер или медная монета, важно совпадение начала датирования монет с освобождением от боспорской зависимости по успешному завершению первого этапа войны. Можно полностью согласиться с В.А. Анохиным в том, что «признание факта освобождения Херсонеса из-под власти Боспора в 45-46 гг. н. э. устраняет казавшееся до сих пор неразрешимым противоречие между упомянутыми выше свидетельствами Страбона и Плиния» [21, с. 21].

В связи с упоминавшимися чеканками золотых статеров 71 и 73 гг. херс. э. кажется оправданным привлечение к исследованию эпиграфического свидетельства – сохранившегося фрагментарно почетного декрета IOSPE I^2, 355. При первом издании его В.В.Латышев предполагал относить декрет ко времени одного из первых римских императоров [52, с. 18], но в IOSPE разделил мнение Канья о датировке его временем правления Тиберия (14-37 гг.). В.Н.Дьяков, исходя из содержания декрета и реконструкции взаимоотношений Херсонеса с Римом, предполагал, что он был издан в правление Нерона (54-68 гг.), а упоминавшееся в нем освобождение города от тирана связывал с экспедицией Плавтия Сильвана [53, с. 90, пр. 3]. В.А.Анохин, отмечая недостаточную убедительность аргументаций исследователей, обращал внимание на то, что в декрете нет никакого намека на участие в освобождении от тирана местных племен и римского войска, и другие несоответствия в предлагавшихся обоснованиях датировок [21, с. 22]. Он считал возможным относить декрет ко времени борьбы Рима с Митридатом III и датировать его серединой 40-х годов I в. Как кажется, найдется еще ряд неучтенных В.А.Анохиным аргументов в пользу такой датировки, что позволяет разделить его мнение. Несмотря на фрагментарность, декрет позволяет уяснить упоминаемые в хронологической последовательности заслуги чествуемого гражданина Херсонеса, имени которого на камне не сохранилось. Во время его отсутствия, связанного, очевидно, с посольством, город оказывается притеснен тираном, от которого чествуемый освобождает город по своему возвращению. В другой раз он осуществляет посольство ради получения городом свободы, а возвратившись, вновь застает горожан страдающими от тирана, и опять освобождает их, избавляя город от опасности. Если не принимать неудачное восстановление В.В.Латышевым ст. 31, ориентируемое на связь расходования личных средств гражданина с защитой со стороны Рима, можно понять, что именно личными расходами ταῖς ἰδί[αις δαπάναις...] гражданин достиг восстановления желанной свободы отечества [... τὰν] πάτριον Χερσονασίταις ἐλευθερία[ν ...], за что и был удостоен золотого венка и статуи. Ситуация безусловно перекликается с описанной

1 *2* *3*

Рис. 7. Денарий с датами ОЄ (75) на обеих сторонах.

в ольвийском декрете в честь Протогена, который дважды спасал город, предоставляя по 400 золотых для выплат «даров» скифским царям [IOSPE I², с. 54]. Упоминание об угрозе со стороны окружившего город неприятеля и отправке каких-то даров содержится в другом ольвийском декрете середины I в. н. э. [44, с. 36]. В херсонесском декрете наблюдается и другое сходство с ситуацией протогеновского – это волнения, начавшиеся в городе в связи с недостатками в пропитании. В.В.Латышев понимал под тираном некую личность, действовавшую внутри города посредством своих сторонников, а волнения горожан связывал с политической борьбой, ориентируясь на это в восстановлении утрат текста. Но упоминаемые волнения (ταραχάς), приведшие некоторых из граждан «к смерти от гнева толпы», никак не указывают на наличие сторонников у тирана внутри города. Заметим, что в декрете в честь Протогена горожане проявляли обеспокоенность, но до восстания (στάσις) ни здесь, ни там не дошло. Можно понять, что в одиночку освободить город от осады тирана чествуемый херсонесит мог одним способом, а именно – предоставив ему в качестве «даров» установленное традицией количество золотых статеров. Совпадение годового промежутка между выпусками херсонесских статеров 71 и 73 гг. херс. э. с перерывом на осуществление посольства чествуемым между его двумя откупами от тиранов и датирующая декрет ситуация независимости от Боспора, когда и могли состояться посольства Херсонеса, подводят к предположению, что именно эти золотые статеры были отчеканены на личные средства чествуемого декретом гражданина.

Чеканка в 119-120 гг. херс. э. медных монет крупного номинала с легендой «священного мира» без этникона, подражавшая находившимися в обращении тетрассариям четвертьвековой давности, как и предшествующий 119 году херс. э. выпуск тетрассариев с датой 120 неизвестной эры остаются труднообъяснимыми явлениями в нумизматике Херсонеса. Если чеканка тетрассариев с датой 120, битых штемпелем лицевых сторон тетрассариев 94 и 96 гг. херс. э., осуществлялась в 97 или 98 гг. херс. э., то можно рассчитать, что начало счисления этой неизвестной эры приходилось то ли на 48 г. до н. э. (120-97=23 разница между годами эр, -25-23=-48 смещение точки отсчета эры относительно херсонесской), то ли на 47 г. до н. э. (120-98=22; -25-22=-47). Известно, что в 47 г. до н.э. Херсонес получил элевтерию от Цезаря. В.В.Латышев считал, что эра Херсонеса была принята задним числом, поскольку более ранних упо-

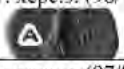
минаний дат этой эры, чем на золотом статере, не известно. Можно предположить, что при принятии Херсонесом эры, которое произошло задним числом в 46 г., был допущен просчет в счислении, в результате которого за начало ее был ошибочно принят год, соответствующий 25 г. до н. э., в то время как предполагалось вести отсчет от года первой элевтерии. Таким образом, счет годов херсонесской эры был начат с 70-го года. В 97-98 гг. херс. э. ошибка как-то обнаружилась, и Херсонес пытался внести исправления в счисление эры, отразившееся в чеканке тетрассариев с датой 120. Но, начиная со 104 г. херс. э., он восстанавливает прежний счет годов. На золотом статере 109 г. херс. э. впервые появляется развернутая легенда βασιλευούσης ἐτοῦς ρθ′ «*(вечного) царствования года 109*», сочетающаяся с монограммой имени Девы. Статеры предыдущих 104 и 105 гг. херс. э., как отмечалось, были чеканены в спешном порядке с использованием разбитого чеканкой штемпеля медных монет с минимальной его доработкой, не устранившей сколов на краях штемпеля. Возможно, для уточнения эры в условиях двойственной нумерации годов, возникшей в 97-98 гг. херс. э., и появляется развернутая формула в легенде статеров 109 г. херс. э. Не исключено, что только с этого времени Дева была признана вечной царицей, в чем могли бы найти объяснение отмечавшиеся В.В.Латышевым противоречия синхронности ее эпонимности и начала эры. Конечно, это только предположения. Возможно и иное: в Херсонесе в связи с какими-то связанными с проримской ориентацией причинами имела место неприжившаяся попытка принятия задним числом новой эры, ведшей счет годов то ли от первой элевтерии, то ли от победы Цезаря над Фарнаком.

В числе труднообъяснимых с позиций исследования явлений может рассматриваться медная монета со знаком денария и обозначением на обеих сторонах одинаковых цифр даты (рис. 7, *1-2*). На лицевой стороне ее находится изображение бюста бородатого Геракла в львином скальпе влево, перед ним демотикон ХЕР и шестиконечная звездочка, внизу слева – ОЄ (75). Тип оборотной стороны ее повторяет типы золотых статеров: под монограммой ПАР слева от фигуры Девы с занесенным над плечом дротиком размещены цифры даты ОЄ. Подобная монета, битая отличающимся от этой штемпелем оборотной стороны, была известна ранее (рис. 7, *3*), но потертость ее сторон затрудняла атрибутирование. Предполагавшаяся В.А.Анохиным датировка этого типа ок. 17-1 гг. до н. э. [22, № 207; 23, № 838] опиралась исключительно на ее типологическое сходство с монетным типом, который после пересмотра датировок нами отнесен к 104 г. херс. э. [21, № 76, табл. V, *9*; 22, № 206; 23, № 837], и после утраты опорной позиции требует пересмотра. Принадлежность ОЄ цифрам даты подкрепляется лунарной формой «эпсилона», отличающемуся от написания такового же в демотиконе. Вместе с тем, чтение даты как 75 г. херс. э. (50/1 г.) наталкивается на существование семисов этого года, чеканившихся в серии однотипных выпусков [21, №№ 25-26, табл. II, *6*; 22, № 219; 23, № 848].

Табл. II.

Знаки стоимости (номиналов) в монетной чеканке Херсонеса 46-167 гг.

Год херс. эры (Год н. э.)	Стоимость	Знак стоимости	Монограмма	Литература, примечания
71 г. херс. э. (46/7 г.)	статер	–	ΙΑΡ	37, рис. I, 7; 21, № 20, табл. II, 1; 22, № 215; 23, № 844; 26, № 2.
73 г. херс. э. (48/9 г.)	статер	–	ΙΑΡ	45, pl. M, *4*; 46; Taf. I, 7; 4, табл. XV, *44*; 34, Taf. I, *10*; 17, табл. XXXVII, 12; 37, рис. I, *2*; 21, № 21, табл. II, *2*; 22, № 216; 23, № 845; 26, № 3.
74 г. херс. э. (49/50 г.)	семис	ΙΑ	ΙΑΡ	9, Taf. I, 7; 34, S. 7, Abb.; 21, №№ 23-24, табл. II, *4-5*; 22, № 218; 23, № № 846-847; 27, № 61;
75 г. херс. э. (50/1 г.)	семис	ΙΑ	–	21, №№ 25-26, табл. II, *6*; 22, № 219; 23, № 848.
76 г. херс. э. (51/2 г.)	семис	ΙΑ	–	54, табл. II, *37*; 17, табл. XXXVII, 5; 21, №№ 27-29, табл. II, *7-9*; 22, № 220; 23, № 849.
77 г. херс. э. (52/3 г.)	семис	ΙΑ	–	47, pl. IX, *7*; 32, табл. IV, *2*; 4, табл. XVI, *89*; 21, №№ 30-31, табл. II, *10-11*; 22, № 221; 23, № 850.
78 г. херс. э. (53/4 г.)	семис	ΙΑ	–	21, № 33, табл. II, *13*.
<78>=79 г.х.э. (54/5 г.)	семис-денарий	ΙΑ ✱	–	17, табл. XXXVII, *6*; 36, рис. 30, *1*; 21, №№ 32, 34-39, табл. II, *12, 14-19*; 22, № 222; 23, № 851; 27, № 66;
Недатир. (ок. 56-60 гг.)	семис-денарий	ΙΑ ✱	–	4, табл. XVI, *94-95*; 21, №№ 40-45, табл. III, *1-6*; 22, №№ 223-225; 23, № 852; 27, № 69.
Недатир. (ок. 65-67 гг.)	денарий (ассарий)	✱	–	4, табл. XVI, *96*; 25, табл. XXXI, *8*; 17, табл. XXXVII, *3*; 21, №№ 16-17, табл. I, *16-17*; 22, №№ 211-212; 23, №№ 840-841.
93 г. херс. э. (68/9 г.)	тетрассарий	Δ	ΙΑΡ	29, табл. I, *2*; 54, табл. II, *34-35*; 17, табл. XXXVII, *11*; 21, с. 61, №№ 46-50, табл. III, 8 (об. ст.), 9 (об. ст.), 10; 22, №№ 226-227; 23, №№ 855-856.
93/4 гг. херс. э.	тетрассарий	–	ΙΑΡ	22, № 230; 23, № 859; 27, № 71.
94 г. херс. э. (69/70 г.)	тетрассарий	–	–	13, с. 17, рис. 3; 21, с. 61, №№ 53- 56, табл. III, *13, 14* (об. ст.), IV, *1* (об. ст.); 22, № 229; 23, № 858.
96 г. херс. э. (71/2 г.)	тетрассарий	–	–	4, табл. XVI, *99-100*; 6, табл. II, *18-19*; 25, табл. XXXI, *9*; 21, с. 62, № 56, 59, табл. IV, *2* (об. ст.), 5; 22, № 232 (об. ст.); 23, № 861 (об. ст.), 865.
120 г. (эры?) = 97/8 г. херс. э. (72-74 гг.)	Тетрассарий	–	–	20, табл. XIX, *37*; 17, табл. XXXVII, *8*; 21, с. 62, №№ 60- 64, 67, табл. IV, *6-8, 9* (об. ст.), *10*; 22, № № 236, 238 (об. ст.); 23, № 867; 27, №№ 72-73.
104 г. херс. э. (79/80 г.)	денарий (ассарий)	✱	ΙΑΡ	31, p. 29, pl. I, *6*; 21, № 76, табл. V, *9*; 22, № 206; 23, № 837.
То же	статер	–	ΙΑΡ	9, Taf. I, *6*; 4 , табл. XV, *45*; 17, табл. XXXVII, 13; 36, рис. 30, *2*; 37, рис. I, *3*; 21, № 51, табл. III, *11*; 22, № 228; 23, № 857; 26, № 4.

105 г. херс. э. (80/1 г.)	статер	–	ΓΑΡ	В данной публикации рис. 3, *5-7*.
Недатир. (ок. 81-84 гг.)	денарий (ассарий)	✶	ΓΑΡ	20, табл. XIX, *36*; 17, табл. XXXVII, *4*; 21, №№ 80-84, табл. VI, *4-8*; 22, №№ 208-210; 23, № 839; 43, по. 952.
109 г. херс.э. (84/5 г.)	статер	–	ΓΑΡ	38; 10, S. 273, Abb.; 37, рис. I, *4*; 21, № 52, табл. III, *12*; 22, № 233; 23, № 862; 26, № 5.
110 г. херс.э. (85/6 г.)	статер	–	ΓΑΡ	26, № 6; 23, № 864.
119 г. херс.э. (94/5 г.)	статер	–	ΓΑΡ	26, № 7; 23, № 865.
То же	тетрассарий	–	–	21, с. 62, № 65, табл. IV, *4*; 22, № 234; 23, № 863.
120 г. херс. э. (95/6 г.)	тетрассарий	–	–	3, табл. VII, *2*; 4, № 104, табл. XVI, *107*; 6, табл. II, *20*; 21, №№ 58, 66-75, табл. IV, *11* (об. ст.) , *12*, *13* (об. ст.), V, *1* (об. ст.), *2*, *3* (об. ст.), *4-7*, *8* (об. ст.); 22, №№ 238 (об. ст.) 239 (об. ст.), 240, 243, 244 (об. ст.), 245, 246 (об. ст.); 23, № 868.
121 г. херс.э. (96/7 г.) 	статер	–	ΓΑΡ	Исправленная цифра единиц года на статере 122 г. херс. э. (97/8 г.) 26, № 8.
122 г. херс.э. (97/8 г.)	статер	–	ΓΑΡ	39, с. 260-263; 26, № 9; 23, № 869.
123 г. херс.э. (98/9 г.)	статер	–	ΓΑΡ	Исправленная цифра единиц года на статере 125 г. херс. э. (100/1 г.).
125 г. херс.э. (100/1 г.)	статер	–	ΓΑΡ	23, № 870.
128 г. херс.э. (103/4 г.)	медный статер	–	ΓΑΡ	37, рис. I, *7*; 21, № 78, табл. VI, *2*; 22, №247; 23, № 871; 26, № 11.
131 г. херс.э. (106/7 г.)	статер	–	ΓΑΡ	4, с. 111, № 49, табл. XV, *43*; 6, табл. II, *21*; 17, табл. XXXVII, *14*; 21, № 77, табл. VI, *1*; 22, № 248; 23, № 872; 26, № 11.
133 г. херс.э. (108/9 г.)	медный статер с позолотой	–	ΓΑΡ	26, № 12; 23, № 873.
Недатированный (ок. 110-119 гг.)	ассарий	–	–	21, № 140, табл. X, *11* (Лиц. ст.), *11а* (Об. ст.), № 141, табл. X, *12* (Об. ст), № 142, табл. X, *13* (Об. ст.); 22, № 270; 23, № 893.
142 г. херс.э. (117/8 г.)	статер	–	ΓΑΡ	26, № 13; 23, № 874.
Недатированный (ок. 130-145 гг.)	ассарий	–	–	21, № 149, табл. XI, *7*.
157 г. херс.э. (132/3 г.)	статер	–	ΓΑΡ	В данной публикации рис. 5, *6*.
158 г. херс.э. (133/4 г.)	статер	–	ΓΑΡ	14, pl. IV, *25*; 17, табл. XXXVII, *15*; 37, рис. I, *6*; 21, № 79, табл. VI, *3*; 22, № 249; 23, № 875; 55, № 277; 26, № 15.
Недатированный (ок. 146-167 гг.)	ассарий	–	–	21, № 143-148, 150-151, табл. XI, *1* (Лиц. ст.), *1а* (Об. ст.), *2-5*, *6* (об. ст.), *6а* (об. ст.), 8-9; 22, №№ 271-272; 23, № 894.

Возможно, существование чеканенных в один год монет различных типов, отличающихся между собой как обозначениями номиналов в разных системах счета, так и наличием монограммы ПАР или ее отсутствием, позволяет обратиться к предположению В.А.Анохина о существовании в практике монетного дела Херсонеса двух центров чеканки – церковного (храма Девы) и муниципального монетных дворов. В свете подобного предположения находятся объяснения и отсутствию монограммы имени Девы на тетрассариях выпусков 94, 96, 119 и 120 гг. херс. э., и возможность такого уникального события, как использование даты 120 г. непривычной для города эры в городской чеканке.

Дополнение 1. Симметричные лунки на монетах.

На некоторых из тетрассариев выпуска 93 г. херс. э. присутствуют лунки, расположенные по сторонам возле центров (рис. 8). Б.В.Кёне первым обратил внимание на встречаемость на некоторых монетах Херсонеса лунок, симметрично расположенных на противоположных сторонах, предположив, что они могли быть оставлены каким-то инструментом, использовавшимся для округления монетных кружков [35, с. 190]. А.Л.Бертье-Делагард был удивительно близок к правильному объяснению подобных лунок, когда писал: «Показав полную пригодность старого объяснения я старался придумать что либо иное, но ничего вполне отвечающаго всему видимому не могу указать. Например, возможно было бы предположить, что монеты после чекана захватывали сильными щипцами, имевшими выступы в виде тупоконических остриев…» [33, с. 25]. Но развивая свою мысль в направлении возможности обкатки гуртов монет, он отказался от подобных рассуждений, придя к убеждению, что лунки на монетах оставлены вмонтированными в штемпеля острыми шипами, предназначенными для удержания монетного кружка от смещений при чеканке. Таким образом, он возвратился к первоначальным объяснениям происхождения лунок И.Экелем [2, p. LXV], несмотря на то, что ранее соглашавшийся с этим Э.Бабелон категорически отверг подобное объяснение [56, p. 941-943], а в опровержение его еще Хиллом были продемонстрированы две битые общим штемпелем монеты с различными расположениями на них лунок [57, p. 65]. Можно привести немало примеров в чеканке Боспорского царства I-II вв., когда лунки располагаются

Рис. 8. Симметричные лунки на тетрассарии 93 г. херс. э. (68/9 г.).

в различных местах у центра монетного поля на битых общим штемпелем бронзовых монетах исключительно крупных размеров.

Лунки представляют собой следы удержания монетного кружка в специальном ручном инструменте, обеспечивавшем минимальную площадь соприкосновения с монетой, а таким образом, и минимальный эффект теплоотвода при ее нагреве. Применение подобного инструмента ограничивается целевым назначением, а нагрев монетного кружка осуществляется в двух случаях: то ли при амальгамировании его поверхности для покрытия серебром (лунки от захвата в заостренные концы инструмента остаются незаполненные серебрением), то ли для промежуточного отжига недочеканенных монетных кружков при значительных их размерах и высоком рельефе чеканки, особенно необходимого для легко твердеющих от ковки бронзовых сплавов. Как известно, отжиг цветных металлов, в том числе меди и ее сплавов, осуществляется нагревом и последующим моментальным охлаждением в воде. Если охлаждение окажется замедленным, в металле происходит восстановление структуры, и отжига не получается (для стали этот же процесс дает обратный эффект – закалку, а отжигом является медленное охлаждение). При переносе отжигаемого предмета из цветного металла от источника нагрева к охлаждающей жидкости необходимо как обеспечение его удержания, так и сохранение температурного пика, определяемого для меди и бронзы началом яркого свечения поверхности, быстро утрачиваемого при контакте с теплоотводами. Возможность минимизировать эффект теплоотвода заключается в уменьшении площади его контакта с нагретым предметом, для чего используется инструмент с заостренными и смыкающимися в рабочей части концами. Даже современное ювелирное производство не обходится без пинцета с заточенными концами или «крокодила», постоянно удерживающего нагреваемый предмет в контактных остриях пружинным или фиксированным прижатием.

Татрассарии Херсонеса первого выпуска имеют необычайно высокий рельеф изображений как лицевой, так и оборотной сторон. Прочеканить подобную монету одним ударом штемпеля сложно, ее крупный монетный кружок, обретающий после ковки твердость, нуждался не только в предварительном, но, возможно нередко, и в промежуточных отжигах перед повторными наложениями штемпелей. Как можно убедиться, ни одна из монет не имеет следов неполного оттиска, что, очевидно, и достигалось повторной чеканкой после отжига обретшего предельную твердость недочеканенного кружка. Отсюда – наличие лунок на некоторых из тетрассариев 93 г. херс. э.

Отметим, что херсонесские выпуски менее крупных монет, начиная с Каракаллы (212-217 гг.) до прекращения чеканки, имеющих на лицевой стороне изображение бюста императора в венке или члена семьи (Юлии Домны) и лиры перед ним, легенду ΕΛΕΥΘΕΡΑϹ, а на оборотной стороне – Девы в рост вправо, с ланью, демотикон, нередко несут на своих сторонах симметричные лунки. На некоторых из монет сохраняются остатки серебрения, не проникающего в лун-

ки, что свидетельствует о наличии такового на них изначально при выпуске и связи лунок с технологическим процессом амальгамирования. Эти монеты нельзя считать тетрассариями [22, №№ 286-290, 296-308; 23, №№ 906-909, 915-917]. Возможно, они представляли собой антонинианы, не отстававшие во времени от порчи монеты в Римской империи.

Дополнение 2. Подлинность золотых статеров Херсонеса.

Публикацию некоторых соображений о золотой чеканке Херсонеса [26] Н.А.Фролова отметила замечаниями, сводящимися, в основном, к сомнениям

14. A10-P11. Золото. Статер 157 г. херс. э. (132/3 г.).

Ав.: Голова императора в венке влево, перед ней змея и демотикон ХЕР. Штемпель тот же, что у № 15 (статера Одесского археологического музея).
Рев.: Дева в башенной короне в рост с дротиком в занесенной над плечом правой руке и луком со стрелой в левой, слева монограмма ⲢⲢ, вверху и по сторонам внизу цифры года P–N–Ξ (157).

в подлинности ряда опубликованных монет и отрицанию правомерности реконструкции монетного типа по видимым на монете следам правки штемпеля [58, с. 230-231]. Из ее замечаний нельзя не признать справедливыми претензии к монете № 14, описанной как золотой статер 148 г. херс. э. и проиллюстрированной без соответствия описанию фотографией монеты с другой датой. Пользуясь поводом, дающим возможность исправить досадную ошибку, представляю поправку – фотографию монеты и ее описание, которые должны занять место в списке под № 14 вместо находящихся в нем описания и фото.

1 *2* *3*

Рис. 9. Оборотная сторона статера 122 г. херс. э. с выправленной цифрой единиц даты (*1*) и статер 125 г. херс. э. со следами исправлений старого штемпеля и преобразования в новой дате Г в Е (*3* – увеличено).

Подлинность остальных монет подтверждается достоверностью их находок или общностью штемпелей лицевых сторон с другими, хранящимися в музейных собраниях.

В настоящее время получил известность новый статер с датой 125 г. херс. э. [23, № 870], битый тем же штемпелем лицевой стороны, что статеры 110, 119, 121 и 122 гг. херс. э. Его штемпель оборотной стороны (рис. 9, *2*) переправлен из штемпеля 123 г. херс. э. путем дополнения «гаммы» двумя горизонтальными гастами, превратившими ее в «эпсилон», а штемпель 123 г. херс. э., в свою очередь, перегравирован на штемпеле статера 122 гг. херс. э. (рис. 9, 1), не удаленные полностью следы монограммы и даты которого отчетливо наблюдаются на поверхности поля монеты (рис. 9, *3*).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sestini D.* Lettere e dissertazioni nuvismatiche sopra alcune medaglie rare della collezione Ainslieana, IV. Livorno, 1790.
2. *Eckhel I.* Doctrina numorum veterum, t. I-II. Vindobonae, 1792.
3. Мурзакевич Н. О некоторых малоизвестных монетах, имеющихся в Одессе // ЗООИД. 1844. Т. I. С. 314-321.
4. *Бурачков П.О.* Общий каталог монет, принадлежавших эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Ч. I. Одесса, 1884.
5. *Гиль Х.Х.* Новые приобретения моего собрания // ЗИРАО. 1891. Т. V.
6. *Орешников А.В.* Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892.
7. *Boeckh A.* Corpus inscriptionum graecorum. II. Berolini, 1843.
8. *Беккер П.* О новооткрытых монетах города Херсонеса Таврического // ЗООИД, IV. 1860.
9. *von Sallet A.* Die Münzen von Chersonesus in der Krim // Zeitschrift für Numismatik. 1874, B. I. S.17-29.
10. *von Sallet A.* Ein. Goldstater der taurischen Chersonesos mit dem Beinamen BACILЄYOYCA und einer Jahreszahl der chersonesischen Aera // Zeitschrift für Numismatik. 1877, B. IV. S. 273-282.
11. *von Sallet A.* Jahreszahlen auf Münzen der taurischen Chersonesos // Zeitschrift fьr Numismatik 1883, B. X. S. 143-150. 1884, B. XI. S. 47-58.
12. *Бертье-Делагард А.Л.* Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. XVI. 1893. С. 45-88.
13. *Орешников А.В.* Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского // НС, II, М., 1913.
14. *Minns E.N.* Scifians and Greeks. Cambridge, 1913.
15. *Орешников А.В.* Херсонас, божество Херсонеса Таврического // ИАК, вып. 65. Петроград, 1918. С.144-152.
16. *Орешников А.В.* Олицетворение общины Херсонеса Таврического // ИРАИМК, т. II., Петроград, 1922. С.159-164.
17. *Зограф А.Н.* Античные монеты / МИА, № 16. М., 1951.

18. *Анохін В.О.* Хронологія тетрассаріпв Херсонеса // «Археологія», XIV. Кипв, 1962. С. 55-62.
19. *Анохин В.А.* О начале эры Херсонеса Таврического // Н и С. 1. Киев, 1963. С. 66-75.
20. *Гиль Х.Х.* Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг. СПб., 1896.
21. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса I-III вв. н.э. // НЭ. 1963. Т. IV. С. 3-88.
22. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977.
23. *Анохин В.А.* Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев, 2011.
24. *Карышковский П.О.* Об эре Херсонеса Таврического // КС ОГУ и ОГАМ. Одесса. 1961. С. 107-114.
25. *Зограф А.Н.* Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики // ИРАИМК, II, М., 1922. С. 337-360.
26. *Сидоренко В.А.* Золотая монетная чеканка Херсонеса I-II вв. н. э. // МАИЭТ, вып. VIII, Симферополь, 2001. С. 436-453.
27. *Золотарев М.И., Кочеткова Е.М.* Монеты Херсонеса Таврического IV в. до н.э. – XIII в. н.э. Коллекция В.Н.Орехова в собрании Национального заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Севастополь, 1999.
28. *Сидоренко В.А.* Тетрассарии Херсонеса времени «священного мира» // II Международный нумизматический симпозиум «ПриPONТийский меняла: деньги местного рынка». Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2012. С. 28-34.
29. *Алексеев Г.П.* Историко-нумизматическое исследование о херсонесской монете... СПб., 1886.
30. *Орешников А.В.* Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья // НС, т. III, М., 1915.
31. *Sestini D.* Descripzione d'alcune medaglie greche del museo del signore-barone S. de Chaudoir. Firenze, 1831.
32. *Кёне Б.В.* Исследования об истории и древностях города Херсониса Таврического. СПб., 1848.
33. *Бертье-Делагард А.Л.* О значении монограмм .., .., ... на монетах Херсонеса // ЗНОИРАО, т. I. СПб., 1906. Отд. оттиск.
34. *von Sallet A.* Beschreibung der antiken Münzen köningen Museen, Berlin. Bd. I, Taurische Chersonesus, Sarmatien etc., Berlin, 1888.
35. *Кёне Б.В.* Описание музеума князя В.В.Кочубея, т. I. СПб., 1857.
36. *Зограф А.Н.* Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. Т. I. М.-Л., 1955. С. 156-170.
37. *Фролова Н.А.* Неизданная золотая монета античного Херсонеса // КС ОГУ и ОГАМ. Одесса, 1961. С. 99-106.
38. *Алексеев Г.П.* Неизданный статер Херсонеса Таврического с именем скифского царя Эгетуагароса. Киев, 1874.
39. *Новиченкова Н.Г.* О находке нового херсонесского статера // СА, 1985, № 1. С. 260-263.
40. *Бертье-Делагард А.Л.* Дифференты на боспорских царских монетах римского времени // НС, 1. 1911. С. 305-329.
41. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
42. *Бертье-Делагард А.Л.* Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // НС, II, М., 1913.

43. *The William Stencomb* collection of coins of the Black sea region // Silloge Nummorum Graecorum. Vol. XI. New York, 2000.
44. *Сидоренко В.А.* Фрагмент ольвийского декрета римского времени из средневековой базилики под Мангупом // МАИЭТ, вып. V, Симферополь, 1996. С. 36-48.
45. *Becker P.* Tre medaglie del Chersoneso // Annali dell' Instituto di correspondenza archeologica. T. XXXIII. 1861. P. 15-42.
46. *Friedländer J.* Die Erwerbungen des Königlichen Münzkabinets im Jahre 1882 // Zeitschrift fьr Numismatik. 1884, B. XI. S. 59-68.
47. *Koehler H.K.E.* Description des médailles de Chersonésus ville de la Chersonuse-Taurique etc. // Serapis, II. St. Peterburg, 1850. S. 86-104.
48. *Сальников О.Г.* Античні золоті монет из коллекціп Одеського державного археологічного музею // МАПП, вип. III, Кипв, 1960.
49. *Голенко К.В.* К датировке херсонесских монет типа: Зевс – Дева / Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. // ВДИ, 1964, 4(90), М. С. 72-73.
50. *Латышев В.В.* Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсониса Таврическаго // ЖМНП, Июнь 1884 г., отд. оттиск.
51. *Ростовцев М.И.* Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. 1885-1915. М., 1916.
52. *Латышев В.В.* Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889-1891 гг. / МАР, № 9, СПб., 1892.
53. *Дьяков В.Н.* Оккупация Таврики Римом в I в. н.э. // ВДИ, 1941, № 1. С. 95-112.
54. *Орешников А.В.* Два золотых кружка с оттисками херсонесской монеты // НС, III. М., 1915. С. 190-212.
55. Одесский археологический музей АН УССР. (Каталог). Вступительная статья Г. Дзис-Райко. Киев, 1983.
56. *Babelon E.* Traité des monnaies grecques et romaines, 1-ére partie. T. I, Paris, 1901.
57. *Hill G.F.* A handbook of Greek and Roman coins. London, 1899.
58. *Фролова Н.А.* Античные золотые монеты в собрании Государственного Исторического музея. М., 2010.

Сидоренко В.А.

Тетрассарии Херсонеса времени «священного мира»

Резюме

Статья посвящена монетному выпуску тетрассариев Херсонеса, лицевую сторону которых сопровождает легенда ЕІРНNНС СЕВАСТНС (священного мира). Эти крупные бронзовые монеты представлены тремя типами, связанными общими штемпелями сторон, и несут на себе даты 93, 94, 96 и 119-120. Использование одного из штемпелей лицевых сторон в чеканке тетрассариев с датами 94, 96 и 120 позволяет предполагать, что если начальные из дат соответствовали годам привычной для Херсонеса эры «вечной царицы Девы», то последние – несли обозначение годов какой-то иной эры и соответствовали 97 или 98 гг. херсонесской (72/3-73/4 гг.). Начало этой эры могло приходиться на 47 г. до н.э. Известна Зельская эра, связанная с победой Цезаря над Фарнаком, но для Херсонеса 47 г. до н.э. был знаменателен более значимым событием – получением свободы от Цезаря. Возможно, для привлечения внимания к исконности прав на статус свободного города в Херсонесе имела место попытка введения новой эры «священного мира». В пользу заключения, что чеканка тетрассариев с датой 120 не продолжалась после 98 г. херсонесской эры, свидетельствует наличие выпусков датированных медных монет со знаком стоимости денария в 104 г. херсонесской эры (79/80 гг.), недатированных денариев (ок. 81-84 гг.) и золотых статеров в 104, 105, 109, 110, 119, 121-123, 125, 131, 142, 157 и 158 гг. херсонесской эры. Все монеты сопровождает изображение монограммы имени богини Девы. Выпуск тетрассариев был продолжен в 119 и 120 гг. херс. э., причем в монетных типах этих годов исчезает демотикон.

Чеканка Херсонесом тетрасариев с лозунгом «священного мира» знаменует важный исторический этап, связанный с освобождением города от боспорской зависимости.

Сидоренко В. А.

Тетрассарії Херсонеса часу «священного миру»

Резюме

Стаття присвячена монетному випуску тетрассарієв Херсонеса, лицьову сторону яких супроводжує легенда ЕІРНNНС СЕВАСТНС (священого миру). Ці крупні бронзові монети представлені трьома типами, зв'язаними загальними штемпелями сторін, і несуть на собі дати 93, 94, 96 і 119-120. Використання одного з штемпелів лицьових сторін в карбуванні тетрассарієв з датами 94, 96 і 120 дозволяє передбачати, що якщо початкові з дат відповідали рокам звичної для Херсонеса ери «вічної цариці Деви», то останні – несли позначення років якоїсь іншої ери і відповідали 97 або 98 рр. херсонеської (72/3-73/4 рр.). Початок цієї ери міг доводитися на 47 р. до н.е. Відома Зельська ера, пов'язана з перемогою Цезаря над Фарнаком, але для Херсонеса 47 р. до н.е. був знаменний значимішою подією – здобуттям свободи від Цезаря. Можливо, для залучення уваги до відвічного права на статус вільного міста в Херсонесі мала місце спроба введення нової ери «священого миру». На користь висновку, що карбування тетрассарієв з датою 120 не продовжувалося після 98 р. херсонеської ери, свідчить наявність випусків датованих мідних монет із знаком вартості денарія в 104 рр. херсонеської ери (79/80 рр.), недато-

ваних денарієв (біля 81-84 рр.) і золотих статерів в 104, 105, 109, 110, 119, 121-123, 125, 131, 142, 157 і 158 рр. херсонеської ери. Всі монети супроводжує зображення монограми імені богині Деви. Випуск тетрассарієв був продовжений в 119 і 120 рр. херс. е., причому в монетних типах цих років зникає демотікон.

Карбування Херсонесом тетрасарієв з гаслом «священного миру» знаменує важливий історичний етап, пов'язаний із звільненням міста від боспорської залежності.

Sidorenko V.A.

Chersonesos Tetrassaries Dating to "Sacred Peace"

Summary

The article is devoted to the coin issue of Chersonesos tetrassaries, the obverse of which has the legend EIPHNHC CEBACTHC (Sacred Peace). These large bronze coins are presented by three types connected by common stamps and bear dates 93-94, 96 and 119-120. The usage of one of those stamps on the obverse sides in minting tetrassaries with the dates 94, 96 and 119-120 makes it possible to assume that if the initial dates corresponded to the years of the common for Chersonesos era "eternal queen Virgin", the last ones designated the years of some other era and corresponded to 97 and 98 of Chersonesos era (72/3-73/4). The beginning of this era might fall on 47 BC. The known Zelle era connected with the victory of Caesar over Pharnaces, but for Chersonesos 47 BC was significant with a more remarkable event – gaining freedom from Caesar.

It is possible that Chersonesos, trying to attract attention to the indigenous right for the status of a free town, tried to introduce a new era of "Holy Peace". In favour of the conclusion that coining tetrassaries did not take place after 98 of Chersonesos era testifies the fact of minting dated copper coins in 104 of Chersonesos era (79/80) with the mark of value of a denarius, non-dated denarii (ca 81-84), and in104, 105, 109, 110, 119, 121-123, 125, 131, 142, 157 and 158 of Chersonesos era – gold staters. All coins have a monogram of the name of the goddess Virgin. Hereby, in 75 minting of Chersonesos comes back to traditional non-Roman counting system where there is no place for tetrassaries.

Coinage of tetrassaries by Chersonesos with the slogan of "Holy Peace" signifies an important historic period: campaign of Plautius Selvanus, staying of Maesian military division and liberation of the city from Bosporus dependency.

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО

ПЕЧАТЬ АРИСТОКРАТА ИОАННА КОМНИНА С ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА: НОВЫЕ ДАННЫЕ К СФРАГИСТИЧЕСКОЙ КАРТЕ

Традиционно происхождение византийских печатей на территории Таврики, как правило, связывали с Херсоном [1, с. 1-21; 2, с. 28-43; 3, с. 121-133; 4, с. 227-233; 5, с. 207-214; 6, с. 201-213; 7, с. 191-203]. В то же время это далеко не единственное место в Крыму, где сделаны находки моливдовулов. Одним из крупных «поставщиков» печатей стала византийская Сугдея [8, р. 85-98; 9, с. 119-123; 10, р. 153-161; 11, с. 83-87; 12, р. 43-46; 13, р. 47-58; 14, с. 247-255; 15, р. 123-130; 16, с. 537-545; 17, с. 196-198; 18, с. 296-330], появились находки печатей на Мангупе [19, с. 59-65; 20, с. 122-123, № 1-2] и в его окрестностях [20, с. 124-125, № 3-4; 21, с. 79-89]. Сегодня единичные находки печатей можно отметить не только в Юго-Западном Крыму, но и на южном побережье полуострова. Давно уже известны несколько печатей из Партенита [22, с. 160-164], моливдовул нотария Дмитрия из урочища Ласпи [23, с. 368-369; 24, с. 74]. В последние годы стали известны моливдовулы из окрестностей горы Аю-Даг [25, с.79-80, № 26; 20, с. 126, № 5], из района Демерджи [20, с. 126-127, № 6]. Известны находки византийских печатей и в Восточном Крыму, на Боспоре [20, с. 128, № 7; 26, с. 564-570; 27, с. 108, табл. LXIII,15].

Продолжение археологических исследований на памятниках византийской Таврики, а также активное любительское металлодетекторное обследование обширных территорий, прилегающих к основным административным и торгово-экономическим центрам средневекового Крыма, в настоящее время позволяют в значительной мере расширить географическую карту находок моливдовулов этого региона. Сегодня можно назвать еще одно место находки – район Симеиза, где весной 2012 г. была обнаружена печать одного из видных византийских вельмож, представителя императорского семейства, хорошо известного по византийским письменным источникам (рис. 1)[1].

---

[1] Автор выражает глубокую благодарность Ю.А. Цепкову за предоставленную возможность публикации моливдовула.

Моливдовул находится в частной коллекции. D – 24 мм; толщина пластинки – 3 мм; вес – 13,3 г.

Аверс. Многофигурная композиция «Преображение Господне» в ободке из слившихся в одну линию жемчужин. В центре – изображение Христа; слева от него – пророк Илия; справа – пророк Моисей; у их ног апостолы: в центре – лежащий Петр; по сторонам коленопреклоненные: слева – Иоанн, справа – Иаков. В поле по сторонам изображения надпись в столбик: слева – .|.Є|Ṭ A|Ṃ O|.; справа – Φ|Ѡ|CI|C – [ἡ M]εταμό[ρ]φωσις – Преображение.

Реверс. Шестистрочная надпись, заключенная в ободок из слившихся в одну линию жемчужин:

+K̅Є̅Ṛ̅OH	K(ύρι)ε βοή
ΘIṬ.CѠΔΘ	θ(ε)ι τ[ῷ] σῷ δ(ού)
ΛѠIѠKOṂ.Ḥ	λῳ ̓Ιω(άννῃ) Κομ[ν]η
NѠTѠVѠṬ̣Θ̣	νῷ τῷ υ(ἱ)ῳ τοῦ
CЄRAϒOKPA	σεβαστοκρά
TOPOC	τορος

K(ύρι)ε βοήθ(ε)ι τ[ῷ] σῷ δ(ού)λῳ ̓Ιω(άννῃ) Κομνηνῷ τῷ υ(ἱ)ῳ τοῦ σεβαστοκράτορος – Господи, помоги твоему рабу Иоанну Комнину, сыну севастократора.

Исходя из представленной на печати надписи, моливдовул, по всей видимости, носил частный характер, так как не несет никаких служебных характеристик своего владельца, и принадлежал одному из представителей царственного дома Комнинов.

Некоторые особенности использованного шрифта (характерные начертания лунарной *омеги*, дифтонга *о микрон – и псилон* и *стигмы*) дают все основания отнести его к памятникам второй половины XI – начала XII вв. [28, p. 158-169].

Для периода XI-XII вв. одноименных фигурантов в византийской просопографии, представленных в семействе Комнинов, насчитывается не менее девяти персонажей [см.: 29]. И еще, по крайней мере, пятеро, кроме рода Комнинов, указывают на принадлежность к другим знатным фамилиям византийской аристократии (Дуки, Ватацы, Контостефаны, Вриении, Катакалоны).

1. Иоанн Комнин (1015 – 12.07.1067), приемный сын *патрикия* Мануила Комнина Эротика и Марии [29, T. I, p. 49-57, nr. 6];

2. Иоанн Комнин (1073 – до 1136), старший сын деспота Исаака Комнина и Ирины Аланы [29, T. I, p. 134-144, nr. 23], племянник императора Алексея I Комнина;

3. Иоанн Комнин (1070 – ?), сын *кесаря* Никифора (Вурца) Мелиссина и Евдокии Комниной [29, T. I, p. 174-176, nr. 31], второй дочери Иоанна Комнина (1);

4. Иоанн Комнин (Дука) (13.09.1087 – 8.04.1143), старший сын императора Алексея I Комнина и Ирины Дукены [29, T. I, p. 203-228, nr. 34], после смерти отца взошедший на византийский престол под именем Иоанна II (1118-1143);

5. Иоанн Комнин (1096 – 1120/22), сын дуки Диррахия Алексея Комнина и Зои [29.1, p. 282-285, nr. 55], внук деспота Исаака Комнина и племянник Иоанна Комнина (2);

6. Иоанн Комнин (1112 – ?), старший сын севастократора Исаака Комнина и Ирины [29, T. I, p. 480-485, nr. 84], внук императора Алексея I Комнина и племянник императора Иоанна II Комнина;

7. Иоанн Контостефан-Комнин (1128 – ?), сын Андроника Контостефана и Феодоры Комниной [29, T. II, p. 46-47, nr. 104], дочери великого доместика Востока, протосеваста Адриана Комнина [30, p. 1497-1500, nos. 2708-2709*bis*];

8. Иоанн Вриений (Комнин) Катакалон (1127 – 1147), сын Вриения и Анны Комниной (Евфорвины) [29, T. II, p. 112-116, nr. 122a], второй дочери Никифора Катакалона Евфорвина;

9. Иоанн Комнин (1126 – 17.09.1176), старший сын севастократора Андроника Комнина и Ирины [29, T. II, p. 142-155, nr. 128];

10. Иоанн Контостафан Комнин (1128 – 1176/82), старший сын деспота Стефана Контостефана [30, p. 1521-1522, nr. 2723] и Анны Комниной [29, T. II, p. 218-222, nr. 133; 30, p. 1523-1524, nr. 2724; 31, p. 154], второй дочери императора Иоанна II Комнина;

11. Иоанн Комнин (1134 – 1136), второй сын севастократора Исаака Комнина и Феодоры [29, T. II, p. 301, nr. 139], внук императора Иоанна II Комнина;

12. Иоанн Комнин Ватац (1132 – 1182), сын Феодора Ватаца и Евдокии Комниной [29, T. II, p. 382-389, nr. 147; 30, p. 1534-1535, nr. 2730bis], четвертой дочери императора Иоанна II Комнина;

13. Иоанн Комнин (08-09.1159 – 09.1185), второй сын сначала сербского, а затем киликийского наместника, впоследствии – императора Андроника I Комнина [29, T. II, p. 528-532, nr. 162].

Однако для определения владельца нашего моливдовула наиболее подходят только четверо, которые являлись сыновьями севастократоров (2, 6, 9, 11). Причем одного из них – малолетнего внука императора Иоанна II Комнина (11) – можно сразу же исключить из этого списка. Двое из оставшихся трех известны и по памятникам сфрагистики, что обеспечивает дополнительные возможности для сравнительного анализа их булл. Первый из них (2), являвшийся старшим сыном деспота Исаака, после воцарения его брата Алексея I Комнина (1081-1118) был первым удостоен специально созданного для него титула севастократора, эквивалентного титулу деспот [29, p. 70, note 27; 32, p. 220-224]. Другой (9) был сыном севастократора Андроника Комнина, приходился внуком императору Иоанну II Комнину (1118-1143) и был любимым племянником Мануила I Комнина (1143-1180) [33, p. 126.2-7; 34, p. 182].

В нашем случае примечательно, что оба персонажа на своих печатях помещали надпись – «сын севастократора» [30, p. 1503-1504, 1538-1539, nos. 2713, 2732; 35, p. 222-223, nr. 341]. Кроме того, для одного известны моливдовулы

с титулатурой севаста и дуки Диррахия (конец XI – начало XII вв.) [30, p. 1505, nr. 2713bis], а для другого – протосеваста и протовестиария (вторая половина XII в.) [35, p. 223-224, nr. 342].

На наш взгляд, решить проблему датировки и соответственно идентификации нашего персонажа помогает представленное на лицевой стороне печати весьма редкое для византийской сфрагистики изображение одной из библейских сцен. Многофигурные композиции являются достаточно редким явлением для сфрагистических типов, используемых владельцами моливдовулов. Сцена Преображения Господня среди таковых наиболее редко встречаема. Как правило, на печатях распространены Благовещение, Успение Богородицы, Крещение и некоторые другие библейские сцены. Сцену же Преображения Господня в известных мировых собраниях византийских печатей нам удалось выявить лишь в восьми случаях. В большинстве своем это печати рубежа XI-XII вв. и принадлежат они в двух случаях церковным иерархам [36, p. 179-180, nr. 210; 37, p. 39, nr. 18.1.], одну неизданную печать из музея искусств Фогга упоминают Ж.-Кл. Шене, С. Моррисон и В. Зайбт в Каталоге печатей коллекции Г. Серига [38, p. 113,], остальные же 5 экземпляров относятся все к тому же Иоанну Комнину [39, p. 41-42, 98, nr. 12.3a-b-c, 30.1a-b].

Следует отметить, что представленное на печати изображение в точности соответствует изображению сцены Преображения в конхе алтарной апсиды монастыря св. Екатерины на Синае [40, p. 22] (рис. 2). Очевидно, именно эта знаменитая мозаика середины VI в. и послужила прототипом для изображения на нашем экземпляре. На наш взгляд, весьма примечательно, что эту сцену использует для своих моливдовулов только первый из рассматриваемых нами персонажей. Тогда как второй, напротив, использует в качестве сфрагистического типа изображение св. Феодора Стратилата или двустороннюю надпись. Причем стилистически изображения на нашем экземпляре и на печатях Иоанна в ранге дуки очень близки, что может свидетельствовать об их исполнении одним и тем же мастером.

Абсолютное совпадение сфрагистических типов и отсутствие каких-либо дополнительных ранговых указаний, на наш взгляд, дают основание отнести рассматриваемый экземпляр к сыну севастократора Исаака, племяннику императора Алексея I Комнина и, соответственно, датировать его в переделах периода 1081-1118 гг.

Более того, представленная на печати надпись дает возможность даже несколько сузить эти хронологические рамки. Весной 1091/92 гг. Иоанн Комнин в возрасте 19 лет был назначен дукой Диррахия, где он сменил Иоанна Дуку, шурина императора Алексея I [41, Vol. II, p. 115, note 1, 3]. Известны его печати, которые практически тождественны и отличаются от нашего моливдовула лишь добавлением в легенду оборотной стороны названия новой обретенной должности [30, p. 1503-1506, nos. 2713, 2713bis, 2714]. Кроме того, известны письма

архиепископа Феофилактоса к Иоанну, в которых иерей обращается к нему как к «севасту и претору (наместнику) Диррахия» [42, CXVI, col. 504] или «севасту, киру (господину), сыну севастократора» [42, CXXVI, cols. 513-517]. Таким образом, юный аристократ уже имел высокий придворный титул севаста, который, надо полагать, он сразу же не преминул поместить и на свои печати [35, p. 224, nos. 343, 343a].

Как известно, первое упоминание Иоанна Комнина относится еще к 1081/82 г. в связи с его обручением с дочерью императора Священной римской империи Генриха IV [41, Vol. I, p. 135, note 1,3; 43, Bd. II, nos. 1068, 1077]. Отсутствие на нашей печати каких бы то ни было указаний на титулярную или административную принадлежность заставляет нас видеть в данной находке одну из ранних личных печатей Иоанна, когда указание на родство с правящим домом являлось для него единственным и наивысшим признаком придворного величия.

К сожалению, источники не сообщают, когда он получил титул севаста. Очевидно, это последовало некоторое время спустя после получения должности дуки Диррахия. В пользу этого, как нам представляется, лишний раз свидетельствует печать из коллекции Г. Закоса [30, p. 1505, nr. 2713*bis*], где перед должностью дуки появляется титул севаста, но опускается «сын севастократора». Это и понятно: получив личное признание при дворе, Иоанн вполне естественно опускает указание на свои родственные связи.

Известно, что, находясь в Диррахии, Иоанн был обвинен в злонамеренных действиях против императора, но был прощен и сумел сохранить свою должность [44, с. 240-242]. В то же время источники сообщают, что в 1106 г. на посту дуки Диррахия его все-таки сменил младший брат Алексей [41, Vol. III, p. 63, note 3; Cf. 45, p. 434, note 3]. О его дальнейшей судьбе говорит, очевидно, еще один моливдовул. Противоречия с императором, видимо, не прошли даром, и Иоанн был переведен с Адриатики на новое место, в Сербию, где он не имел должных связей и сторонников и где император мог его менее опасаться. Известна его печать в должности дуки Скопии [30, p. 1606, nr. 2714], на которой также представлена композиция Преображения. В этом смысле следует отметить завидное постоянство нашего персонажа в используемом сфрагистическом типе для своих печатей. К сожалению, его дальнейшая судьба неизвестна ни по письменным источникам, ни по данным сфрагистики.

Возвращаясь же к находке печати Иоанна Комнина в Крыму, следует отметить, что моливдовул является явным свидетельством существования определенных контактов византийского столичного нобилитета с местными аристократами или представителями местной администрации [46, с. 6-9]. В связи с этим обратим внимание на одну, на наш взгляд, весьма примечательную деталь. В генеалогическом древе, представленном в известном исследовании К. Варзоса, указывается, что Иоанн родился от брака Исаака Комнина, брата императора

Алексея I Комнина и Ирины Аланы, дочери правителя Алании [29, p. 68, 143; 47, p. 27]. Здесь, очевидно, уместным будет вспомнить еще одну недавно появившуюся печать катепана Херсона Никифора Алана [48, с. 6-7]. Отметим, что обе печати относятся к одному хронологическому периоду. И не исключено, что в нашем случае высокопоставленный византийский вельможа, приближенный ко двору, имевший по материнской линии родственные связи с аланским правящим домом, мог иметь тесные контакты с какими-то своими родственниками, обосновавшимися в Таврике. Учитывая направленность политики Алексея I и его интерес к Крыму и Тмутаракани, появление такой корреспонденции не выглядит чем-то экстраординарным. Напротив, появление печати катепана и одного из представителей правящей династии в Крыму практически на рубеже XI-XII вв. лишний раз указывает на особый интерес и византийской администрации, и придворной аристократии к этому стратегически важному региону.

Появление новых находок византийских печатей с достаточно точной локализацией места находки дает не только новую сфрагистическую информацию, но и в значительной мере уточняет географию византийского присутствия в Таврике. Особый интерес в этом смысле приобретают находки, которые выявляют места, пока еще слабо освещенные другими видами источников или же вовсе отсутствующие в таковых, что, в свою очередь, позволит в будущем специалистам-историкам и археологам обратиться к исследованию этих объектов и открыть еще не одну страницу нашей истории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Юргевич В.Н.* Две печати, найденные в византийском Херсоне в 1884 г. // ЗООИД. Одесса, 1886. Т. 14.
2. *Толстой И.И.* О византийских печатях Херсонской фемы // ЗРАО. СПб., 1887. Вып. II.
3. *Вишнякова А.Ф.* Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. 1939. № 1.
4. *Соколова И.В.* Печати Херсонской фемы (Опыт датировки) // Actes du XIVe Congrés International des Etudes Byzantines. Bucarest, 6-12 septembre, 1971. Bucarest, 1976. Vol. 3.
5. *Соколова И.В.* Администрация Херсона в IX-XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. 1973. Вып. 10.
6. *Соколова И.В.* Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. 1991. Вып. 52.
7. *Соколова И.В.* Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. 1992. Вып. 26.
8. *Šandrovskaja V.* Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. Washington, 1993. Vol. 3.
9. *Шандровская В.С.* Таможенная служба в Сугдее // АДСВ. 1995. Вып. 27.
10. *Šandrovskaja V.* Die neuen Funde en byzantinischen Bleisiegeln auf der Krim // SBS. Washington, 1995. Vol. 4.
11. *Баранов И.А., Степанова Е.В.* Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. 1.

12. *Šandrovskaja V.* Das Siegel eines χαλκοπράτης aus Sudak // SBS. Washington, 1999. Vol. 6.
13. *Stepanova E.* New Seals from Sudak // SBS. Washington, 1999. Vol. 6.
14. *Шандровская В.С.* О нескольких находках византийских печатей в Крыму // МАИЭТ 2000. Вып. VII.
15. *Stepanova E.* New finds from Sudak // SBS. München; Leipzig, 2003. Vol. 8.
16. *Степанова Е.В.* Печати из Судака // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2005. Вып. 2.
17. *Степанова Е.В.* Связи Болгарии и Крыма по данным судакского архива печатей // Acta Musei Varnensis. Varna, 2008. Vol. VII-2.
18. *Булгакова В.И.* Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004-2005 гг.) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2008. Вып. III.
19. *Герцен А.Г., Алексеенко Н.А.* Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. 2003. Вып. 33.
20. *Алексеенко Н.А.* Новые находки византийских печатей на территории Крыма // АДСВ. 2011. Вып. 40.
21. *Алексеенко Н.А.* Печати с монограммой «полис Херсон» // АДСВ. Екатеринбург, 2008. Вып. 38.
22. *Панченко Б.А.* Шесть моливдовулов из Партенита // ИАК. СПб., 1906. Вып. 18.
23. *Паршина Е.А., Мыц В.Л.* Исследования в урочище Ласпи // АО 1977 г. М., 1978.
24. *Паршина Е.А., Савеля О.Я.* Отчет о разведках в урочище Ласпи. САЭ 1991 г. // НА НЗХТ, д. 3068б, л. 74.
25. *Лысенко А.В., Тесленко И.Б.* Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. Киев, 2002.
26. *Алексеенко Н.А.* Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. Ч. 2.
27. *Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого Востока // Научное наследство. М., 1991. Вып. 19.
28. *Oikonomides N.* A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. Washington, 1986.
29. *Barzos K.* Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. I-II. Thessalonica, 1984.
30. *Zacos G., Veglery A.* Byzantine Lead Seals. Vol. 1. Basel, 1972.
31. *Gréguare H.* La famille des Kontostéphanes // Revue de l'Instruction Publiqueen Belgique. 1909. LII.
32. *Stiernon L.* Sebaste et gambros // REB. Paris, 1965. Vol. 23.
33. *Ἰωάννου Κιννάμου.* Ἐπιτομὴ κατορθωμάτων Ἰωάννου (β΄) καὶ ἀφήγησις πραχθέντων Μανουὴλ (α΄) / Ed. A. Meineke // CSHB. Bonn, 1838.
34. *Du Fresne Du Cange C.* Familiae Augustae Byzantinae. Paris, 1680.
35. *Jordanov I.* Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. 2. Byzantine Seals with Family Names. Sofia, 2006.
36. *Bulgurlu V.* Byzans Kurşun Mühürleri. İstanbul, 2007.
37. *McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. The East (continued). Washington, 2005. Vol. 5.
38. *Cheynet J.-Cl., Morrisson C., Seibt W.* Les seaux byzantins de la collection Henri Serig. Paris, 1991.
39. *Nesbitt J., Oikonomides N.* Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea. Washington, 1991. Vol. 1.

40. The Glory of Byzantium at Sinai. Religious treasures from the Holy monastery of st. Catherine. Catalogue. Athens, 1997.
41. *Leib B.* Anne Comnène. Alexiade, règne de l'empereur Alexis I Comnène: Text and translation. Vol. I-III. Paris, 1937-1945.
42. *Migne J.P.* Patrologie cursus completes. Series graeco-latina. Paris, 1857-1866.
43. *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565-1453. München, 1924-1965. Bd. I-V.
44. *Анна Комнина.* Алексиада. М., 1965.
45. *Buckler G.* Anna Comnena: A Study. Oxford, 1929.
46. *Chalandon F.* Les Comnène, I: Essai sur le règne d'Alexis I Comnène. Paris, 1900.
47. *Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А.* Новые материалы к сфрагистической карте Крыма: моливдовул Иоанна Комнина из района мыса Сарыч // Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тез. докл. и сообщ.. Бахчисарай, 2012.
48. *Алексеенко Н.А., Цепков Ю.А.* Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // IV Международный Византийский Семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2012.

Алексеенко Н. А.

Печать аристократа Иоанна Комнина с Южного берега Крыма: новые данные к сфрагистической карте

Резюме

В 2012 г. на Южном берегу Крыма, в районе мыса Сарыч была найдена печать одного из знатных византийских вельмож. Печать имеет редкое изображение одной из евангельских сцен – многофигурную композицию «Преображение Господне» и традиционную надпись с инвокативным обращением: «Господи, помоги твоему рабу Иоанну Комнину, сыну севастократора». Особенности использованного шрифта дают все основания отнести печать к памятникам второй половины XI – начала XII вв.

Решить проблему датировки и идентификации владельца печати помогает представленное на лицевой стороне изображение. Данный сфрагистический тип использует только один из персонажей, относящихся к клану Комнинов. Совпадение типов и отсутствие на нашей находке высокопоставленных рангов, известных для других одноименных фигурантов, дают основание отнести рассматриваемый экземпляр к Иоанну Комнину (1073 – до 1136), старшему сыну деспота Исаака, брата императора Алексея I Комнина, севасту и дуке Диррахия и Скопие.

Отсутствие на печати каких бы то ни было указаний на титулярную или административную принадлежность позволяет даже несколько сузить хронологические рамки и заставляет нас видеть в данной находке личную печать Иоанна, когда указание на родство с правящим домом являлось для него единственным и наивысшим признаком придворного величия. Наш экземпляр отражает самый ранний этап карьеры этого знатного византийского вельможи, и его следует датировать периодом с 1081 по 1091 гг.

Находка печати Иоанна Комнина в Крыму является явным свидетельством существования определенных контактов византийского столичного нобилитета с местными

аристократами или представителями местной администрации, которые к тому же могли быть аланскими родственниками нашего персонажа по материнской линии, подобно недавно открытому катепану Херсона, вестарху Никифору Алану.

Алексеєнко М. О.

Печатка аристократа Іоана Комніна з Південного берега Криму: нові дані до сфрагістичної карти

Резюме

У 2012 р. на Південному березі Криму, в районі мису Сарич було знайдено печатку одного із знатних візантійських вельмож. Печатка має рідке зображення однієї з євангельських сцен – багатофігурну композицію «Перетворення Господнє» і традиційний напис з інвокативним зверненням: «Господи, допоможи твоєму рабові Іоану Комніну, синові севастократора». Особливості використаного шрифту дають всі підстави віднести печатку до пам'яток другої половини XI – початку XII ст.

Вирішити проблему датування і ідентифікації власника печатки допомагає представлене на лицьовій стороні зображення. Даний сфрагістичний тип використовує лише один з персонажів, що відносяться до клану Комнінов. Збіг типів і відсутність на нашій знахідці високопоставлених рангів, відомих для інших однойменних фігурантів, дають підстави віднести даний екземпляр до Іоанна Комніна (1073 – до 1136), старшого сина деспота Ісаака, брата імператора Олексія I Комніна, севаста і дуки Діррахія і Скопіє.

Відсутність на печатці яких би то не було вказівок на титульну або адміністративну приналежність дозволяє навіть декілька звузити хронологічні рамки і заставляє нас бачити в даній знахідці особисту печатку Іоанна, коли вказівка на спорідненість з правлячою династією була для нього єдиною і найвищою ознакою придворної величі. Наш екземпляр відображає ранній етап кар'єри цього знатного візантійського вельможі, і його слід датувати періодом з 1081 по 1091 рр.

Знахідка печатки Іоанна Комніна в Криму є явним свідоцтвом існування певних контактів візантійського столичного нобілітету з місцевими аристократами або представниками місцевої адміністрації, які до того ж могли бути аланськими родичами нашого персонажа по материнській лінії, подібно недавно відкритому катепану Херсона, вестарху Никифору Алану.

Alekseenko N. A.

Seal of Aristocrat John Komnenos from the Southern Coast of Crimea: New Data to Map of Crimea's Sigillography

Summary

In 2012 on the Southern Coast of the Crimea, near the cape of Sarych a seal of one of distinguished Byzantine noblemen was found. This seal has a rare imprint of one of evangelic scene – multi-figure composition "Transfiguration of Jesus Christ" and traditional inscription

with invocative appeal: “God, help your servant John Komnenos, son of the sabastokrator”. Characteristics of the print give all grounds to attribute this seal to monuments of the second half of the 9th – the beginning of the 12th centuries.

The picture on the obverse side helps solve the problem of dating and identification of the owner of the seal. The given sigillography type uses only one of personages of the Komnenos clan. Coincidence of types and absence of high ranks known to other figures of the same name give reasons to attribute the artifact under consideration to John Comnenus (1073 – to 1136), the eldest son of despot Isaac, brother of Alexios I Komnenos, sebastos and dux of Dyrrhachion and Skopia.

The absence of any indications on titular or administrative membership on the seal enables to narrow chronological frames and makes us identify this find as a personal seal of John, when the indication to the relationship with ruling house was the only and the highest sign of court grandeur. Our specimen represents the earliest stage of the career of this distinguished Byzantine nobleman and it should be dated by the period from 1081 to 1091.

The find of seal of John Komnenos in the Crimea is an obvious evidence of certain contacts of Byzantine metropolitan nobility with local aristocrats and representatives of administration, who might be Alanic relations of our personage descendant in the female line like newly discovered katepano of Cherson, vestarches Nikephoros Alanos.

Рис. 1. Печать аристократа Иоанна Комнина.

Рис. 2. Сцена Преображения в конхе алтарной апсиды монастыря св. Екатерины на Синае.

ИСТОРИЯ

А.В. ЗИНЬКО

ВОСТОЧНАЯ ТАВРИКА В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Традиционно начало эпохи Великого переселения народов связывают с вторжением гуннов на Северный Кавказ в 370-375 гг. [11, с. 55]. Отрывочные сообщения письменных источников и результаты многочисленных археологических исследований последних десятилетий дают противоречивые представления об этнической ситуации в Восточном Крыму в эпоху Великого переселения народов. Это обусловлено как краткостью свидетельств древних авторов и небольшим количеством фрагментарных эпиграфических надписей, так и сложностью интерпретации и датировки археологических источников.

О происхождении гуннов и обстоятельствах их появления в восточноевропейских степях на основании письменных источников писали многие исследователи, пытавшиеся реконструировать историю последнего этапа Боспорского царства [24, с. 478-484; 18, с. 251-253; 33, с. 132-142; 11, с. 79-82].

Гуннское нашествие нашло определенное отражение в сочинениях ранневизантийских авторов. Так, Ермий Созомен в труде, написанном в 444 г., описывает погоню за быком или ланью, в ходе которой гунны во время правления императора Валента, вышли на берег озера (Меотиды), переправились через него и напали на готов. Но в этом событии Боспор не упоминается. Зосим во второй половине V в. сообщает о гуннах как о «варварском племени, до того неизвестном и появившемся внезапно», и что «Киммерийский Боспор, обмелевший от нанесенного Танаисом ила, позволил им перейти пешком из Азии в Европу» [8, VI, 20]. Прокопий Кесарийский повторяет легенду об олене, показавшем гуннам переправу через устье Меотидского озера [7, VIII, V,7-13]. В середине VI в. н.э. Иордан в своем труде «Getica», ссылаясь на Прииска из Паниона, пишет о расселение гуннов на дальнем берегу Меотиды, переправе с помощью оленя на другой берег и последующей победе их над «скифами». Ранневизантийский автор второй половины VI века – Агафий Миринейский отмечает, что в древности гунны жили восточнее озера Меотиды, и пишет о переходе последних спустя много поколений в Европу, не акцентируя внимание на версии о животном,

показавшем путь, считая, что гунны могли воспользоваться и другим случаем для перехода через устье Меотидского озера [5, p. 5, 11,2-3].

В целом, в кратких сообщениях Иордан, Прокопий и Агафий Миринейскй, изложили своё виденье легенды об охоте гуннов за оленем или ланью и их переправе через устье Меотиды. Однако А.В. Гадло подчеркивает фольклорный характер этого гуннского придания [23, с. 16]. По его мнению, появление гуннов в европейских степях могло показаться внезапным только тем готам, которые жили вдали от Меотиды (Азовского моря) [23, с. 12]. На запад двинулась, по всей видимости, лишь одна гуннская орда во главе с вождем Баламиром. Она направилась через низовья Танаиса и обрушилась не на готов, а на родственные им племена (алпидзуры, итимары, тункарсы), отошедшие ранее на запад [23, с. 14]. За спиной Баламира осталось сильное племя акациров, сопротивлявшееся гуннскому племенному союзу до 40-х годов V в. Таким образом, вторжение гуннов, как считал А.В. Гадло, было широкой миграцией относительно слабо связанных различных кочевых этнических групп [23, с. 15].

По заключению С.А. Плетневой, гуннские племена находились на самой примитивной стадии таборного кочевания, и в поисках новых пастбищ они завоевывали все новые и новые обширные степные пространства. У них не было долговременных становищ и родовых кладбищ [53, с. 14]. Гунны оставили в степях Северного Причерноморья погребения с кремированными остатками и трупоположениями. Многие могилы с трупоположением были выкопаны в курганных насыпях более ранних эпох. Многообразие погребального обряда свидетельствует о полиэтничности варваров, вошедших в гуннский союз [11, с. 56]. С.А. Плетнева полагает, что объединение, возглавляемое гуннами, нельзя даже назвать «союзом родственных племен», поскольку этносы, входившие в него, были разноязыкие и разноэтничные [54, с. 20]. Все, разместившиеся в восточноевропейских степях, кочевые орды мощного гуннского объединения продолжали в течение сравнительно долгого времени вести «таборное» кочевание. Этот вывод С.А. Плетнева делает на основании данных археологии, так как на громадной территории, населенной весьма густо, исследователям почти не попадаются следы гуннов. Ни разу не были зафиксированы остатки более или менее обитаемых зимников, только обнаружены разбросанные по всем степным пространствам более полусотни погребальных комплексов [54, с. 20].

Опираясь на сообщения ранневизантийских авторов, В.Д. Блаватский утверждал, что основная масса гуннов, шедшая через Причерноморье, перейдя Дон и Днестр, почти достигла границ Империи. Вторая группа, более малочисленная, но сильная, прошла сквозь азиатскую часть Боспорского государства, а затем, переправившись через Керченский пролив, обрушилась на европейскую часть Боспора [18, с. 252]. Н.И. Сокольский также считал, что гуннское нашествие положило конец Боспорскому царству и привело к гибели в 70-х годах IV в. городов и сельских поселений на азиатской стороне государства [Сокольский,

1968, с.251-254]. Переправа гуннов на Керченский полуостров, по его суждению, была произведена через косу Чушка, т.е. в наиболее узкой части пролива. Причем Н.И. Сокольский предполагал, что этот переход был, кроме того, сделан на судах и лодках, собранных на Таманском полуострове, так как замерзание этого места зимой бывает не ежегодным. В то же время исследователь полностью доверяет письменному сообщению Зосима о превращении пролива в землю от нанесенного ила, давшего возможность гуннам переправиться из Азии в Европу. Он считает, что намывы песка и песчаные банки в Керченском проливе – факт хорошо известный. В легендах о животном, указавшем гуннским племенам путь переправы, Н.И. Сокольский видит какую-то историческую основу, и речь в ней идет о переходе через водную преграду в виде болота и мелководья [56, с. 255-256].

Форсировав Керченский пролив, гуннские племена, по мнению Н.И. Сокольского, обрушились на города и поселения европейской части Боспора [56, с. 255]. Здесь разгрому и сожжению подверглись Тиритака и другие поселения, в том числе и столица государства – Пантикапей [56, с. 256]. Однако, Н.И. Сокольский все же уточняет, что тотального уничтожения населения в боспорских городах не произошло, и их слабая жизнь продолжалась после этого события дальше. С этими событиями Н.И. Сокольский связывает отдельные богатые погребения варварского типа конца IV-V вв. в грунтовых склепах на Госпитальной улице в современной Керчи. Все это обусловлено тем, что кочевые гуннские племена, как считал исследователь, нуждались в городских центрах [56, с. 256].

Абсолютную дату вторжения гуннов на территорию Боспорского царства исследователи, как правило, определяют по археологическим материалам. В малых боспорских городах с гуннским нашествием ранее связывали слои разрушений и пожаров, датированные В.Ф. Гайдукевичем по археологическим керамическим комплексам концом IV в. [25, с. 105-127,133,134]. Однако, по мнению А.И. Айбабина, такие керамические сосуды типичны для комплексов V – VII вв., а названные слои разрушений должны датироваться не 376 г., а не ранее конца VI в. [11, с. 57]. Опираясь на уточненную хронологию захоронений кочевников, археологических комплексов боспорских городов и поселений, А.И. Айбабин убедительно показал, что гунны появились на полуострове уже после своего утверждения в Северном Причерноморье – на рубеже IV – V вв. или в самом начале V в. Племена гуннов вошли на Крымский полуостров с севера и захватили крымские степи вместе с западной частью Европейского Боспора, разрушив Феодосию. В последствии они использовали данный регион для сезонного выпаса скота [11, с. 73,77]. Сохранение жизни в городах и поселениях Боспорского царства во время и после гуннского нашествия сейчас является доказанным историческим фактом [11, с. 79]. Это подтверждается и раскопками последних лет ранневизантийских слоев боспорского города Тиритака [35; 36].Однако насколько активно гунны вмешивались во внутренние дела Боспорского государства в конце IV – первой половине V вв. установить пока довольно сложно.

Описывая территорию европейской части Боспора, Псевдо-Арриан (V в.) сообщает о том, что западнее города Киты (Китей) жили скифы. Ему вторит Стефан Византийский, локализуя такие боспорские города, как Киты, Акру (северо-восточнее Китея) и Дию (предположительно Тиритака) в Скифии. На основании этих данных в современной историографии делаются определенные выводы об этнополитической обстановке в Восточном Крыму и перманентном сокращении территориальных владений Боспорского царства [26, с. 131]. Однако, как показывает позднеантичная и ранневизантийская письменная традиция, понятие «скифы» не может быть принято здесь как название определенного этноса. Различные древние авторы терминами «скифы» или «сарматы», именовали весь конгломерат варварских племен, обитавших на пограничных территориях, включая и Боспор. Несмотря на многочисленность варварского субстрата в северо-причерноморских землях, этнополитическое понятие «скифы» как образ размытый, с точки зрения этнической и собирательный, с точки зрения географической, проходит через многие древние письменные источники. Ранневизантийские источники странным образом сочетают собственные достаточно подробные этнополитические познания о племенах, обитающих в северо-восточной периферии античного мира, с мифическими данными о варварских народах, почерпнутых из сочинений Геродота, Страбона и других предшествующих античных авторов. Скифскими народами ранневизантийские авторы считают: меотов, сарматов, аорсов, будинов и герулов (Стефан Византийский); гетов и готов (Зосим, Евнапий, Гермий, Созомен, Павел Оросий и другие авторы). Епифаний помещает в Скифии готов, давнов, веннов и ариев. К скифскому племени Феодорит Киррский относит даже гуннов [2; 8; 1; 4]. Поэтому Таврика, а также территория Боспорского государства рассматриваются в ранневизантийских письменных источниках как часть общего «скифского» варварского мира [26, с. 132].

В 20-е гг. XX вв. А.А. Васильев, в соответствии с текстом письма Иоанна Златоуста к Олимпиаде, предположил, что к 400 году Боспорское царство было уже захвачено германскими племенами [20, с. 289]. Однако содержание письма весьма запутано и не содержит конкретной информации, отсюда и разнообразие трактовок текста. По мнению ряда ученых, в древнем сообщении идет речь о крымских или же боспорских готах [21, с. 370; 47, с. 52; 66, с. 33]. В.Д. Блаватский считает, по меньшей мере, недоказанным предположение А.А. Васильева о том, что в конце IV века и в первой половине V века Боспорское государство находилось под властью готов [17, с. 226, *прим.* 106]. А.И. Айбабин подчеркивает, что в письме нет конкретной информации о местонахождении резиденции епископа Унилы, а наряду с Боспорским царством названы какие-то припонтийские «страны» [11, с. 77, 78]. М.М. Казанский допускал, что в конце IV – начале V вв. готская племенная верхушка находит общий язык с боспорской правящей верхушкой, входя в ее ряды. Однако какие конкретные формы приняла готская власть на Боспоре, можно лишь догадываться. [40, с. 284]. Исследователь подчеркивает,

что какими бы ни были отношения гуннов и Боспорского государства, готы в Восточном Крыму удержались, и их военно-политическая роль на Боспоре до середины V в. была, несомненно, велика [40, с. 285].

По мнению А.И. Айбабина, утверждения о захвате готскими племенами Боспора опровергают эпиграфические памятники V в., найденные в Керчи в 1888 г., в Тамани в 1868 г. и на Таманском полуострове, из которых следует, что Боспорское царство в V в. сохранило самостоятельность и управлялось прежней династией [11, с. 78].

Одним из важнейших источников по истории ранневизантийского Боспора является надпись КНБ № 67. Датировка этой надписи вызвала среди исследователей большие трудности. Ю.А. Кулаковский связывал надпись со временем правления византийского императора Юстина I (518 – 527 гг.) и датировал ее 522 годом. Латышев отнёс надпись к 402 году. К его мнению впоследствии присоединился В.Д. Блаватский, считавший, что постройка крепостной башни при боспорском царе Дуптуне связана с перестройкой оборонительных сооружений в столице из-за того, что сильно уменьшившийся в размерах город уже не мог теперь использовать старую оборонительную систему [18, с. 255]. И.Т. Кругликова относит эту надпись к 306 – 337 гг., т.е. не раньше времени правления императора Константина [44, с. 21-22]. По расчетам В.Ф. Гайдукевича, надпись следует датировать 528 г. Он предположил, что после провалившейся попытки молодого Юстиниана водворить на боспорском престоле гуннского царевича Гроду, император восстанавливает на Боспоре под византийским верховенством старую боспорскую династию Тибериев Юлиев.

Ю.Г. Виноградов, детально изучив надпись, показал, что система параллельного летосчисления по индиктионам и по локальной эре была распространена в V в. в провинциях Византийской империи, которой Боспор в эту эпоху еще явно не принадлежал. Однако как регулярное явление она появляется не ранее середины V в. в Палестине и Аравии, в Киликии и в тесно связанных с Боспорским царством экономическими связями провинциях Анатолии. Ю.Г. Виноградов отнес надпись боспорского царя Дуптуна к октябрю 483 г. [22, с. 237].

Затем Ю.Г. Виноградов, учитывая не подлежащий сомнению факт, что все перечисленные надписью Дуптуна чиновники должны были иметь самое непосредственное отношение к государственному аппарату Боспорского царства, распределил полномочия поименованных официалов. Епарх Исгудий, по всей видимости, был царским наместником над европейской частью Боспорского государства с центром в его столице - Пантикапее. В компетенцию комита Спадина, кроме прежней должности личного секретаря владыки, входило прежде всего командование вооруженными контингентами европейской епархии [22, с. 242-243]. Исследователь также обратил внимание на то, что еще А.Л. Бертье-Делагард, изучая надпись Зенона из Херсонеса 488 г., отметил единодушные сообщения византийских авторов о разрушительной силы землетрясении,

в буквальном смысле, потрясавшем в сентябре 480 г. беспрерывно, на протяжении 30-40 дней все побережье Пропонтиды, с последствиями которого на северном берегу Черного моря и была поставлена необходимость восстановления херсонесских крепостных стен. Из этого Ю.Г. Виноградов делает вывод, что подобная же насущная потребность, только еще раньше, была реализована боспорским царем Дуптуном, однако на сей раз без какой-либо помощи со стороны Византийской империи [22, с. 243].

По мнению А.И. Айбабина, царь Дуптун укреплял оборону боспорской столицы, опасаясь набегов гуннов, обитавших в соседних степях [11, с. 79]. Погребения гуннов-кочевников в V в. весьма малочисленны: в Восточном Крыму все они известны к западу от Узунларского вала – в кургане близ Марфовки и близ Феодосии. Гуннское захоронение из Марфовки по золотым пряжкам с широкой пластинчатой рамкой относят к концу V в. [10, с. 208-209, *рис. 2,5,6*]. При гуннской гегемонии в Степном Крыму постоянного населения, по-видимому, не было. Крымская степь не приспособлена для интенсивной круглогодичной эксплуатации выпасов и нуждается в ежегодном восстановлении травяного покрова [23, с. 15]. Это достигалось кратковременностью сезонных перекочевок номадов. Поэтому в крымских степях ни одно кочевое племя не могло оставаться надолго. Однако В.Б. Блаватский предполагал, что Боспорское государство, начиная с последней четверти IV в., до первой четверти VI в. находилось в той или иной степени зависимости от гуннов, вероятно, выражавшейся в каких-то поборах. Во время же дальних походов гуннов на запад их власть над Боспорским царством ослабевала или вовсе прерывалась. Может быть, на один из этих перерывов приходилось правление боспорского царя Тиберия Юлия Дуптуна [17, с. 226, *прим*. 105].

Стоит также упомянуть мнение В.П. Яйленко о том, что появившиеся на территории Боспорского царства в 375 г. и прочно осевшие здесь на века гунны-булгары органично вошли в уже существующую боспорскую политическую систему, культуру и образ жизни [62, с. 328]. С гуннами исследователь связывает своеобразное обновление правящей верхушки Боспорского царства, так как Дуптун, Исгуди и Саваг – гуннские имена [62, с. 324]. В.П. Яйленко находит разъяснение имени боспорского царя Дуптуна на тюрской почве, переводя его как «имеющий (дикую) лошадку» [62, с. 324]. Этот гуннский царь, который правил, по В.П. Яйленко, в начале V в., стал восприемником всех титулов прежних боспорских владык – он «царь благочестивый, друг Цезаря и друг римлян», к его имени прибавлены традиционное личное и родовое имя прежних боспорских царей Тиберий Юлий. Гуннская знать настолько вросла в позднеантичную цивилизацию, что испытывала потребность в таком инструменте политической организации классового общества, как христианство. А проживавшие в городах гунны восприняли даже греческий язык [62, с. 328].

Не оспаривая этимологию имени Дуптун, следует все же отметить, что

остальные построения В.П. Яйленко не находят соответствия в истории Боспорского царства V в. Надпись боспорского царя Дуптуна все же следует, как это аргументированно доказал Ю.Г. Виноградов, датировать не 402 г., а 483 г. [22, 1998]. Христианизация же гуннских племен произошла не в начале V в., а на целое столетие позже, в начале VI в., как это описано в сочинениях ранневизантийских авторов.

В центральной и западной частях Восточного Крыма не выявлены поселения варваров IV - V в., входивших в разноэтничный племенной союз крымских готов. В могильниках у сел Заморское и Фронтовое открыты лишь отдельные варварские погребения этого времени, а собственно гуннским можно считать только погребение у деревни Марфовка [50, с. 45]. Это впускное погребение в более раннюю курганную насыпь было случайно обнаружено в 1925 г. близ деревни Марфовка, расположенной в западной степной части Керченского полуострова, в 12 км к северо-западу от боспорского города Киммерик. При доследовании, которое проводил директор Керченского историко-археологического музея Ю.Ю. Марти, было установлено, что погребение совершено в каменной гробнице. На дне гробницы лежал костяк женщины, головой на запад, на которой находилась золотая на бронзовой основе диадема, украшенная вставками сердолика и орнаментом из зерни [33, с. 177, *табл*. 24, 1]. Рядом с диадемой стояла стеклянная чаша округлой формы, со слегка отогнутым краем и орнаментом в виде синих овальных капель, датируемая Н.П. Сорокиной в пределах конца IV – первой половины V вв. [57, с. 57, *рис*. 2]. У ног погребенной лежали небольшая массивная золотая пряжка и разбитое круглое зеркало. В выбросе могилы были обнаружены два золотых колта со вставками камней и орнаментом из зерни. Кроме того, местными жителями были переданы в Керченский музей вещи из этой могилы, точное место нахождения которых неизвестно. Это - круглое золотое навершие с альмандином в центре, прямоугольная золотая пластина с двумя вставками сердолика, обломок золотой пластинки с тремя гнездами без камней, еще одна золотая пряжка, золотая пластинка с тремя вставками сердолика, 18 тонких золотых пластинок полуовальной и прямоугольной формы и два золотых кулона, украшенных вставками и орнаментом из зерни [33, с. 177, *табл* .24]. Диадема и колты исполнены в едином полихромном стиле, и, несомненно, составляют гарнитур богатого женского украшения, которое датируется концом IV – первой половиной V вв. [33, с. 118].

Археологическим признаком культуры варваров степей гуннского времени являются ювелирные изделия в полихромном стиле инкрустации. Они распространились в Северном Причерноморье под влиянием гуннов [14, с. 72]. В археологическом материале из степи и из погребальных комплексов некрополя Боспора прослеживаются несомненные параллели. И.П. Засецкая, анализируя эти памятники, выделяет две группы: первая – конец IV – первая половина V вв. и вторая – вторая половина V – начало VI вв. [31, с. 86]. Первая относится к периоду

сравнительно стабильной политической обстановки в Северном Причерноморье, ознаменовавшемуся сложением в степях мощного гуннского племенного союза. В это время широко распространились полихромные украшения, которые, хотя и представлены новыми формами орнамента и техники, продолжают традиции ювелирного искусства Боспора. Именно столица Боспорского царства была одним из центров производства полихромных украшений гуннской эпохи [31, с. 88].

Однако ситуация изменилась в 453 г. после смерти предводителя гуннов Аттилы. В 454 г. в битве на реке Недао в Паннонии гунны были разбиты гепидами во главе с Ардарихом, и их полиэтничный союз распался [65, с. 152-153]. По сообщению Иордана, часть входивших в него племен вернулась в Причерноморье, туда, где ранее жили готы. Прокопий Кесарийский утверждает, что крымские степи между Херсоном и Боспором во второй половине V в. уже занимали гунны [7, *XII ,9; V, 26*]. Он пишет, что сын Аттилы Утигур со своим племенем решил вернуться в Приазовье, но на территории Крымского полуострова был остановлен готами [7, *V, 15-22*]. Прокопий называет этих готов «тетракситами», а в других случаях «трапезитами». По поводу этих двух этнонимов в научной литературе до сих пор ведется острая дискуссия. А.А. Васильев полагал, что второй этноним более точен и связывает этноним «готы-трапезиты» с топонимом реально существующей близ Алушты Столовой горы – Трапезус (современная гора Чатыр-даг) [66, p. 64-69]. Е.Ч. Скржинская на основании упоминания Иордана в перечне прибрежных городов восточнее Мирмекия города Трапезунта предположила, что этот город основали на побережье Северного Кавказа крымские готы – союзники утигуров, перенесших из Таврики название своего поселения на склоне горы Трапезус [3, с. 198-199]. Принимая точку зрения А.А. Васильева, недавно попробовал установить происхождение этнонима «трапезиты» А.Е. Катюшин [41]. Он предположил, что еще в I в. город Гермонасса, находившийся на азиатской стороне Боспорского царства, имел второе название – Трапезунта. Именно это название знал Иордан. Как полагает А.Е. Катюшин, переправившиеся на азиатский берег готские племена поселились в окрестностях боспорского города Гермонассы–Трапезунта и стали называться «трапезитами» лишь с момента этого нового расселения [41, с. 455, 457]. Однако такое предположение противоречит тексту Прокопия Кесарийского, который писал о более позднем периоде.

И.С. Пиоро, вслед за А.А. Васильевым, объяснял этноним «тетракситы» существованием четыре племен или общин германцев. Это мнение основано на свидетельстве Прокопия Кесарийского о том, что на двадцать первом году правления императора Юстиниана I готы-тетракситы прислали в Византию четырех послов. Возможно, от каждой из четырех групп был выделен представитель – посол. По словам И.С. Пиоро, деление готов-тетракситов на группы или общины могло соответствовать их этнической неоднородности, и в таком слу-

чае понятно уточнение «тетракситы» к общему названию «готы» (т.е. племена разноэтничного готского союза) [52, с. 53-54].

Прокопий Кесарийский рассказывал о столкновении на Крымском полуострове гуннов-утигуров с готами-трапезитами (тетракситами) (11, с. 81). М.Б. Щукин локализует это противостояние где-то на Перекопском перешейке, поскольку именно здесь «не очень широкий путь», позволяющий обороняться сравнительно малыми силами [61, с. 456]. М.Б. Щукин, на основании небольшой ремарки из текста Прокопия, относит событие не к периоду после битвы при Недао, а ранее – к моменту передела власти в «Гуннской империи» после смерти Руи в 30-х гг. V в. [61, с. 454].

Однако некоторые исследователи, вслед за Ю.А. Кулаковским, полагают, что сражение между готами и гуннами могло произойти в Восточном Крыму [47, с. 55]. Так, М.М. Казанский видит в боспорских готах-тетракситах единственную реальную силу на Боспоре, способную остановить гуннов на керченских переправах [40, с. 285]. А.А. Масленников предлагает считать залив «в виде полумесяца», упомянутый Прокопием Кесарийским, – большой Казантипский залив в Крымском Приазовье, где в районе Узунларского вала и были готами остановлены гунны-утигуры [50, с. 43]. Сейчас даже найдены небольшой ров и вал близ села Верхнезаморское в нескольких сотнях метров к западу от Узунларского вала - границы Боспорского царства V в., которые «соорудили за несколько дней две-три тысячи готских воинов» [28, с. 91]. А.А. Масленников обоснованно считает этот вал противотанковым сооружением времен Великой Отечественной войны [28, с. 92]. При поперечном стратиграфическом разрезе данных рва и вала раскопщики не нашли ни одной датирующей находки.

Не отрицая реальность описанных древними авторами событий, следует все же отметить, что выдавливаемые из Крыма готские племена должны были защищать свои земли, а не устраивать битву на западной границе Боспорского царства, уже оставив врагам - гуннам территории своего прежнего обитания. Резонно предположить, что «лунообразный залив Меотийского озера» должен располагаться ближе к местам, где полиэтничный готский племенной союз фиксируется археологически в IV - первой половине V вв. А это предгорная и долинная часть Крымского полуострова. Поэтому на место противостояния готов и ворвавшихся с севера на Крымский полуостров гуннских племен более подходит приазовская часть Акмонайского перешейка близ Феодосии, вне тогдашней территории Боспорского государства. Согласно сообщению Псевдо-Арриана, в это время на месте боспорского города Феодосии находилось поселение, названное на аланском или таврском наречии «Ардабда», т.е. «Семибоженый». Слово «Ардабда» иранского происхождения и связывается исследователями с аланскими племенами, входившими в полиэтничный союз племен крымских готов [52, с. 114].

Среди некоторых исследователей существует мнение, что Боспорское государство было захвачено гуннскими племена и оставалось гуннским, по крайней

мере, до начала VI в. [14, с. 71]. Вероятно, с новым вторжением гуннов следует связывать сожжение и разрушение рыбацкого предместья Боспора на берегу Керченской бухты у восточного склона горы Митридат, исследованного в последние годы А.И. Айбабиным [13, с. 6].

Население степей Восточного Крыма во второй половине V в. составляли кочевые гунны, так как готские племена их покинули. С их уходом связывают прекращение погребений на могильнике у села Заморское [42], где V в. датируются лишь четыре погребения [11, с. 59; 14, с. 15]. Гуннские кочевья могли располагаться к западу от неоднократно упоминавшегося Узунларского вала, который на протяжении IV- начала VI вв. являлся западной границей между боспорянами и варварскими племенами. В близлежащих боспорских поселениях и некрополях Крымского Приазовья нет находок посуды черняховского облика, как и почти нет тех украшений, которые обычно связывают с культурой кочевников эпохи переселения народов [50]. В то же время рядом с боспорскими прибрежными поселениями известны остатки каких-то юртообразных построек, возможно, гуннских, при исследовании которых найдены лишь незначительные фрагменты керамики V в. и обгорелые обломки костей [50, с. 46, прим. 35].

На самих же боспорских сельских поселениях Крымского Приазовья в V в. продолжается обычная жизнь. Здесь по-прежнему обитает местное сельское население – боспоряне, к которому со временем добавились отдельные выходцы из варварской среды, в частности, готы-тетракситы, этнический состав которых был весьма неоднородный [50, с. 51]. С пришлым варварским гото-сарматским населением А.А.Масленников связывает распространение подбойных могил на сельских некрополях, отдельные случаи находок деформированных черепов, некоторые формы лепных сосудов, темнолощенную керамику с зооморфными ручками и геометрическим орнаментом, поздние земляные склепы простой конструкции и сопутствующие конские захоронения [50, с. 45], загадочные письмена, оставленные в камере склепа № 11/2 грунтового некрополя Старожилово [50, с. 11-12, *рис. 22*], а также отдельные предметы вооружения. Это немногочисленные железные кинжалы [50, *рис. 28, 10; 44, 1; 46, 25*] и довольно редкая находка – железный умбон щита, который датируется временем между второй половиной III и третьей четвертью V вв. [50, с. 37]. Какое-то гуннское влияние, вероятно, сказалось и на отдельных предметах боспорского вооружения (сложный лук) [50, с. 46].

Однако вызывает сомнение предлагаемая А.А. Масленниковым датировка и интерпритация погребального инвентаря. Поэтому насколько сильно изменился этнический состав степей Восточного Крыма в V в. установить пока не представляется возможным.

Судя по археологическим материалам города и поселения восточной части Европейского Боспора, и сама столица не пострадали ни во время гуннского вторжения на полуостров, ни после захвата ими крымской степи примыкавшего

к Феодосии региона (11, с. 79). Археологические комплексы V – начала VI вв. найдены в боспорских городах Тиритаке, Китее, в Зеновом Херсонесе и на ряде сельских поселений [49, с. 156-167]. Общепринятое мнение о запустении городских кварталов столицы Боспора после 376 г. н.э. на горе Митридат [17, с. 51, 64] опровергают материалы из раскопанного там верхнего слоя, где содержалась керамика V-VI вв. [55, *Табл.* 5]. В обнаруженных в верхних горизонтах этого слоя плитовых могилах самыми ранними были пряжки, фибулы и поясной набор VII в. [9, с. 15, 69].

В V в. город Боспор сохраняет своё значение столицы, ремесленного и торгового центра Боспорского царства. Как установил В.Д. Блаватский, этот город до прихода гуннов занимал прежнюю территорию, но более редко заселенную. Военная опасность от живших вблизи кочевников и градостроительные соображения побуждали к концентрации оставшегося населения на более компактной площади. Помимо занятий торговлей и ремеслом, которые рано обособились и замкнулись в корпорации, население столицы жило главным образом за счет натурального хозяйства. Основными занятиями были земледелие на прилегающих к городу участках и рыбная ловля [16, с. 72].

Археологические раскопки последних лет на западном плато горы внесли определенные коррективы в представления о столице Боспора в V в. Установлено, что в это время население Боспора не полностью оставило территорию древнего акрополя, ряд построек продолжал существовать параллельно с городским некрополем. Более того, обилие архитектурных остатков говорит о сравнительно высокой строительной активности жителей, населявших этот район. Следов гуннского разрушения археологами не обнаружено. Постройки существовали в непосредственной близости (всего в 50-100 м) от некрополя, а отдельные могилы были сделаны даже в разрушенных помещениях [29, с. 30-32]. Здесь еще В.Д. Блаватским и И.Д. Марченко ранее было найдено большое количество погребений раннесредневекового времени, совершенных в грунтовых ямах и плитовых могилах. Раскопками последних лет также открыто еще несколько десятков погребений, относящихся к VI – VII вв. Большинство погребений – безынвентарные, но в некоторых встречены лепные и стеклянные сосуды, бронзовые и железные пряжки, орудия труда и т.п. [29, с. 29]. Все это свидетельствует о том, что теперь бывший акрополь столицы царства стал западной окраиной города, граничащей с некрополем на горе Митридат. Раннесредневековые могилы встречаются не только здесь, но также в районе Глинища (на месте прежнего античного некрополя) и в других местах современной Керчи.

Особо следует отметить группу более богатых, так называемых «готских» или «гуннских» гробниц – грунтовых склепов, обнаруженных в районе Госпитальной улицы на северном склоне горы Митридат. Здесь в 1904-1907 гг. проводил археологические раскопки В.В.Шкорпил [Шкорпил, 1900; Шкорпил 1907; Шкорпил, 1909], которые и дали находки, ассоциирующиеся с многократно

обсуждавшимся «феноменом Госпитальной улицы», столь существенным для всех расчетов Европейской хронологической системы эпохи переселения народов [61, с. 243-246]. Однако большая часть грунтовых склепов этой части городского некрополя Боспора оказалась полностью ограблена. Отдельные из них по содержанию надписей, наличию крестов, нанесенных на стены склепов, и крестообразные надгробные памятники, а также ориентация покойных говорят в пользу христианской принадлежности умерших. В.В. Шкорпил отмечал, что «христианские гробницы, устроенные рядом с богатыми «готскими» склепами, поражают бедностью находимых в них вещей». Исследователь полагал, что христиане и боспорская знать имели различный социальный статус по конфессиональному признаку, причем христиане пользовались особым покровительством столичной знати, так как их погребения совершались рядом [59, с. 32]. Все же маловероятно такое резкое противопоставление христиан и язычников на Боспоре в V в., особенно во второй половине столетия, когда христианство стало государственной религией царства.

В этом же районе столичного некрополя Боспора Е.А. Зинько был исследован грунтовой склеп № 30, датируемый V в. и давший интереснейший антропологический материал [37]. Так как склеп был ограблен еще в древности, погребенные были сброшены с лежанок на пол погребальной камеры. Исследователям удалось установить, что в склепе было погребено 5 человек: один мужчина в возрасте 50 лет, две женщины в возрасте 45-50 и 30-35 лет соответственно и двое детей, пол которых определить невозможно. Расовая принадлежность женских взрослых черепов – смешанный европеоидно-монголоидный тип, с доминантой последнего комплекса признаков. Большинство черепов было подвергнуто искусственной деформации разной интенсивности и разного типа – высокой и низкой циркулярной компрессии, с помощью двух видов бандажа: лобно-затылочного и лобно-теменного. Единственный не деформированный череп – мужской. Мужчина имел при жизни высокий рост (более 180 см), а женщины – выше среднего (около 160 см) [37, с. 113-114]. Эти антропологические данные по составу одной семьи жителей столицы Боспорского царства в V веке, неопровержимо свидетельствуют о ее этнически смешанном характере, когда глава семьи, вероятно, был греком, а женщины происходили из восточных кочевых племен – аланов или гуннов. С гуннами связывает И.П. Засецкая и захоронения в керченском грунтовом склепе 154, где находилось одиннадцать погребений, дата которых не выходит за пределы середины V в. [33, с. 158].

Анализируя находки из грунтовых склепов 145, 154, 165 и двух катакомб, разграбленных кладоискателями 24 июня 1904 г., И.П. Засецкая подчеркивает, что они служили семейными усыпальницами, и материал этих захоронений как внутри одного склепа, так и в разных склепах столицы Боспора носит однородный характер [30, с. 13-14]. Он представлен однотипными предметами вооружения, конского снаряжения, украшениями и принадлежностями костюма, иден-

тичной стеклянной и серебряной посудой. Кроме того, для богатых погребений боспорской знати типичны многочисленные золотые изделия, исполненные в технике перегородчатой инкрустации. Перечисленные керченские грунтовые склепы, бесспорно, представляют единый хронологический пласт, отражающий культуру Боспорского царства конца IV – первой половины V вв. когда в степях Северного Причерноморья господствовал гуннский племенной союз [30, с. 14].

Сравнительный анализ материалов керченских склепов и погребальных памятников восточноевропейских степей позволил И.П. Засецкой выявить как сходные, так и различные категории вещей, к последним относятся украшения костюма и конского снаряжения. Изготовляя их, древние мастера руководствовались не только декоративностью, но в определенной мере также идеологическими представлениями своего племени, и это нашло выражение в формах и орнаментации изделий. Поэтому распространенные среди степного населения полихромные украшения – колты, диадемы, кулоны – принадлежат к специфическим предметам кочевнической культуры и никогда не встречаются в комплексах боспорских склепов. Характерные же для жителей столицы Боспорского царства фибулы, золотые венки с индикациями византийских императоров, особо декорированные гривны и браслеты отсутствуют в степных погребениях. Разница заключается в стилистических особенностях украшений и в подборе погребального инвентаря в целом. Так, в степных захоронениях почти нет стеклянной и серебряной посуды, так разнообразно представленной в комплексах столицы Боспора, а также металлических умбонов от щитов [30, с. 14]. Однако все эти отличия не указывают на хронологический разрыв комплексов, они лишь свидетельствуют об их иной этнокультурной принадлежности. Сходство же погребального инвентаря степных комплексов и керченских грунтовых склепов, по мнению И.П.Засецкой, наблюдается прежде всего в формах оружия (мечей, наконечников стрел, костяных накладок лука), а также в конструкции удил, седла, в наличии некоторых одинаковых принадлежностях – зеркал, пряжек, наконечников, поясов. Появление и распространение всех этих вещей в Северном Причерноморье относится ко времени господства гуннов в Восточной Европе. Они встречаются на огромной территории, от Алтая до Западной Европы, в памятниках, совершенно отличных в этнокультурном отношении, и лишь свидетельствуют о принадлежности последних к одной исторической эпохе [30, с. 14-15].

Определенную группу на боспорских некрополях составляют погребения христиан. В настоящее время известно более сорока боспорских христианских надгробий, причем подавляющее большинство происходит из некрополя в районе Глинища и значительно меньше из городского некрополя с северного склона горы Митридат столицы Боспора [27, с. 16]. Достоверно датировать V в. удается лишь несколько. Так, на надгробии диакона Евсевия есть дата – «месяца дистрия 733 года» [27, с. 12]. 733 год боспорской эры соответствует 436/7 г. На другом надгробии, принадлежащему боспорянину Арсаку, указывается, что он христианин,

хотя сам характер надгробия не оставляет в этом никаких сомнений. В комментарии к надписи В.В. Латышев справедливо отмечает, что такой надгробный памятник мог появиться только при условии открытого существования христианства, хотя бы не в качестве господствующей религии, а равноправной с язычеством [48, №100]. Наличие в надписи слова «христианин» вполне очевидно подчеркивает тот факт, что христианство в V в. еще не было единственной религией в Боспорском царстве. Все прочие христианские надгробия, а их около тридцати, датируются с гораздо меньшей точностью – в пределах V-VI вв. Обусловлено это тем, что шрифт лапидарного письма в Боспорском царстве в течение всего этого времени изменялся весьма мало. Упомянутые на надгробиях имена христиан – Аникет, Абика, Адельфа, Арсин, Евтихиан, Евфрасий, Феодосий, Феодора, Феодор и другие, в основном греческого происхождения, часть из которых характерны именно для жителей Малой Азии [27, с. 23-24].

Греческий язык надгробий, по мнению В.Д. Блаватского, свидетельствует о том, что обитатели Пантикапея-Боспора в период раннего средневековья были прямыми потомками населения прежней боспорской столицы. А если в их среду и проникали иноземные пришельцы, то они подвергались достаточно сильной ассимиляции [17, с. 224]. Наличие в некоторых надгробных надписях V в. дат по боспорской эре, самая поздняя из которых относится к 497 г., позволяет заключить, что жители столицы царства стремились сохранить прежние боспорские традиции [17, с. 225]. В то же время система датирования официальных актов второй половины V в. по традиционному боспорскому и по византийскому летосчислению может рассматриваться как признак ощутимого политического влияния Византии на государственную жизнь Боспорского царства, поскольку тот же феномен и в то же время зарегистрирован только в провинциях Империи [22, с. 244].

Ю.Г. Виноградов считает, что Боспорское государство продолжало свое стабильное существование, цементировавшееся прочной царской властью и разветвленным государственным аппаратом, распространившим свои прерогативы на государственные и частные владения, простиравшиеся на земли обоих берегов Боспора Киммерийского. Ни документально, ни археологически не прослеживается и намек на общее запустение греческих центров Боспора [22, с. 245]. Однако такая оценка значительной мощи Боспорского государства и царской власти во второй половине V в. представляется все же несколько завышенной.

Интересные материалы о жизни и этнической принадлежности населения в небольших городах Боспорского царства в V в. получены при археологических исследованиях городищ Тиритаки, Китея и отчасти Киммерика. Так, в центральной части боспорского города Тиритака раскопано несколько достаточно больших городских усадеб, которые, судя по результатам археологических исследований, частично перестраиваются в середине - второй половине V в. [35, с. 333]. Здесь же, на границе двух кварталов на протяжении нескольких столетий функционировало святилище, которое было окончательно заброшено

не позднее середины V века. Неоднократные перестройки уничтожили большую часть культовых предметов из святилища, поэтому сложно утверждать, каких божеств в нем почитали [34, с. 178]. Прекращение существования языческого святилища в центре Тиритаки и строительство христианской базилики в припортовой части, хорошо согласуются с общей тенденцией превращения христианства в государственную религию Боспорского государства во второй половине V в.

Исследования последних лет дали большое количество материалов и о боспорском городе Китее, который в V в. продолжал существовать в границах крепостных стен первых вв. На раскопанных участках нет следов катастрофических разрушений, перепланировок улиц, заброшенных мест. В самом центре города, в старой сакральной зоне исследованы остатки комплекса культовых зданий с круглым зданием-святилищем, которые неоднократно на протяжении V в. перестраивались. Е.А. Молев полагает, что языческие религиозные обряды отправлялись в них и в раннехристианское время [51, с. 222-223]. О продолжении существования боспорского города Китея в прежних размерах свидетельствуют и находки последних лет на некрополе, где открыт ряд новых земляных склепов гуннского времени с фрагментами краснолаковой посуды со штампованными крестами. Судя по исследованным участкам некрополя, территория с новыми захоронениями, совершенными на протяжении V-VI вв., была достаточно обширной. Городской некрополь занимал, по всей видимости, всю изначальную ближнюю хору Китея. Земельные наделы должны были переместиться на запад и восток от города или на север от возвышенности Джург-Оба. В целом Китей предстает одним из наиболее значительных боспорских городов этого периода, который доминировал в территориально-хозяйственной микрозоне юго-востока европейской части Боспорского царства как самостоятельный локальный центр [19, с. 174-175].

На юго-восточной окраине боспорских земель продолжает существовать мощная цитадель на горе Опук - Киммерик (Киверник). Эта цитадель, а также оборонительные стены города Киммерика и примыкающие к ним Узунларский вал и ров, многие столетия составляющие с боспорским городом Киммериком единую фортификационную систему, в V в. оставались западным пограничным боспорским укреплением. Охрана этого важного пограничного пункта, по мнению В.К. Голенко, могла осуществляться «варварами»-федератами из числа германских племен, осевших на побережье Меотиды и на Боспоре [26, с. 130]. Во второй половине V в., несмотря на гуннское вторжение, городище Киммерик продолжал выполнять функцию пограничного рубежа Боспорского царства [26, с. 133].

Эпиграфические памятники второй половины V в. свидетельствую о превращении христианства в господствующую в Боспорском царстве религию. Епископ Боспора Евдоксий участвовал в Константинопольском соборе 448 года и в Эфесском в 449 году. В Керчи найдено надгробие 438 года дьякона Евсевия [12, с. 14]. Со второй половины V века благодаря подчинению боспорских земель

Константинопольскому патриарху (451 г.) и активной деятельности боспорского епископа Евдоксия происходит процесс претворения христианства в общегосударственную господствующую религию. Этот процесс получил легитимность в последней четверти V века, когда в надписях боспорский царь Тиберий Юлий Дуптун и его сановники характеризуются как христиане.

Важнейшим памятником конца V в. является боспорская христианская катакомба 491 г. опубликованная Ю.А. Кулаковским [45]. На стенах погребальной камеры склепа сохранились нанесенные красной краской кресты и стихи 90-го псалма. Склеп датируется старой боспорской эре и четко утверждает непрерывность культурной жизни населения столицы Боспора до конца V в. [45, с. 22]. В 1895 г. рядом была открыта еще одна катакомба конца V в., во всем аналогичная предыдущей, но гораздо беднее по содержанию [45, с. 63]. На стенах склепа тоже были начертаны стихи из 90-го псалма. Однако их текст написан гораздо точнее, чем в склепе 491 г. Этот грунтовой склеп датируется 496 г. [45, с. 63].

Надписи из склепа 491 г. интересны еще и тем, что здесь упоминается имя Савага и его жены Фаиспарты, погребенных в этом склепе на центральном некрополе столицы Боспорского царства. Как полагает Ю.Г. Виноградов, этот же знатный боспорянин неоднократно упоминается в боспорских надписях V в. На основании анализа этих эпиграфических памятников, охватывающих достаточно узкий промежуток времени в 13-14 лет, с 478/9 по 491/2 гг., исследователь предпринял попытку воссоздать в общих чертах его биографию [22, с. 241]. Согласно ей Саваг, сын Аристона, происходил из знатной семьи одного из городов (скорее всего, Гермонассы-Таматархи) азиатской части Боспорского царства, владевшей на таманском берегу разнообразными угодьями. Не позже 478/9 г. он получает высокий пост комита в центральном аппарате администрации Боспорского государства, а в последнее десятилетие своей жизни и карьеры переселяется в столицу, где и был погребен со своей супругой Фаиспартой в 491/2 году или вскоре после него [22, с. 241].

На Боспоре, как и в других районах эллино-римского мира, помимо государственных институтов, общинная организация и различные сообщества, объединявшие людей не только по профессиональному, но и религиозному признаку, играли чрезвычайно важную роль в общественной и частной жизни [18, с. 244]. Поэтому именно в это время в самоуправлении отдельных общин и территориально-хозяйственных районов выросла роль представителей христианской церкви, которые объединяли вокруг себя самые широкие слои боспорского населения. В период значительного ослабления центральной власти объединение вокруг христианской церкви значительной части населения вероятно способствовало сохранению Боспорского царства как единого политического целого и его ориентации на Византийскую империю [38, с. 42].

Захват гуннами степной части Восточного Крыма не оказал заметного отрицательного воздействия на экономику царства. Земледелие оставалось глав-

ной отраслью экономики уцелевших городов и поселений, их население также занималось виноградарством и рыболовством [49]. Судя по тексту надписи 486 г., знатный боспорец комит Саваг, сын Аристона владел большими рыбопромысловыми угодьями [Виноградов, 1998, с.238, 240]. Однако присутствие гуннов в Восточном Крыму не могло пройти бесследно. Жители Боспора воспринимали все новшества, возникшие в Подунавье и в других провинциях. В первой половине V в. греческая и аланская знать Боспорского царства переняла у соседних гуннов возникшую на Дунае моду на золотые изделия нового полихромного стиля, украшенные вставками из граната [11, с. 79]. По дунайским образцам в боспорских мастерских стали изготовлять полихромные изделия нового стиля [14, с. 72; 32, с. 34]. А.К. Амброз выделяет два вида в новом полихромном стиле: 1) камни в отдельных гнёздах россыпью; 2) сплошные перегородчатые украшения из пиленых пластинок. В изделиях первого типа камни расположены без симметрии, формы камней различны, чаще неправильные. Мастера нарочно подбирали их так, чтобы форма всё время варьировалась. В изделиях второго типа создавалась особая игра бесконечно меняющихся форм, своего рода мерцание [14, с. 72]. Примерно в это же время боспорские женщины стали носить гладкие двупластинчатые фибулы, серьги с многогранником и широкие пояса, как и дунайские. А уже с середины V в. боспорянки носили пряжки и двупластинчатые фибулы с кербшнитным декором или его имитацией, броши в виде изображения цикады [9, с. 70].

Судя по материалам городских некрополей в V в., этнический состав оседлого населения европейской части Боспорского государства изменился мало. Так, на стене христианского склепа 491 года и на других эпиграфических памятниках встречены греческие (Евсевий) и аланские (Фаиспарта, Спадин) имена [45, с. 6, 22-23]. Аланскими (или гуннскими ?) именами называли и греков, например, знатный боспорец Саваг, сын Аристона. Следует также отметить, что найденное при раскопках граффити с упоминанием еврея Анания из Боспора свидетельствует о сохранении среди горожан в V в. иудейской общины [11, с. 88], которые к тому же имели свой отдельный некрополь, расположенный к югу от столицы государства.

Однако необходимо обратить внимание на то, что, судя по увеличению количества богатых погребений в столичном некрополе, в середине V в. идет процесс укрепления социальной верхушки населения Боспорского царства [14, с. 85]. Это, вероятно, было связано с участием некоторой части ее представителей в походах гуннов на Запад, а также возможной инфильтрации в среду населения боспорской столицы гуннской военной знати. Все это свидетельствует о постепенной эволюции наиболее зажиточной знатной части боспорского общества и сращивания его с пришедшей в Восточный Крым варварской верхушкой [39, с. 239].

Исходя из основных тенденций экономического развития и в первую очередь гибели системы царского землевладения в результате событий второй

половины III в., социальная стратификация населения Боспорского государства в ранневизантийский период должна была стать более простой [39, с. 238]. В боспорском обществе существовала количественно небольшая группа знати, приближенных боспорского царя и его военной опоры, с одной стороны, и подавляющей массы населения сравнительно невысокого достатка, занятого в сельскохозяйственном производстве, ремесле и мелкой торговле, - с другой [38, с. 41]. К представителям слоя боспорской знати второй половины V в. в первую очередь следует отнести епарха Исгудия, комитов Спадина и Савага, а также протокомита Кимирия, сына Агафуса. В социальном плане в силу сложившихся обстоятельств слой основной массы населения Боспорского царства был достаточно однороден, и именно он являлся объектом эксплуатации правящей верхушки боспорского общества. При этом следует подчеркнуть, что имеющиеся сейчас источники не позволяют говорить о наличии в Боспорском государстве в этот период не только сколько-нибудь значительного количества рабов, но и близких им по положению групп зависимого населения, в том, числе и пелатов [39, с. 238].

Появление «гуннских» предметов в погребальном инвентаре некрополей Боспора и других городов Боспорского царства, вероятно, следует рассматривать как инфильтрацию какой-то незначительной части этого нового этноса, или даже как его инноваций и традиций в материальную культуру боспорян. Прокопий Кесарийский четко ограничивает место обитания гуннских племен на Крымском полуострове во второй половине V века степной территорией между Херсонесом и Боспором [7, VIII, V,26]. Нахождение кочевнических гуннских погребений в Восточном Крыму лишь к западу от Узунларского вала и рва подтверждает факт функционирования этой древней линии обороны Боспорского государства и в V в. А даваемая в сведениях ранневизантийских авторов определенная этническая ситуация, противопоставляет варварское население степной части полуострова в сравнении с боспорским населением столицы и прилегающих земель Боспорского царства с более мелкими городами и сельскими поселениями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Евнапий.* Продолжение истории Дексиппа // ВДИ. – 1948. – № 3. – С. 272-275.
2. *Зосим.* Новая история // ВДИ. – 1948. – № 4. – С. 247-288.
3. *Иордан*. О происхождении и деянии гетов. – М.: Наука, 1960. – 435 с.
4. *Созомен.* Церковная история // ВДИ. – 1948. – № 3. – С. 302-312.
5. *Agathias*. The histories / Translated by J.D. Frendo // Corpus fontium historiae Byzantinae. – Berlin, New York, 1975. – Vol. II A. – 159 p.
6. *Ammianus Marcellinus*. – Harvard university press. Cambridg-London, 1972. –378 p.
7. *Procopius*. History of the wars / With en English traslation by H.B. Dewing. – Vol. I. – Cambridge, Massachusetts, MCMXIV. – 279 p.

8. *Zosimus*. New history / A translation with commentary by R.T. Ridley. – Canbera, 1982. – 413p.
9. *Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. - Симферополь: Таврия, 1990. – Вып. I. – С. 3-86.
10. *Айбабин А. И.* О хронологии раннесредневекового некрополя Боспора (к публикации И.П. Засецкой) // МАИЭТ. – Симферополь: Таврия, 1993. – Вып. III.– С. 22-23.
11. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. - Симферополь: ДАР, 1999. – 352 с.
12. *Айбабин А. И.* Крым в середине III – начале VI века (период миграций) // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века; под ред. Т. И. Макаровой, С. А. Плетневой. – М.: Наука, 2003. – С. 10-15.
13. *Айбабин А. И.* Раскопки нового рыбозасолочного комплекса в г. Боспор // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, - 2012. – 5 с.
14. *Амброз А. К.* Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. – М., 1992. – Вып. I. - С. 6-108.
15. *Артамонов М. И.* История хазар – Л.: Наука, 1962. – 523 с.
16. *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 208 с.
17. *Блаватский В. Д.* Пантикапей: очерки истории столицы Боспора. – М.: Наука, 1964. – 232 с.
18. *Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время // Античная археология и история. – М.:Наука, 1985. – С. 242-260.
19. *Болгов Н. Н.* Город Китей в позднеантичный период: особенности топографии и новые материалы / Н. Н. Болгов // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы международной научной конференции / ГЭ, ИИМК РАН [и др.]. – СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. – Часть 1. - С. 171-177.
20. *Васильев А. А.* Готы в Крыму // Известия Российской академии истории материальной культуры. – М., 1921. – Ч. 1. – Т. I. – С. 265-344.
21. *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского // Труды: в 4-х т. – СПб., 1912. – Т. 2, вып. 2. – 357 с.
22. *Виноградов Ю. Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. – 1998. – № 1. – С.233-247.
23. *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1979. – 216 с.
24. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР. – 1949. – 622 с.
25. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. – 1952. – № 25. – С. 15-134.
26. *Голенко В. К.* Древний Киммерик и его округа. – Симферополь: Сонат, 2007. – 408 с.
27. *Диатроптов П. Д.* Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. – 1995. – Вып. 2. – С. 7-40.
28. *Ермолин А. Л.* Локализация места противостояния гуннов и готов на Керченском полуострове // ДБ. – М., 2006. – Вып. 9. - С. 90-100.

29. *Журавлев Д.В.* Новые данные о Пантикапее в позднеантичную эпоху // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античних городов Северного Причерноморья: тезисы докладов международной научной конференции / ГЭ. – Спб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 1999. – С.28-32.
30. *Засецкая И. П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. – М.: Наука, 1979. – Вып. 158. - С. 5-17.
31. *Засецкая И. П.* Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // АСГЭ. – Л.: «Искусство», 1986. – Вып. 27. - С.79-91.
32. *Засецкая И. П.* Материалы боспорского некрополя 2-й пол. IV- I пол.V вв. // МАИЭТ.– Симферополь, 1993. – Вып.III. - С. 23-104.
33. *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV - Vвв.). – СПб., 1994. - 224 с.
34. *Зинько А. В.* Особенности религиозной жизни Тиритаки V-VI вв. н.э. (по материалам археологических раскопок) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы международной научной конференции / ГЭ, ИИМК РАН [и др.]. – Часть 1. – СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2007. – С. 177-179.
35. *Зинько А. В.* Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002-2005 гг. // Византия в контексте мировой культуры. ТГЭ. – СПб., 2008. – XLII. - С. 329-338.
36. *Зинько А.В.* О застройке боспорского города Тиритака в 4-6 вв. н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. – Керчь, - 2012. – 147 с.
37. *Зинько Е. А.* Некрополь Пантикапея – новые открытия // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: материалы IV Боспорских чтений / КФ ИВ НАНУ [и др.]. – Керчь, 2003. – С. 113-116.
38. *Зубарь В.М.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III - первая половина VI вв.) / В. М. Зубарь, А. И Хворостяный. – К., 2000. – 178 с.
39. *Зубарь В.М.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории / В. М. Зубарь, В. Н. Зинько // БИ. – Симферополь-Керчь, 2006. – Вып. XII. - 304 с.
40. *Казанский М. М.* Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре; под ред. М.Е. Левады. – К., 1999. – С. 277-297.
41. *Катюшин А. Е.* Еще раз об этнониме «трапезиты» // МАИЭТ. – Симферополь, 2005. – Вып.XI. - С. 452-458.
42. *Корпусова В. М.* Сільське населення піздньоантичного Боспору // Археологія. – 1973. – №8. – С. 27-45.
43. *Корпусова В.Н.* Некрополь Золотое. – К.: Наукова думка, 1983. – 183 с.
44. *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. – М.: «Наука», 1966. – 221с.
45. *Кулаковский Ю. А.* Керченская христианская катакомба 491 г. / Ю. А. Кулаковский // МАР. – СПб., 1891. – Вып 6. - С. 1-30.
46. *Кулаковский Ю. А.* К истории Боспора Киммерийского в конце VI в.– СПб., 1896. – 27 с.

47. *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. – К., 1914. – 158 с.
48. *Латышев В. В.* Эпиграфические новости из Южной Росси. Находки 1904 г. // ИАК. – СПб.,1905. – Вып. 14. - С. 1-137.
49. *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в первых веках н.э. – М., 1990. – 228 с.
50. *Масленников А. А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. – М., 1997. – 108 с.
51. *Молев Е. А.* Комплекс культовых зданий на юго-восточной границе китейского городского святилища (раскопки 2005 - 2006 гг.) / Е. А. Молев, Н. В. Молева // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты: материалы VIII Боспорских чтений / КФ ИВ НАНУ [и др.]. – Керчь, 2007. – С. 219-225.
52. *Пиоро И. С.* Крымская Готия – К.: Лыбидь, 1990. – 200 с.
53. *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс – М.: Наука, 1989. – 197 с.
54. *Плетнева С. А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV-XIII века) – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2003. – 248 с.
55. *Сазанов А. В.* К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. – 1989. – № 1. – С. 84-102.
56. *Сокольский Н.И.* Гунны на Боспоре // Studien zur Geschichte und Philosophie des altertums. – Amsterdam, 1968. – С. 251-261.
57. *Сорокина Н.П.* Стеклянные сосуды IV-V вв. в хронологии Цебельдинских могильников // КСИА. – М., 1979. – Вып. 158. – С. 57-66.
58. *Шкорпил В. В.* Три христианские надгробия, найденные в Керчи в 1898 г. // ЗООИД. – Одесса, 1900. – Т.XXII, отд. 5. – С. 59-60.
59. *Шкорпил В.В.* Отчёт о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК – СПб., 1907. – Вып.25. – С. 1-66.
60. *Шкорпил В.В.* Отчёт о раскопках в г. Керчи в 1905 г. // ИАК. – СПб., 1909. – Вып.30. – С. 1-50.
61. *Щукин М.Г.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура) – СПб.: Филологический факультет СПб.ГУ, 2005. – 576 с.
62. *Яйленко В.П.* Гунно-булгары II-V вв. до н.э на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимики // ДБ. – М., 2002. – Вып. 5.– С. 303-333.
63. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. – М., 1958. – №85. – С.458-501.
64. *Gajdukevic V. F.* Das Bosporanische Reich. – B.-Amsterdam, 1971. – 692 s.
65. *Thompson E.A.* A History of Attila and the Huns. – Oxford, 1948. – 375 p.
66. *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. – Cambrige, Massachusetts. 1936. – 290 p.

Зинько А.В.

Восточная Таврика в эпоху Великого переселения народов

Резюме

Традиционно начало эпохи Великого переселения народов связывают с вторжением гуннов на Северный Кавказ в 370-375 гг. Отрывочные сообщения письменных источников и результаты многочисленных археологических исследований последних десятилетий дают противоречивые представления об этнической ситуации в Восточном Крыму в эпоху Великого переселения народов. Это обусловлено как краткостью свидетельств древних авторов и небольшим количеством фрагментарных эпиграфических надписей, так и сложностью интерпретации и датировки археологических источников. Однако, несмотря на все потрясения и утраты в результате набегов гуннов западной части Керченского полуострова, Боспорское царство с конца IV по первую треть VI вв. продолжало свое достаточно стабильное существование.

Зінько О.В.

Східна Таврика в епоху Великого переселення народів

Резюме

Традиційно початок епохи Великого переселення народів пов'язують з вторгненням гунів на Північний Кавказ у 370-375 рр. Уривчасті повідомлення письмових джерел і результати багаточисельних археологічних досліджень останніх десятиліть дають суперечливі уявлення про етнічну ситуацію в Східному Криму в епоху Великого переселення народів. Це обумовлено як стислістю свідоцтв древніх авторів і невеликою кількістю фрагментарних епіграфічних написів, так і складністю інтерпретації і датування археологічних джерел. Проте, не дивлячись на всі потрясіння і втрати в результаті набігів гунів західної частини Керченського півострова, Боспорське царство з кінця IV по першу третину VI ст. продовжувало своє досить стабільне існування.

Zin'ko A.V.

Eastern Taurica in the Epoch of the Great Migration of Peoples

Summary

Traditionally the beginning of the epoch of the Great Migration of Peoples is connected with the intrusion of the Guns to Northern Caucasus in 370-375. Fragmentary reports from written sources and results of numerous archaeological researches of last decades give contradictory presentation of ethnic situation in the Eastern Crimea in the epoch of Great Migration of Peoples. It is determined by brevity of evidence of ancient authors, small number of fragmentary epigraphic inscriptions and complexity in interpretation and dating archaeological sources. However, despite all perturbation and losses caused by the Guns' raids in the western part of the Kerch peninsula, the Bosporus Kingdom continued their rather stable existence since the end of the 4th up to the first third of the 6th century.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИЯХ ГОРОДСКОЙ И КОЧЕВОЙ КУЛЬТУР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ОБЛАСТИ ВОЕННОГО ДЕЛА X-XIII вв.

Кочевые племена Восточной Европы активно взаимодействовали с Византийской империей и ее владениями в Крыму. Специалисты неоднократно освещали историю военных конфликтов номадов с этой державой [1-3 и др.]. В некоторых работах вскользь упоминается о заимствованиях отдельных видов вооружения. В данной статье предпринята попытка объединить все известные сведения письменных источников о взаимных влияниях военных традиций оседлых и кочевых народов и дополняющие их материалы археологических исследований.

Что касается влияния печенегов и половцев на военное дело Византийской империи, то следует отметить обычное для имперской политики формирование армии, использование федератов, которыми и становились в период средневековья кочевники-тюрки. Расселение номадов во внутренних и, особенно, в пограничных областях государства и использование их в качестве дополнительной военной силы мы видим и в Киевской Руси на примере черных клобуков, и в Венгрии на примере печенегов и половцев [4]. В труде византийского историка Иоанна Киннама есть описание битвы с некими кочевыми племенами «скифов», под этим именем в византийской традиции часто фигурируют тюрки. Автор пишет, что «скифы» заняли оборону, окружив себя повозками, что характерно и для печенегов, и для половцев, а некие императорские «секироносцы» разбили секирами эти повозки, и номады были захвачены в плен. Далее говорится, что эти пленные, «*занесенные в воинские списки, они еще долго служили*» [5, с. 59-60, 92-96]. Таким образом, вполне обоснованы сведения об участии в битвах на стороне византийцев печенежских, торческих и половецких племен. Возможно поэтому, на собственно византийском военном деле не столь ярко прослеживается влияние традиции восточноевропейских кочевников-тюрков, и тут следует скорее говорить о влиянии персидском, арабском и позже сельджукском. Хотя в раннее время заметно влияние в одежде – ношение кочевнических «кафтанов» как простыми византийскими всадниками, так и аристократами, сабля

же появляется среди оружия византийцев уже после VII в. [3, с. 99]. В «Тактике Льва» приводится описание тренировок кавалеристов. Автор рекомендует: «*Кавалеристов следует упражнять в скоростной стрельбе из лука, в умении быстро извлечь стрелу из колчана и сильно пустить ее; для этого необходимо умело держаться на лошади… Обучать скоростной стрельбе из лука во время движения верхом на лошади в направлении вперед, назад, вправо, влево. Обучать вскакиванию на лошадь… Двигаясь на лошади, быстро выпустить из лука одну или две стрелы…*» [6, с. 145]. Все эти приемы активно использовались различными кочевыми народами, и тут мы также видим их влияние на византийское войско. В этом же источнике описаны боевые обычаи так называемых «турок», под которыми в одном случае понимаются венгры [6, с. 274], а в другом, возможно, некие тюркские кочевые племена [6, с. 275]. Автор трактата пишет, что «*они уделяют большое внимание обучению стрельбе из лука на скаку*», и приводит другие особенности военного дела кочевников [6, с. 276-277]. В завершении рассказа о «турках» Лев VI Мудрый дает следующее наставление: «*Мы описали это тебе не из-за того, что предстоит воевать с турками – они не являются ныне ни нашими соседями, ни врагами, но очень стараются показать, что подвластны ромеям, но чтобы ты, стратиг, был осведомлен об особенностях различных построений и стретегем и мог использовать их в надлежащее время против того, кого ты определишь, и тогда, когда ты сочтешь нужным*» [6, с. 278]. Кроме того, уже зная с каким противником он имеет дело, византийский император Алексей Комнин в преддверии одной из битв с куманами приказал «*проявлять большую заботу о конях*», как сообщает нам в своем труде византийская принцесса Анна Комнина [7, с. 394].

В военно-политических отношениях с кочевниками восточноевропейских степей империя старалась уйти от угрозы нападений дипломатическими методами, направляя разные кочевнические племена друг против друга либо же против других врагов (как-то Киевская Русь или, к примеру, крестоносцы). Сведения об этом мы можем почерпнуть из письменных источников того периода [5-8 и др.].

Письменные источники доносят до нас сведения, что половцы штурмовали и осаждали крупные укрепленные города. Куманы всегда стремились быстро и с минимальными потерями закончить любое сражение. Без соответствующей осадной техники быстро захватить крупный укрепленный город было невозможно, а долгие осады кочевникам не подходили. В силу этих причин средневековые номады вынуждены были развивать и другие отрасли своего военного ремесла. Для преодоления крепостной стены использовали штурмовые лестницы, с помощью таранов могли сделать пролом в стене и воротах. Для поджога городов кипчаки использовали стрелы, к наконечникам которых привязывали горящую паклю. Перелетая через стены, такие стрелы поджигали деревянные конструкции, расположенные за ними. В погребениях половецких воинов встре-

чаются специальные наконечники стрел с прорезями, куда и могли вставлять паклю, которую перед выстрелом поджигали [9, с. 27]. Монголы пользовались стрелами, на наконечниках которых были закреплены полые костяные предметы с отверстиями. По мнению некоторых ученых, туда также могли заливать горючую жидкость или прикреплять к ним ветошь, которую поджигали (более реальное их назначение – создание шумового эффекта, который должен был пугать противника) [10, с. 218-219].

Торговые и культурные связи кипчаков с соседними государствами были настолько развиты, что половцы уже могли позволить себе содержать в войске специалистов по метательному оружию, даже если не могли использовать это оружие сами. Древнерусские летописи дают нам такие сведения: в 1184 году хан Кончак совершает поход на Русь, причем в составе его войска был человек, некий мусульманин, управлявший метательными машинами, которые стреляли «живым огнем» [11, с. 435-436]. Тут же упоминается, что были у половцев и самострельные луки, для натяжки тетивы которых требовалось пятьдесят человек. «Слово о полку Игоревом» также доносит до нас сведения об использовании такой техники. Тюрколог П. М. Мелиоранский обратил в свое время внимание на места в «Слове», где перечисляются некие приспособления и вещества для применения того же «живого огня» [12, с. 402, 404]. Он считает что «шерешир» (širišär) – это персидское «тир-і-черх» (tir-i-čarh), что значит стрела или снаряд – черха (čarh), при этом в персидском под этим словом понимаются именно самострельные луки. «Смага», по мнению П. М. Мелиоранского, это нефть. Такие машины упоминаются во многих персидских и арабских источниках в монгольское время, и на древнерусских миниатюрах, изображающих взятие монголами городов, мы видим их изображения [13, с. 70-71]. Потому половцы вполне могли позаимствовать этот тип осадного вооружения у своих восточных соседей.

Из письменных источников мы знаем, что в Крыму, например, половцам «принадлежали» некоторые города [14, с. 26; 15, с. 49, 161, 181], которые платили куманам дань [16, с. 32; 17, с. 277]. Данные археологии свидетельствуют, что кипчаки не только кочевали рядом с этими городами, но и жили в них. В Херсоне, Керчи и рядом с крепостной стеной Судака были локализованы и раскопаны половецкие захоронения [17, с. 278]. Жители этих городов, конечно же, были знакомы с осадной техникой и артиллерией, могли эти знания перейти и к половцам.

У Ибн Биби в рассказе о походе малоазийских турок-сельджуков на Судак говорится, что жители города «бились нефтью, черхами, стрелами и камнем». Под нефтью опять же следует подразумевать «живой» или «греческий огонь», который метали с помощью ручных огнеметов. Такая техника применялась и византийцами. Серхами называли большие станковые самострелы, использовавшиеся повсеместно в Европе. В событиях, описанных у Ибн Биби, также принимали участие объединенные войска половецких ханов и русских князей [13,

с. 55-57]. В Византии греческий огонь выходит из употребления уже к началу XII в., связано это с тем, что в Северном Причерноморье усиливается влияние Венеции и Генуи, а также половцев, вследствие этого ограничивается доступ к источникам сырья для греческого огня – нефтяным месторождениям в районе Керченского пролива [18, с. 326]. Половцы же, которые тут хозяйничали в это время, вполне могли пользоваться этими месторождениями с помощью местных жителей, хотя подтверждений этому в источниках мы не знаем. Возможно, что именно из Крыма и пришло к половцам знание об использовании этих новых и эффективных видов оружия и новой тактики при осаде крепостей и укрепленных городов. Но нельзя исключать, что все эти знания могли поступить и от жителей среднеазиатских или кавказских городов, ведь и там применялось это оружие, а человек, обслуживающий эту осадную технику у половцев, был мусульманином, как говорит летопись [11, с. 435]. К сожалению, археологические материалы пока не позволяют нам полностью подтвердить данные письменных источников, так как эти виды оружия не могли быть положены в погребения, нет у нас и иных археологических памятников, где могли бы быть обнаружены хотя бы части этой метательной техники. Говоря о взаимодействии кочевников с крымскими средневековыми городами, нельзя не упомянуть о присутствии в городской культуре крымского населения кочевнических элементов. Так, в Судаке среди археологических материалов X-XII вв. достаточно много вещей, характерных для кочевников. Из вооружения это наконечники стрел, орнаментированные костяные накладки луков и колчанов и другие составляющие снаряжения воина-всадника, коими и были кочевники. Эти вещи могли принадлежать как печенегам или торкам, которые христианизируются и переходят к оседлости, так и жителям города, этнически не связанным с номадами, но перенявшим от них моду на ношение таких вещей [19, с. 20, 25].

Прослеживается влияние соседей и на половецкое защитное вооружение. Г.А. Федоров-Давыдов, характеризуя кочевнические шлемы, приводит пять типов этих изделий. Из них третий тип он считает привозным из Византии или Западной Европы, а происхождение четвертого и пятого типов связывает с Русью [9, с. 32-35]. М. В. Горелик датирует эти шлемы XIII – первой половиной XIV вв. и связывает их с монгольским влиянием [20, с. 26].

Также следует остановиться на некоторых элементах снаряжения и одежды знатных половецких воинов и ханов. Из богатых половецких погребений XIII в. на территории Украины и Венгрии нам известно, что половецкая знать носила богато украшенные поясные наборы. Эта деталь богатого воинского снаряжения не характерна для кипчакских воинов уже в XII в. [21, с. 93]. Наличие же в половецких погребениях поясов европейского производства свидетельствует о связях половецкой верхушки с западноевропейским рыцарством [22, с. 95, 104; 23, с. 31], с которым половцы контактировали во время их пребывания в Византии. Возможно, что пояс был захвачен половецкими воинами в качестве воен-

ной добычи: «*комены, и греки, и блаки повернули назад, те, которые так успешно исполняли свои намерения в этой земле и захватили много добрых коней и добрых кольчуг*», пишет Жоффруа де Виллардуэн в своей хронике [23, с. 104].

С. А. Плетнева считает, что в военном отношении Византийская империя не оказала сильного влияния на номадов первой стадии кочевания, лишь в одежде многие воины-кочевники стали использовать для пошива богатые византийские ткани. Византийские традиции не коснулись изменений кроя кафтанов, но на половецкой одежде появляются широкие горизонтальные нашивки на верхнюю часть рукава, так называемые «клавы» – такую одежду в Византии могли носить лишь высокие придворные чины [5, с. 99]. Эти нашивки прослеживаются и на многих половецких изваяниях в виде сочетаний различных косых насечек в верхней части рук и на плечах статуй. Что же касается собственно оружия, то кочевники продолжали пользоваться своим, которое позволяло им одерживать победы не только в условиях степного боя, но и над противником, защищенным городскими стенами.

Таким образом, кочевники повлияли на военное дело оседлых народов – происходили замена и заимствование некоторых видов оружия, усиление роли кавалерийских формирований в войске, возникли новые традиции в наборе войска и его тренировке. В то же время городская культура привела к поиску новых видов оружия и у самих кочевников – это зажигательные стрелы, метательные орудия, «греческий огонь» и к использованию новых тактических приемов – осада города, отвод воды, штурм.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Князький И.О.* Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003.
2. *Кучма В.В.* Военная организация Византийской империи. СПб., 2001.
3. *Плетнева С.А.* Отношения восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники // СА. 1991. № 3.
4. *Голубовский П.В.* Половцы в Венгрии // Университетские известия. К., 1889. №12.
5. *Бибиков М.В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1998.
6. *Лев VI Мудрый.* Тактика Льва / Изд. подготовил В.В. Кучма. СПб., 2012.
7. *Анна Комнина.* Алексиада / Пер. с греч. Я.Н. Любарского. СПб., 1996.
8. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.
9. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
10. *Немеров В.Ф.* Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII-XIV вв. // СА. 1987. №2.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
12. Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести / Вступ. статьи, сост. и коммент. В.П. Аникин, Д.С. Лихачева и Т.Н. Михельсон. М., 1986.

13. *Якубовский А.Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // ВВ. 1927. Т. 25.
14. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1.
15. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.
16. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане /Ред.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь, 2005.
17. *Айбабин А.И.* Города и степи Крыма в XIII-XIV вв. по археологическим свидетельствам // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
18. *Науменко В.Е.* Константин Багрянородный о боспорской нефти, «греческий огонь» и так называемые «тмутараканские» кувшины: историко-археологический комментарий // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010.
19. *Майко В.В.* Кочевнические элементы городской культуры Сугдеи X-XI вв. Мода или неоднородность этноса // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень, 2008. Т. 2.
20. *Горелик М.В.* Армии монголо-татар X-XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002.
21. *Крамаровский М.Г.* Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012.
22. *Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я.* Половецький комплекс Чингульського кургану // Археологія. 1986. Вип. 53.
23. *Жоффруа де Виллардуэн.* Завоевание Константинополя. М., 1993.

Сейдалиев Э. И.

К вопросу о заимствованиях городской и кочевой культур Восточной Европы в области военного дела X-XIII вв.

Резюме

В статье на основе письменных и археологических источников рассматривается взаимное влияние оседлого и кочевнического населения Восточной Европы в области военного дела. Проанализированы заимствования в вооружении и военном искусстве номадов и Византии. Показано, как изменилось вооружение оседлых народов под воздействием опасности со стороны кочевников. Выявлены новые виды вооружения, тактические и стратегические приемы, которые стали использовать средневековые кочевники Восточной Европы при штурмах и осадах городов.

Сейдалієв Е. І.

До питання про запозичення міської та кочової культур Східної Європи у галузі військової справи X-XIII ст.

Резюме

У статті на основі писемних та археологічних джерел розглядається взаємний вплив осілого і кочівницького населення Східної Європи в галузі військової справи. Проаналізовані запозичення в озброєнні та військовому мистецтві номадів і Візантії. Показано, як змінилося озброєння осілих народів під впливом небезпеки з боку кочівників. Виявлені нові види озброєння, тактичні і стратегічні прийоми, які стали використовувати середньовічні кочівники Східної Європи при штурмах і облогах міст.

Sejdaliev E. I.

On the Problem of Borrowings of Urban and Nomadic Cultures of Eastern Europe in the Sphere of Military Affairs in the 10th – 13th centuries

Summary

On the basis of written and archaeological sources the problem of mutual influence of settled and nomadic population of Eastern Europe in the sphere of military affairs are examined in this article. Borrowings in armament and military art of nomads and Byzantium are analyzed. It is demonstrated how weapon of settled peoples changed under the influence of the threat from the nomads. New kinds of arms, tactical and strategic techniques that medieval nomads of Eastern Europe began to employ during storms and sieges of towns are revealed.

О. С. МАВРИНА

ДЕЛО РОДА СИДЖЕУТ В ФОНДЕ ТАВРИЧЕСКОГО ДВОРЯНСКОГО ДЕПУТАТСКОГО СОБРАНИЯ

О бейском роде Сиджеут (Сиджиут, Седжеут), как и об исчезнувшем до вхождения Крыма в состав Российского государства бейском роде Барын, сохранилось мало сведений. В 1807 году Таврическому губернатору Д. Б. Мертваго на его запрос о том, какие роды мурз считаются бейскими, губернский предводитель дворянства Е. И. Нотара представил сведения, что Ширинские, Мансурские, Сиджеутские и Аргинские относятся к первому разряду беев, ко второму разряду относятся Кыпчакские и Яшлавские [6, с. 96].

Безусловно, в разные периоды Крымского ханства состав главных бейских родов менялся: одни усиливали свое экономическое и политическое влияние, другие исчезали с политической арены. Нет единого мнения о времени появления и утверждения бейских родов в политической иерархии ханства. В. Д. Смирнов считал, что основными бейскими родами, из которых формировались «дорт карачи», так называемая «ханская дума», со времени утверждения Гиреев (Гераев) были роды «Ширин, Барын, Аргын, Седжеут», которые вытеснили род «Яшлау» [11, с. 122]. С другой стороны, тот же В. Д. Смирнов, ссылаясь на османских авторов, относит возвышение рода Сиджеут, а потом и Мансур, к периоду правления хана Сахиб-Гирея (1532-1551), связывая это выдвижение с попыткой ослабить прежних четырех карачибеев [11, с. 413-414].

Действительно, правление хана Сахиб-Гирея является примером противостояния хана с родовой аристократией и попытки трансформировать типично степное ханство в централизованное автократическое государство по модели Османской империи. Эта попытка оказалась неудачной, так как аристократия, в свою очередь, боролась за сохранение родовой государственной структуры ханства. Ей удалось, используя раскол между ханом и османским руководством, устранить хана от власти и установить в 1551 году свою гегемонию [17, с. 447].

Согласно Мухаммед-Ризе, провозглашение ханом Тохтамыш-Герея I в 1608 году произошло с соблюдением старинного тюркского обычая, когда «четверо карачи, начальников племен Ширин, Барын, Седжеут и Мансур посадили

хана на войлочный ковер и, взявшись за четыре угла…, вознесли нового хана на тронный помост» [11, с. 467]. Данное свидетельство подтверждает утверждение рода Сиджеут и Мансур в составе карачибеев в начале XVII века.

В. В. Вельяминов-Зернов, а за ним и В. Е. Сыроечковский, опираясь на «крымские дела», показания С. Герберштейна и Мухаммеда-Ризы, признавали древнейшими главными родами рубежа XVI-XVII веков Ширинов, Барынов, Аргынов и Кыпчаков [3, с. 11; 15, с. 29]. Что касается противоречий в определении старейших бейских родов у В. Д. Смирнова, то В. Е. Сыроечковский объяснял это тем, что один и тот же род в разное время мог иметь разные названия: «Яшлау» более позднее название для Кыпчаков, также как Кыпчаки стали называться Сулешевыми [15, с. 66].

Что касается Сиджеутов и Мансуров (Мангытов), то выдвижение этих родов, произошедшее при Сахиб-Гирее, подготавливалось раньше [15, с. 34]. Об этом может свидетельствовать, например, подписание в 1508 году «роты и правды» (присяги) между ханством и московским царством, где присягнули 5 категорий татарской знати, притом, что обычно, кроме хана, «шертвовали» 4 категории знати – 1) царевичи (братья и сыновья хана), 2) сеиты, 3) уланы и 4) князья. «Роту и правду учинили» в 1508 году – 1) царевичи (поименно), 2) сеиты и муллы, 3) останочный Кият Сакал князь, Мамыш-улан в головах и уланы и князья, 4) Мангыт князь Тевекель, *Седжеут князь Мамыш*, Коурат князь Сюлемен в головах и уланы, князи и воеводы, 5) князь Ширин Агиш, Барын Девлет князь, Аргын Мардан князь, Кыпчак Магмуд князь в головах и «воеводы князи» и ички князей и мурзы [15, с. 38; 10, с. 20].

В данном случае князья из пятой категории: Ширин Агиш, Барын Девлет и т.д. относятся к четырем карачибеям. Статус же Мангытов, Седжеутов, Коуратов из четвертой категории неясен, они присягали или как родовые князья, или как люди, близкие к хану, или как служебные князья [15, с. 39]. Род Кыпчаков исследователи относят к служебным, а не улусным князьям. Этот род практически во все периоды ханства занимал важные административные посты в государстве [15, с. 31, 35; 16, с. 96]. Возможно, именно с происхождением этого рода был связан тот факт, что со временем он был оттеснен, и в последние периоды ханства род Кыпчаков относился ко второму разряду бейских родов, наряду с Яшлав, после Ширин, Аргин, Мансур и Сиджеут [6, с. 96].

Одним из первых упоминаний рода Сиджеут в «крымских делах» в составе *карачибеев* является свидетельство, содержащееся в статейном списке Ивана Судакова, отправленного посланником в Крым в 1587-1588 годах для заключения мирного договора. С посланником были отправлены подарки (поминки) для хана, его жен, султанов (сыновей хана) и иных приближенных [14, с. 44]. По прибытию в Крым 20 марта 1587 года Иван Судаков встретился с ханом Ислям Гиреем, передал грамоту и поминки по списку, которые были розданы на следующий день согласно подробной росписи. Жалование «по росписи розослал

с толмачи князем и мурзам, карачею Алею князю Ширинскому, Мурату князю Сулешеву, Дербышу князю Куликову, Мурат Казы князю Акчигаеву...» и иным мурзам, с подробным описанием, какое кому жалованье выдано [14, с. 53].

Как видно из этого сообщения, Судаков раздал подарки не всем карачибеям, поэтому хан вынужден был из тех подарков, что были посланы московским царем ему лично, раздать своим приближенным. «По царевой присылке послано к Ислям Гирею царю шуба хрепты бельи, шуба черева бельи, двои цки [мех – О.М.] хрепты бельи, да шапки черны. И царь и шубы и шапки дал Каре князю Енгурчееву, Ишиму князю Барымову да *Иналю князю Чижиуту*….» [14, с. 53]. Хан потребовал разъяснения от Судакова, почему не выданы поминки четырем карачи и этим причинено «царю добре в досаду без корочеев как царству стоять»: «…били челом царю карачеи Кара князь Енгурчеев, да Шигим князь Барамов да *Ипалей князь Чижиут*, Абдула князь Кипчаков, просили они у тебя государева жалованья, и ты им не дал, …а при прежних царех Карачеем и омилдешам всем государево жалование было, и ты бы однолично четырем карачеем да Курам аге государево жалование дал» [14, с. 54-55]. Этот инцидент обсуждался неоднократно при ханском дворе, и не единожды Иван Судаков давал объяснения, что жалование роздано только тем «ближним людям» хана, имена которых были известны с предыдущего посольства. Посланник объяснял создавшееся недоразумение тем, что те карачи недавно при царевом дворе появились. А «про те карачеи у царя и у вас ближних людей я не слыхивал и при царе я их не видел, потому их государева жалованья со мной не прислано и похочет царь быти с государем нашим в дружбе и братстве… государь наш тем карачеем и жалованье свое пришлет з больши послы» [14, с. 54-55].

Некоторые сведения о роде Сиджеут содержатся в статейном списке московского посланца подьячего Василия Айтемирева, посланного в Крым весной 1692 года и пробывшего там, в виду определенных обстоятельств, до весны 1695 года. За это время он собрал массу интересных сведений, касающихся не только отношений Крыма с Москвой, Гетманщиной, Польшей, Турцией, но и государственного устройства ханства, значения «ханской думы», распределения полномочий между беями [8, с. 58]. Его известия о политических событиях в Крыму значительно дополняют работу В. Д. Смирнова о Крымском ханстве [11].

О важной роли Сиджеутов свидетельствует тот факт, что Сиджеутские упоминаются в статейном списке посланца Айтемирева в составе четырех великих карачи – дорт карачи. Как видно из сообщения посланца, 17 мая 1692 года возле Перекопа состоялось заседание, на которое к хану Сафа-Гирею (1691-1692) съехались великие карачи: «… и хан де в той думе и также и великие карачбеи Уктемир бей Ширинской и Каплан бей Мансуров, и Батырша бей Аргинской и *Гутлу Гирей бей Сыджиутской* и иные знатные беи и карачи…» [12, с. 31]. На этом заседании, кроме других вопросов, было принято решение о посылке к московскому царю посланцем Мубарекшу мурзу из рода «Сулешевых мурз».

Еще раз о Сиджеутских Айтемирев упоминает, извещая о заседании дивана в феврале 1693 года в Бахчисарае, куда, по приказу уже нового хана Селим-Гирея I (1692-1699 – третье правление), съезжались карачибеи: «И Калга салтан и ширинские и мансурские и аргинские и *сыджживуцкие* беи и карачи и с ними мурзы и аги съехались Февраля к 14 дню» [12, с. 65].

30 марта 1694 года в Бахчисарае состоялось заседание дивана, на котором было принято решение назначить для обороны калмыцких улусов от донских казаков во главе татарских и черкесских войск четырех знатных мурз [13, с. 26]. Этими мурзами были представители четырех бейских родов – «кантемир мурза карабеев сын мансуров, Батырча мурза аргинский да Катырша мурза уктемир беев сын Ширинской да *сыджевутской* мурза…» [13, с. 27].

Таким образом, к концу XVI века род Сиджеут занял прочные позиции в иерархической структуре Крымского ханства, главы рода входили в состав «дорт карачи», совещательного органа при хане, без которого не решались ни внутренние, ни внешние вопросы в государстве. Ситжеуты вплоть до включения Крыма в состав Российского государства смогли сохранить свое влияние.

В конце XVIII века сведения о роде Ситжеут также немногочисленны. Факт участия представителя рода Сиджеут в работе крымского правительства, созданного после присоединения Крыма, свидетельствует о сохранении его влияния среди татарской знати.

В «Камеральном описании Крыма», составленном в 1784 году по требованию Г. А. Потемкина генералом И. А. Игельстромом и носящем оригинальное название «Регистр разным письмам, изъясняющим состояние Крымского полуострова и какое было в оном течение дел земских с 16 августа 1783 года. Июнь 1784 года», приведен состав Крымского земского правительства, существовавшего с июня 1783 по 10 июня 1784 года, находившегося под общим руководством графа де Бальмена, а с 16 августа 1783 года – барона И. А. Игельстрома [9, с. 20-22]. Возглавил Крымское правительство представитель рода Ширин Мегмет бей, который именовался Крым-валиси. От Ширинских в состав правительства вошло еще три человека: Султан-Мегмет мурза, Мегметша мурза, Чатырша мурза. Кроме Ширинских от бейских родов в состав правительства вошли по одному представителю от Мансурских – Гусеин бей, от Сиджеутских – «Суживуцкой Мегметша мурза». Также в работе этого органа приняли участие представители татарских мурз из капыхалков: Кутлуша ага, Темир ага, Ачгазы ага, Джаум ага, Абдювели ага – всего 4 человека [9, с. 25].

В материалах «Регистра…», составленных 10 февраля 1784 года, приведен список мурз, живущих в Крыму «с показанием кто имянно котораго поколения». Примечательно, что указаны только четыре бейских рода, в таком порядке – поколение Ширинских 30 мурз, поколение «Сиживутских (Седжеутских)» – «Мегметша мурза, Девлетша бей, Девлетжа мурза», поколение Мансурских 8 мурз, поколение Аргинских 11 мурз. Далее перечислены мурзы-капыхалки,

ведущие свое происхождение от Султан-Газы мурзы – 150 человек. Всего вместе с каймаканами старых и молодых мурз было насчитано 202 человека [5, с. 13-18]. Как мы видим, род Сиджеутов самый малочисленный из всех бейских родов, указанных в описании, но, тем не менее, очевидно, все еще сохраняющий влияние. Каковы были земельные владения рода в этот период, определить сложно. Очевидно, что сравнительно с другими родами они были незначительными. По данным «Регистра…», в Кефинском каймаканстве на декабрь 1783 года числились две деревни с названием «Седжеут, Сиджеут» – одна в Арабатском кадылыке, другая в Орта-Керченком кадылыке, что свидетельствует только о том, что родовые имения Сиджеутов находились в Восточном Крыму [4, с. 58-59].

Ф. Ф. Лашков в своем труде, посвященном истории крымскотатарского землевладения, характеризуя истоки такой формы землевладения как *бейлик*, также обращается к истории бейских родов. Род Сиджеут он выделяет как «четвертое бейское поколение» после Ширин, Барын и Мансур, указывая при этом, что о роде этом мало что известно и его можно было бы упустить из списка бейских поколений, если бы он не был упомянут «в списке беев, составленном таврическим предводителем дворянства в 1807 и 1837 г.г.» [7, с. 72] .

Исследуя документы, поданные татарскими беями для получения дворянского звания, Ф. Ф. Лашков изучал дело рода Сиджеут в архиве Таврического Дворянского Депутатского Собрания (далее – ТДДС). Это единственное дело этого рода, которое и сегодня хранится в Государственном архиве АР Крым, других дел, касающихся Сиджеутов, до настоящего времени обнаружить не удалось. Ф. Ф. Лашкова в первую очередь интересовали ханские жалованные ярлыки как источник по бейскому землевладению, в связи с чем он отметил наличие в деле копий шести жалованных ярлыков и их переводов [7, с. 72].

В более раннем своем исследовании, посвященном архивным данным о бейликах в Крымском ханстве и представленном в виде доклада на VI Археологическом съезде в Одессе в 1884 году, Ф. ф. Лашков привел переводы восьми ярлыков [6, с. 101-102]. В последующем же труде по крымскотатарскому землевладению ярлыки Сиджеутов решил не использовать, так как «копии – неправильны и нуждаются в проверке, а переводы с этих копий сделаны крайне неудовлетворительно, …года перепутаны и за отсутствием подлинников их нельзя восстановить» [7, с. 72]. В связи с этим, в своем исследовании Ф. Ф. Лашков уделил Сиджеутам очень мало внимания, о деле, хранящемся в архиве, только заметил, что доказывающие дворянство в начале XIX столетия Батырша мурза и Кая мурза «Сиджиутские» представили доказательства 13 знатных особ о происхождении из «поколения Сиджиутских князей» [7, с. 72]. Сегодня, к сожалению, в деле отсутствуют как оригиналы, так и копии грамот, сохранился только один фрагмент, а также очень приблизительные переводы, из которых можно судить, о чем собственно шла речь в упомянутых ярлыках.

Дело же Сиджеутских представляет определенный интерес с той точки зре-

ния, что дает представление о последних представителях этого рода в Крыму и их попытке интегрироваться в новую политическую структуру. Дело на доказательство дворянства рода Сиджеутских было открыто к производству 3 января 1817, окончено 9 октября 1861 года и насчитывает 30 листов. В описи указано, что дело содержит часть документов на татарском языке, но в действительности в деле имеется только фрагмент ярлыка.

Изучение документов Сиджеутских было начато еще Комиссией по разбору магометанских и греческих дел в 1817 году. Из протокола определения ТДДС по делу Сиджеутских от 4 мая 1820 года становится ясно, что дело Батырши мурзы было возвращено в ТДДС согласно Указу Герольдии от 4 июля 1807 г. за № 2564. В указе сообщалось, что Герольдия препровождает в Губернское Правительство документы о дворянском происхождении беев и крымских мурз, служивших до присоединения Крымского полуострова к России при дворе ханов [2, л. 11]. Документы эти в свое время были переданы на рассмотрение Герольдии еще Новороссийским губернским правлением, и в 1807 году ТДДС рассматривало вопрос о переводе документов на русский язык с последующей передачей их в ТДДС. К указу Герольдии также был приложен список полученных свидетельств из Таврической области, который насчитывал 61 позицию. В этом списке первую позицию занимало свидетельство, выданное «Каю и Батыю мурзам, что они поколения сиджеутских князей, дед их Мегмет бей и отец Агметча по роду были почтеннейшие сиджеутские князья» [1, л. 1-5].

С 1817 по 1820 годы дело пополнялось необходимыми документами. В прошении помещика Феодосийского уезда Батырши мурзы Сиджеутского от 4 декабря 1817 года, поданном для утверждения его в дворянском звании, указано, что он представляет 8 документов в подлиннике на имя деда Мегмет бея и отца Агметчи мурзы на пожалование им за заслуги «пенсиона земли и поданных». Подлинные же документы Батырша мурза просит возвратить [2, л. 7].

Все грамоты (ярлыки), судя по переводам, достаточно поздние и датированы переводчиком XVIII веком. Самая ранняя из них – это грамота хана Менгли-Гирея, сына хана Селим-Гирея, датированная «от егиры 1126 сефера от рождества Христова 1711 года февраля [месяца]», на пользование Ислям мурзе всеми доходами деревни Байсу [2, л. 4; 6, с. 101]. Нельзя не согласиться с Ф. Ф. Лашковым, что переводы сделаны приблизительно, так как уже в переводе первой грамоты можно заметить неточности в датировке – 1126 г. по хиджре соответствует 1714 (1713) году. Кроме того, первое правление хана Менгли-Гирея II приходится на 1724-1730 гг., а в период с 1713 по 1715 гг., наиболее близкий к выдаче грамоты, Менгли-Гирей был калгой при хане Каплан-Гирее.

Перевод еще одной грамоты хана Менгли-Гирея приводится без датировки. Выдана она Мемет мурзе и Таймаз мурзе на пользование доходами и получение десятины от деревень Кырк-Тай, Халалар и Бараш [2, л. 3 об.].

Третья грамота от хана Селим-Гирея, сына хана Каплан-Гирея выдана «от

егиры 1160 шеваля 14 дня от рождения Христова 1745 октября 14 дня», которой повелевается Мегмет бею «по жалобе татар деревни Ени Сала, чтобы они 12 дней не работали, а работали бы как при жизни Каплан Гирей хана 8 дней» [2, л. 3]. В данной грамоте речь идет, видимо, о хане Селим-Гирее II (1743-1748), год выдачи грамоты по хиджре 1160 приблизительно соответствует 1747 году.

Четвертая грамота выдана ханом Селим-Гиреем, сыном хана Фети-Гирея, «от егиры 1178 года…, а от рождества Христова 1763 г.» Мегмет бею и подтверждает ранее утвержденные ханом Каплан-Гиреем 8 дней работы для жителей деревни Ени-Сала [2, л. 3]. Очевидно, грамота хана Селим-Гирея III, первое правление которого приходится на 1765-1767 гг., 1178 год хиджры приблизительно соответствует 1764 (1765) году.

Пятая грамота от хана Саадет-Гирея, сына хана Селим-Гирея, выданная «от егиры 1181 … от рождества Христова 1766», которой повелевает Ислям мурзе и Чин мурзе пользоваться доходами, которые получали их отцы [2, л. 4]. Эта грамота, очевидно, неправильно прочитана, так как в 1766 году в Крыму правил хан Селим-Гирей III (1765-1767), кроме того 1181 год хиджры равняется приблизительно 1772(73) году.

Шестая грамота от хана Максют-Гирея, сына хана Селямет-Гирея, выданная «от егиры 1182 года сефера 17 дня и от рождения Христова 1767 года 17 февраля», повелевает Аметче мурзе быть начальником над деревней Ени-Сала и пользоваться доходами с 75 домов, «прежде получаемыми отцом его Ахмет беем с братом Умер мурзою» [2, л. 3]. Очевидно, имеется в виду хан Максуд-Гирей, который правил в 1767-1768 гг. В данной грамоте датировка дана наиболее точно, так как 1182 по хиджре приблизительно равняется 1767(68) году.

Седьмая грамота от хана Девлет-Гирея, сына хана Арслан-Гирея, выданная «от егира 1189 года сефера 25 дня РХ 1774 февраля 25 дня», которой повелевается жителям деревни Ени-Сала быть послушными Аметче мурзе, платить десятину ушур и работать 12 дней [2, л. 3 об.]. Очевидно, это грамота хана Девлет-Гирея IV, который правил в Крыму второй раз с 1775-1777 годы, 1185 год хиджры приблизительно равняется 1775 году.

Восьмая грамота, без указания даты, выдана ханом Селим-Гиреем, сыном хана Арслан-Гирея, «на котором поправки в печати Каплан Гирей хана», повелевает Мегмет бею пользоваться доходами деревни Седжеут от прибывших четырех семейств [2, л. 4].

Кроме 8 ярлыков Батырша мурза представил также свидетельство татарских мурз, подтверждающих благородное происхождение его рода и семейный список 1820 года [2, л. 1, 8, 9]. Сохранившийся в деле оригинал свидетельства «знатных особ» представляет особенный интерес, так как является примером наиболее ранних свидетельств такого рода. Документ выдан 27 ноября 1797 года, и в нем подтверждается, что предки Кая мурзы и Батырши мурзы – дед Мегмет бей и отец Агметша мурза – происходят из поколения сиджеутских князей.

Текст документа в оригинале: «Мы нижеподписавшиеся Таврической области природные издревле беи, мурзы и аги, служившие до присоединения Крымского полуострова под премудрое всероссийского скипетра правление, при дворе бывших властвующих в Крыму светлейших ханов, что предъявители сего Кая и Бахтыша мурзы есть поколения Сиджеутских князей, дед их Мегмет бей, и отец Агметша мурза равным образом и они, хотя на службе при ханах и не состояли, однако ж по роду их были есть почотнейшие сиджеутские князья, ведут как и предки так и предъявители сего жизнь достофальную и как и по достоинству им издревле подлежащему, так и что, оне рачительны в домостроительстве и почетные беи от древнейших их родственников права дворянского по справедливости достойны и мы о сем довольно сведомы удостоверяем подписом и нашими печатями. 27 ноября 1797 года» [2, л. 1].

Удостоверение скреплено подписью и печатями 13 знатных особ, из которых пять – представители рода Ширинских (Селимша бей Ширинский, Адылша мурза Ширинский, капитан Арсланша мурза Ширинский, капитан Катырша мурза Ширинский, титулярный советник Велишах мурза Ширинский), по одному от бейских родов: Яшлавских – Кадыр мурза Яшлавский; Аргинских – надворный советник Мегметча мурза Аргинский; Кипчакских – коллежский асессор Меметча мурза Кипчакский, а также титулярный советник Мемет бей Сарабизский, Смаил мурза Едилерский и мурзы, которые находились на военной и государственной службе Российского государства – коллежский асессор Атай мурза, поручик Мустафа мурза, поручик Джемаль мурза [2, л. 1].

По данным семейного списка помещика Феодосийского уезда Батырши мурзы Сиджеутского и брата его Кая мурзы, составленного в 1820 году, Батырша мурза Сиджеутский, 36-ти лет, женат на Сале Султан, 35-ти лет. Имеет детей: четырех сыновей – Бахтыша, 12 лет; Сеитша, 10 лет; Муратча, 5 лет; Сеферша, 3 года и двух дочерей – Саап-Султан, 15 лет; Алем-Султан, 9 лет. Проживают в деревне Копурлукой, где имеют имение с 2000 занов земли (1 зан равняется 3 десятинам), фруктовый сад, лесную дачу. Батырша мурза чина не имеет и на службе не состоял. Его родной брат Кая мурза, 31-го года, женат на Беян-Султан, 17-ти лет, детей супружеская пара не имеет, имения нет. Проживают в деревне Бахчи-Ели, чина не имеет, в службе не был [2, л. 8-9].

Согласно указу Герольдии от 4 июля 1807 года, ТДДС имело право рассматривать документы о дворянстве, исходя из требований, определенных именным указом от 4 февраля 1803 года. В связи с этим дело Сиджеутских сначала с 1817 по 1820 годы было дополнено грамотами (ярлыками) крымских ханов, поданных вместе с прошением, а в 1820 году семейным списком, после чего ТДДС рассмотрело эти документы на заседании 4 мая 1820 года.

В связи с решением Правительствующего Сената (Указ от 12 июня 1816 года) об утверждении в Таврической губернии особой комиссии для разбора магометанских и греческих родов, было решено включить в состав ТДДС «тех

самых магометан из коих Правительствующий Сенат полагал составить комиссию, то есть: тамошнего муфтия, 7 – из древних знатнейших родов, 4-х из капыхалков, а из греков 2-х приобретших уже дворянство службой» [2, л. 13-14]. Обязанности комиссии из «магометан и греков» заключались в собирании всех сведений и доказательств, какие могут только представить мусульмане и греки, доказывающие дворянство, а также в выработке общего с ТДДС заключения по данным делам. Опираясь на представленные документы, ТДДС 4 мая 1820 года вынесло решение по делу Сиджеутских: «означенные Кая мурза и Батырша мурза Сиджеутские происходят от древнего рода владетельных беев Сиджеутских, которые по знаменитости оного никогда не вступали в ханскую службу, а управляли подвластным им народом и пользовались доходами от ханов им представленными». Кая мурза и Батырша мурза были признаны дворянами с внесением в 4-ю часть родословной книги. Решение ТДДС вместе с делом представило на рассмотрение Херсонского военного губернатора [2, л. 14]. Заключение подписали члены комиссии от мусульман муфтий Аджи Абдурахман ефенди, от Ширинских – Али бей Ширинский, Усеин Казы мурза Ширинский, Мансурских – Абдыша бей Мансурский, Аргинских – Касым мурза Аргинский, Кипчакских – Ниетча бей Кипчакский, Яшлавских – поручик Али бей Яшлавский, а также Арслан бек мурза Едиге, есаул Биярсланов, Мемет мурза [2, л. 15].

В описи дела, составленной 4 мая 1820 года для отправки Херсонскому военному губернатору и дальше на утверждение Герольдии, кроме переводов грамот на 2 листах, которые и сегодня присутствуют в деле, значатся также «документы на татарском диалекте на 16 листах». Это, очевидно, те копии 8 грамот, о которых упоминал Ф. Ф. Лашков [2, л. 6; 7, с.72]. Самая ранняя опись дела Сиджеутских составлена 3 января 1817 года при открытии дела еще Комиссией по разбору магометанских и греческих дел. В описи указаны документы, которые уже отсутствуют в деле – прошение на 3 листах, 8 фирманов турецких султанов, перевод с фирманов на 12 листах, семейный список на 28 листах, определение комиссии, бывшей при ТДДС, для разбора магометанских и греческих дел на 27 листах, черновой доклад на 33 листах [2, л. 5-5 об.].

Рассмотрение дела на доказательство дворянства Сиджеутских в ТДДС было возобновлено в 1859 году. В докладе секретаря ТДДС от 26 марта 1859 года значилось, что после передачи дела Сиджеутских 4 мая 1820 года на утверждение Герольдии оно было возвращено в Собрание для дополнения документами согласно с требованиями государственного совета, утвержденными 27 марта 1840 года. Об этом, как утверждает Собрание, было объявлено Сиджеутским через Феодосийского уездного предводителя дворянства, но документов получено не было [2, л. 17-18]. Следует отметить, что никаких сведений, подтверждающих, что Сиджеутским такая информация была направлена, в деле нет. Кроме того, в деле вообще не представлены документы с 1820 по 1856 год.

16 декабря 1859 года ТДДС обратилось в Феодосийский земский суд с

просьбой объявить проживающим в деревнях Копурлукой и Бахчи-Ели Феодосийского уезда Батырше мурзе и Кая мурзе Сиджеутским или их наследникам, чтобы они в ближайшее время представили в Собрание дополнительные документы, изложенные в статьях 61, 83 и 84 IX тома Законов о состояниях, издания 1857 года. Повторно ТДДС обратилось к Феодосийскому земскому суду 10 января и 29 февраля 1860 года [2, л. 18]. 16 апреля 1860 года в ТДДС из Земского суда поступил ответ, что в указанных деревнях наследников рода мурз Сиджеутских не осталось. Проживающий же в деревне Бахчи-Ели есаул Кая мурза Ширинский сообщил приставу 1 стана, что документов о происхождении он не имеет, потому что «таковые назад тому лет 30 неизвестно кем похищены» [2, л. 19].

22 августа 1861 года ТДДС обратилось в Таврическое Губернское правление с просьбой напечатать в Губернских Ведомостях информацию о розыске доказывающих дворянство Батыршу и Кая мурзу Сиджеутских, чтобы они немедленно представили в Собрание дополнительные документы на дворянское достоинство [2, л. 20-23]. Сообщение о розыске Батырши мурзы и Кая мурзы Сиджеутских или их наследников было напечатано в № 36 Губернских Ведомостей 6 сентября 1861 года [2, л. 24]. Через месяц после выхода Губернских Ведомостей с информацией о розыске Сиджеутских, так как никаких сведений о них в Собрание не поступило, ТДДС закрыло дело о дворянстве этого рода, предварительно оплатив расходы Таврического Губернского Правления за информацию о Сиджеутских, напечатанную в газете (3 рубля серебром) [2, л. 26-28].

Бейский род Сиджеут, утвердившийся в составе главных бейских родов Крымского ханства к концу XVI века, на протяжении всего периода дальнейшего существования ханства играл очень важную роль в политической жизни государства. После включения Крыма в состав Российского государства Сиджеуты сохранили свое влияние, несмотря на сокращение численности рода и уменьшение земельных владений. Как и другие бейские роды, Сиджеуты пытались утвердить свое положение в новом государстве и стремились к получению дворянского титула. В 1837 году род Сиджеутов упоминается Таврическим губернским предводителем дворянства в списке бейских родов. Сиджеутам не удалось закончить процедуру получения дворянского звания. С 1859 года этот род более не упоминается в числе проживающих в Крыму, их след теряется, они исчезают со страниц архивных дел.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. ГААРК. Ф. 49. Таврическое Губернское Дворянское Депутатское Собрание. Оп. 1. Д. 206. О рассмотрении документов на доказательство дворянства татарских помещиков, присланных из Новороссийского губернского правления.
2. ГААРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 491. О предоставлении документов на доказательство дворянства рода Бахтыши мурзы Сиджеутского. Часть документов на татарском языке.
3. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч.II.
4. Камеральное описание Крыма, 1784 г. (продолжение) // ИТУАК. 1888. № 6.
5. Камеральное описание Крыма, 1784 г. (продолжение) // ИТУАК. 1889. № 8.
6. *Лашков Ф.Ф.* Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884). Одесса, 1889. Т.IV.
7. *Лашков Ф.Ф.* Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1895. № 22.
8. *Маркевич А.И.* Пребывание в Крыму гонца подьячего Василия Айтемирева в 1692-1695 гг. // ИТУАК. 1890. № 9.
9. О камеральном описании Крыма 1784 г. // ИТУАК. 1897. № 2. 2-е изд-е.
10. Сборник Русского исторического общества. 1895. №. 95.
11. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.
12. Список со статейного списка подьячего Василия Аитемирева, посланного в Крым с предложением мирных договоров // ЗООИД. 1895. Т.18.
13. Список со статейного списка подьячего Василия Аитемирева, посланного в Крым с предложением мирных договоров (окончание) // ЗООИД. 1896. Т.19.
14. Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 гг. / Предисловие Ф.Ф. Лашкова // ИТУАК. 1891. № 14.
15. *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Гирей и его вассалы // Ученые записки МГУ. М., 1940. Вып. 61.
16. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI века. М., 2001.
17. *Inalcik H.* The Khan and the Tribal Aristocracy the Crimean Khanate under Sahib Giray I // Harvard Ukrainian Studies. 1979. Vol. III/IV.

Маврина О. С.

Дело рода Сиджеут в фонде Таврического Дворянского Депутатского Собрания

Резюме

В статье исследуются архивные материалы, касающиеся бейского рода Сиджеут из фонда Таврического Дворянского Депутатского Собрания (ТДДС) Государственного архива Автономной Республики Крым. О бейском роде Сиджеут сохранилось мало сведений. Его утверждение в составе четырех карачибеев относится ко второй половине XVI века. Род сохранил свое влияние среди крымскотатарской родовой аристократии до начала XIX века. Как свидетельствуют материалы единственного архивного дела этого рода из фонда ТДДС, с конца XVIII века Сиджеуты, в числе других бейских родов Крыма, пытались получить дворянское звание. Роду Сиджеутов не удалось закончить процедуру включения в состав дворянских родов Российского государства. С 1859 года Сиджеуты среди родов, проживавших в Крыму, не числятся.

Мавріна О.С.

Справа роду Сіджеут у фонді Таврійського Дворянського Депутатського Зібрання

Резюме

В статті досліджуються архівні матеріали, що стосуються бейського роду Сіджеут із фонду Таврійського Дворянського Депутатського Зібрання (ТДДЗ) Державного архіву Автономної Республіки Крим. Про бейський рід Сіджеут збереглося небагато відомостей. Його утвердження в складі чотирьох карачибеїв відноситься до другої половини XVI століття. Рід зберіг свій вплив серед кримськотатарської родової аристократії до початку XIX століття. Як свідчать матеріали єдиної архівної справи цього роду із фонду ТДДЗ, з кінця XVIII століття Сіджеути, в числі інших бейських родів Криму, намагались отримати дворянське звання. Роду Сіджеутів не вдалося закінчити процедуру включення до складу дворянських родів Російської держави. З 1859 року Сіджеути серед родів, що проживали в Криму, не значаться.

Mavrina O. S.

The Case of Sidgeut Family in the Funds of Taurida Deputy Assembly of Nobility

Summary

Archive materials concerning the Bey family of Sidgeut from the funds of Taurida Deputy Assembly of Nobility (TDAN) of the State archive of the Autonomous Republic of Crimea are examined in this article. Very scarce data about the Bey family of Sidgeut preserved. Its confirmation among four karachibeys is dated back to the second half of the 16th century. The family was influential among the Crimean Tatars' clan nobility till the beginning of the 19th century. According to the materials of the only archival case of this type from the fund of TDAN, since the 18th century the Sidgeuts and other Bey families of Crimea had been trying to get noble rank. The Sidgeuts did not manage to complete the procedure of inclusion in membership of noble families of Russia. Since 1859 the Sidgeuts have not been recorded among families living in Crimea.

Н. И. ХРАПУНОВ

КРЫМСКИЙ ПОЛУОСТРОВ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ В СОЧИНЕНИИ БАЛЬТАЗАРА ФОН КАМПЕНГАУЗЕНА

В статье анализируются сведения о Крыме, собранные Пирсом-Бальтазаром фон Кампенгаузеном, немцем по происхождению, состоявшим на русской службе, который в своих мемуарах описал некоторые стороны жизни юга России и Молдавии в конце XVIII в.

Дворянский род Кампенгаузенов происходил из Голландии, откуда они впоследствии перебрались в немецкий Любек. Около середины XVII в. один из Кампенгаузенов, Герман, переселился в Швецию. Его внук, Иоанн-Бальтазар (1689–1758) в 1711 г. перешел на службу в российскую армию. Впоследствии он получил звание генерал-аншефа, а в 1744 г. Шведское королевство даровало ему баронский титул. Потомки его занимали ответственные должности в российской армии и администрации. Многим русским Кампенгаузенам был не чужд интерес к литературным занятиям и географическим наблюдениям. Писателем был уже упоминавшийся Иоанн-Бальтазар фон Кампенгаузен, а его потомок, Бальтазар Бальтазарович (1772–1823), дослужившийся при Александре I до титула тайного советника и должности министра внутренних дел (1823 г.), прославившийся как борец с коррупцией и казнокрадством, помимо всего прочего, составил описание некоторых российских провинций [1, с. 215].

Один из представителей русской ветви Кампенгаузенов, Пирс-Бальтазар (1746–1808), состоял секретарем для иностранной переписки при Г. А. Потёмкине, был вице-губернатором Ливонии, писал по-немецки стихи и драму [1, с. 215], а незадолго до смерти, в 1807 г. выпустил книгу, озаглавленную «*Наблюдения о России, в особенности о некоторых провинциях этой империи и её естественной истории, с краткой историей запорожских казаков, Бессарабии, Молдавии и Крыма*» [2]. На титульном листе автор был назван «*кавалерии майором на службе его императорского величества, членом нескольких академий и учёных обществ*». В этом сочинении несколько страниц посвящено Крыму.

Заметки фон Кампенгаузена о полуострове можно назвать краткими и несистематическими, однако это одно из первых описаний Крыма после его

присоединения к России. Данное сочинение практически не известно в историографии, хотя содержит ряд интересных исторических и этнографических сведений. Важно оно и с точки зрения изучения «воображаемой географии», то есть того, как европейцы представляли себе (придуманный ими) Восток и, в частности, Крым, стереотипов восприятия, возникавших у них образов, способов понимания и описания отдаленных регионов [краткий обзор современной литературы см.: 3, с. 43-62]. «Наблюдения» фон Кампенгаузена следует анализировать в контексте других путевых записок (травелогов), опубликованных иностранцами, поскольку они формируют общую традицию описания полуострова, впоследствии повлиявшую и на популярные, и на научные представления о Крыме и его истории. При этом автор иногда полемизирует с сочинениями своих предшественников (а его данные и оценки могут не совпадать со сказанным в работах его последователей), излагает оригинальные сведения или их интерпретацию. Таким образом, сопоставление с параллелями в других травелогах позволит отыскать место, которое занимает книга фон Кампенгаузена в ряду описаний Крыма.

В отличие от нынешних исследователей, современники фон Кампенгаузена быстро оценили информативность его работы. Уже через год после первого издания в Лондоне выходит его английский перевод, название которого превратилось в «*Путешествие по нескольким провинциям Российской империи, с историческими сведениями о запорожских казаках, а также о Бессарабии, Молдавии, Валахии и Крыме*» [4]. Перевод этот на удивление точный, правда, в английском издании опущен значительный фрагмент текста из первой части сочинения фона Кампенгаузена, посвященной географии империи, а именно рассуждения о водной системе и полезных ископаемых России, этническом составе ее населения и административно-территориальном устройстве в 1797 г. [ср.: 2, S. 17-40]. Видимо, английскому издателю они показались не относящимися к основному содержанию сочинения [ср.: 4, p. 13]. Вскоре появляется сокращенный русский перевод, также выполненный по немецкому изданию [5], а потом и польская версия. Последняя представляет собой сильно сокращенный перевод записок фон Кампенгаузена (без указания на переводимое издание), где опущены целые фрагменты текста, например, вводная часть о географии России, сообщения о Белоруссии, о русских раскольниках и пр. Иногда переводчик начинает пересказывать краткое содержание работы фон Кампенгаузена, причем об авторе говорит в третьем лице [6; ср. с оригиналом: 2, S. 43-107, 113-145].

Определить место сочинения фон Кампенгаузена среди трудов других путешественников конца XVIII – начала XIX вв. будет непросто[1]. Это не энциклопедическое описание, как, например, труды П.-С. Палласа [8] или Ж. Рёйи [9]; не рассказ о путешествии, основанный на записях в дорожном дневнике, как у

[1] О некоторых проблемах классификации травелогов см.: [7, с. 516 сл.].

Р. Хебера [10, p. 40-303; об этом сочинении: 11, с. 645-655] или Дж. Уэбстера [12; 13; о нем: 14]; не подборка писем, как у императора Иосифа II [15] или Ш.-Ж. де Линя [16, p. 37-92]; не беллетризированное сочинение в стиле М. Гатри [17] или Э. Хоецкого [18; об этих записках см. также: 7]. В определенной степени, оно соединяет в себе черты первой и второй группы источников, обладая вместе с тем некоторым своеобразием. Автор ставит перед собой задачу описать некоторые провинции России, которые мало известны европейцам и даже подданным самой империи. Материалы для этого он собрал в течение многих лет жизни в России [2, S. iii; 4, p. iii].

Книга состоит из двух частей. В первой описываются география и этнография империи в целом [2, S. 3-40]. Это вводная часть, сообщающая об общем положении России, как бы подготавливающая читателя к основному сочинению. Значительно более подробна вторая часть, представляющая собой описание городов и провинций северной, западной и южной России, современных Белоруссии, Украины и Крыма, Молдавии, Бессарабии и Валахии [2, S. 41-199; 4, p. 13-134]. Фон Кампенгаузен собрал довольно много разнообразных, но неравнозначных сведений, соединив их иногда без всякой системы. Он рассказывает о природных условиях и истории описываемых районов, населенных пунктах, жителях и их занятиях, особенностях государственного управления, о русских раскольниках и запорожских казаках. Особое внимание уделяется Дунайским княжествам, а также татарам и туркам и взаимоотношениям с Османской империей. Завершается раздел рассказом о путешествии автора по Молдавии и Валахии. Здесь же приводятся исторический очерк Нижнего Подунавья, начиная с римского времени, рассказ о природе тех мест, по которым проезжал фон Кампенгаузен, хозяйстве, быте и нраве тамошних жителей, об их финансовых обязательствах перед султанской казной, о монетном обращении, а также о бюджете Оттоманской порты.

О некоторой небрежности записок фон Кампенгаузена говорит следующий факт: хотя Салгир он числит среди крымских рек [2, S. 7, 13; 4, p. 7, 11], в одном из отрывков тот вдруг оказывается горой [2, S. 106 und F.*; 4, p. 51]. Видимо, здесь автор попросту спутал Салгир с Чатырдагом. Написание топонимов и слов иноязычного происхождения своеобразно – например: Baktichisarai (Бахчисарай) или Tschifut Kaltschsy (Чуфут-Кале) [2, S. 108]. Забегая вперед, скажу, что оно отличается и от того, что встречается у предшественников фон Кампенгаузена. Ясно, что он записывал со слуха, иногда через некоторое время после беседы с носителем информации, так что топонимы и вообще слова иноязычного происхождения причудливо искажались.

По словам фон Кампенгаузена, в основе второй части его сочинения лежат дневниковые записи [2, S. 39]. Вероятно, именно поэтому она построена как перечисление местностей и городов, расположенных, очевидно, следуя за его маршрутом. Для каждого пункта приводятся разные собранные автором сведения,

имеющие к нему некоторое отношение. В результате информация, характеризующая отдельные города, народы или явления не образует единых блоков, но оказывается в разных отрывках сочинения. Так, данные о Крыме и его жителях нередко вплетены в рассказы о других регионах[2]. Нужно сказать, что авторские описания Крыма прекрасно иллюстрируют «творческий метод» фон Кампенгаузена, использованный и при рассказах о других местах.

Ссылаясь на свой опыт жизни в России, фон Кампенгаузен заявляет, что станет излагать либо виденное своими глазами, либо извлеченное из надежных источников [2, S. iii]. Помимо этого, он называет имена двух предшественников, сочинениями которых пользовался при описании Крыма – это немецкий ученый-энциклопедист П.-С. Паллас и М. Гатри [2, S. 100; 4, p. 47; см.: 8; 17]. Труд Палласа получил у фон Кампенгаузена заслуженно высокую оценку: по его словам, Крым «*настолько тщательно описан профессором Палласом, что я отсылаю своего читателя к работе этого прославленного натуралиста*». Но совсем другие слова он нашел для «Путешествий» Гатри.

Как сейчас кажется, это сочинение, по всей вероятности, представляет собой эпистолярный роман, сочиненный мужем мадам Гатри, в Крыму никогда не бывавшим, возможно, на основе подлинных писем супруги [подробнее см.: 19, с. 604-605; 20, с. 595]. Фон Кампенгаузен этого не знал, однако о сочинении Гатри сказал, что оно «*написано в развлекательном стиле, но оно ни в коем случае не верно; воспользуюсь же правом сделать несколько комментариев ко многим её наблюдениям. Не собираюсь намекать на то, что она умышленно исказила факты; но всё то, что романтично, имеет особое очарование в женских глазах; тогда как я, будучи старым кавалерийским офицером, надо полагать, буду менее восприимчив к иллюзорным явлениям…*» [4, p. 47; 2, S. 100]. Не всегда делая отсылку к сочинению Гатри, фон Кампенгаузен иногда повторяет ее описания (сюжеты с Чуфут-Кале и Севастополем), иногда дискутирует с ними (в рассказах о караимах и о Байдарской долине), иногда приводит дополнительные уточняющие сведения (о количестве железных колец, находимых в крымских горах, или же о названии железных скобелей, которыми в Карасубазаре очищают кожи) [2, S. 108-111; 4, p. 51-53; ср.: 17, p. 83, 91-92, 116-118, 202-203].

Декларируя отказ от романтичного взгляда на Крым, фон Кампенгаузен тем самым отказывается и от традиционного способа описания полуострова. Богатая природа, экзотический облик жителей, памятники древней истории Крыма, как правило, пробуждали у путешествующих европейцев восторженные мечтания, в их фантазиях действительность причудливо смешивалась с фантазией, а воображение рисовало сюжеты, представлявшие их самих героями не то арабских сказок, не то авантюрных романов [подробнее см.: 21, с. 209-216;

[2] Ряд известий о крымских татарах оказались среди описаний Подунавья. Потому они оказываются вне рамок данной статьи, посвященной Крыму как региону.

22, p. 14-21]. Отвергая общую тенденцию, фон Кампенгаузен как бы надевает очки скептика-рационалиста. Примером ему, вероятно, служил Паллас. И хотя ни как научный труд, ни как просто подборка сведений о Крыме его «Наблюдения» не выдерживают никакого сравнения с «Наблюдениями» Палласа, отстраненность и попытку придать своему труду оттенок «научности» отметить стоит.

Как уже говорилось, фон Кампенгаузен начинает с географических описаний. В первой части его труда кратко охарактеризованы горы, реки и равнины Крыма. Фон Кампенгаузен делит Российскую империю на четыре климатические зоны, последнюю из которых составляет Крым. Ее характеризует наиболее приятный для человека климат, сочетающийся с исключительно плодородными почвами, к тому же отлично приспособленными для пастбищ [2, S. 5-7, 11, 13; 4, p. 6-7, 9-11]. В дальнейшем автор иногда возвращается к природным особенностям Крыма, например, отмечая удобство его юго-западного и южного побережья для устройства портов, торговли и земледелия [2, S. 108-110; 4, p. 52-53].

Географические описания показывают метод, использованный фон Кампенгаузеном: с одной стороны, это зависимость от традиции и сочинений предшественников, с другой – критическое к ним отношение «старого кавалериста». Рассказывая о горном Крыме, автор, в частности, отмечает: «*Овальная Байдарская долина, длина которой около двадцати шести вёрст, где произрастают в большом изобилии плодовые деревья и благоуханные растения, весьма поэтически описана в "Путешествиях" Гатри; но своим пленительным обликом она во многом обязана бесплодию окружающей страны и ни в коей мере не заслуживает сравнения с долинами Швейцарии в кантонах Гларус, Цуг, Швиц, Унтервальден и пр. Жители её ведут счастливую пасторальную жизнь и настолько безразличны в отношении ко всему прочему миру, что многие из них никогда не пересекали горы, которые окружают их родную долину. Какие-то древние развалины, которые находятся в Байдаре, придают ему живописный вид*» [4, p. 52; 2, S. 109]. Здесь автор полемизирует с соответствующим отрывком из «Путешествия» Гатри [17, p. 116-118]. Фон Кампенгаузену присущи ирония и скепсис, но, с дугой стороны, в его записках возникают образы, свойственные многим путешественникам.

Этот же отрывок позволяет обратиться к другому аспекту, принципиально важному как для изучения травелогов, так и для понимания роли Крыма в сознании европейцев конца XVIII – начала XIX в. в целом. Многие путешественники, оказавшись в Крыму, считали, что попали в райские кущи, которые описывали самыми разными словами, зачастую смешивая представления о восточной неге, основанные на «Тысяче и одной ночи»[3], с мотивами библейского Эдема, и не сдерживали буйства фантазии. Широко известны, например, восторженные письма из Крыма бельгийского авантюриста герцога Ш.-Ж. де Линя, сопровождавшего Екатерину II на юг в 1787 г. [16, p. 51-83]. Он был не одинок в своих

[3] О восточных сюжетах в европейской литературе XVIII в. см.: [23, с. 296-299].

мечтаниях – пейзажи крымских гор и южного берега очаровали и других спутников императрицы. По словам графа Людольфа, сына посла короля Неаполитанского в Стамбуле, в Байдарской долине было «*всё, что только есть в природе прекраснейшего*» [24, с. 194]. Состоявший на русской службе герцог К.-Г. Нассау-Зиген, к слову сказать, ездивший по южному берегу в компании де Линя, писал о том, что рощи фруктовых деревьев напоминают ему «сады Эдема» [25, p. 169; 26, с. 297]. Эти «райские» видения оказались удивительно стойкими. Через двадцать лет с изгнанием из рая сравнивал отъезд из Крыма британский путешественник Реджинальд Хебер (1806 г.) [10, p. 261], которому впоследствии будет вторить другой британец – Джеймс Уэбстер (1827 г.) [12, p. 98]. Автор записок Гатри, кем бы он (или она) ни был(а), также не избежал соблазна наделить Крым чертами парадиза.

Иное дело – фон Кампенгаузен. Верный своим принципам, он и в этом случае предпочитает искать рациональные мотивы, в частности, считая «крымский рай» иллюзией, продуктом того непроизвольного восторга, что охватывал путешественника, оказавшегося в субтропиках после длительного и тяжелого путешествия по пустынной степи. Стоит отметить, что и на Палласа, труд которого, как уже говорилось, фон Кампенгаузен ценил очень высоко, Байдарская долина не произвела такого сильного впечатления, как на других путешественников [8, с. 69].

Сравнение Крымского полуострова с раем земным стало важным элементом политической идеологии Екатерины и Потёмкина. Многозначность темы сада позволяла использовать самые разные символические ассоциации. Она могла служить оправданием завоевания полуострова, показывать историческую миссию России, сравнивать труды Екатерины II с деяниями Петра I, объяснять принципы, на которых покоилась власть императрицы и пр. [27, с. 113-120; 28, p. 1-23]. Не случайно еще до аннексии Крыма, уговаривая Екатерину присоединить полуостров к своим владениям, Потёмкин писал: «*Естьли твоя держава – кротость, то нужен в России рай. Таврический Херсон! из тебя истекло к нам благочестие: смотри, как Екатерина Вторая паки вносит в тебя кротость християнского правления*» [29, с. 155]. Здесь под «Таврическим Херсоном» понимается именно Крым. Не исключено, что некоторые путешественники могли попасть под воздействие имперской пропаганды, а еще вероятнее – тех тем, которые под ее влиянием стали популярными в обществе. Тем удивительнее поразительное равнодушие к ним фон Кампенгаузена, много лет находившегося на русской службе.

Наблюдая за природой, фон Кампенгаузен пришел к парадоксальному выводу: завоевания и экспансия изменяют, как мы бы сейчас сказали, экосистему, и вслед за новыми хозяевами появляются новые виды животных. «*Можно заметить, что переселение кочевых варварских племён почти всегда сопровождается переселением животных, особенно хищников; в частности, шакала можно обнаружить лишь в тех странах Европы, где жили монголо-татары*». Татары же,

покорив Молдавию, привезли туда из Крыма «крупную голубую кошку», окрас которой с возрастом темнеет [4, p. 104; 2, S. 158]. Самое же неаппетитное животное появилось в Северном Причерноморье в результате российской экспансии. «*Завоевание Крыма и порождённая им торговля наводнила эту страну полевыми крысами невероятного размера, численность которых растёт так быстро, что избавиться от них будет сложно*» [4, p. 42; 2, S. 91].

Для многих европейцев отличительной особенностью Востока были жившие там насекомые, контакты с которыми не сулили ничего хорошего. Примером тому является Э.Д. Кларк, не только подробно описавший виденных им саранчу, тарантулов, фаланг и прочих, но даже поместивший их изображения на виньетке в одном из изданий своих «Путешествий» [30, p. 133-137, 196-198]. Подробно остановился на этом вопросе и фон Кампенгаузен, причем все описанные им насекомые – вредные и неприятные с виду; тем самым автор в очередной раз развеивает излишний налет романтики в «крымских письмах» Гатри.

Бичом юга России и Крыма, в частности, были регулярные нашествия саранчи. Их губительность была такова, что фон Кампенгаузен сравнивает этих насекомых с чумой. Раз в два года саранча прилетает из Египта транзитом через Анатолию и опустошает южнорусские степи. Тучи насекомых заслоняют солнце, и на землю опускаются сумерки. Они уничтожают всю растительность, попадающуюся им на пути, оставляя за собой голую землю, покрытую пометом и трупами погибших насекомых. Саранча – это восточная напасть, и потому западные средства против нее бессильны. «*Двадцать второго августа 1791 года такое облако пролетало мимо места, где мы стояли лагерем с подразделением российской армии. Узнав об их приближении, я приказал войскам стрелять в тот момент, когда они окажутся на расстоянии выстрела. Это было сделано, но, несмотря на гибель тысяч насекомых, я не заметил, чтобы пролетавшее мимо облако хоть немного уменьшилось*» [4, p. 45; 2, S. 97].

Природа, породившая саранчу, предусмотрительно создала и силы, которые ограничивают ее распространение. «*Её разрушительную силу до определённой степени уменьшают два обстоятельства: первое – это значительное число морских ласточек, по-русски “стрижей”, которые пожирают множество <насекомых> по дороге; второе – природный инстинкт, который настолько озлобляет их друг против друга, что миллионы сражающихся падают мёртвыми на землю, а живые сосут их кровь и плоть, пока не останется лишь кожа да кости*» [4, p. 45; 2, S. 97]. О каких-то черных птицах, пожирающих саранчу, то ли о дроздах, то ли о скворцах, говорят и другие путешественники, в частности, Уэбстер, и анонимная британка, прожившая девять лет в Крыму в середине XIX в. Любопытно, что магические действия, призванные истребить саранчу, совершали дервиши и муллы. С помощью волшебной воды они призывали черных птиц, которые пожирали насекомых без остатка [12, p. 93-94; 31, p. 139-140; 14, с. 91-92]. Экзотическое восточное бедствие требовало экзотической восточной магии.

При всей отвратительности и вредоносности саранчи, местные жители умудряются извлекать из нее некоторую пользу. «*Татары жарят её и едят; однажды, соблазнённый любопытством, я отведал приготовленное из неё блюдо и обнаружил, что на вкус она напоминает жареные каштаны*» [4, p. 46; 2, S. 98].

В Крыму встречаются и другие неприятные твари. Например – сколопендра, укус которой «*так же ядовит, как и укус тарантула, и татары всегда берут с собой немного горючего материала, чтобы прижигать укушенный орган*» [4, p. 41; 2, S. 90]. В море у крымских берегов живет корабельный червь, разрушающий днища судов. Впрочем, по мнению фон Кампенгаузена, наносимый им ущерб обычно преувеличивают [4, p. 52; 2, S. 108-109]. Это сообщение противоречит тому, что говорят другие путешественники. Так, по словам Палласа, корабельный червь проедает судовую обшивку менее чем за два года. Единственный способ уберечь ее – периодически окуривать днища судов дымом можжевельника и обмазывать их смолой, в результате чего в окрестностях Севастополя пригодное на топливо дерево было в страшном дефиците [8, с. 38-39].

Фон Кампенгаузен называет следующие занятия жителей Крыма – земледелие, в том числе производство зерна и садовых культур, виноделие, скотоводство, выделка кож, добыча соли, торговля, в том числе транзитная. Источником богатства степной части Крыма была соль. Ее добывают из пересыхающих летом соленых озер самым примитивным образом: «*если бы милосердная природа сама не подготовила этот минерал для использования, не имеющие ни топлива, ни инструментов, ни усердия татары были бы неспособны получать какую-либо выгоду от её щедрости*» [4, p. 51; 2, S. 107]. Но значение соли этим не исчерпывалось. По мнению путешественника, именно соли обязаны крымские почвы своим плодородием. «*Это вещество пронизывает всю почву в этом районе Крыма и производит обильнейший и питательнейший корм для лошадей, дромедаров, рогатого скота и овец. Самые роскошные урожаи зерна выращивают в тех районах, где дождь и горные потоки вымыли излишнюю соль*» [4, p. 51; 2, S. 107].

Выращенный в Крыму скот – «крупный и крепкий», благодаря тому, что кормится на превосходных пастбищах с необычно высокой травой [4, p. 9-10; 2, S. 11]. Шерсть крымских овец значительно превосходит шерсть животных, выращенных в Поднепровье [4, p. 42; 2, S. 92]. Знали в Крыму и курдючных овец, породу, изначально происходившую из Малой Азии [4, p. 43; 2, S. 94].

Плодовые деревья и ароматические растения разводили в Байдарской долине [4, p. 52; 2, S. 109]. На южном берегу собирали урожаи оливок и инжира, хурмы и фисташек, а также различных технических культур, из которых получали приправы (сумах), ароматическое масло (ладанник), красители (скумпия) и дубильное вещество (земляничное дерево) [4, p. 53; 2, S. 110]. Упоминает путешественник и какое-то крымское растение – его «*едят простые люди, которые считают его очень вкусным*». Называется же оно «jagel» или «jagliza» [4, S. 94; 2, p. 43].

Несколько слов фон Кампенгаузен сказал о крымском виноделии. По его

мнению, самое лучшее из русских вин производят близ Херсона. Сделанное же в окрестностях Судака вино напомнило ему молодое бургундское [4, p. 29; 2, S. 68]. Видимо, это следует считать похвалой. Однако не всем европейцам крымское вино было по вкусу. Хебер назвал его плохим, «голодным», то есть сделанным из недостаточно сладкого винограда [10, p. 255]. По мнению Палласа, вину вредил чрезмерный полив татарских виноградников [8, с. 169-183]. Зато крымские вина оценил немецкий уроженец И.-К. фон Струве, пивший их в течение нескольких месяцев 1792 г. Судакское вино он назвал «превосходным», отметив, что «*подобно большинству крымских вин, оно имеет сладкий вкус и, должно быть, чрезвычайно полезно*». Уезжая из Крыма, фон Струве захватил с собой порядочный запас как сухих, так и «ликёрных» (надо полагать, крепких, десертных) вин [32, p. 35, 46]. Отметим и то, что, по словам фон Кампенгаузена, среди товаров, которые поставлялись в Крым, а отсюда перепродавались далее на север, в губернии материковой России, были греческие вина [4, p. 28; 2, S. 67]. Надо думать, некоторая часть таких вин потреблялась и самими жителями полуострова. Некогда виноградарством занимались греки и армяне, но однажды они были вынуждены покинуть Крым [4, p. 38; 2, S. 84] – очевидно, автор имеет в виду события 1778 г.

Большой интерес у путешественников вызывало кожевенное дело – традиционное занятие жителей Крыма, и фон Кампенгаузен не был исключением, описав его во всех подробностях. Центр кожевенного производства находился в Карасубазаре. Выделка тонкого сафьяна была длительным процессом, включавшим множество операций. Козьи шкуры чистили и скоблили, замачивали в разных водах, периодически мяли ногами, выдерживали в собачьих экскрементах, настое пшеничных отрубей, медовом отваре и соленом растворе. Полученный таким образом сафьян окрашивали в яркие цвета. Желтую кожу получали, окрашивая ее отваром полыни с добавлением квасцов. Красную краску делали из отвара кошенили, корня полыни и квасцов. После окраски кожу валяли ногами в слабом настое листьев дуба, потом полоскали в холодной воде, натирали оливковым маслом и разглаживали с помощью деревянных цилиндров [4, p. 53; 2, S. 110-111]. Нужно сказать, что этот рассказ похож на сообщения Гатри и Палласа [17, p. 202-203; 8, с. 204-205]. Правда, описанные фон Кампенгаузеном технологии несколько отличаются в деталях.

В древности Крым был процветающим торговым центром, «*но турки, закрыв Босфор для народов Европы, полностью уничтожили торговлю Крыма и Причерноморья*» [4, p. 53; cf. p. 51; 2, S. 109-110, 106-107 und F.*]. Впрочем, в другом месте он сообщает о том, что из Крыма на север продавали «*турецкие ткани, кожу, сафьян, сласти, греческие вина и фрукты*». В обратном направлении поступали деревянные изделия, канаты, деготь, смола, железо. Торговля между Крымом и Белоруссией шла через Кременчуг [2, S. 67; 4, p. 28]. Таким образом, роль полуострова как торгового посредника сохранялась и при российской власти.

Рассказы фон Кампенгаузена о живших в Крыму народах – это по большей части собрание анекдотов, диковинок. Так, татарам свойственна дикая ревность – впрочем, нередко небеспочвенная. «*Крымские татары исключительно склонны к ревности, но это не мешает их жёнам заниматься флиртом – tout comme chez nous*[4]» [4, p. 54; 2, S. 112]. Эту оценку подтверждают слова Хебера: «*…в своей ревнивости татары заходят даже дальше, чем турки*» [10, p. 310].

Складывается впечатление, что представление о «татарской ревности» возникло из желания путешественников объяснить восточный обычай, предписывающий женщинам скрываться под покрывалом и жить в особой половине дома. Так, де Людольф именно ревность называет причиной того, что татары строят особые дома для своих жен [24, с. 166]. Возможно, сказались и воспоминания о романтических похождениях героев восточных сказок, которым нередко приходилось пробираться под покровом ночи, в сопровождении лишь проводника – евнуха, на свидание к возлюбленной, ожидавшей под сенью гарема, причем любовники рисковали пасть жертвами необузданной ревности мужа красавицы.

Хотя фон Кампенгаузену и удалось увидеть восточных дам без покрывал, он был разочарован увиденным: «*татарская красота не соответствует тем представлениям о прелести, которые имеются у нас*» [4, p. 54; 2, S. 112]. В другой раз, описывая жителей Молдавии, он категорически заявляет: «*я видел нескольких татарок, и все они были чрезвычайно уродливы*» [2, S. 146; 4, p. 77]. Впрочем, не все путешественники были так скептичны в отношении татарских красавиц [например: 15, с. 370; 8, с. 149; 10, p. 263].

Как бы то ни было, экзотический колорит и романтика Крыма побуждали европейцев отправляться на поиск чувственных приключений. Наиболее благоразумные и циничные, как, например, испанец С.-Ф. де Миранда, находившийся в Крыму в декабре 1786 и январе 1787 гг., ограничивались посещением борделя с восточными красотками. Одно из таких заведений было устроено в Карасубазаре итальянцем Валентини, причем, по словам де Миранды, «танцовщицы» были весьма искусны в своем ремесле, а цены невелики [33, с. 71]. Другим же хотелось чего-то менее прозаичного. Можно вспомнить историю о том, как сопровождавшие Екатерину II в Крым в 1787 г. французский посол граф Л.-Ф. де Сегюр и уже известный читателю де Линь, истомленные отсутствием женского общества, решили тайно взглянуть на татарских женщин в тот момент, когда те будут умываться под покровом леса. По словам де Сегюра, засада увенчалась удачей, и притаившиеся в кустах друзья увидели, как дамы снимают покрывала. «*Но, увы, какое разочарование! Из них не было ни одной молодой и хорошенькой, даже сносной. Мой товарищ некстати воскликнул: “Признаюсь, Магомет недурно сделал, что велел им закрываться!”*». Как видим, в этом отношении француз и бельгиец были согласны с фон Кампенгаузеном. Их приключение, начинавшееся как

[4] Всё как у нас (*франц.*).

забава, закончилось для наблюдателей хуже, чем они могли ожидать. На крик женщин явились их мужья и едва не побили европейцев камнями. Когда же об этой истории стало известно Екатерине, она прилюдно выбранила озорников, потребовав уважать обычаи страны [34, с. 217-219]. Эта история могла стать для императрицы удобным поводом публично продемонстрировать свою заботу о местном татарском населении – она, по всей видимости, искренне надеялась добиться расположения своих мусульманских подданных, интегрировать их в структуру своей державы, не покушаясь на их лингвистическую, религиозную и культурную «особость» [28, p. 11-13; 35, с. 581-585; 36, p. 71-79].

Выше уже цитировались слова фон Кампенгаузена о том, что жители плодородных долин в крымских горах «*ведут счастливую пасторальную жизнь*», отличаясь крайним безразличием к окружающему миру [4, p. 52; 2, S. 109]. В другом месте, рассуждая о добыче соли из озер в крымских степях, он также говорит о татарской нерадивости [4, p. 51; 2, S. 107]. Мысль о пасторальной праздности и безынициативности крымских татар, в особенности жителей южнобережья, – своего рода «общее место», присущее целому ряду европейских писателей. Леность татар восхищала де Линя, получившего в дар от Екатерины II имение в Партените [16, p. 67-68]. Шотландец Уэбстер искал ей рациональное объяснение – богатства природы делают труд излишним. «*Русские возмущаются леностью татар – но почему они должны работать? Они и без того – счастливейшие из крестьян, и, естественно, не желают превращаться в обычных тружеников*» [12, p. 90-91]. Паллас же вообще предлагает выселить недостаточно трудолюбивых татар вглубь страны, заменив их «*искусными поселенцами, принявшимися за культуру вин, масел, хлопка, шелка, в чем государство нашло бы свою выгоду, никогда не могущую получиться от жителя столь мало деятельных как те, о которых мы говорили*» [8, с. 148-149, ср.: с. 115-116, 153, 156]. Не исключено, однако, что в данных филиппиках подразумевалось не столько безделье, сколько нежелание татар воспринимать передовые технологии агрикультуры и заводить интенсивное сельскохозяйственное производство, ориентированное на рыночный сбыт.

Представления о праздности татар были очень живучи, причем о них прекрасно знали и сами крымские жители. В 1803 г. в Крыму побывал француз Ж. Рёйи, вероятно, собиравший разведывательную информацию по заданию Наполеона. Здесь он свел знакомство с человеком по имени Атай-мирза, которого в своих записках называл почтенным главой рода Ширинов. «*Однажды, когда мы прогуливались с ним по его саду,* – пишет Рёйи, – *он указал мне на количество и красоту деревьев, добавив: “Говорят, что татары не сажают садов: но разве эти вот деревья посадили русские?”*» [9, p. 167, n. I]. Впрочем, не все путешественники недооценивали трудолюбие татар. Так, ознакомившись с состоянием дел в Крыму и рассуждая о татарском характере, Хебер пишет: «*Паллас… много говорил об их лености. Но их виноградники весьма искусно обрабатываются и*

аккуратно поливаются. И, что вряд ли является признаком праздности, одинаково чисты и их дома, и одежда, и они сами» [10, p. 263].

Фон Кампенгаузен не мог не рассказать об одном из самых колоритных крымском народе – о караимах. «*Возле Бахчисарая имеется древняя крепость, которая называется Чуфут-кале, или Еврейской крепостью, потому что, начиная с VII столетия, её населяют евреи, которых сейчас насчитывается 237 семей*» [4, p. 51; 2, S. 108]. Таким образом, автор, вероятно, фиксирует какие-то караимские предания о том, что жили они в этом месте с незапамятных времен. Сведения о численности населения Чуфут-кале вполне достоверны – для сравнения, Паллас говорит о том, что в городе было около 200 домов, в которых жили приблизительно 1200 человек [8, с. 33]. «*Крепость окружает стена и дозорные башни. Поскольку она расположена на вершине высокой скалы, её жители не имеют другой воды, кроме той, что собирается от дождя в резервуарах, или которую доставляют наверх на ослах*» [4, p. 52; 2, S. 108].

По словам Гатри, крымские караимы являют полную противоположность польским евреям, поскольку они богаты и держат себя и свой город в чистоте – впрочем, последнее может быть следствием дождей, которые регулярно омывают улицы Чуфут-кале [17, p. 83]. Не вполне согласившись с этой оценкой, фон Кампенгаузен вторит Гатри, когда речь заходит о религиозных различиях между караимами и ортодоксальными евреями, а также о вражде между ними: «*Эту расу евреев, которую здесь называют Karay Jaody, или “чёрными евреями”, ненавидят и презирают все евреи других стран. Они следуют заповедям Торы, а не Талмуду, и обривают головы. Они отвергают толкования раввинов и считают подлинными лишь немногие главы Библии. Татары же к ним терпимы по причине их трудолюбия*» [4, p. 51-52; 2, S. 108; ср.: 17, p. 83-84].

Из Крыма происходят евреи и армяне, переселившиеся на территорию нынешней Донецкой области – в район Бахмута (Артёмовска), но когда именно это произошло, автор не уточняет. По его словам, переселение изменило хозяйственный уклад, что хорошо сказалось на благосостоянии этих людей: «*Почти все они – скотоводы, и настолько богаты, что у них нет причин сожалеть о покинутых их предками виноградниках*» [4, p. 38; 2, S. 84]. Но уменьшение крымского населения пагубно сказалось на сельском хозяйстве – в другом отрывке путешественник сожалеет о том, что недостаток населения не позволяет использовать все возможности для продуктивного, интенсивного сельского хозяйства [4, p. 51; 2, S. 107].

Историю Крыма фон Кампенгаузен считает «древней и сказочной» [4, p. 47; 2, S. 100]. Она его не очень интересует, но иногда путешественник ссылается на отдельные эпизоды из крымской древности и связанные с ними диковинки. Так, близ Севастополя в горных скалах имеется «*девятнадцать больших железных колец, укреплённых в скалах, которыми раньше пользовались для того, чтобы удерживать корабли на стоянке*» – а значит, уровень Черного моря значительно понизился по сравнению с античной эпохой [4, p. 52; 2, S. 109]. Этот сюжет не

раз встречается в сочинениях путешественников и исследователей второй половины XVIII – начала XX вв. [37, p. 103; 17, p. 92; 30, p. 187; 38, с. 107, ср.: с. 42-45; 39, с. 174]. Можно предположить, что такие кольца применялись жителями средневекового Крыма, например, для привязывания животных или фиксации колыбели. По крайней мере, именно так использовали выдолбленные в камне кольцевидные крепления [40, с. 35-36], в некоторые из которых, по словам Г. Караулова, и были вставлены металлические кольца.

Фон Кампенгаузен побывал на каком-то мысу, где, якобы, находился храм богини Дианы (Артемиды), описанный в трагедии античного драматурга Еврипида. Подобно «крымскому Эдему», миф об этом храме и служившей в нем жрице по имени Ифигения играл особую роль в окружении Екатерины [подробнее см.: 21, с. 213-214; 27, с. 111-113; 22, p. 12-14, 23; 41, p. 45]. В частности, он использовался в тонкой идеологическая игре, которая должна была сделать русских наследниками греков и тем самым причислить их к числу «европейских» наций. Не столь же искушенным в политике представителям европейского бомонда храм Дианы был интересен как место, где разворачивалось действие популярных в то время литературных и музыкальных произведений, основанных на античной мифологии.

Прибыв туда, фон Кампенгаузен увидел «*несколько разломанных мраморных колонн, капителей и других украшений, и прекрасный кусок мрамора, украшенный барельефами самой совершенной работы; этот блок составлял часть алтаря, и к нему ещё крепится большое бронзовое кольцо, к которому приковывали несчастных, предназначенных в жертву. Эти развалины лежат в запустении, не защищённые от непогоды…*» [4, p. 54; 2, S. 112]. Что это за место, непонятно. Обычно древний храм искали на южном берегу, зачастую – в окрестностях монастыря св. Георгия на мысе Фиолент [подробнее см.: 42]. Описанное фон Кампенгаузеном, по всей вероятности, к реальному античному святилищу отношения не имело. Не случайно многолетний руководитель раскопок в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинич в письме к В. В. Латышеву отнес это известие к числу «бредовых» открытий, сделанных исследователями и путешественниками [43, с. 54]. Искать реальные остатки храма Артемиды в Крыму дело, по всей вероятности, малоперспективное [44, с. 122-129]. Возможно, фон Кампенгаузен видел остатки одной из античных усадеб Херсонеса в южной части современного Гераклейского полуострова.

Путешественник счел необходимым сказать несколько слов о древней топонимике Крыма. Вероятно, сам факт того, что некоторые города и замки изменили свое название, показался ему достаточно примечательным[5]. Он упоминает

[5] Об интересе фон Кампенгаузена к топонимике говорит, например, такой факт: рассуждая о торговле в Кременчуге, он замечает, что по-турецки слово bazar означает «рынок», причем от него получили названия некоторые города, в том числе – Карасубазар [2, S. 68].

Севастополь, Фуллы – Кырк-Ор, а также Климаты [4, p. 52-53; 2, S. 108, 110]. Впрочем, путаницы избежать не удалось, несмотря даже на то, что фон Кампенгаузен явно опирался на соответствующие фрагменты книги Гатри [17, p. 91, 83, 119]. По его словам, «*Ахтиар, который в настоящее время называется Севастополем (“городом славным”), был самым знаменитым торговым городом в Колхидском царстве*» [4, p. 52; 2, S. 108]. Иначе говоря, Колхида у него переместилась из Восточного Причерноморья в Крым. Фон Кампенгаузена ввели в заблуждения маневры Екатерины, которая в угоду политическим соображениям двигала названия по карте с ловкостью крупье, разбрасывающего карты по игорному столу, в результате чего ряд античных топонимов оказался за сотни километров от своего исторического местоположения [подробнее см.: 45, p. 218-232]. Отметим, что путаницу с античными названиями отлично понимали многие путешественники – не только Гатри, из сочинения которой в данном случае черпал информацию фон Кампенгаузен, но и, например, Кларк, назвавший имя Севастополя применительно к крымскому городу – «вымышленным» [30, p. 198].

Иногда путешественник приводит сведения из истории Крымского ханства, но они довольно бессистемны, понять, по какой причине автор отобрал именно их – вряд ли возможно. С Крымским полуостровом они обычно не связаны. Так, подробно рассказав о молдавском городе Каушаны, бывшем резиденцией крымских ханов, фон Кампенгаузен сообщает следующее: «*…хан был обязан жить здесь в течение первых трёх месяцев своего правления. По истечении этих трёх месяцев он был обязан отправиться в Перекоп, и если встречал там представителей племён Ширин и Мангыт <? – Manhupi>, которые должны были принять его, то продолжал свой путь до самого Бахчисарая. Если же эти представители отсутствовали, это был знак, что выбор султана не получил одобрения народа, и хан немедленно возвращался в Каушаны, чтобы молить Порту о защите, на что она обычно отвечала согласием. Хан был обязан выбрать себе жену из клана Ширинов…*» [4, p. 58; 2, S. 119]. Возможно, здесь отразились известия французского дипломата барона Ф. де Тотта о том, как в 1768 г. Крым-Гирей, повторно назначенный в Стамбуле крымским ханом, приказал должностным лицам Крыма прибыть на встречу с ним в Каушаны [37, p. 129 ff.]. В другом месте, рассказывая о молдавском городке Татарбунар, Кампенгаузен сообщает, что в его окрестностях «*есть несколько озёр с солёной водой, где на поверхности под действием солнечного тепла формируется sal marinum*[6]*. Получаемый с этой соли доход раньше принадлежал крымскому хану, но был передан измаильскому паше, когда эту страну завоевали русские*» [4, p. 80; 2, S. 150].

Интересно, что фон Кампенгаузен ничего не говорит о памятниках христианства в Крыму. Возможно, он попросту не интересовался, например, крещением князя Владимира. Показателен контраст с античной тематикой, которая в его сочинении фигурирует, пусть и не в большом объеме. Здесь могло сказаться

[6] Морская соль (*лат.*).

то, что для российской политической идеологии и государственной пропаганды в конце XVIII в. важнее была древняя Греция, чем византийское христианство[7]. Следовательно, эти темы больше обсуждались в обществе, к которому принадлежал фон Кампенгаузен, который к тому же одно время служил при Потёмкине секретарем для иностранной переписки. Показателен пример Херсонеса, значение которого как истока русского православия было быстрее осознано именно европейскими путешественниками [48; 41, p. 49 ff.; 19], а не российским общественным сознанием, несмотря даже на то, что символика древнего города как центра христианства широко использовалась Потёмкиным и его окружением [27, с. 100, 104-106; 47, с. 14 сл.], причем светлейший князь даже посылал в 1783 г. на место древнего Херсонеса некоего Бальдани «*для проверки сообщения Нестора*» об осаде города князем Владимиром [49, p. 304, n. 1]. Очевидно, результат этих усилий оказался невелик.

Тем не менее, некоторые попавшие в сочинение фон Кампенгаузена сюжеты (например, о татарской праздности или о храме Дианы) показывают, что он не избежал влияния тем, широко обсуждавшихся в обществе конца XVIII в., в том числе под влиянием идеологических схем, разрабатываемых Екатериной и ее окружением для утверждения России на международной арене и обоснования ее прав на обладание Крымом. В этой интеллектуальной игре использовались античная мифология, средневековые арабские сказки и современные реалии и выдумки, причудливо перемешиваясь и образуя новые смыслы, образы и интерпретации. В результате фон Кампенгаузен иногда следует распространенным стереотипам (таким, например, как мысль о свойственной крымскому населению праздности), иногда же проявляет самостоятельность мышления (в частности, отбрасывая представление о «райской природе» полуострова). Мы не знаем, насколько эти идеи были ясны читателям фон Кампенгаузена, но определить их является интересной задачей для современного научного исследования. Эклектизм сознания, характерный для эпохи Просвещения, позволяет фон Кампенгаузену смешивать, в рамках описаний того или иного пункта, порой малосвязанные, на наш нынешний взгляд, вещи. Но именно это, вероятно, позволит историкам и этнографам извлечь из его сочинения некоторые данные о положении Крыма в конце XVIII в.

В записках фон Кампенгаузена еще проступают черты, свойственные позднесредневековым рассказам о диковинках дальних стран. Крым представляется ему страной своеобразной, не лишенной специфического колорита, к которому относятся и необычные жители с особыми нравами и обычаями, традициями и занятиями, и удивительная фауна, и своеобразные исторические памятники. «Наблюдения» фон Кампенгаузена тесно связаны с сочинениями других путешественников-европейцев, иногда дискутируя с ними, иногда используя их данные. Продолжая

[7] Об античных сюжетах в российской идеологии см.: [27, с. 100-105, 110-113; 46, с. 11-18, 35-51, 59-82, 128-131, 153-156, 165-194; 47, с. 18-20; 22, p. 11-14, 22-23; 45, p. 218-232].

традиции литературы путешествий, фон Кампенгаузен сохраняет ряд тем, которые впоследствии будут использоваться или развиваться иностранцами, оказавшимися в Крыму в первой половине XIX в. Сочинение фон Кампенгаузена – характерный образец того, как путешественник является одновременно исследователем, пытается нанести Крым на карту мира, отыскать ему место в своих представлениях о географии, истории и цивилизации. Разумеется, для этого используются практики эпохи Просвещения, и в этом смысле труд фон Кампенгаузена является хорошим примером того, что в современной науке именуется «воображаемой географией».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Том XIV: Калака-Кардам. СПб., 1895.
2. *Campenhausen B. von.* Bemerkungen über Rußland. Besonders einige Provinzen dieses Reichs und ihre Naturgeschichte betreffend, nebst einer kurzgefaßten Geschichte der Zaporoger Kosaken, Bessarabiens, der Moldau und der Krimm. Leipzig, 1807.
3. *Громенко С.В.* Stepy, morze i góry: польские путешественники конца XVIII – начала XX века о Крыме. Симферополь, 2011.
4. *Campenhausen <P.B. von>.* Travels through several provinces of the Russian empire; with an historical account of the Zaporog Cossacks, and of Bessarabia, Moldavia, Wallachia, and the Crimea. London, 1808.
5. Замечания о Молдавии, Бессарабии, Крыме, Белоруссии и Украйне, писанные бароном фон-Кампенгаузеном // Журнал новейших путешествий. 1810. №№ 1, 2.
6. Uwagi nad Mołdawią, Bessarabią, Krymem, Białorossią i Ukrainą. Oddz. 1, 2 / Tlum. E.Brocki // Pamiętnik Lwowski. 1819. T. II. №№ 11, 12.
7. *Храпунов Н.И.* Рец. на кн.: Ед. Хоецький. Спогади з подорожі по Криму... Сімферополь, 2008 // Ab Imperio. 2008. № 3.
8. *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. / Пер. С.Л. Белявская, А.Л. Бертье-Делагард. М., 1999.
9. *Reuilly J.* Voyage en Crimee et sur les bords de la Mer Noire pendant l'annee 1803… Paris, 1806.
10. The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta... Vol. I. New York, 1830.
11. *Храпунов Н.И.* Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
12. *Webster J.* Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... Vol. I. London, 1830.
13. *Webster J.* Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... Vol. II. London, 1830.
14. *Храпунов Н.И.* Восточная Европа в дневнике шотландского путешественника Дж. Уэбстера (1827) // Известия Уральского федерального университета. 2012. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 3 (105).
15. Письма императора Иосифа II к фельдмаршалу графу Ласси во время путешествия в Херсон и Крым в 1787 году // Русский архив. 1880. Кн. I.
16. Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. 2nd éd. Paris; Genève, 1809.
17. *Guthrie M.* A Tour, Performed in the Years 1795-6, through the Taurida, or Crimea… London, 1802.

18. *Хоецький Е.* Спогади з подорожі по Криму / Пер. О.О.Тищенко-Монастирська. Сімферополь, 2008.
19. *Храпунов Н.И.* Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.
20. *Татаринцева Р.И.* Из истории британско-крымских литературных связей конца XVIII столетия: путевые записки Марии Гутри // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
21. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
22. *Dickinson S.* Russia's First "Orient": Characterizing the Crimea in 1787 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002. Vol. 3. No. 1.
23. *Кубачёва В.Н.* «Восточная» повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века // XVIII век. 1962. Вып. 5.
24. *Людольф де.* Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Т. 2 (март).
25. *Aragon. A.A. Ch. d'.* Un paladin au XVIIIe siècle: le prince Charles de Nassau-Siegen, d'après sa correspondance originale inédite de 1784 à 1789. Paris, 1893.
26. Императрица Екатерина II в Крыму. 1787 г. // Русская старина. 1893. Ноябрь.
27. *Зорин А.* Кормя двуглавого орла… Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004.
28. *Schönle A.* Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea // Slavic Review. 2001. Vol. 60. No. 1.
29. Екатерина Вторая и Г. А. Потёмкин. Личная переписка. 1769–1791 / Сост. В.С. Лопатин. М., 1997.
30. *Clarke E.D.* Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part 1. Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London, 1817.
31. The Crimea: Its Towns, Inhabitants, and Social Customs. London, 1855.
32. Travels in the Crimea... London, 1802.
33. *Миранда Ф. де.* Путешествие по Российской Империи / Пер. М.С.Альперович. М., 2001.
34. Записки графа Сегюра о его пребывании в России в царствование Екатерины II. СПб., 1865.
35. *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
36. *Fisher A.W.* The Crimean Tatars. Stanford, 1978.
37. Memoirs of baron de Tott... 2nd ed. Vol. I. Part 2. London, 1786.
38. *Караулов Г.* Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. 1872. Т. 8.
39. *Бобринский А.И.* Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб., 1905.
40. *Эрнст Н.Л.* Эски-Кермен и пещерные города Крыма // ИТОИАЭ. 1929. Т. III.
41. *Kozelsky M.* Christianizing Crimea: shaping sacred space in the Russian Empire and beyond. DeKalb, 2010.
42. *Храпунов Н.И.* Христианские памятники Херсонеса и окрестностей в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Климентовский сборник. Материалы V международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента». Севастополь, 2011.
43. *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Ч. 2. Византийский город. Екатеринбург, 2007.
44. *Скржинская М.В.* Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991.

45. *Unbegaun B.* Les noms des villes russes: la mode grecque // Revue des études slaves. 1936. T. 16. Fasc. 3–4.
46. *Проскурина В.* Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.
47. *Гончарова О.М.* Крым как Византия (вторая половина XVIII века) // Крымский текст в русской культуре. СПб., 2008.
48. *Шаманаев А.В.* Образ Херсона (Корсуни) как русской религиозной святыни в XVIII–XIX вв. // Символ в религии и философии. Севастополь, 2005.
49. *Sestrencewicz de Bohusz S.* Histoire de la Tauride. T. 1. Brunswick, 1800.

Храпунов Н. И.

Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена

Резюме

В статье анализируются сведения о Крыме, собранные Пирсом-Бальтазаром фон Кампенгаузеном, немцем по происхождению, состоявшем на русской службе, который в своих мемуарах описал некоторые стороны жизни юга Восточной Европы в конце XVIII в. Данное сочинение, практически не известное в историографии, включает ряд интересных исторических и этнографических деталей. Помимо этого, оно является характерным образцом того, как путешественник пытается нанести Крым на карту мира, отыскать ему место в своих представлениях о географии, истории и цивилизации.

Храпунов М. І.

Кримський півострів після приєднання до Росії у творі Бальтазара фон Кампенгаузена

Резюме

У статті аналізуються відомості про Крим, зібрані Пірсом-Бальтазаром фон Кампенгаузеном, німцем за походженням, що був на російській службі, який у своїх мемуарах описав деякі сторони життя півдня Східної Європи наприкінці XVIII ст. Даний твір, практично невідомий у історіографії, має ряд цікавих історичних і етнографічних деталей. Крім цього, він є характерним зразком того, як мандрівник намагається нанести Крим на карту світу, відшукати йому місце у своїх уявленнях про географію, історію та цивілізації.

Khrapunov N. I.

The Crimean Peninsula after the Russian Annexation According to the Book by Pierce Balthasar von Campenhausen

Summary

The paper analyses the account of the Crimea provided by Pierce Balthasar von Campenhausen, German by origin, who was in Russian service and described some features of life in the south of Eastern Europe in the late eighteenth century. Although this book is almost not known to researchers, it contains some interesting details concerning history and ethnology. Besides, it is a typical example of traveller's attempt to place the Crimea in the map of the world, to discover its place in his/her own ideas of geography, history, and civilisation.

Т. А. ПРОХОРОВА

КАРЛ КОХ О ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПОЛУОСТРОВА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Осенью 1844 г. с кавказского берега Черного моря в Крым прибыл немецкий ботаник Карл-Генрих Эмиль Кох[1] (рис. 1). Прощаться с Кавказом было нелегко: этим землям исследователь посвятил пять лет своей жизни, которые прошли в научных исканиях и тяжелом кропотливом труде [2, s. 1; 3, p. 1–2]. В Йену он вернется в конце октября 1844 г. после полуторагодичного путешествия, за время которого пилигрим объездил Понтийское плоскогорье, окрестности Ардагана и Эрзерума и район в бассейне р. Евфрат. Вернувшись домой, К. Кох приведет в порядок привезенную коллекцию растений, активно займется научной деятельностью, по итогам путешествия напишет трехтомное сочинение «Скитания на Востоке в 1843 и 1844 гг.» [4; 5, с. 83], в 1847 г. переедет в Берлин, опубликует результаты своих исследований, станет ученым с мировым именем [6]. А пока на его пути лежала Таврика. Предыдущая поездка по Кавказу в 1836–1838 гг. закончилась для естествоиспытателя внезапно из-за болезни, настигшей его у подножия горы Арарат. Так и не совершив восхождение на вершину, вояжер вернулся в Германию. Второе путешествие оказалось более плодотворным, Кох добрался до Крыма – по словам автора, главной цели его путешествия, «земли обетованной русских» [2, s. 1; 3, p. 1]. Здесь ученый планировал ознакомиться с местным овощеводством и виноградарством, но как человек образованный и интересующийся увлекся древней историей. Опыт пребывания автора в Крыму и результаты исследования местной флоры легли в основу «Путевых воспоминаний из дневника профессора доктора Карла Коха», опубликованных в 1854 г. в Лейпциге на немецком языке [2; 7] и вскоре переведенных на английский Дж. Хорнером [3].

---

[1] Карл Кох (Karl-Heinrich Emil Koch) (1809–1879) – доктор философии, профессор ботаники, создатель одного из крупнейших дендрариев мира в Берлинском ботаническом саду, исследователь, путешественник; в ходе двух поездок по Кавказу и Южной России собрал и описал порядка 2500 видов растений. Именем Карла Коха названа ива, произрастающая в Амурской области – Salix kochiana Trautv. [1, с. 323–324].

Произведение с описанием путешествия К. Г. Коха в Крым было не единственным в своем роде. Историки не только знают, но и активно используют в своих наработках десятки фундаментальных работ о Крыме, написанных путешественниками: это труды В. Ф. Зуева, П. И. Сумарокова, Г. Кастельно, П. С. Палласа, Э. Д. Кларка, Р. Лайелла, И. М. Муравьева-Апостола, Н. Н. Мурзакевича, Ф. Дюбуа де Монпере, А. Н. Демидова и др. Их сочинения сыграли огромную роль в деле реконструкции истории Крымского полуострова, что неоднократно отмечали отечественные историки и краеведы. Вкладу путешественников в развитие исторической мысли в Крыму посвящены целые разделы практически всех специальных работ, касающихся вопросов античной и средневековой истории Крыма, археологии, этнографии, истории изучения Таврики и проблем охраны памятников. Так, К. Э. Гриневич отметил важность сведений путешественников о состоянии Херсонеса до раскопок [8, с. 9], в дальнейшем он неоднократно обращался к свидетельствам П. И. Сумарокова, Ф. Дюбуа де Монпере, П. С. Палласа при реконструкции облика памятников в прошлом (к примеру, ссылается на П. И. Сумарокова при определении расположения городских ворот Херсонеса между VII и VIII башнями [9, с. 85]). Сведениями из путевых дневников и воспоминаний вояжеров пользовался «патриарх крымоведения» А. Л. Бертье-Делагард: расследуя вопрос касательно «старого» и «нового» Херсонеса [10, с. 202; 11], составляя описания «крестообразного храма, крещальни, крепостной ограды», ученый цитировал К. И. Габлица, П. С. Палласа, П. И. Сумарокова, Э. Д. Кларка, Ф. Дюбуа де Монпере и др. [10, с. 44, 47, 134; 12]; кроме того, в качестве исторических источников сочинения путешественников использованы им при изучении «пещерных городов» Крыма и при описании древностей Гераклейского полуострова [13]. А. И. Маркевич, исследуя вопрос об островке в Казачьей бухте, привлек описания П. С. Палласа и И. М. Муравьева-Апостола [14]. Историографические обзоры в трудах исследователей, где отображены этапы изучения памятников древней истории Крыма, неизменно начинаются с исследовательско-описательной деятельности путешественников. Так, работы вояжеров учтены и проанализированы в трудах С. Ф. Стржелецкого [15], А. Н. Щеглова [16], В. Ф. Гайдукевича [17], В.Н. Боровковой [18], А. Г. Герцена [19], В. М. Зубаря [20], Т. Г. Гордеевой [21], М. Б. Кизилова [22], И. В. Тункиной [23], А. В. Шаманаева [24], А. А. Формозова [25]. Примеров таких исследований можно привести гораздо больше. Огромное значение в деле систематизации и осмысления творческого наследия путешественников по Крыму, а также определения их роли в культурной, экономической и общественной жизни края сыграли ежегодные конференции «Пилигримы Крыма: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме». В ходе работы конференций было сделано множество докладов, написаны сотни статей, которые представляют значительный интерес при изучении феномена путешествий [26–30].

Ученые обращались к наиболее обстоятельным и полным трудам вояжеров. Вместе с тем в тени оставались те авторы, которые, проезжая Крым, не уделили

ему должного внимания, ограничившись краткими эссе или скупыми замечаниями о природе и населении. Перед исследователями открывается огромное поле деятельности – восстановить в наиболее полном объеме список путешественников, побывавших в Крыму в первой половине XIX в. Эти малоизученные тексты еще нуждаются в профессиональном переводе, изучении, комментариях. В нашем случае предпринята скромная попытка показать огромный потенциал этого вида источников на примере записок немецкого ученого, выявить спектр памятников античной и средневековой истории Юго-Западного Крыма на страницах его сочинения. Предыдущий опыт подобной работы (скажем, анализ Г. С. Каушлиевым отечественной путевой литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.) ограничился обычным поиском упоминаний путешественниками античных памятников Тавриды [31]. Перед нами иная цель – определить место К. Коха среди путешественников первой половины XIX в., изучить текст его сочинения, определить цель и обстоятельства путешествия, выявить посещенные и описанные К. Кохом памятники Юго-Западного Крыма периода античности и средневековья, провести внутреннюю критику истинности и полноты передачи им фактов, сравнить с записками других авторов и найти взаимовлияния, установить, какую связь имеют воззрения автора с концепциями современных ученых.

Работ, посвященных жизни и деятельности немецкого ученого, в отечественной историографии нет; тех, в которых он упоминается, немного. Краткая биографическая справка о Карле Кохе содержится в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [32, с. 458]. Из нее мы узнаем, что К. Кох поначалу постигал медицину, но, увлекшись ботаникой, посвятил себя изучению растений, стал приват-доцентом ботаники, совершил два путешествия в Южную Россию и на Кавказ, написал ряд фундаментальных работ и статей [33–36], собрал богатейшие коллекции образцов изученных растений и снискал себе славу известного дендролога, крупнейшего в Европе в первой половине XIX в. Определенный интерес представляет сочинение Терезы Кох (Therese Koch), посвященное супругу Карлу [37], которое, к сожалению, не переведено на русский язык; весьма информативна и обстоятельная статья о немецком ботанике во Всеобщей немецкой биографии (Allgemeine Deutsche Biographie) [38, s. 395–398], а также исследование К. А. Виммера, реконструировавшего основные вехи биографии вояжера [6].

До того как стать известным немецким ботаником-дендрологом, Карл-Генрих Эмиль Кох учился в Веймарской гимназии; уже в школьные годы начал коллекционировать растения, несмотря на то, что его отец старался подавить подобные наклонности мальчика. В 1829–1831 гг. К. Кох изучал медицину в Йенском университете, но, искушенный славой И. Г. Шёнлейна[2] (1793–1864), решил продолжить обучение в университете в Вюрцбурге. В 1833 г. К. Кох стал доктором медицины, в 1834 г. – доктором философии; летом того же года он прочел

[2] Знаменитый немецкий врач, преподавал в университете Вюрцбурга в 1820–1833 гг.

свои первые лекции по ботанике в Йенском университете в качестве приват-доцента. Уже в это время он планирует совершить научную поездку в Понтийские горы, на которую его вдохновляли коллеги-ученые и русская великая княгиня Мария Павловна.

В ходе первой экспедиции 1836–1838 гг. К. Кох объехал почти весь Кавказ, северную часть Армении, Персидское плоскогорье и Арарат. Воодушевленный полученными результатами, немецкий исследователь собрался в очередную поездку за уникальным материалом. В 1843 г. началась его вторая поездка в поисках новых растений, во время которой он посетил Понтийское плоскогорье и побывал в Крыму. С 1847 г. до своей смерти в 1879 г. он находился в Берлине, посвятив себя написанию трудов.

Наследие ученого в области ботаники широко использовалось отечественными деятелями науки [39; 40, с. 686; 41, с. 24; 42, с. xvi; 43, с. 144]. Некоторые его статьи были переведены на русский язык [см., например: 44; 45]. Сочинения о впечатлениях автора, полученных в ходе поездок, также не остались незамеченными. Отдельные отрывки из его записок были переведены кавказскими исследователями применительно к истории своего края [46; 47; 48, с. 15; 49, с. 73; 50, с. 64, 77, 131; 51, с. 80–107]. В крымоведении научные наработки немецкого путешественника до сих пор не использовались, нет полного перевода его произведения на русский язык. Обращение исследователей к изучению травелогов (от англ. travel – путешествовать), как особого явления в путевой литературе о Крыме, коснулось преимущественно английских и французских путешественников [52–59]; что касается исчерпывающего исследования вояжей немецких авторов – такового пока нет. Это одна из причин, почему Карл Кох до сих пор остается малоизвестным для историков автором. В исследованиях, посвященных истории изучения Крыма после его включения в состав Российской империи, о Кохе упоминается вскользь [60, с. 66; 61, с. 167; 62]. Опыт применения записок К. Коха отечественными исследователями скромен и касается лишь отдельных вопросов – истории садоводства в Крыму [63], о следах германской культуры на полуострове [64] и др. Для комплексного анализа работы ученого особенно важным представляется перевод всех частей его сочинения.

Несмотря на скудную историографическую ретроспективу вояжа К. Коха, интерес ученых к путешествиям в целом, как особому виду познавательной активности и виду литературного творчества, огромен. Зарождение научного интереса к путевой литературе в России относится к концу XVIII в. с появлением «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» английского писателя Лоренса Стерна[3] (1713–1768) и «Писем русского путешественника» Н. М. Ка-

[3] Перерождение жанра путешествий в сочинении Л. Стерна было связано с тем, что автора интересовало то, как воспринимал, а не что видел путешественник в ходе странствий. Сочинение, по выражению Л. Сидорченко, превращается в «психологический

рамзина (1766–1826), за коим закрепилось почетное звание создателя собственно литературных «путешествий» [67; 68; 69]. В 30-е гг. XIX в. в литературной среде сложилось четкое понимание того, что путевые сочинения можно создавать на основе лично полученных впечатлений в ходе проделанного вояжа либо путем художественного вымысла. В подтверждение тому в журнале «Библиотека для чтения» вышел перевод статьи из британского журнала «Metropolitain» под названием «Как пишутся путешествия?», где описан комедийный диалог между двумя литераторами: г-н Бернстебль учит г-на Ансарда, как написать путешествие без опыта странствий[4] [71].

Изучение крымских травелогов получает развитие вскоре после того, как первые вояжи в Таврику были совершены. Особое внимание историки уделяли путешествию императрицы Екатерины II Великой, экспедициям, командированным от Академии наук (И. А. Гильденштедта, В. Ф. Зуева, Ф. А. Черного, П. С. Палласа и др.), а также частным поездкам, в том числе М. Гатри, Э. Д. Кларка, П. И. Сумарокова, поскольку они заложили основу популяризации Крыма как уникального во всех отношениях региона. Среди исследователей записок путешественников, посетивших Крым в конце XVIII – первой половине XIX вв., на сочинение К. Коха одним из первых обратил внимание Г. Н. Геннади [72, с. 630]. В составленный им «Список сочинений о Крыме» (раздел «Книги на иностранных языках») автор внес труды путешественников М. Гатри, В. Броневского, Э. Д. Кларка, Э. Кравен, А. Н. Демидова, а также три издания сочинения «Крым и Одесса» К. Коха (два на немецком языке и одно в переводе на английский). К сожалению, неизвестным оно осталось для исследователя классических древностей П. М. Леонтьева, который обобщил опыт многих путешественников, включая М. Гатри, Э. Кларка, П. С. Палласа, И. М. Муравьева-Апостола [73].

На рубеже XVIII–XIX вв. наметился определенный прогресс – были систематизированы работы отечественных и зарубежных вояжеров конца XVIII – середины XIX вв. В то время, как А. Л. Бертье-Делагард занимался разысканием произведений путевой литературы с целью создания обобщающей историографии об А. С. Пушкине [74], а археолог и востоковед Н. И. Веселовский изучал историко-географическое освоение Прикаспия [75–78], А. И. Маркевич составил детальный библиографический справочник «TAURICA», который и по сей

опыт»; герой, которому поставлено в условие быть наблюдателем всего, что встречается ему на пути, не справляется с задачей из-за эмоций и сложности характера, поэтому он превращается в участника событий [65; 66].

[4] Повествование путешествия могло строиться на основе действительных или мнимых поездок. Вплоть до середины XIX в. путешествие наряду с хроникой считалось одной из форм изложения научной мысли, главным образом географических и исторических сведений. Так, реальные путешествия легли в основу «Анабазиса» Ксенофонта, «Хождения Даниила Паломника», «Хождения за три моря Афанасия Никитина». Этим материалом определяется в значительной мере стиль произведений [70].

день остается одним из наиболее авторитетных указателей литературы о Крыме [79], в данный указатель попали и сочинения из рассматриваемого нами наследия К. Коха [80, с. 147].

Советский период ознаменовался общим упадком интереса к путевым запискам, что сочеталось с переизданиями некоторых авторов (Ш. Ж. Ромм и П.С. Паллас), после чего выработалось отношение к трудам путешественников как к типу источника, который может служить базой для другого исследования, но не самостоятельным жанром. В довоенный период в СССР актуальными были научные студии, связанные с изучением роли Академии наук в освоении огромного пространства Российской империи. Особого внимания заслуживают исследования Л. С. Берга [81–83], Г. А. Князева [84], Т. И. Райнова [85], А. Н. Шебунина [86]. В послевоенный период история путешествий изучалась довольно активно, появляются работы О. А. Александровской [87; 88], А. И. Андреева [89], В. Ф. Гнучевой [90; 91], Е. С. Кулябко [92], Д. М. Лебедева [93–96], В. Б. Муравьева [97; 98], И. А. Окрокверцховой [99], И. И. Пузанова [100], Н. Н. Степанова [101]; в 60–80 гг. XX в. – Н. Г. Фрадкина [102; 103], В. И. Грекова [104]; вопросам источниковедения и определению места записок путешественников в современной классификации исторических источников посвящены труды Н. П. Ковальского, Ю. А. Мыцыка [105], И. В. Войцеховской, С. Ф. Павленко, В.И. Воронова [106; 107].

Современная историография путешествий по Крыму насчитывает далеко не один десяток публикаций; на общем фоне выделяются обобщающие и специальные работы профессора А. А. Непомнящего [108–114], составившего список путешественников по Крыму конца XVIII – начала XX вв. Не менее важными являются наработки А. В. Мальгина, который представил общую картину поездок в Крым [60]. Отдельные исследования проводятся в отношении определенной группы путешественников: английских (труды Е. Н. Деремедведь [52–55], Н. И. Храпунова [56; 57], Н. Н. Колесниковой [58], Д. Колупаева [59]); польских (С. В. Громенко [115–118]); французских [119]; опубликованы русские переводы английских путешествий (А. Д. Тимиргазина и О. Н. Герардини [120; 121], О. Корчевой [122]); Г. С. Каушлиев составил библиографический указатель «Путешественники в исследовании Крыма (конец XVIII – первая половина XIX в.)» [123–125].

Для историков интерес к путешествиям подкрепляется особым статусом данной группы произведений. В предисловии, написанном К. Кохом в Берлине в 1854 г., обозначена основная цель, которую преследовал при написании сочинения автор, – дать читателю «простое описание этого интересного региона» и, «следуя примеру предшественников, правдиво воспроизвести все», что ученый «видел и наблюдал своими глазами» [2, s. vi; 3, p. vii]. Заявленная Кохом характеристика сочинения подтверждает его статус исторического источника. Изучение труда немецкого ученого именно с этих позиций – как исторического источника по его

основным атрибутивным признакам – представляет наибольший интерес[5]. Работа с данной категорией нарративов в рамках источниковедения оформилась в середине XIX в. До этого долгое время преобладал формально-содержательный подход в изучении путевой литературы. Путешествие как вид литературного творчества (в отличие от другой дефиниции этого многозначного термина – вид передвижения в пространстве с течением времени) вплоть до середины XIX в. понималось как форма изложения научной литературы (в частности, этнографических и географических сведений) [126, с. 59]. Осознав важность отдельных сочинений о путешествиях для исторических реконструкций (о чем в свое время писали В. О. Ключевский [127], С. Н. Шубинский [128], С. М. Середонин [129], А. С. Лаппо-Данилевский [130]), исследователи использовали записки иностранцев и путешественников «утилитарно»[6]. Так, С. А. Никитин отмечал, что к числу описаний путешествий, как виду исторического источника, следует относить «только те, какие являются фиксацией наблюдений и знакомства с населением, областью и т. д. в результате личных впечатлений автора во время его путешествия по описываемым местам». Причем историк должен сосредоточить свое внимание на фактическом материале, «который он находит для изучения того или иного вопроса у наблюдателя» [132]. Современные историки пытаются преодолеть такой «потребительский» подход; источник исследуется как самостоятельный феномен во всей его сложности и многосоставности. Значительно преуспели в этом направлении современные отечественные историки: Я. Р. Дашкевич заложил научный базис отдельного направления – «украинской Бопланиады» на основе анализа сочинения Г. Л. де Боплана [133; 134], В. А. Пирко и Н. О. Никифоренко всесторонне проанализировали путешествие И. А. Гильденштедта [135–139] в Южную Украину; о необходимости использования широкого спектра «историографических приемов» писали А. В. Гедьо и А. С. Шажко [140].

---

[5] Путевая литература представляет собой особый вид нарративов – это рассказ об определенной местности, событиях и явлениях через призму мировосприятия другого человека – автора-вояжера. Любое путевое сочинение, независимо от цели поездки, наполнено разнообразными сведениями, заинтересовавшими автора: описаниями природы (почв, геологии, климата, флоры и фауны), населения (его состава, обычаев и нравов), сельского хозяйства, ремесла и торговли, историческими очерками. Путешественники были очевидцами всего происходящего, поэтому их сочинения являются носителями информации и должны использоваться историками для отображения основных фактов человеческой жизни, имеющих глубинный смысл для общемировых процессов.

[6] О. М. Медушевская выделила два методологических направления в изучении письменных источников. Первое, и наиболее часто практикуемое, оставалось в рамках подготовительной критики (определение подлинности, места и времени создания текста), критики происхождения (установление авторства) и «негативной внутренней критики». Источник был не более чем средством получения фактов [131, с. 67–87].

Современная методология работы с текстами путешествий значительно обогатилась новыми подходами к изучению литературы путешествий. Созданные в ходе поездок, миссий, экспедиций, странствий, официальных визитов сочинения могут быть облачены в определенную форму, что определяет их жанровое своеобразие и делает методику изучения подобных источников специфической[7]. В каждом отдельном случае изучение исторического источника требует особого подхода – от этого зависит то, насколько сочинение проанализировано на предмет исторической составляющей, будь то источники личного происхождения (дневники, мемуары, воспоминания, письма, заметки, размышления), официальные отчеты (дипломатические, миссионерские, торговые), научный труд либо серия очерков, пассажей, статей и проч. В случае с сочинением К. Коха, судя по названию, мы имеем дело с воспоминаниями, которые автор облек в повествовательную форму в виде путевого дневника. Однако это не классический путевой дневник в его привычном понимании: впечатления от путешествия, зафиксированные в ходе самой поездки, были переработаны автором по возвращении в Германию. Несмотря на то, что соблюдена главная формальная особенность – сочинение Коха разбито на части в порядке последовательности происходящих событий по ходу путешествия, оно в большей мере основано на ретроспективных размышлениях [177]; и хотя автор этого не оговаривает, в сочинении могли быть пропуски, что вполне естественно в силу того, что описывалось путешествие десятилетней давности.

Актуальность изучения сочинения К. Кох обусловлена еще и тем, что автор решает важные в рамках современных идейных движений вопросы имагологии[8].

---

[7] Исследовательский интерес к сочинениям-путешествиям не ослабевает, за последнее время значительно увеличился «круг привлекаемого историко-литературного материала», равно как и пути его анализа [141]. Помимо изучения проблем терминологии, генезиса и эволюции жанра (В. М. Гуминский [142–144], Н. И. Глушанина [145], О.А. Дыдыкина [146–148], В. А. Михайлов [67], Е. Г. Проценко [149–151], М.Г. Шадрина [68], О. В. Юркина [152]), изучались генетические основы жанра (С. Н. Травников [153–157], Ю. М. Лотман [158–162], В. В. Данилов [163], Д. С. Лихачев [164], А.А. Решетова [165]), влияние западных образцов «путешествий» на формирование отечественных (Андреас Шенле [166; 167; 168], К. Н. Атарова [169], Е. П. Гречаная [170], Н. В. Иванова [171]). Среди современных украинских деятелей науки исследованию эволюции жанра «путешествий» в иностранной литературе посвящены работы В. Мотрука [172], А. М. Каратеевой [173], С. С. Черноус [174–176], Е. Н. Деремедведь [53].

[8] С присоединением Крыма к Российской империи в 1783 г. начинается особый период в его истории – Крым перешел в управление иного по всем параметрам государства, отличного от Османской империи. С этого времени берут начало процессы, неведомые крымской земле ранее. Обустройство территорий, строительство новых городов различного назначения, вовлечение Крыма в экономическую и политическую жизнь одного из сильнейших государств того времени – и это далеко не весь перечень изменений. Ко всему вышеназванному следует добавить, что Крым в означенный период времени

Гостеприимство, с коим Коха встречали на Кавказе, стало началом опровержения тех предубеждений, которые сложились насчет этих земель и с которыми он столкнулся в столице России. Думая, что он едет в страну разбоя, грабежей и кровавой вражды, путешественник был встречен приветливо, в каждом доме он слышал от безотказного хозяина: «Здесь вы господин, я и мои сыновья к вашим услугам» [2, s. 2; 3, p. 1–2]. Только на Кавказе, как считает Кох, хозяин может устроить в честь гостя из Европы (Фиренгистана) настоящий пир и забить несколько поросят; был и другой случай: увидев, что Карл Кох пытается сорвать несколько плодов с дерева, которое росло над обрывом, хозяин срубил его и принес гостю со словами: «Господин, теперь ты без угрозы для жизни можешь взять то, что твое сердце желает» [2, s. 2; 3, p. 2]. Окрыленный столь сильной разницей между предполагаемым и реальным, немецкий профессор спешил попасть в Крым, чтобы и там развенчать сложившиеся мифы.

Главное заблуждение, которое господствовало относительно крымских земель, по мнению К. Коха, заключалось в сказочном богатстве этой области, о которой грезили в Санкт-Петербурге. Иллюзия достатка и благоустроенности, созданная правительством Г. А. Потемкина для путешествующей императрицы Екатерины II Великой, закрепилась в столичном сознании. Ознакомившись с трудами Ф. Дюбуа де Монпере и А. Н. Демидова накануне поездки, К. Кох пришел к выводу, что реальность намного прозаичнее. Селения, нанесенные на российские карты, не повторялись в трудах его предшественников, и теперь вояжер мог лично убедиться в этом.

Записки К. Коха имеют мифопоэтическую природу, то есть восприятие и ос-

---

являлся тем местом, где наиболее ярко проявились коммуникационные процессы, способствовавшие формированию представлений одной культуры о другой. За минувшие два столетия, когда история России и Крыма была единой, межкультурные коммуникации приобрели большую роль. Тема и по сей день остается актуальной, принимая во внимание ускорение темпов научного и социального прогресса, формирование центров глобализации и, как результат, интенсификацию международного сотрудничества. Научного осмысления требуют межгосударственные коммуникативные закономерности, межэтнические, межнациональные и более всего – межкультурные. Феномен многонационального Крыма, неизменный на протяжении последних двух столетий, имеет столь же важное политическое значение для взаимодействия государств Причерноморского региона [52, с. 112]. Сегодня формы международной коммуникации поражают богатством и разнообразием способов и средств, в то время как двести лет назад более привычной и надежной формой была литература путешествий. Она содержала описания Крыма, что давало читателям возможность противопоставить свою культуру чужой. Иностранные путешественники были не просто свидетелями и описателями событий, но и проводниками чужой культуры для своих соотечественников. Будучи носителями характерных черт своего времени, культурной среды, этико-эстетических норм и менталитета, они изучали быт, обычаи и традиции местных народов, держа в памяти образ своей родины, с которым сравнивали все увиденное и услышанное.

мышление российской действительности было предопределено тем образом России (и Крыма как составной части империи), который сложился в общественном сознании. Взаимовлияние национальных образов на складывание процесса международной коммуникации отмечали компаративисты М. П. Алексеев [178; 179], М. Кадо [180], [181, с. 8–9]. Исследования В. С. Елистратова [182], А. Н. Зашихина [183; 184], И. В. Карацубы [185], С. В. Чугрова [186; 187], посвященные стереотипам восприятия в процессе межкультурной коммуникации, дополняются не менее интересными изысканиями Т. В. Партаненко [188], Е. В. Катаевой-Мяникен [141], О. В. Королевой [189], Д. С. Наливайко [190; 191], В. В. Орехова; последний автор занимался тщательным изучением российско-французских отношений в связи с особой мифогенной обстановкой конца XVIII – начала XIX вв. [192-195]. В. В. Орехов проанализировал труды Ж. де Сталь, А. Кюстина, В. Гюго, Стендаля, П. Мериме, О. Бальзака, а также многочисленных французских путешественников, посетивших Россию в это время [195, с. 7]. Противоречивые процессы коммуникации в XVIII–XIX вв. России с Англией пыталась проследить Е. Н. Деремедведь [52–56].

А. П. Люсый, продолжая решать вопросы имагологии, занимался изучением «крымской» темы в русской литературе и вопросами написания и прочтения «крымского текста» [196–203]. Такой подход к изучению «путешествий» (литературных сочинений) предполагает структурно-семиотический анализ, в ходе которого группа текстов (в нашем случае – литература путешествий XVIII–XIX вв.) рассматривается как единый текст и выявляются инвариантные правила его написания [204, с. 64]. Рассмотрение групп художественных произведений, объединенных по определенному доминантному признаку, осуществлялось Ю. М. Лотманом и В. Н. Топоровым, разработавшими концепцию «петербургского текста» русской литературы [205, с. 259–399]; по аналогии Н. Е. Меднис выделил венецианский текст, В. М. Алексеев – «мусульманский текст» [206], появились также московский, парижский, итальянский, кавказский и прочие тексты, которые являют собой не просто зеркало пространства, а переход «материальной реальности в духовные ценности» [205, с. 259]. Выделение «крымского текста» стало возможным из-за «высокого текстового статуса» крымского пространства в творчестве С. С. Боброва («первопоэта» Крыма), К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина; в их сочинениях Крым обладает признаками внепространственной категории. Литература путешествий, по мнению А. П. Люсого, была литературой «до-текста»; в творчестве С. С. Боброва рождается некий «архитекст» и окончательно складывается характер отображения Крыма в русской культуре, практикуемый последующими авторами [196]. Термин, используемый А. П. Люсым для теоретических схем, не остался незамеченным западноевропейскими деятелями науки; одна из попыток переосмыслить понятие «крымский текст» была предпринята Д. Буркхарт, которая на примере творчества О. Э. Мандельштама присвоила «крымскому тексту» статус глобального общелитературного явления [207; 208].

Заслуживают внимания работы Д. Г. Замятина [209–217], основоположника и основного идеолога направления имажинальной географии; исследователь доказал значимость географического пространства для российской цивилизации, причем определяющей основой российского образа служило идеологическое и геополитическое понятие «Евразия» – «а-западное» проявление инаковости [218].

В украинской историографии нашли отражение вопросы имагологии украинских земель, образ которых отличался от российского (имперского) и крымского – восточного по природе и российского по презентации. Оценкам Украины в работах путешественников посвящено исследование В. А. Кордта [219]; активно в данном направлении работали украинские историки в эмиграции: В. Сичинский (опирался на свидетельства путешественников XVIII–XIX вв., в том числе интересующих нас П. И. Сумарокова, П. С. Палласа, В. Измайлова, Э.Д. Кларка, В. Ф. Зуева) [220] и О. Винтоняк (составил биографические справки и библиографический указатель трудов 14 путешественников, в том числе и тех, что побывали в Крыму) [221]. Из числа современных исследователей следует отметить труды Д. С. Наливайко [222–224], П. П. Брыцкого [225; 226], М. Варварцева [227], Я. Р. Дашкевича, который на примере Г. Л. де Боплана показал, насколько важны записки иностранных путешественников в реконструкции страниц пришлого украинских земель и популяризации сведений о ней в Западной Европе [133; 134]. В. И. Сергийчук и другие современные исследователи отмечают, что Крым в представлении путешественников был частью России, еще одной ее колонией, наряду с украинскими землями активно осваивавшийся и заселявшийся [228].

Большой вклад в изучение западноевропейской украинистики внесли труды П. О. Бочана [229–235], которому удалось выявить новые факты в изображении истории Украины на страницах сочинений зарубежных авторов, установить их достоверность, систематизировать сведения относительно истории, быта, этнографии и обычаев украинского народа, обобщить вклад немецких и французских авторов в историографию Украины.

Образ страны формировался под влиянием трех компонентов: объективных причин (политических, экономических, социальных факторов), субъективных элементов (личных впечатлений и переживаний автора), традиционных представлений о стране [236]. Прибыв в Крым, К. Кох столкнулся с двумя разными понятиями – «образ» и «имидж»; имидж как часть образа является, по определению А. А. Громыко, «продуктом сознательных государственных усилий» (то, что вояжер слышал о Крыме в столице); образ же формируется стихийно (то, что путешественник видел в ходе поездки); часто, как и в случае с К. Кохом, они могут противоречить друг другу [237].

Несомненно, важно то, каким К. Кох видел Крым; но не менее значимым является вопрос, каким он хотел Крым описать и представить в своем сочинении.

Со слов самого автора, описание полуострова было непредвзятым, свободным от политических предубеждений, правдивым [2, s. v–vi; 3, p. vi–vii]. Такая объективная оценка Таврики была необходима европейскому читателю из-за ажиотажа, который разгорелся вокруг этого региона в связи с Восточной войной (1853–1856). Неслучайно и время появления сочинения – 1854 г., и скорый перевод на английский язык в 1855 г. (рис. 2). Переводчица Дж. Хорнер использовала накануне опубликованный (в Лейпциге в 1854 г.) текст сочинения К. Коха [2]. Структура повествования полностью была ею сохранена, но переводчица сочла необходимым максимально приблизить текст к английскому читателю, поэтому на страницах ее работы находим английские меры длины и цитаты из сочинений британских поэтов. Несмотря на то, что труд К. Коха был готов еще 10 лет назад, в новой редакторской проработке он был весьма современным, актуальным, содержал ряд ценных замечаний относительно политической ситуации в Европе в связи с Восточной войной. Несколько раз путешествие переиздавалось [7; 238]. Исследователь составил карту Кавказа и Армении на четырех листах (Берлин, 1850): первая карта – политическая, вторая – этнографическая, на третьей показан географический принцип распространения растений и на четвертой – геологические особенности [3, s. iv].

В это время появляется несколько подобных работ, принадлежащих путешественникам: Э. Гранта [239], миссис Э. Нейльсон [240]. Показательно то, что в июльском номере 1855 г. «Эдинбургского обозрения», одного из самых влиятельных британских журналов XIX в., вышла статья, посвященная древней истории Крыма – Таврического Херсонеса [241]. В основу исследования были положены сведения из работ К. Коха, Э. Гранта, а также более ранних и более полных – П. С. Палласа, Э. Д. Кларка, Ф. Дюбуа де Монпере. Благодаря их трудам европейский читатель не без удивления открыл для себя древнюю Таврику; особенно замечательным, по мнению авторов статьи, было то, что следы древних владельцев крымской земли – греков и итальянцев – сохранились до сих пор. Крым, который теперь считался местом, где решалась судьба всей Европы, оказался в центре внимания. Его окрестили «новыми Фермопилами», «злом, которое хуже, чем казаки и Константинополь» [242]. Публицисты соглашались с теологом Каммингом, что «греки назвали город Севастополь, используя еврейское значение этого слова – Армагеддон» [242, p. 220]. Среди подобных настроений любая информация о Таврике была востребована, особенно написанная человеком, видевшим полуостров изнутри.

Отдельные путешественники (Э. Кравен, Э. Спенсер), посетившие и описавшие Крым в конце XVIII – первой половине XIX вв., в ходе своих вояжей выполняли шпионские миссии. Вполне закономерным является вопрос, не преследовал ли К. Кох подобные цели? Авторы статьи в «Эдинбургском обозрении» склонны видеть в сочинении немецкого естествоиспытателя исключительно вид научного творчества, связывая появление его труда со стремлением

популяризировать знания о Крыме и показать уникальность данного региона [241, p. 88]. Вместе с тем, на страницах его сочинения появляются сведения о состоянии береговых укреплений Севастополя, о количестве защитников, оценка возможностей местности к осуществлению марш-бросков, высадки подкрепления, проведения военных маневров и сооружения укреплений. Вместо того, чтобы описать Херсонесское городище, автор рассуждает о соотношении сил воюющих сторон и состоянии севастопольской защиты [2, s. 77–81; 3, p. 118–124]. По мнению К. Коха, скорое падение Турецкой империи в условиях отсутствия могущественной династии очевидно, и в этом случае Россия будет иметь определенное преимущество перед Австрией. Решительность русских Кох усматривает в том, что «их императоры считают себя преемниками Восточной империи» и «не без оснований поместили византийского двуглавого орла на свой герб», а также в том, что Россия «пыталась оспорить претензии Латинской Церкви в отношении к Святым Местам» [2, s. 77; 3, p. 118]. Автор выражает общие настроения в Европе относительно того, что западные державы ожидали от войны: в их представлении Турция была подобна «больному человеку», который вот-вот «умрет, хотя и напрягает последние силы, чтобы сохранить жизнь». Сложность сложившейся ситуации вояжер видит в том, что «Россия может отправить войска из Севастополя в Константинополь; и однажды завладев столицей, хоть и не без помощи греческих сторонников, ее будет не так легко отбросить» [2, s. 78; 3, p. 119]. К. Кох писал свое сочинение в 1854 г. (подписался под предисловием 18 октября). Очевидно, что работа писалась до начала военной кампании на Черном море: автор утверждает, что операции проводятся пока только на Балтике (апрель-октябрь 1854 г.) [243]. Он советовал высадить англо-французский десант либо в Балаклаве, либо в устье р. Бельбек, либо вблизи Евпатории [2, s. 80; 3, p. 121–122; см.: 244]. Автор напоминает, что у России серьезный военный склад в Вознесенске – «великая военная колония с гарнизоном в 160–180 000 мужчин, которые воевали против оппозиционных горных племен»; из них 60–80 000 человек «могут без ущерба для русской провинции отправиться либо на север, либо перейти Кавказский хребет и быстро подступить к Поти или Сухум-Кале, либо могут быть использованы в одновременных операциях в Армении и Малой Азии» [2, s. 79; 3, p. 122].

Каковы же выгоды? В представлении К. Коха, «разрушение Севастополя и уничтожение русского флота на Черном море обезопасят положение на определенное время», но «постоянная оккупация будет стоить западным державам огромных жертв», да и в этом нет нужды – «Севастополь никогда не станет Гибралтаром». Не больше преимуществ принесет завоевание всего Крыма, поскольку «близость столь могущественного врага требует особых защитных мер, которые нужно поддерживать, поскольку единственной целью последнего было бы вернуть себе владения на полуострове» [2, s. 80; 3, p. 123]. В заключение Кох выражает надежду, что «время научит результатами настоящей битвы»,

и уверенность, что «западные державы не будут пытаться атаковать до тех пор, пока не будут уверены, что их объект достоин этого». Как показывают последующие события, западные державы признали преимущество захвата Крыма перед возможными лишениями, что в итоге вылилось в трехлетнее кровавое побоище, известное как Крымская война.

К. Кох выгодно выделяется из числа крымских путешественников середины XIX в.: несмотря на то, что критики считали его работу несколько поверхностной по сравнению с трудами П. Палласа и Э. Кларка, научный интерес, который двигал немецким ботаником, и беспристрастность придают сочинению особенную ценность. В 1840–1850 гг. в русской литературе начинается период, именуемый исследователями «золотым веком путешествий» [214], «жанр путешествий» в это время процветал, о чем писал критик и историк русской литературы А. М. Скабичевский [245]. Ситуация заметно поменялась, по сравнению с 30-ми гг. XIX в.: еще тогда И. Е. Андреевский сетовал, что в России нет достойного описания путешествий, в том числе и по Тавриде, поэтому «русская публика, желая познакомиться с этим знаменитым полуостровом, должна прибегать к сочинениям иностранцев» [246, с. 173–174]. По справедливому замечанию К. Бестужева-Рюмина, «сообщения иностранцев не без основания считаются важным материалом для понимания истории Крыма, поскольку иностранца по большей части поражает то, что остается неприметным для местного жителя» [247, с. 10–11].

К. Кох был одним из числа таких иностранных вояжеров, однако далеко не первым[9]. Ко времени путешествия К. Коха в Крым местные и столичные

---

[9] Древние греки уже в I тыс. до н.э. работали с крымским материалом и оставили нам первые «краеведческие» сведения. Благодаря им появились знаменитая «Гераклиада», мифы об Ахилле [248, с. 13]. Первое научное упоминание о Северном Причерноморье с описаниями Крыма появилось в VI в. до н.э. (карта мира милетского философа Анаксимандра), позже появляются дорожные наблюдения – периплы и периегезы. Дальнейшее развитие «крымоведческая» наука получила в трудах античных писателей (Геродота V в. до н. э., Страбона II в., Гая Плиния Секунда I в., Гая Криста Саллюстия, Птоломея, Арриана V в. до н. э.), византийских авторов (Иоанна Златоуста, Прокопия и др.). В средние века арабские географы Эдриси («Географические развлечения», 1154 г.), Абульфеда и Ибн-Батута (XIV в.) собирали сведения о Крымском полуострове в ходе многолетних исследований и значительно дополнили познания древних ученых новейшими сведениями. В XIII в. на восточном побережье Крыма появились итальянцы – венецианцы и генуэзцы, полуостров стал привлекать внимание многих европейских торговцев, дипломатов и путешественников.

Нередкими гостями в Крыму были и московские посланники, но все же «первым русским «неофициальным» путешественником, посетившим Крым в 1699 г. во время Керченского похода, был Петр I» [249, с. 62]. С тех пор ученые путешествия стали устойчивой традицией, а вскоре появилась и организация, ставшая их абсолютной покровительницей – Академия наук в Петербурге. «Практическое освоение» новых регионов – такую конкретную цель преследовала Санкт-Петербургская Академия наук в начале XIX в.

исследователи достигли значительных успехов в деле освоения полуострова: к 1802 г. завершился начальный этап знакомства с древностями Северного Причерноморья, появляются сочинения западноевропейских ученых «по древней истории Скифии и Сарматии» – Ж.-Б. д'Анвиля, И. Э. Тунмана, О. де Ла Мотре, Ш. Пейсоннеля, Н. Э. Клемана [251, с. 38–39]. К моменту путешествия К. Коха в 1844 г. Юго-Западный Крым был изучен слабо. Оформление крымской археологии как науки уже состоялось (исследователи единогласно связывают это событие с раскопками в 1830 г. знаменитого кургана Куль-Оба в Керчи), но внимание ученого мира было приковано к Восточному Крыму, в то время как в Юго-Западном Крыму систематических раскопок не проводилось вплоть до 1889 г.

Учитывая многообразие исследовательских программ, реализуемых путешественниками в Крыму, можно выделить несколько основных групп путешествий:

1) естественнонаучные экспедиции (В. Ф. Зуев, П. С. Паллас, С. С. Куторга, А. Н. Демидов, К. Кох, К. и А. Оммер де Гелль);

2) исторические экспедиции (И.М. Муравьев-Апостол, П.П. Свиньин, Н.Н. Мурзакевич, Ф. Дюбуа де Монпере) и описательные (историко-географические, статистические) – те произведения, которые ставили своей целью познакомить читателей с малоизученными регионами Южной России; это были своего рода путеводители, написанные как аннотации к отдельным городам и районам (Л. Б. П. фон Кампенгаузен, М. Гатри, Н. С. Всеволожский, В. В. Пассек, О. П. Шишкина);

3) образовательные (Ш. Ромм, который сопровождал П. Строганова; маршал Мармон (герцог Рагузский); В. А. Жуковский, сопровождавший цесаревича Александра); Р. Лайелл, Э. Д. Кларк);

4) этнографические (Э. Спенсер, Д. Шлэттер; все путешественники описывали крымские народы, поскольку это было частью восточной экзотики, доселе ими не виданной в таком необычном переплетении);

5) официальные и служебные визиты (Л. Рошешуар и А. Ришелье; Екатерина II и Л. де Сегюр, де Линь и А. В. Храповицкий; Э. В. Дримпельман, Ф.Ж. Депрео де Сен-Совер);

6) дипломатические и торгово-дипломатические миссии (Ф. Миранда, Ж. Рейи, фон Струве, Э. Кравен, Ж. Ф. Гамба);

7) военные экспедиции (А. Кастри де Во, У. Ф. де Рос, Ч. Г. Скотт, Дж. Джонс, Дж. Александер, Т. Элкок, У. Джесс, миссис Э. Нейльсон);

Крым с его многовековой историей манил искушенных путешественников и краеведов на поиски нового, неизведанного. Не трудно себе представить, какой ажиотаж возник вокруг новых территорий. В. Ф. Зуев (1782) [250], К. И. Габлиц (1785) [108, с. 14], П.С. Паллас (1793−1794) [60, с. 62] были пионерами изучения Крыма. Большое значение для изучения истории, географии и этнографии края имели экспедиционные исследования И. О. Потоцкого, путешествия М. Гатри (1795–1796), Ф. К. Маршала фон Биберштейна, Л. Вакселя (1797–1798) и П. И. Сумарокова (1799).

8) миссионерские и религиозно-просветительские (М. Холдернесс, Э. Гендерсон);

9) культурно-эстетические (поиск вдохновения), в данном случае произведение является неким итогом, порождающим в странниках желание творить, и наоборот – это способ реализации творческого потенциала: прибывая в Крым, писатели открывали для себя новые темы и формы написания произведений (так называемая сентиментальная литература, яркие представители которой – В. В. Измайлов, П. И. Сумароков);

10) частные визиты (каждый вояжер имел отдельную цель, к примеру, оздоровительную – Ч.Б. Эллиот, У. Джесс, Г. Гераков).

В предисловии к своему труду, написанном в Берлине 16 октября 1854 г., К. Кох указывает на цели и предпосылки путешествия. Поскольку, пишет автор, «нет ни одной столь же непостижимой и загадочной страны в Европе как Крым» [2, s. v; 3, p. v], путешественник ставит перед собой весьма благородную задачу: дать четкое представление о природных возможностях и условиях Крыма и составить правдивое представление о полуострове. Обязательной частью такого «правдивого представления» должен был стать полноценный анализ тех памятников древности, которые составляют часть крымской истории и которые сохранились ко времени путешествия автора.

Маршрут, по которому двигался К. Кох, проходил через Керчь, Феодосию, Карасубазар (Белогорск), Симферополь, Бахчисарай, Юго-Западный Крым (Севастополь, Инкерман, Балаклаву), ЮБК (Алупку, Магарач, Никиту, Симеиз, Ливадию, Массандру, Гурзуф), а затем – через Симферополь в Перекоп и Одессу, откуда путешественник отправился в Йену.

Юго-Западный Крым, где располагался легендарный Херсонес с его более чем двухтысячелетней историей, заслуживает особого внимания. Знакомство с этой древней землей началось для путешественника с посещения Севастополя [2, s. 62; 3, p. 95]. В ходе экскурсии по юго-западной оконечности Крымского полуострова К. Кох затрагивает три важных вопроса из истории региона, которые не утратили своей актуальности и по сей день остаются предметом острой научной дискуссии. Речь идет о проблеме датировки первого поселения на Гераклейском полуострове (основание Херсонеса), о характере и назначении пещерных комплексов в Инкермане, а также о возможном месте расположения храма богини Девы. Рассмотрим эволюцию взглядов на данные проблемы путешественников конца XVIII – первой половины XIX вв.

Как и его знаменитый предшественник П. С. Паллас, К. Кох начинает повествование с описания местности полуострова – земли, «интересной во всех отношениях» [2, s. 62; 3, p. 95; ср.: 252, с. 40]. Перед тем, как попасть в Херсонес, вояжер «обозрел знаменитые пещеры Инкермана», «в которых, вероятно, жили монахи в прежние времена» [2, s. 75; 3, p. 115]. Ему удалось осмотреть комплексы на левой стороне реки Черная, а правый берег, где располагались более инте-

ресные пещеры и крепость, был им проигнорирован: «Я был мало удовлетворен тем, что увидел в пещерах на этой стороне долины, у меня не было желания пересечь ее, чтобы осмотреть те, что были на противоположной стороне, особенно когда солнце опустилось столь низко, что нужно уже было возвращаться. Они известны под названием Пещеры Инкермана (Krypten von Inkjermann), бывшая крепость расположена на вершине и уже была описана несколькими путешественниками» [2, s. 76; 3, p. 116].

Версий о назначении пещер в Инкермане существовало несколько[10]. Их можно объединить в две большие группы: прагматические и религиозно-практические. Идеи, высказанные путешественниками, имеют одну схожую черту – в пещерах они видели средства защиты населения от внешних факторов, будь то непогода или враждебное окружение. Прагматические цели в созда-

---

[10] Изучением природы и устройства «пещерных городов» занималось не одно поколение ученых. Научная разработка вопроса была заложена И. Тунманном, продолжена в трудах путешественников, затем подхвачена П.И. Кеппеном, И.С. Андреевским, Д.М. Струковым, Г.А. Карауловым. Со второй половины XIX в. А.С. Уваровым, Ф.А. Брауном, Р.Х. Лепером, К.С. Мережковским, А.Л. Бертье-Делагардом проводится археологическое изучение памятников. Исследователи отмечали, что путешественники не были оригинальны в своих соображениях относительно датировки памятников Инкермана: некоторые называли «глубокую древность», некоторые, подобно современным исследователям, оценивали время появления церквей от VIII–IX до XIV–XV вв. Для историков несомненен тот факт, что отдельные церкви и кельи Инкермана являются наиболее древними среди остальных подобных сооружений [253, с. 97].

Идея о том, что возникновение «пещерных монастырей» в Крыму связано с уничтожением монастырских владений в Византийской империи в период социального кризиса VIII – первой половины IX вв., была высказана Ю. А. Кулаковским и нашла поддержку у большинства историков. Движение, получившее название «иконоборчество», было направлено не на борьбу с иконами, а на сокращение монастырей, сосредоточивших в своих руках земли и лишивших тем самым государство прибыли [254, с. 32]. Это привело к сильнейшей «монашеской эмиграции» в Южную Италию, юг Малой Азии, Сирию, Палестину, а также «северные склоны Эвксинского Понта», где возникли «пещерные монастыри». Первыми подобными комплексами в Крыму стали Чилтер, Шулдан, Инкерман, Тепе-Кермен; они относятся к периоду не позднее VIII в. Сооружения строились в несколько ярусов и были приспособлены под бытовые и религиозные нужды монахов. Жилые, хозяйственные, культовые помещения сообщались внутренними лестницами, проходами, имели множество ответвлений и окон. Существовали как надземные, так и дополняющие их подземные постройки. Н. Л. Эрнст, А. А. Васильев, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон считали, что укрепления в «пещерных городах» создавались при участии Византии. Большинство современных исследователей поддерживают эту точку зрения (А. И. Айбабин, А. Г. Герцен, Ю. М. Могаричев, С. Б. Сорочан) [254–257]. Путешественники видели преимущественно скальные церкви, к тому времени сильно разрушенные.

нии искусственных камер преследовали, по мнению В. В. Пассека, древнейшие местные жители «доисторических» времен – так они защищались от непогоды, диких зверей и врагов [258, с. 159]. С созвучными версиями выступали на страницах своих сочинений Ш. Ж. Ромм (полагал, что сооружения могли быть построены греческими мореплавателями, которые строили жилье на скале и под ней в условиях отсутствия дерева [259, с. 115–116]), В. Броневский (полагал, что порох и огнестрельные снаряды, хранившиеся в камерах, а также устроенный на правой стороне речки селитряный завод унаследовали свое предназначение с давних времен [260, с. 18]), Ж. Ф. Гамба (по его мнению, пещеры Эктенуса были частью республики Херсонес и появиться могли только благодаря усилиям его жителей, количество пещер было столь велико, что в них спокойно мог поместиться целый город, используя камеры как убежища во время войны [261, p. 34]), нет других версий и у Ч. Б. Эллиота (полагал, что пещеры, вырытые под крепостью, составляли отдельный город, который использовался местными жителями для хранения продуктов и в качестве убежища в случае необходимости [262, p. 324]).

Большая часть исследователей соглашалась с П. С. Палласом: по его мнению, секта ариан искала здесь спасение после изгнания из «греческой империи»; эти слова академика впоследствии дословно повторялись многими путешественниками (Э. Спенсером, Э. Д. Кларком, Дж. М. Джонсом). П. П. Свиньин, внимательно прочитав труд П. С. Палласа, с ученым не согласился. Аргументом для особенного мнения служила многочисленность вырытых пещер, которая откровенно указывала на то, что в них жили не просто беглецы-переселенцы, а постоянное население, причем многомиллионное, поскольку эти пещеры находят и в Крыму, и в Анатолии, и в Имеретии, и на Кавказе [263, с. 119–120].

Инкерманские христианские древности были особенно притягательны для путешественников, чья сфера интересов примыкала к истории христианства. Яркими представителями этого профиля были проповедники и миссионеры – М. Холдернесс, Р. Хебер, Э. Гендерсон. Предложенная ими реконструкция процесса формирования монастырских комплексов, однако, не сильно отличается от прочих предположений. Так, Э. Гендерсон полагал, что вырытые гроты, как и пещеры в других частях Крыма, принадлежали христианам, которые бежали от преследований «в ранние века церковности». Автор опирается на свидетельство Прокопия Кесарийского, отмечая, что создателями этих гротов являются готы-тетракситы (Tetraxitic Goths), вынужденные покинуть свои боспорские владения и перебраться в юго-западный угол полуострова [264, p. 350]. Версия миссионера не противоречит мнению об «арианском» происхождении пещер: многие ученые, в их числе Б. В. Кене, считали тетракситов, живших на западном берегу Дона вдоль Азовского моря, носителями арианского вероисповедания [265, с. 187]. В Горном Крыму они заняли обширное пространство, названное страной Дори, границы которой, как считает Гендерсон, доходили до Инкермана.

О том, что «упавшие стены древней крепости Дори» расположены в Инкермане, на правом берегу р. Черной, писал также В. Броневский [260, с. 18].

П. И. Сумароков был одним из тех, кто разделил «готскую» и «арианскую» версии происхождения пещер. Народом, который «утверждал для себя такие обиталища», он считал готов – «отродие скифов, страдающих от преследования как со стороны греков, так и других народов». Принадлежность гротов арианам автор оспаривает, как минимум, тремя аргументами: ариане не могли вырыть целые монастыри из-за близости враждебного им Херсона; в случае, если бы херсонеситы были их единоверцами, ариане укрылись бы в самом городе; но самое главное – это то, что пещеры были снабжены крепостью, а значит принадлежали воинственному народу, а не «смиренной секте» [266, с. 214–216].

Свою теорию в противовес версии П. И. Сумарокова предложил И. М. Муравьев-Апостол: ариане, спасаясь от византийских императоров, прибыли в Херсонес, где встретили единомышленников, но, не найдя места для размещения, были вынуждены построить город в соседних горах [267, с. 145–146].

Христианами, но не гонимыми, были вырыты эти пещеры, по мнению О. Шишкиной, для которой очевидно другое: «здесь во время владычества греков благочестивые отшельники изготовляли себе подземные жилища, как в Киеве, из ревности к богомыслию, чтобы ничто не развлекало их от набожных дум; поэтому вся гора представляется как древний и многолюдный замок» [268, с. 153]. Несколько похожую мысль высказал и Ж. Рейи – пещеры, по его мнению, дело рук греческих монахов (ничего о гонимых арианах он не сообщает, хотя и ссылается на П. Палласа) [269, p. 134]. Такой же короткой ремаркой ограничивается А. Н. Демидов: «здесь (в кельях – *Т.П.*) укрывались благочестивые отшельники» [270, с. 160].

К этой же группе авторов мы можем отнести и комментарий К. Коха, который не упоминает никаких подробностей о характере сооружений, а только намекает на их церковное происхождение.

Описания Херсонесского городища на страницах сочинения Коха мы не найдем; несомненно, исходя из его слов, вояжеру удалось побывать в этом месте [2, s. 81; 3, p. 124], но состояние руин было настолько плачевно, что он отправляет читателя к описанию древнего города у Ф. Дюбуа де Монпере и Кохля [2, s. 81; 3, p. 124]. Справедливости ради стоит отметить, что описаний как таковых у немецкого вояжера немного. В большей степени он любит рассуждать об отдельных проблемах крымской истории и памятниках. Вполне традиционно для своего времени автор говорит об основании Херсонеса: «вероятно, что еще в шестом веке до нашей эры некоторые торговцы из Гераклеи Понтийской (Pontian Heraclea) поселились в северном порту и дали название своего отцовского города новой колонии» [2, s. 64; 3, p. 98].

История Херсонеса имеет множество дискуссионных вопросов; как это ни парадоксально, причиной тому зачастую служит новый археологический материал, который на фоне активизировавшегося изучения памятника является ос-

новой для смелых заявлений относительно периодизации и узловых моментов его истории. Наиболее оживленные споры ведутся относительно даты основания Херсонеса, помимо традиционных теорий Г. Шнайдервирта – А. И. Тюменева (422–421 гг. до н.э.) и М. И. Золотарева – Ю. Г. Виноградова (528–527 гг. до н.э.), возникает множество иных предположений, авторы которых развенчивают кажущуюся справедливость утверждений своих предшественников и делают собственные выводы, весьма доказательные и имеющие право на существование. Крупнейшие исследования по истории Херсонеса начинаются с постановки данной проблемы [271, с. 5–6; 257, с. 60–61; 272, с. 28, 33; 273, с. 67; 17, с. 68]. Деятели науки обращались к различным факторам, критериям, реперам, но поставить точку в решении этой проблемы так и не удалось.

Что касается путешественников конца XVIII – первой половины XIX вв., то они могли проводить исторические реконструкции, основываясь лишь на сведениях древних авторов и немногочисленных работах историков-предшественников (И. Тунманна, В. Формалеони, С. Сестренцевича-Богуша и др.). Несмотря на то, что вояжеры были ограничены возможностями литературных интерпретаций сообщений Геродота, Страбона, Птолемея и Помпония Мелы, все же и в их среде есть расхождения. Существовали очевидные сторонники «удревнения» истории города. Как считают А. Н. Демидов (1837) и Г. Д. Сеймур (1844), юго-западный берег полуострова стал осваиваться одновременно с Восточным Крымом. Именно тогда, в VII в. до н.э., переселенцами из Ираклеи (Гераклеи) и Делоса был основан Херсонес [270, с. 515; 274, p. 149]. Н. Н. Мурзакевич (1836) называет приближенную к этому времени дату – 600 г. до н.э. Подобную датировку современные деятели науки считают «совершенно несерьезной» [275, с. 245]; подтверждением тому служит отсутствие сторонников данной версии среди современных исследователей.

Абсолютное большинство путешественников, в том числе и К. Кох, называют временем основания Херсонеса VI в. до н.э. – К. И. Габлиц, Ж. Рейи, Э. Гендерсон, Ф. Дюбуа де Монпере, Ч. Б. Эллиот, В. В. Пассек, А. Оммер де Гелль, К.Г. Кох, Ч. Г. Скотт. К VI в. до н.э. относили основание Херсонеса и многие ученые – П. Беккер утверждал, что Херсонес был выведен вскоре после основания его метрополии Гераклеи, его поддержали Э. Мейер, К. Ю. Белох, М. И. Ростовцев, А. А. Бобринский [275, с. 245]. Другой весьма распространенной датой основания Херсонеса, которая встречается довольно часто на страницах сочинений вояжеров, является 500 г. до н.э. – ее в качестве времени появления древнего «Херсониса» называют П. И. Сумароков и Г. Кастельно. Выбор путешественников в пользу указанной даты для реконструкции древнейшей хронологии событий в жизни города сделан неслучайно. Именно VI в. до н.э. считается временем отсчета херсонесской истории в трудах историков, к которым вояжеры обращались за сведениями. Так, 500 г. до Р. Х. был «исчислен» И. Тунманном как год переселения ираклийцев в Крым [276, с. 245]; С. Сестренцевич-Богуш полагал,

что «гераклийцы» с «делийцами» отправились в «северные страны», где основали Херсонес, сразу после окончания войны с Дарием и за 120 лет до похода сарматов в 380 г. до н.э. Несложные арифметические подсчеты подтвердят, что автор имел ввиду также 500 г. до н.э. [277, с. 88].

Данная теория получила развитие и в новейшее время. Еще К. Э. Гриневич считал, что на берегу Карантинной бухты существовало поселение VI в. до н.э., названное им «эмпорием ионийцев» [271]. С этим совпало мнение В.Д. Блаватского и М. И. Ростовцева о процветании здесь торговой фактории и о существовании промежуточной стоянки для кораблей и одновременно «ионийской торговой станции» [278]. Г. Д. Белов, проанализировав ионийскую керамику из Херсонеса, предположил, что дорийскому Херсонесу могла предшествовать ионийская фактория [279, с. 23]. С этим выводом не согласилась А. А. Зедгенидзе; при работе с отдельными экземплярами черно- и краснофигурной аттической керамики позднеархаического времени исследовательница пришла к выводу, что они не являются достаточным свидетельством существования на данной территории постоянного поселения в столь раннее время [280, с. 26–34; 281, с. 50–56]. Напротив, А. А. Зедгенидзе попыталась на археологическом материале проиллюстрировать справедливость другой теории, Г. Шнайдервирта – А.И. Тюменева, которую к тому времени уже поддержали Г. Д. Белов, Д. П. Каллистов, Я. В. Доманский.

М. И. Золотарев и Ю. Г. Виноградов при работе с новым археологическим материалом, преимущественно остраконами, настаивали на том, что Херсонес был основан гераклеотами и делосцами в начале последней четверти VI в. до н. э., толчком к чему послужило «очищение» Делоса афинским тираном Писистратом. Основанием для утверждения исследователями об основании колонии в 528/527 гг. до н.э., помимо археологического материала, были также письменные источники. Сообщения Геродота и Фукидида о первом очищении Делоса афинским тираном Писистратом соотносятся с сообщением Аристотеля о том, что в Гераклее сразу после ее основания начались политические трения; в результате гераклейская знать в изгнании основала Каллатис, а вернувшись на родину, упразднила народовластие; теперь пострадали демократы – они были лишены некоторых прав, в том числе земельных, после чего основали Херсонес [282–284].

Сегодня у этой теории существует как множество сторонников, так и противников. Среди тех, кто выступил в защиту гипотезы, был И. Е. Суриков [285], который уточнил время активности Писистрата на Делосе серединой 40-х гг. VI в. до н. э. Среди противников А. В. Буйских называет Дж. Хайнда и С. Ю. Сапрыкина; против датировки М. И. Золотарева выступает и она сама. Главную причину того, что вопрос о времени основания полиса был и остается спорным, исследовательница видит в максимализме ученых. Принимая археологические материалы за некие максимы, опираясь при этом на выводы предшественников

и будучи оторванными от описываемых предметов, исследователи оказываются в ситуации, когда их выводы невозможно подкрепить археологическими реалиями [286].

Карла Коха заинтересовал также вопрос, касающийся поиска мест странствований Одиссея [287]. Долгое время считалось, что Гомер, незнакомый с берегами Черного моря, описывал близкое ему и родное Средиземноморье. Филолог-эллинист А. Боннар (1888–1959) был уверен, что великий певец древности Гомер изобразил в своей поэме западный путь греческих мореплавателей за оловом (месторождения имелись в Колхиде и Этрурии, и именно западный путь «через опасный Мессинский пролив вдоль берегов Италии к оловянным рудникам Этрурии» совпадает, по его мнению, с маршрутом путешествия Одиссея) [288]. Но ряд несоответствий в географии странствий заставили исследователей пересмотреть взгляды на локализацию этих мест. Единого мнения до сих пор нет: к примеру, итальянский ученый Ф. Винчи помещает маршрут скитаний Улисса на Балтике [289], Т. Северин локализует знаменитую бухту Лестригонов в бухте Мезапос на о. Крит [290, с. 9]; но большинство исследователей убеждены, что Сцилла и Харибда, место обитания Цирцеи, область киммерийцев и страна феакийцев, столь красочно описанные Гомером, находятся на Черном и Азовском морях [291].

Карл Кох приехал в Крым, когда революция в этом вопросе была уже совершена: вышло сочинение французского путешественника Фр. Дюбуа де Монпере, которому приписывают первенство отождествления мест скитаний Улисса с Причерноморьем (хотя до него такое предположение высказал выдающийся драматург, поэт и общественный деятель В. В. Капнист (1758–1823) в статье «Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и Азовском морях» [292]). Немецкий путешественник соглашается с выводами французского коллеги только при условии, что «Одиссея» является результатом труда нескольких авторов, живших в разное время, а значит знакомство с Причерноморьем уже могло состояться к тому времени, когда поэма оформилась литературно.

Не менее проблемным был для К. Коха вопрос о местоположении знаменитого храма Девы. Вот, что пишет о нем автор: «Один из мысов, выступающих в море в направлении Гераклейского Херсонеса, был, без сомнения, мысом Девы (Parthenium). Там, в соответствии с греческим преданием, стоял храм Дианы, где все чужеземцы, которые были изгнаны с этого побережья, были принесены в жертву главной богине Теос (Theos). Согласно Дюбуа и другим авторам, место, где Ифигения ранее была властительницей, в настоящее время занимает монастырь св. Георгия...» [2, s. 86; 3, p. 130].

На основе записок путешественников конца XVIII – первой половины XIX вв. можно выделить несколько мест, где гипотетически мог располагаться храм богини Партенос: город Херсонес; мыс Фиолент (рядом с монастырем св. Георгия) либо мыс монастыря (в точности на месте самого храма);

мыс Фанари (Маячный полуостров); мыс Виноградный (Айя-Бурун); Южный берег Крыма (местечко Партенит), гора Аю-Даг; признавалась возможность существования нескольких святилищ (Э. Д. Кларк, Ж. Рейи, Дюбуа де Монпере, Ч. Элиот, Ч. Г. Скотт, Г. Д. Сеймур, Э. Гендерсон). Ф. Дюбуа де Монпере, на которого ссылается К. Кох, выдвигает несколько предположений относительно того, где мог быть храм Девы – таврская богиня имела свой Парфенон в городе и святилище на мысу Парфений, где ей приносились жертвы. Этот мыс мог располагаться на мысе Айя (Святой мыс), Айя-Бурун (монастырь св. Георгия). Отдельные рассуждения автор приводит относительно имени божества. Девой Дюбуа де Монпере называет таврскую богиню, отправление культа которой описано у Страбона; греки «соединили ее со своей Дианой под именем Дианы Таврической». Последнюю точку в идентификации богини, по мнению французского путешественника, поставил Геродот: «таврская богиня и есть Ифигения» [293, с. 222].

Поиски храма, посвященного богине Партенос (Деве, Диане, Артемиде, Орсилохии, Тавр), верховной покровительнице и сакральной защитнице Херсонеса, продолжаются не одно столетие; исследователи не пришли к единому мнению относительно времени возникновения культа Партенос, а также характера и способа его отправления в среде херсонеситов, ученые задаются вопросами об особенностях местной религиозно-колонизационной практики, о порядке выделения храмовых земель, о трансформации культа после появления трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде». Пожалуй, нет в Крыму другого объекта, который бы так старательно искали и так долго не могли обнаружить. Многолетние поиски, анализ сообщений древних авторов (Геродота, Еврипида, Страбона, Помпония Мелы, Плиния Старшего), наблюдения за береговой линией – все это значительно приблизило, но пока еще не привело ученых к разгадке.

Современные исследователи не изменяют этой традиции и продолжают обращаться к «Географии» Страбона за сведениями. А. С. Русяева при характеристике проблемы локализации мыса Партений и храма богини Партенос приводит гипотезы и доказательства известных ученых (В. Латышева, С. Жебелева, Г. Стратановского, М. Скржинской, А. Подосинова, а также В. Зубаря, А. Щеглова, Г. М. Николаенко), анализирует интерпретации пассажа Страбона каждым из рассмотренных ею ученых и, что более важно, сравнивает толкования между собой. Согласно выводам исследовательницы, ученые помещали храм Партенос в нескольких местах: в самом городе Херсонес (версия В. Латышева и поддержавших его М. и А. Русяевых; теория М. Золотарева и А. Буйских); за пределами города – на м. Фиолент (М. Скржинская (хотя исследовательница поддерживала в ранних работах и В. Латышева, и А. Щеглова), Г. Николаенко); на м. Айя-Бурун; на м. Херсонесском, или Фанари (З. Аркас, К. Косцюшко-Валюжинич, А. Щеглов); была также теория, что мыс Партений у Страбона и мыс жертвоприношений, описанный у Геродота и Еврипида, – суть один и тот же

памятник (С. Жебелев). Не в силах разрешить сложившуюся дилемму, отдельная группа ученых стала склоняться к мысли, что святилищ Партенос было несколько – на горе Аю-Даг, в Херсонесе и на м. Фиолент (Ф. Кене). Сама же А. Русяева пришла к выводу, что опираться исключительно на свидетельства Страбона современным исследователям не подобает: достоверность сведений географа не может быть абсолютной – возможно, что расстояние в 100 стадий между Херсонесом и священным мысом было приблизительным или искусственно введенным в текст сообщения Страбона; интерпретировать отдельные части из его рассказа можно по-разному, да и весь пассаж – не более чем заимствования из перипла Артемидора Эфесского. В итоге рождается совершенно иная точка зрения, сформулированная М. Скржинской: в Таврике существовало два храма богини Парфенос – один стоял в Херсонесе, а второй, на мысу за пределами города, якобы был порождением мифотворчества Еврипида, который заимствовал для своего рассказа Страбон. Для решения этого вопроса, несомненно, на помощь должна прийти археология – надежду на это высказывал В. М. Зубарь. По мнению ученого, наиболее вероятным местом расположения храма Парфенос был южный мыс Гераклейского полуострова в верховьях Мраморной балки, где в 1834 г. остатки четырехугольного сооружения видел Ф. Дюбуа де Монпере. Наиболее весомым аргументом в пользу этой теории исследователь считает наличие в этом районе следов древнейшей размежевки земли, на которые указывала также Г. М. Николаенко. К тому же такое расположение сакрального участка со статуей Партенос хорошо согласуется с практикой расположения на границах территории ранних греческих городов-государств святилищ и храмов, что служило основанием считать близлежащие территории частью владений полиса [294, с. 57–60; 295, с. 30–31].

Большинство путешественников склонялось к мысли о том, что наиболее вероятным местом расположения храма был мыс, на котором стоит монастырь св. Георгия. Преемственность священного начала, переход от древних культов к христианским выражались в единстве сакральной территории. Непрерывное использование одного и того же мыса как язычниками, так и христианскими монахами имело, по мнению исследователей, смысл. Поэтому часто в работах авторов звучит идея о том, что монастырь св. Георгия стоит на Священном мысу, где раньше был храм Девы.

Мыс Парфенион и мыс Фиоренте – это греческое и генуэзское названия одного и того же места, где находился храм Тавруполианской Дианы. А. Н. Демидов именно так описывал это место, расположенное в непосредственной близости от монастыря св. Георгия.

У. Джесс, который наблюдал мыс с монастырем св. Георгия с борта своего корабля, полагал, как и А. Н. Демидов, что монастырь стоит не на точном месте языческого капища, а в непосредственной близости, так что он через подзорную трубу одновременно мог видеть и монастырь, и мыс под ним, где стоял храм

Девы [296, p.76]. Также описывает это место Ч. Б. Эллиот: Георгиевский монастырь стоит на древнем мысе Парфениум, расстояние до которого он оценивает в 12 верст от Херсонеса, а ниже на скале стоял храм Дианы Таврической; здесь же автор называет «Девичью скалу», названную так в честь жрицы Ифигении [262, p. 333–334]. Маршал Мармон, герцог Рагузский описывал в своем труде только два места в Юго-Западном Крыму – Херсонес и Парфенон, который располагался в непосредственной близости от Херсонеса, на том самом месте, где теперь стоит греческий монастырь св. Георгия, а раньше стоял храм Дианы, где в жертву приносились люди. В. В. Пассек в кратком пассаже о крымских древностях поддерживает мысль предшествующих ученых о том, что мыс, на котором находили остатки храма в честь Дианы, располагался подле Георгиевского монастыря, и здесь же было место жертвоприношений кровожадной богине [258, с. 159–160]. На подъезде к монастырю св. Георгия холм с грудой камней, якобы основанием алтаря, видел В. Броневский.

В отличие от Ч. Элиота и У. Джесса, К. Кох, как и Ж. Ф. Гамба, был уверен, что варвары, населявшие Тавриду, отправляли свои культы в храме Дианы, располагавшемся именно здесь, на том самом месте, где теперь стоит монастырь, а не в окрестностях. Мыс Девы Парфениум выступал в море в направлении Херсонеса, там стоял храм, где все чужеземцы приносились в жертву главной богине, которую К. Кох называет Теосом (Theos). Также рассуждали В. В. Измайлов и Дж. М. Джонс: храм Дианы Таврической был на месте монастыря св. Георгия.

Вышеприведенные примеры иллюстрируют осведомленность К. Коха в вопросах крымской истории. Ссылаясь на своих предшественников (П. С. Паллас, Ф. Дюбуа де Монпере), автор с ними не полемизирует, а высказывает вполне традиционные версии относительно ключевых проблем. Вопросов, поднимаемых автором на страницах его сочинения, гораздо больше. Мы же остановились на основных, под решением которых до сих пор не подведена черта.

Вторая четверть XIX в. ознаменовалась повышенным интересом со стороны европейских держав к Крыму, что было связано не столько с его природным или экономическим потенциалом, сколько со стратегическим значением. Однако оставались исследователи, которые отправлялись в путешествия с определенными научными целями; к ним относится и Карл Кох. Во время своего вояжа автор собирал всякого рода информацию – биологический материал, этнографические и статистические данные, описания предметов древности. Знакомство с крымским историческим наследием проходило по привычному для путешественников маршруту – из Керченского полуострова через центральные регионы на юго-запад. Боспорские города, курганы, древняя столица Крыма – вот те объекты, которые особенно привлекли внимание немецкого исследователя. Не обошел он вниманием и юго-западный регион со знаменитым Херсонесом. В целом заметки Карла Коха не претендуют на универсальность, но все же существенно пополняют копилку знаний о Крыме. Поэтому в ближайших целях

исследователей – перевести весь текст сочинения немецкого автора, дабы ввести в научный оборот бесценное и обстоятельное произведение, которое, возможно, позволит уточнить некоторые вопросы крымской истории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гуков Г.В.* Чье имя ты носишь, растение? Сто пятьдесят кратких биографий: из истории ботанических исследований на Дальнем Востоке. Владивосток, 2001.
2. *Koch K.* Die Krim und Odessa. Reise erinnerungen aus dem tagebuche des professor Dr. Karl Koch. Leipzig, 1854.
3. *Koch C.* The Crimea and Odessa. Journal of a tour, with an account of the climate and vegetation by Dr. Charles Koch / Transl. by Joanna B. Horner. London, 1855.
4. *Koch K.* Wanderungen im Oriente, während der Jahre 1843 und 1844: in 3 bänden. Weimar, 1846–1847.
5. *Мушегян А.* Личность Хачатура Абовяна в немецкой литературе // Хачатур Абовян: проблемы творчества и литературных связей. Ереван, 1987.
6. *Wimmer C.A.* Karl Koch's Berliner Jahre (1847–1879) // Zandera – 19. 2004. Nr. 1.
7. *Koch K.* Die Krim und Odessa. Reise erinnerungen aus dem tagebuche des professor Dr. Karl Koch: in 2 bänden. Leipzig, 1865.
8. *Гриневич К.Э.* Сто лет херсонесских раскопок: 1827–1927 гг. Исторический очерк с экскурсионным планом. Севастополь, 1927.
9. *Гриневич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического // ХСб. 1959. Вып. 5.
10. *Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе: крестообразный храм – крещальня – крепостная ограда // ИАК. СПб., 1907. Т. 21.
11. *Бертье-Делагард А.Л.* Раскопки предполагаемого местонахождения древнего Херсонеса // МАР. 1893. №12.
12. *Бертье-Делагард А.Л.* Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55.
13. *Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. 14.
14. *Маркевич А.И.* Островок в Казачьей бухте, как предполагаемое место кончины св. Климента, папы римскаго // ИТУАК. 1909. № 43.
15. *Стржелецкий С.Ф.* История изучения памятников античного земледелия Гераклейского полуострова // ХСб. 1961. Вып. 6.
16. *Щеглов А.Н.* «Старый» Херсонес Страбона: укрепление на перешейке Маячного полуострова // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
17. *Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. Т. 1.
18. *Боровкова В.Н.* Коллекционеры и торговцы Керченскими древностями. Керчь, 1999.
19. *Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
20. *Зубарь В.М.* Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. История раскопок и некоторые итоги изучения. К., 2007.
21. *Гордеева Т.Г.* Греки Крыма глазами путешественников конца XVIII–XIX веков // Пилигримы Крыма – 97. Мат. междунар. науч. конф. (Алупка, 16–18 мая 1997 г.). Симферополь, 1997.

22. *Кизилов М.* Крымская Иудея: очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь, 2011.
23. *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб., 2002.
24. *Шаманаев А.В.* Охранные работы Одесского общества истории и древностей на Херсонесском городище (40–80 гг. XIX в.) // АДСВ. 2005. Вып. 36.
25. *Формозов А.А.* Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. 1975. № 4.
26. Пилигримы Крыма – 1998: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Мат. межд. науч. конф. / Отв. ред. В. П. Казарин. Симферополь, 1998.
27. Пилигримы Крыма – осень 1998: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Мат. межд. науч. конф. / Отв. ред. В. П. Казарин. Симферополь, 1999.
28. Пилигримы Крыма – осень 1999: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Мат. IV межд. науч.-практ. конф.: в 2 т. / Отв. ред. В. П. Казарин. Симферополь, 2000.
29. Пилигримы Крыма – осень 2000: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Мат. V межд. науч.-практ. конф.: в 2 т. / Отв. ред. В. П. Казарин. Симферополь, 2001.
30. Пилигримы Крыма: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Сб. науч. ст. и мат.: в 3 вып. / Отв. ред. В. П. Казарин. Симферополь, 2003.
31. *Каушлієв Г.С.* Античні пам'ятки Тавриди у вітчизняній подорожній літературі (кінець XVIII – перша третина XIX ст.) // Праці Центру пам'яткознавства. Зб. наук. праць. К., 2011. Вип. 20.
32. [С. Р.] Кох // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1895. Т. 16.
33. *Koch K.* Das natürliche System des Pflanzenreiches nachgewiesen in der Flora von Jena. Jena, 1839.
34. *Koch K.* Beiträge zu einer Flora des Orients. Halle, 1848–1851.
35. *Koch K.* Hortus dendrologicus. Berlin, 1853.
36. *Koch K.* Die Botanischen gärten: ein wort zur zeit. Berlin, 1860.
37. *Koch T.* Karl Heinrich Emil Koch. Berlin, 1879.
38. *Wunschmann E.* Koch Karl // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1882. Vol. 16.
39. *Кичунов Н.И.* Наши плодовые деревья: по К. Коху. СПб., 1904.
40. Флора СССР / Под. ред. Б. К. Шишкина, Е. Г. Боброва. М.; Л., 1949. Т. 14.
41. *Рытов М.В.* Русские яблоки. М., 1960.
42. *Овсянников В.Ф.* Лекции по дендрологии. Ч. 1: Хвойные породы. Владивосток, 1924.
43. *Циновскис Р.* Что такое Crataegus pectinata Bosc? // Ботанические сады Прибалтики. Рига, 1971.
44. *Кох К.* Воздушные плодовые деревья // Вестник Российского общества садоводов. 1877. № 5.
45. *Кох К.* Исторические сведения о садоводстве и садовых насаждениях // Вестник Императорского Российского общества садоводства. 1876. № 1–12.
46. *Нальчикова Е.* Генезис феномена «добровольной смерти»: миф и традиция // Власть. 2007. №8.
47. *Кох К.* Путешествие по России и в Кавказские земли в 1836, 1837 и 1838 гг. / Пер. с

нем. А. И. Петрова // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.
48. *Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М.* Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994.
49. *Леснов П.А.* На берегах Алазании. М., 1980.
50. *Чунтыжева Т.Я.* Свадебно-обрядовая культура причерноморских адыгов как этнопедагогическая ценность. Майкоп, 1998.
51. *Мушегян А.* Личность Хачатура Абовяна в немецкой литературе // Хачатур Абовян: проблемы творчества и литературных связей. Ереван, 1987.
52. *Деремедведь Е.Н.* Английская литература путешествий XVIII–XX вв. о Крыме: реализация процесса коммуникации // Культура народов Причерноморья. 2004. № 49.
53. *Деремедведь О.М.* Жанрові особливості англійської жіночої літератури мандрів кінця XVIII – першої половини XIX століття (на матеріалі творів про Крим): Автореф. дис. … канд. філолог. наук. Сімферополь, 2008.
54. *Деремедведь Е.Н.* Крымская Ривьера: авантюрные приключения англичанок в Тавриде. Симферополь, 2008.
55. *Деремедведь Е.Н.* Крым глазами английского путешественника Р. Лайелла // Культура народов Причерноморья. 2002. № 43.
56. *Храпунов Н.И.* Крым в описаниях Реджинальда Хербера (1806 г.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
57. *Храпунов Н.И.* Путешествие по Крыму Стивена Греллета // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
58. *Колесникова Н.Н.* Забытое свидетельство о Крыме: путешествие Роберта Лайелла. Год 1822-й // Крымский альбом 2002. М.; Феодосия, 2003
59. *Колупаев Д.* Путешествие леди Кравен // Таврика. Симферополь, 1998.
60. *Мальгин А.В.* Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи (конец XVIII – начало XX вв.). Симферополь, 2006.
61. *Непомнящий А.А.* Мандрівництво по Криму у першій третині XIX ст. та його роль у розвитку краєзнавства та туризму // Туристично-краєзнавчі дослідження. К., 1998. Вип. 1: Матер. III Всеукр. наук.-практ. конф. «Туризм в Україні: економіка та культура». Ч. 2.
62. *Иванов В.Б.* Балаклава. 2500 лет: от Одиссея и Дианы до наших дней: ист. летопись. Севастополь, 2010.
63. *Галиченко А.А.* К 200-летию со дня рождения садовника Карла Кебаха: материалы к биографии // Россия и Крым в судьбе Воронцовых. Мат. II Крымск. Воронцовских чт. (Крым, Алупка, Воронцовский дворец, 18–19 октября 1999 г.). Симферополь, 2000.
64. *Долгополова Л.А.* О следах германской культуры в крыму // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1999. № 11.
65. *Сидорченко Л.В.* Английская литература // История зарубежной литературы XVIII в. М., 2001.
66. *А.А. [Аникст А.]* Стерн // Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1939. Т. 11.
67. *Михайлов В.М.* Эволюция жанра путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX вв.: Дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
68. *Шадрина М.Г.* Эволюция языка «путешествий»: Дис. … докт. филол. наук. М., 2003.
69. *R S. [Шор Р.]* Путешествие // Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1935. Т. 9.

70. *Дынник М.А.* Путешествие // Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2 т. М.; Л., 1925. Т. 2.
71. Как пишутся путешествия? // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод / Пер. с англ. Т. 5. СПб., 1834. Отд. II.
72. *Геннади Г.Н.* Список сочинений о Крыме // ЗООИД. 1867. Т. VI.
73. *Леонтьев П.М.* Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // Пропилеи. Кн. 1. М., 1856. Отд. 2.
74. *Бертье-Делагард А.Л.* Память о Пушкине в Гурзуфе // Пушкин и его современники. СПб., 1913. Вып. 17/18.
75. *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.
76. *Веселовский Н.И.* Посольство в Хиву Ивана Матвеева Федотьева и его статейный список пребывания в Хиве 1663–1670 г. // Туркестанские ведомости. 1882. № 20.
77. *Веселовский Н.И.* Русские невольники в среднеазиатских ханствах. Ташкент, 1888.
78. *Веселовский Н.И.* Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях // ЖМНП. 1884. № 7.
79. *Маркевич А.И.* TAURICA: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще: в 3 вып. // ИТУАК. 1894. № 20; 1898. № 28; 1902. № 32/33.
80. *Маркевич А.И.* TAURICA: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. Вып. 1. // ИТУАК. 1894. № 20.
81. *Берг Л.С.* Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 года). Л., 1929.
82. *Берг Л.С.* Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1946.
83. *Берг Л.С.* Всесоюзное Географическое общество за 100 лет: 1845–1945. М.; Л., 1946.
84. *Князев Г.А.* Краткий очерк истории Академии наук СССР: 1725–1945. М.; Л., 1945.
85. *Райнов Т.И.* Великие ученые Узбекистана (IX–XI вв.). Ташкент, 1943.
86. *Шебунин А.Н.* Россия на Ближнем Востоке. Л., 1926.
87. *Александровская О.А.* Становление географической науки в России в XVIII веке. М., 1989.
88. *Александровская О.А.* Ломоносов и академические экспедиции XVIII века: альбом. М., 2011.
89. *Андреев А.И.* Труды русских географов и путешественников XVII–XVIII вв. по изучению Украины и украинского народа // Известия Всесоюзного географического общества. 1954. Т. 86. Вып. 2.
90. *Гнучева В.Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов // Труды Архива АН СССР. М.; Л., 1940. Вып. 4.
91. *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII в. М.; Л., 1946.
92. *Кулябко Е.С.* Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.
93. *Лебедев Д.М.* География в России XVII века (допетровской эпохи): очерки по истории географических знаний. М.; Л., 1949.
94. *Лебедев Д.М.* Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725–1800 гг.). М.; Л., 1957.
95. *Лебедев Д.М.* Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 года. М., 1971.

96. *Лебедев Д.М.* Очерки по истории географии в России XV и XVI вв. М., 1956.
97. *Муравьев В.Б.* Вехи забытых путей. М., 1961.
98. *Муравьев В.Б.* Дорогами российских провинций: путешествия Петра-Симона Палласа. М., 1977.
99. *Окрокверцхова И.А.* Путешествия Палласа по России. Саратов, 1962.
100. *Пузанов И.И.* Основоположники русской зоогеографии (Н.А. Северцов – М. А. Мензбир – П. П. Сушкин) // Труды Совещания по истории естествознания. М.; Л., 1948.
101. *Степанов Н.Н.* Творческий путь С. П. Крашенинникова: С. П. Крашенинников в Сибири: неопубликованные материалы. М.; Л., 1966.
102. *Фрадкин Н.Г.* Очерки по истории физико-географических исследований территории СССР (1917–1927 гг.). М., 1961.
103. *Фрадкин Н.Г.* Географические открытия, их объекты и характер на разных этапах научного познания Земли // Известия АН СССР. М., 1968, № 1.
104. *Греков В.И.* Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960.
105. *Ковальский Н.П., Мыцык Ю.А.* Анализ архивных источников по истории Украины XVI–XVII вв. Днепропетровск, 1984.
106. *Воронов В.И.* Джерелознавство історії України: курс лекцій. Дніпропетровськ, 2003.
107. Історичне джерелознавство / Я. С. Калакура, І. Н. Войцехівська, С. Ф. Павліенко та ін. К., 2002.
108. *Непомнящий А.А.* Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века). К., 1999.
109. *Непомнящий А.А.* Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму // Крымский архив. 1999. Вып. 4.
110. *Непомнящий А.А.* Иностранные путешественники о колонизации Крыма в конце XVIII – XIX веке // Заселення Півдня України: проблеми національного та культурного розвитку. Міжн. наук.-метод. конф. Херсон, 1997. Ч. 1.
111. *Непомнящий А.А.* Історичне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): біобібліографічне дослідження. Сімферополь, 2003.
112. *Непомнящий А.А.* История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века). Симферополь, 2001.
113. *Непомнящий А.А.* К вопросу о начале научного изучения Крыма: экспедиция В.Ф. Зуева // Пилигримы Крыма–98: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Межд. науч. конф. Симферополь, 1998.
114. *Непомнящий А.А.* Мандрівництво по Криму у першій третині XIX ст. та його роль у розвитку краєзнавства та туризму // Туристично-краєзнавчі дослідження. К., 1998. Вип. 1. Матер. III Всеукр. наук.-практ. конф. «Туризм в Україні: економіка та культура». Ч. 2.
115. *Громенко С.В.* Stepy, morze i góry: польские путешественники конца XVIII – начала XX века о Крыме. Симферополь, 2011.
116. *Громенко С.В.* Михаил Семенович Воронцов в воспоминаниях польских путешественников по Крыму в XIX веке // Воронцовы и русское дворянство. X Крымские межд. Воронцовские чт. Симферополь, 2008.
117. *Громенко С.В.* Польські мандрівники в Криму у XIX столітті : географія подорожей // Історичний архів: наук. студії. 2009. № 3.

118. *Громенко С.В.* Адам Сераковський – польський мандрівник по Криму та його подорожні листи // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Сер.: исторические науки. 2010. Т. 23(62), № 1.
119. Французы в Крыму / Ред.-сост. Ж. С. Амфитеатрова. Симферополь, 2004.
120. *Герардини О.Н.* Описание Судака в записках Гутри М. (перевод писем) // Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и экологии Юго-Восточного Крыма. Матер. II науч. конф. Новый Свет, 2009.
121. *Герардини О.Н.* О путешествии по Крыму, Турции и Египту Джеймса Вебстера (Лондон, 1830) // Воронцовы и русское дворянство: между Западом и Востоком. Матер. XIII Крым. межд. Воронцовских науч. чт. Симферополь, 2012.
122. *Лайелл Р.* Симферополь и его окрестности: из книги «Путешествие по России, Крыму, Кавказу и Грузии» (1825) / Пер. с англ., прим. О. Корчевой // Крымский альбом 2002. М.; Феодосия, 2003.
123. *Каушлієв Г.С.* Мандрівництво в історико-краєзнавчому дослідженні Криму: Автореф. дис. … канд. іст. наук. Одеса, 2012.
124. *Каушлиев Г.С.* Вклад английских путешественников в историко-культурное освоение Крыма. Конец XVIII – начало XIX века // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Сер.: исторические науки. 2010. Т. 23(62). № 1.
125. *Каушлієв Г.С.* До історії пам'яткознавчих розвідок мандрівників у Криму наприкінці XVIII – в першій половині XIX століття // Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Сер.: исторические науки. 2011. Т. 24(63). № 2.
126. *Куприянов П.С.* Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. №1/2.
127. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1866.
128. Записки иностранцев о России в XVIII столетии / Пер. с франц., ред. и прим. С.Н. Шубинского. СПб., 1874.
129. *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник. СПб., 1891.
130. *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1910–1913. Вып. 1/2.
131. *Медушевская О.М.* Становление и развитие источниковедения // Источниковедение: история, теория, метод, источники российской истории: уч. пос. для гуманитарных специальностей. М., 1998.
132. *Никитин С.А.* Источниковедение истории СССР XIX в.: до начала 90-х годов. Курс источниковедения истории СССР: в 2 т. М., 1940. Т. 2.
133. *Дашкевич Я.Р.* Бібліографічна Бопланіана // Боплан і Україна: зб. наук. пр. Львів, 1998.
134. *Дашкевич Я.Р.* Українська Бопланіана // Боплан Г. Л. де. Опис України, кількох провінцій Королівства Польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансільванії, разом з їхніми звичаями, способом життя і ведення воєн / Пер. з фр. Я. І. Кравця, З. П. Борисюка. К., 1990.
135. *Никифоренко Н.О.* Мандрівні записки Й. А. Ґільденштедта як джерело з соціально-економічної історії України другої половини XVIII ст.: Автореф. дис. … канд. істор. наук. Донецьк, 2000.
136. *Никифоренко Н.О.* Щоденник подорожі Й. А. Ґільденштедта Єлизаветградською провінцією (травень – липень 1774 р.) // Записки науково-дослідної лабораторії

Південної України Запорізького держуніверситету: Південна Україна XVIII–XIX століття. Запоріжжя, 1999. Вип. 4(5).
137. *Никифоренко Н.О.* Мандрівні записки Й. А. Гільденштедта як джерело з історії України другої половини XVIII ст.: історіографічний аспект // Зб. наук. праць Науково-дослідного інституту українознавства. К., 2005. Т. 7.
138. *Никифоренко Н.О.* Етнічні процеси в Україні другої половини XVIII ст. очима Й. А. Ґільденштедта // Донецький вісник Наукового товариства ім. Шевченка. Донецьк, 2005. Т.8.
139. *Никифоренко Н.О., Пірко В.О.* Північне Приазов'я наприкінці XVIII ст. (за мандрівними записками Й. А. Ґільденштедта) // Вісник Донецького університету. Серія Б. Гуманітарні науки. 1999. № 1.
140. *Гедьо А.В.* Матеріали особового походження як інформативне джерело з історії іноземців Південної України // Література та культура Полісся. Ніжин, 2011. Вип. 64.
141. *Катаева-Мякинен Е.В.* Образ Испании: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М, 1999.
142. *Гуминский В.М.* Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: Дис. … канд. филол. наук. М., 1979.
143. *Гуминский В.М.* Открытие мира, или путешествия и странники. М., 1987.
144. *Гуминский В.М.* Жанр путешествия в русской литературе и творческие искания Н.В. Гоголя: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1996.
145. *Глушанина Н.И.* Проблема жанра утопии в контексте путевой литературы петровской эпохи («Архив, или статейный список» А. А. Матвеева) // Поэтика жанра. Барнаул, 1995.
146. *Дыдыкина О.А.* Эволюция стиля русских литературных путешествий конца XVIII – первой половины XIX века (от Карамзина до Гончарова): Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1998.
147. *Дыдыкина О.А.* Сентиментальные путешествия по Крыму П. Сумарокова и В. Измайлова // Пилигримы Крыма. Мат. IV Крымских Шмелевских чт. (Ялта, 10–18 ноября 1995 г.). Симферополь, 1995.
148. *Дыдыкина О.А.* Текстовые образования, связанные с эпистолярной коммуникацией, в русских литературных путешествиях // Hermeneutics in Russia. 1998. Vol. 2.
149. *Проценко-Яхеева Е.Г.* Традиции русской художественной прозы в жанре «путешествий» 40-х годов XIX в. // Из истории русской и зарубежной литературы. Чебоксары, 1995.
150. *Яхеева Е.Г.* Роль эпистолярной формы в жанровой структуре «путешествий» в русской литературе 40-х годов XIX в. Орджоникидзе, 1989.
151. *Яхеева Е.Г.* Мотив встречи в структуре жанра «путешествий» в русской литературе 40-х годов XIX века. Владикавказ, 1993.
152. *Юркина О.В.* Жанровые нормы «путешествия» и идиостиль писателя: Дис. … канд. филол. наук. СПб., 2009.
153. *Травников С.Н.* Путевые записки петровского времени: проблема историзма. М., 1987.
154. *Травников С.Н.* Писатели петровского времени: литературно-эстетические взгляды: путевые записки. М., 1989.

155. *Травников С.Н.* Динамика повествования и активность героев в русских барочных «хождениях» начала XVIII века (на материале произведения Иоанна Лукьянова) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: метод и жанр. Л., 1985.
156. *Травников С.Н.* Особенности морского пейзажа в путевых записках конца XVII – начала XVIII века // Литература Древней Руси. М., 1986.
157. *Травников С.Н.* Поэтика художественного пространства в путевой литературе конца XVII – начала XVIII века // Поэтика жанров русской и советской литературы. Вологда, 1988.
158. *Лотман Ю.М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997.
159. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970.
160. *Лотман Ю.М.* К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России // Сравнительное изучение литератур. Сб. ст. к 80-летию акад. М. П. Алексеева. Л., 1976.
161. *Лотман Ю.М.* К семиотике зеркала и зеркальности // Ученые записки Тартусского государственного университета. Труды по знаковым системам. [Т.] 22: Зеркало: семиотика зеркальности. 1988. Вып. 831.
162. *Лотман Ю.М.* Колумб русской истории // Карамзин Н. М. История Государства Российского. М., 1988. Кн. 4.
163. *Данилов В.В.* О жанровых особенностях древнерусских «хождений» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18.
164. *Лихачев Д.С.* Великий путь: становление русской литературы XI–XVII веков. М., 1987.
165. *Решетова А.А.* Древнерусская паломническая литература XVI–XVII вв.: история развития и жанровое своеобразие: Дис. … докт. филол. наук. М., 2006.
166. *Шенле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий: 1790–1840 / Пер. с англ. Д. Соловьева. СПб., 2004.
167. *Шенле А.* Апология руины в философии истории: провиденциализм и его распад // Новое литературное обозрение. 2009. № 1.
168. *Шенле А.* Между «древней» и «новой» Россией: руины у раннего Карамзина как место «modernity» // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.
169. *Атарова К.Н.* Стерн и европейский роман первой четверти XX в. // Писатель и жизнь. М., 1987.
170. *Гречаная Е.П.* Литературное взаимодействие Франции и России и культурное самоопределение: конец XVIII – первая четверть XIX вв.: Дис. ... докт. филол. наук. М., 2003.
171. *Иванова Н.В.* Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века: Дис. … канд. филол. наук. М., 2010.
172. *Мотрук В.* Жанр подорожей у французькій літературі // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: філологія. 2009. Вип. 21.
173. *Каратєєва Г.М.* Текстовий концепт подорож у французькій постмодерністській прозі (на матеріалі творів Ле Клезіо): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. К., 2008.
174. *Чорноус С.С.* Україніка у творчості Ю. І. Крашевського // «Українська школа» в літературі та культурі українсько-польського пограниччя. К., 2006. Т. 7.
175. *Чорноус С.С.* Жанрова своєрідність подорожей Юзефа Ігнація Крашевського // Вісник Житомирського нац. ун-ту. Житомир, 2010. Вип. 49.

176. *Чорноус С.С.* Модифікація жанру подорожі у творчості Юзефа Ігнація Крашевського: Дис. ... канд. філол. наук. К., 2010.
177. *Дынник В.* Дневник // Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2-х т. М.; Л., 1925. Т. 1.
178. *Алексеев М.П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л., 1964.
179. *Алексеев М.П.* Русская культура и романский мир. Л., 1985.
180. *Cadot M.* L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856). Paris, 1967.
181. *Орехов В.В.* Русская литература и национальный имидж: имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в. Симферополь, 2006.
182. *Елистратов В.С.* Россия как миф: к вопросу о структурно-мифологических типах восприятия России Западом // Россия и Запад: диалог культур. М., 1992. Вып. 1.
183. *Зашихин А.Н.* «Глядя из Лондона». Россия в общественной мысли Британии: вторая половина XIX – начало XX вв.: очерки. Архангельск, 1994.
184. *Зашихин А.Н.* Британская Россика второй половины XIX – начала XX века // Россия и Запад: диалог культур. Мат. 2-й межд. конф. 1995 г. М., 1996. Вып. 2.
185. *Карацуба И.В.* Россия последней трети XVIII – начала XIX века в восприятии английских современников: Дис. … канд. ист. наук. М., 1985.
186. *Чугров С.В.* Россия и Запад: метаморфозы взаимовосприятия. М., 1993.
187. *Чугров С.В.* Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 1.
188. *Партаненко Т.В.* Образ России во Франции XV–XX вв.: по материалам мемуарных и дневниковых свидетельств: Дис. … канд. филос. наук. СПб., 2001.
189. *Королева О.В.* Восточный город в восприятии английских путешественников в конце XVI – первой трети XVII вв.: Дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2009.
190. *Наливайко Д.С.* Літературознавча імагологія: предмет і стратегії // Літературна компаративістика. К., 2005. Вип. 1.
191. *Наливайко Д.С.* Очима Заходу: рецепція України в Західній Європі XI–XVIII ст. К., 2008.
192. *Орехов В.В.* Реконструкция национального имиджа как поведенческая и литературная тактика // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2005. № 67.
193. *Орехов В.В.* Російська література та імагологічний дискурс у російсько-французькому діалозі першої половини XIX століття: Дис. … канд. іст. наук. К., 2008.
194. *Орехов В.В.* Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь, 2008.
195. *Орехов В.В.* Міф про Росію у французькій літературі першої половини XIX століття: Автореф. дис. … канд. філол. наук. К., 2001.
196. *Люсый А.П.* «Крымский текст» русской культуры и проблема мифологического контекста: Дис. … канд. культурол. М., 2003.
197. *Люсый А.П.* «Крымский текст» русской культуры. СПб., 2003.
198. *Люсый А.П.* Наследие Крыма: геософия, текстуальность, идентичность. М., 2007.
199. *Люсый А.П.* Пушкин. Таврида. Киммерия. М., 2000.
200. *Люсый А.П.* Первый поэт Тавриды. Симферополь, 1991.
201. *Люсый А.П.* Бродит по Тавриде «Крымская идея»: опыт историко-философского авангардизма // Крымский контекст. 1994. № 1.

202. *Люсый А.П.* Пушкин из-за Перекопа: геопоэты и тавриологи // Новое литературное обозрение. 1996. № 17.
203. *Люсый А.П.* У Таврии в плену: русская Муза на брегах Тавриды // Грани. 2000. № 194.
204. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998.
205. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М., 1995.
206. *Алексеев В.М.* Формирование мусульманского текста русской литературы в поэтике русского романтизма 1820–1830-х годов: Дис. … канд. филол. наук. Томск, 2006.
207. *Буркхарт Д.* Путешествия Осипа Мандельштама в Крым: поэтическая медиализация // Беглые взгляды: новое прочтение русских травелогов первой трети XX в. М., 2010.
208. *Люсый А.П.* Ошибочная медиализация: еще одна заявка на «Крымский текст»? // Вопросы культурологии. 2011. № 3.
209. *Замятин Д.Н.* Империя пространства: географические образы в романе А. Платонова «Чевенгур» // Вопросы философии. 1999. № 10.
210. *Замятин Д.Н.* Геополитика образов и структурирование метапространства // Политические исследования: науч. культ.-просвет. журн. 2003. № 1.
211. *Замятин Д.Н.* Национальные интересы как система «упакованных» политико-географических образов // Политические исследования: науч. культ.-просвет. журн. 2000. № 1.
212. *Замятин Д.Н.* Образы путешествий: социальное освоение пространства // Социологические исследования: ежемес. науч. и общ.-политич. журн. 2002. № 2.
213. *Замятин Д.Н.* Власть пространства: от образов географического пространства к географическим образам // Вопросы философии. 2001. № 9.
214. *Замятин Д.Н.* Феноменология географических образов // Человек: илл. науч.-попул. журн. 2001. № 3.
215. *Замятин Д.Н.* Пространство как образ и трансакция: к становлению геономики // Политические исследования: науч. культ.-просвет. журн. 2007. № 1.
216. *Замятин Д.Н.* Образный империализм // Политические исследования: науч. культ.-просвет. журн. 2008. № 5.
217. *Замятин Д.Н.* Феномен паломничества: географические образы и экзистенциальное пространство // Человек: илл. науч.-попул. 2009. № 4.
218. *Замятин Д.Н.* Геократия: Евразия как образ, символ и проект Российской цивилизации // Политические исследования: науч. культ.-просвет. журн. 2009. № 1.
219. *Кордт В.О.* Чужоземні подорожі по Східній Європі до 1700 р. // Збірник історично-філологічного відділу ВУАН. К., 1926. № 38.
220. *Січинський В.* Чужинці про Україну. Львів, 1991.
221. *Вінтоняк О.* Україна в описах західноєвропейських подорожників другої половини XVIII ст. Львів; Мюнхен, 1995.
222. *Наливайко Д.С.* Рецепція України в Італії середини XVII ст. // Україна XVII ст. між Заходом та Сходом Європи. Мат. I українсько-італійського симпозіуму (13–16 вересня 1994 р.). К.; Венеція, 1996.
223. *Наливайко Д.С.* Доминанты национальных культур и межнациональные литературные общения // Известия АН СРСР. Сер.: лит-ра и язык. 1990. Т. 49. № 2.

224. *Наливайко Д.С.* Рецепція України в Західній Європі XVI–XVIII ст. // Сучасність. 1993. № 2.
225. *Брицький П.П.* Україна та український народ у поглядах англійських учених-мандрівників (XVIII–XIX ст.) // Україна – Європа – Світ. Міжн. зб. наук. праць на пошану проф. М. М. Алексієвця. 2011. Вип. 5. Ч. 2.
226. *Брицький П.П., Бочан П.О.* Німці, французи і англійці про Україну та український народ у XVII–XIX століттях. Чернівці, 2011.
227. *Варварцев М.М.* Україна в оцінках і свідченнях Заходу: французькі інтерпретації першої половини XIX ст. // Вісник НАНУ. 1996. №3/4.
228. *Сергійчук В.[І.]* «Здесь русского населения почти совсем нет» // Сергійчук В. [І.] Український Крим, 2001.
229. *Bochan P.O.* Unified communications with Adobe Connect // Наукові записки. Серія: Філологічна. Острог, 2012. Вип. 30.
230. *Бочан П.О.* Інтерпретація тексту. Чернівці, 2010.
231. *Бочан П.О.* Іноземні джерела про історію України // Питання історії України. Чернівці, 2010.
232. *Бочан П.О.* Історія та етнографія України у щоденникових записах німецького вченого-мандрівника Йогана Коля // Науковий вісник Чернівецького університету: історія, політичні науки, міжнародні відносини. Чернівці, 2010. Вип. 514/515.
233. *Бочан П.О.* Німецький професор про Україну в середині XIX століття // Пам'ять століть. К., 2007. №4/5.
234. *Бочан П.О.* Історія України у працях французьких авторів XVII–XIX ст. // Питання історії України. Чернівці, 2005. Т. 8.
235. *Бочан П.О.* Історичні відомості про етнографію Буковини та Галичини у щоденнику німецького мандрівника Йоганна Георга Коля // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. Чернівці, 2004. Т. 1(17).
236. *Зайцев И.В.* Табак и курение в Крыму (XVI–XVIII вв.) // История и современность. 2011. № 2(14).
237. *Громыко А.А.* Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки. М., 2008.
238. *Koch K.* Die Krim und Odessa. Reise-Erinnerungen aus dem Tagebuche. Bibliolife, 2008.
239. *Grant A.* An historical sketch of the Crimea. London, 1855.
240. *[Neilson A., mrs.]* The Crimea, its towns, inhabitants and social customs by a Lady resident near the Alma. London; Edinburgh, 1855.
241. The Crimea and Odessa… // The Edinburgh review, or critical journal: for July, 1855 … October, 1855. Edinburgh, 1855. Vol. 102.
242. *Bland H.* A Reply to the Rev. Dr. Cumming's Lectures on «the End of the World» with a Slight Glance at his «Apocalyptic Sketches» / By H. Bland. Glasgow – Edinburgh – Dublin, 1855 // Church of England quarterly review: a journal of theology, art, science and literature for the united church of England and Ireland. London, 1855. Vol. 38.
243. *Петров М.А.* Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота. Л., 1927.
244. *Тарле Е.В.* Крымская война: в 2 т. М.; Л., 1941–1944.
245. *Скабичевский А.М.* История новейшей русской литературы (1848–1890). СПб., 1891.
246. *Андреевский И.* Путешествие Бруннера через Одессу и Крым // Библиотека для чтения. 1836. Т. 18 .

247. Письма леди Рондо, жены английского резидента, при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны / Предисл. К. Бестужева-Рюмина. СПб., 1874.
248. *Катюшин Е.А., Крыжицкий С.Д., Кутайсов В.А.* Античные памятники Крыма. К., 2004.
249. *Люсый А.* К пейзажам русского Вертера: из истории крымского путеводителя // Таврика: 125 лет основания краеведческой библиотеки Крыма. Симферополь, 1998.
250. *Непомнящий А.А.* К вопросу о начале научного изучения Крыма: экспедиция В. Ф. Зуева // Пилигримы Крыма–98: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Межд. науч. конф. Симферополь, 1998.
251. *Юргевич В.* Об археологических разысканиях и открытиях в Южной России, предшествовавших учреждению Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1886. Т. XIV. Отд. 1.
252. *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства / Пер. с нем.; Отв. ред. Б. В. Левшин. М., 1999.
253. *Могаричев Ю.М.* «Пещерные города» в Крыму. Симферополь, 2005.
254. *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. М., 1973.
255. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
256. *Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
257. *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.М.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
258. *Пассек В.В.* Отрывки из путешествия по Крыму // Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком. СПб., 1838. Кн. I.
259. *Петрова Э.Б., Прохорова Т.А.* Крымские путешествия. Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году». Симферополь, 2011.
260. *Броневский В.* Обозрение Южного берега Тавриды в 1815 году. Тула, 1822.
261. *Gamba J.F.* Voyage dans la Russie meridionale et particulierement dans les provinces au dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824 par le chevalier Gamba. Paris, 1826.
262. *Elliot C.B.* Travels in three great empires of Austria, Russia and Turkey by C. B. Elliot. London, 1838. Vol. I.
263. *Свиньин П.П.* Обозрение путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г. относительно археологии // Отечественные записки. СПб., 1826. Ч. 26.
264. *Henderson E.* Biblical researches and travels in Russia, including a tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus… London, 1826.
265. *Кене Б.В.* О Херсонесе (Севастополь) // ЖМНП. СПб., 1855. Т. 88.
266. *Сумароков П.И.* Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803. Ч. 1.
267. *Муравьев-Апостол И.М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823.
268. *Шишкина О.П.* Записки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. СПб., 1848. Ч. 2.
269. *Reuilly J.* Voyage en Crimee et sur les bords de la mer Noire, pendant l'annee 1803 par J. Reuilly. Paris, 1806.
270. *Демидов А.Н.* Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. М., 1853.
271. *Гриневич К.Э.* Херсонес Таврический: история – руины – музей. Иллюстрированный путеводитель. Севастополь, 1928.
272. *Коцевалов А.С.* Античная история и культура Северного Причерноморья в советском научном исследовании. Мюнхен, 1955.

273. *Стржелецкий С.Ф.* Основные этапы экономического развития и периодизации истории Херсонеса Таврического в античную эпоху // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
274. *Seymour H.D.* Russia on the Black Sea and Sea of Azof: being a narrative of travels in the Crimea and bordering provinces; with notices of the naval, military, and commercial resources of those countries. London, 1855.
275. *Тюменев А.И.* Херсонесские этюды // ВДИ. 1938. № 2(3).
276. *Аркас З.* Описание Ираклийского полуострова и древностей его // ЗООИД. 1848. Т. II.
277. *Сестренцевич-Богуш С.* История о Таврии. СПб., 1806. Т. 1.
278. *Блаватский В.Д.* Северо-понтийские города в конце II–I вв. до н. э. // Вестник Московского университета. 1949. № 7.
279. *Белов Г.Д.* Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ. 1972. Вып. 13.
280. *Зедгенидзе А.А.* О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА. 1979. Вып. 159.
281. *Зедгенидзе А.А.* К вопросу об удревнении даты основания Херсонеса Таврического // РА. 1993. № 3.
282. *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. 1998. Вып. 9.
283. *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы (1996–1997 гг.). М., 1999.
284. *Чурекова Н.Б.* К вопросу о времени основания Херсонеса Таврического // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2006. Вып. 3.
285. *Суриков И.Е.* О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской // ПИФК. 2002. Вып. 12.
286. *Буйских А.В.* Херсонес Таврический в VI в. до н. э.: реальность историческая или археологическая? // Античный мир и археология. Саратов, 2006. Вып. 12.
287. *Колесникова Н.Н.* Неизвестная рукопись статьи А. Л. Бертье-Делагарда: к 150-летию со дня рождения А. И. Маркевича // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 9.
288. *Боннар А.* Одиссей и море // Боннар А. Греческая цивилизация. Ростов-на-Дону, 1994. Т. 1.
289. *Винчи Ф.* Гомер и Балтика: исследование по Гомеровской географии. Саранск, 2004.
290. *Шавшин В.Г.* Балаклава: исторические очерки. Симферополь, 1994.
291. *Асов А.И.* Поиски Восточной Атлантиды: к Гиперборее вслед за Одиссеем // Асов А.И. Атлантида и Древняя Русь. М., 2001.
292. *Капнист В.В.* Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и Азовском морях // Сын Отечества. СПб., 1819. Ч. 56. № 38.
293. *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. / Пер. с фр. Т. Фадеевой. Симферополь, 2009. Т. 5–6.
294. *Зубарь В.М.* По поводу локализации святилища богини Партенос в окрестностях Херсонеса // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Мат. II междунар. науч. конф. К.; Судак, 2004.
295. *Николаенко Г.Н.* Херсонес Таврический и его хора // ВДИ. 1999. № 1.
296. Jesse W. Notes of a half-pay in search of health, or Russia, Circassia and the Crimea in 1839–1840. London, 1841. Vol. 1.

Прохорова Т. А.

Карл Кох о Юго-Западном Крыме:
к вопросу об изучении полуострова во второй четверти XIX в.

Резюме

Изучение прошлого невозможно без анализа свидетельств минувших эпох, особенно если это касается такого неоднозначного в этническом и культурном отношении региона, как Крым. Огромный блок мемуарной и путевой литературы о Крыме не изучен в полном объеме. Среди них – путевые записки Карла Коха, который посетил Южную Украину в 40-х гг. XIX в. Путешествие К. Коха относится к числу ученых поездок, которые регулярно совершались на полуостров с конца XVIII в. Все, чем интересовался немецкий ученый, нашло отражение на страницах его сочинения «Крым и Одесса»: природные ресурсы, полезные ископаемые, ландшафты, животный и растительный мир, геоморфология; пристальное внимание автор уделил истории края и его древностям. Кох проехал через Восточный, Южный и Центральный Крым, посетил Керчь, Феодосию, Карасубазар, Бахчисарай, Севастополь, Балаклаву, Никиту, Ялту, Магарач, Ливадию.

Юго-Западному Крыму посвящены две главы сочинения немецкого путешественника. Автор описал состояние Севастопольского порта и российского флота. В ходе экскурсии по окрестностям Севастополя Кох познакомился с Инкерманом, Балаклавой и руинами Херсонеса. Если о последнем он говорит кратко и отрывочно, то Инкерман и Балаклава описаны им весьма пространно. В Инкермане немецкий естествоиспытатель побывал на левом берегу реки Черная, осмотрел там пещеры, присоединился к мнению А. Н. Демидова и Ж. Рейи о том, что они служили в качестве культовых помещений для монахов. Своим «наставником» в путешествии по Крыму автор видел Ф. Дюбуа де Монпере, поэтому вслед за ним искал в Балаклаве бухту Лестригонов, а на месте монастыря св. Георгия – храм и святилище Дианы.

Прохорова Т. О.

Карл Кох про Південно-Західний Крим:
до питання про вивчення півострова у другій чверті XIX ст.

Резюме

Вивчення минулого неможливе без аналізу свідчень попередніх епох, особливо якщо це стосується такого неоднозначного в етнічному і культурному відношенні регіону, як Крим. Величезний блок мемуарної та дорожньої літератури про Крим досі не вивчено в повному обсязі. Серед них – дорожні записки Карла Коха, який відвідав Південну Україну на початку 40-х рр. XIX ст. Подорож К. Коха відноситься до вчених поїздок до Криму, які регулярно здійснювалися на півострів з кінця XVIII ст. Все, чим цікавився німецький вчений, знайшло відображення на сторінках його твору «Крим і Одеса»: природні ресурси, корисні копалини, ландшафти, тваринний і рослинний світ, геоморфологія; пильну увагу автор приділив історії краю та його старожитностей. Кох проїхав через Східний, Південний та Центральний Крим, відвідав Керч, Феодосію, Карасубазар, Бахчисарай, Севастополь, Балаклаву, Никиту, Ялту, Магарач, Лівадію.

Південно-Західному Криму присвячено два розділи твору німецького мандрівника.

Автор описав стан Севастопольського порту і російського флоту. Під час екскурсії по околицях Севастополя Кох познайомився з Інкерманом, Балаклавою і руїнами Херсонеса. Якщо про останній він говорить коротко і уривчасто, то Інкерман і Балаклава описані їм досить докладно. В Інкермані німецький натураліст побував на лівому березі річки Чорна, оглянув печери, приєднався до думки А. Н. Демидова і Ж. Рейї про те, що вони служили культовими приміщеннями для ченців. Своїм «наставником» в подорожі по Криму автор бачив Ф. Дюбуа де Монпере, тому слідом за ним шукав у Балаклаві бухту Лестригонів, а на місці монастиря св. Георгія – храм і святилище Діани.

Prokhorova T. A.

Charles Koch on the South-Western Crimea: on the Problem of Studying the Crimean Peninsula in the Second Quarter of the 19th Century

Summary

The historical studies are impossible without the analysis of past epochs, especially if it comes to such ethnically and culturally controversial region as the Crimea. A huge block of memoir and travel literature about the Crimea has not been studied yet. Among them there are travel notes of Charles Koch, who visited Southern Ukraine in the middle 40s of the 19th century. C. Koch's travelling belongs to scientific trips to the Crimea that have been practiced since the end of the 18th century. All items that German scientist took interest in had been reflected on the pages of his book "The Crimea and Odessa". He described nature and resources, landscapes, flora and fauna, geomorphology. C. Koch paid some attention to the ancient history of the Crimea and its antiquities. Koch travelled in the Eastern, Southern and Central Crimea, Karasubasar, Bakhchisarai, Sevastopol, Balaklava, Nikita, Yalta, Magarach, Livadia.

Two chapters of Koch's work are devoted to the South-Western Crimea. He gave detailed description of Sevastopol port and Russian Navy. Also traveler made a tour in the vicinity of Sevastopol and got acquainted with Inkerman, Balaklava and Chersonese. The ruins of ancient city of Chersonese are described sketchy and briefly by him. C. Koch visited Inkerman, examined a cave city on the left bank of the Black River and joined to the opinion of A. Demidoff and J. Reuilly that they served as a religious accommodation for the monks. The German traveler considered F. Dubois de Montpereux to be his "mentor", that is why he supported his opinion about Bay of Læstrigonians in Balaklava and Diana Temple on the place of St. George monastery.

Рис. 1. Карл-Генрих Эмиль Кох.

THE CRIMEA AND ODESSA:

JOURNAL OF A TOUR,

WITH AN ACCOUNT OF THE CLIMATE AND VEGETATION.

BY DR. CHARLES KOCH,

AUTHOR OF 'TRAVELS IN THE CAUCASUS.'

TRANSLATED BY

JOANNA B. HORNER.

Tatar Waggon of the Crimea.

WITH A MAP OF THE CRIMEA.

LONDON:

JOHN MURRAY, ALBEMARLE STREET.

1855.

Рис. 2. Титульная страница перевода книги Карла Коха на английский язык.

Р. А. БЛИЗНЯКОВ

НОВОРОССИЙСКИЙ КРАЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА (НА ПРИМЕРЕ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В 2012 году отмечалось знаменательное событие – 200-летие Отечественной войны 1812 года. В честь юбилея проводились различные мероприятия, конференции, было издано большое количество литературы, однако роль Таврической губернии в событиях 1812 года осталась не затронутой отечественными и зарубежными исследователями. Возможно, это была далеко не роль первого плана, однако без детального ее рассмотрения невозможно представить и целостной объективной картины. Данная статья призвана восполнить этот пробел – на основе имеющихся архивных материалов и литературы осветить роль Таврической губернии в Отечественной войне 1812 года. Будут рассмотрены вопросы участия жителей губернии в ополчении, денежных и различного рода других пожертвований от жителей полуострова и уездов, влияния эпидемии чумы на полноценное участие уездов губернии в войне.

Опубликованных источников по данной тематике практически нет, в связи с этим необходимо отметить большое значение материалов Государственного архива в АРК, которые помогают прояснить все вышеуказанные вопросы [1–5]. Часть материалов из архивных дел в данной статье публикуется впервые. Также уточняющий характер могут носить материалы сборника документов «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года» [7]. В современной историографии вспомогательный характер для данной темы носят работы А.А. Непомнящего [8] и В. Г. Сарбея [9]. Тем ценнее для нас становятся статьи А.И. Маркевича и А. В. Флоровского, опубликованные в дореволюционных изданиях «Известия Таврической ученой архивной комиссии» [6] и «Записки Одесского общества истории и древностей» [10]. Они наиболее полно осветили различные векторы участия Новороссийского края в событиях войны с Наполеоном.

12 (24 по новому стилю) июня 1812 года Наполеон со своей армией вторгся в пределы России. Патриотизм, охвативший все губернии империи, проявился в полной мере и в Новороссийском крае. Еще накануне войны, 13 мая 1812 г. министру полиции император Александр I писал: «Известно Вам, что настоящим

обстоятельствам принял я нужным сформировать из рекрут последнего набора 12 полков: 8 пехотных и 4 егерские… при формировании новых полков, естественно, нужны будут штаб обер офицеры для занятия соответствующих званий …я возлагаю на вас поручить, от имени моего, начальникам губерний, дабы они употребили старание их приглашать на военное время отставных штаб обер офицеров имеющих силу и способность продолжить службу… поставив им ввиду следующие уважения:

1) сверх того что поступление их ныне на военную службу принято будет засвидетельствованием ревностной любви их отечеству все они должны состоять в службе, пользоваться преимуществами и выгодами вообще воинским чинам присвоенным.

2) те из них кои …получили чины гражданские или военные.., изъявивших желание вступить на сим основании в военную службу штаб и обер офицеров долженствую начальников губерний снабдить надлежащими пригонами, препровождать для определения в полки, …притом чтобы они отправясь к месту их… кратчайшим путем» [1, л. 5].

В рапорте его превосходительству господину генерал-лейтенанту, сенатору, Таврическому гражданскому губернатору, управляющему Крымской соляной экспедицией и кавалеру Андрею Михайловичу Бороздину от Перекопского городничего сообщалось, что к 10 июня 1812 года список желающих состоял из 3 человек. Бахчисарайский и Керчь-Еникальский полицмейстеры сообщали, что «…по весьма малому числу здесь таковых чиновников никто на то за всеми моими стараниями желания не изъявил». В Севастополе только отставной штабс-капитан Павлов изъявил желание вернуться на службу. Выдали Павлову прогонные деньги на две лошади до Костромы, где собирались ополченцы. В рапорте Крымской соляной экспедиции от 2 июля 1812 г. извещалось, что «никто себя не признал к продолжению военной службы способным» [1, л. 11-16].

6 июля 1812 г. Александр I издал манифест с призывом о создании ополчения: «…при всей твердой надежде на храброе наше воинство полагаем мы за необходимо-нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех» [7, с. 15]. Новороссийский генерал-губернатор Ришелье получил этот манифест 22 июля и разослал его с курьерами во все концы Новороссийского края, а 28 июля в зале одесского клуба обратился с пламенной речью ко всем сословиям г. Одессы на русском языке. Он также сделал первое пожертвование в размере 4000 рублей [6, с. 41-42].

В своих планах Наполеон значительное место уделял Украине, которую он планировал превратить в ячейку антироссийского движения. Правобережье он обещал вернуть польскому королю, Галичину и Волынь передать австрийскому императору, Крым и Северное Причерноморье – турецкому султану. Остальная территория должна была делиться на военно-административные колониальные

области (наполеониды) и стать источником снабжения французской армии продовольствием, фуражом, лошадьми, волами и даже солдатами. С целью не допустить антироссийского восстания на Украине, Александр I издал манифест, в котором призвал украинское население защищать свою землю. Киевский гражданский губернатор граф Санти, француз по происхождению, прямо заявлял, что необходимо воспользоваться патриотическими чувствами украинцев для военной службы, «которая теперь столь необходима» [9, с. 64-65].

Царский манифест Таврический губернатор А. М. Бороздин получил 23 июля, сразу же переправил его Таврическому губернскому предводителю дворянства полковнику Таранову-Белозерову и сообщил о необходимости созвать дворянство. Аналогичные письма были направлены во все крупные города Крыма [2, л. 2]. 29 июля 1812 года Таврическое благородное дворянство на общем собрании в городе Симферополе постановило: «Всякого дворянина орудие носить могущего… с сего дня считать отечественными ратниками, и всякому из них по первому позыву… идти для обороны отечества вооруженным…» [10, с. 30]. 1 августа 1812 г. губернатор обратился с воззванием ко всему населению губернии.

5 августа 1812 года градоначальник г. Феодосии С. М. Броневский получил письмо от Таврического губернатора А. М. Бороздина, в котором говорилось: «Весьма вероятно, что обыватели города Феодосии тем с большею ревностью и усердием последуют примеру прочих крымских жителей в денежном пожертвовании, мера коего совершенно зависит от воли и любви к Отечеству каждого гражданина» [2, л. 23]. Уже на следующий день С. М. Броневский отвечал: «Жительствующий в Феодосии отставной капитан Дмитрий Маркаков, будучи одушевлен усердием и ревностию в защите Отечества против врагов, в российские пределы вторгшихся, вышел ко мне с просьбою... Желание Г. Маркакова состоит в том, чтобы при помощи двух его племянников собрать из разных состояний до 144 человек таких, кои по доброй воле пожелают посвятить себя на службу Отечеству… Одобряя с моей стороны предприятие Г. Маркакова и надеясь на известную его в подобных случаях опытность, которую показал в прошедшее время при наборе Милиции, я счел обязанностью донести до Вашего Превосходительства подвиг сего чиновника» [2, л. 32].

Благородные дворяне днепровского уезда, сверх значительного пожертвования деньгами в 40 тыс. руб., определили поставить в ратники из ста своих крестьян по три человека, вооруженных и с десятимесячной пропорциею провианта [6, с. 46]. Также постановили вооружить ратников на деньги, вносимые дворянством. Ратники от дворян должны были быть поставлены не позже 1 сентября 1812 года. Те дворяне, у которых было менее 33 душ, должны были вносить соразмерную сумму деньгами и вещами.

Между тем, 18 июля 1812 г. Новороссийская и некоторые другие губернии были освобождены от поставки ополчения заменой рекрутским набором. Ополченцы были распущены по домам «мирно возделывать поля свои» [10, с. 34].

Основной формой участия в жизни государства стало денежное пожертвование. Мелитопольские дворяне пожертвовали 38 тыс. 700 руб., от каждой души по 10 рублей и от каждой десятины по 10 копеек, не считая добровольных взносов. Дворянство крымских уездов пожертвовало 40 тыс. руб. и 75 четвертей хлеба.

10 августа 1812 года феодосийский градоначальник известил губернатора относительно денежных взносов. Сумма этих пожертвований достигла 10 тыс. руб. Причем феодосийцы вносили пожертвования не только деньгами, но и оружием, и другими вещами. Весьма показательно в этом отношении сообщение Броневского о поступке одного из феодосийцев, он писал: «…с чувством радости и восхищения о великодушном поступке поселянина из… Харьковской губернии Матвея Безрукова», который имел 12 пар волов и «живет в здешнем городе перевозкою тягостей». Этот патриот добровольно жертвовал всех своих волов, а также себя и сына своего на благо Отечества и изъявлял желание отправиться туда, куда от него потребуют. При этом градоначальник, прекрасно знающий финансовое состояние всех горожан, с прискорбием сообщал, что данный поступок весьма контрастирует с поступком другого горожанина (подпоручика Ставра Цирули), который имел доход в 20 тыс. руб. ежегодно, а пожертвовал всего 20 пик и 20 рублей в пользу милиции (так называли земское ополчение – *Р.Б.*). Броневский называл это «расчетливой скупостью» [2, л. 60-61].

Надо сказать, что феодосийцы в едином порыве откликнулись на призыв о помощи Отечеству в столь трудный час. Об этом свидетельствует факт, что денежные пожертвования вносили практически все сословия и чины города – надворные советники, коллежские асессора, титулярные советники, коллежские секретари, губернские секретари, коллежские регистраторы, губернские регистраторы, дворяне, купцы, мещане и иностранцы. К сожалению, склеившиеся листы архивного дела не позволяют установить точную сумму взносов феодосийцев, однако можно с уверенностью сказать, что она была достаточно большой, а сумма взносов весьма разнилась, например, сам Броневский пожертвовал 1 тыс. руб., а некий житель по фамилии Киркоров – сто рублей [2, л. 221-224].

Все собранные по губернии деньги должны были храниться в кладовой Симферопольского уездного казначейства, а оттуда их отправляли в аналогичное ведомство Санкт-Петербурга. Выписка о добровольных приношениях по Таврической губернии позволяет проследить суммы взносов жителей: больше всех пожертвовал титулярный советник Овсянико-Куликовский – 10 тыс. руб., губернатор Бороздин пожертвовал 5 тыс. руб., предводитель дворянства С. С. Жегулин – оружие (4 медных единорога), провиант (20 четвертей хлеба), 200 рублей. Чиновники и часть Керчь-Еникальского градоначальства пожертвовали деньгами 1274 руб. 50 коп. Из Евпатории пришло 5060 рублей. Итого по 20 августа 1812 года было собрано провианта – 75 четвертей хлеба, денег – 33870 рублей.

Известно, что в то же время от Феодосийского уезда поступило пожертвований 51 тыс. руб. (предполагалось собрать еще больше – 82058 руб. 87 коп.,

скорее всего, причиной недоимок послужила вспыхнувшая неожиданно в уезде чума). «На ликвидацию заразы» по распоряжению самого Новороссийского генерал-губернатора герцога де Ришелье из общей суммы, собранной по Таврической губернии в 1812 году (418 тыс. 130 руб. 84 ½ коп.), было израсходовано 62 тыс. 564 руб. 80 ¾ коп. [2, л. 704].

Необходимо отметить, что денежные пожертвования были весьма ощутимы для жителей края. Известно, что в письме от 23 августа 1812 г. предводитель днепровского уезда Петров извещал губернатора Бороздина, что «владельцам, ежели ныне еще вновь денежное пожертвование произвесть, будет очень ощутительно, тем более, что в днепровском уезде почти повсеместный неурожай хлеба и владельцы принуждены будут не только платить все подати за своих людей, но и кормить их от себя собственно» [2, л. 124].

22 августа 1812 года губернатор Бороздин был извещен о том, что Таврическая казенная экспедиция предлагает детей отставных солдат, поселенных в губернии еще князем Потёмкиным, обратить на укомплектование полков. Таковых, по исчислению экспедиции, было 186 душ. Казенная экспедиция оставила при каждом отце и матери по одному из сыновей, остальных забрала в армию. Это, в основном, Симферопольский (Курцы, Мазанка, Петровское), Евпаторийский (Менлерчик – ныне с. Журавлевка Симферопольского района) и Феодосийский (Изюмовка, Салы) уезды. Только 3-х человек из солдатских детей отправили к господину херсонскому военному губернатору, герцогу де Ришелье, для определения на службу в войска, распределенные по Таврическому краю [3, л. 1, 17].

Продолжался набор рекрутов, однако в Феодосии и уезде он вскоре был прекращен в связи со страшной болезнью, обнаружившейся в городе. Еще в марте 1812 года датский поверенный в делах в Константинополе Шпис сообщал в Таганрог, что в столице Османской империи появилась моровая язва, причем сильная. Таганрогский градоначальник уведомил о том Таврического губернатора. Однако болезнь вскоре проникла и в Крым, предположительно из Одессы, куда она попала раньше. В рапорте о рекрутском наборе на имя князя А. Б. Куракина сообщалось: «…когда все приготовления к производству сего набора были уже сделаны, в городе Феодосии открылась заразительная болезнь. Случай сей навел сомнение на весь Крым» [4, л. 22]. Чумой заболел один из рекрутов, скончался, и набор в итоге был остановлен. Это случилось в ночь с 20 на 21 августа 1812 г.

Броневский и его соратники, среди которых, в первую очередь, доктор медицины, главный медицинский чиновник Феодосийского центрального карантина Иван Иванович (Жан) Граперон (врач, коллекционер древностей, хранитель Феодосийского музея древностей в 1818-1848 гг.), вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы с эпидемией чумы, обрушившейся на город. За четыре месяца – с 22 августа 1812 года по 29 декабря 1812 года – страшная болезнь унесла в Феодосии жизни 541 человека. Всего в 1812 году здесь переболело чумой 758 человек [8, с. 349]. В других местах губернии скончалось 816 человек.

Тяжелые последствия эпидемии еще более усугубились необычайно холодной и голодной зимой 1812–1813 годов. Противочумные мероприятия продолжались вплоть до августа 1814 года.

Из архивных материалов стало известно, что в августе 1812 г. сам гражданский губернатор отправился в Феодосию по первому известию о возникших там сомнениях насчет чумы, и при нем: инспектор врачебной управы надворный советник доктор Ланг, асессор губернского правительства Луговской и секретарь Аверкиев. Из Феодосии Луговской отправил в Симферополь драгуна Якова Голепщина с известием о том, что слухи о чуме в городе подтвердились. Из Севастопольской карантинной конторы в Феодосию был вызван главный лекарь Эк для составления медицинского совета [2, л. 461-462]. В Феодосии побывали даже пленные врачи Пьер Бопре и Франсуа Маниер, присланные из Екатеринославской губернии по приказу князя Куракина [2, л. 536]. Очистительным комитетом Феодосийского уезда на зарплату жителям чумных мест за сожжение у них зараженных вещей было израсходовано 8334 руб. 40 коп. [2, л. 527]. Тем не менее, вскоре болезнь распространилась на Старый Крым, Судак, Керчь и Еникале.

Город был огражден, вокруг него была сооружена цепь, которая, по свидетельству документов, проходила от Черного моря по речке Булганак до Сиваша. Кроме курьеров и письменной почты, никто и ничто не могло ни попасть в город, ни выехать из него. Были запрещены ярмарки, базары и публичные собрания. Особо строгие меры были предприняты в Феодосийском, Симферопольском и Перекопском уездах. Данные меры возымели действие, однако, далеко не сразу. 20 марта 1813 г. князь Куракин разрешил произвести набор в Днепровском и Мелитопольском уездах губернии. Однако только почти спустя год, 23 февраля 1814 г., казенная экспедиция извещалась об окончании моровой язвы. Чума свирепствовала, по словам Броневского, 3 месяца и 18 дней [6, с. 55].

Местом нового приема рекрутов планировалась Петровская крепость в Екатеринославской губернии. Губернатор Бороздин извещался неким Кириллом Семеновичем из Екатеринослава 11 марта 1813 г., что это не самое удобное место приема по следующим причинам:

1. По границе с Таврической губернией в качестве предосторожности от чумной заразы была протянута цепь.

2. Петровская крепость была не действующей, «уничтоженной», в ней не было ни городничего, ни полицмейстера, только смотритель полицейской части.

3. Неудобное расположение крепости.

По причине этого автор письма просил генерал-губернатора Ришелье списаться с князем Куракиным, чтобы не делать крепость местом приема рекрутов. В качестве альтернативы предлагалось селение Большая Знаменка в Днепровском уезде, что напротив местечка Никополя. Это место и было утверждено, однако набор, по причине холодов, стал проводиться только в июне и июле [4, л. 48-50].

Находясь в стороне от военных действий, Таврическая губерния, между тем,

очень пострадала в результате холодной зимы, неурожаев и чумы. Ришелье, посетивший Крым перед отъездом на Венский конгресс, был поражен увиденным и обратился к императору Александру I с просьбой помочь краю, что и было сделано. Высочайшими указами от 10 марта и 30 августа 1814 года пострадавшим были даны привилегии и льготы в уплате податей, отбывании повинностей, поставке рекрутов. Государство достойно отблагодарило своих подданных за перенесенные страдания, за проявленный патриотизм и самопожертвование в лихую для Отечества годину.

Таким образом, 1812 год стал испытанием не только для центральных губерний Российской империи, но и для Таврической, которой, помимо мер, связанных с ведением военных действий, пришлось пережить еще и борьбу с эпидемией опасной болезни. Жители юга Новороссийского края активно включились в борьбу с неприятелем во всех ее проявлениях – участием в создании ополчения, денежными и иного рода пожертвованиями, их верноподданнические действия также внесли свою лепту в дело общей победы России над армией Наполеона. Итогом принятых мер и усилий, по словам императора Александра I, стало то, что «по изреченной к нам милости Божьей, огромные неприятельские силы победоносным нашим воинством и храбрым народом сокрушены, и малые остатки оных ищут спасения своего в поспешном из России бегстве» [5, л. 3].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 753 «О вызове отставных штаб и обер-офицеров в военную службу».
2. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 756 «О составлении земского ополчения и о разных на оные пожертвованиях».
3. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 782 «По предписанию Г. Херсонского военного губернатора Дюка де Ришелье о доставлении мною на представлении таврической казенной экспедиции и обращении детей поселенных здесь отставных солдат по укомплектовании войск».
4. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 784 «О наборе рекрутов по 83 набору, назначенному высочайшим Манифестом 4 августа 1812 года».
5. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 802 «О наборе рекрут по 84-му набору, назначенному высочайшим манифестом 30 ноября 1812 года».
6. *Маркевич А.* К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806-1814 годов. Исторический очерк // ИТУАК. 1913. № 49.
7. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962.
8. *Непомнящий А.А.* Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Биобиблиографическое исследование. Симферополь, 2000.
9. *Сарбей В.Г.* Національне відродження України. К., 1999. (Серія «Україна крізь віки», Т. 9).
10. *Флоровский А.В.* Отечественная война и Новороссийский край // ЗООИД. 1913. Т. XXXI.

Близняков Р. А.

Новороссийский край в Отечественной войне 1812 года (на примере Таврической губернии)

Резюме

В статье, основанной на архивных материалах, рассматривается вопрос участия Таврической губернии в Отечественной войне 1812 года. Изучены вопросы участия жителей губернии в ополчении, денежных и различного рода других пожертвований от жителей полуострова и уездов, влияния эпидемии чумы на полноценное участие уездов губернии в войне.

Блізняков Р. О.

Новоросійський край у Вітчизняній війні 1812 роки (на прикладі Таврійської губернії)

Резюме

У статті, що базується на архівних матеріалах, розглядається питання участі Таврійської губернії у Вітчизняній війні 1812 року. Вивчені питання участі жителів губернії в ополченні, грошових і різного роду інших пожертвувань від жителів півострова і повітів, впливу епідемії чуми на повноцінну участь повітів губернії у війні.

Bliznayakov R. A.

Novorossiysky Territory in the Great Patriotic War of 1812 (on the example of Tauric Province)

Summary

The problem of participation of Tauric province in the Great Patriotic War in 1812 is examined in the article based on archive materials. The way the population of province took part in voluntary military forces, monetary and different kinds of donation from people of the peninsula and districts, the influence of the epidemic of plague on participation of districts in the war are scrutinized in the article.

Е.А. ЗИНЬКО

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ СКЛЕПОВ БОСПОРА

Первые бессистемные раскопки погребальных сооружений на территории столичного некрополя Пантикапея-Боспора, расположенного на северном склоне горы Митридат в г. Керчи, следует отнести к началу XIX в. В 1816 г. П. Дюбрюкс благодаря своему увлечению керченскими древностями начал здесь исследование погребений, а также работу по составлению археологической топографии Боспора. Особо важно то, что сохранились его записки, которые он кропотливо составлял в ходе проводимых им археологических раскопок и разведок [68, с. 116-149; 10, с. 269-321; 20]. П. Дюбрюкс последовательно отражал в дневниках этапы работ, выполнял рисунки находок и чертежи погребальных памятников, отмечая при этом, что некоторые склепы, им открытые, «уже были ограблены» [87, с. 135-139; 89, с. 149]. Именно П. Дюбрюксу принадлежит приоритет первооткрывателя нового типа погребального сооружения – грунтовых склепов позднеантичного и раннесредневекового периодов некрополя столицы Боспора, названных в исторической литературе того времени «неудачно избранным термином» - катакомбы [65, с. 1-3][1].

П. Дюбрюкс описывает их следующим образом: «Могилы, открытые мною в 1816, 1817, и 1818 годах…..на глубине 2-х и даже 3-х сажень под материком, вырублены в скале, имеют перед входом род спуска со ступенями, а внутри лежанки, вырубленные также в скале, на которых клались покойники… 35 таких могил открыто мною, все были ограблены в прежнее время… В них оказались кусочки сердцеобразных золотых листков, кости человеческие и остовы лошадей… В этом подземелье, насупротив входа, была большая лежанка во всю длину катакомб, а по обеим сторонам находились две меньшие лежанки. В одной из

[1] Среди местного населения по сей день используется термин «катакомбы», определяющий погребальные камеры склепов, объединенных между собой грабительскими лазами или подземными ходами, возникшими в результате интенсивной застройки жилыми домами и хозяйственными постройками северного склона горы Митридат в XIX в.

маленьких катакомб, хотя и ограбленных, остовы человеческие не были потревожены. Их было всего 7; из них 4 лежали на 3 лежанках, а 3 – на полу у входа. Два остова, лежавшие на широкой лежанке против входа, заключались в гробах, сколоченных из тонких узеньких можжевеловых досок» [65, с. 3]. П.И. Кеппен, посетив склепы, открытые П.А. Дюбрюксом, записал в путевом дневнике: «…в одном месте находятся 16 склепов, в связи между собой состоящие. Склепики эти, однако, по уверению г. Дюбрюкса, пред сим уже были кем-то ограблены» [89,с.149].

Как писал в своих «Записках» П. Дюбрюкс, он «имел счастье показывать» эти маленькие катакомбы, хотя и ограбленные, и Его величеству блаженной памяти Императору Александру I в его бытность в Керчи в 1818 году и в которые соизволил спускаться со мною Его Высочество Великий Князь Михаил Павлович в 1817 году», каждый раз надеясь получить денежные средства на исследование этих погребальных памятников и на публикацию их результатов [87, с. 136-137]. Предложенное П. Дюбрюксом разделение открытых им погребальных сооружений на шесть типов получило дальнейшее развитие в научной литературе середины XIX в. [87, с. 135-138; 74, с. 309-329; 22, с. LXXXVI]. Не менее важной датой в деятельности П. Дюбрюкса является 1826 г. Из случайных находок древностей, а затем из предметов, полученных в результате производимых археологических работ, П. Дюбрюкс собрал в своем доме прекрасную коллекцию, явившуюся основой созданного в 1826 г. Керченского музея. Постепенно исследования П. Дюбрюкса приобрели более научный характер, его работа «Описание развалин и следов древних городов и укреплений на европейском берегу Босфора Киммерийского», дневники, письма остаются актуальными и для нынешней отечественной археологии [20, с. 275-381].

В числе первых исследователей грунтового некрополя Пантикапея-Боспора северного склона горы Митридат этого периода следует назвать и А.Б. Ашика, открывшего около двадцати склепов на памятнике. Однако описания местоположения открытых им «катакомб» также лишены точности, указано лишь, что находились они у подножья курганов и располагались правильными рядами вдоль северного склона горы Митридат, в большинстве случаев были уже ограблены в древности [8, с. 1-3]. Приведенные А.Б. Ашиком аналогии открытых склепов на некрополе Пантикапея-Боспора с катакомбами Италии позднее были подвергнуты резкой критике Ю.А. Кулаковским, который также отмечал «неправильное утверждение о первенстве открытия сооружений этого рода на Боспоре» и указал на неопределенность обозначений местонахождения открытых катакомб [65, с. 1, 5]. Несмотря на противоречивые отзывы в археологической литературе того времени о работах первых исследователей некрополя Пантикапея-Боспора [58, с. 82; 86, с. 213; 79, с. 7], следует помнить, что публикации результатов их исследований содержат бесценные материалы, положившие начало научным знаниям о выдающемся памятнике ранневизантийского Боспора. Все же следует отметить, что недостатками археологических исследований пер-

вой половины XIX в. являлись бессистемность проводимых работ, как правило, обобщенный характер отчетов, отсутствие в трудах исследователей точной фиксации местоположения открытых памятников, в результате чего многие из них были навсегда утеряны, а некоторые открывались повторно.

Во второй половине XIX в. плодотворная деятельность директоров Керченского музея и представителей созданной в 1859 г. Императорской Археологической комиссии, осуществлявших координацию всех раскопок в Северном Причерноморье, привнесла значительный прогресс в дальнейшем исследовании некрополя Пантикапея-Боспора. Безусловно, особо пристальное внимание к погребальным памятникам объяснялось не только научным интересом, но и также возможностью открыть, прежде всего, богатые захоронения, наиболее ценные предметы из которых поступали в Императорский Эрмитаж. Критически оценивая деятельность членов ИАК, М.И. Ростовцев писал, что присланные археологи «требования научного расследования не добивались, копали, чтоб найти вещи, по возможности золотые, в ущерб антуражу», т.е. археологическому контексту, пренебрегая рядовыми находками [79, с. 3-4]. Постепенному совершенствованию археологической методики способствовало введение с этого времени в практику археологических исследований правил проведения работ по предварительно определенному плану и в строгой последовательности, непременное составление обстоятельных научных отчетов, а также выдача Открытых листов, подтверждающих право их владельцев на произведение указанных работ [57, с. 60]. Несмотря на различающиеся представления о целях и задачах, исследования того времени способствовали накоплению научных сведений о некрополе Пантикапея-Боспора. В общей сложности за этот период было открыто до 200 склепов, расположенных на северном склоне горы Митридат [65, с. 4].

Особо значимым шагом в изучении ранневизантийского некрополя Пантикапея-Боспора в 90-х годах XIX в. явилась деятельность киевского профессора Ю.А. Кулаковского, включившего к этому времени в сферу своих научных исследований поздний период римской истории и зарождение христианства [62, с. 1-52]. С увлечением ранневизантийской историей связано участие Ю.А. Кулаковского в переводе исторического труда Аммиана Марцелина [7]. В этот же период Ю.А. Кулаковский обращается к изучению позднеантичных древностей в Северном Причерноморье и получает приглашение от Императорской Археологической комиссии заняться археологическими исследованиями древних памятников в Керчи. Ю.А. Кулаковскому принадлежит одна из первых попыток общеисторической интерпретации завершающего периода боспорской истории в III-VI вв. [66]. Используя как археологические, так и письменные источники, исследователь дает целостную концепцию истории Боспора на протяжении III-VI вв., которая, в определенной мере, близка современным представлениям. С 1890 г. Ю.А. Кулаковский открыл несколько склепов с надписями и росписями, среди которых уникальный христианский склеп с написанной на стене датой

[63; 65]. Подробно описанное сооружение в специальном исследовании Ю.А. Кулаковского «Керченская христианская катакомба 491 г.» до сих пор является одним из важнейших датированных объектов позднебоспорской материальной культуры. В ходе проведения своих исследований Ю.А. Кулаковский столкнулся с умышленным уничтожением местными жителями ранее открытых склепов на некрополе Пантикапея-Боспора, местонахождение некоторых других оказалось со временем просто забыто. Стремясь изменить сложившееся отношение к открытым памятникам и сохранить бесценное культурное наследие Боспора, Ю.А. Кулаковский объединил задачи изучения и сохранения памятников. В 1891 г. Ю.А. Кулаковский и директор Керченского музея К.Е. Думберг хлопотали о приобретении частного земельного участка для города, на котором располагался христианский склеп 491 года. Планировались строительные мероприятия по устройству входа в погребальную камеру склепа, осуществление которых могло явиться примером для организации охраны и других расписных склепов [64, с. 223]. К сожалению, этот склеп не был сохранен для изучения, а территория, где он располагался, осталась частным владением. Длительное время в практике исследователей некрополя присутствовал единственный способ сохранения открытых расписных склепов – после осмотра и снятия копий с росписей вновь их засыпать[2].

Осуществив обследование ранее открытых склепов, Ю.А. Кулаковский составил один из первых планов местонахождения керченских расписных и нерасписных склепов северного склона горы Митридат, исполненный военным кондуктором Полтавским. Этот план должен был храниться в Керчи для постепенного пополнения его новыми данными, а уменьшенная копия части этого плана была опубликована [65, табл. А]. Всего Ю.А. Кулаковским было нанесено на план северного склона горы Митридат 12 расписных склепов и 40 так называемых «местонахождений катакомб». Для изучения топографии некрополя Пантикапея-Боспора карта Ю.А. Кулаковского содержит важную, но, к сожалению, фрагментированную информацию, ограниченную лишь определенным видом погребальных сооружений и одним районом. И тем не менее, хотя работы Ю.А. Кулаковского вызывали далеко не однозначную оценку [81, с. 383, 387, 388-389, 390, 392, 394; 78, с. 291-298], признанием ученых заслуг исследователя явилось утверждение его в 1894 г. в звании члена-корреспондента Императорской Археологической комиссии за проведение археологических раскопок на юге России.

Директор Керченского музея К.Е. Думберг, понимая огромное значение древностей Керчи и высокую научную значимость их исследований, горячо

[2] Исключение коснулось только двух памятников некрополя Пантикапея - склеп Деметры и склеп 1891 г., расположенных на частных владениях, территории которых были выкуплены в 1908 г. Императорской Археологической комиссией [49, с. 16-37; 79, с. 183].

поддерживал стремления Ю.А. Кулаковского в деле сохранения открытых памятников: «Богатые раскопки отнюдь не должны быть конечной целью разысканий… Чем тщательнее и добросовестнее раскопки будут проводиться, служа науке и не стремясь к богатству, тем полнее можно будет рассчитывать на удовлетворительные научные результаты» [НА ИИМК РАН РА, Ф. 1, Оп. 1, Д. 37/1891 г., Л. 49-52]. С 1896 г. К.Е. Думберг начинает археологические исследования столицы Боспора на северо-восточном склоне горы Митридат. Однако никаких ожидаемых в Императорской Археологической комиссии богатых и ценных находок эти исследования не принесли, и К.Е. Думбергу было рекомендовано сосредоточить внимание на раскопках некрополей. Анализируя развитие археологических исследований в Керчи и осознав критическую необходимость не только основательного изучения, но и сохранения керченских склепов некрополя Пантикапея-Боспора, К.Е. Думберг под руководством Ю.А. Кулаковского развил активную деятельность по охране христианского «склепа 491 г.». Но предложенные им мероприятия тогда не были осуществлены, и этот памятник был навсегда утерян. [НА ИИМК РАН, д. 40/1891, л. 37-38]. Однако благодаря настойчивым действиям К.Е. Думберга к дромосу открытого на Глинище в 1895 г. склепа Деметры для поддержания постоянного температурно-влажностного режима был пристроен входной коридор. Впоследствии, в 1908 г. Археологическая комиссия приобрела участок земли, где располагался этот склеп, поэтому памятник сохранился, и сейчас здесь продолжаются наблюдения и работы по музеефикации. В 1897 г. на некрополе Пантикапея-Боспора К.Е. Думбергом был открыт склеп с росписями на стенах погребальной камеры. Для Императорской Археологической комиссии К.Е. Думберг готовил самостоятельное издание этого склепа. К сожалению, склеп был описан только в 1914 г. М.И. Ростовцевым [79, с. 410], но детали росписей, выполненные П. Рюдигером по просьбе К.Е. Думберга в 1897 г., так и не были опубликованы [НА ИИМК РАН, д. 31\1897, табл.III]. В этот период К.Е. Думберг, являясь членом Императорской Археологической комиссии, продолжал борьбу за сохранение керченских древностей и ходатайствовал о передаче Военным министерством эспланады горы Митридат в ведение ИАК для дальнейшего археологического исследования [57, с. 172]. К сожалению, эти его начинания не нашли должной поддержки со стороны Императорской Археологической комиссии и остались не осуществленными в большей степени и до нынешнего времени.

Значительным вкладом в исследовании некрополя Пантикапея-Боспора явились систематические археологические раскопки, проводимые В.В. Шкорпилом, вступившим в 1901 г. в должность заведующего Керченским музеем. Это было время тотального вскрытия погребений. Судя по печатным отчетам в «Известиях Императорской Археологической комиссии», им ежегодно раскапывалось от нескольких десятков до более сотни погребений античного времени, среди которых были и ранневизантийские грунтовые склепы. Так,

например, в 1905 г. В.В. Шкорпилом было исследовано на горе Митридат 108 погребений, среди которых 9 подземных склепов. При этом он отмечает, что раскопки велись лишь на некоторых улицах города, по которым тянутся ряды «катакомб» [98, с. 1]. Наибольшее количество грунтовых склепов В.В. Шкорпилом было открыто в 1904 г. – 36, которые он датировал IV-VI вв. В этом же году были открыты и «два склепа 24 июня 1904 г.», известные в литературе богатым и многообразным комплексом находок [97, с. 1-66]. Всего В.В. Шкорпил раскопал на некрополе Пантикапея более сотни ранневизантийских грунтовых склепов. Его исследования отличались проведением фиксации всей массы погребального инвентаря из открытых им не только богатых, но и рядовых захоронений, что отражено в ежегодных отчетах о раскопках [ЗООИД, т.XIX, 1896, протоколы, с. 56-58; 96, с. 106-108; 97, с. 32-54; 98; 99].

Обширные материалы, полученные в результате многолетних раскопок, позволили В.В. Шкорпилу сделать некоторые выводы о топографии некрополя, определить христианские участки некрополя Пантикапея-Боспора, однако существенным недостатком этих исследований является некоторая формальность отчетов, часто не сопровождавшихся чертежами погребальных сооружений, археологической картой, многие погребения не датированы. Значительная часть открытого материала так и не была издана, а археологическая документация В.В. Шкорпила из Керченского музея погибла во время эвакуации в 1942 г. Безвозвратно утеряны и многие рукописи В.В. Шкорпила, хранившиеся у его сына, необоснованно репрессированного в 1936 г. [95, с. 6]. И тем не менее, многолетние работы на памятнике, знание материала исследования позволили В.В. Шкорпилу осуществить плодотворное сотрудничество с М.И. Ростовцевым, высоко оценившим научный вклад В.В. Шкорпила в изучение некрополя: «Я не считаю себя единственным автором выпускаемой книги («Античная декоративная живопись на юге России»). Книга моя вряд ли бы появилась на свет в том виде, в каком она осуществилась, если бы я не нашел себе самоотверженного и в высокой степени компетентного сотрудника в лице В.В. Шкорпила, члена ИАК, заведующего раскопками в Керчи» [79, с. 8-9].

Важнейший период в исследовании погребальных памятников некрополя Пантикапея-Боспора, сохранивших росписи, связан с кропотливой работой профессора Петербургского университета М.И. Ростовцева. Высоко оценив обширные и глубокие знания М.И. Ростовцева в области античной культуры в 1912 г., его назначают сверхштатным членом Императорской Археологической комиссии. Участвуя в последующих годах в исследовании древностей Керчи, М.И. Ростовцев отмечал, что благодаря целенаправленной политике Археологической комиссии и упорству керченских археологов древние могильники Пантикапея были изучены столь полно и подробно, как ни один из некрополей других городов Северного Причерноморья [80, с. 179].

Изданный в 1913 г. альбом рисунков, а затем в 1914 г. – и монография

«Античная декоративная живопись на юге России» являются ценнейшим трудом М.И. Ростовцева, обобщившим изучение античной и ранневизантийской живописи в Северном Причерноморье. Датировка, анализ и интерпретация живописи ранневизантийских склепов некрополя Пантикапея, развитие системы росписей, предложенные М.И. Ростовцевым, во многом сохранившие свою актуальность, продолжают дискутироваться [109, p.308; 110, p. 143-147; 114; 115; 111, p. 243-244; 105, p. 31-48; 50, с. 58-88; 51, с. 131-136; 91, с. 167-194; 108, p. 223-227; 23, с. 258-288]. Особую ценность для исследователей представляет роскошно изданный альбом таблиц с рисунками, которые для многих со временем утерянных или разрушенных памятников сохранили возможность их изучения. Монография М.И. Ростовцева до сих пор является наиболее полным сводом раскопанных памятников. Несмотря на то, что работа касалась только расписных склепов, он подробно раскрывает причины достаточно непрофессионального отношения к этим археологическим объектам. Во многом они были характерны и для последующих десятилетий. После больших архивных и полевых работ, когда некоторые склепы «благодаря неизменной любезности В.В.Шкорпила» приходилось вскрывать по два-три раза, был составлен новый план северного склона горы Митридат с нанесением 18 расписных склепов [79, табл. 1]. Так как М.И. Ростовцевым учитывались только расписные склепы, то его карта на ряде участков не отражает месторасположение склепов, картографированных еще Ю.А. Кулаковским, и новых склепов, открытых В.В. Шкорпилом. Это в первую очередь касалось позднеантичных склепов, расположенных на улицах Госпитальной и Шлагбаумской. Имя М.И. Ростовцева было известно и зарубежным авторам, высоко оценившим значение его исследований [116, p. 140-144; 104 p. I-LXXXV; 117, p. 207-221]. В 2003 г. труд М.И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России», с кратким комментарием А. Барбе к главе LVIII, переиздан на французском языке [113].

Изучение М.И. Ростовцевым памятников изобразительного искусства некрополя Пантикапея-Боспора открыло мировому сообществу немало выдающихся памятников боспорской живописи, тем самым значительно расширив источниковедческую базу и возможности интерпретации ранневизантийской истории в Северном Причерноморье.

Подводя итог этому периоду исследования некрополя Пантикапея-Боспора, следует также отметить и присущее большинству исследователей, понимавших крайнюю редкость памятников, украшенных росписями, стремление предпринять меры к их сохранению. Так, еще в 1891 г. К.Е. Думберг в рапорте в Императорскую Археологическую комиссию писал о вреде, наносимом памятникам некрополя кладоискателями и городской застройкой горы Митридат, сделавшей «часть керченского некрополя недоступной научным исследованиям на бесконечное время», т.е. навсегда [НА ИИМК РАН РА, 1891 г., д. 37, л. 49-52]. Ситуация с развивающимся частным строительством на территории некрополя

Пантикапея-Боспора, не состоящего на государственном учете, сохраняется и по сей день и исключает возможность исследования памятника сплошными площадями с дневной поверхности.[3]

Лихолетье Октябрьской революции 1917 г. и гражданская война привели к упадку изучение классических древностей, к кардинальным изменениям в организации научной жизни, исключившим археологические исследования на северном склоне горы Митридат более чем на полвека. Утратой многих бесценных памятников археологии, в том числе склепов некрополя Пантикапея-Боспора, обернулись и трагические события оккупации Керчи в годы Второй мировой войны. Утеряны многие расписные склепы, в том числе и два христианских склепа, украшенные написанными текстами псалмов на стенах погребальной камеры, которые еще в 1926 году смогли осмотреть участники конференции археологов СССР проведенной в Керчи [73, с. 272; НА КГИКЗ, оп. 9, ед. хр. 143, л. 1]. Значительные разрушения города сильнейшими бомбежками 1941-го и 1942-го гг. дополнились и целенаправленными взрывами открытых провалов в системах склепов на северном склоне горы Митридат, произведенными оккупационными силами для предотвращения локализации партизан [52, с. 187].[4]

В послевоенный период, понимая уникальность открытых погребальных памятников некрополя Пантикапея, исследователи чаще ставили первоочередными задачами не возобновление археологических исследований на территории некрополя, а вопросы сохранения, реставрации и «вскрытие всех расписных склепов северного склона г. Митридат с целью проверки их состояния и организации дальнейшей доступности для осмотра» [52, с. 187]. Сведения о редких открытиях на памятнике в этот период содержатся в лишь в археологических отчетах Керченской экспедиции ИИМК АН СССР и Государственного музея изобразительных искусств под руководством В. Д. Блаватского [12, с. 187 и сл., рис. 18, 19 – 20 и 22]. В 1947 г. под руководством директора Керченского музея В. Юдина сотрудниками музея на северном склоне горы Митридата возобновляются обследования территории некрополя, наиболее пострадавшей в результате военных действий. Проведению планомерных исследований в эти трудные послевоенные годы препятствовало отсутствие у музея денежных средств. В последующие годы исследования отдельных участков некрополя производились, как писалось выше, в результате случайных открытий погребальных камер или входов в них. Так, в 1967 г. С.С. Бессоновой и Л.Г. Мацкевым был обнаружен

---

[3] Исследование погребальных сооружений становится возможным чаще всего благодаря случайно открытым провалам размытой почвы в камеры склепов или в ходе земляных работ, производимых частными застройщиками на склонах горы Митридат [39, с. 42-46].

[4] Безосновательно подобные действия немцев отнесены в публикации А.В. Лысенко и В.Ю. Юрочкина к категории проявления интереса к керченским древностям и связанными с этим «работами» на территории некрополя Пантикапея-Боспора [69, стр. 95].

«вход в катакомбу в виде узкого вертикального колодца с узкими ступенями», открытый при устройстве погреба во дворе Б.В. Милованова по ул. Желябова, 27 [НА КГИКЗ, оп. 5, ед. хр. 5, л. 4], и «обследована система катакомб позднеантичного времени, соединенных грабительскими лазами (в т.ч. катакомбы с росписью 1904, 1912 гг.), собран подъемный материал» [НА КГИКЗ, оп. 5, ед. хр. 5, л. 5]. Л.Г. Мацкевой отметил, что система включает более 40 погребальных камер, «многие облицованы тесаными плитами, расписаны красной и черной краской и имеют надписи на древнегреческом языке» [72, с. 99]. Склепы были датированы III-V вв. н.э., и высказано предположение, что большинство из этих склепов были описаны еще М.И. Ростовцевым.

В исследованиях второй половины XX в. получили более широкое развитие темы хронологии ранневизантийского некрополя Боспора [83, с. 134; 84, с. 85-101; 85, с. 57-67; 24, с. 52-62; 25, с. 5-17; 26, с. 97-106; 27, с. 23-104; 31, с. 394-479; 6, с. 6 -108; 1; 44, с. 308-318], своеобразия боспорского искусства этого периода и его связи с местными художественными традициями, отразившиеся в изображениях на стенах погребальных камер склепов некрополя Пантикапея-Боспора [11; 53; 54; 55; 56; 21, с. 248-285; 45, с. 144-147; 46, с. 115-117; 47, с. 80-90; 49; 92, с. 121-131] или рассматривались проблемы общей топографии некрополя, погребального обряда и социальной истории Боспора [93; 13; 60, с. 32; 70, с. 28-43; 71; 40, с. 49-61]. Освещая проблемы времени появления и распространения христианской культуры на Боспоре, исследователи обращаются к широко известным отдельным находкам на некрополе столицы Боспора [16, с. 465-466; 60; 14; 15; 112, s. 309-317; 19, с. 233-247; 41, с. 78-89; 43; 48, с. 112-120]. К христианской проблематике в своих работах о Боспоре обращались М. М. Кубланов, Д.Б. Шелов, А.Л. Якобсон, Э.Я. Николаева [67, с. 64-66; 94, 16-21; 101, 461-463; 76; 77] и др. Однако, эти вопросы освещались очень конспективно и отрывочно. Так, В.Ф. Гайдукевич в пожалуй единственном до сих пор полном общем труде по истории Боспора – «Боспорское царство», очень сжато представляет в заключительной главе «Распад Боспорского царства» «распространение среди боспорского населения христианской религии» [16, с. 465]. В.Ф. Гайдукевич отметил, что одним из существенных факторов, способствовавших распространению христианства в регионе, явились пиратские набеги готов на Малую Азию, откуда вместе с добычей доставлялись и пленники, являвшиеся христианами, в том числе даже представители клира. В течение первых десятилетий IV в. христианство на Боспоре получило настолько широкое признание, что уже в 20-х годах там оформилась христианская община во главе с епископом [16, с. 465 - 466]. В немецком издании этой монографии В.Ф. Гайдукевича была введена новая, тринадцатая глава «Nach dem Untergang des Bosporanischen Reiches», посвященная событиям V-VI вв. [106, s.497-519]. В этой главе кратко упоминаются и другие боспорские христианские комплексы этого времени [106, s.514-516].

Первый специальный очерк по истории Боспора III – VI вв. принадлежит

В.Д. Блаватскому [14, с. 242 - 260]. Установив четкие хронологические границы этого периода: 275-565 гг. н.э., исследователь все внимание сосредотачивает на политических и экономических вопросах, практически не касаясь, за редкими упоминаниями, проблемы христианизации. Непосредственно одной небольшой группе керамических боспорских сосудов с христианскими изображениями и надписями В.Д. Блаватский посвятил статью «Сосуд с надписью ЕФО» [15, с. 95 - 99]. Так же и И.Т. Кругликова в работе «Боспор в позднеантичное время», посвященной экономическому состоянию основных городских центров и сельских поселений, хозяйственной жизни и торговли Боспора в III-IV вв., практически не касается вопросов христианства. Но в заключительной части приводит выводы о том, что христианство, появившееся на Боспоре еще в III в. н.э., особенно распространившееся в IV в., а в V в., стало господствующей религией [60, с. 221].

Важный вклад в изучение истории позднего Боспора внесла Г.А. Цветаева, впервые попытавшаяся обобщить большое количество разрозненных археологических материалов о грунтовом некрополе Пантикапея [93, с. 63 - 86]. Хотя автор и отмечала, что всякая попытка составления топографической карты пантикапейского некрополя не может претендовать на абсолютную точность, ею были составлены схемы разных участков некрополей III, IV и V-VI вв. на северном склоне горы Митридат и в районе Глинища, а также дан краткий систематический очерк состояния некрополя в тот период, отмечены основные места находок христианских надгробий [93, с. 77 - 78, 84 и др.].

Длительный период времени некрополь столицы Боспора на северном склоне горы Митридат системно не исследовался, а большинство открытых ранее склепов, в том числе и расписных, были утрачены. Новый период в истории исследования погребальных сооружений этого некрополя был начат в конце 80-х годов XX в. благодаря директору Керченского историко-культурного заповедника Э.В. Яковенко, которая рассматривала эти памятники как важнейший источник социальной истории, идеологии, строительства, архитектуры и живописи Боспорского царства. В специально написанной статье она подчеркнула необходимость планомерного научного исследования боспорских склепов, выразив обеспокоенность длительным периодом отсутствия научного интереса к этой важной теме [103, с. 45-46]. Данная научно-исследовательская проблема, отметила автор, приобретает острую актуальность, так как из-за современной застройки склонов горы Митридат идет массовое разрушение погребальных сооружений некрополя.

В 1989 г. широкомасштабными раскопками погребальных комплексов некрополя Пантикапея на склонах горы Митридат охранно-археологической экспедицией Керченского заповедника под руководством В.Н. Зинько была начата комплексная программа по изучению и сохранению этих памятников [34, с. 16-17]. Тогда же был разработан перспективный план по исследованию и сохранению расписных склепов некрополя Пантикапея-Боспора. Осуществление

этой программы в полном объеме стало возможным лишь с созданием в г.Керчи Благотворительного фонда «Деметра», выделявшего финансовые средства на исследования. Как один из разделов этой программы решалась задача топографической фиксации грунтовых склепов. В 1996 г. было проведено обследование системы склепов на ул. Желябова, вход в систему во дворе дома №27 (бывшая 1-я Подгорная). На площади более 0,5 га на глубине от 4 до 7 метров зафиксировано там 64 грунтовых склепа. Был составлен подробный план расположения, сделаны обмеры, графическая и фотографическая фиксация склепов «Системы Желябова, 27» [36; 37; 38]. Склепы с росписями из этой системы в свое время были описаны и частично опубликованы М.И. Ростовцевым [79], хотя при сопоставлении выявляются и значительные расхождения, требующие уточнений.

Этот участок ранневизантийского некрополя Пантикапея имел довольно строгую планировочную структуру, при которой склепы располагались плотными рядами, вытянутыми с северо-востока на юго-запад вдоль склона горы Митридат [37]. В 2000 г. в 100 метрах выше по склону горы возле дома №28 на ул. Желябова была открыта еще одна новая группа позднеантичных грунтовых склепов, получившая название «Система 2000 г.» [37, с. 42-46, рис. 1; 38, с. 67-73]. Среди 47 картографированных склепов в трех (склепы №№ 2,11,41) были выявлены рисунки в геометрическом стиле. В настоящее время в этой системе насчитывается 50 склепов, соединенных грабительскими лазами в единую сеть. Значительным открытием стало исследование в 2002 г. в 200 м к востоку от ул. Желябова, в районе ул. Шлагбаумской еще одной группы склепов, получившей название «Система 2002 г.». В этой системе картографировано 45 склепов [Зинько, 42, с. 113-116]. Всего нами картографировано около 300 грунтовых склепов ранневизантийского некрополя Пантикапея на северном склоне горы Митридат (рис.1), а также полностью раскопано и изучено несколько десятков склепов, среди которых, наряду с уже известными, расписными, выявлено шесть новых с геометрической росписью (склеп №2,11,№16,41 «Система 2000 г.»; №46 «Система 2003 г.»; №5 «Система 2004 г.») [46, с. 56- 67].

В итоге, на основании многолетних раскопок и исследований, был составлен подробный топографический план расположения грунтовых склепов, проведена классификация и выделены хронологические этапы бытования того или иного типа склепов [44], по-новому атрибутирована культовая символика живописи расписных склепов ранневизантийского времени [40; 41, с. 78-89], впервые доказана их христианская направленность. Кроме того, проведенные раскопки позволили пополнить археологические коллекции новыми находками, а также впервые получить и научно обработать антропологические материалы из ранневизантийских грунтовых склепов столицы Боспора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ЗООИД Т.IV, Отд. 1. 1860.
ЗООИД Т.XIX, , протоколы. 1896.
НА ИИМК РАН д. 40, 1891.
НА ИИМК РАН РА Ф. 1 Оп. 1. Д. 37.1891.
НА ИИМК РАН д. 31, табл.III, 1897.
НА КГИКЗ оп. 9, ед. хр. 143, л. 1
НА КГИКЗ оп. 5, ед. хр. 5, л. 4
НА КГИКЗ оп. 5, ед. хр. 5, л. 5

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени// МАИЭТ. Вып. I , 1990.
2. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь. 1999.
3. *Амброз А.К.* Фибулы юга Европейской части СССР// САИ. Вып. Д1-30. Москва, 1966.
4. *Амброз А.К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Часть I.// СА. №2. 1971.
5. *Амброз А.К.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V-IX вв. Дис…..д-ра ист. наук.// Научный архив ИА РАН Р.2. №2441, 1974.
6. *Амброз А.К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. Вып. 1. Москва, 1992.
7. *Аммиан Марцелин.* История / Перевод с латинского Ю.А.Кулаковского и А.И. Сонни, Вып. 1-3, Киев, 1906-1908.
8. *Ашик А.Б.* Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса, 1845.
9. *Беккер П.* Керчь и Тамань в июле месяце 1852 г.// Пропилеи. Т.III. М., 1853.
10. *Бич О.И.* Первые раскопки некрополя Пантикапея: Дневник раскопок П. Дюбрюкса в 1816-1817 гг.// МИА, № 69, 1959.
11. *Блаватский В.Д.* Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947.
12. *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантикапея в 1954-1958 гг.// СА, №2, 1960.
13. *Блаватский В.Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. 1964.
14. *Блаватский В.Д.* Боспор в позднеантичное время// Античная археология и история. – М., 1985.
15. *Блаватский В.Д.* Сосуд с надписью ЕФО// Античная археология и история. – М., 1985а.
16. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.,Л., 1949.
17. *Васильев А.А.* Готы в Крыму.I.// ИРАИМК. Т.I.,М., 1921.
18. *Васильев А.А.* Готы в Крыму.II.// ИРАИМК. Т.V., Л., 1927.
19. *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия// ВДИ. №1.1988.
20. *Дюбрюкс П.* Собрание сочинений. Том I. Тексты. Спб, 2010.
21. *Ернштед Е.В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья. Античные города Северного Причерноморья. Т.I. Москва-Ленинград, 1955.
22. *Жиль Ф.А.* Введение // ДБК. Т.I, 1854.

23. *Завадская И.А.* Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов: проблемы хронологии и генезиса // МАИЭТ. Вып. 11. 2005.
24. *Засецкая И.П.* О хронологии погребений «эпохи переселения народов Нижнего Поволжья // СА. №2, 1968.
25. *Засецкая И.П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА , Вып. 158, 1979.
26. *Засецкая И.П.* Относительная хронология склепов позднеантичного боспорского некрополя (конец IV- начало VII вв.). АСГЭ. Вып. 30, 1990.
27. *Засецкая И.П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. Вып. III, Симферополь, 1993.
28. *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб. 1994.
29. *Засецкая И.П.* О месте изготовления серебряных чаш с изображением Констанция II из Керчи//МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь. 1994 а.
30. *Засецкая И.П.* О некоторых серебряных сосудах из боспорского позднеантичного некрополя в Керчи// Византия и византийские традиции. СПб.1996.
31. *Засецкая И.П.* Датировка и происхождение пальчиковых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода// МАИЭТ. Вып. VI, 1998.
32. *Засецкая И.П.* Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей IV-началаVII века//Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Москва. 2003.
33. *Зеленина Я.Э.* Христианская символика животных и растений по неопубликованным материалам А.С.Уварова// Животные и растения в мифоритуальных системах. Материалы научной конференции. СПб. 1996.
34. *Зинько В.Н.* Охранные археологические исследования Керченского заповедника (итоги и перспективы)//Проблемы археологии и истории Боспора. Тезисы доклада юбилейной конференции. – Керчь, 1991.
35. *Зинько Е.А.* Перспективы исследования пантикапейских расписных склепов//Проблемы археологии и истории Боспора. Тезисы доклада юбилейной конференции. – Керчь, 1991.
36. *Зинько Е.А.* Исследования боспорских склепов на северном склоне горы Митридат. // «Междунардная конференция «Византия и Крым». Тезисы докладов. Симферополь 1997.
37. *Зинько Е.А.* Позднеантичные пантикапейские расписные склепы // Боспор Киммерийский на перекрестье греческого и варварского миров. Материалы I Боспорских чтений. Керчь, 2000.
38. *Зинько Е.А.* Боспорские склепы на северном склоне горы Митридат // МАИЭТ, Вып. VII, Симферополь, 2000а.
39. *Зинько Е.А.* Новый расписной склеп пантикапейского некрополя// Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001.
40. *Зинько Е.А.* О топографии позднеантичного некрополя Пантикапея//БИ. Вып. III. Симферополь, 2003.
41. *Зинько Е.А.* Христианские мотивы в росписях пантикапейских склепов//МАИЭТ. Вып.10, 2003а.

42. *Зинько Е.А.* Некрополь Пантикапея – новые открытия//Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы междунар. конф. Керчь. 2003б.
43. *Зінько О.О.* Ранньохристиянський Боспор (III-VI ст.). – Автореф. …. дис. кан. іст. наук. Київ, 2004.
44. *Зинько Е.А.* Вопросы хронологии раннехристианских склепов Боспора//Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Часть 1. СПб., 2004а.- С.308-318.
45. *Зинько Е.А.* Изображении птиц в пантикапейских склепах IV-V вв. н.э. //Боспор Киммерийский и варварский мир в античности и средневековья. Ойкос. – Материалы VII Боспорских чтений. – Керчь, 2006. – С.144-147. (тезисы)
46. *Зинько Е.А.* Христианские склепы некрополя Боспора IV-VI вв. н.э. //МАИЭТ. – Вып.XIII. – Симферополь, 2007.
47. *Зинько Е.А.* Воины в росписях ранневизантийских склепов некрополя Боспора // МАИЭТ. – Вып.XIV. – Симферополь, 2008. – С. 80-90.
48. *Зинько Е.А.* Новый (?) склеп некрополя Боспора ранневизантийского времени // Византия в контексте мировой культуры. ТГЭ, XLII, СПб, 2008а.
49. *Зинько Е.А. и др.* Склеп Деметры. Киев, 2009.
50. *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. Киев, 2000.
51. *Зубарь В.М.* По поводу методики датировки склепов с раннехристианской росписью некрополя Херсонеса // РА, № 4, 2006.
52. *Иванова А.П.* Керченский государственный историко-археологический музей // ВДИ, №1, 1948.
53. *Иванова А.П.* Боспорская живопись// Археология и история Боспора. – Симферополь, 1952.
54. *Иванова А.П.* Искусство античных городов Северного Причерноморья. Ленинград, 1953.
55. *Иванова А.П.* О некоторых особенностях боспорской живописи. Античные города Северного Причерноморья. Т. I. Москва-Ленинград, 1955.
56. *Иванова А.П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961.
57. Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009.
58. *Кене Б.В.* Отчет о сочинении г. Ашика под заглавием «Керченские древности. О пантикапейской катакомбе.» ЗПАНО, Т.1, СПб, 1849.
59. *Кондаков Н.П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса. 1886.
60. *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966.
61. *Кубланов М.М.* Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре// Ежегодник музея истории религии и атеизма. Вып. 2. Л. 1958.
62. *Кулаковский Ю.А.* Христианская церковь и римский закон // Киев. Универ. известия, 1891, №12
63. *Кулаковский Ю.А.* Древности южной России. Т.1. Керченская христианская катакомба 491 г.// МАР № 6 – СПб., 1891а.
64. *Кулаковский Ю.А.* Археологическая заметка по вопросу о катакомбах в Керчи. «Русская мысль», кн. 12, отд. оттиск. 1892.

65. *Кулаковский Ю.А.* Древности южной России. Т.8. Две керченские катакомбы с фресками // МАР. – СПб., № 19, 1896.
66. *Кулаковский Ю.А.* Прошлое Тавриды. Киев, 1914.
67. *Кубланов М.М.* Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре// Ежегодник музея истории и атеизма. - Л., 1958.
68. *Латышев В.В.* Неизданная рукопись Дюбрюкса//ЗООИД, Т. 15. 1889.
69. *Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю.* Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000-2002 гг.) // О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. Сб. науч. труд. (по материалам конф. В честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена). Киев, 2004.
70. *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990.
71. *Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997.
72. *Мацкевой Л.Г.* Из археологических работ Керченского музея// Археологические исследования на Украине в 1967 г., Наукова думка, 1968.
73. *Мацулевич Л.А.* Конференция археологов СССР в Керчи. СГАИМК, т. I, Л., 1926.
74. *Муральт Э. Г.* Хронологическое обозрение древних могил, находящихся по обе стороны Босфора Киммерийского: Читано в заседаниях 18 апреля и 16 мая 1849 г.// ЗПАНО. Т.2, 1850.
75. *Николаева Э.Я.* Боспор после гуннского нашествия. – Автореф. дис…. канд. ист. наук. – М., 1984.
76. *Николаева Э.Я.* К вопросу о христианстве на Боспоре Киммерийском//Научно-атеистические исследования в музеях. –Л., 1988.
77. *Николаева Э.Я.* Христианский комплекс VI в. на Боспоре Киммерийском//Проблемы исследований античных городов. – М., 1989.
78. *Ростовцев М.И.* Заметка о росписях керченских катакомб //ЗИРАО, Т.9. Вып. 3-4., 1897.
79. *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России // Описание и исследование памятников. Т.I. СПб., 1914. Атлас. Таблицы (I-CXII). Т.II. СПб., 1913.
80. *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925.
81. Скифский роман / Под редакцией Г.М. Бонгард-Левина. М. 1997.
82. *Соломоник Э.И.* Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени// ВДИ. №1. 1973.
83. *Сорокина Н.П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. Москва, 1963.
84. *Сорокина Н.П.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА, №4, 1971.
85. *Сорокина Н.П.* Стеклянные сосуды IV-V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА, Вып. 158, 1979.
86. *Стасов В.В.* Катакомба с фресками. ОАК, 1872.
87. *Тизенгаузен В.Г.* Записка Дюбрюкса: Несколько заметок о различных родах гробниц, находящихся в окрестностях Керчи // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884) Т.II. Одесса, 1888.
88. *Толстой И., Кондаков Н.* Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева// Русские древности в памятниках искусства. Спб. 1891.

89. *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). Спб., 2002.
90. *Уваров А.С.* Христианская символика. Часть I. Символика христианского периода. – Издание дополненное и переработанное. М., СПб. 2001.
91. *Хрушкова Л.Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ, Т. 63 (88), 2004.
92. *Хрушкова Л.Г.* О живописи раннехристианских склепов в Крыму: сто лет после Михаила Ивановича Ростовцева// Византия в контексте мировой культуры. ТГЭ, XLII, СПб, 2008.
93. *Цветаева Г.А.* Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав// МИА. №19, 1951.
94. *Шеллов Д.Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры//КСИА. Вып. 156. М., 1978.
95. *Шестаков С.А.* Жизнь и деятельность Владислава Шкорпила//Тезисы докладов науч. конф. Керчь, 1993.
96. *Шкорпил В.В.* Раскопки в Керчи и ее окрестностях в 1902 г. // ИАК, Вып. 9, 1904.// ИАК, Вып. 17,
97. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. // ИАК, Вып. 25, 1907.
98. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1905 г. // ИАК, Вып. 30, 1909.
99. *Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1907 г. // ИАК, Вып. 35, 1910.
100. *Якобсон А.Л.* Византия в истории раннесредневековой Таврики//СА. – Т.XXI. – М., 1954.
101. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма// МИА.- № 85., М., 1958.
102. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. – М., 1964.
103. *Яковенко Э.В.* К истории исследования Боспорских расписных склепов// Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
104. *Andreau J.* Introduction: Antique, moderne et temps present: Antique, moderne et temps present: la carriere et l'oeuvre de M.Rostovtzeff (1870-1952)//Rostovtzeff M. Histoire economique et sociale de l'Empire Romaine. Paris, 1988.
105. *Barbet A.* Note d`information: Rostovtseff et la peinture antique de la Mer Noir..
106. *Gajdukevic V.F.* Das Bosporanische Reich. B.-Amsterdam. 1971.
107. *Diatroptov P. D.* The Spread of Christianity in the Bosporus in the 3-th – 6-th centuries// Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 5. №3. 1999.
108. *Khrushkova L.* (Рец.): В.М.Зубарь, А.И.Хворостяный. От язычества к христианству. Киев, 2000 // Ancient West and East. Vol. 4, 1. 2005.
109. *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
110. *Minns E.H.* Античная декоративная живопись на юге России. Journal of Hellenic Studies. Vol. 35. 1915.
111. *Nowicka N.* Malarstwo Antyczne.Zarys. Warszawa. 1985.
112. *Pillinger R.* Die Anfänge des Christentums auf der taurischen Chersones (Krim) demonstriert am Beispiel von Pantikapaion (Bospor/ Kerc)// Fremde Zeiten. Wien, 1996. – 2.
113. *Rostovtseff M. I.* La penture decorative antique en Russie meridionale. St. Petersburg, 1913-1914. Paris, 2003-2004.

114. *Swindler M.* Ancient Painting. New-Naven, 1926.
115. *Tinkoff-Utechin T.A.* Ancient Painting from South-Russia: the Rape of Persephone at Kerch. BICS 26, 1979.
116. *Welles C. B.* M. I. Rostovtzeff // Gnomon, Bd. XXV, 1953.
117. *Wes M.A.* The Russian Beckground of the Yjung M.Rostovtzeff // Historia, Bd.XXXVII, 1988.

Е.А.Зинько

Из истории изучения ранневизантийских склепов Боспора

Резюме

Первые бессистемные раскопки погребальных сооружений на территории столичного некрополя Боспора, расположенного на северном склоне горы Митридат в г. Керчи, следует отнести к началу XIX в. В 1816 г. П. Дюбрюкс благодаря своему увлечению керченскими древностями начал здесь исследование погребений. Именно ему принадлежит приоритет первооткрывателя нового типа погребального сооружения – грунтовых склепов позднеантичного и раннесредневекового периода некрополя столицы Боспора, названных в исторической литературе того времени - катакомбы.

Во второй половине XIX в. плодотворная деятельность директоров Керченского музея и представителей Императорской Археологической комиссии привнесла значительный прогресс в дальнейшем исследовании некрополя Боспора. Важнейший период в исследовании погребальных памятников на рубеже XIX-XX вв. связан с работами Ю.А. Кулаковского, М.И. Ростовцева и В.В. Шкорпила. Затем только лишь с 90-х гг. XX в. автором статьи были начаты работы по исследованию грунтовых склепов столицы Боспора. В итоге, на основании многолетних раскопок и исследований, был составлен подробный топографический план расположения грунтовых склепов, проведена классификация и выделены хронологические этапы бытования того или иного типа склепов, по-новому атрибутирована культовая символика живописи расписных склепов ранневизантийского времени, впервые доказана их христианская направленность.

Зінько О. О.

З історії вивчення ранньовізантійських склепів Боспору

Резюме

Перші безсистемні розкопки поховальних споруд на території столичного некрополя Боспору, розташованого на північному схилі гори Мітридат в м. Керчі, слід віднести до початку XIX ст. У 1816 р. П. Дюбрюкс, завдяки своєму захопленню керченськими старожитностями, почав тут дослідження поховань. Саме йому належить пріоритет першовідкривача нового типа похоронної споруди – ґрунтових склепів пізньоантичного і ранньосередньовічного періоду некрополя столиці Боспору, названих в історичній літературі того часу катакомбами.

У другій половині XIX ст. плідна діяльність директорів Керченського музею і представників Імператорської Археологічної комісії привнесла значний прогрес в подальші дослідження некрополя Боспору. Найважливіший період в дослідженні похо-

вальних пам'яток на рубежі XIX-XX ст. пов'язаний з роботами Ю. А. Кулаковського, М. І. Ростовцева і В. В. Шкорпіла. Після тривалої перерви лише з 90-х рр. XX ст. автором статті були розпочаті роботи по дослідженню ґрунтових склепів столиці Боспору. На підставі багатолітніх розкопок і досліджень був складений детальний топографічний план розташування ґрунтових склепів, проведена класифікація і виділені хронологічні етапи існування того або іншого типу склепів, по-новому атрибутована культова символіка живопису розписних склепів ранньовізантійського часу, вперше доведена їх християнська спрямованість.

Zin'ko E. A.

On the History of Studying Early Byzantine Vaults of Bosporus

Summary

The first unsystematic excavations of burial constructions on the territory of capital necropolis of Bosporus, which is situated on the northern slope of Mithradates Mountain in the city of Kerch should be dated back to the beginning of the 19th century. In 1816, due to his enthusiasm P. Dubriux began to research burials. The priority of being a discoverer of a new type of burial construction, ground vaults of Late Antique and Early Medieval periods of the necropolis of the capital of Bosporus, belongs to him; later these vaults were called catacombs.

In the second half of the 19th century, fruitful activities of the directors of Kerch Museum and representatives of Imperial Archaeological Commission brought a substantial progress into further research of the necropolis of Bosporus. The most important period in researching burial monuments at the turn of the 19th – 20th centuries is connected with works by Yu. A. Kulakovsky, M. I. Rostovtzeff and V. V. Shkorpil. After a long period, only since the 1990s the author of the article started the research works of ground vaults of the capital of Bosporus. Basing on the results of long-term excavations and research a detailed topographic plan of the location of ground vaults was worked out; classification was performed and chronological stages of existence of different types of vaults were determined; cult symbols of art in painted vaults dated back to early Byzantine period; their Christian orientation was proven for the first time.

Д. А. ПРОХОРОВ

ИСТОРИЯ КАРАИМСКОЙ ОБЩИНЫ КРЫМА В ПЕРСОНАЛИЯХ: УЧЕНЫЙ, САДОВОД И БЛАГОТВОРИТЕЛЬ А. И. ПАСТАК

В последние годы в современной исторической науке наблюдается процесс «гуманизации общественных наук», заметна переориентация внимания на личность и ее роль в историческом процессе. В современных исследованиях даже появилось такое понятие, как «новая биографическая», или «персональная история». Как считает Л. П. Репина, в контексте современных микроисторических подходов внешняя форма историко-биографических исследований наполняется новым содержанием, что дает основание говорить о новом направлении со специфическими исследовательскими задачами и методикой [1, с. 344; 2, с. 55, 56; 3, с. 4-12; 4; 5, с. 270-277].

Одним из основных критериев, которые должны учитываться при работе над биографическим исследованием и, особенно, при изучении жизни и деятельности отдельных представителей коренных народов и национальных меньшинств, проживающих на территории Украины, является объективный подход к исследуемой персоне, независимо от ее языковых и национальных признаков [6, с. 29]. По справедливому замечанию В. С. Чишко, «історія й культура України складається з надбань українського народу, інших народів і етносів, які мешкають на її території» [7, с. 7]. При этом в поле зрения исследователей должны попадать репрезентанты, деятельность которых, в той или иной мере, повлияла на развитие общественной, культурной, социально-экономической и политической жизни социума. Среди них – представители органов власти всех уровней, а также местного самоуправления; участники политических движений и партий; члены всевозможных комитетов и обществ; деятели просвещения, науки и культуры; промышленники, купцы, предприниматели; лидеры национальных организаций; духовенство различных конфессий и др. [6, с. 26-30].

Помимо всего прочего, в биографических исследованиях активно разрабатывается и т.н. проблема «маленького человека», что, по мнению ряда исследователей (например, Т. И. Любиной [116]), дает возможность на основе изучения и сравнения биографий среднего и мелкого чиновничества, провинциального

дворянства, купечества, а также выходцев из мещан определить их жизненные стратегии и типологии поведения. При выборе объекта для подобного рода исследований, по мнению директора Института биографических исследований В. И. Попика, «важливою залишається тільки особа, особистість, її внесок у загальну справу, реальні здобутки, розум, талант, вдача, ставлення до людей, власний слід в історії». Именно поэтому «українській традиції притаманна увага до діячів <…> всіх рангів – великого, середнього і малого масштабу» [117, с. 272-282].

Сегодня изучение прошлого крымских караимов открывает перед исследователями широкий пласт малоизвестных фактов и не выявленных ранее эпизодов из истории караимских общин полуострова. Особое внимание историков и краеведов привлекают биографии незаслуженно забытых деятелей караимского просвещения, науки, культуры, благотворителей и меценатов. Среди видных представителей общественности Таврической губернии второй половины XIX – начала XX вв. следует назвать Абрама Ильича Пастака (1861–1932), чей вклад в дело развития крымского садоводства, науки и народного образования до сих пор не был оценен по достоинству. Это тем более актуально, что в 2011 г. исполнилось 150 лет со дня его рождения, а в 2012 г. отмечалось 100-летие помолого-садоводческой станции «Салгирка», у истоков создания которой стоял А. И. Пастак.

При работе над публикацией использовались документы, собранные в делах фондов Государственного архива в Автономной Республике Крым, различные тематические справочники, сборники по статистике и материалы периодической печати того времени. Кроме того, неоценимая помощь в подготовке настоящей статьи была оказана потомками А. И. Пастака, Валерией и Аркадием Румянцевыми (Санкт-Петербург), любезно предоставившими редкие книги, документы и фотографии из семейного архива, за что автор выражает им искреннюю признательность.

Абрам Ильич Пастак родился в зажиточной караимской семье в 1862 г. (по другим данным, в 1861 г.)[1]. Его отец, симферопольский почетный гражданин Илья Иосифович (Осипович) Пастак был крупным землевладельцем – в число его владений входила местность под названием Дорт-Оба близ городища Кермен-Кир под Симферополем (1200 десятин), на которой расположен знаменитый позднескифский Тавельский курган III–II вв. до н.э.[2] По некоторым све-

---

[1] В биографическом словаре Б. С. Ельяшевича годом рождения А. И. Пастака назван 1862 г. [8, с. 158], однако, по сведениям, предоставленным Валерией и Аркадием Румянцевыми из личного архива семьи Пастак, годом рождения Абрама Ильича Пастака все же следует считать 1861 г.

[2] В кургане, раскопки которого впервые были предприняты в 1895 г. Н. И. Веселовским, было обнаружено значительное число артефактов, принадлежавших культуре поздних скифов [9, с. 80; 10, с. 116]. Кстати, имение А. И. Пастака располагалось рядом с

дениям, владел этой землей И. И. Пастак с 1838 г. [13, с. 115]. После того, как Абрам Ильич, по достижении им положенного к призыву возраста, был призван в ряды русской армии и отбыл воинскую повинность, он решил получить высшее образование. А. И. Пастак успешно выдержал вступительные экзамены и был зачислен в Петровско-Разумовскую земледельческую и лесную академию в Москве. После ее окончания в 1888 г. и получения диплома на степень кандидата и магистра сельского хозяйства и лесоводства юноша вернулся из Москвы в родной Симферополь и занялся садоводством.

Насущной потребностью для развития садоводства и виноградарства в Таврической губернии во второй половине XIX в. являлось создание центрального органа, который мог бы объединить усилия крымских садоводов и предоставить им возможность обмениваться опытом с российскими и зарубежными коллегами. В 1858 г. было учреждено «Императорское Российское Общество садоводства», с 1883 г. имевшее в Крыму свое отделение, которое носило название «Симферопольское отделение Императорского Российского Общества садоводов». В числе учредителей Отделения были известные в Таврической губернии общественные деятели – такие, как евпаторийский предводитель дворянства П. Н. Казначеев, доктор Н. Н. Бетлинг (вице-президент), которые сами являлись крупными земле- и садовладельцами. В число действительных членов Общества был избран Илья Иосифович Пастак [14, л. 260].

Отметим, что число участников этой организации постоянно росло. Если на начальном этапе создания Симферопольское отделение Общества насчитывало несколько десятков человек, то уже в 1902 г. в составе общества было: 2 почетных члена, 189 действительных и 3 члена-сотрудника [15]. Следует сказать, что действительными членами общества состояли и многие караимы: И. И. Пастак, А. И. Пастак (Симферополь), С. Л. Борю (Симферополь), Д. И. Ефетов (Симферополь), С. С. Крым (Феодосия), А. Я. Прик (Симферополь), С. М. Сарач (Бахчисарай), Е. Д. Сарибан (Симферополь), М. Д. Сарибан (Алушта), М. А. Танатар (Симферополь), И. Н. Фуки (Симферополь), С. С. Шакай (Бахчисарай), а также садовладельцы Хаджи, Казас и Синани. Помимо членства в этой организации, А. И. Пастак неоднократно избирался и в состав Совета Общества [16]. В работе Отделения принимали участие многие видные ученые того времени – например, крымский энтомолог С. А. Мокржецкий (создатель Крымской опытной

владениями другого известного караима, купца С. И. Черкеза, где также было обнаружено несколько курганов с разновременными погребениями; кроме того, имение находилось и вблизи землевладений караимов С. А. Крыма и Э. Б. Бобовича (землевладение последнего граничило с дер. Такил – ныне с. Аркадьевка Симферопольского района и дер. Сарабузы – ныне пгт Гвардейское), на территории которых Н. И. Веселовским в 1895 г. также были произведены раскопки нескольких курганов [11, с. 138, 144, 147-150; 12, с. 162].

станции садоводства на базе имения «Салгирка» в 1913 г.), профессор К. Э. Линдеман (в 1867–1894 гг. – заведующий кафедрой общей и сельскохозяйственной зоологии и сравнительной анатомии Петровско-Разумовской земледельческой и лесной академии, специалист по сельскохозяйственной энтомологии, автор монографий о вредных насекомых) и многие другие.

Следует сказать, что отец А. И. Пастака был весьма предприимчивым и рачительным садоводом. В хозяйстве Пастаков имелись парки, сады, виноградники, огороды, баштаны, питомник (его территория занимала 80 га). Постановка дела в хозяйстве и результаты садово-селекционной работы неоднократно удостаивались высоких оценок коллег-садоводов. В частности, И. И. Пастак был участником различных садоводческих и плодоводческих выставок. Так, например, в мае 1887 г. он отправил на Всероссийскую сельскохозяйственную выставку в Харькове образцы продукции, выращивавшейся в его собственном питомнике, среди которых были различные фрукты и овощи, а также табак [14, л. 174]. В ноябре того же года И. И. Пастак, по решению комиссии «Симферопольского отделения Императорского Российского Общества садоводов» (в ее состав входили: заведующий имением «Салгирка» И. И. Штван, М.И. Фирковский, А. Кебах и секретарь Отделения М. А. Дзюбин), был удостоен малой серебряной медали «за облагороженные саженцы плодовых деревьев разных пород» из собственного питомника [14, л. 259]. После смерти И. И. Пастака имение перешло по наследству Абраму Ильичу, который значительно расширил садоводческое хозяйство и сделал его образцовым. Управляющим состоял караим Моисей Абрамович Тепси, в задачи которого входило непосредственное заведование имением. В частности, обязанностью управляющего являлось наблюдение за ходом выполнения всех текущих работ в питомнике, наем рабочего персонала на летний сезон и пр.

В июне 1888 г. А. И. Пастак на одном из заседаний Симферопольского отделения Общества выступил с инициативой создания завода по изготовлению табачного экстракта, применявшегося в садоводстве для борьбы с вредными насекомыми. Ходатайство о предоставлении для нужд завода безакцизного отпуска табака и табачных отбросов было направлено в высшие инстанции, и в марте того же года из Департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ пришел ответ, в котором, в частности, говорилось: «Относясь с полным сочувствием к возбужденному отделом ходатайству <…> Департамент Земледелия входил по этому вопросу в сношение с Главным Управлением неокладных сборов», которое, в свою очередь, обратилось с этим прошением в Комитет Министров. 29 января 1899 г. официально утвержденным положением кандидату сельского хозяйства А. И. Пастаку разрешалось устроить близ Симферополя завод по производству «табачного экстракта из листового табака махорки и отбросов от его производства, с правом свободно приобретать сий табак и отбросы, без платежа за оные акциза и с

освобождением означенного завода от выборки патента и платежа промыслового налога» [17, л. 1, 1 об.]. От А. И. Пастака при этом требовалось: соблюдать все технологии при изготовлении продукции, а также финансировать само производство и оплачивать, при необходимости, деятельность акцизного инспектора. Наконец, Высочайше утвержденным Положением Комитета Министров от 28 января 1899 г. было постановлено: «Разрешить члену Симферопольского отдела Императорского Российского Общества садоводства, кандидату сельского хозяйства А. И. Пастаку устроить близ Симферополя завод для выделки табачного экстракта из листового табаку, махорки и отбросов от его производства, с правом свободно приобретать сии табаки и отбросы без платежа за оные акциза» [18, с. 1]. Завод по производству табачного экстракта был открыт в марте 1900 г. в имении Пастаков под Симферополем.

В январе 1901 г. от управляющего акцизными сборами Таврической губернии в «Симферопольское отделение Императорского Российского Общества садоводства» поступил запрос, в котором рекомендовалось собрать среди крымских садовладельцев сведения относительно применения, качества табачного экстракта, производившегося на заводе в имении Пастаков, а также поручено выяснить, «насколько г.[осподин] Пастак оправдал, как оказанное ему доверие, так и надежды, возлагавшиеся на деятельность его завода по применению на деле выделываемого им табачного экстракта» [17, л. 12]. В связи с этим члены Общества в апреле 1901 г. письменно обратились к некоторым садовладельцам с рядом вопросов: 1) насколько табачный экстракт, производившийся на заводе А. И. Пастака, отвечает своему назначению; 2) против каких насекомых он применяется; 3) какова частота применения и количество экстракта на единицу обрабатываемой площади; 4) встречаются ли неудобства в использовании табачного экстракта.

Необходимо заметить, что на вышеупомянутый запрос откликнулись не только крымские садовладельцы, но также их коллеги из других губерний Юга России, а полученные правлением Общества ответы были, в целом, вполне удовлетворительными. Так, например, в письме, поступившем в адрес правления Общества от директора Низшей школы садоводства и огородничества 1-го разряда Полтавского губернского земства В. Ольховского, в частности, говорилось, что табачный экстракт, производившийся на заводе А. И. Пастака, являлся почти единственным недорогим и безопасным для растений средством «для борьбы с бичем питомников нашей местности – листовой тлёй». По словам садоводов, именно благодаря применению табачного экстракта в плодовых питомниках не было деревьев, испорченных вредными насекомыми; то же касалось кустов роз и других декоративных растений. А феодосийские землевладельцы отмечали, что данное средство действовало гораздо более эффективно (причем без вреда для растений) в отличие от химических препаратов – карболовой кислоты, керосиновой эмульсии и пр. [17, л. 15, 16].

Интересы А. И. Пастака не замыкались на собственном питомнике – он неоднократно бывал за границей, где знакомился с опытом зарубежных садоводов. В частности, Абрам Ильич регулярно ездил во Францию, где встречался с известными в Европе пепиньеристами (питомниководами) Ф. и Ж. Вильморенами (в Париже), Барбье (в Орлеане), Петрише и др.; помимо этого, французские и немецкие специалисты часто приезжали в хозяйство к крымскому садоводу с ответными визитами [19]. По словам современников, все это способствовало распространению в России культуры новых, т.н. «французских» сортов фруктов; их, благодаря климатическим и почвенным условиям Крымского полуострова, удавалось выращивать даже лучшего качества, чем во Франции. А французская селекционная и семеноводческая фирма «Вильморен» благодаря сотрудничеству с А. И. Пастаком и его рекомендациям приобрела в России известность своей селекцией семян сахарной свеклы и каперсов [19]. Лучших своих учеников А. И. Пастак также посылал стажироваться за границу.

Посетители, бывавшие в имении Абрама Ильича, отмечали особую тщательность, с которой его хозяин занимался разведением сада. Так, в апреле 1902 г. в Симферополе проходил съезд лесоводов, делегаты которого в один из дней приехали в плодовый питомник А. И. Пастака, в котором, к слову, все работы проводились женщинами. Особое восхищение у гостей имения вызвала «тщательная формовка деревьев» [20]. Кстати, подобные экскурсии в имение Пастака совершались членами Симферопольского общества садоводства регулярно [21]. Свое имение и плодовый питомник Абрам Ильич предоставлял для различных мероприятий, проводившихся «Симферопольским отделением Императорского Российского общества садоводства». Так, летом 1904 г. там состоялся конкурс окулировки деревьев[3], устроенный по инициативе крымских садоводов. Всего в конкурсе приняло участие 19 человек – в основном, учащиеся школы «Салгирка» и садовой школы Пастака, а также садовые рабочие из Феодосии, перед которыми стояла задача: привить грушу к айве. К слову, первое место на этом конкурсе занял ученик садовой школы А. И. Пастака Осман Кая Була, которому удалось сделать 124 прививки за 1 час [22].

Среди наиболее популярных сортов выращиваемых плодовых деревьев в питомнике А. И. Пастака были такие, как: груши – «Бере-Александр», «Клержо», «Фердинанд», «Зимняя Диканка», «Торжество Жодуана»; яблоки – «Бельфлер», «Наполеон», «Золотое семечко», «Розмарин», «Ренет ананасовый»; а также абрикосы, персики, сливы, айва, шелковица, вишня и черешня. Разводили также клубнику, землянику, малину, крыжовник, смородину; кроме того,

[3] Окулировка – способ прививки плодовых и декоративных растений одиночной почкой, взятой от черенка культурного сорта. В плодоводстве и декоративном садоводстве окулировку применяют в различных целях – в частности, она широко используется при размножении плодовых и декоративных кустарников.

большой популярностью пользовались грецкий орех, миндаль, лещина, инжир, смоковница. Помимо плодовых, в хозяйстве А. И. Пастака выращивали значительное число декоративных деревьев (ель, дуб, тополь, клен, каштан, ольху, березу, акацию, маклуру, сумах, иву, вербу и пр.), а также разнообразные вьющиеся растения (дикий виноград, жимолость) и многочисленные сорта цветов [18, с. 4-8]. Среди наиболее востребованных в питомнике были семена овощей (баклажан, базилик, фасоль, горох, свекла, капуста, лук, салат, морковь, репа) и ягод (арбуз), за которыми приезжали из разных концов Крыма и России. В каталоге питомника за 1917 г. сообщалось, что «все семена отсортированы наилучшим образом и проверены в их схожести» [18, с. 19-28]. Всего же в каталоге питомника А. И. Пастака числилось более 3,5 тыс. наименований различных насаждений [18, с. 45].

Деловой подход и заинтересованность в расширении сферы своей деятельности позволили Абраму Ильичу основать в Балаклаве на паях с севастопольским промышленником и купцом, потомственным почетным гражданином Иосифом Семеновичем Кефели фабрику, предназначенную для консервирования готовой продукции (сам И. С. Кефели специализировался на производстве рыбных консервов, которые пользовались спросом не только в России, но и за ее пределами). Для нужд производства в 1897 г. И. С. Кефели приобрел в Симферополе по ул. Воронцовской (ныне – ул. Воровского) дом некоего Барабаша [23–25]. Впоследствии эта фабрика перешла во владение братьев Шишман[4] и Ефетовича, которые планировали расширить консервно-овощное производство [28].

Следует сказать, что, помимо своей работы по заведованию питомником, отнимавшей довольно много сил и времени, А. И. Пастак принимал активное участие в заседаниях «Симферопольского отделения Императорского Российского Общества садоводства». Например, на заседании Отделения, состоявшемся в мае 1902 г., он горячо поддержал предложение агронома С. С. Крыма и заведующего казенным имением «Салгирка» П. Е. Кулакова об организации плодоводческой выставки по примеру французских, немецких и швейцарских коллег. Проведение такой выставки-ярмарки в Симферополе было запланировано на конец сентября – начало октября 1902 г. в имении «Салгирка» [29; 30]. Тогда же А. И. Пастак и крупный крымский землевладелец и садовод П. С. Щербина подняли вопрос об изменении правил отправки овощей и фруктов из Крыма по железной дороге. Опросив многих садоводов и торговцев, Абрам Ильич предложил делегировать в Харьков, где находилось управление железнодорожных путей сообщения, специальную группу представителей от Общества с ходатайством об изменении

[4] Илья, Моисей и Яков Шишманы являлись совладельцами симферопольской кондитерской фабрики «Братьев Шишман». Один из них, М. Я. Шишман был убит большевиками во время волны красного террора, прокатившейся по Крыму 23 и 24 февраля 1918 г. [26, с. 26-28; 27, с. 200-207].

существовавших правил (в соответствии с ними, продукты «плодоводства, виноделия и огородничества» должны были отправляться поездом в 10 часов утра, но это было неудобно, т.к. производители не успевали собрать и упаковать свою продукцию). Речь даже шла о возможности отправлять фрукты не ранее полудня на почтовом поезде, либо даже о том, чтобы отсылать ежедневно 50 фунтов фруктов курьерским поездом [30].

Переписка и разнообразные материалы по этому вопросу (в том числе техническая документация, чертежи железнодорожных вагонов, предназначенных для перевозки фруктов и пр.) собраны в хранящемся ныне в Государственном архиве АР Крым деле № 18 фонда 125 «Симферопольского отделения Императорского Российского общества садоводов» [31, л. 1-158]. Вышеупомянутое ходатайство, в конечном итоге, было удовлетворено, и крымским садоводам разрешили отправлять курьерскими поездами с 1 июня по 1 сентября не более 30 фунтов фруктов (20 фунтов с симферопольского вокзала и 10 – со станции в Бахчисарае). Причем разрешения на отправку выдавал действительный член Отделения городской голова Бахчисарая Мустафа мурза Давидович) [32].

Отметим также, что на заседаниях «Симферопольского отделения Императорского Российского общества садоводства» А. И. Пастак, помимо решения насущных проблем, связанных с его работой, знакомил коллег и с собственными агрономическими достижениями. Например, на заседании, состоявшемся 21 мая 1902 г., он экспонировал ранние овощи из своего садового питомника [33].

Однако необходимо подчеркнуть, что А. И. Пастака интересовали не только заботы о развитии садоводства, но и насущные проблемы просветительского характера, что позволяло ему принимать самое деятельное участие в делах народного образования. Так, например, на страницах губернской прессы А. И. Пастаком было опубликовано несколько заметок, касавшихся проведения для учащихся в воспитательных целях т.н. «праздника древонасаждения», для чего Абрам Ильич предлагал использовать городской сад Симферополя. По этому поводу им было высказано много интересных мыслей, актуальных, кстати, и по сей день. Так, например, он писал в газете «Салгир» в 1902 г.: «Никто не отнесется серьезно к тому виду древонасаждения, когда целая гимназия в 500 человек с оркестром во главе совершает прогулку за город и где-нибудь, на отведенном участке, садит несколько сот мелких растений и этим все дело ограничивается. Вряд ли этим можно привить любовь учащихся к растению <…> Самое простое дело – посадить растение, гораздо важнее уход за растениями, знать происхождение самого растения, его пользу» [34]. Для проведения мероприятий по подготовке к празднику А. И. Пастак даже предоставил свой плодовой питомник [35].

10 октября 1902 г. состоялось совещание Симферопольской городской управы и представителей учебных заведений Симферополя по вопросу о проведения праздника древонасаждения в губернской столице. В числе участников совещания был А. И. Пастак, предложивший непосредственно перед самим праздником

провести своеобразную репетицию посадки деревьев, для чего ученики должны были быть разбиты на группы, а их руководителям вменялось в обязанность объяснять детям, как именно производить посадку. Т.н. «пробные» деревья предлагалось выкопать в питомниках, один из которых, как уже было сказано выше, был предоставлен А. И. Пастаком. Кроме того, Абрам Ильич заметил, что на посадку всех 700 саженцев деревьев, приобретенных для данного мероприятия, понадобится не менее 60-ти часов, а это может оказаться весьма утомительным для учащихся. Поэтому он выступил с инициативой, чтобы «праздник древонасаждения» продолжался не более одного-двух часов, для чего потребовалось бы разделить учащихся на группы, которые бы возглавили 30 руководителей.

Программа проведения этого воспитательного мероприятия, выработанная участниками совещания, выглядела следующим образом: 10 ноября 1902 г. учащиеся Симферопольской мужской и женской казенных гимназий, Симферопольской татарской учительской школы, Симферопольского Николая II реального училища и еврейского училища (всего – около 2 тыс. чел.) отправились в городской сад, где для них уже были приготовлены декорированные платформы с деревьями и лопатами. Отсюда, в сопровождении четырех ученических оркестров, участники праздника шествовали к месту посадки деревьев, отведенному по решению городской управы [36].

Широкое развитие садоводства в Таврической губернии требовало привлечения квалифицированных специалистов, недостаток которых стал явно ощущаться в конце XIX в. 9 декабря 1889 г. в докладе на имя секретаря «Симферопольского отделения Императорского Российского общества садоводства» М. А. Дзюбина, озаглавленном «По вопросу об устройстве школы садоводства в Симферопольском уезде», в частности, говорилось, что «вопрос об устройстве школы садоводства в Симферопольском уезде как центре плодоводства Крыма поднят был с самого основания нашего Общества в 1883 г. и с тех пор не был решен из-за того, что Отдел не обладал никакими материальными средствами. Необходимость в открытии школы для образования контингента знающих садовников-практиков, или, как их называют, садовых рабочих не ослабевает, а наоборот, усиливается благодаря расширению разведения садов и введения новых приемов культуры, а также желания многих садовладельцев поставить эту отрасль хозяйства в более совершенные и в то же время выгодные условия» [31, л. 19, 20].

А. И. Пастак, осознававший всю важность этой проблемы, ратовал за создание на базе имения «Салгирка» школы садоводства и помологической станции, т.к. инициатива, предпринятая Министерством земледелия в конце 1880-х гг., не продвинулась дальше разработки ее проекта[5]. Министерство Государственных

[5] Следует сказать, что еще до учреждения школы, в период с 1882 по 1897 гг. в имении «Салгирка», Преславе и Каховке было проведено 5 курсов садоводства, огородничества, пчеловодства и шелководства [37, с. 119].

Имуществ, куда обратились члены «Симферопольского отделения Императорского Российского общества садоводства» с ходатайством об оказании помощи в открытии школы, увы, не нашло возможности выделить средства на устройство этого учебного заведения. Тем не менее, в министерстве выразили готовность отпускать от 1 тыс. 500 до 3 тыс. 500 руб. субсидий на садовую школу, если таковая будет открыта и будет существовать для нужд сельскохозяйственных школ [38, с. 80]. Полезное начинание поддержали губернские власти: на заседании Таврического Губернского Земства, состоявшемся 17 декабря 1887 г., было принято постановление выделить проектируемой школе необходимое материальное пособие.

Помимо обеспечения школы со стороны государства, насущным был и вопрос о том, кто найдет возможность оказывать этому учреждению посильную помощь в частном порядке. 13 февраля 1890 г. в Симферопольское отделение Общества поступило заявление А. И. Пастака, в котором, в частности, говорилось: «Ввиду предложения Симферопольского Общества Садоводства открыть школу в моем имении, я честь имею заявить, что я согласен безвозмездно уступить под школу свободные помещения, находящиеся в моем имении, и предоставляю ученикам принимать участие во всех работах как в питомнике, так и в саду» [38, с. 80].

Основными задачами школы, по мнению ее организаторов, должны были стать: 1) создание рассадника лучших сортов плодовых деревьев и винограда; 2) подготовка «преимущественно простых садовников, способных вести несложное хозяйство в местных садах». Курс в этом учреждении составлял три года с такой учебной программой: черчение, рисование («в применении к садоводству»), «объяснение важнейших для земледелия явлений природы», плодоводство, виноградарство, огородничество и цветоводство. Кроме того, предполагалось изучение вредных для садоводства насекомых, предмета о болезнях растений и «главнейших законов, относящихся к сельскому быту». Также, по мнению А.И. Пастака, в программу должны были быть включены такие дисциплины, как: табаководство, пчеловодство, шелководство; ремесла могли быть представлены плотницким, столярным и бондарным делом, а также «мастерством плетения корзин в применении к садоводству».

Заведование школой возлагалось на местных землевладельцев в количестве 5 человек (после предварительного их избрания Отделением), а также на губернское земское собрание. Представители от земства и члены Отделения составляли наблюдательный совет школы, занимавшийся периодическим осмотром хозяйства школы, и присутствовали на экзаменах в школе. Лицам, окончившим школу, предоставлялась льгота по отбыванию воинской повинности. Представители Министерства земледелия, резонно предположив, что на разработку «Положения» о школе, его утверждение, постройку для этого учебного заведения здания уйдет неоправданно много времени, предложили Таврическому гу-

бернскому собранию принимать желающих обучаться еще до официального открытия школы. Гласные земства поступили в соответствии с этой директивой, постановив: принять участие в расходах по обучению садовых рабочих, в виде эксперимента сроком на один год, назначив на это сумму из запасного капитала (но не более 900 руб.); стоимость содержания одного рабочего составляла 45 руб. на человека в год. Всего же на содержание школы садоводства земство постановило выделять по 1 тыс. руб. в первые пять лет ее существования. На устройство учебного заведения в целом требовалась сумма в 10 тыс. 500 руб., а на ее содержание в первый год существования – 4 тыс. 200 руб. Для покрытия расходов организаторы этого учебного заведения планировали получать 2 тыс. руб. от Министерства Государственных Имуществ и 2 тыс. руб. – на пособия или стипендии 10 ученикам от уездных земств. В последующие годы предполагалось, что школа частично сможет обеспечивать себя за счет продажи продуктов огородничества и садоводства, выращиваемых учащимися [38, с. 80]. В 1895 г. «Школа садоводства, огородничества и виноградарства» Министерства земледелия России была официально открыта, а в 1897 г. в имени «Салгирка», ставшим для этого учебного заведения базой, уже начался прием садовых рабочих [39; 40].

Успехи школы в подготовке садовых рабочих были очевидны. Так, на съезде деятелей сельскохозяйственного образования, проходившем в Москве в 1897 г., управляющий имением «Салгирка» П. И. Хиницкий выступил с докладом «О школах садовых рабочих». Делегаты съезда, выслушав докладчика, постановили: признать желательным премировать хозяйство «за выпуск знающих садоводство техников»; также было принято решение о том, что для усовершенствования садовых культур необходимо создавать научно-опытные поля. Для тех садовых школ, которые выразили бы желание устроить у себя научно-опытные участки, ходатайствовать о выдаче субсидий для их оборудования. Кроме того, участники съезда постановили: в садовых школах должны быть подсобные хозяйства такого размера, чтобы учащиеся имели достаточный объем учебного материала «для усвоения всех приемов техники садоводства» [41].

Продолжая развивать перспективное дело, Абрам Ильич предложил земцам вновь возбудить ходатайство перед министерством о скорейшем открытии школы садоводства при «Салгирке», а также помологической и энтомологической станций при ней – «для изучения сортов, пригодных для разведения», а также для апробирования мер по борьбе с вредителями. Тогда же в представительный комитет школы садовых рабочих от Отделения были избраны А.И. Пастак и К.М. Решко; к тому же, Абрама Ильича выбрали в состав правления Отделения [40]. В августе 1902 г. в имении «Салгирка» состоялись курсы садоводства, организованные симферопольским земством; участие в них приняли 35 педагогов (15 учительниц и 20 учителей). На содержание курсантов земской управой было выделено по 25 руб. каждому; всего же Симферопольское земство на устройство

курсов ассигновало 400 руб.; остальные расходы на себя приняло Министерство земледелия [42; 43]. Все курсанты были размещены в т.н. «Воронцовском дворце», где, по словам корреспондента газеты «Салгир», чувствовали себя «превосходно» – «благодаря любезной предупредительности заведующего «Салгиркой» П. Е. Кулакова». Открытие курсов, на котором присутствовали симферопольский уездный предводитель дворянства Н. П. Чабовский, председатель Симферопольской земской управы М. М. Кипчакский и ее члены Д. Е. Серебряков и М. И. Гунали, а также член Таврической губернской управы В. В. Конради, инспектор народных училищ Симферопольского района А. Ф. Скворцов, садовладельцы М. А. Дзюбин (секретарь Отделения), И. М. Сочеванов и А. И. Пастак, состоялось 1 августа 1902 г. На церемонии открытия курсов о. Аполлинарием Поповым был отслужен благодарственный молебен, а П. Е. Кулаков выступил с речью о значении садоводства в Симферопольском уезде, обрисовав основные цели, задачи курсов и их значение [43].

Для занятий курсантам была предоставлена обширная библиотека «Салгирки». Преподавателями были опытные специалисты и ученые: учительский персонал школы садовых рабочих «Салгирки» во главе с П. Е. Кулаковым, а также энтомолог С. А. Мокржецкий и Н. В. Неручев. На курсах, которые продолжались до 7 сентября, были запланированы экскурсии на Южный Берег Крыма (в Алушту, Карасан, Никитский ботанический сад, Ялту, а также на рр. Бельбек, Качу и Альму) для осмотра тамошних садов [43]. Для этих целей П. Е. Кулаков ходатайствовал перед земской управой о выделении дополнительно 80 руб. [44]. По окончании курсов состоялось торжественное их закрытие, на котором присутствовали члены Симферопольской уездной земской управы, лекторы и курсанты. От лица организаторов выступил Д. Е. Серебряков, поблагодаривший всех участников курсов за работу, а от имени учителей слова благодарности произнесли педагоги Кондури и Преображенская [45].

Следует подчеркнуть и тот факт, что на заседаниях «Симферопольского отделения Императорского Российского общества садоводства» А. И. Пастак не только выступал за скорейшее учреждение централизованной школы садоводства и помологической станции, но и высказывался за оказание помощи частным школам садоводства. Так, на заседании Отделения, состоявшемся 19 ноября 1902 г., он обратил внимание коллег на то, что частные школы садоводства «подготовляют садовых рабочих ничуть не хуже», чем школа в имении «Салгирка». Собрание членов Отделения, выслушав докладчика, постановило: возбудить перед Департаментом земледелия и Таврическим губернским земством ходатайство об оказании субсидии частным садоводческим школам [46]. Наконец, в 1907 г. благодаря инициативам А. И. Пастака и его единомышленников в имении «Салгирка» было открыто училище садоводства, в 1912 г. преобразованное в помологическую станцию.

Отметим, что качество и разнообразие выращиваемых крымскими садово-

дами сортов яблок, груш, слив, абрикосов, персиков, вишни, черешни, орехов, а также ягод неоднократно удостаивались высоких оценок на самых престижных российских и зарубежных выставках, а собранные урожаи фруктов вполне обеспечивали не только жителей Таврической губернии, но и удовлетворяли спрос на рынках крупных российских городов. По достоинству были оценены и успехи А. И. Пастака в помолого-селекционной работе: он был награжден золотыми медалями на садово-плодоводческих выставках в Нижнем Новгороде (1896 г.), в Париже (1900 г.), в Турине (1911 г.), в Москве (на выставке акклиматизации) и в Санкт-Петербурге (1913 г.). В 1906 г. крымский садовод был удостоен благодарности Таврического губернского земского собрания за инициативу в деле устройства частных садовых школ, а в 1908 г. на выставке плодоводства в Геленджике А. И. Пастаку вручили ее высшую награду – почетный диплом [18, с. 1].

В 1908 г. «Императорское Российское Общество садоводства» отметило свое 50-летие и 25-летие его Симферопольского Отделения. В Санкт-Петербурге в связи с юбилейными торжествами была организована «Всероссийская Юбилейная Промышленная Выставка садоводства, плодоводства и огородничества». По ее окончании участникам были вручены почетные дипломы, золотые, серебряные и медные медали. В числе награжденных было немало караимов: А. И. Пастак и А. Я. Прик (отдел питомников) – за коллекцию саженцев; братья И. Я. и М. Я. Шишман (отдел плодоводства) – за коллекцию промышленных сортов груш из их сада в районе Ком-Дюгермена на р. Каче; И.С. Айваз (отдел виноградарства и виноделия) – за выдержанные вина «Мускат» и «Лафит» в бутылках; вновь И. Я. и М. Я. Шишман (отдел технической переработки фруктов и овощей) – за консервы фруктовые и овощные; А.Я. Прик (отдел технической переработки фруктов и овощей) – за солнечную сушку падалицы груш и яблок и огненную сушку брака персика; А. И. Пастак (отдел технической переработки фруктов и овощей) – за сушку плодов; М. А. Танатар (отдел научный и литературный) – за коллекцию вредителей сада в Астраханском крае и за упрощенную фито-патологическую лабораторию [47, с. 89].

Такого рода выставки периодически проводились и в самом Крыму, где садоводы из числа караимов нередко занимали почетные места. Так, например, в 1897 г. в Ялте прошла выставка садоводов и плодоводов (в числе ее организаторов фигурировал агроном С. С. Крым), на которой почетный диплом был вручен Севастопольской городской лаборатории и ее представителю, химику караиму Дубинскому – «за продукты виноделия». Помимо этого, золотыми медалями были награждены наследники караима Д. Е. Сарибана – за «доброкачественные промышленных сортов груши крупной величины», которые выращивались в имении «Рай» под Алуштой; С. А. Крым (владелец имения «Салгир» и «Бей-Эли» в Отузской долине) – малой бронзовой медалью за сорт вина [48]. В ноябре 1898 г. «Симферопольским отделением Императорского Российского Общества садоводства» в губернской столице, в здании Таврического губернского

земства была организована выставка, приуроченная к 15-летию деятельности Отделения и состоявшая из «произведений» плодоводства, виноградарства, виноделия, цветоводства, огородничества, табаководства и пр. Участие в ней принимали и садоводы из числа караимов: Сарибан, Шишман, Черкес [49]. Премии и награды присуждались лишь за продукцию, произведенную и выращенную в пределах Таврической губернии. Так, малой бронзовой медали были удостоены караимы: Черкес – «за разные сорта меда» и Шишман – похвального отзыва за «применение колец к деревьям» [50]. Лучшие плоды с выставки были отправлены таврическому губернатору П. М. Лазареву для поднесения от имени членов Отделения императорской чете Романовых, отдыхавшей в это время в Ливадии [51].

Следует также упомянуть о том, что караимами было немало сделано и для популяризации продуктов крымского виноделия. Например, знаменитая продукция винодельческой фирмы «Г. Н. Христофоров и К°» – вина Южного Берега Крыма – продавалась в Севастополе в магазинах и лавках, принадлежавших караимским купцам братьям И. и И. Сакизчи, Б. Б. Койчу, А. С. Мангуби и др. (магазины располагались на Нахимовском проспекте и ул. Большой Морской). Кроме того, заслуживает упоминания и тот факт, что среди караимов было немало известных специалистов по виноделию – например, С. С. Крым и И. М. Мангуби, неоднократно принимавшие участие в российских съездах виноградарей и виноделов и даже выступившие с инициативой создания учебного заведения по виноградарству и виноделию для женщин [52; 53].

Важно отметить, что продукция, производившаяся в хозяйстве А. И. Пастака, пользовалась спросом не только в России, но и за ее пределами. Как уже говорилось, у опытного садовода были налажены связи со многими коллегами за границей – продукция питомника экспортировалась во Францию, Соединенные Штаты Америки, Туркестан и «далекие окраины России, вплоть до Харбина» [19]. Помимо этого, Абраму Ильичу, при содействии будущего караимского гахама С. М. Шапшала, удалось организовать поставки крымских фруктов ко двору персидского валиахда Мохаммед-Али-мирзы (там С. М. Шапшал состоял в должности воспитателя наследника престола) – правитель остался настолько доволен своим поставщиком, что в 1904 г. исходатайствовал А. И. Пастаку орден «Льва и Солнца» 3-й степени [54, с. 12].

Крымские садоводы успешно занимались не только практической, но и теоретической работой. В феврале 1909 г. на заседании Симферопольского Отделения был заслушан доклад о труде известного помолога и плодовода Л. П. Симиренко «Крымское промышленное плодоводство». Презентацию рукописи сделал член общества, врач и садовод В. В. Таюрский. Доклад произвел положительное впечатление у присутствовавших на заседании; тогда же был образован издательский комитет. Его председателем избрали С. С. Крыма, а В. В. Таюрского – секретарем. Первый том этого монументального труда был издан в 1912 г. при финансовой поддержке Симферопольского отдела Российского Императорско-

го Общества садоводства. 25 апреля 1912 г. в доме таврического губернатора графа П. Н. Апраксина в честь приезда императора Николая II был дан торжественный прием. Крымские садоводы вручили государю большую корзину с фруктами и фолиант в особом золотом переплете – экземпляр I тома «Крымского промышленного плодоводства». Между прочим, это способствовало скорейшему подписанию императором указа о создании первой в России Салгирской помолого-садоводческой станции [55; 56].

В своей книге Л. П. Симиренко проанализировал историю крымского плодоводства, его состояние и пути развития, а также привел детальное описание наиболее распространенных сортов яблонь и груш. В предисловии к книге автор упоминал о той помощи, которую при составлении книги оказали ему А. И. Пастак, С. С. Крым; на страницах своего труда Л. П. Симиренко неоднократно приводит данные о продуктивной деятельности караимов-садоводов [57, с. XII, 9, 16, 70, 145, 259, 327, 338, 382, 388, 390, 405, 703; 58]. Что касается самого Абрама Ильича, то его перу также принадлежит несколько публикаций, посвященных вопросам табаководства и плодоторговли (1898, 1902 гг.) [59, с. 382].

Абрам Ильич Пастак был инициатором создания первого в Крыму Сельскохозяйственного Общества взаимного кредита и банка взаимного кредита, директором которого он состоял с 1911 по 1920 гг. Главной задачей Общества и банка являлось оказание помощи крымским садоводам (в числе учредителей банка были караимы И. Я. Шишман, А. Я. Прик, Ч. Прик, М. Д. Сарибан, Ю. М. Шапшал, Б. А. Кефели, Б. Шишман, И. М. Сараф, С. С. Исакович) [60]. Кроме того, А. И. Пастак был одним из организаторов Крымской фруктовой и винной биржи, созданной при содействии Санкт-Петербургской фруктовой, винной, чайной и рыбной биржи. По этому поводу в справочнике «Торгово-промышленный мир России» за 1915 г. сообщалось, что «в целях содействия выяснению нужд русского плодоводства и виноделия в Крыму и для проведения в жизнь многих мероприятий, могущих послужить к развитию и улучшению этих отраслей сельского хозяйства, учреждение в Симферополе фруктовой и винной биржи является своевременным и настоятельно необходимым» [61, с. 7]. А. И. Пастак также принимал участие в работе Симферопольского уездного земского собрания, в числе других видных деятелей земства (В. В. Конради, М. Е. Серебрякова, Е. В. Руссетта, Ф. М. Шлее, Ф. Ф. Шнейдера, Э. М. Бобовича и др.) входил в состав различных его комиссий – ревизионной, комиссии по разработке докладов, особой комиссии по переоценке облагаемых земством земель и пр. [62; 63].

На заседаниях училищной комиссии Симферопольского уездного земства Абрам Ильич проявил себя как деятельный сотрудник и знающий специалист. Например, на заседании, состоявшемся в сентябре 1902 г., членами комиссии обсуждался вопрос о внешкольном образовании. А. И. Пастак, выступая о важности распространения просветительских знаний среди населения перед своими

коллегами, предложил устроить при земской управе склад книг, которые затем могли бы передаваться для нужд библиотек и народных читален. В целях дальнейшего обучения широких слоев населения грамоте им также было предложено ввести при существующих школах вечерние занятия для малограмотных – для этой цели членами комиссии было решено ходатайствовать перед земством о выделении необходимых средств [64].

Помимо всего прочего, Абрам Ильич как специалист в области агрономии состоял членом сельскохозяйственного совета Симферопольского земства, в котором играл одну из ведущих ролей. Например, на заседании совета 24 ноября 1904 г. он выступил с докладом о деятельности выдающегося агронома, профессора Петровско-Разумовской земледельческой и лесной академии, председателя Ученого комитета Министерства земледелия И. А. Стебута (1833–1923), 50-летний юбилей которого отмечался 21 ноября 1904 г. Докладчик рассказал о достижениях юбиляра «в области научной и практической агрономии». На том же заседании А. И. Пастак прочел доклад о проблемах, связанных с организацией поселка им. императора Александра II для безземельных крестьян под Симферополем, инициатором создания которого являлось симферопольское уездное земское собрание[6]. В частности, Абрам Ильич указывал на то обстоятельство, что безземельных крестьян в Симферопольском уезде насчитывалось несколько десятков тысяч, а земельные участки можно было распределить только между 10–15 владельцами, и поэтому А.И. Пастак предлагал открыть на приобретенной земле школу сельскохозяйственных рабочих. После оживленных прений присутствовавшие на заседании совета согласились с приведенными коллегой аргументами и постановили: просить земское собрание изменить принятое ранее решение об отводе земли под поселок для безземельных крестьян с целью открыть там школу, а в качестве обоснования передать сделанный Пастаком доклад [65].

Активная жизненная позиция и колоссальный опыт работы в различных обществах и организациях позволили также А. И. Пастаку быть избранным в 1902 г. в образованную членами «Симферопольского отделения Императорского Российского общества садоводства» комиссию по разработке вопросов, связанных с нуждами сельскохозяйственной промышленности, с последующим представлением результатов ее работы в Санкт-Петербург [66]. А в 1912 г. А. И. Пастак, в числе других крымских землевладельцев, был включен в список лиц, имевших право принимать участие в съезде землевладельцев по выборам в Государственную Думу (согласно сведениям об имущественном цен-

[6] Идея создания такого поселка возникла у членов земства еще в 1881 г., однако только в 1901 г. земской управой для этих целей было приобретено 250 десятин в 8 верстах от губернской столицы. Тем не менее, участок, вместо заселения его безземельными крестьянами, был отдан в аренду, которая истекла в 1904 г.

зе, Абрам Ильич владел 1 тыс. 360 десятинами земли при дер. Сарайлы-Кият, что давало ему право входить в число выборщиков) [67].

По свидетельству члена Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП) старшего евпаторийского газзана Б. С. Ельяшевича, А. И. Пастак отличался исключительным патриотизмом, интеллигентностью, простотой, доступностью и гостеприимством [8, с. 159, 160]. Он активно участвовал в общественной жизни: жертвовал крупные суммы на благотворительность и нужды караимской общины. Обучаясь в Тимирязевской академии, А. И. Пастак продолжал активно интересоваться проблемами караимской общины Крыма. Так, в августе 1881 г. в Симферополе, по инициативе местного благотворительного общества, был организован любительский спектакль, причем участие в его проведении принимали лица из числа студентов МГУ, среди которых был и будущий организатор «Московского Общества вспомоществования недостаточной учащейся караимской молодежи» Абрам Пастак. Молодыми людьми были поставлены пьесы А. Н. Островского «На бойком месте» и «Зачем иные люди женятся» [68; 69, с. 30]. Все средства от этого спектакля также были направлены студентам МГУ, уроженцам Таврической губернии.

Одним из малоизвестных фактов в биографии Пастака является его участие в подготовке проекта создания «Общества вспомоществования недостаточной учащейся караимской молодежи». Инициаторами его создания стали студенты Императорского Московского технического университета Самойло (Самуил) Исаакович Исакович (1859–1910), Московского государственного университета Лазарь Хаджи и студент Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии Абрам Ильич Пастак.

В ноябре 1881 г. они обратились с письмом к Таврическому и Одесскому караимскому гахаму Самуилу Моисеевичу Панпулову с просьбой оказать содействие в организации Общества. В ходатайстве говорилось о том, что «число бедных караимов, жаждущих высшего образования, с каждым годом все больше увеличивается», и поэтому инициаторы создания общества взаимного вспомоществования просили гахама войти в правительственные круги с предложением об учреждении такой организации. В апреле того же года С. М. Панпулову было направлено повторное письмо, из которого следовало, что планы по созданию указанного благотворительного учреждения вынашивались в течение несколько лет; к письму прилагался также устав проектируемого общества [69, с. 31].

Основными задачами Общества, которое создавалось в Санкт-Петербурге, его организаторы называли: «доставлять средства к существованию для окончания образования нуждающейся караимской молодежи, обучающейся в высших учебных заведениях, а по мере увеличения средств Общества, и обучающимся в средних учебных заведениях». Для этого предполагалось выдавать безвозвратные пособия и ссуды нуждавшимся, средства Общества должны были составить членские взносы, пожертвования (как денежные, так и материальные – вещами,

книгами и пр.); для «усиления средств» предполагалось также проводить литературные чтения, спектакли, концерты, балы и пр. Правление Общества должно было заниматься избранием «агентов в провинциальных городах для собирания сведений о лицах, желающих пользоваться помощью Общества». Таким образом, авторы проекта предполагали оказывать помощь всем караимам, которые обучались или собирались обучаться в учебных заведениях [69, с. 31, 32]. К сожалению, обнаружить сведения о дальнейшей судьбе проектировавшегося в Санкт-Петербурге «Общества вспомоществования недостаточной учащейся караимской молодежи» пока не удалось.

Уже будучи в зрелом возрасте, А. И. Пастак продолжал активно содействовать делу благотворительности. Например, в 1891–1896 гг. в Симферополе была осуществлена постройка нового здания караимской кенасы – наиболее значительные пожертвования сделали члены симферопольской караимской общины А. И. Пастак, А. Я. Прик, Д. С. Черкез, Д. Е. Сарибан, Я. А. Хаджи, Ю. М. Шапшал, И. И. Казас и др. От Абрама Ильича также поступали пожертвования в пользу Симферопольского благотворительного общества, Симферопольского общества «Детская помощь» (одним из учредителей которого он являлся) и др. [70–72]. Неоднократно он, в числе других караимов, избирался и в состав попечительского совета Симферопольской мужской казенной гимназии [73, с. 91]. Отметим также, что Абрам Ильич Пастак принимал участие в работе Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), способствуя пополнению ее коллекций – например, в марте 1894 г. в музей Комиссии от него была передана русская медная монета [74, с. 165].

В 1904 г. в связи с началом русско-японской войны во всех слоях общества наблюдался небывалый патриотический подъем – создавались различные благотворительные общества и организации, призванные оказать помощь русской армии; среди населения был объявлен сбор денежных и прочих средств. Кроме материальной и моральной поддержки, оказывавшейся армии и флоту, в Таврической губернии формировались и специальные медицинские подразделения, госпитали – например, Таврический лазарет на 200 кроватей, получивший впоследствии наименование «Таврического лазарета Государыни Императрицы Александры Федоровны» и отправленный в район боевых действий [75].

В это сложное для страны время многие общественные деятели взяли на себя непростые обязанности по координации деятельности многочисленных благотворительных обществ и организаций. Что касается А. И. Пастака, то с 14 марта 1904 г. он входил в состав губернской исполнительной комиссии Таврического отдела Российского общества Красного Креста по устройству Таврического лазарета (кроме него, среди участников комиссии фигурировали некоторые видные общественные деятели из числа караимов – городской голова Карасубазара Э. Б. Бобович и Таврический и Одесский караимский гахам С. М. Панпулов) [76]. Весной 1904 г. на одном из заседаний комиссии Абрам Ильич сообщил, что

на 8 мая того же года было назначено общее собрание заемщиков Херсонского земского банка по вопросу об ассигновании суммы на нужды войны (правление банка решило предложить общему собранию передать значительные денежные средства на указанные цели). По мнению докладчика, в связи с тем, что деятельность Херсонского земского банка охватывала четыре губернии (в том числе и Таврическую), было бы желательно, чтобы часть суммы, ассигнованная на нужды раненых, поступила в пользу Таврического лазарета – разумеется, с письменного согласия вкладчиков. Комиссия согласилась с предложением А. И. Пастака и постановила: «испросить у уездных земских управ адреса заемщиков Херсонского банка, чтобы обратиться к ним с соответствующей просьбой» [77]. Помимо этого, все денежные суммы, поступавшие в адрес Таврического лазарета, исполнительная комиссия постановила держать на специальном счету в отделении Азовско-Донского банка, руководство которого приняло решение увеличить выдачу процентов лазарету, а также осуществлять все его операции бесплатно [78].

Прием пожертвований для Таврического лазарета поступал регулярно и со всех уголков Крыма и Юга России – например, той же весной 1904 г. для раненых от Днепровской уездной земской управы, членов Эйгенфельдского сельского общества, жителей Гальбштадтской волости и других населенных пунктов были переданы продукты и носильные вещи. Караимы Евпатории пожертвовали в адрес лазарета 3 тыс. 150 руб. и на нужды русского флота – 4 тыс. 500 руб., а караимы Бахчисарая – более 245 руб. на те же цели; симферопольская еврейская община передала 1 тыс. 500 руб. на Таврический лазарет и 500 руб. – на пособие вдовам и сиротам убитых воинов. В самой губернской столице была организована выставка художников и «городские гулянья», весь доход от которых также направили в пользу лазарета [79–89]. Пожертвования поступали и от частных лиц, среди которых было немало представителей караимской общественности. Средства передали И. И. Казас, Б. И. Казас, Е. Р. Казас, А. Ю. Мичри, В. С. Казас, А. И. Прик, М. С. Черкес, Е. Ч. Майтоп, Э. И. Баккал, С. Ялпачик, С. Болек, Э. Сапак, И. Ш. Шакай, М. Ага, И. Синани, М. Сарач, И. Сарибан, И. Чуюн, Ю. Сапак, Ю. Эмельдеш, С. М. Панпулов и др. Непосредственное участие в устройстве благотворительных мероприятий принимал и сам Абрам Ильич Пастак; от него же поступали и денежные средства в пользу лазарета [87–89]. Такая поддержка вызывала горячий отклик воинов. 31 мая 1904 г. Таврической губернской земской управой была получена телеграмма следующего содержания: «Таврический лазарет шлет из Азии привет и глубокое сердечное спасибо дорогим товарищам за добрую память, теплое слово и хорошие пожелания» [90].

Примечательно, что наиболее востребованной в рационе военнослужащих российской армии была продукция крымских садоводов. Так, 19 июля 1904 г. уполномоченный Таврического лазарета А. М. Колчанов, находившийся в районе ведения боевых действий, сообщал телеграммой председателю Таврической

губернской земской управы Я. Т. Харченко о том, что сушеные фрукты – яблоки, груши, особенно компоты с небольшим содержанием сиропа – крайне нужны для раненых; что же касалось консервов, сушеной зелени и овощей, то в них лазарет недостатка не испытывал [91]. Большой популярностью среди солдат и офицеров пользовался крымский табак – на призыв таврического губернатора сделать пожертвования на нужды армии и флота первыми откликнулись табачные фабриканты братья Д. и Б. Гофлины, передавшие 200 фунтов табака второго сорта и 20 тыс. папирос [92].

Весной 1904 г. таврический губернатор В. Ф. Трепов направил в адрес руководства Красного Креста телеграмму. «Мысль о посылке на театр военных действий Таврического народного лазарета объединила все население губернии в благородном порыве служить Отечеству, – замечал губернатор. – Народности, населяющие Таврическую губернию: татары, караимы, евреи, немцы, греки, армяне, поляки и другие, соревнуются с русскими в желании жертвовать на святое дело помощи раненым и больным воинам» [93]. Важную роль в благородном деле оказания помощи раненым играл Абрам Ильич Пастак.

Как уже было сказано выше, А. И. Пастак живо интересовался текущими делами в крымских караимских общинах. В декабре 1911 г., после смерти Таврического и Одесского караимского гахама С. М. Панпулова, А. И. Пастак вошел в число делегатов, направленных симферопольской караимской общиной для участия в похоронах духовного главы караимов в Евпатории [94, с. 101]. А когда в Евпатории в январе 1912 г. не стало видного деятеля караимского просвещения И. И. Казаса, от Абрама Ильича и членов его семьи в адрес родных и близких заслуженного педагога была направлена телеграмма: «В лице И.[льи] И.[льича] караимы потеряли своего наставника и двигателя просвещения. Вся жизнь усопшего протекала в обучении юношества. Ученики и все знающие И.[лью] И.[льича] – а знала его вся Таврида – никогда не забудут имени дорогого своего учителя» [95, с. 101].

После Февральской революции 1917 г. Абрам Ильич вновь оказался в гуще политических событий. Следует сказать, что в этот период формировались различные политические силы; на волне общегосударственных преобразований активизировались всевозможные национальные партии и общества. Зимой 1917 г. в Евпатории был создан Караимский Национальный Совет (КНС) – организация, призванная заниматься неотложными вопросами в жизни караимских общин в перерывах между созывами общекараимских съездов. На заседании Совета 11 декабря 1917 г. состоялись выборы в его Исполнительный Комитет (ИК). Большинством голосов в него были избраны: А.И. Пастак, И.А. Терияки, Я.В. Ходжаш, М.С. Луцкий, Ю.Ю. Тришкан, М.М. Ефет, С.М. Сарач, И.И. Чубар, И.А. Прик, С.С. Крым, И.В. Шишман, И. М. Туршу и А.Л. Троицкий [96, л. 28 об.]. КНС занимался решением неотложных вопросов, связанных с нормальным функционированием Тав-

рического и Одесского караимского духовного правления, а также других караимских национальных учреждений [97, с. 573-621].

Первая мировая, а затем гражданская войны нанесли непоправимый урон экономике и хозяйству страны; многие достижения культуры и науки дореволюционной поры безжалостно уничтожались. В неспокойные годы революции практически всё потеряла и семья Абрама Ильича. Выдающегося крымского садовода несколько раз арестовывали и заключали под стражу. По воспоминаниям его дочери, Елизаветы Пастак, во время одного из арестов А. И. Пастака, над которым издевались большевики, знакомый крымский татарин смог вывести его из здания бывшего офицерского собрания, куда был помещен арестованный. После второго ареста Абрам Ильич все же был заключен в тюрьму, однако тюремному врачу, также хорошо знавшему Пастака, удалось поместить арестованного в лазарет, где его могли навещать жена и дети.

Опасность подстерегала членов семьи опального садовода на каждом шагу. По словам В. Румянцевой, однажды к нему дом ворвались представители новой власти и стали угрожать расстрелом сыну А. И. Пастака Шаббатаю. В этот момент домработница Пастаков Анна Дядькова, которая жила в их семье с 1906 г., закрыла юношу своим телом, тем самым предотвратив расправу. В другой раз большевики вторглись к Пастакам и грозили взорвать дом, если хозяин не отдаст якобы имевшиеся у него ценности. Однако в этот момент младшая дочь Абрама Ильича Лиза вынесла свою детскую копилку с деньгами, чем рассмешила непрошенных гостей, и на этот раз они оставили семью Пастаков в покое[7].

В особенно трудные и голодные послевоенные годы А. И. Пастак был вынужден работать разносчиком т.н. «караимских пирожков», которые пекли его жена и домработница. В начале 1920-х гг. Абрам Ильич, не имея возможности заниматься любимым делом и фактически отлученный от садоводства при новых порядках, открыл бухгалтерские курсы, где передавал слушателям опыт практической работы. Однако и на новом поприще трудовой деятельности Пастак по-прежнему оставался для властей одним из «бывших». Б. С. Ельяшевич упоминает такой эпизод в его биографии. В 1921 г. Абрам Ильич был вновь арестован по ложному доносу как «реакционер и враг рабочего класса», вследствие чего ему грозил смертный приговор. Однако один из членов судившей садовода «тройки» оказался участником восстания 1905 г. на броненосце «Потемкин» – его самого и его товарищей А. И. Пастак якобы укрывал в своем имении после подавления восстания, тем самым спасая от преследования властей, а затем даже помог выехать за границу. Узнавший своего спасителя матрос потребовал немедленного освобождения Абрама Ильича, и дело по его обвинению было прекращено [8, с. 159]. Факт укрывательства государственных преступников

[7] Информация приведена по данным из личного архива В. Румянцевой.

законопослушным представителем зажиточного класса, которым, безусловно, являлся крымский садовод, вызывает определенное сомнение, однако о его великодушии и готовности помочь ближнему в трудную минуту упоминали все без исключения современники А. И. Пастака, близко его знавшие.

Неспокойная обстановка и постоянная опасность быть арестованным вынудили А. И. Пастака принять решение покинуть родной Крым и уехать в Ташкент (по другой версии, Абрам Ильич был осужден в 1925 г. и, в соответствии с решением суда, должен был быть сослан в Сибирь на поселение где-то близ Енисея, однако затем приговор изменили и Пастака отправили в Ташкент). Вместе с ним в изгнание поехали его жена Вера и дочь Эстер.

В Ташкенте А. И. Пастак, несмотря на свой солидный возраст и положение, в котором он оказался, успешно выучил узбекский язык; ему также удалось открыть бухгалтерские курсы для местного населения. Курсы эти, напрямую подчинявшиеся ОкрПрофОбру (Отделу окружного профессионального образования), были организованы при школе Джухари-фараби «специально для коренного населения» и преследовали цель ознакомить желающих с основами ведения бухгалтерии. Однако программа курсов, рассчитанная на два года, этим не ограничивалась. В нее, помимо таких предметов, как «двойная итальянская и американская коммерческая арифметика», А. И. Пастаком были включены также русский язык, политэкономия и обществоведение. Преподавание велось на узбекском языке. На прохождение всей учебной программы отводилось 10 месяцев; для дехкан (крестьян) и рабочих при курсах имелись два подготовительных отделения. Плата за обучение составляла 6 руб. в месяц; что касается особо нуждавшихся, то для них обучение на курсах было бесплатным. Сохранился благодарственный адрес, составленный выпускниками бухгалтерских курсов, на которых преподавал А. И. Пастак. «Мы, слушатели Курсов бухгалтерии при Ташполитпросвете, – говорилось в этом адресе, – выносим глубокую благодарность Вам за метод преподавания, за аккуратное и добросовестное отношение к порученному Вам делу и за товарищеское отношение к слушателям <…> мы, в течение короткого срока, с малой подготовкой, сумели пройти и усвоить намеченную программу» [98].

Помимо бухгалтерских курсов, Абраму Ильичу также удалось устроиться на работу агрономом и читать лекции по сельскому хозяйству и садоводству в Ташкентском университете [99, с. 387]. В стенах этого вуза он проводил опыты по добыванию никотина при помощи солнечной энергии, а также вел исследования по гелиотехнике; активно сотрудничал с открывшейся в Ташкенте гелиотехнической лабораторией [19]. В г. Капланбек (ныне – Южно-Казахстанская область, на границе с Узбекистаном) А. И. Пастак, используя свой колоссальный опыт, накопленный им за годы занятий садоводством, принял участие в разработке проекта и строительстве завода по изготовлению табачного концентрата – по словам коллег, «чрезвычайно рационального».

До последнего дня Абрам Ильич продолжал деятельно заниматься научными изысканиями в области садоводства. В начале 1930-х гг. пришло известие, что срок ссылки сократили, и ему было позволено вернуться в родной Крым. Однако, по словам родственников ученого, он этого сделать не смог и не захотел – слишком свежи еще были в памяти те лишения и то унижение, которые испытали ученый и члены его семьи совсем недавно. Кроме того, сказывались и серьезные проблемы со здоровьем. «Мечтою последних дней Пастака, 68-летнего старика – говорилось в некрологе, опубликованном в одной из газет после его смерти, – было осуществление его проектов использования солнечного тепла для нагревания парников и оранжерей <…> С грустью приходится отметить, как последние лучшие культурные работники уходят из жизни, и, увы, не видно им смены» [19]. Не стало Абрама Ильича Пастака в начале марта 1932 г. в Ташкенте, где он и был похоронен.

Заслуживает отдельного упоминания и судьба членов многочисленной семьи ученого-садовода. А. И. Пастак был женат на Вере (Берухе) Самойловне (Самуиловне) Крым (8.09.1871, Феодосия – 1954, Симферополь), дочери видного караимского общественного деятеля, одного из учредителей Таврического университета, депутата Государственной Думы и главы Второго Крымского краевого правительства, ученого и агронома Соломона Соломоновича Крыма. Сама Вера Самойловна была известна своей благотворительной деятельностью, некоторое время состояла председателем Симферопольского караимского благотворительного общества. Она часто сопровождала Абрама Ильича в его поездках за границу, была его незаменимым помощником. Современники отмечали, что В. С. Пастак отличалась «редкой интеллигентностью, патриотизмом, простотой и доступностью, гостеприимством», пользуясь среди всех слоев населения глубоким уважением [100, с. 160].

В семье Пастаков было семеро детей: Исаак, Шаббатай, Эстер, Софья, Анна, Илья и Елизавета. Исаак Абрамович Пастак (1894, Симферополь, а по другим сведениям, Ялта [101] – 1965, Париж) в 1911 г. окончил Симферопольскую мужскую казенную гимназию, а затем – Петроградский университет [102, с. 93]. Он продолжил дело отца, став известным ученым; работал в должности химика в центральной лаборатории Артиллерийского ведомства. В 1918 г. И.А. Пастак был мобилизован в Добровольческую армию Юга России, служил в артиллерии в чине поручика. В 1920 г. он был эвакуирован в Галлиполи (ныне – г. Гелиболу в Турции), затем эмигрировал в Стамбул, потом – в Чехословакию, где в 1922 г. окончил Политехникум в Праге и получил степень доктора химии. И. А. Пастак являлся инициатором создания в 1924 г. «Общества русских химиков в Брно» и был одним из его руководителей. В 1925 г. И.А. Пастак переехал в Париж. Там он устроился работать преподавателем в одно из лучших учебно-исследовательских учреждений Франции «Коллеж де Франс» (College de France), где начал работы по изучению процессов окисления органических соединений.

С 1929 г. И. А. Пастак организовал и более 30 лет возглавлял лабораторию красителей и агрохимических веществ при «Обществе продуктов агрохимии» известной фирмы Трюфо в Версале. И. А. Пастак являлся вице-председателем Общества русских химиков во Франции, членом Общества садоводов во Франции, а также различных сельскохозяйственных товариществ и химических объединений других стран, в том числе и «Американского химического общества» [101; 103, с. 184, прим. 712]. Во время Второй мировой войны И.А. Пастак работал в центральном департаменте Франции, занимаясь вопросами производства пороха.

Старший сын Абрама Ильича постоянно занимался самообразованием, знал шесть языков. Ему принадлежит ряд патентов на изобретения и технические решения. И. А. Пастак – автор более 100 научных работ по агрономии и химии; им же был разработан курс органической химии, изданный на русском языке в Праге в 1924 г. Он создал ряд препаратов для борьбы с онкологическими заболеваниями, а также медикаментов для лечения кожных и тропических заболеваний. За свои достижения в области науки и сельском хозяйстве Исаак Абрамович был удостоен звания «Кавалера ордена Франции» (в 1948 г.), «Кавалера ордена Почетного Легиона» (в 1954 г.) и ордена «За заслуги в исследованиях и изобретениях» (в 1964 г.) [104, с. 387].

Шаббатай Пастак (1896, Симферополь – 1985, Париж) также окончил Петроградский университет, затем был мобилизован в 1919 г. в Добровольческую армию; в 1920 г. он, как и брат, эмигрировал в Стамбул, позднее в Чехословакию; впоследствии оказался во Франции, в Париже, где работал инженером-электриком. Жили Исаак и Шаббатай (или, как его называли в эмиграции, Себастьян) Пастаки в Вирофле и, как уже упоминалось выше, работали на сельскохозяйственном предприятии Трюфо в Версале; оба были холостяками. По воспоминаниям караима Р. С. Гелеловича (внука С. Э. Дувана), жившего также в эмиграции, Исаак Пастак «много работал с химическими препаратами и всегда был покрыт разными пятнами, главным образом желтого цвета». Друзья очень ценили Исаака и Шаббатая Пастаков как простых, сердечных и достойных людей. «Таких оригиналов больше свет не носит», – говорил о братьях Р. С. Гелелович. Особенно теплые, дружеские отношения сложились у Пастаков с известным русским писателем Иваном Сергеевичем Шмелевым – братья часто приезжали к нему и в Париж, на улицу Буало, и в Сент-Реми, куда он вынужден был перебраться после бомбежки города во Вторую мировую войну [103, с. 28, 59; 105, с. 74-78; 106, с. 12, 13]. Кстати, двоюродная сестра Пастаков, Клара Абрамовна Крым, врач по профессии, лечила И. С. Шмелева в эмиграции [107, с. 58, 130; прим., с. 28]. Ш. А. Пастак живо интересовался вопросами этногенеза караимов, а его статья «Караимы» была даже напечатана в 16 томе «Большой Американской Энциклопедии» в 1950 г.

Интересна и трагична судьба их сестры, Софьи Абрамовны Пастак (1898,

Симферополь – 7.07.1942, Евпатория). По воспоминаниям младшей дочери А. И. Пастака, Елизаветы Абрамовны, Соня Пастак была в семье самой храброй из детей, и когда в дом приходили большевики – с обыском или для очередного ареста отца, «все старались спрятаться на чердаке или где-то еще, но Соня никогда не убегала». С. А. Пастак получила хорошее образование, она окончила одно из первых женских высших учебных заведений в России – Бестужевские высшие женские курсы в Санкт-Петербурге, физико-математическое отделение. Впоследствии Софья Абрамовна устроилась наблюдателем гидропоста на р. Салгир, занималась изучением водных ресурсов степной части Крыма. В 1926 г. на Сакском соляном озере начались системные гидрогеологические наблюдения. Именно здесь впервые в СССР стала функционировать Контрольно-наблюдательная исследовательская станция (ныне – ГГРЭС). Первым ее заведующим был геолог П. Павлов, а химиком – С. А. Пастак. В 1929 г. заведование станцией приняла на себя Софья Абрамовна, которая состояла в этой должности до 1941 г.

Помимо выполнения своих непосредственных обязанностей, она продолжала интересоваться наукой, причем круг ее интересов был чрезвычайно широк. С. А. Пастак волновали такие глобальные проблемы, как возникновение жизни на земле, исследования океанов и морей, происхождение энергии; изучала она и вопросы, связанные с развитием железных дорог в СССР и механизацией сельского хозяйства в США; интересовалась ихтиологией, изучала рыб Байкала. С.А. Пастак стала автором нескольких научных работ, таких, как: «Шестое чувство животных», «Гипс Сакского озера и его промышленное использование», «Рапное хозяйство Сакского курорта» (в соавторстве с Космаком, 1931 г.) и др. Одной из заслуг С. А. Пастак является то, что ей удалось провести детальный анализ грязи из Чокракского озера и выяснить, что она однотипна с сакской, но выгодно отличается отсутствием гипса и большим содержанием сернистого железа. Софья Абрамовна часто выступала в печати с вопросом о необходимости исследования и наблюдения за лечебным озером. В частности, в одной из статей она писала: «Жизнь озера слишком сложна и зависит от значительного количества факторов: физико-химических и биологических, создаваемых человеком, пользующимся и распоряжающимся им по своему усмотрению. Все эти факторы оказывают влияние не в один какой-либо определенный период, например, в курортный сезон, но и изо дня в день, в течение круглого года и, наконец, целого ряда лет» [108].

В 1933 г. в газете «Красный Крым» С. А. Пастак опубликовала свой проект под названием «Новые Саки». Основной идеей проекта автор статьи называла необходимость выхода курорта к морю и создания новых грязелечебниц вдали от жилых районов на берегу Сакской пересыпи. Однако осуществлению этих планов помешала ситуация, сложившаяся в стране в конце 1930-х гг. – основной упор был сделан на развитие химзавода, а не курорта. Тем не менее, в 1935 г.

при Контрольно-наблюдательной станции вновь открывается музей[8] по сбору и хранению материалов комплексных научно-исследовательских экспедиций гидрогеологов, биологов и врачей, изучавших Сакское озеро в 1920–1930-е гг. Возглавила этот музей Софья Пастак [109]. По отзывам коллег, как руководитель С. А. Пастак была незаменима, сумев за короткий срок поставить работу на озере на высоту современной науки.

Во время оккупации Крыма немецко-фашистскими захватчиками С. А. Пастак 4 июля 1942 г. добровольно пошла на расстрел, сопровождая детей-евреев (причем среди них была и 16-летняя дочь ее родной сестры Анны). 25 сентября 2001 г. на здании Сакской гидрологической станции, в присутствии представителей караимской общественности и жителей города, была открыта мемориальная доска в память о Софье Абрамовне Пастак [110, с. 1].

Елизавета Абрамовна Пастак (1906–1993) родилась 27 февраля 1906 г. в Симферополе. По данным архива НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург), она училась, а затем работала внештатным химиком в Ленинградском Гидрологическом институте; имела неоконченное высшее образование; была беспартийной. Проживала Е. А. Пастак по адресу: г. Ленинград, ул. Ракова, д. 6, кв. 25. По доносу на ее мужа-химика Анатолия Горинова Елизавета Абрамовна была арестована 2 октября 1937 г. в ходе «чисток» соваппарата как «член семьи изменника Родины» и приговорена 2 ноября 1937 г. ОС НКВД СССР к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. В 1942 г. она была освобождена по отбытии срока и, выехав с мест заключения, вновь встретилась со своим мужем. Вскоре у них родилась дочь София, у которой впоследствии хранился личный архив семьи Пастак. Е. А. Пастак была реабилитирована военным трибуналом Ленинградского военного округа 19 сентября 1956 г. Впоследствии Елизавета Абрамовна проживала в Ленинграде [111, S. 94; 112, с. 90; 113].

Эстер Пастак (1897, Симферополь – 1953, Ленинград), как отец и старший брат, Исаак, стала агрономом. Работала бухгалтером, во время Великой Отечественной войны находилась в блокадном Ленинграде, где и прожила до конца своих дней. Илья Пастак (1902–1936) получил техническое образование, работал инженером; погиб в железнодорожной катастрофе недалеко от Москвы. Об Анне Пастак (1900–1942, Симферополь) сведений практически не сохранилось, однако известно, что она, как и ее муж, дирижер А. Б. Брискин, занималась музыкой; в их семье было трое детей[9].

---

[8] Этот музей был основан еще в 1909 г. профессором С. Налбандовым, приглашенным из Одессы на должность старшего врача Сакской земской грязелечебницы.

[9] По некоторым сведениям, Анна Абрамовна Пастак вышла замуж за известного в то время дирижера Аркадия Борисовича Брискина (еврея по национальности), после чего ее братья, офицеры врангелевской и деникинской белых армий И. А. и Ш. А. Пастак прервали с ней отношения [114; 115].

За свою долгую и насыщенную событиями жизнь Абрам Ильич Пастак внес значительный вклад в развитие различных направлений науки и образования. Он сыграл важную роль в становлении крымского садоводства; стоял у истоков создания в Крыму научно-образовательной и технической базы для подготовки всесторонне подготовленных садоводов и помологов. Организованные при участии Пастака школы садовых рабочих и помолого-садоводческая станция «Салгирка» на многие годы стали центрами обучения специалистов самого высокого уровня. Не прекращая занятий наукой до последних дней своей жизни, А. И. Пастак проводил результативные исследования в таких перспективных направлениях, как преобразование энергии солнечной радиации в энергию других видов для ее повсеместного практического использования; под его руководством и при его участии строились заводы по производству экологически чистых препаратов для сельского хозяйства, внедрялись в жизнь различные новаторские идеи в области садоводства.

Помимо своей занятости на поприще садоводства, Абрам Ильич живо интересовался и ситуацией в сфере народного образования, слыл среди современников знающим специалистом и истинным радетелем дела просвещения. А. И. Пастак неоднократно выступал перед общественностью с рядом конструктивных предложений, которые, будучи внедренными в жизнь, значительно интенсифицировали учебно-воспитательный процесс в школах и гимназиях Крыма. Прежде всего, это касается ознакомления учащейся молодежи с богатым миром природы, для чего А. И. Пастак неоднократно выступал с предложениями по устройству и организации праздников древонасаждения для учащейся молодежи и принимал в них самое непосредственное участие. Многие из педагогических идей, высказанных в свое время выдающимся садоводом, не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Несомненно, заслуживает самой высокой оценки участие А. И. Пастака в различного рода благотворительных мероприятиях, проводившихся в Крыму и за его пределами. Еще будучи студентом и наблюдая недостатки современной ему системы среднего и высшего образования, Абрам Ильич, совместно с друзьями-единомышленниками, стал инициатором проведения благотворительных мероприятий, концертов, спектаклей, средства от которых перечислялись в пользу неимущих или малообеспеченных студентов вузов. Особенно ярко проявил себя А. И. Пастак на ниве караимской общественной благотворительности, став одним из инициаторов создания «Общества вспомоществования недостаточной учащейся караимской молодежи» (которое являлось одним из первых среди подобных организаций), а затем и в работе Караимского Национального Совета, оказывавшего посильную помощь караимским общинам в тяжелые годы революций и гражданской войны. Много было сделано А. И. Пастаком и для своих коллег-садоводов – он одним из первых выдвинул идею учреждения Сельскохозяйственного Общества взаимного кредита и банка взаимного кредита, которые впоследствии стали серьезным подспорьем для тех, кто нуждался в подобной помощи.

Восстановление исторической памяти и научная реконструкция прошлого караимов сегодня являются одной из приоритетных задач в области изучения истории старожильческого населения Крымского полуострова. Особенно важно это для понимания эволюции межконфессиональных и межэтнических отношений в этом регионе, в решении острых и подчас конфликтных ситуаций. Очевидно, что плодотворное сотрудничество разных по национальности и религиозным воззрениям представителей крымской научной и культурной элиты недавнего прошлого может помочь в решении многих злободневных проблем современности. Наглядным примером честного и бескорыстного служения своему делу, стремления сделать Крым процветающим, развитым регионом является история жизни и деятельности выдающего крымчанина Абрама Ильича Пастака и членов его семьи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. *Репина Л.П.* Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение Истории. Человек – Память – Текст. Казань, 2001.
2. *Репина Л.П.* От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня / Ред. Л.П. Репина. М., 2005.
3. *Соколов А.С.* Биография в истории: проблемы и перспективы // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей: Сб. науч. ст. Калининград, 2005.
4. Національні меншини України у XX столітті: політико-правовий аспект / М. Панчук, В. Войналович, О. Галенко та ін. К., 2000.
5. *Попик В.І.* Етнічне походження, самоідентифікація та етнокультурна приналежність особи // Наукові праці Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського. К., 2001. Вип. 7.
6. *Попик В.І., Романова Н.П.* Критерії добору імен діячів неукраїнського походження до українського біографічного словника // Українська біографістика: Зб. наук. пр. К., 1999. Вип. 2.
7. *Чишко В.С.* Основні принципи створення українського біографічного словника // Українська біографістика: Зб. наук. пр. К., 1999. Вип. 2.
8. *Ельяшевич Б.С.* Пастак Абрам Исаакович (род. в 1862 г. – после 1930 г.) // Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
9. *Черненко Е.В.* Новые находки скифского оружия в курганах Украины // Третья Всесоюзная конференция историков оружия. Тез. докл. и сообщ. Л., 1971.
10. *Кашпар А.[О.]* Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные профессором Н.И. Веселовским в июле и августе 1892 года // ИТУАК. 1892. № 16.
11. *Кашпар А.[О.]* Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные профессором Н.И. Веселовским летом 1895 года // ИТУАК. 1896. № 24.
12. *Башкиров А.С.* Историко-археологический очерк Крыма // Крым. Путеводитель / Под ред. К.Ю. Бумбера, Л.С. Вагина, Н.Н. Клепинина, В.В. Соколова. Симферополь, 1914.

13. *Маркевич А.И.* Кермен-Кыр, древнее поселение вблизи Симферополя // ИТУАК. 1889. № 8.
14. ГААРК, ф. 125, оп. 1, д. 10.
15. В Симферопольском Обществе Садоводства // Салгир. 1902. № 277.
16. Хроника. 28 декабря… [О годичном заседании «Симферопольского отделения Императорского Российского общества садоводства»] // Крым. 1904. № 291. 31 декабря.
17. ГААРК, ф. 125, оп. 1, д. 32.
18. Каталог плодового питомника, семенного хозяйства, завода табачного экстракта А.И. Пастака в Симферополе. Симферополь, 1917.
19. *Б.С. [Ельяшевич Б.С.]* Памяти А.И. Пастака [Некролог] // Красный Крым. 1932. 15 марта.
20. Летопись. Съезд лесоводов… // Салгир. 1902. № 96.
21. Летопись. 8 июня… [Об экскурсии в имение А.И. Пастака] // Салгир. 1897. № 69. 8 июня.
22. Хроника. На днях состоялся конкурс… // Крым. 1904. № 170. 5 августа.
23. Летопись. Число фабрик в Симферополе… // Салгир. 1897. № 97.
24. Летопись. Открытая в Петербурге рыбопромышленная выставка // Салгир. 1902. № 25.
25. Консервы Кефели // Салгир. 1902. № 26.
26. *А.К. [Катык А.И.]* Скорбный лист // Известия Караимского Духовного Правления. Евпатория, 1918. № 1.
27. *Крестьянников В.В.* «Варфоломеевские ночи» в Севастополе в феврале 1918 г. // Севастополь: взгляд в прошлое. Сб. науч. ст. сотрудников Государственного архива г. Севастополя / Сост. В.В. Крестьянников. Севастополь, 2006.
28. Мы слышали… // Салгир. 1902. № 102. 8 мая.
29. Летопись. Г.г.[оспода] члены Симферопольского Отдела Общества Садоводства… // Салгир. 1902. № 99.
30. [Собрание «Симферопольского отделения Императорского Российского общества садоводства»] // Салгир. 1902. № 114.
31. ГААРК, ф. 125, оп. 1, д. 18.
32. Летопись. Вследствие ходатайства… // Салгир. 1902. № 122.
33. *Н.-ри [Кондури Н.].* Среди садоводов // Салгир. 1902. № 114. 23 мая.
34. *Пастак А.* Кое-что об ученических древонасаждениях // Салгир. 1902. № 139.
35. *Пастак А.И.* Письмо в редакцию // Салгир. 1902. № 227. 14 октября.
36. *Н.К. [Кондури Н.].* Вопрос о древонасаждении // Салгир. 1902. № 225. 12 октября.
37. *Дьяконов А.Н.* Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1895, 1896 гг. / Сост. директором народных училищ на основании ст. 23 полож. о начальных народных училищах. Симферополь, 1897.
38. *Канталинская Ж.В.* История создания Салгирской школы садоводства // Экономика Крыма. Ежемесячный научно-практический журнал Крымского отделения Академии экономических наук Украины / Под ред. М.Н. Нагорской, Я.И. Баркова, А.В. Ефремова, Г.А. Бабенко и др. Симферополь, 2006. № 18.
39. Губернское земское собрание (V заседание) // Салгир. 1897. № 14. 27 января.
40. *Т-нов Ф.* В Симферопольском Обществе Садоводства // Салгир. 1902. № 277. 17 декабря.

41. Летопись. На последнем Московском съезде… [О съезде деятелей сельскохозяйственного образования] // Салгир. 1897. №14. 22 января.
42. Летопись. Курсы садоводства…// Салгир. 1902. № 146. 4 июля.
43. *К-и. [Кондури Н.].* Курсы садоводов // Салгир. 1902. № 170. 2 августа.
44. Летопись. Заведующий казенный имением «Салгирка»… [О ссудах на экскурсии] // Салгир. 1902. № 174. 8 августа.
45. Летопись. Вчера закончились курсы садоводства… // Салгир. 1902. № 195. 8 сентября.
46. Летопись. На состоявшемся 19 ноября… [О заседании Симферопольского отделения Императорского Российского общества садоводства»] // Салгир. 1902. № 257. 20 ноября.
47. *Чижова Л.В.* Караимы // Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки. М., 2003.
48. Награды на Ялтинской выставке // Салгир. 1897. № 125.
49. Периодическая выставка Симферопольского Отдела Общества Садоводства // Салгир. 1898. № 158.
50. Т-в. Выставка Симферопольского Отдела Общества Садоводства // Салгир. 1898. № 156.
51. Летопись. Симферопольский отдел Общества Садоводства // Салгир. 1898. № 156.
52. Съезд виноградарей и виноделов // Салгир. 1902. № 41.
53. Летопись. Московский съезд… [О съезде виноделов] // Салгир. 1902. № 42.
54. *Петров-Дубинский О.В.* С.М. Шапшал (Эдиб-Ус-Султан) – учитель валиахда Мохаммеда-Али, генерал-адъютант Мохаммед-Али-шаха // Caraimica: Quarterly Review / International Institute Of The Crimean Karaites. Слиппери-Рок, США; Симферополь, Украина, 2007. Вып. IV.
55. *Вольвач П.* Садовод и патриот Крыма Лев Симиренко // Голос Крыма. 2009. 27 февраля.
56. *Тарсинова Ф.* Вольвач идет по следу рукописей Симиренко // Полуостров. 2009. № 6(310). 13-19 февраля.
57. *Симиренко Л.П.* Крымское промышленное плодоводство / Предисл. П.В. Вольвач. Симферополь, 2001. Т. 1.
58. *Кирьянова С.* Король яблоневого сада // Крымские известия. 2005. № 37(3267). 26 февраля.
59. Труженики сельского хозяйства // Караимская народная энциклопедия: В 6 т. СПб., 2006. Т. 5: Культура крымских караимов (тюрков).
60. Хроника текущей жизни. Симферополь. Банк для садоводов // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 7, декабрь.
61. Торгово-промышленный мир России. Пг., 1915. Отд. VIII, Ч. III.
62. Летопись. Вчера, 23 сентября… // Салгир. 1902. № 211. 24 сентября.
63. Летопись. По предложению ревизионной комиссии… // Салгир. 1902. № 214. 28 сентября.
64. *Н.К. [Кондури Н.]* В училищной комиссии // Салгир. 1902. № 187.
65. Хроника. 24 ноября… [О заседании сельскохозяйственного совета симферопольского земства] // Крым. 1904. № 262. 28 ноября.
66. *Н.К. [Кондури Н.]* Среди садоводов // Салгир. 1902. № 123.

67. К выборам в Государственную Думу. Список лиц, имеющих право участия в съезде землевладельцев по Симферопольскому уезду в Государственную Думу // Таврические губернские ведомости. 1912. № 58. 3 августа.
68. Спектакль любителей // Таврида. 1881. № 62. 6 августа.
69. *Прохорова А.В.* Проект «Общества вспомоществования недостаточной учащейся караимской молодежи»: К истории караимских благотворительных организаций в Российской империи в середине XIX – начале XX в.в. // Caraimica: Quarterly Review / International Institute Of The Crimean Karaites. Слиппери-Рок, США; Симферополь, Украина, 2009. Вып. XII.
70. Список лиц, сделавших пожертвования 14 апреля в пользу Симферопольского благотворительного общества, вместо обычных в этот день визитов // Салгир. 1902. № 92 25 апреля.
71. Список учредителей Симферопольского общества «Детская помощь» с указанием суммы, пожертвованной каждым из них, на постройку детской больницы // Салгир. 1902. № 104. 10 мая.
72. Справочный отдел. Дополнение ко вчерашнему отчету [по устройству Симферопольским благотворительным обществом вечера] // Салгир. 1902. № 282. 23 декабря.
73. Хроника текущей жизни. Общие известия. Симферополь. Бюрократическая подозрительность // Караимская жизнь. М.,1911. Кн. 10–11, март-апрель.
74. *Прохоров Д.А.* Деятельность ТУАК–ТОИАЭ по изучению истории, этнокультурных и конфессиональных традиций крымских караимов (1887–1930 гг.) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 19.
75. Высочайшее благопожелание // Крым. 1904. № 69. 25 марта.
76. Хроника. Общее собрание членов Таврического отдела Российского общества Красного Креста // Крым. 1904. № 62. 17 марта.
77. Хроника. В последнем заседании… // Крым. 1904. № 84. 14 апреля.
78. Хроника. Исполнительная комиссия Таврического лазарета… // Крым. 1904. № 84. 14 апреля.
79. Хроника. От Таврического и Одесского караимского гахама… // Крым. 1904. № 52. 5 марта.
80. Хроника. Симферопольская еврейская община // Крым. 1904. № 68. 24 марта.
81. Хроника. К Г.[осподину] Таврическому губернатору поступило [О пожертвованиях на нужды российской армии и флота]… // Крым. 1904. № 84. 14 апреля.
82. Хроника. К Г.[осподину] Таврическому губернатору поступили следующие пожертвования… [О пожертвованиях на нужды российской армии и флота от караимов Евпатории]… // Крым. 1904. № 87. 17 апреля.
83. Хроника. В Таврическую губернскую земскую управу… // Крым. 1904. № 118; Хроника. Евпаторийским караимским обществом… // Крым. 1904. № 146. 7 июля.
84. Хроника. Напоминаем нашим читателям … [Об организации в Симферополе городских гуляний в пользу Таврического лазарета] // Крым. 1904. № 190. 29 августа.
85. Хроника. Вечером устроенный городской управой… [Об организации в Симферополе городских гуляний в пользу Таврического лазарета] // Крым. 1904. № 192. 1 сентября.
86. Отчет по устройству гулянья 30 августа 1904 г. в пользу Таврического лазарета, устроенного симферопольской городской управой // Крым. 1904. № 197. 7 сентября.

87. Пожертвования на сформирование Таврического лазарета Государыни Императрицы Александры Федоровны от нижепоименованных лиц, проживающих в городе Бахчисарае // Крым. 1904. № 87. 17 апреля.
88. Хроника. К г.[осподину] Таврическому губернатору поступили следующие пожертвования… [О пожертвованиях в пользу Таврического лазарета] // Крым. 1904. № 87. 17 апреля.
89. Отчет по устройству гулянья 30 августа 1904 г. в пользу Таврического лазарета, устроенного Симферопольской городской управой // Крым. 1904. № 197. 7 сентября.
90. Хроника. Телеграмма от 31 мая… // Крым. 1904. № 118.
91. Хроника. От уполномоченного Таврического лазарета [телеграммы] // Крым. 1904. № 158. 21 июля.
92. Хроника. На призыв г.[осподина] Таврического губернатора… // Крым. 1904. № 52. 5 марта.
93. Хроника. Таврическим губернатором… // Крым. 1904. № 62. 17 марта.
94. Похороны Таврического и Одесского караимского гахама. Депутации и венки // Караимская жизнь. 1912. Кн. 7, декабрь.
95. Хроника текущей жизни. Похороны И.И. Казаса // Караимская жизнь. М., 1912. Кн. 8–9, январь-февраль.
96. ГААРК, ф. 241, оп. 2, д. 74.
97. *Прохоров Д.А.* Общественные, национально-культурные объединения и органы конфессионального самоуправления караимов в 1917–1920 гг. // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
98. Адрес, преподнесенный А.И. Пастаку слушателями бухгалтерских курсов в Ташкенте 3 декабря 1926 г. (семейный архив Пастака).
99. Пастак А. (1862 – нач. 1940-х) / Труженики сельского хозяйства // Караимская народная энциклопедия: В 6 т. СПб., 2006. Т. 5: Культура крымских караимов (тюрков).
100. *Ельяшевич Б.С.* Пастак Вера (Беруха) Самойловна (Самуиловна) (род. 8/IX-1871 г., ум. пожилой) // Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
101. Пастак Исаакий Абрамович // Российская еврейская энциклопедия. Режим доступа – http://www.rujen.ru/index.php/ПАСТАК_Исаакий_Абрамович
102. Хроника текущей жизни. Симферополь. Окончившие // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2, июль.
103. И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: В 2 т. Т. I. 1939–1942 / Предисловие, подготовка текста и комментарий О.В. Лексиной, С.А. Мартьяновой, Л.В. Хачатурян. М., 2003.
104. Пастак Исаак (1894–1965) / Труженики сельского хозяйства // Караимская народная энциклопедия: В 6 т. СПб., 2006. Т. 5: Культура крымских караимов (тюрков).
105. *Батозский К.С., Павленкова Н.В.* Иван Шмелев и крымские караимы в Париже (Из писем И.С. Шмелева Е.С. Гелелович) // И.С. Шмелев и литературный процесс накануне XXI века. 125 лет со дня рождения И.С. Шмелева. VII Крымские Международные Шмелевские чтения. Сб. материалов междунар. науч. конф. Симферополь; Алушта, 1998.

106. *Батозский К., Павленкова Н.* Я возвращаю себе Россию: Иван Шмелев и крымские караимы в Париже // Литературная Россия. 2000. № 48. 1 декабря.
107. И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: В 2 т. Т. II. 1942–1950 / Предисловие, подготовка текста и комментарий О.В. Лексиной, С.А. Мартьяновой, Л.В. Хачатурян. М., 2003.
108. История города Саки. Режим доступа – http://www.krim.biz.ua/saki-history.html
109. *Любимова Е.* Единственный в мире: Рассказ о музее истории грязелечения в г. Саки // Крымские известия. 2007. № 119(3838). 7 июля.
110. *Полканова А.* Из карайского рода Пастак // Караимские Вести. 2002. № 1 (66), январь.
111. *[Szyszman S.]* La famille Krym // Bulletin d'etudes Karaites. Paris, 1993. № 3.
112. *Кизилов М.Б.* Караим Соломон Крым: жизнь и судьба // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 10.
113. Пастак Елизавета Абрамовна // Жертвы политического террора в СССР. Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург). Режим доступа – http://lists.memo.ru/d25/f493.htm
114. *Имас С.* Секреты Караимов. Режим доступа – http://www.migdal.ru/times/11/940/
115. *Румянцев А.* Копия письма в адрес сайта «Центральный Еврейский Ресурс». Режим доступа – http://www.migdal.ru/forum/940/
116. *Любина Т.И.* Биография «маленького человека»: Задачи и особенности источниковой базы // Сборник материалов научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 4-5 июня 2002 г.) / Ред.-сост. Г.В. Калашников, А.И. Раздорский, Д.Н. Шилов. СПб., 2002.
117. *Попик В.І., Любовець Н.І.* Четверті Чишківські читання з історичної біографістики // Українська біографістика. Збірник наукових праць Інституту біографічних досліджень / НАН України, Нац. б-ка ім. В.І. Вернадського. К., 2009. Вип. 5.

Прохоров Д. А.

История караимской общины Крыма в персоналиях: ученый, садовод и благотворитель А. И. Пастак

Резюме

Сегодня в рамках активного развития такого направления исторических исследований, как «новая биографическая», или «персональная» история особое внимание историков и краеведов привлекают биографии незаслуженно забытых деятелей караимского просвещения, науки, культуры, благотворителей и меценатов. Среди видных представителей общественности Таврической губернии второй половины XIX – начала XX вв. следует назвать Абрама Ильича Пастака (1861–1932), чей вклад в дело развития крымского садоводства, науки и народного образования до этого не был оценен по достоинству. До сих пор не было предпринято попыток научной реконструкции его биографии.

При работе над публикацией использовались документы, собранные в делах фондов Государственного архива в Автономной Республике Крым, различные тематические справочники, сборники по статистике и материалы периодической печати того времени. Кроме того, неоценимая помощь в подготовке настоящей статьи была оказана потомками А. И. Пастака, предоставившими редкие книги, документы и фотографии из семейного архива.

А. И. Пастак внес значительный вклад в развитие различных направлений науки и образования. Он сыграл важную роль в становлении крымского садоводства; стоял у истоков создания в Крыму научно-образовательной и технической базы для подготовки садоводов и помологов. Помимо этого, А. И. Пастак был одним из активных участников просветительского движения, оказывая всестороннюю помощь учебным заведениям и учащейся молодежи. Многие из педагогических идей, высказанных в свое время выдающимся садоводом, не потеряли своей актуальности и в наши дни. Несомненно, заслуживает самой высокой оценки участие А. И. Пастака в благотворительных мероприятиях, проводившихся в Крыму и за его пределами.

Прохоров Д. А.

Історія караїмської общини Криму в персоналіях: учений, садівник і благодійник А. І. Пастак

Резюме

Сьогодні в рамках активного розвитку такого напряму історичних досліджень, як «нова біографічна», або «персональна» історія особливу увагу істориків і краєзнавців привертають біографії незаслужено забутих діячів караїмської освіти, науки, культури, благодійників і меценатів. Серед видних представників громадськості Таврійської губернії другої половини XIX – початку XX ст. слід назвати Абрама Ілліча Пастака (1861–1932), чий вклад в справу розвитку кримського садівництва, науки і народної освіти до цього часу не був гідно оцінений. До цих пір не було зроблено спроб наукової реконструкції його біографії.

При роботі над публікацією використовувалися документи, зібрані в справах фондів Державного архіву в Автономній Республіці Крим, різні тематичні довідники, статистичні збірки і матеріали періодичного друку того часу. Крім того, неоцінима допомога в підготовці цієї статті була зроблена нащадками А. І. Пастака, що надали рідкі книги, документи і фотографії з родинного архіву.

А. І. Пастак вніс значний вклад до розвитку різних напрямів науки і освіти. Він зіграв важливу роль в становленні кримського садівництва; стояв у витоків створення в Криму науково-освітньої і технічної бази для підготовки садівників і помологів. Окрім цього, А. І. Пастак був одним з активних учасників просвітницького руху, надаючи усесторонню допомогу учбовим закладам і молоді, яка навчається. Багато з педагогічних ідей, висловлених свого часу видатним садівником, не втратили своєї актуальності і в наші дні. Поза сумнівом, заслуговує на найвищу оцінку участь А. І. Пастака в добродійних заходах, що проводилися в Криму і за його межами.

Prokhorov D. A.

The History of Karaite Community of the Crimea in Personals: Scientist, Horticulturist and Philanthropist A. I. Pastak

Summary

Nowadays, within the frames of active development of this trend in historic research as "new biographic" or "personal" history special attention of historians and local studies scientists is paid to biographies of scholars in the fields of education, science, culture, philanthropists and patrons whose names were undeservedly forgotten. Among outstanding representatives of communities in Taurida province of the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries we should name Abram Ilyich Pastak (1861-1932), whose contribution into the development of Crimean horticulture, science and public education has not still been estimated at his worth. No attempts to reconstruct his biography scientifically have been undertaken until recently.

During the work over the publication, materials collected in the cases of funds of the State Archive in the Autonomous Republic of Crimea, different subject reference books, collection on statistics and materials from periodicals of that period were used. Besides, A. I. Pastak's descendants put rare books, documents and photographs from their family archive at our disposal, which was really invaluable help in preparing this article.

A. I. Pastak contributed substantially into the development of different directions of sciences and public education. He played an important role in establishment of Crimean horticulture; was present at the head of creating scientific-educational and technical base to prepare gardeners and pomologists. Besides, A. I. Pastak was one of the most active participants of educational movement rendering comprehensive assistance to educational establishments and students. Numerous pedagogical ideas put forward by the outstanding gardener did not lose their topicality nowadays. Undoubtedly, participation of A. I. Pastak in charitable activities in Crimea and other places deserves the highest appraisal.

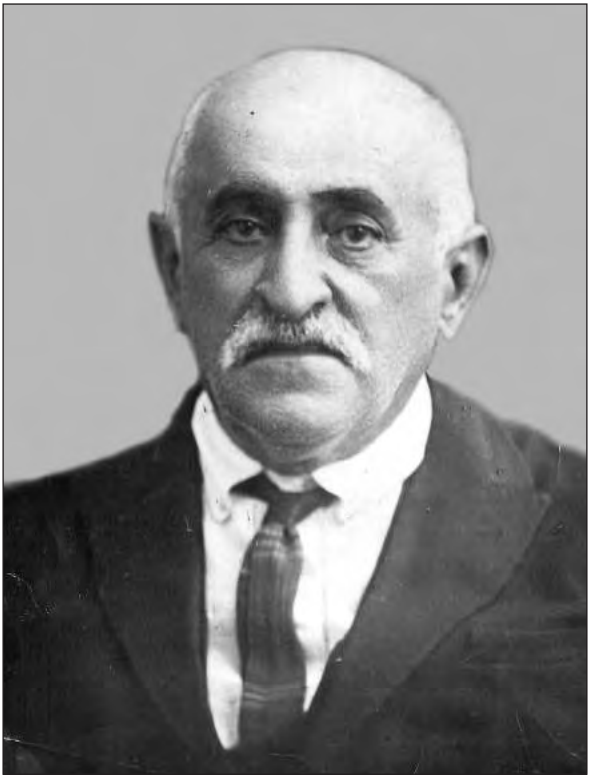


Рис. 1. Абрам Ильич Пастак.

Рис. 2. А. И. Пастак с женой Верой Самойловной (урожд. Крым).

Рис. 3. А. И. Пастак с женой и дочерью Софьей.

Рис. 4. А. И. Пастак с сыном Шаббетаем, офицером Добровольческой армии Юга России.

1917 годъ.

КАТАЛОГЪ

ПЛОДОВАГО ПИТОМНИКА СѢМЕННОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАВОДА ТАБАЧНАГО ЭКСТРАКТА

А. И. ПАСТАКА

ВЪ СИМФЕРОПОЛѢ.

Золотыя медали:

1) На Всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 г.

2) На Всемірной Парижской Выставкѣ 1900 г.

3) Въ Симферополѣ 2 золотыя медали 1908 г.

4) Въ Москвѣ на выставкѣ акклиматизаціи.

5) На Международной выставкѣ въ Туринѣ (Италія) 1911 г.

6) На Юбилейной выставкѣ плодоводства въ Петроградѣ въ 1913 г.

7) Въ Геланджикѣ высшая награда **Почетный дипломъ** 1908 г.

8) Персидскій орденъ „Льва и Солнца" 1904 г.

9) Благодарность отъ Таврическаго Губернск. Земскаго Собранія за иниціативу въ дѣлѣ устройства частныхъ садовыхъ школъ 1906 г.

Адресъ для писемъ:

Симферополь.

Абраму Исааковичу Пастаку.

Адресъ для телеграммъ:

Симферополь—Пастаку.

Рис. 5. Титульная страница каталога питомника А. И. Пастака (1917 г.).

Рис. 6. Питомник А. И. Пастака. Упаковка продукции.

Рис. 7. Питомник А. И. Пастака. Погрузка готовой продукции на подводы.

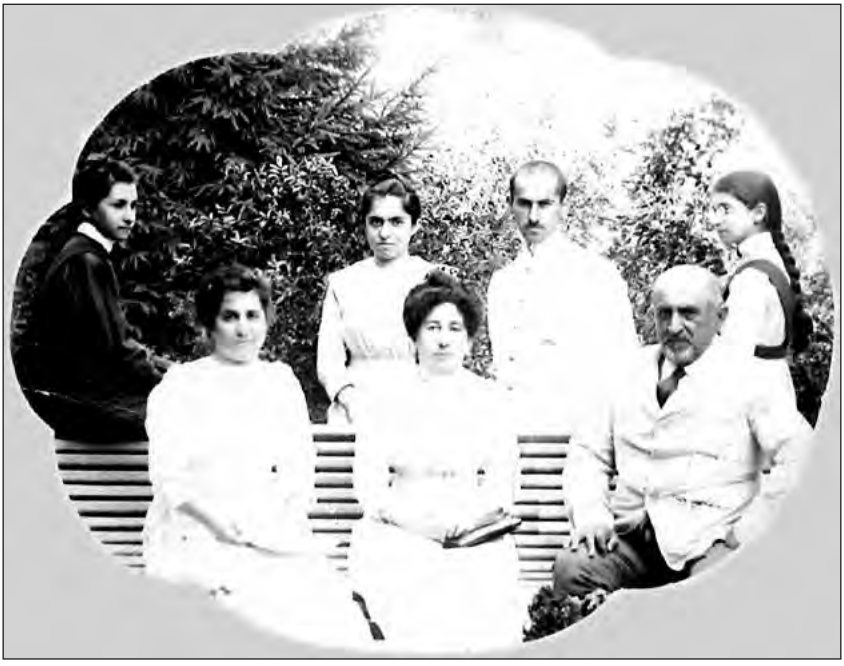


Рис. 8. Семья А. И. Пастака. Слева направо стоят: София, Эстер, Себастьян, Анна. Сидят: слева – Вера Самойловна Пастак, в центре – неизвестная женщина.

Рис. 9. А. И. Пастак с женой и внуками, детьми Анны Пастак. Рядом с Абрамом Ильичем – Анатолий Брискин.

Рис. 10. Братья Исаак (справа) и Шаббетай Пастак (в центре) в лаборатории во Франции.

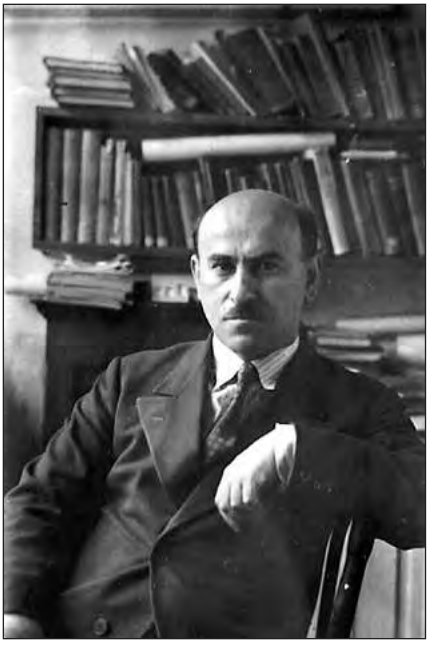


Рис. 11. Исаак Абрамович Пастак.

Рис. 12. Медаль, которой был награжден Исаак Пастак в 1929 г.

А. В. ПРОХОРОВА

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦ КАРАИМСКИХ ОБЩИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

История развития благотворительности в Таврической губернии в XIX – начале XX вв. неоднократно привлекала внимание специалистов различного уровня. В этой связи необходимо указать на публикации К. А. Мушинского, А. И. Маркевича, Н. А. Святского, С. А. Шуклиной, Э. И. Лебедевой, А. С. Андросова, О. М. Бобковой, А. Н. Савочки и др. [1–20]. Исследованию некоторых общих и частных вопросов российской благотворительности посвящены также работы В. В. Меньшикова, П. В. Власова, В. Л. Прохорова, В. В. Тевлиной, А. Р. Соколова, Г. М. Ульяновой [21–33].

Однако непосредственно проблемам истории становления системы российских караимских благотворительных организаций, за исключением ряда общих очерков, в научной литературе внимание практически не уделялось [34, с. 21-50]. До сих пор вне поля зрения исследователей остается история деятельности многих караимских благотворительных организаций и обществ, созданных в Крыму, а также биографии видных представителей караимских общин, меценатов и филантропов. Кроме того, следует отметить, что в ряде опубликованных работ, в которых упоминается о благотворительной деятельности караимов, имеется ряд неточностей и ошибок фактического характера [9, с. 45, 49-53, 114, 115; 20, с. 164, 165, 168; 34, с. 22, 25, 31]. Целью предлагаемой статьи является анализ деятельности некоторых видных представительниц караимского благотворительного движения в контексте развития системы благотворительности в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Необходимо отметить, что в целом развитие системы благотворительности и меценатства в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. приобрело масштабный характер. Начиная с конца XIX в., в стране был установлен общественный контроль над благотворительностью, что в результате привело к росту доверия в обществе по отношению к деятельности благотворителей и, как следствие этого, увеличилось и само число жертвователей. На фоне развития общероссийской благотворительности активно развивалась и

благотворительность в национальных общинах, одним из важных векторов которой стало участие женщин в различного рода филантропических организациях и обществах. Все это было вызвано, не в последнюю очередь, и тем, что в указанный период особенно заметными стали тенденции эмансипации, выразившиеся в открытии женских учебных заведений разного уровня (в том числе и национальных). С получением светского (как частного, так и государственного) образования женщины могли принимать активное участие в социальной и культурной жизни страны.

Пристальное внимание губернской общественностью уделялось бедным и неимущим детям, детям-сиротам. Например, в Симферополе в середине XIX в. существовало несколько приютов (среди них – приют А. М. Адлерберг, странноприимный дом А. С. Таранова-Белозерова), три детских приюта для приходящих детей – приют «Ясли» А. Д. Люстих, учрежденный в 1902 г. и содержавшийся на средства Симферопольского городского управления, а также два приюта, существовавших за счет средств Симферопольского благотворительного общества [3, с. 129-150; 15, с. 154; 35]. В 1911 г. таврическим губернатором, коллежским советником В. В. Новицким был утвержден устав дневного «приюта-яслей», организованного по инициативе врачей Евпатории «для призрения детей обоего пола рабочего класса, без различия вероисповедания»; здесь дети учились рукоделию, пению, занимались подвижными играми [20, с. 176]. Работа приюта была рассчитана на то время, пока родители этих детей были «заняты поденной работой вне дома». Из караимок в комитет по заведованию приютом были избраны Е. С. Каплановская, Б. С. Каракоз, В. И. Бобович и А. А. Айваз. В числе лиц, пожертвовавших денежные средства на приют, также было немало караимов [36, с. 78].

В начале 1870-х гг. в Евпатории по инициативе Таврического и Одесского караимского гахама С. М. Панпулова было учреждено «Общество попечительства о бедных караимах», устав которого вышестоящие инстанции утвердили 5 сентября 1871 г. За время существования данного общества его членами, наряду с мужчинами, стали многие женщины-караимки, вносившие свою посильную лепту в дело организации помощи бедным и нуждавшимся единоверцам. Среди них следует назвать таких благотворительниц, как Р. Я. Ефет, Э. М. Минаш, Р.А. Тришкан, Р. Я. Айваз и др. [37, с. 80]. Членами «Общества вспомоществования бедным караимам», учрежденного в 1903 г. в Евпатории, помимо евпаторийских караимок, были представительницы и других городов Российской империи, где были созданы отделения этой организации: Б.Б. Бабович (Карасубазар); Э. Прик, С. Прик, А.И. Майтоп, Э. Я. Борю, А. Катык, Б. Казас, Э. Бакал, Х. Кефели (Бахчисарай); С.И. Сараф, А. И. Кальф, В.С. Рофе, М.О. Рофе (Полтава); Э.И. Джигит (Екатеринослав); А.И. Кальфа, А.М. Кальфа, С.Д. Авах, Г.Б. Саатчи, А.Д. Фенерли, Р.Д. Туршу, Р.Д. Шишман (Харьков); Э.Ч. Коген, Ф. И. Коген, Б.А. Рофе, О.Я. Хаджи-Гулюш (Киев); А.Я. Бабович, С.С. Бейм, Г. М. Гелелович, Э.М. Кальф,

С. Б. Сарач (Одесса) и др. [38, л. 88, 89 (об.), 90, 90 (об.), 93 (об.), 94, 95, 95 (об.), 96 (об.)]. Членами «Феодосийского караимского общества вспомоществования бедным при караимской кенасе» состояли караимки Б. Хаджи, Э.М. Крым [39, л. 2 (об.)]. В Симферополе председательницей караимского благотворительного общества, число членов которого к 1 января 1910 г. насчитывало 84 чел. (среди них: 4 почетных, 78 действительных, 2 пожизненных), на протяжении многих лет состояла Рахиль (Раиса) Яковлевна Хаджи (1868–?) – педагог, воспитавшая за время своей работы в учебных заведениях губернской столицы несколько поколений караимских девушек [40, с. 120]. В Симферополе также действовало «Симферопольское общество пособия нуждающимся караимам», председательницей правления которого являлась караимка С. М. Прик, а в число членов правления входили представительницы караимской общины Симферополя Б. С. Комен и Т. Б. Бобович [41, с. 83].

В 1874 г. в Евпатории на средства «Общества попечительства о бедных караимах» была учреждена караимская женская ремесленная школа, предназначавшаяся для обучения грамоте и рукоделию бедных караимских девушек. В марте 1899 г. евпаторийский потомственный почетный гражданин купец Аарон Моисеевич Гелелович пожертвовал часть своего капитала на создание женского караимского ремесленного профессионального училища, которое было вскоре открыто в Евпатории на базе караимской женской ремесленной школы. В соответствии с духовными завещаниями караимских филантропов Э. И. Дувана и А. М. Шайтана училищу были определены значительные денежные суммы [42, с. 78]; на проценты от капитала, оставшегося после смерти евпаторийской жительницы Т. С. Бобович, для малообеспеченных учениц ежегодно приобретались швейные машинки. В этом училище были учреждены стипендии имени А. Б. Панпулова – купца и потомственного почетного гражданина Евпатории. Попечителями училища состояли: потомственный почетный гражданин С. Б. Шишман (секретарь «общества попечительства о бедных караимах») и член правления вышеупомянутого Общества, караимка Р. Я. Айваз, также имевшая звание потомственного почетного гражданина. Благодаря их заботам и пожертвованиям ученицы получали не только горячие завтраки, но и самое необходимое – учебные принадлежности, книги, одежду и обувь. «Частным 3-го разряда женским училищем «Караимского общества попечения о бедных» с профессиональным отделением» в 1913–1917 гг. заведовали караимки С. И. Гиббор и А. М. Кара, а учительницами в нем состояли: Б. Б. Ага, Р. И. Гиббор, Р. А. Шамаш, С. Е. Асаба, Э.В. Нейман, Е.Б. Коген [43, с. 226; 44, с. 183; 45, с. 141; 46, с. 146].

Весомый вклад в развитие дела благотворительности в Одессе внесла Рахиль Семеновна Исакович (Мангуби) (1861–1930). Длительное время она состояла попечительницей детского дневного приюта и дешевой столовой Центрального комитета общества «Красный Крест» в Одессе, на Молдаванке. Одной из ее главных задач, по словам современников, стала забота не только о бедных кара-

имах Одессы, но и о других малообеспеченных соотечественниках, без различия вероисповедания и национальности. Р. С. Исакович на свои средства открыла бесплатную школу для караимских девочек, которая в 1906 г. была преобразована в училище для детей обоего пола. При непосредственном участии благотворительницы были организованы «Одесское караимское благотворительное общество» (с 1899 г. Р. С. Исакович – помощница председателя) и «Женский кружок пособия бедным девочкам» при одесской караимской общине, который в 1907 г. был преобразован в «Одесское женское караимское благотворительное общество». Р. С. Исакович сначала была председателем кружка, а затем и самого общества, оставаясь на этом посту вплоть до 1920 г. «За отзывчивость и плодотворную деятельность на пользу общества» в 1907 г. Р. С. Исакович была удостоена золотой медали на Станиславской ленте для ношения на груди. В 1914 г. она инициировала создание «Комитета караимского дамского общества по оказанию помощи семьям раненых воинов», став его председателем [47, с. 22, 23].

Среди женщин-караимок, передававших значительные средства на благотворительные цели, следует упомянуть Эстер Чефаньевну Коген – супругу караимского табачного фабриканта Соломона Ароновича Когена (в монографии А. Н. Савочки они ошибочно указаны «как супруги Когеновские»; автором неверно приведены и инициалы благотворительницы [20, с. 168]). Вместе с мужем Э. Ч. Коген занималась благотворительностью, жертвуя на нужды караимских учебных заведений значительные денежные суммы [48, с. 538-540]. В частности, ею были переданы Симферопольскому караимскому благотворительному обществу 15 тыс. руб. на сооружение здания для «Симферопольской девичьей караимской школы» с условием наименования школы «Когеновской» [49]. Указанная школа была открыта в губернской столице в 1892 г. по инициативе еще одной представительницы караимского просвещения – Анны Ильиничны Кальфа (Казас), дочери известного педагога и ученого Ильи Ильича Казаса. После того, как А. И. Кальфа оставила должность заведующей школой и переехала на постоянное жительство в Харьков, она активно занялась благотворительностью – входила в состав правления «Харьковского караимского благотворительного общества», работала казначеем «Харьковского караимского благотворительного общества по оказанию помощи недостаточным ученикам». А. И. Кальфа вносила значительные суммы на поддержание караимских учебных заведений в особенно трудные годы Первой мировой и гражданской войны (в частности, она передавала средства в адрес Александровского караимского духовного училища (АКДУ) в Евпатории), а также на нужды караимской богадельни «Ярдым» им. Акбике Шапшал в Евпатории [50, с. 218].

Жена почетного попечителя АКДУ Б. М. Шишмана, Мирьям Эммануиловна Шишман (1849–1922), известная среди караимских общин своей благотворительной деятельностью, пожертвовала в пользу училища за несколько лет до его открытия принадлежавший ей дом, в котором первые годы размещалось это

учебное заведение; кроме того, доходы от здания (около 400 руб. в год) были также причислены к основному капиталу этого учебного учреждения [50, с. 151]. По словам современников, сама М. Э. Шишман сочетала в себе «настоящую религиозную искренность и глубокий патриотизм, необыкновенную простоту, доброту и чрезвычайную отзывчивость ко всем нуждающимся и обездоленным судьбой» [51, с. 220]. На протяжении всей своей жизни Б. М. Шишман и М. Э. Шишман личными средствами оказывали необходимую помощь бедным; кроме того, в соответствии с духовными завещаниями супругов-меценатов, после их смерти два дома в Евпатории, а также доход от двух хлебных амбаров на хлебном рынке были также отписаны в пользу неимущих членов караимской общины [51, с. 224].

Важно подчеркнуть, что караимские женщины-благотворительницы принимали живое участие не только в организации помощи своим единоверцам. Например, когда в 1898–1899 гг. в центральных губерниях России местное население пострадало вследствие неурожая, из остальных регионов страны в адрес голодающих начали поступать продукты питания и денежные средства; некоторые добровольцы отправлялись туда лично для оказания помощи. Так, в 1899 г. караимка Екатерина (Кереч) Самойловна Габай выехала в с. Савруши Чистопольского уезда Казанской губернии для организации там столовой для голодающих. Из ее писем, опубликованных в губернской прессе, становится известен масштаб произошедшей катастрофы. «Морозы стоят и ветры – ужасные, – писала Е. С. Габай. – Закупаем всего пудами и десятками пудов… Выбираем самых беднейших 130 человек по одному, по два из каждой семьи… Взять всего мы можем только 150 человек, а сколько их ходит, так даже не пересчитать… Особенно жалки дети. Нельзя равнодушно смотреть на этих бедных озябших крошек, которые являются за пищей… Многие не ходят в столовую за неимением одежды» [52, л. 3; 53]. Подвигом, на который способен «не всякий даже мужчина из одаренных большой силой и большой опытностью», назвал поступок Е. С. Габай Таврический и Одесский караимский гахам С. М. Панпулов, призвавший свою паству оказать посильную помощь для голодающих «русских братий» [52, л. 3]. Представители многих караимских общин откликнулись на благородную инициативу Е. С. Габай, направив в адрес нуждавшимся необходимые денежные средства – в их числе были караимы Евпатории, Скадовска, Новограда, Сум, Воронежа, Екатеринодара [52, л. 1, 4, 4 (об.), 6, 7, 9, 10, 12, 17, 21].

Заметим, что благотворительностью занимались не только караимки-представительницы зажиточных слоев общества. В Евпатории существенный вклад в дело помощи беднякам и нуждавшимся внесла Сарра Бабакаевна Паша («Хаджи-Саррата») (1814–1903), служившая кухаркой в домах состоятельных караимов. Современники отмечали, что «ни одно торжество, ни одна выдающаяся свадьба… ни один печальный или радостный акт из общественной и семейной хроники Гезлева» не проходили без участия знаменитой стряпухи [54, с. 62]. Всю

жизнь С. Б. Паша копила деньги, отказывая себе во всем, а после смерти она завещала 50 тыс. руб. на нужды евпаторийских бедняков, распорядившись устроить для них бесплатную столовую. «Темная старуха явила пример истинной благотворительности, рожденный не тщеславием и честолюбием,… а свободным движением истинно хорошей человеческой души» [54, с. 64].

Караимская женская благотворительность в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. стала заметным явлением общественной жизни. Женщины-караимки, в результате распространения идей просвещения и эмансипации караимского общества активно вовлекавшиеся в общественную и культурную жизнь, принимали непосредственное участие в мероприятиях филантропического характера как местного губернского, так и общероссийского масштаба. Причем деятельность женщин-благотворительниц не носила замкнутого общинного характера – караимки состояли членами различных благотворительных обществ, оказывали помощь всем нуждавшимся без различия этнической и конфессиональной принадлежности. Одной из форм проявления такой деятельности стала их активная работа в различных благотворительных обществах и объединениях, где представительницы караимских общин порой занимали руководящие посты. Помимо сбора средств для помощи нуждавшимся, организации мероприятий, направленных на поддержание малоимущих единоверцев, меценаты и филантропы из числа караимок работали также в учебных заведениях различного уровня, принимая на себя, подчас безвозмездно, непростые обязанности по заведованию этими учреждениями и преподаванию в них. В результате их усилий сотни караимских юношей и девушек смогли получить среднее, профессионально-техническое, а некоторые – впоследствии и высшее образование. Слова, произнесенные караимским газзаном Б. С. Ельяшевичем в 1922 г. на панихиде по М. Э. Шакай, проходившей, в знак особого к ней уважения, во дворе Соборной (Большой) кенасы Евпатории, ярко характеризуют вклад многих женщин-караимок в развитие благотворительности: «Их женскому сердцу что может быть дороже и ближе тех, которым они посвятили себя, которым они отдают самоотверженно все свои труды, все свои лучшие качества, всю свою жизнь» [51, с. 223].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. *Мушинский К.А.* Устройство общественного призрения в России. СПб., 1862.
2. Благотворительные общества и учреждения в Российской империи из сводной таблицы, приложенной к сборнику сведений о благотворительности в России. СПб., 1897.
3. *Святский Н.А.* История богоугодных заведений и благотворительных обществ города Симферополя // Третья учебная экскурсия симферопольской мужской гимназии: Симферополь и его окрестности / Сост. Ф.Ф. Лашков. Симферополь, 1890.
4. *Маркевич А.И.* Детский приют имени графини А. М. Адлерберг. Симферополь, 1915.

5. *Маркевич А.І.* З культурної минувшини Криму XIX ст.: Короткі нариси // Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения. Симферополь, 2005.
6. *Гузенко Ю.І.* Становлення і діяльність громадських благодійних об'єднань на Півдні України в другій половині XIX – на початку XX століття (на матеріалах Херсонської губернії)]. Миколаїв, 2006.
7. *Шуклина С.А.* Традиции благотворительности и значение частной инициативы в культурной жизни Таврической губернии второй половины XIX – начала XX веков // Ученые записки Таврического экологического института. Симферополь, 1999.
8. *Андросов С.А.* А.Я. Фабр: Штрихи к историческому портрету // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 9.
9. *Лебедева Э.И.* Очерки по истории крымских караимов-тюрков. Симферополь, 2000.
10. *Лебедева Э.И.* Пример для потомства. Симферополь, 2002.
11. *Лебедева Э.И.* Крымская война и караимы. Симферополь, 2004.
12. *Літвіна О.Ю.* Правове положення благодійних організацій в Україні: Дис. ... канд. юрид. наук / 12.00.03 – Громадське право; Нац. юрид. академія України ім. Ярослава Мудрого. Харків, 2003.
13. *Бобкова О.М.* Организация и деятельность Сиротского дома тайного советника А.Я. Фабра // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2007. № 85.
14. *Бобкова О.М.* А.Я. Фабр: Портрет администратора на фоне эпохи. Киев, 2007.
15. Савочка А.Н. Благотворительные заведения Симферополя XIX – начала XX века // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 18.
16. *Савочка А.Н.* Из истории становления благотворительности на юге Украины: Таврический приказ общественного призрения // VII Таврические научные чтения: Сб. материалов. Симферополь, 2007. Ч. 2.
17. *Савочка А.М.* З історії діяльності кримських меценатів // Меценати та їх роль в розвитку науки, освіти і культури Придніпров'я / Історія і культура Придніпров'я: невідомі та маловідомі сторінки. Вип. 4. Дніпропетровськ, 2007.
18. *Савочка А.Н.* Общественные благотворительные организации дореволюционного Симферополя (XIX – начало XX века) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2008. № 21.
19. *Савочка А.Н.* Благотворительные традиции еврейской общины Крыма (XIX – начало XX века) // Этнография Крыма XIX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. Вып. 2. Симферополь, 2012.
20. *Савочка А.Н.* Благотворительность в Таврической губернии. Симферополь, 2012.
21. Благотворительность и милосердие: Рубеж XIX–XX вв. СПб., 2000.
22. Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования. СПб., 2003.
23. Помоги ближнему. Благотворительность вчера и сегодня / Под ред. В.В. Меньшикова. М., 1994.
24. *Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001 (Сер.: Россия забытая и неизвестная).
25. *Прохоров В.Л.* Российское предпринимательское благотворение: неизвестные страницы (XIX – начало XX вв.). М., 1998.
26. *Прохоров В.Л.* Этапы развития благотворительности в России // Вопросы истории. 2005. № 3.

27. *Бобровников В.Г.* Благотворительность и призрение в России. Волгоград, 2000.
28. Социальная работа в России: прошлое и настоящее: Сб. ст. и материалов. М.; Ставрополь, 1998.
29. *Тевлина В.В.* Социальная работа в России в конце XIX – начале XX века // Вопросы истории. 2002. № 1.
30. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи: XIX – нач. XX в. М., 2005.
31. *Соколов А.Р.* Российская благотворительность в XVIII–XIX вв.: К вопросу о периодизации и понятийном аппарате // Отечественная история. 2003. № 6.
32. *Соколов А.Р.* Российская благотворительность в XVIII–XIX веках // Отечественная история. 2003. № 6.
33. *Апарина И.И., Попов В.М.* Государственное и частное призрение детей в дореволюционной России. М., 2000.
34. Благотворительность // Караимская народная энциклопедия: В 6 т. СПб., 2006. Т. 5: Культура крымских караимов (тюрков).
35. По следам талантливого врача (места, связанные с жизнью и деятельностью Федора Брунса) // Музей истории города Симферополя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://simferopol.museum.crimea.ua/articles-history/21fedorbruns.html?showall=1
36. Хроника текущей жизни. Общие известия. Приют-ясли // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 10-11, март-апрель.
37. Хроника текущей жизни. Общие известия. Общество попечения о бедных караимах // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 10-11, март-апрель.
38. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 869.
39. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 744.
40. Симферопольское караимское благотворительное общество // Справочная книга по г. Симферополю, 1911 г. Симферополь, 1911.
41. Симферопольское общество пособия нуждающимся караимам // Справочная книга по г. Симферополю на 1913 г. Симферополь, 1913.
42. Хроника текущей жизни. Евпатория: На культурной работе // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 10-11, март-апрель.
43. Памятная книжка Таврической губернии на 1914 год / Изд-е Таврического Губернского Статистического комитета. Симферополь, 1914.
44. Памятная книжка Таврической губернии на 1915 год / Изд-е Таврического Губернского Статистического комитета. Симферополь, 1915.
45. Памятная книжка Таврической губернии на 1916 год / Изд-е Таврического Губернского Статистического комитета. Симферополь, 1916.
46. Памятная книжка Таврической губернии на 1917 год / Изд-е Таврического Губернского Статистического комитета. Симферополь, 1917.
47. *Прохоров Д.А.* Династия караимских благотворителей Исаковичей: К 150-летию со дня рождения Самуила Исааковича Исаковича (1859–1910 гг.) // Caraimica. Quarterly Review / International Institute Of The Crimean Karaites. Слиппери-Рок, США; Симферополь, Украина. Vol. XII.
48. *Прохоров Д.А.* История Евпаторийского караимского ремесленного училища Соломона Когена // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI.
49. Летопись. Вдова киевского купца… [О пожертвовании Э.Ч. Коген] // Салгир. 1902. № 52. 5 марта.

50. *Прохоров Д.А.* И.И. Казас – просветитель караимов и крымских татар // МАИЭТ. 2009. Suppl. 7.
51. *Ельяшевич Б.С.* Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / Под ред. М.Н. Губогло, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой. М., 1993. Вып. XIV, кн. 2.
52. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 768.
53. Савруши, 21 февраля 1899 г. [Письмо Е.С. Габай] // Крымский вестник. 1899. № 63. 9 марта.
54. На родные темы. «От бедных пришла и к бедным вернулась…» [О Сарре Бабакаевне Паша] // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 1, июнь.

Прохорова А. В.

Благотворительная деятельность представительниц караимских общин Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Резюме

Целью предлагаемой статьи является анализ деятельности некоторых видных представительниц караимского благотворительного движения в контексте развития системы благотворительности в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. Актуальность работы обусловлена тем, что непосредственно проблемам истории становления системы российских караимских благотворительных организаций, за исключением ряда общих очерков, в научной литературе внимание практически не уделялось. Кроме того, в ряде опубликованных работ, в которых упоминается о благотворительной деятельности караимов, имеется ряд неточностей и ошибок фактического характера.

Караимская женская благотворительность в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. стала заметным явлением общественной жизни. Женщины-караимки, в результате распространения идей просвещения и эмансипации караимского общества активно вовлекавшиеся в общественную и культурную жизнь, принимали непосредственное участие в мероприятиях филантропического характера как местного губернского, так и общероссийского масштаба. Причем деятельность женщин-благотворительниц не носила замкнутого общинного характера – караимки состояли членами различных благотворительных обществ, оказывали помощь всем нуждавшимся без различия этнической и конфессиональной принадлежности. Помимо сбора средств для помощи нуждавшимся, организации мероприятий, направленных на поддержание малоимущих единоверцев, меценаты и филантропы из числа караимок работали также в учебных заведениях различного уровня, содействуя распространению идей просвещения, русского языка и образованности.

Прохорова А. В.

Благодійна діяльність представниць караїмських общин Російської імперії в другій половині XIX – початку XX ст.

Резюме

Метою пропонованої статті є аналіз діяльності деяких видних представниць караїмського благодійного руху в контексті розвитку системи благодійності в Російській

імперії в другій половині XIX – початку XX ст. Актуальність роботи обумовлена тим, що безпосередньо проблемам історії становлення системи російських караїмських благодійних організацій, за винятком ряду загальних нарисів, в науковій літературі увага практично не приділялася. Крім того, у ряді опублікованих робіт, в яких згадується про благодійну діяльність караїмів, є ряд неточностей і помилок фактичного характеру.

Караїмська жіноча благодійність в Російській імперії в другій половині XIX – початку XX ст. стала помітним явищем суспільного життя. Жінки-караїмки, в результаті поширення ідей освіти і емансипації караїмського суспільства активно залучаємі до суспільного і культурного життя, брали безпосередню участь в заходах філантропічного характеру як місцевого губернського, так і загальноросійського масштабу. Причому діяльність жінок-благодійниць не носила замкнутого общинного характеру – караїмки були членами різних добродійних товариств, надавали допомогу всім нужденним без відмінності етнічної і конфесійної приналежності. Окрім збору коштів для допомоги нужденним, організації заходів, направлених на підтримку малоімущих єдиновірців, меценати і філантропи з числа караїмок працювали також в учбових закладах різного рівня, сприяючи поширенню ідей освіти, російської мови і освіченості.

Prokhorova A. V.

Philanthropic Activities of Representatives of Karaite Communities of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries

Summary

The aim of the given article is the analysis of the activities of some outstanding female representatives of Karaite philanthropic movement in the context of the development of the system of philanthropy in the Russian Empire in the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries. The actuality of the work is specified by the fact that practically attention was paid to the problems of the history of the formation of the system of Russian Karaite philanthropic organization in scientific literature, except some general essays. Besides, there are some inaccuracies and mistakes of factual character in publications which mention philanthropic activities of the Karaites.

Karaite female philanthropy in the Russian Empire in the second half of the19th – the beginning of the 20th centuries became evident phenomenon in social life. Women - Karaites took immediate part in philanthropic activities in local province and all Russian scale; it was the result of wide spread ideas of education and emancipation of Karaite society that involved them into social and cultural life. The activity of women-philanthropists was not of an exclusive communal character; female Karaites were members of various charitable institutions, they rendered assistance to all who needed help without distinction of ethnic confessional affiliation. Besides raising money to help the needy, organizing events and activities to help fellow believers, sponsors and philanthropists from female-Karaites worked in educational establishments of different levels promoting to spread the ideas of enlightenment, the Russian language and scholarship.

РЕЦЕНЗИИ

В. П. СТЕПАНЕНКО

Рец. на кн.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV-XV вв.) / Составление, русский перевод, введение и примечания Т. Э. Саргсян. – Симферополь: СОНАТ, 2010.

Рецензируемый том вышел под грифом двух учреждений – Научно-исследовательского центра крымоведения и Института древних рукописей Республики Армения – Матенадарана имени Месропа Маштоца, что изначально предполагает высокий научный уровень данного издания. Действительно, в нем собраны хишатакараны армянских рукописей, переписанных, преимущественно, в Солхате – крупном экономическом, политическом и культурном центре золотоордынского Крыма. Всего учтены 176 рукописей, памятные записи которых содержат от весьма существенной информации до всего лишь года и места переписки. Часть из них утрачена и воспроизводится по изданиям XIX в., часть по каталогам собраний армянских рукописей от Матенадарана до Сан Ладзаро.

Переводам предшествует обширное введение (с. 5-56), в котором автор кратко излагает известную по нарративным и эпиграфическим источникам, а также трудам предшественников историю армянских колоний в Крыму. Данная часть работы имеет сугубо информативный характер, вводя читателя в проблематику темы.

Следует отметить, что предполагаемая автором численность армянского населения Крыма в XIV-XV вв. опирается на явно недостоверные данные армянских авторов XVII в., для которых предшествующий период был золотым веком армянской диаспоры в Крыму.

В этой связи, даже в качестве гипотезы, невозможна воспроизведенная автором интерпретация миграции армян из Сарая (какого? Их было два – *В.С.*) в Кафу на основании все тех же апокрифов XVII в. После разорения Ани в 1236 г. армянское население переселилось в Сис, Ван, Джугу и Сарай. «Те, кто по приказу хана обосновался в Сарае, что находился между Казанью и Астраханью, пробыли там недолго: в 1299 г., теснимые татарами, они обратились к генуэзцам с просьбой поселиться в Кафе. Получив согласие консула, армяне Сарая с оружием в руках прорвали татарское сопротивление, проложили себе путь и в 1330-1331 гг. добрались до Крыма. … По мнению некоторых авторов, чис-

ленность армян, покинувших Сарай, составляла несколько десятков тысяч человек» (с. 47). Правда, госпожа Саргсян отмечает, что автор поэмы Мартирос Крымеци, «не имея документальных записей под рукой, вынужден был черпать свои сведения об исторической судьбе переселенных в Сарай жителей Ани из устных сказаний», в достоверности коих наш автор не сомневается. Однако есть все основания усомниться если не в самих фактах, то в их интерпретации авторами XVII в., хотя бы потому, что золотоордынским армянам, чья колония зафиксирована в Сарае археологически, не было необходимости «с оружием в руках прорывать татарское сопротивление» и пролагать себе путь в золотоордынский же Крым.

И хотя в дальнейшем автор подвергает эту информацию обоснованному сомнению (с. 48-49), предполагая, что она отразилась бы в хишатакаранах 30-х гг. XIV в., ее собственное предположение о том, что сарайские армяне переселились в Крым после смерти хана Тохты (1312 г.), не более, чем гипотеза, призванная объяснить упоминание армян в Уставе Кафы 1316 г. Здесь, вероятнее, противоположное направление переселения: Бардрз Хайк – порты южного берега Черного моря – Крым – Сарай, но не наоборот. И лишь позже могли иметь место расселение армян по территории Золотой Орды и внутренние миграции. Параллельно шла эмиграция все из того же Бардрз Хайка и Киликии, особенно возросшая к концу XIV в.

История Киликии, по крайней мере первых ста лет существования, детально исследована Ж. Дедеяном, к труду которого было бы желательно обратиться, так как монография Г. Г. Микаэляна, при всем уважении к автору, к настоящему времени несколько устарела. В принципе, при создании работы подобного рода принято начинать с историографии – кто, когда и зачем писал по данной проблематике до появления настоящего труда. В противном случае создается ложное впечатление о том, что кроме книги В. А. Григоряна «На крымской земле» до госпожи Саргсян никто этим не занимался. Только после прочтения списка использованной литературы и прим. 1 на с. 35 становится ясным, что это не так и что даже по названию данная работа следует известной публикации Х. Кучук-Иоаннесова, где был издан ряд переводов армянских памятных записей и дана их интерпретация. Из комментариев к переводам Т. Э. Саргсян также видно, что ряд хишатакаранов был полностью или частично переведен Х. Кучук-Иоаннесовым, Э. Корхмазян и другими. Это принято указывать в историографии. Тем более, что в комментариях не отмечается, чем же данный перевод отличается от предшествующих и отличается ли. Так что работы предшественников Т. Э. Саргсян приходится выискивать из примечаний к введению. Не все ссылки на них обоснованы. Так, мнение об армянской принадлежности семейства Гаврасов, потомки которых, якобы, правили в Феодоро, давно уже отвергнуто как ошибочное и продолжает фигурировать как факт лишь в популярных изданиях по истории Крыма. Это мнение восходит к А. А. Васильеву, который предельно

ясно оговорил его гипотетичность. Ссылка на статью Р. М. Бартикяна не спасает положения, так как, вопреки мнению Т. Э. Саргсян, Таронитами, т.е. ветвью рода Багратуни, правившей Тароном до 966 г., Гаврасы Трапезунда в XII в. не были, и Р. М. Бартикян так не считает.

В этой связи было бы желательно отделять научную литературу, как источник информации, от крымского краеведения XIX в., зачастую оперировавшего предельно недостоверными или нуждающимися в проверке данными. Так, сообщение о переселении в Стамбул из Кафы после 1475 г. 40 тысяч христиан (с. 13) было бы желательно подкрепить данными источников XV в., но не мнением В. Кондораки, как, впрочем, и информацию о переселении тысяч армян в Крым из Сарая в 30-е гг. XIV в., основанную на источниках XVII в. – поэме Марторoса Крымеци (1690), к тому же не дающей датировку события, что отмечает и сама Т. Э. Саргсян. Формула «есть мнение» без ссылки на источник сего мнения здесь неприемлема (с. 47, прим. 2).

История рукописей, переписанных в Крыму, современные места их хранения, каталогизация и издание хишатакаранов, фамилии далеко не всех предшественников Т. Э. Саргсян занимают с. 14-21 и завершаются списком тех, кому автор обязан помощью в работе. После этого внезапно начинается характеристика хишатакарана как такового (с. 22-29), сводная таблица мест переписки по данным рукописей (с. 25-28) и таблица представителей клира, упомянутых в хишатакаранах (с. 32-34). В принципе, изучение структуры армяно-григорианских, католических и православных епархий Крыма выходит за рамки заявленной темы. Остается предположить, что ранее данная тематика уже была исследована автором, повторяющим свои выводы на с. 28-41. Отметим здесь, что вряд ли епископ Констандин из Сиса приехал в Кафу в 1413 г. «по поручению католикосата и киликийской знати» (с. 36). О какой знати идет речь после падения Сиса в 1375 г.?

Более интересны и показательны приводимые автором сведения о внутриполитической ситуации в Золотой Орде (с. 40-44) и о контактах армянских общин Ближнего Востока и Восточной Европы (с. 36-37, 45). Данная информация дает возможность объяснить появление в Крыму киликийских рукописей высочайшего качества, переписанных в Скевре и Дразарке и принадлежавших ранее членам царской фамилии (тому же Смбату Спарапету). Хотя появиться в Крыму они могли не непосредственно после падения Сиса, но после скитания по различным армянским общинам Ближнего Востока, как, впрочем, находиться вне Крыма, но являясь образцами для местных писцов, ездивших туда с целью копирования рукописей.

Информация о судьбах переписчиков и скрипториях XIV-XV вв. полезна, но стереотипна и известна по работам предшественников Т. Э. Саргсян от Л.С. Хачикяна до Э. М. Корхмазян, на которые автор и ссылается. Возможно, это необходимо для полноты информации о художественной жизни армянских колоний в целом и крымских в частности (с. 50-56).

Собственно, переводы памятных записей составляют основу труда (с. 57-170). Все они снабжены комментариями – от весьма значительных по объему (см., например, № 109) до предельно кратких (№ 110). К переводам приложен «общий указатель» рукописей с указанием на жанр, место и дату переписки, переписчика, заказчика и место хранения. Но им крайне неудобно пользоваться, и он никак не заменяет традиционных индексов – именного и географического.

К сожалению, работа не вычитана, и в ней встречаются стилистические погрешности, как, например, «непечатные источники» (с. 272). В русском языке этот термин имеет несколько иной смысл. Возможно, качество работы было бы много выше, если бы она подверглась грамотной редактуре. Но, судя по всему, указанные в качестве рецензентов господа В. В. Лавров и В. А. Ишин весьма далеки от проблематики данного труда. Как следствие, можно констатировать, что при всей чрезвычайной полезности рецензируемого издания для исследователей, не владеющих грабаром, его научный уровень оставляет желать много лучшего.

В заключение следует отметить, что отождествление Т. Э. Саргсян, сделанное в ее докладе на конференции «Память в веках», места переписки Синаксаря 1311 г. «области Керсон» с областью Херсона-Херсонеса ошибочно, как и локализация около него Кармир ванка. Заказчик переписанной в Сисе рукописи, епископ Константин был настоятелем монастыря, расположенного в Приевфратье около Керсона-Крессона-Кесуна. В XI в. крепость входила в состав византийской фемы Самосата («Приевфратские города»), после 1032 г. – фемы Эдесса. В конце XI в. после Манцикерта (1071) крепостью овладел эмигрант из Армении Васил Гох, которому наследовал приемный сын Васил Тга, изгнанный из Кесуна, Рабана и Бехесни графом Эдессы. Кармир ванк ранее принадлежал яковитам, был отнят у них Гохом, о чем пишет Михаил Сириец. История княжества Гоха известна по «Хронографии» Матэоса Урхайеци, «Хронике» Михаила Сирийца, латинских хронистов и исследована в монографии Ж. Дедеяна.

Д. А. ПРОХОРОВ

ЕВРЕЙСКОЕ ИСКУССТВО И УКРАИНСКИЙ КОНТЕКСТ: издание Центра востоковедения Харьковской государственной академии дизайна и искусств

Рец. на: *Сходознавчі студії. Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв / Упорядник Є.О. Котляр. – Харків: Центр сходознавства ХДАДМ, 2010. – № 8 (Вип. 3: Єврейське мистецтво і український контекст: обрії традиційної художньої культури). – 360 с., іл.; 2011. – № 9 (Вип. 4: Єврейське мистецтво і український контекст: у руслі європейських новацій). – 456 с., іл.*

В последнее десятилетие такая многогранная тема, как еврейское искусство, получила в Украине мощный импульс, выразившийся как в развитии художественного потенциала, так и в научных исследованиях.. Уже традиционными стали секции по еврейскому искусству на международных конгрессах по иудаике; проводятся специализированные конференции по различным проблемам развития еврейского искусства. Вопросы мемориализации памяти жертв Холокоста, создания еврейских музеев и экспозиций, их методологии, исследование старых музейных фондов вывели практическую и теоретическую сферы еврейского искусства из маргинального положения. В связи с этим перед организаторами подобных мероприятий стоят серьезные задачи, и сама важная из них – соответствие аналогичным международным проектам. Крупные общественные акции и мероприятия последнего времени, такие, как открытие еврейских музеев, масштабные конкурсы на проекты еврейских мемориалов в Киеве и Львове[1], организованный фондом Ротшильда[2] семинар для музейных работников по обучению работы с предметами иудаики и пр. продемонстрировали, что в Западной Европе также заинтересованы в развитии этой сферы, в интеграции усилий, направленных на реальный международный диалог с Украиной. Такой интерес обусловлен богатой еврейской историей и культурой этого региона, вниманием к своим корням и наследию миллионной еврейской эмиграции и их потомков. Все эти и другие проекты, инициативы и академические исследования давно

[1] Имеются в виду конкурсы на проект Еврейского мемориально-просветительского центра «Наследие» в Бабьем Яру (2001) [см.: Комплекс у Бабьего яра // Архитектура и престиж. К., 2002. № 3. С. 63-64] и конкурс на благоустройство мест, связанных с еврейской историей Львова (2010-2011).

[2] Программа «Кетер» была инициирована и осуществлена Европейским фондом Ротшильда (Ганадив) / Rothschild Foundation (Hanadiv) в январе-сентябре 2012 г. (аккредитована Ассоциацией европейских еврейских музеев) [см.: Программа «Кетер»: розуміння збірок юдаїки та опіка над ними в українських музеях. Вена, 2012].

нуждаются в специализированной научной трибуне, актуальность которой подтверждается временем и интенсивным развитием этой области.

Что касается двух выпусков журнала «Сходознавчі студії. Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв», посвященных проблемам еврейского искусства, следует заметить, что до сих пор, за исключением нескольких каталогов музейных коллекций иудаики[3], выставок еврейских художников и тематических выпусков глянцевых журналов[4], специализированных научных изданий по иудаике в Украине не публиковалось. Осуществленный 10 лет назад проект издания переводных статей ведущих еврейских искусствоведов в сборнике «Еврейское искусство в европейском контексте»[5] общей ситуации не изменил, хотя в нем и были представлены научные исследования зарубежных авторов по еврейскому искусству – от поздней античности до современности. В то же время, рассредоточенные в многочисленных сборниках и журналах публикации украинских исследователей арт-иудаики не давали четкой картины развития этой сферы исследований в Украине, масштаба и самой проблематики еврейского наследия.

Двухтомное издание «Еврейское искусство и украинский контекст», подготовленное коллегами из Центра востоковедения Харьковской государственной академии дизайна и искусств, призвано заполнить эту лакуну. Идея, которую воплотил в данном проекте куратор «Центра востоковедения», редактор и составитель журнала «Сходознавчі студії» Е.А. Котляр, с одной стороны, витала с воздухе, с другой – ждала своего времени и профессионального решения. Два предыдущих выпуска журнала, где арт-иудаика была представлена в виде разделов, наряду с другими областями и проблемами ориентального искусствознания, очевидно, являлись этапами к подготовке самостоятельного издания по еврейскому искусству[6]. Их нарастающий из номера в номер объем, совершенствование рубрикации, структуры и редактуры, подбора редакторского коллектива и состава авторов свидетельствуют об определенной стратегии по созданию профессионального научного продукта для его представления в Украине и за рубежом. Задача, на которую указывает составитель издания в своем вступительном слове к сборнику, связана с формированием самого статуса еврейского искусства в Украине и привлечения внимания к этой области искусствоведов, научной и широкой общественности.

---

[3] Пам'ятки єврейської культури в Україні: Пам'ятки музеїв і заповідників / Видання Спільної українсько-американської Комісії з культурної спадщини/ К., 2000.

[4] Речь идет о выпусках киевского журнала «Антиквар» [см. Котляр Е. Антиквар. Журнал об антиквариате, искусстве и коллекционировании // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. Харків, 2011. № 9 (Сходознавчі студії. Вип. 3 «Єврейське мистецтво і український контекст. У русі європейських новацій»). С. 371-376].

[5] Еврейское искусство в европейском контексте / Под общей ред. И. Родова. Иерусалим; М., 2002.

[6] Сходознавчі студії. Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв / Упорядник Є.О. Котляр. Харків, 2008. № 9 (Вип. 1); 2009. № 12 (Вип. 2).

Структурно само издание представляет собой две коллективные монографии, посвященные традиционному еврейскому искусству (1-й том), и творчеству еврейских художников нового времени (2-й том). Основная проблематика представленных в журналах исследований – это, в первую очередь, еврейское искусство, его изучение и сохранение, творчество еврейских мастеров в Украине и украинского зарубежья, художественная и научная жизнь, связанные с этой сферой.

Первый том посвящен проблемам традиционного искусства, его видовым номинациям, представленным в рубрике *Traditio*: архитектуре синагог (О. Бойко), резьбе надгробий (К. Бойко), синагогальной утвари и, в частности, ритуальным тканям (Б. Янив), декору корон Торы (антропоморфность изобразительных форм, Н. Левкович), а также набойкам на ткани (Л. Байбула). В этом блоке особое внимание уделяется восточноевропейской традиции росписей синагог. Авторы (среди них – представители как ближнего, так и дальнего зарубежья), представившие статьи на эту тему, уделяют непосредственное внимание особенностям бытования этой традиции, соответственно, в современных Польше (материал А. Тщциньского) и Украине (Е. Котляр), а также в странах еврейской эмиграции: США (Б. Вайзер) и Канаде (Р. Сайлас). В указанных публикациях проанализирована проблема восточноевропейской синагогальной декорации, уничтоженной в период Холокоста; продемонстрированы ее географические границы с учетом еврейской эмиграции и переноса культурных традиций. Локализация большей части исследовательского материала этой рубрики связана с западноукраинскими землями, в особенности, с Галицией и современными собраниями львовских музеев.

Сравнительно небольшой блок статей из данного раздела объединен по тематическому принципу: публикации, в нем представленные, посвящены искусству оформления еврейских текстов и книг. В частности, рассматриваются проблемы типологии изображений на еврейских записных книгах (пинкасах) (И. Сергеева), орнаментальные украшения и структура караимских брачных договоров «шетаров» (Д. Прохоров), художественные проблемы еврейской каллиграфии (А. Чекаль).

Рубрика *Varia* объединяет три разноплановых материала, демонстрирующих различные исследовательские жанры, которые не всегда можно вписать в академический блок, однако без которых картина современной арт-иудаики была бы не полной. Это интервью с раввином Зеевом Мешковым о взглядах раввинистической философии на еврейскую символику (И. Климова), материал о вкладе евреев в индустриализацию керамического производства (О. Школьная), и комплекс архивных документов, проливающих свет на музейные перемещения предметов иудаики, и связанных с такой важной для музейной сферы проблемой, как провенанс – т.е., история владения художественным произведением, предметом антиквариата, его происхождением (В. Солодова). Объединенные под этой рубрикой материалы демонстрируют широту исследований арт-иудаики, её историографии и источниковой базы, типологии, иконографии, семантики, проблем бытования в музейном пространстве и современной культуре.

Схожий методологический подход сохраняется и в подборе материалов второго тома, посвященного развитию художественного творчества евреев за пределами традиционной сферы искусства – обслуживания религиозной и бытовой традиций. Главный вопрос, проходящий красной нитью через все публикации данного тома – то, каким образом еврейские художники выражали национальную идентичность в своем творчестве, в идеях и эстетических платформах разных художественных объединений.

Материалы тома состоят из нескольких рубрик. В первую и наиболее масштабную из них – *Modernitas* – вошли тексты о художественном языке еврейского искусства и персоналиях. Материал В. Сусак об украинско-еврейских параллелях в поисках своих «национальных стилей», а также статья И. Земцовой о духовном багаже еврейских художников и связи их творчества со словом и духом еврейских текстов посвящены историко-культурным и стилистическим проблемам и кодам еврейского искусства.

Вышеупомянутые публикации задают общие координаты восприятия и интерпретации творчества мастеров XX в., преимущественно модернистов, анализ творчества которых осуществлен в последующих статьях раздела. Среди основных его тем – творчество Эля Лисицкого (Л. Кацис), Марка Эпштейна (С. Папета), Артура Кольника (В. Градинскайте), Йоахима Вайнгарта (Е. Малиновский), Генрика Стренга (Б. Пинчевская), Эрно Эрба (Г. Глембоцкая), Зиновия Толкачева (Г. Скляренко), М. Бланка (В. Немцова) и Б. Ньюмана (О. Коваль), а также деятельность собирателя и вдохновителя «одесских парижан» – «Общества независимых художников» Якова Перемена (Л. Войскун).

Проблема связи поколений еврейских художников экстраполируется через анализ творчества современных мастеров. Еврейское искусство наших дней представлено в разделе *Varia* исследованиями творчества современных киевских еврейских художников Зои Лерман, Любови Рапопорт и Матвея Вайсберга (О. Петрова) и молодых концептуалистов из Черкасс – группы «G-D» во главе с Александром Дувинским (О. Гладун, О. Пушонкова), в работах которых, за исключением, пожалуй, Вайсберга, связь между еврейским духом и творчеством сложна и неочевидна. На этом фоне своими мотивами «этнической ностальгии» ярко выделяется ряд еврейских художников-эмигрантов, жизнь и творчество которых рассмотрено в обзорных статьях и интервью. Это – Михаил Гасиловский (З. Зарецкая), Михаил Глейзер (С. Папета) и Антон Скорубский-Кандинский (Е. Котляр), которые четко позиционируют свое творчество как арт-иудаику. Завершает блок публикация об опыте виртуальной музеефикации еврейского наследия в сети Интернет, который сегодня является наиболее масштабным и легкодоступным ресурсом для исследователей (А. Сусак).

Впервые в структуре «Сходознавчих студій» появилась рубрика *Annales*, с хроникой творческих проектов, выставок и международных научных конференций по иудаике с 2008 по 2011 гг. Здесь рассмотрены итоги работы секций

по еврейскому искусству на Всемирном (WCJS, http://www.wcjs.org/) и Европейском (EAJS, http://eurojewishstudies.org/) конгрессах иудаики, сделаны обзоры Первого конгресса по еврейскому искусству в Польше, конференций по еврейским экспозициям в музеях Украины, во Львове, в Познани – о проблеме этнической идентичности в современном искусстве, в Иерусалиме – об историческом опыте, механизмах и перспективе взаимодействия украинской и еврейской культур (проект «Украино-еврейская встреча»). В выставочных обозрениях ретроспектируются выставки еврейского искусства Международного благотворительного фонда «Фонд Александра Фельдмана» (Харьков), художников Марка Эпштейна и Александра Дувинского; презентуется образовательно-творческий проект «Нешама: через искусство к сердцу» – экспедиция художников по бывшей черте еврейской оседлости, а также анонсируется последующая выставка работ «Еврейская Атлантида»[7].

Завершает второй том «Сходознавчих студій» обзор специализированных научных журналов по еврейскому искусству: таких, как «Ars Judaica», «Images», тематических выпусков по арт-иудаике журнала «Антиквар», а также рецензии и обозрения новых изданий по еврейскому историко-культурному наследию, искусству, творчеству отдельных художников.

Материалы изданий и, в особенности, второго тома с его хроникой событий и презентацией изданий в сфере арт-иудаики, демонстрируют серьезные масштабы развития этой области в Украине и за ее пределами, ее широкую интеграцию в художественную жизнь украинского общества. Учитывая притягательность еврейского историко-культурного наследия Украины для ближнего и дальнего зарубежья, дальнейшее развитие этого направления, в т.ч., и в научном пространстве, позволит, как полагают его составители, консолидировать сотрудничество с международным сообществом. Ведущие специалисты из Украины, России, Литвы, Польши, Израиля, США и Канады, чьи труды опубликованы в рецензируемом издании, совместными усилиями выводят еврейское искусство на достойное место в научной и художественной сфере, дают перспективу дальнейшего развития. Одновременно авторы публикаций, представленных в сборниках, поднимают и некоторые дискуссионные вопросы еврейского искусства в междисциплинарном и культурном контекстах; затронуты важные проблемы историографии, сохранения и реконструкции явлений и артефактов, что, безусловно, нуждается в дополнительных специализированных исследованиях. Следует также указать на то, что тематика опубликованных статей и материалов, за единичными исключениями, связана с изучением искусства евреев-ашкеназов.

[7] См. каталог выставки: «Еврейская Атлантида». Мир штетла в произведениях харьковских художников. Выставка творческих работ по итогам проекта «Нешама: через искусство к сердцу». Каталог / Авт.-сост. Е.А. Котляр. Харьков: Центр Востоковедения Харьковской государственной академии дизайна и искусств, 2012.

В то же самое время актуальными сферами в Украине являются также исследования традиционного искусства и крымских караимов, и крымчаков, причем именно с позиций репрезентации их самобытности и идентичности, что в академической науке пока разработано недостаточно полно.

Таким образом, рассмотренные спецвыпуски «Сходознавчих студій» призваны продемонстрировать в украинском академическом искусствознании область еврейского искусства как сложившуюся и многоплановую сферу художественного и научного творчества. Издание заполняет до недавнего времени пустовавшую нишу и создает базу для последующих исследований. Проблематика изучения арт-иудаики, специфика Украины как одного из крупнейших в мире центров еврейского культурного наследия, международный резонанс этой темы позволяют надеяться, что перспективы исследований в указанном направлении уже в ближайшее время могут дать интересные открытия в этой области. Можно также выразить надежду, что опыт данных изданий не будет единичным, и традиция спецвыпусков по еврейскому искусству будет продолжена; возможно, рецензируемый двухтомник «Сходознавчих студій» в будущем станет основой для создания специального искусствоведческого журнала.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	–	Античная древность и средние века
АДУ	–	Археологічні дослідження в Україні
АО	–	Археологические открытия.
АСГЭ	–	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИ	–	Боспорские исследования
БИКЗ	–	Бахчисарайский историко-культурный заповедник
ВВ	–	Византийский временник
ВДИ	–	Вестник древней истории
ГААРК	–	Государственный архив в Автономной Республике Крым (Симферополь)
ГАИМК	–	Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	–	Государственный Исторический музей (Москва)
ГЭ	–	Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
ЖМНП	–	Журнал Министерства народного просвещения
ЗАН	–	Записки Императорской Академии Наук
ЗИРАО	–	Записки Императорского русского археологического общества
ЗНОИРАО	–	Записки нумизматического отделения Императорского русского археологического общества
ЗООИД	–	Записки Одесского общества истории и древностей
ЗПАНО	–	Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества
ЗРАО	–	Записки Русского археологического общества
ИАК	–	Известия Императорской Археологической комиссии
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук
ИГАИМК	–	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИМК	–	Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТОИАЭ	–	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК	–	Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КС ОГУ и ОГАМ	–	Краткие сообщения Одесского Государственного университета и Одесского Государственного археологического музея
МАИЭТ	–	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАПП	–	Матеріали з археології Північного Причорномор'я
МАР	–	Материалы по археологии России
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА РАН	–	Научный архив Института археологии Российской академии наук
НА ИИМК РАН	–	Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук
НА КГИКЗ	–	Научный архив Керченского государственного историко-культурного заповедника
НА НЗХТ	–	Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь)
НиС	–	Нумизматика и сфрагистика
НС	–	Нумизматический сборник
НЭ	–	Нумизматика и эпиграфика
ОАК	–	Отчеты Археологической комиссии
ПИФК	–	Проблемы истории, филологии и культуры
РА	–	Российская археология
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СГАИМК	–	Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ	–	Сообщения Государственного Эрмитажа
ТГЭ	–	Труды Государственного Эрмитажа
ХСб.	–	Херсонесский сборник
ABSA	–	Annual of British School at Athens
AForsch.	–	Archäologische Forschungen
BAR	–	British Archaeological Reports
BASOR	–	Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BCH	–	Bulletin de correspondance hellénique
CahArch	–	Cahier Archéologique
CorsiRav	–	Corsi di Cultura sull' Arte Ravennate e Byzantina
CSHB	–	Corpus Scriptorum Hiatoriae Byzantinae
DOP	–	Dumbarton Oaks Papers
IPE I2	–	Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / Ed. B. Latishev. Vol. I. Petropoli, 1916
JÖB	–	Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
JRA	–	Journal of Roman Archaeology
Notscav	–	Notizie degli scavi di antichità
REB	–	Revue des Études Byzantines
SC	–	Scythica et Caucasica. Ed. B.Latyschev. Vol. I-II. SPb., 1900-1906
SBS	–	Studies in Byzantine Sigillography

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Самойленко В.Г. Консервационно-реставрационные работы 1900 г. на склепах №№1013 и 1014 в Юго-Восточном районе Херсонеса 3

Бухвальд Г., Завадская И. Ранние христианские базилики в Крыму и их числовые пропорции 14

Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, XA и X-Б) 49

Моисеев Д.А. Ранневизантийская черепица из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе 162

Хайрединова Э.А. Бронзовые серьги с полым многогранником из могильника у с. Лучистое 187

Радочин В.Ю. Антропологические материалы из раскопок раннесредневековой Керчи 217

Айбабин А.И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата 277

Майко В.В. Изделия из кости и рога византийской Сугдеи X-XII вв. 316

Душенко А.А. Костяные дисковидные пуговицы с концентрическим орнаментом из раскопок Мангупа 333

НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА

Сидоренко В.А. Тетрассарии Херсонеса времени «священного мира» 353

Алексеенко Н.А. Печать аристократа Иоанна Комнина с Южного берега Крыма: новые данные к сфрагистической карте 405

ИСТОРИЯ

Зинько А.В. Восточная Таврика в эпоху Великого переселения народов 415

Сейдалиев Э.И. К вопросу о заимствованиях городской и кочевой культур Восточной Европы в области военного дела X-XIII вв. 437

Маврина О.С. Дело рода Сиджеут в фонде Таврического Дворянского Депутатского Собрания 444

Храпунов Н.И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена 456

Прохорова Т.А. Карл Кох о Юго-Западном Крыме: к вопросу об изучении полуострова во второй четверти XIX в. 474

Близняков Р.А. Новороссийский край в Отечественной войне 1812 года (на примере Таврической губернии) 515

Зинько Е.А. Из истории изучения ранневизантийских склепов Боспора 523

Прохоров Д.А. История караимской общины Крыма в персоналиях: ученый, садовод и благотворитель А. И. Пастак 541

Прохорова А.В. Благотворительная деятельность представительниц караимских общин Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. 582

РЕЦЕНЗИИ

Степаненко В.П. Рец. на кн.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV-XV вв.) / Сост., рус. пер., введ. и примеч. Т. Э. Саргсян. – Симферополь: СОНАТ, 2010. 592

Прохоров Д.А. Еврейское искусство и украинский контекст: издание Центра востоковедения Харьковской государственной академии дизайна и искусств 596

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 602

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Samoilenko V.G. Conservation and Restoration Works in 1900 in Vaults №1013 and №1014 in the South-Eastern District of Chersonesos 3

Buchwald H., Zavadskaya I. Early Christian Basilicas in Crimea and their Numeric Proportions 14

Golofast L.A., Ryzhov S.G. Northern District of Chersonesos in Early Byzantine Period (Blocks X, X-A and X-Б) 49

Moiseev D.A. Early Byzantine Roof Tile from Excavations of Cistern in Central Nave of the «Kruse`s» Basilica in Chersonesos 162

Khairedinova E.A. Bronze Earrings with a Hollow Polyhedron from the Cemetery of Luchistoye Village 187

Radochin V.Yu. Anthropological Materials from the Excavations of Early Medieval Kerch 217

Aibabin A.I. Archaeological Heritage of the Khazars of the Period of Creation of Khaganate 277

Maiko V.V. Wares from Bone and Horn Wares from Byzantine Sogdaia in the 10th-12th centuries 316

Dushenko A.A. Discoid Bone Buttons from the Excavation of Mangup 333

NUMISMATIC AND SIGILLOGRAPHY

Sidorenko V.A. Chersonesos Tetrassaries Dating to “Sacred Peace” 353

Alekseenko N.A. Seal of Aristocrat John Komnenos from the Southern Coast of Crimea: New Data to Map of Crimea’s Sigillography 405

HISTORY

Zin’ko A.V. Eastern Taurica in the Epoch of the Great Migration of Peoples 415

Sejdaliev E.I. On the Problem of Borrowings of Urban and Nomadic Cultures of Eastern Europe in the Sphere of Military Affairs in the 10th – 13th centuries 437

Mavrina O.S. The Case of Sidgeut Family in the Funds of Taurida Deputy Assembly of Nobility 437

Khrapunov N.I. The Crimean Peninsula after the Russian Annexation According to the Book by Pierce Balthasar von Campenhausen 456

Prokhorova T.A. Charles Koch on the South-Western Crimea: on the Problem of Studying the Crimean Peninsula in the Second Quarter of the 19th Century 474

Bliznayakov R. A. Novorossiysky Territory in the Great Patriotic War of 1812 (on the example of Tauric Province) 515

Zin'ko E.A. On the History of Studying Early Byzantine Vaults of Bosporus 523

Prokhorov D.A. The History of Karaite Community of the Crimea in Personals: Scientist, Horticulturist and Philanthropist A. I. Pastak 541

Prokhorova A.V. Philanthropic Activities of Representatives of Karaite Communities of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries 582

REVIEWS

Stepanenko V.P. Book review: Code of Armenian memorable records relating to Crimea and neighbouring regions (the 14th – 15th centuries) / Compiling, Russian translation, introduction and annotation T. E. Sargsyan. – Simferopol: SONAT, 2010. – 312 p. 592

Prokhorov D.A. Jewish Art and Ukrainian Context: publication of the centre of Oriental Studies of Kharkov State Academy of Design and Arts 596

LIST OF ABBREVIATIONS 602

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ТАВРИИ

Вып. XVIII

Сборник

Ответственные редакторы
д.и.н. А.И. Айбабин
д.и.н. В.Н. Зинько

Техническая редакция и набор *С.И. Власовой*
Перевод на английский язык *Н.И. Радочиной*
Верстка *Л.К. Мусихиной*
Корректура *В.Н. Солина*

Наукове видання

МАТЕРІАЛИ З АРХЕОЛОГІЇ, ІСТОРІЇ І ЭТНОГРАФІЇ ТАВРІЇ

Вип. XVIII

Збірка
(російською мовою)

Відповідальний редактор
д.і.н. *О.І. Айбабін*
д.і.н. *В.М. Зінько*

Формат 70х100 $^{1}/_{16}$. Умов. друк. арк. 49,4.
Тираж 300. Замовлення 96.
СПД ФО Озарків А.М.
вул. Борзенко, 2, кв. 20, м. Керч, АР Крим, 98302
свідоцтво суб'єкта видавничої справи КМ № 44 від 27.02.2008 р.

ТОВ «Керченська міська друкарня»
вул. Кірова, 13, м. Керч, АР Крим, 98300
свідоцтво держ. реєстрації виготовлювача
КМ № 002 від 05.05.2000 р.